

СТИВЕН КИНГ

ТЕМНАЯ
БАШНЯ

Темная Башня

Annotation

Наступают ПОСЛЕДНИЕ ДНИ странствия Роланда Дискейна и его друзей.

Темная Башня — все ближе...

Но теперь последним из стрелков угрожает новая опасность.

Дитя-демон Мордред, которому силы Тьмы предрекли жребий убийцы Роланда, вырос — и готов исполнить свою миссию.

Все сущее служит Лучу?

Все сущее служит Алому Королю?

Ответ на этот вопрос — в последней книге легендарного сериала «Темная башня»!

- [Стивен Кинг](#)
 - [Часть 1. МАЛЕНЬКИЙ КРАСНЫЙ КОРОЛЬ. ДАН-ТЕТЕ](#)
 - [Глава 1. Каллагэн и вампиры](#)
 - [Глава 2. На волне](#)
 - [Глава 3. Телефонный звонок Эдди](#)
 - [Глава 4. Дан-тете](#)
 - [Глава 5. В джунглях, громадных джунглях](#)
 - [Глава 6. На Тэтлбек-лейн](#)
 - [Глава 7. Воссоединение](#)
 - [Часть 2. СИНИЕ НЕБЕСА. ДЕВАР-ТОИ](#)
 - [Глава 1. Девар-тете](#)
 - [Глава 2. Наблюдатель](#)
 - [Глава 3. Сверкающая струна](#)
 - [Глава 4. Дверь в Тандерклеп](#)
 - [Глава 5. Стик-тете](#)
 - [Глава 6. Ректор «Синих небес»](#)
 - [Глава 7. Ка-шуме](#)
 - [Глава 8. Записки из пряничного домика](#)
 - [Глава 9. Следы на тропе](#)
 - [Глава 10. Последний разговор \(Сон Шими\)](#)
 - [Глава 11. Атака на Алгул Съенто](#)
 - [Глава 12. Тет распадается](#)
 - [Часть 3. В ЭТОМ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТОМ МАРЕВЕ. ВЕС'-КА ГАН](#)
 - [Глава 1. Миссис Тассенбаум едет на юг](#)

- [Глава 2. Вес'-Ка Ган](#)
- [Глава 3. Снова Нью-Йорк \(Роланд показывает удостоверение личности\)](#)
- [Глава 4. Федик \(Два взгляда\)](#)
- [Часть 4. БЕЛЫЕ ЗЕМЛИ ЭМПАТИКИ. ДАНДЕЛО](#)
 - [Глава 1. Тварь под замком](#)
 - [Глава 2. На Бэдлендс-Авеню](#)
 - [Глава 3. Замок Алого Короля](#)
 - [Глава 4. Шкуры](#)
 - [Глава 5. Джо Коллинз с Одд'с-лейн](#)
 - [Глава 6. Патрик Дэнвилл](#)
- [Часть 5. АЛОЕ ПОЛЕ КАН'-КА НОУ РЕЙ](#)
 - [Глава 1. Болячка и дверь \(Прощай, моя милая\)](#)
 - [Глава 2. Мордред](#)
 - [Глава 3. Алый Король и Темная Башня](#)
- [Сюзанна в Нью-Йорке \(Эпилог\)](#)
- [НАЙДЕННАЯ \(КОДА\)](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)

- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)

- [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
-

Стивен Кинг

Темная Башня

*Кто говорит, не слушая — глух.
А потому, Постоянный Читатель, эта последняя
книга цикла «Темная башня», посвящается вам.*

Долгих дней и приятных ночей

*«Не видел? Темнота вокруг?
Нет, день Вчерашний снова здесь!
Пылает твердь,
Холмы взирают сверху — круговерть
Багряных туч не дарит больше сень -
С их лиц суровых уползает тень.
Они мою хотят запомнить смерть.
Не слышал? Но заполнил воздух звук!
Зовет в ушах, как колокольный звон.
И тысячи забытых мной имен
Бросаются ко мне. Движенья рук
И глаз, и шепот: «Мы с тобою, друг!»
Нахлынули огнем со всех сторон».*

*Роберт Браунинг. «Чайлд Роланд к Темной
башне пришел»*

*Воспроизведение
Откровение
Искушение
Возобновление*

**Часть 1. МАЛЕНЬКИЙ КРАСНЫЙ
КОРОЛЬ. ДАН-ТЕТЕ**

Глава 1. Каллагэн и вампиры

1

Преподобный Дон Каллагэн когда-то был католическим священником в городке Салемс-Лот, более не отмеченном ни на одной карте. Его это особо не волновало. Такие понятия, как реальность, потеряли для него привычное всем значение.

И теперь бывший священник держал в руке языческий амулет, черепашку, вырезанную из слоновой кости. Со сколом на носу и царапиной, похожей на вопросительный знак, на панцире, но все равно прекрасную.

Прекрасную и могущественную. Он чувствовал идущие от нее энергетические импульсы.

Какая прелесть, — выдохнул он. — Это Черепаха Матурин? Она, не так ли?

Мальчика звали Джейк Чеймберз, и ему пришлось пройти долгий путь, чтобы вернуться практически в исходную точку, сюда, на Манхэттен.

Не знаю, — ответил он. — Она называет ее scoldpadda,^[1] и черепашка, возможно, нам поможет, но ей не убить охотников, которые ждут нас там, — и мотнул головой в сторону «Дикси-Пиг», гадая, подразумевал ли Сюзанну или Миа, когда использовал местоимение она. Раньше сказал бы, что это не имеет никакого значения, очень уж тесно переплелись обе эти женщины. Теперь полагал, что разница есть, или скоро проявится.

Ты будешь? — спросил Джейк отца Каллагэна, подразумевая: «Ты будешь стоять насмерть? Сражаться? Убивать?»

Да, — спокойно ответил тот, убрал черепашку, вырезанную из слоновой кости, с мудрыми глазами и поцарапанным панцирем, в нагрудный карман, где лежали запасные патроны к пистолету, заткнутому за пояс, похлопал по карману, чтобы убедиться, что изящная вещица попала в положенное ей место. — Я буду стрелять, пока не закончатся патроны, а если они закончатся до того, как меня убьют, буду дубасить их... рукояткой пистолета.

Запинку, очень короткую, Джейк и не заметил. Но, пока отец Каллагэн молчал, с ним говорила Белизна. Сила, знакомая ему с давних пор, возможно, с детства, пусть были в его жизни несколько лет, когда вера дала слабину, когда понимание этой первородной силы ушло в тень, а потом

исчезло вовсе. Но те дни канули в лету, Белизна вновь пребывала с ним, и он говорил Господу, спасибо Тебе.

Джейк кивал, что-то отвечая, что именно, Каллагэн не разобрал. Впрочем, сказанное Джейком он мог пропустить мимо ушей. В отличие от слов, произнесенных другим голосом, голосом чего-то

(Гана)

слишком великого, чтобы называть его Богом.

«Мальчик должен пройти, — сказал ему голос. — Чтобы тут ни случилось, какой бы оборот ни приняли события, мальчик должен идти дальше. Твоя роль в этой истории практически завершена. Его — нет».

Они миновали хромированный стенд с надписью «ЗАКРЫТО НА ЧАСТНУЮ ВЕЧЕРИНКУ». Ыш, ближайший друг Джейка, трусил между ними, подняв голову, демонстрируя зубастую улыбку. У самых дверей Джейк сунул руку в плетеную сумку, которую Сюзанна-Мио прихватила из Кальи Брин Стерджис, и достал две тарелки — рисы. Стукнул друг о друга, кивнул, услышав глухой звук, повернулся к отцу Каллагэну: «Давай поглядим, что есть у тебя».

Каллагэн вытащил «ругер», который проделал с Джейком весь долгий путь, начавшийся в Калья Нью-Йорк, и теперь вернулся в этот город; жизнь — колесо, и мы все говорим, спасибо тебе. Вскинул его, как дуэлянт, стволом к правой щеке. Коснулся нагрудного кармана, оттопыренного, с патронами и черепашкой.

Джейк кивнул.

— Как только войдем, остаемся рядом. Всегда рядом. С Ышем посередине. Входим на счет три. И начав, не останавливаемся. Ни на мгновение.

— Ни на мгновение.

— Точно. Ты готов?

— Да. И пребудет любовь Божия с тобой, мальчик.

— И с тобой тоже, отец. Раз... два... три.

Джейк открыл дверь, и они вошли в сумрачный свет и сладкий, дразнящий запах жарящегося мяса.

Джейк шел навстречу, в этом он несколько не сомневался, своей смерти, помня две истины, которыми с ним поделился Роланд Дискейн, его настоящий отец. Одна: «Пятиминутные битвы рождают легенды, живущие

тысячелетия». Вторая: «Тебе нет нужды умирать счастливым, когда придет твой день, но ты должен умереть со спокойной совестью, зная, что прожил жизнь от начала и до конца, и всегда служил ка».

Джейк взирал на обеденный зал «Дикси-Пиг» со спокойной совестью.

3

И с кристальной ясностью. Его восприятие окружающего мира до того обострилось, что он ощущал запах не только жарящегося мяса, но и розмарина, который в него втерли; слышал не только свое спокойное дыхание, но и шепот крови, поднимающейся по шее к мозгу, а потом сбегаящей к сердцу.

Он также помнил слова Роланда о том, что даже самая короткая битва, от первого выстрела до падения последнего тела, кажется долгой для ее участников. Время обретает эластичность; растягивается до невообразимости. Джейк тогда кивал, будто ему все ясно, хотя не очень-то понимал, о чем речь.

Теперь понял.

Первой мелькнула мысль: их много... слишком, чересчур много. По первым прикидкам, под сотню, в большинстве те, кого отец Каллагэн называл «низкими людьми» (речь шла не только о мужчинах, но и женщинах, принципиального отличия Джейк тут не видел). Среди них встречались другие, статью пожиже, некоторые совсем, как тростиночки, с землистым цветом лица, окруженные размытой синей аурой, не иначе, вампиры.

Бш держался рядом с Джейком, маленькая лисья мордочка напряглась, он тихонько поскуливал.

Пахло, конечно, жарящимся мясом, но не свининой.

4

«В любой момент, пока будет такая возможность, между нами должно быть десять футов, отец», — так наставлял его Джейк на тротуаре у «Дикси-Пиг», поэтому, когда они приближались к стойке метрдотеля, Каллагэн сдвинулся вправо, на положенное расстояние.

Джейк также велел ему кричать во весь голос, как можно громче и дольше, и Каллагэн уже открыл рот, чтобы выполнить и этот приказ, когда

вновь услышал голос Белизны, который произнес одно только слово, но больше и не требовалось.

«Scoldpadda».

Каллагэн по-прежнему держал «ругер» у правой щеки. Теперь его левая рука нырнула в нагрудный карман. И хотя взгляду преподобного не доставало той предельной четкости, с какой воспринимал происходящее его юный спутник, Каллагэн тоже видел предостаточно: оранжево-алые электрические факелы по стенам, свечи на каждом столе в стеклянных сосудах цвета хэллоуинских тыкв, накрахмаленные салфетки. Левую стену обеденного зала украшал гобелен: рыцари и их дамы пировали за длинным столом. А царящая в зале атмосфера свидетельствовала о том, что гости «Дикси-Пиг» (Каллагэн, конечно, не мог знать истинной причины, не мог сказать, какие именно факторы привели их в такое состояние) приходили в себя после некоего волнительного события, скажем, маленького пожара на кухне или автомобильной аварии на улице.

«Или рождения ребенка, — подумал Каллагэн, когда его пальцы сомкнулись на черепашке. — Всегда полезно сделать паузу между закуской и основным блюдом».

— А вот идут ка-маи^[2] Гилеада! — прокричал взволнованный, нервный голос. Не человеческий, Каллагэн в этом, можно сказать, не сомневался. Слишком уж скрипучий, чтобы быть человеческим. И в дальнем конце комнаты разглядел чудище, эдакого гибрида птицы и человека, в прямых джинсах и простой белой рубашке, над воротником которой торчала голова в темно-желтых перышках. А блестящие глазки напоминали капли расплавленного гудрона.

— Взять их! — приказала эта отвратительно-нелепая тварь и отбросила салфетку. Под ней оказалось оружие. По предположению Каллагэна, из арсенала армий будущего, вроде того, что можно увидеть в сериях «Стар Трека». Как оно называлось? Лучевики? Глушаки?

Какая разница. Эти игрушки не шли ни в какое сравнение с оружием Каллагэна, и ему хотелось, чтобы все увидели, что он может противопоставить птицетвари. Вот он и смахнул с ближайшего стола приборы, тарелки, сосуд со свечей, жестом фокусника сдернул скатерть. Недоставало только в столь критический момент зацепиться ногой за полотно и упасть. А затем с легкостью, неделей раньше не поверил бы, что такое возможно, вскочил сначала на один из стульев, потом на стол. И тут же вскинул над головой руку с черепашкой, держа ее за нижнюю, плоскую часть панциря, чтобы все присутствующие могли хорошенько ее разглядеть.

«Пожалуй, я мог бы им еще и спеть, — подумал он. — Может, „Лунный свет тебе к лицу“ или „Я оставил сердце в Сан-Франциско“».

С того момента, как они переступили порог «Дикси-Пиг», прошло ровно тридцать четыре секунды.

Учителя средней школы, часто общающиеся с большими группами учеников, в классах или на собраниях, скажут вам, что от подростков, даже если они только-только из душа и одеты во все чистое, так и разит гормонами, которые активно вырабатывают их тела. Аналогичный запах идет и от любой группы людей, пребывающих в состоянии нервного напряжения, и Джейк, со своей обострившейся до предела восприимчивостью, его уловил. Когда они проходили мимо стойки метрдотеля (Центральную вымогательскую по терминологии отца Джейка), запах этот, идущий от гостей «Дикси-Пиг», едва чувствовался, то есть пик напряженности для них миновал, и выброс гормонов сходил на нет. Но едва птицетварь подал голос из своего угла, сидевшие за столиками «заблагоухали» этой вонью. В ней чувствовался металлический привкус, прямо таки, как у крови, и этого хватило, чтобы Джейк подобрался, изготовившись к бою. Да, он видел, что Птичка Твити^[3] сбросил салфетку со стола. Да, заметил спрятанное под ней оружие. Да, понял, что стоящий на столе Каллагэн представлял собой легкую цель. Но вышеперечисленное тревожило Джейка куда меньше, чем мобилизующая сила рта Птички Твити. Джейк уже отводил назад правую руку, чтобы бросить первую из девятнадцати тарелок и ампутировать голову вместе со ртом, когда Каллагэн поднял черепашку.

«Не сработает, здесь не сработает», — подумал Джейк, но даже до того, как успел полностью сформулировать эту мысль, ему стало ясно: черепашка действует и на эту компанию. Он знал это по идущему от них запаху, который быстро очищался от агрессивности. И те, кто успел подняться из-за столов, «низкие люди» с запыхавшимися алым дырами во лбу, вампиры, с разгорающимися синими аурами, вновь сели на стулья, чего там, плюхнулись, словно внезапно потеряли контроль над мышцами.

— Взять их, это те, о ком Сейр... — Твити смолк. Его левая рука, возможно, у кого-то и повернулся бы язык назвать таковой отвратительную птичью лапу с когтями, коснулась рукоятки оружия будущего и упала, повисла, как плеть. Глаза разом потускнели. — Это те, кого Сейр... С-с-

сейр... — вновь пауза. А потом вопрос. — О, сэй, эта прекрасная вещица, которую вы держите в руке, что это?

— Ты знаешь, что это, — ответил Каллагэн. Джейк не останавливался, и Каллагэн, помня, что сказал ему на подходе к «Дикси-Пиг» юный стрелок («Постарайся, чтобы всякий раз, посмотрев направо, я видел твое лицо»), спрыгнул со стола, чтобы оставаться вровень с мальчиком, по-прежнему держа черепашку над головой. Он буквально ощущал тишину, повисшую в обеденном зале, но...

Был и другой зал. Оттуда доносился грубый смех и хриплые выкрики: там гости продолжали веселиться, совсем рядом, слева от них, за гобеленом, на котором пировали рыцари со своими дамами. «Что-то там происходит, подумал Каллагэн. — И уж точно не вечер покера у „Лосей“.^[4]

Он слышал, тихое, учащенное дыхание Ыша, вырывающееся сквозь его вечную улыбку. Идеальный маленький двигатель, вот что напомнили Каллагэну эти звуки. На них накладывались другие, резкие постукивания и щелчки, идущие снизу. Они заставили Каллагэна стиснуть зубы, его пробил холодный пот. Что-то пряталось под столами.

Ыш увидел приближающихся насекомых и застыл, как охотничья собака, подняв одну лапу, вытянув вперед морду. В эти мгновения двигалась только темная, бархатистая кожа над верхней губой, оттягивала ее назад, обнажая острые, как бритва, зубы, расслаблялась, и губа скрывала их, снова оттягивала.

Жуки наступали. Кем бы они ни были, Черепаха Матурин, которую отец Каллагэн держал высоко над головой, ничего для них не значила. Толстяк в смокинге с лацканами из шотландки, заговорил, повернувшись к птицетвари, чуть ли не с вопросительными интонациями: «Они не должны пройти дальше этого зала, Маймен, и не должны покинуть его. Нам велено...»

Ыш прыгнул вперед, рычание рвалось сквозь сжатые зубы. Такого за Ышем не водилось, Каллагэну это рычание напомнило речевую вставку в комиксах: «Ар-р-р-р!»

— Нет! — в тревоге крикнул Джейк. — Нет, Ыш.

Голос мальчика резко оборвал смех и крики за гобеленом, словно гуляющая там компания вдруг поняла, что в обеденном зале происходят какие-то перемены.

Ыш не обратил ни малейшего внимания на команду Джейка. Его зубы одного за другим ухватывали жуков, и в повисшей тишине раздавался хруст хитинового панциря. Он разгрыз троих, не пытаясь их съесть, отбрасывал в сторону трупы, каждый размером с мышь, резко мотая

головой и разжимая в улыбке челюсти.

Оставшиеся жуки ретировались под столы.

«Он же создан для этого, — подумал Каллагэн. Возможно, когда-то, давным-давно, именно в этом и состояло предназначение ушастиков-путаников. Точно так же, как одну из разновидностей терьеров вывели...

Мысли эти оборвал хриплый крик, донесшийся из-за гобелена.

— Челы! — один голос. И тут же — второй: «Ка — челы!»

У Каллагэна вдруг возникло абсурдное желание гаркнуть в ответ: «Gesundheit!^[5]»

Но прежде чем он успел крикнуть или сделать что-то еще, голову заполнил голос Роланда.

— Джейк, иди.

Мальчик в недоумении повернулся к отцу Каллагэну. Он и так шел, скрестив руки, готовый метнуть рису в первого же сдвинувшегося с места «низкого» мужчину или женщину. Ыш успел вернуться к нему и теперь крутил головой из стороны в сторону, его глаза ярко сверкали надеждой на новую добычу.

— Мы пойдем вместе, — ответил Джейк. — Они выведены из игры, отец! И мы уже близко! Ее провели через... эту комнату... а потом через кухню...

Каллагэн не отреагировал. Все также держа черепашку высоко над головой, как фонарь в пещере, он повернулся к гобелену. Тишина за ним вызывала куда больший ужас, чем крики и неудержимый, захлебывающийся хохот. Тишина эта казалась заостренным копьем, направленным прямо в сердце. И мальчик остановился.

— Иди, пока можешь, — Каллагэн старался сохранять спокойствие. — Найди ее, если получится. Это приказ твоего дяди. Такова и воля Белизны.

— Но ты не сможешь...

— Иди, Джейк!

«Низкие» мужчины и женщины, собравшиеся в «Дикси-Пиг», пусть и замороженные черепашкой, зашептались при этом крике, и, основания на то у них были, потому что говорил Каллагэн не своим голосом.

— У тебя только один шанс и ты должен его использовать! Найди ее! Как твой дядя, я приказываю тебе!

Глаза Джейка широко раскрылись, никак он не мог ожидать услышать голос Роланда, срывающийся с губ Каллагэна. От неожиданности у него отвисла челюсть. Он огляделся, ничего не понимая.

За секунду до того, как гобелен на левой от них стене рывком отбросили в сторону, Каллагэн уловил черный юмор его создателей,

который мог бы упустить менее внимательный зритель: главным блюдом пира было поджаренное человеческое тело, а не тушка телянка или оленя; рыцари и их дамы ели человеческое мясо и пили человеческую кровь. На гобелене изобразили людоедское причастие.

А потом древние, которые ужинали своей компанией, отбросили богохульный гобелен и вывалились в обеденный зал, крича сквозь клыки, торчащие из их навеки раскрытых, деформированных ртов. Их глаза были черны, как слепота, лбы, щеки, даже тыльные стороны ладоней бугрились торчащими во все стороны зубами. Как и вампиров в обеденном зале, каждого из них окружала аура, только ядовито-фиолетовая, чуть ли не черная. Похожая на гной жижа сочилась из уголков глаз и рта. Они что-то бормотали себе под нос, некоторые смеялись, казалось, эти звуки они не исторгали из себя, а выхватывали из воздуха, как какую-то живность.

И Каллагэн знал, кто они. Конечно же, знал. Разве не отправил его в долгое путешествие один из им подобных? Он видел перед собой истинных вампиров, первого типа, присутствие которых хранилось в тайне, пока не пришла пора натравить их на незваных гостей.

Черепашка не могла ни остановить их, ни даже замедлить.

Каллагэн видел, как Джейк тарашится на них, его глаза, в которых застыл ужас, едва не вылезли из орбит, от одного вида этих выродков он позабыл обо всем на свете.

Не зная, какие слова вырвутся из его рта, пока не услышал их, Каллагэн закричал: «Они убьют Ыша первым! Убьют у тебя на глазах, а потом выпьют его кровь!»

Ыш гавкнул, услышав свое имя. Взгляд Джейка прояснился, но у Каллагэна не осталось времени, чтобы и дальше проследить судьбу мальчика.

«Черепашка не может их остановить, но, по крайней мере, она держит под контролем остальных. Пули не остановят их, но...»

— Прочь от меня! — вскричал он. — Божья власть повелевает вам! Власть Христова повелевает вам! Ка Срединного мира повелевает вам! Власть Белизны повелевает вам!

Один из них, тем не менее, рванулся вперед, деформированный скелет в древней, побитой молью обеденной паре. У него на шее болтался какой-то старинный орден... возможно, Мальтийский крест? Одной рукой, с

длинными ногтями, попытался схватить крест, который Каллагэн выставил перед собой. В последний момент отдернул руку, и вампирская клешня разминулась с крестом разве что на дюйм. Каллагэн же, не раздумывая, подался вперед и вогнал верхний торец креста в желто-пергаментный лоб вампира. Золотой крест вошел в него, как раскаленный вертел — в масло. Тварь в обеденной паре вскрикнула от боли и подалась назад. Каллагэн отдернул крест. На мгновение, до того, как древний монстр поднял костлявые руки ко лбу, Каллагэн увидел рану, оставленную крестом. А потом сквозь пальцы поползла творожистая желтая масса, колени вампира подогнулись, он рухнул на пол между двумя столиками. Лицо его, прикрытое подергивающимися руками, уже проваливалось внутрь. Аура исчезла, как пламя задутой свечи, и скоро от него осталась лишь лужа желтой, разжижавшейся плоти, которая вытекла из рукавов и брючин.

Каллагэн шагнул к остальным. Страх исчез. Тень стыда, окутывавшего его с того самого момента, как Барлоу отнял у него и разломал крест, развеялась.

«Наконец — то свободен, — подумал он. — Наконец — то свободен. Великий Боже, я наконец — то свободен, — а потом пришла новая мысль. — Я верю, вот оно, искупление грехов. И это хорошо, не так ли? Очень даже хорошо».

— Отбрось его! — прокричал один из них, прикрывая лицо руками. — Это же жалкая побрякушка овечьего Бога, отбрось ее, если посмеешь!

«Жалкая побрякушка овечьего Бога, говоришь? Тогда чего тебя так колбасит?»

С Барлоу он не решился ответить на этот вызов, и был за это жестоко наказан. Здесь, в «Дикси-Пиг» Каллагэн протянул крест к тому, кто подал голос.

— Мне нет нужды крепить свою веру, встречаясь с такой тварью, как ты, сэй, — его слова разнеслись по всему обеденному залу. Он практически загнал древних в арку, из которой они высыпали. На лицах и руках тех, кто стоял впереди, появились огромные черные вздутия, разъедающие древний пергамент их кожи, как кислота. — И я никогда, ни при каких обстоятельствах, не выброшу такого давнего друга. Но убрать? Почему нет, хоть сейчас, — и крест нырнул под рубашку.

Несколько вампиров тут же прыгнули на него, раззявленные клыками пасти кривились, словно в ухмылке. Каллагэн выставил руки перед собой. Пальцы (и ствол «ругера») светились, словно их окунули в синий огонь. Сверкали глаза черепахи. Сиял и ее панцирь.

— Прочь от меня! — воскликнул Каллагэн. — Божья власть и Белизна

повелевают вам!

Когда жуткий шаман повернулся к Праотцам, Маймен, тахин, почувствовал, что чары этой ужасной, этой восхитительной Черепахи чуть ослабели. Он увидел, что мальчишка ушел, и, конечно же, встревожился. Впрочем, мальчишка мог лишь пройти чуть дальше и по-прежнему находиться в «Дикси-Пиг», что не предвещало беды. А вот если он нашел дверь в Федик и воспользовался ею, тогда Маймен мог оказаться в чрезвычайно щекотливом положении. Ибо Сейр отчитывался только Уолтеру о'Диму, а Уолтер — лишь самому Алому Королю.

Неважно. Каждому овощу свое время. Сначала нужно разобраться с шаманом. Натравить на него Праотцов. Потом искать мальчишку, возможно, подманить его, крича, что он нужен его другу... да, это могло сработать...

Маймен (Человек-Кенарь для Миа, Птичка Твити для Джейка), двинулся вперед, схватил Эндрю, толстяка в смокинге с лацканами из шотландки, одной рукой и еще более толстую подругу Эндрю — другой. Указал на Каллагэна, стоящего к ним спиной.

Тирана яростно замотала головой. Маймен раскрыл клюв, что-то прошипел. Она отпрянула от тахина. Маска Тираны уже познакомилась с пальчиками Детты Уокер и теперь висела ключьями на челюсти и на шее. А во лбу пульсировала красная рана, сжималась и разжималась, словно жабры умирающей рыбы.

Маймен повернулся к Эндрю, отпустил его на несколько мгновений, чтобы вновь указать когтистой лапой, которая служила ему рукой на шамана, а потом красноречивым жестом провести по заросшей перышками шее. Эндрю кивнул, оторвал от себя пухлые ручищи жены, когда она попыталась его остановить. Человеческую маску сработали настолько хорошо, что она передала эмоции этого «низкого мужчины»: он собирался с духом. А собравшись, со сдавленным криком прыгнул вперед, обхватил шею Каллагэна не кистями, а толстыми предплечьями. Не отстала от Эндрю и его подруга, крича, что есть мочи, вышибла из руки Каллагэна черепашку из слоновой кости. Skoldpadda ударилась о красный ковер, отскочила под один из столиков, и с этого момента (как бумажный кораблик, некоторые наверняка помнят, о чем я) навсегда покидала эту историю.

Праотцы по-прежнему держались от Каллагэна подальше, как и вампиры третьего вида, обедавшие в зале, но «низкие» мужчины и женщины почувствовали слабость своего противника и надвинулись на него, сначала осторожно, потом со все большей решимостью. Окружили Каллагэна и, после коротко колебания, навалились на него, беря числом.

— Отпустите меня во имя Господа! — воскликнул Каллагэн, но, разумеется, только сотряс воздух. В отличие от вампиров, существа с красным глазом во лбу не реагировали на каллагэновского Бога. Ему лишь оставалось надеяться, что Джейк не остановится и уж тем более не вернется. Что он и Ыш, как ветер полетят к Сюзанне. Спасут ее, если смогут. Умрут с ней, если нет. И убьют ее ребенка, если позволят обстоятельства. Пусть Господь его простит, но в этом он допустил ошибку. Им следовало избавиться от ребенка в Калье, когда у них был такой шанс.

Что-то глубоко вонзилось в шею. Теперь вампиров не сможет остановить даже крест, понял Каллагэн. Почувствовав запах крови, они набросятся на него, как стая акул. «Помоги мне, Господи, — подумал он, дай мне силу», — и почувствовал, как сила вливается в него. Перекатился налево, чувствуя, как когти рвут ему рубашку. На мгновение освободилась его правая рука, сжимающая «ругер». И Каллагэн направил пистолет на трясущееся, потное, перекошенное ненавистью лицо толстяка по имени Эндрю, приставил ствол «ругера» (в далеком прошлом купленного для защиты дома отцом Джейка, в немалой степени параноидальным телепродюссером) к красному, мягкому глазу в центре лба «низкого мужчины».

— Не-ет, ты не посмеешь! — вскричала Тирана, потянувшись к пистолету. Верх платья лопнул, из него вывалились массивные груди, покрытые жесткой шерстью.

Каллагэн нажал на спусковой крючок. В обеденном зале выстрел прозвучал подобно грому. Голова Эндрю разлетелась, как тыква, наполненная кровью, окатив красным дождем тех, кто находился позади. Раздались крики ужаса и изумления. Каллагэн успел подумать: «Вы ведь такого не ожидали, не так ли?» Мелькнула и другая мысль: «Надеюсь, этого достаточно для вступления в клуб? Теперь я — стрелок?»

Возможно, нет. Но был еще человек-птица, стоявший прямо перед ним между двух столов, клюв раскрывался и закрывался, в горле клокотало от волнения.

Улыбаясь, приподнявшись на локте, не обращая внимания на кровь, хлещущую из раны на шее, Каллагэн нацелил «ругер» Джейка.

— Нет! — вскричал Маймен, закрывая лицо руками-лапами, словно

они могли защитить от пули. — Нет, ты НЕ...

«Очень даже могу», — с детским ликованием подумал Каллагэн и выстрелил вновь. Маймен отступил на два шага, потом еще на один. Задел столик и упал на него. Три желтых перышка, зависшие было над ним, лениво спланировали на пол.

Каллагэн уже слышал жуткие завывания, не злости или страха — голода. Запах крови наконец-то проник в закупоренные гноем ноздри, и теперь они рвались к угощению. А потому, если он не хотел составить им компанию...

И отец Каллагэн, когда-то преподобный Каллагэн из Салемс-Лот, повернул ствол «ругера» к себе. Не стал терять время на поиск вечности в темноте ствольного канала, приставил дуло к шее под подбородком.

— Хайл, Роланд! — воскликнул он, зная,

(волна, их подняла волна)

что его слышат. — Хайл, стрелок!

Палец его застыл на спусковом крючке, когда древние монстры набросились на него. Его захлестнула вонь их холодного, бескровного дыхания, но не испугала. Никогда раньше он не чувствовал в себе такую силу. Из прожитых лет самыми счастливыми для себя он полагал годы бродяжничества, когда был не священником, а Каллагэном-с-Дорог. И чувствовал, что скоро сможет вернуться к той жизни, странствовать, сколько пожелает душа, поскольку сделал все, что должен, и его это радовало.

— Найди свою Башню, Роланд, проникни в нее и взойди на вершину!

Зубы его давних врагов, древних братьев и сестер твари, которая называла себя Курт Барлоу, вонзились в него, как жала. Каллагэн их не почувствовал. Он улыбался, нажимая на спусковой крючок, и ушел навсегда.

Глава 2. На волне

1

На проселочной дороге, которая вела от дома писателя к Бриджтону, Эдди и Роланд наткнулись на оранжевый пикап с надписью «Эксплуатационная служба Энергетической компании Центрального Мэна» на бортах. Рядом мужчина в желтой каске и ярко-оранжевом, видимом издали, жилете срезал ветки деревьев, которые могли лечь на провода. Именно тогда Эдди что-то почувствовал? Что-то, набирающее силу? Может предвестник волны, движущейся к ним по Лучу? Потом он подумал, что да, вроде бы почувствовал, но полной уверенности у него не было. Видит Бог, ему хватало других переживаний, и не без причины. Скольким людям удавалось повидаться со своим создателем? Ну... Да, Стивен Кинг пока еще не создал Эдди Дина, молодого человека из Кооп-Сити, расположенном в Бруклине, а не в Бронксе, еще не создал, в 1977 году, но Эдди не сомневался, что со временем Кинг вплетет его в историю. А как иначе он мог здесь появиться?

Эдди остановил «форд» перед пикапом, вылез из кабины, спросил вспотевшего мужчину с ножовкой в руках, как им попасть на Тэтлбек-лейн, что в Лоувелле. Парень из «Энергетической компании» все подробно ему объяснил, потом добавил: «Если вы хотите добраться до Лоувелла сегодня, вам лучше воспользоваться шоссе 93. Болотной дорогой, как ее здесь называют».

Он поднял руку и покачал головой, как бы показывая Эдди, что спорить тут нечего, хотя тот, задав один-единственный вопрос, более не произнес ни слова.

— Она на семь миль длиннее, я знаю, и вся в рытвинах, но через Ист-Стоунэм вы сегодня не проедете. Копы его блокировали. Дорожная полиция, местные полицейские, управление шерифа округа Оксфорд.

— Вы шутите? — ответил Эдди. Вроде бы такая реакция не могла вызвать подозрений.

Электрик покачал головой.

— Никто не знает, что там произошло, но была стрельба, возможно, из автоматического оружия, и взрывы, — он похлопал по обшарпанной рации, висевшей на поясе. — После полудня я дважды услышал слово на букву

«т». И меня это не удивляет.

Эдди понятия не имел, о каком слове на букву «т» идет речь, но знал, что задержка действует Роланду на нервы. Он чувствовал нетерпение стрелка, буквально видел его характерный жест, означающий: «Поехали, поехали».

— Я говорю о терроризме, — продолжил электрик, тут же понизив голос. — У людей и в мыслях нет, что такое может случиться в Америке, дружище, но у меня есть для вас новости — может. Если не сегодня, то рано или поздно. Кто-нибудь попытается взорвать Статую Свободы или Эмпайр-Стейт-Билдинг, вот что я думаю... правые, леваки, эти чертовы арабы. Слишком много в мире психов.

Эдди, который знал, что случилось в последующие десять лет, согласно кивнул.

— Вы, скорее всего, правы. В любом случае, спасибо за подсказку.

— Просто пытаюсь сэкономить вам время, — пожал плечами электрик, а когда Эдди открывал дверцу «форда» Каллема, добавил. — Вы попали в переделку, мистер? Выглядите неважно. И хромаете.

Эдди действительно попал в переделку, получил сквозное ранение в руку и пулю в ногу. Ничего несовместимого с жизнью, поэтому за чередой более важных событий он об этом просто забыл. Теперь вдруг раны разболелись. И он пожалел о том, что отказался от пузырька с таблетками «Перкосета», предложенного Эроном Дипно.

— Да, поэтому я и еду в Лоувелл. Соседский пес покусал меня. Насчет этого я еще с соседом поговорю, — малоубедительная, конечно, история, но ничего другого в голову не пришло. Он же не писатель. Сочинять истории — это к Кингу. Впрочем, и этой хватило, чтобы он успел скользнуть за руль «форда-галакси», прежде чем электрик задал новые вопросы, Эдди решил, что этот раунд он отработал удачно, и быстро тронул «форд» с места.

— Узнал, как нам ехать? — спросил Роланд.

— Да.

— Хорошо. Одно наваливается на другое, Эдди. Мы должны как можно быстрее добраться до Сюзанны. Помочь, если сможем, Джейку и Каллагэну. И ребенок вот-вот родится, уж не знаю, какой. Может, уже родился.

«Поверните направо, когда вернетесь на Канзас-роуд», — сказал электрик Эдди (Канзас, как в истории о Дороти, Тото и тетушке Эм, где одно наваливалось на другое), и он повернул. Теперь они ехали на север. Солнце ушло за деревья слева от них, так что двухполосное шоссе

укутывала тень. Эдди буквально чувствовал, как время скользит между пальцев, будто невероятно дорогая ткань, слишком гладкая, чтобы ее ухватить. Он надавил на педаль газа, и старый «форд» Каллема, фырча мотором, прибавил ходу. Эдди разогнался до 55 миль в час. Мог бы еще добавить, но не стал: Канзас-роуд изобиловала поворотами, а вот ровностью покрытия похвастаться не могла.

Роланд достал из нагрудного кармана лист блокнота, развернул его и теперь внимательно изучал (хотя Эдди и сомневался, что стрелок может прочитать документ; большинство слов этого мира оставались для него загадкой). В верхней части листа, над текстом Эрона Дипно, рука его чуть дрожала, но писал он четко и разборчиво, и наиважнейшей подписью Калвина Тауэра, улыбался смешной бобер и тянулась надпись: «ВАЖНЫЕ ДЕЛА НА СЕГОДНЯ». Прямо-таки издевка.

«Я не люблю глупых вопросов, я не люблю глупых игр», — подумал Эдди, и внезапно улыбнулся. Этой самой точки зрения придерживался Роланд, Эдди в этом не сомневался, несмотря на более чем очевидный факт, что их жизни, когда они ехали на Блейне Моно, спасли несколько вовремя заданных глупых вопросов. Эдди уже открыл рот, чтобы поделиться своими мыслями, сказать, до чего же это хорошо, что самый важный документ в истории мира, более важный, чем Magna Carta^[6], Декларация независимости или теория относительности Альберта Эйнштейна, начинается со смешного бобра и тривиальной фразы. Но, прежде чем успел произнести хоть слово, накатила волна.

Его нога соскользнула с педали газа, и хорошо, что соскользнула. Если б осталась на педали, он и Роланд обязательно получили бы серьезные травмы, может, даже погибли. Когда накатила волна, на шкале приоритетов Эдди Дина управлению «фордом» Джона Каллема просто не нашлось места. Ощущения были такие, как в вагончике американских горок, когда он достигает первой вершины, на мгновение замирает... наклоняется... падает... и ты падаешь, а горячий летний воздух бьет тебе в лицо, давит на грудь, а желудок плавает где-то позади тебя.

В это самое мгновение Эдди увидел, как все, что находилось в салоне автомобиля Каллема, потеряло вес, поднялось и зависло в воздухе: трубочный пепел, две ручки и блокнот с приборного щитка, старший Эдди, и, как до него тут же дошло, он сам — ка-май его старшего, старина Эдди

Дин. Так что не приходилось удивляться, что он и его желудок выбрали разные траектории движения! Он не знал, что и сам автомобиль, который успел остановиться у обочины, также парит в воздухе, лениво покачиваясь вверх-вниз, в пяти или шести дюймах над землей, как лодочка в невидимом море.

А потом дорога с деревьями по обе ее стороны исчезла. Бриджтон исчез. Мир исчез. Послышалось звяканье колокольцев Прыжка, отвратительное, тошнотворное, вызвавшее желание заскрипеть зубами... да только зубы тоже исчезли.

3

Как и Эдди, Роланд ясно почувствовал, как его сначала подняли, а потом подвесили, как некий предмет, внезапно ставший неподвластным земному притяжению. Он услышал колокольца и ощутил, что его тащит сквозь стену существования, но понимал, что это не настоящий Прыжок, во всяком случае, не тот, в которые ему доводилось уходить. Происходящее с ним очень напоминало явление, которое Ванни называл авен кэл, что означало «поднятый ветром и несущийся на волне». Только термин кэл, в отличие от более привычного кэс, указывал на природный катаклизм: не ветер, а ураган, не волна, а цунами.

«Сам Луч желает говорить с тобой, Говорун, слышался в голове голос Ванни. Это саркастическое прозвище он, сын Стивена Дискейна получил от учителя за то, что очень уж редко раскрывал рот. Хромоногий, умнейший наставник Роланда перестал его так называть (возможно, по настоянию Корта), когда мальчику исполнилось одиннадцать лет. — И, если он заговорит, тебе лучше слушать».

«Я буду слушать и слушать хорошо», — ответил Роланд, и его тут же бросили. Но он никуда не упал, застыл, невесомый, с подкатывающей к горлу тошнотой.

Снова колокольца. А потом, внезапно, он снова поплыл, на этот раз над просторным помещением, заставленным пустыми кроватями. Одного взгляда хватило, чтобы понять: это то самое место, куда Волки привозили детей, похищенных из городков Пограничья. А в дальнем конце комнаты...

Чьи-то пальцы обхватили его руку. Роланд и представить себе не мог, что такое возможно, учитывая состояние, в котором он оказался. Повернул голову налево и увидел Эдди, который составлял ему компанию, абсолютно голый. Как, впрочем, и он сам. Вся одежда осталась в мире писателя.

Эдди указывал на то, что Роланд уже успел увидеть. В дальнем конце комнаты стояли две придвинутые друг к другу кровати. На одной лежала белая женщина. С широко разведенными ногами, теми самыми, Роланд в этом не сомневался, на которых Сюзанна вышагивала по Нью-Йорку во время Прыжка. Другая женщина, с головой крысы, одна из тахинов, как понял Роланд, наклонилась между ногами.

Рядом с белой женщиной, на соседней кровати, лежала темнокожая, ноги которой заканчивались чуть ниже колен. Голый или нет, с подкатывающей к горлу тошнотой или без оной, Роланд никогда в жизни так не радовался, как в тот момент, когда увидел эту женщину. И Эдди испытывал то же самое. Его крик радости раздался в голове у Роланда, и стрелок поднял руку, показывая Эдди, что тот должен замолчать. Замолчать и сдерживать эмоции, потому что Сюзанна смотрела на них, более того, определенно их видела и, если б заговорила, он не хотел пропустить ни единого ее слова. Потому что, пусть эти слова и слетели бы с ее губ, их источником был бы Луч. И заговорила бы Сюзанна голосом Медведя или Черепахи.

Обе женщины лежали с металлическими колпаками на головах. Колпаки соединялись гофрированной стальной трубкой.

«Какое — то устройство для слияния разумов, — вновь заполнил его голову голос Эдди. — А может...»

«Замолчи! — оборвал его Роланд. — Замолчи, Эдди, ради своего отца!»

Мужчина в белом халате схватил с подноса устрашающего вида щипцы, оттолкнул крысоголовую медсестру-тахина. Наклонился, всматриваясь между ног Миа, держа щипцы над головой. Рядом, в футболке со словами из мира Сюзанны и Эдди, стоял другой тахин, с головой злобной коричневой птицы.

«Он почувствует наше присутствие, — подумал Роланд. — Если задержимся, почувствует и поднимет тревогу».

Но Сюзанна смотрела на него, из-под железного колпака, ее глаза лихорадочно блестели, и по взгляду чувствовалось, что она их видит. Ага, ты говоришь правильно.

Она произнесла единственное слово, и тут же необъяснимая, но заслуживающая доверия интуиция подсказала Роланду, что слово это идет не от Сюзанны, а от Миа. И при этом в слове слышался голос Луча, силы, достаточно тонко все чувствующей, чтобы оценить нависшую угрозу и попытаться защититься от нее.

«Чеззет», — произнесла Сюзанна. Оно прозвучало в его голове,

потому что они были ка-тетом и ан-тетом. Но он так же увидел, как шевельнулись ее губы, пусть с них и не сорвалось ни единого звука, когда она посмотрела в то место, где сейчас плавали они, наблюдая за тем, что происходило в этот самый момент в каком-то другом где и когда, другом пространственно-временном континууме.

Ястребоголовый тахин тоже посмотрел вверх, возможно, следуя за ее взглядом, возможно, уловив обостренным слухом звяканье колокольцев. А потом врач опустил щипцы и сунул их под сорочку Миа. Она заорала. Вместе с ней заорала и Сюзанна. И этот общий крик воздействовал на невесомое тело Роланда точно так же, как воздействует порыв октябрьского ветра на опустевшую коробочку ваточника. Подхватил и понес. Роланд почувствовал, как он быстро поднимается, теряя связь с тем местом, где только что был, но крепко держать за одно-единственное услышанное слово. Слово это вызвало из памяти образ матери, наклонившейся над ним, лежащим в постели. Происходило это в комнате, раскрашенной в яркие цвета, и, разумеется, цвета эти он воспринимал, как маленький мальчик, воспринимал, как дети, только что выросшие из ползунков, воспринимают окружающий мир: с наивным изумлением, в полной уверенности, что все это — магия.

Окна в спальне были из витражного стекла, разумеется, всех цветов радуги. Он помнил, когда мать наклонялась к нему, ее лицо переливалось разными цветами, капюшон она откидывала, так что он мог проследить изгиб ее шеи детским взглядом

(это все магия)

и душой любовника; он помнил свои мысли о том, как будет ухаживать за ней и уведет от отца, если она согласится отдать ему предпочтение; как они поженятся, у них родятся свои дети, и они будут жить вечно в этом сказочном королевстве, которое называлось Вечный Свет, как Габриэль Дискейн будет петь своему маленькому мальчику с большими глазами, которые очень серьезно смотрели на нее с подушки (а на его лице уже лежал отсвет жизни странника), петь глупую детскую песенку с таким вот куплетом:

Попрыгунчик, милый крошка,
Ягоды клади в лукошко.
Чаззет, чиззет, чеззет,
Все в лукошко влезет.^[7]

«Все в лукошко влезет», — думал он, когда летел, невесомый, сквозь темноту и ужасное звяканье колокольцев Прыжка. Слова третьей строки были не галиматъей, но числами. Она как-то сказала ему, когда он спросил. Чаззет, чиззет, чеззет — семнадцать, восемнадцать, девятнадцать.

Чеззет — это девятнадцать. Естественно, все у нас девятнадцать. А потом он и Эдди вновь вылетели в свет, болезненно-оранжевый свет, и нашли там и Джейка, и Каллагэна. Роланд увидел даже Ыша, у левой ноги Джейка, оцетинившегося, с оскаленными зубами.

«Чаззет, чиззет, чеззет, — думал Роланд, глядя на своего сына, совсем еще маленького мальчика, которому противостояло великое множество врагов в обеденном зале „Дикси-Пиг“. — Чеззет — это девятнадцать. Все в лукошко влезет. Но в какое лукошко? И что это должно означать?»

4

На Канзас-роуд, в Бриджтоне, двенадцатилетний «форд» Джона Каллема (на спидометре сто шесть тысяч миль, а машина только входит во вкус дороги, любил говорить Каллем людям) покачивался, словно на волнах, над обочиной. Передние колеса касались земли, потом поднимались, чтобы пообщаться с ней могли задние колеса. В салоне двое мужчин, не просто в бессознательном состоянии, но еще и ставшие прозрачными, лениво покачивались вместе с автомобилем, словно два трупа в полузатопленной лодке. А вокруг них плавал всякий мусор, скапливающийся в старом автомобиле, на котором постоянно ездят. Пепел, ручки, скрепки, крошки и монетки с заднего сидения, сосновые иголки с ковриков на полу и даже один коврик. В темноте бардачка его содержимое билось о стенки и закрытую дверцу. Если б кто проезжал мимо, его поразило бы это зрелище: плавающий в воздухе мусор и люди (Люди! Возможно, мертвые!), которые, если уж на то пошло, ничем от этого мусора не отличались. Но никто не проехал. Те, кто жил на этой стороне Длинного озера, в основном, смотрели на другой его берег, где находился Ист-Стоунэм, хотя смотреть-то уже было не на что. Дым, и тот практически развеялся.

Автомобиль лениво колыхался, а в нем Роланд из Гилеада всплывал к потолку, где его шея касалась грязной обивки, при этом ноги, следуя за их обладателем, отрывались от переднего сидения. Эдди поначалу оставался на месте, его удерживал руль, но потом боковая качка привела к тому, что он выскользнул из-под него и тоже начал подниматься и опускаться, с

расслабившимся и мечтательным лицом. Серебряная ниточка слюны вытекла из уголка его рта, оторвалась от кожи и поплыла, сверкающая, полная миниатюрных пузырьков, мимо щеки с запекшейся на ней кровью.

Роланд знал, что Сюзанна видела его, возможно, видела и Эдди. Вот почему она приложила столько усилий, чтобы произнести единственное слово. Джейк и Каллагэн, однако, их не увидели. Мальчик и бывший священник вошли в «Дикси-Пиг», продемонстрировав то ли отчаянную храбрость, то ли запредельную глупость, и теперь полностью сосредоточились на тех, кто их там поджидал.

Глупо они поступили или нет, но Роланд очень гордился Джейком. Он видел, что мальчик определился с кандой между собой и Каллагэном: расстоянием (для каждого случая своим), которое гарантировало, что пара стрелков, противостоящая куда более многочисленному противнику, не будет убита одним выстрелом. Оба вошли в «Дикси-Пиг», готовые к бою. Каллагэн держал в одной руке пистолет Джейка, а в другой что-то еще... вроде бы, какую-то резную вещицу. Роланд не сомневался, что это кан-тах, один из маленьких богов. У мальчика были рисы Сюзанны, две — в руках, остальные — в ее плетеной сумке. Где он их взял, знали только боги.

Стрелок увидел толстуху, человеческое обличье которой заканчивалось шеей. Над тремя дряблыми подбородками болтались клочья человеческой маски. Глядя на выглядывающую из-под маски крысину голову, Роланд внезапно многое понял. Что-то могло дойти до него и раньше, но, как мальчика и отца Каллагэна в этот самый момент, его занимали совсем другие проблемы.

К примеру, «низкие люди» Каллагэна. Они могли быть тахинами, существами не из Прима или естественного мира, но из каких-то других мест, расположенных между ними. Они определенно не имели отношения к тем, кого Роланд называл медленными мутантами, потому что последние появились в результате чудовищных войн и катастрофических экспериментов. Нет, они могли быть истинными тахинами, известными, как третий народ или кан-тои. Да, конечно, Роланду следовало знать об этом. И сколько тахинов служили существу, имя которого — Алый Король? Несколько? Много?

Все?

Если правильным был третий ответ, тогда, предположил Роланд,

дорога к Башне действительно будет трудной. Но стрелок не отличался привычкой заглядывать за горизонт, и в данном случае недостаток воображения следовало расценивать, как плюс, а не минус.

Он увидел то, что требовалось увидеть. Хотя кан-тои, «низкие люди» Каллагэна, окружали Джейка и бывшего священника со всех сторон (эти двое даже не видели парочку «низких» мужчин, которые охраняли двери на Шестьдесят первую улицу и теперь оказались позади), но Каллагэн зачаровал их резной вещицей, которую держал в руке, и они замерли. Точно также Джейк зачаровывал людей ключом, найденным на пустыре. Желтый тахин, с телом человека и головой вазо, держал под рукой какое-то оружие, но не пытался схватить его.

Но существовала еще одна опасность, и наметанный глаз Роланда, искушенного во всякого рода стычках и засадах, тут же ее заметил. Он увидел на стене гобелен с богохульной пародией на «Последнюю вечерю в Эльде» и понял, что это означает, за несколько секунд до того, как гобелен отбросили в сторону. И запах: пахло не просто жареным мясом, а жареной человечинной. Это тоже следовало понять раньше, и он бы понял, будь у него время подумать... да только жизнь в Калье Брин Стерджис не оставляла времени для раздумий. В Калье, как в какой-то книге, одно постоянно наваливалось на другое.

Но теперь-то все стало ясно, не так ли? «Низкие люди» могли быть тахинами; великанами-людоедами детских фантазий, если угодно. Но гобелен скрывал тех, кого Каллагэн называл вампирами первого типа, а Роланд знал, как Праотцов, возможно, самых страшных и могущественных существ, которые сумели выжить после стародавнего отступления Прима. И если тахины могли стоять, таращась на амулет, который поднял над головой Каллагэн, то Праотцы не удостоили бы его и взгляда.

А тут еще и жуки полезли из-под столов. С ними Роланду уже доводилось сталкиваться, и, если у него еще оставались сомнения насчет того, кто мог находиться за гобеленом, то при виде жуков они отпали. Паразиты, кровососы, прилипалы: блохи Праотцов. Возможно, не опасные, ушастик-путаник мог легко с ними расправиться, но их присутствие, да еще в таком количестве, однозначно указывало на то, что Праотцы где-то рядом.

И когда Ёш атаковал жуков, Роланд, не находя других вариантов,

спикировал на Каллагэна. В разум Каллагэна.

7

«Отец, я здесь». «Да, Роланд. Что...»

«Нет времени. ОТОШЛИ ЕГО ОТСЮДА. Ты должен. Отошли, пока есть время».

8

И Каллагэн попытался. Мальчик, конечно, не хотел уходить. Глядя на него глазами Каллагэна, Роланд с горечью думал: «Мне следовало лучше познакомить его с предательством. Но, видят боги, я сделал все, что мог».

— Иди, пока можешь, — Каллагэн старался сохранять спокойствие. — Найди ее, если получится. Это приказ твоего дина. Такова и воля Белизны.

Этого должно было хватить, чтобы Джейк сдвинулся с места, но не хватило. Он все еще спорил, боги, да в этом был ничем не лучше Эдди, и Роланд более не смог ждать.

«Отец, позволь мне».

И перехватил контроль над телом, не дожидаясь ответа. Он уже почувствовал, что волна, авен кэл, начала спадать. И Праотцы могли появиться в любую секунду.

— Иди, Джейк! — прокричал Роланд, используя рот и голосовые связки отца Каллагэна, как громкоговоритель. Если б он задумался, как такое возможно, то, конечно же, не нашел бы ответа, но он не старался думать о непонятном, поэтому обрадовался, увидев широко раскрывшиеся глаза мальчика. — У тебя только один шанс и ты должен его использовать! Найди ее! Как твой дин, я приказываю тебе!

А потом, как в больничной палате, где лежала Сюзанна, он вновь почувствовал, что его тащит вверх, как что-то невесомое, выдуло из тела и разума Каллагэна, словно клочок паутины или «парашют» с семечком распушенной головки одуванчика. С мгновение он пытался вернуться обратно, как пловец пытается преодолеть сильное течение, чтобы добраться до берега, но куда там.

«Роланд! — в его голове зазвучал наполненный ужасом голос Эдди. — Господи Иисусе, Роланд, кто они такие?»

Полог отнесло в сторону. И в обеденный зал полезли существа,

древние и уродливые, со страшными мордами, утыканными торчащими во все стороны зубами, со ртами, навечно раззявленными клыками, каждый из которых толщиной не уступал запястью Роланда, их морщинистые, в щетине подбородки блестели кровью, на них повисли кусочки мяса.

И мальчик... боги, о боги... мальчик оставался в обеденном зале.

«Они убьют Ыша первым! — закричал Каллагэн, да только Роланд сомневался, что кричал именно бывший священник. Подумал, что кричал Эдди, воспользовавшись голосом Каллагэна точно так же, как и Роланд. Каким-то образом Эдди удалось найти не столь сильный восходящий поток или у него осталось больше сил. И сил этих хватило, чтобы попасть в разум Каллагэна после того, как Роланда выдернуло оттуда. — „Убьют у тебя на глазах, потом выпьют его кровь!“

Вот это подействовало. Мальчик развернулся и побежал, вместе с Ышем, который не отставал ни на шаг. Пробежал перед клювом вазотахина, проскочил между двух «низких людей», но никто не попытался его остановить.

Зачарованные, они по-прежнему смотрели на Черепаху в поднятой руке Каллагэна.

Праотцы не обратили на убегающего мальчишку ни малейшего внимания. Роланд не сомневался, что так и будет. Каллагэн рассказал им свою историю, и Роланд знал, что один из Праотцов в свое время появился в маленьком городке Салемс-Лот, где Каллагэн был приходским священником. Ему удалось выжить, что случалось крайне редко с теми, кто в противостоянии с Праотцами лишался оружия или символов власти, но тварь заставила Каллагэна выпить своей отравленной крови, прежде чем отпустила. И тем самым пометила бывшего священника.

Каллагэн протягивал им навстречу свой крест-символ, но, прежде чем Роланд успел увидеть что-то еще, его швырнуло в темноту. Опять зазвучали колокольца, сводящие с ума ужасным звяканьем. Откуда-то доносился едва слышный крик Эдди. Роланд попытался нащупать его в темноте, коснулся предплечья, выпустил, нашел руку, ухватил. Они переворачивались и переворачивались, держась друг за друга, прилагая все силы к тому, чтобы не разлучиться, надеясь не потерять друг друга в лишенной дверей темноте между мирами.

Глава 3. Телефонный звонок Эдди

1

Эдди вернулся в автомобиль Джона Каллема в состоянии, в каком подростком приходил в себя после кошмарного сна: в смятении, тяжело дыша от страха, совершенно дезориентированный, не понимающий, кто он, не говоря уж о том, где находится.

Ему потребовалась секунда, чтобы осознать, что он и Роланд парят в воздухе, крепко обнимая друг друга, словно еще нерожденные близнецы в чреве матери, только чрева никакого не было. Перед его глазами плавали ручка и скрепка для бумаги. А также желтая пластиковая коробочка, в которой он узнал футляр для бобины с любительской киноплёнкой. «Не трать попусту время, Джон, — Подумал Эдди. — Тупиковый вариант. Эту технику скоро спишут в утиль».

Что-то царапало ему шею. Потолочный фонарь кабины старенького «гэлакси» Джона Каллема? Господи, а он-то думал, что без крыльев...

И тут гравитация взяла свое, и они рухнули вниз, вместе со всем, что плавало вокруг. Напольный коврик, дрейфовавший по кабине «форда», упал на рулевое колесо. Эдди грудью приземлился на спинку переднего сидения, да так, что воздух с шумом вырвался из легких. Роланд рядом с ним, на больное бедро. Вскрикнул от боли, и начал перелезть на переднее сидение.

Эдди хотел что-то сказать, открыл рот, но тут в его голове раздался голос Каллагэна: «Хайл, Роланд! Хайл, стрелок!»

Какие физические усилия пришлось затратить бывшему священнику, чтобы голос его долетел до другого мира? А звуковым фоном, едва различимым, но слышным, служили звериные, торжествующие крики. Не слова — завывания.

Широко раскрытые, изумленные глаза Эдди встретились взглядом с блекло-синими глазами Роланда. Он схватил левую руку стрелка, подумав: «Он уходит. Великий Боже, я думаю, отец уходит».

«Найди свою Башню, Роланд...»

— ...и взойди на вершину, — выдохнул Эдди.

Они вновь находились в автомобиле Джона Каллема, припарковавшимся, пусть и криво, на обочине Канзас-роуд, в тени

деревьев, в предвечерний час летнего дня, но Эдди по-прежнему видел перед собой оранжевый дьявольский свет ресторана, не ресторана вовсе, а людоедского логова. Мысль о том, что такие места существовали, что люди ходили мимо их тайного убежища каждый день, не зная, что творится внутри, не чувствуя жадных глаз, которые, возможно, уже наметили кого-то из них в качестве очередной жертвы...

А потом, не успев продолжить мысль, Эдди вскрикнул от боли, когда воображаемые зубы вонзились в шею, щеки, бока, губы обожгло, как крапивой, мошонку сжало. И продолжал кричать, отмахиваясь свободной рукой, пока Роланд не схватил ее и не опустил.

— Прекрати, Эдди. Прекрати. Их нет, — Пауза. Связь оборвалась, боль исчезла. Роланд, конечно, был прав. В отличие от отца Каллагэна, им удалось выбраться из «Дикси-Пиг». Эдди увидел, что глаза Роланда блестят от слез. — Он тоже ушел. Отец.

— Вампиры? Ты понимаешь, людоеды? Они... они?.. — Эдди не смог закончить фразу. Не смог заставить себя спросить вслух, неужто отец Каллагэн стал одним из них?

— Нет, Эдди. Ни в коем разе. Он... — Роланд достал из кобуры револьвер. Сталь поблескивала в предвечернем свете. Ткнул ствол под подбородок, выразительно посмотрел на Эдди.

— Он от них ушел.

— Ага, и как же они на него обозлились.

Эдди кивнул, внезапно почувствовав, что совершенно вымотался. И раны разболелись. Нет, запульсировали от боли.

— Хорошо, — кивнул он. — А теперь убери эту штуковину, куда положено, а то и сам застрелишься, когда Роланд вернул револьвер в кобуру, добавил. — Что с нами произошло? Мы уходили в Прыжок или было еще одно лучетрясение?

— Думаю, в какой-то мере и первое, и второе, — ответил Роланд. — Есть такое явление, называется авен кэл. Что-то вроде приливной волны, которая бежит вдоль Тропы Луча. Нас она и подняла.

— И позволила увидеть то, что мы хотели увидеть.

Роланд поначалу задумался, потом решительно покачал головой.

— Мы увидели то, что хотел показать нам Луч. Там, куда хочет нас направить.

— Роланд, ты изучал все это мальчишкой? Этот старичок Ванни читал тебе лекции... ну не, знаю, о строении Лучей и Полосах радуги?

Роланд улыбался.

— Да, полагаю, нас учили и тому, и другому, на уроках истории и

общей логикалии.

— Логика — что? — переспросил Эдди.

Роланд не ответил. Он смотрел в окно автомобиля Каллема, все еще пытаясь прийти в себя, как в прямом, так и в переносном смысле. Труда это не составляло, особенно здесь; эта часть Бриджтона очень уж напоминала ближайшие окрестности одного пустыря на Манхэттене. Потому что и здесь был генератор. Не сэй Кинг, как поначалу думал Роланд, а потенциал сэя Кинга... то, что он сможет создать, будь у него достаточно времени и места. А может, Кинг тоже несся на авен кэл, может, создал волну, которая его и подняла?

«Человек не сможет вытащить себя за свои же стремяна, как бы ни старался», — учил Корт Ролана, Катберта, Алана и Джейми, когда они только-только научились ходить. Говорил он уверенно-радостным голосом, только подчеркивающим его печаль, которая росла по мере того, как последние его ученики выросли, приближаясь к испытанию, доказывающему их право зваться мужчинами. Но, возможно, насчет стремян Корт ошибался. Возможно, при определенных обстоятельствах, человек мог вытащить себя за стремяна. Или родить вселенную из своего пупка, как вроде бы удалось Гану. А чем Кинг, пишущий истории, не создатель? Если уж на то пошло, творение — сделать чего-то из ничего? Это тебе и увидеть мир в песчинке, и вытащить себя за свои стремяна.

Но что это он делает? Сидит, погрузившись в философские размышления, когда две члена его ка-тета неизвестно где.

— Трогай эту повозку с места, — Роланд пытался игнорировать приятное гудение, которое мог слышать, то ли голос Луча, то ли голос Гана-Творца, он не знал. — Поедем на Тэтлбек-лейн в город Лоувелл и посмотрим, не сможем ли попасть туда, где находится Сюзанна.

И не одна Сюзанна. Если Джейку удалось убежать от этих монстров в «Дикси-Пиг», он наверняка попытается добраться до той палаты, где они ее видели. В этом Роланд нисколько не сомневался.

Эдди взялся за рукоятку коробки передач (волна пришла и ушла, а двигатель старенького «форда-гэлакси» Каллема продолжал работать, как ни в чем ни бывало)... и убрал руку. Повернулся к Роланду, мрачно посмотрел на него.

— В чем дело, Эдди? Что бы это ни было, выкладывай побыстрее. Роды идут... может, ребенок уже родился. И тогда она станет лишней.

— Я знаю, — кивнул Эдди. — Но мы не можем ехать в Лоувелл, — он поморщился, словно слова эти доставили ему физическую боль. Роланд решил, что так оно и было. — Пока не можем.

Они какие-то мгновения посидели, вслушиваясь в гудение Луча, в котором иногда проскальзывали чьи-то веселые голоса. Смотрели на сгущающиеся тени деревьев, в которых мелькали миллионы лиц и историй; О, ты можешь сказать, ненайденная дверь, ты можешь сказать, потерянная.

Эдди где-то даже ожидал, что Роланд сейчас закричит на него, может, и ударит, как поступал старый учитель стрелка, Корт, когда его ученики что-то делали медленно или неправильно. Эдди этого даже хотел. Хороший удар в челюсть, клянусь Шардиком, мог прочистить ему мозги.

«Да только путаница в голове — не беда, и ты это знаешь, — подумал он. — У тебя в голове больше порядка, чем у него. В противном случае, ты бы давно покинул этот мир и направился на поиски жены».

Наконец, Роланд заговорил.

— Что теперь? Это? — он наклонился и поднял сложенный лист бумаги, исписанный чуть дрожащим почерком Эрона Дипно. Роланд посмотрел на листок, потом бросил на колени Эдди, недовольно поморщившись.

— Ты знаешь, как сильно я ее люблю, — устало прошептал Эдди. — Ты знаешь.

Роланд кивнул, но не повернулся к нему. Продолжал смотреть на свои разбитые, пыльные сапоги и грязный пол у переднего пассажирского сидения. Эти опущенные глаза, этот взгляд, который не поворачивался к нему, а ведь для него Роланд из Гилеада практически превратился в живого бога, чуть не разбили Эдди Дину сердце. Тем не менее, он не отступился. Если раньше они и могли допускать ошибки, то теперь лишились такой возможности. Потому что игра подходила к концу.

— Я бы поспешил к ней прямо сейчас, если б думал, что это правильный шаг. В эту самую секунду, Роланд! Но мы должны закончить наши дела в этом мире. Потому что этот мир — однонаправленный. Покинув сегодня, 9 июля 1977 года, мы уже никогда не сможем вернуться сюда. Мы...

— Эдди, об этом уже был разговор, — стрелок по-прежнему не смотрел на него.

— Да, но ты это понимаешь? Можно выстрелить только раз, бросить только одну рису. Вот почему мы и приехали в Бриджтон! Видит Бог, мне захотелось поехать на Тэтлбек-лейн, как только Джон Каллем рассказал нам об этом уникальном месте, но я подумал, что нам нужно повидаться с

писателем и поговорить с ним. И я оказался прав, не так ли? — в голосе слышалась мольба. — Ты с этим согласен?

Роланд наконец-то посмотрел на Эдди, чем безмерно его обрадовал: ему и так тяжело, очень тяжело, а тут еще упершийся в пол взгляд его старшего.

— И, возможно, наша задержка не будет иметь особого значения. Если мы сконцентрируемся на этих двух женщинах, лежащих на соседних кроватях, Роланд... если мы сконцентрируемся на Сюзи и Миа, какими видели их в последний раз... тогда, возможно, мы попадем в их мир аккурат в тот самый момент. Не так ли?

После долгой, долгой паузы, в течение которой Эдди боялся даже дышать, стрелок кивнул. Такого могло и не случиться, если б на Тэтлбек-лейн они нашли, как говорил Роланд, «дверь древних», потому что такие двери были «привязанными», то есть всегда открывались в одно и то же место. Но, если бы где-то на Тэтлбек-лейн в Лоувелле стояла магическая дверь, оставшаяся после отхода Прима, тогда да, они могли бы попасть, куда пожелали. Но с такими дверьми тоже все ой как непросто. Они убедились в этом в Пещере голосов, когда в Нью-Йорк дверь вместо Роланда и Эдди отправила Джейка и Каллагэна, тем самым порушив все их планы в Девятнадцатиландии.

— Что еще мы должны сделать? — злости в голосе Роланда Эдди не услышал, только усталость и неуверенность.

— Точно не скажу, но могу гарантировать, что придется попотеть.

Эдди взял акт купли-продажи и посмотрел на него так же мрачно, как Гамлет взирал на череп бедного Йорика. Потом повернулся к Роланду.

— Благодаря этой бумажке мы стали владельцами пустыря, на котором растет роза. Теперь нам нужно передать этот листок Мозесу Карверу из «Холмс дентал индастриз». А где нам его найти? Мы не знаем.

— Если уж на то пошло, Эдди, мы даже не знаем, жив ли он.

Эдди расхохотался.

— Ты говоришь правильно, я говорю, спасибо тебе! Почему бы мне не развернуть автомобиль, Роланд? Вернемся в дом Стивена Кинга. Мы сможем занять у него двадцать или тридцать баксов, потому что, братец, не знаю, заметил ты это или нет, на двоих у нас нет ни цента. А что более важно, мы можем попросить его специально для нас ввести в историю крутого частного детектива, который будет выглядеть, как Богарт, и крушить челюсти, как Клинт Иствуд. Пусть он и найдет нам этого Карвера!

Он покачал головой, словно пытался прочистить ее. В ушах звучало мягкое гудение голосов, прекрасный антидот отвратительному звяканью

колокольцев.

— Я хочу сказать, моя жена в другом мире, на волоске от смерти. Может, ее уже жрут заживо вампиры или вампировы жуки, а я вот сижу на деревенской дороге, рядом с парнем, основное занятие которого убивать людей, и пытаюсь понять, что же нужно сделать, чтобы основать эту гребаную корпорацию!

— Остынь, — смирившись с тем, что им придется немного задержаться в этом мире, Роланд заметно успокоился. — Скажи мне, что, по-твоему, нам необходимо предпринять, прежде чем мы сможем навсегда стряхнуть с наших каблуков пыль этого где и когда.

Вот Эдди и сказал.

3

Многое Роланд слышал и раньше, но не осознавал в полной мере, в каком сложном они положении. Им принадлежал пустырь на Второй авеню, все так, но их право собственности базировалось на листке, который в любом суде выглядел бы крайне неубедительно, при условии, что оспаривать его законность будут высококлассные юристы, нанятые «Сомбра корпорейшн».

Эдди хотел переправить этот документ Мозесу Карверу, сообщив также и о том, что его крестная дочь, Одетта Холмс, пропавшая тринадцатью годами раньше лета 1977 г. больше всего на свете хочет, чтобы Карвер взял под свою опеку не только означенный пустырь, но и растущую на нем розу.

Мозеса Карвера, если он, конечно, жив, следовало убедить, и убедить исключительно словами, включить так называемую «Тет корпорейшн» в «Холмс индастриз» (или наоборот). Убедить в большем! В том, что он должен посвятить остаток жизни (почему-то Эдди думал, что Карвер в том же возрасте, что и Эрон Дипно) созданию корпорации-гиганта с единственной целью: при каждом удобном и неудобном случае вставлять палки в колеса двум другим корпоративным гигантам: «Сомбре» и «Северному центру позитроники». Придушить их, если удастся, не дать превратиться в монстра, который оставит разрушительный след в умирающем Срединном мире и нанесет смертельную рану самой Темной Башне.

— Может, нам следовало оставить этот акт купли-продажи у сэя Дипно, — предположил Роланд после того, как Эдди выговорился. — По

крайней мере, он смог бы найти этого Карвера, встретиться с ним и рассказать нашу историю.

— Нет, мы поступили правильно, забрав этот листок, — как раз в этом Эдди ни капельки не сомневался. — Если б он остался у Эрона Дипно, то сейчас ветер уже разносил бы оставшийся от него пепел.

— Ты думаешь, Тауэр пожалел бы о том, что согласился на сделку и уговорил своего друга сжечь акт купли-продажи?

— Я это знаю, — ответил Эдди. — Но, даже если бы Дипно устоял перед уговорами давнего друга, не поддался бы бесконечным: «Сожги его, Эрон, они вынудили меня поставить подпись, а теперь они точно меня обманут, ты это знаешь не хуже моего, сожги его, а потом мы вызовем полицию, чтобы она разобралась с этими хмырями...» — ты думаешь Мозес Карвер поверит такой безумной истории?

Роланд невесело улыбнулся.

— Я думаю, Эдди, дело не в том, поверит он или нет. Если уж на то пошло, какую часть нашей безумной истории слышал Эрон Дипно?

— Маленькую, — согласился Эдди. Закрыв глаза, потер виски. — Я знаю только одного человека, который может убедить Мозеса Карвера сделать то, о чем мы собираемся его попросить, но она занята в другом месте. В 1999 году. А к тому времени Карвер точно умрет, как и Дипно, а может, рухнет и сама Башня.

— А как нам обойтись без нее? Что бы тебя устроило?

Эдди думал о том, что Сюзанна, возможно, смогла бы вернуться в 1977 год без них, поскольку там еще не побывала. То есть появлялась во время Прыжка, но Эдди полагал, что это не в счет. Впрочем, он опасался, что доступ в 1977 год ей закроют, потому что она из одного ка-тета с ним и Роландом. Или по каким-то другим причинам, которых Эдди не знал. Не привык вчитываться в те пункты договора, что набирались мелким шрифтом. Он повернулся к Роланду, чтобы спросить, а что думает он, но стрелок заговорил, прежде чем Эдди открыл рот.

— Как насчет нашего дан-тете?

И хотя термин Эдди понял, он означал крошка бог или маленький спаситель, до него не сразу дошло, о ком речь. Потом дошло. Разве не их дан-тете одолжил им автомобиль, в котором они сидели в этот самый момент?

— Каллем? Ты говоришь о нем, Роланд? Парне, коллекционирующем бейсбольные мячи с автографами?

— Ты говоришь правильно, — сухой тон Роланда свидетельствовал о легком раздражении. — Не заражай меня своим энтузиазмом касательно

этой идеи.

— Но... ты же велел ему уехать. И он согласился!

— Очень ему хотелось навестить своего друга в Вермонге?

— Монте, — Эдди не смог подавить улыбку. Однако, с улыбкой или без, он встревожился. Подумал, не вызван ли крайне неприятный скрип, который он слышал в своем воображении, движениями трехпалой правой руки Роланда, обследующей самое дно бочки с шансами на благополучный исход.

Роланд пожал плечами, как бы показывая, что ему без разницы, куда собирался поехать Каллем, в Вермонт или баронство Гарлан.

— Ответь на мой вопрос.

— Ну...

Каллем действительно не стремился к отъезду. И с самого начала повел себя так, словно он — скорее, один из них, чем один из травоядных, среди которых жил (Эдди без труда отличал травоядных, поскольку сам был таким до того, как Роланд «извлек» его и начал учить жизни). Стрелки определенно заинтриговали Каллема, и ему хотелось знать, что занесло их в его маленький город. Но Роланд вел себя скрытно, когда речь заходила о том, что ему нужно, а люди обычно старались не задавать ему лишних вопросов.

Теперь же он вновь крутанул правой рукой, демонстрируя нетерпение. «Поторопись, ради своего отца. Просрись или слезай с „очка“».

— Как я понимаю, ехать ему не хотелось, — ответил Эдди. — Но это не означает, что он сейчас в своем доме в Ист-Стоунэме.

— Тем не менее, он там. Никуда не поехал.

Немалым усилием Эдди удалось удержать отваливающуюся челюсть.

— Откуда ты знаешь? Прикосновения, да?

Роланд покачал головой.

— Тогда как...

— Ка.

— Ка? Ка? И что ты хочешь этим сказать?

На осунувшемся лице Роланда отражалась усталость, сквозь загорелую кожу просвечивала бледность.

— Кого еще мы знаем в этой части мира?

— Никого, но...

— Значит, это он, — Роланд не повышал голоса, тем же тоном ребенку объясняли прописные истины: верх — это над головой, низ — это там, где ноги упираются в землю.

Эдди уже собрался ответить, что глупости все это, не более, чем

суеверия, но предпочел промолчать. За исключением Дипно, Тауэра, Стивена Кинга, отвратительного Джека Андолини, Джон Каллем действительно был единственным человеком, которого они знали в этой части мира (или на этом уровне Темной башни, если вы предпочитали оперировать такими категориями). А после того, что Эдди довелось увидеть в последние месяцы... черт, даже в последнюю неделю... мог ли он посмеиваться над суевериями?

— Хорошо, — кивнул Эдди. — Давай попробуем.

— Как нам с ним связаться?

— Мы можем позвонить из Бриджтона. Но в любой истории, Роланд, третьестепенный персонаж, вроде Джона Каллема, никогда не поднимается со скамьи запасных, чтобы спасти игру. Реализмом тут и не пахнет.

— А вот в жизни, — ответил Роланд, — я уверен, такое случается сплошь и рядом.

Эдди рассмеялся. А что еще ему оставалось делать? Ничего другого ждать от Роланда и не приходилось.

БРИДЖТОН ХАЙ-СТРИТ

ОЗЕРО ХАЙЛЕНД 2

ГАРРИСОН 3

УОТЕРФОРД 6

СУИДЕН 9

ЛОУВЕЛЛ 18

ФРАЙБУРГ 24

Они как раз миновали щит-указатель, когда Эдди обратился к стрелку: «Пошарь в бардачке, Роланд. Посмотри, не оставили ли нам ка, Луч или кто-то еще немного мелочи для телефона-автомата».

— В бар... Ты про эту панель?

— Да.

Роланд сначала попытался повернуть хромированную кнопку на передней панели, потом смекнул, что к чему, и нажал на нее. Панель откинулась. Внутри оказалось сорочье гнездо, которое перетряхнуло во время короткого периода невесомости. Квитанции кредитных карточек, очень старый тюбик чего-то, названного Эдди зубной пастой (Роланд смог разобрать только два слова, набранные крупными буквами: «ХОЛМСДЕНТАЛ»), фоттеграф маленькой, улыбающейся девочки, должно

быть, племянницы Каллема, на пони, какая-то трубочка, похожая на взрывчатку (Эдди сказал, что это сигнальная ракета на случай чрезвычайного происшествия на дороге), журнал с непонятным названием, что-то вроде «ЯНКМИ»... и коробка из-под сигар. Роланд не мог понять что написано на приклеенном на коробке бумажной прямоугольнике. Подумал, что «своры». Такого слова он не знал. Протянул коробочку Эдди, у которого тут же вспыхнули глаза.

— Тут написано «СБОРЫ»^[8]. Может, ты прав насчет Каллема и ка. Открой ее, Роланд, открой, пожалуйста.

Ребенок, которому отдали эту коробочку для игр, снабдил ее защелкой, не дававшей крышке подняться. Роланд отвел защелку, открыл крышку и показал Эдди множество серебряных монеток.

— Этого хватит, чтобы позвонить в дом сэя Каллема?

— Да, — кивнул Эдди, — хватит, чтобы позвонить в Фэрбанкс, что на Аляске. Но все эти монетки ничем нам не помогут, если Каллем уже едет в Вермонт.

5

Одну сторону городской площади Бриджтона занимали аптечный магазин и пиццерия, противоположную — кинотеатр («Магический фонарь») и универмаг («Ренис»). Между кинотеатром и универмагом находилась маленький скверик со скамейками и тремя телефонами-автоматами.

Эдди порылся в коробке с мелочью Каллема и выдал Роланду шесть долларов четвертаками.

— Я хочу, чтобы ты пошел туда, — он указал на аптечный магазин, — и купил мне пузырек с таблетками аспирина. Ты поймешь, что это он, когда увидишь?

— Астин. Да, я знаю, как он выглядит.

— Возьми самый маленький, какой только у них будет, потому что шесть баксов — деньги небольшие. Потом зайди в соседний дом. С вывеской «Пицца и сэндвичи». Если у тебя останется не меньше шестнадцати момент, скажи, что ты хочешь hoagie^[9].

Роланд кивнул, но Эдди этим не удовлетворился.

— Хочу услышать, как ты произнесешь это слово.

— Hoggie.

- Hoogie.
- HOOG-gie.
- Но... — Эдди замолчал. — Роланд, скажи-ка «poor boy»^[10].
- Poor boy.
- Lots of mayo.
- Годится. Если останется меньше шестнадцати, попроси сэндвич с салями и сыром. Сэндвич — не тыкву.
- Салами сэндвич.
- Похоже. И ничего не говори без крайней на то необходимости.

Роланд кивнул. Он признавал правоту Эдди. Действительно, лучше не раскрывать рта. Людям достаточно одного взгляда, чтобы сразу понять, почувствовать в глубине сердца, что он не из этих мест. Они также интуитивно знали, что лучше уступить ему дорогу. Так что незачем усугублять их подозрительность.

Рука Роланда по привычке упала к левому бедру, когда он повернулся, чтобы вылезти из кабины, однако, на этот раз нащупала пустоту: оба револьвера, завернутые в пояса-патронташи, лежали в багажнике «гэлакси» Каллема.

Но, прежде чем он ступил на землю, Эдди схватил его за плечо. Стрелок развернулся, удивленно изогнув брови, выцветшие глаза уставились на друга.

— В нашем мире есть поговорка, Роланд... мы говорим, что кое-кто хватается за соломинки.

— И что это означает?

— Это самое, — устало ответил Эдди. — Чем мы сейчас занимаемся. Пожелай мне удачи, дружище.

Роланд кивнул.

— Ага, желаю. Нам обоим.

Начал отворачиваться, но Эдди вновь позвал его. На этот раз на лице Роланда отразилось легкое раздражение.

— Будь осторожен, переходя улицу, — тут Эдди скопировал интонации Каллема. — Эти летние туристы не смотрят, куда едут. А автомобиль, знаешь ли, не лошадь.

— Не тяни со звонком, Эдди, — ответил Роланд, вылез из автомобиля и неспешно и уверенно пересек Главную улицу Бриджтона, размеренной поступью, как пересекал тысячи других Главных улиц в тысячах других маленьких городков.

Эдди проводил его взглядом, а потом направился к телефонам автоматам. Нашел номер телефонной справочной и позвонил туда.

Он не уехал, уверенно заявил стрелок, говоря о Джоне Каллеме. Но почему? Потому что Каллем был последним шансом, только ему они могли и позвонить? Другими словами, их действия опять определяла эта чертова старая карга, ка Роланда из Гилеада.

После короткой паузы оператор телефонной справочной продиктовала ему номер Каллема. Эдди попытался его запомнить, он всегда хорошо запоминал числа, Генри иной раз даже называл его Маленьким Эйнштейном. Но на этот раз не решился полагаться на память. Что-то, похоже, произошло, то ли с его мыслительными процессами вообще (в это он не верил), то ли со способностью запоминать некоторые элементы культуры этого мира (вот с этим, пожалуй, спорить бы не стал). Попросив повторить номер и записав его на пыльной стенке навеса над телефоном-автоматом, Эдди вдруг задался вопросом, а сможет ли он читать роман, сложатся ли для него движущиеся картинки на экране в фильм с единым сюжетом? Но разве это имело хоть какое-то значение? В «Магическом фонаре», по одну сторону от скверика, показывали «Звездные войны», и Эдди подумал: если он дойдет до конца жизненной тропы и ступит в пустошь, больше ни разу не взглянув на Люка Скайуокера или не услышав шумного дыхания Дарта Вадера, он все равно ни о чем жалеть не будет.

— Спасибо, мэм, — поблагодарил он телефонистку и уже собрался набрать номер, когда за спиной один за другим прогремели несколько взрывов. Эдди развернулся, с гулко забившимся сердцем, уронив правую руку к бедру, ожидая увидеть Волков, охотников, даже этого сукиного сына Флэгга...

Но увидел автомобиль с откидным верхом, набитый хохочущими подростками, по виду, учениками средней школы, с обожженными солнцем щеками. Один из них «отстреливал» шутихи, оставшиеся от празднования Четвертого июля, Дня независимости. В Калья Брин Стерджис их сверстники называли такие громыхалками.

«Будь у меня на бедре револьвер, я, скорее всего, уложил бы пару этих придурков, — подумал Эдди. — Чтоб знали, как вести себя в общественном месте». Да. Пожалуй. А может, и не уложил бы. В любом случае ему пришлось признать: в более цивилизованных мирах он стал опасен для окружающих.

— Придется с этим жить, — пробормотал он, потом добавил любимое слово великого мага и знаменитого наркомана, адресованное решению

маленьких жизненных проблем. — Договорились.

Он набрал номер Джона Каллема на архаичном телефонном аппарате с вращающимся диском, и когда голос робота, возможно, пра-пра-пра-пра-пра-прабабушки Блейна Моно попросил бросить в щель девяносто центов, бросил бакс. Почему нет, он же спасал мир.

Раздался гудок... второй... потом трубку сняли!

— Джон! — прямо-таки заорал в трубку Эдди. — Ну, слава Богу! Это...

Но голос на другом конце провода уже отвечал. И Эдди, дитя середины восьмидесятых годов, знал, что ничего хорошего это не сулит.

— ...позвонили Джону Каллему из «Каллем кэтейкинг и кэмп чекинг», — отвечал, понятное дело, голос Джона Каллема, тянущий слова с характерным выговором уроженца Новой Англии. — Мне пришлось внезапно отъехать, вы понимаете, и я не могу с определенностью сказать, когда вернусь. Если это вызовет неудобства, прошу меня извинить, но при необходимости вы можете позвонить Гэри Кроуэллу, телефон 92 6-5555, или Джуниору Бейкеру, телефон 929-4211...

Первоначальный испуг Эдди испарился, испарился, как сказал бы Каллем, где-то в тот момент, когда записанный нерешительный голос Каллема сообщал о том, что его обладатель не очень-то знает, когда сможет вернуться. По той простой причине, что Каллем никуда и не уезжал, находился в маленьком, аккуратном коттедже на берегу Кейвадин-Понд, сидел то ли на большущем диване, то ли в одном из двух кресел. Сидел и слушал послания, которые записывались на довольно-таки примитивный автоответчик семидесятых годов. Эдди это знал, потому что... ну...

Потому что знал.

Запись не смогла скрыть нотки озорства, которая прокралась в голос Каллема на последних фразах.

— Если вы все еще хотите поговорить ни с кем, можете оставить сообщение после звукового сигнала. Только короткое.

Эдди дождался сигнала, после чего сказал: «Это Эдди Дин, Джон. Я знаю, что вы меня слушаете, и, думаю, ждали моего звонка. Не спрашивайте, откуда я это знаю, потому что я не имею об этом ни малейшего понятия, но...

В трубке раздался громкий щелчок и послышался голос Каллема, живой голос: «Привет, сынок, вы хорошо заботитесь о моей машине?»

На мгновение Эдди даже не нашелся с ответом, потому что из-за местного выговора вопрос получился совсем другой: «Вы хорошо заботитесь о моей ка^[11]»?

— Сынок? — в голосе Каллема зазвучала тревога. — Ты на линии?

— Да, — ответил Эдди, — как и вы. Я думал, что вы собирались в Вермонт, Джон.

— Ну, вот что я тебе скажу. Такого волнительного дня у нас не было с тех пор, как в 1923 году в Саут-Стоунэме сгорел обувной магазин. Копы перекрыли все дороги, ведущие из города.

Эдди не сомневался, что местные жители могли миновать любой блокпост, предъявив соответствующее удостоверение личности, но тут у него в голове мелькнула другая идея.

— Вы хотите сказать, что не сможете выбраться из города, возникни у вас такое желание, не повстречав ни единого копа?

Последовала короткая пауза. Эдди почувствовал, что кто-то стоит рядом. Не поворачиваясь, понял, что Роланд. Кто еще в этом мире мог пахнуть, тонко, но бесспорно, другим миром?

— Ну, ладно, — наконец подал голос Каллем. — Может, я знаю лесную дорогу, или две, которые ведут в Лоувелл. Лето выдалось сухим, пожалуй, смогу проехать по ним на моем пикапе.

— Одну или две?

— Ну, скорее, три или четыре, — вновь пауза, которую Эдди не стал прерывать. Разговор с Каллемом доставлял ему безмерное удовольствие. — Пять или шесть, — вновь Эдди не отреагировал. — Восемь, — и когда Эдди рассмеялся, Каллем спросил. — А что у тебя на уме, сынок?

Эдди глянул на Роланда, который протягивал ему зажатый в оставшихся пальцах правой руки жестяной тубик с таблетками аспирина. Благодарно кивнул.

— Я бы хотел, чтобы вы приехали в Лоувелл, ответил он Каллему. — Похоже, нам нужно еще кое о чем поговорить.

— Да, а я, судя по всему, это чувствовал, только не головой, а сердцем, потому что в голове вертелась мысль: «Скоро я уеду в Монпелье». Однако, находил какие-то мелкие поводы, чтобы задержаться подольше. Если б ты позвонил пятью минутами раньше, линия была бы занята. Я говорил с Чарли Бимером. Его жену и убили в магазине, знаете ли. И ее сестру. А потом я подумал: «Какого черта, приберусь-ка я в доме, прежде чем брошу чемодан в пикап и уеду». Нет, в голове ничего не было, но сердцем я все-таки ждал звонка с того самого момента, как проводил вас. Где вы будете? На Тэтлбек-лейн?

Эдди вскрыл тубик, с жадностью посмотрел на таблетки. Наркоман навсегда остается наркоманом, согласился он с народной мудростью.

— Именно. Вы говорили, что Тэтлбек-лейн — двухмильная дорога,

которая обеими концами упирается в шоссе 7, не так ли?

— Говорил. На Тэтлбек такие красивые дома, — короткая, раздумчивая пауза. — Правда, многие продаются. В последнее время там появилось очень уж много приходящих. О чем, я, кажется, уже упоминал. Людей они нервируют, а богатые могут позволить себе переехать из тех мест, где что-то мешает им спокойно спать по ночам.

Больше Эдди ждать не мог. Взял три таблетки аспирина и бросил в рот, наслаждаясь горечью, которые они оставили на языке. Боль, конечно, доставала его, но он мог бы выдержать и куда как более сильную, если б ему удалось получить весточку от Сюзанны. Но она не давала о себе знать. У него возникла мысль, что линия связи между ними, и без того ненадежная, перестала существовать после рождения ребенка Миа.

— Вам, парни, лучше бы держать ваши стреляющие железки под рукой, раз уж вы направляетесь на Тэтлбек в Лоувелле, — продолжил Каллем. — Что касается меня, то я брошу дробовик в кабину, прежде чем садиться за руль.

— Почему нет? — согласился Эдди. — Вы хотите увидеть свою машину где-нибудь на Тэтлбек-лейн, не так ли? Обязательно увидите.

— Да уж, старую «гэлекси» не спутаешь ни с какой другой, — согласился Каллем. — Скажи мне, сынок, в Вермонт я вот не поехал, но у меня такое чувство, что вы хотите меня куда-то послать, если я соглашусь. Тебя не затруднит сказать, куда именно?

Эдди подумал, что Марк Твен мог бы назвать следующую главу, несомненно, колоритной жизни Джона Каллема «Янки из Мэна при дворе Алого Короля», но решил не озвучивать свои слова.

— Вы бывали в Нью-Йорке?

— Господи, конечно. Провел там увольнительную на сорок восемь часов, когда служил в армии. Насколько помню, побывал в мюзик-холле «Радио Сити» и в Эмпайр-Стейт-Билдинг. Должно быть, увидел и другие достопримечательности, потому что мой кошелек похудел на тридцать долларов, а два месяца спустя мне поставили диагноз: триппер.

— На этот раз у вас будет слишком много дел, чтобы подхватить триппер. Возьмите с собой кредитные карточки. Я знаю, что они у вас есть, потому что в бардачке лежат квитанции.

— Там действительно бардак, не так ли? — любопытствовал Каллем.

— Ага, выглядело все, как изжеванная собакой обувь. Увидимся в Лоувелле, Джон, — и Эдди повесил трубку. Посмотрел на пакет в другой руке Роланда, изогнул брови.

— Это сэндвич «пубой», — пояснил Роланд, — с большим количеством майо, уж не знаю, что это такое. Я бы предпочел соус, который не выглядит, как сперма, но, возможно, тебе виднее.

Эдди закатил глаза.

— Боже, умеешь же ты разжечь аппетит.

— Ты так говоришь?

Эдди пришлось напомнить себе, что чувство юмора у Роланда отсутствовало практически полностью.

— Говорю, говорю. Пошли. Я смогу съесть мой спермо-сырный сэндвич и за рулем. Опять же, нам надо обсудить, как строить разговор с Каллемом.

7

Они сошлись во мнении, что Джону Каллему следует рассказать все, во что он сможет поверить и что выдержит его психика. Чтобы потом, если не возникнет неожиданных осложнений, вручить ему акт купли-продажи и направить к Эрону Дипно. Строго наказав, что разговор с ним надо вести в отсутствие не заслуживающего доверия Келвина Тауэра.

— Каллем и Дипно на пару сумеют найти Мозеса Карвера, — сказал Эдди, — а я сообщу Каллему достаточно сведений о Сюзи... личного порядка, чтобы убедить Карвера, что она по-прежнему жива. В конце концов... все будет зависеть именно от убедительности Дипно и Каллема. И той энергии, которую они вложат в создание «Тет корпорейшн» на закате жизни. Эй, эта парочка еще сможет удивить нас! Я не могу представить себе Каллема в костюме и при галстукке, но разъезжающим по стране, чтобы тормозить бизнес «Сомбры»... почему нет? Он задумался, склонив голову набок, котом кивнул, улыбаясь. — Да. Это у него получится.

— Крестный отец Сюзанны тоже должен быть третьим калачом, — заметил Роланд. — Только с кожей другого цвета. Такие люди часто говорят на одном языке, когда составляют ан-тет. И, возможно, я смогу дать Каллему нечто такое, что поможет ему убедить Карвера войти в нашу компанию.

— Сигул?

— Да.

Его слова заинтриговали Эдди.

— Какой?

Но, прежде чем Роланд успел ответить, Эдди пришлось надавить на

педаль тормоза. Они уже были в Лоувелле, на Шоссе 7, а им навстречу, вдоль придорожного кювета, шатаясь из стороны в сторону, шел старик с торчащими во все стороны включенными седыми волосами. В рубище из грязной материи. Костлявые руки и ноги покрывали царапины и язвы. Шел он босиком, а место ногтей занимали отвратительные и грозного вида желтые когти. Под мышкой нес какой-то деревянный предмет, похожий на сломанную лютню. Эдди подумал, что очень уж странно смотрится этот старик на шоссе, где ранее им встречались только серьезного вида бегуны трусцой, определенно, приезжие, в нейлоновых шортах, бейсболках и футболках (у одного на груди Эдди прочитал: «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В ТУРИСТОВ»).

Старик тем временем приближался, медленно, но верно сокращая расстояние до «гэлакси», и с губ Эдди сорвался крик ужаса. Глаза старика сливались над переносицей, напоминая двухжелтковое яйцо на сковородке. Из одной ноздри, как бивень, торчал клык. Но наибольшее отвращение вызывало зеленоватое свечение лица старика. Словно на кожу нанесли тонкий слой флуоресцирующей каши-размазни.

Странное существо увидело их и метнулось в лес, бросив расщепленную лютню.

— Господи! — вырвалось у Эдди. Если это был проходящий, он очень надеялся, что ему уже не доведется увидеть второго.

— Остановливайся, Эдди! — крикнул Роланд, ударил ребром ладони по приборному щитку «форда» Каллема, который, подняв шлейф пыли, замер на обочине рядом с тем местом, где скрылся в лесу жуткий старик.

— Открой заднюю крышку, — Роланд уже распахнул дверцу со стороны пассажирского сидения. — Достань мой вдоводел.

— Роланд, мы спешим, а до Тэтлбек-лейн еще три мили на север. Я думаю, нам надо...

— Заткнись и принеси его! — проревел Роланд, затем побежал к лесу. Глубоко вдохнул, а когда что-то прокричал вслед убежавшему уроду, от его голоса по рукам Эдди побежали мурашки. Раз или два он слышал, как Роланд говорил таким вот голосом, но в промежутках не составляло труда забыть, что в венах стрелка текла королевская кровь.

Он произнес несколько фраз, которых Эдди не понял, но последнюю разобрал: «Иди сюда, ты, дитя Родерика, ты, сгнивший, ты, заблудший, и преклони колени передо мной, Роландом, сыном Стивена, из рода Эльда».

Поначалу ничего не изменилось. Эдди открыл багажник «форда», принес Роланду его револьвер. Стрелок затянул пояс-патронташ, даже не взглянув на Эдди, не говоря уж о том, чтобы поблагодарить.

Прошло тридцать секунд. Эдди уже открыл рот, чтобы предложить Роланду продолжить путь, когда шевельнулась запыленная придорожная листва. А еще через пару мгновений из леса появился старик с седыми космами. Он плелся, едва переставляя ноги, с опущенной головой. На рубище расплывалось большое мокрое пятно. Эдди почувствовал сильный запах свежей мочи.

Однако, урод упал на колени и поднял деформированную руку ко лбу, с такой обреченностью, что Эдди едва не заплакал.

— Хайл, Роланд из Гилеада, Роланд Эльдский! Ты покажешь мне какой-то знак, дорогой?

В городке Речной Перекресток старая женщина, которая называла себя матушка Талита, дала Роланду серебряный крестик на серебряной же, из мелких звеньев, цепочке. С тех пор Роланд носил крестик на груди. Теперь сунул руку за пазуху и показал крестик коленопреклоненному старику, медленному мутанту, умирающему от радиоактивной болезни, Эдди в этом не сомневался, и мутант издал крик изумления.

— Ты найдешь покой в конце своего пути, ты, дитя Родерика? Ты найдешь покой на пустоши?

— Да, мой дорогой, — ответил мутант, рыдая, а потом заговорил на тарабарском языке и Эдди не смог разобрать ни слова. Посмотрел направо, налево, ожидая увидеть приближающиеся автомобили, все-таки лето, разгар отпускного сезона, но шоссе 7 пустовало, никаких машин. Удача явно им благоволила.

— Сколько таких, как ты, в этих местах? — спросил Роланд, прерывая проходящего. Произнося эти слова, он достал из кобуры револьвер и поднял орудие смерти на уровень груди.

Дитя Родерика вскинул руку к горизонту, не поднимая головы.

— Делах^[12], стрелок, ибо здесь перегородки между мирами тонки, скажи анро кон фа; сей-сей дезине фанно билле собайр кан. Я, Черин, девар дан ду. Потому что я грущу по ним. Кан-тои, Кан-тах. Кан Дискордия, авен ла кам мах кан. Если лах вайнен, то...

— Как много дан девар?

Мутант обдумал вопрос Роланда, пять раз растопырил пальцы (Эдди их сосчитал: десять). Хотя чего пятьдесят, Эдди не знал.

— И Дискордия? — резко спросил Роланд. — Ты действительно так говоришь?

— О, да, так говорю я, Чевин из Чайвена, сын Хамила, менестрель Южных равнин, которые когда-то были моим домом.

— Скажи мне название города, который стоит у замка Дискордия, и я

освобожу тебя.

— Ах, стрелок, там все мертвы.

— Я так не думаю. Называй его.

— Федик! — вскричал Чевин из Чайвена, странствующий музыкант, который и представить себе не мог, что его жизнь оборвется в таком далеком, странном месте, не на равнинах Срединного мира, а в горах западного Мэна. Внезапно он поднял голову, обратился к Роланду свое жуткое, светящееся лицо. Широко раскинул руки, словно распятый на кресте.

— Федик — на дальней стороне Тандерклепа, на Тропе луча! На Луче Шардика, на Луче Матурин, на Пути к Темной...

Револьвер Роланда рывкнул один только раз. Пуля попала коленопреклоненному мутанту в лоб, окончательно изуродовав и без того страшное лицо. Когда Чевин падал на землю, его плоть на глазах Эдди превратилась в зеленоватый дым, эфемерный, как крыло шершня. С мгновение Эдди видел зависшие в воздухе зубы Чевина из Чайвена, напоминающие коралловое кольцо, потом исчезли и они.

Роланд бросил револьвер в кобуру. Потом выставил оставшиеся пальцы правой руки и привел ими сверху вниз перед лицом, словно отпуская мутанту его грехи.

— Дай ему покой, — сказал Роланд, после чего расстегнул пояс-патронташ и начал заворачивать в него револьвер.

— Роланд, это был... это был медленный мутант?

— Да, полагаю, можно сказать и так, бедный старик. Но Родерики, насколько мне известно, жили за морями, за долами, на краю света, хотя, прежде чем мир сдвинулся, они присягнули на верность Артуру Эльдскому, — он повернулся к Эдди, синие глаза горели на усталом лице. — Федик — тот самый город, куда Миа отправилась рожать своего ребенка. Куда взяла Сюзанну. К последнему замку. Вероятно, нам придется вернуться в Тандерклеп, но сначала мы должны попасть в Федик. Как хорошо знать, где Сюзанна.

— Он сказал, что он грустит. По кому?

Роланд только покачал головой, не ответив на вопрос Эдди. Мимо проехал грузовик «Кока-колы», далеко на западе громыхнул гром.

— Федик у Дискордии, — пробормотал стрелок. — Федик — Красная смерть. Если мы сможем спасти Сюзанну... и Джейка... мы пойдем назад, к Пограничью, к Кальям. Но мы вернемся, лишь закончив наши дела здесь. А когда вновь повернем на юго-восток...

— Что? — с тревогой спросил Эдди. — Что тогда, Роланд?

— Тогда мы не остановимся, пока не достигнем Башни, — он вытянул перед собой руки, посмотрел на их дрожь, потом повернулся к Эдди. На его лице читалась усталость, но не страх. — Никогда я не был так близок к ней. Я слышу шепот всех моих ушедших друзей и их ушедших отцов. И шепчут они про близость Башни.

Эдди с минуту смотрел на Роланда, зачарованный и испуганный. Затем усилием воли отвел взгляд.

— Ладно, — он направился к открытой дверце у водительского сидения, — если эти голоса шепчут тебе и что нужно сказать Каллему, чтобы убедить его сделать все, что нам от него нужно... ты уж, пожалуйста, дай мне знать.

Эдди сел за руль и захлопнул дверцу до того, как Роланд успел ответить. Мысленным взором он по-прежнему видел Роланда, вытягивающего руку с большим револьвером, целящегося в коленопреклоненную фигуру, нажимающего на спусковой крючок. И этого человека он называл старшим и другом. Но мог ли он с уверенностью утверждать, что Роланд не проделал бы такого с ним... с Сюзи... с Джейком... если бы сердце сказало ему, что этим он приблизится к своей Башне? Не мог. И однако, шел с ним. И пошел бы даже в том случае, если бы в глубине сердца знал, не дай Бог, конечно, что Сюзанна мертва. Потому что не мог поступить иначе. Потому что Роланд был для него даже больше, чем старший и друг.

— Отцом, — выдохнул Эдди перед тем, как Роланд открыл дверцу и залез в кабину.

— Ты что-то сказал, Эдди? — спросил Роланд.

— Да, — ответил Эдди. — «Чуть дальше^[13] нам поворачивать». Мои слова.

Роланд кивнул. Эдди включил передачу и «форд» покатился к Тэтлбек-лейн. Еще вдалеке, но чуть ближе, чем раньше, вновь громыхнул гром.

Глава 4. Дан-тете

1

Момент появления ребенка на свет приближался, и Сюзанна Дин огляделась, вновь сосчитав своих врагов, как ее учил Роланд. «Ты не должна открывать огонь, — говорил он, — не зная, кто и в каком количестве противостоит тебе. Конечно, есть еще два варианта. Или ты твердо знаешь, что сосчитать их нет никакой возможности, или решила умереть в этот день». Ей, понятное дело, хотелось отделаться от этого ужасного, вторгающегося в мысли шлема, но, каким бы ни было его предназначение, шлем этот не мешал Сюзанне пересчитывать тех, кто почтил своим присутствием рождение малого Миа. И ее это радовало.

Во-первых, Сейр, который командовал парадом. «Низкий» мужчина, с одним из пульсирующих красных пятен во лбу. Потом Скоутер, врач, который устроился между ног Миа, готовясь принять роды. Сейр быстро поставил дока на место, когда тот повел себя слишком уж нагло, но, похоже, не собирался мешать ему выполнять профессиональный долг. Кроме Сейра, Сюзанна насчитала еще пятерых «низких людей», но по именам знала только двоих. Одного из них, с бульдожьей мордой и толстым животом, звали Хабер. Рядом с Хабером стояла птицетварь с головой в коричневых перьях и злобными глазами ястреба. Это существо звали то ли Джей, то ли Джи. Все семеро были вооружены автоматическими пистолетами, рукоятки которых торчали над кобурами. Пистолет Скоутера вылезал из-под белого халата всякий раз, когда врач наклонялся. Сюзанна уже решила, что постарается завладеть именно этим пистолетом.

К ним следовало прибавить троих бледных, настороженных существ, которые стояли за Миа. По густо-синим аурам Сюзанна определила, что это вампиры. Возможно, из тех, кого отец Каллагэн относил к третьему типу (бывший священник еще сравнивал их с рыбой-лоцманом). Итого, десять. У двух вампиров были арбалеты, у третьего — какой-то электрический меч, который сейчас, опущенный вниз, чуть светился. Если б ей удалось добраться до пистолета Скоутера («Когда ты завладеешь им, сладенькая», — поправила она себя. Она прочитала книгу «Мощь позитивного мышления» и до сих пор верила каждому слову преподобного Пила»), она в первую очередь намеревалась нейтрализовать вампира с

электрическим мечом. Лишь Господь знал, какой урон могло нанести это оружие, но Сюзанна Дин не хотела этого выяснять.

Присутствовала еще и медицинская сестра с головой большой коричневой крысы. Пульсирующий красный глаз в центре лба подсказал Сюзанне, что на всех остальных «низких людях» человеческие маски, которые они носили с тем, чтобы, не пугать своих жертв, когда приходилось выйти на улицы Нью-Йорка. Возможно, не все маски скрывали крысиные морды, но Сюзанна точно знала, что никто из них не похож на Роберта Гуле^[14]. И, насколько она могла видеть, оружия не было только у крысоголовой медсестры.

Итак, всего одиннадцать. Одиннадцать на весь огромный и, по большей части, пустой лазарет, расположенный, на этот счет сомнений у нее практически не было, отнюдь не под Манхэттеном. И она, пожалуй, могла положить всех, воспользовавшись тем, что их внимание сосредоточено на ребенке Миа, ее драгоценном малом.

— Он идет, доктор! — нервно и восторженно воскликнула медсестра.

Она не ошиблась. Подсчеты Сюзанны оборвал приступ жуткой боли, какой ей еще не доводилось испытывать. Боль эта захлестнула их обоих. Накрыла с головой. Они закричали в унисон. А Скоутер требовал от Миа: «Тужься! Тужься! ТУЖЬСЯ!»

Сюзанна закрыла глаза и тоже тужилась, потому что это был и ее ребенок... во всяком случае, был раньше. И чувствуя, как боль уходит из нее, будто вода в сливное отверстие раковины, она ощутила глубочайшую печаль. Ибо ребенка она полностью переправила Миа: последние несколько строк живого послания, которые каким-то образом заставили передать тело Сюзанны. На том все и закончилось. Что бы ни произошло потом, эта страница ее жизни переворачивалась, вот Сюзанна Дин и издала крик облегчения и сожаления, крик, который прозвучал, как песня.

А потом, до того, как начался кошмар, столь ужасный, что мельчайшие подробности она будет помнить предельно четко, словно высвеченные ярким прожектором, до того дня, как шагнет в пустошь, Сюзанна почувствовала маленькую горячую руку, охватившую ее запястье. Повернула голову, вместе с надетым на нее металлическим шлемом. Услышала, как ахнула. Встретилась взглядом с Миа. Последняя разлепила губы и произнесла одно-единственное слово. Сюзанна не смогла расслышать его за ревом Скоутера (тот, подняв щипцы над головой, наклонился, всматриваясь между ног Миа). Однако, услышала его и поняла, что Миа старается выполнить свое обещание.

«Я освобожу тебя, если представится случай», обещала ее

похитительница, и теперь в голове Сюзанны прозвучало слово: «Чеззет». Его же она увидела на губах рожающей женщины.

«Сюзанна, ты меня слышишь?»

«Я слышу тебя очень хорошо», — ответила Сюзанна.

«И ты помнишь наш уговор?»

«Ага. Я помогу тебе выбраться отсюда с твоим малым, если смогу. И...»

«И убьешь нас, если не сможешь! — истово закончил фразу голос. Раньше он не был таким громким. Сюзанна не сомневалось, что частично его усиливает соединительный кабель. — Скажи это, Сюзанна, дочь Дэна!»

«Я убью вас обоих, если вы...»

Она замолчала. Миа, похоже, такой ответ устроил, Сюзанну — тем более: она не смогла бы реализовать задуманное, если бы от нее зависели жизни матери и младенца. Ее взгляд случайно поднялся к потолку огромного помещения и там, над рядами кроватей, разделенными проходами, она увидела Эдди и Роланда. Точнее, их расплывчатые силуэты, появляющиеся из потолка и скрывающиеся в нем. Они смотрели на нее, как рыбы-фантомы.

Вновь схватка, но уже не такая сильная. Сюзанна чувствовала, как напрягаются бедра, стараясь помочь животу что-то вытолкнуть из себя, но эти ощущения отступили на периферию сознания, не имели ровно никакого значения. Что имело, так это ответ на вопрос: действительно ли она видит то, что, по ее разумению, открылось ей под потолком? Может, просто сказалось перенапряжение, и сознание, в стремлении обрести поддержку, создало эту галлюцинацию, чтобы успокоить ее?

Она почти поверила, что это галлюцинация. Поверила бы полностью, не будь они оба голые, не окружай их странная коллекция плавающего в воздухе мусора: книжица со спичками, орешек, табачный пепел, цент. И напольный автомобильный коврик! Напольный автомобильный коврик с большими буквами, складывающимися в слово: «FORD».

— Доктор, я вижу го...

Фраза оборвалась недовольным визгом, потому что доктор Скоутер, не показав себя джентльменом, бесцеремонно отпихнул Крыску-медсестру и наклонился еще ниже, чуть ли не сунулся лицом в промежность Миа. Словно решил вытаскивать ее малого зубами. Ястреб, то ли Джей, то ли Джи, возбужденно заговорил с Хабером на каком-то жужжащем языке.

«Они действительно здесь, — подумала Сюзанна. — Напольный коврик — тому доказательство». Она не могла сказать, каким образом напольный коврик доказывает присутствие в лазарете Роланда и Эдди,

только знала, что доказывает. И произнесла слово, которое сообщила ей Миа: «чезнет». Это был пароль. Открывающий, как минимум, одну дверь, а может — многие. Сомнений в том, что Миа говорит правду, у Сюзанны даже не возникло. Их связывали воедино не только шлемы, соединенные кабелем, но более естественный (и значительно более мощный) процесс рождения ребенка. Нет, Миа не врала.

— Тужься, ты, проклятая богами ленивая сучка! — проорал Скоутер, и Роланд с Эдди внезапно исчезли в потолке, словно их сдуло потоком воздуха, вырвавшегося изо рта врача. По разумению Сюзанны, так оно и было.

Она повернулась на бок, чувствуя, как волосы прилипают к голове, а пот галлонами изливается из тела. Она чуть придвинулась к Миа, чуть приблизилась к Скоутеру, чуть приблизилась к перекрестному рифлению, нанесенному на металл рукоятки автоматического пистолета Скоутера.

— Лежи тихо, сестричка, послушай меня, прошу, — один из «низких» мужчин коснулся плеча Сюзанны. Холодной, пухлой рукой, с большими перстнями на пальцах. От этого прикосновения по коже Сюзанны побежали мурашки. — Все закончится через минуту, а потом переменятся все миры. Когда этот малыш присоединится к Разрушителям в Тандерклепе...

— Заткнись, Стро! — рявкнул Хабер и оттолкнул того, кто пытался успокоить Сюзанну. А затем вновь сосредоточил все внимание на родах.

Миа выгнула спину, застонала. Крысоголовая медсестра положила руки ей на бедра, мягко надавила на них.

— Давай же, давай, тужься, выталкивай его из живота.

— Жри говно, сука! — закричала Миа, но Сюзанна чувствовала лишь отголоски ее боли, и ничего больше. Связь между ними сходила на нет.

Собрав волю в кулак, Сюзанна выкрикнула в глубине своего сознания: «Эй! Эй, Позитронная леди! Ты еще здесь?»

— Связь... разорвана, — ответил ей приятный женский голос. Как и прежде, раздался он в глубине головы Сюзанны, но, в отличие от прошлого раза, ему явно не хватало четкости и громкости, он напоминал голос из радиоприемника, едва слышный из-за атмосферных помех. — Повторяю: связь... разорвана. Мы надеемся, вы будете обращаться в Северный центр позитроники при увеличении ваших духовных запросов. И в «Сомбра корпорейшн», признанного лидера в обеспечении прямого общения разумов с десятилетиями года!»

Потом глубоко в мозгу Сюзанны раздалось громкое «БИИ-ИИИП», от которого заныли зубы, и связь оборвалась. Исчез не только ужасающе-приятный женский голос, исчезли все ощущения, связанные с родами. Она

почувствовала, будто вырвалась из какой-то компрессионной ловушки, до боли сжимавшей все тело.

Миа закричала вновь, и Сюзанна ответила своим криком. Частично потому, что не хотела извещать Сейра и остальных об обрыве связи между ней и Миа; частично от искреннего сожаления. Она потеряла женщину, которая, в определенном смысле, стала ей родной сестрой.

«Сюзанна? Сюзи, ты здесь?»

Она начала приподниматься на локтях, услышав этот новый голос, на мгновение совершенно забыла про женщину, что лежала рядом. Этот голос принадлежал...

«Джейк? Это ты, сладенький? Ты, не так ли? Ты меня слышишь?»

«ДА! — выкрикнул он. — Наконец — то! Господи, с кем ты говорила до этого? Продолжай кричать, чтобы я смог определить, где мне тебя...»

Голос оборвался, но лишь после того, как до нее донесся грохот далекой стрельбы. Джейк в кого-то стрелял? Она так не думала. Чувствовала, что кто-то стрелял в Джейка.

2

— Давай! — прокричал Скоутер. — Давай, Миа! Тужься! Ради своей жизни! Отдай все, что можешь! ТУЖЬСЯ!

Сюзанна попыталась перекатиться поближе к другой женщине («Я в тревоге и меня нужно успокоить, видите, в какой я тревоге, я в тревоге и меня нужно успокоить, ничего больше»), но, тот, кого звали Стро, вернул ее на прежнее место. Гофрированная стальная трубка, которая соединяла их шлемы, качалась и растягивалась.

— Не приближайся к ней, сука, — прошипел Стро, и в голове у Сюзанны впервые мелькнула мысль, что ей не удастся добраться до пистолета Скоутера. Или любого другого пистолета.

Миа закричала вновь, обращаясь к незнакомому богу на незнакомом языке. Когда попыталась оторвать верхнюю половину тела от кровати, медсестра (Алия, Сюзанна подумала, что медсестру зовут Алия) ей этого не позволила, а Скоутер коротко вскрикнул, похоже, очень довольный развитием событий. Даже отбросил щипцы, которые держал в руках.

— Почему ты это сделал? — спросил Сейр. Простыня под широко раздвинутыми ногами Миа намочла от крови, и в голосе босса звучала озабоченность.

— Они не нужны, — небрежно ответил Скоутер. — Она идеально

сложена для рождения детей. Может родить дюжину на рисовом поле, а потом продолжить собирать рис. Он спешит к нам, крепенький и здоровенький!

Скоутер уже собрался схватить самый большой таз, из тех, что стояли на соседней кровати, потом решил, что времени нет, и протянул розовые, без перчаток руки, к промежности Миа. На этот раз, когда Сюзанна попыталась придвинуться к Миа, Стро ее не остановил. Все они, «низкие люди» и вампиры, зачарованно наблюдали за последним этапом рождения ребенка, в большинстве своем столпившись у той из двух сдвинутых кроватей, на которой лежала Миа. Только Стро держался рядом с Сюзанной. Вампира со светящимся мечом тут же понизили в статусе: Сюзанна решила, что первая пуля должна достаться Стро.

— Еще раз! — прокричал Скоутер. — Ради своего ребенка!

Как «низкие люди» и вампиры, Миа забыла про Сюзанну. Ее глаза, полные боли, как душевной, так и физической, не отрывались от Сейра.

— Смогу я оставить его у себя, сэр? Пожалуйста, скажите, что смогу, пусть и на короткое время!

Сейр взял ее за руку. Маска, которая скрывала его настоящее лицо, улыбнулась.

— Да, моя дорогая. Твой малой останется у тебя на долгие годы. Только потужься еще раз.

«Миа, не верь его лжи!», — мысленно выкрикнула Сюзанна, но крик ушел в никуда. «Может, оно и к лучшему, — подумала она. — Это ведь хорошо, что на какое-то время про нее полностью забыли».

И мыслями Сюзанна развернулась в другом направлении.

«Джейк! Джейк, где ты?»

Нет ответа. Плохо. Пожалуйста, господи, сделай так, чтобы он не умер.

«Может, он очень занят. Бежит... прячется... сражается... Молчание — не обязательно...»

Миа зашлась в крике, вроде бы, так и сыпала ругательствами, но при этом тужилась изо всех сил. Влагалище растягивалось все сильнее, половые губы раскрывались все шире. На простыню выплеснулась свежая кровь, увеличив и без того большое пятно. А потом, в алом ореоле, Сюзанна увидела корону белого и черного. Белое — кожа, черное — волосы.

Тут же черное и белое начало утопать в алом, словно ребенок решил вернуться в чрево матери, еще не готовый к встрече с миром, но Миа, похоже, надоело ждать его появления на свет. Она тужилась, что было сил,

сжатые в кулаки руки, она держала их перед глазами, вибрировали от напряжения, глаза превратились в щелочки, губы разошлись, обнажив сцепленные зубы. Вена тревожно пульсировала на лбу. Другая выпирала на шее.

— НУ-У-У-У-Ж-Е-Е-Е! — прокричала она. — КАММАЛА, МОЙ КРАСАВЧИК-МЕТИС! КАММАЛА-КАМ-КАМ!

— Дан-тете, — пробормотал Джей, Ястреб, и остальные подхватили благоговейным шепотом: «Дан — тете... дан — тете... каммала дан — тете». Приход маленького бога.

На этот раз не только показалась макушка, но вся головка младенца пошла вперед. А потом Сюзанна увидела его ручки, прижатые к вымазанной кровью груди, крохотные кулачки, подрагивающие, живые. Увидела синие глаза, широко раскрытые, удивительные как своим знанием жизни, так и схожестью с глазами Роланда. Увидела черные, как сажа, ресницы. Микроскопические капельки крови сверкали на них, словно рубины. Сюзанна увидела, чтобы более никогда не забыть, как нижняя губа ребенка на мгновение задела внутреннюю половую губу матери. Тут же открылся маленький ротик, продемонстрировав идеальный ряд белых зубов на нижней челюсти, не клыков, а идеальных маленьких зубов, и однако, от одного только вида зубов новорожденного по спине Сюзанны побежал холодок. Ту же реакцию вызвал и пенис малого, необычайно большой и стоящий торчком. Сюзанна ахнула: длиной пенис превосходил ее мизинец.

Крича от боли и счастья, Миа приподнялась на локтях, ее глаза вылезали из орбит, истекая слезами. Вытянув руку, она мертвой хваткой вцепилась в запястье Сейра, тогда как Скоутер ловко поймал выскользнувшего из влагилица младенца. Сейр вскрикнул от боли, попытался вырваться, но с тем же успехом мог пытаться... вырваться из рук полицейского в Оксфорде, штат Миссисипи. Восхищенный шепот «низких людей» и вампиров смолк, на какие-то мгновения в лазарете повисла мертвая тишина. И в ней обострившийся слух Сюзанны уловил хруст костей запястья Сейра.

— ОН ЖИВ? — прокричала Миа в изумленное лицо Сейра. Брызги слюны разлетались с ее губ. — СКАЖИ МНЕ, ПАРШИВЫЙ СИФИЛИТИК, СУЧИЙ СЫН, МОЙ МАЛОЙ ЖИВ?»

Скоутер поднял малого так, что их лица оказались на одном уровне. Взгляд коричневых глаз доктора встретился с взглядом синих глаз младенца. Скоутер держал его на руках, а пенис воинственно торчал вверх. Сюзанна ясно увидела алую отметину на левой пятке младенца. Казалось, он окунул пятку в кровь матери перед тем, как покинуть ее чрево.

Вместо того, чтобы шлепнуть младенца по ягодицам, Скоутер набрал полную грудь воздуха и дунул ему прямо в глаза. Малой Миа мигнул в комичном (и таком человеческом) изумлении. Вдохнул сам, на мгновение задержал дыхание, а потом... Он мог быть Королем королей, разрушителем миров, но в жизнь он вошел, как входят многие и многие дети, с криком ярости. От этого крика из глаз Миа вновь хлынули слезы, на этот раз радости. Дьявольские существа, собравшиеся вокруг новоявленной матери, конечно, были слугами Алого короля, но, тем не менее, увиденное подействовало и на них. Они заплодировали, засмеялись. Присоединилась к ним и Сюзанна, пусть и кляня себя за это. Младенец повернулся на звук, в его глазах читалось изумление.

Плача, со слезами, катящимися по щекам, с закапавшими из носа соплями, Миа протянула руки.

— Дай его мне! — сквозь слезы выдохнула она; то плакала Миа, ничья дочь и мать одного. — Дай его мне, прошу тебя, позволь поддержать моего сына! Позволь поддержать моего малого. Позволь поддержать мою прелесть.

И младенец повернул голову на голос матери. Сюзанна сказала бы, что такое невозможно, но, разумеется, она сказала бы то же самое и про младенца, который родился, полностью проснувшись, с широко раскрытыми глазами, полным зубами ртом и стоящим концом. Однако, во всем остальном младенец показался ей совершенно обычным: пухлым, с пропорциональными ручками и ножками, человеческим, а потому очень милым. Да, конечно, на пятке у него было родимое пятно, но разве мало появляется на свет детей с родимыми пятнами?

Разве ее отец, согласно семейной легенде, не родился с пятном во всю руку? Пятно на пятке никто бы и не увидел, разве что на пляже.

По-прежнему держа новорожденного на уровне лица, Скоутер посмотрел на Сейра. Возникла пауза. Воспользовавшись ею, Сюзанна могла бы без труда завладеть пистолетом доктора. Но даже не подумала об этом. Забыла и телепатический крик Джейка, и странный визит Роланда и ее мужа. Ее, точно так же, как и Джея, Стро, Хабера и остальных, зачаровало прибытие младенца в этот исстрадавшийся мир.

Сейр едва заметно кивнул, и Скоутер опустил крошку Мордредра, по-прежнему вопящего (по-прежнему поглядывающего через плечо, очевидно, на свою мать), в ждущие руки Миа.

Миа тут же развернула его, чтобы взглянуть на его личико, и сердце Сюзанны похолодело от тревоги и ужаса. Потому что Миа определенно тронулась умом. Ее глаза ярко блестели. Губы изгибались одновременно в улыбке и злобной ухмылке, слюна, розовая, загустевшая от крови из

покусанного языка, текла по подбородку, но более всего напугал Сюзанну торжествующий смех Миа. Конечно, со временем она могла прийти в себя, но...

«Никогда эта сучка не придет в себя, — возразила Детта, не без сочувствия. — Слишком тяжело дался ей этот ребенок, вот она и сломалась. Для нее все кончено, и ты знаешь это не хуже моего!»

— О, какой красавчик! — ворковала Миа. — Какие синие у тебя глазки, какая белая кожа, прямо-таки, как первый снег на Широкую Землю! А какие у тебя сосочки, чисто ягодки, а какой член и яички, гладенькие, как персики! — она огляделась. Прежде всего ее глаза прошли по лицу Сюзанны, ставшей для Миа совершеннейшей незнакомкой, потом по остальным. — Посмотрите на моего малого. Вы, неудачники, вы, недоноски, посмотрите на мое сокровище, мою крошку, моего мальчика! — она кричала на них, требовала внимания, смеялась безумными глазами и плакала перекошенным ртом. — Смотрите, ради кого я отдала вечную жизнь! Смотрите на моего Мордред, смотрите на него очень хорошо, потому что второго такого вам никогда не увидеть!

Тяжело дыша, она покрывала замаранное кровью личико младенца поцелуями, сама пачкаясь в крови, и скоро уже выглядела, как пьяная женщина, попытавшаяся намазать губы помадой. Она смеялась и целовала пухлый двойной подбородок новорожденного, его соски, пупок, пенис, поднимая все выше и выше на трясущихся руках. А ребенок, она собиралась назвать его Мордредом, таращился на нее сверху вниз с написанным на личике изумлением. Она поцеловала его коленки, потом каждый крошечный пальчик. Сюзанна услышала первое в этом лазарете чмокание: не младенец сосал грудь матери, а Миа — пальчики на ногах младенца.

«Твой ребенок — погибель моего дина, — холодно подумала Сюзанна. — Если ничего больше мне не удастся, я успею выхватить пистолет Скоутера и пристрелить его. На это потребуется две секунды».

С ее быстротой, сверхъестественной быстротой стрелка, больше бы и не потребовалось. Но она не могла заставить себя пошевелиться. Она рассматривала многие сценарии этого эпизода разворачивающейся драмы, но только не безумие Миа, такое не приходило ей в голову, и теперь она не знала, что и делать. Сюзанна вдруг подумала, что ей еще очень повезло:

связь между разумами, обеспечиваемая техникой, созданной инженерами «Северного центра позитроники», вовремя оборвалась. Иначе она тоже могла бы обезуметь.

«А если связь вдруг снова подключат, сестричка... не думаешь ли ты, что действовать нужно прямо сейчас, пока у тебя есть такая возможность?»

Но она не могла, не могла, и все тут. Превратилась в изваяние, замороженная происходящим у нее на глазах.

— Прекрати! — рявкнул на Миа Сейр. — Твоя работа — не облизывать его, а кормить! Если хочешь, чтобы он оставался с тобой, поторопись! Дай ему грудь! Или мне привести кормилицу? Многие отдали бы свои глаза за такой шанс!

— Никогда... никогда... в... ЖИЗНИ! — смеясь, выкрикнула Миа, но опустила ребенка и нетерпеливо рванула лиф надетой на нее просторной белой сорочки, обнажив правую грудь. Сюзанна понимала, почему мужчины так и липли к Миа. Даже теперь ее грудь являла собой идеальную, увенчанную кораллом полусферу, которая предназначалась, скорее, для мужской руки и мужской страсти, чем для губ младенца. Миа поднесла к ней новорожденного. На мгновение он вытаращился на грудь, точно так же, как тарашился на мать, его личико ударилось о сосок, отскочило от него. А потом опустилось вниз, розовые губки сомкнулись на розовом бутоне соска, и он начал сосать.

Миа гладила малого по спутанным и пропитанным кровью черным волосам, продолжая смеяться. Для Сюзанны смех этот звучал, как крики.

Послышались тяжелые шаги: к сдвинутым кроватям приближался робот. Выглядел он точь-в-точь, как Энди, робот-посыльный, такая же жердь высотой в семь или восемь футов, те же ярко-синие глаза, такое же сверкающее тело, те же конечности с множеством шарниров. В руках он держал большой стеклянный ящик, наполненный зеленым светом.

— Это еще что? — рявкнул Сейр. В голосе слышались злость и недоверчивость.

— Кувез^[15], — ответил Скоутер. — Я подумал, что лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

Когда он повернулся к роботу, его подплечная кобура с пистолетом качнулась в сторону Сюзанны. Это был прекрасный шанс, лучший из тех, что предоставлялся ей ранее, и она это знала, но, прежде чем успела завладеть пистолетом, малой Миа переменялся.

Сюзанна увидела красный свет, сбегаящий по гладкой коже младенца от макушки к пятке с родимым пятном. То была не сыпь: свет шел изнутри младенца, Сюзанна могла в этом поклясться. Младенец по-прежнему лежал на плоском животе Миа, обхватив губами сосок, а за красным светом последовала чернота, которая распространилась по всему телу, превратив человеческого ребенка в темного гнома, негатив розовенького ангелочка, который вышел из чрева Миа. И одновременно его тельце сжималось, ножки подтягивались и уползли в живот, головка, потащив за собой грудь Миа, уходила в шею, которая раздувалась, как у жабы. Синие глаза вдруг стали черными, потом вновь синими.

Сюзанна попыталась закричать, но не смогла.

По бокам черного существа появились вздутия, потом лопнули, открыв не ноги или руки, а лапки. Отметина на пятке осталась, но теперь сместилась на живот, превратилась в пятно, напоминающее алое клеймо на брюшке паука «черная вдова». Да, да, на Миа теперь лежал паук. Однако, младенец исчез не полностью. На спине паука остался белый нарост. И в этом наросте Сюзанна видела миниатюрное, деформированное личико и синие искорки-глаза.

— Что... — спросила Миа, вновь начала приподниматься на локтях. Кровь полилась у нее из груди. Младенец пил ее, как молоко, не теряя ни капли. Рядом с Миа, окаменев, застыл Сейр, с отвалившейся челюстью, выпученными глазами. Чего-то он ожидал от этих родов, что-то об их возможном исходе ему определенно рассказали, но точно не такое. У Детты шок, который испытывал Сейр, вызвал злобную радость ребенка: он выглядел, как комик Джек Бенни, смешавший публику.

С мгновение только Миа, похоже, понимала, что происходит, ибо лицо ее начало вытягиваться, то ли от ужаса, то ли от боли. Потом улыбка вернулась, ангельская улыбка мадонны. Она протянула руку и погладила все еще изменяющегося уродца, присосавшегося к ее груди, черного паука с крошечной человеческой головкой и красной отметиной на щетинистом брюшке.

— Разве он не прекрасен? — воскликнула она. — Разве мой сын не красавчик, ослепительный, как летнее солнце?

То были ее последние слова.

Ее лицо не затвердело, но застыло. Щеки, лоб, шея, мгновением

раньше пылавшие от напряжения, вызванного родами, поблекли до восковой белизны лепестков орхидеи. Сверкающие глаза уставились в одну точку. И внезапно Сюзанна поняла, что смотрит не на женщину, лежащую на кровати, а на рисунок женщины. Исключительно хороший рисунок, какие делаются на бумаге штрихами угля и несколькими пастельными цветами.

Сюзанна вспомнила, как она вернулась в отель «Плаза-Парк Хайатт» после первого посещения галереи замка Дискордия, и как приходила сюда, в Федик, после первого разговора с Миа, в тени мерлона. Как небо, замок, камень мерлона разрывало надвое. И тут, словно причиной послужила ее мысль, лицо Миа разорвало от линии волос до подбородка. Глаза, уже потускневшие, разнесло в стороны, две губы растянулись и вдруг превратились в четыре, а из разлома на лице не хлынула кровь, нет, посыпался какой-то белый порошок с затхлым запахом. Сюзанне вспомнились слова Т.С. Элиота

(полые люди набитые люди голова наполненная соломой)

и Льюиса Кэрролла

(да ты всего лишь колода карт)

и тут дан-тете Миа поднял отвратительную голову, оторвавшись от своей первой трапезы. Его вымазанный кровью рот раскрылся, и он приподнялся, нижними лапками опираясь на спадающий живот матери, верхними вроде бы нацелившись на Сюзанну.

Он торжествующе запищал и, если б воспользовался этим моментом, чтобы атаковать вторую женщину, лежащую рядом с той, что дала ему грудь, Сюзанна Дин наверняка умерла бы рядом с Миа. Вместо этого он вернулся к «сдувшейся» груди, из которой вкусил сначала молока, а потом крови, и оторвал ее. С чавканьем принялся жевать. Мгновением позже полез в образовавшуюся дыру. Белое человеческое личико исчезло, тогда как разорванное лицо Миа продолжала покрывать пыль, вырвавшаяся из разлома в голове. Чавканье, грубое, напоминающее звуки, которые издает откачивающая воду машина, продолжалось, и Сюзанна подумала: «Он забирает из нее всю жидкость, всю жидкость, которая в ней еще осталась. И посмотрите на него! Посмотрите, как он раздувается! Прямо-таки пиявка на шее лошади!»

И тут кто-то заговорил на чистом английском языке, с сочными интонациями истинного джентльмена: «Прошу извинить меня, господа, но вам по-прежнему нужен кувез? Ибо ситуация в некотором роде изменилась, уж извините, что указываю на это».

От этого голоса чары, парализовавшие Сюзанну, рухнули. Она

приподнялась на одной руке, а второй схватила рукоятку пистолета Скоутера. Дернула, но пистолет держал ремешок, перекинутый через рукоятку, и из кобуры вытащить его не удалось. Ее указательный палец нащупал рычажок предохранителя и сдвинул его. А потом она направила пистолет, вместе с кобурой, в грудь Скоутеру.

— Какого чер... — начал он, когда средним пальцем она нажала на спусковой крючок и тут же изо всей силы дернула пистолет. Ремни, которыми кобура крепилась на теле Скоутера, выдержали. А вот тоненький ремешок, удерживающий рукоятку пистолета — нет. Скоутер повалился на бок, пытаясь посмотреть на дымящуюся черную дыру в его белом халате, пистолет остался у Сюзанны. Она застрелила Стро и вампира, который стоял позади него, с электрическим мечом. Какое-то мгновение вампир еще стоял, во все глаза глядя на бога-паука, который поначалу так напоминал человеческого младенца, а потом его аура испарилась. За ней последовала и плоть. Так что осталась только пустая рубашка, заткнутая в пустые синие джинсы. И тут же одежда упала на пол.

— Убейте ее! — закричал Сейр, хватаясь за свой пистолет. — Убейте эту суку!

Сюзанна откатилась от паука, устроившегося на теле его быстро «сдувающейся» матери, срывая шлем, свалилась с кровати. Голову пронзила дикая боль, и Сюзанна уже подумала, что от шлема избавиться не удастся, но ударилась об пол уже без него. Шлем остался на кровати, украшенный по периметру ее волосами. Паук, оторвавшись от пиршества, когда тело его матери дернулось, сердито зашипел.

Сюзанна укатилась под кровать, когда загремели пистолетные выстрелы. Услышала, как зазвенела пружина, в которую попала одна из пуль. Увидела ступни и волосатые ноги крысоголовой медсестры, и простелила ей колена. Медсестра вскрикнула, повернулась, визжа, захромала прочь.

Сейр наклонился вперед, направил пистолет на ту половину двойной кровати, на которой лежало тело Миа. В простыне уже чернели три дымящиеся дыры. Прежде чем Сейр успел добавить к ним четвертую, одна из лапок паука погладила ему щеку, разорвав маску, которую он носил, и обнажив заросшую шерстью кожу. Сейр, вскрикнув, отпрянул. Паук повернулся к нему, издав звук, очень уж похожий на мяуканье. Белый нарост с человеческим лицом на спине засветился, как бы предупреждая Сейра: держись подальше от моей еды. И вновь дан-тете повернулся к женщине, которая женщину уже ничем и не напоминала, выглядела, как останки невероятно древней мумии, превратившиеся практически в пыль,

прикрытую лохмотьями.

— Я бы сказал, все как-то запуталось, — заметил робот с инкубатором в руках. — Может, мне удалиться? Я мог бы вернуться, когда появится некоторая определенность.

Сюзанна изменила направление движения, выкатилась из-под кровати. Увидела, что двое «низких» мужчин дали деру. Джей, Ястреб, похоже, никак не мог решить, бежать ему или оставаться. Сюзанна приняла решение за него, прострелив коричневую голову. Полетели перья и кровь.

Приподнявшись, насколько могла, держась одной рукой за край кровати, Сюзанна вскинула вторую, с пистолетом Скоутера. Она уже уложила четверых. Крысоголовая медсестра и еще один «низкий» мужчина убежали. Сейр выронил пистолет и пытался спрятаться за роботом с инкубатором.

Сюзанна застрелила двух оставшихся вампиров и «низкого» мужчину, похожего на бульдога. Этот, его звали Хабер, не забыл про нее, держал пистолет наизготовку, дожидаясь возможности всадить в нее пулю. Но Сюзанна опередила его, и с чувством глубокого удовлетворения наблюдала, как он валится на пол. Хабер, решила она, был самым опасным.

— Мадам, если вас не затруднит, будьте так любезны сказать мне... — начал робот, и Сюзанна двумя быстрыми выстрелами разбила его ярко-синие глаза. Этому трюку она научилась у Эдди. Тут же заревела сирена. Сюзанна почувствовала, что оглохнет, если сирена так и будет реветь.

— МЕНЯ ОСЛЕПИЛИ РУЖЕЙНЫМ ОГНЕМ! — проорал робот все тем же абсурдным, не-желаете-чашечку-чая-мадам, выговором. — ВИДИМОСТЬ НУЛЕВАЯ, МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ, КОД 7, Я ГОВОРЮ, МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

Сейр выступил из-за робота, высоко подняв руки. Из-за сирены и криков робота Сюзанна не могла слышать, что он говорит, но прочитала слова по губам этого мерзавца: «Я сдаюсь, вы примите мое обещание более не участвовать в боевых действиях?»

Сюзанна улыбнулась этому забавному вопросу, не отдавая себе отчет в том, что улыбается. В улыбке этой не было ни веселья, ни жалости, она означала только одно: будь у Сюзанны время, она заставила бы Сейра вылизывать ее культи, точно так же, как он заставил Миа лизать его туфли. Но времени на это не было. Он увидел свой приговор в ее усмешке и повернулся, чтобы убежать, но Сюзанна выстрелила в него дважды, раз — за Миа, второй — за отца Каллагэна. Череп Сейра разлетелся брызгами крови и ошметками мозга. Он ухватился за стенку, попытался зацепиться за полку с каким-то оборудованием... На пол повалился уже мертвым.

Теперь Сюзанна взяла на мушку паука-бога. Миниатюрное белое личико на его черной щетинистой спине повернулось к ней. Синие глаза, до жути похожие на глаза Роланда, сверкнули.

«Нет, ты не сможешь! Не должна! Ибо я — единственный сын Короля!»

«Не смогу? — мысленно ответила она вопросом на вопрос, прицеливаясь. — Сладенький, сейчас ты увидишь, как же ты в этом... ОШИБАЕШЬСЯ!»

Но, прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, за спиной прогремел пистолетный выстрел. Пуля обожгла ей шею. Сюзанна отреагировала мгновенно, повернулась и повалилась в проход. Один из «низких» мужчин, что убежали сразу же, видать, вспомнил о долге, и вернулся. Сюзанна всадила ему в грудь две пули, заставив пожалеть о принятом решении.

Она повертела головой, ее обуревало желание убивать и убивать (да, этого она хотела, для этого ее создали, и она знала, что навек признательна Роланду, который показал ей, какая она на самом деле), но остальные умерли или убежали. Паук на многочисленных мохнатых лапках спускался вниз по ножке кровати, наконец-то оторвавшись от трупа матери. На мгновение обратил к ней белоснежное личико младенца.

«Ты поступишь правильно, Черная, если дашь мне уйти. Иначе...»

Она выстрелила в него, но в тот самый момент зацепилась за руку Ястреба. И пуля, которая убила бы чудовище, чуть отклонилась, отстрелила одну из восьми мохнатых лапок. Желтовато-красная жидкость, скорее, гной, чем кровь, потекла из того места, где лапка присоединялась к телу. Чудовище закричало, от боли и изумления. В диапазоне слышимости крик этот растворился в вое сирены робота, но Сюзанна услышала его в своей голове, громкий и ясный.

«Я тебе за это отплачу! Мой отец и я, мы тебе за это отплатим! Заставим тебя молить о смерти, вот что мы сделаем!»

«У тебя не будет такого шанса, сладенький», ответила Сюзанна, стараясь вложить в эту мысль максимум уверенности, не хотела, чтобы чудовище узнало о том, в чем она сама не сомневалось: в пистолете Стоукера патронов не осталось. Она тщательно, пусть этого и не требовалось, прицелилась, а паук быстро-быстро убежал от нее, сначала метнулся за ревущего сиреной робота, потом в дверной проем.

«Ну и ладно», подумала она. Не самый лучший исход, с какой стороны ни посмотри, но она по-прежнему жива, а это просто отлично.

А как насчет того, что вся команда сэя Сейра мертва или разбежалась?

Тоже неплохо.

Сюзанна отбросила пистолет Скоутера и выбрала другой, на этот раз «вальтер РРК». Взяла его из кобуры Стро, потом обыскала его карманы, нашла с полдюжины запасных обойм. Подумала, а не добавить ли к своему арсеналу электрический меч вампира, решила оставить его на месте. Всегда лучше пользоваться тем оружием, которое знаешь, чем браться за что-то новое.

Сюзанна попыталась связаться с Джейком, но не смогла расслышать себя и повернулась к роботу.

«Эй, большой мальчик! Как насчет того, что заткнуть эту чертову сирену?»

Она понятия не имела, станет ли ее мысль приказом для робота, но стала. Мгновенно воцарилась буквально осязаемая, муарово-шелковая, божественная тишина. И такая нужная. Если б враги перешли в контратаку, она бы услышала их приближение. И, если по правде, она надеялась на эту контратаку, хотела, чтобы они бросились на нее, не думая, имеет ли это смысл или нет. Она держала в руке заряженный пистолет, и кровь бурлила. Все остальное не играло никакой роли.

(«Джейк, Джейк, ты слышишь меня, малыш? Если слышишь, ответь своей старшей сестричке?»)

Ответа она не получила. Не услышала даже далекого грохота стрельбы. Он находился за пределами до...

Потом — одно-единственное слово... слово ли?

(уимови)

Что более важно, Джейк ли его послал?

Точно она не знала, но думала, что да. И слово это почему-то показалось ей знакомым.

Сюзанна сосредоточилась, на том, чтобы послать Джейку максимально сильный сигнал, но тут в голову пришла странная мысль, слишком странная, чтобы ее источником была интуиция. Джейк старался не давать о себе знать. Он... прятался? Может, сидел в засаде, изготовившись к внезапной атаке? Безумная, конечно, идея, но, возможно, кровь бурлила и у него. Она этого не знала, но думала, что он или специально послал ей это единственное, странное слово

(уимови)

или оно случайно выскользнуло из его сознания. В любом случае, следовало на какое-то время оставить его в покое.

— Я говорю, что ослеплен ружейным огнем! — настаивал робот, говорил, конечно, громко, но уже не орал. — Я не вижу ни зги, и еще этот

кювез...

— Брось его, — предложила Сюзанна.

— Но...

— Брось его, Чамли^[16].

— Прошу извинить, мадам, но меня зовут Найджел-Дворецкий, и я действительно не могу...

По ходу этого разговора Сюзанна, на руках и коленях подобралась к роботу поближе, как она выяснила, привычные средства передвижения не забылись только из-за того, что на какое-то время ее тело снабдили ногами, и прочитала имя, серийный номер и функциональное предназначение робота на табличке, закрепленной на его хромировано-стальном корпусе.

— Найджел дэ-эн-ка 45932, брось этот гребаный стеклянный ящик и скажи, спасибо тебе.

Робот (ПОМОЩНИК ПО ДОМУ, как значилось под серийным номером), уронил кювез и вскрикнул, когда он разбился у его стальных ног.

Сюзанна тем временем добралась до Найджела и обнаружила, что ей пришлось преодолевать страх, который на мгновение помешал ей протянуть руку вверх и взяться за трехпалую стальную кисть робота. Она даже напонила себе, что это не Энди из Калья Брин Стерджис, и Найджел не может ничего знать об Энди. Разработчики робота-дворецкого возможно, а может, и нет, снабдили его достаточно сложным позитронным мозгом, чтобы жаждать мести (Энди точно снабдили), но в принципе нельзя жаждать того, о чем не знаешь.

Сюзанна надеялась, что робот не знал.

— Найджел, подними меня.

В жужжании сервомоторов робот наклонился.

— Нет, сладенький, тебе нужно чуть продвинуться вперед. А так ты поднимешь осколки стекла.

— Прошу меня извинить, мадам, но я слеп. Как я понимаю, именно вы меня и ослепили. Ну вот, приехали.

— Послушай меня, — она надеялась, что раздражение в голосе скроет страх, — я точно не смогу найти тебе новые глаза, если ты меня не поднимешь. Так что шевелись, делай, что тебе говорят. Время уходит.

Найджел шагнул вперед, кроша металлом стекло, на звук ее голоса. Сюзанна с трудом подавила желание отпрянуть, но, как только Помощник по дому нащупал ее, руки его стали очень нежными. И поднял он Сюзанну очень осторожно.

— А теперь отнеси меня к двери.

— Мадам, вы уж меня извините, но в Шестнадцатом много дверей. И

еще больше под замком.

Сюзанна и не пыталась скрыть любопытство.

— Как много? — Короткая пауза.

— Я бы сказал, что на текущий момент функционируют пятьсот девяносто пять дверей.

Сюзанна тут же прикинула, что пять, девять и пять в сумме дают девятнадцать. В сумме дают чеззет.

— Тебя не затруднит отнести меня к той двери, через которую я прошла до того, как началась стрельба? — Сюзанна указала на дверь в дальнем конце лазарета.

— Нет, мадам, меня не затруднит, но, к сожалению, должен сообщить вам, что толку от этого не будет, — Найджел говорил все тем же сочным голосом. — Эта дверь, НЬЮ-ЙОРК-7/ФЕДИК, односторонняя, — пауза, в стальном куполе щелкали реле. — Кроме того, она сгорела при последнем использовании. Она, как вы могли бы сказать, ступила в пустошь на конце тропы.

— Поразительно! — воскликнула Сюзанна, но поняла, что новости Найджела не так уж ее и удивили. Она помнила гудение, которое услышала, когда Сейр грубо втокнул ее в дверь, помнила, как подумала, пусть ее занимало и другое, о том, что эта техника умирает. Вот она и умерла. — Просто поразительно!

— Я чувствую, вы расстроились, мадам.

— Ты чертовски прав, я расстроилась! Мало того, что эта гребаная дверь открывалась только в одну сторону! Так теперь и вообще сломалась.

— Сломалась, — согласился Найджел, — но это поправимо.

— Поправимо? Это ты про что?

— Про дверь НЬЮ-ЙОРК-9/ФЕДИК, — ответил Найджел. — В свое время существовал тридцать один односторонний канал Нью-Йорк-Федик, но, насколько мне известно, сейчас остался только один, № 9. И все команды, обеспечивающие перемещение по каналу НЬЮ-ЙОРК-7/ФЕДИК теперь автоматически переключились на канал НЬЮ-ЙОРК-9/ФЕДИК.

«Чеззет, — подумала она... взмолилась, чтобы так оно и было. — Думаю, он говорит о чеззет. Господи, надеюсь, что говорит».

— Ты про пароли и все такое, Найджел?

— Да, конечно, мадам.

— Отнеси меня к двери номер девять.

— Как вам будет угодно.

Найджел быстро двинулся по проходу между сотнями кроватей, туго натянутые белые простыни отражали яркий свет висящих под самым

потолком ламп. Воображение Сюзанны мгновенно населило этот огромный лазарет кричащими, перепуганными детьми, только что прибывшими из Калья Брин Стерджис, возможно, и из соседних городков. Она видела не одну крысоголовую медсестру — сотни, и все они спешили надеть шлемы на головы похищенных детей, чтобы начать процесс... чего? Короче, процесс, который губил их, высасывал из них разум, разрушал гормональный баланс, превращал в рунтов. Сюзанна предположила, что поначалу их успокаивал приятный голос, который начинал звучать в голове каждого, голос, приглашающий в удивительный мир Северного центра позитроники и «Сомбра групп». Они переставали плакать, их глаза загорались надеждой. Возможно, они даже начинали думать, что медсестры в белых халатах не такие уж и плохие, несмотря на их волосатые, страшные морды и желтые клыки. Такие же хорошие, как этот приятный женский голос.

А потом начиналось жужжание, быстро набирающее силу, перемещающееся в центр головы, и лазарет вновь наполнялся испуганными криками...

— Мадам? Вы в порядке?

— Да. А почему ты спрашиваешь, Найджел?

— Как мне показалось, вы задрожали всем телом.

— Неважно. Неси меня к двери в Нью-Йорк, той, что еще работает.

6

Как только они покинули лазарет, Найджел быстрым шагом понес ее по одному коридору, потом по другому. Они подошли к эскалаторам, которые, судя по их виду, остановились многие сотни лет тому назад. Когда спускались по одному из них, стальной шар на ножках сверкнул Найджелу янтарными глазами и крикнул: «Перепрыгивай! Перепрыгивай!» Найджел ответил: «Перепрыгиваю, перепрыгиваю!» — а потом добавил, уже Сюзанне, доверительным тоном, каким сплетники любят обсуждать неудачников: «Это Бригадир механиков и он застрял там более восьмисот лет тому назад. Полагаю, заклинило панели. Бедняга! Но все еще старается предостеречь других».

Дважды Найджел спросил ее, верит ли она, что его глаза можно заменить. Первый раз Сюзанна ответила, что не знает. Второй, что сожалеет о случившемся, и поинтересовалась его мнением на этот счет.

— Я думаю, дни моей службы подходят к концу, ответил он, а потом

добавил еще пару слов, от которых по ее рукам побежали мурашки. — О, Дискордия!

«Братья Дьем мертвы, — подумала она, вспоминая что-то (Грезу? Видение? Открывшийся ей образ ее Башни?), происходившее с ней, когда она делила тело с Миа? Или была в Оксфорде, штат Миссисипи? — Папа Док Дювалье мертв. Криста Маколифф^[17] мертва, Стивен Кинг мертв, популярный писатель погиб во время послеполуденной прогулки, О, Дискордия, О, потерянная!

Но кто такой Стивен Кинг? Кто такая Криста Маколифф?

Они прошли мимо «низкого» мужчины, который присутствовал при родах Миа. Он лежал на пыльном полу коридора, свернувшись, как человеческая креветка, с пистолетом в руке и дыркой от пули во лбу. Сюзанна подумала, что он покончил с собой. И она понимала, почему он так поступил. Потому что события вышли из-под контроля Сейра и его прихвостней, не так ли? И если монстру, рожденному Миа, не удастся добраться до своих, Большой Красный Папа сильно осерчает. Возможно, осерчает даже в том случае, если Мордред найдет-таки дорогу к дому.

Его второй отец. Ибо это мир близнецов и зеркальных отражений, и теперь Сюзанна понимала в том, что видела, гораздо больше, чем прежде, гораздо больше, чем ей хотелось понимать. Мордред тоже был близнецом, Джекилом и Хайдом в одном флаконе, и он, или оно, имел двух отцов, лица которых ему приходилось помнить.

Они прошли мимо других трупов. По разумению Сюзанны, исключительно самоубийц. Она спросила Найджела, может ли он это определить, по запаху, почему-либо еще, но получила отрицательный ответ.

— Сколько их тут еще, как по-твоему? — спросила она. Кровь бурлила уже не столь сильно, вот Сюзанна и начала нервничать.

— Не много. Мадам. Как я понимаю, в большинстве своем они покинули это место. Скорее всего, перебрались в Дерву.

— Дерва — это что? И где?

Найджел ответил, что, к великому его сожалению, это секретная информация, и он может поделиться ею, лишь услышав соответствующий пароль. Сюзанна тут же сказала: «Чеззет», — но увы. Не дали результата ни девятнадцать, ни девяносто девять. Она решила, что придется удовлетворить малым: большинство обитателей этого «Догана» перебрались куда-то еще.

Найджел повернул налево, в новый коридор, с дверями по обе стороны. Она задержала его, чтобы заглянуть за одну из дверей, но не увидела там ничего особенного. Обычное служебное помещение, давно не

использованное, если судить по толстому слою пыли. Заинтересовал ее разве что постер с танцующими что-то быстрое подростками. Под ними она прочитала надпись из больших синих букв:

«ЭЙ, КРУТЫЕ КОТЯРЫ И КЛЕВЫЕ КИСКИ!
Я ИГРАЛ НА СЦЕНЕ С АЛАНОМ ФРИДОМ^[18]!
КЛИВЛЕНД, ОГАЙО, ОКТЯБРЬ 1954 Г.»

«Может, в стародавние времена эти люди использовали двери, чтобы отправляться в отпуск в разные где и когда? Использовали силу Лучей, чтобы превратить некоторые уровни Башни в туристические достопримечательности?»

Сюзанна спросила Найджела, тот ответил, что насчет этого он точно ничего не знает. По голосу чувствовалось, что Найджел по-прежнему грустит из-за потери глаз.

«Билл Каллен мертв. Дон Прадо мертв. Мартин Лютер Кинг мертв, застрелен в Мемфисе. Правь, Дискордия».

Боже, эти голоса, ну почему они не замолкают?

Она открыла глаза и увидела двери с табличками: «ШАНХАЙ/ФЕДИК», «БОМБЕЙ/ФЕДИК», ДАЛЛАС (НОЯБРЬ 1963)/ФЕДИК». Другие маркировались рунами, которые ей ничего не говорили. Наконец, Найджел остановился у двери, надпись на которой она прочитала без труда:

«СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, ЛТД.
Нью-Йорк/Федик Максимальный уровень безопасности»

Все это Сюзанна видела и на другой стороне двери, но, под надписью «ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ», зловеще мигали красным еще две строчки:

«№ 9 ПРОГРАММЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНЫ С № 7»

— Что мне теперь делать, мадам? — как всегда, вежливо, осведомился Найджел.

— Опустит меня на пол, сладенький.

Она не успела даже подумать о том, что будет делать, если Найджел не сделает этого, но он исполнил приказ без малейшего колебания. На руках и коленях Сюзанна добралась до двери, уперлась в нее ладонями. На ощупь чувствовалось, что это не дерево и не металл. Ей показалось, что она слышит слабое гудение. Она подумала о том, чтобы произнести «Чеззет», ее вариант «Сезам, откройся» Али-Бабы, но решила не сотрясать воздух. На двери не было даже ручки. Односторонняя, значит, односторонняя, решила она. Без дураков.

(«ДЖЕЙК»)

Она послала сигнал, вложившись в него без остатка.

Никакого ответа. Даже слабенького
(уимови)

бессмысленного слова. Она еще подождала, потом развернулась и села, привалившись спиной к двери. Положила запасные обоймы между раздвинутых колен, подняла правую руку с «вальтером РРК». Хорошее оружие, решила Сюзанна, если ты сидишь спиной к запертой двери, ей нравилась тяжесть пистолета, придавала уверенности в собственных силах. Когда-то давно она и другие практиковали метод выражения протеста, именуемый непротивлением. Лежать на полу столовой, прикрывая чувствительный к ударам живот и еще более чувствительные половые органы. Не реагировать на тех, кто бьет тебя, оскорбляет, прокликает твоих родителей. Петь в кандалах, как невольники на галерах. И что сказали бы ее прежние друзья, увидев, какая она стала теперь?

— Знаете, что я думаю по этому поводу? — воскликнула Сюзанна. — Мне на это наплевать. Потому что непротивление тоже мертво.

— Мадам?

— Не обращай внимания, Найджел.

— Мадам, позвольте спросить...

— Что я делаю?

— Именно так, мадам.

— Жду друга, Чемли. Просто жду друга.

Она подумала, что DNK 45932 сейчас напомнит ей: его зовут Найджел. Но робот спросил, как долго она собирается ждать. Пока не замерзнет ад, проинформировала его Сюзанна. Последовала долгая пауза, которую в конце концов прервал Найджел: «Тогда я могу идти, мадам?»

— А как ты что-то увидишь?

— Я переключился на инфракрасный диапазон. Хуже, конечно, чем трехмерное макровидение, но я смогу добраться до ремонтных мастерских.

— А в ремонтных мастерских есть кому починить тебя? — без особого любопытства, как бы между прочим спросила Сюзанна. Нажала на кнопку фиксатора обоймы в рукоятке «вальтера», потом вернула обойму на место, получив удовольствие от металлического звука, который издавала обойма, скользя по хорошо смазанному направляющим.

— С уверенностью сказать не могу, мадам, — ответил Найджел, — хотя вероятность, что там есть, кому меня починить, крайне невелика, менее одного процента. Если никто не придет, я, как и вы, подожду.

Сюзанна кивнула, внезапно почувствовав навалившуюся усталость, уверенность в том, что великий поход для нее окончится именно здесь, она так и останется сидеть, привалившись спиной к двери. Но ты не сдалась, не

так ли? Сдаваться — это для слабаков, не для стрелков.

— Счастливого тебе пути, Найджел... спасибо, что донес. Долгих дней и приятных ночей. Надеюсь, тебе вставят новые глаза. Извини, что расстреляла эти, но я немного нервничала и не знала, на чьей ты стороне.

— И вам наилучшие пожелания, мадам.

Сюзанна кивнула. Найджел ушел, и она осталась одна, у двери в Нью-Йорк. Дожидаясь Джейка. Прислушиваясь к Джейку.

Но слышала только скрипящий, умирающий, машинный гул, доносящийся из стен.

Глава 5. В джунглях, громадных джунглях

1

Только угроза, что «низкие люди» вместе с вампирами могут убить Ыша, и заставила Джейка забыть о желании умереть рядом с отцом Каллагэном. Более он не колебался с решением. Закричал

(ЫШ, КО МНЕ!)

во всю мощь ментальных сил, и Ыш последовал за ним, не отставая ни на шаг. Джейк пробежал мимо «низких людей», зачарованных черепашкой, прямым направлением к двери с надписью «Только для сотрудников». Из оранжево-красного полумрака обеденного зала они попали в ослепительно белый свет, резкий, пряный запах готовки, горячий и влажный пар, который ударил в лицо мальчику,

(джунгли)

возможно, предвосхищая то, что ждало его впереди,

(громадные джунгли),

возможно, нет. Когда глаза Джейка приспособились к резкой смене освещенности, (зрачки превратились в узкие щелочки) он понял, что находится на кухне «Дикси-Пиг». И не в первый раз. Однажды, незадолго до появления Волков в Калья Брин Стерджис, Джейк последовал за Сюзанной (только тогда она была Миа) в сон, в котором она забрела в огромную и пустынную кухню в поисках еды. Эту самую кухню, только сейчас жизнь в ней была ключом. Большая свинья, шипя капающим жиром, вращалась на железном вертеле над открытым огнем. Языки пламени проскакивали сквозь металлическую решетку всякий раз, когда в огонь попадала капля жира. С обеих сторон жаровни стояли гигантские, с медным верхом, плиты, на которых что-то кипело в кастрюлях, высотой чуть ли не в рост Джейка. Содержимое одной помешивало существо с серой кожей, такое отвратительное, что глаза Джейка просто отказывались на него смотреть. Серый, с толстенными губами рот окаймляли два бивня. Щеки покрывали мерзкие бородавки. А белый, в пятнах, поварской наряд и белый же колпак шеф-повара на голове, только усиливали ужас, который вызывала эта тварь, словно покрывая его белым лаком. За чудовищем, практически скрытые паром, два других существа, тоже в белом, бок о бок мыли посуду в двойной раковине. Джейк заметил, что у обоих на шее

повязаны платки. Один, похоже, был человеком, юношей лет семнадцати, второй более всего напоминал здорового двуногого кота.

— Vai, vai, los monstros pubes. Tre cannits en founs! — кричал украшенный бивнями шеф-повар на молодых посудомойщиков, распекая их за нерадивость. Джека он еще не заметил. В отличие от одного из посудомойщиков, кота. Тот прижал уши к голове, зашипел. Не думая, Джейк бросил орису, которую держал в правой руке. Она пересекла заполненную паром кухню и легко, как раскаленный нож — масло, разрубила шею кота-посудомойщика. Отделившаяся от туловища голова, с еще сверкающими зелеными глазами, плюхнулась в заполненную водой раковину, подняв фонтан брызг.

— San fai, can dit los! — вскричал шеф-повар. То ли не увидел, что произошло, то ли не мог осознать увиденного. Посмотрел на Джейка. Из-под покатого, в толстых складках, лба на мальчика глянули два затуманенных серо-синих глаза прямо-таки человеческих глаза. Теперь, когда шеф-повар повернулся к Джейку в анфас, мальчик видел, что перед ним невесть откуда взявшийся разумный бородавочник. Из этого следовало, что жарит он свою ближайшую родственницу. С другой стороны, в «Дикси-Пиг» такое, похоже, считалось обычным делом.

— Can foh pube ain-tet can fah! She-so ran! Vai! — Вот это уже адресовалось Джейку. А потом, чтобы довести идиотизм ситуации до предела, бородавочник вдруг заговорил на понятном Джейку языке. — А если ты не хочешь мыть посуду, нечего даже и начинать!

Второй посудомойщик, человек, что-то выкрикнул, похоже, предупреждая шеф-повара об опасности, но тот не обратил внимания на его слова. Шеф-повар, видать, верил, что Джейк, убив одного из его помощников, теперь просто обязан занять места мертвого кота.

Джейк бросил вторую тарелку, и она рассекла шею бородавочника, оборвав его монолог. Не меньше галлона крови выплеснулось на плиту справа от чудовища. Кровь зашипела, на кухне завоняло горелым. Голова бородавочника откинулась влево, потом назад, но не отлетела. Существо, ростом никак не меньше семи футов, сделало два неуверенных шага к жаровне и обхватило руками вращающуюся на вертеле свинью. Голова Бородавочника улеглась на плечо, один глаз смотрел сквозь пар на флуоресцентные лампы под потолком. Жаром ладони шеф-повара припаяло к свинье, и они начали таять. А потом чудовище рухнуло на железную решетку, и одежда тут же вспыхнула.

Джейк вовремя развернулся, чтобы увидеть второго посудомойщика, приближающегося к нему с мясницким ножом в одной руке и топориком в

другой. Джейк выхватил из плетеной сумки еще одну орису, но не бросил ее, хотя голос в голове твердил: бросай, бросай, бросай, отстриги мерзавцу голову вместе с волосами. Сделать «глубокую стрижку», так, он однажды это слышал, называла это действие Маргарет Эйзенхарт. Другие женщины, тренирующиеся вместе с ней в метании тарелок, услышав ее слова, еще громко рассмеялись. И, тем не менее, Джейк сдержал руку, пусть ему и хотелось бросить тарелку.

Он видел перед собой юношу, кожа которого в ярком свете отливала желто-серым. На изможденном лице, чувствовалось, что кормят его здесь плохо, читался страх. Джейк предупреждая замахнулся тарелкой, и юноша остановился. Только смотрел он не на рису, а на Ёша, который расположился между ног мальчика. Шерсть ушастика-путаника встала дыбом, отчего размеры его увеличились в два раза. Ярко блестели оскаленные зубы.

— Ты... — начал Джейк, и тут дверь в ресторан распахнулась. В кухню ворвался один из «низких людей». Джейк без промедления бросил тарелку. Она просвистела по заполненному паром воздуху и срезала голову незваному гостю аккуратно над адамовым яблоком. Безголовое тело шагнуло вправо, потом влево, словно комик, срывающий аплодисменты зрителей, изображая пьяного, потом рухнуло.

Через мгновение Джейк держал тарелки уже в обеих руках. Вновь скрестил руки на груди, это позицию сэй Эйзенхарт называла «наизготовку». Посмотрел на посудомойщика, который по-прежнему стоял с ножом в одной руке и топориком в другой. «Однако, угрозы в нем нет», — подумал Джейк. Он предпринял вторую попытку, и на этот раз задал вопрос полностью: «Ты говоришь на моем языке?»

— Да, — ответил юноша. Отбросил топорик, поднял руку и свел большой, покрасневший от горячей воды палец, и мизинец на расстояние в четверть дюйма. — Чуть-чуть. Выучил, после того, как попасть сюда, — он разжал вторую руку, и мясницкий нож присоединился к топорiku на полу кухни.

— Ты родом из Срединного мира? — спросил Джейк. — Оттуда, не так ли?

Джейку посудомойщик не показался шибко сообразительным («В телевикторине ему не победить», без сомнения, хмыкнул бы на его счет Элмер Чеймберз), но при этом ему хватало ума, чтобы тосковать по дому. Несмотря на ужас, охвативший юношу, Джейк увидел, как сверкнули его глаза.

— Да. Из Лудвега, я.

— То есть ты жил где-то рядом с Лудом?

— К северу от него, если тебе будет угодно, или если нет, — ответил посудомойщик. — Ты убьешь меня, мальчик? Я не хочу умирать, пусть и жизнь моя печальная.

— Я тебя не убью, если ты скажешь мне правду. Через кухню проходила женщина?

Посудомойщик ответил после короткой паузы.

— Ага. Сейр и его команда тащили ее. Безногую, голова болталась... — он продемонстрировал, как болталась голова Сюзанны, еще более напоминая деревенского идиота. Джейк вдруг вспомнил Шими. Роланд упоминал о нем, рассказывая о Меджисе.

— Но не мертвую.

— Нет, я слышал ее дыхание, да.

Джейк искоса глянул на дверь. Никто через нее не рвался. Пока. Ему, конечно, надо идти, но...

— Как тебя зовут?

— Джохабим, это я, сын Хоссы.

— Тогда слушай, Джохабим. За этой кухней большой мир, называется он Нью-Йорк, и такие юноши, как ты, там свободны. Я советую тебе сбежать отсюда, пока есть такая возможность.

— Они поймают меня и изрежут на куски.

— Нет, ты просто не понимаешь, какой он огромный, Нью-Йорк. Как Луд, когда Луд...

Он посмотрел в тупое лицо Джохабима и подумал: «Нет, кто не понимает, так это я. И если и дальше болтаться здесь, уговаривая его бежать, я, безусловно, получу то, что...»

Дверь в ресторан вновь распахнулась. На этот раз двое «низких людей» попытались ворваться на кухню. Понятное дело, они застряли в дверном проеме, плечом к плечу. Джейк бросил две тарелки и наблюдал, как они рассекают заполненный паром воздух. Головы пришельцев отделились от шей в тот самый момент, когда им удалось миновать дверной проем. Их отбросило назад, и дверь снова захлопнулась. В школе Пайпера Джейк узнал о битве при Фермопилах, в которой отряд греков долго сдерживал армию персов, численностью превосходившую его в десятки, а то и сотни раз. Греки сражались в персами в узком горном проходе. Для Джейка таким проходом являлась дверь на кухню. Пока они пытались ворваться суда по одному или вдвоем, если только не могли обойти его с тыла, он мог их сдержать.

Во всяком случае, до того момента, как в плетеной сумке закончатся

орисы.

— Оружие? — спросил он Джохабима. — Есть тут где-нибудь оружие?

Джохабим покачал головой, но при этом зло глянул на Джейка, как бы говоря: «На кухне оружия нет, а если б и было, я бы не сказал тебе, где оно».

— Ладно, я пошел, — сказал Джейк. — И если ты не смоешься отсюда, пока у тебя есть шанс, Джохабим, ты покажешь себя круглым дураком. Я понимаю, умом тебя природа обделила, но не до такой же степени. За этими стенами видеоигры, парень... подумай об этом.

Джохабим, однако, продолжал тупо смотреть на Джейка, и мальчик сдался. Собрался что-то сказать Ышу, когда к нему обратились из-за двери.

— Эй, малыш, — голос грубый. Уверенный. Знающий этот мир. «Голос человека, который может ударить тебя, чтобы отнять пять баксов, или переспать с твоей подружкой, если вдруг возникло такое желание», — подумал Джейк. — Твой друг, паппа, мертв. Собственно, паппу съели на обед. А теперь выходи, и без глупостей, тогда, возможно, не станешь десертом.

— Засунь свой хер себе в зад, — крикнул в ответ Джейк. Смысл этих слов прошиб даже стену глупости Джохабима. На его лицо отразился ужас.

— Даю тебе последний шанс, — продолжил грубый и всезнающий голос. — Выходи.

— Лучше входи ты, — предложил Джейк. — Тарелок мне хватит!

В действительности же его переполняло идиотское желание броситься к двери. Ворваться в ресторан, вступить в бой в «низкими» мужчинами и женщинами, которые столпились по другую сторону двери. И идея эта была отнюдь не безумной, тут с ним согласился бы даже Роланд; они такого никак не могли ожидать, так что полдюжины быстро и удачно брошенных тарелок могли вызвать панику и обратить оставшихся в бегство.

Но главная угроза исходила от монстров, которые кормились за гобеленом. Вампиров. Они бы не запаниковали, и Джейк это знал. Его не отпускала мысль, что он бы уже умер, если б Праотцы захотели войти на кухню (пока точно не хотели, что-то удерживало их в обеденном зале, возможно, еще не доеденное тело отца Каллагэна), да и Джохабим тоже.

Он упал на колени, прошептал: «Ыш, ищи Сюзанну», — и усилил команду, послав ушастик-путанику ментальный образ.

Ыш еще раз недоверчиво глянул на Джохабима, а потом принялся обнюхивать пол. Плитки влажно блестели, их недавно протирали, и Джейк уже испугался, что ушастик не сможет взять запах Сюзанны. Но тут Ыш резко вскрикнул, скорее, тьякнул, как собака, и побежал к середине кухни,

лавируя между плит и паровых столов. Обогнул по широкой дуге дымящееся тело шеф-повара Бородавочника и двинулся дальше.

— Послушай меня, маленький говнюк, — крикнул «низкий» мужчина из-за двери. — Я начинаю терять терпение!

— Вот и хорошо! — ответил Джейк. — Заходи! И поглядим, сможешь ли ты выйти!

Он посмотрел на Джохабима, приложил палец к губам, показывая, что тот должен молчать. Хотел уже повернуться и побежать (он не мог знать, как скоро посудомойщик начнет кричать, что мальчик и его ушастик-путаник более не охраняют кухонные Фермопилы), когда Джохабим вдруг что-то сказал ему тихим голосом, скорее, прошептал.

— Что? — переспросил Джейк, в недоумении глядя на посудомойщика. Вроде бы он сказал: «Берегись ловушки разума». Бред какой-то. Или нет?

— Берегись ловушки разума, — повторил Джохабим, громче и отчетливее.

— Что такое ловушка разума? — спросил Джейк, но Джохабим вроде бы его и не услышал, да и время задавать вопросы вышло. Он побежал за Ышем, то и дело оглядываясь: если бы «низкие люди» попытались вновь ворваться на кухню, Джейк хотел узнать об этом первым.

Но никто не ворвался, во всяком случае, до того момента, как он последовал за Ышем в другую дверь, которая привела их в кладовую, заставленную ящиками и коробками и благоухающую кофе и пряностями. Она очень напоминала подсобку магазина в Ист-Стоунэме, только была чище.

В углу кладовой «Дикси-Пиг» находилась закрытая дверь. За ней — лестница, ведущая вниз, только Господь знал, как далеко. Ее освещали маломощные лампочки, за стеклянными, засиженными мухами колпаками. Ыш двинулся по лестнице первым, без малейшего колебания, переставляя со ступеньки на ступеньку сразу по две лапы, сначала передние, потом задние. Выглядело это довольно комично. Носом он практически прижимался к ступеням, и Джейк знал, что он идет по следу Сюзанны: эту информацию мальчик мог почерпнуть из головы своего четвероногого друга.

Джейк пытался сосчитать ступени, дошел до ста двадцати, потом

сбился. Задался вопросом, по-прежнему ли они в Нью-Йорке (вернее, под ним). Однажды ему показалось, что слышит далекий, но знакомый грохот: если это был поезд подземки, тогда ответ следовал положительный.

Наконец, лестница осталась позади. Они оказались в просторном, сводчатом помещении, более всего напоминающим гигантский вестибюль отеля, правда, сам отель отсутствовал. Ёш решительно пересек его, мордой к полу, с мотающимся из стороны в сторону хвостом. Джейк поспевал за ним только бегом. Оставшиеся в плетеной сумке рисы стучали друг о друга. В дальнем конце вестибюля-склепа стоял киоск с надписями на пыльном стекле: «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ ПОКУПКИ НЬЮ-ЙОРКСКИХ СУВЕНИРОВ» и «ПОСЕТИТЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА! ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ БИЛЕТЫ НА ЭТО НЕЗАБЫВАЕМОЕ ЗРЕДИЩЕ! АСТМАТИКАМ БЕЗ СПРАВКИ-РАЗРЕШЕНИЯ ОТ ВРАЧА БИЛЕТЫ ПРОДАВАТЬСЯ НЕ БУДУТ!» Джейк задумался, а что же такого незабываемого могло произойти в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, и решил, что, возможно, ему и не хочется знать.

Внезапно, так громко, словно голос говорил прямо в ухо, в голове раздались слова: «Эй! Эй, Позитронная леди! Ты еще здесь?»

Джейк понятия не имел, кто такая Позитронная леди, но голос узнал сразу.

«Сюзанна! — прокричал он, остановившись около туристического киоска. Удивленная, радостная улыбка осветила его уставшее лицо, и оно вновь стало детским. — Сюзи, ты здесь?»

И услышал ее ответный, радостно-изумленный крик.

Ёш, обнаружив, что Джейк более не следует за ним, повернулся и нетерпеливо позвал мальчика: «Эйк! Эйк!» Но Джейк в тот момент не мог на него откликнуться.

— Я тебя слышу! — прокричал он. — Наконец-то! Господи, с кем ты говорила до этого? Продолжай кричать, чтобы я смог определить, где мне тебя...

Позади, то ли с верхней площадки лестницы, то ли уже с середины, кто-то проорал: «Он там!» Послышались выстрелы, но Джейк едва их расслышал. Потому что мальчика охватил ужас: что-то заползло ему в голову. Что-то, напоминающее ментальную руку. Он подумал, что это, возможно, «низкий» мужчина, с которым он говорил через дверь. Рука «низкого» мужчины нащупала управляющие диски в каком-то «Догане» Джейка Чейберза и теперь вращала их. Пытаясь

(не дать сделать ни шагу заставить меня замереть на этом самом месте застыть столбом)

остановить меня. И рука эта смогла забраться к нему в голову, потому что, посылая ментальный сигнал и получая на него ответ, он открыл...

«Джейк, Джейк, где ты?»

Отвечать времени не было. Однажды, пытаясь открыть Ненайденную дверь в Пещере голосов, Джейк вызвал образ миллиона широко открывающихся дверей. Теперь он вызвал другой: одной, с грохотом захлопывающейся двери.

И очень вовремя. Еще с мгновение его ноги оставались прикованными к полу, а потом что-то закричало от боли и отпустило его. Позволило сдвинуться с места.

И Джейк сдвинулся. Сначала неуклюже, потом все более уверенно. Боже, а ведь он едва не погиб! Он слышал зов Сюзанны, очень далекий, но не решался открыться, чтобы ответить на него. Ему оставалось лишь надеяться, что Ыш не потеряет ее след, а она не прекратит его звать.

Потом он пришел к выводу, что вскоре после последнего слабого крика Сюзанны, должно быть, начал петь песню, которую слышал по радио миссис Шоу, но точно сказать, конечно, не мог. С тем же успехом человек, слегший с простудой, может пытаться определить, в какой именно момент у него заболела голова. В чем Джейк мог быть уверен, так это в непрекращающемся грохоте выстрелов, а однажды пуля с воем от ricoшетила от стены, но все это происходило далеко позади, очень далеко, так что он перестал пригибаться при каждом выстреле (а потом и оглядываться). А кроме того, Ыш убегал вперед, быстро-быстро переставляя мохнатые лапы. В стенах и под полом стучали и хрипели неведомые машины. На полу появились стальные рельсы. Джейк предположил, что когда-то здесь курсировал трамвайчик, избавлявший туристов от необходимости преодолевать коридор на своих двоих. Через одинаковые интервалы Джейк видел на стенах строгую надпись: «ВПЕРЕДИ „ПАТРИЦИЯ“; ФЕДИК; СИНИЙ ПРОПУСК ПРИ ВАС?» В некоторых местах плитки осыпались, в других рельсы исчезли, кое-где застоявшаяся, кишашая паразитами вода заполняла выбоины в полу. Два или три раза Ыш и Джейк прошли мимо каких-то транспортных средств, нечто среднего между тележкой, на которой игроки ездят по полю для гольфа, и грузовичком с плоской платформой. Прошли они и мимо робота с головой, похожей на большую репу. Робот тускло сверкнул красными

глазами и прохрипел одно слово, вроде бы: «Стоять!» Джейк поднял орису, не зная, поможет ли она остановить робота, если он двинется за ним, но робот не шевельнулся. Должно быть, на вспышку глаз ушла последняя толика энергии, еще оставшейся в аккумуляторах, атомных или каких-то еще, которые питали системы жизнедеятельности робота. Тут и там стены изрисовали граффити. Две надписи показались ему знакомыми. «ALL HAIL THE CRIMSON KING»^[19], с красным глазом вместо точки в каждом «i», И «БАНГО СКАНК, '84». «Да уж, — рассеянно подумал Джейк, — этот Сканк везде поспел». А потом впервые ясно услышал свой голос. Он, оказывается, напевал. Услышал не слова, а старый, едва запомнившийся рефрен одной из песен, которую когда-то слышал по радио на кухне миссис Шоу: «Э-уимови, э-уимови, э-уиии-аммм-иммм-овии...»

Он замолчал, прекратил бормотать этот мотивчик, где-то похожий на древнее заклинание, крикнул Ёшу, чтобы тот остановился.

— Подожди, мне нужно отлить, малыш.

— Ёш! — откликнулся ушастик-путаник, а яркие глазки и ушки торчком дополнили фразу: «Только поторопись».

Джейк оросил мочой одну из выложенных плиткой стен. В швы между квадратами кафеля въелась какая-то зеленоватая грязь. Джейк также прислушался, нет ли погони, и его усилия не пропали даром. Кто его преследовал? В каком количестве? Роланд, наверное, смог бы ответить на эти вопросы, Джейк — нет. Если судить по разносящемуся по коридору эху — следом бежал целый полк.

И когда Джейк Чеймберз стряхивал последние капли, до него дошло, что отцу Каллагэну более никогда такого не сделать, он уже не улыбнется ему, Джейку, не наставит на него палец, не перекрестится перед едой. Потому что его убили. Отняли у него жизнь. Остановили дыхание и пульс. И если не считать снов, отец Каллагэн покинул эту историю. Джейк заплакал. И, как и улыбка, слезы вновь превратили его в ребенка. Ёш, которому не терпелось следовать за запахом Сюзанны, повернулся, посмотрел на Джейка, на его мордочке определенно читалась озабоченность.

— Все нормально, — Джейк застегнул ширинку, потом вытер слезы ребром ладони. Да только о нормальности не могло быть и речи. Его переполняли печаль, злость, страх перед «низкими людьми», которые неумолимо настигали его, раз уж он стоял на месте. Теперь, когда адреналин постепенно выводился из крови, Джейк вдруг почувствовал, что голоден. И устал. Только устал? Просто валится с ног от изнеможения. Он не мог вспомнить, когда спал в последний раз. Его засосало в дверь, и он

оказался в Нью-Йорке, это он помнил, помнил, как Ыш едва не угодил под такси, помнил проповедника Бога-бомбы, имя которого вызвало у него ассоциации с Джимми Кагни, играющего Джорджа М. Коузена в старом черно-белом фильме, который он смотрел еще маленьким в своей комнате. Потому что, теперь он это понимал, в том фильме была песня о парне по фамилии Харриган: Ха — А — двойное Эр — И; Харриган — это я. Все это он мог вспомнить, а вот когда в последний раз съел корочку...

— Эйк! — твякнул Эш, безжалостный, как судьба. «Если у ушастиков-путаников и наступал момент, когда они выбивались из сил, — устало подумал Джейк, — то Ыш к нему еще не приблизился». — Эйк — Эйк!

— Да-да, — согласился он, отталкиваясь от стены. — Эйк-Эйк теперь бежать-бежать. Давай. Ищи Сюзанну.

Ему хотелось брести, с трудом переставляя ноги, но об этом не могло быть и речи. Обычный шаг, и то не годился. Так что Джейк заставил ноги бежать трусцой и вновь начал напевать себе под нос, на этот раз слова песни: «В джунглях, громадных джунглях, лев сегодня спит... В джунглях, спокойных джунглях, лев сегодня спит... о — о — о — х...» — а потом вновь перешел на что-то бессмысленное (уимови, уимови, уимови), услышанное когда-то по радио, всегда настроенное на волну радиостанции WCBS, отдающей предпочтение старым песням... а может, из какого-то фильма, от которого в памяти осталась только эта песня? Песня не из «Дэнди Янки Дудл», а из какого-то другого фильма? С ужасными монстрами? Который он видел маленьким мальчиком, когда, возможно, еще не вылез из

(пеленок)

подгузников?

«У деревеньки, тихой деревеньки, лев сегодня спит... У деревеньки, мирной деревеньки, лев сегодня спит... Ух-ох, а-уимови-уимови, э-уимови...»

Джейк остановился, тяжело дыша, потирая бок. В боку колело, но не сильно, пока не так сильно, боль не проникала достаточно глубоко, чтобы остановить его. Но эта грязь, зеленоватая грязь, которая вдруг начала выдавливаться из швов между кафельными плитками... она выдавливалась сквозь древнюю затирку и разрушала кафель, потому что это происходило

(джунгли)

глубоко под городом, глубоко, как в катакомбах,

(уимови)

или как...

— Ыш, — позвал он сквозь растрескавшиеся губы. Господи, как же

ему хотелось пить! — Ыш, это не грязь, это трава. Или сорняки... или...

Ыш отозвался именем своего друга, но Джейк его и не услышал. Никуда не делось эхо от топота преследователей (более того, оно заметно приблизилось), но Джейк проигнорировал и эти звуки.

Трава, растущая из выложенной кафелем стены. Сокрушающая стену.

Джейк посмотрел вниз и увидел еще траву, много травы, ярко-зеленой, сверкающей под флуоресцентными лампами, растущей на полу. А кусочки разбитого кафеля теперь более всего напоминали осколки костей древних людей, которые жили и строили до того, как Лучи начали разрушаться, а мир — сдвигаться.

Джейк наклонился. Сунул руку в траву. Поднял кусочки разбитого кафеля, но также и землю, землю

(джунглей)

каких-то глубоких катакомб, или могилы, или, возможно...

Какой-то жучок-паучок полз по пригоршне земли, которую Джейк поднял с пола, с красной отметиной на черной спине, напоминающей кровавую улыбку, и мальчик отбросил его с криком отвращения. Клеймо Короля! Правильно говоришь! Он пришел в себя и осознал, что стоит, опустившись на одно колено, занимаясь археологическими раскопками, как герой в каком-то старом фильме, тогда как бегущие по следу собаки настигают его. И Ыш смотрел на него, глаза сверкали тревогой.

— Эйк! Эйк — Эйк!

— Да, — он заставил себя подняться. — Я иду, Ыш. Но что это за место?

Ыш понятия не имел, чем вызвана озабоченность, которую он слышал в голосе своего ка-дина; он видел перед собой то же, что и прежде, обонял то же, что и прежде: ее запах, мальчик просил его найти, следовать за ним. И запах этот становился все свежее. Ыш побежал дальше.

Пять минут спустя Джейк остановился вновь, крича: «Ыш! Подожди, остановись!»

Покалывание в боку вернулось, проникло глубже, но все-таки остановило мальчика не оно. Все изменилось. Или изменялось. И, да поможет ему Господь, он знал, во что все менялось.

Над его головой по-прежнему горели флуоресцентные лампы, но стены покрыла зеленая растительность. Воздух стал сырым и влажным,

рубашка намокла, прилипла к телу. Прекрасная оранжевая бабочка огромных размеров пролетела мимо его широко раскрывшихся глаз. Джейк попытался ее схватить, но бабочка легко и непринужденно ускользнула от его руки. Играючи, подумал он.

Выложенный плиткой коридор превратился в тропу в джунглях. Впереди тропа эта вела к неровной дыре в густой растительности, возможно, к какой-то вырубке или прогалине. А дальше Джейк сквозь туман видел огромные старые деревья, их могучие стволы покрывал мох, ветви переплели лианы. Он видел и громадные папоротники, а над деревьями, сквозь зеленый покров, слепящее небо, накрывающее джунгли. Он знал, что находится под Нью-Йорком, должен находиться под Нью-Йорком, но...

Пронзительно закричала мартышка, так близко, что Джейк дернулся и поднял голову, уверенный, что увидит ее прямо над собой, лыбящуюся на него между ламп. А потом, леденя кровь, по джунглям прокатился оглушающий рык льва. Только этот лев определенно не спал.

Мальчик уже хотел развернуться на сто восемьдесят градусов и дать деру, когда понял, что такой возможности у него нет; «низкие люди» (возможно, возглавлял их тот самый тип, который сказал, что «паппа стал обедом»), отрезали ему путь к отступлению. И Ыш смотрел на него с горящим в глазах нетерпением, ему явно хотелось бежать дальше. Ыш тупостью не отличался, но не выказывал никаких признаков тревоги, во всяком случае, не считал, что впереди их поджидает что-то ужасное.

Со своей стороны, Ыш тоже не мог понять, что происходит с Джейком. Он знал, что мальчик устал, чувствовал по запаху, но знал и другое: Эйк боялся. Почему? Да, в этом месте хватало неприятных запахов, преимущественно пахло людьми, но Ыш не считал, что они свидетельствовали о нависшей над ними опасности. А кроме того, здесь был и ее запах. Теперь очень свежий. Слово она находилась совсем рядом.

— Эйк! — вновь твякнул он.

Джейк уже восстановил дыхание.

— Хорошо, — он огляделся. — Ладно. Но не так быстро.

— Тро, — откликнулся Ыш, и Джейк без труда отметил нотки осуждения в ответе Ыша.

Джейк двинулся дальше только потому, что выбора у него не было. Он шагал по поднимающейся вверх по склону заросшей тропе (по восприятию Ыша, они шли по прямой, проложенной на горизонтальной плоскости, с того самого момента, как лестница осталась позади), которая вела к прогалине или вырубке, обрамленной папоротниками и лианами, к

безумному визгу мартышки и леденящему мошонку реву охотящегося льва.
А в голове вновь и вновь звучала песня

(в деревне... в джунглях... тихо, мой милый, не шевелись, мой милый...)

и теперь он знал, что это за песня, знал даже название группы

(это же «Токенс»^[20] с песней «Лев сегодня спит», покинувшей чарты, но не наши сердца)

которая исполняла ее, но какой фильм? Как назывался этот чертов фи...

Джейк добрался до вершины склона и края прогалины. Всмотрелся в ковер широких зеленых листьев и ярких пурпурных цветов (маленький зеленый червячок как раз забирался в сердцевину одного из них), и в тот самый момент в памяти всплыло название фильма, а по коже вдруг побежали мурашки, по всему телу, от шеи до пяток. Мгновением позже первый динозавр вышел из джунглей (громадных джунглей) и неспешно пересек прогалину.

5

Однажды, давным-давно

(пришла пора перекусить)

когда он был маленьким мальчиком

(черничный в чашки чай разлить)

наступил день, когда мать отправилась в Монреаль со своим арт-клубом, а отец — в Лас-Вегас на ежегодное представление осенних программ;

(и джем по-братски разделить)

случилось это, когда Баме было четыре...

6

Единственный человек, который любит Баму,

(миссис Шоу, миссис Грета Шоу)

зовет его. Она срезает корочки с его сэндвичей, прикрепляет его рисунки, сделанные в детском саду, к холодильнику магнитами, которые выглядят, как маленькие пластиковые фрукты, называет Бама, и для него это особое имя

(для них)

потому что его отец, как-то в субботу, по пьяному делу, обучил его песенке: «Разливайся вширь и ввысь, к горизонту развернись, на тебя идет стена, Бамы Алая волна!» и поэтому она зовет его Бама, это секретное имя, и только они знают, что оно означает, и больше не знает никто, и это все равно, что иметь дом, войти в который можешь только ты, безопасный дом в страшном лесу, где все тени выглядят, как чудовища, великаны-людоеды и тигры.

(«Тайгер, тайгер, вспыхни ярко», — поет ему мать, потому что полагает эту песенку колыбельной, вместе с: «Я слышала, как жужжала муха... когда умерла». От последней фразы Баму Чеймберза бьет дрожь, хотя матери он никогда ничего не говорит; иной раз он лежит в постели ночью, а случается, и днем, после обеда, и думает: «Я услышу, как жужжит муха, и это будет моя муха-смерть, мое сердце остановится, мой язык упадет в горло, как камень падает в колодец», — и это воспоминания, в которых он не признается).

Это хорошо, иметь секретное имя, и когда он узнает, что мать собирается в Монреаль во имя искусства, а отец — в Вегас, помочь в презентации новых шоу телесети, он умоляет мать попросить миссис Шоу остаться с ним, и в конце концов мать сдается. Маленький Джейки знает, что миссис Шоу — не его мать, и не единожды миссис Грета Шоу сама говорила ему, что она — не его мать.

«Я надеюсь, ты знаешь, что я — не твоя мать, Бама, — говорит она, ставя перед ним тарелку, а на тарелке — сэндвич с ореховым маслом, беконом и бананом, а корочки срезаны так, как умеет их срезать только Грета Шоу, потому что в мои обязанности это не входит».

И Джейки... только здесь он — Бама, он — Бама, когда они вдвоем... не может найти слов, чтобы сказать ей, что он это знает, знает, но хочет побыть с ней, пока не вернется настоящая мать или пока он не вырастет и муха-смерть перестанет его страшить.

И Джейки говорит: «Не волнуйся, я в порядке», — но он все равно рад что миссис Шоу соглашается остаться и не придет та девица что оставалась с ним в прошлый раз в коротенькой юбке занимающаяся только своими волосами и помадой не обращающая на него ни малейшего внимания не знающая что в глубине своего сердца он — Бама, и господи до чего эта маленькая Дейзи Мэй

(именно так его отец называет всех сиделок)

глупа глупа глупа. Миссис Шоу не глупа. Миссис Шоу кормит его после возвращения из детского сада. Называет эту трапезу

послеполуденным чаем или просто полдником, и не важно, что она ему предлагает, творог и фрукты, сэндвич со срезанной корочкой, кусок торта, канапе, оставшиеся после вчерашней вечеринки, она всегда поет одну и ту же песенку, когда ставит перед ним еду: «Пришла пора перекусить, черничный в чашки чай разлить, и джем по-братски разделить».

(его настоящая мать)

или умник

(его отец)

и хотя он знает, что идея глупая, он обдумывает ее в постели забавы ради, полагая, что куда приятнее думать об этом, а не мухе-смерти, которая прилетит и будет жужжать над его трупом, когда он умрет с языком, свалившимся в горло, как камень — в колодезь. Во второй половине дня, когда он возвращается домой из детского сада (к тому времени он достаточно большой, чтобы знать, что детский сад — это ступень к начальной школе), он смотрит в своей комнате передачу «Фильм за миллион долларов». Передача «Фильм за миллион долларов» характерна тем, что целую неделю, в одно и то же время, в четыре часа дня, по ней показывают один и тот же фильм. На неделе предшествующей отъезду родителей, когда миссис Шоу стала оставаться на ночь, вместо того, чтобы уходить домой

(О, какое блаженство, миссис Грета Шоу отвергает Дискордию, можете сказать аминь)

музыка доносится с двух сторон каждый день, старые песни с кухни

(WCBS, можете сказать Бог-бомба)

и из телевизора где Джеймс Кагни фланирует в дерби и поет о Харригане — Ха-А-двойное Эр-И, Харриган, это я! Опять же о том, каково быть настоящим живым племянником моего дяди Сэма.

А потом наступает следующая неделя, неделя, на которой его родители в отъезде, и показывают новый фильм, и впервые фильм пугает его до смерти. Называется он «Потерянный континент», главную роль в нем исполняет Сезар Ромеро^[21], и когда Джейк увидит его снова (значительно повзрослевшим, в возрасте 10 лет), он удивится, просто не сможет понять, как мог испугаться такого глупого фильма. Потому что фильм этот об исследователях, которые теряются в джунглях, понимаете, и в этих джунглях живут динозавры, а в четыре года он не мог осознать, что динозавры эти — всего лишь гребаная МУЛЬТИПЛИКАЦИЯ, и ничем они не отличаются от Твити, Сильвестра и Поупи-Моряка. Первый динозавр, которого он видит, — трицератопс. Он ломится сквозь джунгли, и девушка-исследователь

(впечатляющие бу-бу, сказал бы его отец, так он всегда говорит о тех, кого его мать называет девушками известного поведения)

кричит во весь голос, и Джейк тоже закричал бы, если б его грудь и горло не сковал ужас, о, воплощенная Дискордия! В глазах чудовища он видит абсолютную пустоту, которая означает конец всего, мольбы такого монстра не тронут, и крик с таким монстром не поможет, он слишком туп, крики могут только привлечь внимание монстра, и привлекают, он поворачивается к Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, а потом бросается на Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, а на кухне (громадной кухне) поет группа «Токенс», ушедшая из чартов, но не из наших сердец, они поют о джунглях, мирных джунглях, а здесь, перед широко раскрытыми, полными ужаса глазами маленького мальчика тоже джунгли, только далеко не мирные, и это не лев, а неуклюжее чудовище, которое чем-то напоминает носорога, только больше, и у него на шее что-то вроде костяного воротника, и потом Джейк выяснит, что такой вид монстров называют трицератопсами, но пока чудовище для него безымянное, а это хуже, гораздо хуже. «Уимови, — поют „Токенс“. — Уииии — аммм — а — виии», — и, конечно, Сезар Ромеро пристреливает монстра до того, как тот успеваает разорвать девушку с впечатляющими бу-бу на куски, что, конечно, на тот момент хорошо, но той же ночью монстр возвращается, трицератопс возвращается, он в его стенном шкафу, потому что даже в четыре года Джейк понимает, что иногда его стенной шкаф — совсем не стенной шкаф, а дверь, которая может открываться в разные места, где его поджидают те, с кем лучше не встречаться.

Он начинает кричать, ночью он может кричать, и миссис Грета Шоу входит в комнату. Она садится на край кровати, лицо у нее, как у призрака, покрыта каким-то сине-серым ночным кремом-маской, она спрашивает, что случилось, и вот ей Бама может рассказать все. Не смог бы рассказать ни отцу, ни матери, если б кто-то из них был дома, но их, к счастью, нет, но он может рассказать обо всем миссис Шоу, потому что, пусть она и не очень-то отличается от прочей обслуги, будь то приходящие няни присматривающие за детьми, отводящие в школу, она, тем не менее, чуть другая, но этого чуть хватает, чтобы прикреплять его рисунки к холодильнику маленькими магнитами, чтобы менять для него весь мир, чтобы удерживать башню психического здоровья глупого маленького мальчика, которую без нее могло бы снести, скажите аллилуйя, скажите, найденная, а не потерянная, скажите, аминь.

Она выслушивает все, что ему нужно сказать, заставляет повторять три — ЦЕР — а — ТОПС, пока он не произносит это слово правильно. И

только от того, что ему удастся произнести слово правильно, на душе становится легче. А потом она говорит: «Эти животные когда-то были настоящими, но они умерли сто миллионов лет тому назад, Бама. Может, даже больше. И больше не тревожь меня, потому что мне нужно выспаться».

Джейк смотрит «Потерянный континент», который показывают в передаче «Фильм за миллион долларов» изо дня в день, всю неделю. При каждом новом просмотре фильм пугает его все меньше. Однажды миссис Грета Шоу приходит и смотрит часть фильма вместе с ним. Она приносит ему полдник, большую миску с гавайскими хлопьями (еще одну для себя) и поет свою замечательную песенку: «Пришла пора перекусить, черничный в чашки чай разлить, и джем по-братски разделить». В гавайских хлопьях, само собой, нет черники, и пьют они виноградный сок, а не черничный чай, но миссис Грета Шоу говорит, что важен дух, а не буква. Она уже научила говорить рути-тути-салюти перед тем, как они что-то пьют, и чокаться стаканами. Джейк думает, что это очень круто, круче просто не бывает.

Очень скоро появляются динозавры. Бама и миссис Грета Шоу сидят бок о бок, едят гавайские хлопья и наблюдают, как большой динозавр (миссис Грета Шоу говорит, что таких называют Тираннасорбет Рекс) сжирает плохого исследователя. «Мультяшные динозавры, — фыркает миссис Грета Шоу. — Тебе не кажется, что их могли бы нарисовать и получше, — по мнению Джейка, это самый блестящий образец критики фильма, который ему доводилось слышать за всю свою жизнь. Блестящий и полезный.

В конце концов, его родители возвращаются. В передаче «Фильм за миллион долларов» начинают показ «Высокой шляпы», страхи маленького Джейка не упоминаются. Со временем он и сам забывает о том, что боялся трицератопса и Тираннасорбета Рекса.

Но теперь, лежа в высокой зеленой траве и всматриваясь между листьев папоротника в затянутую туманом прогалину, Джейк обнаружил, что забылось далеко не все.

«Берегись ловушки разума», — предупредил его Джохабим, и, глядя на тяжело переваливающегося динозавра, мультяшного трицератопса в настоящих джунглях, ничем не отличающегося от воображаемой жабы в саду, Джейк понимает, что все это значит. Ловушка разума. Трицератопс не

мог стать реальным, как бы страшно он ни ревел, как бы сильно ни била в нос Джейка его вонь: в мягких складках, образовавшихся в том месте, где короткие лапы переходили в живот, гнила растительность, дерьмо засыхало на защищенном костяными плитами заду, жвачка сочилась между могучих челюстей, оканчивающихся бивнями, как бы явственно ни слышалось его натужное дыхание. Он не мог стать реальным, потому что его, прости Господи, нарисовали!

И однако, Джейк знал, что трицератопс достаточно реален, чтобы убить его. Выйди Джейк на прогалину, трицератопс разорвал бы его на куски точно так же, как разорвал бы Дейзи Мэй с впечатляющими бу-бу, если бы Сезар Ромеро не появился в нужном месте и в нужный момент и не всадил пулю из своего крупнокалиберного охотничьего карабина в единственное уязвимое место чудовища. Джейк избавился от руки, которая пыталась манипулировать его двигательными центрами, захлопнул все эти двери так сильно, что, насколько он мог это знать, отрубил пальцы незваному гостю, но на этот раз имел дело с чем-то другим. Он не мог закрыть глаза и идти дальше; впереди его поджидал реальный монстр, созданный его предательским сознанием, который действительно мог разорвать его на куски.

И не было Сезара Ромеро, который смог бы это предотвратить. Как и Роланда.

Были только «низкие люди», которые бежали по его следу и приближались с каждым мгновением.

Словно в подтверждение его мыслей, Ыш оглянулся, посмотрел в том направлении, откуда они пришли, и тьякнул, громко и отрывисто.

Трицератопс услышал и заревел в ответ. Джейк ожидал, что от этого рева Ыш тут же прижмет к нему, но Ыш продолжал смотреть за спину Джейка. Ыша занимали «низкие люди», а не трицератопс, который загоразживал им путь или Тираннасорбет Рекс, который мог появиться следом, или...

«Потому что Ыш его не видит, — подумал Джейк.»

Он поиграл с этой идеей, и не смог отбросить ее. Ыш не обонял трицератопса и не слышал его. Вывод напрашивался сам собой: для Ыша не существовало ужасного трицератопса в громадных джунглях.

«Что не исключает его существования для меня. Это ловушка, которую расставили мне, или кому-то другому с таким же воображением, как у меня, кто мог пойти этим путем. Несомненно, какое-то хитрое устройство древних, Жаль только, что оно не сломалось, как многие другие их „игрушки“. Я вижу то, что вижу, и с этим ничего не могу поде...»

Нет, подождите.

Подождите секундочку.

Джейк понятия не имел, насколько сильна его ментальная связь с Ышем, но подумал, что скоро он это узнает.

— Ыш!

Голоса «низких людей» звучали пугающе близко. Скоро они увидят мальчика и ушастика-путаника и пойдут в атаку. Ыш чувствовал их усиливающийся запах, но достаточно спокойно взглянул на Джейка. На своего любимого Джейка, ради которого он бы умер, возникни такая необходимость.

— Ыш, ты можешь поменяться со мной местами?

Как выяснилось, Ыш смог.

8

Ыш, выпрямился с Джейком на руках, покачиваясь из стороны в сторону. К своему ужасу, он только теперь осознал, с каким трудом мальчику удавалось сохранять равновесие. Сама мысль о том, что придется пройти какое-то, пусть и короткое, расстояние на задних лапах, ужасала, но другого выхода, кроме как пройти его, и пройти незамедлительно, не оставалось. Так сказал Эйк.

Со своей стороны, Джейк знал, что должен крепко-накрепко закрыть позаимствованные глаза, через которые теперь смотрел на мир. Его сознание переместилось в голову Ыша, но он по-прежнему мог видеть трицератопса; вот и в тот момент углядел птеродактиля, кружащего в жарком воздухе высоко над прогалиной, его кожистые крылья растягивались, чтобы поймать восходящие потоки.

«Ыш! Ты должен это сделать сам. И сделать прямо сейчас, чтобы оторваться от них!»

«Эйк!» — отозвался Ыш и нерешительно шагнул вперед. Тело мальчика повело в одну сторону, потом в другую, попытка сохранить равновесие ни к чему не привела. Так глупо устроенное двуногое тело Эйка упорно заваливалось вбок. Ыш, конечно, хотел этому помешать, но кончилось все тем, что он упал на правый бок и ударил об пол волосатую голову Эйка.

От раздражения Ыш сердито тьякнул. А из пасти Эйка вырвалось что-то непонятное, но, скорее слово, чем звук: «Гав! Ав! Дерьмо-гав!»

— Я слышу его! — закричал кто-то. — Бегом! Бегите, что есть мочи,

паршивое дьявольское отродье! Его надо догнать, пока он не добрался до двери!

Уши Эйка чуткостью не отличались, но выложенные кафелем стены усиливали звуки, так что Ыш без труда слышал топот бегущих ног.

«Ты должен встать и идти!» — попытался крикнуть Джейк, но из его пасти вырвалось что-то вроде: «Ен-ать-ти!» При других обстоятельствах стоило бы и посмеяться, но не при этих.

Ыш поднялся, ударив Эйка спиной о стену, и начал передвигать ноги Эйка. Наконец-то он понял, где находятся рычаги управления движением; в том месте, которое Эйк называл «Доганом», и управлять ими труда не составило. Слева, однако, арочный коридор вел в громадное помещение, заполненное сверкающими, как зеркало, машинами. Ыш знал: если он пойдет туда, в зал, где Эйк держал все свои замечательные мысли и словарный запас, то заблудится там навсегда.

К счастью, необходимости в этом не было. В «Догане» имелось все, что ему требовалось. Левая нога... вперед. (И пауза). Правая нога... вперед. (И пауза). Держи существо, которое выглядит, как ушастик-путаник, но на самом деле — твой ближайший друг, одной рукой, используй другую для сохранения равновесия. Подавляй желание опуститься на все четыре конечности и ползти. Преследователи догонят тебя, если ты попытаешься это сделать. Ыш более не мог уловить их запаха (да и какие запахи можно уловить этим абсурдно маленьким носиком Эйка), но он это и так знал.

А вот Джейк, наоборот, ловил запахи преследователей без труда. Их было не меньше дюжины, может, и шестнадцать. Их тела непрерывно вырабатывали запахи, которые летели впереди, как зловонное облако. Он ощущал запах спаржи, который кто-то из «низких людей» съел за обедом, неприятный, мерзкий до тошноты запах раковой опухоли, которая росла в другом, вероятно, в голове, а может, в горле.

Потом он услышал, как вновь заревел трицератопс. Ему криком ответил парящий в небе птеродактиль.

Джейк закрыл свои... ладно, Ыша... глаза. В темноте казалось, что ушастика-путаника качает куда как сильнее. Джейка тревожило, не вывернет ли его от такой качки, особенно с закрытыми глазами, наизнанку. Баму, похоже, одолевала морская болезнь.

«Иди, Ыш, — думал он. — Как можно быстрее. Больше не падай и... иди, как можно быстрее».

Окажись рядом Эдди, он бы, конечно, вспомнил миссис Мислабурски, которая жила чуть подалее в его же квартале: миссис Мислабурски в феврале, после обрушившегося на город снежно-дождевой бури, когда тротуар блестел льдом, который еще не успели посыпать солью. Но никакой лед не мог удержать ее ежедневного похода на рынок на Кастр-авеню за мясом или рыбой (или в церковь по воскресеньям, потому что во всем Кооп-Сити миссис Мислабурски была самой набожной католичкой). Вот она и шла, широко расставляя толстые, обтянутые плотными розовыми колготками ноги, одной рукой прижимая сумочку к необъятной груди, размахивая второй для равновесия, опустив голову, высматривая островки золы, которой уже присыпали лед около своих домов некоторые ответственные дворники (Иисус и мать Мария, благословите этих людей), и предательски опасные полоски раскатанного льда, которые могли заставить разъехаться ее большие, розовые колени, и она могла упасть на задницу, хуже того, на спину, а это могло привести к перелому позвоночника, и ее парализовало бы, как бедную дочь миссис Бернштейн в автомобильной аварии в Мамаронеке, да, такое случается. Она полностью игнорировала насмешливые крики детей (среди них часто были Генри Дин и его маленький брат), и шла своим путем, опустив голову, размахивая одной рукой, другой прижимая к себе старую, черную дамскую сумочку, полная решимости никогда, ни при каких обстоятельствах, даже при падении, не расстаться ни с самой сумочкой, ни с ее содержимым, в случае чего упасть на нее, как Джо Намах падал на футбольный матч, когда защитники сносили его.

Именно так Ыш из Срединного мира в теле Джейка шел по участку подземного коридора, который ничем не отличался (во всяком случае, для него) от любого другого участка. Впрочем, одно различие он все же заметил: по три дыры в боковых стенах, закрытые большими стеклянными глазами, от которых шло низкое, ровное гудение.

Одной рукой он нес что-то, очень похожее на ушастика-путаника, с крепко закрытыми глазами. Будь они открыты, Джейк, возможно, и догадался бы, что стеклянные круги — проекторы. Но, скорее всего, он бы их просто не увидел.

Медленным шагом (Ыш знал, что преследователи все ближе, но понимал, лучше медленно двигаться, чем упасть), широко расставляя ноги, практически не отрывая их от земли, прижимая Эйка к груди, точно так же, как миссис Мислабурски прижимала сумочку, когда тротуар покрывала ледяная корка, он миновал стеклянные глаза. Гудение стихло. Он прошел достаточно? Очень уж тяжело ходить по-человечески, изматывает донельзя.

Также трудно находиться и рядом с думающими машинами Эйка. Он почувствовал желание повернуться и посмотреть на них, ах, эти сверкающие зеркальные поверхности, но нет. Посмотрев, он мог впасть в транс. А может, случилось бы и что-то хуже.

Он остановился.

— Джейк! Открывай глаза! Смотри!

Джейк попытался ответить: «Хорошо», — и тьякнул. Смех, да и только. Осторожно открыл глаза и увидел по обеим сторонам коридора выложенные кафелем стены. Лишь кое-где в швах пробивались трава и папоротники, но в основном он видел плитки. И находился не на тропе в джунглях — в коридоре. Оглянулся, и увидел прогалину. Трицератопс забыл про них. Он схлестнулся в смертельном бою с тираннасорбетом, этот эпизод из «Потерянного континента» также сохранился в памяти. Девушка с впечатляющими бу-бу наблюдала за битвой, уютно устроившись в объятьях Сезара Ромеро, и когда мультяшный тираннасорбет сомкнул свои гигантские челюсти на голове трицератопса, девушка уткнулась лицом в широкую грудь Сезара Ромеро.

— Ыш! — тьякнул Джейк, но с тьяканьем получилось не очень, и он переключился на ментальную связь.

«Меняемся!»

Ыша предложение это только обрадовало. Более всего на свете ему хотелось вернуться в собственное тело, но, прежде чем они успели поменяться, преследователи их увидели.

— Они! — закричал один, с бостонским акцентом, тот самый, что крикнул: «Паппа стал обедом». — Вон они! Взять их! Застрелить!

И когда Джейк и Ыш менялись разумами, перебираясь в свои тела, первые пули уже прорезали воздух, как щелкающие пальцы.

Преследователей возглавлял некто Флагерти. Из всех семнадцати только он был челом. Остальные, за исключением еще одного, — «низкими людьми» или вампирами. Последний был тахином с головой разумного горноста и парой огромных волосатых ног, торчащих из бермудских шорт. Заканчивались ноги узкими ступнями с большущими, острыми, как бритва, когтями. Один удар ноги Ламлы мог разорвать взрослого человека пополам.

Флагерти, родившийся в Бостоне, последние двадцать лет прослуживший Королю в одном из двух десятков Нью-Йорков конца

двадцатого века, набирал свою команду в спешке, его буквально трясло от страха и ярости. «Никто не должен войти в „Дикси-Пиг“». Так сказал Сейр Маймену. А тот, кто все-таки вошел, не должен, ни при каких обстоятельствах, выйти. И приказ этот прежде всего касался стрелка и любого члена его ка-тета. Их вмешательство в дела Алого Короля давно уже перешло ту черту, до которой от них можно было отмахнуться, как от назойливой мухи, и знала об этом уже не только элита. Но теперь Маймен, которого несколько его друзей звали Кенарь, лежал мертвым, а мальчишка каким-то образом удрал от них. Мальчишка, это же надо! Гребаный мальчишка! Но как они могли знать, что эта парочка принесет с собой такой мощный тотем, как черепаха? Если бы эта хреновина не укатилась под один из столов, они бы до сих стояли столбом, не отрывая от нее глаз.

Флагерти знал, что это правда, но знал и другое: Сейр никогда не примет такого оправдания. Даже не даст шанса ему, Флагерти, заикнуться об этом. Нет, он умрет задолго до того, как успеет открыть рот, да и остальные тоже. Будут лежать на полу, облепленные докторами-жуками, лакомящимися их кровью.

Хотелось, конечно, верить, что мальчишку остановит дверь, что он не знает пароля, ее открывающую, но Флагерти не тешил себя такими надеждами, хотя очень хотелось, чтобы они оправдались. Флагерти отдавал себе отчет, что рассчитывать они могут только на себя, вот почему испытал безмерное облегчение, увидев, что мальчишка и его мохнатый дружок остановились впереди. Несколько преследователей выстрелили, но промахнулись. Флагерти не удивился. Их и мальчишку разделял участок, заросший зеленью, гребаный островок джунглей, неведомо как оказавшийся под городом. Да еще поднимался туман, мешавший целиться. Плюс какие-то нелепые, как в мультипликационных фильмах динозавры! Один из них поднял измазанную кровью морду и зарычал на них, прижимая крошечные лапки к чешуйчатой груди.

«Выглядит, как дракон», — подумал Флагерти, и у него на глазах мультяшный динозавр превратился в дракона. Он тоже заревел и выплюнул струю огня, который поджег несколько лиан и полоску мха. Мальчишка, тем временем, вновь бросился бежать.

Ламла, тахин с головой горностая, протиснулся вперед и поднес ко лбу мохнатый кулак. Флагерти нетерпеливо ответил тем же.

— Что там впереди, Лам? — спросил он. — Ты знаешь?

Флагерти еще не бывал под «Дикси-Пиг». Если он и путешествовал по делам, то исключительно между Нью-Йорками, и пользовался или дверью в вечно пустующем складе на Бликер-стрит (только в некоторых мирах это

было вечно недостроенное здание), или той, что находилась в Верхнем Манхэттене, на Девяносто четвертой улице (последняя теперь срабатывала через два раза на третий, и никто, понятное дело, не знал, как ее починить). В городе были и другие двери, Нью-Йорк просто кишел порталами в разные где и когда, но функционировали только эти две.

И еще одна, ведущая в Федик. Та, в которую упирался коридор.

— Это создатель миражей, — ответил Горноста́й. Его урчащий голос мало напоминал человеческий. — Машина, которая находит, чего ты боишься, и превращает страх в реальность. Сейр, должно быть, включил ее, когда он и его тет прошли здесь вместе с чернокожей женщиной. Для того, чтобы обезопасить себя с тыла, ты понимаешь.

Флагерти кивнул. Ловушка разума. Умно! Только так ли хороша эта машина? Каким-то образом этот маленький говнюк сумел ее миновать, не правда ли?

Увиденное мальчишкой превратится в то, чего боимся мы, — продолжил тахин. — Машина настраивается на наше воображение.

Воображение. Флагерти ухватился за это слово.

— Хорошо. Вот и скажи им, пусть игнорируют то, что видят.

Он уже поднял руку, чтобы приказать своим людям продолжить преследование, объяснения Ламлы безмерно его успокоили. Потому что они должны продолжать преследование, не так ли? Сейр (или Уолтер О'Дим, который того хуже) наверняка убьют их всех, если они не остановят этого молокососа. А то, что Флагерти действительно боялся идеи драконов, значения не имело. Он боялся их с детства, после того, как отец прочитал ему о них какую-то сказку.

Тахин остановил его, прежде чем он успел взмахом руки бросить своих людей в погоню.

— Что теперь, Лам? — рявкнул Флагерти.

— Ты не понимаешь. То, что впереди, достаточно реально, чтобы убить тебя. Убить нас всех.

— И что видишь ты? — не время, конечно, потворствовать собственному любопытству, но, к сожалению, оно всегда брало верх. Ламла опустил голову.

— Я бы не хотел говорить. Меня и так мутит. Дело в том, сэй, что мы все умрем, если не проявим осторожность. То, что случится с любым из нас, будет выглядеть, как смерть от инсульта, инфаркта, какой-то другой причины, но убьет нас то, что каждый из нас видит перед собой. Тот, что считает, что воображение не может его убить, — дурак.

Остальные уже столпились позади тахина. То и дело переводили

взгляд с затуманенной прогалины на Ламлу и обратно. Флагерти не нравились выражения их лиц, совершенно не нравились. Убийство одного или двоих из тех, кто совсем лишился мужества, могло подогреть энтузиазм остальных, но такой от этого прок, если Ламла прав? Чертовы древние, вечно оставляют свои игрушки! Опасные игрушки! Как же они усложняют человеку жизнь! Чуму бы на них всех и на каждого из них!

— Так как же нам пройти? — воскликнул Флагерти. — Если уж на то пошло, как проскочил ловушку этот мальчишка?

— Насчет мальчишки не знаю, — ответил Ламла, — а нам нужно расстрелять проекторы.

— Какие еще говняные проекторы?

Ламла указал вперед и вниз, на стены коридора, если, конечно, этот урод знал, о чем говорит.

— Там. Я знаю, вы их не видите, но можете мне поверить. Они там. С каждой стороны.

Флагерти, как зачарованный наблюдал за трансформацией затянутой туманом прогалины в джунглях, которую «нарисовало» воображение Джейка, в густой темный лес. «Однажды давным-давно, когда все жили в густом темном лесу и никто не жил где-то еще, в этот лес забрел дракон».

Флегерти не знал, что видела Ламла и остальные, но у него на глазах дракон (который совсем недавно был Тираннасорбетом Рексом) послушно бродил по густому темному лесу, поджигая деревья и оглядываясь в поисках мальчиков-католиков, которыми мог бы закусить.

— Я НИЧЕГО не вижу! — проорал он Ламле. — Я думаю, ты выжил из своего гребаного УМА!

— Я видел, как их отключали, — спокойно ответил Ламла, — и могу практически точно вспомнить, где они находятся. Если ты позволишь мне взять четверых и показать им, куда стрелять, я уверен, у нас не уйдет много времени на то, чтобы вывести из строя проекторы.

«И как отреагирует Сейр, когда я доложу ему, что мы расстреляли его драгоценную ловушку разума? — мог бы сказать Флагерти. — Как отреагирует Уолтер о'Дим, когда ему станет об этом известно? Потому что ее уже не починить, во всяком случае, ее не починим мы, способные на то, чтобы разжечь огонь, потеряв друг о друга две палочки, но не более.

Мог, но не сказал. Потому что устранение мальчишки было куда важнее любого устройства древних, даже такого удивительного, как ловушка разума. И именно Сейр включил ее, не так ли? Ты говоришь правильно! Если уж кому-то придется объясняться, пусть объясняется Сейр! А пока этот чертов молокосос увеличивал расстояние от погони,

которое Флагерти (именно его воображение удостоилось чести заменить воображение мальчишки) и его люди сумели так радикально сократить. Если бы одному из них повезло, и он подстрелил бы мальчишку и его мохнатого дружка, пока они были на виду! Но желания — это на одной чашке весов, а говно — на другой! Посмотрим, какая на этот раз перевесит!

— Бери своих лучших стрелков, — распорядился Флагерти голосом Джона Ф. Кеннеди. — Принимайся за дело.

Ламла приказал троим «низким людям» и одному вампиру выйти вперед, поставил у стен по двое, быстро заговорил на незнакомом языке. Как понял Флагерти, двое из них, как и Ламла, успели побывать в этом коридоре и представляли себе, где находятся упрятанные в стены проекторы.

Тем временем дракон Флагерти, точнее, дракон его отца, продолжал бродить по густому темному лесу (джунгли полностью пропали) и поджигать все, что оказывалось в непосредственной близости.

Наконец (для Флагерти время тянулось долго, а на самом деле прошло меньше тридцати секунд), меткие стрелки открыли огонь. Практически мгновенно дракон и лес побледнели перед глазами Флагерти, превратились в нечто, напоминающее передержанный негатив киноплёнки.

— Есть один! — закричал Ламла. К сожалению, если он поднимал голос, последний очень уж напоминал овечьё блеянье. — Разбейте остальные! Разбейте, ради любви ваших отцов!

«У половины этих тварей, наверное, и отцов-то никогда не было», — мрачно подумал Флагерти. Зазвенело разбитое стекло, дракон замер, вместе с языками пламени, которые в тот момент вырывались из его ноздрей и пасти, а также из жабр по обеим сторонам покрытой костяной броней шеи.

Вдохновленные первым успехом, стрелки продолжили начатое, и несколько мгновений спустя с глаз исчезла как прогалина, так и замерший дракон. Остался только выложенный кафелем коридор, со следами на пыли тех, кто прошел им раньше. У боковых стен на полу валялись осколки стеклянных фонарей, за которыми находились проекторы.

— Отлично! — воскликнул Флагерти, одобрительно кивнув Ламле. — А теперь бежим за мальчишкой, и бежим быстро. Мы должны его поймать, и принести назад его голову на пике. Вы со мной?

Ему ответил согласный рев, но никто не смог перекричать Ламлу, глаза которого горели оранжево-красной злобой, совсем как у дракона.

— Это хорошо! — и Флагерти побежал первым, показывая пример, затянув речевку, которую точно узнали бы морские пехотинцы. — Нам без разницы, как далеко ты убежал...

— НАМ БЕЗ РАЗНИЦЫ, КАК ДАЛЕКО ТЫ УБЕЖАЛ! — подхватили остальные. По четыре в ряд, они миновали то место, где недавно росли джунгли Джейка. Под их ногами хрустели осколки стекла.

— Мы приведем тебя назад до того, как закончится этот забег!

— МЫ ПРИВЕДЕМ ТЕБЯ НАЗАД ДО ТОГО, КАК ЗАКОНЧИТСЯ ЭТОТ ЗАБЕГ!

— Ты можешь бежать до Каина или Луда...

— ТЫ МОЖЕШЬ БЕЖАТЬ ДО КАИНА ИЛИ ЛУДА!

— Мы съедим твои яйца и выпьем твою кровь!

Они проорали последнюю строку, и Флагерти прибавил скорости.

11

По топоту Джейк понял, что они вновь бросились в погоню. Услышал, как они пообещали съесть его яйца и выпить кровь.

«Хвастуны, хвастуны, хвастуны», — подумал он, но все равно постарался ускориться. Обмен разумами с Ышем, конечно, немного его утомил...

Нет.

Роланд учил его, что самообман — не более чем замаскированная гордость, оправдание, которое следует отвергнуть. Джейк делал все, что в его силах, чтобы применить на практике полученный урок, и в результате признал, что понятие «усталость» более не могло адекватно описать его состояние. Покалывание в боку отрастило зубы и вцепилось ими где-то глубоко подмышкой. Он знал, что ему нужно отрываться от преследователей, но нарастающая громкость речевки свидетельствовала об обратном: расстояние между ними сокращалось. Скоро они снова могли начать стрелять в него и Ыша, и пусть точность стрельбы на бегу оставляла желать лучшего, кому-то могло и повезти.

Теперь он уже видел: впереди что-то перегораживало коридор. Дверь. Приближаясь к ней, Джейк позволил себе задаться вопросом, а что он будет делать, если Сюзанны не окажется по другую сторону двери. Или она там будет, но не сможет ему помочь.

Что ж, он и Ыш примут последний бой, вот и все. На этот раз никакого укрытия, никаких Фермопил, но он будет бросать тарелки и срезать головы, пока они не убьют его.

Будет, если потребуется. А может, и нет.

Джейк спешил к двери, горячее дыхание вырывалось из груди, едва не

обжигая горло, и думал: «Ну и хорошо, что она здесь. Все равно я не смог бы бежать дальше».

Бш добрался до двери первым. Оперся передними лапами о дерево призраков и посмотрел вверх, словно читая слова, выбитые на двери или пульсирующую надпись под ними. Потом повернулся к Джейку, который, тяжело дыша, приближался к нему, зажав одну руку под мышкой и гремя орисами в плетеной сумке.

«СЕВЕРНЫЙ ЦЕНТР ПОЗИРОНИКИ, ЛТД Нью-Йорк/Федик

Максимальный уровень безопасности ВХОД ПО РЕЧЕВОМУ ПАРОЛЮ № 9 КОМАНДЫ ПЕРЕКЛЮЧЕНЫ»

Джейк попытался повернуть ручку, но она, естественно, не поддалась. Когда холодный металл не шевельнулся под его пальцами, он не стал предпринимать вторую попытку, а застучал обеими ладонями по дереву.

— Сюзанна! — закричал он. — Если ты здесь,пусти меня!

«Лучше б попросил об этом волосок на моем подбородке — подбородке — подбородочке» — услышал он голос отца, а его мать, куда как более серьезно, словно говорила о важном, добавила: «Я слышала, как жужжала муха... когда умерла».

Из-за двери не последовало никакого отклика. За спиной голоса слуг Алого Короля звучали все громче.

— Сюзанна! — прокричал он, что было мочи и, не получив ответа и на этот раз, повернулся, прижался к двери спиной (он же всегда знал, что именно так он уйдет из этой жизни, прижимаясь спиной к запертой двери), выхватил из плетеной сумке две орисы. Бш занял позицию между его ног, шерсть встала дыбом, мягкая бархатистая кожа мордочки оттянулась назад, обнажив многочисленные зубы.

Джейк скрестил руки перед грудью, изготавившись к броску.

— Так подходите, мерзавцы, — процедил он. — За Гилеад и за Эльд. За меня и за Бша.

Он очень уж сосредоточился на желании умереть красиво, взять с собой хотя бы одного из врагов (лично он отдавал предпочтение тому, кто сказал ему, что «паппа стал обедом «), а может, и больше, если представится такая возможность, и поначалу не понял, что голос, который он слышит, доносится из-за двери, а не звучит в голове.

— Джейк! Это действительно ты, сладенький?

Глаза мальчика округлились. Неужто это чья-то шутка? Если да, Джейк полагал, что она станет последней, которую с ним сыграли.

— Сюзанна, они приближаются! Ты знаешь, как...

— Да. Пароль по-прежнему должен быть чеззет, ты меня слышишь?

Если Найджел прав, пароль все тот же чез...

Джейк не стал ждать, пока она произнесет это слово вновь. Теперь он уже видел их, несущихся к нему на всех парах. Некоторые размахивали пистолетами и уже стреляли в воздух.

— Чеззет! — проорал он. — Чеззет за Башню! Открывайся! Открывайся, сучья дочь!

И дверь, к которой прижималась его спина, дверь между Нью-Йорком и Федиком щелкнула, открываясь. Флагерти, который возглавлял погоню, это увидел, с его губ сорвалось самое грязное ругательство, которое он только знал, он поднял пистолет и выстрелил. Это был хороший выстрел, пулю, вылетевшую из ствола, Флагерти направлял всей своей недюжинной волей. И она, конечно же, пробила бы лоб Джейка над левым глазом, вошла в мозг и оборвала его жизнь, если бы в тот самый момент сильная, с коричневыми пальцами, рука, не схватила Джейка за воротник и не дернула на себя. И перемещение Джейка в Федик сопровождалось тем пронзительным звоном колокольцев, которые всегда звучат между уровнями Башни.

Пуля же просвистела мимо головы Джейка, вместо того, чтобы угодить в нее.

Бш последовал за своим другом, громко твякая: «Эйу-Эйк! Эйк-Эйк! — и дверь за ними захлопнулась. Флагерти добежал до нее двадцать секунд спустя и барабанил по ней кулаками, пока не разбил их в кровь (когда Ламла попытался остановить его, Флагерти отшвырнул его с такой силой, что тахин растянулся на полу), но больше-то ничего сделать не мог. Кулаки не могли открыть дверь; ругательства не могли; ничто не могло.

В самую последнюю минуту мальчишка и ушастик-путаник ускользнули от них. И еще на какое-то время ядро ка-тета Роланда сохранило свой состав.

Глава 6. На Тэтлбек-лейн

1

Посмотрите, прошу вас, и посмотрите очень хорошо, потому что это одно из красивейших мест, которые еще остались в Америке.

Я хочу показать вам обыкновенную проселочную дорогу, которая бежит вдоль густо заросшего лесом горного хребта в Западном Мэне, ее северный и южный концы упираются в шоссе 7, на расстоянии примерно в две мили. К западу от этого хребта, словно ювелирная оправа, расположилась глубокая зеленая ямка. В самом ее центре, камень в оправе, озеро Кезар. Как на всех горных озерах, погода на нем может меняться с полдюжины раз за день, но здесь она выкидывает просто удивительные фортели; ее можно назвать полоумной, и не ошибиться. Местные жители радостно расскажут вам, что белые мухи один раз появились в конце августа (1948), а однажды посыпались на Великолепное четвертое (1959). Еще с большей радостью они расскажут вам о торнадо, который пронесся по ледяному панцирю озера в январе 1971 г., засасывая снег и создавая белый вихрь, по центру которого гремел гром. Трудно поверить, что есть место с такой безумной погодой, но вы можете поехать и повидаться с Гэри Баркером, если не верите мне; у него есть фотографии, доказывающие вышесказанное.

Сегодня озеро на дне ямки чернее смертного греха, не отражает даже тяжелых грозовых облаков, нависших над ним, только усиливая их черноту. Время от времени по обсидиановой, гладкой, как зеркало, поверхности пробегают серебряные искры: отражения молний, вылетавших из облаков. Раскаты грома прокатываются под ними, закрывшими небо с запада на восток, словно грохот колес какой-то огромной повозки по брусчатке мостовой. Сосны, дубы и березы застывают, и весь мир, кажется, замер, затаив дыхание. Тени исчезли. Птицы замолкли. Лишь над головой гроыхают повозки, неспешно катясь лишь им ведомым курсом, и тут (наконец-то!) мы слышим шум двигателя. А вскоре появляется и запыленный «форд-гэлакси». Сквозь ветровое стекло виднеется озабоченное лицо Эдди Дина, сидящего за рулем, включенные фары разгоняют раньше времени сгустившуюся темноту.

Эдди уж открыл рот, чтобы спросить Роланда, как далеко им еще ехать, но, разумеется, ответ знал и сам. Рядом с южным концом Тэтлбеклейн стоял щит-указатель с большой черной единицей, и около каждого поворота на подъездную дорожку, все они вели влево, к озеру, — точно такой же, менялось лишь число, в большую сторону. В просветах между деревьями они кое-где видели черную воду, но дома находились ниже по склону, и в поле зрения не попадали. При каждом вдохе Эдди явно ощущал запах озона и дважды приглаживал волосы на загривке, в полной уверенности, что они стоят дыбом. Они не стояли, но все равно щекочущее нервы, магическое чувство радостного возбуждения никуда не делось, волнами прокатывалось через него, вспыхивая в солнечном сплетении, как среагировавший на перегрузку предохранитель и уж оттуда расходясь по всему телу. Конечно, все дело в грозе. Так уж вышло, он из тех людей, у кого нервные окончания отзываются на ее приближение. Правда, никогда раньше не отзывались так сильно.

«Гроза тут не причем, и ты это знаешь».

Да, разумеется, не причем. Хотя Эдди рассчитывал, что все эти немислимые вольты облегчат ему установление контакта с Сюзанной. Он возникал и исчезал, как передача далекой радиостанции по ночам, но после их встречи с

(Ты, дитя Родерика, ты, увечный и заблудший)

Чевином из Чайвина контакт этот определенно окреп. Он подозревал, что часть Мэна, в которой они находились, благодаря утончению перемычек, стала ближе ко многим мирам. Как их ка-тет приблизился к тому, чтобы вновь стать единым целым. Ибо Джейк уже нашел Сюзанну, и на какое-то время они пребывали в безопасности, отделенные крепкой дверью от преследователей. И, однако, что-то грозило им и по ту сторону двери: Сюзанна то ли не хотела говорить об этом, то ли не могла объяснить, какая над ними нависла угроза. Но Эдди все равно ощущал страх Сюзанны, страх, что придется вновь столкнуться с этой угрозой, и думал, что знает, чего боится Сюзанна: ребенка Миа. Который в каком-то смысле, пусть Эдди до конца не понимал, как именно, был и ребенком Сюзанны. Что заставляло женщину, вооруженную пистолетом, бояться младенца, Эдди не знал, но не сомневался: если боится, значит, на то есть веская причина.

Они проехали щит-указатель «ФЕНН, 11», потом «ИСРАЭЛЬ, 12». Обогнули поворот, и Эдди нажал на педаль тормоза. «Гэланси» резко

остановился, подняв столб пыли. На обочине, под указателем «БЕКХАРДТ, 13», стоял знакомый пикап, сработанный компанией «Форд», а к тронутому ржавчиной борту кузова небрежно привалился еще более знакомый мужчина, в синих, с манжетами, джинсах, отутюженной синей рубашке из «шамбре», застегнутой до чисто выбритой шеи и двойного подбородка. Голову украшала бейсболка бостонской команды «Ред сокс», чуть сдвинутая набекрень, как бы говорившая: «Мне есть, чем тебя удивить, партнер». Мужчина курил трубку, и синеватый дымок окутывал его изрезанное морщинами, добродушное лицо, не рассеиваясь в застывшем предгрозовом воздухе.

Все это, благодаря обострившимся до предела чувствам, Эдди видел с удивительной четкостью, отдавая себе отчет, что широко улыбается, так улыбаются, встретив давнего друга в далеком краю, скажем, у египетских пирамид, на рынке в Танжере, на острове Формоза или на Тэтлбек-лейн в Лоувелле, во второй половине летнего дня в 1977 году, перед самой грозой. И Роланд улыбался. Тощий, высокий, далеко не красавец... и улыбался! Что тут скажешь, чудесам несть конца.

Они вылезли из кабины и направились к Джону Каллему. Роланд поднес кулак ко лбу и чуть согнул колено.

— Хайл, Джон! Я вижу тебя очень хорошо.

— Ага, вижу тебя тоже, — ответил Джон Каллем. — Ясно, как божий день, — и отдал честь, коснувшись рукой головы пониже бейсболки и повыше кустистых бровей, потом повернул голову к Эдди. — Молодой человек.

— Долгих дней и приятных ночей, — Эдди тронул лоб костяшками пальцев. Он не принадлежал к этому миру, уже не принадлежал, и до чего же приятно, не притворяться, будто принадлежишь.

— Хорошо сказано, — отметил Джон. — Я приехал раньше вас. Предполагал, что так и будет.

Роланд оглядел леса по обе стороны дороги, нависшее над ними черное небо.

— Не думаю, что это место подходит...? — вопросительные нотки в его голосе едва слышались.

— Нет, это не то место, где вы хотели бы закончить свои дела, — согласился Джон, попыхивая трубкой. — Я его проехал по пути сюда, и вот что я вам скажу: если вы хотите поговорить, лучше это сделать здесь, чем там. Когда доберетесь туда, сможете только таращиться с разинутыми ртами. Поверьте мне, ничего более удивительного я еще не видел, — на мгновение его лицо стало лицом ребенка, который поймал своего первого

светлячка, и Эдди понял, что говорит Каллем совершенно искренне.

— Почему? — спросил он. — Что ждет нас впереди? Приходящие? Или дверь? — тут в голове сверкнула мысль... и Эдди ухватился за нее. — Это дверь, не так ли? И она открыта?

Джон уже начал качать головой, потом передумал.

— Может, и дверь, — последнее слово он растянул до невозможности, словно оно стало для него драгоценностью, с которой он никак не хотел расставаться. Оно тянулось, как вздох после долгого, трудного дня: две-е-е-ерь. — Выглядела не совсем, как дверь, но... Возможно. Могла это быть дверь? — он задумался. — Ага. Но я думаю, что вы, парни, хотите поговорить, а если мы поедем туда, к «Саре-Хохотушке», разговора не получится: вы будете просто стоять с отвисшими челюстями, — Каллем вскинул голову, расхохотался. — Я тоже.

— Сара-Хохотушка, это кто? — спросил Эдди. Джон пожал плечами.

— Многие люди, купившие дома у озера, дают им имена. Я думаю, потому что очень дорого за них заплатили. Вот и хотят получить за свои деньги чуть больше. Так или иначе, «Сара» сейчас пустует. Дом этот принадлежит семье Макгрей из Вашингтона, округ Колумбия, но они выставили его на продажу. У них черная полоса. У него инсульт, а она... — он опрокинул в рот воображаемый стакан.

Эдди кивнул. Много, связанное с этим походом к Башне, он не понимал, но кое-что знал безо всяких объяснений. К примеру, дом на Тэтлбек-лейн, откуда, судя по всему, и появлялись в этом мире приходящие, Джон Каллем назвал «Сара-Хохотушка». Эдди же не сомневался, что на щите-указателе, у которого начиналась подъездная дорожка к этому дому, будет стоять число 19.

Он поднял голову и увидел, как черные облака плывут над озером Кезар на запад, к Белым горам... которые, и тут сомнений быть не могло, в мире, расположенном не так уж далеко от этого, назывались Дискордией... и вдоль Тропы Луча.

Всегда вдоль Тропы Луча.

— Так что ты предлагаешь, Джон?

Каллем мотнул головой в сторону щита с надписью «БЕКХАРДТ».

— Я присматриваю за домом Дика Бекхарда с конца пятидесятых. Чертовски милый человек. Сейчас он в Вашингтоне, что-то делает в администрации Картера, — Ка-а-а-ртра-а. — У меня есть ключ. Думаю, мы можем поехать туда. Там тепло и сухо, а здесь, думаю, скоро станет холодно и мокро. Вы, парни, сможете рассказать мне свою историю, я — ее выслушать, слушатель я превосходный, а потом мы все поедем к «Саре».

Я... ну, я просто никогда... — он покачал головой, вынул трубку изо рта, посмотрел на них с искренним изумлением. — Говорю вам, никогда не видел ничего подобного. И знаете что, я даже не знал, как мне на это смотреть.

— Хорошо, — кивнул Роланд. — Мы все поедem на твоem картомобиле, если ты не возражаешь.

— Меня это устроит, — кивнул Джон и полез на заднее сидение.

3

Коттедж Дика Бекхардта находился в полумиле от дороги, со стенами из сосновых бревен, теплый, уютный. В гостиной стояла пузатая печь, на полу лежал плетеный ковер.

Выходящую на запад стену целиком сделали из стекла, и Эдди не устоял перед тем, чтобы на несколько мгновений замереть около нее, несмотря на срочность их дела. Озеро, цвета эбонита, просто пугало. «Как глаз зомби», — подумал он, понятия не имея, откуда взялась такая мысль. У него возникла идея, что, подуй ветер (а он бы обязательно подул, если б пошел дождь), белые барашки побежали бы по поверхности и, конечно, смотреть на озеро стало бы куда как приятнее. Пропало бы ощущение, что не только ты смотришь на озеро, но и что-то смотрит на тебя.

Джон Каллем сел за стол Дика Бекхардта из полированной сосны, снял бейсболку, сжал пальцами правой руку. Обвел Роланда и Эдди ставшим серьезным взглядом.

— Мы знаем друг друга чертовски хорошо для тех, кто знаком не так уж и давно. Вы со мной согласны?

Оба кивнули. Эдди все ждал, что поднимется ветер, но мир по-прежнему задерживал дыхание. И Эдди мог поспорить на что угодно, что гроза будет жуткая.

— Люди так хорошо узнают друг друга в армии, — продолжил Джон Каллем. — На войне, в армии. Так, наверное, всегда, насколько я понимаю, если ситуация критическая.

— Да, — согласился Роланд. — «Под огнем люди сближаются», — так мы говорим.

— Правда? Я знаю, вам нужно многое мне сказать, но, прежде чем вы начнете, я бы хотел кое о чем сказать вам. И я готов поцеловать свинью, если вам не понравятся мой рассказ.

— Какой? — спросил Эдди.

— Пару часов тому назад окружной шериф Элдон Ройстер, посадил за решетку четырех мужчин, арестованных в Оберне. Похоже, они пытались прошмыгнуть мимо полицейского блокпоста на лесной дороге, вот и нарвались на неприятности, — Джон вернул трубку в рот, достал спичку из нагрудного кармана, прижал ноготь большого пальца к головке. — Они пытались уехать из округа втихаря, потому что везли с собой много оружия, — много оружия. — Автоматы, гранаты, что-то крупнокалиберное, модели С-4. Одного из этих парней вы вроде бы упоминали... Джек Андолини? — и вот тут он зажег спичку.

Эдди плюхнулся на один из стульев сэя Бекхардта, откинул голову и загоготал, глядя в потолок. Роланд, отметил, что никто не умел смеяться, как Эдди Дин. С того самого момента, как Катберт Оллгуд шагнул в пустошь.

Красавчик Джек Андолини сидит в окружной кутузке штата Мэн! — Обвалайте меня в сахарной пудре и обзовите гребаным пончиком! Если бы мой брат Генри был жив и мог увидеть это собственными глазами!

Но тут до Эдди дошло, что его брат Генри в этот самый момент, скорее всего, жив, во всяком случае, один из Генри. При условии, что братья Дин существовали в этом мире.

— Ага, думал, вам понравится, — Джон поднес огонек быстро чернеющей спички к трубке. Ему это тоже нравилось. Он так широко улыбался, что никак не мог раскурить трубку.

— Ну и ну, — Эдди вытирал катящиеся из глаз слезы. — Для меня это событие дня. Чего там, года!

— Я хочу сказать вам и кое-что еще, но это мы оставим на потом, — табак, наконец, занялся, и Джон откинулся на спинку стула, глядя на двух необычных странников, которых повстречал в этот день. — А сейчас я хотел бы выслушать вашу историю. И узнать, чего вы от меня хотите.

— Сколько тебе лет, Джон? — спросил Роланд.

— Я не так стар, чтобы стоять одной ногой в могиле, — ответил Джон, с прохладцей в голосе. — А как насчет тебя, приятель? Сколько раз ты обернулся вместе с шариком?

Роланд ему улыбнулся, как бы говоря: «Намек понял, давай сменим тему».

— Эдди будет говорить за нас обоих, — сказал он. Так они решили по дороге из Бриджтона. — Моя история слишком длинная.

— Если ты так говоришь, — пожал плечами Джон.

— Говорю, — кивнул Роланд. — Пусть Эдди расскажет тебе всю историю, сколько бы на это ни ушло времени, потом мы оба скажем, что

нам от тебя нужно, и, если ты согласишься, он даст тебе одну вещь, чтобы ты передал ее человеку, которого зовут Мозес Карвер... а я дам тебе другую.

Каллем обдумал его слова, кивнул. Повернулся к Эдди.

Тот глубоко вдохнул.

— Прежде всего, вы должны узнать о том, что я встретил человека, который сидит рядом со мной, во время перелета из Нассау, Багамские острова, в аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке. Я тогда сидел на героине, как и мой брат. И перевозил кокаин.

— И когда это было, сынок? — любопытно спросил Джен Каллем.

— Летом 1987 года.

Они увидели на лице Каллема изумление, но ни тени сомнения в том, что он поверил Эдди.

— Так вы пришли из будущего! Господи! — он наклонился вперед, в табачный дым. — Сынок, рассказывай свою историю. И не пропускай ни слова.

На это у Эдди ушло полтора часа, и лишь потому, что ради краткости он опускал часть происшедшего с ними. Гроза все не начиналась, и при этом не уходила. Над домом Дика Бекхардта иногда погромыхивало, а иной раз гремело с такой силой, что они подпрыгивали. Молнии били по центру узкого озера, которое лежало под ними, на мгновение-другое освещая окрестности, окрашивая их в нежно-лиловый цвет. Однажды поднялся ветер, зашумел кронами деревьев, и Эдди подумал: «Теперь начнется, точно начнется», — но гроза не началась. И при этом и не думала уходить, нависла над ними, как меч на самой тонкой из ниточек, заставив Эдди подумать о долгой, странной беременности Сюзанны, теперь оставшейся в прошлом. Где-то в семь часов отключилось электричество, и Джон некоторое время рылся в ящиках кухонных шкафов в поисках свечей, а Эдди продолжал рассказывать, о стариках из Речного перекрестка, о безумцах из Луда, о запуганных жителях Калья Брин Стерджис, городка, где они встретили бывшего священника, который вроде бы сошел со страниц книги. Джон поставил свечи на стол, вместе с крекерами, сыром и бутылкой ледяного чая «Ред Зингер». Рассказал Эдди и о визите к Стивену Кингу, о том, как стрелок загипнотизировал писателя и приказал забыть об их появлении, как на короткое время они увидели Сюзанну, как решили

позвонить Джону Каллему, потому что, по словам Роланда, в этой части мира позвонить они могли только ему. Когда Эдди замолчал, Роланд рассказал, как по пути к Тэтлбек-лейн они встретили Чевена из Чайвена. Стрелок положил серебряный крестик, который показывал Чевину, на стол рядом с тарелкой сыра, и Джон провел толстым ногтем большого пальца по звеньям тоненькой цепочки.

А потом, и надолго, повисла тишина.

И когда Эдди более не мог ее слушать, он спросил старого сторожа, многому ли из рассказанного он поверил.

— Всему, — без малейшего колебания ответил Джон. — Так вы хотите позаботиться о той розе в Нью-Йорке, не так ли?

— Да, — кивнул Роланд.

— Потому что она оберегает Луч, тогда как большинство остальных уничтожили эти, как вы их там называете, телепаты-разрушители, — Эдди поразился, как легко и быстро Каллем ухватил самую суть, но, возможно удивляться не стоило. «Свежим глазом все видно лучше», — любила говорить Сюзанна. А Каллем определенно относился к тем, кого седые Луда назвали бы «умником».

— Да, — ответил Роланд, — ты говоришь правильно.

— Роза оберегает один Луч. Стивен Кинг — другой. По крайней мере, вы так думаете.

— За ним надо приглядывать, Джон, — вставил Эдди. Помимо всего прочего, у него много вредных привычек. А мы, покинув 1977 год этого мира, больше никогда не сможем вернуться сюда и проверить, как он.

— Кинг не существует ни в одном из других миров? — спросил Джон.

— Практически наверняка — нет, — ответил Роланд.

— Даже если и существует, — добавил Эдди, — что он там делает, не имеет ровно никакого значения. Этот мир — ключевой. Этот, и тот, из которого пришел Роланд. Эти два мира — близнецы.

Он посмотрел на Роланда, ожидая подтверждения. Роланд кивнул и зажег последнюю сигарету, из тех, что ранее дал ему Джон.

— Думаю, я смогу приглядывать за Кингом, — сказал Джон. — И ему знать об этом не обязательно. При условии, что я вернусь после того дела, по которому вы посылаете меня в Нью-Йорк. Я представляю себе, что это за дело, но, может, вы расскажете подробнее, — из заднего кармана джинсов достал потрепанный блокнотик с зеленой обложкой. Пролистал практически весь, но нашел чистый листок, из нагрудного кармана выудил карандаш, послынявил конец (Эдди едва не передернуло), и выжидающе посмотрел на них, как смотрит на учителя любой ученик средней школы в

первый учебный день.

— А теперь, дорогие мои, почему бы вам не рассказать вашему дядюшке Джону все остальное?

На этот раз говорил, по большей части, Роланд, и хотя сказать ему надо было гораздо меньше, он уложился лишь в полчаса, ибо говорил медленно, часто обращаясь к Эдди, чтобы тот помог ему со словом или фразой. Эдди уже познакомился с убийцей и дипломатом, которые жили в Роланде из Гилеада, а теперь вот столкнулся с послом, от которого требовалось правильно донести каждое слово. За окном гроза все не начиналась, но и не уходила.

Наконец, стрелок откинулся на спинку стула. В желтом свете свечей лицо его выглядело совсем древним и при этом красивым. Эдди впервые заподозрил, что со здоровьем у Роланда проблемы более серьезные, и они не ограничивались одной лишь болезнью, которую Розалита Мунос называла сухой скрут. Роланд терял вес, темные мешки под глазами шептали о тяжелой болезни. Он залпом выпил стакан красного чая и спросил: «Ты понял, что я тебе сказал?»

— Ага, — не более того.

— Ты хорошо все понял, не так ли? — настаивал Роланд. — Нет вопросов?

— Думаю, что нет.

— Тогда перескажи нам все.

Своим корявым почерком Джон заполнил два листка. Теперь просмотрел их, кивнул себе пару раз. Откашлялся и убрал блокнотик в карман. «Он, возможно, и живет в захолустье, но далеко не глуп, — подумал Эдди. — И наша встреча с ним — никакая не случайность; просто у ка выдался очень хороший день».

— Поехать в Нью-Йорк, — начал Джон. — Найти этого Эрона Дипно. Подружиться с ним. Убедить Дипно, что оберегать розу на пустыре — почти что самая важная работа в этом мире.

— Почти что можно и опустить, — заметил Эдди.

Джон кивнул, словно речь шла о само собой разумеющемся. Взял листок со смешным бобром в верхней части, и засунул в просторный бумажник. Передача купчей стала для Эдди едва ли не самым трудным испытанием из выпавших на их долю после того, как ненайденная дверь

засосала его и Роланда и выплюнула в Ист-Стоунэме. Он едва сдержался, чтобы не выхватить ее из руки Каллема, прежде чем она исчезла в старом потрепанном «Лорде Бакстоне»^[22]. И подумал, что теперь гораздо лучше понимает чувства Келвина Тауэра.

— Поскольку вы, мальчики, теперь владеете пустырем, роза тоже принадлежит вам, — сказал Джон.

— Роза теперь принадлежит «Тет корпорейшн», — уточнил Эдди. — Корпорации, в которой вы должны стать исполнительным вице-президентом.

Джона Каллема не сильно впечатлила его новая должность.

— Дипно должен подготовить все необходимые документы и зарегистрировать «Тет корпорейшн». Потом мы пойдем к этому Мозесу Карверу и убедим его сесть в нашу лодку. Это будет самым сложным... самым сложным, — но мы сделаем все, что в наших силах.

— Надень крест тетушки на шею, — сказал Роланд, — и когда вы встретитесь с Карвером, покажи ему крест. Возможно, вам потребуется пройти долгий путь, чтобы убедить его в своей правоте. Но первым шагом должен стать этот.

По пути из Бриджтона Роланд спросил Эдди, может ли он вспомнить какой-нибудь секрет, неважно, пустяковый или важный, который могли знать только Сюзанна и ее крестный. Так уж вышло, что Эдди такой секрет знал, и теперь изумился, услышав, как Сюзанна заговорила из крестика, который лежал на сосновом столе Дика Бекхардта.

«Мы похоронили Пимси под яблоней, где он смог бы наблюдать, как весной осыпаются лепестки цветов, — поведал им ее голос. — И папа Моуз сказал мне, что больше плакать не надо, ибо Бог думает, что слишком долгий траур по домашнему любимцу...

Слова превратились в невнятное бормотание, потом смолкли совсем. Но Эдди помнил то, что не успела сказать Сюзанна и пересказал Каллему.

— ...что слишком долгий траур по домашнему любимцу — грех». Еще папа Моуз сказал ей, что она может изредка приходить на могилу Пимси и шептать: «Будь счастлив на небесах», — но никогда никому об этом не говорить, потому что проповедники не жаловали идею, будто животные могут попадать на небеса. И она хранила этот секрет. Я — единственный, с кем она поделилась.

Эдди, возможно, вспомнил, как она, после близости, доверилась ему в темноте ночи, и в улыбке, появившейся на его лице, было больше боли, чем радости.

Широко раскрытыми глазами Джон Каллем посмотрел на крестик,

потом на Роланда.

— Что это? Какой-то магнитофон? Магнитофон, не так ли?

— Это сигул, — терпеливо ответил Роланд. — Который поможет тебе наладить отношения с Карвером, если он окажется, как называет таких людей Эдди, упрямец, стрелок чуть улыбнулся. Нравилось ему это слово, упрямец. Он его понимал. — Надень.

Но Каллем не надел. Во всяком случае, сразу. Впервые с того момента, как они познакомились с стариком, считая и те минуты, что они провели под огнем в магазине, на его лице отразилась тревога.

— Это магия? — спросил он.

Роланд нетерпеливо пожал плечами, как бы показывая, что слово это в данном контексте неприменимо, и просто повторил: «Надень».

Осторожно, словно боясь, что крестик тетушки Талиты может в любой момент раскалиться докрасна и сильно его обжечь, Джон Каллем надел крестик. Опустил голову, чтобы посмотреть на него, отчего под его длинным лицом двойной подбородок сильно прибавил в размерах, потом убрал крестик под рубашку.

— Господи, — повторил он, очень тихо.

Отдавая себе отчет, что сейчас он говорит точно так же, как однажды говорили с ним, Эдди Дин сказал: «Повтори оставшуюся часть своего урока, Джон из Ист-Стоунэма, и не ошибайся». В это утро Каллем поднялся с постели сторожем летних коттеджей, из тех, кого мир не видит и не знает. Чтобы вечером лечь в постель потенциально одним из самых влиятельных людей, истинным принцем Земли. Если его это и страшило, вида он не показывал. Возможно, еще не осознал произошедшей с ним перемены.

Но Эдди в это не верил. Перед ними сидел человек, которого послала им ка, умный и храбрый. И будь Эдди Уолтером (или Флеггом, как иногда называл себя Уолтер), он бы, пожалуй, задрожал от предчувствия беды.

— Итак, — продолжил Джон, — вам без разницы, кто управляет компанией, но вы хотите, чтобы «Тет» поглотила «Холмс», потому что отныне задача компании — не производство зубной пасты и коронок, хотя какое-то время и будет казаться, что именно этим она и занимается.

— А что...

Больше Эдди ничего сказать не успел. Джон поднял мозолистую руку, останавливая его. Эдди попытался представить ее с калькулятором «Тексас

инструментс»^[23], и смог, очень даже легко. Странно, но факт.

— Позволь мне, юноша, и я тебе скажу.

Эдди откинулся на спинку стула, провел пальцами вдоль рта, словно закрывая его на молнию.

— Обеспечить безопасность розы, это первое. Обеспечить безопасность писателя, это второе. Кроме того, я, этот парень Дипно и другой парень, Карвер должны создать одну из крупнейших в мире и самых влиятельных корпораций. Мы будем заниматься недвижимостью, будем работать с... э... — тут он достал из кармана потрепанный зеленый блокнотик, быстро сверился с ним, убрал. — Мы будем работать с разработчиками «программного обеспечения», кем бы они ни были, потому что именно они станут следующей технологической волной. Мы должны запомнить три слова, — он перечислил их без запинки. — Майкрософт. Микрочип. Интел. И какой бы большой ни стала наша корпорация, и как быстро, три наши основные задачи останутся неизменными: оберегать розу, оберегать Кинга и при каждом удобном случае вставлять палки в колеса двум другим компаниям. Одна называется «Сомбра». Вторая... — короткая пауза, — «Северный центр позитроники». По вашим словам, «Сомбра» больше интересуется недвижимостью. «Центр позитроники»... ну, наукой и всякими устройствами, это очевидно даже мне. Если «Сомбра» захочет приобрести участок земли, «Тет» постарается ухватить его первым. Если «Центр» захочет приобрести патент, мы будем стараться перекупить его или, хотя бы, помешать им. Скажем, сделать так, чтобы он достался третьей стороне.

Эдди одобрительно кивал. Насчет последнего он Джону ничего не говорил, но старик дошел до этого сам.

— Мы — три беззубых мушкетера, три старых пердуна Апокалипсиса, и наш долг — помешать этим двум компаниям получить то, что им хочется, как честными средствами, так и нет. Грязная игра тут более чем уместна, — Джон ухмыльнулся. — Я не посещал Гарвардскую школу бизнеса, — Га-арвардскую школу бизнеса, — но, полагаю, могу пнуть кого-нибудь по яйцам не хуже любого.

— Хорошо, — Роланд начал подниматься. — Думаю, нам пора...

Эдди вскинул руку, останавливая его. Да, ему хотелось увидеть Сюзанну и Джейка, не терпелось обнять свою любимую, покрыть ее лицо поцелуями. Казалось, прошли годы с того момента, как он видел ее в последний раз на Восточной дороге в Калье Брин Стерджис. И однако, он не мог подняться и уйти с легкостью Роланда, который привык к тому, что ему повинуются, и воспринимал, как должное, готовность совершенных

незнакомцев служить ему верой и правдой, не щадя живота своего. Но по другую сторону стола Дика Бекхардта сидел не просто подвернувшийся под руку человек, сгодившийся для выполнения конкретного поручения, а непривыкший кому-либо повиноваться янки, умный настырный... но, чего уж там, слишком старый для того, что они от него хотели. Однако, если считать старым Джона Каллема, то в какую категорию следовало отнести Эрона Дипно, больного раком и сидящего на таблетках?

— Мой друг считает, что нам пора, и я с ним согласен, нарушил затянувшуюся паузу Эдди. — У нас впереди долгий путь.

— Я знаю. На твоём лице это видно, сынок. Как шрам.

Идея восхитила Эдди: долг и ка, как нечто, оставляющее отметину на лице, которая может выглядеть знаком отличия для одного и уродством для другого. За стенами дома громыхнул гром, сверкнула молния.

— Но почему вы это делаете? — спросил Эдди. — Я должен знать. Почему вы это делаете для двух людей, которых только что встретили?

Джон обдумал вопрос. Коснулся креста, который уже носил, который будет носить до самой смерти в 1989 году, креста, полученного Роландом от старой женщины в забытом всеми городке. Точно также он будет прикасаться к нему и оставшиеся у него годы, обдумывая серьёзную проблему (самой серьёзной станет разрыв всех контактов с ИБМ, корпорацией, выказывавшей все большее желание работать с «Северным центром позитроники») или готовя операцию прикрытия (к примеру, после поджога комплекса «Сомбра энтерпрайсис» в Нью-Дели за год до смерти). Крест «поговорил» с Мозесом Картером, но более никогда не подавал голоса в присутствии Каллема, как бы тот ни старался, сколько бы на него ни дул, но иногда, засыпая, он сжимал крест рукой и думал: «Это сигул. Это сигул, дорогой... что-то, пришедшее из другого мира».

И, подходя к концу тропы, он сожалел только об одном (если исключить сожаление о человеческих жизнях, которые унесло противодействие «Сомбре»): ему так и не выпал шанс побывать в мире, который открылся ему в одну грозовую ночь на Тэтлбек-лейн, в городе Лоувелле. Время от времени сигул посылал ему сны, в которых он видел поле красных роз и черную, как сажа, башню. А иногда ему снились два ужасных алых глаза, плавающие сами по себе, безо всякой головы, и неослабно обозревающие горизонт. Иной раз в своих снах он слышал, как человек трубит и трубит в рог. После этих снов просыпался со слезами на щеках, слезами тоски, потери, любви. Рука его, когда он просыпался, сжимала крест, и он думал: «Я отвергаю Дискордию и ни о чем не сожалею; я плюнул в бестелесные глаза Алого Короля и радуюсь этому; я

связал свою судьбу с ка-тетом стрелка и Белизной и никогда не ставил под вопрос правильность выбора».

И, тем не менее, он хотел побывать, хоть разок, в другом мире: том, что находился за дверью.

Теперь же он сказал: «Вы, парни, хотите сделать то, что нужно сделать. Яснее выразиться не могу. Я вам верю, — он запнулся. — Я верю в вас. И вижу искренность в ваших глазах».

Эдди уже подумал, что Каллем выговорился, но тот неожиданно, как мальчишка, расплылся в улыбке.

— И потом, у меня такое ощущение, что вы предлагаете мне ключи от огромного грузовика. Кто же откажется завести его и посмотреть, что из этого выйдет?

— Ты боишься? — спросил Роланд. Джон Каллем задумался, потом кивнул.

— Ага.

Кивнул и Роланд.

— Хорошо.

7

Они вернулись на Тэтлбек-лейн в машине Каллема, под черным, бурлящим небом. И хотя летний сезон был в самом разгаре, то есть в большинстве коттеджей на озере Кезар кто-то наверняка жил, им не встретилось ни одного автомобиля, едущего или в попутном направлении, или навстречу. И все лодки давно уже стояли у пристаней.

— Я говорил, что у меня есть для вас кое-что еще, — с этими словами Джон направился к пикапу, в кузове которого, у кабины стоял привинченный к ней и к полу железный, запертый на замок ящик. Уже задул ветер. Волосы Каллема белым пухом метались над головой. Он набрал на висячем замке нужную комбинацию, открыл его, снял, поднял крышку. Из ящика достал два пыльных мешка, хорошо знакомых странникам. Один выглядел новеньким в сравнении со вторым, вытертым до цвета пыли пустыни, со шнурками из сыромятной кожи.

— Наше снаряжение! — воскликнул Эдди. От радости и изумления чуть ли не закричал.

Джон ответил улыбкой, которая однозначно указывала на то, что ее обладатель точно станет мастером грязной игры: вроде бы и сонной, но при этом и хитрой.

Приятный сюрприз, не правда ли? Я и сам так подумал. Поехал взглянуть на магазин Чипа, вернее, на то, что от него осталось, когда там еще царила суматоха. Люди бегали туда-сюда, обратно, вот что я хочу сказать. Накрывали тела, натягивали желтую ленту, фотографировали. Кто-то отложил эти мешки в сторону, они выглядели такими одинокими, что я... — Он пожал костлявыми плечами. — Я их подобрал.

И произошло это, когда мы беседовали с Келвином Тауэром и Эроном Дипно в арендованном ими коттедже, догадался Эдди. — А потом вы поехали домой, вроде бы для того, чтобы собрать вещи для поездки в Вермонт. Я прав? — он поглаживал свой мешок. Так хорошо знакомую ему поверхность. Разве он не сам подстрелил лося, шкура которого и стала этим мешком? Разве не сам срезал шерсть ножом Роланда, а потом шил мешок с помощью Сюзанны? И произошло это вскоре после того, как огромный робот-медведь, Шардик, едва не вспорол ему живот и не выпустил кишки. Давным-давно, где-то в прошлом столетии.

— Да, — ответил Каллем, и когда улыбка старика стала еще шире, у Эдди отпали последние сомнения. В этом мире они нашли нужного им человека. Правильно говоришь, и благодари Гана сильно-сильно.

— Возьми свой револьвер, Эдди, — Роланд протянул Эдди завернутый в пояс-патронташ револьвер с рукояткой, отделанной сандаловым деревом.

«Мой. Вот он и называет его моим». Эдди почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я думал, мы собираемся к Сюзанне и Джейку, — но револьвер взял и затянул на бедрах пояс-патронташ.

Роланд кивнул.

— Собираемся, но я уверен, что сначала нам предстоит одна маленькая работенка, разобраться с теми, кто убил отца Каллагэна и хотел убить Джейка, — когда он произносил эти слова, лицо его нисколько не изменилось, но Эдди Дин и Джон Каллем почувствовали, будто их обдало холодным ветром. Им очень хотелось отвести глаза от стрелка.

Вот так был вынесен смертный приговор Флагерти, тахину Ламле и их ка-тету (сами они об этом не узнали, хотя и не заслуживали такой милости).

«О, Боже», — попытался сказать Эдди, но с губ не сорвалось ни звука. Впереди он видел растущее яркое пятно. Они ехали к северному концу Тэтлбек-лейн, следуя за одним горящим задним габаритным фонарем

пикапа Каллема. Поначалу он подумал, что это — прожектор, освещающий подъездную дорожку к дому одного из богачей. Но пятно все прибавляло в яркости, и источник золотисто-синего сияния находился не у дороги, а слева от них, там, где склон сбегал к озеру. Когда же они оказались над источником сияния (пикап Каллема уже полз, как черепаха, Эдди ахнул и указал на яркое кольцо, которое отделилось от пятна и полетело к ним, меняя цвет: с синего на золотой, потом на красный, с красного — на зеленый, золотой, снова синий. В кольце находилось что-то непонятное, напоминающее насекомое с четырьмя крыльями. Потом, пролетая над кузовом пикапа Каллема и держа курс на темный лес к востоку от дороги, существо повернулось к ним, и Эдди увидел, что у насекомого человеческое лицо.

— Что... Господи, Роланд, что...

— Тахин, — коротко ответил стрелок. В отблеске яркого пятна лицо его было спокойным и усталым.

Новые световые кольца отделялись от источника сияния и летели через дорогу, великолепные, как комета. Эдди видел мух, сверкающих колибри, вроде бы, летающих жаб. А под ними...

Ярко вспыхнул тормозной фонарь пикапа Каллема, но Эдди во все глаза смотрел на светящиеся кольца и наверняка врезался бы в задний борт пикапа, если бы не резкий окрик Роланда. Эдди остановил «гэлакси», перевел ручку коробки передач в нейтральное положение, а потом вылез из машины, не поставив ее на ручник, не выключив двигатель. И направился к асфальтированной подъездной дорожке, которая уходила по заросшему лесом склону. Его глаза стали огромными, как плоски, челюсть действительно отвисла. Каллем присоединился к нему, и они стояли бок о бок, глядя вниз. С обеих сторон съезда стояли столбы со щитами-указателями. Левый — с надписью «САРА-ХОХОТУШКА», правый — с числом 19.

— Это что-то, не так ли? — тихонько спросил Каллем. «Ты все понял правильно», — попытался ответить Эдди, но ни одного слова не сорвалось с его губ, только какие-то хрипы.

Основной источник света находился в лесу, левее подъездной дорожки к «Саре-Хохотушке». Там деревья, главным образом, сосны, ели, березы, согнутые ледяной бурей в конце зимы, стояли достаточно далеко друг от друга, а между ними степенно вышагивали сотни фигур, словно в сельском бальном зале, их босые ноги ворошили опавшую листву. Некоторые определенно были детьми Родерика, такими же увечными, как и Чевин из Чайвена. Их кожу покрывали язвы от лучевой болезни, редко у кого

оставалась хоть прядь волос, но свет, в котором они вышагивали, превращал их в ослепительных красавцев и красавиц. Эдди увидел одноглазую женщину, которая несла на руках, как ему показалось, мертвого ребенка. Она посмотрела на него с печалью в глазах, и ее губы шевельнулись, но Эдди ничего не услышал. Он поднес кулак ко лбу, согнул ногу. Потом коснулся края глаза и тем же пальцем указал на нее. «Я тебя вижу, — говорил этот жест... Эдди надеялся, что говорил. — Я вижу тебя очень хорошо».

Женщина, которая несла на руках спящего или мертвого ребенка, ответила тем же жестом, и прошла дальше, исчезнув из виду.

Над головой громыхнуло, молния ударила в центр сияния. Старое хвойное дерево, его толстый ствол покрывал мох, приняло удар на себя и раскололось надвое: половина упала в одну сторону, вторая — в другую. А посередине вспыхнул огонь. К низко нависшим облакам поднялся огромный столб искр, не огненных, нет, более похожих на бесплотные болотные огоньки. В этих искрах Эдди увидел крохотные танцующие тела и на какое-то мгновение потерял способность дышать. Он словно наблюдал за эскадрилей Динь-Динь. Они показались ему, и исчезли.

— Посмотри на них, — в голосе Джона слышалось благоговение. — Приходящие! Господи, их же сотни! Как жаль, что их не видит мой друг Донни.

Эдди подумал, что Каллем, скорее всего, прав: сотни мужчин, женщин и детей бродили по лесам под ними, проходили сквозь свет, появлялись и исчезали, появлялись вновь. Он смотрел на них во все глаза, когда почувствовал, как холодная капля воды плюхнулась ему на шею, за ней последовала вторая, третья. Порыв ветра пронесся по деревьям, поднял к небу еще одну эскадрилю сказочных существ, превратил дерево, разваленное молнией в два огромных, потрескивающих факела.

— Пошли, — Роланд схватил Эдди за руку. — Сейчас начнется ливень, и все это потухнет, как свечка. Если мы в этот момент еще будем на этой стороне, то здесь и застрянем.

— Где... — начал Эдди, и тут же все увидел. У подножия подъездной дорожки, там, где лес уступал месту нагромождению скал, уходящих в озеро, находился источник этого сияния, слишком яркий, чтобы смотреть на него. Туда Роланд его и потащил. Джон Каллем еще несколько секунд, как загипнотизированный, смотрел на приходящих, потом попытался последовать за стрелком и Эдди.

— Нет! — крикнул Роланд, оглянувшись. Дождь усилился. Большие, холодные капли падали на него, расплывались на рубашке, джинсах. — У

тебя есть своя работа, Джон. Успеха тебе!

— И вам тоже, мальчики! — крикнул в ответ Каллем. Он остановился, поднял руку, помахал. Молния пробила небо, окрасив его лицо в слепящую синеву и чернейшую черноту. — И вам!

— Эдди, мы сейчас вбежим в источник света, — сказал Роланд. — Это дверь не древних людей, а оставшаяся от Прима... магическая, ты понимаешь. Она может перебросить нас в любое место, если мы сосредоточимся на нем...

— Куда...

— Нет времени! Джейк сказал мне куда, прикосновением! Только держи меня за руку и ни о чем не думай! Я смогу перенести нас обоих!

Эдди хотел спросить, уверен ли в этом Роланд, но времени не было. Стрелок побежал. Эдди тоже. Набирая скорость, они сбежали по склону прямо в свет. Эдди почувствовал его дыхание: миллион маленьких ртов. Их сапоги вминались в толстый слой лесной подстилки. Справа горело дерево. Эдди чувствовал запах смолы, слышал треск горящей хвои. Они уже практически вплотную приблизились к источнику света. Эдди успел увидеть сквозь него озеро Кезар, а потом гигантская сила подхватила его и потащила сквозь холодный дождь в это яркое, рокошущее сияние. Лишь на мгновение он увидел дверной проем. А потом с удвоенной силой схватился за руку Роланда и закрыл глаза. Покрытая опавшей листвой и хвоей земля ушла у него из-под ног. Они полетели.

Глава 7. Воссоединение

1

Флагерти стоял у двери «Нью-Йорк/Федик». Ее поцарапало несколькими выстрелами, но она по-прежнему высилась непреодолимым для них барьером, тогда как этот говняный мальчишка каким-то образом сумел его преодолеть. Ламла стоял рядом с ним, дожидаясь, пока иссякнет ярость Флагерти. Остальные тоже ждали, не смея и пикнуть.

Наконец, удары, которыми Флагерти осыпал дверь, начали слабеть. Он нанес последний, и Ламла поморщился, увидев капли крови, которые полетели с костяшек пальцев чела.

— Что? — вскинулся Флагерти, заметив эту гримасу. — Что? Ты хочешь что-то сказать?

Ламлу несколько не тревожили ни белые круги у глаз Флагерти, ни ярко-красные розы на его щеках. А менее всего — рука Флагерти, которая поднялась к рукоятке автоматического пистолета «глок», что висел в кобуре под мышкой.

— Нет, — ответил Ламла. — Нет, сэй.

— Давай, выкладывай, что у тебя на душе, не стесняйся, — настаивал Флагерти. Попытался улыбнуться, но лицо перекосила ухмылка безумца. Осторожно, практически бесшумно, «низкие люди» и вампиры попятнулись. — Остальные много чего скажут, так чего бы тебе не начать первому, друг мой? Я его упустил! Скажи об этом первым, ты, гребаный урод!

«Я — покойник, — подумал Ламла. — Вся жизнь отдана служению Королю, но одно неосторожное слово в присутствии этого человека, который ищет козла отпущения, и я — покойник».

Он огляделся, подтвердив свою мысль о том, что никто за него не заступится, лишь потом заговорил.

— Флагерти, если я чем-то обидел тебя, изви...

— О, ты меня обидел, будь уверен! — взвизгнул Флагерти, его бостонский выговор усиливался с нарастанием ярости. — Я знаю, мне придется заплатить за сегодняшнюю неудачу, но, думаю, ты заплатишь пер...

Воздух вокруг них шевельнулся, словно коридор вдруг резко

выдохнул. Волосы Флагерти и шерсть Ламлы взъерошились. Преследователи Джейка, «низкие люди» и вампиры, начали поворачиваться. Внезапно один из них, вампир по имени Альбрехт пронзительно закричал и побежал, позволив Флагерти увидеть двух незнакомцев, мужчин, на джинсах, рубашках и сапогах которых темнели пятна от капель дождя. У их ног лежали пыльные заплечные мешки, на поясах-патронташах висело по револьверу. Флагерти успел заметить сандаловое дерево рукоятки до того, как молодой незнакомец выхватил револьвер из кобуры, с быстротой молнии, и понял, почему побежал Альбрехт. Он знал, кто ходил с такими револьверами.

Молодой выстрелил только раз. Светлые волосы Альбрехта взлетели вверх, словно подброшенные невидимой рукой, а потом он повалился на пол, исчезая из своей одежды.

— Хайл, рабы короля, — обратился к ним тот, что постарше. Будничным тоном, словно пришел поговорить о пустяках. Флагерти, его руки продолжали кровоточить от ударов по двери, за которой скрылся мальчишка, никак не мог понять, что к чему. Если перед ними те, о ком их предупреждали, то старший, конечно же, Роланд из Гилеада, но как они могли оказаться здесь, у них за спиной? Как?

Холодные синие глаза Роланда оглядели их.

— И кто в этом жалком стаде называет себя дином? Он окажет нам честь выступить вперед или нет? Нет? — Его взгляд продолжал скользить по их лицам, а левая рука, ранее пребывавшая неподалеку от рукоятки револьвера, поднялась к уголку рта, который изогнулся в саркастической улыбке. — Нет? Очень плохо. К сожалению, я вижу перед собой трусов. Вы можете убить священника и преследовать мальчика, но не способны встретиться лицом к лицу с мужчинами. Вы трусы и сыновья тру...

Флагерти выступил вперед. Пальцы окровавленной правой руки лежали на рукоятке пистолета, торчавшей из подплечной кобуры, что висела под левой подмышкой.

— Это я, Роланд, сын Стивена.

— Ты, значит, знаешь мое имя?

— Да, я знаю твое имя по твоему лицу, а твое лицо — по твоему рту. Он такой же, как и рот твоей матери, которая отсасывала у Джона Фарсона, пока он не спуст...

Флагерти вытаскивал пистолет из кобуры, продолжая говорить, этот гангстерский трюк он, несомненно, долго тренировал и не раз им пользовался. Но хотя он гордился быстротой своих рук и начал вытаскивать пистолет, когда левая рука Роланда еще касалась уголка рта, стрелок без

труда опередил его. Первая пуля вошла между губ главного охотника на Джейка. Верхние передние зубы разлетелись множеством осколков, один из которых Флагерти засосал в легкие своим последним вдохом. Вторая пробил Флагерти лоб, отбросив его на дверь между Нью-Йорком и Федиком. «Глок», на спусковой крючок которого он так и не нажал, вывалился из его руки на плитки пола. Вот тут и прогремел выстрел.

Остальные повытаскивали оружие долей секунды позже. Эдди убил шестерых, успев перезарядить патрон, потраченный на Альбрехта. Когда барабан опустел, он отскочил за своего дина, как его и учили. Роланд уложил еще четверых и отступил за Эдди, который и убил всех оставшихся, за исключением одного.

Ламле хватило ума не пытаться стрелять, вот он и остался в живых. Поднял обе руки, с волосатыми пальцами и гладкими ладонями.

— Ты пощадишь меня, стрелок, если я пообещаю более не воевать с тобой?

— Никогда, — ответил Роланд и взвел курок.

— Так будь ты проклят тогда, чари-ка, — воскликнул тахин.

Роланд из Гилеада выстрелил, и Ламла из Гали мертвым упал на плитки пола.

2

Преследователи Джейка лежали на полу, как груды бревен, Ламла, лицом вниз, у самой двери. Ни один из них не успел выстрелить. В выложенном кафелем коридоре клубился синеватый пороховой дым. Потом включились очистители, заурчали из стен, и скоро стрелки почувствовали, как воздух пришел в движение и, мимо их лиц его потянуло к вентиляционным решеткам.

Эдди перезарядил револьвер, теперь его, раз уж ему так сказали, и сунул обратно в кобуру. Потом направился к трупам и небрежно оттащил четверых в сторону, чтобы пройти к двери.

— Сюзанна! Сюзи, ты здесь?

Разве кто-нибудь из нас, кроме как в наших снах, действительно ожидает, что вновь увидит самого дорогого ему человека, даже если он уходит лишь на несколько минут, по самому обыденному делу? Нет, отнюдь. Всякий раз, как только они скрываются из виду, мы, в глубине наших сердец, записываем их в мертвые. Уже получив так много, рассуждаем мы, можем ли мы ожидать, что нас не сбросят с небес, как

Люцефера за столь вопиющую самонадеянность нашей любви?

Вот и Эдди не ожидал, пока она не ответила... из другого мира, отделенного лишь толщиной двери.

— Эдди? Это ты, сладенький?

Голова Эдди, за секунду до этого вроде бы совершенно обычная, вдруг стала слишком тяжелой для шеи. Он прислонил ее к двери. И веки стали такими же тяжелыми, вот он и закрыл глаза. Веса, возможно, добавили слезы, которые вдруг потекли рекой. Он чувствовал их на щеках, теплые, как кровь. И рука Роланда касалась его спины.

— Сюзанна, — Эдди все не открывал глаз. Его пальцы ощупывали дверь. — Ты можешь ее открыть?

— Нет, — ответил Джейк, — но вы можете.

— Какое слово? — спросил Роланд. Он то смотрел на дверь, то оглядывался, надеясь, что к команде Флагерти прибудет подкрепление, даже хотел, чтобы оно прибыло (ибо кровь у него играла), но выложенный кафелем коридор оставался пуст. — Какое слово, Джейк?

Последовала пауза, короткая, но показавшаяся Эдди очень длинной, а потом они вместе произнесли его: «Чеззет».

Эдди не решился повторить его: горло забили слезы. У Роланда таких проблем не было. Он оттащил от двери еще несколько тел, в том числе Флагерти, на лице последнего так и застыла злобная усмешка, и произнес требуемое слово. Вновь дверь между мирами щелкнула, открываясь. Эдди широко распахнул ее, и все четверо оказались лицом к лицу, Сюзанна и Джейк в одном мире, Роланд и Эдди — в другом, а между ними — мерцающая прозрачная мембрана, похожая на ожившую слюду. Сюзанна протянула руки, и они прошли сквозь мембрану и появились, словно из толщи воды, которую каким-то образом поставили на попа.

Эдди взял их. Позволил ее пальцам переплестись со своими и утянуть его в Федик.

К тому времени, когда Роланд миновал дверь, Эдди уже поднял Сюзанну и сжимал в объятьях. Мальчик, вскинув голову, смотрел на стрелка. Ни один не улыбался. В отличие от Ыша, который сидел у ног Джейка и улыбался за обоих.

— Хайл, Джейк, — сказал Роланд.

— Хайл, отец.

— Теперь ты будешь так меня называть? Джейк кивнул.

— Да, если ты позволишь.

— Для меня нет большей радости, — ответил Роланд, а потом медленно, как человек, проделывающий что-то совершенно ему незнакомое, вытянул перед собой руки. Глядя на стрелка, очень серьезный, не отрывающий глаз от лица Роланда, мальчик Джейк прошел меж рук киллера и дождался, пока они сомкнутся на его спине. Он никому не решался сказать, что грезил об этом.

Сюзанна, тем временем, покрывала лицо Эдди поцелуями.

— Они чуть не убили Джейка, — говорила она. — Я сидела по мою сторону двери... и так устала, что задремала. Он, должно быть, позвал меня три, четыре раза, прежде чем я...

Он хотел выслушать ее историю, каждое слово, до самого конца, но потом. Им предстояло обсудить дальнейшие планы, но потом. А сейчас он сжал пальцами грудь Сюзанны, левую, под которой сильно билось сердце, и прервал ее речь поцелуем.

Джейк, тем временем, молчал. Стоял, повернув голову, прижимаясь щекой к телу Роланда. С закрытыми глазами. Рубашка стрелка пахла дождем, пылью, кровью. Он думал о своих родителях, оставшихся в другом мире, о друге Бенни, который погиб, об отце Каллагэне, которого настигли те, от кого он так долго убегал. Мужчина, который, прижимал его к себе, однажды предал его ради Башни, позволил свалиться в пропасть, и у Джейка не было уверенности, что такое не повторится. Однако, на текущий момент, его все устраивало. В душе царил покой и в истерзанном сердце — мир. Ему не хотелось ничего другого, кроме как прижиматься к этому мужчине и чувствовать, что мужчина прижимает его к себе.

Не хотелось ничего другого, кроме как стоять с закрытыми глазами и думать: «За мной пришел мой отец».

Часть 2. СИНИЕ НЕБЕСА. ДЕВАР-ТОИ

Глава 1. Девар-тете

1

Четверо воссоединившихся странников (пятеро, считая Ыша из Срединного мира) стояли у изножия кровати Миа, глядя на то, что осталось от твим Сюзанны, ее близнеца. Если бы не одежда, которая придавала останкам какую-то форму, никто бы не смог сказать наверняка, что видит перед собой. Даже в спутанных волосах на разрубленной голове Миа не было ничего человеческого: они, скорее, напоминали щетку, какой сметают пыль.

Роланд смотрел на практически исчезнувшее лицо и удивлялся: как же мало осталось от женщины, одержимость которой (малой, малой, только малой) едва не положила конец их походу. А без них кто смог бы противостоять Алому Королю и его дьявольски умному канцлеру? Джон Каллем, Эрон Дипно и Мозес Карвер. Три старика, один с болезнью черного рта, которую Эдди называл катер, сэр.

«Так много ты натворила, и насколько больше могла натворить, — думал он, глядя на рассыпающееся в пыль лицо, — да, не останавливаясь ни перед чем, не испытывая ни малейших сомнений, и мир рухнул бы, став жертвой, скорее любви, чем ненависти. Ибо любовь всегда была куда более разрушительным оружием, это точно».

Он наклонился вперед, ощутив запах старых цветов и древних пряностей, с силой дунул. И нечто, отдаленно выглядевшее, как голова, разлетелось, как пух ваточника или «парашютики» одуванчика.

— Она не хотела зла вселенной, — голос Сюзанны дрогнул. — Она боролась за естественное право женщины — родить ребенка. Чтобы потом любить и растить его.

— Ты говоришь правильно, — согласился Роланд. — И от этого смерть ее представляется особенно ужасной.

Иногда мне кажется, что нам жилось бы гораздо лучше, — подал голос Эдди, — если бы все люди, желающие добра, забились бы в какие-нибудь норы, да там и сдохли.

— В их числе и мы, Большой Эд, — указал Джейк.

Они задумались над словами мальчика, и Эдди не мог не задаться вопросом, а скольких они уже убили со своими добрыми намерениями.

Плохие его не волновали, но ведь были и хорошие... к примеру, возлюбленная Роланда, Сюзан.

А потом Роланд отвернулся от превратившихся в пыль останков Миа и шагнул к Сюзанне, которая сидела на одной из соседних кроватей, сцепив руки и зажав их между бедер.

— Расскажи мне все, что произошло с тобой, начиная с того момента, как ты покинула нас на Восточной дороге, сразу после боя. Нам нужно...

— Роланд, я не собиралась покидать вас. Это Миа. Она перехватила контроль над телом. Если б у меня не было убежища, Догана, она стала бы его полновластной хозяйкой.

Роланд кивнул, показывая, что это он понимает.

— Тем не менее, расскажи мне, как ты попала в этот девар-тете. Джейк, я хочу услышать и твой подробный рассказ.

— Деvar-тете, — повторил Эдди. Слово (или два слова?) показалось ему знакомым. Что-то похожее он слышал от Чевина из Чайвена, медленного мутанта, которого Роланд избавил от страданий в Лоувелле? Скорее да, чем нет. — Что это?

Роланд обвел рукой огромное помещение со всеми стоящими в нем кроватями, каждую со шлемом и стальной гофрированной трубкой; кроватей, на которых бог знает сколько детей и из скольких городков Пограничья превратили в рунтов.

— Деvar-тете — это маленькая тюрьма. Или камера пыток.

— Мне она не кажется маленькой, — Джейк, конечно, не мог сказать, сколько кроватей стояло в огромном зале, но полагал, что не меньше трехсот. Скорее, больше.

— Может, мы набредем на куда большую тюрьму, прежде чем завершим наш поход, — ответил Роланд. — Рассказывай свою историю, Сюзанна, и ты тоже, Джейк.

— И куда мы отсюда пойдём? — спросил Эдди.

— Может, их истории нам об этом и скажут, — ответил Роланд.

Роланд и Эдди молча и с предельным вниманием слушали, как Сюзанна и Джейк рассказывали о своих приключениях. Первый раз Роланд остановил Сюзанну, когда она добралась до Матиссена ван Вика, который дал им денег и снял для них номер в отеле. Стрелок спросил Эдди о черепашке, «защитой в материю мешка».

— Я не знал, что это черепашка, — ответил Эдди. — Подумал, что камешек.

— Если б ты снова рассказал об этом, я бы послушал.

И вот, обдумывая каждое слово, пытаюсь все точно вспомнить (произошло это, казалось, очень и очень давно), Эдди рассказал о том, как он и отец Каллагэн пошли в Пещеру двери, открыли ящик из дерева призраков, в котором лежал Черный Тринадцатый. Они рассчитывали, что Черный Тринадцатый откроет дверь, и он открыл, но сначала...

— Ящик лежал в мешке. Том самом, на котором в Нью-Йорке была надпись «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДНЕГО МАНХЭТТЕНА», а в Калья Брин Стерджис — «ТОЛЬКО СТРАЙКИ НА ДОРОЖКАХ СРЕДИННОГО МИРА». Помните?

Они все помнили.

— И я нащупал что-то твердое в материи мешка. Сказал Каллагэну, а он ответил... — Эдди запнулся. — «Только у нас нет времени разбираться, что там такое». Или что-то похожее. Я с ним согласился. Помнится, подумал, что у нас и так полным-полно всяких загадок, так что эту оставим на будущее. Роланд, кто, во имя Господа, мог положить черепашку в мешок, как ты думаешь?

— Если уж на то пошло, а кто оставил мешок на пустыре? — спросила Сюзанна.

— Или ключ? — вставил Джейк. — Я нашел ключ от дома на Голландском холме на том же пустыре. Роза? Могла роза каким-то образом... ну, не знаю... создать их?

Роланд обдумал услышанное.

— Если уж вы спрашиваете меня, я бы сказал, что эти знаки и сигулы — дело рук сэя Кинга.

— Писателя, — Эдди не отверг эту идею, наоборот, кивнул. Он смутно помнил одну концепцию, о которой рассказывали в школе. Бог из машины, так она называлась. Концепция эта еще обозначалась каким-то мудреным выражением на латыни, но он его вспомнить не мог. Возможно, в тот момент выводил на столе: «Мари-Лу Кенепенски», — тогда как остальные прилежно записывали в тетрадь пояснения учителя. Концепция состояла в следующем: если драматург оказывается в тупике, из которого вроде бы нет выхода, он может послать бога, который спускается с неба в украшенной цветами повозке и спасает персонажа, попавшего в беду. Она, без сомнения, пришлась по душе самым религиозным зрителям, которые верили, что Бог (не тот, разумеется, что в ореоле спецэффектов спускался с платформы под самым потолком, скрытой от глаз зрителей, а Настоящий, с

небес) действительно спасал людей, которые этого заслуживали. Такие идеи, само собой, нынче вышли из моды, но Эдди подумал, что популярные писатели, а все шло к тому, что сэй Кинг станет таковым, скорее всего, использовали этот прием, только маскировали его получше. Маленькие спасательные лючки. Писательские хитрости, вроде: «УБЕЖАТЬ ИЗ ТЮРЬМЫ», или «УСКОЛЬЗНУТЬ ОТ ПИРАТОВ», или «ОТКЛЮЧИТЬ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ИЗ-ЗА СЛУЧАЙНОЙ ГРОЗЫ, ОТЛОЖИТЬ КАЗНЬ». Бог из машины (который на самом деле был писателем) терпеливо работал, чтобы сохранить персонажи живыми и не заканчивать текст фразой, которая определенно не вызвала бы восторга читателей: «Вот так ка-тет полег на Иерихонском холме и плохиши победили, правь, Дискордия, уж извините, в следующий раз получится лучше (что это за следующий раз, ха-ха). КОНЕЦ».

— Маленькие сетки безопасности, вроде ключа. Не говоря уже о вырезанной из слоновой кости черепашке.

— Если он и вписал все это в историю, — нарушил долгую паузу Эдди, — то через много лет после того, как мы повидались с ним в 1977 году.

— Да, — согласился Роланд.

— И у меня нет уверенности, что он все это выдумал, — продолжил Эдди. — По большому счету, не выдумал. Он просто... Даже не знаю, просто...

— Волшебник? — с улыбкой спросила Сюзанна.

— Нет! — воскликнул Джейк, похоже, удивленный предположением Сюзанны. — Нет, конечно. Он — передаточное звено. Контактер^[24], — думал он о своем отце и его работе в телекомпании.

— В десятку! — воскликнул Эдди и нацелил палец на Джейка. Эта идея позволила ему перекинуть мостик к другой: если бы Кинг не дожид до того времени, чтобы вписать ключ и черепашку в свою историю, их бы не оказалось в нужном месте и в нужное время. Джейка съел бы страж-привратник в доме на Голландском холме... при условии, что он добрался бы до этого холма, насчет чего у Эдди были большие сомнения. А если бы он миновал монстра Голландского холма, его наверняка съели бы Праотцы, каллагэновские вампиры первого типа, в «Дикси-Пиг».

Сюзанна подумала, а не рассказать ли им о том, что ей привиделось, когда Миа отправилась в свое последнее путешествие из отеля «Плаза-Парк» в «Дикси-Пиг». Она словно вновь оказалась в тюремной камере в городе Оксфорд, штат Миссисипи, и слышала голоса, доносившиеся из стоявшего где-то рядом телевизора. Голоса Чета Хантли, Уолтера

Кронкайта, Френка Макги: ведущие телепередач нараспев перечисляли имена мертвых. Некоторые, скажем, президента Кеннеди и братьев Дьем, она знала. О других, вроде Кристи Маколифф, слыхом не слыхивала. Но среди этих имен был и Стивен Кинг, она могла в этом поклясться. Напарник Чета Хантли

(добрый вечер, Чет, добрый вечер, Дэвид)

говорил, что Стивен Кинг попал под колеса минивэна «додж» и погиб во время прогулки неподалеку от собственного дома. Согласно Бринкли, Кингу было пятьдесят два года.

Если бы Сюзанна все это рассказала, многое могло пойти по-другому, если не все. Она уже открыла рот, чтобы внести свою лепту в разговор (маленький камешек, скатываясь по склону, ударяет в камень побольше, который, сдвинувшись с места, вышибает еще два, вот вам и оползень), когда скрипнула открывающаяся дверь, слышались приближающиеся шаги. Все повернулись, Джейк схватился за рису, остальные — за револьверы и пистолет.

— Расслабьтесь, ребята, — тут же прошептала Сюзанна. — Все в порядке. Я знаю этого парня, — а потом обратилась к DNK 45932, ПОМОЩНИКУ ПО ДОМУ. — Я не ожидала увидеть тебя так скоро. Честно говоря, я думала, что вообще тебя больше не увижу. Что случилось, Найджел, дружище?

Вот так Сюзанна и не сказала то, что могла, а *deus ex machina*, вместо того, чтобы спуститься и спасти писателя от встречи с минивэном «додж» летним днем 1999 года, остался там, где и был, высоко над смертными, играющими свои роли внизу.

Роботы нравились Сюзанне прежде всего тем, что, по ее разумению, большинство из них не могли держать камня за пазухой. Найджел сказал ей, что в мастерских не нашлось никого, кто мог бы отремонтировать узлы визуального наблюдения (хотя, по его словам, он сделал бы все сам, получив доступ к необходимым материалам, запасным частям и руководствам по ремонту), поэтому он вернулся обратно, полагаясь на датчики инфракрасного диапазона, чтобы собрать осколки разбившегося (да и к тому же не потребовавшегося) кувеза. Он поблагодарил Сюзанну за проявленное участие и представился ее друзьям.

— Я рад нашему знакомству, Найджел, — сказал Эдди, но ты,

наверное, хочешь заняться ремонтом своих визуальных узлов, поэтому мы тебя не задерживаем, говорил он благодушно и убрал револьвер в кобуру, но рука по-прежнему лежала на рукоятке. Если честно, его несколько смущало удивительное сходство Найджела с неким роботом-посыльным из Кальи Брин Стерджис. Вот уж у кого за пазухой лежал целый валун.

— Нет, постой, — возразил Роланд. — У нас найдется для тебя работенка, но пока мне бы хотелось, чтобы ты нам не мешал. Отключись, если тебя это устроит, — «или не устроит», подразумевалось по тону.

— Разумеется, сэй, — ответил Найджел все с тем же сочным английским акцентом. — Вы можете реактивировать меня словами: «Найджел, ты мне нужен».

— Очень хорошо, — кивнул Роланд.

Найджел сложил на груди свои тоненькие (но, безусловно, сильные) руки из нержавеющей стали и застыл.

— Вернулся, чтобы подобрать осколки стекла, восхитился Эдди. — Может, «Тет корпорейшн» стоит наладить их продажу. Каждая домохозяйка Америки захочет купить двух, одного для дома, второго — для двора.

— Чем меньше мы будем связываться с наукой, тем лучше, — мрачно заметила Сюзанна. Несмотря на то, что ей удалось хоть немного поспать, привалившись к двери между Федиком и Нью-Йорком, выглядела она неважно, изможденная, уставшая донельзя. — Посмотрите, что она сделала с этим миром.

Роланд кивнул Джейку, который рассказал, как он и отец Каллагэн провели вечер в Нью-Йорке 1999 года, начав с того момента, как такси едва не задавило Ыша, и закончив их атакой на «низких людей» и вампиров в обеденном зале «Дикси-Пиг. Не забыл упомянуть и о том, как они избавились от Черного Тринадцатого, положив его в ячейку камеры хранения во Всемирном торговом центре, где он мог лежать до июня 2002 года, и о том, как нашли черепашку, которую Сюзанна бросила, как записку в бутылке, в сточную канаву рядом с „Дикси-Пиг“.

— Ты такой храбрый, — Сюзанна взъерошила волосы Джейка. Потом наклонилась и погладила Ыша по голове. Ушастик-путаник вытянул и без того длинную шею, чтобы максимально продлить удовольствие, полузакрыв глаза, лисья мордочка растянулась в улыбке. — Чертовски храбрый. Спасибо тебе, Джейк.

— Спасибо, Эйк! — согласился Ыш.

— Если бы не черепашка, они убили бы нас обоих, Джейк говорил ровным голосом, но побледнел. — Что же касается отца Каллагэна... он... — Джейк вытер ладонью слезу и посмотрел на Роланда. — Ты

воспользовался его голосом, чтобы заставить меня уйти. Я тебя слышал.

— Да, воспользовался, — кивнул Роланд. — Будь уверен, он хотел того же.

— Вампиры до него не добрались, — продолжил Джейк. — Он застрелился из моего «ругера» до того, как они испили его крови и превратили в себе подобного. Впрочем, я не думаю, чтобы они этим ограничились. Скорее, разорвали бы на куски и сожрали. Они же обезумели.

Роланд согласно кивал.

— Последнее, что я услышал... думаю, он произнес это вслух, но полной уверенности у меня нет... — Джейк замолчал, вспоминая. Слезы теперь текли по щекам. — «Найди свою Башню, Роланд, проникни в нее и взойди на вершину!» Потом... Пуф! Он ушел. Как огонек свечи. В другие миры.

Он замолчал. Какое-то время молчали все, не решаясь нарушить тишину. Наконец, Эдди подал голос.

— Ладно, мы снова вместе. Так что же нам теперь делать?

4

Роланд сел, с гримасой боли, бросил на Эдди взгляд, который яснее любых слов говорил: «Ну чего ты испытываешь мое терпение?»

— Хорошо, хорошо, такая у меня привычка, — начал оправдываться Эдди. — Только не надо на меня так смотреть.

— Что за привычка, Эдди?

В последнее время Эдди редко думал о своем последнем годе, тяжелом, в наркотическом тумане, проведенном с братом Генри, но вопрос Роланда вызвал у него воспоминания о том времени. Только ему не хотелось об этом говорить, и не от стыда, Эдди действительно полагал, что стыдиться ему уже нечего, а по другой причине: чувствовал, что Роланда выводят из себя его попытки объяснить что-либо терминологией старшего брата. И, скорее всего, правота была на стороне Роланда. В свое время Генри был определяющей, формирующей силой в жизни Эдди. Как Корт был определяющей, формирующей силой в жизни Роланда... но стрелок не говорил о своем старом учителе по три раза на день.

— Задавать вопросы, на которые я уже знаю ответ, — ответил Эдди.

— И каков ответ на твой последний вопрос?

— Мы вернемся в Тандерклев, прежде чем идти к Башне. Убьем

Разрушителей или выпустим их на свободу. Ради спасения Лучей. Убьем Уолтера, или Флегга, или как он там себя называет. Потому что он — фельдмаршал, не так ли?

— Был, — согласился Роланд, — но теперь на сцене появился новый игрок, — он посмотрел на робота. — Найджел, ты мне нужен.

Найджел опустил руки и поднял голову.

— Чем я могу вам услужить?

— Принести что-нибудь пишущее. Есть тут такое?

— Ручки, карандаши, мел находятся в кабинете надзирателя в дальнем конце палаты извлечения. Во всяком случае, были, когда я заглядывал туда в последний раз.

— Палата извлечения, — повторил Роланд, оглядывая ряды кроватей. — Так ты это называешь?

— Да, сэй, — а потом добавил, очень робко. Интонации вашего голоса предполагают, что вы сердитесь. Это действительно так?

— Они привозили сюда детей, сотнями и тысячами, по большей части, здоровых, из того мира, где многие рождаются больными, и высасывали у них мозги. Так с чего мне злиться?

— Сэй, я уверен, что не знаю, — Найджел, похоже, уже сожалел о том, что вернулся сюда. — Но я не принимал никакого участия в процедуре извлечения, заверяю вас. Я занимаюсь домашним хозяйством, в том числе и техническим обслуживанием.

— Принеси карандаш и кусок мела.

— Сэй, вы не собираетесь уничтожить меня, не так ли? Последние двенадцать или четырнадцать лет извлечением руководил доктор Скоутер, а он мертв. Вот эта леди-сэй застрелила доктора Скоутера, из его же пистолета, — в голосе Найджела прозвучала очень явственная нотка упрека.

— Принеси карандаш и кусок мела, да побыстрее, повторил Роланд. Найджел отбыл.

— Говоря про нового игрока, ты имел в виду младенца, — в голосе Сюзанны вопросительные нотки отсутствовали.

— Естественно. У него два отца, у этого бей-бо. — Сюзанна кивнула. Она думала о том, что поведала ей Миа, когда Прыжок забросил их в покинутый всеми Федик, всеми, за исключением Сейра, Скоутера да Волков-мародеров. Две женщины, белая и черная, одна беременная, вторая — нет, сидели на стульях перед салуном «Джин-Пуппи». Вот там Миа много чего рассказала жене Эдди Дина, возможно, больше, чем кто-либо из них знал.

«Именно там они изменили меня», — сказала ей Миа. Под «они», вероятно, подразумевался доктор Скоутер и другие врачи. Плюс маги? Такие же, как Мэнни, только перешедшие на другую сторону? Возможно. Кто мог это знать? В палате экстракции ее сделали смертной. Потом, после того, как сперма Роланда уже была в ней, случилось что-то еще. От этого отрезка времени у Миа сохранилась в памяти только красная темнота. Вот Сюзанна и задалась вопросом, может, как раз в это время к ней приходил сам Алый Король и залез на нее своим огромным и древним паучьим телом, или его сперма каким-то магическим образом перемешали со спермой Роланда. В любом случае, младенец был самой чудовищной помесью, какую только могла представить себе Сюзанна: не вервольфом — верспайдером^[25]. И теперь он находился неизвестно где. Может, далеко, а может — совсем рядом, наблюдая за ними даже в этот самый момент, когда они совещались, а Найджел вернулся с письменными принадлежностями.

«Да, — подумала она. — Он наблюдает за нами. И ненавидит нас... но не всех одинаково. Больше всего дан-тете ненавидит Роланда. Своего первого отца».

Она содрогнулась.

— Мордред хочет убить тебя, Роланд. Такова его цель. Для этого он создан. Положить конец тебе, твоему походу, Башне.

— Да, — кивнул Роланд, — а потом править, заняв место отца. Потому что Алый Король стар, и я все больше и больше склоняюсь к мысли о том, что он в заточении. А если это так, то не он наш настоящий враг.

— Мы пойдем в его замок на другой стороне Дискордии? — спросил Джейк. — За последние полчаса он заговорил впервые. — Мы пойдем, не так ли?

— Я так думаю, да, — ответил Роланд. — «Ле кас руа рюс»^[26], так называют его древние легенды. Туда пойдет весь ка-тет, и мы убьем всех, кто там живет.

— Пусть так и будет, — воскликнул Эдди. — Господи, пусть так и будет.

— Ага, — согласился Роланд. — Но наша первая задача — Разрушители. Лучетрясение, которое мы ощутили в Калье Брин Стерджис, перед тем, как отправились сюда, предполагает, что их работа близка к завершению. Однако, если они не...

— Наша работа — не дать им довести ее до конца, — вставил Эдди.

Роланд кивнул. Выглядел он еще более уставшим, чем всегда.

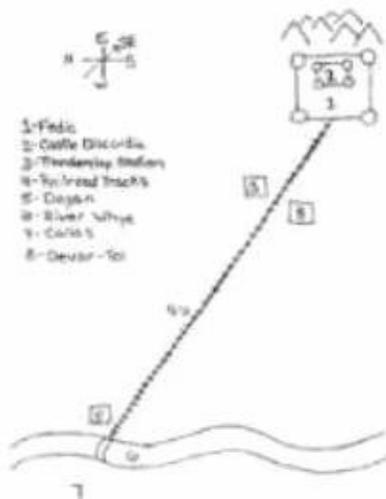
— Ага. Убить их и выпустить на свободу. В любом случае мы должны

помешать им в разрушении двух оставшихся Лучей. И мы должны прикончить дан-тете. Сына Алого Короля... и моего сына.

Найджел доказал свою полезность (впрочем, как потом выяснится, помогал он не только Роланду и его ка-тету). Прежде всего он принес два карандаша, две ручки (одну такую древнюю, что ей, возможно, пользовался писец Диккенса) и три куска мела, один в серебряном футляре, который выглядел, как женская губная помада. Роланд взял именно этот кусок, а другой отдал Джейку.

— Я не могу писать слова, которые вам легко понимать, но цифры у нас одинаковые или, во всяком случае, очень схожи. Пиши сбоку то, что я буду говорить, Джейк, и пиши правильно.

Джейк все сделал, как и просил Роланд. В результате появилась грубая карта с пояснениями.

- 1 — Федик
- 2 — Замок Дискордия
- 3 — станция «Тандерклер»
- 4 — железнодорожные пути
- 5 — «Доган»
- 6 — река Уайе
- 7 — Кальи
- 8 — Девар-Тои
- 9 — С

10 — В

11 — Ю.-В.

12 — Ю

13 — З

— Федик, — Роланд указал на 1, потом провел короткую линию к 2. — А это замок Дискордия, с дверьми под ним. Из того, что нам известно, их там много. Должен быть коридор, которым мы можем пройти отсюда туда, под замок. А теперь, Сюзанна, расскажи, каким путем шли Волки, и что они делали, — он протянул ей мелок в футляре.

Сюзанна взяла его, не без восхищения отметив, что мел самозатачивающийся. Пустячок, конечно, но приятно.

— Они проходят через одностороннюю дверь, которая переносит их вот сюда, — Сюзанна провела линию от 2 до 3. Этой цифру Джейк назвал «Станция „Тандерклеп“». — Мы узнаем эту дверь, потому что она должна быть большой, если, конечно, они не проходили через нее по одному.

— Может, и проходят, — вставил Эдди. — Если я не ошибаюсь, им приходится пользоваться лишь тем, что осталось от древних людей.

— Ты не ошибаешься, — сказал Роланд. — Продолжай, Сюзанна, — сидел он не на корточках, а на пятой точке, вытянув правую ногу. Эдди оставалось только гадать, сколь сильно болит у Роланда правое бедро и есть ли во вновь обретенном мешке хоть капля кошачьего масла Розалиты. Он склонялся к тому, что нет.

— Волки скачут от станции «Тандерклеп» вдоль железнодорожных путей, во всяком случае, пока не оставляют позади тень... или темноту... или как это называть? Ты знаешь, Роланд?

— Нет, но мы скоро узнаем, — и он нетерпеливо вертанул левой рукой.

— Они пересекают реку, попадая на тот берег, где находятся Кальи, и забирают детей. Думаю, по возвращению на станцию «Тандерклеп» грузятся в поезд с лошадьми и пленниками и едут в Федик. Потому что от двери пользы им никакой.

— Пожалуй, так оно и есть, — согласился Роланд. — Они проезжают мимо дебар-тои, тюрьмы, которую мы обозначили цифрой 8. На тот момент им там делать нечего.

— Скоутер и его врачи-нацисты использовали вот эти колпаки на кроватях, чтобы извлечь что-то из детей. Вещество, которое они дают Разрушителям. Детей и полученное вещество отправляют на станцию «Тандерклеп» через дверь. Потом детей возвращают в Калью Брин Стенджис, возможно, и в другие Кальи, а в то место, которое ты называешь

девар-тои...

— Обед подан, — мрачно вставил Эдди.

И тут же раздался переполненный радостью голос Найджела: «Желаете перекусить, сэи?»

Джейк сверился со своим желудком и обнаружил, что последний урчит. Ужасно, конечно, проголодаться так скоро после смерти отца Каллагэна, но, тем не менее, желудок с энтузиазмом воспринял предложение робота.

— Здесь есть еда, Найджел? Действительно, есть?

— Да, конечно, молодой человек, — ответил Найджел. — Но только, к сожалению, консервы. Зато я могу предложить вам два десятка наименований, в том числе тушеную фасоль, тунца, несколько видов супа...

— Мне — тунца, — прервал его Роланд, — но принеси все, что есть, если уж принесешь.

— Как скажите, сэи.

— Наверное, ты не сможешь приготовить мне сэндвич «Особый Элвиса», — в голосе Джейка, тем не менее, слышалась надежда. — Ореховое масло, банан и бекон.

— Господи, малыш, — воскликнул Эдди, — не уверен, что при таком освещении ты сможешь это заметить, но я позеленел.

— У сожалению, у меня нет бекона или бананов, ответил Найджел, — но ореховое масло есть, как и три вида джемов. А также яблочное масло.

— Яблочное масло подойдет, — кивнул Джейк.

— Продолжай, Сюзанна, — Роланд повернулся к ней, как только Найджел ушел. — Хотя, полагаю, торопить тебя смысла нет. Поев, нам нужно будет отдохнуть, — по голосу чувствовалось, что идея ему не по душе.

— Я вроде бы рассказала все, — ответила она. — Звучит, конечно, путано... да и выглядит путано, в основном, потому, что на нашей маленькой карте нет масштаба, но вот что важно: этот кольцевой маршрут они проделывают раз в двадцать четыре года или около того: из Федика в Калья Брин Стерджис, потом обратно в Федик с детьми, чтобы извлечь у них нужную субстанцию. После чего детей возвращают в Калью, а субстанцию везут в тюрьму, где держат Разрушителей.

— Девар-тои, — уточнил Джейк. Сюзанна кивнула.

— Вопрос в том, что нам нужно сделать, чтобы разомкнуть цикл.

— Через дверь мы пройдем на станцию «Гандерклеп», сказал Роланд, — а со станции направимся туда, где держат Разрушителей. А

там... — он по очереди посмотрел на каждого из членов ка-тета, потом выставил вперед палец и имитировал выстрел.

— Там будут охранники, — заметил Эдди. — Скорее всего, много охранников. Что, если они будут превосходить нас числом? Роланд пожал плечами.

— Не впервой.

Глава 2. Наблюдатель

1

Вернулся Найджел с большущим подносом. На нем хватило места горкам сэндвичей, двум термосам с супом, говяжьим и куриным, прохладительным напиткам в банках. Найджел принес «Коку», «Спрайт», «Нозз-А-Ла» и что-то еще, под названием «Уит-Грин-Уит». Эдди попробовал и объявил, что никогда не пил ничего более мерзкого.

Все они обратили внимание, что Найджел уже не тот добродушный парень, каким был Бог знает сколько десятилетий и веков. Его ромбовидная голова постоянно поворачивалась из стороны в сторону. Когда шла налево, он бормотал: «Un, deux, trois!», направо — «Ein, zwei, drei!»^[27] Из глубин корпуса доносилось легкое потрескивание.

— Сладенький, что с тобой не так? — спросила Сюзанна, когда робот поставил поднос на пол между ними.

— Система самодиагностики обещает полный выход из строя в период от двух до шести часов, — Найджел говорил мрачно, но спокойно. — Существовавшие логические дефекты, ранее заблокированные, проникли в ЦМС, — его голова резко дернулась вправо. — «Ein, zwei, drei! Жить свободным или умереть! Грег тебе в глаз!

— Что такое ЦМС? — спросил Джейк.

— И кто такой Грег? — добавил Эдди.

— ЦМС — аббревиатура центральной ментальной системы, — ответил Найджел. — Таких систем две, рациональная и иррациональная. Сознание и подсознание, как сказали бы вы. Что касается Грега, так это Грег Стиллсон, персонаж романа, который я читаю. И получаю удовольствие. Называется роман «Мертвая зона», автор — Стивен Кинг. А вот почему я упомянул его в таком контексте, не имею ни малейшего понятия.

2

Найджел объяснил, что логические дефекты — обычное дело для Азимовских роботов, так он называл себе подобных. Чем умнее робот, тем

больше логических дефектов... и тем скорее они начинали сказываться. Древние люди (по терминологии Найджела — Создатели) компенсировали возникновение дефектов введением карантинной системы, которой блокировали ментальные глюки точно так же, как, скажем, нынче блокировали территории, где возникала оспа или холера. (Джейк подумал, что это эффективный способ борьбы с душевными болезнями, но предположил, что психиатры встретят такую идею в штыки, поскольку лишатся работы). Найджел полагал, что травма, связанная с потерей глаз, каким-то образом ослабила карантинную систему, и дефекты, копившиеся долгие годы, прорвались сквозь «блокпосты», что тут же самым негативным образом отразилось на дедуктивных и индуктивных возможностях его мозга и эффективности логических систем. Но Сюзанне он сказал, что за это не держит на нее зла. Сюзанна поднесла кулак ко лбу и поблагодарила его сильно-сильно. По правде говоря, она не до конца поверила старине DNK 45932, хотя и понятия не имела, по какой причине. Возможно, корнями это недоверие уходило в Калью Брин Стерджис, где робот, который внешне не так уж и отличался от Найджела, оказался злобным и злопамятным предателем. Но было и что-то еще.

«Высоко сижу, далеко гляжу, все вижу», — подумала Сюзанна.

— Вытяни руки, Найджел, — попросила она.

Когда робот выполнил ее указание, они увидели жесткие волоски, оставшиеся в сочленениях пальцев. И капельку крови на... том, что у человека называлось костяшкой пальца.

— Что это? — спросила она, сняв несколько волосков и подняв их.

— Я очень сожалею, мам, но я не...

Он не видит. Разумеется, нет. В распоряжении Найджела остался только инфракрасный диапазон, а зрения он лишился, спасибо Сюзанне Дин, дочери Дэна, стрелку из ка-тета Девятнадцати.

— Это волоски. Я также вижу кровь.

— Да, конечно. Крысы на кухне, мам. Согласно заложенной в меня программе, я должен уничтожать грызунов, если засекаю их. В наши дни их, к сожалению, очень много. Мир сдвигается все сильнее, — и тут же, резко повернув голову влево, он перешел на французский: «Un-deux-trois! Minnie Mouse est la mouse pour moi!»^[28]

— Э... Найдж, старина, ты убил Минни и Микки до того, как делал сэндвичи или после? — спросил Эдди.

— После, сэй, заверяю вас.

— Знаешь, я, пожалуй, воздержусь, — сказал Эдди. — Я съел пубой в Мэне, и он так и застрял у меня в желудке.

— Тебе следует говорить *un, deux, trois*, — слова сорвались с губ Сюзанны прежде, чем она поняла, что собирается их произнести.

— Не понял? — Эдди сидел, обнимая ее одной рукой. С того времени, как они собрались вместе, он не упускал ни одной возможности прикоснуться к ней, словно нуждался в подтверждении ее реальности, не доверяя своим глазам.

— Неважно, — потом, когда Найджел выйдет из комнаты или окончательно сломается, она собиралась рассказать Эдди о своих интуитивных догадках. Она думала, что роботы типа Найджела и Энди, как и роботы Азимова, о которых она читала подростком, не могли лгать. Возможно, Энди модифицировали или он модифицировался сам, но запрет на ложь был снят. С Найджелом, полагала она, проблема оставалась, можно сказать, большая-большая проблема. У нее сложилось ощущение, что у Найджела, в отличие от Энди, доброе сердце, но, тем не менее, он или солгал, или сказал не всю правду о крысах в кладовой. Может, и о многом другом. Так что, его *ein, zwei, drei* или *un, deux, trois* следовало воспринимать, как способ стравливания давления. Хотя бы на какое-то время.

«Это Мордред, — подумала она, оглядываясь. Взяла сэндвич, потому что хотела есть, как и Джейк, просто умирала от голода, но аппетит как-то разом пропал, и она не сомневалась, что не получит никакого удовольствия, заталкивая куски в рот. — Найджел выполняет и его указания, а сейчас он наблюдает за нами. Я это знаю... чувствую».

И, откусив первый кусок хранившегося долгое время, упакованного под вакуумом, загадочного мяса, объяснила себе причину:

«Мать всегда знает».

Никто из них не захотел спать в палате извлечения (хотя они могли выбрать любую из более чем трехсот застеленных чистым бельем кроватей), ни в пустынном городке за стенами экспериментальной станции, поэтому Найджел повел их в свои апартаменты, часто останавливаясь, чтобы повернуть голову и досчитать до трех на немецком или французском. А вскоре начал считать и еще на каком-то языке, которого никто из них не знал.

Их путь лежал через кухню, где мерно гудели машины из нержавеющей стали. Она разительно отличалась от той древней кухни под

замком Дискордия, где Сюзанна побывала во время Прыжка, и хотя они увидели следы приготовления трапезы, которой угостил их Найджел, признаков крыс, живых или мертвых, не просматривалось. Впрочем, никто по этому поводу не высказался.

А у Сюзанны ощущение, что за ними наблюдают, приходило и уходило.

За кладовой находилась маленькая, аккуратная трехкомнатная квартира, которую и облюбовал Найджел. Спальни, само собой, не было, но за гостиной и еще одной кладовой, заставленной электронным оборудованием, обнаружился кабинет с книжными стеллажами вдоль стен, дубовым столом и креслом под галогеновой лампой для чтения. На стоящем на столе компьютере они увидели логотип «Северного центра позитроники», что никого не удивило. Найджел принес им одеяла и подушки, заверив, что они совершенно чистые.

— Может, ты спишь на ногах, — заметил Эдди, — но, полагаю, читать ты любишь, как и все, сидя.

— О, да, действительно, один-два-три, — ответил Найджел. — Мне нравится хорошая книга. Это заложено в мою программу.

— Мы будем спать шесть часов, потом уходим, — сказал им Роланд.

Джейк тем временем разглядывал книги. Шел вдоль стеллажей, Бш, понятное дело, не отставал от него ни на шаг, иногда доставал книгу.

Они все подошли, чтобы посмотреть на две полки с книгами Кинга, числом больше тридцати, как минимум четыре были очень толстыми, а две — просто кирпичами. Судя по всему, после Бриджтона Кинг уделял писательству много времени. Самый последний роман назывался «Сердца в Атлантиде», и в знаке копирайта стоял очень знакомый им год: 1999. Насколько они могли судить, недоставало только тех романов, в которых речь шла о них. При условии, что Кинг написал эти романы. Джейк проверил копирайты других книг и обнаружил несколько брешей. Но, возможно, нужного им вывода из этого и не следовало: Кинг и так написал очень много.

Сюзанна задала Найджелу соответствующий вопрос, и он ответил, что никогда не видел книг Стивена Кинга, персонажем которых был Роланд из Гилеада. Не читал он ничего у Кинга и о Темной Башне. А потом яростно повернул голову налево и на этот раз сосчитал на французском до десяти.

— И тем не менее, — сказал Эдди после того, как Найджел вышел из кабинета, внутри у него что-то пощелкивало и постукивало, — я готов спорить, что в этих книгах может быть много полезной нам информации. Роланд, ты не думаешь, что нам стоит собрать книги Стивена Кинга и взять

их с собой?

— Возможно, — не стал спорить Роланд, — но мы их не возьмем. Они могут запутать нас.

— Почему ты так решил?

Роланд только покачал головой. Он не знал, почему так сказал, но не сомневался, что это правда.

Центр управления Экспериментальной станцией 16 квадрата дуги находился четырьмя уровнями ниже палаты извлечения, кухни и кабинета Найджела. Туда вел капсулообразный вестибюль. Снаружи дверь в него открывалась тремя идентификационными карточками, которыми следовало воспользоваться одна за другой. На самом нижнем уровне «Догана» Федика звучала негромкая музыка, напоминавшая мелодии «Битлс», исполняемая Коматозным струнным квартетом.

Центр управления состоял из более чем десятка помещений, но нас могла заинтересовать только одно, с телевизионными экранами камер наблюдения и средствами контроля системы безопасности. Одним из элементов этой системы были маленькие, но очень опасные роботы-убийцы, вооруженные снайчками и лазерными пистолетами, другим — устройства подачи ядовитого газа (именно такой газ использовал Блейн для убийства людей в Луде) в случае захвата «Догана» врагами. По мнению Мордред Дискейна, именно это и произошло. Он попытался активировать роботов-убийц и подать отравляющий газ на верхний уровень, но безрезультатно. А теперь Мордред, с разбитым носом, синяком на лбу и раздувшейся нижней губой (он свалился со стула, на котором сидел) катался по полу и ревел во весь голос, но эти младенческие крики и в малой степени не отражали распирающую его ярость.

Это ж надо, видеть их как минимум на пяти экранах и не иметь возможности убить, даже навредить! Не удивительно, что он просто кипел. Он чувствовал, как живая чернота смыкается вокруг него, чернота, которая свидетельствовала о надвигающейся трансформации, и заставил себя успокоиться, чтобы остановить процесс. Он уже убедился на собственном опыте, что переход из человеческой ипостаси в паучью (и обратно) требовал огромного расхода энергии. В будущем он мог об этом не беспокоиться, но теперь, пусть и на короткое время, следовало соблюдать осторожность, чтобы не умереть от голода, как пчеле на выгоревшем

участке леса.

Сейчас я покажу вам нечто более странное, чем вам приходилось видеть ранее, и я заранее предупреждаю вас, что вашей первой реакцией будет смех. Это нормально. Смейтесь, если есть такое желание. Но не отрывайте глаз от того, что видите, пусть это будет глаз вашего воображения, ибо речь идет о существе, которое может причинить вам вред. Помните, у него два отца, и оба — убийцы.

Лишь через несколько часов после своего рождения, малой Миа весил уже двадцать фунтов и выглядел, как крепенький шестимесячный ребенок. Вся одежда Мордредда состояла из подгузника, сделанного из полотенца. Его надел на Мордредда Найджел, после того, как принес ему обитающую в «Догане» живность. Мордред понимал, что скоро обретет контроль над физиологическими функциями организма, возможно, еще до того, как закончится первый день, если он будет расти такими же темпами, но ему хотелось, чтобы это произошло быстрее. Однако, тут он ничего не мог поделать, обретаясь в идиотском младенческом теле.

Это же отвратительно, попасть в такую ситуацию. Выпал вот из стула и теперь ему не оставалось другого, кроме как махать ручками и ножками, на которых хватало синяков, терять кровь и вопить! DNK 45932 пришел бы, чтобы поднять его, противиться приказу сына Короля он мог с тем же успехом, что и камень, брошенный из окна — силе земного притяжения, но Мордред не решился позвать робота. Но черная сучка уже заподозрила, что Найджел сам не свой, и Мордред чувствовал, что очень уязвим. Он мог контролировать всю технику Экспериментальной станции, умение контролировать технику было лишь одним из многих его талантов, но, лежа на полу помещения с надписью «ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПОСТ» на двери (когда-то давно, до того, как мир сдвинулся, помещение это называли «РУБКА»), Мордред все яснее осознавал, как мало машин находилось под его контролем. Не удивительно, что его отец хотел развалить Башню и начать все заново. В этом мире уже все сломалось.

Ему требовалось превратиться в паука, чтобы вновь забраться на стул, где он мог снова стать человеком... но, к тому времени, как он бы это проделал, в желудке урчало бы от голода, а во рту, по той же причине, чувствовался бы привкус желчи. И он склонялся к мысли, что трансформация приводила не только к расходу энергии: именно паучья

ипостась в большей степени отражала его сущность, а потому, когда он становился пауком, обмен веществ резко ускорялся. И мысли изменялись, причем в сторону, которая его устраивала, поскольку человеческие мысли окрашивались эмоциями (их он пока не контролировал, но надеялся, что со временем сможет), а они более всего ему не нравились. Когда он был пауком, мысли его не были настоящими мыслями, в человеческом понимании этого слова; они напоминали черные, ревущие существа, которые поднимались из влажных глубин. Простые и понятные:

(ЕСТЬ)

и

(БРОДИТЬ)

и

(НАСИЛОВАТЬ)

и

(УБИВАТЬ).

И многие восхитительные способы реализации этих мыслей громыхали в рудиментарном сознании дан-тете, напоминая огромные трейлеры, которые с зажженными фарами мчатся сквозь черную ночь. Ему более всего хотелось думать так и только так, отбросив человеческую половину, но он понимал, что сейчас, когда он совершенно беззащитен, такие мысли могли привести лишь к гибели.

И ведь почти привели. Он поднял правую руку, розовую, гладкую, голенючую, чтобы посмотреть на правый бок. Туда попала пуля этой черной сучки, и хотя Мордред с того времени значительно вырос, прибавил в два раза, как весе, так и в росте, рана оставалась открытой. Из нее сочилась кровь и какая-то похожая на горчицу жидкость, желтая и вонючая. Он подумал, что эта рана на человеческом теле никогда не затянется. И другое его тело не сможет отрастить лапку, которую отстрелила сучка. И если бы она не споткнулась (ка, да, в этом сомнений у него не было), пуля оторвала бы голову, а не лапку, и игра бы закончилась, потому что...

Раздался неприятный, дребезжащий звонок. Мордред посмотрел на монитор, который показывал наружную сторону главного входа, и увидел робота, помощника по дому, который стоял там с мешком в руке. Мешок трепыхался, и у младенца, черноволосого, в неловко завязанном подгузнике, сидящего перед рядами мониторов, рот тут же наполнился слюной. Он протянул очаровательную, пухлую ручонку и нажал на несколько кнопок. Наружная дверь открылась, и Найджел вошел в вестибюль, конструкцией напоминающий воздушный шлюз. Мордред вновь потянулся к кнопкам, чтобы открыть внутреннюю дверь, набрав

комбинацию 2-5-4-1-3-1-2-1. Но конечности еще далеко не полностью подчинялись его контролю, поэтому вновь раздался неприятный звонок. Вслед за ним, вызывающий ярость женский голос (вызывающий ярость, потому что он напоминал голос черной сучки): «ВЫ НАБРАЛИ НЕПРАВИЛЬНЫЙ КОД ДЛЯ ЭТОЙ ДВЕРИ. МОЖЕТЕ ПОВТОРИТЬ ПОПЫТКУ В ТЕЧЕНИЕ ДЕСЯТИ СЕКУНД. ДЕСЯТЬ... ДЕВЯТЬ...»

Мордред сказал бы ей: «Пошла на хер», — если бы мог говорить, но увы. Он мог только гукать, и Миа, услышав его, раздулась бы от материнской гордости. С кнопками возиться он больше не стал. Уж очень ему хотелось получить то, что принес робот. На этот раз крысы (он полагал, что в мешке крысы) были живыми. Живыми, клянусь Богом, с кровью, еще бегущей по венам.

Мордред закрыл глаза и сосредоточился. Красный свет, который видела Сюзанна перед его первым перевоплощением, вновь пробежал по телу от макушки до пятки с родимым пятном. Когда свет скользил по открытой ране, поток крови и гноя усилился, отчего Мордред жалобно вскрикнул. Его рука коснулась раны и размазала кровь по маленькому животу, словно в надежде унять боль. На мгновение появилась чернота, готовая заменить собой красное, и тело младенца начало расплываться. Но на этот раз до трансформации не дошло. Младенец откинулся назад, тяжело дыша, тоненькая струйка мочи, вырвавшаяся из пениса, в очередной раз смочила полотенце-подгузник. Что-то хлопнуло под пультом управления, перед которым стоял стул с младенцем. Он лежал чуть ли не поперек и жадно хватал ртом воздух.

В противоположной стене дверь с надписью «ГЛАВНЫЙ ВХОД» сдвинулась, открываясь. Найджел решительным шагом направился к младенцу, голова уже непрерывно моталась из стороны в сторону, до трех он считал не на двух или трех языках, а на добром десятке.

— Сэр, я действительно больше не могу...

Мордред издавал радостные младенческие гу-гу-га-га и тянул ручонки к мешку. Но мысленный приказ отдал четкий и лишенный эмоций: «Заткнись. Дай то, что мне нужно».

Найджел положил мешок ему на колени. Из мешка доносился писк, похожий на человеческую речь, и впервые до Мордреда дошло, что трепыхалось в мешке одно существо. То есть, не крыса! Размером побольше! А если размер больше, то больше и крови!

Он раскрыл мешок и заглянул в него. На него с мольбой смотрели два глаза с золотыми ободками. На мгновение он подумал, что это птица, которая летает в ночи, птица ух-ух, как она называлась, Мордред не знал,

но потом увидел, что тело существа покрыто шерстью, а не перьями. То был трокен, во многих частях Срединного мира известный, как ушастик-путаник, маленький, только-только оторвавшийся от материнской сиськи.

«Ну что ты, что ты, — послал ему Мордред свою мысль, едва не пуская слюни. — Мы в одной лодке, мой маленький дружок, оба сироты, оставшиеся без матери в этом суровом, жестоком мире. Сиди тихо и я утешу тебя».

Подчинить себе такое юное и простодушное существо оказалось практически также просто, как подчинить машины. Мордред заглянул в его разум и обнаружил узел, который контролировал волю. Потянулся к нему рукой, ментальной рукой, рукой своей воли, и схватил. Услышал робкую, полную надежды мысль

(«не причиняй мне зла пожалуйста не причиняй мне зла; пожалуйста сохрани мне жизнь; я хочу жить веселиться играть; не причиняй мне зла пожалуйста не причиняй мне зла пожалуйста сохрани мне жизнь»)

и ответил:

«Все хорошо, не волнуйся, малыш, все хорошо».

Ушастик-путаник, сидевший в мешке (Найджел нашел зверька в гараже, отрезанного от матери, братьев и сестер автоматически закрывшейся дверью), расслабился. Наверное, он не верил услышанному, но ему очень хотелось поверить.

В кабинете Найджела лампы горели в четверть накала. Джейк проснулся, едва Ыш заснул. Остальные спали, пока.

«Что не так, Ыш?»

Ушастик-путаник не ответил, только из горла по-прежнему доносился скулеж. Его глаза с золотистыми ободками не отрывались от дальнего, темного угла кабинета, словно он там видел что-то ужасное. Джейк без труда вспомнил, что он точно также вглядывался в угол своей спальни, просыпаясь в предрассветные часы от кошмара, в котором сталкивался с Франкенштейном, или с Дракулой, или

(Тираннасорбетом Рексом)

с другим, Бог знает каким чудовищем. И теперь, решив, что ушастикам-путаникам, возможно, тоже сняться кошмары, он еще сильнее и настойчивее попытался прикоснуться к разуму Ыша. Сначала ничего не увидел, а потом возник какой-то далекий, смутный образ

(глаза, глаза смотрящие из темноты)

чего-то непонятного, возможно, ушастика-путаника в мешке.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал он на ухо Ышу и обнял своего друга. — Не буди их, им нужно выспаться.

— Аться, — тихонько ответил Ыш.

— Тебе просто приснился плохой сон, — шептал Джейк. — Иногда я тоже их вижу. Они не настоящие. Никто не сажал тебя в мешок. Засыпай.

— Пай, — Ыш положил мордочку на правую переднюю лапу. — Ыш бу ойным.

«Это правильно, — послал ему Джейк свою мысль. — Ыш будет спокойным».

Глаза с золотистыми ободками, из которых еще не ушла тревога, какое-то время оставались открытыми. Потом Ыш подмигнул Джейку одним и закрыл оба. А мгновением позже ушастик-путаник вновь спал. Где-то неподалеку только что умер другой ушастик-путаник... но смерть — обычное дело для здешнего мира. Это суровый мир, и всегда был таким.

Ышу снилось, что он и Джейк находятся под большущим оранжевым диском Мешочной луны. Джейк, который тоже заснул, подхватил этот сон, так что им обоим снилась луна Старьевщика.

«Ыш, кто умер?» — спросил Джейк, а Старьевщик подмигивал ему своим единственным глазом.

«Ыш, — ответил его друг. — Делах. Много».

Под пустым оранжевым взглядом Старьевщика Ыш больше ничего не сказал; дело в том, что ему снился сон во сне, и Джейк отправился туда вместе с Ышем. Этот сон был получше. Они оба играли под ярким солнечным светом. К ним прибежал другой ушастик-путаник: судя по виду, очень печальный. Он попытался заговорить с ними, но ни Джейк, ни Ыш не могли понять ни слова, потому что говорил он по-английски.

Мордреду не хватило был сил, чтобы достать ушастика-путаника из мешка, а Найджел то ли не хотел, то ли не мог ему помочь. Робот лишь стоял у двери Центра управления, считая вслух. Доносившееся из корпуса пощелкивание все усиливалось. Запахло горелым.

Мордреду удалось перевернуть мешок, и ушастик-путаник, максимум полугодовалый, вывалился ему на колени. Глаза его наполовину закрылись, желто-черные радужки потускнели и не двигались.

Мордред откинул голову назад, сосредоточился, младенческое личико перекосило от напряжения. Красный свет опять побежал по телу, волосы начали вставать дыбом. Но, едва они успели приподняться, как младенец, на голове которого они росли, исчез. Его место занял паук. Четыре из семи лапок вцепились в ушастика-путаника и без труда подтянули его к алчущей пасти. За двадцать секунд паук высосал зверька досуха. А потом пасть сместилась к мягкому животу и разорвала его, а лапки подняли тельце. Паук начал пожирать вываливающиеся из живота внутренности: восхитительное, придающее сил блюдо. Паук вгрызался в тело ушастика-путаника все глубже, издавая приглушенные звуки глубокого удовлетворения, отдаленно напоминающие мяуканье, переломил позвоночник, высосал костный мозг. Большая часть столь нужной ему энергии находилась в крови, да, всегда в крови, это хорошо знали Праотцы, но сила была и в мясе. В ипостаси человеческого младенца (гилеадский эквивалент — бей-бо) он бы не смог ни пить кровь, ни есть мясо. Скорее всего подавился бы и умер. Но, будучи пауком...

Он закончил трапезу и отшвырнул то, что осталось от ушастика-путаника, а осталось немного, на пол. Ранее он точно также поступил и с крысами. Найджел, помощник по дому, призванный следить за чистотой, убрал их останки. Мордред знал, что теперь робот подберет и останки зверька. Но Найджел стоял, не издавая ни звука, хотя Мордред снова и снова верещал: «Найджел, ты мне нужен». Идущий от робота запах горящего пластика настолько усилился, что включились потолочные вентиляторы. DNK 45932 стоял, повернув лишившееся глаз лицо влево. И создавалось впечатление, что на лице застыло любопытство, словно умер Найджел в тот самый момент, когда собрался задать важный вопрос: «В чем смысл жизни?» или, возможно, «Кто пописал в рыбный суп миссис Мерфи?» Так или иначе, но его короткая карьера ловца крыс и ушастиков-путаников завершилась.

На какое-то время Мордред запасся энергией, отлично закусил свежатиной, но надолго энергии этой хватить не могло. И, останься он пауком, расходовалась бы она максимально быстро. А вновь превратившись в младенца, он не смог бы ни слезть со стула, на котором сидел, ни даже надеть подгузник, слетевший с него при превращении в паука. Но ему не оставалось ничего другого, как сменить ипостась, потому что паук не мог ясно мыслить. Какие уж там дедукция и индукция. Паукам такого не требовалось.

Белый нарост на спине закрыл человеческие глаза, а черное тело под ним полыхнуло красным. Лапки втянулись в тело и исчезли. Нарост начал

расти, превращаясь в голову младенца, тело стало обретать человеческие очертания. Голубые глаза ребенка, глаза воина, глаза стрелка, сверкнули. Трансформация близилась к завершению, и он чувствовал, что сил у него по-прежнему много, спасибо крови и мясу ушастика-путаника, но немалая часть запасенной энергии уже растратилась (как пена опадает на кружке пива). И растратилась она не только на сам процесс превращения из одной ипостаси в другую. Мордред еще и рос с устрашающей скоростью. Такой рост требовал постоянного питания, а вот подходящей ему пищи на Экспериментальной станции Шестнадцатого квадрата дуги было чертовски мало. И в Федике, если уж на то пошло, тоже. Да, конечно, консервов, готовых блюд в вакуумной упаковке, напитков в банках и порошков для приготовления напитков хватало, то такие еда и питье ему не годились. Ему требовалось свежее мясо и, даже в большей степени, чем мясо, свежая кровь. Причем кровь животных могла поддерживать его лавинообразный рост лишь до определенной степени. Очень скоро ему потребовалась бы человеческая кровь, иначе его рост замедлился бы, а потом остановился. Пришла бы голодная боль, но боль эта, безжалостно буравящая внутренности, не смогла бы сравниться с душевной болью, которую он испытывал в тот момент, наблюдая за ними на различных экранах: все еще живыми, объединенными своей дружбой, единством цели.

Болью, которую вызывал один только его вид. Роланда из Гилеада.

Откуда, задавался вопросом Мордред, он так много знал? От своей матери? Частично — да, он почувствовал, как миллион мыслей и воспоминаний Миа (многие почерпнутые у Сюзанны) пронеслись сквозь него, когда он ее пожирал. Но знать, что именно так кормятся Праотцы, откуда взялись эти знания? Как он мог знать, что вампир-немец, напившись крови француза, мог говорить на французском неделю или десять дней, говорить так, будто французский — его родной язык, а потом эта способность, как и воспоминания жертвы, начинали уходить...

Откуда он мог такое знать?

Да какое это имело значение?

Теперь он наблюдал, как они спят. Мальчишка Джейк проснулся, но лишь на короткое время. Ранее Мордред наблюдал, как они едят: четверо дураков и ушастик-путаник, полные крови, полные энергии, обедали, сидя кружком. Они всегда садились кружком, даже на тропе, если останавливались отдохнуть на пять минут, садились кружком, не отдавая себе в этом отчета, создавали внутренний круг, оставляя остальной мир за его пределами. У Мордреда такого круга не было. Он только что вошел в этот мир, но уже понимал, что находится вне любого круга — его ка,

точно так же, как ка зимнего ветра — мотаться взад-вперед только по половине круга, от севера до востока, потом от востока через север до запада, и обратно. Он принимал такое положение дел, но все равно смотрел на них с ненавистью постороннего, зная, что может причинить им боль и месть его будет жестокой. В нем сходились два мира, предсказанное слияние Прим и Ам, гадоша и годоша, Гана и Гилеада. В некотором смысле он был, как Иисус Христос, только сути своей соответствовал даже больше, чем овечий бог-человек, ибо у овечьего бога-человека был только один настоящий отец, с гипотетических небес, и приемный, который жил на Земле. Бедный старичок Иосиф, которого обогатил сам Господь Бог.

С другой стороны, у Мордред Дискейна, были два настоящих отца. Одного из них он видел спящим на экране, который висел перед ним.

«Ты стар, отец», — думал он. И такие мысли приносили ему гаденькое наслаждение. Но при этом напоминали, ему, что он сам — маленький и жалкий, не больше... ну, не больше паука, который смотрит сверху вниз на людей из своей паутины. Мордред являл собой близнецов, и ему предстояло оставаться близнецами, пока не умер бы Роланд Эльдский и не развалился бы последний ка-тет. А как же тихий голос, который говорил ему: пойдди к Роланду, назови его отцом? Назвать Эдди и Джейка своими братьями, Сюзанну — сестрой? То был переполненный чувством вины голос матери. Да они убили бы его, прежде чем он успел бы произнести хоть одно слово (при условии, что дорос бы до той стадии человеческого развития, когда дети не только гукают). Они отрезали бы ему яйца и скормили ушастыку-путанику. Они похоронили бы его кастрированный труп, справили большую нужду на могиле и пошли дальше.

«Наконец — то ты состарился, отец, хромаешь при ходьбе, а на закате дня я видел, как ты потирал бедро рукой, которая начала чуть-чуть подрагивать».

Он может говорить себе, что у него два отца, и в этом, возможно, есть доля правды, но сейчас-то рядом с ним нет ни одного из них и нет матери. Он съел свою мать живьем, вы говорите правильно, съел ее практически без остатка, она стала его первой трапезой, но разве у него был выбор? Он — последнее чудо, сотворенное все еще стоящей Темной Башней, в которой соединилось рациональное и иррациональное, естественное и сверхъестественное, и однако, он здесь один, и он постоянно голоден. Судьба, возможно, уготовила ему роль правителя миров (а может, их сокрушителя), но пока ему удалось поставить под свое начало лишь одного старого робота, помощника по дому, который теперь шагнул на пустошь в конце тропы.

Он смотрит на спящего стрелка с любовью и ненавистью, его тянет к стрелку и стрелок ему противен. Но, допустим, он пошел бы к ним, и его бы не убили? Встретили бы с распростертыми объятьями? Нелепая идея, но почему не допустить такого, пусть даже теоретически? Но тогда ему придется поставить Роланда выше себя, признать своим дином, а вот на это он не пойдет никогда, никогда, никогда.

Глава 3. Сверкающая струна

1

— Ты наблюдал за ними, — мягкий, смеющийся голос. А потом последовали воркующие фразы, которые Роланд, возможно, слышал в далеком детстве. — «Монетка ли, камешек, как интересно. И надобно все рассмотреть непременно! Такой он, мой маленький милый бей-бо». Тебе понравилось то, что ты увидел перед тем, как уснул? Ты заметил, как они ушли вместе со сдвинувшимся миром?

Прошло, возможно, десять часов с того момента, как Найджел, помощник по дому, сослужил свою последнюю службу. Мордред, который крепко заснул, повернул голову на голос незнакомца, несколько не удивившись, полностью отдавая себе отчет, где он находится. Он увидел мужчину в синих джинсах и куртке с капюшоном, который стоял на серых плитках Центрального поста. Его амуниция, потрепанная сумка с одной лямкой, какие носят на плече, лежала на полу. Щеки пылали румянцем, лицо природа не обделила красотой, глаза сверкали. В руке незнакомец держал автоматический пистолет, и, глядя в черное отверстие на срезе ствола, Мордред Дискейн второй раз в своей короткой жизни осознал, что даже боги могут умереть, если их божественность разбавлена человеческой кровью. Но он не боялся. Этого человека не боялся. Посмотрел на мониторы, показывающие квартиру Найджела, и убедился в правоте незнакомца: они ушли.

Улыбающийся незнакомец, который словно выпрыгнул из пола, поднес свободную руку к капюшону и вывернул край наизнанку. Мордред увидел блеск металла. В подкладку капюшона вплели проволоку.

— Я называю это моей «думалкой», — пояснил незнакомец. — Я не могу слышать твои мысли, это недостаток, но и ты не можешь залезть мне в голову, а вот это...

(уже несомненное преимущество, ты согласен)

— ...уже несомненное преимущество, ты согласен?

На куртке Мордред заметил две нашивки. Одна — с надписью «Армия США» и головой птицы, орла, а не ух-ух. Вторая — с именем и фамилией: «РЭНДАЛЛ ФЛЕГГ». Мордред понял (опять же, его это не удивило), что умеет читать.

— Потому что, если в тебе есть что-то от отца, я про красного отца, тогда человеческие органы чувств — малая толика твоего арсенала, — мужчина в куртке засмеялся. Он не хотел, чтобы Мордред почувствовал его страх. А может, убедил себя, что не боится, что пришел сюда по своей воле. Может, и пришел. Для Мордреда это не имело ровно никакого значения. Не волновали его и мысли мужчины, касающиеся планов на будущее, которые толкались в голове и текли, как густой суп. Неужели мужчина верил, что «думалка» закрывала доступ к его мыслям? Мордред напрягся, заглянул глубже, и увидел: ответ положительный. Очень удобно.

— В любом случае, я уверен, что дополнительная защита никогда не помешает. Предусмотрительность — всегда самая мудрая политика. Как еще я мог пережить смерть Фарсона и падение Гилеада? Я не хочу, чтобы ты залез ко мне в голову и заставил спрыгнуть с крыши высокого здания, не так ли? Хотя зачем тебе это? Тебе нужен я или кто-то еще. Твой мешок с болтами отключился, а сам ты — всего лишь бей-бо, который не может надеть подгузник на свою засраную жопу.

Незнакомец, который на самом деле таковым не был, рассмеялся. Мордред сидел на стуле и наблюдал за ним. На щеке младенца розовело пятно: он спал, положив щечку на маленькую ручку.

— Я думаю, общаться мы сможем без проблем, продолжил мужчина, — если я буду говорить, а ты кивать, если соглашаешься, и мотать головой, если возражаешь. Стукни по стулу, если тебе будет что-то непонятно. Все просто. Ты согласен?

Слишком поздно. Выбор-то у писателя был, и Уолтер это прекрасно знал: он побывал в «Ле кас руа рюс» и видел это в магическом кристалле, которым все еще владел Красный Старикан (хотя теперь, тут сомнений у Уолтера не было, кристалл этот, всеми забытый, валялся в каком-нибудь дальнем углу замка). К лету 1997 года Кинг знал историю Волков, близнецов и летающих тарелок, которые назывались орисами. Но, как писатель, он решил, что эта книга — очень тяжелая работа. И вместо нее взялся за сборник взаимосвязанных рассказов, которую назвал «Сердца в Атлантиде», и даже теперь, в своем доме на Тэтлбек-лейн (где он ни разу не видел даже одного проходящего), писатель тратил остатки своей жизни на книгу о мире, любви и Вьетнаме. Не следовало, конечно, отрицать, что один из персонажей книги, которой предстояло стать последней из написанных Кингом, сыграл определенную роль в истории Темной Башни, но этот господин, старик, мозг которого обладал удивительными способностями, уже не мог произнести действительно важные слова. Писатель лишил его такой возможности. Прекрасно, не так ли?

В единственном мире, который влиял на судьбы всех остальных миров, истинном мире, где время никогда не обращается вспять и не бывает второго шанса (ты говоришь правильно) наступило 12 июня 1999 года. Писателю оставалось жить менее 200 часов.

Уолтер о'Дим знал, что до Темной Башни ему нужно добраться быстрее: время (как и обмен веществ неких пауков) в этом мире отличалось большей скоростью.

Скажем, за пять дней. Максимум, за пять с половиной. Именно такой отрезок времени был в его распоряжении, чтобы прийти к башне, неся в сумке отрезанную ступню Мордредра Дискайна, ту, что с родимым пятном... открыть дверь в нижнем ярусе... подняться по шепчущим ступеням... обойти сидящего взаперти Красного Короля...

Если бы он мог найти транспортное средство... Или нужную дверь...

Еще не поздно стать Всеобщим Богом?

Возможно, и нет. Так почему не попытаться?

Уолтер о'Дим долго странствовал по свету, под сотней разных имен, но Башня всегда оставалась его заветной целью. Как Роланд, он хотел подняться на нее и посмотреть, что живет на вершине. Если там что-то жило.

Он не принадлежал ни к одному из культов, группировок, религий или клик, которые возникали в смутные годы, после того, как зашаталась Башня, хотя вставал под их знамена, если его устраивало. На этот период пришла его служба Алому Королю, как и служба Джону Фарсону, Доброму Человеку, который свалил Гилеад, последний бастион цивилизации, волной крови и убийств. В этих убийствах была и лепта Уолтера, который, своей долгой жизнью, конечно же, отличался от простых смертных. Он стал свидетелем гибели, как он верил, последнего ка-тета Роланда на Иерихонском холме. Свидетелем? Тут он поскромничал, клянусь всеми богами и рыбами! Под именем Рудина Филаро он участвовал в этой битве, с разрисованным синим лицом, кричал и шел в атаку вместе с остальными вонючими варварами, и собственноручно сразил Катберта Оллгуда, послав стрелу точно в глаз. Но при этом он никогда не забывал про Башню. Возможно, именно из-за этого чертов стрелок (когда солнце завершило свой трудовой день, в живых остался только Роланд из Гилеада) смог удрать, спрятавшись на дне телеги, заваленной трупами и на рассвете выбравшись из погребального костра, до того, как его подожгли.

Он видел Роланда несколькими годами раньше, в Меджисе, и едва не покончил с ним там (правда, дело это он поручил Элдреду Джонасу, с

дрожащим голосом и длинными седыми волосами, и Джонас за неудачу поплатился жизнью). Король сказал ему тогда, что с Роландом они не покончили, что стрелок только приблизит конец и станет причиной обрушения того, что собирался спасти. Но Уолтер начал верить ему, лишь когда попал в пустыню Мохайн и обнаружил, что по его следу идет тот самый стрелок, постаревший за прошедшие годы. А полностью поверил после возвращения Миа, которая выполнила древнее и мрачное пророчество, дав жизнь сыну Алого Короля. Конечно же, теперь проку от Красного Старикана ему не было, но даже в тюрьме и безумный, он (оно) оставался опасным.

Но при этом, пока Роланд не составил ему пару, возможно, подвигнув на большее, чем уготовила ему судьба, Уолтер о'Дим мало чем отличался от странника, пережившего далекое прошлое, от наемника, который тешил свое честолюбие стремлением попасть в Темную Башню до того, как она рухнет. Не это ли, прежде всего, и привело Уолтера к Алому королю? Да, это. И не его вина, что великий король-паук свихнулся.

Неважно. Перед ним его сын, с той же отметиной на пятке, Уолтер видел ее в этот самый момент, и все вернулось на круги своя. Разумеется, от него требуется осторожность. Существо на стуле выглядело беспомощным, может, даже полагало себя беспомощным, но не стоило недооценивать его из-за внешнего сходства с человеческим дитем.

Уолтер убрал пистолет в карман (на мгновение, только на мгновение), и вытянул руки перед собой, пустые, ладонями вверх. Медленно, не отрывая глаз от Мордреда, опасаясь, что он может трансформироваться (Уолтер видел эту трансформацию, а также то, что случилось с матерью маленького чудовища), мужчина опустился на одно колено.

— Хайл, Мордред Дискейн, сын Роланда из Гилеада, который был, и Алого Короля, имя которого когда-то гремело от Крайнего мира до Внешнего. Хайл, сын двух отцов, ведущих свой род от Артура Эльдского, первого короля, взошедшего на престол после отхода Прима, и Хранителя Темной Башни.

На мгновение ничего не произошло. В Центральном посту царили тишина и запах сгоревшей электронной начинки Найджела.

Потом младенец разжал пухлые кулачки и поднял ручонки: «Встань, вассал, и подойди ко мне».

— В любом случае, тебе лучше всего не «светиться мыслями», — мужчина подошел ближе. — Они знают, что ты здесь, а Роланд божественно умен; триг-делах, вот кто он. Однажды он настиг меня, ты знаешь, и я подумал, что мне конец. Действительно подумал, — мужчина, который иногда называл себя Флеггом (под этим именем, на другом уровне Башни, он погубил целый мир), достал из сумки ореховое масло и крекеры. Спросил разрешения у своего нового дина, и ребенок, хотя ему самому ужасно хотелось есть, величественно кивнул. И теперь Уолтер сидел на полу, быстро ел, чувствуя себя в полной безопасности, благодаря думалке на голове, не подозревая, что под нее забрался незванный гость и тащит все подряд. Да, он мог полагать себя в безопасности. Пока продолжался грабеж, но вот потом...

Мордред поднял одну пухлую детскую ручонку и опустил, нарисовав в воздухе вопросительный знак.

— Как мне удалось ускользнуть? — спросил Уолтер. Что ж, в сложившихся обстоятельствах я поступил, как настоящий обманщик — сказал ему правду! Показал Башню, по крайней мере, несколько ее уровней. Увиденное потрясло Роланда, разум его раскрылся, я воспользовался приемчиком из арсенала стрелка, и загипнотизировал его. Мы находились в одной из временных капсул, которые иногда вырываются из башни, и мир двигался мимо нас, тогда как мы вели беседу среди костей, ага! Я принес еще костей, человеческих, и пока он спал, нарядил их в то, что осталось от моей одежды. Я мог бы убить его тогда, но что стало бы с Башней, если б убил? Что стало бы с тобой, если уж на то пошло? Ты бы никогда не родился. Так что, оставив его в живых и позволив извлечь троих, я спас твою жизнь еще до того, как тебя зачали, вот что я сделал. А потом я отправился к берегу моря, полагал, что заслужил право на короткий отдых, а? Роланд тоже добрался до моря, пошел в одну сторону и нашел три двери. Я пошел в другую, Мордред, дорогой мой, и вот я здесь!

Он засмеялся с набитым крекерами ртом, и крошки посыпались на подбородок и рубашку. Мордред улыбнулся, внутренне его перекосило от отвращения. Вот, значит, с кем должен работать, да? С дураком, который набивает рот крекерами, плюется крошками и настолько поглощен своими приключениями в прошлом, что даже не подозревает о грозящей ему опасности, понятия не имеет, что в его защитных рубежах пробита брешь? Клянусь всеми богами, он заслуживает смерти! Но прежде чем убить его, Мордред хотел решить два вопроса. Во-первых, узнать, где Роланд и его друзья. Во-вторых, поесть. Этот дурак мог поспособствовать и в первом, и во втором. Но почему все далось ему так легко? Наверное, потому, что

Уолтер тоже состарился. Отсюда и фатальная уверенность в себе, и тщеславие, не позволяющее этого осознать.

— Возможно, тебя интересует, почему я здесь, а не занимаюсь делами твоего отца, — продолжил Уолтер. — Интересует?

Мордред это нисколько не интересовало, но он, тем не менее, кивнул. В желудке урчало.

— По правде говоря, я пришел по его делам, — и Уолтер ослепительно улыбнулся (правда, улыбку подпортило ореховое масло, налипшее на зубах). Когда-то он наверняка знал, что любое утверждение, начинающееся словами «По правде говоря...» — заведомо лживо. Теперь — нет. Слишком старый, чтобы знать. Слишком тщеславный, чтобы знать. Слишком глупый, чтобы помнить. Но при этом, тем не менее, и осторожный. Он мог чувствовать силу ребенка. Ощутил, что кто-то проник к нему в голову? Копытятся в его голове? Конечно же, нет. Существо, которое скрывалось в облике младенца, он полагал могущественным, но не до такой же степени.

Уолтер наклонился вперед, сдвинул колени.

— Твой Красный отец... нездоров. По причине того, что он слишком долго жил рядом с Башней, и слишком много о ней думал, я в этом уверен. И то, что он начал, заканчивать придется тебе. Я пришел, чтобы помочь в этом.

Мордред кивнул, словно слова Уолтера порадовали его. Они и порадовали. Но как же хотелось есть.

— Ты, возможно, удивляешься, как я проник в это вроде защищенное со всех сторон помещение, — продолжил Уолтер. — По правде говоря, я помогал строить эту станцию, в далеком прошлом.

Опять эти вводные слова, очевидные, как подмигивание.

Пистолет он убрал в левый карман своей куртки. Теперь достал из правого какое-то устройство, размером с пачку сигарет, вытащил серебристую антенну, нажал на кнопку. Часть выложенного серой плиткой пола ушла вниз, открыв лестницу. Мордред кивнул. Уолтер, или Рэндалл Флегг, как он теперь себя называл, действительно появился из пола. Ловкий трюк, но, разумеется, он одно время был придворным чародеем Стивена, отца Роланда, тогда правившего Гилеадом, не так ли? Только звался тогда Мартеном. Человек со многими лицами и многими ловкими трюками, этот Уолтер о'Дим, но не такой умный, каким он себе казался. Даже наполовину не такой. Мордреду теперь оставалось узнать только одно: как выбрались отсюда Роланд и его друзья. И чтобы это узнать, он мог даже не рыться в голове Уолтера. Достаточно было пройти по его следу, в обратном направлении.

Но сначала...

Улыбка Уолтера поблекла.

— Вы что-то сказали, сир? — от неожиданности он перешел на вы. — Я подумал, что услышал ваш голос, у себя в голове.

Мордред покачал головой. А кто мог внушить большее доверие, чем младенец? Разве их лица — не критерий бесхитростности и невинности?

— Я возьму тебя с собой и пойду за ними, если ты не против, — уверенность вернулась у Уолтеру. — Какая из нас получится команда! Они направились в Девар-тои, чтобы освободить Разрушителей. Я уже пообещал встретиться с твоим отцом, твоим Белым отцом, и его ка-тетом, если они решатся продолжить свой путь, и это обещание я собираюсь выполнить. Потому что, и слушай меня хорошо, Мордред, стрелок Роланд противостоял мне на каждом повороте, и я этого больше не потерплю. Не потерплю! Ты меня слышишь? — в ярости он возвысил голос.

Мордред наивно кивнул, его красивые младенческие глазки широко раскрылись, то ли от страха, то ли от удивления, может, и от первого, и от второго. Конечно же, Уолтер о'Дим совсем уж низко пал в его глазах, и теперь вопрос стоял так: кончать с ним немедленно или чуть погодить? Мордреду ужасно хотелось есть, но он решил, что сможет еще немного потерпеть. Что-то в этом было завораживающее: наблюдать, как этот дурак с таким жаром забивает последние гвозди в собственный гроб.

Вновь Мордред нарисовал в воздухе знак вопроса.

И только тут последние остатки улыбки сползли с лица Уолтера.

— Чего я в действительности хочу? Ты спрашиваешь об этом?

Мордред кивнул: да.

— Дело совсем не в Темной Башне, если хочешь знать правду. В Роланде, который не выходит у меня из головы и сердца. Я хочу его смерти, — Уолтер говорил без тени улыбки, вынося окончательный приговор. — За то долгое и пыльное преследование; за те хлопоты, которые он мне причинил; и Красному Королю тоже... настоящему Королю, ты понимаешь. За упрямство, с каким он отказывался отступить от Башни, какие бы препятствия ни возникали у него на тропе. Но больше всего, за смерть его матери, которую я когда-то любил, — и, понизив голос. — Или, по крайней мере, с которой спал. Какую бы роль ни сыграли я и Риа с Кооса в этом деле, именно мальчик оборвал ее жизнь своими чертовыми револьверами. Он медленно соображал, но быстро двигал руками.

— Что же касается конца вселенной... я скажу так, пусть он наступит, раз к этому идет, во льду, огне, мраке. Что такого сделала мне вселенная, чтобы я заботился о ее благе? Я знаю только одно: Роланд из Гилеада жил

слишком долго, и я хочу, чтобы этот сукин сын лег в землю. Вместе с теми, кого он извлек.

В третий и последний раз Мордред нарисовал в воздухе вопросительный знак.

— Отсюда в девар-тои ведет только одна работающая дверь, молодой господин. Которую используют... или использовали Волки. Я думаю, они совершили свой последний набег, так я думаю. Роланд и его друзья прошли через нее, но это нормально, им найдется, чем себя занять, как только они окажутся на той стороне. Возможно, они даже найдут прием слишком горячим! Возможно, мы сможем разобраться с ними, пока все их внимание будут занимать только Разрушители, дети Родерика и охранники. Что ты на это скажешь?

Младенец кивнул, решительно, без малейшего колебания. Потом сунул пальцы в рот, пожевал их.

— Да, да, — Уолтер вновь заулыбался. — Конечно же, ты хочешь есть. Но я уверен, что, когда дело дойдет до обеда, мы сможем найти тебе что-нибудь получше крыс и только-только родившихся ушастиков-путаников. Не так ли?

Мордред кивнул. Он тоже в этом не сомневался.

— Мне сыграть заботливого папашу и понести тебя? — спросил Уолтер. — Тогда тебе не придется превращаться в паука. Бр-р! Должен сказать, в таком виде вряд ли кто тебя полюбит, наверное, ты никому даже не понравишься.

Мордред уже тянул к нему ручонки.

— Ты меня не обосрешь, не так ли? — небрежно спросил Уолтер, на полпути к стулу. Его рука скользнула в карман, и Мордред с легким уколом тревоги понял: этот хитрый мерзавец все-таки сумел кое-что скрыть: он уже понял, что от думалки проку никакого. И теперь решил пустить в ход пистолет.

Судя по всему, Мордред переоценил Уолтера, но, такова уж особенность юных, возможно, способствующая выживанию. Для малыша с широко раскрытыми глазами самые тривиальные трюки самого неловкого фокусника кажутся чудом. Уолтер слишком долго не осознавал, что в действительности происходит, но принадлежал к породе тех, кто умел выходить сухим из воды в самых критических ситуациях, поэтому, когда

осознание пришло, он уже не стал терять времени даром.

Есть такое выражение, слон в гостиной. Его используют для описания жизни с наркоманом, алкоголиком, драчуном. Люди со стороны в таких ситуациях иногда спрашивают: «Как вы могли столько лет допускать такое? Неужто вы не видели слона в гостиной?» Тому, кто живет более-менее нормально, трудно понять ответ, который ближе всего к истине: «К сожалению, но, когда я въехала, он там уже был; я подумала, что это часть обстановки». Вот тут для некоторых, я полагаю их счастливыми, наступает момент истины, когда внезапно они понимают разницу. И такой момент наступил для Уолтера. Конечно, поздно, но надежда еще оставалась.

«Ты не обосрешь меня, не так ли?» — такой он задал вопрос, но между словами обосрешь и меня разом осознал, что в доме незваный гость... и находится он там с самого начала. Не младенец, кстати; нескладный юноша, с покатым лбом, оспинами на коже и затуманенными любопытными глазами. Возможно, то была лучшая, самая правдивая визуализация Мордред Дискайна, какую мог представить себе Уолтер: подросток-взломщик, возможно, «взбодривший» себя каким-то чистящим продуктом в аэрозольной упаковке.

И юноша находился в доме все это время! Господи, как он мог этого не заметить? Взломщик даже не прятался! Торчал на самом виду, стоял, привалившись к стене, разинув рот, и все разглядывал.

Его планы взять Мордред с собой, использовать его, чтобы прикончить Роланда (если охранники девар-тои не успели бы прикончить его раньше, потом убить маленького говнюка, отрезать и взять с собой его бесценную левую ступню, рухнули в один миг. А в следующий уже появился новый план, наипростейший из всех. «Нельзя дать ему понять, что я все знаю. Один выстрел — это все, на что я могу пойти, и только потому, что должен. А потом я убегу. Если убью его, отлично. Если нет, возможно, он подохнет от голода до того...»

Вот тут Уолтер обнаружил, что его рука застыла. Четыре пальца уже сжали рукоятку пистолета в кармане куртки, но теперь превратились в камень. Пятый находился совсем рядом от спускового крючка, но тоже потерял способность двигаться. Его словно закатали в бетон. И в это же мгновение Уолтер впервые увидел сверкающую струну. Она появилась из беззубого, с розовыми деснами рта^[29] младенца, сидящего на стуле, протянулась через комнату, сверкая под лампами под потолком, обвила Уолтера на уровне груди, прижимая руки к бокам. Он понимал, что струны в действительности нет... но при этом она была. Он не мог шевельнуться.

Мордред не видел сверкающей струны, возможно, потому, что не читал романа «Корабельный холм»^[30]. Однако, ему представилась возможность обследовать разум Сюзанны, и то, что он видел теперь, удивительно напоминало «Доган» Сюзанны. Только вместо диска «ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ТЕМПЕРАТУРА» и тумблера «МАЛОЙ», перед ним появились средства контроля двигательных функций (этот тумблер он тут же перевел в положение «ОТКЛЮЧЕНО»), мышления и побуждения. Все устройство было, конечно, куда более сложным в сравнении с тем, что встретилось ему в голове детеныша ушастика-путаника, там пришлось иметь дело лишь с несколькими простенькими узелками, но управление труда не составило.

Единственная проблема заключалась в том, что он был младенцем.

Чертовым младенцем, который не мог слезть со стула.

А если он действительно хотел превратить ходящий деликатес в отбивные, следовало действовать быстро.

Уолтер о'Дим не состарился до такой степени, чтобы стать излишне доверчивым, теперь он понимал свою ошибку (недооценил маленького монстра, положился на то, что видел, а не на свои знания о нем), но избежал ловушки молодых: паники, парализующей волю.

«Если он хочет сделать что-то еще, а не только сидеть на стуле и смотреть на меня, ему придется трансформироваться. Как только начнется трансформация, его контроль надо мной ослабнет. И это будет мой шанс. Маленький, но единственный, который у меня остался».

И в этот самый момент Уолтер увидел, как яркий красный свет побежал по телу младенца, от макушки к пальцам на ногах. По мере его движения пухленькое розовое тельце бей-бо темнело и раздувалось, из боков полезли паучьи лапки. И одновременно сверкающая струна, которая вытягивалась изо рта младенца, исчезла, а вместе с ней удушающая петля, которая удерживала Уолтера на месте.

«Нет времени даже на единственный выстрел, сейчас нет. Беги. Беги от него. Это все, что ты можешь сделать. Не следовало тебе вообще приходить сюда. Ты позволил ненависти к стрелку ослепить себя, но,

возможно, еще не позд...»

Он повернулся к уходящей вниз лестнице с этими мыслями в голове, и уже собрался поставить ногу на первую ступеньку, когда сверкающая струна появилась вновь, но на этот раз обвила не грудь и руки, а шею, как гаррота. Хрипя, задыхаясь, выплевывая слюну, с вылезавшими из орбит глазами, Уолтер, шатаясь из стороны в сторону, развернулся на сто восемьдесят градусов. Натяжение струны чуть ослабло. И тут же он почувствовал, как что-то, вроде бы невидимая рука, скользнула у него по лбу и откинула с головы капюшон. Он всегда, если была такая возможность, носил одежду с капюшоном. В провинциях, лежащих к югу от Гарлана, его знали, как Уолтера Ходжи. Последнее слово имело два значения: тусклый и капюшон. Но этот капюшон, с проволочной сеткой (он взял его в некоем заброшенном доме в городке Френч-Лэндинг, штат Висконсин^[31]), ничем ему не помог, не так ли?

«Судя по всему, я дошел до конца тропы», — подумал Уолтер, увидев паука, спешащего к нему на семи лапках, раздутого, шустрого (более шустрого, чем младенец, ага, и в четыре тысячи раз более уродливого) с наростом, карикатурой на человеческую голову, выпирающим из волосатой спины. На брюшке паука Уолтер мог видеть красную отметину, в которую превратилось родимое пятно на пятке младенца. Теперь формой оно напоминало песочные часы. Примерно такие же отметины можно увидеть у самок паука «черная вдова». Вот тут Уолтер понял, что ему требовалась отметина именно такой формы, а убийство младенца с последующим отрезанием его ступни ничего бы не дало. Так что приход его в Центральный пост изначально не имел никакого смысла.

Паук поднялся на четырех задних лапках. Три передними оперся о джинсы Уолтера. Ткань под ними противно заскрипела. Глаза твари тараторили на него с тупым любопытством незваного гостя, которого он застал в своем «доме».

«О, да, боюсь, это конец тропы, — прогремело у него в голове. Словно включился мощный громкоговоритель. — Но ты намеревался точно также поступить со мной, не так ли?»

«Нет! Во всяком случае, не сразу...»

«Но ты собирался! „Не пытайся обмануть обманщика“, как сказала бы Сюзанна. Поэтому теперь я окажу тому, кого ты называешь моим Белым отцом, маленькую услугу. Ты, возможно, не был его самым опасным врагом, Уолтер Падик (как тебя звали, когда ты ступил на тропу, в далеком далеке), но ты был, признаю, самым давним. И теперь я уберу тебя с его дороги».

Уолтер не подозревал, что в нем еще теплилась смутная надежда на спасение, даже когда эта омерзительная тварь встала перед ним на задние лапки, жадно пожирая его выпученными глазами, пуская слюну, теплилась, пока он не услышал, впервые за тысячу лет, имя мальчика с фермы в Делайне, который откликнулся на имя Уолтер Падик. Уолтер, сын Сэма-мельника в баронстве Истард. Он убежал с фермы в тринадцать лет, годом позже его изнасиловал в задний проход другой бродяга, однако, он устоял перед искушением вернуться домой. Вместо этого пошел навстречу своей судьбе.

Уолтер Падик.

Услышав это имя, мужчина, который иногда называл себя Мартен, Ричард Фаннин, Рудин Филаро и Рэндалл Флегг (а также многими другими именами), потерял всякую надежду, кроме одной: умереть достойно.

«Я голодать, Мордред голодать, — вновь загредел в голове безжалостный голос, который вливался в него по сверкающей струне воли маленького короля. — Но я наемся, как следует, и начну с закуски. Думаю, с твоих глаз. Дай их мне».

Уолтер сопротивлялся изо всех сил, но куда там. Струна была слишком крепкой. Увидел, как его руки поднялись и нависли над лицом. Он увидел как пальцы согнулись в крюки. Отдернули веки, как шторы, а затем вонзились в плоть над глазными яблоками. Мог слышать звуки, которые издавали пальцы, раздирая связки и мышцы, поворачивавшие глазные яблоки, и зрительные нервы, передающие «картинки» в мозг. Низкие, чавкающие звуки, означающие для Уолтера конец зрячей эры. Яркие красные вспышки заполнили голову, а потом их сменила вечная тьма. В случае Уолтера вечность длилась недолго, но, если время субъективно (а большинство знает, что так оно и есть), то для него она растянулась невероятно.

«Дай их мне, я сказал! Хватит тянуть! Я голоден!»

«Теперь язык, пожалуйста».

Уолтер покорной рукой обхватил язык и потянул, но смог лишь надорвать его. Слишком он был скользкий. Он бы заплакал от муки и бессильной злобы, если бы кровоточащие глазницы, где только что находились глаза, могли вырабатывать слезы.

Он вновь потянулся к языку, но паук больше не хотел ждать.

«Наклонись! Высуни язык, как высунул бы, если б лизал киску своей подружки. Быстро, ради своего отца! Мордред голоден!»

Уолтер, по-прежнему полностью осознавая, что с ним происходит, попытался воспротивиться этому новому ужасу, но с тем же успехом, что и

прежде. Он наклонился, упираясь руками в колени, его кровоточащий язык высовывался из губ, покачиваясь на надорванных мышцах в глубине рта, которые еще удерживали его. Вновь Уолтер услышал поскребывание передних лапок Мордредра о материю своих джинсов. Волосатая пасть сомкнулась на языке Уолтера, пососала его, наслаждаясь, одну или две секунды, а потом выдернула сильным рывком. Уолтер, теперь не только ослепший, но и онемевший, горлом издал крик боли и повалился на спину, зажимая руками изуродованное лицо, начал кататься по полу.

Мордред впился в язык, оставшийся в его пасти. Брызнула кровь, которая временно заставила паука забыть обо всем. Уолтер повернувшись на бок, шарил рукой в поисках люка. Что-то внутри все еще кричало, мол, он не должен сдаваться, надо попытаться удрать от монстра, который пожирал его живьем.

Ощувив в пасти кровь, Мордред потерял всякий интерес к прелюдии. Теперь все его мысли слились в одну: жрать. Он прыгнул на Рэндалла Флегга, Уолтера о'Дима, Уолтера Патрика, слившихся воедино. Крики еще слышались, но недолго. А потом давний враг Роланда перестал существовать.

Это существо было квази-бессмертным (звучит так же глупо, как «самый уникальный») и только что наелось от пуза. Мордред сожрал так много, что первым у него возникло желание, сильное, но преодолимое, вырвать. Он взял его под контроль, как и второе желание, пожалуй, сильнее первого: трансформироваться в ребенка и поспать.

Если он намеревался найти дверь, о которой говорил Уолтер, сделать это следовало прямо сейчас, в той ипостаси, которая позволяла передвигаться с приличной скоростью, то есть оставаясь пауком. А потому, не удостоив и взглядом оставшийся позади иссушенный труп, Мордред проворно спрыгнул на верхнюю ступень лестницы и спустился по ней в коридор. Там сильно пахло щелочью, а сам коридор, похоже, просто вырубил в скальном основании пустыни.

И все знания Уолтера, по крайней мере, за полторы тысячи лет, пребывали в мозгу Мордредра.

След человека в черном привел к шахте лифта. В кабине паучья лапка нажала на кнопку «Вверх», ничего не изменилось, если не считать усталого гудения, которое донеслось сверху, да запаха горящей обувной кожи,

идущего из-за панели. По стенке паук поднялся к потолку, толчком задней лапки открыл технологический лючок, протиснулся на крышу кабины. Его не удивило, что пришлось протискиваться: он рос и рос.

Он поднимался по кабелю

(посмотрите, паучок ползет по водосточной трубе)

пока не добрался до двери, в которую, это ему подсказали органы чувств, вошел Уолтер, чтобы отправить кабину лифта в последний путь. Двадцать минут спустя (все еще переполненный энергией, которую дала ему эта чудесная кровь, галлоны крови), он подошел к тому месту, где след Уолтера разделился. Это могло поставить Мордред в тупик, во многом он по-прежнему оставался ребенком, но к одному из следов Уолтера присоединились запахи других, и Мордред пошел в этом направлении, теперь за Роландом и его ка-тетом, а не по следу чародея. Уолтер, должно быть, какое-то время следовал за ними, а потом отправился на поиски Мордред. Навстречу своей судьбе.

Еще через двадцать минут паук приблизился к двери, помеченной не словом, а знаком, значение которого он прекрасно понял:

Вопрос состоял лишь в одном: открыть ее немедленно или подождать. Детское нетерпение шумно требовало первого, взрослая рассудительность настаивало на втором. Он хорошо поел, и достаточно долгое время мог не думать о еде, особенно, если бы на какое-то время трансформировался в чела. Опять же, Роланд и его друзья могли все еще находиться по другую сторону двери. Допустим, находились бы, и, увидев его, выхватили оружие. Они были нечеловечески быстры, эти стрелки, и он мог погибнуть под их огнем.

Он мог подождать; не чувствовал никакой необходимости открывать дверь, за исключением детского стремления получить все и сейчас. Конечно же, ненависть не пылала в нем жарким костром, как в Уолтере. Им владела более сложная гамма чувств, в которой нашлось место грусти, одиночеству и, да, не оставалось ничего другого, как это признать, любви. Мордред полагал, что на какое-то время он может позволить себе насладиться этой меланхолией. По другую сторону двери еды будет предостаточно, он в этом не сомневался, так что он найдет, что съесть. И будет расти. И наблюдать. Наблюдать за отцом, сестрой-матерью, ка-братьями — Эдди и Джейком. Будет наблюдать, как они встают лагерем на ночь, зажигают огонь, садятся кружком. Будет наблюдать со своего места, которое всегда вне любого круга. Возможно, они почувствуют его

присутствие, и начнут настороженно оглядываться, гадая, кто же затаился во тьме.

Он подошел к двери, поднялся на задние лапки, передней вопросительно поскреб по ней. Жаль, что нет глазка. Возможно, он может открыть дверь и сейчас, не подвергая себя опасности. Что там говорил Уолтер? Ка-тет Роланда собирался освободить Разрушителей, кем бы они ни были (в голове Уолтера имелась и эта информация, но Мордред не стал вникать в суть).

«Им найдется, чем себя занять, как только они окажутся на той стороне. Возможно, они даже найдут прием слишком горячим!»

А если Роланда и его детей убили на той стороне? Если они попали в засаду? Мордред верил, что узнал бы об этом. В его голове их смерть отозвалась бы лучетрясением.

В любом случае, он мог подождать, прежде чем пробираться сквозь дверь с нарисованными на ней облаком и молнией. А когда он пройдет через дверь? Вот тогда он их и найдет. Подслушает их разговор. И будет наблюдать за ними, спящими и бодрствующими. И более всего наблюдать за тем, кого Уолтер называл его Белым отцом. Теперь его единственным реальным отцом, потому что Алый Король, если Уолтер прав, сошел с ума.

А пока...

«А пока я могу немного поспать».

Паук поднялся по стене большущий комнаты, с потолка которой свисало множество предметов, и сплел паутину. Но спать в нее улегся ребенок, голенький и на вид годовалый, головой вниз, высоко над хищниками, которые могли здесь охотиться.

Глава 4. Дверь в Тандерклев

1

Когда четверо странников проснулись (Роланд первым, ровно через шесть часов), они обнаружили горку бутербродов на накрытом скатертью подносе и банки с прохладительными напитками. А вот робот, помощник по дому, так и не появился.

— Ладно, достаточно, — решил Роланд, позвав Найджела в третий раз. — Он говорил нам, что его время на исходе. Похоже, пока мы спали, оно истекло.

— Он делал что-то такое, чего делать ему не хотелось, — заметил Джейк. Его лицо побледнело и опухло. От крепкого сна, поначалу подумал Роланд и тут же удивился собственной глупости. Мальчик оплакивал отца Каллагэна.

— Что делал? — спросил Эдди, закинул дорожный мешок на плечо, усадил Сюзанну на бедро. — Для кого? Почему?

— Не знаю, — ответил Джейк. — Он не хотел, чтобы я знал, а я полагал себя не вправе рыться в его голове. Я понимаю, он был всего лишь роботом, но с этим английским голосом и манерами я видел в нем нечто большее.

— Через такие вот угрызения совести тебе, возможно, нужно переступить, — сказал Роланд, как только мог, мягко.

— Как я тебе, сладенький? — весело спросила Сюзанна Эдди. — Тяжелая? Или мне следует спросить: «Сильно тебе недостает моего старого кресла на колесиках?» Не говоря уже про наплечную упряжь?

— Сюззи, упряжь эту ты возненавидела с первого взгляда, и мы оба это знаем.

— Я спрашиваю не об этом, и ты это знаешь.

Роланда всегда завораживала легкость, с которой Детта пробиралась в голос Сюзанны или, что иной раз даже пугало, проглядывала в ее лице. Сама Сюзанна, похоже, не подозревала об этих вторжениях, в отличие от ее мужа.

— Я готов нести тебя до края земли, — проворковал Эдди и поцеловал ее в кончик носа. — При условии, что ты не наберешь еще десять фунтов. Тогда я могу оставить тебя и поискать более миниатюрную даму.

Она двинула его в бок, не так уж и нежно, и повернулась к Роланду.

— Это чертовски большое место, как только мы спустимся вниз. Как мы собираемся искать дверь, которая ведет в Тандерклеп?

Роланд покачал головой. Он не знал.

— Как насчет тебя, приятель? — спросил Эдди Джейка. — Ты у нас силен в прикосновениях. Можно воспользоваться твоим даром, чтобы найти нужную нам дверь?

— Скорее всего, если знать, с чего начинать, но я не знаю.

Вот тут все трое повернулись к Роланду. Вернее, четверо, потому что даже проклятый богами ушастик-путаник и тот смотрел на него. Эдди мог бы отпустить какую-то шутку, которая сняла бы неловкость, которую создавал этот общий взгляд, и Роланд даже порылся в памяти в поисках такой шутки. Вроде бы насчет того, что слишком много взглядов портят пирог? Нет. В той поговорке, он слышал ее от Сюзанны, речь шла о повах и бульоне.

— Мы немного покружим, как делают ищейки, когда вдруг теряют запах, и посмотрим, что удастся найти, предложил он.

— Может, еще одно инвалидное кресло, — воскликнула Сюзанна. — Этот скверный белый мальчишка залапает всю мою непорочность.

Эдди ослепительно ей улыбнулся.

— Если бы это местечко звалось непорочностью, милая, там не было бы щели, которая делит его пополам.

2

В результате Ыш взял инициативу на себя и повел их, но лишь после того, как они вернулись на кухню. Люди бесцельно бродили по ней, что тревожило Джейка, когда Ыш вдруг залаял: «Эйк! Эйк — Эйк!»

Они собрались у приоткрытой двери с надписью «С-УРОВЕНЬ», у которой стоял ушастик. Он прошел по коридору несколько шагов, потом оглянулся, сверкая глазами. Увидев, что они не последовали за ним, разочарованно тьякнул.

— Что скажешь? — спросил Роланд Джейка. — Идти за ним?

— Да.

— Какой он поймал запах? — любопытствовал Эдди. — Ты знаешь?

— Может, что-то из «Догана», — ответил Джейк. — Настоящего, на другом берегу реки Уайе. Где Ыш и я подслушали разговор отца Бена Слайтмана и... вы знаете, работа.

— Джейк? — обеспокоился Эдди. — Эй, ты в порядке?

— Да, — кивнул Джейк, хотя ему стало как-то нехорошо: вспомнился крик отца Бенни. Энди, робот-посыльный, вероятно устав от брюзжания Слайтмана, на что-то надавил или что-то сжал в локте Слайтмана-старшего, и тот «завопил, как сова», так сказал бы Роланд, наверняка с нотками презрения в голосе. А вот Слайтману-младшему теперь ничего такого, разумеется, не грозило, и от осознания того, что этот мальчик, еще недавно такой веселый и полный жизни, теперь — холодный труп, заставило сына Элмера запнуться. Всем суждено умереть, это точно, но Джейк надеялся, когда придет его час, умереть с честью. Его к этому худо-бедно готовили. Дрожь вызывали мысли о замогильном времени. Начиавшимся после того, как он ляжет в землю и останется там лежать.

Запах Энди, холодным, но масляным и отчетливым, пропитался весь «Доган» на противоположном берегу Уайе, потому что он и Слайтман-старший побывали там много раз до того, как Роланд и его отряд устроили Волкам теплую встречу. Здесь запах был не совсем таким же, но близким. Это был единственный знакомый Ышу запах, вот он и хотел добраться до его источника.

— Момент. Момент, — воскликнул Эдди. — Кажется, я вижу то, что нам нужно.

Он посадил Сюзанну на пол, пересек кухню и вернулся, катя перед собой стол из нержавеющей стали, возможно, предназначенный для перевозки «горок» вымытых тарелок или другой, более крупной утвари.

— Поднимайся, не ругайся, на меня не обижайся, — Эдди подхватил Сюзанну и посадил на столик.

Она устроилась поудобнее, схватилась руками за края, но на лице читалось сомнение.

— А если нам встретится лестница? Что тогда, сладенький?

— Сладенький будет решать проблему, когда столкнется с ней, — он выкатил столик в коридор. Вперед, Ыш! Вперед, здоровяк!

— Ыш! Вьяк! — и ушастик-путаник затрусил по коридору, время от времени ловя запах, но особо не принюхиваясь. Запах, который он нашел, принадлежал Волкам. Час спустя они миновали большущие ангарные ворота с надписью «ЛОШАДИ», а потом след привел их к другим воротам, на которых они прочитали: «ЗОНА СОСРЕДОТОЧЕНИЯ» и «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». (Часть пути за ними следовал Уолтер О'Дим, но никто из них, даже Джейк, с его способностью улавливать мысли других, не имели об этом ни малейшего понятия. От мальчика спрятанная под капюшоном думалка защищала прекрасно. Как

только Уолтер понял, куда ведет их ушастик-путаник, он развернулся и отправился к Мордреду. Как выяснилось, допустил ошибку. В утешение можно сказать только одно: он уже не смог совершить новую).

Бш сел перед закрытой дверью, которая вращалась в обе стороны, как в мультфильме, завертел хвостом и залаял: «Эйк, отк — отк! Отк, Эйк!»

— Да, да, — ответил Эдди, — одну минуту. Не торопись.

— «Зона сосредоточения», — прочитал Эдди. — Вселяет надежду, однако.

Они по-прежнему везли Сюзанну на столе из нержавеющей стали. Одну попавшуюся им лестницу, довольно короткую, преодолели без проблем. Сюзанна спустилась на пятой точке, как спускалась всегда, а Роланд и Эдди позади несли столик. Джейк шел между женщиной и мужчинами, с поднятым револьвером Эдди, длинный ствол упирался в ложбинку под левой ключицей, такое положение называлось «на страже».

Теперь уже Роланд вытащил револьвер из кобуры. Упер ствол в ложбинку под правой ключицей и толкнул ворота. Вошел в образовавшийся зазор на полусогнутых ногах, готовый упасть вправо или влево или отпрыгнуть назад, если б того потребовала ситуация.

Ситуация не потребовала. Если бы первым ворота миновал Эдди, он бы подумал (хотя бы на мгновение), что его атакует стая летающих Волков или летающих обезьян из «Волшебника Оза». Роланд, однако, не страдал богатым воображением, поэтому, несмотря на то, что многие из флуоресцентных ламп-труб под потолком огромного, амбароподобного помещения перегорели, не потратил зря ни секунды времени, ни капли адреналина, не ошибся и сразу правильно идентифицировал подвешенные к потолку предметы: сломанные роботы-всадники, ожидающие ремонта.

— Заходите, — позвал он, и слова, эхом отразившись от стен и потолка, вернулись к нему. Где-то высоко, в тенях, захлопали крылья. Ласточки, а может, амбарные расти, каким-то образом сумели проникнуть в помещение снаружи. — Думаю, все хорошо.

Они вошли и остановились, задрав головы в молчаливом восторге. Только на четвероного друга Джейка увиденное не произвело впечатления. Воспользовавшись паузой, Бш справил малую нужду, сначала слева от ворот, потом справа. Наконец, Сюзанна, сидевшая на столике, подала голос: «Вот что я вам скажу. Я много чего видела, но такого — никогда».

Остальные — тоже. Огромное помещение заполняли подвешенные к потолку Волки. Некоторые в зеленых капюшонах и плащах доктора Дума, другие — поблескивая стальным корпусом. Безголовые Волки, безрукие, без одной ноги, а то и без двух. Их серые металлические лица ухмылялись

или перекашивались от злобы, в зависимости от того, как падал на них свет. На полу валялись зеленые плащи и перчатки. Примерно в сорока ярдах от ворот (длина всего помещения составляла никак не меньше двухсот ярдов) они увидели единственную, серую лошадь. Она лежала на спине, вытянув ноги к потолку. Голова куда-то подевалась, из шеи торчали перепутанные провода в желтой, зеленой и красной изоляции.

Они медленно пошли вслед за Ёшем, который, не оглядываясь по сторонам, по-деловому пересекал ангар. Звук катящегося стола, очень громкий, отдавался от потолка и возвращался зловещим громоханием. Сюзанна все смотрела вверх. Поначалу, и только потому, что лампы остались считанные, хотя раньше помещение купалось в ярком свете, она подумала, что Волков держит в воздухе какое-то антигравитационное устройство. Потом, когда они оказались там, где работающих ламп было больше, она поняла, что Волки подвешены на тросах.

— Должно быть, их здесь ремонтировали, — сказала она. Пока оставались те, кто мог это сделать.

— А вон там, думаю, они заряжали аккумуляторы, — Эдди указал на дальнюю стену, вдоль которой тянулись кабинки. В некоторых застыли Волки. Другие пустовали, так что они увидели розетки.

Джейк вдруг расхохотался.

— Что? — спросила Сюзанна. — Что смешного?

— Ничего, — ответил Джейк. Просто... — и вновь мрачный ангар огласил громкий, звенящий юный смех. — Они так похожи на пассажиров электричек на Пенн-стейшн, выстроившихся у телефонов-автоматов, чтобы позвонить домой или на работу.

Эдди и Сюзанна с мгновение обдумывали его слова, потом расхохотались. Вот Роланд и подумал, что Джейк, должно быть, попал в самую точку. После того, что им пришлось пережить, его это не удивляло. А что обрадовало, так это смех мальчика. То, что Джейк оплакивал отца Каллагэна, это нормально, бывший священник был его другом, но как хорошо, что он по-прежнему мог смеяться.

Очень хорошо.

Дверь, которую они искали, находилась слева от зарядных станций. Они все узнали рисунок с облаком и молнией, который однажды видели на записке с подписью «Р.Ф.», оставленной им на обратной стороне газеты

«Оз дейли базз», но сама дверь отличалась от тех, с которыми они сталкивались ранее: если не считать нарисованного облака с вырывающейся из него молнией, создателей двери определенно не заботила красота своего творения. Да, ее выкрасили зеленой краской, но сталь не обшили железным деревом или деревом призраков. Дверную коробку, выкрашенную в серый цвет, также изготовили из стали, и к ней с двух сторон подходили заизолированные кабели высокого напряжения. Вторые концы этих кабелей ныряли в одну из стен. Из-за этой стены доносилось глухое гроыхание, которое показалось Эдди знакомым.

— Роланд, — прошептал он. — Помнишь портал Луча, к которому мы вышли, в самом начале пути? Еще до того, как Джейк присоединился к нашей веселой компании?

Роланд кивнул.

— Где мы отстреляли Маленьких стражей. Свиту Шардика. Тех, что еще двигались.

— Да, да, — согласился Эдди. — Я приложил ухо к двери и прислушался. «Все умолкает в чертогах мертвых, — подумал я. — Вот владение мертвых, где паутину плетут пауки и светочи гаснут один за другим».

Тогда он произнес эти слова вслух, но Роланда не удивило, что он этого не помнил: Эдди находился в состоянии транса.

— Тогда мы находились снаружи, — продолжил Эдди. Теперь мы внутри, — он указал на дверь в Тандерклеп, затем провел пальцем по одному из толстых кабелей. Техника, которая питает энергией эту штуковину, если судить по звукам, на последнем издыхании. Если мы собираемся воспользоваться этой дверью, думаю, сделать это нужно незамедлительно. Она в любой момент может отключиться навсегда, и что тогда?

— Придется чем-нибудь закинуться, — мечтательно ответила Сюзанна.

— Я так не думаю. Мы застрянем... как ты это называешь, Роланд?

— Застрянем в горячей печи. Это «палаты, в руинах лежащие». Ты тогда сказал и такое. Помнишь?

— Я так сказал? Вслух?

— Ага, — Роланд повел их к двери. Протянул руку, коснулся ручки, отвел руку.

— Горячая? — спросил Джейк. Роланд покачал головой.

— Под током? — спросила Сюзанна. То же движение головой.

— Тогда вперед, — сказал Эдди. — Все вместе.

Они сгрудились за спиной Роланда. Эдди вновь посадил Сюзанну на бедро, Джейк поднял Ыша на руки. Ушастик-путаник тяжело дышал, скаля зубы в привычной веселой улыбке, глаза в золотых ободках блестели, как полированный оникс.

— Что мы будем делать... — «если она заперта» — вот как хотел закончить фразу Джейк, но не успел: Роланд повернул рукоятку правой рукой (в левой по-прежнему держал револьвер) и толкнул, открывая дверь. За стеной техника взвыла, будто в отчаянии. Джейк подумал, что до него донесся запах чего-то горячего, возможно, загоревшейся изоляции. Он уже убеждал себя, что не нужно представлять себе то, чего нет, когда над головой включились вентиляторы. Громкостью они не уступали взлетающему истребителю из фильма о Второй мировой войне, и они все аж подпрыгнули. Сюзанна, та просто прикрыла голову рукой, чтобы защититься от падающих предметов.

— Пошли, — рявкнул Роланд. — Быстро, — и перешагнул через порог, не оглядываясь. На короткое мгновение, когда он находился на границе миров, его словно разрезало надвое. А за стрелком Джейк увидел огромное, полутемное помещение, размером значительно превосходящее «Зону сосредоточения». И серебристые, пересекающиеся линии, которые выглядели, как световые лучи.

— Давай, Джейк, — сказала Сюзанна. — Ты следующий. Джейк набрал полную грудь воздуха и шагнул в дверь.

Его не потянуло в нее, как случилось в Пещере голосов, он не услышал звяканья колокольцев. Не было ощущений ухода в Прыжок, ни на мгновение. Вместо этого Джейк почувствовал, как гигантская сила выворачивает его наизнанку, испытал жуткий приступ рвоты. Он наклонился вперед, ноги подогнулись. Мгновением позже он уже плюхнулся на колени. Ыш выскользнул из его рук, но Джейк этого даже не заметил. Начал блевать. Рвало и Роланда, который стоял на четвереньках рядом с ним. Издалека доносились какие-то звуки, вроде бы звенел звонок: динь — динь — динь — динь, что-то грозно вещал усиленный динамиками голос.

Джейк повернул голову, хотел сказать Роланду, что понимает, почему они посылали через эту чертову дверь всадников-роботов, но его вырвало вновь. Остатки съеденного после сна выплеснулись на потрескавшийся бетон.

И тут же послышался отчаянный крик Сюзанны: «Нет! Нет! — а потом. — Эдди, опусти меня на землю до того, как я...» — и слова заглушила поднявшаяся из желудка рвотная масса. Эдди успел опустить

жену на землю, прежде чем присоединился к хору блевунов.

Ыш упал на бок, хрипло гавкнул, потом поднялся на лапы. Чувствовалось, он не понимает, что с ним, потерял ориентировку... но, возможно, Джейк приписывал ушастыку-путанику свои ощущения.

Тошнота начала чуть отступать, когда Джейк услышал звуки приближающихся шагов. К ним спешили трое мужчин. Все в джинсах, синих рубашках из «шамбре» и в какой-то странной, похоже, самодельной обуви. Один из них, пожилой, с копной спутанных седых волос, чуть опережал остальных. Все трое бежали с поднятыми руками.

— Стрелки! — крикнул седовласый. — Вы — стрелки? Если так, не стреляйте! Мы на вашей стороне!

Роланд, похоже, в таком состоянии он никого не мог застрелить («Впрочем, на себе я такую проверку проводить бы не стал», — подумал Джейк), попытался встать, и ему это практически удалось, но в следующее мгновение он опустился на одно колено, и его вновь вырвало. Седовласый схватил стрелка за руку и бесцеремонно поставил на ноги.

— Тошнота — это ужасно, и никто не знает этого лучше, чем я. К счастью, она быстро проходит. Вы должны немедленно идти с нами. Я знаю, как вам сейчас плохо, но в кабинете ки'-дама звенит сигнал тревоги и...

Он замолчал. Его глаза, такие же голубые, как у Роланда, раскрывались все шире. Даже в сумраке Джейк увидел, как побледнел старик. Спутники догнали его, но он этого не замечал. Потому что устался на Джейка Чеймберза.

— Бобби? — не сказал — прошептал. — Господи, Бобби Гарфилд^[32]?

Глава 5. Стик-тете

1

Спутники седоволосого мужчины, гораздо моложе его (одному, на взгляд Джейка, не исполнилось и двадцати), едва не теряли голову от страха. Они боялись, что их подстрелят, поэтому приближались с поднятыми руками, но и чего-то: теперь они не могли не понимать, что стрелки их не убьют.

Седовласый дернулся, возвращаясь в реальный мир.

— Разумеется, ты не Бобби, — пробормотал он. — Во-первых, волосы не того цвета... и...

— Тед, мы должны выметаться отсюда, — по голосу самого младшего, чувствовалось, что времени у них в обрез. — Я хочу сказать, *inmediatamente*^[33].

— Да, — кивнул седовласый, но его взгляд не отрывался от Джейка. Он прикрыл глаза рукой (как показалось Эдди, жестом экстрасенса, собравшегося прочесть, что написано на листке в запечатанном конверте), опустил ее. — Да, конечно, — посмотрел на Роланда. — Вы — дин? Роланд из Гилеада? Роланд Эльдский?

— Да, я... — начал Роланд, тут же согнулся пополам, и его опять вырвало. На этот раз только брызгами слюны. Свою порцию супа и сэндвичей Найджела он уже отдал. Потом в приветствии поднес чуть дрожащий кулак ко лбу.

— Да. Только я тебя не знаю, сэй.

— Это неважно, — ответил седовласый. — Вы пойдете с нами? Вы и ваш ка-тет?

— Будь уверен, — ответил Роланд.

За его спиной, Эдди снова сложило пополам, вырвало остатками еды.

— Бог побери! — прохрипел он. — И я думал, что поездка на «грейхаунде» — это ужасно. Да в сравнении с этой дверью автобус... автобус...

— Каюта первого класса на «Королеве Марии» — едва слышно закончила фразу Сюзанна.

— Пойдемте... скорее! — вновь поторопил их самый младший. — Если Горностаи уже едет сюда со своими тахинами, они придут через

пять минут. А этот кот умеет царапаться.

— Да, — согласился с ним седовласый. — Мы действительно должны идти, мистер Дискейн.

— Показывай дорогу, — ответил Роланд. — Мы последуем за вами.

2

Они попали не на железнодорожную станцию, а в колоссальный крытый сортировочный узел. Серебристые линии, которые увидел Джейк сквозь дверь, на самом деле были пересечениями железнодорожных путей, которых насчитывалось никак не меньше семидесяти. На некоторых из них двигались взад-вперед приземистые локомотивы-автоматы, выполняя заложенную сотни лет тому назад программу. Один толкал перед собой платформу, на которой лежали ржавые рельсы. Второй вдруг начал громко кричать механическим голосом: «Камка-А, вас ждут у погрузочной платформы 9. Камка-А, пожалуйста, подъезжайте к погрузочной платформе 9».

Подпрыгивания на бедре Эдди привели к тому, что Сюзанне вновь захотелось блевануть, но желание поскорее убраться подальше от двери передалось ей от седовласого, как простуда. Опять же, теперь она знала, кто такие тахины: отвратительные существа с телом человека и головой птицы или зверя. Они напоминали ей тварей с картины Босха «Сад радостей земных».

— Меня, возможно, сейчас начнет рвать, сладенький, сказала она. — Если начнет, не вздумай сбавить шаг.

Эдди что-то проворчал, и Сюзанна решила, что получила положительный ответ. Видела пот, струящийся по белой коже, и жалела Эдди. Его ведь мутило точно так же, как и ее. Теперь она знала, каково пользоваться созданным наукой устройством для телепортации, которое более не могло работать, как часы. Задалась вопросом, а смогла бы она заставить себя шагнуть в такую «дверь» вторично.

Джейк посмотрел вверх и увидел крышу, состоящую из миллиона панелей различного размера и формы. Она напоминала мозаику, все элементы которой выкрасили в темно-серый цвет. Потом птица влетела в одну из панелей, и он понял, что это не плитки, а стекло, причем многие панели разбиты. А темно-серый — цвет окружающего мира в Тандерклепе. «Как при постоянном затмении», подумал он, и по телу пробежала дрожь. Рядом с ним Ёш остановился, прокашлялся и побежал дальше, тряся

головой.

Они миновали груды какой-то техники, возможно, генераторов, вошли в лабиринт беспорядочно стоящих вагонов, которые сильно отличались от тех, что тащил за собой Блейн Моно. Некоторые напомнили Сюзанне вагоны пригородных поездов, которые она видела на Гранд-сентрал-стейшн в Нью-Йорке в своем 1964 году. И в подтверждении своих мыслей ей попался на глаза вагон с надписью «РЕСТОРАН» на борту. Однако, были и другие, вроде бы куда более древние, обитые приклепанными листами жести или стали, безо всякого хрома, они выглядели, как вагоны из фильмов-вестернов или телесериалов вроде «Маверика». Около одного из таких вагонов стоял робот, из шеи которого во все стороны торчали провода. Под одной из рук держал голову, в шляпе с надписью на круглой бляхе: «КОНДУКТОР 1-ГО КЛАССА».

Поначалу Сюзанна пыталась считать левые и правые повороты, которые они делали в этом лабиринте, потом махнула рукой. А вскоре они вынырнули из лабиринта вагонов в пятидесяти ярдах от обшитога досками домика с надписью на двери «ПОГРУЗКА/ПОТЕРЯННЫЙ БАГАЖ». От вагонов домик отделяла полоса треснувшего бетона, заставленная багажными тележками и сваленными в кучи ящиками. Тут же лежали два сломанных Волка. «Нет, поправила себя Сюзанна, — не два, а три». Третий, в глубокой тени, привалился к стене домика «ПОГРУЗКА/ПОТЕРЯННЫЙ БАГАЖ».

— Пойдемте, — махнул рукой седовласый, — уже недалеко. Но нам надо спешить. Если тахины из Дома разбитых сердец схватят нас, они вас убьют.

— Нас они тоже убьют, — вставил самый младший. Откинул волосы с глаз. — Всех, кроме Теда. Тед — единственный, кто незаменим. Он слишком скромный, чтобы так и сказать.

За домиком «ПОГРУЗКА/ПОТЕРЯННЫЙ БАГАЖ» стоял другой, с надписью на двери (и Сюзанне это показалось вполне логичным) «ТРАНСПОРТНАЯ КОНТОРА». Седоволосый попытался открыть дверь. Заперта. Его это нисколько не расстроило, скорее обрадовало. «Динки?»^[34] — позвал он.

Динки, самый младший из троицы, взялся за ручку. Сюзанна услышала, как в двери что-то щелкнуло. Динки отступил на шаг. На этот

раз Тед открыл дверь без труда. Они вошли в темное помещение, разделенное пополам высокой стойкой. На ней стояла табличка, вызвавшая у Сюзанны чувство тоски по дому: «ПОЛУЧИТЕ НОМЕР И ЖДИТЕ».

Как только дверь за ними закрылась, Динки вновь ухватился за ручку. И опять раздался щелчок.

— Ты только что запер дверь, — в голосе Джейка слышалось осуждение, но он улыбался, а на щеках вновь затеплился румянец. — Запер?

— Не сейчас, пожалуйста, — попросил седовласый, Тед. — Нет времени. Пожалуйста, следуйте за мной.

Он открыл калитку в стойке и повел их за собой. За стойкой они увидели двух застывших роботов и три скелета.

— Почему мы все время натываемся на кости? — спросил Эдди. Как и Джейк, чувствовал он себя заметно лучше и всего лишь размышлял вслух, не ожидая ответа. Но получил его. От Теда.

— Вы слышали об Алом Короле, молодой человек? Слышали, разумеется, слышали. Насколько мне известно, однажды он накрыл эту часть мира облаком ядовитого газа. Скорее всего, забавы ради. Темнота, которую вы видите — остаточный эффект. Он, конечно же, безумен. И это — немалая часть проблемы. Сюда.

Мимо двери с надписью «ТУАЛЕТ», он провел их в комнату, которая, скорее всего, служила кабинетом какой-нибудь большой шишке в мире погрузки и транспорта. На пыльном полу Сюзанна увидела следы, указывающие на то, что недавно здесь кто-то побывал. Возможно, эта самая троица. Помимо стола, на котором скопился слой пыли в добрых шесть дюймов, в кабинете стояли два стула и диван. Окно находилось позади стола. Когда-то его закрывали жалюзи, но они давно уже свалились на пол, и глазам странников открылся вид, одновременно ужасный и завораживающий. Местность за станцией «Тандерклеп» напоминала плоскую, пустынную территорию на другом берегу реки Уайе, там, где находился «Доган», но только более скалистую и, соответственно, труднопроходимую.

Разумеется, здесь было гораздо темнее.

Железнодорожные пути (на некоторых навечно застыли поезда) радиально расходились от станции, словно стальная паутина. Над ними темно-темно-серое небо висело так низко, что, казалось, его можно потрогать. От земли небо отделял слой густого воздуха. Сюзанне приходилось щуриться, чтобы что-то в нем разглядеть, хотя не было ни тумана, ни смога.

— Динки, — позвал седовласый.

— Да, Тед.

— И что твоими стараниями найдет наш друг Горноста́й?

— Робота-ремонтника. Все будет выглядеть так, словно он случайно открыл дверь из Федика, поднял тревогу, а потом сгорел на путях в дальнем конце сортировочного узла. Некоторые еще очень горячие. Там все время гибнут птицы, сгорают заживо, но даже большая расти слишком мала, чтобы поднять тревогу. А вот робот может... Я уверен, он на это купится. Горноста́й, конечно, не дурак, но все будет выглядеть очень правдоподобно.

— Хорошо. Это очень хорошо. Посмотрите, стрелки, Тед указал на высокую скалу-шпиль на горизонте. Сюзанна разглядела ее без труда: в постоянно сумеречной стране горизонт находился очень близко. Ничего особенного отметить не смогла. Скала, как скала, с начисто лишенными растительности отвесными склонами. — Это Кан Стик-тете.

— Маленькая игла, — вставил Роланд.

— Прекрасный перевод. Туда мы и направляемся.

У Сюзанны упало сердце. Эта скала, вернее, холм с крутыми склонами, выпирающий из равнины, находился в восьми или десяти милях. Во всяком случае, на пределе видимости. Она не верила, что Эдди, Роланд и двое парней помоложе, которые сопровождали Теда, смогут так далеко ее унести. Да и потом, они же не знали, можно ли доверять этой троице?

«С другой стороны, — подумала она, — разве у нас есть выбор?»

— Нести вас не придется, — повернулся к ней Тед, — но Стенли не откажется от вашей помощи. Мы возьмемся за руки, как в спиритическом сеансе. Я хочу, чтобы вы все визуализировали эту скалу, когда мы отправимся туда. И постоянно думайте о ее названии: Стик-тете, Маленькая игла.

— Вау, вау, — вырвалось у Эдди. Они уже подошли к очередной двери, за которой находился стенной шкаф. Там висели металлические плечики и древний красный блейзер. Эдди схватил Теда за плечо, развернул к себе лицом. Отправимся как? Отправимся куда? Потому что, если эта такая же дверь, как та...

Тед смотрел на Эдди снизу вверх, ему приходилось так смотреть, потому что Эдди был выше ростом, и Сюзанна увидела нечто удивительное и пугающее: глаза Теда, похоже, тряслись в глазницах. Но чуть позже она поняла, в чем дело: зрачки сокращались и расширялись с невероятной частотой. Словно он никак не мог решить, темно в комнате или светло.

— Мы пройдем туда не через дверь, во всяком случае, эта — не из тех дверей, которые вам знакомы. Вы должны довериться мне, молодой

человек. Прислушайтесь.

Все замолчали, и Сюзанна услышала шум приближающихся моторов.

— Это Горноста́й, — сказал им Тед. — С ним тахины, может, четверо, может, и полдюжины. Если они заметят нас, Динк и Стенли практически наверняка умрут. Им нет нужды ловить нас, достаточно только заметить. Ради вас мы рискуем жизнью. Это не игра, поэтому я прошу вас прекратить задавать вопросы и следовать за мной!

— Мы последуем, — ответил Роланд. — И будем думать о Маленькой игле.

— Стик-тете, — согласилась Сюзанна.

— Тошнить вас не будет, — вставил Динки. — Обещаю.

— Слава Богу, — вырвалось у Джейка.

— Сла-гу, — подтвердил Ыш.

Стенли, третий член группы Теда по-прежнему не произнес ни единого слова.

4

Это был всего лишь стенной шкаф, стенной шкаф в кабинете, узкий и пыльный. К нагрудному карману древнего красного блейзера крепилась бляха «НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОЙ КОНТОРЫ». Первым в шкаф вошел Стенли, уперся в глухую заднюю стену. Позвякивали металлические вешалки. Джейк смотрел под ноги, чтобы не наступить на Ыша. Он всегда был склонен к клаустрофобии, и теперь начал чувствовать, как пухлые пальцы паники ласкают шею, то слева, то справа. Рисы мягко постукивали в плетеной сумке. Семь человек и ушастик-путаник в одном стенном шкафу заброшенного кабинета? Бред какой-то. Он слышал приближающийся шум двигателей. Поисковая партия, которую возглавлял Горноста́й.

— Беремся за руки, — прошептал Тед. — Сосредотачиваемся.

— Стик-тете, — повторила Сюзанна, и на этот раз Джейк уловил сомнение в ее голосе.

— Маленькая иг... — начал Эдди и замолк. Глухая стена в глубине шкафа исчезла. На ее месте возникла маленькая ровная площадка с грудой валунов по одну сторону и крутым, лишенным растительности склоном — по другую. Джейк, пожалуй, согласился бы поставить на то, что перед ним склон Стик-тете: и если это выход из замкнутого пространства, увиденное могло его только порадовать.

Стенли застонал, от боли и напряжения. Он стоял с закрытыми глазами, из-под век сочились слезы.

— Давай, — сказал Тед. — Веди нас, Стенли, — а для остальных добавил. — И помогайте ему, если можете! Помогайте ему, ради ваших отцов!

Джейк попытался сосредоточиться на скале, увиденной через окно и двинулся вперед, держась за руку Роланда, который находился впереди, и Сюзанны, за спиной. Почувствовал, как разгоряченную, потную кожу обдало холодным воздухом, и вышел на склон Стик-тете в Тандерклепе, на мгновение вспомнив мистера К.С. Льюиса и чудесный гардероб, через который читатель мог попасть в Нарнию.

Из стенного шкафа они вышли не в Нарнию.

На склоне холма было холодно, и Джейк вскоре начал дрожать. Оглянувшись, не увидел портала, через который они прошли. В тусклом воздухе стоял какой-то резкий, не особо приятный запах, словно неподалеку разлили керосин. Из маленькой пещеры на склоне, размером не больше стенного шкафа, Тед принес одеяла и флягу с водой, в которой чувствовался резкий привкус щелочи. Джейк и Роланд завернулись каждый в одно одеяло. Эдди взял два и укутал себя и Сюзанну. Джейк, стараясь не дать зубам начать выбивать чечетку (чувствовал, что остановить их уже не удастся), завидовал этой парочке, которая согревала друг друга.

Динк тоже завернулся в одеяло, а вот Тед и Стенли холода, похоже, не чувствовали.

— Посмотрите вниз, — предложил Тед Роланду и остальным. Он указывал на стальную паутину рельсов. Джейк увидел стеклянную крышу сортировочного узла, примыкающего к зданию с зеленой крышей, длиной никак не меньше полумили. Рельсы уходили во всех направлениях. «Станция „Тандерклеп“, — размеры станции произвели на него впечатление. — Где Волки сажали в поезд похищенных детей и везли по Тропе Луча в Федик. И откуда отсылали обратно в Калью уже рунтами».

Даже после всех приключений, выпавших на его долю, Джейку с трудом верилось, что двумя минутами раньше они находились внизу, в шести или восьми милях от Маленькой иглы. Он подозревал, что они все внесли свою лепту, чтобы держать портал открытым, но создал его лишь один из них — Стенли. И теперь он побледнел и выглядел очень усталым,

словно совершенно вымотался. Однажды даже покачнулся, и Динк (по мнению Джейка, очень неудачное тому дали прозвище) схватил его за руку и помог удержаться на ногах. Стенли вроде бы и не заметил. Смотрел на Роланда с благоговейным трепетом.

«Это не просто благоговение, — думал Джейк, — и не совсем страх. Что-то еще. Но что?»

К станции приближались две моторизированные повозки на больших надувных шинах — вездеходы. Джейк предположил, что это Горностаи (кем бы он ни был) и его тахины.

— Как вы уже поняли, — продолжил Тед, — в кабинете главного надзирателя Девар-тои зазвенел сигнал тревоги. В кабинете ректора, если хотите. Так происходит всегда, если кто-то пользуется дверью между зоной сосредоточения и станцией...

— Я уверен, что вы называете его не старший надзиратель и не ректор, — сухо оборвал Теда Роланд, — а ки'-дам.

Динки рассмеялся.

— В этом вы не ошиблись.

— Что означает ки'-дам? — спросил Джейк, хотя, в принципе, уже догадывался, каким будет ответ. В Калье говорили: ума палата, сердца палата, ки'палата. Выражение это охватывало, спускаясь сверху вниз, мышление, эмоции и низшие функции человека. Другими словами, животные, физиологические. Синонимом ки'палаты являлась говна палата, если кому-то хотелось выразиться грубо.

Тед пожал плечами.

— Ки'-дам означает говно-вместо-мозгов. Так Динки прозвал сэя Прентисса, ректора Девар-тетте. Но ты это уже знал, не так ли?

— В общих чертах, — признал Джейк.

Тед ответил долгим взглядом, и когда Джейк проанализировал этот взгляд, он смог более точно определить, как Стенли смотрел на Роланда: без страха, но как зачарованный. Джейк не сомневался, что взгляд Теда во многом обусловлен его внешним сходством с кем-то по имени Бобби, и он точно знал, что Теду известно о его способности читать мысли других. Но в чем причина зачарованности Стенли? Или он все выдумал. И Стенли так смотрел на Роланда только потому, что не ожидал увидеть настоящего живого стрелка.

Тед резко повернулся от Джейка к Роланду.

— А теперь посмотрите сюда.

— Вау! — воскликнул Эдди. — Что за черт?

А видели они единственный мощный, великолепный столб солнечного

света, падающий вниз сквозь дыру в прижимающихся к земле облаках. Столб этот прорезал необычно темный воздух, как луч прожектора и освещал поселение, которое располагалось примерно в шести милях от станции «Тандерклеп». «Примерно в шести милях» — это все, что можно было сказать о местоположении поселения, потому что здесь не было ни севера, ни юга, во всяком случае, в привычном всем понимании. Тут речь могла идти только о Тропе Луча.

— Динки, наш бинокль в...

— Нижней пещере, да?

— Нет. Я принес его в верхнюю, когда мы приходили сюда в последний раз, — он говорил медленно и размеренно. — Он лежит на ящиках у самого входа. Сходи за ним, пожалуйста.

Эдди пропустил этот разговор мимо ушей. Не мог оторвать глаз от единственного столба яркого солнечного света, падающего на веселенький, зеленый участок земли, который неведомо как оказался в этой темной и голой пустыне... он подумал, что, должно быть, именно так воспринимали Центральный парк туристы со Среднего Запада, впервые приехавшие в Нью-Йорк.

Эдди видел здания, которые выглядели, как университетские, и очень красивые, общежития. Другие больше напоминали старинные особняки, и с широкими зелеными лужайками перед ними. Дальнюю сторону освещенной зоны занимала улица с магазинами по обе стороны. Идеальная маленькая Главная улица Америки, за исключением одного: и начало, и конец упирались в темную скалистую пустыню. Видел четыре каменные башни, стены которых увивал зеленый плющ. Нет, шесть. Две практически полностью прятались в тени старых вязов. Это же надо, вязы в пустыне!

Динк вернулся с биноклем, предложил его Роланду, но тот покачал головой.

— Не обижайся на него, — Эдди повернулся к Динки. — У него глаза... да, скажем так, это больше, чем глаза. А вот я не прочь воспользоваться биноклем.

— Я тоже, — поддакнула Сюзанна. Эдди протянул бинокль ей.

— Дама имеет право.

— Да нет, я...

— Прекратите, — Тед чуть ли не рявкнул. — Времени у нас в обрез, наши риски огромны. Не укорачивайте первое и не увеличивайте второе, пожалуйста.

«Нет, — холодно подумала Сюзанна, — некоторые знают. Вот почему эти трое пришли нас встречать».

— Это Девар-тои, — в ровном голосе Роланда не слышалось вопросительных интонаций.

— Да, — кивнул Динки. — Наш добрый знакомец Девар-тои, — он встал рядом с Роландом и указал на большое белое здание рядом с общежитиями. — Видите тот белый дом? Это Дом разбитых сердец, где живут кан-тои. Тед называет их «низшими людьми». Они — помесь людей и тахинов. И для них это не Девар-тои, а Алгул Съенто, что означает...

— «Синие небеса», — закончил Роланд, и Джейк сразу понял, откуда такое название: крыши всех домов, кроме башен были синими. Не Нарния, а «Синие небеса». Где местный народ приближал конец мира.

Всех миров.

6

— Кажется, лучшего места для жизни не найти, во всяком случае, после крушения Внутреннего мира, заметил Тед. — Не так ли?

— Миленькое местечко, все так, — согласился Эдди. У него возникло, как минимум, тысяча вопросов, и он полагал, что Сюзи с Джейком могли на пару задать еще тысячу, да только времени на вопросы не было. В любом случае, он продолжал смотреть на лежащий внизу чудесный стоакровый участок^[35]. Единственное зеленое пятно во всем Тандерклепе. Единственное красивое место. И почему нет? Только лучшее для наших дорогих Разрушителей.

И, тем не менее, один вопрос таки соскользнул с его губ.

— Тед, а почему Алый Король хочет свалить Башню? Вы знаете?

Тед коротко глянул на него. Эдди оценил этот взгляд как холодный, может, даже и ледяной, но внезапно седовласый улыбнулся. А когда он улыбался, вспыхивало все его лицо. Опять же, зрачки переставали быстро-быстро сужаться и расширяться, что могло только радовать.

— Он безумен, — ответил Тед. — Крыша у него съехала полностью. Ездит на знаменитом резиновом велосипеде. Разве я вам этого не говорил? — а потом продолжил, не ожидая ответа Эдди. — Да, действительно красиво. Как бы вы это место не называли, Девар-тои, Большая тюрьма, или Алгул Съенто, выглядит оно потрясающе. И не только выглядит.

— Все удобства, — согласился Динки. Даже Стенли смотрел на залитый солнцем городом с таким видом, словно его туда тянуло.

— Еда — лучше не бывает, — Тед начал описывать достоинства Алгул

Сьенто. — Дважды в неделю — два новых фильма в кинотеатре «Жемчужина». Если не хочешь идти в кино, можно посмотреть фильмы на ди-ви-ди.

— Это еще что? — спросил Эдди. Тут же покачал головой. — Неважно. Продолжайте.

Тед пожал плечами, как бы спрашивая: «А что еще вы хотите знать?»

— Абсолютно астральный секс, прежде всего, — подал голос Динки. — Конечно, симуляция, но все равно невероятно. Я трахнулся с Мэрилин Монро, Мадонной и Николь Кидман на одной неделе, — в голосе слышалась гордость. — Мог поиметь их всех сразу, если бы захотел. То, что они нереальные, можно понять, если дышать прямо на них, с близкого расстояния. Когда ты это делаешь, часть, на которую ты дуешь... как бы исчезает. Это нервирует.

— Выпивка? Наркота? — спросил Эдди.

— Выпивка в ограниченных количествах, — ответил Эдди. — Если вас интересует инология, на каждом приеме пищи вас будут ждать новые чудеса.

— Что такое инология?

— Наука о винах, сладенький, — ответила Сюзанна.

Если до прибытия в «Синие небеса» вы были наркоманом, вас отучают от этой дурной привычки, продолжил Динки. — По-доброму. Один или двое парней упирались... — на мгновение он встретился взглядом с Тедом. Тот пожал плечами и кивнул. — Они исчезли.

— Так уж вышло, что новые Разрушители «низшим людям» не нужны, — сказал Тед. — Тех, что есть, вполне достаточно для завершения работы.

— Сколько их? — спросил Роланд.

— Примерно три сотни, — ответил Динки.

— Если точно, то триста семь, — поправил его Тед. — Мы живем в пяти общежитиях, хотя это слово принижает уровень наших жилищных условий. У каждого из нас отдельные апартаменты и с другими Разрушителями мы можем общаться в силу нашего желания, часто или редко.

— И вы знаете, что делаете? — спросила Сюзанна.

— Да. Хотя многие об этом не думают.

— Я не понимаю, почему они не бунтуют.

— Из какого вы когда, мэм? — спросил Динки.

— Какого...? — тут она поняла. — 1964 год. Он вздохнул и покачал головой.

— Значит, вы ничего не знаете о Джиме Джонсе и Народном храме. Если б знали, не пришлось бы долго объяснять. Почти тысяча людей совершили самоубийство в религиозном поселении, которое этот человек-Иисус из Сан-Франциско организовал в Гайане. Они пили отравленный «кулэйд»^[36] из большого котла, а он наблюдал за ними с крыльца своего дома и в рупор рассказывал им истории о своей матери.

Сюзанна в ужасе смотрела на него, отказываясь верить своим ушам, а Тед с трудом сдерживал нетерпение. Однако, должно быть, полагал этот разговор важным, поэтому хранил молчание.

— Почти тысяча, — повторил Динки. — Потому что они, в голове у них царил сумбур, они были очень одинокими и думали, что Джим Джонс — их друг. Потому что, подумайте об этом, им было некуда и не к чему возвращаться. И здесь та же ситуация. Если бы Разрушители объединились, они стали бы ментальным молотом, удар который вышиб бы Прентисса, Горностая, тахинов и кан-тои в другую галактику. Вместо этого нас всего лишь трое, я, Стенли и любимый всеми суперразрушитель, несравненный мистер Теодор Бротигэн из Милфорда, штат Коннектикут, выпускник Гарварда 1920 г., член Драматического общества, Дебатного клуба, издатель «Кримсона» и — разумеется! — фи-бета-креппер!^[37]

— Можем ли мы вам доверять? — вопрос Роланда прозвучал обманчиво праздным, заданным вроде бы для того, чтобы заполнить паузу.

— Вы должны, — ответил Тед. — Ничего другого вам не остается. Так же, как и нам.

— Будь мы на их стороне, — вмешался Динки, — неужели нам пришлось бы носить вот эти мокасины, сделанные из резиновых гребаных покрышек? В «Синих небесах» можно получить все, за исключением элементарных вещей. Вещей, которые обычно не кажутся незаменимыми, но которые... в общем, труднее держать порох сухим, когда тебе нечего носить, кроме этих шлепанцев «Алгул Съенто», скажем так.

— Я все равно не могу в это поверить, — Джейк покачал головой. — Я про то, что столько людей заняты разрушением Лучей. Вы не обижайтесь, но...

Динки повернулся к нему, кулаки сжались, лицо исказилось в яростной улыбке. Ыш тут же занял место перед Джейком, зарывав, обнажив многочисленные зубы. Динки то ли этого не заметил, то ли не обратил внимания.

— Да? А знаешь, что я тебе скажу, малыш? Я обижаюсь. Я чертовски обижаюсь. Ты знаешь, какого это, всю жизнь быть отщепенцем, жертвой

всех шуток, Кэрри на гребаном балу?

— Кем? — переспросил в недоумении Эдди, но Динки уже понесло, так что вопрос остался без ответа.

— Там если парни, которые не могут ходить или говорить. У одной девчонки нет рук. Некоторые гидроцефалы, то есть головы у них, как гребаный Нью-Джерси, — руками он показал размеры такой головы, отставив их на два фута от собственной с каждой из сторон. Они решили, что это преувеличение. Потом выяснилось, что нет. — Бедный старина Стенли — один из тех, кто не умеет говорить.

Роланд глянул на Стенли, его бледное, небритое лицо, курчавые темные волосы. И почти что улыбнулся.

— Я думаю, он может говорить, — возразил он и тут же добавил. — Ты носишь имя своего отца, Стенли? Я уверен, что носишь.

Стенли опустил голову, на щеках затеплился румянец, однако, он улыбался. И при этом заплакал. «Да что здесь, черт побери, происходит?» — подумал Эдди.

Тед определенно задался тем же вопросом.

— Сэй Дискейн, если не возражаете, позвольте спросить...

— Нет, нет, извини, — оборвал его Роланд. — Времени у вас в обрез, ты так сказал и мы это чувствуем.

— Разрушители знают, чем их кормят? Что им дают, чтобы увеличить их возможности?

Тед сел на валун, посмотрел вниз, на сверкающую стальную паутину.

— Это как-то связано с детьми, которых привозят на станцию, не так ли?

— Да.

— Они не знают, и я не знаю, — Тед внезапно осип. — Это правда. Нам каждый день дают десятки таблеток. Утром, днем, вечером. Какие-то — витамины. Другие помогают держать нас в узде. Мне повезло в том, что я могу выводить эти вещества из моего организма... и Динки может... и Стенли. Только... чтобы это сработало, стрелок, чтобы удалось вывести эти вещества, нужно этого захотеть. Вы понимаете?

Роланд кивнул.

— Я давно уже думал, что они также должны давать нам какой-то... ну, не знаю... стимулятор мозговой деятельности... но, когда таблеток так много, невозможно сказать, какие именно являются этим стимулятором. Которая превращает нас в людоедов, или в вампиров, или в тех и других, — он помолчал, глядя на этот невероятный солнечный столб. Вытянул руки в стороны. Динки взялся за одну, Стенли — за другую.

— Посмотрите, — сказал Динки. — Это любопытно.

Тед закрыл глаза. Его примеру последовали Динки и Стенли. Через мгновение странники видели только трех мужчин, которые поверх темной пустыни смотрели на солнечный столб Сесилия Б. Де Милля... и Роланд знал, что они смотрели. Даже с закрытыми глазами.

Солнечный столб мигнул и погас. На десяток секунд Девар-тои стала такой же темной, как и окружающая пустыня, и станция «Тандерклеп», и склоны Стик-тете. Потом абсурдное золотое сияние вернулось. Динки тяжело выдохнул (но не без удовлетворенности) и отступил на шаг, разорвав контакт с Тедом. И тут же Тед отпустил руку Стенли и повернулся к Роланду.

— Это сделали вы? — спросил стрелок.

— Мы втроем, — ответил Тед. — Но, в основном, Стенли. Он — исключительно сильный излучатель. Если Прентисс, «низшие люди» и тахины чего и боятся, так это потери этого искусственного света. Такое случается все чаще, знаете ли, не из-за нашего воздействия на технику. Она сама... — он пожал плечами. — Выходит из строя.

— Как и все, — вставил Эдди.

Тед посмотрел на него, без тени улыбки.

— Но не так быстро, как хотелось бы, мистер Дин. Разрушение двух оставшихся Лучей нужно прекратить, и очень быстро, иначе будет поздно. Динки, Стенли и я поможем вам, сделаем все, что в наших силах, даже если придется убить их всех.

— Конечно, — Динки сухо улыбнулся. — Если преподобный Джонс смог это сделать, почему не сможем мы?

Тед бросил на него осуждающий взгляд, вновь повернулся к ка-тету Роланда.

— Возможно, до этого не дойдет. Но, если придется... — он внезапно поднялся, схватил Роланда за руку. — Мы — людоеды? — спросил он хриплым, скрипучим голосом. — Мы поедали детей, которых Зеленые плащи привозили из Пограничья?

Роланд молчал.

Тед посмотрел на Эдди.

— Я хочу знать. — Эдди не ответил.

— Мадам-сэй, — теперь Тед смотрел на женщину, которая оседлала бедро Эдди. — Мы готовы помочь вам. Почему вы не хотите помочь мне, ответив на мой вопрос?

— Разве знание что-нибудь изменит? — спросила Сюзанна.

Тед еще несколько мгновений не отрывал от нее глаз, потом

повернулся к Джейку.

— Ты действительно мог быть близнецом моего юного друга. Ты это знаешь, сынок?

— Нет, но меня это не удивляет. Почему-то именно так и устроен мир. Все... э... сходится.

— Ты скажешь мне то, что я хочу знать? Бобби бы сказал.

«Чтобы ты смог съесть себя живьем? — подумал Джейк. — Съесть себя, вместо них?»

Он покачал головой.

— Я — не Бобби. Каким бы похожим на него я вам не казался.

Тед вздохнул, кивнул.

— Вы все заодно, и почему меня это должно удивлять? Вы, в конце концов, ка-тет.

— Нам пора, — обратился к нему Динк. — Мы и так пробыли здесь слишком долго. Дело не в проверке. Мы со Стенли сможем подстроить их гребаную телеметрию так, чтобы Прентисс и Горноста́й, проверяя ее, скажут: «Тедди Би все время находился у себя. Как Динки Эрншоу и Стенли Руис, с этими парнями никаких проблем.

— Да, — согласился Тед. — Полагаю, ты прав. Еще пять минут?

Динки с неохотой кивнул. Ветром до них донесло слабый вой сирены, и молодой человек радостно улыбнулся.

— Они так расстраиваются, когда солнце отключается. Когда им приходится видеть то, что действительно вокруг них, один из сценариев ядерной зимы.

Тед сунул руки в карманы, уставился себе под ноги, потом вскинул глаза на Роланда.

— Пришла пора... пришла пора положить конец этой гротескной комедии. Мы трое вернемся сюда завтра, если все будет хорошо. А пока... в сорока футах по склону есть пещера побольше. На той стороне, что не видна ни со станции «Тандерклеп», ни из Алгул Съенто. Там есть еда, спальные мешки, газовая плитка. Работает на пропане. Карта Алгула, очень грубая. Я также оставил вам магнитофон и несколько кассет. Из них вы узнаете, возможно, не все, что вас интересует, но они многое объяснят. А пока учтите, что «Синие небеса» не такие благодатные, какими кажутся на первый взгляд. Все поселение окружено тройным барьером. Если вы попытаетесь выбраться наружу, первый заслон разве что уколёт вас...

— Как колючая проволока, — вставил Динки.

— На втором вы получите разряд, который сшибет вас с ног, — продолжил Тед. — А третий...

— Думаю, мы поняли, — кивнула Сюзанна.

— А что вы можете сказать насчет детей Родерика? — спросил Роланд. — Они имеют какое-то отношение к Девар-тои. По пути сюда мы встретили одного, который и сказал нам об этом.

Сюзанна, посмотрела на Эдди, ее брови удивленно поднялись. Эдди ответил взглядом: «Расскажу позже». Для людей, которые любят друг друга, в таких ситуациях слова и не требовались.

— Эти придурки, — в голосе Динки, однако, слышалось сочувствие. — Они... как их называли в старых фильмах? Кажется, доверенные лица. У них маленькая деревенька примерно в двух милях за станцией, — указал он. Они выполняют в Алгуле всю черную работу, а трое или четверо, самых умелых, могут ремонтировать крыши. Менять черепицу и все такое. Уж не знаю, какая отравка в здешнем воздухе, но эти бедолаги очень к ней чувствительны. И вместо прыщей и экземы у них на коже появляются язвы, как при лучевой болезни.

— Расскажите мне о них, — Эдди вспомнил несчастного Чевина из Чайвена, с язвами на лице, пятном свежей мочи на одежде.

— Странствующий народ, — подал голос Тед. — Бедуины. Думаю, они, в основном, ходят вдоль железнодорожных путей. Под станцией и Алгул Съенто есть катакомбы. Роды легко в них ориентируются. Там хранятся тонны продуктов, и дважды в неделю Роды привозят их в Девар-тои на телегах. Эти продукты мы, в основном, и едим. Они, конечно, съедобные, но...

— Внизу тоже все рушится, — мрачно добавил Динки. Но, как и говорит Тед, вино отличное.

— Если я попрошу привести сюда завтра одного из детей Родерика, вы сможете это сделать? — спросил Роланд.

Тед и Динки удивленно переглянулись. Потом оба посмотрели на Стенли. Тот кивнул, пожал плечами и вытянул руки перед собой, ладонями вниз: «Зачем, стрелок?»

Роланд какое-то время постоял, глубоко задумавшись. Потом посмотрел на Теда.

— Приведи того, у которого в голове осталась половина мозгов. Скажешь ему: «Дун сур, дан тур, дан Роланд, дан Гилеад». Повтори.

Тед повторил, без запинки. Роланд кивнул.

— Если он будет колебаться, скажи, что ему велит прийти Чевин из Чайвена. Они могут говорить, не так ли?

— Конечно, — кивнул Динки. — Но, мистер... вы не можете позволить Роду прийти сюда, увидеть вас, а потом спокойно уйти. Они

слишком болтливы. На их молчание рассчитывать бесполезно.

— Приведите одного, а там посмотрим. У меня, как говорит мой ка-
мей, Эдди, предчувствие. Вы понимаете, о чем я?

Тед и Динки кивнули.

— Если все получится, отлично. Если нет... будьте уверены, парень,
которого вы сюда приведете, никому не расскажет о том, что он здесь
увидел.

— Вы его убьете, если ваше предчувствие не сработает? — спросил
Тед.

Роланд кивнул. Тед с горечью рассмеялся.

— Разумеется, убьете. Мне вдруг вспомнилась сцена из «Гекльберри
Финна». Гек видит взрыв на колесном пароходе, бежит к мисс Уотсон и
вдове Дуглас с новостями, а когда одна из них спрашивает, не погиб ли кто,
Гек отвечает с присущим ему апломбом: «Нет, мэм, только один ниггер». В
нашем случае мы можем сказать: «Только один Род. У стрелка было
предчувствие, но оно не оправдалось».

Роланд холодно улыбнулся ему, продемонстрировав, однако, массу
зубов. Эдди уже видел такую улыбку, и только порадовался, что обращена
она не к нему.

— Я думал, ты знаешь, каковы ставки, сэй Тед. Или я ошибался?

Тед с мгновение выдерживал этот взгляд, потом опустил глаза. Его
губы беззвучно двигались.

В это же время Динки о чем-то молча совещался со Стенли.

— Если вам нужен Род, мы его приведем, — сказал он. — Это ерунда.
Проблема в том, чтобы вообще вернуться сюда. Если мы не сможем...

Стрелок терпеливо ждал завершения фразы. Но молодой человек
молчал, и Роланд спросил: «Если вам это не удастся, что тогда делать нам?»

Тед пожал плечами. С такой точностью скопировал Динки, что в
другой ситуации Эдди, скорее всего рассмеялся бы.

— Все, что сможете. В нижней пещере есть оружие. С десяток
электрических гранат, их называют снитчами. Несколько автоматов, или,
как говорят «низшие люди», скорострелов. «АР-15», из арсенала армии
США. Насчет остального мы не уверены.

— Там есть какое-то лучевое ружье, как в фантастических фильмах.
Думаю, оно должно превращать цель в пыль. Но, то ли я слишком глуп,
чтобы задействовать его, то ли села батарея, — он озабоченно посмотрел
на седовласого. — Пять минут истекли, и даже больше. Нам пора
сваливать, Тедстер. И побыстрее.

— Да. Мы вернемся завтра. Возможно, к тому времени у вас будет

план.

— А у вас плана нет? — удивился Эдди.

— У меня был план — бежать. Тогда мне казалось, что это блестящая идея. Я и убежал в весну 1960 года. Они поймали меня и привезли назад, не без помощи матери моего юного друга Бобби. А теперь мы действительно должны...

— Еще минуту, если тебя это не затруднит, — и Роланд шагнул к Стенли. Тот смотрел себе под ноги, но его щеки вновь зарделись. И...

«Он дрожит, — подумала Сюзанна. — Дрожит, как зверь в лесу, который впервые встретился с человеком».

Стенли выглядел лет на тридцать пять, но мог быть и старше. Кожа его отличалась гладкостью, которую Сюзанна приписала определенным умственным дефектам. В отличие от Теда и Динки, прыщей у него на лице не было. Роланд сжал его руки в своих и пристально смотрел на него. Но поначалу глаза стрелка видели только темные, курчавые волосы на склоненной голове Стенли.

Динки хотел что-то сказать, но Тед взмахом руки остановил его.

— Ты не посмотришь мне в глаза? — спросил Роланд. С мягкостью, которую Сюзанна в его голосе слышала крайне редко. — Не посмотришь, перед тем, как уйти, Стенли, сын Стенли? Или Шими?

Сюзанна почувствовала, как у нее отпала челюсть. Рядом с ней Эдди крикнул, как человек, которому врезали под дых. Она подумала: «Но Роланд стар... так стар! И если это тот самый служка из таверны, которого он знал в Меджисе... с ослом и в розовом сомбреро... тогда он тоже...»

Мужчина медленно поднял голову. Из глаз ручьем текли слезы.

— Добрый старина Уилл Диаборн, — хриплый голос уходил то на высокие, то на низкие частоты, как бывает, если голосовые связки долго бездействовали. — Мне так жаль, сэй. Если ты достанешь револьвер и убьешь меня, я пойму. Я все пойму.

— Почему ты так говоришь, Шими? — все также мягко спросил Роланд.

Поток слез усилился.

— Ты спас мою жизнь. Артур и Ричард тоже, но в основном ты, добрый старина Уилл Диаборн, который на самом деле был Роландом из Гилеада. Я позволил ей умереть! Той, которую ты любил! И я тоже любил ее!

Лицо мужчины перекосило от душевной боли. Он попытался вырваться, но Роланд его не отпустил.

— Твоей вины в этом нет, Шими.

— Я должен был умереть за нее! — воскликнул он. Умереть на ее месте! Я глуп! Дурак, как они говорили! — он ударил себя по лицу, по одной щеке, потом по другой, оставив красные отметины. Но, прежде чем он нанес третий удар, Роланд перехватил его руку и опустил вниз.

— Во всем виновата Риа, — сказал Роланд.

Стенли, который в другом мире был Шими, вскинул глаза на Роланда, встретился с ним взглядом.

— Ага, — Роланд кивнул. — Та, с Кооса, и я, не меньше. Мне следовало остаться с ней. Если на ком совсем нет вины, так это на тебе, Шими... Стенли.

— Ты так говоришь, стрелок? Действительно, говоришь? Роланд кивнул.

— Мы об этом еще поговорим, если будет время, и о тех давних днях, но не сейчас. Сейчас на это времени нет. Ты должен идти со своими друзьями, а я останусь с моими.

Шими еще раз всмотрелся в глаза Роланда, и да, Сюзанна увидела мальчишку, который в стародавние времена кружил по таверне «Приют путников», собирал пустые стаканы, складывал их в бочку для мытья, которая стояла под чучелом лося с двумя головами, известного, как «Сорви-Голова», избегая шлепков Корал Торин и куда более крепких пинков Красотули, стареющей шлюхи. Она видела, как юношу едва не убили за то, что он расплескал «верблюжьей мочу» на сапоги крутого парня, которого звали Рой Дипейп. В тот вечер от смерти Шими спас Катберт... но именно Роланд, которого местные жители знали, как Уилл Диаборн, спас их всех.

Шими обнял Роланда за шею, тесно прижался к нему. Роланд улыбнулся и погладил курчавые волосы изувеченной правой рукой. Из груди Шими вырвалось долгое, громкое рыдание. И Сюзанна увидела слезы в уголках глаз стрелка.

— Да, — говорил Роланд едва слышно, — я всегда знал, что ты — особенный. Берт и Алан тоже знали. И здесь мы нашли друг друга, хорошо встретились дальше на тропе. Мы хорошо встретились, Шими, сын Стенли. Хорошо. Хорошо.

Глава 6. Ректор «Синих небес»

1

Пимли Прентисс, ректор Алгул Съенто, находился в ванной, когда Финли (известный в определенных кругах, как Горноста́й), постучал в дверь. Прентисс изучал цвет лица под не знающим пощады светом флуоресцентной трубки над раковиной. В увеличивающем зеркале кожа его выглядела сероватой, покрытой кратерами равниной, не так уж отличающейся от бесплодных земель, которые окружали Алгул со всех сторон. Прыщ, который он изучал в данный момент, выглядел, как близкий к извержению вулкан.

— Кто там по мою душу? — рявкнул Прентисс, хотя и догадывался, кто стучит в дверь.

— Финли из Тего.

— Входи, Финли! — он не отрывал глаз от зеркала. Его пальцы, сомкнувшиеся по краям воспаленного прыща, казались огромными. Он надавил сильнее.

Финли пересек кабинет и остановился в дверях ванной. Ему пришлось чуть наклониться, чтобы заглянуть внутрь. Ростом он был за семь футов, высокий даже для тахина.

— Вернулся со станции, словно и не уезжал, — как и у большинства тахинов, тембр его голоса постоянно менялся, от ААА до ВВВ. Для Пимли они говорили, как существа, сошедшие со страниц романа Герберта Уэллса «Остров доктора Моро», и он по-прежнему ожидал, когда же они, собравшись вместе, не закричат хором: «Разве мы не люди?» Финли уловил эту мысль из головы Прентисса и спросил, о чем речь. Прентисс ответил честно, зная, что в обществе, где телепатия низкого уровня скорее правило, чем исключение, честность — лучшая политика. Единственная политика, если приходилось иметь дело с тахином. А кроме того, Финли из Тего ему нравился.

— Вернулся со станции, хорошо, — ответил Пимли. — И что ты нашел?

— Работа-ремонтника. Похоже, свихнулся на стороне Экспериментальной станции и...

— Подожди, — оборвал его Прентисс. — Если ты возражаешь, если не

возражаешь, спасибо.

Финли ждал. Прентисс еще ближе наклонился к зеркалу, хмурясь от напряжения. Директор «Синих небес», сам высокого роста, шесть футов и два дюйма, обладал огромным животом, который поддерживали две длинные ноги с толстыми бедрами. Он лысел, а нос-свекла выдавал ветерана питейного дела. Выглядел он максимум на пятьдесят. И чувствовал себя на пятьдесят (и даже моложе, если бы не провел предыдущую ночь, пропуская стаканчик за стаканчиком в компании Финли и нескольких кан-тои). Ему было пятьдесят, когда он приехал сюда много лет тому назад, как минимум двадцать пять, почти наверняка больше. Время на этой стороне вело себя странно, совсем как направление, так что не составляло труда сбиться со счета и потерять ориентировку. Некоторые теряли и разум. А вот если они потеряют солнечную машину...

Головка прыща надулась... задрожала... лопнула. Наконец-то!

Капля кровавого гноя выплеснулась из прыща на зеркало и начала медленно стекать по чуть вогнутой поверхности. Пимли Прентисс стер ее кончиком пальца, повернулся, чтобы сбросить в раковину, потом протянул палец Финли.

Тахин покачал головой, потом из его груди вырвался вскрик отчаяния, знакомый тем, кто не раз, и не два садился на диету, но долго не выдерживал, и направил палец ректора себе в рот. Засосал гной и освободил палец, довольно чмокнув.

— Не следовало мне этого делать, но не смог устоять, — сказал Финли. — Не ты ли говорил мне, что люди на другой стороне решили, что есть сырое мясо вредно для здоровья?

— Да, — Пимли промокнул прыщ, который все еще сочился гноем, бумажной салфеткой. Он пробыл здесь долго, и о возвращении назад не могло быть и речи, по многим причинам, но еще недавно он был в курсе текущих событий: если исключить последний период времени, скажем, год, достаточно регулярно получал «Нью-Йорк таймс». К этой газете он всегда питал теплые чувства, нравилось ему разгадывать ежедневный кроссворд. Она связывала его с домом.

— Но они, тем не менее, продолжают его есть.

— Да, полагаю, многие едят, — Пимли открыл аптечку и достал пузырек перекиси водорода.

— Сунуть мне под нос палец — твоя вина, — сказал Финли. — В обычной ситуации эта субстанция нам не вредит; это натуральная сладость, как мед или ягоды. Проблема в Тандерклепе, — и, чтобы босс лучше его понял, добавил. — Слишком многое из того, что выходит из нас, изменено,

пусть сладость и остается. По существу, это яд.

— Хочешь еще? — спросил он Финли. — У меня на лбу есть парочка созревших.

— Нет, я хочу доложить о результатах, проверить и перепроверить видеопленки камер наблюдения и телеметрию, заглянуть в Читальню, чтобы убедиться, что все в порядке, и на том завершить рабочий день. А потом хочу принять горячую ванну и провести три часа с хорошей книгой. Я читаю «Коллекционера».

— И тебе нравится, — улыбнулся Прентисс.

Очень. Я говорю, спасибо тебе. Книга схожа с нашей ситуацией. Только я думаю, что наши цели более благородные, а мотивация чуть выше, чем сексуальное влечение.

— Благородные? Так ты это называешь?

Финли пожал плечами и не ответил. По молчаливому согласию они старались избегать целенаправленной дискуссии о происходящем здесь, в «Синих небесах».

Прентисс повел Финли в свой библиотеку-кабинет. Окна выходили на ту часть «Синих небес», которую они звали Моллом. Финли, как всегда, грациозно наклонился, чтобы не удариться о низко висящую люстру. Прентисс как-то сказал ему (после нескольких стаканчиков графа), что в НБА тот стал бы потрясающим центровым. «Первая команда из одних тахинов, — сказал он. — Ее, конечно, назвали бы „Выродки“, но что с того?»

— Эти баскетболисты, они получают все самое лучшее? — осведомился Финли. На гладкой голове горносталя выделялись большие черные глаза. По мнению Пимли, такие же бесстрастные, как глаза куклы. На шее блестело множество золотых цепочек, они вошли в моду у персонала «Синих небес», за несколько последних лет объем продаж этих безделушек существенно возрос. Кроме того, он подрезал хвост. Вероятно, допустил ошибку, как он признался однажды вечером Прентиссу, когда они оба сильно набрались. Во-первых, чертовски болезненно, а во-вторых, отправит его в Ад тьмы, когда его жизнь завершится, если только...

Если только не будет даже ада, а будет ничто. Эту идею Пимли гнал из разума и из сердца, но он бы первым назвал себя лжецом, если бы не признавался (но только себе), что такие мысли иногда донимали его глубокой ночью. Но и на них у него имелась управа: таблетки снотворного. И, разумеется, Бог. Он верил, что все служит промыслу Господнему, даже сама Башня.

В любом случае, Пимли подтвердил, что да, баскетболисты, по

крайней мере, американские баскетболисты, получают все самое лучшее, в том числе больше кисок, чем любое гребаное туалетное сидение. От этих слов Финли так долго смеялся, что из уголков странных, лишенных всякого выражения глаз, потекли красноватые слезы.

— Но самое замечательное в другом: ты сможешь играть вечно, по стандартам НБА. К примеру, ты слышал, что самый знаменитый игрок в моей прежней стране (хотя я его никогда не видел, он появился после моего времени) — Майкл Джордан, и...

— Будь он тахином, кем бы он был? — прервал его Финли. В эту игру они играли часто, особенно выпив.

— Конечно же, горностаем, и чертовски красивым, — и удивление, прозвучавшее в его голосе, показалось Финли таким комичным, что он вновь досмеялся до слез.

— Но его карьера длилась чуть больше пятнадцати лет, — продолжил Пимли, — учитывая период, когда он не играл, вроде бы уйдя на покой, и одно или два возвращения на площадку. А сколько бы лет ты мог играть в игру, в которой тебе пришлось бы только бегать по площадке час или около того, Фин?

Финли из Тего, которому было больше трехсот лет, пожал плечами и раскинул руки. Делах. Много, много лет, просто не сосчитать.

А как долго «Синие небеса», — Девар-той для ее заключенных, Алгул Сьенто для тахина и Родов, — как долго стояла здесь эта тюрьма? Тоже делах. Но, если Финли прав (а сердце подсказывало Прентиссу, что Финли почти наверняка прав), то близился конец делах. И что мог он, когда-то Пол Прентисс из Рауэя, штат Нью-Джерси, а теперь Пимли Прентисс из Алгул Сьенто, делать по этому поводу?

Свою работу, вот что.

Свою гребаную работу.

— Итак, — Пимли уселся на один из вращающихся стульев у окна, — ты нашел работа-ремонтника. Где?

— Около того места, где путь 97 выходит с сортировочного узла, — ответил Финли. — Этот путь все еще горячий, вы это называете «третьим рельсом», и этим все сказано. Потом, после нашего отъезда, ты позвонил, и сказал, что была повторная тревога.

— Да. И ты обнаружил...

— Ничего, — ответил Финли. — На этот раз, ничего. Возможно, сбой, вызванный первой тревогой, — он пожал плечами, как бы говоря то, что они оба знали без слов: все разваливалось. И чем ближе они приближались к концу, тем быстрее.

— Ты и твоя команда все внимательно осмотрели?

— Разумеется. Никаких незваных гостей.

Но оба они под незванными гостями подразумевали людей, тахинов, кан-тои и роботов. Ни один из тахинов поисковой партии Финли не подумал о том, чтобы посмотреть наверх, а если бы и посмотрел, то едва ли заметил бы Мордредра: паук, уже доросший до собаки средних размеров, спрятался в глубокой тени под карнизом главной станции, удобно устроившись на гамаке-паутине.

— Ты собираешься вновь проверить телеметрию из-за второй тревоги?

— Частично, — ответил Финли. — А в основном, потому что чувствую: что-то не складывается, — фразу эту, «что-то не складывается», частенько произносили герои детективов с той стороны. Финли их обожал, вот и фразу употреблял при первом удобном случае.

— Что не складывается?

Финли покачал головой. Более точного ответа у него не было.

— Но телеметрия не лжет. Во всяком случае, так меня учили.

— А ты в этом сомневаешься?

Понимая, что он вновь на тонком льду, собственно, они оба, Финли помялся с ответом, а потом решил: чего юлить?

— Конец близок, босс. Так что я сомневаюсь практически во всем.

— В том числе и в своем долге, Финли из Тего?

— Не будешь возражать, если составлю тебе компанию? — спросил Пимли.

— Отнюдь, — улыбнулся Горноста́й, продемонстрировав полный рот острых, как игла, зубов. И спел, своим странным, меняющим тембр голосом: «Помечтай со мной... Я на пути к луне моих отцо-о-ов».

— Дай мне одну минутку, — Пимли поднялся.

— Хочешь помолиться? — спросил Финли. Пимли остановился на пороге.

— Да. Раз уж ты спросил. Есть вопросы, Финли из Тего?

— Если есть, то лишь один, — существо с человеческим телом и покрытой гладким коричневым мехом головой горноста́я продолжало улыбаться. — Если молитва так вдохновляет, почему ты преклоняешь колени в том же помещении, где садишься срать?

— Потому что Библия предлагает: если у человека гости, он должен

молиться в клозете. Еще вопросы?

— Нет, нет, — Финли помахал рукой. — Делай все лучшее и худшее, как говорят мэнни.

3

В ванной Пол из Рауэя опустил крышку унитаза, преклонил колени на плитках пола и молитвенно сложил руки перед грудью.

«Если молитва возвышает, почему ты преклоняешь колени в том же помещении, где срьешь?»

«Может, мне следовало сказать, потому что так молитва смиряет мою гордыню, — подумал он. — Позволяет увидеть, какой я на самом деле. Из грязи мы поднялись, и в грязь уйдем, и если есть помещение, где трудно об этом забыть, то вот оно».

— Господи, — начал он, — дай мне силы, когда я слаб, просвети, когда я в замешательстве, укрепи дух, когда я боюсь. Помоги мне не причинять вреда тем, кто это не заслуживает, а если и заслуживает, только в том случае, когда другого выхода нет. Господи...

И пока он стоял на коленях перед накрытым крышкой унитазом, человек, который вскоре попросит Бога простить его за то, что своей работой приближает конец света (и это безо всякой иронии), мы можем познакомиться с ним поближе. Времени это много не займет, ибо Пимли Прентисс не играет важной роли в нашей истории о Роланде и ее катете. И, однако, человек он интересный, со своими чувствами, противоречиями, и тупиками. Он — алкоголик, который истово верит в личного Бога, не чужд состраданию, и теперь находится на грани того, чтобы опрокинуть Башню и отправить триллион миров, которые вращаются вокруг нее, в свободный полет во тьму в триллионе направлений. Он бы без колебаний отдал приказ убить Динки Эрншоу и Стенли Руиса, если б узнал об их проделках... и ежегодно проводит День матери в слезах, потому что очень любил свою мать и скучает по ней. Когда речь идет об Апокалипсисе, вот идеальный человек для руководства этой работой, знающий, как преклонить колени и поговорить с Господом, словно с давним другом.

И вот ведь ирония судьбы: Пол Прентисс из когорты тех людей, которые могут заявить: «Я нашел работу через „Нью-Йорк таймс“!» В 1970 году, уволенный из тюрьмы, известной, как Аттика (мегамятеж прошел как без него, так и без Нельсона Рокфеллера), он нашел в «Таймс» объявление с таким вот заголовком:

«ТРЕБУЕТСЯ ОПЫТНЫЙ СОТРУДНИК ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ОТВЕТСТВЕННУЮ ДОЛЖНОСТЬ В ЧАСТНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ

Высокое жалование! Дополнительные льготы! Готовность к путешествиям!»

Обещание высокого жалования оказалось, как говорила его любимая мамочка, «враньем чистой воды», потому что жалования не было вовсе, во всяком случае, в том смысле, как понимал его сотрудник исправительных учреждений на американской стороне. А вот что касается дополнительных льгот... да, льготы оказались фантастическими. Прежде всего, секс, сколько влезет, не говоря уж о еде и питье от пуза, но главное заключалось в другом. С точки зрения сэя Прентисса, главное заключалось в ответе на вопрос: чего ты хотел от жизни? Если ставил своей задачей только наблюдать, как в сумме на твоём банковском счету увеличивается количество нолей, тогда работа в Алгул Сьенто тебе, безусловно, не подходила... Ужасная сложилась бы ситуация, поскольку после подписания бумаг пути назад не было. Вот уж действительно, все мысли о войсках. И снова о войсках. А время от времени, когда возникала такая необходимость, приходилось, в назидание другим, отправлять на тот свет человечка-другого.

Но такая работа на все сто процентов устраивала ректора Прентисса, который двенадцатью годами раньше прошел принятую у тахинов церемонию смены имени и никогда в этом не раскаивался. Пол Прентисс стал Пимли Прентиссом. Именно в тот момент он отбросил то, что теперь называл «американской стороной», как из сердца, так и из разума. И не потому, что никогда в жизни он не пил такого отменного шампанского, и не ел так вкусно и сытно. И не потому, что виртуально трахался с сотнями красавиц. Ему нравилась именно работа, и он намеревался довести ее до конца. Потому что поверил, что своей работой в Девар-тои они служат не только Алому Королю, но и Богу. А за идеей Бога маячила другая, еще более величественная: образ миллиарда вселенных, упрятанных в одном яйце, которое он, бывший Пол Прентисс из Рауэя, получавший сорок тысяч долларов в год, страдающий язвой, обладающий жалкой медицинской страховкой, согласованной с продажным профсоюзом, теперь держал на ладони. Он понимал, что тоже находится в этом яйце, и его существование во плоти и крови прекратится, если он разобьет это яйцо, но при этом верил, если компанию ему составляли Бог и небеса, то на пару они заменили бы собой Башню. Именно на те небеса он хотел подняться, чтобы перед тронем преклонить колени и попросить прощения за свои грехи. И

он не сомневался, что там его ждали теплый прием и добрые слова: «Ты хорошо потрудился, мой добросовестный и верный слуга».

Не то, чтобы он полагал себя религиозным фанатиком. Разумеется, нет. Эти мысли о Боге и небесах он держал при себе. И хотел, чтобы остальной мир видел лишь одно: он — человек, выполняющий свою работу, и собирающийся выполнять ее в меру своих сил и способностей до самого конца. И уж конечно, он не считал себя ни злодеем, ни опасным для других человеком. Подумайте об Улиссе С. Гранте, генерале Гражданской войны, который собирался сражаться на занимаемых его армией позициях, даже если б на это ушло все лето.

В Алгул Сьенто лето подходило к концу.

4

Дом ректора, миниатюрный коттедж Кейп-Код^[38], находился на одном конце Молла. Назывался он Шэпли-Хауз (почему, Пимли понятия не имел), и, разумеется, Разрушители называли его Говно-Хауз. В противоположном конце Молла возвышалось куда более внушительное здание, в котором изящно смешались несколько архитектурных стилей, как было принято в период правления королевы Анны. Называлось оно Дамли-Хауз (также по непонятным причинам). Это сооружение прекрасно вписалось бы в ряд студенческих общежитий где-нибудь в кампусе университета в Клемсоне, штат Южная Каролина, или университета штата Миссисипи. Разрушители называли его Домом разбитых сердец или Отелем разбитых сердец. Никто не возражал. Там жили и работали тахины и кан-тои. Что же касается Разрушителей, никто не мешал им проезжаться насчет персонала Алгул Сьенто. Сотрудники даже делали вид, что ничего не знают об этих шутках.

Пимли Прентисс и Финли из Тего неспешно вышагивали по Моллу в приятном молчании... которое нарушалось лишь при встрече со свободными от смены Разрушителями. Они встречались им по одному или группами, и Пимли вежливо приветствовал каждого. Ответные приветствия варьировались, от веселой улыбки до мрачного бурчания. Однако каждое Пимли записывал в свой актив. Он заботился о них. Нравилось им это или нет, но действительно заботился. И иметь с ними дело было куда приятнее, чем с убийцами, насильниками и вооруженными грабителями Аттики. Некоторые читали старые газеты и журналы. Четверо бросали подковы. Еще четверо сидели на травке. Таня Лидс и Джой Растосович играли в шахматы под старым тенистым вязом. Редкие лучи

солнечного света, прорывающиеся сквозь крону, «гуляли» по их лицам и шахматной доске. Они поприветствовали его с искренней радостью, и почему нет? Таня Лидс уже стала Таней Растосович, после того, как Пимли поженил их месяцем раньше, как капитан корабля. И в определенном смысле он себя таковым и полагал, капитаном круизного лайнера «Алгул Сьенто», который плавал по темным морям Тандерклепа, освещенный единственным солнечным прожектором. Солнце время от времени исчезало, ты говоришь правильно, но сегодняшнее затмение было минимальным, длилось только сорок три секунды.

— Как дела, Таня? Джозеф? — всегда Джозеф и никогда — Джой, по крайней мере при встрече. Не нравилось ему это имя.

Они заверили его, что все в порядке и одарили ослепительными улыбками, на которые способны только молодожены.

Финли ничего не сказал Растосовичам, но неподалеку от Дамли-Хауз остановился перед молодым человеком, который читал книгу, сидя по мраморной скамье под деревом.

— Сэй Эрншоу? — спросил тахин.

Динки поднял голову, брови изогнулись в вежливом вопросе. Лицо, все в прыщах и угрях, оставалось бесстрастным.

— Я вижу, вы читаете «Волхва», — в голосе Финли явственно слышалась застенчивость. — Я сам читаю «Коллекционера». Какое совпадение!

— Если вы так считаете, — лицо Динки оставалось бесстрастным.

— Хотелось бы узнать ваше мнение о Фаулзе. Я сейчас занят, но потом, возможно, мы смогли бы обсудить его творчество.

Динки ответил с все теми же написанными на лице бесстрастностью и вежливостью: «Может, потом вы сможете взять ваш экземпляр „Коллекционера“, надеюсь, в переплете, и засунуть в свой мохнатый зад. Боком».

Улыбка исчезла с лица Финли. Он чуть поклонился.

— Ваше недовольство вызывает у меня лишь сожаление, сэй.

— Пошел на хер, — и Динки вновь раскрыл книгу. Приподнял с колен, чтобы показать, что больше отвлекаться не намерен.

Пимли и Финли из Тего продолжили путь. Вновь в молчании, поскольку ректор Алгул Сьенто перебирал различные варианты начала разговора. Ему хотелось узнать, как глубоко оскорбил Финли молодой человек. Пимли знал, что тахин гордится способностью читать и понимать литературу челов. А потом Финли освободил его от этой проблемы, сунув обе руки с длинными пальцами, зад у него не был мохнатым, только

пальцы, между ног.

— Просто проверяю, на месте ли мои яйца, — пояснил он, и Пимли подумал, что добродушный юмор, который он услышал в голосе начальника службы безопасности, искренний — не деланный.

— Сожалею, что так вышло, — заметил Пимли. — Если в Алгул Съенто кто с годами и не пережил подростковую злобность, так это Эрншоу.

— Ты рвешь меня на куски, — простонал Финли, а когда ректор изумленно глянул на него, улыбнулся, продемонстрировав ряды острых зубов. — Это знаменитая фраза из фильма «Бунтарь без причины». Динки Эрншоу напомнил мне Джеймса Дина, — он помолчал. — Разве что не такой красавчик.

— Любопытный случай, — отметил Прентисс. — Его завербовали в рамках программы убийств, которую осуществляла одна из дочерних компаний «Северного центра позитроники». Он убил своего куратора и сбежал. Разумеется, мы его поймали. Он никогда не доставлял никаких хлопот, во всяком случае, нам, но злоба его никуда не делась.

— Но ты считаешь, от него неприятностей ждать не приходится.

Прентисс искоса глянул на Финли.

— Ты полагаешь, я чего-то о нем не знаю?

— Нет, нет. Просто я никогда не видел тебя таким нервным, как в последние несколько недель. Черт, если называть все своими именами, это же чистая паранойя.

— У моего деда была присказка, — ответил на это Пимли. — «О том, чтобы не уронить яйца, заботиться надо прежде всего у порога». Мы практически у порога.

И он не выдавал желаемое за действительное. Семнадцать дней тому назад, незадолго до того, как последний отряд Волков галопом вырвался из двери зоны сосредоточения 16 квадрата дуги, приборы в подвале Дамли-Хауз впервые зафиксировали деформацию Луча Медведь-Черепеха. После этого сломался Луч Орел-Лев. Скоро необходимость в Разрушителях отпала бы. Еще немного, и второй из остающихся Лучей развалится сам, даже без их помощи. Лучам свойственна тонкая балансировка. И вот теперь Луч Медведь-Черепеха выведен из состояния устойчивого равновесия. А если отвести его от этого состояния достаточно далеко, он в него уже не вернется. Рухнет, точнее, сломается. Перестанет выполнять возложенные на него функции. И вот тогда падет и Башня. Последний Луч, Волк-Слон, сможет простоять еще неделю или месяц, но не больше.

Пимли бы радоваться этому, но нет, он не радовался. Прежде всего,

потому, что мыслями вновь и вновь возвращался к Зеленым плащам. В последний раз в Калью их отправилось шестьдесят, или около того, и они должны были вернуться в течение семидесяти двух часов, с очередной группой захваченных детей.

Однако... не вернулись.

Он спросил Финли, что тот думает по этому поводу.

Финли остановился. Выглядел он серьезным.

— Я думаю, возможно, дело в вирусе.

— Не понял?

— Компьютерный вирус. Мы же знаем, что такое часто случается с нашими компьютерами в Дамли, и тебе известно, какими бы страшными ни выглядели Зеленые плащи для этих выращивающих рис фермеров, на самом деле они — двуногие компьютеры, — он помолчал. — А может, жители Кальи нашли способ убить их. Удивит меня известие о том, что они поднялись с колен, чтобы вступить в бой? Удивит, но не сильно. Особенно, если их возглавил кто-то, сильный духом.

— К примеру, стрелок?

Взгляд, который бросил на Прентисса Финли, лишь немного не дотягивал до покровительственного.

Тед Бротигэн и Стенли Руис ехали по тротуару на десятискоростных велосипедах, и когда ректор и начальник службы безопасности вскинули руки, приветствуя их, ответили тем же. Бротигэн не улыбался, в отличие от Руиса, широченная счастливая улыбка которого однозначно указывала на дефекты умственного развития. С выпущенными глазами, заросшими щетиной щеками, слюнявыми губами, он все равно оставался мощным Разрушителем, видит Бог, оставался, и ему, конечно, повезло, что он смог подружиться с Бротигэном, который совершенно изменился после того, как его вернули из короткого «отпуска» в Коннектикуте. Пимли позабавили одинаковые кепки из твида на мужчинах, велосипеды тоже были одной модели, но не взгляд Финли.

— Прекрати, — сказал он.

— Прекратить что?

— Смотреть на меня так, словно я — только что лишившийся шарика мороженого над стаканчиком маленький мальчик, которому, однако, не хватает ума, чтобы это понять.

Но Финли не отвел глаз. Он их отводил редко, что, среди прочего, Пимли в нем нравилось.

— Если ты не хочешь, чтобы на тебя смотрели, как на ребенка, ты и не должен вести себя, как маленький мальчик. Ходили слухи, что стрелки

пришли из Срединного мира, чтобы спасти мир еще на тысячу лет. Но их никто не видел. Лично я скорее поверю в появление Человека-Иисуса.

— Роды говорят...

Финли скривился, словно голову прострелила боль.

— Давай только не будет касаться того, о чем говорят Роды. Не могу поверить, что ты до такой степени не уважаешь мое здравомыслие... да и свое тоже. Их мозги гниют быстрее, чем кожа. Что же касается Волков, позволь мне высказать радикальную идею: неважно, где они и что с ними случилось. Имеющегося у нас стимулятора достаточно для того, чтобы закончить порученное нам дело, а это все, что меня волнует.

Глава службы безопасности несколько мгновений постоял на ступенях, которые вели на крыльцо Дамли-Хауз.

Он смотрел вслед двум мужчинам на одинаковых велосипедах и задумчиво хмурился.

— Бротигэн доставил нам массу хлопот.

— Не то слово! — Пимли невесело рассмеялся. — Но теперь он будет паинькой. Ему сказали, его близкие друзья из Коннектикута, мальчик Роберт Гарфилд и девочка Кэрол Гербер, умрут, если он попытается взбрыкнуть. Опять же, он начал осознавать, что никому из Разрушителей не интересны его... скажем так, философские идеи, хотя некоторые видят в нем своего наставника, а кое-кто, как этот молодой человек с разжиженными мозгами, который сейчас едет с ним, боготворит. Теперь, во всяком случае, не интересны. И я с ним поговорил после его возвращения. Один на один.

Финли об этом не знал.

— О чем?

— О фактах жизни. Сэй Бротигэн начал понимать, что его уникальные способности уже не играют той роли, что прежде. Потому что в нашей работе мы сильно продвинулись вперед. Оставшиеся два Луча развалятся как с ним, так и без него. И он знает, что в конце будет... смятение. Страх и смятение, — Пимли медленно кивнул. — Бротигэн хочет быть здесь в самом конце, хотя бы для того, чтобы утешить таких, как Стенли Руис, когда разверзнется небо.

— Пошли, давай еще разок взглянем на пленки и телеметрию. На всякий случай.

Бок о бок они поднялись по широким деревянным ступеням на крыльцо Дамли-Хауз.

Два Кан-тои ждали, чтобы проводить ректора и начальника службы безопасности вниз. Как странно, подумал Пимли, что все, и Разрушители, и персонал Алгул Съенто, с легкой руки Бротигэна стали называть их «низшими людьми». «Говоря об ангелах, слышишь, как хлопают их крылья», — могла бы сказать любимая мамуля Прентисса, и Пимли полагал, если в последние дни этого реального мира и были настоящие зверолюди, то кан-тои соответствовали этой категории даже в большей степени, чем тахины. У того, кто видел их без этих необычных живых масок, возникало впечатление, что они — тахины, только с головами крыс. Но, в отличие от истинных тахинов, которые воспринимали челов (за редкими исключениями, к которым относился и Пимли), как низшую расу, кан-тои поклонялись человеческому образу, как божеству. Они носили маски, чтобы в большей степени походить на это самое божество? На эту тему они предпочитали не говорить, но Пимли полагал, что нет. По его разумению, они верили, что становятся людьми, — вот почему, первый раз надевая маску (последние были живыми, их выращивали, а не изготавливали), они брали и имя челов, чтобы дальше жить по их образу и подобию. Пимли знал, они верили, что каким-то образом заменят человеческих существ после Падения... хотя, как они могли в такое верить, он и представить себе не мог, не то, чтобы понять. После Падения осталась бы только жизнь небесная, в этом не могло быть сомнений у любого, кто читал книгу Откровений^[39] ... а Земля?

Возможно, появилась бы какая-нибудь новая Земля, но в этом уверенности у Пимли не было.

Два охранника, тоже кан-тои, Биман и Трелуни, стояли в конце коридора, на посту у лестницы, которая вела в подвал. Для Пимли все кан-тои, даже со светлыми волосами и хрупкого телосложения, почему-то напоминали киноактера 1940-х и 50-х годов, Кларка Гейбла^[40]. У них у всех были такие же толстые, чувственные губы и оттопыренные уши. И потом, если приглядеться к ним внимательнее, можно было увидеть морщинки на шее и за ушами, где маски челов сворачивались в поросычьи хвостики и уходили в волосатую, зубастую плоть, уже их собственную (нравилось им это или нет). И глаза. Их со всех сторон окружала шерсть, поэтому, опять же, присмотревшись внимательно, не составляло труда увидеть, что глазницы на самом деле являлись дырами в уникальных масках из живой материи. Иногда можно было услышать, как дышат эти

маски, что Пимли находил странным и даже отвратительным.

— Хайл, — приветствовал их Биман.

— Хайл — приветствовал их Трелоуни.

Пимли и Финли ответили на приветствие, поднеся кулак ко лбу, а потом Пимли первым спустился по лестнице. В нижнем коридоре, проходя мимо надписей: «МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА, ЧТОБЫ СОЗДАВАТЬ ПОЖАРОБЕЗОПАСНУЮ СРЕДУ» и «ДА ЗДРАВСТВУЮТ КАН-ТОИ», — Финли едва слышно прошептал: «Они такие странные».

Пимли улыбнулся и хлопнул его по плечу. Вот почему ему так нравился Финли из Тего: как Аик и Майк, они думали одинаково.

Большую часть подвала Дамли-Хауз занимало большое помещение, заставленное разнообразным оборудованием. Далеко не все оно работало, а часть работающих приборов и машин они не использовали (хватало и таких, функции которых оставались для них тайной за семью печатями), но они прекрасно освоили систему наблюдения и телеметрию, которая замеряла дарки: единицы расходуемой психоэнергии. Разрушителям строго запрещалась использовать сверхъестественные психические способности за пределами Читальни, да и не все могли это делать. Многие напоминали мужчин и женщин, которые могли справиться только в туалете и нигде больше, не могли облегчиться без визуального стимулятора, который говорил им: да, все в порядке, ты в туалете, можешь приступать к делу. Некоторые, как малые дети, еще не приученные к горшку, не могли предотвратить случайные выбросы психоэнергии. Обычно это приводило к тому, что у кого-то из сотрудников, который чем-то им досадил, начинала болеть голова, или на Молле переворачивалась одна из скамеек, но люди Пимли вели тщательное наблюдение за Разрушителями, и «целенаправленные» выбросы наказывались, сначала легко, при повторениях все более сурово. На сей счет Пимли нравилось говорить новичкам (в те давние дни, когда новички еще появлялись): «Будьте уверены, ваш грех вас выдаст». У Финли была еще более простая заповедь: «Телеметрия не лжет».

Сегодня телеметрия не показала им ничего, кроме случайных всплесков, таких же бессмысленных, как четырехчасовая аудиозапись

группового пердежа или рыгания. На видеопленках и в журналах дежурных также не обнаружилось ничего интересного.

— Удовлетворен, сэй? — спросил Финли, и что-то в его голосе заставило Пимли повернуться и пристально посмотреть на тахина.

— А ты?

Финли из Тего вздохнул. В такие моменты Пимли хотелось, чтобы Финли был челом или он сам — настоящим тахином. Проблема заключалась в напрочь лишенных выражения черных глазах Финли. Они ничем не отличались от глаз куклы, и прочесть в них что-либо просто не представлялось возможным. Если, конечно, ты не был тахином.

— Уже несколько недель мне как-то не по себе, — наконец, ответил Финли. — Я пью слишком много грэфа, чтобы уснуть, а потом целыми днями хожу злой, рывкаю на других. Частично причина в потере связи после крушения последнего Луча...

— Ты знаешь, это неизбежно...

— Да, разумеется, знаю. Дело в другом. Я пытаюсь найти рациональные причины для объяснения иррациональных чувств, а это плохой признак.

На дальней стене висела картина Ниагарского водопада. Кто-то из кантои перевернул ее верх ногами. Среди «низших людей» такой переворот картин считался шуткой высшего класса. Пимли понятия не имел, почему, но, поскольку все двигалось к концу, какое это имело значение? «Я знаю, как делать мою гребаную работу, — подумал он, перевешивая картину Ниагарского водопада, как положено. — Я знаю, как надо ее делать, а все остальное — ерунда, мы говорим спасибо Богу и Человеку-Иисусу».

— Мы всегда знали, что в конце все пойдет наперекосяк, — продолжил Финли, — вот я и говорю себе, что этим все объясняется. Этим... ты понимаешь...

— Этим чувством, которое ты испытываешь, предположил бывший Пол Прентисс. Потом улыбнулся и положил указательный палец правой руки на кольцо, образованное большим и указательным пальцами левой. Этот тахиновский жест означал: «Я говорю тебе всю правду». — Этим иррациональным чувством.

— Да. Конечно же, я знаю, что Раненый лев не появился на севере, и я не верю, что солнце остывает изнутри. Я слышал байки о безумии Алого Короля и о том, что Дан-тете уже пришел, чтобы занять его место. Но могу сказать лишь одно: «Я в это поверю, когда увижу собственными глазами». То же самое относится и к удивительной новости, касающейся прихода с запада стрелка, который намерен спасти Башню, как предсказывали

древние легенды и песни. Все это чушь собачья, от начала и до конца.

Пимли хлопнул его по плечу.

— Твои слова — бальзам для моего сердца.

И говорил он чистую правду. Финли чертовски хорошо поработал на должности начальника службы безопасности. За эти годы его сотрудники убили с полдюжины Разрушителей, страдаемых тоской по дому, дураков, которые пытались бежать, а двум другим сделали лоботомию. Тед Бротигэн оказался единственным, кому удалось «проскочить под забором» (эту фразу Пимли впервые услышал в фильме «Сталаг 17», но его, слава Богу, удалось вернуть. Кантои занесли эту операцию в свой актив, и начальник службы безопасности не стал с ними спорить, но Пимли знал истинное положение дел: именно Финли срежиссировал каждый ход и всю их последовательность, от начала и до конца.

— Но мое чувство — нечто большее, чем просто нервы, — Финли еще не выговорился. — Я верю, что иногда разумным существам свойственна интуиция, — он рассмеялся. — Как можно не верить в интуицию в таком месте, как это, где полным полно тех, кто способен увидеть как прошлое, так и будущее?

— Но не телепортов, — уточнил Пимли. — Так?

Телепортации, одной из сверхъестественных способностей человека, боялись все сотрудники Девар-тои, и не без причины. Телепорт мог превратить их упорядоченную жизнь в хаос. Скажем, создать на нескольких акрах безвоздушное космическое пространство и вызвать ураган. К счастью, имелся простой тест, который позволял выявить эту особенность организма (проведение теста не вызывало труда, хотя необходимое для этого оборудование также осталось от древних, и никто не знал, как долго оно еще будет работать) и простая процедура (из того же источника), избавляющая от этой особенности. Доктору Ганли на ее проведение требовалось меньше двух минут: «Все так просто, что в сравнении с ней вазэктомия^[41] кажется нейрохирургией», — как-то признался он.

— Абсо-гребано-лютно никаких телепортов, — ответил Финли и повел Прентисса к пульту управления, который выглядел на удивление схоже с тем, что визуализировала Сюзанна Дин в своем «Догане». Указал на два диска, с иероглифами древних (значки эти походили на те, что были на ненайденной двери). Стрелка каждого диска указывала на отметку «0» слева от него. Когда Финли постучал по дискам мохнатым большим пальцем, стрелки чуть отошли от нуля, а потом вернулись в прежнее положение.

— Мы не знаем точно, для измерения чего созданы эти диски, — сказал глава службы безопасности, — но что они меряют, так это телепортационный потенциал. К нам попадали Разрушители, которые пытались скрыть этот талант, но у них ничего не вышло. Если бы в нашу компанию затесался телепорт, Пимли из Нью-Джерси, эти стрелки переместились бы к отметке пятьдесят, а то и восемьдесят.

— Итак, — полусмешливо, полусерьезно Пимли начал загибать пальцы. — Никаких телепортов, никакого Льва, пришедшего с севера, никакого стрелка. Ах, да, и Зеленые плащи, ставшие жертвой компьютерного вируса. Если ни в чем не ошибся, тогда что же тебя гложет? Что кажется тебе не так, а?

— Приближение конца, — Финли тяжело вздохнул. — Сегодня я намерен в два раза увеличить число охранников на сторожевых башнях, и челов у ограждения по периметру.

— Потому что тебя что-то гложет, — Пимли чуть улыбнулся.

— Что-то гложет, да, — Финли не улыбался, острые зубы остались скрытыми за блестящей гладкой шерстью.

Пимли хлопнул его по плечу.

— Пошли. Давай-ка поднимемся в Читальню. Может, увидев Разрушителей за работой, ты успокоишься.

— Возможно, — Финли по-прежнему не улыбался.

— Все нормально, Фин, — мягко заметил Пимли.

— Полагаю, что да, — тахин с сомнением оглядел оборудование, потом посмотрел на Бимана и Трелоуни, двух «низших людей», которые уважительно ждали у двери, пока две большие шишки закончат беседу. — Полагаю, что да, только его сердце в это не верило. Совершенно не сомневалось оно только в одном: в Алгул Съенто телепортов не было.

Телеметрия никогда не лгала.

Биман и Трелоуни проводили их по обшитому дубовыми панелями коридору к лифту для сотрудников, также обшитому дубом. На стене кабины висел огнетушитель и еще одна табличка, напоминающая жителям Девар-тои, что они должны действовать сообща, создавая пожаробезопасную среду.

Табличку также перевернули вверх ногами.

Пимли поймал взгляд Финли. Ректор подумал, что уловил искорку

веселья в глазах главы службы безопасности, но, возможно, увидел лишь собственное чувство юмора, отразившееся от глаз тахина, как от зеркала. Финли без единого слова снял табличку, перевернул, повесил, как должно. Ни один ни сказал ни слова о механизме подъема кабины, который громко и натужно ревел. И о том, что кабину все время трясло. Если б она застряла, им бы не составило труда вылезти через технологический люк в крыше, даже набравшему чуток лишнего веса (ну, даже не чуток... а просто разжиревшему) человеку, такому, как Прентисс. Дамли-Хауз на небоскреб не тянул, помощь, и в достаточном количестве подоспела бы тут же.

Кабина поднялась на третий этаж. И тут табличка на двери лифта висела вверх ногами. На ней было написано: «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ», и «ВОСПОЛЬЗУЙТЕСЬ КЛЮЧОМ», и «НЕМЕДЛЕННО СПУСТИТЕСЬ ВНИЗ, ЕСЛИ ВЫ ПОДНЯЛИСЬ НА ЭТОТ ЭТАЖ ПО ОШИБКЕ. ВЫ НЕ БУДЕТЕ НАКАЗАНЫ, ЕСЛИ СРАЗУ ЖЕ ОБ ЭТОМ ДОЛОЖИТЕ».

Доставая карточку-ключ, Финли как бы между прочим (Бог бы побрал эти непроницаемые глаза) спросил: «Есть новости от сэя Сейра?»

— Нет, — довольно-таки резко ответил Пимли, — да я их и не жду. Мы изолированы здесь по веской причине, сознательно забыты в пустыне, как ученые «Манхэттенского проекта» в 1940-ых годах. Когда я видел его в последний раз, он сказал мне, что... возможно, я вижу его в последний раз.

— Расслабься, я спросил из любопытства, — Финли с силой провел карточкой по щели и дверь лифта раскрылась с противным скрипом.

Читальней называли длинное помещение в середине Дамли-Хауз. Стены Читальни поднимались на три этажа, к стеклянной крыше, в которую вливался достающийся с таким трудом солнечный свет Алгул Съенто. На балконе напротив двери, в которую вошли Прентисс и Тего, стояла странная компания: тахин с головой ворона, его звали Джеккли, Конрой, техник из кан-тои, и два чела, имена которых Пимли сразу не вспомнил. Тахины, кан-тои и челы, которым приходилось работать вместе, конечно же, старались держаться в рамках приличия, пусть иной раз такое давалось не без труда, но никто не мог ожидать, что они будут собираться одной компанией, общаться и в свободное от работы время. Впрочем, на балконе ни о каком общении речи просто быть не могло. Находившиеся внизу Разрушители не были ни животными в зоопарке, ни экзотическими

рыбками в аквариуме. Пимли (и Финли тоже) не уставали напоминать об этом персоналу Алгул Съенто. Ректору Алгул Съенто за все проведенные здесь годы лишь однажды пришлось отдать приказ сделать лоботомию одному сотруднику, идиоту-охраннику, челу по имени Дэвид Берк, который что-то (орешки арахиса?) сбрасывал на находящихся внизу Разрушителей. Когда Берк понял, что насчет лоботомии ректор настроен серьезно, он молил дать ему еще один шанс, клятвенно обещая более не допускать никаких глупостей. Но Пимли предпочел его не услышать. Он увидел возможность преподать своим сотрудникам наглядный урок, который будет у них перед глазами годы, даже десятилетия, и воспользовался ею. Действительно ставший идиотом Берк до сих пор болтался как по Моллу, так и по всему Алгул Съенто, с раззявленным ртом и застывшим в глазах недоумением. Они словно говорили: «Я почти что знаю, кто я, я почти что помню, что я сделал, чтобы стать таким». И он стал наглядным уроком, показывающим, чего нельзя делать в присутствии работающих Разрушителей. А вот правила, запрещающего сотрудникам иногда подниматься на балкон и смотреть на Разрушителей, не было, и они все время от времени приходили.

Потому что пребывание в Читальне прибавляло жизненных сил и энергии.

Во-первых, если рядом работали Разрушители, отпадала необходимость в разговорах. «Светлый разум», так они это называли, врывался в голову, когда ты шел от лифта по коридору третьего этажа, направляясь к Читальне, что с одного ее короткого торца, что с другого. А когда ты открывал дверь на балкон, светлый разум расцветал во всей красе, распахивая все двери восприятия. Олдос Хаксли, Пимли не раз думал об этом, точно съехал бы с катушек. Иногда казалось, что твои ноги отрываются от пола, и ты уже не идешь, а плывешь. Вещи в карманах поднимались и зависали в воздухе. Если ты чего-то забывал, скажем, о встрече в пять часов вечера или среднее имя брата сестры, здесь все тут же вспоминалось. А если выяснялось, что ты забыл что-то важное и не вспомнил вовремя, ты никогда не огорчался. С балкона уходили с улыбкой на лице, даже если поднимались туда в самом отвратительном настроении (отвратительное настроение считалось наилучшей причиной для визита на балкон). Там ты словно вдыхал поднимающийся от находившихся внизу Разрушителей газ счастья, невидимый глазу и неуловимый для самой изощренной телеметрии.

Пимли и Финли поприветствовали четверку на противоположном балконе, подошли к ограждению, поверху тянулся широкий поручень из

дуба, и посмотрели вниз. Помещение внизу действительно напоминало библиотеку богатого мужского клуба в Лондоне. Лампы, дающие мягкий свет, многие с абажурами от Тиффани, стояли на маленьких столиках или крепились к стенам (естественно, обшитых дубовыми панелями). На полу лежали дорогие турецкие ковры. Одну стену украшал Матисс, другую — Рембрандт... третью — «Мона Лиза». Настоящая, не чета той подделке, что висела в Лувре, на Ключевой Земле.

Перед ней стоял мужчина, сцепив руки за спиной. Сверху казалось, что он изучает картину, пытается расшифровать знаменитую загадочную улыбку, но Пимли знал, что это не так. Мужчины и женщины с журналами в руках вроде бы увлеченно их читали, но, если бы вы находились рядом, то увидели бы, что они смотрят на свои экземпляры «Маккола» или «Харперса» пустым взглядом, а то и вообще в сторону. Девочка одиннадцати или двенадцати лет, в ярком полосатом платье, которое могло стоить больше полутора тысяч долларов в одном из бутиков для детских товаров на Родео-драйв, сидела перед игрушечным домиком на каминной доске, но Пимли знал, что она не обращает ни малейшего внимания на точную копию Дамли-Хауз.

В Читальне находились тридцать три Разрушителя. Ровно тридцать три. В восемь вечера, когда отключалось искусственное солнце, им предстояло уступить свое место следующей смене. И лишь один человек, один и только один, приходил и уходил, когда у него возникало на то желание. Человек, который сумел преодолеть все преграды и сбежать, и не понес за это никакого наказания... разве что его вернули сюда, что для этого человека, конечно же, стало самым суровым наказанием.

И, словно мысль Пимли послужила сигналом вызова, в дальнем конце открылась дверь, и в Читальню тихонько проскользнул Бротигэн, все в той же твидовой кепке. Даника Ростова оторвалась от игрушечного домика и улыбнулась ему. Бротигэн подмигнул в ответ. Пимли двинул Финли в бок.

Финли: («Я его вижу»)

Но они не просто видели его. Чувствовали. В тот самый момент, когда Бротигэн вошел в Читальню, те, кто находился на балконе, и, что более важно, находящиеся внизу, ощутили подъем энергии. Они по-прежнему не знали, каким образом Бротигэну удавалось так воздействовать на окружающих, контрольные приборы не помогали (а несколько, Пимли в этом не сомневался, старый пес сознательно сломал). Если были и другие с таким же талантом, то «низшие люди», охотившиеся за потенциальными Разрушителями, их не нашли (теперь охота прекратилась; набранного количества Разрушителей вполне хватало для завершения проекта). С

Бротигэном полная ясность была лишь в одном: он не только обладал сверхъестественными психическими способностями, но и мог усиливать их у других, находясь рядом. Мысли Финли, обычно надежно укрытые даже от Разрушителей, теперь горели в голове Пимли, как неоновая реклама.

Финли: («Он — экстраординарный»)

Пимли: (И, насколько нам известно, уникальный Ты это видел)

Образ: Зрачки расширяющиеся и сужающиеся, расширяющиеся и сужающиеся.

Финли: (Да Ты знаешь чем это вызвано)

Пимли: (Отнюдь И мне без разницы Финли без разницы А этот старик)

Образ: Старый, блохастый лохматый пес, хромающий на трех лапах).

(почти закончил свою работу да и пора)

Тремя этажам ниже человек, о котором они говорили взял газету (все газеты были старыми, как и сам Бротигэн, освещавшими события давно минувших дней), сел в кожаное кресло, такое большое, что оно буквально проглотило его, и вроде бы начал читать.

Пимли почувствовал, как поток психической силы поднимается мимо него, сквозь него, к стеклянной крыше и сквозь нее, поднимается к Лучу, который проходил непосредственно над Алгулом, борется с ним, вгрызается в него, разъедает, безжалостно водит по нему напильником. Пробивая дыры в магии. Упорно трудится, чтобы вырвать глаза у Медведя. Чтобы сломать панцирь Черепахи. Чтобы разрушить Луч, который идет от Шардика к Матурин. Чтобы свалить Темную Башню, которая стоит посередине.

Пимли повернулся к своему спутнику, и нисколько не удивился, увидев острые маленькие зубы на покрытой гладкой шерстью голове горноста. Того наконец-то заулыбался! Не удивило его и то, что теперь он мог читать выражение этих черных глаз. При обычных обстоятельствах тахин мог посылать и принимать короткие ментальные сообщения, но никого не допускал в свой разум. Здесь, однако, все менялось. Здесь...

...Здесь в душе Финли из Тего воцарился покой. Его тревоги

(то, что грызло)

ушли. Во всяком случае, на время.

Пимли послал Финли череду ярких образов: бутылка шампанского, сверкающая на корме яхты; сотни плоских шляп выпускников университета, взлетающие в воздух; флаг, поставленный на Эвересте; смеющаяся пара, выходящая из церкви, наклоняющая головы, чтобы уберечь глаза от рисового дождя; планета... Земля... внезапно ярко вспыхнувшая.

Все образы говорили об одном и том же.

— Да, — ответил Финли, и Пимли задался вопросом, ну как он только мог подумать, что эти черные глаза ничего не выражают. — Да, конечно. Успешное завершение дела.

Ни один из них в этот момент не смотрел вниз. А если б кто опустил глаза, то увидел бы, что Тед Бротигэн, старый пес, да, и выдохшийся, но, возможно, не такой выдохшийся, как полагали некоторые, смотрит на них.

И на его губах тоже играет едва заметная улыбка.

В Алгул Съенто никогда не шел дождь, во всяком случае, за те годы, которые провел здесь Пимли, но иной раз, чернильно-черными ночами, раздавались мощные раскаты сухого грома. Большинство сотрудников Девар-тои не обращали на них никакого внимания и продолжали крепко спать, но Пимли часто просыпался, с сердцем, выскакивающим из груди, а в подсознании раз за разом, словно вращающаяся красная лента, крутилась молитва «Отче наш».

Днем, в разговоре с Финли, ректор Алгул Съенто, с улыбкой попытывался у Финли, что его гложет.

Теперь, лежа в постели в Шэпли-Хауз (известном среди Разрушителей, как Говно-Хауз), на другом, от Дамли-Хауз, конце Молла, Пимли вспомнил это чувство, абсолютную уверенность в том, что все будет хорошо: успех гарантирован, его достижение лишь вопрос времени. На балконе Финли поделил с ним это чувство, но Пимли хотелось бы знать, а не лежит ли сейчас начальник службы безопасности без сна, так же, как и он сам, не думает ли, как легко попасть впросак, когда работаешь рядом с Разрушителями. Потому что, как ни крути, именно они посылали вверх газ счастья. Именно они создавали хорошее настроение.

И если допустить... только допустить... что кто-то искусственно вызывает это чувство? Подсовывает его, как соску? Напевает, как колыбельную? «Спи, Пимли, спи, Финли, спите, хорошие детки...»

Нелепая идея, чистая паранойя. Однако, когда очередной двойной раскат грома докатился до Алгул Съенто, если не с юго-востока, то со стороны Федика и Дискордии, Пимли Прентисс сел и зажег лампу на прикроватном столике.

Этой ночью Финли намеревался удвоить охрану как на сторожевых башнях, так и периметра. Возможно, завтра следует ее утроить. На всякий

случай. И потому, что самоуверенность на конечном участке пути может сослужить дурную службу, все так.

Пимли поднялся с кровати, высокий мужчина со здоровенным волосатым животом, в одних пижамных штанах. Помочился, опустил крышку на сидение унитаза, опустился перед ним на колени, сложил руки перед грудью и молился, пока не почувствовал, что его клонит ко сну. Молился о том, чтобы суметь выполнить порученное ему дело. Молился о том, чтобы заметить беду до того, как беда заметит его. Молился о своей матери точно так же, как Джим Джонс молился о своей, наблюдая, как очередь двигается к котлу с отравленным «Кулэйдом». Молился, пока раскаты грома не затихли до стариковского бормотания, и только тогда вернулся в постель, совершенно успокоенным. Утроить число охранников — с такой мыслью он заснул темной ночью и с ней же проснулся утром, в спальне, залитой искусственным солнечным светом. Потому что о яйцах следовало заботиться у самого порога.

Глава 7. Ка-шуме

1

Чувство, неприятное и странное, накрыло стрелков после ухода Бротигэна и его друзей, но поначалу ни один из них не заговорил об этом. Каждый думал, что меланхолию эту ощущает только он или она. Роланд, единственный, кто мог распознать означенное чувство (ка-шуме, так назвал бы его Корт), приписал эти ощущения тревогам грядущего дня, а еще больше — подрывающей силы атмосфере Тандерклепа, где днем царил сумрак, а ночи были черными, как слепота.

Конечно же, после ухода Бротигэна, Эрншоу и Шими Руиса, друга юности Роланда, дел у них хватало (Эдди и Сюзанна пытались заговорить со стрелком о Шими, но Роланд их осадил. Джейк, с его даром, даже не пытался. Роланд еще не мог вновь затеять разговор о давно минувших днях, пока не мог). Тропинка вела вниз и вокруг Стик-тете, и, спустившись по ней, они быстро нашли пещеру, о которой говорил старик. Вход в нее скрывали скалы и покрытые пылью кусты. Размерами эта пещера значительно превосходила ту, что осталась выше по склону, на штырях, вбитых в стену, висели газовые фонари. Джейк и Эдди зажгли по два с каждой стороны, и все четверо в молчании огляделись.

Прежде всего Роланд обратил внимание на спальные мешки: у стены по левую руку их лежало четыре, каждый на наполненном воздухом надувном матрасе. К мешкам крепились бирки «СОБСТВЕННОСТЬ АРМИИ США». У последнего мешка положили еще один матрас, накрытый банными полотенцами. «Они ждали четырех людей и одного зверька, — подумал Роланд. — Предвидение или они каким — то образом наблюдали за нами? А так ли важна причина?»

Какой-то предмет, завернутый в пластиковую пленку, лежал на бочке с надписью: «ОСТОРОЖНО! ВОЕННОЕ ИМУЩЕСТВО!» Эдди снял пленку, и они увидели магнитофон с двумя бобинами на нем. Одна была с пленкой. Роланд не сумел разобрать единственное слово, написанное на переднем торце магнитофона, и спросил Сюзанну, что оно означает.

— «Волленсак», — ответила она. — Название немецкой компании. Если речь идет о таких вот магнитофонах, то лучше, чем «Волленсак», их никто не делал.

— Тут ты не права, сладенькая, — вмешался Эдди. — В мое время пальма первенства перешла к «Сони». Они сделали плеер, который крепился к поясу. Назывался он «Уокмен». Готов спорить, этот динозавр весит двадцать фунтов. С батарейками — больше.

Сюзанна разглядывала три футляра с бобинами, которые лежали рядом с «Волленсаком».

— Мне не терпится их послушать.

— Если послушаем, то с наступлением ночи, — ответил ей Роланд. — А пока посмотрим, что еще нам приготовили.

— Роланд? — спросил Джейк.

Стрелок повернулся к нему. Что-то в лице Джейка практически всегда заставляло смягчаться и лицо Роланда. Роланд, когда смотрел на Джейка, не становился красавцем, но в чертах его лица проявлялось чувство, которого обычно не было. Сюзанна полагала, что это взгляд любви. А может, надежды на будущее.

— Что такое, Джейк?

— Я знаю, нам придется сражаться...

— Присоединяйтесь к нам на следующей неделе во время просмотра «Возвращения в „ОК Коррал“ с Вэном Хефлином и Ли ван Клиффом в главных ролях^[42], — пробормотал Эдди, направляясь в глубину пещеры. Там стояло что-то большое, накрытое вроде бы стеганым чехлом газонокосилки.

— ...но когда? Завтра?

— Возможно, — ответил Роланд. — Но, вероятнее, послезавтра.

— У меня какое-то ужасное предчувствие. Не то, чтобы я боюсь, нет...

— Ты думаешь, им удастся нас побить, цыпленок? — спросила Сюзанна. Обняла Джейка за шею, посмотрела в глаза. Она научилась уважать предчувствия мальчика. Иногда спрашивала себя, а не связаны ли они с существом, с которым ему пришлось столкнуться, чтобы попасть сюда: с тварью в доме на Голландском холме. Там ему противостоял не робот, не ржавая заводная игрушка. Привратник определенно был из тех чудовищ, что остались после отхода Прима. — Ветер донес до тебя запах нашего поражения. Да?

— Я так не думаю, — ответил Джейк. — Я не знаю, что это. Такое я испытывал только раз и случилось это перед тем...

— Перед чем? — спросила Сюзанна, но прежде чем Джейк успел ответить, раздался голос Эдди. Роланда это порадовало. «Перед тем, как я упал». Вот как Джейк собирался закончить фразу. «Перед тем, как Роланд позволил мне упасть».

— Господи! Идите сюда! Это надо видеть!

Эдди сдернул стеганый чехол, и глазам остальных открылся моторизованное транспортное средство, нечто среднее между внедорожником и гигантским трициклом. С широкими баллонными шинами и глубоким зигзагообразным протектором. Средства управления находились на руле. Из элементарно простого щитка управления торчала игральная карта рубашкой к ним. Роланд знал, что это за карта еще до того, как Эдди выдернул ее двумя пальцами и повернул. На картинке изображалась женщина с платком на голове у вращающегося колеса. Госпожа Теней.

— Похоже, что наш друг Тед оставил тебе средство передвижения, сладенькая, — заметил Эдди.

Сюзанна на руках и коленях быстренько подползла к нему.

— Подсади меня, Эдди! Подсади!

Эдди подсадил, и едва она оказалась в седле, схватившись за ручки руля вместо вожжей, стало ясно, что эта машина делалась под нее. Сюзанна нажала на красную кнопку, и двигатель ожил, едва слышно зажужжал. Электрический, не бензиновый, Эдди в этом не сомневался. Та же тележка для гольфа, только, скорее всего, более быстрая.

Сюзанна повернулась к ним, ослепительно улыбалась. Похлопала по темно-коричневой раме трехколесника.

— Зовите меня миссас Кентавр! Я всю жизнь мечтала о таком, только этого не знала.

Никто из них не заметил печали, отразившейся на лице Роланда. Он наклонился, чтобы поднять игральную карту, небрежно брошенную Эдди, так что никто и не мог заметить.

Да, это была она, все так, Госпожа Теней. Из-под платка она хитро улыбалась и рыдала одновременно. В последний раз он видел эту карту в руке человека, который иногда называл себя Уолтером, а иной раз и Флеггом.

«Ты понятия не имеешь, как близко от тебя Башня, тогда сказал он. — Миры вращаются над твоей головой».

И теперь он узнал чувство, которое охватило их, мог назвать, практически не сомневаясь в собственной правоте: не тревога, не усталость — ка-шуме. Точно выразить его словами, пожалуй, не представлялось возможным. А означало оно приближение разрушения катета.

Уолтер о'Дим, его давний заклятый враг умер. Роланд это понял, едва увидел лицо Госпожи Теней. Скоро умрет один из его близких, возможно, в грядущей битве, которая уничтожит могущество Девар-тои. И вновь весы,

которые временно качнулись в их сторону, обретут равновесие.

Мысль о том, что умереть может он сам, просто не приходила Роланду в голову.

На машине, которую Эдди немедленно окрестил «Прогулочный трайк Сюзанны» стояли логотипы трех фирм. «Хонды», «Такуро» (продукция которой, в частности «Такуро спирит», пользовалась бешеной популярностью в том мире, где население выкосил супергрипп) и «Северного центра позитроники». Имелась и бирка «СОБСТВЕННОСТЬ АРМИИ США».

Сюзанне ужасно не хотелось слезать с трайка, но в конце концов она слезла. Видит Бог, вокруг еще много чего нашлось: они попали в пещеру сокровищ. У входа, в самой узкой части пещеры находились запасы еды (в основном, продукты сухой заморозки, возможно, не такие вкусные, как суп Найджела, но насыщающие), вода в бутылках, напитки в банках («Кока», Нозз-А-Ла», но ничего алкогольного) и обещанная плита на пропане. Глубже стояли ящики с оружием. На некоторых можно было прочитать «АРМИЯ США», но далеко не на всех.

Теперь их основные способности вырвались наружу: истинная сущность, как сказал бы Корт. Таланты и врожденное чутье могли всю жизнь так и оставаться не раскрытыми, давая о себе знать лишь в час беды, если бы Роланд намеренно не разбудил... не вскормил а потом не отточил их до смертельно опасной остроты бритвы.

Они практически не обменялись ни словом, когда Роланд доставал из мешка фомку и один за другим вскрывал ящики. Сюзанна напрочь забыла о прогулочном трайке, которого ждала всю жизнь; Эдди — о своих шуточках; Джейк — о предчувствии беды. Они могли думать только об оружии, которое им оставили, и сразу или после короткого осмотра понимали, что перед ними и для чего предназначено.

В одном ящике лежали штурмовые винтовки «АР-15», с еще не удаленной со стволов смазкой, ударные механизмы которых пахли банановым маслом. Эдди обратил внимание на переключатели, позволяющие стрелять, как одиночными патронами, так и короткими и длинными очередями, и заглянул в соседний ящик. Внутри, прикрытые пластиковой пленкой и тоже в заводской смазке, находились металлические патронные диски. Они выглядели точно так же, как диски автоматов в

гангстерских сагах, вроде «Белой жары», только превосходили их размерами. Эдди поднял одну из «АР-15» и, само собой, увидел то, что и ожидал: посадочное гнездо под такой диск, превращающее штурмовую винтовку в скорострельный пулемет. Сколько патронов было в диске? Сто? Сто двадцать пять? Вполне достаточно, чтобы выкосить целую роту, это точно.

Тут же стоял ящик с вроде бы ракетными снарядами с написанными на каждом буквами «STS». За ящиком, в стойке у стены закрепили полдюжины ручных ракетных установок. Роланд указал на знак атома на них и покачал головой. Он не хотел пользоваться оружием, которое могло заразить территорию и все живое на ней радиацией, каким бы эффективным оно ни было. Он намеревался убить Разрушителей, но только в том случае, если бы не нашлось другого способа остановить их пагубное воздействие на Луч.

Рядом с металлическим подносом, заваленным противогАЗами (Джейку они напомнили отрезанные головы каких-то странных жуков) они нашли два ящика с ручным оружием: короткоствольными пистолетами-пулеметами со словом «КОЙОТ» выгравированном на рукоятках каждого, и тяжелыми автоматическими пистолетами «Кобра старс». Джейку очень приглянулись и «Койот», и «Кобра старс» (по правде говоря, ему приглянулось все оружие), но он взял «Кобру», потому что этот пистолет в значительной степени напоминал «ругер», которого он лишился. Обойма в рукоятке вмещала пятнадцать или шестнадцать патронов. Считать их Джейку не потребовалось: взгляда хватило, чтобы знать.

— Эй, — воскликнула Сюзанна, она перебралась ближе к входу в пещеру. — Вы только посмотрите. Снитчи.

— Хочу взглянуть на крышку ящика, — сказал Джейк, когда они присоединились к ней. Сюзанна подвинулась, Джейк поднял крышку, с восхищением уставился на нее. На крышке нарисовали лицо улыбающегося мальчика с похожим на стилизованное изображение молнии шрамом на лбу, в круглых очках. Он замахивался вроде бы волшебной палочкой на подлетающий снитч. Под рисунком они прочитали:

«СОБСТВЕННОСТЬ 449 ЭСКАДРОНА 24 „СНИТЧА“

МОДЕЛЬ «ГАРРИ ПОТТЕР» СЕРИЙНЫЙ № 465-17-ССНРJKR^[43]

Не связывайтесь с 449-ым! Мы вышибем вам мозги!»

В ящике лежали два десятка снитчей, расфасованные, как яйца, в пластиковые ячейки. Никто из бойцов Роланда не успел как следует разглядеть это новое оружие во время битвы с Волками, но теперь им хватало времени, чтобы утолить любопытство. Каждый взял по снитчу.

Размером с мяч для тенниса, но куда тяжелее. Неровная поверхность напоминала глобус с нанесенными на него меридианами и параллелями, и хотя на вид снитчи вроде бы изготовили из стали, поверхность чуть пружинила под пальцами, словно очень твердая резина.

На каждом снитче была идентификационная табличка, рядом с ней — кнопка. «Она приводит его в действие», пробормотал Эдди, и Джейк кивнул. Он обратил внимание на маленькую ложбинку, размером аккурат с палец. Нажал на нее, нисколько не волнуясь, что снитч взорвется у него в руках или из снитча вылезет мини-пила и отрежет ему пальцы. Кнопка на дне впадины использовалась для доступа к программирующему устройству. Он понятия не имел, откуда мог это знать, но, видать, знал.

Часть снитча сдвинулась с легким шуршанием, открыв четыре лампочки. Три потушенные, четвертая пульсировала янтарным светом. В семи окошечках виднелись ноли. Под каждым имелась кнопка, такая маленькая, что нажать на нее можно было лишь концом разогнутой скрепки для бумаг. «Размером с жопу жучка», — чуть позже пробормотал Эдди, пытаясь запрограммировать один из снитчей. Справа от окошечек находились еще две кнопки, маркированными буквами «У» и «З».

Джейк показал их Роланду.

— Вот эта кнопка — «УСТАНОВКА», а вот эта «ЗАДЕРЖКА». Думаю, что так. Ты согласен?

Роланд кивнул. Он никогда раньше не видел такого оружия, во всяком случае, так близко, но, в сочетании с окошками, предназначение кнопок не вызывало сомнений. И он подумал, что снитчи могут оказаться весьма полезными, в отличие от дальнострелов с атомными снарядами. «УСТАНОВКА» и «ЗАДЕРЖКА».

ОБОСНОВАТЬСЯ... и ЖДАТЬ.

— Все это оставили нам Тед и его два дружка? — спросила Сюзанна.

По разумению Роланда, кто все это оставил, не имело ровно никакого значения. Главное, что теперь у них было оружие, и в достаточном количестве. Но он кивнул.

— Как? Где они его взяли?

Роланд не знал. Знал он другое, эта пещера — ма'сун, военный арсенал. Находящиеся под скалой, на которой они обосновались, люди воевали с Башней, которую поклялся защищать род Эльда. Он и его тет нападут на них, используя фактор внезапности, и с помощью этого оружия будут убивать и убивать, пока все их враги не окажутся на земле, с мысками сапог, нацеленных в небо.

Или пока в небо не нацелятся мыски их сапог.

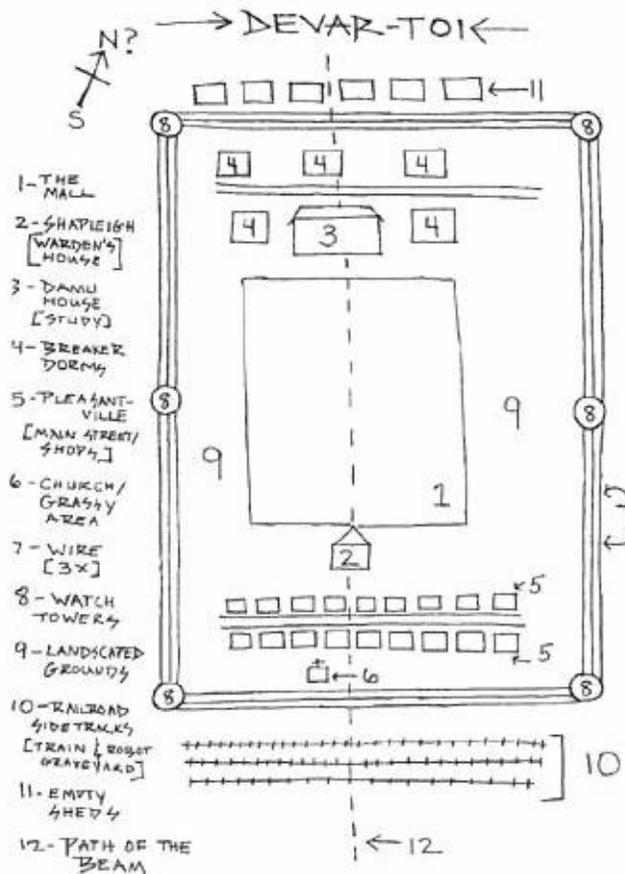
— Может, он что-то объясняет на одной из оставленных нам пленок, — предположил Джейк. Он поставил свой новенький автоматический пистолет «Кобра» на предохранитель и сунул в плетеную сумку с оставшимися орисами. Сюзанна тоже взяла себе «Кобру», пару раз покрутила пистолет на пальце, как Энни Оукли^[44].

— Может, и объяснит, — Сюзанна улыбнулась Джейку. Давно уже она не чувствовала себя так хорошо. Физически. Небеременной. Однако, разум ее не находил покоя. Или душа.

Эдди поднял руку с куском материи, скатанным в трубочку и в трех местах перевязанным ниткой.

— Тед говорил, что оставил карту этого концентрационного лагеря. Готов спорить, это она. Кто-нибудь, кроме меня, хочет взглянуть?

Захотели все. Джейк помог Эдди развернуть карту. Бротигэн предупреждал, что она будет очень грубой, схематичной, и так и оказалось: ничего, кроме кружков, квадратиков и прямоугольников. Сюзанна прочитала название города, Плизантвилль, и вновь подумала о Рэе Брэдбери. Джейк особо отметил некое подобие компаса, на котором создатель карты поставил знак вопроса около буквы С.

- 1— Молл
- 2— Шепли (Дом директора тюрьмы)
- 3— Дамли-Хауз
- 4— Общежития разрушителей
- 5— Плизантвиль (Главная улица/магазины)
- 6— Церковь (Травяная зона)
- 7— Проволочная изгородь (трехрядная)
- 8— Сторожевые башни
- 9— Облагороженная территория
- 10— Железнодорожные пути (кладбище поездов и роботов)
- 11— Пустующие постройки
- 12— Тропа Луча
- 13— Ю
- 14— С?
- 15— ДЕВАР-ТОИ

Когда они изучали это выполненное в спешке картографическое творение, из окружающего пещеру сумрака донесся долгий и протяжный крик. Эдди, Сюзанна и Джейк нервно обернулись. Ыш поднял голову, ранее лежавшую на лапах, зарычал, коротко и низко, потом голова вновь упала на лапы, и он вроде бы снова заснул: «Пошел к черту, плохиш, я со своими близкими и ничего не боюсь».

— Кто это кричал? — спросил Эдди? Койот? Шакал?

— Какая-то дикая собака, — рассеянно согласил Роланд. Он сидел на корточках (то есть боль из бедра ушла, хотя бы временно), обхватив руками голени. Ни на мгновение не оторвал глаз от нарисованных на ткани кружочков и квадратиков. — Кан-той-тете.

— Она похожа на Дан-тете? — спросил Джейк.

Роланд вопрос проигнорировал. Поднял карту и вышел с ней из пещеры, ни разу не обернувшись. Остальные молча переглянулись и последовали за ним, вновь завернувшись в одеяла, как в шали.

Роланд вернулся в то место, куда Шими (с минимальной помощью своих друзей) перенес их из стенного шкафа в кабинете начальника транспортной конторы. Где-то позади них вновь завывала дикая собака, вой этот разнесся по сумраку Тандерклепа.

И Джейк подумал, что сумрак становится сумрачнее. Глаза

приспосабливались к нему по мере того, как день катился к исходу, а столб солнечного света становился все ярче. Он не сомневался, что солнечную машину можно включить, можно выключить, но яркость света точно не регулировалась. Возможно, она работала круглые сутки, но Джейк в этом сомневался. Нервная система людей настроена на регулярную смену света и темноты. Он узнал об этом на уроках по естествознанию. Можно, конечно, долго жить при слабом свете, в арктических странах люди так и живут из года в год, но это может сказаться на психическом здоровье. Джейк не думал, что власть предержащие хотели, чтобы у Разрушителей поехала крыша. Наоборот, наверняка всячески этому препятствовали. Впрочем, они хотели спасти свое «солнце» и для себя. Хотя наверняка понимали, что вся здешняя техника очень старая и может в любой момент окончательно выйти из строя.

Наконец Роланд передал бинокль Сюзанне.

— Обрати особое внимание на дома по обе стороны травяного прямоугольника, — он развернул карту, совсем как глашатай в фильмах или спектаклях разворачивал пергамент с королевским указом. Коротко глянул на нее. — Они помечены цифрами 2 и 3.

Сюзанна внимательно рассмотрела указанные дома. Обозначенный цифрой 2 дом директора тюрьмы, маленький коттедж Кейп-Код, выкрашенный в цвет электрик с белой отделкой. Такой ее мать могла бы назвать сказочным домиком, благодаря яркой расцветке и пряничным зубчатым свесам крыши.

Дамли-Хауз значительно превосходил Шэпли размерами, и на ее глазах кто-то входил, а кто-то выходил из дома. Некоторые с беззаботным видом гражданских, другие... скажем так, настороженно поглядывая по сторонам. Двое или трое сгибались под тяжелым грузом. Она передала бинокль Эдди. И спросила, не дети ли это Родерика?

— Думаю, что да, — ответил он, — но полной уверенности...

— Хватит о Родах, — оборвал его Роланд, — сейчас нам не до них. Что ты можешь сказать об этих двух домах, Сюзанна?

— Ну, — осторожно начала она, поскольку не имела ни малейшего понятия, какого он ждет от нее ответа, — они поддерживаются в идеальном состоянии, если сравнивать с теми развалюхами, которые встречались нам по пути. Тот, что называется Дамли-Хауз, особенно красив. Этому стилю мы дали имя королевы Анны...

— Они из дерева, как по-твоему, или только так выглядят? Особенно меня интересует тот дом, что называется Дамли.

Сюзанна вновь поднесла бинокль к глазам, потом передала Джейку. И

когда Джейк уже смотрел на интересующие Роланда дома, раздался громкий щелчок: звук этот докатился до них издали, и солнечный столб Сесия Б. Де Милля, который освещал Девар-тои, как направленный вниз прожектор, погас, оставив их в лиловом сумраке, который быстро переходил в полную и абсолютную черноту.

Тут же вновь завывала дикая собака, от этого воя по коже Джейка побежали мурашки. Вой прибавлял в громкости... прибавлял... а потом вдруг разом оборвался каким-то вскриком. Во вскрике этом слышалось изумление, и Джейк не сомневался, что дикая собака мертва. Кто-то незаметно подобрался к ней сзади, а когда большой прожектор погас...

Он видел, что внизу горели огни: двойной ряд уличных фонарей в Плизантвиле, желтые круги, вероятно, от натриевых ламп на дорожках в университете Разрушителей, как назвала Сюзанна эту часть Девар-тои... и лучи фонариков, вроде бы беспорядочно перемещающиеся в темноте.

«Нет, — подумал Джейк, — это лучи не фонариков, а прожекторов охранной системы. Как в фильме о тюрьме».

— Давайте вернемся в пещеру, — предложил он. — Раз смотреть больше не на что, мне бы не хотелось оставаться в темноте.

Роланд согласился. Цепочкой по одному они спустились к входу в пещеру. Эдди нес Сюзанну, Джейк шагал за ним, с Ышем у ног. Мальчик ожидал, что другая дикая собака подхватит крик первой, но в пустыне царила тишина.

4

— Они деревянные, — Джейк, скрестив ноги, сидел под одним из газовых фонарей, радуясь тому, что белый свет падает на лицо.

— Деревянные, — согласился с ним Эдди.

Сюзанна на мгновение запнулась, понимая, что вопрос, должно быть, действительно важный, и вновь осмысливая увиденное. Потом кивнула.

— Деревянные. Я в этом практически уверена. Тот, что они называют Дамли-Хауз, точно деревянный. Чтобы дом в стиле королевы Анны построили из камня или кирпича, а потом придали ему вид деревянного? В этом нет никакого смысла.

— Если кому-то хочется обмануть незваных гостей, решивших его смочь, смысл есть, — возразил Роланд. — Очень даже есть.

Сюзанна вновь задумалась. Роланд, разумеется, прав, но...

— Я все равно утверждаю, что он деревянный. Роланд кивнул.

— Я тоже.

Еще раньше он взял большую зеленую бутылку с надписью на этикетке «ПЕРЬЕ». Теперь открыл ее и убедился, что «Перье» — вода. Разлил ее в пять чашек и поставил их перед Джейком, Сюзанной, Эдди, Ышем и собой.

— Ты признаешь меня дином? — спросил он Эдди.

— Да, Роланд, ты знаешь, что признаю.

— Ты поделишь со мной кхеф и выпьешь эту воду?

— Да, если ты хочешь, — чуть раньше Эдди улыбался, но тут стал серьезным. Чувство вернулось, и очень сильное. Ка-шуме, печальное слово, которого он еще не знал.

— Пей, вассал.

Эдди, конечно, не понравилось, что его назвали вассалом, но воду он выпил. Роланд опустился перед ним на колени и коротко, сухо поцеловал в губы.

— Я люблю тебя, Эдди, — а за стенами пещеры, на пустынных просторах Тандерклепа, поднялся ветер, неся тучи отравленной пыли.

— Почему... я тоже люблю тебя, — вырвалось у Эдди. — Что не так? И не говори мне, что все нормально, я же чувствую, что-то не так.

— Все нормально, — с улыбкой ответил Роланд, но Джейк никогда не слышал в голосе стрелка такой грусти. Его это ужаснуло. — Это ка-шуме, и оно приходит к каждому ка тету, который когда-либо существовал... но сейчас, пока мы — единое целое, мы разделяем нашу воду. Мы разделяет наш кхеф. И это радостно и приятно.

Он повернулся к Сюзанне.

— Ты признаешь меня дином?

— Да, Роланд, я признаю тебя дином, — Сюзанна сильно побледнела, но, возможно, причина крылась в белом свете газовых фонарей.

— Ты поделишь со мной кхеф и выпьешь эту воду?

— С удовольствием, — ответила она и подняла с земли пластиковую чашку.

— Пей, женщина-вассал.

Она выпила, не сводя серьезных карих глаз с его. Подумала о голосах, которые слышала, вновь перенесаясь в тюрьму Оксфорда: этот мертв, тот мертв: о, Дискордия, и тени становились все чернее.

Роланд поцеловал ее в губы.

— Я люблю тебя, Сюзанна.

— Я тоже люблю тебя. Стрелок повернулся к Джейку.

— Ты признаешь меня дином?

— Да, — насчет бледности мальчика двух мнений быть не могло. Даже губы у него посерели. — Ка-шуме означает смерть, не так ли? Кто из нас должен умереть?

— Я не знаю, — ответил Роланд. — Тень смерти, возможно, еще лежит на нас, но колесо по-прежнему вертится. Ты не чувствовал ка-шуме, когда входил с Каллагэном к этим вампирам?

— Чувствовал.

— Ка-шуме для обоих?

— Да.

— Однако, ты здесь. Наш ка-тет очень сильный, и пережил много опасностей. Он может пережить и эту.

— Но я чувствую...

— Да, — голос звучал ласково, на взгляд был ужасен. В нем стояла не просто печаль, говорящая о том, что чему быть, того не миновать, сквозь нее проступала Башня, Темная Башня проступала сквозь нее, и именно там он уже был, сердцем и душой, ка и кхефом. — Да, я тоже это чувствую. Мы все чувствуем. Вот почему мы разделяем воду, которая суть дружба, между собой. Ты разделишь со мной кхеф. Разделишь эту воду?

— Да.

— Пей, вассал.

Джейк выпил. А потом, прежде чем Роланд успел поцеловать его, выронил чашку и обвил руками шею стрелка и истоково прошептал на ухо: «Я люблю тебя, Роланд».

— Я тоже люблю тебя, — ответил стрелок и отстранился. Снаружи донесся очередной сильный порыв ветра. Джейк ждал, что кто-то завоет, возможно, торжествуя, но напрасно.

Улыбаясь, Роланд повернулся к ушастику-путанику.

— Ыш из Срединного мира, ты признаешь меня своим дином?

— Ином! — ответил Ыш.

— Ты разделишь со мной кхеф и эту воду?

— Хеф! Оду!

— Пей, вассал.

Ыш сунул мордочку в пластиковую чашку и вылакал воду. Потом вопросительно поднял голову. Капельки «перье» поблескивали на усах.

— Ыш, я люблю тебя, — Роланд наклонился, его лицо оказалось в непосредственной близости от острых зубов ушастика-путаника. Ыш один раз лизнул его в щеку, а потом вновь сунулся в чашку, в надежде, что оставил там каплю-другую.

Роланд вытянул руки перед собой. Джейк взялся за одну, Сюзанна —

за вторую. Эдди замкнул кольцо, подумав: «Как бывшие пьяницы на собрании АА»^[45].

— Мы — ка-тет, — сказал Роланд. — Мы — единство из множества. Мы разделили нашу воду, как разделяли нашу жизнь и наши поиски. Если один из нас падет, он не исчезнет, потому что мы едины, и никто не будет забыт, даже в смерти.

Еще какое-то они не расцеплялись. Первым опустил руки Роланд.

— И каков твой план? — спросила Роланда Сюзанна. Не назвала его сладеньким, никогда больше, во всяком случае, Джейк этого не слышал, не называла его так или каким-то другим ласковым словом. — Ты нам расскажешь?

Роланд мотнул головой в сторону магнитофона «Воллексак», который по-прежнему стоял на бочке.

— Может, сначала нам лучше послушать его. В общих чертах план у меня есть, но на основе рассказа Бротигэна можно будет кое-что уточнить.

Ночь в Тандерклепе — синоним черноты: ни Луны, ни звезд. И однако, если б мы стояли у пещеры, где Роланд и его друзья только что разделили кхеф и собирались слушать магнитофонные пленки, оставленные Бротигэном, мы увидели бы два красных уголька, плавающих в этой продуваемой ветром черноте. А если бы поднялись по тропке, которая огибала Стик-тете к этим самым плавающим уголькам (опасное предложение, учитывая окружающую черноту), то натолкнулись бы на семиногого паука, сидевшего на странно «сдувшемся» теле мутанта-койота. Этот кан-тои-тете с самого рождения был обречен на быструю смерть, с пятой лапой, торчащей из груди, с бесформенной желеобразной массой, напоминающей вымя, которая болталась между задних лап, но его плоть насытила Мордред, а кровь, выпитая в несколько долгих глотков, сладостью не уступала церковному вину. У Мордред не было друзей, которые могли бы переносить его с места на место с помощью семимильных сапог телепортации, но переход от станции «Тандерклеп» до Стик-тете нисколько его не утомял.

Он слышал достаточно, чтобы понять план своего отца: внезапная атака на лежащее внизу поселение. Защитники, конечно, многократно превосходили их числом, но бойцы Роланда были преданы ему по гроб жизни, а внезапность — очень мощное оружие.

И стрелки, как мог бы сказать Джейк, становятся fou^[46], становятся одержимыми, когда у них закипает кровь и ничего не боятся. И такое вот бешенство, или безумие, или одержимость еще более мощное оружие.

Мордред, похоже, уже родился с огромным запасом знаний. Он знает, к примеру, что его Алый отец, располагая теми же сведениями, которые сейчас известны Мордреду, немедленно послал бы сообщение о появлении стрелка директору Девар-той или начальнику службы безопасности. А потом, этой ночью, только чуть позже, ка-тет, пришедший из Срединного мира, подвергнулся бы нападению. Убитые во сне, они не смогли бы помешать Разрушителям и дальше спокойно работать на Короля. Мордред родился, не зная, что это за работа, но на логику своего мышления ему грех жаловаться, да и слух у него острый. Теперь он понимает, к чему стремятся стрелки: они пришли сюда, чтобы заставить Разрушителей прекратить свою работу.

Мордред может это предотвратить, все так, но его нисколько не интересуют ни планы, ни честолюбивые замыслы Алого отца. Он уже понимает, что больше всего ему нравится горькое одиночество изгоя. Наблюдать за происходящим с холодным интересом ребенка, который смотрит на жизнь и смерть, войну и мир в муравейнике, расположившемся под стеклянным колпаком у него на столе.

Он позволит ки'-даму убить своего Белого отца? Пожалуй, что нет. Это удовольствие Мордред побережет для себя, и у него есть на то причины; уже есть причины. Что же касается остальных, молодого мужчины, женщины с ногами-обрубками, мальчишки... да, если ки'-дам Прентисс сможет воспользоваться моментом, пусть убьет любого или всех троих. А он, Мордред Дискейн, вмешиваться не будет, пусть игра идет честно. Он будет наблюдать. Будет слушать. Он услышит крики, учует запах горелого, увидит кровь, пропитывающую землю. И тогда, если он сочтет, что Роланду эту партию не выиграть, ему, Мордреду, придется сделать свой ход. В интересах Алого королю, если придет к выводу, что идея хорошая, но в действительности в собственных интересах и по своей причине, которая на самом деле очень проста: Мордред голоден.

А если Роланд и его ка-тет и на этот раз возьмут верх? Победят и продолжат путь к Башне? Мордред не думает, что такое возможно, ибо он, пусть и по-своему, тоже член их ка-тета, он разделяет их кхеф и ощущает то же, что и они. Чувствует надвигающееся разрушение их единства.

«Ка-шуме!» — улыбаясь, думает Мордред. На морде дикой собаки остался один глаз. Волосатой черной паучьей лапкой Мордред выдергивает его. Съедает, как виноградину, потом поворачивается в ту сторону, где

белый свет газовых фонарей пробивается по углам одеяла, которым Роланд занавесил вход в пещеру.

Сможет он подобраться ближе? Достаточно близко, чтобы слышать?

Мордред думает, что сможет, благо поднявшийся ветер глушит шум его движений. Будоражащая идея.

Он спускается по скалистому склону к искрам белого света, бормотанию голоса, записанного на магнитную ленту и мыслям тех, кто слушает: его братьев, сестры-матери, зверька-ушастика и, приглядывающего за всеми ими большого Белого ка-отца.

Мордред подбирается к пещере так близко, насколько хватает духа, и замирает в холодной, ветреной темноте, страдающий и наслаждающийся своими страданиями, грезит своими грезами отверженного. В пещере, за одеялом, горит свет. Пусть у них будет свет, если они того хотят, пока пусть у них будет свет. Со временем он, Мордред, его потушит. И уж в темноте порезвится вволю.

Глава 8. Записки из пряничного домика

1

Эдди оглядел остальных. Джейк и Роланд сидели на спальных мешках, оставленных для них. Ёш свернулся клубочком у ног Джейка. Сюзанна удобно устроилась на сидении Прогулочного трайка. Эдди кивнул, довольный увиденным, и нажал на клавишу «PLAY» магнитофона. Бобины пришли в движение... тишина осталась... они вращались... в тишине... а потом, откашлявшись, Тед Бротигэн заговорил. Они слушали больше четырех часов. Эдди заменял заканчивавшуюся бобину полной, не перематывая пленку.

Никто не предлагал прерваться, у Роланда просто не возникло такой мысли. Стрелок слушал, не пропуская ни слова, пусть в бедре вновь запульсировала боль. Роланд думал, что теперь понимает куда больше, чем раньше, знает наверняка, что у них есть шанс остановить происходящее в поселении, которое лежало под ними. Осознание этого пугало его, потому что шанс на успех был крайне невелик. Чувство ка-шуме не позволяло в этом усомниться. И человек не мог в полной мере осознать, каковы ставки, не увидев богиню в белых одеждах, суку-богиню, рукав которой ниспадал, обнажая восхитительную белую руку, которой она звала: «Идите ко мне, бегите ко мне. Да, это возможно, вы можете достичь своей цели, можете победить, так что бегите ко мне, доверьтесь мне всем сердцем. А если я его разобью? Если один из вас упадет, упадет в пропасть коффах (это место твои новые друзья называют адом)? Тем хуже для вас».

Да, если один из них упадет в коффах и сгорит, когда до фонтанов будет рукой подать, им, конечно, будет плохо. Очень плохо. А эта сука в белых одеждах? Что ж, она лишь упрется руками в бедра, откинет голову и будет долго, долго смеяться. Очень многое зависело от человека, чей усталый, холодный голос заполнял пещеру. Темная Башня зависела от него, потому что таким могуществом, как он, не обладал никто.

И, что самое странное, вышесказанное в полной мере относилось и к Шими.

2

— Проверка, один, два... проверка, один, два... Проверка, проверка, проверка. Это Тед Бротигэн... проверка записи.

Короткая пауза. Бобины вращались, одна полная, вторая — начавшаяся заполняться.

— Ладно, хорошо. Более того, отлично. Я не думал, что эта штуковина заработает, особенно здесь, но, вижу, никаких проблем. Я готовился к этой записи, пытаюсь представить себе, как вы четверо... пятеро, считая четвероногого дружка мальчика... слушаете меня, потому что я всегда полагал визуализацию лучшим способом подготовки к презентации. К сожалению, в данном случае этот метод не сработал. Шими может посылать мне очень хорошие ментальные картинки, просто великолепные, но Роланд — единственный из вас, с кем он непосредственно встречался, да и его он не видел после падения Гилеада, а тогда они оба были совсем молодыми. Не сочтите мои слова за неуважение, но я подозреваю, что Роланд, который сейчас идет к Тандерклепу, выглядит совсем не так, как тот молодой человек, которого боготворил Шими.

— Где ты сейчас, Роланд? В Мэне, ищешь писателя? Того самого, кто также, до некоторой степени, создал и меня? В Нью-Йорке, разыскивая жену Эдди Дина? Кто-нибудь из вас до сих пор жив? Я знаю, ваши шансы добраться до Тандерклепа невелики; ка тянет вас к Деवार-тои, но очень могущественная анти-ка, приведенная в действие существом, которое вы называете Алым Королем, всячески противодействует вам и вашему катету. Тем не менее...

— Эмили Дикинсон называла надежду штучкой в перышках? Не могу вспомнить. Нынче я многое не могу вспомнить, но, похоже, не забыл, как нужно сражаться. Может, это и хорошо. Я надеюсь, что это хорошо.

— У вас не возникало желания задаться вопросом, а где я все это надиктовываю, дама и господа?

— Не возникало. Они просто сидели, зачарованные чуть суховатым голосом Бротигэна, передавая друг другу бутылку «перье» и жестянку с крекерами из пшеничной муки грубого помола.

— Я вам скажу, — продолжил Бротигэн, — частично, потому, что трое из вас, кто пришел сюда из Америки, найдут это забавным, а в основном по другой причине: мой рассказ может оказаться полезным для подготовки операции по уничтожению того, что происходит в Алгул Сьенто.

— Я говорю, сидя в кресле, высеченном из цельного куска шоколада. Сидение — большое синее маршмэллоу^[47], и я сомневаюсь, что надувные матрасы, которые мы собираемся вам оставить, мягче и удобнее. Вы

можете подумать, что такое сидение липкое, ан нет. Стены этой комнаты, и кухни, которую я вижу через арку слева от меня, сделаны из зеленых, желтых и красных леденцов. Лизните зеленое, и на языке останется вкус лайма. Лизните красное, и вы попробуете малину. Хотя вкус (в любом смысле этого неопределенного слова) едва ли связан с выбором Шими, во всяком случае, таково мое мнение. Я думаю, он, как ребенок, любит первичные яркие цвета.

Роланд, улыбнувшись, кивнул.

— Но должен вам сказать, — вновь заговорил сухой голос, — я был бы счастлив, если бы хотя бы в одной комнате яркости этой было поменьше. И краску бы выбрали синюю. А может, и какую-нибудь более темную.

Если уж речь зашла о темном, то ступени тоже шоколадные. А вот сказать «ступени лестницы на второй этаж» нельзя, потому что второго этажа нет. Через окно видны автомобили, которые подозрительно схожи с конфетами, а мостовая выглядит, как лакрица. Но, если открыть дверь и шагнуть через порог, ты сразу окажешься там, откуда пришел. То есть в «реальном мире», лучшего термина, увы, не подобрать.

«Пряничный домик», так мы называем это место, потому что там всегда пахнет свежее испеченным, только что из духовки, имбирным пряником, создан воображением не только Шими, но и Динки. Динка поселили в общежитие Корбетт-Хауз, где жил Шими, и однажды вечером он услышал, как Шими плачет навзрыд, чтобы, вымотавшись донельзя, заснуть. В большинстве своем люди в такой ситуации прошли бы мимо, и я понимаю, в этом мире Динки Эрншоу менее других похож на доброго самаритянина, но, вместо того, чтобы следовать своей дорогой, он постучал в дверь и спросил, можно ли ему войти.

Спросите его теперь, и Динки ответит вам, что ничего особенного он и не сделал. «Я только-только здесь появился, мне было одиноко, я хотел с кем-нибудь подружиться, — скажет он. — Услышал, что парень ревет в голос, и решил, что ему, возможно, тоже нужен друг». Во многих местах такое рассуждение могло бы показаться логичным, но только не в Алгул Съенто. И, думаю, вам прежде всего необходимо это понять, если вы пытаетесь понять нас. Поэтому уж простите меня за то, что я уделяю этому так много внимания.

Некоторые из охранников-челов называют нас морками, как инопланетян из какой-то телевизионной комедии. И морки — самые эгоистичные обитатели Земли. Необщительные? Не совсем так. Некоторые очень даже общительные, но только при условии, если общение даст им то, чего им в этот самый момент хочется, что они могут получить именно

благодаря общению. Мало кто из морков — социопаты, но большинство социопатов — морки, если вы понимаете, о чем я говорю. Самым знаменитым, и, слава Богу, низшие люди не притащили его сюда, был маньяк-убийца Тед Банди^[48].

Если у вас есть лишняя сигарета или две, никто не сможет посочувствовать вам или восхититься вами лучше морка, которому хочется покурить.

Подавляющее большинство морков, я говорю о девяносто восьми или девяносто девяти из ста, услышав плач за закрытой дверью, не замедлили бы шага, проходя мимо в одну или другую сторону. Динки постучал и спросил, можно ли войти, пусть был новичком в Алгул Съенто и многого не понимал (а также думал, что его накажут за убийство прежнего босса, но это уже другая история).

И нам следует взглянуть на эту ситуацию с позиции Шими. Вновь я скажу, девяносто восемь или девяносто девять морков из ста отреагировали бы на вопрос Динки криком: «Отвали!» или даже «Пошел на хер!». Потому что мы остро чувствуем, что отличаемся от большинства людей, а таких отличий, как наше, это самое большинство не любит. Любит ничуть не больше, чем, полагаю, неандертальцы любили первых кроманьонцев, появившихся в округе. Морки не любят, когда их застигают врасплох.

Пауза. Бобины вертелись. Все четверо чувствовали, что Бротигэн обдумывает свои дальнейшие слова.

— Нет, это не совсем верно. Чего морки не любят, так это когда их застают в состоянии эмоциональной уязвимости. Злыми, радостными, в слезах или приступе истерического смеха, в такие вот моменты. Для них это все равно, что вам попасть в опасную ситуацию без оружия.

Долгое время я был здесь один. Морком, который питал какие-то чувства к другим, нравилось мне это или нет. Потом появился Шими, достаточно смелый, чтобы принять утешение, если его предлагают. И Динк, который соглашался идти на контакт. Большинство морков — эгоистичные интроверты, которые маскируются под грубых индивидуалистов, хотят, чтобы мир видел, что они из категории Дэниела Буна^[49], и сотрудникам Алгул Съенто это нравится, поверьте мне. Проще всего управлять обществом, члены которого отвергают саму идею объединения. Вы понимаете, почему я так привязан к Шими и Динки, и как мне повезло в том, что я их нашел?

Рука Сюзанны заползла в ладонь Эдди. Он обхватил ее пальцами, тихонько пожал.

— Шими боялся темноты, — продолжил Тед. — У низших людей, тут я называю их всех низшими людьми, и челов, и тахинов, не только кан-тои, есть с десятков сложных методов проверки психического потенциала, но они, похоже, не поняли, что поймали недоумка, который всего лишь боялся темноты. В этом они крепко промахнулись.

Динки сразу понял, в чем проблема, и решил ее, рассказывая Шими всякие истории. Сначала сказки, в том числе «Ганс и Гретель». Шими зачаровала идея домика с леденцовыми стенами, и он выпрашивал у Динки все новые подробности. Так что, сами видите, это Динки придумал шоколадные стулья с сидениями из маршмэллоу, арку из жевательной резинки, конфетные перила, шоколадные ступени. Какое-то время в домике был второй этаж, там стояли кровати трех медведей. Но эта часть истории Шими не заинтересовала и, когда она уплыла из памяти, второй этаж Casa Gingerbread^[50] ... — Тед Бротигэн хохотнул. — Вы можете сказать, что произошло его биоразложение.

В любом случае, я верю, это место, в котором я сейчас нахожусь, фактически свищ во времени или... — вновь пауза. Вздох. А потом: — Послушайте, есть миллиард вселенных, состоящих из миллиарда реальностей. Факт этот я начал осознавать после того, как меня притащили назад после моего «короткого отпуска в Коннектикуте», как продолжает утверждать ка'-дим. Этот мерзкий сукин сын!

«В голосе Бротигэна слышится истинная ненависть, подумал Роланд, — и это хорошо. Ненависть — это хорошо. Ненависть полезна».

— Эти реальности — холл со стенами в зеркалах, только двух одинаковых отображений нет. Со временем я, возможно, еще вернусь к этому образу, но этот момент еще не наступил. Я хочу от вас, чтобы вы поняли, или просто приняли, что реальность — это органика, реальность живет. Чем-то она напоминает мышцу. И Шими протыкает дыру в этой мышце ментальным шприцем. Но такая игла есть только у него, потому что он — особенный...

— Потому что он — морк, — пробормотал Эдди.

— Ш-ш-ш! — осекла его Сюзанна.

— ... использовать ее, — продолжил Бротигэн.

(Роланд хотел попросить прокрутить пленку назад, чтобы услышать пропущенные слова, но решил, что и так все ясно).

— Это место вне времени, вне реальности. Я знаю, вам кое-что известно о функции Темной Башни; вы понимаете ее объединяющую роль. Что ж, исходите из того, что Пряничный домик — балкон на Башне: выходя на него, мы оказываемся вне Башни, но при этом по-прежнему с ней

связаны. Это настоящее место... достаточно реальное, чтобы я возвращался с пятнами от леденцов на руках и одежде... но это место, доступ в которое был только у Стенли Руиса. И, как только мы попадаем туда, оно становится таким, как он его себе представляет. Даже интересно, Роланд, у вас или ваших друзей возникали какие-то мысли о том, кто Шими на самом деле и что он может сделать, когда вы впервые встретились с ним в Меджисе.

Вот тут Роланд потянулся к магнитофону и нажал на клавишу «STOP».

— Мы знали, что он... странный, — сказал стрелок остальным. — Мы знали, что он — особенный. Иногда Катберт говорил: «Что такое с этим парнем? От него у меня по коже бегут мурашки!» А потом он появился в Гилеаде, он и его мул, Капи. Заявил, что ехал следом за нами. А мы знали, что это невозможно, но так много успело произойти к тому времени, что нам было не до службы из салуна в Меджисе, может, не очень-то и умного, но веселого и полезного.

— Он телепортировался, не так ли? — спросил Джейк. Роланд, который до этого дня не слышал такого слова, тут же кивнул.

— По крайней мере, на части пути. Иначе просто быть не могло. Как, к примеру, он смог перебраться через реку Ксай? Там был только один мост, сплетенный из веревок, и Алан перерезал их, как только мы очутились на другом берегу. Мы смотрели, как он падал, а под нами, в тысяче футов, текла река.

— Может, он сделал крюк?

Роланд кивнул.

— Может и сделал... Но для этого ему пришлось бы проехать как минимум лишних шестьсот колес.

Сюзанна присвистнула.

Эдди ждал, не скажет ли Роланд чего еще. Но стрелок молчал, поэтому Эдди наклонился и вновь нажал на клавишу «PLAY». И пещеру снова заполнил голос Бротигэна.

— Шими — телепорт. Динки — ясновидящий... помимо прочего. К сожалению, многие дороги в будущее для него заблокированы. Если вас интересует, знает ли юный сэй Эрншоу, как все обернется, ответ — нет.

— В любом случае это дыра, пробитая иглой шприца в живой материи реальности... это балкон на наружной стене Темной Башни... это Пряничный домик. Настоящее место, реальное, насколько только возможно. Именно здесь мы будем складировать все оружие и походное снаряжение, которое собираемся оставить вам в одной из пещер на склоне Стик-тете, именно здесь я надиктовываю эту пленку. Когда я покидал мою

комнату с этим устаревшим, но на удивление надежным магнитофоном под мышкой, часы показывали 10:14 утра, СВСН, стандартного времени «Синих небес». Когда я вернусь, на часах будут все те же 10:14. Независимо от того, как долго я здесь задержусь. И это только одна из чертовски удобных особенностей Пряничного домика.

Вы должны понять, возможно, Роланд, давний друг Шими, уже понял, мы — трое мятежников в обществе, одержимом идеей: сообща продвигаться к поставленной цели, даже если цель эта — уничтожение всего существующего... и чем быстрее удастся ее достичь, тем лучше. Мы обладаем несколькими крайне полезными сверхъестественными способностями и, объединив их, нам пока удастся держаться на шаг впереди. Но, если Прентисс или Финли из Тего, он — начальник службы безопасности Прентисса, выяснят, что мы пытаемся сделать, Динки отправят на корм червям еще до наступления ночи. И Шими, скорее всего, тоже. Я, возможно, проживу дольше, по причинам, до которых еще дойду, но, если Пимли Прентисс узнает, что мы пытаемся втянуть в наши дела настоящего стрелка, который, возможно, уже поспособствовал уничтожению более пяти дюжин Зеленых плащей, не так уж и далеко отсюда, даже моя жизнь будет под угрозой, — пауза. — Никчемная жизнь.

Новая пауза, долее долгая. Ранее пустая бобина заполнилась уже наполовину.

— Тогда слушайте, и я расскажу вам историю неудачливого и несчастливого человека. Возможно, это слишком длинная история и вам не будет хватать времени выслушать ее. Если так, то по крайней мере трое из вас знают назначение клавиши «FF». Что касается меня, то я нахожусь в таком месте, где часы исчезли за ненадобностью, а употребление в пищу брокколи, несомненно, запрещено законом. В моем распоряжении все время мира.

Эдди вновь поразила усталость, сквозившая в голосе мужчины.

— Я только хочу предложить не прокручивать пленку вперед без крайней на то необходимости. Как я и говорил, возможно, что-то в моем рассказе сможем вам помочь, я только не знаю, что именно. Я просто слишком быстро к эпицентру событий. И устал все время быть начеку, не только, когда бодрствую, но и во сне. Если бы я не мог время от времени ускользнуть в Пряничный домик и спать здесь безо всяких защитных барьеров, охраняющих мой разум, кан-тои Финли давно бы загребли нас троих. В углу есть диван. Он сделан из прекрасного, не прилипающего к одежде и коже маршмэллоу. Я могу подойти к нему, лечь и видеть кошмары, которые необходимы мне для того, чтобы сохранить здоровую

психику. А потом могу вернуться в Девар-тои, где моя работа — защищать не только себя, но и Шими, и Динка. Делать все необходимое для того, чтобы охранники и их гребаная телеметрия понятия не имели о том, какими тайными операциями мы занимаемся. Все должно выглядеть так, будто мы находимся в наших апартаментах, в Читальне, может, смотрим кино в «Жемчужине» или пьем газировку и едим мороженое в «Аптечном магазине Генри Грэма». При этом мне нужно и оставаться Разрушителем, и каждый день я чувствую, как Луч, с которым мы сейчас работаем, Медведя и Черепахи, изгибается все сильнее и сильнее.

Доберитесь сюда быстро. Очень мне этого хочется. Доберитесь, как можно быстрее. И дело, знаете ли, не только в том, что я могу допустить ошибку. Динки ужасно вспыльчив, и есть у него привычка говорить все, что он думает, тем, кто наступает ему на больную мозоль. В таком состоянии он может ляпнуть лишнее. И Шими делает все, что в его силах, но, если кто-то задаст ему не тот вопрос или застигнет за чем-то запретным, когда меня не будет рядом, чтобы все поправить...

Бротигэн эту фразу не закончил. Но слушатели у него были особенные, и все поняли без слов.

Бротигэн продолжает свой рассказ с даты и места своего рождения: год 1898, город Милфорд, штат Коннектикут. Мы достаточно часто слышали эти вступительные фразы, чтобы знать: они являют собой, хорошо это или плохо, начало автобиографии. И однако, слушая этот голос, у стрелков складывается впечатление, что все это им вроде бы уже известно. Не только у стрелков, даже у Ёша. Сначала они не могут понять, в чем же дело, но со временем все становится на свои места. История Теда Бротигэна, Странствующего бухгалтера — не Странствующего священника, во многом совпадает с историей преподобного Доналда Каллагэна. За малым исключением они могут считаться близнецами. И шестой слушатель, который находится за закрытым одеялом входом в пещеру, в продуваемой всеми ветрами темноте, проникается растущими сочувствием и пониманием. Почему нет? Спиртное — не главное действующее лицо в истории Бротигэна, таковым оно являлось в истории преподобного, но все равно это история пагубной привычки и изоляции, история изгоя.

В восемнадцать лет Теодора Бротигэна принимают в Гарвард, где учился его дядя Тим, который, своих детей у него нет, с радостью готов оплатить обучение Теда. По мнению Тимоти Этвуда, все просто и понятно, как ясный день: предложение сделано, предложение принято, у племянника прекрасные успехи, племянник получает диплом и готов занять достойное место в мебельном бизнесе дяди после шестимесячного тура по послевоенной Европе.

А не знает дядя Тим следующего: перед тем, как начать учебу в Гарварде, Тед предпринимает попытку завербоваться в войсковое соединение, которое вскорости получит название Американский экспедиционный корпус^[51]. «Сынок, — говорит ему врач, — у тебя чертовски сильный шум в сердце, а слух сниженный. А теперь ты собираешься сказать мне, что пришел сюда, не зная, что два эти отклонения обеспечат тебе белый билет? Ты уж извини, но я тебе не поверю, для этого ты выглядишь слишком умным».

И вот тут Тед Бротигэн делает то, чего никогда не делал раньше (потом он поклялся, что никогда не будет делать и в будущем). Он просит армейского врача загадать число, не между единицей и десятью, а между единицей и тысячью. Чтобы доставить ему удовольствие (в Хартфорде идет дождь, а потому на призывном пункте никто никуда не спешит), врач думает о 748. Тед тут же называет число. Потом 419... 99... и 997. Потом Тед предлагает врачу подумать о знаменитом человеке, живом или мертвом, и когда Тед называет Эндрю Джонсона, не Джексона — Джонсона^[52], доктор наконец — то проявляет интерес к необычному призывнику. Он приглашает в кабинет другого врача, своего друга, и Тед предлагает ему практически то же самое... за одним исключением. Просит второго врача загадать любое число между единицей и миллионом, а потом говорит ему, что загаданное число — восемьдесят семь тысяч четыреста шестнадцать. На лице второго врача на мгновение отражается изумление, чего там, он просто потрясен, которое тут же скрывается за лживой широкой улыбкой. «Извини сынок, но ты ошибся на сто тридцать тысяч, или около того», — говорит второй врач. Тед смотрит на него, без тени улыбки, не реагируя на лживую широкую улыбку, поскольку знает, что она призвана скрыть, но ему только восемнадцать лет, он достаточно молод, чтобы удивиться, а с чего, собственно, такая беззастенчивая и бессмысленная ложь? Тем временем лживая улыбка дока Номер два начинает сама по себе сползать с

лица. Док Номер два поворачивается к доку Номер один и говорит: «Посмотри на его глаза, Сэм... посмотри, что происходит с его глазами».

Первый врач пытается посветить офтальмоскопом в глаза Теда, но тот отталкивает прибор. Зеркала для него — не диковина, он видел, как иной раз его зрачки расширяются и сужаются, знает, что такое иной раз случается и когда зеркала нет под рукой, так уж устроены у него глаза, но его это не интересует, особенно, сейчас. Ему любопытно другое: док Номер два обманул его, и он не знает, почему.

— На этот раз напишите число на бумаге, — настаивает он. — Напишите, чтобы вы не смогли меня обмануть.

Док Номер два краснеет. Тед повторяет просьбу. Док Сэм берет со стола лист бумаги и карандаш, второй врач начинает писать число, но тут же передумывает, бросает карандаш на стол Сэма и говорит: «Это какой-то дешевый трюк, Сэм. Если ты этого не видишь, значит, ты — слепец, — и выходит из кабинета.

Тед предлагает доктору Сэму подумать о родственнике, любом родственнике, и мгновением позже говорит, что доктор думает о своем брате Гае, который умер от аппендицита в четырнадцать лет; с тех пор их мать называет Гая ангелом-хранителем Сэма. На этот раз доктор Сэм меняется в лице, словно ему вlepили оплеуху. Наконец-то он испугался. Причина то ли в быстром последовательном сокращении-расширении зрачков Теда, то ли в обыденности демонстрации телепатических способностей, без театрального потирания лба, без драматического: «Я вижу...» Доктор Сэм наконец-то испугался. Большой красной печатью он делает отметку «НЕ ГОДЕН» на призывной повестке и пытается побыстрее избавиться от этого странного юноши... следующий, кто еще хочет отправиться во Францию и нюхнуть горчичного газа... но Тед берет его за руку, мягко, конечно, но решительно.

— Послушайте меня, — говорит Тед Стайвенс Бротигэн. — Я — телепат от рождения. Начал подозревать об этом в шесть или семь лет, еще до того, как узнал это слово, а уж в шестнадцать знал наверняка. Я могу оказаться очень полезным в армейской разведке, а там мои снижение слуха и шум в сердце значения не имеют. Что же касается моих глаз... — он сует руку в нагрудный карман и достает солнцезащитные очки. Надевает. — Вот и все дела!

И просительно улыбается доктору Сэму. Толку никакого. У дверей временного призывного пункта, развернутого в физкультурном отделении средней школы Восточного Хартфорда стоит сержант, и врач подзывает его.

Этот парень по здоровью не годен к службе, и я устал с ним спорить. Вас не затруднит выпроводить его из призывного пункта?

Теперь уже Теда хватают за руку и отнюдь не нежно.

— Минуточку! — говорит Тед. — Есть кое-что еще! Очень важное! Я не знаю, если ли термин, которым можно это назвать, но...

Прежде чем он успевает продолжить, сержант выволакивает его из кабинета, быстро ведет по коридору мимо нескольких изумленных парней и девиц одного с ним возраста. Такое слово есть, и он узнает его многие годы спустя, уже здесь, в «Синих небесах». Слово это — умножитель, и поэтому, с точки зрения Пола «Пимли «Прентисса, Тед Стайвенс Бротигэн — едва ли не самый ценный чел во всей вселенной.

Но не в тот день 1916 года. В тот день 1916 года его бесцеремонно тащили по коридору и оставили на гранитных ступенях за парадной дверью, а мужчина с сильным акцентом сказал ему: «Я только хочу, чтобы ноги твоей здесь не было, парень!»

Какое-то время Тед стоит там, где его оставил сержант. Думает: «Что же нужно сделать, чтобы убедить вас?» и «Какие же вы слепцы». Он не может поверить, что такое случилось с ним.

Но ему приходится поверить, потому что он здесь, а призывной участок — там. И в конце шестимильной прогулки вокруг Хартфорда он думает, что понимает кое-что еще.

Они никогда не поверят. Ни один из них. Никогда. Они откажутся поверить, что человек, способный прочесть мысли верховного германского командования, может быть полезен. Человек, который может точно сказать союзникам, где немцы начнут очередное наступление. Человек, который может сделать это не раз или два, а сколько нужно, и в результате война завершится к Рождеству. Но у него нет такого шанса, потому что они не дадут ему этот шанс. И почему? Как-то это связано с попыткой второго врача изменить задуманное число, когда Тед его назвал, а потом отказом написать новое число на бумаге. Потому что в глубине души все они хотят сражаться, а такой парень, как он, все им испортит.

Что-то в этом роде.

Тогда хрен с ними. Он пойдет в Гарвард, получит образование на дядюшкины денежки.

И он идет. О Гарварде Динки многое им уже рассказал: Драматическое общество, Дебатный клуб, гарвардский «Кримсон», Кружок студентов с выдающимися математическими способностями и, разумеется, каппер, Фи-бета-каппер. Он даже сэкономит дядюшке несколько баксов, получив диплом досрочно.

Он на юге Франции, война давно закончилась, когда его находит телеграмма: «ДЯДЯ УМЕР ТОЧКА ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ скорее ТОЧКА».

Главное слово в телеграмме, похоже, ТОЧКА.

Видит Бог, это был один из поворотных моментов. Он вернулся домой, да, утешил тех, кто нуждался в утешении, да. Но вместо того, чтобы занять место дяди в мебельном бизнесе, он принимает решение ОСТАНОВИТЬ свой поход к финансовому успеху и НАЧАТЬ новый, к финансовому забвению. По ходу долгой истории этого человека Роланд и его ка-тет ни разу не услышат, что Тед Бротигэн винит в своей намеренной анонимности свои сверхъестественные способности или элемент собственного прозрения: это ценные способности, просто миру они еще не нужны.

И Господи, каким путем он приходит к пониманию этого! Во-первых, его «дикий талант» (такое определение встречается ему в дешевеньких журналах научной фантастики) действительно смертельно опасен при надлежащих обстоятельствах. Или при ненадлежащих.

В 1935 году, в Огайо, благодаря ему Тед Бротигэн становится убийцей.

Лиловые сумерки летнего дня внезапно сгущаются до ночной темноты, потом вдруг светлеет, но снова наступает темнота. Причина в его глазах, зрачки сужаются и расширяются, проделывая тот самый трюк, который так изумил второго врача чуть ли не двадцатью годами раньше, но Тед этого не замечает. Все внимание сфокусировано на убегающем человеке, сукином сыне, который только что ограбил его, а в процессе изуродовал ему лицо. Никогда в жизни он не испытывал такой злости, и, хотя мысль, которую он посылает вслед воришке, безобидная, даже кроткая (слушай, дружище, я бы дал тебе доллар, если бы ты попросил, может, даже два)

силы в ней, как в брошенном копье. И это было копье. Бротигэну требуется какое-то время, чтобы это осознать, но по прошествии этого времени, ему становится ясно, что он — убийца, и, если есть Бог, ему, Теду Бротигэну когда-нибудь придется стоять перед Его троном и держать ответ за только что содеянное. Убегающий мужчина вроде бы обо что — то спотыкается, но на тротуаре нет ничего такого, обо что может зацепиться нога, только надпись мелом, печатными буквами: «ГАРРИ ЛЮБИТ БЕЛИНДУ». А вокруг детский орнамент: звезды, комета, неполная луна, которого со временем Тед начнет бояться. У него такое ощущение, будто он сам вонзил копье в спину этого человека, но он, по крайней мере, не сдвинулся с места. И он этого не хотел. Вот в чем дело. В глубине сердца Тед знает, этого не хотел. Он просто... его разозлила неожиданность

нападения.

Тед направляется к воришке, поднимает бумажник и видит, что игравшие в стикбол мальчишки смотрят на него, разинув рты. Показывает им бумажник, словно это какое-то оружие с болтающимся стволом, и мальчишка, который держит в руках отпиленную ручку от швабры, вздрагивает. Весь следующий год, или около того, это вздрагивание Тед будет видеть в своих кошмарах чаще, чем падающее тело. Собственно, будет видеть и потом, пусть и реже, всю жизнь. Потому что он любит детей, и никогда не пугает их специально. И он знает, что они видят: мужчину со спущенными брюками, из-под которых видны боксерские трусы (он понятия не имеет, торчит из ширинки его конец или нет, и если торчит, то его это несколько не удивит), бумажником в руке и безумным выражением окровавленного лица.

— Вы ничего не видели! — кричит он им. — Вы меня слышите! Вы меня слышите! Вы ничего не видели!

Потом он подтягивает брюки. Возвращается к портфелю, поднимает, но к пакету со свиной отбивной не прикасается, к черту свиную отбивную, он потерял аппетит, вместе с верхним передним зубом. Бросает еще один взгляд на лежащее на тротуаре тело, на испуганных мальчишек. Убегает.

С этого начинается его новая карьера.

Конец второй пленки выскользнул из прорези в ступице бобины, и мягко зашуршал, протягиваясь через головку магнитофона.

— Господи, — выдохнула Сюзанна. — Господи, какой бедняга.

— Как же давно это произошло, — и Джейк покачал головой, словно пытался разогнать застилавший ее туман. Для мальчика годы, отделяющие его когда от когда Бротигэна, казались непреодолимой пропастью.

Эдди взял футляр с третьей бобиной, достал ее, вопросительно посмотрел на Роланда. Стрелок привычным жестом вертанул рукой, тем самым говоря: скорее, скорее.

Эдди заправил пленку в головку магнитофона. Ранее ему такого делать не приходилось, но для этого не требовались знания инженера-ракетчика. Усталый голос продолжил, вещая из Пряничного домика, который Динки Эрншоу придумал для Шими, реального места, для создания которого потребовалось только воображение. Балкон на наружной стене Темной Башни, так назвал его Бротигэн.

Он убил мужчину (случайно, с этим согласились они все; они привыкли не расставаться с оружием, и знали разницу между случайным и сознательным его применением безо всяких дискуссий) примерно в семь вечера. А к девяти часам того же вечера уже катил в поезде на запад. Тремя днями позже просматривал колонку объявлений «Требуются бухгалтеры» в газете Де-Мойна^[53]. Теперь он знал о себе несколько больше, чем раньше, понимал, каким должен быть осторожным. Более не мог позволить себе злиться, даже когда для злости были все основания. Прежде был безобидным телепатом, мог сказать вам, что вы съели на ленч, мог сказать, где в колоде лежит дама червей, потому что об этом знал шулер, державший игорный притон на углу... но, разозлившись, Бротигэн получал доступ к копыю, ужасному копыю...

— Между прочим, это неправда, — заметил голос из магнитофона. — Про безобидного телепата, и я это понимал, даже когда был молокососом, пытавшимся попасть на военную службу. Просто не знал слова, каким следовало меня называть.

Как выяснилось, слово это — умножитель. Позднее он понял, что определенные личности, скауты, отыскивающие людей со сверхъестественными способностями, уже тогда наблюдали за ним, оценивали его потенциал, зная, что он выделяется даже среди телепатов, но не зная, насколько выделяется. Во-первых, телепаты, живущие не на Ключевой Земле (их фраза) встречались редко. Во-вторых, к середине 1930 годов Тед начал осознавать, на что он действительно способен: если прикасался к разуму другого человека в состоянии эмоционального подъема, человек этот на короткое время становился телепатом. Не знал Бротигэн другого: сверхъестественные способностей тех, кто были телепатами, под его воздействием усиливались.

Значительно усиливались, умножались.

— Но я об этом еще расскажу, — пообещал Бротигэн.

Он переезжал из города в город, безработный, перебивающийся случайными заработками, который ездил по стране на открытых площадках пассажирских вагонов, а то и в товарных, никогда не задерживаясь на одном месте достаточно долго, чтобы пустить корни. Оглядываясь назад, он полагал, что даже тогда подсознательно знал о слежке. На интуитивном уровне, по странностям, которые иногда замечал краем глаза. К примеру, тут и там ему встречался определенный тип людей. Женщины — редко, чаще мужчины, но всем им нравилась кричащая одежда, бифштексы с кровью, быстрые автомобили, тех же ярких цветов, что и одежда. Их отличали тяжелые и на удивление лишенные выражения лица. Позже он

пришел к выводу, что точно также выглядят лица тех дураков, которые делали пластические операции у врачей-шарлатанов, прельстившихся дешевизной. И все двадцать лет, осознанно он это не замечал, только краем глаза, в каком бы он ни находился городе, везде ему встречались те же детские символы, нарисованные на заборах, стойках, тротуарах. Звезды и кометы, планеты с кольцами и неполные луны. Иногда красный глаз. Часто рядом встречалась решетка «классов», но не всегда. Позднее эти мелочи сложились в одну «картинку», но не в тридцатых, сороковых, начале пятидесятых, когда его носило по всей стране. Нет, тогда он чем-то напоминал доков Номер один и два, не хотел видеть то, что находилось у него перед глазами, потому что... избегал лишних волнений.

А потом, примерно в то время, когда Корейская война близилась к завершению, он увидел Объявление. Оно обещало РАБОТУ НА ВСЮ ЖИЗНЬ, и в нем указывалось: если ВЫ ПРОЙДЕТЕ ОТБОР, то вам не будут задавать АБСОЛЮТНО НИКАКИХ ВОПРОСОВ о вашем прошлом. В списке требующихся специалистов значились и бухгалтеры. Бротигэн не сомневался, что объявление это публиковалось в газетах по всей стране. Он прочитал его в «Сакраменто би»^[54].

— Господи! — воскликнул Джейк. — Именно из этой газеты отец Каллагэн узнал о том, что его друг Джордж Магрудер...

— Тихо! — оборвал его Роланд. — Слушай.

Они слушали.

Тестирование проводится челами (этот термин Тед Бротигэн узнает лишь через несколько недель, когда покинет свой 1955 год и попадет в находящийся вне времени Алгул). На собеседовании в Сан-Франциско его тоже принимает чел. Тед еще узнает (среди многого и всякого), что маскировка, которой пользуются низшие люди, прежде всего маски, которые они носят, не так уж и хороша, особенно вблизи и при личном контакте. Вблизи и при личном контакте правда открывается очень даже быстро: они — помесь челов и тахинов, для которых стремление стать челами превратилось в религиозный культ. И самый простой способ оказаться в медвежьих объятьях «низшего «мужчины или женщины, смертоносные зубы которых будут искать вашу сонную артерию — сказать им, что изменяться они могут лишь в двух направлениях — стариться и становиться более уродливыми. Красные отметины на их лбах, глаз Короля,

обычно исчезают, когда они оказываются на американской стороне (или высыхают, как временно дремлющая пустула), и маски, которые они надевают, по природе органические, кроме как за ушами, где проглядывает волосатая, утыканная зубами настоящая кожа, и на первый взгляд неотличимы от человеческих лиц, правда, в ноздрях любой может увидеть десятки маленьких, шевелящихся жгутиков. Но, с другой стороны, это же неприлично, заглядывать в ноздри другому.

Что бы они о себе ни думали, но вблизи и наедине, само собой, на американской стороне, становилось ясно и понятно, что они — нелюди, а кому охота пугать новую рыбку до того, как сеть расставлена должным образом? Вот почему челы (кан-тои таким словом никогда не пользуются, считают его унижительным, как ниггер или вамп) проводят тестирование, проводят собеседования, кандидат на вакантную должность видит только челов до того момента, как переступает порог работающей двери на американской стороне и попадает в Тандерклеп.

Тед проходит тестирование, вместе с сотней других претендентов, в спортивном зале, который напоминает ему другой зал, в средней школе Восточного Хартфорда. Этот заполнен рядами школьных столов. Стоят они на матах для занятий борьбой, чтобы железные ножки не царапали деревянный пол. После первого этапа тестирования, девяноста минут вопросов по математике, литературе, словарному запасу, половина столов пустеет. После второго этапа занятыми остаются лишь четверть. Второй этап состоит из очень странных вопросов, очень субъективных вопросов, и в некоторых случаях Тед дает ответ, который не считает правильным, но думает, возможно, знает, что люди, составившие вопросник, хотят увидеть не тот ответ, который, скорее всего, мог дать он (и большинство людей). Вот пример такого вопроса:

23. Вы остановились около перевернувшегося автомобиля на дороге, где редко кто ездит. Молодой человек не может самостоятельно вылезти из кабины и зовет на помощь. Вы спрашиваете: «Молодой человек, вы ранены?» Он отвечает: «Вроде бы нет». Рядом на поле лежит сумка с деньгами. Вы:

а) Помогаете молодому человеку выбраться из кабины и отдаете ему деньги

б) Помогаете молодому человеку выбраться из кабины, но настаиваете на необходимости отвезти деньги в местный полицейский участок

в) Берете деньги и продолжаете путь, зная, что кто-нибудь обязательно проедет следом и поможет молодому человеку, пусть и пользуются этой дорогой редко

г) Что-то еще.

Будь это тест кафедры психологии Сакраментского университета, Тед без колебания обвел бы вариант (б). Пусть он мало чем отличался от бродяги, его мама не воспитывала дураков, и мы говорим ей, большое спасибо. Этот выбор был бы правильным в большинстве ситуаций... безопасный выбор, выбор, который просто не может быть неправильным. Рассматривает он и запасной вариант: «Я совершенно не понимаю, к чему вы клоните, но, по крайней мере, честно это признаю», и это вариант (г).

Тед обводит (в), но сие не означает, что в вышеописанной ситуации он бы именно так и поступил. Он склонен думать, что и вариант (а) не так уж и плох, при условии, что он сможет задать «молодому человеку» несколько вопросов о происхождении денег. И, если не применялись пытки (а он бы это узнал, не так ли), что бы ни ответил ему «молодой человек» на сей предмет, нет вопросов, забирайте ваши деньги. *Vaya con Dias*^[55]. И почему? Потому что Тед Бротигэн верил, так уж вышло, что владелец закрывшегося кондитерского магазина не просто бросался словами, когда писал на витрине «ИХ УБИЙСТВО МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА».

Но он обводит (в), и пятью днями позже оказывается в холле танцевальной школы (танцам там уже не учат, школа закрылась) в Сан-Франциско (билет из Сакраменто ему оплатили), вместе с тремя другими мужчинами и одной угрюмой девушкой (как выясняется, зовут девушку Таня Лидс, и она из Брайса, штат Колорадо). Больше четырехсот человек пришли в спортивный зал, клюнув на обещания рекламного объявления. По большей части, козлы. В Сан-Франциско приезжают четыре барана. Один процент. И даже это, как потом предстоит узнать Бротигэну, фантастическая удача.

Со временем его приглашают в кабинет с надписью на двери «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН». Большая часть кабинета забита пыльными танцевальными костюмами. На складном стуле сидит широкоплечий мужчина с суровым лицом, вокруг валяются розовые пакки. Бротигэн думает: «Реальная жаба в воображаемом саду».

Мужчина сидит, наклонившись вперед, руки лежат на большущих, как у слона, бедрах. «Мистер Бротигэн, говорит он, — возможно, я — жаба, может, и нет, но я могу предложить вам работу на всю жизнь. Могу также отослать вас отсюда, крепко пожав руку и пожелав всего наилучшего. Все зависит от ответа на один вопрос. Собственно, вопроса о вопросе.

Мужчина, как выясняется, зовут его Френк Армитейдж, протягивает Теду лист бумаги. На нем подчеркнут вопрос 23, о молодом человеке и сумке с деньгами.

— Вы обвели (в), — говорит Армитейдж. — А теперь, только без запинки, пожалуйста, скажите мне, почему.

— Потому что (в) — ответ, который вы хотели получить, — отвечает Тед без малейшей запинки.

— И откуда вам это известно?

— Потому что я — телепат, — говорит Тед. — И именно телепатов вы ищите, — он пытается сохранить бесстрастное выражение лица и, похоже, ему это удастся, но внутри его переполняет безмерное облегчение. Потому что он нашел работу? Нет. Потому что ему сделали предложение, в сравнении с которым призовые деньги новой телевикторины кажутся грошами? Нет.

Потому что кому-то наконец требуются его способности. Потому что кого-то он действительно заинтересовал.

7

Работу ему предложили очень выгодную, но в своих мемуарах Бротигэн честно признал, что мог бы согласиться, даже если бы ему сразу сказали правду.

«Потому что талант не может дремать, не знает, как это, сидеть сиднем, — сказал он. — Независимо от того, идет ли речь о вскрытии сейфов, чтении мыслей, делении в уме десятизначных чисел, талант требует, чтобы его использовали. Кричит об этом, не умолкая. Будит ночью после самого тяжелого дня, крича: „Используй меня, используй меня, используй меня! Я устал от ничегонеделания! Используй меня, дурья башка, используй!“

Джейк расхохотался, даже не юношеским — детским смехом. Зажал рот руками, но продолжал смеяться. Ёш посмотрел на него снизу вверх, его черные глаза в золотых ободках обручальных колец хитро поблескивали.

Все это Армитейдж и рассказал Теду. Только первая половина составил четверть миллиона долларов, что в сумме со второй давало ровно полмиллиона.

«Это казалось невероятным, — звучал из „Волленсака“ голос Бротигэна. — Конечно, казалось, черт побери! Только гораздо позже я выяснил, как невероятно дешево они нас покупали, даже предлагая такие цены. Динки становится особенно красноречив, когда речь заходит об их жадности... под „ними“ в данном случае подразумеваются бюрократы

Короля. Он говорит, что Алый Король пытается положить конец всему созданному Господом, не выходя за жесткие рамки бюджета, и, разумеется, он прав, но, думаю, даже Динки понимает, пусть он в этом, само собой, не признается, если ты предлагаешь человеку так много, он просто отказывается этому верить. Или, в зависимости от его воображения (у многих телепатов и ясновидящих воображение отсутствует напрочь), не может в это поверить. В нашем случае контракт заключался на шесть лет, с возможностью продления, и Армитейдж тотчас же хотел услышать мое решение. Очень мало методов манипулирования людьми столь же успешны, как этот, дама и господа, заключающийся в том, что ты запудриваешь мозги своей жертве, сковываешь их жадностью, а потом торопишь с ответом.

— И я, конечно же, тут же на все согласился. Армитейдж сказал мне, что уже во второй половине дня моя четверть миллиона будет в «Морском банке» Сан-Франциско, откуда я могу забрать деньги в удобное для меня время. Я спросил, нужно ли мне подписывать контракт. Он протянул одну из своих рук, огромную, как окорок, и сказал, что вот он, наш контракт. Я спросил, куда я поеду и чем мне предстоит заниматься, эти вопросы следовало задать с самого начала, уверен, вы со мной согласитесь, но я был так поражен его предложением, что мне это и в голову не пришло.

А кроме того, я полагал, что и так знаю ответ. Я думал, мне предстоит работать на государство. По одному из проектов, которым дала путевку в жизнь «холодная война». В каком-нибудь отделе ЦРУ или ФБР, занимающимся телепатами, где-нибудь на острове в Тихом океане. Помню, я еще подумал, что из всего этого может получиться хороший радиоспектакль.

Армитейдж ответил: «Вы поедете далеко, Тед, но при этом будете совсем рядом. Пока это все, что я могу вам сказать. За исключением последнего. Относительно наших договоренностей я попрошу вас держать рот на замке на протяжении всех восьми недель, оставшихся до вашего... г-м-м... отъезда. Помните, развязавшийся язык топит корабли. Рискую вызвать у вас паранойю, попрошу учесть, что за вами будут следить».

И, разумеется, за мной следили. Позже, если точнее, гораздо позже, я сумел вспомнить во всех подробностях два мои последние месяца во Фриско, и понял, что кан-тои неусыпно следили за мной.

Низшие люди».

«Армитейдж и два других чела встретились с нами у дверей отеля „Марк Гопкинс“, — продолжил голос из магнитофона. — Дату я запомнил прекрасно: Хэллоуин 1955 года. Пять часов пополудни. Я, Джейс Макговерн, Дейв Иттауэй, Дик... Не могу вспомнить его фамилию, он умер шестью месяцами позже, Хамма сказал, что от пневмонии, и остальные ки'каны его поддержали, ки'кан означает говночеловек, или говнюк, если вас это интересует, но Дик покончил с собой, и я это точно знал, даже если остальные — нет. Остальные... помните дока Номер два? Остальные и раньше, и теперь точно такие же. „Не говорите мне того, что я не хочу знать, сэй, не вносите диссонанс в сложившийся у меня взгляд на мир“. Последней была Таня Лидс. Крепкая штучка...»

Пауза и щелчок. Голос Теда вернулся, временно посвежевший, окрепший. Третья бобина подходила к концу. «Конец-то истории ему придется скомкать», — подумал Эдди, и мысль эта вызвала у него разочарование. Помимо прочего, Тед оказался потрясающим рассказчиком.

«Армитейдж и его коллеги приехали на „форде-универсале“, который в те благословенные дни называли гробом. Они повезли нас в глубь материка, в город Санта-Майру. С заасфальтированной главной улицей. На остальных твердое покрытие отсутствовало. Я помню множество нефтяных качалок, которые напоминали молящихся богомоллов, что-то в этом роде... но к тому времени уже стемнело, так что они были лишь силуэтами на небесном фоне.

Я ожидал увидеть железнодорожную платформу, может автобус с табличкой «ЗАКАЗНОЙ» на лобовом стекле. Вместо этого нас подвезли к пустующему складскому зданию с перекошенной вывеской над воротами «ПОГРУЗОЧНЫЙ СКЛАД САНТА-МАЙРА», и я уловил мысль, ясную и понятную, долетевшую ко мне от Дика, фамилию которого я забыл: «Они собираются нас убить. Они привезли нас сюда, чтобы убить и украсть наши вещи».

Если вы не телепат, то не знаете, как вдруг становится страшно. Ощущение такое, будто кто-то залезает в твою голову. Я увидел, как побледнел Дейв Иттауэй, а у Тани, пусть она не издала ни звука, как я уже и говорил, характер у нее — кремень, в уголках выступили слезы. В кабине хватало света, чтобы это увидеть.

Я наклонился, взял руки Дика в свои, сжал, когда он попытался их отдернуть. Послал ему свою мысль: «Они не дали бы нам по четверти миллиона долларов, большая часть которых и сейчас хранится в "Морском банке", только для того, чтобы привести нас в эту дыру и украсть наши часы». И тут же ко мне пришла мысль Джейса: «У меня даже часов нет. Я

заложил свои два года тому назад в Альбукерке, а к тому времени, когда подумал, что надо бы обзавестись новыми, это случилось в минувшую полночь, все магазины уже закрылись, да и я был слишком пьян, чтобы сползти с высокого стула у стойки бара».

Его мысль сняла напряжение, мы все рассмеялись. Армитейдж спросил нас, чего мы смеемся, и мы расслабились еще сильнее, потому что могли делать то, чего не мог он и его люди, общаться без слов. Я сказал ему, что просто так, и вновь сжал руки Дика. Это сработало. Я... полагаю, помог ему. Впервые в жизни. Потом такое случалось часто. В этом одна из причин моей усталости. Ментальная помощь сильно выматывает.

Армитейдж и остальные повели нас в здание склада. Помещение пустовало, но в глубине стояла дверь, с написанными на ней мелом двумя словами, в окружении неполных лун и звезд. СТАНЦИЯ „ТАНДЕРКЛЕП“ — вот что мы прочитали на двери. Но не обнаружили ничего похожего на станцию: ни железнодорожных путей, ни вагонов, ни автобусов, ни даже дороги, помимо той, по которой мы приехали к складу. По обе стороны двери были окна, но в них мы увидели лишь пару-тройку каких-то небольших строений, скорее всего, сараев, от одного из которых остался только сгоревший остов, и землю, заваленную мусором.

«Почему мы сюда пришли?» — спросил Дейв Иттауэй, и один из спутников Армитейджа ответил: «Вы увидите», — и мы увидели.

«Дама проходит первой», — с этими словами Армитейдж распахнул дверь.

На той стороне тоже было темно, но не так, как на нашей. Там была более темная темнота. Если вы уже видели Тандерклеп в ночи, то знаете, о чем я говорю. И звуки из этой темноты доносились другие. Старина Дик попытался дать задний ход и развернулся на сто восемьдесят градусов. Один из спутников Армитейджа выхватил пистолет. И я никогда не забуду, что сказал Армитейдж. Потому что голос его звучал... по-доброму. «Возвращаться слишком поздно, — услышали мы. — Теперь вы можете только идти вперед».

Думаю, именно тогда я понял, что все эти разговоры о шестилетнем контракте и его продлении, если будет на то желание — чушь собачья, как сказали бы Бобби Гарфилд и его друг Салл-Джон. Не то, чтобы мы прочли это в их мыслях. Все они были в шляпах, видите ли. Вы никогда не увидите «низшего» мужчину, да и «низшую» женщину, если на то пошло, без шляпы. Мужчины предпочитают простые мягкие шляпы, вроде тех, что носили тогда в Америке, но эти шляпы отличались от продающихся в магазине. Они — думалки. Точнее, антидумалки: глушат мысли тех, кто их

носит. Если вы попытаетесь тыкнуть в голову того, кто в такой шляпе, тыкнуть — это словечко Динки, то есть прочитав его мысли, из этого ничего не выйдет. Вы услышите только гудение, сквозь которое будут прорываться множество невнятных голосов. Неприятное гудение, сродни тодэшным колокольцам. Если вы их слышали, то знаете, о чем я. Отбивает охоту прилагать дополнительные усилия. А прилагать дополнительные усилия — это последнее, чего могут захотеть живущие в Алгуле телепаты. В чем больше всего заинтересованы Разрушители, дама и господа, так это жить спокойно и не рыпаться. Что только подчеркивает чудовищность ситуации, если, конечно, отойти подальше и взглянуть на происходящее со стороны. В кампусе можно очень часто услышать или увидеть написанное на стене, коротенькое высказывание, почти стишок: «Включай вентилятор, считай, ты в кризисе, не вспоминай о прошлом, думай о загаре». Это означает: «Не дергайся». Последствия такого отношения крайне неприятны. Интересно, сможете ли вы это увидеть».

Эдди подумал, что он смог, во всяком случае, ему пришла в голову мысль о том, что из его брата Генри вышел бы потрясающий Разрушитель. При условии, что ему позволили бы взять с собой героин и альбомы «Криденс клиауотер ревайвел»^[56].

Долгая пауза от Теда, потом печальный смешок.

«Я думаю, пора чуть укоротить эту длинную историю. Мы прошли через дверь, прочее оставим за кадром. Если вы проделали тот же путь, то знаете, какими неприятными ощущениями сопровождается этот переход, когда дверь работает не на должном уровне. А дверь между Санта-Майрой и Тандерклепом была куда в лучшем состоянии, чем некоторые из дверей, через которые мне пришлось потом проходить.

На мгновение мы видели только темноту той стороны да вой зверей, которых тахины называют дикими собаками. Потом зажглись прожектора и мы увидели этих... этих существ с головами птиц, горностаев, одного с головой быка, с рогами и все такое. Джейс закричал, я — тоже. Дейв Иттауэй повернулся и попытался убежать, но его схватил Армитейдж. А если бы и не схватил, куда бы он побежал? Обрато в дверь? Так она закрылась и, насколько мне известно, была односторонней. Только Таня, единственная из нас, не издала ни звука, а когда взглянула на меня, в ее глазах я увидел облегчение, то же прочитал и в мыслях. Потому что мы знали, понимаете. Не на все вопросы мы получили ответы, но на два, очень важных, получили. Где мы находились? В другом мире. Когда мы могли вернуться? Никогда. Наши деньги в «Морском банке» Сан-Франциско будут множиться и множиться, превращаясь в миллионы, и никто не

сможет их потратить. Потому что тот мир мы покинули навсегда.

Нас уже ждал автобус, с роботом-водителем, которого звали Фил. «Меня зовут Фил, я стар, но мил, а лучшая новость — я никогда не пил». Пах он, как молния, а внутри у него постоянно что-то щелкало. Старина Фил уже мертв, его отвезли на кладбище поездов и роботов, сколько их там покоится, известно только Господу, но механических помощников здесь хватает, чтобы завершить начатое, я в этом уверен.

Дик потерял сознание, когда вы вышли из двери на стороне Тандерклепа, но к тому времени, когда впереди показались огни поселения, пришел в себя. Таня положила его голову себе на колени, и я помню, с какой благодарностью он на нее смотрел. Это забавно, что остается в памяти, не так ли? Нас проверили у ворот. Распределили по общежитиям, проследили за тем, чтобы мы поели... еду подали отменную. И потом кормили не хуже.

На следующий день мы вышли на работу. И, если вычесть мой маленький «отпуск в Коннектикуте», работали постоянно».

Еще пауза, а потом:

«Видит Бог, с тех пор мы работали. И, прости, Господи, большинство из нас были счастливы. Потому что талант хочет одного — быть востребованным».

Он рассказывает о нескольких первых вахтах в Читальне и осознании, не постепенном — почти мгновенном, что они здесь не для того, чтобы вычислять шпионов, или читать мысли русских ученых, или «сбивать что-то космическое», как сказал бы Динки (не то, чтобы Динки появился здесь раньше, чем он, но Шими — появился). Нет, они делали другое — что-то разрушали. Он мог чувствовать это что-то, не только в небе над Алгул Съенто, но везде, вокруг них, даже под ногами.

И однако, его все устраивало. Кормили хорошо, его сексуальный аппетит с годами несколько угас, но он не отказывал себе в удовольствии время от времени потешить своего молодца, всякий раз напоминая себе, что виртуальный секс — та же мастурбация. Но при этом долгие годы он трахался только с проститутками, как и многие мужчины, постоянно перепархивающие с места на место, и на собственном опыте знал, что такой секс также не слишком отличается от все той же мастурбации; ты долбишь ее изо всех сил, пот льет с тебя градом, она ахает и охает, при этом

думая, есть ли в баке бензин, или стараясь вспомнить, когда отоваривают купоны в «Красном-и-Белом». Как и в других жизненных ситуациях, тут приходится задействовать воображение, а вот это Тед умеет, визуализация дается ему легко, спасибо вам большое. Он доволен тем, что у него крыша над головой, доволен компанией... охранники — это охранники, все так, но он верит им, когда они говорят, что наполовину их работа — оберегать кампус от тех, кто может проникнуть в него снаружи, и лишь вторая половина — не выпускать из него Разрушителей. Ему нравится большинство тех, кого охраняют вместе с ним, а где-то через год — два он понимает, что нужен обитателям общежитий. Он может успокоить, когда их охватывает ярость; может снять острый приступ тоски по дому часовым разговором. И это, конечно, хорошо. Может, хорошо все, что они тут делают. Во всяком случае, есть у него такое ощущение. Тосковать по дому — это человеческое чувство, а вот Разрушать — божественное. Он пытается объяснить Роланду и его тету, но лучшее, что он может сделать — найти самое подходящее, на его взгляд, сравнение: Разрушать — все равно, что наконец-то почесать то место на спине, которое все время сводило тебя с ума терпимым, но постоянным зудом, а дотянуться до него никак не удавалось. Ему нравится ходить в Читальню, точно так же, как и остальным. Нравится сидеть там, вдыхать запах хорошего дерева и хорошей кожи, искать... искать... а потом, внезапно, а-а-а-х. Ты разрушаешь, бэби, а разрушать — это божественно.

Динки как-то сказал, что Читальня — единственное место, где он действительно ощущал сам себя, вот почему ему и хотелось ее закрыть. Если возможно, сжечь. «Я же знаю, что могу натворить, когда ощущаю самого себя, — сказал он Теду. — Когда я, вы понимаете, в ладу с самим собой». И Тед понимал, о чем речь. В Читальне всем было слишком уж хорошо, даже не верилось, что такое возможно. Ты садишься, при желании берешь в руки журнал, смотришь на картинки моделей и маргарина, кинозвезд и автомобилей, и чувствуешь, как твой разум поднимается ввысь. Луч вокруг тебя, ты словно в энергетическом коридоре, но твой разум всегда поднимается к крыше и, когда добирается туда, находит большой древний, наклонный желоб.

Может, однажды, когда Прим только-только отступил и голос Гана еще отдавался эхом в чертогах макровселенной, Лучи были гладкими и полированными, но те дни канули в лету. Теперь Путь Медведя и Черепахи бугрист и разъеден, на поверхности полным-полно бухт, седловин, пещер и расщелин, достаточно мест, за которые можно уцепиться. Иногда ты медленно ползешь по ним, иной раз чувствуешь, как проникаешь внутрь,

как капля кислоты, способная мыслить. И все эти ощущения невероятно приятны. Сексуальны.

А для Теда в этом есть и кое-что еще, хотя он и не знает, что он — единственный, у кого это есть, пока ему не говорит об этом Трампа с. Трампа с, понятное дело, не собирался ничего ему говорить, но у него жуткая экзема, и вот это кардинально все меняет. Трудно поверить, что лавры спасения Темной Башни, возможно, принадлежат вечно зудящей коже на голове, но эта идея не притянута за уши.

Совершенно не притянута.

«В Алгул Съенто сто восемьдесят сотрудников, — рассказывал Тед. — Я не из тех, кто учит кого-либо делать свою работу, но, возможно, вы захотите кое-что записать, по меньшей мере, запомнить. Грубо говоря, шестьдесят охранников на три восьмичасовых смены, соответственно, двадцать, двадцать и двадцать в каждой. У тахинов самое острое зрение, и они несут вахту на сторожевых башнях. Челы патрулируют периметр. С оружием, будьте уверены, и крупного калибра. Руководят всем Прентисс, ректор, и Финли из Тего, начальник службы безопасности, чел и тахин соответственно, но большинство скаутов, которые бывают в других реальностях — кан-тои... низшие люди, вы понимаете.

Обычно кан-тои не ладят с Разрушителями. Короткий разговор — вот и все общение, которое может быть между ними. Динки как-то сказал мне, что они нам завидуют, потому что мы, как он говорит, «совершенные челю». Как и охранники-челы, кан-тои на службе носят думалки, чтобы мы не могли тыкнуться в их головы и прочитать мысли. Но дело в том, что в основной массе Разрушители и не пытались никуда тыкнуться, за исключением Луча, а может, им это уже и не под силу. Мозг — такая же мышца, как и любая другая, и атрофируется, если ее не использовать».

Пауза. Щелчок. А потом:

«Я говорил вам, что тахинам думалки не нужны? Они говорят на хорошем английском, но время от времени я чувствую, что некоторые из них обладают ограниченными телепатическими способностями, могут получать и передавать, во всяком случае, короткие мысли, а если ты пытаешься тыкнуться в их головы, то на тебя накатывает оупляющая волна каких-то звуков, ментальные статические помехи, белый шум. Я предположил, что это результат действия какого-то защитного механизма.

Динки уверен, что так они думают. В любом случае, этим они облегчают себе жизнь. Им нет нужды помнить о том, что перед выходом из дома нужно обязательно надеть шляпу.

Среди кан-тои Трампас был одним из старших скаутов. Его можно было видеть прогуливающимся по Главной улице Плизантвиля или сидящем на скамейке на Молле, обычно с какой-нибудь книгой из психологической серии «Помоги себе сам», скажем с «Семью шагами к позитивному мышлению». А следующим днем он мог стоять рядом с Домом разбитых сердец, греясь в солнечных лучах, вместе с другими скаутами кан-тои. Если в этом прослеживалась какая-то закономерность, я ее не нашел. Динки тоже. Мы думаем, ее и не было.

Что всегда отличало Трампаса, так это полное отсутствие зависти. В нем чувствуется дружелюбие... или чувствовалось, в некоторых аспектах в нем не было абсолютно ничего от «низшего» мужчины. И, похоже, далеко не все коллеги кан-тои Трампаса сильно жаловали его. Что тут скажешь, ирония судьбы, потому, если кан-тои и могли превратиться в людей, то Трампас был один из тех немногих, кто действительно продвинулся в этом направлении. Взять, к примеру, смех. Когда кан-тои смеялись, казалось, что корзина камней катится вниз по стволу шахты: внутри у тебя все начинает дрожать, как говорит Таня. Когда смеется Трампас, смех пронзительный, это есть, но в остальном нормальный. Потому что, думаю, он смеется. А другие просто имитируют смех.

Так или иначе, как-то днем у нас завязался разговор. На Главной улице, рядом с кинотеатром «Жемчужина». В какой уж раз показывали «Звездные войны». Если и есть фильм, который Разрушителям хочется смотреть вновь и вновь, так это «Звездные войны».

Я спросил его, знает ли он, откуда взялась его фамилия. Он ответил, конечно, он получил ее от своего клан-фама. Каждому кан-тои дают фамилию чела в какой-то период его развития; вроде бы это признак зрелости. Динки говорит, что они получают фамилию после того, как им удастся впервые трахнуть свою женщину, но Динки — это Динки. Фактически мы этого не знаем, да нам это и не нужно, но некоторые из фамилий очень забавные. Тут ходит один тип, который выглядит, как Рондо Хаттон, актер 1930-х годов, который страдал акромегалией и мог играть только монстров и психопатов, но зовут его Томас Карлайт. Есть тут и Беовульф^[57], и Ван Гог Бейс».

Сюзанна, в прошлом поклонница музыки с Бликер-стрит^[58], закрыла рот руками, чтобы подавить смех.

«Так или иначе, я сказал ему, что Трампас — персонаж знаменитого романа-вестерна „Виржинец“^[59]. Разумеется, не главный герой, но ему принадлежит фраза, которую помнят все, кто прочитал книгу: «Улыбайся, когда говоришь такое!» Трампаса это заинтересовало, и дело кончилось тем, что я пересказал ему весь сюжет книги за чашечкой кофе в аптечном магазине.

Мы стали друзьями. Я рассказывал ему, что происходит в нашей маленькой колонии Разрушителей, он — интересные, но невинные истории о жизни по его сторону ограды. Он также жаловался на экзему, от которой постоянно чесалась кожа на голове. И постоянно поднимал свою круглую шапочку без полей, более всего похожую на ермолку, только из джинсовой ткани, чтобы почесать голову. Он говорил, что там все ужасно зудит, даже сильнее, чем внизу, у детородного органа. И мало-помалу я начал понимать, что могу читать его мысли всякий раз, когда он поднимает шапочку. Не только те, что находились на самом верху, но все. И если не терял времени даром, а я учился его не терять, то мог прочитать именно те мысли, которые меня интересовали, как статьи в энциклопедии, переворачивая страницы. Только сравнение с книгой, пожалуй, неправильное. Скорее, процесс этот напоминал включение и выключение радио во время выпуска новостей».

— Господи, — выдохнул Эдди и взял очередной крекер. Пожалел, что нет молока, куда мог бы макнуть его. Крекеры из муки грубого помола без молока — все равно, что «орео»^[60] без белой прослойки.

«Представьте себе, что вы включаете радиоприемник или телевизор на максимальную громкость, — вновь зазвучал хрипловатый, усталый голос Теда, — а потом выключаете его... также быстро, — последние слова он сознательно произнес слитно, и все улыбнулись, даже Роланд. — Тогда идея станет вам понятна. А я расскажу, что мне удалось узнать. Подозреваю, вам все это уже известно, но я просто не могу взять на себя ответственность и промолчать. Вдруг вы не знаете того, что я сейчас расскажу. А это важно.

Есть Башня, дама и господа, о чем вы знать должны. В свое время там скрещивались шесть Лучей. Они черпали энергию из Башни, это какой-то невообразимый источник энергии, и поддерживали ее, как растяжки поддерживают шпиль радиоантенны на крыше здания. Четыре из этих Лучей разрушились, четвертый — недавно. Остались два: Луч Медведя, Путь Черепахи — Луч Шардика, и Луч Слона, Путь Волка — некоторые называют его Лучом Гана.

Любопытно, сможете ли вы представить себе тот ужас, который испытал я, осознав, чем я занимался в Читальне. Когда царапал что-то там, наверху. Хотя я все время знал, это что-то — важное, точно знал.

И это еще не самое худшее. О самом худшем я не подозревал, оно касалось только меня. Я знал, что кое в чем отличаюсь от остальных. Во-первых, я был единственным Разрушителем, в душе которого оставалась капля сострадания. Когда на них нападала тоска, они, как я уже и говорил, приходили ко мне. Пимли Прентисс, ректор, поженит Таню и Джоя Растосовича, настоял на этом, не желал слушать никаких возражений, продолжал твердить, что это его право и обязанность, что в данной ситуации он — капитан круизного лайнера, и, разумеется, они позволили ему их поженить. А потом пришли в мои апартаменты, и Таня сказала: «По жени нас, Тед. Тогда мы действительно станем мужем и женой». Иногда я спрашиваю себя: «Ты задумывался над тем, что тут происходит? До того, как начал общаться с Трампасом и вслушиваться в его мысли всякий раз, когда он поднимал шапочку, чтобы почесать голову, ты действительно думал, что сохранившиеся в душе толики жалости и любви — единственное, что отличает тебя от остальных? Или ты и тут обманывал себя?»

Полной уверенности у меня нет, но, возможно я могу признать себя невиновным по этому пункту обвинения. Я действительно не понимал, что мой талант простирается дальше чтения мыслей и разрушения. Я — что микрофон для певца или стероиды для мышцы. Я... усиливаю их. Скажем, есть единица силы, назовем ее дарк, хорошо? В Читальне без меня, двадцать или тридцать человек могут выдавать пятьдесят дарков в час. А со мной? Эта величина подскакивает до пятисот дарков в час. И подскакивает сразу же, стоит мне там появиться.

Слушая мысли Трампаса, я начал понимать, что меня они полагают находкой столетия, может, всех времен, что я — единственный действительно незаменимый Разрушитель. Я уже помог им сломать один Луч, а теперь в десятки раз сокращаю время разрушения Луча Шардика. А когда Луч Шардика рухнет, дама и господа, Луч Гана продержится лишь короткое время. Потом развалится он, и Темная Башня упадет, наступит конец всему, закроется сам Глаз Существования.

Как мне удалось не дать Трампасу заметить мою печаль, не знаю. И у меня есть причина сомневаться в том, что мое лицо все время оставалось бесстрастным, пусть тогда я так думал.

«Я понял, что должен выбраться отсюда. И вот тут ко мне впервые подошел Шими. Думаю, он постоянно читал мои мысли, но даже теперь я

не могу этого утверждать, как не может и Динки. Я знаю лишь одно: как-то ночью он пришел в мою комнату и послал мысль: „Я могу сделать для вас дыру, сэй, если хотите, и вы сможете уйти куда подальше“. Я спросил его, что это означает, но он лишь смотрел на меня. Странно, конечно, но как много может сказать единственный взгляд! „Не принимайте меня за идиота. Не тратьте зря мое время. Не тратьте зря свое «. Я не прочитал эти мысли в его голове. Увидел на его лице“.

Роланд что-то согласно буркнул. Его сверкающие глаза не отрывались от вращающихся бобин магнитофона.

«Я спросил его, куда я выйду из этой дыры. Он сказал, что не знает, мне придется полагаться на удачу. Тем не менее, долго я не раздумывал. Побоялся, если буду тянуть, найду причины для того, чтобы остаться. И сказал: „Давай, Шими, отправь меня куда подальше“.

Он закрыл глаза, сосредоточился и тут же угол моей комнаты исчез. Я увидел проезжающие мимо автомобили. Какие-то бесформенные, но явно американские. Я больше не спорил, не задавал вопросов, просто пошел к ним. У меня не было уверенности, что я смогу попасть в другой мир, но, откровенно говоря, меня это не волновало. Я уже думал, что умереть — самое лучшее, что я могу сделать. Моя смерть, по крайней мере, замедлит их работу.

И перед тем, как я пересек границу, Шими послал мне мысль: «Поищи моего друга Уилла Диаборна. Его настоящее имя — Роланд. Его друзья умерли, но я знаю, что он жив, потому что могу слышать его. Он — стрелок, и теперь у него новые друзья. Приведи их, и они заставят плохишей прекратить разрушать Луч, точно так же, как заставили Джонаса и его друзей остановиться, когда те хотели меня убить», — для Шими это была целая речь.

Я закрыл глаза и пересек границу. Почувствовал, как что-то шевельнулось у меня в голове, но больше ничего. Ни колокольцев, ни тошноты. Впечатления остались самые приятные, особенно в сравнении с дверью в Санта-Майре. Я увидел, что стою на руках и коленях около автострады, по которой сплошным потоком мчались автомобили. В сорняках застрял обрывок газеты. Я поднял его и понял, что попал в апрель 1960 года, то есть прошло практически пять лет с того дня, как Армитейдж и его друзья провели нас через дверь в Санта-Майре, городе, который находился на другом конце страны. Потому что я держал в руках обрывок хартфордской газеты «Куранты». А автострада оказалась мне знакомой: Мерритт-паркуэй».

— Шими может создавать магические двери! — воскликнул Роланд.

Слушая, он чистил револьвер, но теперь отложил его в сторону. — Вот что такое телепортация! Вот что она означает!

— Тихо, Роланд, — повернулась к нему Сюзанна. — Сейчас он расскажет о своем пребывании в Коннектикуте. Я хочу послушать.

11

Но о его пребывании в Коннектикуте никому услышать не удастся. Он просто говорит, что эта «история для другого раза», и рассказывает своим слушателям, как его поймали в Бриджпорте, когда он пытался собрать достаточно денег, чтобы исчезнуть навсегда. Низшие люди затолкали его в автомобиль, увезли в Нью-Йорк, привели в ресторан «Дикси Пиг». Оттуда он попал в Федик, из Федика — вновь на станцию «Тандерклеп». Со станции его отвезли Девар-тои: и, привет, Тед, как приятно видеть тебя вновь, добро пожаловать.

Четвертая бобина опустела уже на три четверти, а голос едва отличается от шепота. Тем не менее, Тед не сдаётся, продолжает говорить.

«Я отсутствовал недолго, но здесь время опять скакнуло вперед. Хамму из Тего отозвали, возможно, из-за моего побега, его место занял Прентисс из Нью-Джерси, ки'-дам. Он и Финли многократно допрашивали меня в кабинете ректора. Обошлось без физических пыток, полагаю, они считали меня слишком ценным кадром, чтобы рисковать моим здоровьем, но моральное давление оказывалось очень мощное. Они также ясно дали мне понять, что в случае моего нового побега, моих друзей в Коннектикуте убьют. Я им ответил: «Может, вы, парни, чего — то не понимаете? Если я продолжу свою работу, они все равно погибнут. Все погибнут, за исключением, возможно, того существа, которого один из вас называет Алым Королем».

Прентисс сложил пальцы горкой, меня это всегда раздражало, и ответил: «Возможно, это правда, сэй, а может и нет, но, если так и будет, то мы «уйдем», как вы сказали, не страдая. С другой стороны, маленький Бобби и маленькая Кэрл... не говоря уже о матери Кэрл и друге Бобби Салл — Джоне...» — он мог не продолжать. Я до сих пор гадаю, поняли ли они, как напугали меня их угрозы причинить вред моим юным друзьям. И как разозлили.

Все их вопросы, по существу сводились к двум моментам, которые они действительно хотели знать: почему я убежал, и кто мне в этом содействовал. Я мог бы следовать заведенному порядку: имя — должность

— личный номер^[61], но решил дать более развернутые ответы. Я захотел убежать, сказал я, потому что узнал у одного их охранников — кан-тои, случайно прочитав его мысли, чем мы тут занимаемся, и идея мне не понравилась. Как-то ночью я улегся спать, сказал я, а проснулся около Мерритт-паркуэй. Сначала они полностью отвергали эту версию, потом убедили себя, что такое возможно, прежде всего, потому, что я ни на йоту не отклонялся от нее, сколько бы раз они к ней ни возвращались. И, конечно, они уже знали, какие огромные у меня возможности, насколько я отличаюсь от остальных Разрушителей.

«Вы думаете, на каком-то подсознательном уровне вы — телепорт, сэй?» — спросил меня Финли.

«Откуда я могу это знать? — спросил я в ответ. Думаю, отвечать вопросом на вопрос — мудрое правило, которому целесообразно следовать во время допроса, если это относительно мягкий допрос, как было в моем случае. — Я никогда не ощущал в себе такую способность, но, разумеется, нам зачастую не дано знать, что может учудить наше подсознание, не так ли?»

«Надейтесь на то, что вы — не телепорт, — вставил Прентисс. — Мы можем смириться с любой сверхъестественной способностью, кроме этой. Эта, мистер Бротигэн, означает смерть даже для такого ценного работника, как вы», — скорее всего, тогда я ему не поверил, но потом, из разговора с Трампасом, мне стало ясно, что Прентисс мог говорить правду. В любом случае, такой была моя версия, и я никогда от нее не отклонялся.

Слуга Прентисса, чел, между прочим, по имени Тасса, приносил поднос с пирожными и банками «Нозз-А-Ла», мне этот напиток нравился, потому что вкусом напоминал рутбир, и Прентисс предлагал мне и первое, и второе... но после того, как я расскажу им, от кого я узнал о разрушении Лучей и как сумел сбежать из Алгул Съенто. Поскольку нужных ответов я не давал, начинался очередной круг вопросов, только на этот раз, задавая их, Прентисс и Горностаи жевали пирожные и запивали их «Ноззи». Но в какой-то момент они сдавались и позволяли мне выпить и закусить. Боюсь, в умении вести допрос они не могли сравниться с нацистами, поэтому мои секреты так и остались при мне. Они старались прочесть мои мысли, конечно, но... мы же слышали поговорку о том, что не стоит и пытаться обмануть обманщика?»

Эдди и Сюзанна кивнули. Их примеру последовал Джейк, который слышал, как отец произносил эти слова во время бесчисленных разговоров, касающихся программной сетки телекомпании.

«Готов спорить, слышали, — резюмирует Тед. — Что ж, это

справедливо и для чтения мыслей. Нельзя тыкнуть в голову тыкальщика, во всяком случае, того, кто превзошел определенный уровень. Но мне лучше вернуться к главному, прежде чем у меня окончательно сядет голос.

Однажды, примерно через три недели после того, как низшие люди привезли меня назад, Трампас подошел ко мне на Главной улице Плизантвила. К тому времени я уже встретил Динки, в котором распознал родственную душу, и с его помощью смог лучше узнать Шими. Много другого происходило в это время, помимо ежедневных допросов в доме директора тюрьмы. После возвращения я о Трампасе практически не вспоминал, а вот он, кроме как обо мне, ни о чем не мог думать. Как я быстро выяснил.

«Я знаю ответы на вопросы, которые они продолжают задавать вам, — признал он. — Не понимаю я другого: почему вы меня не выдали».

Я ответил, что такая мысль просто не приходила мне в голову: там, где меня воспитывали, сплетни и доносы не жаловали. А кроме того, мне же не совали в задний проход раскаленный паяльник и не выдергивали ногти... хотя они и могли прибегнуть к подобным методам, окажись на моем месте кто-то другой. Самое худшее что они делали — ставили на стол Прентисса тарелку с пирожными и ели с нее час-полтора, прежде чем смягчались и позволяли мне взять одно.

«Поначалу я на вас сердился, — сказал Трампас, — но потом осознал, пусть и с неохотой, что на вашем месте поступил бы также. Первую неделю после вашего возвращения, скажу честно, практически не спал. Лежал на своей кровати в Дамли, думая, что они могут прийти за мной с минуты на минуту. Вы знаете, что бы они сделали, если б выяснили, что информатор, пусть и невольный, — я, не так ли?»

Я ответил, что нет. Он сказал, что Каски, это заместитель Финли, сильно выпорол бы его, а потом, не дав подлечить ни зад, ни спину, отправил бы в бесплодные земли, где я мог или умереть в Дискордии, или поступить на службу в замок Алого Короля. Но путешествие туда трудное и опасное. К юго-востоку от Федика можно подцепить сжирающую болезнь (возможно, разновидность рака, скоротечная, вызывающая сильные боли, отвратительная) или еще одну, вызывающую безумство. Дети Родерика обычно страдали как от этих болезней, так и от других. Кожные заболевания Тандерклепа — экземы, угри, сыпь, вероятно, были только цветочками в сравнении с тем, что таилось на просторах Крайнего мира. Но для изгнанника служба в замке Алого Короля оставалась последней надеждой. Конечно же, Кан-тои, каковым и был Трампас, не мог пойти в Кальи. Да, эти городки находились ближе, там светило настоящее солнце,

но вы можете представить себе, какой прием встретили бы низшие люди или та хины в Пограничье.

Члены тета Роланда могли это себе представить. Без труда.

«Не стоит так уж превозносить меня, — заметил я. — Как мог бы сказать мой новый друг Динки, я не рассказываю всем и каждому о своих делах. Вот и все. Так что на героя я никак не тяну».

Он ответил, что все рано благодарен мне, а потом огляделся и добавил, очень тихо: «Я хочу отплатить вам, Тед, за вашу доброту, сказав, что вам следует сотрудничать с ними, насколько это возможно. Я не говорю, что вы должны навлечь на меня неприятности, но я не хочу, чтобы неприятности свалились на вас. Вы, возможно, не нужны им так сильно, как вам может казаться».

А теперь я хочу, чтобы вы слушали меня внимательно, дама и господа, потому что это, возможно, самое важное; я просто не знаю. Могу гарантировать только одно: от следующих фраз Трамаса у меня похолодело внутри. Он сказал мне, что из всех миров на той стороне, есть только один уникальный. Они называют его Реальный мир. Насколько известно Трамасу, в своей реальности он сродни здешнему Срединному миру, каким тот был до того, как Лучи начали слабеть, а он сам сдвинулся. На американской стороне в этом особенном «Реальном» мире, говорит он, время иногда дергается, но всегда течет в одном направлении: вперед. И в этом мире живет человек, который в некотором смысле тоже является умножителем; возможно, он смертный хранитель Луча Гана».

12

Роланд посмотрел на Эдди, и когда их взгляды встретились, оба прошептали одно и то же слово: «Кинг».

13

«Трампас сказал мне, что Алый Король пытался убить этого человека, но пока оберегало его жизнь. «Они говорят, что его песня замкнула круг, — сказал он мне, — хотя никто, похоже, не понимает, что именно означают эти слова». Однако, теперь ка, не Алый Король, а давно знакомая нам ка повелела, что этот человек, этот хранитель, этот уж не знаю кто, должен умереть. Я понятия не имею, какую там песню он должен был

спеть, но он остановился, а потому стал уязвим. Но не для Алого Короля, продолжал твердить мне Трампас. Нет, он стал уязвим для ка. „Он больше не поет, — сказал мне Трампас. — Его песня, та, что имеет значение, закончилась. Он забыл розу“.

14

В тишине, царящей за стенами пещеры, слова эти долетели до Мордредра, и он отошел, чтобы поразмыслить над услышанным.

15

«Трампас рассказал мне все это лишь для того, чтобы я понял, что более не являюсь незаменимым. Разумеется, они хотели держать меня при себе; предположительно для того, чтобы им удалось разрушить Луч Шардика, и поставить себе в заслугу, до того, как смерть этого человека на американской стороне вызовет крушение Луча Гана».

Пауза.

«Они видят безумие гонки к краю пропасти, последующего прыжка в забвение? Вероятно, нет. Если б видели, не начинали бы эту гонку. Или все дело в нехватке воображения? Не хотелось бы думать, что такая мелочь может послужить причиной конца, и однако...»

16

Роланд раздраженно вертанул пальцами, словно старик, голос которого они слушали, мог их увидеть. Он хотел слышать, очень хорошо и каждое слово, все, что охранник знал о Стивене Кинге, но вместо этого Бротигэн ушел в сторону, забормотал о чем-то своем. Объяснение тому было: Бротигэн совершенно вымотался, но важнее информации о писателе ничего не было. Знал это и Эдди. Напрягшееся лицо молодого человека говорило об этом лучше всяких слов. Вместе они смотрели, как тает остаток коричневой пленки на бобине, последняя осьмушка дюйма.

17

«...и однако, мы всего лишь бедные, пребывающие во мраке челы. Полагаю, что нам не дано знать обо всем этом, во всяком случае, с какой-то степенью вероятности...»

Долгий, усталый вздох. Пленка движется, сходит с последней бобины, молчаливо бежит между головками. И, наконец:

«Я спросил имя этого человека-мага, и Трампас ответил: „Имени я не знаю, Тед, но мне известно, что магии в нем больше нет, ибо он прекратил делать то, что наметила для него ка. Если мы все оставим, как есть, Ка Девятнадцати, ка его мира, и Ка Девяносто девяти, ка этого мира, объединятся, чтобы...“

Но больше они ничего не услышали. На том пленка и закончилась.

Вторая, принимающая бобина продолжала вращаться с тихим шуршанием, пока Эдди не наклонился к магнитофону и не нажал на клавишу «СТОП». «Твою мать!» — пробормотал он себе под нос.

— На самом интересном месте, — вздохнул Джек. — И опять эти числа. Девятнадцать... и девяносто девять, — он помолчал, потом объединил их. — Девятнадцать-девяносто-девять, — повторил в третий раз. — Тысяча девятьсот девяносто девять. Ключевой год в Ключевом мире. Куда отправилась Миа, чтобы родить ребенка. Где сейчас находится Черный Тринадцатый.

— Ключевой мир, Ключевой год, — кивнула Сюзанна. Сняла с вертушки бобину с последней пленкой, подняла, посмотрела на просвет, потом убрала в футляр. — Где время всегда течет в одном направлении. Как ему и положено.

— Ган создал время, — подал голос Роланд. — Так гласят древние легенды. Ган поднялся из пустоты... в некоторых легендах сказано — из моря, но в обоих случаях подразумевается Прим, и создал мир. Потом постучал по нему пальцем и закрутил. Вот так и возникло время.

Что-то зрело в пещере. Какое-то откровение. Они все это чувствовали, что-то должно вот-вот вырваться на свет, совсем как ребенок из живота Миа на конце родов. Девятнадцать. Девяносто девять. Эти числа преследовали их. Появлялись везде. Она видели их в небе, видели написанными на заборах, слышали во сне.

Бш смотрел вверх, наострив уши, сверкая глазами.

Паузу нарушила Сюзанна.

— Когда Миа покидала номер отеля «Плаза-Парк», чтобы пойти в «Дикси-Пиг», между прочим, номер 1919, я впала в транс. Я словно вернулась... вернулась в тюремную камеру... и телекомментаторы объявляли: этот умер, тот умер, третий умер...

— Ты нам говорила, — вставил Эдди. Она яростно покачала головой.

— Говорила, но не все. Потому что чего-то не понимала, в чем-то не видела никакого смысла. К примеру, слова Дейва Герроуэя о том, что маленький сын президента Кеннеди мертв... маленький Джон-Джон, который отдавал честь, когда катафалк с телом отца проезжал мимо. Я этого не говорила, потому что посчитала бредом. Джейк, Эдди, маленький Джон-Джон Кеннеди умер в ваши когда? В каком-нибудь из ваших когда?

Оба покачали головой. Джейк не очень-то понимал, о ком она говорит.

— Но он умер. В Ключевом мире и в нашем будущем. Готова спорить, он умер в девяносто девятом. Вот умирает сын последнего стрелка, О, Дискордия. Теперь-то я думаю, что слышала страницу некрологов из «Тайм тревеллерс уикли»^[62]. Словно на ней перемешались разные времена. Джон-Джон Кеннеди, потом Стивен Кинг. Я никогда о нем не слышала, но Дэвид Бринкли сказал, что он написал историю о городке Салемс-Лот. Книгу, героем которой был отец Каллагэн, так?

Роланд и Эдди кивнули.

— Отец Каллагэн рассказал нам свою историю.

— Да, — согласился Джейк. — Но какое...

Она перебила его. Смотрела куда-то далеко-далеко, с затуманенными глазами. Глазами, которым только что открылась истина.

— А потом с ка-тетом Девятнадцати встречается Бротигэн и рассказывает свою историю. И посмотрите. Посмотрите на счетчик пленки!

Они наклонились к магнитофону. В четырех окошечках увидели:

1999

— Думаю, Кинг написал и историю Бротигэна, продолжила Сюзанна. — Кто-нибудь хочет предположить, в каком году эта история появилась или появится на прилавках в Ключевом мире?

— В 1999, — прошептал Джейк. — Но не та часть, которую мы слышали. Часть, которую мы не слышали. О его пребывании в Коннектикуте.

— И вы с ним встречались, — Сюзанна смотрела на своего дядю и своего мужа. — Вы встречались со Стивеном Кингом.

Они вновь кивнули.

— Он создал преподобного, создал Бротигэна, создал нас, — она словно говорила сама с собой, потом покачала головой. — Нет. «Все

служит Лучу». Он... он усилил... умножил нас.

— Да, — кивнул Эдди. — Да, все правильно. Наверняка так оно и есть.

— В моем сне я находилась в камере, — вновь заговорила Сюзанна. — В той самой одежде, в которой меня и арестовали. И Дэвид Бринкли говорил, что Стивен Кинг мертв, горе, Дискордия... что-то такое. Бринкли сказал... — она замолчала, нахмурилась. Потребовала бы, чтобы Роланд загипнотизировал ее, чтобы вспомнить все, если б возникла такая необходимость. Но обошлась без гипноза. — Бринкли сказал, что Кинг погиб под колесами минивэна во время прогулки неподалеку от своего дома в Лоувелле, штат Мэн.

Эдди содрогнулся. Роланд подался вперед, с горящими глазами.

— Ты так говоришь? Сюзанна кивнула.

— Он купил дом на Тэтлбек-лейн? — проревел стрелок. Потянулся к Эдди, схватил его за рубашку. Эдди, похоже, этого и не заметил. — Разумеется, купил! Ка говорит и ветер дует! Он двинулся чуть дальше по Тропе Луча и купил дом там, где истончается перегородка между мирами! Где мы видели проходящих! Где мы говорили с Джоном Каллемом, а потом прошли через дверь! Ты в этом сомневаешься? Ты в этом сомневаешься хоть на чертову малость?

Эдди покачал головой. Понятное дело, он не сомневался. Он словно услышал колокольчик, как в одном из ярмарочных аттракционов: если ты точно ударял молотом по педали, причем ударял со всей силы, то свинцовый груз взлетал до самого верха столба, вызывая звон подвешенного там колокольчика. А если звонил колокольчик, ты получал в подарок куклу Кьюпи, и это происходило, потому что Стивен Кинг полагал, что призом была кукла Кьюпи^[63]? Потому что Кинг жил в том мире, где Ган положил начало времени, закрутив мир своим божественным пальцем? Потому что, если Кинг говорит Кьюпи, мы все говорим Кьюпи, и мы говорим, спасибо тебе? А если бы у него возникла идея, что за звонок колокольчика ярмарочного аттракциона «Проверь свою силу» в качестве приза давали куклу Клупи, все говорили бы Клупи? Эдди склонялся к тому, что ответ на этот вопрос следовало дать положительный. Он думал, что ответ положительный, точно так же, как Ко-оп Сити находился в Бруклине.

— Дэвид Бринкли сказал, что Кингу было пятьдесят два года. Могло ему быть пятьдесят два в девяносто девятом?

— Можете ставить на кон свою непорочность, — ответил Эдди. Бросил на Роланда короткий, мрачный взгляд. — И поскольку девятнадцать — число, на которое мы постоянно натываемся, Тед Стайвенс Бротигэн, пожалуйста, сосчитайте буквы, готов спорить, оно не только часть нужного

нам года. Тысяча девятьсот...

— Это дата, — вмешался Джейк. — Уверен. Ключевой день Ключевого года в Ключевом мире. Девятнадцатое какого-то месяца, тысяча девятьсот девяносто девятого года. Скорее всего, летнего месяца, потому что он гулял.

— А лето там уже началось, — добавила Сюзанна. Июнь. Шестой месяц. Поставьте шестерку вверх ногами и получите девятку.

А если слово dog прочитать справа налево, то получится god^[64], — в голосе Эдди слышалась неуверенность.

— Думаю, она права, — кивнул Джейк. — Думаю, это 19 июня. Именно в этот день Кинг погибнет под колесами автомобиля и сведет к нулю вероятность того, что сможет вернуться к написанию истории «Темной башни, нашей истории. Луч Гана рухнет от перегрузки. Луч Шардика останется, но он уже сильно изъеден, — мальчик посмотрел на Роланда. Лицо побледнело, губы стали чуть ли не синими. — Он сломается, как зубочистка.

— Может, это уже произошло, — предположила Сюзанна.

— Нет, — возразил Роланд.

— Откуда такая уверенность? — спросила она. Он холодно, без тени веселья улыбнулся ей.

— Потому что тогда нас бы тут не было.

— Как мы можем это предотвратить? — спросил Эдди. — Трампас сказал Теду, что причина в ка.

— Может, он что-то неправильно понял, — но по голосу Джейка чувствовалось, что он и сам в это не верит. — Это всего лишь слух, так что Трампас может и ошибиться. Возможно, Кинг доживет до июля. Или августа. А как насчет сентября? Все может случиться в сентябре. Сентябрь, в конце концов, девятый месяц...

Теперь они все смотрели на Роланда, который сидел, вытянув ногу вперед.

— Вот куда придется удар, — он словно говорил сам с собой. Коснулся правой ноги... потом ребер... наконец головы около виска. — У меня болит голова. Все сильнее и сильнее. Не видел причин говорить вам, — он опустил правую руку. — Вот куда придется удар. Сломанное бедро. Сломанные ребра. Размозженная голова. В кювет его отбросит уже

мертвым. Ка... и конец ка, — взгляд его очистился от тумана, стрелок резко повернулся к Сюзанне. — В какой день ты была в Нью-Йорке? Напомни мне.

— Первого июня 1999 года.

Роланд кивнул, посмотрел на Джейка.

— А ты? В тот же самый день?

— Да.

— Потом Федик... отдых... Тандерклев, — он помолчал, и произнес три самых важных слова. — Время еще есть.

— Но там время движется быстрее...

— А если оно еще и прыгнет...

— Ка...

Они заговорили все вместе, разом и замолчали, вновь не сводя глаз с Роланда.

— Мы можем изменить ка, — сказал Роланд. — Такое уже случалось. Всегда приходится за это платить, отсюда и ка-шуме, но сделать это можно.

— Как мы туда попадем? — спросил Эдди.

— Есть только один путь, — ответил Роланд. — Шими должен отправить нас.

В пещере повисла тишина, нарушаемая только дальними раскатами грома, давшими название этой темной стране^[65].

— Значит, у нас два дела, — уточнил Эдди. — Писатель и Разрушители. Каким займемся первым?

— Писателем, — без промедления ответил Джейк. — Пока есть время. Но Роланд уже качал головой.

— Почему нет? — воскликнул Эдди. — Скажи, почему нет? Ты знаешь, какое коварное время на той стороне! И оно течет в одну сторону! Если мы провороним писателя, другого шанса у нас не будет.

— Но мы должны сохранить и Луч Шардика, — напомнил Роланд.

— Ты говоришь, что Тед и этот Динки не позволят Шими помочь нам, пока мы не поможем им?

— Нет, Шими сделает это для меня, я уверен. Но, допустим, что-то случится с ним, пока мы будем в Ключевом мире? Мы застрянем в 1999 году.

— Есть дверь на Тэтлбек-лейн... — начал Эдди.

— Если даже она и будет в 1999 году, Тед сказал нам, что Луч Шардика уже начал прогибаться, — Роланд опять покачал головой. — Сердце подсказывает мне — начинать нужно с этой тюрьмы. Если кто-нибудь выскажет другое мнение, я выслушаю его, и с радостью.

Они молчали. За стенами пещеры дул ветер.

— Мы должны спросить Теда, прежде чем принимать окончательное решение, — наконец, нарушила паузу Сюзанна.

— Нет, — возразил Джейк.

— Нет! — согласился Ыш. Никто не удивился. Раз Эйк так говорит, можно не сомневаться, что Ыш обязательно его поддержит.

— Спросим Шими, — добавил Джейк. — Спросим Шими, что, нам, по его мнению, нужно делать.

И Роланд медленно кивнул.

Глава 9. Следы на тропе

1

Утром Джейк проснулся от тревожных снов, в которых, в основном, вновь переносился в «Дикси-Пиг», чтобы увидеть серый и безжизненный свет, который просачивался в пещеру. В Нью-Йорке такой свет всегда вызывал у него желание пропустить школу, провести весь день на диване, читать книги, смотреть по телевизору передачи, вроде «Своя игра», вздремнуть во второй половине дня. Эдди и Сюзанна спали, тесно прижавшись друг к другу, в одном мешке. Ёш проигнорировал приготовленную ему постель, чтобы спать рядом с Джейком. Он свернулся в букву U, положив голову на переднюю левую лапу. Большинство людей подумало бы, что Ёш спит, но Джейк заметил, под веками поблескивает золото, и понял, что Ёш несет вахту. Спальный мешок стрелка лежал расстегнутый и пустой.

Джейк на секунду-другую задумался, потом встал и вышел из пещеры. Ёш последовал за ним, осторожно ступая по утоптанной земле, и следом за Джейком поднялся по тропе.

2

Роланд выглядел усталым и больным, но сидел на корточках, из чего Джейк сделал вывод, что бедро у него не болит, и, скорее всего, сам он в порядке. Присел на корточки рядом со стрелком, руки плетью повисли между коленями. Роланд глянул на него, ничего не сказал, вновь перевел взгляд на тюрьму, которую персонал называл Алгул Съенто, а заключенные — Девар-тои. Воздух впереди и под ними постепенно светлел. Солнце, электрическое, атомное, какое бы ни было, еще не зажглось.

Ёш улегся на землю рядом с Джейком, вроде бы вновь заснул. Но Джейка взврек, конечно же, провести не мог.

— Хайл, и веселого тебе дня, — сказал Джейк, когда молчание стало уж совсем невыносимым.

Роланд кивнул.

Весело начнется, весело пройдет, — сам-то он выглядел таким же

веселым, как похоронная процессия. Тот стрелок, что при свете факелов танцевал зажигательную каммалу в Калья Брин Стерджис, должно быть, уже тысячу лет лежал в могиле.

— Как ты, Роланд?

— Как видишь, могу сидеть на корточках.

— Ага, но как ты?

Роланд посмотрел на него, сунул руку в карман, достал табачный кисет.

— Стар и набит пеплом, как ты, должно быть, знаешь. Курить будешь? Джейк подумал, потом кивнул.

— Они будут короткими, — предупредил Роланд. Табака достаточно, я так раз что моя амуниция вернулась ко мне, но с обертками беда.

— Сбереги их для себя, если хочешь. — Роланд улыбнулся.

— Человек, который не может поделиться вредной привычкой с другим, должен от нее отказаться, — он свернул пару самокруток, используя для обертки какой-то лист, который рвал пополам, протянул одну Джейку, зажег спичку, чиркнув ею о ноготь большого пальца. В неподвижном, холодном воздухе Кан Стик-тете дым зависал перед ними и лишь через какое-то время начинал подниматься, растворяясь в воздухе. Джейк подумал, что табак горячий, крепкий и залежавшийся, но ничего не сказал. Он вспомнил о тех временах, когда говорил себе, что не будет курить, как его отец, никогда в жизни, и на тебе, идет по его стопам. С согласия, если не одобрения, своего нового отца.

Роланд протянул руку, пальцем коснулся лба Джейка... левой щеки... носа... подбородка. Последнее прикосновение отдалось легкой болью.

— Прыщи, — сказал Роланд. — Дело в здешнем воздухе, — он подозревал, что причина — эмоциональный стресс, горе, вызванное смертью отца Каллагэна, но понимал: если даст знать об этом мальчику, печаль Джейка, вызванная трагическими событиями в «Дикси-Пиг», только усилится.

— У тебя их нет, — заметил Джейк. — Кожа чистая, как на барабане. Счастливый.

— Прыщей нет, — согласился Роланд, затаился. Под ними, в занимающемся свете дня лежала деревня. «Мирная деревня», — подумал Джейк. Но она выглядела не просто мирной — мертвой. Потом он увидел две фигурки, с такого расстояния они немногим отличались от точек, которые шагали навстречу друг другу. Охранники-челы, патрулирующие периметр, предположил он. Две точки слились в одну, на время, достаточное для того, чтобы Джейк представил себе часть их разговора,

потом вновь разделились. — Никаких прыщей, но бедро болит ужасно. Такое ощущение, что ночью его кто-то разрезал и насыпал внутрь битого стекла. Горячего стекла. Но вот тут боль гораздо сильнее, — он коснулся правой стороны головы. — Словно треснул череп.

— Ты действительно думаешь, что ощущаешь травмы Стивена Кинга?

Вместо того, чтобы ответить словами, Роланд положил указательный палец левой руки на круг, образованный большим и мизинцем правой. Жест этот означал: «Я говорю тебе правду».

— Это ужасно, — посочувствовал Джейк. — И для него, и для тебя.

— Может, да, может, и нет. Потому что, подумай, Джейк, подумай хорошо. Только живое чувствует боль. И моя боль указывает на то, что Кинг не будет убит сразу, на месте. Отсюда вывод: его, возможно, будет легче спасти.

Джейк подумал о другом варианте развития событий: Кинг в бессознательном состоянии какое-то время полежит в кювете, а уж потом умрет, но говорить об этом не стал. Пусть Роланд верит, во что ему хочется. Но было что-то еще. Это что-то тревожило Джейка гораздо больше, ему становилось не по себе.

— Роланд, могу я поговорить с тобой дан-дин?

Стрелок кивнул.

— Если хочешь, — короткая пауза. Левый уголок рта чуть дернулся, но не в улыбке. — Если ты хочешь.

Джейк собрался с духом.

— Почему ты такой злой? На что злишься? Или на кого? — теперь пришла его очередь выдержать паузу. — На меня?

Брови Роланда поднялись, с губ сорвался короткий смешок.

— Не на тебя, Джейк. Отнюдь. Никогда в жизни. Джейк покраснел от удовольствия.

— Я продолжаю забывать, как силен ты стал в прикосновениях. Из тебя получился бы отличный Разрушитель, в этом нет никаких сомнений.

Эти слова не могли быть ответом на его вопрос, но указывать на это Джейк не стал. А от одной мысли о том, что он может стать Разрушителем, по телу пробежала дрожь.

— Ты не знаешь? — спросил Роланд. — Если ты знаешь, что я, как говорит Эдди, чертовски зол, как ты можешь не знать, почему?

— Я могу посмотреть, но считаю, что это невежливо, но были и другие причины. Джейк смутно помнил библейскую историю о Ное, который в ожидании потопа забрался в ковчег, вместе с сыновьями. Один из сыновей набрел на отца, который пьяный лежал на койке, и посмеялся над

ним. За это Бог проклял его. Конечно, заглянуть в мысли Роланда — это тебе не подглядывать и смеяться над ним, пока он пьяный лежит на койке, но очень близко.

— Ты хороший мальчик, — кивнул Роланд, — Хороший и добрый, да, — хотя говорил Роланд рассеянно, словно думая о чем-то другом, Джейк с радостью умер бы в этот самый момент. Где-то за их спинами и в вышине раздался громкий щелчок, и в тот же самый момент спецэффектовый солнечный прожектор осветил Девар-тои. А мгновением позже до них долетела едва слышная музыка. Мелодия «Эй, Джуд», аранжированная для кабины лифта или супермаркета. Внизу пришла пора просыпаться. Для Разрушителей начинался очередной день. Хотя внизу, полагал Джейк, работа Разрушителей не прекращалась ни на минуту.

— Давай сыграем в игру, ты и я, — предложил Роланд. — Ты попытаешься проникнуть мне в голову и узнать, на кого я злюсь. Я попытаюсь не пустить тебя.

Джейк чуть передвинулся.

— Мне эта игра не кажется забавной, Роланд.

— Тем не менее, давай сыграем.

— Хорошо, если ты хочешь.

Джейк закрыл глаза и представил себе усталое, заросшее щетиной лицо Роланда. Его яркие синие глаза. Прodelал дверь между и чуть выше глаз, маленькую, с медной ручкой и попытался ее открыть. Ручка начала поворачиваться. Но через мгновение замерла. Джейк поднажал на нее. Она еще чуть сдвинулась, но снова остановилась. Джейк открыл глаза и увидел, что лоб Роланда покрыт капельками пота.

— Это глупо. Я не хочу, чтобы у тебя еще сильнее болела голова.

— Неважно. Покажи себя в лучшем виде.

«В худшем», подумал Джейк. Но, если уж они решили сыграть в эту игру, он не собирался давать задний ход. Снова закрыл глаза, опять увидел маленькую дверцу между сдвинутыми бровями Роланда. Приложил больше силы, резко и сразу. Чем-то все это напоминало армрестлинг. Мгновением позже ручка повернулась, дверца открылась. Роланд что-то буркнул, рассмеялся, скрывая боль.

— С меня хватит. Клянусь богами, ты и силен! Джейк пропустил его слова мимо ушей. Открыл глаза.

— Писатель? Кинг? Почему ты злишься на него?

Роланд вздохнул, щелчком отбросил дымящийся окурок; свою сигарету Джейк давно уже докурил.

— Потому что у нас оказались две работы, хотя могла быть одна. И в

том, что на нас свалилась вторая — вина сэя Кинга. Он знал, что должен делать и, думаю, знал, что будет в безопасности, пока будет это делать. Но он боялся. Он устал, — Роланд скривил губы. — А теперь его жизнь в опасности, а мы должны его спасать. И нам это дорого обойдется, возможно, очень дорого.

— Ты зол на него, потому что он испугался? Но... — Джейк нахмурился. — Но почему ему не испугаться? Он всего лишь писатель; словопряд — не стрелок.

— Я это знаю, — ответил Роланд, — но не думаю, что его остановил страх, Джейк, или не только страх. Он к тому же и ленив. Я почувствовал это, когда мы встретились, и я уверен, это почувствовал и Эдди. Он смотрел на работу, которою его заставляли сделать, она страшила его, и он говорил себе: Хорошо, я найду себе работу полегче, ту, что мне нравится, и которая мне по плечу. А если возникнут какие-нибудь проблемы, они позаботятся обо мне. Они должны позаботиться обо мне. Вот мы и заботимся.

— Тебе он не понравился.

— Да, — согласился Роланд. — Не понравился. Совершенно не понравился. Я ему не доверял. Я и раньше встречал словопрядов, Джейк, и все они более или менее одинаковы. Они рассказывают истории, потому что боятся жизни.

— Ты так говоришь? — Джейк подумал, что это пренеприятная идея. И при этом чувствовал, что в ней есть доля истины.

— Да. Но... — он пожал плечами. Как бы говоря: «Так оно и есть».

«Ка-шуме», — подумал Джейк. Если их ка-тет развалится, и виноват будет Кинг...

Если виноват будет Кинг, что тогда? Отомстить ему? Такой была мысль стрелка, но глупая мысль. Все равно, что желание отомстить Богу.

— Но деваться нам некуда, — закончил за стрелка Джейк.

— Да. Но это не меняет дела. Если представится шанс, его трусливый, ленивый зад получит от меня хорошего пинка.

Джейк расхохотался, и стрелок улыбнулся. Потом Роланд поднялся, скорчив гримасу, обоими руками обхватил в правое бедро.

— Зараза, — прорычал он.

— Сильно болит, да?

— Нечего обращать внимание на мои боли. Пойдем со мной. Я покажу тебе кое-что интересное.

Роланд, чуть прихрамывая, повел Джейка к тому месту, где тропа огибала склон маленькой горы и, вероятно, уходила к вершине. Здесь

стрелок попытался присесть на корточки, скривился от боли, опустился на одно колено. Указал на землю правой рукой.

— Что ты видишь?

Джейк тоже опустился на колено. На земле валялись гольши и скальные куски, часть их сдвинулась, оставив следы на каменистой осыпи. По обеим сторонам от того места, где они оба опустились на колено, Джейк увидел сломанные веточки на, как он решил, кустах мескита. Джейк наклонился и вдохнул резкий запах, идущий от излома. Потом вновь посмотрел на следы на насыпи. Их было несколько, узких и не очень глубоких. Если их оставило живое существо, то определенно не человек. И не дикая собака.

— Ты знаешь, чьи это следы? — спросил Джейк. — Если знаешь, то скажи. Не заставляй меня снова бороться с тобой.

Роланд коротко усмехнулся.

— Проследи их. И посмотри, что найдешь.

Джейк поднялся и медленно пошел по следам, согнувшись в три погибели, словно мучаясь от боли в животе. Следы обогнули валун. Его покрывала пыль, на ней остались отметины, словно кто-то задел за валун, проходя мимо.

Осталась на валуне и пара жестких черных волосков.

Джейк поднял один из них, и тут же разжал пальцы, сдул его с кожи, содрогнувшись от отвращения. Роланд пристально наблюдал за ним.

— Ты выглядишь так, словно только что увидел призрака.

— Эт-то ужасно! — Джейк даже начал заикаться. — Господи, ч-что это было? Что с-следило за нами?

— То самое, кого Миа назвала Мордредом, — голос Роланда не изменился, но Джейк с трудом заставил себя взглянуть в глаза стрелка, такими они стали холодными. — Малой, которого, по ее словам, зачал я.

— Он был здесь? Этой ночью? — Роланд кивнул.

— Услышал...? — Джейк не смог закончить. Роланд смог.

— Услышал наш разговор и наши планы, да, я думаю так. И историю Теда.

— Но полной уверенности у тебя нет. Эти следы мог оставить кто угодно, — однако, единственным, что Джейк мог связать со следами, теперь, после того, как Сюзанна рассказала им свою историю, было количество лапок чудовищного паука.

— Пройди чуть дальше, — предложил Роланд.

Джейк вопросительно посмотрел на него, стрелок кивнул. Дул ветер, донося до них музыку из тюремного поселения (Джейк подумал, что это

«Мост над бурной водой»^[66]), а также далекие раскаты грома, словно где-то перекачивались кости.

— Что...

— Иди по следу, — предложил Роланд, указав взглядом на каменистую осыпь по обе стороны тропы.

По другую сторону валуна начинался прямой участок примерно в тридцать футов, после которого тропа скрывалась из виду. На этом участке отметины-следы виднелись более четко. Группами по три с одной стороны, по четыре — с другой.

— Она сказала, что отстрелила одну из лапок.

— И отстрелила.

Джейк попытался визуализировать паука с семью лапками, размером с человеческого младенца, и не смог. Скорее всего, потому что не хотел.

За следующим поворотом на тропе лежал иссушенный труп. Джейк не сомневался, что его освежевали, но точно он этого знать не мог. Не осталось ни внутренностей, ни крови, не жужжали и мухи. Лежала кучка то ли пыли, то ли земли, по форме отдаленно, очень отдаленно напоминая что-то собачье.

Ыш приблизился, принюхался, поднял лапу и помочился на останки. Вернулся к Джейку с таким видом, будто завершил очень важное дело.

— Это вчерашний обед нашего гостя, — заметил Роланд. Джейк огляделся.

— Он сейчас наблюдает за нами. Как ты думаешь?

— Я думаю, растущим мальчикам требуется отдых.

Джейк почувствовал всплеск какого-то неприятного чувства, но анализировать его не стал. Ревность? Конечно же, нет. Как он может ревновать к твари, которая начала жизнь, пожрав собственную мать? Да, с Роландом его объединяла кровь, если уж точно, он был настоящим сыном стрелка, но произошло это случайно.

Случайно ли?

Джейк почувствовал, что Роланд пристально смотрит на него, и от этого взгляда ему стало не по себе.

— О чем думаешь, димми-да? — спросил стрелок.

— Ни о чем, — ответил Джейк. — Гадаю, где он мог спрятаться.

— Трудно сказать, — пожал плечами Роланд. — На этом холме добрая сотня пещер. Пошли.

Роланд добрался до валуна, на котором Джейк нашел черные волоски, а потом начал методично стирать следы, оставленные Мордредом.

— Зачем ты это делаешь? — резче, чем ему хотелось бы, спросил

Джейк.

— Не нужно Сюзанне и Эдди знать об этом, — ответил Роланд. — Он собирается только наблюдать, не вмешиваясь в наши дела. Пока.

«Откуда ты это знаешь?» — хотел спросить Джейк, — но чувство вернулось, теперь он точно знал, что это не ревность, и мальчик воздержался от вопроса. Пусть Роланд думает, что хочет. Он, Джейк, будет начеку. И если Мордред окажется настолько глупым, что высунется из своей норы...

— Меня особенно тревожит Сюзанна, — продолжил Роланд. — Ее больше всех расстроило бы присутствие малого. И ему будет легче всего читать ее мысли.

— Потому что она — его мать, — в отличие от Роланда, он и не заметил, что говорит о Мордред в среднем роде^[67].

— Они двое связаны, все так. Могу я рассчитывать, что ты будешь держать язык за зубами?

— Конечно.

— И старайся охранять свой разум... это не менее важно.

— Я могу попытаться, но... — Джейк пожал плечами, чтобы сказать, что в принципе он не знает, как это делается.

— Хорошо, — кивнул Роланд. — Я буду делать то же самое.

Над Стик-тете пролетел очередной порыв ветра. Песня «Мост над бурной водой» уступила место какой-то битловской песне, которая заканчивалась исполняемой всеми строкой: «Бип-бип-м-м-бип-бип, йе!» «Знали эту песню в пыльных, умирающих городках между Гилеадом и Меджисом? — задался вопросом Джейк. — Жили в некоторых из этих городков Шебы, которые играли „Еду на моем автомобиле“ на своих расстроенных пианино, пока Лучи слабели, и клей, который связывал миры воедино, медленно вытягивался в струны, а миры оседали друг на друга?»

Он тряхнул головой, стараясь отделаться от этих мыслей. Роланд по-прежнему внимательно наблюдал за ним, и Джейк ощутил непривычную волну раздражения.

— Я буду молчать, Роланд, и, как минимум, постараюсь держать мысли при себе. Не волнуйся обо мне.

— Я не волнуюсь, — ответил Роланд, и Джейку пришлось бороться с искушением заглянуть в голову своего дяди и узнать, так ли это. Он по-прежнему считал, что это плохая идея, и дело было не только в приличиях. Недоверие сродни кислоте, их ка-тет и так очень хрупкий, а работа предстоит очень большая.

— Хорошо, — кивнул Джейк. — Это хорошо.

— Хорошо! — согласился Ыш, с такой убежденностью, что оба, мужчина и мальчик, улыбнулись.

— Мы знаем, что он здесь, — заметил Роланд, — а вот он, скорее всего, не знает, что нам известно о его присутствии. При сложившихся обстоятельствах, это наилучший вариант.

Джейк снова кивнул. Слова Роланда несколько успокоили его.

Сюзанна появилась из пещеры, как обычно на руках и коленях, когда они уже приближались к ней. Понюхала воздух, скорчила гримаску. Когда увидела их, гримаса трансформировалась в улыбку.

— Я вижу симпатичных мужчин! Как давно вы, мальчики, поднялись?

— Чуть раньше тебя, — ответил Роланд.

— И как самочувствие?

— Отличное. Я проснулся с головной болью, но она прошла.

— Правда? — спросил Джейк.

Роланд кивнул и сжал плечо мальчика.

Сюзанна спросила, голодны ли они. Роланд кивнул. Джейк последовал его примеру.

— Что ж, заходите, — она указала на вход в пещеру, — и посмотрим, удастся ли нам решить эту проблему.

3

Сюзанна нашла яичный порошок и банки тушенки. Эдди обнаружил открывалку и работающий на газу гриль. Что-то побормотав себе под нос, он все-таки сумел разжечь гриль, однако, вздрогнул, когда гриль с ним заговорил.

— Привет! Я — Гамри с газовым баллоном, меня можно приобрести в «Уол-Марте», «Бернаби» и пяти других лучших магазинах! Остановившая свой выбор на Гамри, вы приобретаете качество! Здесь темновато, не так ли? Могу я помочь вам с кулинарными рецептами?

— Ты можешь помочь, заткнувшись, — процедил Эдди, и больше гриль голоса не подавал. Эдди даже спросил себя, уж не оскорбил ли он гриль, а потом озадачился другим вопросом: может, ему следует покончить с собой и избавить мир от одной проблемы.

Роланд вскрыл четыре банки с персиками, понюхал их, кивнул.

— Думаю, все в порядке. Сладкие.

Они как раз заканчивали завтрак, когда воздух у пещеры замерцал. А мгновением позже у входа материализовались Тед Бротигэн, Динки

Эрншоу и Стенли Руис. Компанию им составлял дрожащий и перепуганный, одетый в вылинявший и порванный комбинезон Род, которого Роланд просил привести с собой.

— Заходите и поешьте, — пригласил их в пещеру Роланд, с таким видом, словно квартет телепортов появлялся перед ним по два раза на день. — Еды достаточно.

— Может, мы обойдемся без завтрака, — ответил Динки. — Времени у нас в...

Но прежде чем он успел закончить фразу, колени Шими подогнулись, и он упал у самого входа в пещеру. Глаза закатились, между потрескавшихся губ пошла пена. Он начал дрожать всем телом, ноги взлетали в воздух, резиновые мокасины скребли на каменной земле.

Глава 10. Последний разговор (Сон Шими)

1

Сюзанна полагала, что не стоило называть последовавшее кромешным адом. Но, уж конечно, такой переполох могла поднять как минимум дюжина человек, но никак не семь, восемь, считая Рода, а считать его следовало, потому что именно он стал источником немалой части шума. Увидев Роланда, упал на колени, вскинул руки над головой, совсем как рефери, зафиксировавший удачный удар, и начал быстро кланяться, всякий раз ударяясь лбом о каменистую землю. Одновременно орал благим матом на своем странном, с избытком гласных языке. И отбивая поклоны, не отрывал глаз от Роланда. Сюзанна не сомневалась, что стрелку воздавали честь, как божеству.

Тед тоже упал на колени, но все его внимание сосредоточилось на Шими. Старик обеими руками схватил его за голову, чтобы та перестала болтаться из стороны в сторону; давний знакомый Роланда по Меджису уже порезал левую щеку об острый камень, в опасной близости от глаза. А теперь еще и кровь показалась из уголков рта Шими, потекла по небритым щекам.

— Дайте мне что-нибудь, чтобы положить ему в рот! — крикнул Тед. — Подойдите ко мне! Проснитесь! Он же кусает свой язык!

Деревянная крышка стояла прислоненной к ящику со снитчами. Роланд с размаху опустил ее на поднятое колено (Сюзанна отметила полное отсутствие сухого скрута в бедре). Куски дерева полетели в разные стороны. Один Сюзанна схватила на лету, повернулась к Шими. Ей не пришлось опускаться на колени, она всегда стояла на них.

Один торец деревяшки размочалило в щепу. Сюзанна взялась за него, а ровный сунула в рот Шими. Тот с такой силой вонзил в деревяшку зубы, что Сюзанна услышала, как она затрещала.

Род, тем временем, продолжал пронзительно кричать. Из всей его речи Сюзанне удалось понять только четыре слова: «Хайл, Роланд, Гилеад, Эльд».

— Кто-то должен заставить его замолчать! — воскликнул Динки, и Ыш залаял.

— Не обращай внимания на Рода, держи ноги Шими! — рявкнул

Тед. — Нужно его обездвижить.

Динки упал на колени и ухватился за ноги Шими, одну уже босую, вторую — в нелепом резиновом мокасине.

— Ыш, тихо! — приказал Джейк, и Ыш замолчал. Но стоял, широко расставив передние лапы и прижавшись животом к земле, с вздыбленной шерстью, так что чуть ли не в два раза прибавил в размерах.

Роланд наклонился к голове Шими, упираясь в землю предплечьями, приник ртом к уху, начал что-то шептать. До Сюзанны долетали лишь обрывки фраз, все остальное тонуло в фальцете Рода, но она услышала: «Который был Уиллом Диаборном», и «Все хорошо» и, как ей показалось, «отдохнешь».

Что бы ни говорил Роланд, слова его, похоже, подействовали. Мало-помалу припадок Шими сошел на нет. Она увидела, что Динки ослабил хватку на его коленях, готовый снова навалиться на них, если б Шими опять начал пинаться. Растянулись и мышцы вокруг рта Шими, зубы разжались. Кусок дерева, насаженный на верхние резцы, казалось, левитировал. Сюзанна осторожно дернула его, освобождая, с изумлением уставилась на глубокие, в полдюйма, запятнанные кровью углубления в мягком дереве. Язык Шими вывалился набок, напомнив Сюзанне Ыша, спящего на спине, с раскинутыми во все стороны лапами.

Теперь слышались только пронзительные крики Рода да низкое рычание Ыша, который стоял рядом с Джейком, готовый защитить его от пришельца.

— Закрой рот и замри, — бросил Роланд Роду и что-то добавил на незнакомом языке.

Род застыл на половине очередного поклона, по-прежнему с руками над головой, не сводя глаз с Роланда. Эдди увидел, что боковина его носа съедена сочащейся язвой, красной, как клубника. Род прикрыл грязными ладонями глаза, словно от Роланда исходило слишком яркое сияние, и повалился на бок. Подтянул колени к груди и при этом громко пернул.

— Шумных он пускает голубков, — отметил Эдди, и Сюзанна засмеялась. А потом в пещере повисла тишина, нарушаемая только воем ветра, едва слышной музыкой, доносящейся из поселения и далекими раскатами грома, напоминающими звук перекатываемых костей.

Пятью минутами позже Шими открыл глаза, сел и огляделся, с видом человека, который не понимает, где он, как туда попал и почему. Потом его взгляд остановился на Роланде и некрасивое, усталое лицо осветила улыбка.

Роланд улыбнулся в ответ, протянул руки.

— Ты можешь подойти ко мне, Шими? Если нет, я подойду к тебе, будь уверен.

Шими подполз к Роланду из Гилеада на руках и коленях, его темные и грязные волосы падали на глаза, положил голову на плечо Роланда. Сюзанна почувствовала, что глаза щиплет от слез, и отвернулась.

2

Чуть позже Шими уже сидел у стены пещеры, с подложенным под голову и спину чехлом, который сняли с Прогулочного трайка Сюзанны. Эдди предложил ему газировку, но Тед сказал, что Шими лучше выпить воды. Первую бутылку «перье» Шими выпил залпом, и теперь маленькими глотками пил вторую. Остальные остановили свой выбор на растворимом кофе, за исключением Теда, который отдал предпочтение «Нозз-А-Ла».

— Не понимаю, как вы можете это пить, — Эдди передернуло.

— На вкус и цвет товарищей нет, сказала старая дева, целуя корову, — ответил Тед.

Только дитя Родерика ничего не пил. Лежал там, где упал, у входа в пещеру, прижав ладони к глазам. И дрожал мелкой дрожью.

Тед осмотрел Шими после того, как тот выпил первую бутылку воды, но еще не принялся за вторую, посчитал пульс, заглянул в глаза, ощупал череп в поисках ушибов. Всякий раз, когда спрашивал Шими, болит ли здесь или там, тот очень серьезно качал головой, во время осмотра не отрывая взгляда от Роланда. Пощупав ребра Шими («Щекотно, сэй, щекотно», — с улыбкой отреагировал Шими), Тед объявил, что его приятель в отличной форме.

Эдди, который хорошо видел глаза Шими, один из газовых фонарей светил прямо ему в лицо, подумал, что это ложь президентского уровня.

Сюзанна готовила очередную порцию яичницы с тушенкой (Гриль снова заговорил. «Повторить, сэр?» — спросил он тоном веселого одобрения). Эдди поймал взгляд Динки Эрншоу и спросил: «Сможешь выйти со мной на минутку, пока Сюзанна приготовит еду?»

Динки посмотрел на Теда, который кивнул, повернулся к Эдди.

— Если хочешь. Этим утром у нас чуть больше времени, но это не значит, что мы можем тратить его попусту.

— Я понимаю, — ответил Эдди.

Ветер усилился, но воздух, вместо того, чтобы стать свежее, пахнул куда как хуже, чем прежде. Однажды, в средней школе, Эдди поехал на экскурсию на нефтеперегонный завод в Нью-Джерси. Раньше он думал, что никогда в жизни не сталкивался с такой отвратительной вонью: трех девочек и двоих мальчиков там вырвало. Он помнил, как рассмеялся экскурсовод: «Главное, помните — это вкус денег... помогает, знаете ли». Возможно, «Нефтеперегонный завод Перта» оставался чемпионом по вони, но лишь потому, что запах, который он чувствовал сейчас, не был таким сильным. И, между прочим, было здесь что-то такое, напоминающее «Нефтеперегонный завод Перта». Он не знал, что именно, да и какое это имело значение, но казалось странным, что на этой стороне многое продолжало возвращаться. Только «возвращаться» — это неправильно, так?

— Отзываться, — пробормотал Эдди. Вот это правильно.

— Не понял, партнер? — спросил Динки. Они стояли на тропе, смотрели на расположенные вдали здания с синими крышами, замершие навсегда вагоны, идеальный маленький городок. Разумеется, идеальный, если не вспоминать, что он окружен тремя рядами колючей проволоки, через один из которых пропущен достаточно сильный ток, чтобы при контакте убить человека наповал.

— Ничего, — ответил Эдди. — Что это за запах? Есть идеи?

Динки покачал головой, но указал за поселение, в направлении, которое могло быть югом или востоком, а могло и не быть.

— Насколько я знаю, там расположено что-то отравленное. Однажды я спросил Финли, и он ответил, что там располагались какие-то заводы. «Центра позитроники». Ты знаешь, о чем я?

— Да. А кто такой Финли?

— Финли из Тего. Возглавляет службу безопасности, правая рука Прентисса, также известный, как Горностай. Тахин. Какими бы ни были ваши планы, вам придется переступить через него, чтобы реализовать их. И он не облегчит вам жизнь. Если я увижу его лежащим мертвым на земле, то буду радоваться больше, чем в национальный праздник. Между прочим, мое настоящее имя — Ричард Эрншоу. Чертовски рад встрече с тобой, — он протянул руку, Эдди ее пожал.

— Я — Эдди Дин. Известный здесь, к западу от Пекоса^[68], как Эдди из Нью-Йорка. Женщина — Сюзанна. Моя жена.

Динки кивнул.

— Понятно. А мальчик — Джейк. Тоже из Нью-Йорка.

— Джейк Чеймберз, все так. Послушай, Рич...

— Благодарю за хлопоты, — с улыбкой оборвал его Динки, — но я слишком долго был Динки, чтобы привыкать к новому имени. А ведь могло быть и хуже. Одно время я работал в супермаркете с парнем старше двадцати лет, которого звали Джей-Джей, гребаный синий Джей. И люди будут так звать его, когда ему исполнится восемьдесят и он будет ссаться в штаны.

— Только смелые, счастливые и хорошие доживают до восьмидесяти, — заметил Эдди. — Как в этом мире, так в любом другом.

На лице Динки отразилось удивление, потом он помрачнел.

— Что-то в этом есть.

— Этому парню, которого знал Роланд, совсем худо, — сказал Эдди. — Ты видел это в его глазах?

Динки кивнул, помрачнев еще больше.

— Я думаю, красные кровавые точки в белках называются петехиальным кровоизлиянием. Что-то в этом роде, — потом добавил, с извиняющимися нотками в голосе, которые Эдди, учитывая обстоятельства, нашел неуместными. — Не уверен, что произнес правильно.

— Мне без разницы, как они называются, главное, что это плохо. И то, что он выдал такой припадок...

— Зря ты так о нем.

Эдди продолжал гнуть свое.

— Раньше с ним такое бывало?

Динки отвел глаза, уставился на свои переминающиеся ноги. Эдди решил, что ответ получен.

— Сколько раз? — Эдди надеялся, что в его голосе нет ужаса, который его охватил. Кровавых точек в белках Шими хватало, чтобы со стороны могло показаться, будто кто-то сыпанул в них красного перца. Не говоря уже о больших кровоизлияниях в уголках глаз.

Не глядя на него, Динки поднял руку с четырьмя оттопыренными пальцами.

— Четыре раза?

— Да, — Динки по-прежнему изучал свои мокасины. — Началось с того времени, когда он послал Теда в Коннектикут 1960 года. Когда он это проделал, в нем словно что-то надорвалось, — Динки поднял голову, попытался улыбнуться. — Но он не потерял сознания вчера, когда мы втроем вернулись в Девар.

— Скажи мне, правильно ли я тебя понял. В тюрьме, что под нами, все

грехи считаются простительными и только один смертным — телепортация.

Динки обдумал его слова. Для тахинов и кан-тои условия не были столь либеральными. Их могли выслать или подвергнуть лоботомии по разным причинам, включая пренебрежение обязанностями, насмешки над Разрушителями, а то и жестокое обращение с последними. Однажды, так ему рассказывали, «низший» мужчина изнасиловал женщину-Разрушителя, а потом с жаром убеждал Ректора, что его деяние — шаг к превращению в человека. Сам Алый Король явился к нему во сне и велел это сделать. За этот проступок кан-тои приговорили к смерти. Разрушителей пригласили на казнь (его убили выстрелом из пистолета в голову), которую провели на Главной улице Плизантвиля.

Динки рассказал об этом Эдди, а потом признал, что для заключенных смертным грехом является исключительно телепортация. Во всяком случае, он другого смертного греха не знал.

— А Шими — ваш телепорт, — кивнул Эдди. — Вы помогаете ему... Тед, по его же словам, умножает его возможности... а ты прикрываешь его, каким-то образом внося изменения в их информационную базу...

— Они понятия не имеют, как легко корректировать их телеметрию, — Динки едва не рассмеялся. — Партнер, они пришли бы в ужас. Самое трудное — не вывести из строя все их программное обеспечение.

Эдди такие подробности не интересовали. Методы Динки приносили результат. Только это и имело значение. Методы Шими — тоже... да только как долго можно было на него рассчитывать?

— ...но основную работу делает он, — закончил Эдди. — Шими.

— Да.

— Он — единственный, кто на такое способен.

— Да.

Эдди подумал о двух стоящих перед ними задачах: освободить Разрушителей (или убить их, если другого способа остановить их работу не будет) и уберечь писателя от смерти под колесами минивэна во время прогулки. Роланд полагал, что они смогут сделать и первое, и второе, но для этого требовалось, чтобы Шими телепортировал их, как минимум, дважды, плюс их гостям предстояло вернуться в окруженное тремя рядами колючей проволоки поселение после завершения их разговора, то есть речь шла о третьей телепортации.

— Он говорит, что это не больно, — добавил Динки. — Если ты волнуешься из-за этого.

Из пещеры донесся смех. Шими пришел в себя, пил, ел, настроение

остальных, понятное дело, поднялось.

— Не из-за этого. Что, по мнению Теда, происходит с Шими, когда он телепортирует?

— Мозговые кровотечения, — без запинки ответил Динки.

— Микроинсульты на поверхности мозга, — в подтверждение своих слов он в нескольких местах постучал себя по голове. — Бонк, бонк, бонк.

— И они все сильнее дают о себе знать? Я прав, не так ли?

— Послушай, если ты думаешь, что переносить нас с места на место — моя идея, ты ошибаешься. Эдди вскинул руку, как коп-регулировщик.

— Нет, нет, я только стараюсь понять, что происходит, — и каковы наши шансы.

— Мне ужасно не нравится, что мы так его используем! — взорвался Динки. Однако, старался говорить тихо, чтобы в пещере его не услышали. Но у Эдди ни на мгновение не возникло сомнений в том, что Динки говорит правду. — Он не возражает, наоборот, хочет это делать, отчего совесть только сильнее меня гложет. На Теда он смотрит, как... — Динки пожал плечами. — Как собака на лучшего во вселенной хозяина. Точно также он смотрит и на твоего дина, что ты, безусловно, заметил.

— Он делает это для моего дина, так что все нормально. Ты можешь этому не верить, Динк, но...

— Ты веришь.

— Абсолютно. А теперь действительно важный вопрос: Тед представляет себе, как долго протянет Динки? С учетом того, что теперь здесь он получает хоть какую-то помощь и поддержку?

«Кого ты хочешь подбодрить, братец? — внезапно раздался в голове голос Генри. Циничный, как и всегда. — Его или себя?»

Динки посмотрел на Эдди если не как на безумца, то на человека, у которого определенно помутилось в голове.

— Тед был бухгалтером. Иногда учителем. Разнорабочим, если не находил ничего другого. Он — не врач.

Но Эдди настаивал.

— А что думаешь ты?

Динки помедлил с ответом. Дул ветер. Далеко внизу играла музыка, Еще дальше погромыхивал гром. Наконец, он заговорил: «Еще три или четыре раза... но воздействие кровоизлияний усиливается. Может, только два. Но гарантировать ничего нельзя, понимаешь? Он может умереть от обширного инсульта, когда в следующий раз будет создавать дыру, через которую мы переходим из одного места в другое.

Эдди попытался найти еще хоть один вопрос, но не смог. Последний

ответ закрыл их все, и когда Сюзанна позвала их в пещеру, он этому только порадовался.

К Шими Руису вернулся аппетит, что все посчитали добрым знаком, и он активно работал вилок. Красные точки в глазах поблекли, но не рассосались. Эдди задался вопросом, а что подумают охранники «Синих небес», если заметят их. Может, Шими следовало надеть солнцезащитные очки?

Роланд поставил Рода на ноги и теперь беседовал с ним в глубине пещеры. Хотя беседа была односторонней. Стрелок говорил, а Род слушал, изредка бросая короткие, полные обожания взгляды на лицо Роланда. Эдди ничего не понимал, за исключением пары слов Чевин и Чайвен. Роланд спрашивал о том существе, которое они встретили по пути в Лоувелл.

— У него есть имя? — спросил Эдди Динки и Теда, беря вторую тарелку с едой.

— Я зову его Чаки, — ответил Динки. — Потому что он немного похож на куклу, которую я видел в том фильме ужасов.

Эдди ухмыльнулся.

— «Детская игра»^[69], точно. Я тоже его видел. После твоего когда, Джейк. И тем более после твоего, Сюзизлла. Цвет волос не тот, но пухлые веснушчатые щеки и синие глаза похожи. — Ты думаешь, он может хранить тайну?

— Если никто его не спросит, сможет, — ответил Тед. С точки зрения Эдди, такой ответ не мог расцениваться удовлетворительным.

Минут через пять к ним присоединился Роланд. Присел на корточки, теперь боли в суставах этому не препятствовали, и посмотрел на Теда.

— Этого парня зовут Хайлис из Чейвена. Его кто-нибудь хватится?

— Едва ли, — ответил Тед. — Роды появляются у ворот за общежитиями маленькими группами, в поисках работы. В основном, что-то носят. В качестве платы их кормят и поят. Если кто-то не показывается, его не ищут.

— Хорошо. Теперь, сколько здесь длятся сутки? До завтрашнего утра, если брать то же время, что и сейчас, двадцать четыре часа?

Вопрос показался Теду интересным, он обдумывал его несколько секунд.

— Скорее, двадцать пять. Может, чуть больше. Потому что время

замедляется, во всяком случае, здесь. По мере того, как Лучи подтачиваются, возникают различия в потоке времени между мирами. Вероятно, это один из главных центров разрушения.

Роланд кивнул. Сюзанна предложила ему поесть, но он отказался, поблагодарив ее. В глубине пещеры Род сидел на ящике, глядя на свои босые, покрытые язвами ноги. Эдди удивился, увидев, как Ыш направился к Роду, удивился еще больше, когда ушастик-путаник позволил Чаки (или Хайлису) почесать ему голову бесформенной рукой.

— И утром случается, что внизу возникает... ну, не знаю...

— Возникает некоторая суета? — предположил Тед. Роланд кивнул.

— Вы слышали горн? — спросил Тед. — Буквально перед тем, как мы здесь появились?

Они покачали головой.

Теда, похоже, это не удивило.

— Но вы слышали, как зазвучала музыка, не так ли?

— Да, — кивнула Сюзанна и предложила Теду новую банку «Нозз-А-Ла». Он ее взял и с удовольствием сделал большой глоток. Эдди едва не передернуло.

— Спасибо, мэ. В любом случае, горн означает начало новой смены. Тогда же включается музыка.

— Ненавижу я эту музыку, — пробурчал Динки.

— Если и есть период времени, когда контроль ослабевает, — продолжил Тед, — то именно в пересменку.

— И в котором часу это происходит? — спросил Роланд. Тед и Динки неуверенно переглянулись. Динки показал восемь пальцев, его брови вопросительно поднялись. На лице отразилось облегчение, когда Тед тут же кивнул.

— Да, в восемь часов, — Тед рассмеялся, и качнул головой. — Как можно называть точное время в мире, где твоя тюрьма может в некоторые дни находиться на востоке, а в другие — на юго-востоке.

Но Роланд уже жил в сдвинувшемся мире задолго до того, как Тед Бротигэн узнал о существовании такого места, как Алгул Съенто, поэтому его несколько не смущало то обстоятельство, что здесь не действовали законы, ранее казавшиеся незыблемыми.

— Примерно через двадцать пять часов, — уточнил он. — Или чуть раньше.

Динки кивнул.

— Но только не надо думать, что ситуация выходит из-под контроля. У них все отработано до автоматизма. Каждый знает свое место.

— И, однако, лучшего времени нам не найти, — тут Роланд повернулся к своему давнему знакомому из Меджиса. И подозвал его к себе.

Шими тут же отставил тарелку, подошел к Роланду, вскинул кулак.

— Хайл, Роланд, который был Уиллом Диаборном.

Роланд поприветствовал его, повернулся к Джейку. Мальчик неуверенно глянул на него. Роланд кивнул, и Джейк подошел. Джейк и Шими стояли лицом к лицу, а между ними на корточках сидел Роланд. И теперь, когда они оказались рядом, уже не смотрел ни на одного.

Джейк поднес руку ко лбу.

Шими ответил тем же.

Джейк перевел взгляд на Роланда.

— Что ты хочешь?

Роланд не ответил, продолжал спокойно смотреть на вход пещеры, словно его что-то заинтересовало в царящем снаружи вечном сумраке. И Джейк знал, чего хочет стрелок, нисколько в этом не сомневался, словно воспользовался своим даром, чтобы заглянуть в мысли Роланда (этого он, конечно же, не делал). Они вышли к развилке дороги. И именно Джейк высказал мысль о том, что Шими должен подсказать, куда им двигаться дальше. На тот момент мысль казалась дельной, уж непонятно почему. Теперь же, глядя на не отмеченное печатью ума лицо и налитые кровью глаза, Джейк мучался двумя вопросами: что заставило его выйти с таким предложением и почему кто-то из них, скорее всего, Эдди, по-прежнему ставящий во главу угла здравый смысл, несмотря на все переделки, в которых им довелось побывать, не сказал ему, по-доброму, но твердо, что вверять их будущее в руки Стенли Руиса — дурацкая затея. Абсолютно кретинская, как сказали бы его одноклассники в школе Пайпера. И теперь Роланд, который верил, что даже под сенью смерти следовало учиться жизни, хотел, чтобы Джек и задал вопрос, самим Джеком предложенный, и ответ, несомненно, покажет, каким же он стал суеверным и легкомысленным. И однако, почему не задать этот вопрос? Если это эквивалент орла и решки, почему не задать? Джейк пришел, возможно, к концу короткой, но, безусловно, интересной жизни, попал в некое место, где элементами реальности были магические двери, механические дворецкие, телепатия (на которую и он сам, в какой-то степени, оказался

способен), вампиры, верспайдеры. Так почему не предоставить право выбора Шими? Им все равно придется пойти по одной из двух лежащих перед ними дорог, и слишком многое выпало на его долю, чтобы он беспокоился из-за того, что предстанет идиотом в глазах своих спутников. «А кроме того, подумал он, — если здесь я не среди друзей, то где тогда мне их искать?».

— Шими, — ужас наполнял его, когда он смотрел в эти налитые кровью глаза, но он заставил себя не отвести взгляд. — Мы кое-что ищем. Это значит, что мы должны довести до конца начатое нами дело. Мы...

— Вы должны спасти Башню, — оборвал его Шими. — И мой давний друг должен войти в нее, подняться на вершину и увидеть то, что можно будет там увидеть. Возможно, возрождение, возможно, смерть, возможно, и первое, и второе вместе. Однажды он был для меня Уиллом Диаборном, ага, был. Уиллом Диаборном.

Джейк глянул на Роланда, сидящего на корточках, уставившегося на вход пещеры. И подумал, что лицо у стрелка стало бледным и отстраненным.

Один из пальцев Роланда вертанулся: продолжай, продолжай.

— Да, мы должны сохранить Темную Башню, — согласился Джейк. И подумал, что, пожалуй, понимает желание Роланда найти Башню и войти в нее, даже если ему придется умереть. Что лежит в центре мироздания? Мужчина (или мальчик) мог только гадать, задав себе такой вопрос, или захотел бы увидеть?

— Даже если увидеть означало обезуметь?

— Но для того, чтобы сохранить Башню, нам нужно сделать два дела. И одно из них связано с возвращением в наш мир и спасением человека. Одного писателя, который рассказывает нашу историю. О втором деле мы как раз говорим. Мы должны освободить Разрушителей, — честность заставила его добавить. — Во всяком случае, прекратить их работу. Ты понимаешь?

Но на этот раз Шими не ответил. Смотрел туда же, куда и Роланд — в сумрак за входом в пещеру. С таким лицом, будто его загипнотизировали. Джейку все это определено не нравилось, но он продолжил. В конце концов, он вплотную подошел к вопросу, который хотел задать, так что ему оставалось, кроме как довести дело до логического конца?

— Вопрос в том, с чего нам нужно начать. Спасти писателя вроде бы проще, потому что нам никто не будет противостоять... так мы, во всяком случае, думаем... но есть шанс, что... ну... — Джейку не хотелось говорить: «Но есть шанс, что наша телепортация тебя убьет», — вот он и

запнулся.

Поначалу решил, что Шими ему не ответит, поставит перед дилеммой, предпринимать вторую попытку или нет, но внезапно бывший служака из таверны заговорил. При этом смотрел не на кого-то из них, а на сумрак Тандерклепа, подступающий к входу в пещеру.

— Этой ночью мне приснился сон, да приснился, — начал Шими из Меджиса, чью жизнь однажды спасли три молодых стрелка из Гилеада. — Мне снилось, что я вновь в таверне «Приют путников», только Корал там нет, нет ни Стенли, ни Красотули, ни Шеба, который обычно играл на пианино. Нет никого, кроме меня, а я мою пол и напеваю «Беззаботную любовь». Потом скрипят дверцы, да, скрипят, они издают такие забавные звуки...

Джейк увидел, что Роланд кивает, на его губах играет некое подобие улыбки.

— Я поднял голову и увидел, что в таверну вошел этот мальчик, — на мгновение он скосил глаза на Джейка, потом его взгляд вернулся к входу в пещеру. — Он выглядел, как ты, юный сэй, да, выглядел, мог сойти за твоего близнеца. Только лицо его было в крови, один глаз ему вышибли, изуродовав его, и он хромал. Выглядел, как смерть, это точно, и страшно меня напугал, и от одного его вида мне стало грустно. Я продолжал мыть пол, думая, если буду мыть, он не обратит на меня внимания. Может, даже не заметит и уйдет.

Джейк вдруг осознал, что знает эту историю. Он все это видел? Или сам был этим окровавленным мальчиком?

— Но он посмотрел на тебя... — прошептал Роланд, по-прежнему сидя на корточках, глядя в сумрак.

— Ага, Уилл Диаборн, так и было, прямо на меня, так он смотрел и сказал: «Почему ты должен причинять мне боль, когда я так тебя люблю? Когда я не могу делать что-то еще и не хочу, ибо любовь создала меня, и кормила, и...

...поддерживала в лучшие дни, — пробормотал Эдди. Слеза выкатилась из одного его глаза и оставила темное пятно на полу.

— ...и поддерживала в лучшие дни? Почему же ты и дальше собираешься резать меня, уродовать мое лицо, наполнять меня болью? Я только любил тебя за твою красоту, как ты когда-то любил меня, до того, как мир сдвинулся. А теперь ты уродуешь меня ногтями и капаешь мне в нос обжигающие капли ртути; ты натравливал на меня зверей, да, натравливал, и они пожрали мои внутренности. Вокруг меня собираются кан-тои, и нет мне покоя от их смеха. И однако, я люблю тебя и буду

служить тебе, и вновь верну магию, если ты мне позволишь, ибо так было устроено мое сердце, когда я поднялся из Прима. Однажды я был не только красив, но и силен, но теперь моя сила практически иссякла».

— Он плакал, — сказала Сюзанна, и Джейк подумал: «Конечно, плакал». Он сам плакал; как и Тед; как и Динки Эрншоу. Только у Роланда глаза оставались сухими, но он побледнел, так побледнел.

— Он плакал, — повторил Шими (слезы катились по его щекам, когда он рассказывал свой сон), — и я тоже плакал, ибо видел, что он был прекрасен, как светлый день. Он сказал: «Если пытка прекратится, я, возможно, смогу поправиться... если не красота, то сила вернется ко мне...

— И кес, — произнес Джейк, произнес совершенно правильно, хотя никогда раньше не слышал этого слова.

— «...и кес. Но еще неделя... может, пять дней... даже три... и будет поздно. Даже если пытка прекратится, я умру. И ты тоже умрешь, ибо когда любовь покидает мир, все сердца останавливаются. Скажи им о моей любви, и скажи им о моей боли, и скажи им о моей надежде, которая все еще жива. Это все, что у меня есть, это я сам, это все, о чем я прошу, — а потом мальчик повернулся и вышел. Вновь петли дверей издали тот забавный звук. Скри-ик.

Замолчав, Шими посмотрел на Джейка и улыбнулся, как человек, который только-только проснулся.

— Я не могу ответить на твой вопрос, сэй, — он постучал кулаком по лбу. — Мозгов у меня там мало, только паутина. Так говорила Корнелия Дельгадо и, полагаю, она права.

Джейк не ответил. Стоял, как зачарованный. Ему тоже приснился этот самый изуродованный мальчик, только встретился он с ним не в салуне, а в парке Гейджа, том самом, где они увидели Чарли Чу-Чу. В прошлую ночь. Именно так. Ранее он этого сна не помнил, и, скорее всего, не вспомнил бы никогда, если бы Шими не рассказал свой сон. И Роланд, Эдди, Сюзанна тоже видели свою версию этого сна? Да. Это читалось на их лицах, тогда как Тед и Динки ничего не понимали, хотя рассказ Шими пронял их до слез.

Роланд поднялся, чуть скривившись, потер рукой бедро.

— Спасибо тебе, Шими, ты очень нам помог. Шими неуверенно улыбнулся.

— Как я мог это сделать?

— Неважно, мой дорогой, — Роланд повернулся к Теду. — Я и мои друзья на минуточку выйдем. Нам нужно поговорить ан-тет.

— Конечно, — и Тед покачал головой, словно хотел очистить ее от

тумана.

— Сделайте мне одолжение и не затягивайте разговор, — добавил Динки. — Наверное, с нами ничего не случится, но я не хотел бы искушать судьбу.

— Он нужен вам для того, чтобы вернуться? — спросил Эдди, мотнув головой в сторону Шими. Впрочем, вопрос был риторический; как еще все трое могли попасть в кампус?

— Да, но... — начал Динки.

— Тогда вам все рано придется ее искушать, — и Эдди последовал за Роландом, Сюзанной и Джейком к выходу из пещеры. Ёш остался сидеть возле своего нового друга Хайлиса из Чейвена. Джейка это встревожило. Вызвало не ревность — ужас. Словно ему дали знак, истолковать который мог кто-то более мудрый, чем он, скажем, один из Мэнни. Но он хотел знать это толкование? Скорее нет, чем да.

6

— Я не помнила мой сон, пока он не рассказал свой, — призналась Сюзанна, — а если бы не рассказал, я бы, скорее всего, никогда его не вспомнила.

— Да, — кивнул Джейк.

— Но теперь я хорошо его помню, — продолжила она. — Я находилась на станции поземки, и мальчик спустился по лестнице...

— Я был в парке Гейджа... — вставил Джейк.

— А я — на игровой площадке на Марки-авеню, где мы с Генри играли в баскетбол один на один, — внес свою лепту Эдди. — В моем сне мальчик с окровавленным лицом носил футболку с надписью на груди «НИКАКОЙ СКУКИ...»

— «...В СРЕДИННОМ МИРЕ», — закончил Джейк, и Эдди изумленно глянул на него.

Джейк этого взгляда и не заметил. Мысли его ушли в другом направлении.

— Интересно, Стивен Кинг использует сны, когда пишет книги? Вы понимаете, как дрожжи, чтобы поднялся сюжет.

На этот вопрос, понятное дело, никто из них ответить не мог.

— Роланд? — спросил Эдди. — А где ты оказался в своем сне?

— В таверне «Приют путников», где же еще? Или я, когда-то давно, не встречался там с Шими? — «Вместе с моими друзьями, которые давно

ушли», — мог бы добавить он, но не стал. — Я сидел за столиком, которому отдавал предпочтение Элдред Джонас, и играл сам с собой в «Следи за мной».

— Мальчик во сне — это Луч, не так ли?

И когда Роланд кивнул, Джейк понял, что ответил на вопрос, чем им заняться в первую очередь. И ответ его не оставлял и тени сомнений.

— Есть у кого-нибудь вопросы? — спросил Роланд. Один за другим они покачали головами.

— Мы — ка-тет, — сказал Роланд, и они хором ответили: «Единство из множества».

Роланд еще несколько мгновений вглядывался в их лица, словно старался запечатлеть их в памяти, а потом повел свой ка-тет в пещеру.

— Шими, — позвал он.

— Да, сэй! Да, Роланд, который был Уиллом Диаборном!

— Мы собираемся спасти мальчика, о котором ты нам рассказал. Мы заставим плохишей перестать мучить его.

Шими улыбнулся, но в улыбке читалось недоумение. Он не помнил мальчика из сна, больше не помнил.

— Хорошо, сэй, это хорошо!

Роланд повернулся к Теду.

— Как только Шими поможет вам вернуться, уложи его в постель. Или, чтобы не привлекать к нему внимание, позаботься о том, чтобы он не напрягался.

— Мы сможем записать его в больные, и ему не придется идти в Читальню, — согласился Тед. — В Тандерклепе часто простужаются. Но вы должны понимать, что никаких гарантий быть не может. Он может вернуть нас в кампус, а потом... — и он щелкнул пальцами.

Смеясь, Шими проделал то же самое, только одновременно щелкнул пальцами обеих рук. Сюзанна отвернулась, ей стало нехорошо.

— Я это знаю, — ответил Роланд, и хотя тон его практически не изменился, члены ка-тета порадовались, что разговор практически подошел к концу. Терпение Роланда иссякало. — Пусть отдыхает, даже если он будет хорошо себя чувствовать. Для того, что я задумал, его помощь не потребуется. Спасибо оружию, которое вы нам оставили.

— Это хорошее оружие, — кивнул Тед, — но хватит ли его, чтобы уничтожить шестьдесят челов, кан-тои и тахинов?

— Вы встанете рядом с нами, когда начнется бой? — спросил Роланд.

— С огромным удовольствием, — ответил Динки, и зубы его обнажились почти в зверином оскале.

— Да, — кивнул Тед. — И у меня, возможно, есть другое оружие. Вы прослушали пленки, которые я вам оставил?

— Да, — ответил Джейк.

— Так вы знаете историю парня, который украл мой бумажник?

На этот раз кивнули все четверо.

— А как насчет молодой женщины? — спросила Сюзанна. — Которую вы назвали крепким орешком. Как насчет Тани и ее бойфренда? Или ее мужа, уж не знаю, как его называть.

Тед и Динки обменялись короткими взглядами, в которых читалось сомнение. Оба покачали головами.

— Когда-то — да, — ответил Тед. — Теперь — нет. Теперь она замужем. И хочет лишь одного — обниматься со своим мужчиной.

— И разрушать, — добавил Динки.

— Но разве они не понимают... — закончить предложение Сюзанна не смогла. Не дали воспоминания о собственном сне и рассказ Шими. «Теперь ты уродуешь меня ногтями», — сказал Шими мальчик из сна. Мальчик, который когда-то был красавцем.

— Они не хотят понимать, — мягко ответил ей Тед. Краем глаза увидел потемневшее от ярости лицо Эдди, повернулся к нему, покачал головой. — Но я не могу позволить вам ненавидеть их за это. Вам... нам... возможно, придется убить некоторых из них, но я не могу позволить вам ненавидеть их. Они отвернулись от понимания не из жадности или страха, а от отчаяния.

— И потому, что разрушать — божественно, — вставил Динки. Теперь он тоже смотрел на Эдди. То же самое испытываете вы первые полчаса после победы в бою. Если вы знаете, о чем я толкую.

Эдди вздохнул, сунул руки в карманы, ничего не сказал.

Шими удивил всех, взяв из ящика один из пистолетов-пулеметов «койот» и обведя им пещеру. Будь «койот» заряжен, великий поход к Темной Башне на том бы и закончился.

— Я буду сражаться! — воскликнул он. — Пах-пах-пах! Бам-бам-бам-ба-дам!

Эдди и Сюзанна пригнулись, Джейк инстинктивно загородил собой Ыша, Тед и Динки прикрыли лица руками, словно руки могли защитить их от сотни крупнокалиберных пуль со стальными рубашками. Роланд спокойно отобрал у Шими пистолет-пулемет.

— Твое время помочь придет, — заверил он его, — но лишь после того, как пройдет и будет выиграна первая битва. Ты видишь ушастика-путаника Джейка, Шими?

— Ага, он с Родом.

— Он говорит. Давай посмотрим, будет ли он говорить с тобой.

Шими покорно пошел в глубь пещеры, где Чаки/Хайлис все еще гладил Ыша по голове, опустился на колени, произнес свое имя, чтобы Ыш его повторил. И ушастик тут же это сделал, на удивление чисто. Шими рассмеялся, Хайлис составил ему компанию. Они смеялись, как двое детей из Кальи. Возможно, детей-рунтов.

Роланд тем временем повернулся к Динки и Теду, и губы его превратились в белую полоску на суровом лице.

7

— Его нужно спрятать, когда начнется стрельба, стрелок повернул ключ в воображаемом замке. — Если мы проиграем, что с ним случится потом, не будет иметь ровно никакого значения. Если победим, он понадобится нам как минимум один раз. Возможно, дважды.

— Чтобы попасть куда? — спросил Динки.

— В Америку Ключевого мира, — ответил Эдди. — В маленький городок в западном Мэне, который называется Лоувелл. В начало июня 1999 года, если позволит текущее в одном направлении время.

— Отправка меня в Коннектикут инициировала припадки Шими, — Тед понизил голос. — Вы знаете, что ему станет хуже, если он отправит вас в Америку, не так ли? Возможно, убьет? — говорил он будничным тоном, как бы между прочим.

— Мы знаем, — кивнул Роланд, — и когда время придет, я скажу ему о возможном риске и спрошу...

— Слушайте, здесь, где не светит солнце, этот номер не пройдет, — перебил его Динки, И Эдди тут же вспомнил себя, каким он был в первые часы на берегу Западного моря, ничего не понимающий, злой, думающий только о дозе героина, да в этот момент он испытал *deja vu*. — Если вы спросите, хочет ли он поджечь себя, его будет интересовать только одно: есть ли у вас спички? Он же видит в вас Иисуса Христа.

Сюзанна ждала реакции Роланда, со страхом и интересом. Но стрелок молчал. Лишь смотрел на Динки, засунув большие пальцы за ремень-патронташ.

— Конечно, вы понимаете, что покойник не сможет вернуть вас сюда с американской стороны, — голос Теда звучал более миролюбиво.

— Мы перепрыгнем через тот забор, только когда подойдем к нему, и

если придется прыгать, — ответил Роланд. — А пока нам нужно перебраться через несколько других заборов.

— Я рада, что мы первым делом захватим Девар-той, каким бы ни был риск, — вмешалась Сюзанна. — Происходящее внизу — мерзость.

— Да, мэм, — Динки приподнял воображаемую шляпу. — Полагаю, именно так это и называется.

Напряженность, витающая в пещере, ослабла. За их спинами Шими предложил Ёшу улечься на спину, что ушастик-путаник с удовольствием и проделал. Улыбка Рода растянулась от уха до уха. Сюзанна задалась вопросом, а когда Хайлису из Чейвена последний раз выпадал случай так улыбаться. Улыбка его была по-детски обаятельна.

Она подумала, не спросить ли Теда, а какой, по его разумению, сейчас в Америке день, потом решила, что смысла в этом нет. Если бы Стивен Кинг умер, они бы об этом узнали. Так сказал Роланд, и причин для сомнений у нее не было. Пока писатель здорововал, радостно тратил свое время и воображение на какой-нибудь бессмысленный проект, тогда как мир, ради придумывания которого он и появился на свет божий, продолжал собирать пыль в его голове. И если Роланд злился на писателя, удивляться этому не приходилось. Она и сама злилась на него.

— Каков ваш план, Роланд? — спросил Тед.

— Он строится на двух допущениях: что мы сможем сначала застигнуть их врасплох, а потом обратить в паническое бегство. Не думаю, что в эти дни они ждут каких-то неожиданностей. От Пимли Прентисса до последнего чела-охранника периметра, все они уверены, им не помешают в их работе, и, уж конечно, не атакуют. Если мои допущения правильны, мы добьемся успеха. Если мы проиграем, то, по крайней мере, не проживем достаточно долго, чтобы увидеть, как рушатся Лучи и валится Башня.

Роланд нашел карту Алгул Съенто, положил на пол. Все сгрудились вокруг нее.

— Эти железнодорожные пути, — он указал на линии, отмеченные числом 10. — Некоторые сломанные локомотивы и вагоны стоят в каких-то двадцати ярдах от южной изгороди. Так, во всяком случае, видно в бинокль. Я говорю правильно?

— Да, — ответил Динки и указал на середину ближайшей к изгороди линии. — Можно считать, что это юг. Разницы, в принципе, никакой. На этих путях стоит вагон. Совсем близко от изгороди. Думаю, в десяти ярдах, или чуть дальше. На вагоне надпись «СОО лейн».

Тед кивал.

— Хорошее прикрытие, — отметил Роланд. — Прекрасное

прикрытие, — и указал на территорию за северной частью периметра поселения. — А здесь разные сараи.

— Раньше в них хранили припасы, — пояснил Тед, — но теперь, думаю, в большинстве своем они пусты. Какое-то время в них спали Роды, но шесть или восемь месяцев тому назад Пимли и Горностаи вышибли их оттуда.

— Пустые или нет, они тоже отличное покрытие. И местность позади и вокруг них ровная? Достаточно ровная, чтобы по ней проехал вон тот агрегат? — и Роланд указал на прогулочный трайк Сюзанны. Тед и Динки переглянулись.

— Безусловно, — ответил Тед.

Сюзанна ожидала, что Эдди начнет протестовать, даже не зная, что задумал Роланд. Не запротестовал. Хорошо. Она уже прикидывала какое оружие ей потребуется. В том числе и стрелковое.

Роланд несколько мгновений смотрел на карту, словно общаясь с ней. Когда Тед предложил ему сигарету, взял. Потом начал говорить. Дважды провел мелком по ящику с оружием. Потом нарисовал на карте две стрелки. Одна указывала на то, что они называли севером, вторая — югом. Тед задал вопрос, потом Динки. За их спинами Шими и Хайлис играли с Ышем, как двое мальчишек. Ушастик-путаник очень точно имитировал их смех.

Когда Роланд закончил, Тед Бротигэн сказал: «Вы собираетесь пролить много крови».

— Действительно, собираюсь. Чем больше мы ее прольем, тем лучше.

— Рискованно для женщины, — Динки посмотрел сначала на Сюзанну, потом на ее мужа.

Сюзанна ничего не ответила. Эдди тоже. Он видел, что риск есть. И понимал, почему Роланд направляет Сюзанну на северную сторону периметра. Прогулочный трайк обеспечивал ей мобильность, которая им требовалась. Что же касается риска, так они вшестером намеревались схватиться с шестьюдесятью. А то и большим числом противников. Конечно, риск был, и, конечно, должна была пролиться кровь.

Пролиться кровь и вспыхнуть огонь.

— Я могла бы задействовать еще пару пулеметов, — глаза Сюзанны блестели, совсем как у Детты Уокер. — Если б они управлялись по радио, как игрушечные самолеты. Не получится, к сожалению. Но я буду двигаться, это точно. Буду носиться, прямо-таки как капля воды по горячей сковороде.

— Может это сработать? — в лоб спросил Динки. Губы Роланда изогнулись в сухой улыбке.

— Сработает.

— Как вы можете это утверждать? — спросил Тед.

Эдди вспомнил доводы Роланда, приведенные перед звонком Джону Каллему, и смог бы ответить на этот вопрос, но за весь ка-тет ответы давал дин, если мог, вот он и оставил это право Роланду.

— Потому что должно сработать, — ответил стрелок. — Другого пути я не вижу.

Глава 11. Атака на Алгул Съенто

1

Шли уже следующие сутки, оставалось совсем немного до горна, сигнализирующего об утренней пересменке. А потом зазвучала бы музыка, включилось бы солнце, Разрушители ночной смены покинули бы Читальню, уступив место дневной смене. В эту ночь Пимли Прентисс спал меньше часа, но и за столь короткий срок его замучили страшные, хаотические сны. Наконец, где-то в четыре утра (часы на прикроватном столике утверждали, что уже четыре утра, но кто знал, можно ли им верить, да и какое это имело значение, с учетом близости конца) поднялся, прошел в кабинет, сел на стул и уставился на темный Молл, в этот час совершенно пустынный, если не считать одинокого и ничего не соображающего робота, который вдруг взялся патрулировать этот участок поселения, размахивая всеми шестью, заканчивающимися клешнями руками. Еще работающие роботы с каждым днем вели себя все более странно, но отключение батарей таило в себе немалую опасность, потому что на некоторых стояли мины-ловушки, которые взрывались при попытке их отключения. Так что не оставалось ничего другого, как смотреть на их фортели и напоминать себе, что конец близок, слава Иисусу и Богу-Отцу. В какой-то момент бывший Пол Прентисс открыл ящик стола повыше колена и достал «кольт» калибра четыре десятых дюйма, модель эта называлась «Миротворец». Именно из этого револьвера прежний ректор, Хамма, казнил насильника Камерона. Пимли за все время работы в Алгул Съенто никого не казнил, и его это радовало, но, положив револьвер на колени, чувствуя его немалый вес, он как-то сразу успокаивался. Хотя почему ему захотелось искать успокоения темной ночью, когда все шло так хорошо, Пимли не имел ни малейшего понятия. О чем он знал наверняка, так это о непонятных аномальных отметках на, как это называли Финли и Дженкинс, их главный техник, Глубокой телеметрии, как будто эти приборы стояли на дне океана, а не в подвальной комнате, примыкающей к длинному, с низким потолком залу, в котором находилось остальное, еще полезное оборудование. Пимли отдавал себе отчет, что он чувствует (если уж называть вещи своими именами) надвигающуюся беду. И пытался убедить себя, что действует дедовская поговорка: он уже на пороге, так что самое время волноваться из-за яиц.

Наконец, он пошел в ванную, опустил крышку унитаза и преклонил колени в молитве. На коленях он стоял и когда в доме что-то переменялось. Шагов он не слышал, но знал, кто-то зашел в его кабинет. Логика подсказывала единственно возможный ответ. Поэтому, не открывая глаз, держа сцепленные руки на крышке унитаза, он спросил: «Финли? Финли из Тего? Это ты?»

— Да, босс, я.

Что он тут делал до горна? Все, даже Разрушители, знали, что Финли-Горностай любит поспать. Но только в спокойное время. В этот самый момент Пимли принимал у себя Господа Бога (хотя, по правде говоря, задремал, стоя на коленях, когда какой-то глубинный инстинкт предупредил, что он не один на первом этаже Шэпли-хауза). Конечно же, Пимли не мог грубо оборвать разговор с самим Господом, поэтому закончил молитву: «Даруй мне Твое благословение, аминь!» — и лишь после этого поднялся, поморщившись. Его чертовой спине не нравился этот огромный, далеко выдающийся вперед живот.

Финли стоял у окна, подняв «Миротворца», рассматривая его в тусклом свете, поворачивая из стороны в сторону, чтобы полюбоваться изящной насечкой на металлических пластинах рукоятки.

— Это тот самый револьвер, что отправил Камерона в мир иной, так? — спросил Финли. — Насильника Камерона.

Пимли кивнул.

— Будь осторожен, сынок. Он заряжен.

— Шесть патронов?

— Восемь! Или ты ослеп? Ради Бога, посмотри на размеры цилиндра.

Финли смотреть не стал. Вернул револьвер Пимли.

— Я знаю, как нажимать на спусковой крючок, умею, и этого достаточно, когда дело касается оружия.

— Да, если оно заряжено. Что ты здесь делаешь в такой час? Почему мешаешь человеку вознести утреннюю молитву?

Финли пристально смотрел на него.

— Если я спрошу, почему нахожу тебя за молитвой, одетым и причесанным, а не в халате и в шлепанцах с одним открытым глазом, что ты мне ответишь?

— Я нервничаю. Вот и все. Полагаю, ты тоже.

Финли улыбнулся, обаятельно.

— Нервничаешь? А может, лучше сказать, что тебя трясет от волнения, ты не находишь себе места, не знаешь, куда приткнуться.

— Пожалуй... да.

Улыбка Финли стала шире, и Пимли решил, что она искренняя.

— Мне это нравится! Очень нравится! У меня нервы! Нервы!

— Нет, я нервничаю, — поправил его Пимли. — Мы говорим так.

Улыбка Финли поблекла.

— Я тоже нервничаю. Не нахожу себе места. Не знаю, куда приткнуться.

— Опять отметки на Глубокой телеметрии?

Финли пожал плечами, потом кивнул. Проблема с Глубокой телеметрией состояла в том, что никто не знал, что именно она измеряла. Возможно, телепатию, возможно (не дай Бог) телепортацию, а может, колебания в структуре реальности, свидетельствующие о скором крушении Луча Медведя. Никто не имел об этом ни малейшего понятия. Но за последние четыре месяца, или около того, оживали все новые и новые приборы, которые ранее стояли темными и потухшими.

— Что говорит Дженкинс? — спросил Пимли. Сунул «Миротворца» в плечевую кобуру, приблизив нас на шаг к тому, что ты не хочешь слышать, и о чем я не хочу говорить.

— Дженкинс говорит то, что выскакивает из его горла на летающий ковер языка, — Финли из Тего пренебрежительно пожал плечами. — Поскольку он не знает, что означают символы на дисках и дисплеях Глубокой телеметрии, как ты можешь спрашивать его мнение?

— Спокойно, — Пимли положил руку на плечо начальника службы безопасности. Удивился (и слегка встревожился), почувствовав, что тело под отлично сшитой рубашкой Финли от «Тернбулл-и-Ассера» чуть вибрирует. А может, и дрожит. — Спокойно, дружище! Это всего лишь вопрос.

— Я не могу спать, не могу читать, не могу даже трахаться, — вздохнул Финли. — Клянусь Ганом, пробовал и первое, и второе, и третье! Пройдись со мной в Дамли-Хауз, если не возражаешь, и взгляни сам на эти чертовы приборы. Может, у тебя возникнут какие-нибудь идеи.

— Я — администратор, не техник, — мягко напомнил Пимли, но уже шел к двери. — Однако, раз делать мне все равно нечего...

— Может, все дело в приближении конца, — Финли остановился на пороге. — Тут может случиться всякое.

— Возможно, — согласился Пимли, — и прогулка ранним утром не причинит нам никакого вре... Эй! Эй, ты! Ты, там! Ты, Род! Повернись ко мне, когда я говорю с тобой, или ты этого не знаешь?

Род, худосочный парень в старом джинсовом комбинезоне (на заду штаны обвисли и практически побелели от времени и многочисленных

стирок), повиновался. На его пухлых щеках хватало веснушек, а в синих глазах стоял страх. Пожалуй, его можно было назвать симпатичным, если бы не язва, съевшая половину носа, а красавцев с одной ноздрей не бывает. В руках он держал корзину. Пимли не сомневался, что прежде видел на ранчо этого бей-бо, но утверждать бы не стал: все Роды были для него на одно лицо.

Значения это не имело. Идентификацией занимался Финли, и он взял инициативу на себя, направившись к Роду, на ходу вытаскивая из-за пояса и надевая резиновую перчатку. Род вжался спиной в стену, еще крепче ухватился за плетеную корзину, и громко пернул, конечно же, от волнения. Пимли пришлось прикусить щеку изнутри, и очень сильно, чтобы сдержать улыбку, уже начавшую изгибать губы.

— Нет, нет, нет! — воскликнул начальник службы безопасности и отвесил Роду оплеуху затянутой в перчатку рукой (входить в прямой контакт с кожей детей Родерика считалось опасным, слишком многими они болели болезнями). С губ Рола полетели брызги слюны, из дыры в носу — крови. — Не хочу я слышать, что говорит твоя ки'палата, сэй Хайлис. Дыра в твоей голове не намного лучше, но, по крайней мере, от нее я могу ожидать слово уважения. И будет лучше, если мои ожидания оправдаются.

— Хайл, Финли из Тего! — пробормотал Хайлис и с такой силой ударил себя кулаком по лбу, что затылком ткнулся в стену — бонк! Тут уж Пимли сдержаться не смог: рассмеялся. Да и Финли не смог бы упрекнуть его за это по пути к Дамли-Хауз, потому что тоже заулыбался. Пимли, правда, сомневался, что улыбка эта принесла Роду по имени Хайлис чувство успокоения. Слишком много обнажилось острых зубов. — Хайл, Финли-Смотритель, долгих дней и приятных ночей тебе, сэй!

— Так-то лучше, — кивнул Финли. — Не намного, но лучше. А что, скажи на милость, ты тут делаешь, до горна и солнца? И что у тебя в корзинке, рябина?

Хайлис крепче прижал корзинку к груди. В глазах его застыл страх. Улыбка Финли разом исчезла.

— Сей секунд откинь крышку и покажи, что у тебя в корзинке, парень, а не то будешь собирать зубы с ковра, — слова эти напоминали низкое рычание.

На мгновение Пимли подумал, что Род не выполнит приказ, и почувствовал легкую тревогу. Но тут же Род откинул крышку плетеной, с двумя ручками, корзинки. С неохотой вытянул руки вперед, предлагая Финли заглянуть в корзинку. При этом закрыл глаза, с воспаленными веками и отвернулся, ожидая удара.

Финли заглянул. Долго молчал, потом с его губ сорвался смешок, и он пригласил Пимли ознакомиться с содержимым корзинки. Ректор сразу понял, что в корзине, но потребовалась пара секунд, чтобы понять, почему. Тут же он вспомнил, как выдавил прыщ, а потом предложил Финли слизнуть гной с кровью, как за обедом предлагают лучшему другу что-то особенно вкусное. На дне корзинки Рода лежали использованные бумажные салфетки. Если точнее, фирмы «Клиникс».

— Тамми Келли велела тебе вынести мусор этим утром? — спросил Пимли.

Род со страхом кивнул.

— Она сказала тебе, что ты можешь взять из мусорного бачка все, что тебе понравится?

Он подумал, что Род солжет. Если б солгал, ректор приказал бы Финли избить парня, дабы напомнить и ему, и другим, что лгать грешно.

Но Род, Хайлис, покачал головой, на лице отразилась грусть.

— Ладно, — в голосе Пимли слышалось облегчение. В такую рань не хотелось слышать вопли и видеть слезы. И то и другое могло испортить завтрак. — Ты можешь идти, вместе со своей добычей. Но в следующий раз, парень, спрашивай разрешения, а не то уйдешь отсюда побитый. Ты меня понял?

Род радостно кивнул.

— Тогда иди, вон из моего дома и с глаз долой!

Они наблюдали, как он уходит, с корзинкой, в которой лежали бумажные салфетки, в которые высмаркивались или использовали для чего-то еще. Оба знали, что Род намерен съесть их на десерт, как восточные сладости. С суровыми лицами подождали, пока за Родом не закроется дверь, а потом расхохотались. Финли из Тего откинулся спиной на стену, так сильно, что одна из картин слетела с крюка, а потом сполз на пол, истерически хохоча. Пимли закрыл лицо руками, огромный живот ходил ходуном. Смех снял напряженность, с которой оба начинали этот день, снял полностью.

— Рисковый парень, однако! — сказал Финли, когда в нему вернулся дар речи. Мохнатой рукой-лапой вытер слезящиеся глаза.

— Красть сопли — на это решится не каждый! — согласился Пимли. От смеха лицо его стало пунцовым.

Они переглянулись и вновь зашлись смехом, и гоготали до тех пор, пока не разбудили домоправительницу, которая спала на третьем этаже. Тамми Келли лежала на узкой кровати, слушая, как смеются эти ка-маи, осуждающе глядя в окружающую ее темноту. Мужчины все одинаковые,

думала она, какой бы ни была у них кожа.

Выйдя из дома, чел и тахин, ректор и начальник службы безопасности, бок о бок двинулись через Молл. Дитя Родерика, тем временем, выходил через северные ворота, низко наклонив голову, с бешено бьющимся сердцем. Ведь он был на волосок от смерти! Ага! Если бы этот Горноста́й спросил: «Хайлис, ты что-нибудь спрятал в доме?» — он бы, конечно, попытался солгать, но разве можно обмануть Финли из Тего? Никогда в жизни! Его бы раскололи, это точно. Но его не раскололи, слава Гану! Шар, который дал ему стрелок, лежал теперь в дальней спальне, тихонько жужжа. Он положил шар в корзинку для мусора, как ему и сказали, и накрыл салфетками, которые взял из коробки, что стояла у раковины, как ему и сказали. Никто не говорил ему, что он может взять использованные салфетки, но он не мог устоять перед их аппетитным запахом. И все ведь получилось, как нельзя лучше, не так ли? Именно! Вместо того, чтобы задавать вопросы, на которые ему ой как не хотелось отвечать, они посмеялись над ним и отпустили. Конечно, ему хотелось забраться на гору и вновь поиграть с ушастиком-путаником, очень хотелось, но седоволосый старый чел по имени Тед велел ему уходить, дальше и дальше, как только он выполнит свое задание. А если он, Хайлис, услышит стрельбу, пусть спрячется, пока она не смолкнет. И он намеревался спрятаться. Разве он не сделал то, о чем попросил его Роланд из Гилеада? Первый из жужжащих шаров лежал теперь в Феверел, одном из общежитий, еще два — в Дамли-Хауз, где работали Разрушители и спали свободные от смены охранники, последний — в доме ректора... где его едва не поймали! Хайлис не знал, что представляли собой эти жужжащие шары, да и не хотел знать. Он собирался уйти далеко-далеко, может, со своей подругой Гармой, если сумеет ее найти. Если начнется стрельба, они спрячутся в глубокой пещере, и он поделится с ней салфетками. На некоторых был только крем для бритья, но на других — влажные сопли и большие «козлы», их запах явственно доносился из корзинки. Самую большую, с запекшейся кровью, он оставит Гарме и, она, возможно, позволит пок-пок ее. Хайлис прибавил шагу, улыбаясь при мысли о том, что он будет пок-пок Гарму.

Сидя на прогулочном трайке в одном из пустующих сараев к северу от поселения, Сюзанна наблюдала, как Хайлис выходит из ворот. Этот бедный, изуродованный сэй чему-то улыбался, из чего следовало, что для

него все закончилось в наилучшем виде. И это не могло не радовать. Как только он скрылся из виду, она вновь сосредоточила все внимание на обращенной к ней части Алгул Съенто.

Она видела две большие сторожевые башни (у той, что находилась слева, только верхнюю половину, нижнюю скрывал склон холма). Стены оплетало какое-то вьющееся растение, скорее всего, плющ. Садовый — не дикий, догадалась Сюзанна, учитывая, что вокруг ничего не росло. На западной башне вахту нес один охранник, сидевший к креслу, может, даже в раскладном. У ограждения восточной стояли тахин с головой бобра и кантои (если это чел, подумала Сюзанна, то он больно уж уродлив). Они разговаривали, несомненно, ожидая горна, который возвестит о завершении смены и предоставит возможность отправиться на завтрак. Между башнями она видела тройной забор. Линии ограждения располагались на достаточно большом расстоянии, чтобы охранники, патрулирующие периметр, не опасались случайно задеть за проволоку и получить смертельный удар электричеством. В это утро между заборами никого не было. В поселении те немногие, кто поднялся в такую рань или еще не ложился, двигались не торопясь, никто никуда не спешил. Если только увиденное ею не являлось подставой века, Роланд был прав. Уязвимостью эти ребята ничем не отличались от стада толстых поросят, которых в последний раз кормят на пороге бойни. Кам-кам-каммала, отбивные подавала. И если стрелкам не удалось найти радиоуправляемое оружие, то им повезло в другом: они наткнулись на три куда более фантастических винтовки, оснащенных переключателями с маркировкой «ИНТЕРВАЛ». Эдди сказал, что эти винтовки — лазеры, но для Сюзанны это слово не значило ровным счетом ничего. Джейк предложил испытать одно из них с той стороны Стик-тете, что не видна из Девар-тои, но Роланд с ходу отверг эту идею. Случилось это в последний вечер, когда они, должно быть, в сотый раз повторяли план операции.

— Он прав, малыш, — поддержал Роланда Эдди. — Эти клоуны внизу могут узнать, что мы стреляем из этих штуковин, даже если ничего не увидят и не услышат. Мы понятия не имеем, что именно может фиксировать их телеметрия.

Под прикрытием темноты Сюзанна установила все три «лазера». И в должный час собиралась повернуть интервальные переключатели. Винтовки могли сработать, усилив панику защитников поселения; могли и не сработать. Но она намеревалась пустить их в дело. Других вариантов просто не было.

С гулко бьющимся сердцем Сюзанна ждала музыки. Горна. И, если

снитчи, заложенные Родом, взорвутся, как и рассчитывал Роланд, — пожаров.

— В идеале хотелось бы, чтобы они взорвались через пять-десять минут после начала смены караула, — говорил Роланд. — В это время все бегают туда-сюда, машут руками знакомым, обмениваются последними сплетнями. Мы не можем ожидать, что так и будет, но имеем право надеяться.

Да, надеяться они могли, мечтать не вредно, на одной чашке весов надежды, на другой — говно, и жди, какая наполнится быстрее. В любом случае, ей предстояло решать, когда прозвучит первый выстрел. А дальнейшее они детально обговорили.

«Пожалуйста, Боже, помоги мне правильно выбрать время».

Она ждала, с пистолетом-пулеметом «Койот» в руке, срез ствола упирался в ямку под левой ключицей. Когда зазвучала музыка, Сюзанна решила, что это записанная на магнитофон мелодия песни «Это любовь». Сидя на ПТС^[70], непроизвольно нажала на спусковой крючок. Не поставь она пистолет-пулемет на предохранитель, пули изрешетили бы крышу и всполошили охрану. Но Роланд учил ее хорошо, поэтому спусковой крючок под пальцем не двинулся. Однако, частота сердцебиение удвоилась, возможно, утроилась, и Сюзанна чувствовала, как пот течет по бокам, хотя день выдался холодным.

Музыка зазвучала, следовательно, день в Алгул Съенто начался как обычно. Но одной лишь музыки не хватало. По-прежнему сидя на ПТС, Сюзанна ждала горна.

— Дино Мартино, — едва слышно прошептал Эдди.

— Кто? — спросил Джейк.

Все трое сидели за грузовым вагоном с надписью «СОО лайн» на борту, куда пробрались через кладбище сломанных локомотивов и вагонов. Погрузочные двери в обеих бортах были раздвинуты, и через них каждый из них мог посмотреть на южные сторожевые башни и городок Плизантвиль, состоящий из одной Главной улицы. Шестирукий робот, который раньше болтался на Молле, перебрался туда и прокатывался взад-вперед мимо закрытых магазинчиков с затейливыми фасадами, выкрикивая вроде бы математические уравнения во всю мощь своих... легких?

— Дино Мартино, — повторил Эдди. Ыш сидел у ног Джейка, глядя на

него блестящими золотисто-черными глазами. Эдди наклонился и потрепал зверька по голове. — Дин Мартин^[71] первым исполнил эту песню.

— Да? — в голосе Джейка слышалось сомнение.

— Конечно. Только мы пели ее по-другому: «Когда луна бьет тебя, как кусок говна, это любовь...»

— Тише, пожалуйста, — осадил его Роланд.

— Вам не кажется, что запахло дымом? — спросил Эдди.

Джейк и Роланд покачали головами. Роланд вооружился своим испытанным револьвером с рукояткой, отделанной сандаловым деревом. Джейк взял себе «АР-15», но на плече висела и сумка с оставшимися орисами, и не потому, что они приносили удачу. При условии, что все пойдет по плану, он и Роланд намеревались использовать их в самом скором времени.

4

Как и большинство тех, у кого в доме жила прислуга, Пимли Прентисс далеко не в полной мере осознавал, что его наемные работники — живые существа со своими целями, честолюбием, чувствами, другими словами, челы. Пока кто-то приносил ему стакан виски, ставил перед ним поджаренное мясо (с кровью), он их практически не замечал. И, несомненно, удивился бы, если б ему сказали, что Тамми (домоправительница) и Тасса (слуга) ненавидят друг друга. Ведь в его присутствии они выказывали взаимное уважение, пусть от него и веяло холодком.

Да только Пимли не было в доме в то утро, когда из динамиков Алгул Съенто полилась мелодия песни «Это любовь» (в исполнении оркестра «Миллиард ласковых струн»). Ректор в это время шагал по Моллу в сопровождении Джекки, тахина-техника с головой ворона, и начальника службы безопасности. Они обсуждали Глубокую телеметрию, и Пимли думать не думал о доме, из которого вышел в последний раз. И уж конечно, ему в голову не приходила мысль о том, что Тимми Келли (все еще в ночной рубашке) и Тасса из Сонета (все еще в шелковых шортах, заменявших ему пижаму) вот-вот сойдутся в рукопашной из-за продуктовых запасов.

— Посмотри на это! — кричала она. Они стояли в кухне, погруженной в густой сумрак. Просторное помещение когда-то освещалось тремя лампами, но они перегорели. А немногие, оставшиеся на складе

предназначались для Читальни.

— Посмотреть куда? — недовольно, капризно переспросил Тасса. И вроде бы она заметила на его губах остатки помады.

— Разве ты не видишь пустот на полках? — негодуяще воскликнула она. — Посмотри. Ни одной банки тушеной фасоли...

— Он не любит фасоль, и ты это знаешь.

— Нет и консервированного тунца. Надеюсь, ты не скажешь мне, что тунца он тоже не ест? Он будет есть тунца, пока тот не полезет у него из ушей, и ты это знаешь!

— Разве тебе не...

— Нет томатного супа...

— Черта с два! — выкрикнул он. — Посмотри сюда, и сюда, и...

— Нет «Кембеллс таматер», — перебила она Тассу и надвинулась на него. Их словесные перепалки никогда раньше не переходили в кулачный бой, но Тасса подозревал, что сегодня это могло произойти. Он, впрочем, не возражал. Давно ему хотелось врезать этой старой толстой болтливой суке промеж глаз. — Ты видишь где-нибудь «Кембеллс Таматер», Тасса из уж не знаю, где ты там вырос?

— А ты что, не могла принести ящик с банками томатного супа? — спросил он, шагнув к домоправительнице. Теперь они стояли буквально нос к носу, и хотя женщина была крупной, а мужчина — тощим, слуга ректора не выказывал страха. Тамми моргнула, и впервые с того момента, как Тасса вошел на кухню, только для того, чтобы выпить чашечку кофе, на ее лице отразилось что-то, отличное от раздражения. Нервозность? Может, даже страх. — Или у тебя так ослабели руки, Тамми из уж не знаю, где ты выросла, что ты не можешь принести со Склада ящик с банками томатного супа?

Она выпрямилась в полный рост. Щеки, жирные от какого-то ночного крема, негодуяще затряслись.

— Приносить консервы в кладовую — работа слуги! И ты знаешь это очень хорошо!

— Однако, это не закон, который следует неукоснительно выполнять. Я вчера косил лужайку, как тебе хорошо известно. И заметил, что ты сидела на кухне со стаканом ледяного чая, не так ли, удобно развалившись в своем любимом кресле.

Она завелась еще сильнее. Если раньше и испытывала какой-то страх, то его заглушила ярость.

— Я имею такое же право на отдых, как и любой другой! Я как раз вымыла пол...

— Сдается мне, что пол вымыл Добби, — возразил он. Добби звали робота, известного, как «домашний эльф», древнего, но по-прежнему способного на многое.

Тамми разошлась окончательно.

— Что ты понимаешь в домашних делах, паршивый маленький гомик?

Обычно бледные щеки Тассы залила краска. Он почувствовал, как его пальцы сжались в кулаки, но лишь потому, что ухоженные ногти впились в ладони. Ему пришла в голову мысль, что такая вот стычка совершенно нелепа, с учетом того, что конец света совсем близок, что они — два дурака, сцепившиеся на краю пропасти, но его это совершенно не волновало. Толстая старая корова допекала его много лет, и только теперь выяснилась истинная причина. Ее выложили ему прямо и откровенно.

— Вот, значит, что тебя так волнует, сэй? — вкрадчиво осведомился он. — Что я целую палку вместо того, чтобы затыкать дырку, не так ли?

Теперь уже вспыхнули щеки Тамми Келли. Она не собиралась заходить так далеко, но вот зашла, они оба зашли, поэтому, случись драка, вина легла бы в равной степени на них обоих, но отступать она не собиралась. Ни в коем разе.

— В библии ректора указано, что мужеложство — это грех, — в праведном гневе заявила она. — Я читала это сама, да, читала. В книге Левит, глава третья абзац...

— А что книга Левит говорит о грехе обжорства? — спросил Тасса. — Что эта книга говорит о женщине с буферами размером с валик под подушку и задом с кухонную плиту...

— Что тебе до моего зада, ты, маленький членосос!

— По крайней мере, я могу найти себе мужчину, небрежно ответил он, — и мне нет нужды ложиться в постель с щеткой для пыли...

— Да как ты смеешь! — пронзительно взвизгнула она. — Заткни свой грязный рот, а не то его заткну я!

— ...чтобы счистить паутину и добраться до...

— Я вышибу тебе зубы, если ты не затк...

— ...старенькой щелки, — тут он понял, что может «укусить» ее еще сильнее. — Старенькой, грязной, засохшей щелки.

Она сжала пальцы в кулаки, которые размером значительно превосходили кулаки Тассы.

— По крайней мере, я никогда...

— Ни слова больше, сэй, прошу тебя.

— ...не позволяла мерзкому мужскому... мужскому... мужскому...

Она замолчала, на лице отразилось недоумение, потом втянула носом

воздух. Он принялся сам и понял, что запахи в кухне не изменились. Пахло так же, как и в начале их перепалки. Может, чуть сильнее.

— Ты чувствуешь... — начала Тамми.

— ...дым! — закончил он, и они в тревоге переглянулись, напрочь забыв о споре, который, продолжись еще пять секунд, точно перешел бы в драку. Взгляд Тамми остановился на надписи на табличке, что висела над плитой. Точно такие же встречались по всему Алгул Съенто, потому что практически все здания поселения были деревянными, построенными много-много лет тому назад. Надпись гласила: «МЫ ВСЕ ДОЛЖНЫ ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА, ЧТОБЫ СОЗДАВАТЬ ПОЖАРОБЕЗОПАСНУЮ СРЕДУ».

Где-то поблизости, в коридоре первого этажа, задребезжал один из немногих оставшихся в рабочем состоянии детекторов дыма. Тамми поспешила в кладовку, чтобы взять огнетушитель.

— Возьми другой в библиотеке! — крикнула она, и Тасса повинился без единого слова протеста. Чего в Алгул Съенто боялись, так это пожара.

Гаски из Тего, заместитель начальника службы безопасности, стоял в вестибюле Феверел-Холл, общежития, расположенного рядом с Дамли-Хауз, и разговаривал с Джемсом Кэгни, рыжеволосым кан-тои, который обожал ковбойские рубашки и, особенно, сапоги, добавлявшие три дюйма к пяти футам и пяти дюймам. Со списками охранников в руках они обсуждали изменения, которые предстояло внести в график дежурств в Дамли-Хауз на следующую неделю. Шестеро охранников второй смены слегли с болезнью, которую Гангли, доктор поселения, диагностировал, как свинку. Болели в Тандерклепе часто, все знали, что в воздухе слишком много отравляющей дряни, оставшейся после древних людей, но эти болезни все равно доставляли массу неудобств. Гангли еще говорил, что им повезло, поскольку дело не доходило до эпидемий действительно страшных болезней, вроде Черной смерти или Горячей трясушки. Неподалеку от Феверел-Холл, на мощеном дворе позади Дамли-Хауз, как обычно по утрам, играли в баскетбол. Несколько охранников, тахинов и кан-тои, которым с горном предстояло заступить на утреннюю вахту, против сборной Разрушителей. Гаски увидел, как Джой Растосович бросил мяч из-за трехочковой зоны — и попал. Трампас схватил мяч и ввел в игру, после чего приподнял шапочку, чтобы почесать макушку. Гаски не любил

Трампаса, который очень уж сблизился с талантливыми животными, которых ему полагалось охранять. С лестницы, ведущей к дверям общежития, наблюдал за игрой Тед Бротигэн. И, как всегда, потягивал из банки «Нозз-А-Ла».

— Тогда все получится, — Джеймс Кэгни говорил тоном человека, которому не терпится закончить наскучившую ему беседу. — Если ты не возражаешь против того, что мы на день-другой снимем пару челов с патрулирования периметра...

— Чего это Бротигэн поднялся в такую рань? — перебил его Гаски. — Он же никогда не встает раньше полудня. И мальчишка, с которым он дружит, такой же. Как его зовут?

— Эрншоу? — Бротигэн также дружил и с недоумком Руисом, но Руис мальчишкой не был. Гаски кивнул.

— Да, Эрншоу, он самый. Он в ночной смене. Я видел его в Читальне.

Кэг (как звали его друзья) плевать хотел на то, что Бротигэн поднялся с птичками (тем более, что птичек в Тандерклепе практически не осталось). Ему хотелось как можно быстрее разобраться с графиком дежурств, пойти в Дамли и съесть яичницу. Один из Родов нашел где-то свежий шнит-лук, во всяком случае, так ему говорили, и...

— Тебе не кажется, что появился какой-то запах, Кэг? — внезапно спросил Гаски из Тего.

Кан-тои, который полагал себя Джеймсом Кэгни, уже собрался спросить, не пернул ли Гаски, но потом решил обойтись без шутки. Поскольку действительно что-то унюхал. Неужели дым?

Кэг подумал, что да.

Тед сидел на холодных ступенях Феверел-Холл, дышал вонючим воздухом и слушал, как челы и тахины шутливо переругиваются на баскетбольной площадке (только не кан-тои; последние до такой вульгарности не опускались). Сердце у него билось гулко, но не быстро. Если ему и требовалось переходить Рубикон, то проделал он это давным давно. Возможно, в ту ночь, когда «низшие люди» притащили его в Девар-тои из Коннектикута, но, скорее всего, когда поделился с Динки идеей связаться со стрелками, которые, по утверждению Шими Руиса, находились неподалеку. Теперь он, конечно, волновался, но нервничал ли? Нет. Нервничали, по его мнению, те, кто еще не принял решения.

Он услышал, как за его спиной один идиот (Гаски) спрашивает другого идиота (Кэгни) о появившемся запахе, и понял, что Хайлис выполнил свою задачу: игра началась. Тед сунул руку в карман, достал клочок бумаги. Написанные на нем слова, конечно же, вышли не из-под пера Шекспира: «ИДИТЕ НА ЮГ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ, ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА».

Он пристально всмотрелся в текст, готовясь послать мысленное сообщение.

За его спиной, в комнате отдыха Феверел, подал голос детектор дыма.

«Началось, началось», — подумал Бротигэн и посмотрел на север, где, как он надеялся, пряталась женщина, которой предстояло сделать первый выстрел.

7

Оставив позади три четверти Молла, отделявшего его от Дамли-Хауз, ректор Прентисс остановился, вместе с Финли, который шагал с одной стороны, и Джекли — с другой. Горн еще не прозвучал, но за спиной раздался какой-то громкий трезвон. Но поворачиваться им не пришлось, потому что точно такой же трезвон донесся с другого конца поселения — от общежитий.

— Что, черт побери...

«... все это значит?» — так собрался закончить фразу Прентисс, но не успел, потому что из его дома выбежала Тамми Келли, а следом за ней — Тасса. Оба размахивали руками над головой.

— Пожар! — крикнула Тамми. — Пожар!

«Пожар? Но это невозможно», — подумал Пимли. — Однако, если я слышу детектор дыма в моем доме, и еще детектор дыма в одном из общежитий, тогда, конечно...»

— Должно быть, ложная тревога, — сказал он Финли. — Так случается с детекторами дыма, когда их аккумуляторы...

Но не успел он закончить фразу, как одно из боковых окон его дома с грохотом вылетело из стены. А следом вырвался оранжевый язык пламени.

— Боже! — дребезжащим голосом воскликнул Джекли. — Это пожар!

Пимли, разинув рот, смотрел на свой дом. Внезапно зазвенел, вернее, громко завыл, еще один детектор дыма.

— Господи, пресвятой Иисус, да это же один из детекторов, что стояли в Дамли-Хауз. Да нет же, уж с Дамли-Хауз ничего страшного произойти

не...

Финли из Тего схватил его за руку.

— Босс, — голос его звучал достаточно спокойно. — У нас серьезные проблемы.

Прежде чем Пимли успел ответить, прозвучал горн, объявляя пересменку. И внезапно ректор осознал, что несколько следующих минут вверенное его заботам поселение, Алгул Съенто, будет совершенно беззащитно. Беззащитно во всех смыслах этого слова.

Он отказывался допустить слово «атака» даже в свои мысли. Пока отказывался.

8

Динки Эрншоу, уже, похоже, целую вечность сидел в большом кресле, с нетерпением ожидая начала «концерта». Обычно пребывание в Читальне поднимало ему настроение, чего там, всем поднимало настроение, сказывался эффект «светлого разума», но сегодня он лишь чувствовал, как нарастающее напряжение завязывает его желудок все более тугим узлом. Он видел тахинов и кан-тои, которые время от времени появлялись на балконе, чтобы подпитаться «светлым разумом», но они его не тревожили, поскольку не могли тыкнуть ему в голову. Из-за них он мог не волноваться.

Наконец, до него донесся какой-то звук. Ожил детектор дыма? Возможно, в Феверел?

Возможно. А может, и нет. Больше никто не отреагировал на звук.

«Жди, — сказал он себе. — Тед предупреждал, что это самое трудное, не так ли? Но, по крайней мере, Шими в безопасности. Шими в своей комнате, а Корбетт-Холл не загорится. Так что успокойся. Расслабься».

И все-таки это был трезвон детектора дыма. Динки в этом совершенно не сомневался. Разве что... самую малость.

У него на коленях лежала книга с кроссвордами. Последние пятьдесят минут он заполнял один из них всеми буквами без разбора, не обращая внимания на указания. Теперь начал писать поверху, прописными печатными буквами: «ИДИТЕ НА ЮГ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ, ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕ...»

И в этот момент громко завыла пожарная сигнализация, возможно, в западном крыле. Несколько Разрушителей, рывком выдернутые из транса, в испуге вскрикнули. Динки тоже вскрикнул, но от облегчения. Облегчения и

чего-то еще. Радости? Да, скорее всего, радости. Потому что, когда только-только завывала сирена пожарной тревоги, он чувствовал мощное гудение «светлого разума». А потом объединенный психический импульс Разрушителей отрубился, как электросистема, в которой от перегрузки сработали предохранители. В этот момент и прекратилось разрушение Луча.

Теперь и у него появилась работа. Ожидание закончилось. Динки поднялся, позволив книге кроссвордов упасть на турецкий ковер, коснулся разумов Разрушителей, находившихся в Читальне. Труда это не составило, сказались ежедневные тренировки, которые он проводил с помощью Теда. А если это сработает? Если Разрушители подхватят команду Динки, начнут ретранслировать ее? Что ж, она только усилится. Станет доминантной в этом новой вариации «светлого разума».

Во всяком случае, он надеялся, что все пойдет по намеченному плану.

(НАРОД ЭТО ПОЖАР В ЗДАНИИ ПОЖАР)

Словно в подтверждение этой мысли где-то что-то взорвалось, и первый клоч дима просочился в Читальню через вентиляционную панель. Разрушители оглядывались, их глаза широко раскрылись, некоторые встали.

Динки послал следующую мысль:

(НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ НЕ ПАНИКУЙТЕ ВСЕ ХОРОШО ИДИТЕ)

Он послал образ северной лестницы, добавил Разрушителей. Разрушители спускались по северной лестнице. Разрушители шли по кухне. Треск горящего дерева, запах дыма, все это доносилось из западного крыла, где жили охранники. Стал бы кто-нибудь ставить под сомнение правдивость этой психотрансляции? Задался бы вопросом, а кто — передатчик, и почему он (она) это делает? В тот момент — нет. В тот момент ими правил страх. В тот момент они хотели, чтобы кто-то сказал им, что нужно делать, и эту роль взял на себя Динки.

(К СЕВЕРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ СПУСКАЙТЕСЬ ПО СЕВЕРНОЙ ЛЕСТНИЦЕ ВЫХОДИТЕ НА ЛУЖАЙКУ ЗА ДАМЛИ-ХАУЗ)

Сработало. Они двинулись в указанном направлении. Как овцы следуют за бараном или лошади — за жеребцом. Некоторые уже ухватили две основные идеи

(НЕ ПАНИКУЙТЕ НЕ ПАНИКУЙТЕ)

(СЕВЕРНАЯ ЛЕСТНИЦА СЕВЕРНАЯ ЛЕСТНИЦА)

и ретранслировали их. Еще один добрый знак: та же мысль шла сверху. От кан-тои и тахинов, которые наблюдали за Разрушителями с балконов.

Никто не бросился бежать, никто не запаниковал, началось

организованная эвакуация по северной лестнице.

9

Сюзанна подъехала на ПТС к окну сарая, в котором пряталась, более не боясь, что ее засекут. Детекторы дыма, как минимум три, громко трезвонили. Еще громче завывала пожарная сирена. В Дамли-Хауз, она в этом не сомневалась. И тут же со стороны Плизантвиля донеслись пронзительные электронные гудки, к которым присоединился перезвон колоколов.

Поскольку все это происходило в южной части Девар-тои, не стоило удивляться, что женщина, находившаяся к северу от поселения, видела только спины трех охранников на увитых плющом сторожевых башнях. Три, конечно, не так уж и много, но все-таки пять процентов от общего числа. Начало.

Она нацелила пистолет-пулемет на одного из них и взмолилась: «Господи, помоги мне попасть точно в цель... точно в цель...»

Скоро.

Скоро она намеревалась нажать на спусковой крючок.

10

Финли схватил ректора за руку. Пимли освободился от мохнатых пальцев и направился к своему дому, не желая верить своим глазам: дым уже валил из всех окон левой стены.

— Босс! — закричал Финли, вновь хватая Прентисса за руку. — Босс, дом — это ерунда. Мы должны сберечь Разрушителей! Разрушителей!

Смысл слов не дошел до Прентисса, но завывание сирены пожарной тревоги в Дамли-Хауз вернуло Прентисса на землю. Он развернулся на сто восемьдесят градусов и встретился взглядом с маленькими птичьими глазами-бусинками Джекки. В них не увидел ничего, кроме паники, которая, как ни странно, оказала благотворный эффект на Пимли, успокоила его. Теперь ревело, выло и трезвонило со всех сторон. Среди прочего до ушей ректора долетели повторяющиеся пронзительные гудки, которых он никогда не слышал. Они доносились со стороны Плизантвиля?

— Пойдем, босс! — в голосе Финли из Тего звучала мольба. — Мы должны принять все меры к тому, чтобы Разрушители не пострадали.

— Дым! — воскликнул Джекки, шевельнул своими темными (и совершенно бесполезными) крылышками. — Дым над Дамли-Хауз, дым над Феверел!

Пимли его проигнорировал. Вытащил «Миротворца» из плечевой кобуры, задумался о предчувствии, которое заставило его захватить с собой револьвер. Он понятия не имел, откуда взялось это предчувствие, но тяжесть лежащего на ладони револьвера еще больше успокоила его. За спиной что-то выкрикивал Тасса, ему вторила Тамми, но Пимли пропускал их крики мимо ушей. Сердце билось отчаянно, но он уже мог рассуждать здраво и спокойно. Финли, конечно, прав. Самое важное сейчас — Разрушители. Нужно принять все меры, чтобы не потерять треть от их числа из-за пожара, вызванного коротким замыканием в электропроводке или актом саботажа. Он кивнул начальнику службы безопасности, и оба побежали к Дамли-Хауз. Джекки, что-то вереща и махая крыльями устремился следом, как беженец из какого-то мультфильма киностудии «Уорнер бразерс». Где-то что-то кричал Гаски. И вот тут Пимли из Нью-Джерси услышал звуки, от которых у него похолодело внутри: «Чу — чу — чу». Стрельба! Если какой-то клоун начал стрелять в Разрушителей, что ж, еще до конца дня голова этого клоуна будет поднята на пике. Мысль о том, что стрельба ведется не по Разрушителям, а по охранникам, в тот момент еще не приходила ему в голову, да и в голову Финли тоже. Слишком многое происходило слишком быстро.

В южной части Девар-тои громкость гудков едва не рвала барабанные перепонки. «Господи!» — вырвалось у Эдди, но своего голоса он не услышал.

На южных сторожевых башнях охранники отвернулись от стрелков, смотрели на север. Эдди пока дыма не видел. Возможно, его видели охранники, которые стояли значительно выше.

Роланд схватил Джейка за плечо, указал на вагон с надписью «СОО лайн». Джейк кивнул и забрался под него,

Ыш не отставал от мальчика ни на шаг. Роланд протянул обе руки к Эдди — «Оставайся, где стоишь», — последовал за Джейком. На другой стороне вагона оба встали в полный рост, бок о бок. Охранники, конечно, увидели бы стрелков, но их внимание отвлекли не умолкающие детекторы дыма и пожарные сирены.

Внезапно фасад здания «Скобяной компании Плизатвиля» ушел в щель в земле. Пожарная машина-робот, сверкая красной краской и поблескивая хромом, выкатилась из гаража, скрытого за воротами-фасадом. Вспыхивали и гасли красные огни по бортам, усиленный динамиками голос проревел: «ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ! ЭТО ПОЖАРНАЯ КОМАНДА "БРАВО"^[72] ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ! ПРОПУСТИТЕ ПОЖАРНУЮ КОМАНДУ "БРАВО"!»

В этой части Девар-тои еще не слышалась стрельба, пока не слышалась. Южная часть поселения, конечно же, казалась безопасной для перепуганных обитателей Алгул Съенто: не волнуйтесь, вот ваша гавань в сегодняшнем, неожиданно разразившемся говношторме.

Стрелок достал орису из плетеной сумки, что висела на плече Джейка, и кивком предложил мальчику взять вторую. Указал на охранника на правой башне, потом на Джейка. Мальчик кивнул и изготовился к броску, дожидаясь команды Роланда.

«Как только услышишь горн, сигнализирующий о пересменке, — сказал Роланд Сюзанне, — займись ими. Постарайся нанести максимальный урон, но, ради своего отца, сделай все, чтобы они не поняли, что имеют дело с одним человеком».

Последнее он бы мог и не говорить.

Она без труда сняла бы всех трех охранников, пока трубил горн, но что-то заставило ее обождать. И несколькими секундами позже она похвалила себя за задержку. Заднюю дверь здания, построенного в стиле королевы Анны, распахнули с такой силой, что она слетела с верхней петли. Разрушители валом повалили из нее, в панике едва не топча передних («Только посмотрите, кто мог уничтожить вселенную, — подумала Сюзанна. — Эти овцы»). Среди них она увидела полдюжины уродов с головами животных и, как минимум четырех вызывающих отвращение человекообразных с масками вместо лиц.

Первым Сюзанна сняла охранника на западной башне и нацелила пистолет-пулемет на парочку, что стояла на восточной башне еще до того, как первая жертва битвы в Алгул Съенто перевалилась через поручень ограждения и полетела на землю с вываливающимися из снесенной макушки мозгами. Пистолет-пулемет «Койот», настроенный на стрельбу короткими очередями, трижды рывкнул: «Чу! Чу! Чу!»

Тахина и «низшего мужчину» на восточной башне развернуло друг к другу, словно в танце. Тахин упал на дорожку, которая тянулась вдоль поручня ограждения. «Низшего мужчину» бросило сначала на поручень, потом через него. Мелькнули в воздухе сапоги, и кан-тои, головой вниз, спикировал на землю. Сюзанна услышала, треск сломавшейся шеи.

Двое Разрушителей заметили полет «низшего мужчины» и закричали.

— Поднимите руки! — она узнала голос Динки. — Всем Разрушителям поднять руки!

Никто не попытался оспорить это указание. В сложившихся обстоятельствах тот, кто знал, что происходит и как на это нужно реагировать, безусловно, становился главным. Некоторые Разрушители, но не все, подняли руки. Сюзанну это не волновало. Ей не требовались поднятые руки, чтобы отделить овец от козлов. Зрение у нее вдруг стало невероятно острым.

Она перевела рычажок скорострельности с «КОРОТКОЙ ОЧЕРЕДИ» на «ОДИНОЧНЫЕ ВЫСТРЕЛЫ» и начала по одному разбираться с охранниками, которые покинули Читальню вместе с Разрушителями. «Тахин... кан-тои, прикончи его... чел, ее не трогай, это Разрушитель, пусть даже она не подняла руки... только не спрашивайте меня, откуда я это знаю, знаю, и все...»

Сюзанна нажала на спусковой крючок, и голова чела, стоявшего рядом с женщиной в ярко-красных брючках разлетелась, как брошенный оземь арбуз. Разрушители кричали, как дети, выпучив глаза, с поднятыми руками. И вновь Сюзанна услышала Динки, только на этот раз не голос. Услышала мысль, которая прозвучала куда как громче:

(«ИДИТЕ НА ЮГ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ, ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА»)

Эта фраза означала, что ей пора переходить к более активным действиям. Она убила уже восьмерых плохишей Алого Короля, считая трех охранников на сторожевых башнях, не бог весть какое достижение, учитывая охватившую их панику, и больше не видела ни одного, во всяком случае, пока.

Включила двигатель ПТС, чтобы добраться до другого брошенного сарая. ПТС так рванул с места, что Сюзанна едва не вылетела из седла. Стараясь не смеяться (и все-таки смеясь), крикнула в лучших традициях Детты Уокер:

«Идите сюда, сукины дети! Идите на юг! С поднятыми руками, чтобы мы смогли отличить вас от плохишей! Каждый, кто опустит руки, получит пулю в голову! Можете мне поверить!»

Въезжая в сарай, задела колесом о дверную коробку, но не так, чтобы сильно, и не перевернулась. И слава Богу, потому что в одиночку ей бы не хватило сил, чтобы вновь поставить трайк на колеса. В этом сарае на треноге стоял один из «лазеров». Она перевела рычажок-переключатель в положение «ON» и задумалась над тем, а что же ей делать с переключателем «INTERVAL», когда из ствола «лазера» вырвался ослепляющий красно-багровый луч и, протянувшись над тройным забором и поселением, проделал дыру в верхнем этаже Дамли-Хауз. Сюзанне показалось, что дыру таких размеров мог пробить крупнокалиберный снаряд.

«Это хорошо, — подумала она. — Пальну-ка я и из остальных».

Но задалась вопросом, а хватит ли на это времени. Другие Разрушители уже подхватили мысль Динки, ретранслируя и усиливая ее:

(ИДИТЕ НА ЮГ! С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ! ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА!)

Сюзанна переключила пистолет-пулемет «Койот» на стрельбу длинными очередями и дала очередь по верхнему этажу ближайшего общежития, чтобы Разрушители быстрее соображали, что к чему. Пули свистели и рикошетили от стен. Звенело разбитое стекло. Разрушители, крича и с поднятыми руками, побежали вокруг Дамли-Хауз. Сюзанна увидела Теда, появившегося из-за угла. Выделить его среди остальных не составляло труда, потому что шел он против потока. Он и Динки обнялись, потом подняли руки и присоединились к устремившимся на юг Разрушителям, которым вскорости предстояло потерять статус ОВП^[73] и превратиться в беженцев, борющихся за выживание в темной и отравленной стране.

Она убила восьмерых, но не утолила аппетит. Пожалуй, только вошла во вкус. Ее глаза видели все. Они пульсировали, болели, но видели все. Она надеялась, что из-за угла Дамли-Хауз появятся новые тахины, «низшие люди» или охранники-челы.

Она хотела увеличить счет.

Шими Руис жил в Корбетт-Холл, том самом общежитии, по которому Сюзанна, не зная об этом, выпустила добрую сотню пуль. Если б сидел на кровати, то практически наверняка погиб, но он стоял на коленях, у ее изножия, молился за безопасность своих друзей. Даже не поднял головы,

когда окно разлетелось вдребезги, продолжил молиться с удвоенным пылом. Он слышал мысли Динки

(«ИДИТЕ НА ЮГ»)

они отдавались в его голове, к ним присоединились мысли других

(«С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ»)

образовав мысленную реку. А потом послышался голос Теда, который не просто присоединился к остальным, но усилил, умножил их, превратив то, что было рекой

(«ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА»)

в океан. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Шими сменил молитву. «Наш Отец и Защитник, помоги моим друзьям уйти на юг с поднятыми руками, чтобы им не причинили вреда». Он продолжал молиться, даже когда с оглушительным грохотом взорвались баллоны с пропаном в столовой Дамли-Хауза.

В Даммли-Хауз Гангли Тристама (для всех — доктора Гангли, мы говорим, спасибо) боялись, пожалуй, больше других. Будучи кан-тои, он, неизвестно из каких соображений, взял имя тахина, а не человека, и железной рукой руководил лазаретом, который занимал третий этаж Западного крыла. Передвигался он исключительно на роликах. В лазарете царили тишина или покой, когда Гангли сидел в кабинете, занимаясь бумагами или ходил по вызовам (обычно к Разрушителям, которые лечились от простуды в своих комнатах в общежитиях), но, когда он появлялся непосредственно в лазарете, медсестры, санитары, да и пациенты замолкали (если не от уважения, то от страха). Новичок мог бы рассмеяться, увидев приземистого, широкоплечего, со смуглой кожей, тяжелой челюстью псевдочеловека, медленно скользящего по центральному проходу, с руками, сложенными поверх висящего на груди стетоскопа, с развевающимися позади полами белого халата (один Разрушитель как-то дал ему такую характеристику: «Он выглядит, как Джон Ирвинг^[74] после неудачной подтяжки лица»). Если кого заставляли смеющимся, больше он уже не смеялся. Доктора Гангли отличал острый язык, и никто не оставался безнаказанным, отпустив шуточку на предмет его роликов.

Теперь же, вместо того, чтобы плавно скользить, он метался взад-вперед по проходам, стальные колесики (его ролики изготовили до того, как

железо заменил пластик) громыхали по твердому дереву.

— Все бумаги! — кричал он. — Вы меня слышите? Если я потеряю в этой суете хотя бы одну историю болезни, одну чертову историю, кто-то заплатится глазами, которые я запью послеполуденным чаем!

Пациенты, разумеется, уже отбыли. Он вытряхнул их из кроватей и переправил по лестнице на первый этаж, как только затрещал детектор дыма, как только запахло дымом. Горстка санитаров, трусливых идиотов, он знал их всех, да, да, знал, и, когда придет время, намеревался представить руководству полный отчет, убежала вместе с больными, но пятеро остались, включая его личного помощника, Джека Лондона. Гангли ими гордился, хотя едва ли кто мог это понять по его грозному голосу, разносящемуся по лазарету. Доктор не останавливался ни на секунду, курсируя на роликах взад-вперед в сгущающемся дыму.

— Возьмите бумаги, вы меня слышите? Лучше вам меня услышать, клянусь всеми богами, ходящими или ползающими! Вам лучше меня услышать!

Красное пламя ударило в окно. Должно быть, какое-то оружие, потому что оно разнесло стеклянную стену, отделяющую кабинет Гангли от самого лазарета и подожгло его любимое кресло.

Гангли согнулся пополам и прокатился под лазерным лучом, не сбавив скорости.

— Ган побери! — воскликнул один из санитаров, чел, на удивление уродливый. Он побледнел, как мел, глаза буквально вылезли из орбит. — Что за дьявол...

— Какая разница! — проревел Гангли. — Какая разница, что это было, паршивый клоун. Бери бумаги. Бери мои гребаные бумаги!

Откуда-то... с Молла?... донеслись приближающиеся пронзительные гудки, должно быть, пожарной машины. «ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ! — услышал Гангли. — ЭТО ПОЖАРНАЯ КОМАНДА „БРАВО“!»

Гангли никогда не слышал о пожарной команде «Браво», но в этом месте было много такого, о чем они ничего не знали. К примеру, он использовал только треть оборудования, имеющегося в операционной! Неважно, сейчас следовало спасать доку...

Но прежде чем он успел закончить мысль, взорвались газовые баллоны. Взрыв, казалось, прогремел прямо под ними, и Гангли Тристама подняло в воздух, вместе с вращающимися стальными колесиками. Санитаров тоже оторвало от пола, и внезапно в заполненном дымом лазарете во все стороны полетели бумаги. Глядя на них, зная, что бумаги сгорят, а ему сильно повезет, если он не сгорит вместе с ними, доктор

Гангли пришел к логичному выводу: конец наступил раньше, чем они ожидали.

Роланд услышал телепатическую команду
(«ИДИТЕ НА ЮГ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ, ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА»)

которая начала пульсировать у него в голове. Пора, решил он. Кивнул Джейку, и орисы полетели. Их посвист не мог прорваться сквозь рев, звон и грохот, однако, один охранник, должно быть, что-то услышал и начал поворачиваться, когда заостренная кромка тарелки отрезала ему голову и отбросила ее в сторону поселения, брови еще продолжали в недоумении подниматься. Обезглавленное тело сделало два шага и упало на поручень, руки свесились вниз, кровь потоком ливанула из шеи. Тело второго охранника уже летело вниз вслед за головой.

Эдди прополз под вагоном с надписью «СОО лайн» и вскочил на ноги со стороны поселения. Еще две роботизированные пожарные машины выехали из гаража, который скрывался за фасадом скобяного магазина. Обе без колес, передвигающиеся, похоже, на воздушной подушке. Ближе к северному концу кампуса (именно так Эдди воспринимал Девар-тои) прогремел сильный взрыв. Хорошо. Отлично.

Роланд и Джейк достали новые орисы из все убывающего запаса, хранящегося в сумке, что висела на плече Джейка, и разрезали ими все три проволочных забора. Тот, что находился под высоким напряжением, полыхнул синим пламенем. Потом они вошли на территорию поселения. Быстро и молча пробежали мимо уже никем не охраняемых башен. Ёш тенью следовал за Джейком. Добрались до проулка между «Аптечным магазином Генри Грэма» и «Книжным магазином Плизантвиля». Миновали его, остановились у выхода на Главную улицу, увидели, что она пуста, хотя над ней еще висел резкий электрический запах (запах подземки, подумал Эдди), оставленный двумя пожарными машинами. Запах этот только усиливал вонь, характерную для Тандерклепа. Вдалеке завывали пожарные sireны и дребезжали детекторы дыма. А вот здесь, в Плизантвиле, Эдди на ум пришла Главная улица Диснейленда: никакого мусора в ливневых канавах, никаких граффити на стенах, на витринах ни пылинки. Именно сюда приходили тоскующие по дому Разрушители, когда им хотелось увидеть уголок Америки, решил Эдди, но неужели никто из них не хотел

чего-то лучшего, чего-то более реалистичного, чем эта пластико-фантастическая, застывшая жизнь? Может, улица и выглядела настоящей с людьми на тротуарах и в магазинах, но как-то не верилось. Ему, во всяком случае, не верилось. А может, в этом проявлялся шовинизм жителя большого города.

Напротив располагались «Обувь Плизантвиля», «Парижская мужская мода», «Салон-парикмахерская» и кинотеатр «Жемчужина» («ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО»), — гласил плакат над входом). Роланд поднял руку, указал Эдди и Джейку на противоположную сторону улицы. Именно там, если бы все пошло, как он и рассчитывал (и, вроде бы, обычно так и бывало), они намеревались устроить засаду. Улицу они пересекли, пригнувшись. Ёш по-прежнему не отлеплялся от Джейка. Пока все шло, как по писаному, и стрелка это нервировало.

16

Любой закаленный битвами генерал скажет вам, что в любом, даже самом маленьком бою (как в этом, о котором идет речь) наступает момент, когда нарушается связность событий, их последовательность перестает существовать, становится непонятным, как, что и когда происходит. Все это потом устанавливается историками. Необходимость воссоздания мифа связности, возможно, одна из причин, объясняющих существование истории, как науки.

Неважно. Мы достигли этой точки, той самой, где битва в Алгул Сьенто обрела собственную жизнь, и все, что мне теперь по силам — рассказать о чем-то здесь, о чем-то там, и надеяться, что вы сами выстроите какой-то порядок в общем хаосе.

17

Трампас, замученный экземой «низший мужчина», который произвольно столь многое объяснил Теду, поспешил к толпе Разрушителей, покидающих Дамли-Хауз, и схватил за руку одного, тощего, быстро лысеющего экс-плотника, которого звали Берди Макканн.

— Берди, что все это значит? — прокричал Трампас. Он был в думалке, а потому не улавливал мысли, которыми обменивались Разрушители. — Что происходит, ты зна...

— Стреляют! — Берди вырвал руку. — Стреляют! Они там! — и он указал куда-то за спину Трамаса.

— Кто? Как они смо...

— Берегитесь, идиоты, они не снижают скорость! — прокричал Гаски из Тего, оказавшийся позади Трамаса и Макканна.

Трамас оглянулся и пришел в ужас. Огромная пожарная машина с ревом неслась через Молл. С двумя стальными роботами-пожарными. Пимли, Финли и Джекли отпрыгнули в сторону. Как и Тасса, слуга Прентисса. А вот Тамми Келли осталась на траве, лицом вниз, в луже крови. «Пожарная команда „Браво“, которой не доводилось бороться с огнем последние восемьсот лет, расплющила ее по земле. Так что на нехватку продуктов в кладовой она отжаловалась.

И...

— ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ! — проревела пожарная машина. Следом за ней катили еще две, они уже успели оставить позади дом Прентисса. И опять Тасса с большим трудом избежал верной смерти. — ЭТО ПОЖАРНАЯ МАШИНА «БРАВО»! — из машины выдвинулся металлический стержень, на его вершине появилась вертушка, из которой в восьми направлениях ударили мощные струи воды. — ОСВОБОДИТЕ ДОРОГУ ПОЖАРНОЙ МАШИНЕ «БРАВО»!

И...

Джеймс Кэгни (кан-тои, который стоял в вестибюле общежития Феверел-Холл, когда все началось, помните его?) понял, что сейчас произойдет, и начал кричать охранникам, которые выбирались из западного крыла Дамли-Хауз, с покрасневшими глазами, кашляющие, некоторые в горящей одежде, кто-то, слава Гану, Бессе и всем другим богам, с оружием.

Кэг кричал им, требуя, чтобы они разбегались, не мешая подъехать пожарной машине, но в общем шуме сам едва слышал собственный голос. Он увидел, как Джой Растосович оттолкнул двоих, Эрншоу — еще одного. Несколько кашляющих, плачущих от дыма беглецов заметили надвигающуюся пожарную машину и бросились врассыпную. А потом «Пожарная команда „Браво“ проехала сквозь толпу охранников, не сбрасывая скорости, держа курс на Дамли-Хауз, поливая все вокруг водой.

И...

— Дорогой Иисус, нет, — простонал Пимли. Он закрыл лицо руками. Финли, наоборот, не мог отвести глаз. Увидел, как «низший мужчина», Бен Александер, он в этом не сомневался, попал под огромное колесо пожарной машины. Увидел, как другого ударило радиаторной решеткой и размазало о стену Дамли-Хауз, в которую и врезалась пожарная машина. Во все

стороны полетели доски и осколки стекла. Пожарная машина пробила стену, а потом провалилась колесом на лестницу, ведущую в подвал. Тут же заорал механический голос: «НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ! ПОСТАВЬТЕ В ИЗВЕСТНОСТЬ БАЗУ! НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ!»

«Ты прав, Шерлок», — подумал Финли, в ужасе глядя на кровь на траве. Сколько охранников и Разрушителей задавила эта чертова сломавшаяся пожарная машина? Шесть? Восемь? А может, десяток?

Из-за Дамли-Хауз вновь донеслось устрашающее чу-чу-чу, звуки автоматной стрельбы.

Толстяк-Разрушитель по фамилии Уэверли столкнулся с Финли, пробегая мимо. Начальник службы безопасности успел схватить его за руку.

— Что случилось? Кто велел вам идти на юг?

Финли, в отличие от Трамаса, думалку не носил, и послание («ИДИТЕ НА ЮГ С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ, ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ ВРЕДА»)

пульсировало у него в голове с такой силой, что он практически не мог думать ни о чем другом.

Стоявший рядом с ним Пимли, и пытающийся взять себя в руки, услышал эту мысль и послал свою: «Тут не обошлось без Бротигэна, он подхватил идею и усилил ее. Другим такое не под силу».

И...

Гаски схватил за руку Кэга, потом Джеккли и крикнул, чтобы они собрали вооруженных охранников, чтобы те пристроились с флангов к Разрушителям, которые спешили на юг через Молл и по улицам, которые тянулись вдоль Молла. Они смотрели на него испуганными, вытаращенными глазами, паническими глазами, а он мог только орать на них, вне себя от ярости. И на них, ревя сиренами, накатывались две пожарные машины. Первая ударила двух Разрушителей, сшибла на землю, проехала пол ним. Одним из них был Джой Растосович. Когда пожарная машина поехала дальше, прижимая траву струями сжатого воздуха, Таня упала на колени рядом с умирающим мужем, вскинула руки к небу. Она кричала во всю мощь легких, но Гаски едва слышал ее. Слезы злости и страха выступили в уголках его глаз. «Грязные собаки! — подумал он. Грязные собаки, нападающие из засады!»

И...

В северной части Алгул Съенто Сюзанна покинула укрытие, оставила за спиной тройной забор. План не предполагал ее появления на территории поселения, но ее желание стрелять, убивать и убивать этих подонков,

крепло с каждой минутой. Она просто ничего не могла с собой поделаться, и Роланд ее бы понял, это точно. А кроме того, клубы дыма от горящего Дамли-Хауз распространились по этой части «Синих небес». Периодически дым пробивали лучи «лазеров», отдаленно напоминая неоновую рекламу, и Сюзанна напомнила себе, что соваться под них нельзя, если, конечно, не хочется получить в теле дыру диаметров в пару дюймов.

С заборами она разобралась с помощью пуль «Койота». Перерезала проволоку сначала наружного, потом среднего и, наконец, внутреннего, а потом исчезла в дыму, на ходу перезаряжая пистолет-пулемет.

И...

Разрушитель по фамилии Уэверли попытался вырваться из рук Финли. «Нет, нет, ничего у тебя не выйдет, будь уверен», — подумал начальник службы безопасности. Подтащил мужчину, который был бухгалтером до того, как попал в Алгул Съенто, к себе, потом отвесил две затрецины, со всей силы, так, что заболела рука. Уэверли вскрикнул от боли и удивления.

— Кто за всем этим стоит? — проревел Финли. — КТО, ТВОЮ МАТЬ, ВСЕ ЭТО ДЕЛАЕТ?

Две пожарные машины, что подъехали следом за первой, остановились у Дамли-Хауз и начали заливать здание водой. Финли не знал, принесут ли эти усилия какую-то пользу, но полагал, что вреда не будет точно. По крайней мере, эти чертовы роботы не врезались в здание, которое должны были спасать, в отличие от пожарной команды «Браво».

— Сэр, я не знаю! — сквозь рыдания выкрикнул Уэверли. Кровь текла у него из носа и из уголка рта. — Я не знаю, но этих дьяволов должно быть пятьдесят, может, сто дьяволов! Динки вывел нас. Боже, благослови Динки Эрншоу!»

Гаски из Тего, тем временем, одной рукой, и не маленькой, схватил за шею Джеймса Кэгни, а другой Джекки. У Гаски сложилось впечатление, что Джекки, этот сукин сын с вороньей головой, готов броситься в бегство, но думать об этом времени не было. Ему требовались они оба.

И...

— Босс! — прокричал Финли. — Босс, надо схватить этого Эрншоу! Что-то здесь нечисто!

И...

Прижав голову Кэгни к одной щеке, а Джекки — к другой, Гаски (который в это ужасное утро мыслил так же ясно и четко, как и все остальные тахины и кан-тои) добился того, чтобы его наконец-то услышали. И повторил свой приказ: разделить вооруженных охранников на

две группы и отправить их с отступающими Разрушителями: «Не пытайтесь остановить их, но оставайтесь с ними! И, ради Бога, не допустите, чтобы они изжарились на электрической проволоке! Держите их подальше от забора, если они пойдут за Главную улицу...»

Прежде чем он успел закончить, из сгущающегося дыма появилась фигура. Доктор Гангли, в горящем белом халате, по-прежнему с роликовыми коньками на ногах.

И...

Сюзанна Дин, кашляя от дыма, заняла позицию у левого заднего угла Дамли-Хауз. Увидела трех сукиных детей. Если б жила в Алгул Съенто, знала бы, что это Гаски, Джеккли и Кэгни. Прежде чем успела прицелиться, их заслонил черный дым. Когда дым рассеялся, Джеккли и Кэг уже ушли, отправились собирать вооруженных охранников, которым Гаски отвел роль овчарок, чтобы те уберегли запаниковавших овец от большей беды, даже если не смогли бы остановить их. Гаски остался на месте, и Сюзанна уложила его одним-единственным выстрелом.

И...

Пимли этого не видел. Ему уже стало ясно, что все эта суета только на поверхности. Хорошо организованная суета. Решение Разрушителей уходить на юг сформировалось слишком быстро, чтобы быть спонтанным.

«Эрншоу — мелкая сошка, — подумал он. — С кем я хочу поговорить, так это с Бротигэном!»

Но прежде чем он смог добраться до Теда, его за руку схватил насмерть перепуганный Тасса, залепетал о том, что дом Шэпли-Хауз в огне, и он боится, ужасно боится, что вся одежда ректора, все его книги...

Пимли Прентисс сшиб его с ног могучим ударом кулака в висок. Пульсирующая, мысль, излучаемая всеми Разрушителями («светлый разум» сменился «темным»)

(С ПОДНЯТЫМИ РУКАМИ ВАМ НЕ ПРИЧИНЯТ)

билась в голове, выдавливая все прочие мысли. И сделал все это гребаный Бротигэн, Пимли в этом нисколько не сомневался, а теперь этот человек слишком далеко от него, чтобы... хотя...

Пимли посмотрел на «Миротворца», который держал в руке, обдумал этот вариант, потом сунул револьвер в плечевую кобуру под левой рукой. Он хотел заполучить гребаного Бротигэна живым. Хотел услышать объяснения гребаного Бротигэна. Не говоря уж о том, что гребаный Бротигэн требовался для того, чтобы завершить разрушение Лучей.

Чу—чу—чу. Вокруг свистели пули. Вокруг бегали охранники-челы, тахины, кан-тои. И, Боже, только у некоторых было оружие, в основном, у

челов, которые патрулировали периметр. Тем, кто охранял Разрушителей, оружие не требовалось, в большинстве своем Разрушители были смиренными, как канарейки, а мысль об атаке с наружной стороны периметра казалась нелепой до тех пор, пока...

«Пока это не произошло», — продумал он и заметил Трамаса.

— Трамас! — взревел он. — Трамас! Эй, ковбой! Схвати Эрншоу и приведи ко мне! Схвати Эрншоу!

Посреди Молла было не так шумно, и Трамас услышал приказ Пимли. Бросился за Динки, схватил юношу за руку.

И...

Одиннадцатилетняя Даника Ростова появилась из клубов дыма, которые теперь полностью скрывали нижнюю часть Дамли-Хауз, везя за собой две красных тележки. Лицо Даники побагровело от напряжения и опухло. Из глаз катились слезы. Она согнулась пополам, прилагая все силы, чтобы катить тележки. В одной сидел Седж, в другой — Бэдж. Оба с огромными головами и крошечными мудрыми глазками гидроцефалов, но, если Седж мог размахивать коротенькими ручонками, то у Бэджа их просто не было. У обоих на губах пузырилась пена, они издавали какие-то нечленораздельные звуки.

— Помогите мне! — крикнула Дани и закашлялась. — Помогите мне, прежде чем они задохнутся!

Динки увидел ее и двинулся к ней. Трамас его не пускал, хотя чувствовалось, что ему этого не хочется.

— Нет, Динки, — в голосе слышались извиняющиеся нотки, но звучал он твердо. — Пусть ей поможет кто-то еще. С тобой хочет поговорить босс...

Потом рядом возник Бротигэн, его губы превратились в узкую полоску.

— Отпусти его, Трамас. Ты мне нравишься, но сегодня я не могу позволить тебе лезть в наши дела.

— Тед? Что ты такое...

Динк вновь рванулся к Дани, но Трамас опять схватил его. Тем временем Бэдж потерял сознание и вывалился из тележки. И хотя приземлился на мягкую траву, его голова раскололась, как гнилой орех, и Дани Ростова пронзительно закричала.

Динки рванулся к ней. Трамас со всей силой дернул его на себя. И одновременно выхватил из плечевой кобуры «кольт» 38-го калибра. Эта модель называлась «Лесничий».

Урезонивать его времени не было. Тед Бротигэн не бросал мысленное

копье с тех самых пор, как свалил им уличного грабителя в Акроне, в 1935 году. Не воспользовался им, даже когда «низшие люди» схватили его в Бриджпорте, штат Коннектикут, в 1960-ом, хотя тогда такое желание у него возникло. Он дал себе зарок никогда более его не использовать и, уж конечно, не хотел, бросать его в

(улыбайся, когда это говоришь)

Трамаса, который всегда относился к нему с уважением. Но он знал, что должен добраться до южного края поселения до того, как тахины и кантои возьмут ситуацию под контроль, и хотел, чтобы Динки составил ему компанию.

Опять же, он пришел в ярость. Бедный маленький Бэдж, который всегда всем улыбался!

Бротигэн сосредоточился и почувствовал, как голову прострелила боль. Мысленное копье полетело. Трампас отпустил Динки, успел с упреком взглянуть на Теда, взгляд этот Тед помнил до конца жизни, а потом обеими руками схватился за голову, чувствовалось, что такой головной боли не испытывало ни одно разумное существо во всей вселенной, и мертвым рухнул на траву. Шея его раздулась, язык вывалился изо рта.

— Пошли! — крикнул Тед, схватил Динки за руку. Прентисс в этот момент смотрел в другую сторону, его отвлек, и слава Богу, очередной взрыв.

— Но Дани... и Седж!

— Она вытянет Седжа! — ответил Бротигэн и мысленно продолжил: (теперь ей не нужно тащить еще и Бэджа)

Тед и Динки поспешили к южной части поселения, а за их спинами Пимли Прентисс повернулся, не веря своим глазам, уставился на лежащего на траве Трамаса, а потом криком приказал им остановиться, приказал остановиться именем Алого Короля.

Финли из Тего тоже вытащил из кобуры пистолет, но, прежде чем успел выстрелить, Даника Ростова прыгнула на него, кусаясь и царапаясь. Она весила не больше пушинки, но нападение застало его врасплох, он никак не ожидал, что опасность может прийти с этой стороны, так что она едва не свалила его с ног. Но он сохранил равновесие. Сильной, мохнатой рукой схватил Данику за шею и отбросил в сторону, но к этому времени Тед и Динки успели добежать до Шэпли-Хауз и практически скрылись в дыму.

Финли схватился за рукоятку пистолета двумя руками, глубоко вдохнул, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок. Кровь брызнула из руки старика. Финли услышал, как Бротигэн вскрикнул, увидел, как

пошатнулся... А потом молодой щенок подхватил старого кобеля и они обогнули левый угол здания.

— Я иду за вами! — проревел Финли им вслед. — Да, я иду, и когда догоню, заставлю пожалеть о том, что вы родились на свет! — но угроза и ему самому показалась пустой.

Теперь все население Алгул Съенто, Разрушители, тахины, охранники-челы, кан-тои с кроваво-красными пятнами, сверкающими во лбу, словно третий глаз, в едином порыве направлялись на юг. И Финли увидел то, что сразу ему не понравилось: Разрушители, и только Разрушители, шли с поднятыми руками. И если на юге затаились охотники, им бы не составило труда понять, в кого нужно стрелять, не так ли?

И...

В своей комнате на третьем этаже Корбетт-Холл, все еще стоя на коленях у изножия заваленной осколками стекла кровати, кашляя от дыма, который проникал сквозь разбитое окно, Шими Руису было видение... или с ним заговорило его воображение, выбор за вами. В любом случае, он вскочил на ноги. Его глаза, обычно дружелюбные, но всегда полные недоумения: ими он смотрел на мир, которого так и не смог понять, вдруг стали ясными, засверкали от счастья.

— ЛУЧ ГОВОРИТ ВАМ СПАСИБО! — крикнул он пустой комнате.

Огляделся, счастливый, как Эбenezер Скрудж^[75], обнаруживший, что сделали духи за одну ночь, и побежал к двери, хрустя шлепанцами осколками стекла. Один из них проткнул ему стопу, неся на острие смерть Шими, если б он это знал, скажите, беда, скажите, Дискордия, — но в своей радости он даже не почувствовал боли. Выскочил в коридор, спустился по лестнице.

На втором этаже Шими наткнулся на пожилую женщину-Разрушителя, которую звали Белли О'Рукр, схватил, потрянул.

— ЛУЧ ГОВОРИТ ВАМ СПАСИБО! — прокричал в ее изумленное, ничего не понимающее лицо. — ЛУЧ ГОВОРИТ ЧТО ЕЩЕ СМОЖЕТ ОБРЕСТИ ПРЕЖНЮЮ СИЛУ! МЫ НЕ ОПОЗДАЛИ! УСПЕЛИ ВОВРЕМЯ!

Он побежал дальше, распространять добрую весть (добрую, во всяком случае, для него), и...

На Главной улице Роланд посмотрел сначала на Эдди Дина, потом на Джейка Чеймберза.

— Они идут, и именно здесь, мы должны их встретить. Ждите моего приказа, а потом поднимайтесь и покажите себя.

Первыми появились три Разрушителя, пробежали с поднятыми руками. Пересекли Главную улицу, не увидев ни Эдди, который занял позицию в кассе кинотеатра «Жемчужина» (стекло с трех сторон выбил рукояткой револьвера, отделанного сандаловым деревом, револьвера, который раньше принадлежал Роланду), ни Джейка (он сидел в лишенном колес «форде»-седане, что навечно припарковался перед «Булочной Плизантвиля»), ни самого Роланда (он стоял за манекеном в витрине магазина «Парижская мужская мода»).

Добрались до противоположного тротуара, остановились, огляделись, не зная, что делать дальше.

— «Не останавливайтесь, — послал им мысль Роланд, Не останавливайтесь, убирайтесь отсюда. Бегите в проулок, пока есть такая возможность».

— Бежим! — крикнул один из них, и они шмыгнули в проулок между аптечным и книжным магазинами. Появился еще один разрушитель, потом двое, наконец, первый из охранников, чел с пистолетом, ствол которого смотрел в небо на уровне широко раскрытых от страха глаз чела. Роланд поймал его на мушку... но стрелять не стал.

Появились новые охранники, выбегая на Главную улицу из проулков. Собрались в две, далеко отстоящие друг от друга группы, как надеялся и ожидал Роланд. Они явно хотели взять Разрушителей в клещи и навести хоть какое-то подобие порядка. Превратить беспорядочное бегство в организованное отступление.

— Образовать два ряда! — крикнул тахин с головой ворона, дребезжащим, срывающимся голосом. — Образовать два ряда и держать их между собой, ради ваших отцов!

Другой охранник, рыжеголовый, с рубашкой вылезшей из брюк, крикнул: «Как насчет забора, Джеккли? Что, если они побегут к забору?»

— С этим ничего не поделаешь, Кэг, просто...

Вопящий Разрушитель попытался пробежать мимо ворона, когда тот заканчивал фразу, но ворон, Джеккли, с такой силой толкнул его, что бедняга распластался посреди Главной улицы.

— Держитесь вместе, червяки! — рывкнул он. — Бегите, если хочется, но поддерживайте хоть какой-то порядок! — как будто здесь можно добиться даже подобия порядка, подумал Роланд (не без удовлетворенности). А Джеккли уже обращался к рыжеголовому. — Пусть

один или два изжарятся... остальные увидят и остановятся!

Ситуация осложнилась бы, если б Эдди или Джейк в этот момент открыли огонь, но этого не произошло. Три стрелка затаились и наблюдали, как из хаоса возникает зачаточный порядок. Число охранников увеличивалось. Джекли и рыжеголовый выстраивали их в два ряда, которые протянулись поперек улицы, образуя коридор. Несколько Разрушителей успели выскочить за пределы коридора, но лишь несколько.

Появился новый тахин, с головой горностая, взял руководство на себя, сменив Джекли. Врезал кулаком по спине двум Разрушителям, подгоняя их.

С южной стороны Главной улицы донесся недоуменный крик: «Проволока перерезана!» — за ним последовал другой: «Думаю, охранники мертвы!» — и тут же последовал вопль ужаса. Роланд понял, что один из Разрушителей наткнулся на лежащую в траве голову одного из охранников, аккуратно срезанную орисой.

Вопль этот еще не успел смолкнуть, когда из проулка между пекарней и обувным магазином на Главную улицу выскочили Динки Эрншоу и Тед Бротигэн, так близко от укрытия Джейка, что он мог протянуть руку и через разбитое окно прикоснуться к ним. Теда ранили. Его правый рукав от локтя и ниже окрасился кровью, но передвигаться он мог, пусть и с помощью Динки, который поддерживал его за талию. Тед повернулся, когда они пробежали мимо охранников и бросил короткий взгляд на манекен, за которым прятался Роланд. А потом оба исчезли в проулке.

Теперь они были в безопасности, хотя бы на время, и это радовало. Но где задержался самый большой начальник? Куда подевался Прентисс, главный человек в этом ужасном месте? Роланд хотел разобраться и с ним, и с сэем тахином-Горностаем одновременно: отрежь змее голову, и змея умрет. Но слишком долго жать они не могли. Поток Разрушителей иссякал. Стрелок сомневался, что сэй Горностай будет дожидаться отстающих. Ему, конечно, не хотелось, чтобы кто-то из его драгоценных Разрушителей вышел за пределы поселения через брешь в заборе, но он понимал, что идти в этой отравленной и темной стране им некуда. Понимал он и другое: если кто-то напал на поселение с севера, другие нападавшие могли затаиться и на юге...

И в этот самый момент, спасибо богам и Гану, появился сам сэй Пимли Прентисс, волоча ноги, тяжело дыша, явно в состоянии шока, и револьвером в плечевой кобуре, болтающейся под левой рукой. Кровь текла из ноздри и из уголка глаза, словно напряжение момента вызвало разрыв нескольких сосудов. Он направился к Горностаю, чуть пошатываясь (и именно его пьяное покачивание потом винил Роланд за исход утреннего

противостояния), возможно, с тем, чтобы взять командование на себя. Их быстрое, но крепкое объятие, в котором оба, возможно, черпали уверенность, рассказало Роланду все, что он хотел знать о близости их отношений.

Он нацелил револьвер на затылок Прентисса, нажал на спусковой крючок, наблюдал, как в разрые стороны полетели брызги крови и волосы. Ректор Прентисс вскинул руки, пальцы попытались схватить темное небо, после чего он рухнул у ног пораженного Горностая.

И в этот самый момент вспыхнуло атомное солнце, залив мир ярким светом.

— Хайл, стрелки, убейте их всех! — крикнул Роланд, взвел курок револьвера, древней машины-убийцы, ладонью правой руки. Четверо упали после его выстрелов, прежде чем охранники, выстроившиеся рядками, как мишени в тире, услышали грохот выстрелов, не то, чтобы отреагировали на них. — За Гилеад, за Нью-Йорк, за Луч, за наших отцов! Услышите меня, услышите! Пусть никто не останется стоящим! **УБЕЙТЕ ИХ ВСЕХ!**

И они взялись за дело: стрелок из Гилеада, бывший наркоман из Бруклина, мучающийся одиночеством мальчик, которого когда-то миссис Грета Шоу называла Бама. А с севера, сквозь дым, по прямой (только однажды ей пришлось отклониться от выбранного курса: чтобы объехать раздавленное тело другой домоправительницы, по имени Тамми), к ним уже спешила на ПТС подмога: четвертый стрелок, Сюзанна, которую когда-то учили ненасильственному противодействию властям молодые и убежденные в собственной правоте молодые люди из Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения^[76]. Но со временем она избрала путь оружия и ни разу об этом не пожалела. Она подстрелила трех отставших охранников-челов и одного убегающего тахина. На плече у тахина висела винтовка. Но он не воспользовался ею, вскинул покрытые лоснящейся шерстью руки, головой он отдаленно напоминал бобра, и взмолился о пощаде. Помня о том, что здесь происходило, не говоря уже вытяжке из мозга детей, которую скармливали Убийцам Луча, чтобы максимально повысить эффективность их работы, Сюзанна не пощадила его, но избавила как от страданий, так и от раздумий над своим будущим.

К тому времени, когда она вкатилась в проулок между кинотеатром и парикмахерской, стрельба прекратилась. Финли и Джекки умирали; Джеймс Кэгни умер, его человеческая маска наполовину слезла с отвратительной крысьей головы. Лежали на Главной улице и еще три десятка покойников. По ранее безупречно чистым сливным канавам Плизантвила струилась их кровь.

Какая-то часть охранников, несомненно, еще осталась на территории Алгул Съенто, но все они попрятались, в полной уверенности, что на них набросилась добрая сотня отъявленных головорезов, неизвестно откуда взявшихся сухопутных пиратов. Большинство же Разрушителей собрались на полоске травы между задворками Главной улицы и южными сторожевыми башнями, сбившись в кучу, как стадо овец, каковыми, собственно, они и были. Тед, не обращая внимания на кровотокающую руку, уже начал приводить их в чувство.

А тут и северный контингент нападавших появился из проулка, примыкающего к кинотеатру: одна безногая, черная женщина на трехколесном электромобиле. Управляла она им одной рукой, а второй твердо держала пистолет-пулемет «Койот», положив ствол на руль. Увидев груды тел на Главной улице, удовлетворенно кивнула.

Эдди вышел из кассы и обнял ее.

— Эй, сладенький, эй, — прошептала она, осыпая шею поцелуями, от которых по его телу пробежала дрожь. Появился Джейк, побледневший после стольких убийств, но держащийся молодцом, и она обхватила его за плечи и подтянула к себе. Ее взгляд упал на Роланда, стоящего на тротуаре позади тех троих, которых он «извлек» в Срединный мир. Револьвер смотрел в землю, покачиваясь у левого бедра, и знал ли он о страстном желании присоединиться к ним, написанном на его лице? Она в этом сомневалась, и всем сердцем потянулась к нему.

— Иди сюда, Гилеад. Это групповое объятие, а ты — часть группы.

На мгновение она подумала, что он не понимает приглашения, или делает вид, что не понимает. А потом подошел, предварительно сунув револьвер в кобуру и подхватив Ыша. Встал между Джейком и Эдди. Ыш запрыгнул на колени Сюзанны, так естественно, словно сидел там всегда. Стрелок одной рукой обхватил талию Эдди, другой — Джейка. Сюзанна приподнялась (ушастик-путаник заскреб когтями, чтобы удержаться на внезапно накренившихся бедрах), обняла Роланда за шею и звонко чмокнула в загорелый лоб. Джейк и Эдди рассмеялись. Роланд присоединился к ним, улыбаясь, как улыбаемся все мы, когда нам внезапно сообщают о чем-то очень приятном.

Я бы хотел, чтобы вы увидели их такими. Я бы хотел, чтобы таким вы увидели их очень хорошо. Вы видите? Они сгрудились вокруг прогулочного трайка Сюзанны, обнявшись после одержанной ими победы. Я хочу, чтобы вы увидели их такими не потому, что они победили в великой битве (они знают, что не это главное, каждый из них), по другой причине: в последний раз они — ка-тет. Здесь история их дружбы заканчивается, на

этой нереальной улице под этим искусственным солнцем; остальная часть истории будет короткой и жестокой в сравнении со всем тем, что вы уже прочитали. Потому что, когда разрушается ка-тет, конец всегда наступает быстро. Скажите, беда.

Залитыми кровью, умирающими глазами Пимли Прентисс наблюдал, как более молодой из двух мужчин разорвал групповое объятие и направился к Финли из Тего. Молодой человек увидел, что Финли все еще жив, и опустился рядом с ним на колени. Женщина, теперь она слезла со своего моторизированного трайка, и мальчик, начали проверять остальные жертвы и добивать тех, кто еще дышал. Даже лежа с пулей в голове, Пимли понимал, что действия их, скорее, милосердие, чем жестокость. Пимли полагал, что покончив с этим, они позовут остальных своих сообщников и вместе с ними начнут методично осматривать сохранившиеся здания Алгул Съенто в поисках спрятавшихся охранников и, естественно, перебьют всех, кого найдут. «Многих вы не найдете, — трусливые собаки, — подумал он. — Потому что две трети моих людей вы положили здесь». А скольких атакующих убили ректор Пимли, начальник службы безопасности Финли и все их люди? Насколько знал Пимли, ни одного.

Но, возможно, вот тут он мог что-то сделать. Его правая рука начала медленное и болезненное продвижение к плечевой кобуре и лежащему в ней «Миротворцу».

Эдди, тем временем, приставил ствол гилеадского револьвера с рукояткой, отделанной сандаловым деревом, к виску Горностая. Его палец напрягся на спусковом крючке, когда он увидел, что Горностай, пусть раненый в грудь, истекающий кровью, умирающий, смотрит на него, полностью отдавая себе отчет, что сейчас должно произойти. Читалось во взгляде и кое-что еще, определенно не понравившееся Эдди. Он подумал, что это презрение. Поднял голову, увидел, что Сюзанна и Джейк проверяют тела, лежащие в восточной части зоны смерти, увидел Роланда, который стоял на дальнем тротуаре, что-то говорил Динки и Теду, перевязывая руку последнего. Два бывших Разрушителя слушали внимательно и, хотя на лицах обоих отражалось сомнение, оба кивали.

Эдди вновь посмотрел на умирающего тахина.

— Ты на конце тропы, друг мой. Как мне представляется, пуля пробил твоя насос. Хочешь что-нибудь сказать, прежде чем ступишь в

пустошь?

Финли кивнул.

— Так говори, приятель. Но только покороче, если хочешь выговориться до конца.

— Ты и тебе подобные — стая трусливых собак, прошептал Финли. Ему, похоже, действительно прострелили сердце, но он не желал сдаваться, пока оно продолжало биться. А уж потом собирался умереть и уйти в темноту. — Провонявших мочой трусливых собак, убивающих людей из засады. Вот что я хочу сказать.

Эдди невесело усмехнулся.

— А как насчет трусливых собак, которые используют детей, чтобы убить весь мир из засады, мой друг? Всю вселенную?

Горноста́й моргну́л, словно не ожидал услышать такой ответ. Вообще не ожидал ответа.

— У меня был... приказ.

— Я в этом не сомневаюсь, — теперь кивнул Эдди. — И ты выполнял его до конца. Наслаждайся адом или Нааром, или как там он у вас называется, — он вновь приставил ствол револьвера к виску Финли и нажал на спусковой крючок. Горноста́й дернулся и застыл. Поморщившись, Эдди поднялся.

В этот момент уловил движение краем глаза, и, повернувшись, увидел, что человек, главный босс, приподнялся на локте. Его револьвер, «Миротворец» калибра 0,4 дюйма, из которого когда-то казнили насильника, смотрел на него. Эдди обладал отменными рефлексами, но среагировать времени ему не оставили. Раздался выстрел, ствол «Миротворца» полыхнул вспышкой, изо лба Эдди хлестанула кровь. Клок волос вырвало из затылка, в том месте, откуда вышла пуля. Он прижал руку к дыре, которая появилась над правым глазом, как человек, который вспомнил что-то очень важное, но, к сожалению, чуть позже, чем следовало.

Роланд развернулся на стоптанных каблуках, одновременно выхватывая из кобуры револьвер. Обернулись и Джейк с Сюзанной. Сюзанна увидела, что ее муж стоит, прижимая ладонь ко лбу.

— Эдди? Сладенький?

Пимли попытался вновь взвести курок, его верхняя губа растянулась от усилий, обнажив зубы в зверином оскале. Роланд прострелил ему горло, и ректор Алгул Съенто повалился на левый бок, револьвер вылетел из его руки и, отскочив от земли, застыл рядом с телом его друга Горноста́я. Практически у ног Эдди.

— Эдди! — закричала Сюзанна, и на руках и коленях поспешила к нему. «Ранение не тяжелое, — говорила она себе. — Ранение не тяжелое. Господи, не допусти, чтобы моего мужа тяжело ранили...»

Потом она увидела кровь, бегущую из-под руки, льющуюся на землю, и поняла, что ранение тяжелое.

— Сюзи? — спросил Эдди. Ясно и отчетливо. — Сюзи, где ты? Я ничего не вижу.

Он сделал шаг, второй, третий... а потом упал лицом вниз, как и предчувствовал дед Джеффордс, ага, с того самого момента, когда впервые увидел его. Ибо молодой человек был стрелком, ты говоришь правильно, а стрелок может умереть только так и не иначе.

Глава 12. Тет распадается

1

В тот вечер Джейк Чеймберз сидел в одиночестве около таверны «Клевер» в дальнем конце Главной улицы Плизантвилля. Тела охранников увезли роботы-дворники, и хоть с этим проблем не было. Ёш уже час или около того лежал на коленях мальчика. Обычно с ним такого не бывало никогда, но он, похоже, понимал, что нужен Джейку. Несколько раз Джейк плакал, уткнувшись в лицо в мягкую шерсть ушастика-путаника.

Большую часть этого бесконечного дня мысли Джейка говорили на два голоса. Такое с ним уже случалось, но лишь многими годами раньше, когда он был совсем маленьким мальчиком и подозревал, что может страдать от какого-то странного, непонятного родителям нервного расстройства.

«Эдди умирает, — заявлял первый голос (тот самый, что раньше уверял: в стенном шкафу живут чудовища и скоро они вылезут оттуда, чтобы пожрать его живьем). — Он в комнате в Корбетт-Холл и Сюзанна с ним, и он говорит, не умолкая, но он умирает».

«Нет, — возражал ему второй голос (тот, который пытался доказать ему, без особой уверенности, что никаких чудовищ нет и в помине). — Нет, такого не может быть. Эдди не... Эдди! И потом, он — часть ка-тета. Он может умереть, когда мы доберемся до Темной Башни, мы все можем умереть, когда мы доберемся туда, но не здесь, это безумие».

«Эдди умирает, — повторял первый голос. Неумолимый. — У него дыра в голове, достаточно большая, чтобы в нее пролез твой кулак, и он умирает».

На это второй голос мог лишь ответить, что такого просто не может быть, но возражения с каждым разом слабели.

Даже от осознания того, что они, скорее всего, спасли Луч (Шими в этом не сомневался, он ходил на притихшему кампусу Девар-той, выкрикивая во всю мощь легких новости: «ЛУЧ ГОВОРИТ, ВСЕ БУДЕТ ХОРОШО! ЛУЧ ГОВОРИТ ВАМ СПАСИБО!»), настроение Джейка не улучшалось. Потеря Эдди была слишком дорогой ценой за спасение Луча. А распад ка-тета еще больше повышал эту цену. Всякий раз, когда Джейк думал об этом, у него начинало сосать под ложечкой, и он молился Богу, Гану, Человеку-Иисусу, каждому и всем сразу, прося сотворить чудо и

спасти жизнь Эдди.

Он даже молился писателю.

«Спаси жизнь моего друга, и мы спасем твою, — молил он Стивена Кинга, человека, которого никогда не видел. — Спаси Эдди, и мы не позволим этому вэну наехать на тебя. Клянусь в этом».

Потом опять подумал о Сюзанне, выкрикивающей имя Эдди, старающейся перевернуть его, и Роланде, обнимающем ее со словами: «Ты не должна этого делать, Сюзанна, ты не должна тревожить его». Вспомнил, как она боролась с ним, вспомнил ее безумное лицо, которое изменялась ежесекундно, в зависимости от того, какая личность обретала контроль над телом. «Я должна ему помочь!» рыдала она голосом Сюзанны, который Джейк знал, а потом кричала уже другим, более грубым: «Отпусти меня, махфах! Дай мне сделать над ним мах вуду, сделать мах хунган, он встанет и пойдет, ты увидишь! Отпусти!» И Роланд все время держал ее, держал и покачивал, а Эдди лежал на мостовой, не мертвый, хотя было бы лучше, если б он умер (хотя смерть клала бы конец разговорам о чудесах, конец надежде), но Джейк видел, как покрытые пылью пальцы дергались, и слышал, как он что-то непрерывно бормочет, что-то несвязное, словно человек, который говорит во сне.

Потом подошел Тед, следом за ним Динки, за ними еще двое или трое Разрушителей. Тед опустился на колени рядом с кричащей, вырывающейся из рук Роланда женщиной и знаком указал Динки, что он должен сделать то же самое, но с другой стороны. Тед взялся за одну ее руку, кивнул Динки, который взялся за вторую. И что-то вырвалось из них, что-то мощное и успокаивающее. Это что-то не предназначалось Джейку, нет, совсем не предназначалось, но он его все равно уловил и почувствовал, как замедляется бешеный бег сердца. Посмотрел на лицо Теда Бротигэна и увидел, что зрачки глаз пребывают в постоянном движении, сокращаются и расширяются, сокращаются и расширяются.

Крики Сюзанны стихли, превратились в стоны боли. Она посмотрела на Эдди, потом наклонила голову, слезы из ее глаз закапали на рубашку Эдди, оставляя темные пятна, как капли дождя. Именно в этот момент из одного из проулков появился Шими, радостно сообщая всем, кто мог его слышать: «ЛУЧ ГОВОРИТ ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО! ЛУЧ ГОВОРИТ ВОВРЕМЯ, ЛУЧ ГОВОРИТ СПАСИБО ВАМ И МЫ ДОЛЖНЫ ДАТЬ ЕМУ ЗАЛЕЧИТЬ СВОИ РАНЫ!» — он сильно хромал, но никто из них не подумал об этом, может, даже и не заметил. Динки что-то прошептал растущей толпе Разрушителей, глазающих на умирающего стрелка, несколько человек подошли к Шими, что-то ему сказали, и он замолчал. В

северной части Девар-тои по-прежнему гудели сирены, но пожарные машины, те, что приехали следом за Командой „Браво“, справились с тремя самыми большими пожарами, в Дамли-Хауз, доме ректора и Феверел-Холл.

Потом Джейку вспомнились пальцы Теда, невероятно нежные, откидывающие волосы на затылке Эдди и обнажающие большую дыру, заполненную темным кровавым желе. В крови виднелись белые крупинки. Джейку хотелось верить, что эти крупинки — осколки кости. Все лучше, чем кусочки мозга Эдди.

При виде этой ужасной раны Сюзанна выпрямилась на коленях и опять начала кричать. Начала вырываться. Тед и Динки (он был блее мела) переглянулись, еще крепче сжали ее руки и вновь послали

(умиротворенность, расслабленность, спокойствие подожди успокойся не суетись угомонись)

мысленное успокаивающее послание, как цветовую гамму, холодные синие тона с толикой серого, так и слова. Роланд, тем временем, продолжал держать ее за плечи.

— Можно что-нибудь для него сделать? — спросил Роланд Теда. — Хоть что-нибудь?

— Его можно перенести в более комфортабельное место, — ответил Тед. — Это нам по силам, — он обвел взглядом Девар-тои. — Разве вам не нужно довести дело до конца, Роланд?

Поначалу Роланд не понял, о чем речь. Потом посмотрел на тела убитых охранников, и сообразил, что к чему.

— Да, пожалуй. Джейк, сможешь мне помочь? Если оставшиеся найдут нового командира и перегруппируются... это нам ни к чему.

— Как насчет Сюзанны? — спросил Джейк.

— Сюзанна поможет нам доставить ее мужа в то место, где ему ничто не будет мешать, где он сможет спокойно умереть, — ответил ему Тед Бротигэн. — Не так ли, дорогая?

Она посмотрела на него, в глазах читалась не только пустота, но и осмысленность (даже мольба), и взгляд этот пронзил сердце Джейка, как острие сосульки.

— Он должен умереть? — спросила она Теда. Тед поднес ее руку к губам и поцеловал.

— Да. Он должен умереть, а вы должны это пережить.

— Тогда вы должны кое-что сделать для меня, — и она коснулась щеки Теда своими пальцами. Джейку показалось, что они холодные. Холодные.

— Что, дорогая? Сделаю все, что смогу, — он обхватил ее пальцы

(умиротворенность, расслабленность, спокойствие подожди успокойся не суетись угомонись) своими.

— Прекратите делать то, что делаете, пока я не попрошу вас об обратном.

Он бросил на нее удивленный взгляд. Потом посмотрел на Динки, который лишь пожал плечами. Вновь повернулся к Сюзанне.

— Вы не должны использовать свой «светлый разум», чтобы красть мое горе, — объяснила ему Сюзанна, — ибо я хочу открыть рот и выпить его до дна. До последней капли.

Какие-то мгновения Тед стоял, уставившись в землю, хмурясь. Потом поднял голову и одарил Сюзанну самой ослепительной улыбкой, какую только доводилось видеть Джейку.

— Да, леди. Мы сделаем все, как вы скажете. Но, если мы вам понадобится... когда мы вам понадобится...

— Я вас позову, — и Сюзанна вновь наклонилась к продолжающему что-то бормотать мужчине, который лежал на мостовой.

2

Когда Роланд и Джейк приблизились к проулку, чтобы вернуться в северную часть Девар-тои и, забыв на время скорбь о павшем друге, разобраться с теми, кто еще мог оказать сопротивление, Шими протянул руку и дернул Роланда за рукав.

— Луч говорит спасибо тебе, который был Уиллом Диаборном, — криками он сорвал голос и теперь едва слышно хрипел. — Луч говорит, что все будет хорошо. Он станет, как новенький. Лучше.

— Это здорово, — ответил Роланд, и Джейк не мог с ним не согласиться. Но особой радости не испытывал, теперь радоваться было нечему. Перед глазами Джейка стояла дыра, которую открыли нежные пальцы Бротигэна. Дыра, заполненная красным желе.

Роланд обнял Шими за плечи, прижал к себе, поцеловал. Шими улыбнулся, ошарашенный.

— Я пойду с тобой, Роланд. Ты возьмешь меня?

— Не в этот раз.

— Почему ты плачешь? — спросил Шими. Джейк увидел, как счастье уходит с его лица, уступая место тревоге. Тем временем Разрушители возвращались на Главную улицу, собирались маленькими группами. Во

взглядах, которые они бросали на стрелков, Джейк видел испуг... любопытство... а в некоторых случаях открытую неприязнь. Почти что ненависть. Не просматривалось только благодарности, ни грана благодарности, и за это он их ненавидел.

— Мой друг ранен, — ответил Роланд. — Я грущу по нему, Шими. И по его жене, которая тоже моя подруга. Ты пойдешь к Теду и сэю Динки и попытаешься успокоить ее, если она скажет, что ей это нужно?

— Если ты хочешь, да! Для тебя я готов на все!

— Спасибо тебе, сын Стенли. И помоги, если они будут переносить моего друга в другое место.

— Твоего друга Эдди! Того, что лежит раненый!

— Да, его зовут Эдди, ты говоришь правильно. Ты поможешь Эдди?

— Ага!

— И вот что еще...

— Что? — спросил Шими, а потом вроде бы что-то вспомнил. — Да! Ты хочешь, чтобы я помог тебе отправиться далеко-далеко, тебе и твоим друзьям! Тед говорил мне. «Сделай дыру, — сказал он мне, — такую же, какую сделал для меня». Только они привели его обратно. Эти плохие парни. Тебя они обратно не приведут, потому что плохих парней больше нет. Лучу ничего не угрожает! — Шими рассмеялся, и смех этот как ножом резанул по скорбящему уху Джейка.

По уху Роланда, скорее всего, тоже, потому что улыбка его вышла натянутой.

— В свое время, Шими... хотя я думаю, что Сюзанна может остаться здесь и дожждаться нашего возвращения.

«Если мы вернемся», — подумал Джейк.

— Но у меня есть для тебя еще одна работенка, если ты сможешь это сделать. Не помогать кому-то отправиться в другой мир, но что-то в этом роде. Я уже сказал об этом Теду и Динки, а они скажут тебе, как только Эдди устроят поудобнее. Ты их выслушаешь?

— Да! И помогу, если сумею! Роланд хлопнул его по плечу.

— Хорошо! — а потом Джейк и стрелок пошли в направлении, которое могло считаться севером, чтобы покончить с начатым.

За три последующие часа они обнаружили четырнадцать охранников, главным образом, челов. Роланд удивил Джейка (немного, но удивил), убив

только двоих, тех, что принялись стрелять по ним, укрывшись за пожарной машиной, колесо которой провалилось в нишу над лестницей, ведущей в подвал. Остальных он обезоружил и помиловал, сказав каждому, что любой охранник Девар-тои, оставшийся на территории поселения после того, как прозвучит горн вечерней пересменки, будет убит на месте.

— Но куда же мы пойдём? — спросил тахин с белоснежной головой петуха и ярко-красным гребнем (Джейк подумал, что он похож на Фогхорна Легхорна^[77], мультяшного персонажа).

Роланд покачал головой.

— Мне это без разницы, при условии, что вас не будет здесь, когда в следующий раз протрубит горн, понимаешь? Вы занимались той работой, что делают в аду, но теперь ад закрыт, и я приму все меры к тому, чтобы эти конкретные двери больше не открылись никогда.

— О чем ты? — спросил тахин-петух, чуть ли не застенчиво, но Роланд ничего объяснять не стал, только сказал тахину, чтобы тот передал его слова остальным охранникам.

Большинство оставшихся тахинов и кан-тои покинули Алгул Съенто по двое и по трое, не споря, и каждые несколько минут нервно оглядываясь. Джейк полагал, что у них были основания бояться, потому что лицо его дина, погруженного в свои мысли, почернело от горя. Эдди Дин лежал на смертном одре, и Роланд из Гилеада не потерпел бы возражений.

— Что ты собираешься сделать с этим местом? — спросил Джейк после того, как протрубил послеполуденный горн. Они проходили мимо обгоревшего остова Димли-Хауз (вокруг него роботы-пожарные через каждые двадцать футов поставили таблички с надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ПОЖАРНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ»), направляясь к Эдди.

Роланд покачал головой, не отвечая на вопрос.

На Молле Джейк заметил шесть Разрушителей, стоявших кружком, взявшись за руки. Они напоминали участников спиритического сеанса. Он узнал Шими, Теда, Дани Ростову. Компанию им составляли молодая женщина, еще одна, постарше и полный, похожий на банкира, мужчина. И чуть дальше, в ряд, с ногами, торчащими из-под одеял, лежали почти пятьдесят охранников, убитых во время утреннего боя.

— Ты знаешь, что они делают? — спросил Джейк, говоря про Разрушителей. Остальные-то были мертвыми и ничего больше делать не могли.

Роланд бросил короткий взгляд на стоящих кружком разрушителей.

— Да.
— Что?

— Не сейчас, — ответил Роланд. — Сейчас мы должны отдать последний долг Эдди. И для этого нам нужно быть максимально спокойными, то есть освободить свой разум от всех забот и тревог.

4

И теперь, сидя с Ёшем около пустующей таверны «Клевер» с ее светящимися неонами марками пива и молчащим музыкальным автоматом, Джейк в полной мере понимал правоту Роланда. Он был очень признателен стрелку, когда тот, сорок пять минут спустя, увидев рвущую душу печаль Джейка, отпустил его из комнаты, где медленно умирал Эдди, по каплям, в отчаянной борьбе, отдавая свою жизнь.

На носилках, которые раздобыл Тед Бротигэн, молодого стрелка перенесли в Корбетт-Холл, где и положили в просторной спальне апартаментов проктора^[78] на первом этаже. Носильщики остались во дворе общежития и по мере того, как день клонился к вечеру, к ним присоединились остальные Разрушители. Когда появились Роланд и Джейк, пухлая рыжеволосая женщина заступила стрелку дорогу.

«Леди, я бы этого не делал, — подумал Джейк. — Во всяком случае, сегодня».

Несмотря на суету, в которой прошел этот день, женщина, которая напомнила Джейку пожизненного председателя садоводческого клуба матери, нашла время, чтобы сильно накраситься: пудра, румяна, помада, такая же ярко-красная, как борта пожарных машин Девар-той. Она представилась, как Грейс Рамблоу (из Олдершота, графство Гэмпшир, Англия) и пожелала узнать, что их ждет: куда они пойдут, что будут делать, кто о них позаботится. Те же вопросы задавал и тахин-петух, пусть и другими словами.

— Потому что о нас заботились, — подчеркнула Грейс Рамблоу, с нажимом на последнее слово, — и у нас нет возможности, во всяком случае, на какое-то время, заботиться о себе самим.

В толпе Разрушителей раздались крики одобрения. Роланд смерил женщину взглядом, и ее негодование сразу куда-то подевалось.

— Уйди с дороги, — процедил стрелок, — а не то я тебя оттолкну.

Она побледнела под толстым слоем пудры и подчинилась, более не произнеся ни слова. Ропот неодобрения поднялся, лишь когда Роланд и

Джейк вошли в Корбетт-Холл и скрылись из виду: Разрушители более могли не бояться, что тяжелый взгляд синих глаз стрелка остановится на ком-то из них. Чем-то они напомнили Джейку некоторых из учеников школы Пайпера, где он когда-то учился, кретинов, которые могли кричать: «Хер в жопу» или «А может дать тебе отсосать», но только когда учитель выходил из класса.

Коридор первого этажа Корбетт-Холла ярко освещался флуоресцентными лампами. Сильно пахло дымом, поскольку сгоревшие Дамли-Хауз и Феверел-Холл находились поблизости. Динки Эрншоу сидел на складном стуле справа от двери с табличкой «АПАРТАМЕНТЫ ПРОКТОРА», курил сигарету. Вскинув голову, посмотрел на приближающихся Роланда и Джейка. Ыш, как обычно, семенил рядом с Джейком.

— Как он? — спросил Роланд.

— Умирает, — ответил Динки и пожал плечами.

— А Сюзанна?

— Держится. Когда он уйдет... — Динки вновь пожал плечами, как бы говоря, что не знает, как тогда поведет себя Сюзанна, и ждать можно, чего угодно. Роланд тихонько постучал в дверь.

— Кто там? — послышался приглушенный голос Сюзанны.

— Роланд и Джейк, — ответил стрелок. — Ты наспустишь?

Джейк решил, что пауза между вопросом и ответом очень уж затянулась. Роланда, однако, пауза эта не удивила. Динки, кстати, тоже.

— Заходите, — наконец, ответила Сюзанна. Они вошли.

Сидя с Ышем в успокаивающей темноте, ожидая зова Роланда, Джейк вспоминал открывшееся его глазам в полутемной комнате. Это, и сорок пять минут, которые он провел там, прежде чем Роланд понял, в каком он состоянии, и разрешил ему уйти, сказав, что позовет, когда придет «время».

После того, как его «извлекли» в Срединный мир, Джейк часто видел смерть, непосредственно сталкивался с ней, даже испытал на себе, хотя вот это помнил смутно. Но сейчас умирал член ка-тета, и то, что происходило в спальне апартаментов проктора, казалось совершенно бессмысленным. И бесконечным. Джейк всем сердцем хотел остаться за дверью, рядом с Динки. Не хотел запомнить таким своего остроумного, иногда вспыльчивого друга.

Прежде всего, Эдди (Сюзанна держала его за руку), лежа на постели проктора, выглядел не просто хрупким, но старым и (Джейк ненавидел себя за такие мысли) глупым. А может, следовало сказать, что он вдруг превратился в старика-маразматика. В углах рот запал, образовав глубокие ямки. Сюзанна омыла ему лицо, но из-за щетины на щеках и подбородке оно все равно казалось грязным. Под глазами появились большие лиловые мешки, словно этот мерзавец Прентисс избил его, прежде чем застрелить. Под опущенными веками глаза непрерывно двигались, словно Эдди что-то снилось.

И он говорил. С его языка непрерывным потоком срывались слова. Какие-то фразы Джейку удавалось разобрать, другие — нет. В некоторых был хоть какой-то смысл, но большинство были полной галиматьей, ки'кам, как сказал бы его друг Бенни. Время от времени Сюзанна смачивала тряпку в тазике, что стоял на столе у кровати, выжимала ее и протирала лоб и пересохшие губы мужа. Однажды Роланд поднялся, взял тазик вылил из него воду в ванной, наполнил вновь, принес к кровати. Она поблагодарила его ровным, доброжелательным, лишенным всяких эмоций голосом. Чуть позже воду поменял Джейк, и она поблагодарила его теми же словами и тем же тоном. Словно и не знала, что рядом с ней сидят именно они.

«Мы идем туда ради нее, — сказал Роланд Джейку. — Потому что потом она вспомнит, кто был рядом, и будет нам благодарна».

Но будет ли? Джейк задумался над этим в темноте, окружавшей таверну «Клевер». Будет ли она благодарна? Именно из-за Роланда Эдди Дин лежал сейчас на смертном одре в свои двадцать пять или двадцать шесть лет, не так ли? Но, с другой стороны, если бы не Роланд, она никогда бы не встретила Эдди. Нет, все слишком сложно и запутано. Как идея о множественности миров, с Нью-Йорком в каждом из них, от которой у Джейка сразу начинала болеть голова.

На смертном одре Эдди спрашивал своего брата Генри, почему тот всегда забывает погасить свет, выходя из сортира.

Он спрашивал Джека Андолини, кто сделал его таким уродом.

Он кричал: «Посмотри, Роланд, это Джордж Большой Нос, он вернулся!»

И: «Сюзи, если ты расскажешь ему историю о Дороти и Железном Дровосеке, я расскажу все остальное».

И, отчего сердце Джейка холодело: «Я не стреляю рукой; тот, кто целится рукой, забыл лицо своего отца».

После этой фразы Роланд в полумраке (окна затянули портьерами) взял Эдди за руку и сжал ее: «Да, Эдди, ты говоришь правильно. Ты

откроешь глаза и увидишь мое лицо, дорогой?»

Но Эдди не открыл глаза. Вместо этого, и сердце Джейка похолодело еще сильнее, молодой мужчина, с бесполезной повязкой на голове, зашептал: «Все умолкает в чертогах мертвых. Вот комнаты руин, где паутину плетут пауки и светочи гаснут один за другим».

После этого какое-то время Эдди лишь что-то невнятно бормотал, Джейк, во всяком случае, не мог разобрать ни слова. Он сменил воду в тазике, а когда вернулся к кровати, Роланд, увидев его мертвенно-бледное лицо, сказал, что он может идти.

— Но...

— Иди, иди, сладенький, — поддержала стрелка Сюзанна. — Только будь осторожен. Кто-то из них мог остаться, чтобы отомстить.

— Но как я...

— Я тебя позову, — пообещал Роланд и прикоснулся к виску оставшимися пальцами правой руки. — Ты меня услышишь.

Джейку хотелось поцеловать Эдди перед уходом, но он побоялся. Не потому, что смерть могла передаваться, как простуда, он знал, что это не так, но боялся, что прикосновения его губ будет достаточно, чтобы отправить Эдди на пустошь в конце тропы.

И тогда Сюзанна могла обвинить его в смерти мужа.

В коридоре Динки спросил его, как Эдди.

— Очень плох, — ответил Джейк. — У тебя есть сигарета?

Динки изогнул бровь, но сигарету Джейку дал. Мальчик постучал ею по ногтю большого пальца, как делал стрелок с самокрутками, прикурил от зажигалки, предложенной Динки, глубоко затянулся. Дым по-прежнему жег горло, но не так сильно, как в первый раз. Голова только чуть закружилась, и он не закашлялся. «Скоро стану курильщиком, — подумал он. — Если удастся вернуться в Нью-Йорк, может смогу поступить на работу в телевещательную корпорацию, в отдел отца. Я уже наловчился устранять конкурентов».

Он поднял сигарету на уровень глаз, маленькую белую ракету с дымком, идущим из носовой, а не задней части. Прочитал слово «CAMEL», написанное у самого фильтра.

— Я говорил себе, что никогда не буду курить, — признался он Динки. — Никогда в жизни. И вот стою с сигаретой в руке, — он

рассмеялся. Горько и невесело, взрослым смехом, от которого по его телу пробежала дрожь.

— Прежде чем попасть сюда, я работал на одного парня, — ответил Динки. — Его звали мистер Шарптон. Так он говорил, что никогда — то самое слово, которое слушает Бог, если хочет посмеяться.

Джейк не ответил. Думал о том, как Эдди говорил о чертогах мертвых, о палатах, в руинах лежащих. Джейк проследовал за Миа в такую палату, когда-то давно и во сне. Теперь Миа мертва. И Каллагэн мертв. И Эдди умирает. Он подумал о телах, лежащих под одеялами, пока гром в отдалении перекачивал кости. Подумал о мужчине, который покотился влево после того, как его прикончила пуля Роланда. Попытался вспомнить праздничную вечеринку, которую устроили в их честь в Калья Брин Стерджис, с музыкой, танцами, цветными факелами, но на память пришла смерть Бенни Слайтмана, еще одного друга. В этот вечер в мире, похоже, не было ничего, кроме смерти.

Он сам умер и вернулся: вернулся к Срединный мир и к Роланду. Всю вторую половину дня он пытался убедить себя, что такое же может произойти и с Эдди, но каким-то образом знал, что не произойдет. Участие Джейка в этой истории еще продолжалось. Эдди — закончилось. Джейк мог бы отдать двадцать лет своей жизни... тридцать! — чтобы не верить в это, но верил. Должно быть, он все-таки обладал даром ясновидения.

«Комнаты руин, где паутину плетут пауки и светочи гаснут один за другим».

Джейк знал одного паука. Малой Миа наблюдал за сражением? Получал удовольствие? Может, даже кричал, подбадривая одну или другую команду, как гребаный болельщик «Янки» из сектора с самыми дешевыми местами?

«Он и сейчас наблюдает. Знаю, что наблюдает. Я его чувствую».

— Малыш, ты в порядке? — спросил Динки.

— Нет, — ответил Джейк, — не в порядке.

И Динки кивнул, словно получил вразумительный ответ. «Может, такой он и ожидал, — подумал Джейк. — Он же, в конце концов, телепат».

И словно в подтверждение его мыслей Динки спросил, кто такой Мордред.

— Тебе не захочется это узнать. Поверь мне, — он затушил наполовину выкуренную сигарету («Твой рак легких именно здесь, в последней четверти дюйма», — любил говорить его отец, указывая на одну из своих сигарет без фильтра, тем же тоном, что и диктор телевизионного магазина) и покинул Корбетт-Холл. Воспользовался черным ходом, чтобы

избежать встречи с толпой встревоженных, не знающих, как жить дальше, Разрушителей, и ему это удалось. И теперь находился в Плизантвиле, сидел на тротуаре, как один из бездомных, которых он видел в Нью-Йорке, ожидая, когда его позовут. Ожидая конца.

Он подумал о том, чтобы зайти в таверну, может, налить себе пива (если уж он был достаточно взрослым, чтобы курить и убивать людей из засады, то, понятное дело, мог позволить себе и выпить пива) или хотя бы посмотреть, будет ли играть музыкальный автомат без брошенных в него монет. Он мог поспорить, что Алгул Съенто был тем местом, каким, по твердому убеждению отца, должна была стать Америка, обществом, забывшим, что такое наличные деньги, так что старенький «Сибберг» наверняка отрегулировали таким образом, чтобы музыка включалась лишь от нажатия кнопок. И он мог поспорить, что взглянув на полоску с названием песни рядом с кнопкой 19, увидел бы «Кто-то сегодня спас мне жизнь» в исполнении Элтона Джона.

Он вскочил, как только его позвали. Не только он услышал зов. Ыш печально тьякнул. Роланд словно возник рядом с ними.

«Ко мне, Джейк, и поторопись. Он уходит».

7

Джейк поспешил в один из проулков, обогнул все еще дымящийся дом директора Девар-тои (Тасса, слуга, который проигнорировал приказ Роланда или не имел о нем ни малейшего понятия, молчаливо сидел на крыльце в килте^[79] и футболке, закрыв лицо руками) и побежал через Молл, бросив короткий взгляд на лежащие рядом тела. Участники спиритического сеанса, что стояли кружком на траве, давно разошлись.

«Я не буду плакать, — мрачно пообещал он себе. — Если я достаточно взрослый для того, чтобы курить и думать, а не налить ли себе пива, то смогу контролировать мои бестолковые глаза. Я не буду плакать».

Зная почти наверняка, что будет.

8

Шими и Тед присоединились к Динки у двери апартаментов проктора. Динки уступил стул Шими. Тед выглядел усталым, но Шими, решил Джейк, был просто никакой: глаза вновь налились кровью, кровь корочкой

запеклась под носом и одним ухом, щеки посерели. Он снял один из шлепанцев и массировал ногу, словно она у него болела. Однако, чувствовалось, что он счастлив. Вне себя от восторга.

— Луч говорит, что сможет оправиться, юный Джейк, — сообщил мальчику Шими. — Луч говорит, еще не поздно. Луч говорит, спасибо вам.

— Это хорошо, — Джейк потянулся к ручке. Он едва слышал Шими, сосредоточившись (не плачь и тем самым не усугубляй ее горе) на том, чтобы взять под контроль свои эмоции с того самого момента, как он переступит порог. Но потом Шими продолжил, и вот эти слова заставили Джейка забыть про возможные слезы.

— Еще не поздно и для Реального мира. Мы знаем. Мы заглянули туда. Видели движущийся знак. Не так ли, Тед?

— Действительно, заглянули, — Тед, как обычно, держал в руке банку с «Нозз-А-Ла». Теперь поднес ко рту, глотнул. — Когда будешь там, Джейк, скажи Роланду, если вас интересует 19 июня девяносто девятого года, то пока все нормально. Но временной запас невелик и постоянно тает.

— Я ему скажу, — пообещал Джейк.

— И напомни ему, что время здесь иногда соскальзывает. Как прокручивается старая коробка передач. И это будет продолжаться, несмотря на то, что Луч пойдет на поправку. А как только 19-ое уйдет...

— Больше оно не повторится, — закончил фразу Джейк. — Во всяком случае, там. Мы знаем, — он открыл дверь и проскользнул в темноту апартаментов проктора.

Единственный круг желтого света, на столике у кровати горела настольная лампа, падал на лицо Эдди Дина. Свет этот отбрасывал тень носа на левую щеку, а закрытые глаза превращал в темные глазницы. Сюзанна на коленях стояла у кровати, держала руки Эдди в своих, не отрывала от него глаз. Ее тень дотягивалась до стены и частично ложилась на нее. Долгий монолог-бормотание умирающего прекратился, регулярность дыхания осталась в прошлом. Теперь он делал долгий вдох, надолго задерживал воздух в груди, после чего он с хрипами и свистом выходил наружу. Грудь его застывала так надолго, что Сюзанна всматривалась в лицо Эдди, а ее глаза тревожно блестели, пока не следовал очередной вдох.

Джейк сел на кровать рядом с Роландом, посмотрел на Эдди, на

Сюзанну, потом перевел взгляд на лицо стрелка. В глубоком сумраке не увидел на нем ничего, кроме усталости.

— Тед просит передать, что на американской стороне скоро пойдет 19-ое июня. А также напоминает, что время может и соскользнуть.

Роланд кивнул.

— И однако, думаю, мы подождем, пока все закончится. Много времени это не займет, и это наш долг перед ним.

— Сколько еще это продлится? — прошептал Джейк.

— Не знаю. Я думал, он уйдет до того, как ты успеешь добраться сюда, даже бегом...

— Я и побежал, как только вышел на траву...

— ...но, как сам видишь...

— Он борется изо всех сил, — сказала Сюзанна, и у Джейка защемило сердце: ничем другим гордиться она уже не могла. — Мой муж борется изо всех сил. Может, он еще что-то скажет.

10

И он сказал. Через пять бесконечных минут, которые Джейк провел в спальне, глаза Эдди открылись.

— Сю... — начал он. — Сю... зи...

Она наклонилась ближе, по-прежнему держа его руки, улыбнулась его лицу, не видя ничего вокруг. И с усилием, Джейк не мог поверить, что такое возможно, Эдди освободил одну руку, поднял, ухватился за ее кудряшки. Если вес руки и тянул волосы вниз, вызывая боль, она не подала вида. На губах расцвела радостная, приглашающая, даже чувственная улыбка.

— Эдди! С возвращением!

— Не обманывай... обманщика, — прошептал он. — Я ухожу, любимая, не прихожу.

— Это же чистая глу...

— Замолчи, — прошептал он, и она замолчала. Рука, вцепившаяся в волосы, тянула ее вниз. Она с готовностью наклонилась, поцеловала его еще живые губы. — Я... буду... ждать тебя, — каждое слово давалось ему с огромным трудом.

Джейк увидел капли пота, выступившие на его коже, последнее послание умирающего тела миру живых, и только тут сердце мальчика наконец-то поняло то, что его голова знала уже не один час. Он заплакал. Эти слезы жгли и очищали. Когда Роланд взял его за руку, мальчик яростно

сжал пальцы стрелка. Он не только грустил, но и боялся. Случившееся с Эдди могло произойти с любым. Могло произойти с ним.

— Да, Эдди. Я знаю, что подождешь.

— На... — последовал очередной долгий вдох. Его глаза сверкали, как драгоценные камни. — На пустоши, — еще вдох. Рука не отпускала волосы. Свет лампы держал их обоих в мистическом желтом круге. — Той, что на конце тропы.

— Да, дорогой, — голос ее звучал спокойно, но слеза упала на щеку Эдди и медленно поползла вниз. — Я слышу тебя очень хорошо. Подожди меня, я тебя найду, и дальше мы пойдем вместе. Там я смогу ходить, на своих ногах.

Эдди ей улыбнулся, потом перевел взгляд на Джейка.

— Джейк... ко мне.

«Нет, — запаниковав, подумал Джейк, — нет, я не могу, не могу».

Но он уже наклонился к кровати, в запах смерти. Уже видел тоненькую полоску грязи, на лбу Эдди, у самых волос, которая превращалась в пасту по мере того, как на коже выступали все новые и новые крохотные капельки пота.

— Подожди меня тоже, — губы Джейка онемели. — Хорошо, Эдди? Дальше мы пойдем вместе. Снова станем ка-тетом, как и прежде, — он попытался улыбнуться, но не смог. Слишком сильно болело сердце, какие уж тут улыбки. Он даже задался вопросом, а не разорвется ли оно, как иногда разрываются камни, брошенные в сильный огонь. Об этом ему рассказал его друг, Бенни Слайтман. Смерть Бенни была ужасна, но эта — в тысячу раз хуже. В миллион.

Эдди покачал головой.

— Нет... слишком быстро, дружище, — он опять вдохнул, поморщился, словно воздух дурно пах. Вновь зашептал, не от слабости, как потом подумал Джейк, потому что сказанное предназначалось только для его ушей. — Остерегайся... Мордред. Остерегайся... Дандело.

— Данде...?

— Дандело, — глаза широко раскрылись. От огромных усилий. — Оберегай... своего... дина... от Мордред. От Дандело. Ты... Ыш. Ваша работа, — его взгляд на мгновение сместился к Роланду, вернулся к Джейку. — Ш-ш-ш, — а потом. — Оберегай...

— Я... буду. Буду.

Эдди чуть кивнул и посмотрел на Роланда. Джейк подался назад, а стрелок наклонился, чтобы услышать последнее напутствие Эдди.

Никогда, никогда раньше Роланд не видел таких ярких глаз, даже на Иерихонском холме, где Катберт, смеясь, прощался с ним.

Эдди улыбнулся.

— Мы... хорошо провели время.

Роланд кивнул.

— Ты... ты... — закончить Эдди не смог. Поднял руку, чуть заметно крутанул пальцами.

— Я танцевал, — кивнул Роланд. — Танцевал каммалу.

«Да», — беззвучно произнес Эдди, опять долго, с хрипами, вдохнул. В последний раз.

— Благодарю тебя за мой второй шанс. Спасибо тебе... отец.

На том жизнь Эдди оборвалась. Его глаза по-прежнему смотрели на них, смотрели осмысленно, но воздух более не вошел в легкие, на смену тому, что вышел с его последним словом: «Отец». Свет лампы превращал волосы на его голых руках в золото. Вдалеке погромыхивало. Потом глаза Эдди закрылись, голова привалилась щекой к подушке. Его работа закончилась. Он покинул тропу, ступил на пустошь. Они сидели вокруг него кружком, но более не ка-тет.

Тридцатью минутами позже Роланд, Джейк, Тед, Динки и Шими сидели на скамье в центре Молла. Дани Ростова и мужчина, выглядевший, как банкир, стояли неподалеку. Сюзанна осталась в спальне проктора, омывая тело мужа перед погребением. Они слышали ее голос. Она пела. Те самые песни, которые пел Эдди, пока они шли по тропе. Одна называлась «Рожденный бежать»^[80], другая — «Песня риса», из Калья Брин Стерджис.

— Мы должны отправляться в путь, и немедленно, говорил Роланд. Рукой он потирал и потирал бедро. Чуть раньше Джейк увидел, как стрелок достал бутылочку с таблетками аспирина (где он ее взял, знал, должно быть, только Господь Бог) и проглотил, не запивая, три таблетки. — Шими, ты можешь отправить нас?

Шими кивнул. Он дохромал до скамьи, опираясь на руку Динки, но до сих пор никто не удосужился взглянуть на его рану. Хромота казалась пустяком в сравнении с их остальными проблемами. И если бы Шими Руис

умер в ту ночь, все бы решили, что причина его смерти — создание двери между Тандерклемом и Америкой. Напряжение, вызванное еще одной телепортацией, могло оказаться для него фатальным... что в сравнении с этим рана на стопе?

— Я попробую, — ответил он. — Я попробую и буду стараться изо всех сил.

— Те, кто помогал нам заглянуть в Нью-Йорк, помогут и в этом, — вставил Тед.

Именно Тед придумал, как определить время на американской стороне в Ключевом мире. Он, Динки, Фред Уортингтон (мужчина с внешностью банкира) и Дани Ростова бывали в Нью-Йорке и могли представить себе Таймс-сквер: яркие огни, толпы людей, афиши кинофильмов... и, что самое важное, гигантскую бегущую строку, сообщающую последние новости. Пока дыра между мирами оставалась открытой, они узнали о том, что эксперты ООН обследуют предполагаемые места массовых захоронений в Косово, вице-президент Гор провел день в Нью-Йорке в рамках предвыборной кампании, а Роджер Клементс вывел из игры тринадцать «Техасских рейнджеров», но «Янки» все равно проиграли.

С помощью остальных Шими мог бы держать дыру открытой и дольше (остальные с изумлением смотрели на яркие огни Нью-Йорка, уже не разрушая, а открывая, наблюдая), но необходимости в этом не было. За бейсбольными новостями по строке побежали огромные, в этаж высокой желто-зеленые буквы и цифры, сложившиеся в дату и время: «18 ИЮНЯ 1999 Г. 9:19 ПОПОЛУДНИ».

Джейк уже открыл рот, чтобы спросить, откуда уверенность, что они попали в Ключевой мир, в котором Стивену Кингу осталось жить один день, но тут же закрыл его. Ответ — во времени, глупенький, такой же ответ, как и всегда: цифры, составляющие 9:19, в сумме равнялись девятнадцати.

— Как давно вы все это видели? — спросил Роланд. Динки прикинул.

— Как минимум, прошло часов пять. Если судить по тому, когда прозвучал горн и погасло солнце.

«Следовательно, на той стороне сейчас половина третьего утра, — подсчитал Джейк. Загибая по пальцу на каждый час. Думалось с трудом, мысли об Эдди затрудняли даже самый простой математический подсчет,

однако, он понял, что сможет заставить голову работать, если очень захочет. — Только нельзя полагаться на то, что там прошли те же пять часов, потому что на американской стороне время течет быстрее. Такое положение теперь может измениться, после того, как Разрушители перестали разрушать Луч, но, скорее всего, позже. А пока время там по-прежнему течет быстрее».

А ведь оно может и соскользнуть.

В эту минуту Стивен Кинг может сидеть за пишущей машинкой в своем кабинете утром 19 июня, здоровый и невредимый, а в следующую... бах! Вечером лежать в ближайшем похоронном бюро, потому что восемь или двенадцать часов пронеслись мгновенно, в окружении ближайших родственников, сидящих в своем круге света и пытающихся решить, какими должны быть похороны, исходя из того, что в завещании об этом ничего не сказано; может, даже стараясь решить, где его хоронить. А Темная Башня? Кинговская версия Темной Башни? Или версия Гана, или версия Прима? Все они будут потеряны навсегда. И что это за звуки вы слышите? Должно быть, Алый Король смеется, смеется, и смеется в глубинах Дискордии. А может, и Мордред, Паук-Мальчик, смеется вместе с ним.

Впервые после смерти Эдди что-то еще, помимо горя, вышло на передний план в голове Джейка. Что-то, напоминающее тиканье, которое слышалось из снитчей, когда Роланд и Эдди программировали их. До того, как снитчи перекочевали в корзинку Хайлиса, который и отправился с ними в Алгул Съенто. То был звук времени, и время не числилось среди их друзей.

— Он прав, — кивнул Джейк. — Мы должны отправиться туда, пока есть возможность хоть что-то сделать.

— А Сюзанна... — начал Тед.

— Нет, — оборвал его Роланд. — Сюзанна останется здесь, и вы поможете ей похоронить Эдди. Вы согласны?

— Да, — ответил Тед. — Разумеется, если вам так угодно.

— Если мы не вернемся... — Роланд что-то подсчитал в уме, закрыв один глаз, вторым уставившись в темноту. — Если мы не вернемся к этому времени через одну ночь, считайте, что мы вернулись в Крайний мир через Федик.

«Да, считайте, что мы уже в Федике, — подумал Джейк. — Естественно. Потому что, какой смысл выдвигать другую, более логичную версию, скажем, предполагать, что мы погибли или затерялись между мирами, в вечной черноте Прыжка, тодэшной тьме, как ни назови?»

— Вы знаете Федик? — спрашивал Роланд.

— К югу от Алгул Сьенто, не так ли? — ответил вопросом Уортингтон. Он уже подошел к скамье вместе с Дани, девочкой-подростком. — Хотя, где тут юг? Трампас и некоторые другие кан-тои говорили, что там обитают призраки.

— Призраков там хватает, это точно, — Роланд помрачнел. — Вы сможете посадить Сюзанну на поезд в том случае, если мы вернемся сюда? Я знаю, некоторые поезда еще должны ходить, они используются для перевозки...

— Зеленых плащей? — договорил за него Динки. — Или Волков, как вы о них думаете. Все поезда линии Д на ходу. Они — автоматы.

— Это моно? Они говорящие? — спросил он. Думал он о Блейне.

Динки и Тед с сомнением переглянулись, потом Динки повернулся к Джейку и пожал плечами.

— Откуда нам знать? Мне об этих поездах ничего не известно. Думаю, остальным Разрушителям тоже. Полагаю, некоторые из охранников что-то и знали. Или тот парень, — он указал на Тассу, который по-прежнему сидел на крыльце Шэпли-Хауз, закрыв лицо руками.

— В любом случае, мы скажем Сюзанне, что осторожность не помешает, — прошептал Роланд Джейку. Мальчик кивнул. Он полагал, что ничего другого они сделать не могут, но у него возник еще один вопрос. Он бы хотел задать этот вопрос Теду или Динки, но при условии, что Роланд не сможет его услышать. Ему не нравилось, что им придется оставить Сюзанну одну, все его существо противилось этой идеи, но он знал, что она не покинет Эдди, не похоронив его. Знал это и Роланд. Они могли заставить ее отправиться вместе с ними в Америку, связав и сунув в рот кляп, но кому такое пошло бы на пользу?

— Возможно, некоторые Разрушители захотят проехаться на поезде на юг вместе с Сюзанной, — заметил Тед.

Дани кивнула.

— Нас не очень-то здесь жалуют за то, что мы помогли вам. Больше всех, конечно, достается Теду и Динки, но полчаса тому назад в меня плюнули, когда я вернулась в свою комнату за этим, — она показала потрепанного, но, несомненно, горячо любимого плюшевого медвежонка. — Не думаю, что они на что-то решаться, пока вы здесь, но, после того, как вы уйдете... — она пожала плечами.

— Слушай, я тебя не понимаю, — воскликнул Джейк. — Они же свободны.

— Свободны делать что? — спросил Динки. — Подумай об этом. На

американской стороне большинство из них были изгоями. Пятым колесом в телеге. Здесь же к нам относились как к ОВП, мы получали все самое лучшее. А теперь это в прошлом. Если взглянуть на ситуацию с этих позиций, трудно, знаешь ли, понять, что так надо.

— Пожалуй, — согласился Джейк. И решил, что не хочет смотреть на ситуацию с позиции Разрушителей.

— Они потеряли и кое-что еще, — добавил Тед. — У Рэя Брэдбери есть роман «451 градус по Фаренгейту». «Жечь было наслаждением» — первая фраза романа. Так вот, разрушать тоже было наслаждением.

Динки кивал. Как и Уортингтон, и Дани Ростова. Даже Шими, и тот кивал.

Эдди лежал во все том же круге света, но теперь лицо его стало чистым, а простыня укрывала его только до пояса. Сюзанна одела его в чистую белую рубашку, которую сумела где-то найти (Джейк предполагал, что в стенном шкафу проктора), раздобыла и бритву, потому что от щетины на щеках и подбородке Эдди не осталось и следа. Джейк попытался представить себе, как она сидит и бреет лицо мужа, и поет при этом «каммала-кам-кам», но поначалу не смог. А потом, внезапно, образ этот возник перед ним, ясный и четкий, и Джейку пришлось собрать волю в кулак, чтобы не расплакаться.

Сюзанна спокойно выслушала все, что сказал ей Роланд, сидя на кровати, положив руки на колени, опустив глаза.

Стрелку она казалась застенчивой девой, которой предлагают выйти замуж.

Когда он закончил, она не произнесла ни слова.

— Ты все поняла, Сюзанна?

— Да, — ответила она, не поднимая головы. — Я похороню моего мужа, Тед и Динки помогут мне, если только смогут удержать своих друзей... — сарказм, прозвучавший в ее последнем слове порадовал Роланда, указывал на то, что она таки его слушала, — ...не дадут им забрать у меня его тело и повесить на суку старой яблони.

— А потом?

— Или вы сможете вернуться сюда и тогда мы вместе поедем в Федик, или Тед и Динки посадят меня на поезд и я доберусь туда сама.

Джейк не просто ненавидел холодную отстраненность ее голоса, она

его ужасала.

— Ты знаешь, почему мы должны вернуться на ту сторону, не так ли? — озабоченно спросил он. — Знаешь, не так ли?

— Чтобы спасти писателя, пока еще есть время, — она подняла одну из рук Эдди, и Джейк с изумлением отметил, какие чистые у него ногти. «Как она вычистила из-под них грязь?» — задался он вопросом. Или у проктора нашлось маленькое приспособление для чистки ногтей, вроде того, что отец носил в кармане на цепочке для ключей? — Шими говорит, что мы спасли Луч Медведя и Черепахи. Мы думаем, что спасли розу. Но у нас есть, как минимум, еще одна работенка. Спаси писателя. Ленивого писателя, вот тут она подняла голову, ее глаза сверкнули. Джейк вдруг подумал, может, и к лучшему, что Сюзанны не будет с ними, когда... если... они встретят сэя Стивена Кинга.

— Вам лучше его спасти, — вот тут и Роланд, и Джейк уловили в ее голосе интонации Детты. После того, что сегодня произошло, вам бы лучше его спасти. И на этот раз, Роланд, ты скажешь ему, что он должен продолжать писать. Не думая о том, что разверзнется ад, начнется потоп, у него обнаружат рак или гангрену члена. И путь не волнуется из-за Пулитцеровской премии. Ты должен сказать ему, что он должен дописать до конца свою гребаную историю.

— Я передам ему твои пожелания, — ответил Роланд. Сюзанна кивнула.

— Ты придешь к нам после того, как закончишь эту работу, — к концу предложения Роланд чуть возвысил голос, чуть ли не превратив его в вопрос. — А потом мы вместе закончим последнюю работу, не так ли?

— Да, — ответила она. — Не потому, что я хочу... запал был, да весь вышел... но потому что он этого от меня хотел, — нежно, очень нежно, она вернула руку Эдди на его грудь, ко второй руке. Затем нацелила палец на Роланда. Кончик заметно дрожал. — Только не начинай говорить, что мы — ка-тет, единство из множества. Потому что эти дни ушли. Не так ли?

— Да, — кивнул Роланд. — Но Башня по-прежнему стоит. И ждет.

— И к ней интерес у меня пропал, большой мальчик, вновь в голосе зазвучали интонации Детты. — По правде говоря.

Но Джейк понимал, что не говорит она правду. Не потеряла она желанья увидеть Темную Башню. В этом ничуть не уступала Роланду. Хотела увидеть ее даже больше, чем Джейк. Их тет, возможно, распался, но ка осталась. И Сюзанна это чувствовала, в той же степени, что и они.

Перед уходом они поцеловали ее (Бш облизал лицо).

— Будь осторожен, Джейк, — напутствовала его Сюзанна. — Возвращайся живым и невредимым, слышишь? Эдди сказал бы тебе тоже самое.

— Я знаю, — и Джейк снова поцеловал ее. Он улыбнулся, потому что услышал, как Эдди говорит ему: «Береги свой зад, он уже треснул», — и по той же причине вновь заплакал. Сюзанна какие-то мгновения еще прижимала его к себе, потом отпустила и опять повернулась к своему мужу, который, такой недвижимый и холодный, лежал на кровати проктора. Джейк понимал, что нет у нее сейчас времени на Джейка Чеймберза или переживания Джейка Чеймберза. У нее было свое, очень большое, горе.

Динки дожидался Джейка у двери апартаментов проктора. Роланд ушел с Тедом, они уже добрались до конца коридора, что-то увлеченно обсуждая. Джейк предположил, что идут они на Молл, где Шими (с помощью остальных) попытается отправить их на американскую сторону. И тут он вспомнил о своем вопросе.

— Поезда линии Д ходят на юг. Или туда, где вроде бы юг, не так ли?

— Более-менее, партнер. — Некоторые имеют названия, вроде «Восхитительный дождь» или «Душа Снежной страны», но все имеют индекс, из букв и цифр.

— Д — сокращение от Дандело? — спросил Джейк. Динки остановился, в недоумении посмотрел на Джейка.

— Дандело? Это еще кто или что?

Джейк покачал головой. Он даже не хотел говорить Динки, где слышал это слово.

— Ну, я не знаю, во всяком случае, наверняка, заговорил Динки, когда они зашагали дальше. — Я всегда думал, что Д — это сокращение от Дискордии. Потому что именно там находится конечная станция всех поездов, ты знаешь где... в глубине бесплоднейших из Бесплодных земель.

Джейк кивнул. Д — сокращение от Дискордии. Вроде бы логично. В каком-то смысле.

— Ты не ответил на мой вопрос? Дандело, это что?

— Слово, которое я увидел на стене на станции «Тандерклеп». Возможно, оно ничего и не означает.

За дверью Корбетт-Холл толпились Разрушители. Мрачные и испуганные. «Д — сокращение от Дандело, — подумал Джейк. — Д — сокращение от Дискордии, Д — сокращение от доведенный до отчаяния».

Роланд стоял перед ними, сложив руки на груди.

— Кто говорит за вас? — спросил он. — Если есть тот, кто говорит, пусть выйдет вперед, потому что наше время здесь подходит к концу.

Седовласый господин, внешностью тоже напоминающий банкира, выступил вперед. В серых брюках от костюма, белой рубашке с расстегнутой верхней пуговичкой, в серой жилетке, также расстегнутой. Жилетка висела мешком. У мужчины явно тряслись поджилки.

— Вы отняли у нас нашу жизнь, — говорил он с мрачной удовлетворенностью, словно всегда знал, что все к этому и придет (или к чему-то подобному). — Ту жизнь, которую мы знали. Что вы дадите нам взамен, мистер Гилеад?

По толпе пробежал одобрителный гул. Джейк Чеймберз услышал его и внезапно понял, что зол, как никогда в жизни. Рука мальчика, сама по себе, скользнула к рукоятке пистолета-пулемета «Койот», погладила ее, нашла успокоение в ее прохладе. На какие-то мгновения он даже забыл о горе. И Роланд это понял, потому что, не оглядываясь, накрыл руку Джейка своей. И не отпуская, пока Джейк не убрал ее с рукоятки «Койота».

— Раз уж вы спрашиваете, я скажу, что я вам дам, ответил Роланд. — Я хотел сжечь дотла это место, где вас кормили мозгами беспомощных детей, чтобы вы могли уничтожить вселенную. Я собирался использовать некие летающие шары, которые попали мне в руки, чтобы взорвать все то, что останется несгоревшим. Я собирался показать вам путь к реке Уайе и городкам на другом берегу, в которых живут люди, и отправить вас туда с проклятьем, которому меня научил отец: живите долго, но не в добром здравии.

Разрушители недовольно зароптали, но никто не решился встретиться с Роландом взглядом. Мужчина, который вызвался говорить за всех (даже охваченный яростью, Джейк отдал должное его мужеству) покачивался из стороны в сторону, словно в любой момент мог лишиться чувств.

— Городки по-прежнему находятся в том направлении, — Роланд

указал, где. — Если вы пойдете туда, некоторые... даже многие... могут умереть в пути, потому что там живут дикие звери, которые голодны, а вода, скорее всего, отравлена. Я уверен, что жители городков узнают, кто вы и чем занимались, даже если вы попытаетесь солгать, потому что среди них есть Мэнни, а от Мэнни ничего не скроется. Однако, вас скорее простят, чем убьют. Вы просто не способны понять, сколь многое они могут простить. Если на то пошло, я тоже этого не понимаю.

— А потом они дали бы вам работу, и остаток вашей жизни вы провели бы не в комфорте, к которому привыкли, а в грязи и поту, но я все-таки советую вам пойти туда, чтобы хоть как-то искупить вину за содеянное вами.

— Мы не знали, что делали, ты, человек-смерть! — яростно выкрикнула из толпы какая-то женщина.

— ВЫ ЗНАЛИ! — ответил ей Джейк, закричал так громко, что перед глазами вспыхнули искры, и вновь Роланд накрыл его руку своей, чтобы не дать вытащить оружие. Неужто он действительно смог бы расстрелять толпу из «Койота», вновь призвав смерть в это ужасное место? Он не знал. Зато знал другое: руки стрелка иной раз выходят из-под его контроля, если в них оказывается оружие. — Не смейте говорить, что вы не знали! Вы знали!

— Я больше не буду этого касаться, надеюсь, вас это устроит, — продолжил Роланд. — Мои друзья и я, те, кто остался в живых, хотя я уверен, что тот, кто умер, согласился бы со мной, поэтому я и разговариваю сейчас с вами, оставим это место, каким оно есть. Еды и питья здесь хватит до конца ваших жизней, я в этом уверен, роботы будут готовить вам, стирать одежду, даже подтирать задницу, если вы решите, что вам это нужно. Если вы предпочитаете чистилище искуплению грехов, тогда оставайтесь здесь. Но на вашем месте я пошел бы к людям на другом берегу Уайе. Идите по железной дороге, что выходит из тени. Расскажите им, что вы делали, прежде чем они сами скажут вам, встаньте на колени, обнажив головы, и молитесь о прощении.

— Никогда! — закричал кто-то, но Джейк отметил в некоторых лицах неуверенность.

— Дело ваше. Я сказал свое последнее слово, и тот, кто вновь заговорит со мной, скорее всего, замолкнет навеки, ибо моя подруга готовит к погребению своего мужа, моего друга, и меня переполняют скорбь и ярость. Кто-нибудь хочет что-то сказать? Кто-нибудь посмеет испытать мою ярость? Если так, то давайте, — он вытащил из кобуры револьвер, упер ствол в ложбинку над ключицей. Джейк встал с ним бок о

бок, выхватил «Койот».

В полной тишине мужчина, который говорил от имени всех, повернулся к Роланду спиной.

— Не стреляйте в нас, мистер, вы сделали достаточно, — жалобно выкрикнули из толпы.

Роланд не ответил, и толпа начала редеть. Некоторые побежали, остальные бросились вслед. Они убегали в молчании, разве что некоторые плакали, и скоро темнота поглотила Разрушителей.

— Вау, — в тихом голосе Динки слышалось уважение.

— Роланд, содеянное ими — не совсем их вина, заговорил Тед. — Я думал, что мне удалось это объяснить, но, должно быть, получилось не очень.

Роланд сунул револьвер в кобуру.

— Наоборот, очень даже получилось, — ответил он. — Потому-то они и живы.

Теперь на той части Молла, что примыкала в Дамли-Хауз, они остались одни, и Шими, хромая, приблизился к Роланду. С широко раскрытыми, серьезными глазами.

— Ты покажешь мне, куда хочешь попасть, дорогой? — спросил он. — Сможешь показать мне это место?

Место. Роланд думал исключительно о когда, и совсем упустил из виду где. А воспоминания о дороге, по которой они ехали, были очень отрывочными. Автомобиль Джона Каллема вел Эдди, а Роланда занимали мысли о том, что им нужно сказать Джону, чтобы он им помог.

— Тед показывал тебе место, куда ты его отправил? — спросил он Шими.

— Да, показывал. Только не знал, что показывает. Это была детская картинка... Не знаю, как сказать... глупая голова! Набита паутиной! — Шими сжал пальцы в кулак и стукнул себя по лбу.

Роланд перехватил его руку до того, как он нанес второй удар, и разжал ему пальцы. На удивление нежно и осторожно.

— Нет, Шими. Думаю, я понимаю. Ты нашел мысль... воспоминание, о месте, где он был мальчиком.

Тед подошел к ним.

— Разумеется, так оно и было, — воскликнул он. — Не знаю, почему я не понял этого раньше. Наверное, слишком просто. Я же вырос в Милфорде, а место, где я появился в 1960 году, находилось буквально в шаге оттуда. Должно быть, Шими нашел воспоминание о поездке к моим дяде Джиму и тете Молли, которые жили в Бриджпорте. Что-то из моего

подсознания, — он покачал головой. — Я знал, что место, где я появился на американской стороне, выглядело знакомым, но ведь прошло столько лет. Когда я был мальчиком, Меррит-паркуэй еще не построили.

— Сможешь ты показать мне такую картинку? — с надеждой спросил Шими Роланда.

Роланд вновь подумал о шоссе 7 в Лоувелле, где они остановились на обочине, месте, где он заставил Чевина из Чайвена выйти из леса, но полной уверенности у него не было. Не было там ни одного ориентира, который сделал бы это место непохожим на любое другое. Во всяком случае, он такого ориентира не помнил.

И тут в голове сверкнула идея. Связанная с Эдди.

— Шими!

— Да, Роланд из Гилеада, который был Уиллом Диаборном.

Роланд поднял руки, сжал ими виски Шими.

— Закрой глаза, Шими, сын Стенли.

Шими подчинился, потом своими руками сжал виски Роланда. Стрелок закрыл глаза.

— Смотри на то, что вижу я, Шими, — сказал он. — Смотри, куда мы пойдем. Смотри очень хорошо.

И Шими посмотрел.

Пока они стояли, Роланд показывал, а Шими смотрел, Дани Ростова тихонько позвала Джейка.

Как только он подошел к ней, она замялась, словно не зная, что ей нужно сделать или сказать. Он уже собрался спросить ее, но прежде чем успел, она остановила его вопрос поцелуем. Губы у нее были удивительно мягкими.

— Удачи вам, — сказала она, а когда увидела изумление в его глазах и поняла могущество того, что сделала, застенчивости у нее поубавилось. Руками она обхватила его за шею (по-прежнему держа в одной плюшевого медвежонка, Джейк почувствовал, как он ткнулся ему в спину) и поцеловала снова. Он почувствовал ее маленькие, твердые грудки, и ощущение это осталось с ним до конца его жизни. Более того, до конца жизни он помнил и Дани.

— И удачи мне, — она отошла к Бротигэну, опустив глаза, залившись краской, до того, как он успел вымолвить хоть слово. Пожалуй, и не смог

бы, даже если бы от этого зависела его жизнь. У него намертво перехватило горло.

Тед посмотрел на него и улыбнулся.

— Ты будешь судить обо всех остальных по первому, — сказал он. — Поверь мне. Уж я-то знаю.

Джейк по-прежнему молчал. Словно Дани ударила его по голове, а не поцеловала в губы. До того его поразило случившееся.

Четверть часа спустя четверо мужчин, одна девочка, один ушастик-путаник и один изумленный, потрясенный (и очень уставший) мальчик стояли на Молле. Травяной прямоугольник принадлежал только им, остальные Разрушители давно уже разошлись. Джейк видел освещенное окно на первом этаже Корбетт-Холл, где Сюзанна готовила мужа к похоронам. Погромыхивал гром. Тед произнес те же слова, что и в стенном шкафу на станции «Тандерклеп», где висел красный блейзер с бляхой «НАЧАЛЬНИК ТРАНСПОРТНОЙ КОНТОРЫ» на нагрудном кармане: «Беремся за руки. Сосредотачиваемся».

Джейк потянулся к руке Дани Ростовой, но Динки покачал головой, чуть улыбаясь.

— Может, тебе еще удастся подержаться с ней за руку, герой, но сегодня твое место в круге. Как и твоего дина.

— Вы тоже возьмитесь за руки, — добавил Шими. Ту спокойную уверенность, что появилась в его голосе, Джейк раньше не слышал. — Это поможет. Джейк затолкал Ыша за пазуху.

— Роланд, ты смог показать Шими...

— Смотри, — Роланд взял его за руки. Остальные уже образовали вокруг них тесный кружок. — Смотри. Думаю, ты увидишь.

Яркая щель разорвала темноту, скрыв от Джейка Шими и Теда. На мгновение задрожала, потемнела, Джейк уже решил, что щель сейчас исчезнет, но яркость вернулась к ней и она начала расширяться. Он услышал, едва-едва (словно находился под водой) звук грузовика, проехавшего в другом мире. И увидел здание с небольшой асфальтовой площадкой перед ним. На площадке стояли три легковушки и пикап.

«День! — подумал он в испуге. Потому что, раз время никогда не текло вспять в Ключевом мире, получалось, что оно соскользнуло, прыгнуло вперед. И, если он видел перед собой Ключевой мир, там ночь с

пятницы на субботу уже уступила место дню, 19 июня, одна тысяча девятьсот...

— Быстро! — прокричал Тед с другой стороны этой яркой дыры в реальности. — Если вы идете, пора! Он сейчас лишится чувств. Если вы идете...

Роланд рванул Джейка за собой. Его заплечный мешок подпрыгнул на спине.

«Подожди! — хотел крикнуть Джейк. — Подожди, я забыл свои вещи!»

Но опоздал. Возникло ощущение, что большие руки сжали ему грудь, он почувствовал, как весь воздух вышел из легких. Успел подумать: «Изменение давления». Потом ему показалось, что он падает вверх, а в следующее мгновение уже стоял, пошатываясь, на асфальте автостоянки, с привязанной к каблукам тенью, щурясь и гримасничая, а где-то в глубинах сознания задаваясь вопросом, а как давно он не видел естественного дневного света. Наверное, с того самого момента, как вошел в Пещеру двери, чтобы отправиться на поиски Сюзанны.

Из далекого далека донесся крик: «Удачи», — он подумал, что кричала девочка, которая поцеловала его, а потом смолк и он. Тандерклеп, Девартой и темнота исчезли вместе с ним. Они находились на американской стороне, на автостоянке, в том самом месте, куда перенесли их память Роланда и мощь Шими, усиленная четырьмя Разрушителями. Это был универсальный магазин в Ист-Стоунэме, где на Эдди и Роланда напали люди Джека Андолини. Только, если не произошло какой-то ужасной ошибки, нападение это произошло двадцатью годами раньше. А Роланд и Джейк попали на автостоянку перед магазином 19 июня 1999 года, и если верить часам в витрине (по циферблату тянулась надпись: «ВСЕГДА ЕСТЬ ВРЕМЯ ДЛЯ ХОРОШЕГО МЯСА») до четырех пополудни осталось девятнадцать минут.

Отпущенное им время практически истекло.

**Часть 3. В ЭТОМ ЗЕЛЕНО-ЗОЛОТОМ
МАРЕВЕ. ВЕС'-КА ГАН**

Глава 1. Миссис Тассенбаум едет на юг

1

Мысль о том, что руки у него стали невероятно быстрыми, как-то не приходила в голову Джейку Чеймберзу. И, возвращаясь в Америку из Девар-тои, он знал только одно: его рубашка, выпирающая вперед под весом Ыша, вылезает из джинсов. Ушастик-путаник, которому никогда не везло в путешествиях между мирами (в последний раз он чуть не угодил под колеса такси) вывалился из-под рубашки. Практически никто не смог бы предотвратить его падение (которое, скорее всего, не причинило бы Ышу никакого вреда), но Джейк отличался от огромного большинства. Вот и ка просто не смогла обойтись без него, даже нашла способ обмануть смерть, чтобы опять привести его к Роланду. Вот и теперь руки Джейка развили такую скорость, что на мгновение просто исчезли из виду. А появившись вновь, уже держали Ыша за короткую шерсть на спине, неподалеку от хвоста. Джейк осторожно опустил своего друга на асфальт. Ыш посмотрел на него и коротко гавкнул. Вроде бы озвучил не одну мысль, а две: «Благодарю» и «Никогда больше так не делай».

— Пошли, — бросил Роланд. — Нам нужно спешить. Джейк последовал за стрелком, который направился к магазину. Ыш, как всегда, семенил у левой ноги мальчика. На двери, закрепленная резиновой присоской, висела бумажка: «МЫ ОТКРЫТЫ, ТАК ЧТО ЗАХОДИТЕ В ГОСТИ», точно так же, как и в 1977 году. В левой от двери витрине Джейк прочитал:

ПРИХОДИТЕ КАЖДЫЙ ПРИХОДИТЕ ВСЕ
НА ФАСОЛЕВЫЙ УЖИН В 1-ОЙ КОНГРЕГАЦИОННОЙ ЦЕРКВИ
В СУББОТУ 19 ИЮНЯ 1999 ГОДА НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ШОССЕ 7 И
КЛАТТ-РОУД

ДОМ ПАСТОРА (во дворе) 17:00–19:30

В 1-ОЙ КОНГО «МЫ ВСЕГДА РАДЫ ВИДЕТЬ ТЕБЯ, СОСЕД!»

Джейк подумал: «Фасолевый ужин начинается примерно через час. Они уже стелят скатерти и расставляют тарелки».

Справа от двери висело еще более удивительное послание обществу:

1-ая Лоувелл—Ист-стоунэмская церковь Приходящих

Ты присоединишься к нам в молитве?

Воскресная служба: 10 утра Четверговая служба: 7 вечера

КАЖДУЮ СРЕДУ — МОЛОДЕЖНЫЙ ВЕЧЕР

17:00–19:00 Игры! Музыка! Чтение Библии!

НОВОСТИ О ПРИХОДЯЩИХ!

Эй, молодежь!

БУДЬТЕ С НАМИ или МНОГОЕ ПОТЕРЯЕТЕ! Мы ищем дверь на Небеса. Составите нам компанию?»

Джейк сразу подумал о Харригане, бродячем проповеднике с угла Второй авеню и Сорок шестой улицы, и задался вопросом, в какую из этих двух церквей он мог бы пойти. Разум звал его в 1-ую Конго, но сердце...

— Поторопись, Джейк, — повторил Роланд. Когда стрелок открыл дверь, послышалось мелодичное звяканье. В нос ударили приятные запахи, напомнившие Джейку (как раньше они напомнили Эдди) магазин Тука в Калье Брин Стерджис: кофе и мятных леденцов, табака и салями, оливкового масла, рассола, сахара, пряностей, разной вкуснятины.

Следом за Роландом он вошел в магазин, отдавая себе отчет, как минимум, о двух вещах, которые прибыли с ним из другого мира: пистолете-пулемете «Койот», заткнутом за пояс, и плетеной сумке на левом плече, в которой все еще глухо позвякивали с полдюжину орис. Достать любую для него не составляло труда.

Уэнделл «Чип» Макэвой стоял за прилавком с деликатесами, взвешивал нарезанную ломтиками, выдержанную в меде индейку для миссис Тассенбаум, и пока над дверью не звякнул звонок, еще раз перевернувший жизнь Чипа («Ты перевернулся вверх дном», — так говорили старожилы, если твоя машина оказывалась в кювете), они обсуждали все возрастающее число водяных мотоциклов на Кейвадин-Понд... вернее, обсуждала миссис Тассенбаум.

Чип полагал миссис Т. своей более-менее типичной летней покупательницей: богатой, как Крез (по крайней мере, таким богачом был ее муж, владелец одной из новых компьютерных компаний), говорливой, как попугай, глотнувший виски, и безумной, как Говард Хьюз^[81], подсевший на морфий. Она могла бы купить себе яхту (и дюжину водных мотоциклов, чтобы тащить ее на буксире, возникни у нее такое желание), но приплывала на рынок в этом конце озера на старой весельной лодке,

привязывала ее там, где привязывал свою Джон Каллем до Того Дня (по мере того, как уходящие годы облагораживали его историю, доводили до блеска, как мебель из тика, Чип все выше и выше поднимал ее статус, во всяком случае, в голосе, произнося слова «Тот День» с той же благоговейной интонацией, с какой преподобный Конвей произносил слово Бог). Мадам Тассенбаум была болтливой, сующей нос в чужие дела, симпатичной (в каком-то смысле... полагал он... если вас не мутит от избытка косметики и лака для волос), набитой «зеленью» и республиканкой. В сложившихся обстоятельствах Чип Макэвой не видел ничего зазорного в том, чтобы придавить большим пальцем уголок чашки весов... этому трюку он научился от отца, который говорил, что ты просто обязан обвешивать приезжих, если те могли себе это позволить, но не в праве обвешивать местных, даже если они богатые, как этот писатель, Кинг, из Лоувелла. Почему? Да потому что новости распространяются быстро, и очень скоро в магазин будут заходить только приезжие, а попробуй найти их в феврале, когда сугробы вдоль обочин шоссе 7 поднимаются на добрые девять футов. Но февраль, однако, еще не наступил, и миссис Тассенбаум, несомненно, дочь Абрама, если он хоть раз видел одну, родилась и жила не в этих краях. Нет, миссис Тассенбаум и ее богатый-как-Крез компьютерный муженек вернутся в Жид-Йорк, как только увидят первый упавший на землю пожелтевший осенний лист. Вот почему он не испытывал ни малейших угрызений совести, легким нажатием большого пальца доведя стоимость покупаемой миссис Тассенбаум индейки с шести долларов до семи и восьмидесяти центов. Он продолжал во всем соглашаться с ней и после того, как она сменила тему, начала говорить о том, какой ужасный человек этот Билли Клинтон, хотя на самом-то деле Чип дважды голосовал за Баббу и проголосовал бы еще раз, если б Конституция разрешила ему баллотироваться на третий срок. Бабба был умен, умел добиться от газетчиков, чего хотел, и, право слово, поимел больше кисок, чем туалетное сидение.

— А теперь Гор думает, что сможет... въехать в Белый Дом на его плечах! — миссис Тассенбаум рылась в сумке в поисках чековой книжки (индейка за это время чудесным образом потяжелела еще на пару унций). — Заявляет, что он изобрел Ха! Да кто в это поверит? Если уж на то пошло, я действительно знаю человека, который изобрел — она вскинула голову (большой палец Чипа давно уже отлепился от чашки весов, он интуитивно чувствовал опасность, понятное дело, чувствовал) и улыбнулась Чипу накрашенными губами. Понижила голос до конфиденциального шепота. — Я должна знать, потому что сплю с ним в

одной постели почти что двадцать лет.

Чип весело рассеялся, снял нарезанную индейку с чашки весов, положил на лист белой бумаги. Его радовало, что они больше не говорят о водяных мотоциклах, поскольку он заказал себе один в «Викинг моторс», компании из Оксфорда.

— Я знаю, чего вы смеетесь. Этот Гор, очень уж он склизкий! — миссис Тассенбаум так энергично кивала, что Чип решил добавить к общей сумме еще центов двадцать. Хуже-то не будет. — Его волосы, например. Как можно доверять человеку, который выливает так много геля на свои волосы...

Именно в этот момент над дверью звукнул звонок. Чип посмотрел. Увидел. И замер. Чертовски много воды утекло под мостом с Того Дня, но Уэнделл «Чип» Макэвой узнал мужчину, причинившего столько бед, как только тот переступил порог. Есть лица, которые никогда не забываются. И разве он не чувствовал, в самых потаенных глубинах сердца, что мужчина с этими ужасными синими глазами еще не закончил здесь свои дела и обязательно вернется?

Вернется за ним?

Мысль эта вывела его из ступора. Чип повернулся и побежал. Но успел сделать разве что три шага вдоль прилавка, когда прогремел выстрел, грохотнул, как раскат грома (магазин, надо отметить, прибавил как в размерах, так и в убранстве в сравнении с 1977 годом, слава Богу, отец всегда настаивал на страховке), и миссис Тассенбаум пронзительно закричала. Три или четыре покупателя, сонно бродившие по проходам между стеллажами, в изумлении повернулись на крик, а кто-то грохнулся в обморок. Чипу хватило времени, что отметить, что это Рода Бимер, старшая дочь одной из двоих женщин, которые погибли в Тот День. Тут ему показалось, что время свернулось, и это Рут лежит в проходе с банкой консервированной кукурузы, выкатывающейся из ее разжавшихся пальцев. Он услышал, как пуля прожужжала над его головой, будто сердитая пчела, и остановился, как вкопанный, вскинув руки.

— Не стреляйте, мистер! — услышал он тонкий, дребезжащий стариковский голос, свой собственный голос. — Возьмите все, что в кассе, но не убивайте меня!

— Повернись, — приказал мужчина, который в Тот День, перевернул мир Чипа вверх тормашками, мужчины, из-за которого он едва не погиб (пролежал в больнице в Бриджтоне две недели, клянусь Иисусом), а теперь вот появился, как старое чудище из стенного шкафа какого-то мальчика. — Остальным лечь на пол, а ты повернись, магазинщик. Повернись и

посмотри на меня. Посмотри на меня очень хорошо.

Магазинщика качало из стороны в сторону, и на мгновение Роланд подумал, что он не повернется, а лишится чувств. Но, возможно, инстинкт выживания подсказал Чипу: вероятность того, что его убьют, возрастет, если он потеряет сознание, так что он сумел удержаться на ногах и повернулся лицом к стрелку. Его одежда практически не отличалась от той, которую он носил при первой встрече с Роландом; а черный галстук и мясницкий фартук, повязанный высоко над талией, возможно, были теми самыми. Линия волос еще больше отступила ото лба, и сами волосы полностью поседели, тогда как двадцать два года тому назад только начали серебриться. Роланд помнил, как кровь лилась из раны на левом виске, (по разумению Роланда, попала в беднягу пуля Андолини). Но магазинщику повезло: пуля прошла по касательной. И теперь на этом месте остался серый шрам. Роланд обратил внимание, что магазинщик зачесывал волосы так, чтобы выставить шрам напоказ, а не скрыть его. В тот день то ли ему сопутствовало дурацкое счастье, то ли его спасла ка. Роланд полагал, что без вмешательства ка не обошлось.

— У тебя есть картомобиль, грузомобиль или такси? — спросил Роланд, нацелив револьвер на живот магазинщика.

Джейк выступил из-за Роланда.

— На чем вы ездите? — спросил он бледного, как полотно Чипа. — Вот что его интересует.

— На пикапе, — выдавил из себя Чип. — «Интернэшнл харвестер»^[82]. Он на стоянке, — и так быстро сунул руку под фартук, что Роланд едва не нажал на спусковой крючок. Но Чип, слава Богу, этого не заметил. Все остальные покупатели лежали на полу, в том числе и женщина, которая чуть раньше стояла у прилавка. До ноздрей Роланда долетал запах мяса, которое она покупала, и его желудок негодуяще урчал. Роланд устал, проголодался, горевал об Эдди, приходилось многое держать в голове, слишком многое. И голова с этим просто не справлялась. Джейк сказал бы, что ему нужно «взять тайм-аут», но в обозримом будущем он такой возможности не видел.

Магазинщик тем временем вытащил из-под фартука ключи. Рука его тряслась, ключи, соответственно, позвякивали. Скатывающееся к западному горизонту солнце освещало их сквозь окна-витрины магазина, и

отблески били в глаза стрелка. Сначала этот мужчина в белом фартуке, сунул под него руку (и отнюдь не медленно), а теперь вот это, достал какие-то блестящие металлические предметы, словно для того, чтобы ослепить противника. Создавалось ощущение, что он просто искал смерти. Но ведь точно так же он вел себя и в тот день, когда они с Эдди попали в засаду, не так ли? Магази́нщик (тогда шевелился он быстрее, и спина у него еще не согнулась колесом), следовал за ним и Эдди, как кот, который постоянно мешается под ногами, не обращая внимания на свистящие вокруг пули (и не обращая внимания на рану головы). В какой-то момент, вспомнил Роланд, он начал говорить о своем сыне, словно человек, который хочет скоротать время, сидя в очереди к цирюльнику, дожидаясь, когда же тот доберется до его волос. Ка-маи, само собой, а таких зачастую обходит беда. По крайней мере, до тех пор, пока ка не устает от их выходов и не вышвыривает из этого мира.

— Возьмите пикап, возьмите и уезжайте, — говорил ему магазинщик. — Он — ваш! Я отдаю его вам! Действительно!

— Если не перестанешь слепить меня своими ключами, сэй, что я возьму, так это твое дыхание, — процедил Роланд. За прилавком висели другие часы. Он уже обратил внимание, что в этом мире полным-полно часов, словно жившие здесь люди думали, что, окружая себя часами, они могут посадить время в клетку. Десять минут до четырех, то есть на американской стороне они провели уже девять минут. Время мчалось, мчалось. Где-то неподалеку Стивен Кинг уже на послеполуденной прогулке, в смертельной опасности, пусть он этого и не знает. А может, это уже произошло? Они, во всяком случае, Роланд, всегда предполагали, что смерть писателя отразится и на них, еще одним лучетрясением, но может, это не так. Может, все пройдет незаметно для них?

— Как далеко отсюда Тэтлбек-лейн? — спросил Роланд магазинщика.

Пожилый сэй только смотрел на него, от ужаса глаза слезились и стали огромными. Никогда в жизни Роланд не испытывал столь сильного желания пристрелить человека... или, по крайней мере, избить рукояткой револьвера. А магазинщик продолжал таращиться на него, как козел, нога которого застряла в расщелине.

И тут заговорила женщина, которая лежала у прилавка. Она снизу вверх смотрела на Роланда и Джейка, сцепив руки на поясице.

— Это в Лоувелле, мистер. Примерно в пяти милях отсюда.

Одного взгляда в ее глаза, большие и карие, испуганные, но не затуманенные паникой, хватило, чтобы Роланд решил: им нужна эта женщина, а не магазинщик. Если только...

Он повернулся к Джейку.

— Ты сможешь проехать пять миль за рулем пикапа магазинщика?

Роланд видел, что мальчик хотел ответить, да, но потом осознал, что риск слишком велик: попытавшись сделать то, что никогда не делал, он, пусть и городской житель, знакомый с автомобилями с раннего детства, мог потерпеть неудачу, чреватую катастрофическими последствиями.

— Нет, — ответил Джейк. — Думаю, что нет. Как насчет тебя?

Он сомневался, что сможет это сделать. Во всяком случае, не мог гарантировать, что сделает.

— Думаю, что нет, — он взял ключи у магазинщика, посмотрел на женщину, которая лежала у мясного прилавка. — Встань, сэй.

Миссис Тассенбаум подчинилась, а когда встала, Роланд протянул ей ключи. «Здесь я постоянно встречаю полезных людей, — подумал он. — Если эта женщина ни в чем не уступит Каллему, возможно, все будет хорошо».

— Ты отвезешь меня и моего молодого друга в Лоувелл.

— На Тэтлбек-лейн, — уточнила она.

— Ты говоришь правильно, я говорю, спасибо тебе.

— Вы собираетесь меня убить, после того, как доберетесь, куда вам нужно?

— Нет, если не будешь попусту терять время.

Она обдумала его слова, кивнула.

— Не буду. Поехали.

— Удачи вам, миссис Тассенбаум, — прошептал магазинщик, когда она двинулась к двери.

— Если я не вернусь, — она посмотрела на Чипа, запомните одно: это мой муж изобрел Интернет, он и его друзья, частично в «КалТек»^[83], частично в своих гаражах. Не Альберт Гор.

У Роланда вновь заурчал желудок. Он перегнулся через прилавок (магазинщик отпрянул, словно подозревал, что Роланд болен красной чумой), схватил нарезанное для женщины мясо индейки, сунул три ломтя в рот. Остаток протянул Джейку. Тот съел два куска, посмотрел на Ыша, который с большим интересом разглядывал мясо.

— Ты свою долю получишь в кабине, — пообещал Джейк.

— Бине, — отозвался Ыш, потом добавил, с куда большим энтузиазмом. — Олю!

— Святой Иисус Христос, — выдохнул Чип.

Пусть говорил магазинщик с приятным акцентом истинного янки, в его пикапе никакой приятности не было. Во-первых, у него была механическая коробка передач. Ирен Тассенбаум с Манхэттена последний раз ездила на автомобилях с механической коробкой передач, когда была Ирен Кантор со Стейтен-Айленда. Опять же, ручка переключения скоростей была, как на грузовиках, а такая ей вообще встретилась впервые.

Джейк уже сидел рядом с ней, поставив ноги с обеих сторон вышеозначенной ручки, с Ёшем (тот все жевал индейку) на коленях. Роланд уселся на пассажирское сидение, едва не зарывав от боли в ноге. Ирен забыла выжать педаль сцепления, когда повернула ключ зажигания. «ИХ» прыгнул вперед, затем остановился. К счастью, он ездил по дорогам западного Мэна с середины шестидесятых, поэтому то был скромный прыжок состарившейся кобылы, а не молодого, полного сил жеребца. В противном случае Чип Макэвой потерял бы как минимум одно из лобовых стекол. Ёш, чтобы не свалиться с колен Джейка, впился когтями в джинсы мальчика, выплюнул из пасти недожеванную индейку и произнес слово, которому научился у Эдди.

Ирен округлившимися глазами вытаращилась на ушастика-путаника.

— Молодой человек, это существо сказало fuck^[84]?

— Неважно, что он сказал, — ответил Джейк. Часы, которые он видел из окна, показывали, что до четырех пополудни осталось пять минут. Как и Роланд, мальчик как никогда остро чувствовал, что время, увы, им не подконтрольно. — Воспользуйтесь педалью сцепления, и поехали!

К счастью, на набалдашнике ручки выдавили ее местоположение при включении той или иной скорости, и рисунок этот стерся не до конца. Миссис Тассенбаум нажала левой, обутой в кроссовку ногой на педаль сцепления, ужасно заскрежетала шестернями, но, наконец, нашла заднюю передачу. Пикап рывками выкатился на шоссе 7, вновь остановился, успев пересечь белую полосу лишь задней половиной. Миссис Тассенбаум опять повернула ключ зажигания и лишь потом вспомнила про педаль сцепления, что привело к очередным прыжкам «ИХ». Роланд и Джейк уже упирались руками в приборный щиток с выцветшей красно-сине-белой наклейкой: «АМЕРИКА! ЛЮБИ ЕЕ ИЛИ ПРОВАЛИВАЙ!» На этот раз прыжки сослужили им добрую службу, ибо в этот самый момент огромный лесовоз (Роланд не мог не вспомнить тот, что потерпел катастрофу во время его предыдущего посещения магазина) перевалил через холм к северу от

магазина. Если бы пикап успел полностью выкатиться с автостоянки, они бы угодили под колеса лесовоза. И, скорее всего, погибли бы. А так лесовоз проскочил мимо, яростно сигналив, задние колеса оплевали их пылью.

Существо на коленях мальчика, миссис Тассенбаум решила, что оно — помесь собаки и енота, вновь гавкнуло.

«Fuck». Она в этом практически не сомневалась.

— Леди, можете вы управлять этой штуковиной или нет? — крикнул мальчик. На плече у него висела вроде бы сумка. Похожая на те, с которыми ходят мальчишки, продающие газеты. Только не холщовая, а плетеная. Вроде бы в ней лежали тарелки.

— Могу, молодой человек, не волнуйтесь, — она была в ужасе, но при этом... наслаждалась тем, что происходило? Скорее да, чем нет. Последние восемнадцать лет она была лишь орнаментом великого Дэвида Тассенбаума, играла роль второго плана в его знаменитой жизни, произносила реплику: «Попробуйте вот это», передавая подносы с закусками на вечеринках. А теперь, совершенно неожиданно, оказалась в самом центре событий, и событий, по ее разумению, очень даже важных.

— Глубоко вдохни, — сказал мужчина с суровым, обожженным солнцем лицом. Его сверкающие глаза встретились с ее глазами, и она более не могла думать о чем-то еще. А вообще-то ощущения были приятными. «Если это гипноз, — подумала она, — им надо бы преподавать в школе». — Задержи дыхание, теперь выдохни. И вези нас, ради своего отца.

Она глубоко вдохнула, и внезапно краски дня стали ярче, просто засверкали. И еще она услышала поющие голоса. Прекрасные голоса. Включилось радио пикапа? На какой-нибудь оперной программе? Нет времени проверять. Но голоса чудные, откуда бы они ни звучали. И успокаивающие, как и глубокий вдох.

Миссис Тассенбаум выжала педаль сцепления и завела двигатель. На этот раз нашла заднюю передачу с первой попытки и, можно сказать, гладко выехала на шоссе. Правда, вместо первой передачи включила вторую, и пикап вновь чуть не встал, когда она начала отпускать педаль сцепления, но двигатель, похоже, сжалился над ней. Что-то застучало под капотом, а потом они покатали на север, к Лоувеллу.

— Ты знаешь, где находится Тэтлбек-лейн? — спросил ее Роланд. Впереди, под рекламным щитом «ТУРИСТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС „МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ“, на шоссе выехал потрепанный синий минивэн.

— Да, — ответила она.

— Ты уверена? — меньше всего стрелку хотелось тратить драгоценное

время на поиски проселочной дороги, на которой жил Кинг.

— Да. У нас там живут друзья. Бекхардты.

Поначалу эта фамилия ничего не сказала Роланду, разве что он сразу понял, что уже слышал ее. Потом все сложилось: Беркхарду принадлежал дом, где он и Эдди в последний раз беседовали с Джоном Каллемом. При мысли об Эдди вновь кольнуло сердце. В тот грозовой день он был таким сильным, таким энергичным.

— Хорошо, — кивнул Роланд. — Я тебе верю.

Она посмотрела на него поверх мальчика, который сидел между ними.

— Вы чертовски торопитесь мистер... прямо-таки, как белый кролик из «Алисы в стране чудес». Что за очень важная встреча, на которую вы едва не опаздываете?

Роланд покачал головой.

— Неважно, просто веди машину, — он посмотрел на часы на приборном щитке, но они не работали, остановились давным-давно, а стрелки (естественно), показывали 9:19. — Возможно, еще не поздно.

Синий минивэн, который ехал впереди, начал от них отрываться. В какой-то момент пересек разделительную полосу шоссе 7, выехав на встречную полосу движения, и миссис Тассенбаум едва не отпустила шутку насчет людей, которые начинают пить до пяти вечера, но синий минивэн вернулся на северную полосу движения, перевалил через вершину очередного холма, и покатил дальше, к городу Лоувеллу.

Миссис Тассенбаум сразу забыла про него. У нее в голове вертелись куда более интересные вопросы. К примеру...

— Вы можете не отвечать мне, если не хотите, — начала она их озвучивать, — но, признаюсь, меня разбирает любопытство. Мальчики, вы — проходящие?

Брайан Смит провел пару последних ночей, вместе со своими ротвейлерами, близнецами из одного помета, которых он назвал Пуля и Пистоль, в туристическом комплексе «Миллион долларов», распложенном практически на границе между Стоунэмом и Лоувеллом. Это местечко у реки ему нравилось (местные называют эту шаткую деревянную конструкцию, переброшенную через реку, мост за миллион долларов, Брайан понимает, что это шутка, и клянусь Богом, очень забавная). Опять же, другие местные, в основном хиппи из лесов около Суидена, Гаррисона

и Уотерфорда иной раз привозят туда наркотики на продажу. Брайану нравится курить травку, нравится словить кайф, если вам угодно, он его и словил в эту субботу... немного, не так, как он любит, но достаточно для того, чтобы потянуло что-нибудь пожевать. В Центральном магазине Лоувелла продают батончики «Марс». А если хочется пожевать, лучше батончиков «Марс» ничего не найти.

Он выезжает с территории комплекса на шоссе 7, не посмотрев ни направо, ни налево, потом восклицает: «Это ж надо, опять забыл!» Впрочем, шоссе пустынное. Это позже, между Четвертым июлем и Днем труда^[85], машин будет много, даже здесь, в этих пустынных местах, но тогда он, пожалуй, не будет далеко отъезжать от дома. Он знает, что водитель он — не очень. Еще один штраф за превышение скорости или погнутый бампер, и его, возможно, лишат водительского удостоверения на шесть месяцев. Опять.

Но на этот раз, впрочем, никаких проблем. Лишь старенький пикап ползет следом, и до него почти полмили.

— Жри мою пыль, ковбой! — говорит он и смеется. Он не знает, почему сказал, ковбой, когда в голову пришли другие слова: «Сукин сын», как и положено в «жри мою пыль, сукин сын», но получилось неплохо. Очень даже неплохо. Он видит, что заехал на полосу встречного движения, и выворачивает руль, возвращаясь на свою полосу. «Опять на трассе!» — кричит он и вновь пронзительно смеется. «Опять на трассе» — тоже хорошая фраза, и он всегда говорит ее, если едет с девушкой. Есть еще одна хорошая фраза, которую ему нравится произносить, поворачивая руль из стороны в сторону, отчего автомобиль мотает по асфальту: «Ах, черт, должно быть, перебрал этого сиропа от кашля!» Он знает много таких фраз, даже как-то думал о том, чтобы написать книгу под названием «Безумные дорожные шутки», круто, однако, Брайан Смит пишет книгу, как этот Кинг из Лоувелла!

Он включает радио (минивэн выкатывается на обочину слева от асфальта, поднимает шлейф пыли, но в кювет не сваливается), натывается на группу «Стили Дэн»^[86], которая поет «Эй, девятнадцать». «Хорошая песня! — восклицает Брайан Смит. — Да, сэр, чертовски хорошая песня!» Под музыку он прибавляет скорости. Смотрит в зеркало заднего обзора и видит своих собак, Пулю и Пистоля, которые сверкают глазами на заднем сидении. На мгновение Брайан решает, что они смотрят на него, может, даже думают, какой же он славный парень, потом сам себя спрашивает, ну разве можно быть таким глупым? За водительским сидением стоит сумка-

холодильник, а в нем лежит фунт свежего гамбургера. Он собирается приготовить его на костре в «Миллионе долларов». Да, и съесть на десерт еще пару батончиков «Марс», клянусь волосатым старым Иисусом! Батончики «Марс» чертовски хороши!

— Вы, мальчики на сумку-холодильник не заглядывайтесь, — говорит Брайан Смит собакам, которых видит в зеркале заднего обзора. На этот раз минивэн бросает вправо, он пересекает белую разделительную полосу, поднимаясь на очередной холм. К счастью, или к несчастью, в зависимости от вашей точки зрения, никто не едет навстречу, поэтому Брайан Смит продолжает продвижение на север.

— Не заглядывайтесь на гамбургер, это мой ужин, — последнее слово он произносит с интонациями Джона Каллема, но лицо, отражение которого смотрит с зеркала заднего обзора на собак со сверкающими глазами, похоже на лицо Шими Руиса. Практически неотличимо.

Шими мог бы быть близнецом Брайана Смита из одного помета.

6

Теперь Ирен Тассенбаум вела пикап более уверенно, несмотря на механическую коробку скоростей. Сожалела разве что о том, что через четверть мили предстояло поворачивать вправо, то есть задействовать педаль сцепления, на этот раз для того, чтобы переключиться на более низкую передачу. Но они приближались к Тэттлбек-лейн, и именно на Тэттлбек хотели попасть эти парни.

Приходящие! Они так сказали, и она им поверила, но кто еще мог последовать ее примеру? Чип Макэвой, возможно, и, естественно, преподобный Петерсон из этой безумной церкви приходящих, расположенной в Стоунэм-Корнерс, но кто еще? Ее муж, к примеру? Нет. Никогда. В реальность того, что нельзя выгравировать на микрочипе, Дэвид Тассенбаум не верил. Она подумала, и в последнее время мысль эта приходила к ней не раз, может, и в сорок семь еще не поздно подавать на развод.

Перешла на вторую передачу без особого скрежета шестеренок, но потом, когда свернула с шоссе на проселок, ей пришлось переходить на первую, потому что двигатель старого пикапа начал чихать и кашлять, грозя заглохнуть. Она подумала, что один из пассажиров отпустит по это поводу шутку (возможно, собака-мутант мальчика опять скажет fuck), но мужчина на пассажирском сидении сказал лишь: «Не так здесь все

выглядит».

— А когда вы побывали здесь в прошлый раз? — спросила Ирен Тассенбаум. Подумала о том, чтобы вновь вернуться на вторую передачу, но решила оставить все, как есть. Не зря же Дэвид любил говорить: «Пока что-то не ломается, лучше не чинить».

— Довольно-таки давно, — признал мужчина. Она то и дело бросала на него короткие взгляды. Что-то в нем было странное и экзотическое... особенно глаза. Словно они видели такое, чего она и представить себе не могла.

«Прекрати, — сказала она себе. — Возможно, он всего лишь ковбой из Портсмута, штат Нью-Хэмпшир».

Но она в этом сильно сомневалась. Мальчик, конечно, тоже был странный, он и его экзотическая собака-полукровка, но куда им было до этого мужчины с осунувшимся лицом и необычными синими глазами.

— Эдди говорил, что это петля, — заметил мальчик. — Может, в прошлый раз вы заезжали с другой стороны.

Мужчина обдумал его слова и кивнул.

— Второй въезд находится со стороны Бриджтона? — спросил он женщину.

— Да, конечно.

Мужчина с синими глазами кивнул вновь.

— Мы едем к дому писателя.

— «Сара-Хохотушка», — без запинки уточнила женщина. — Прекрасный дом. Я видела его со стороны озера, но не знаю, какая подъездная дорога...

— С номером девятнадцать, — перебил ее мужчина. В тот момент они проезжали мимо номера 27. С этого конца Тэтлбек-лейн номера уменьшались.

— А что вам от него нужно, извините за любопытство?

На этот раз ответил мальчик.

— Мы хотим спасти ему жизнь.

Роланд сразу узнал уходящую вниз подъездную дорожку, пусть даже в последний раз видел ее под черными, грозowymi небесами, и смотрел, главным образом, на сверкающего летящего тахина. Но в этот день они не увидели ни тахинов, ни прочей редко встречающейся живности. Крыша

дома теперь сверкала медью (за прошедшие годы ею заменили прежнюю кровельную плитку), на месте леса появился луг, но подъездная дорожка осталась прежней. Слева стоял столб с надписью на щите «САРА-ХОХОТУШКА», справа — с числом 19, большими цифрами. А за домом в ярком послеполуденном свете сверкало синевой озеро.

С лужайки доносился стрекот маленького двигателя. Роланд посмотрел на Джейка, и ему очень не понравились побледневшие щеки и широко раскрытые, испуганные глаза мальчика.

— Что? Что не так?

— Его здесь нет, Роланд. Ни его, ни семьи. Только мужчина, который косит траву.

— Ерунда, ты не можешь... — начала миссис Тассенбаум.

— Я знаю! — рявкнул на нее мальчик. — Я знаю, леди! Роланд посмотрел на мальчика, как зачарованный, изумляясь и ужасаясь... но Джейк то ли не понял взгляда, то ли не заметил.

«Почему ты лжешь, Джейк?» — подумал стрелок, но тут же пришла вторая мысль: «Он не лжет».

— А вдруг это уже произошло? — спросил Джейк, и да, он тревожился о Кинге, но Роланд полагал, что Кинг — не единственный повод для его тревоги. — Что, если он уже мертв, а родных здесь нет, потому что их вызвала полиция...

— Этого не произошло, — ответил Роланд, и только в этом он был полностью уверен. «Что ты знаешь, Джейк и почему не говоришь мне?»

Мужчина с синими глазами говорил спокойно, обращаясь к мальчику, но Ирен Тассенбаум он не казался спокойным; отнюдь. И эти поющие голоса, которые она впервые заметила, выйдя из «Универсального магазина Ист-Стоунэма», изменились. Нет, по-прежнему оставались нежными, но в них появились нотка отчаяния, не так ли? Он решила, что да. А еще в них слышалась мольба, и звучали они теперь так пронзительно, что у нее заболели виски.

— Откуда ты можешь это знать? — прокричал мальчик, которого звали Джейк мужчине, она предположила, своему отцу. — Откуда у тебя такая гребаная уверенность?

Вместо того, чтобы ответить на его вопрос, мужчина, которого звали Роланд, посмотрел на нее. И миссис Тассенбаум почувствовала, как по

рукам и спине побежали мурашки.

— Съезжай вниз, сэй, если сможешь.

Она с сомнением посмотрела на крутой склон, по которому подъездная дорожка спускалась к «Саре-Хохотушке».

— Если и смогу, то, возможно, не сумею вытащить это ведро с болтами обратно на дорогу.

— Тебе придется, — ответил Роланд.

9

Роланд догадался, что мужчина, который косил траву — крепостной Кинга, или как там они назывались в этом мире. Из-под соломенной шляпы виднелись седые волосы, но спина оставалась прямой, годам не удалось ее согнуть. Когда пикап съехал по крутому склону к дому, мужчина прервал работу, облокотившись одной рукой на ручку газонокосилки. Когда дверца со стороны пассажирского сидения открылась, и из кабины вылез стрелок, выключил газонокосилку. А также снял шляпу, возможно, и не осознавая, что делает. Так, во всяком случае, подумал Роланд. Потом глаза старика узрели револьвер на бедре Роланда и широко раскрылись, заставив исчезнуть морщинки в их уголках.

— Добрый день, мистер, — осторожно поздоровался газонокосильщик. «Он думает, что я — проходящий, подумал Роланд. — Так же, как и она».

И они в некотором смысле проходящие, он и Джейк, так уж вышло, что попали в такое время и место, где подобное — не диковинка.

И где время мчалось.

Роланд заговорил, прежде чем старик успел продолжить.

— Где они? Где он? Стивен Кинг? Отвечай, мне, и говори правду!

Шляпа выскользнула из разжавшихся пальцев старика на свежескошенную траву. Его карие глаза не могли оторваться от глаз Роланда: так кролик смотрит на змею.

— Семья на другом берегу, поехали в их дом на той стороне. Раньше он принадлежал старику Шиндлеру. У них там какая-то вечеринка. Стив сказал, что приедет туда после прогулки, — и он указал на маленький черный автомобиль, припаркованный на отростке подъездной дорожки: из-за дома выглядывал только передний бампер и часть капота.

— Где он ходит? Если знаешь, скажи этой леди! Старик коротко глянул за плечо Роланда, потом на стрелка.

— Будет проще, если я сам вас отвезу.

Роланд рассмотрел этот вариант, и быстро. С одной стороны, вроде бы проще. С другой, наоборот, если учесть, что речь идет о жизни и смерти Кинга. Потому что женщину они встретили на пути ка. Какой бы малой ни была ее роль в этой истории, именно ее они нашли первой на Тропе Луча. Вот что в конце концов могло оказаться главным. А что касается ее роли, то лучше не судить об этом заранее. Разве он и Эдди не верили, что Джон Каллем, которого они встретили в том же магазине, расположенном в трех колесах севернее от дома Кинга, сыграет в их истории маленькую роль? Однако, на деле все вышло не так.

Все эти мысли пронеслись в его голове меньше чем за секунду, информация (интуитивная догадка, как сказал бы Эдди), поданная в виде некой ментальной стенографии.

— Нет, — он указал большим пальцем себе за спину. — Скажи ей. Быстро.

10

Мальчик, Джейк, откинулся на сидение, руки его бессильно лежали по бокам. Странный песик озабоченно всматривался ему в лицо, но мальчик его не видел. Сидел с закрытыми глазами, и Ирен Тассенбаум решила, что он лишился чувств.

— Сынок...? Джейк?

— Я его нашел, — мальчик не открывал глаз. — Не Стивена Кинга... не могу коснуться его... но другого. Я должен притормозить его. Как мне его притормозить?

Миссис Тассенбаум достаточно часто слышала, как его муж, за работой, вел долгие и нудные диалоги с самим собой, чтобы знать, что вопрос этот мальчик адресовал себе, а не ей. Опять же, она понятия не имела, о ком он говорил, знала лишь, что не о Стивене Кинге. То есть потенциально это мог быть любой из порядка шести миллиардов человек, если мыслить глобально.

Тем не менее, она ответила, потому что знала, что всегда тормозило ее.

— Жаль, что ему не нужно сходить в туалет.

11

Земляники в Мэне нет, во всяком случае, в начале лета, зато есть ежевика^[87]. Джастина Андерсон (из Мейбрука, Нью-Йорк) и Эльвира Тутейкер (ее подруга из Лоувелла) шли вдоль шоссе 7, которое Эльвира до сих пор зовет Старой фрайбургской дорогой, с пластиковыми ведерками и собирали ягоды с кустов которые росли вдоль каменной стены, протянувшейся на полмили. Гарретт Маккин сложил эту стену сотню лет тому назад, и в этот самый момент Роланд Дискейн из Гилеада говорил с правнуком Гарретта. Ка — это колесо, если кто этого еще не понял.

Обе женщины наслаждались прогулкой, и не потому, что кто-то из них очень уж любил ежевику (Джастина утверждает, что даже не ест ее, потому что косточки застревают в зубах). Просто обе радовались возможности отдохнуть от своих близких и немного посмеяться, вспоминая те годы, когда их дружба только делала первые шаги, возможно, самые важные в жизни каждой. Они встретились в колледже Вассара^[88] (похоже, тысячу лет тому назад) и вместе несли гирлянду из маргариток на выпускном вечере, когда сами заканчивали первый курс. Об этом они и говорят, когда синий минивэн (это «додж караван» модели 1985 г., Джастина знает эту модель, потому что ее старший сын купил такой же, когда его семья начала разрастаться) выезжает из-за поворота, на котором расположен «Немецкий ресторан Мелдера». Минивэн мотает по всей ширине дороги, сначала он поднимает пыль на обочине той половины шоссе, что ведет на юг, потом его выносит через асфальт на северную. Когда минивэн проделывает это второй раз, приближаясь к ним и на достаточно большой скорости, Джастина думает, что он может свалиться в кювет и перевернуться (перевернуться «вверх колесами», как говорили в сороковых, когда она и Эльвира учились в Вассаре), но водитель в самый последний момент возвращает минивэн на асфальт.

— Посмотри, этот человек пьян или с ним что-то не так! — тревожится Джастина. Отталкивает Эльвиру подальше от дороги, но путь заблокирован старой стеной и кустами ежевики. Шипы цепляются за брюки («Слава Богу, они не надели шорты», — подумает Джастина... когда у нее будет время подумать) и вырывают маленькие клочки материи.

Джастина думает, что ей следует обнять подругу за плечо и обоим перевалиться через каменную стену, сделать кувырок назад, как в гимнастическом зале в стародавние времена, но, прежде чем она успевает на это решиться, синий минивэн уже рядом с ними, а мгновением позже проскакивает мимо них, более-менее на асфальте, а потому не представляя опасности.

Джастина наблюдает, как он пронесится мимо, слышит приглушенную рок-музыку, доносящуюся из кабины, сердце гулко бьется в груди, во рту появляется металлический привкус, возможно, от адреналина, который выплеснулся в кровь. Поднимаясь на холм, минивэн опять пересекает белую разделительную полосу. Водитель выправляет курс, нет, слишком сильно выворачивает руль, и минивэн опять на правой обочине, поднимает желтую пыль на добрых пятидесяти ярдах.

— Господи, я надеюсь Стивен Кинг заметит этого говнюка, — говорит Эльвира. Они повстречались и поздоровались с писателем где-то за полмили до того места, где минивэн едва не заставил их делать кувырок через каменную стену. Возможно, все жители города, как местные, так и приезжающие на лето, видели его на послеполуденной прогулке.

Водитель минивэна будто слышит, как Эльвира обозвала его говнюком, потому что вспыхивают тормозные фонари. Минивэн неожиданно сворачивает на обочину и останавливается. Когда дверца открывается, женщины слышат громкую музыку. Рок-н-ролл. Они также слышат, как водитель, мужчина, на кого-то кричит (Эльвира и Джастина искренне жалеют того, кому приходится ехать с таким вот человеком в прекрасный июньский день). «Не трогать! — кричит мужчина. — Это не вам!» Потом суется в кабину, достает трость, с ее помощью перелезает через каменную стену и скрывается в кустах. Минивэн с работающим двигателем стоит на обочине, водительская дверца открыта, сизый дымок вылетает из выхлопной трубы, рок доносится из кабины.

— Что он делает? — нервно спрашивает Джастина.

— Полагаю, отливает, — отвечает ее подруга. — Но если, мистер Кинг — счастливчик, возможно, справляет большую нужду. В этом случае мистер Кинг, возможно, успеет свернуть с шоссе на Тэтлбек-лейн.

Внезапно у Джастины полностью пропадает желание собирать ягоды. Она хочет вернуться домой и выпить чашку крепкого чая.

Мужчина, прихрамывая, появляется из кустов и опять перебирается через стену с помощью трости.

— Похоже, ему хотелось только отлить, — говорит Эльвира, когда плохой водитель забирается в кабину синего минивэна. Две пожилые женщины переглядываются и начинают смеяться.

Роланд наблюдал, как старик инструктировал женщину, говорил что-то

об Уоррингтон-роуд, позволяющей срезать угол, и тут Джейк открыл глаза. Стрелку показалось, что мальчик страшно устал.

— Я смог заставить его остановиться и отлить, сказал Джейк. — Теперь он что-то поправляет за спинкой своего сидения. Не знаю, что это, но много времени у него не уйдет. Роланд, все плохо. Мы ужасно опаздываем. Нам пора ехать.

Роланд посмотрел на женщину, надеясь, что его решение не менять ее на старика — правильное.

— Ты знаешь, куда ехать? Поняла?

— Да. По Уоррингтон-роуд до шоссе 7. Мы иногда обедаем в «Уоррингтоне». Дорогу я знаю.

— Не могу гарантировать, что вы пересечетесь с ним, если поедете этой дорогой, — вставил старик, — но, скорее всего, так оно и будет, — он наклонился, чтобы поднять шляпу, начал счищать с нее скошенные травинки. Медленными, долгими движениями, словно во сне. — Ага, скорее всего, — а потом, по-прежнему напоминая человека, который грезит наяву, он сунул шляпу под мышку, поднес кулак ко лбу, согнул ногу в полупоклоне перед незнакомцем с большим револьвером на бедре. Почему нет?

Незнакомца окружало белое сияние.

Когда Роланд залез в кабину пикапа магазинщика, не таким уж простым оказалось это дело, боль в правом бедре все усиливалась, его рука коснулась ноги Джейка, и вот так он узнал, что Джейк хотел утаить и почему. Боялся, что информация эта помешает стрелку сосредоточиться на главном. То, что ощущал мальчик, называлось не ка-шуме, иначе чувство это передалось бы и Роланду. Да и о каком ка-шуме могла идти речь, если их ка-тет распался? Их особая сила (сумма получалась больше составляющих) которая, возможно, черпалась из самого Луча, канула в лету. Теперь они превратились в тройку друзей (в четверку, считая ушастика-путаника), объединенных одной целью. И они могли спасти Кинга. Джейк это знал. Они могли спасти Кинга и, тем самым, сделать еще один шаг к спасению Темной Башни. Но только один из них должен был при этом умереть.

Знал Джейк и это.

Роланду вспомнилась старая поговорка, которую он слышал от отца: «Если ка чего!то хочет, пусть так и будет». Да; все правильно; пусть будет.

По ходу тех долгих лет, что стрелок отдал преследованию человека в черном, он поклялся, что никто и ничто не заставит его отречься от Башни; разве он не убил свою мать в погоне за ней, в самом начале своего ужасного пути? Но все эти годы он жил без друзей, без детей и (он бы в этом никогда не признался, но, что правда, то правда) без сердца. Его зачаровала эта бездушная романтика и он думал, что без любви можно обойтись. Теперь у него появился сын, ему дали второй шанс, и он изменился. Осознание, что один из них должен умереть ради спасения писателя, то есть их и без того маленькой группе вновь предстояло понести потери, не повергло его в отчаяние. Но он твердо решил позаботиться о том, чтобы на этот раз в жертву был принесен Роланд из Гилеада, не Джейк из Нью-Йорка.

Мальчик знал, что он, Роланд, раскрыл его секрет? Не время тревожиться об этом.

Роланд захлопнул дверцу грузовобилия и посмотрел на женщину.

— Тебя зовут Ирен? Она кивнула.

— Поезжай, Ирен. Да побыстрее, как ехала бы, зная, что за тобой гонится сам Господин с раздвоенными копытами с твердым намерением изнасиловать тебя, поезжай быстро, прошу тебя. По Уоррингтон-роуд. Если не найдем его там, по Семь-роуд. Сделаешь?

— Будьте уверены, — отметила миссис Тассенбаум и лихо врубила первую передачу.

Двигатель взревел, но пикап покотился назад, словно испугался подъема, который предстояло брать, и решил закончить свой путь в озере. Вот тут она отпустила педаль сцепления, и «Интернэшнл харвестер» рванулся вперед, на штурм крутой подъездной дорожки, оставив за собой облако сизого дыма и запах сожженной резины.

Правнук Гарретта Маккина наблюдал за ними, разинув рот. Он понятия не имел, что происходит, но чувствовал: многое зависит от того, что случится в самое ближайшее время. Может быть, все.

Странно, что у него возникло такое острое желание отлить, поскольку он, Брайан Смит, справил малую нужду аккуратно перед тем, как покинуть туристический комплекс «Миллион долларов». И перебравшись через гребаную каменную стену смог выдавить из себя лишь несколько капель, хотя только что ему казалось, что мочевого пузыря переполнен и вот-вот лопнет. Брайан надеется, что у него не возникнет проблем с простатой; проблемы с простатой нужны ему, как рыбе — зонтик. У него хватает других проблем, клянусь волосатым старым Иисусом.

Ну да ладно, теперь, раз уж он все равно остановился, самое время разобраться с сумкой-холодильником, что стоит за водителем сидением. Собаки, высунув языки, по-прежнему не сводят с нее глаз. Он пытается засунуть сумку-холодильник под сидение, но ничего не выходит, сумка в зазор не влезает. Так что он наставляет грязный палец на своих ротти и вновь требует, чтобы они оставили сумку-холодильник в покое, там мясо, и это его мясо, из которого он приготовит себе ужин. На этот раз он даже думает о том, чтобы пообещать, что добавит немного сырого мяса в их «Пурину»^[89], если они будут хорошо себя вести. Для Брайана Смита это довольно-таки глубокая мысль, вот и такое простое решение, как переставить сумку-холодильник с пола на пустующее переднее пассажирское сидение даже не приходит ему в голову.

— Не трогать! — опять говорит он собакам и садится за руль. Захлопывает дверцу, бросает короткий взгляд в зеркало заднего обзора, видит двух старых женщин (он не заметил их прежде, потому что не смотрел на дорогу, когда проезжал мимо), машет им рукой, они этого не видят, потому что заднее стекло «Каравана» „слишком пыльное, а затем выкруливает с обочины на асфальт. Радио играет «Гангста дрим 19» в исполнении «Оут—Рей—Джусс» и Брайан прибавляет звук (при этом вновь переезжает белую разделительную линию и выкатывается на встречную, идущую на север, полосу движения: он из тех водителей, которые не могут подрегулировать радио, не посмотрев на панель управления). Рэп рулит! И метал рулит! Все, что ему нужно, чтобы день полностью удался — услышать какую-нибудь песню Оззи^[90] ... лучше бы «Безумный поезд».

И пожевать батончики «Марс».

Миссис Тассенбаум брала подъем от «Кары-Хохотушки» к Тэтлбек-роуд на второй передаче. Двигатель старого пикапа надрывно ревел (если бы на приборном щитке стоял тахометр, стрелка наверняка бы ушла в красную зону), какие-то инструменты перекатывались по ржавому кузову.

Роланд слабо владел прикосновениями, можно сказать, совсем не владел, в сравнении с Джейком, но он встречался с Кингом, даже погрузил его в ложный сон гипноза. Эта была мощная связь, поэтому особо не удивился, что ему удалось прикоснуться к мозгу, до которого не сумел дотянуться Джейк. Возможно, не помешало и то обстоятельство, что Кинг как раз думал о них.

«Он часто думает о нас на своих прогулках, — подумал Роланд. — В одиночестве он слышит Песнь Черепахи и знает, какую работу должен делать. Ту самую, от которой увиливает. Что ж, друг мой, сегодня этому будет положен конец».

Если, конечно, они смогут его спасти.

Он перегнулся через Джейка к женщине.

— Ты можешь заставить эту проклятую богами штуковину ехать быстрее?

— Да, — ответила она, — пожалуй, смогу, — потом обратилась к Джейку. — Ты действительно можешь читать мысли, или это игра, в которую ты играешь со своим приятелем?

— Мысли я читать не могу, в чистом виде, — ответил Джейк, — но могу прикасаться к разуму других.

— Я очень надеюсь, что ты говоришь правду, потому что Тэтлбек-лейн проложена по холмам и местами такая узкая, что двум автомобилям никак не разъехаться. Если ты почувствуешь, что кто-то едет навстречу, дай мне знать.

— Дам.

— Прекрасно, — ее зубы сверкнули в улыбке. Да уж, сомнений тут больше быть не может: эта поездка — лучшее, что произошло в ее жизни. И такое волнительное. Теперь она не только слышала поющие голоса, но и видела лица в листве растущих вдоль дороги деревьев, словно за ними наблюдает множество зрителей. Чувствовала, что вокруг собирается какая-то невероятная сила, и в голове мелькнула безумная мысль: если она вдавит в пол педаль газа старого ржавого пикапа Чипа Макэвоя, эта развалюха помчится быстрее света. Подпитываясь той энергией, что окружает их, пикап может обогнать само время.

«Что ж, давай поглядим, так ли это», — подумала Ирен. Выехала на середину Тэтлбек-лейн, выжала сцепление, включила третью передачу.

Старый пикап не разогнался быстрее скорости света и не обогнал время, но стрелка спидометра подобралась к 50 милям... и поползла дальше. Пикап резко поднялся на вершину холма, а когда начал спуск, на какие-то мгновения даже оторвался от земли.

По крайней мере, один человек в кабине пикапа счастлив. Ирен Тассенбаум аж вскрикнула от восторга.

У Стивена Кинга для прогулки два маршрута, короткий и длинный. Короткий выводит его к пересечению Уоррингтон-роуд и шоссе 7, потом домой, к «Саре-Хохотушке», тем же путем. Длина этого маршрута три мили. Долгая прогулка (так уж вышло, что это и название романа, который он когда-то написал под псевдонимом Бахман, задолго до того, как мир сдвинулся) ведет его мимо Уоррингтон-роуд, по шоссе 7 до Слэб-Сити-роуд, потом назад по шоссе 7 до Бери-Хилл, в обход Уоррингтон-роуд. Этот маршрут приводит его к дому через северный конец Тэтлбек-лейн, и его длина четыре мили. Именно этот маршрут он наметил на сегодня и, добравшись до пересечения шоссе 7 и Уоррингтон-роуд, останавливается, задумывается, а не вернуться ли ему коротким путем. Он всегда осторожен, когда речь идет о прогулках по обочине дорог, пусть машин на шоссе 7 мало, даже летом. Их количество резко возрастает только раз в году, во время ярмарки во Фрайбурге, но она начинается в первую неделю октября. Практически на всем протяжении шоссе видимость хорошая. Если едет плохой водитель (или пьяный) его успеваешь заметить где-то за полмили, и у тебя есть время отойти подальше. Есть только один слепой холм, и находится он сразу за пересечением с Уоррингтон-роуд. Однако, он же и аэробический холм, который заставляет сердце как следует поработать, а разве не для этого он каждый день отмеряет эти глупые мили? Чтобы улучшить, как говорят телевизионные говорящие головы, «сердечное здоровье». Он перестал пить, завязал с наркотиками, практически бросил курить, следит вот за своим здоровьем. Что еще можно от него требовать?

Однако, голос продолжает нашептывать ему: «Уйди с главной дороги, Возвращайся к дому. У тебя будет час для работы, перед тем, как поехать на вечеринку на другую сторону озера. Ты успеешь кое-что сделать. Может, даже начнешь следующую книгу цикла „Темная башня“. Ты знаешь, она уже сложилась у тебя в голове».

Ага, так и есть, но у него уже есть книга, над которой он работает, и

книга эта ему нравится. Возвратиться к истории Башни — все равно, что заплывать на глубокую воду. Там можно и утонуть. И внезапно он понимает, в этот самый момент, стоя на перекрестке, что начнет писать эту историю, если вернется. Ничего не сможет с собой поделаться. Придется ему прислушаться к тому, что он иногда называет Вес'-Ка Ган, Песнь Черепахи (а случается, и Песнь Сюзанны). Он забросит книгу, над которой работает, повернется спиной к безопасной суше и вновь поплывет на глубокую воду. Он уже четырежды плывал туда, но на этот раз должен будет доплыть до другого берега.

Доплыть или утонуть.

— Нет, — говорит он. Вслух, и что в этом такого? Здесь его никто не слышит. До него долетает едва различимый шум приближающегося автомобиля... или двух?

Одного на шоссе 7 и второго на Уоррингтон-роуд? Но это все посторонние шумы.

— Нет, — повторяет он. — Я пройду, а потом поеду на вечеринку. Сегодня я больше не пишу. Тем более, такое.

Оставив развилку позади, он начинает подниматься на крутой холм, с короткой зоной видимости. Идет навстречу шуму приближающегося минивэна «додж караван», и звук этот возвещает о его грядущей смерти. Ка рационального мира хочет, чтобы он умер; ка Прима хочет, чтобы он жил и продолжал петь свою песню. Вот так в этот солнечный день, во второй его половине, в западном Мэне непреодолимая сила устремляется к неподвижному объекту, и впервые после отступления Прима все миры и все существующее поворачиваются к Темной Башне, которая стоит в дальнем конце Кан'-Ка Ноу Рей, что означает Красные поля Ноуна. Обрываются даже злобные крики Алого Короля. Решать будет Темная Башня.

— Решение требует жертвы, — говорит Кинг, и хотя никто, кроме птиц, не слышит его, а он понятия не имеет, что означают эти слова, писателя это не тревожит. Он всегда что-то бормочет себе под нос, словно в голове у него Пещера голосов, полная блестящих, но не всегда умных, имитаторов.

Он шагает, размахивая руками, которые иной раз касаются синих джинсов, не подозревая, что его сердце отбивает последние (не последние) удары, что его разум додумывает последние (не последние) мысли, что голоса произносят последние (не последние) дельфийские пророчества.

— Вес'-Ка Ган, — говорит он, звуки эти забавляют его, и одновременно влекут. Он пообещал себе не перегружать свои истории о

Темной Башне непроизносимыми словами какого-то выдуманного (если не сказать, исковерканного) языка, его редактор, Чак Веррилл из Нью-Йорка просто вычеркнет большую часть, если увидит их в рукописи, но его разум все равно наполняется и словами, и фразами: ка, ка-тет, сэй, кан-тои (это слово, по крайней мере, из другой его книги, «Безнадеги»), тахин. Может, все это идет от Сирита Ангола Толкиена и Великого слепого скрипача, Найрлатотепа, Г. Ф. Лафкрафта.

Он смеется, и начинает петь песню, с которой познакомили его голоса. Он думает, что обязательно использует ее в следующей книге о стрелке, когда позволит Черепaxe обрести голос. «Кам-кам-каммала, — поет он, шагая. — Девчонка от парня сбежала. У него — пистолет, а девчонки нет, девчонка ночью удрала!»

— Этот парень — Эдди Дин? Или Джейк Чеймберз?

— Эдди! — говорит он. — Эдди — парень, от которого сбежала девчонка, — он так глубоко задумывается, что поначалу не видит крышу синего минивэна «додж караван», который появляется над вершиной холма прямо перед ним, и не понимает, что этот автомобиль едет не по асфальту, а по обочине, той самой, по которой он шагает. Не слышит он и нарастающего рева пикапа за спиной.

Брайан слышит царапанье по крышке сумки-холодильника даже сквозь грохот музыки и, с ужасом и яростью, видит в зеркале заднего обзора, что Пуля, более активный из двух ротти, уже перебрался из багажного отделения в пассажирское. Две задние лапы на грязном сидении, обрубок хвоста радостно мотается из стороны в сторону, а морда собаки уже в сумке-холодильнике Брайана.

В такой ситуации любой благоразумный водитель свернул бы на обочину, остановил автомобиль и разобрался бы с нашкодившим животным. Смиту, однако, не свойственно благоразумие за рулем, и свидетельство тому — список нарушений правил дорожного движения. Вместо того, чтобы свернуть на обочину и остановиться, он поворачивается направо, держит руль левой рукой, а правой без особого успеха пытается оттолкнуть гладкую голову ротвейлера.

— Не трогай! — кричит он Пуле. Минивэн сначала сносит к правой обочине, потом он съезжает на нее. — Ты меня слышишь, Пуля? Или ты совсем дурной? Не трогай! — на мгновение ему удается поднять голову

собаки, но шерсть на ней слишком гладкая и короткая, чтобы за нее могли зацепиться пальцы. Пуля, конечно, не гений, но достаточно умен, чтобы сообразить, что у него есть еще один шанс ухватить то, что завернуто в белую бумагу и источает такой чарующий красный аромат. Голова вновь ныряет в сумку-холодильник, челюсти ухватывают завернутый в бумагу гамбургер.

— Брось его! — кричит Брайан. — Сейчас же брось его...
НЕМЕДЛЕННО!

Для того, чтобы отнять мясо, чтобы сильнее изогнуться на водительском кресле, он упирается обеими ногами. Одна из них, к сожалению, на педали газа. Минивэн прибавляет скорости, взлетая на вершину холма. В этот момент, вне себя от ярости, Брайан полностью забывает, где он (на шоссе 7) и что должен делать (вести автомобиль). Его мысли заняты только одним — вырвать мясо из челюстей Пули.

— Дай его мне! — кричит он, тянет мясо на себя. С обрубком хвоста, мотающимся с удвоенной частотой (для него это не только пища, но и игра) Пуля отвечает ему тем же. Слышится треск рвущейся бумаги. Минивэн уже полностью скатился с асфальта. Едет на фоне рожи старых сосен, освещенных послеполуденным солнцем: в зелено-золотом мареве. Брайан думает только о мясе. Он не собирается есть гамбургер с собачьей слюной, будьте уверены.

— Дай сюда! — кричит он, не видя мужчины, на которого накатывает его минивэн, не видя пикапа, который поднимается на холм и уже практически настиг мужчину, не видя, как открывается дверца пикапа со стороны пассажирского сидения или долговязого парня, похожего на ковбоя, который спрыгивает на землю, не видя револьвера с большой желтой рукояткой, который вываливается из кобуры; мир Брайана Смита сузился до одной очень плохой собаки и одного завернутого в бумагу куска мяса. В борьбе за мясо кровавые розы расцветают на бумаге, как татуировки.

— Вон он! — закричал мальчик по имени Джейк, но Ирен Тассенбаум и так это поняла. Стивен Кинг в джинсах, рубашке из «шамбре» и бейсболке. Он уже миновал место пересечения Уоррингтон-роуд и шоссе 7 и поднимался на холм, оставил позади примерно четверть склона.

Она выжала сцепление, перешла на вторую передачу, как пилот

НАСКАР^[91], увидевший клетчатый флаг, и резко повернула налево, крепко держа руль обеими руками. Пикап Чипа Макэвоя закачался, но не перевернулся. Она увидела, как блеснуло солнце на металле автомобиля, который, двигаясь с противоположной стороны, уже достиг вершины холма, на который поднимался Кинг. Услышала крик мужчины, сидевшего у дверцы: «Пристройся к нему сзади!»

Выполнила команду, хотя и видела, что приближающийся автомобиль едет не по дороге, а по обочине, и они могут столкнуться, превратив Кинга в начинку металлического сэндвича.

Дверца открылась, и мужчина, его зовут Роланд, то ли выпрыгнул, то ли выкатился из кабины.

После этого все произошло быстро, очень быстро.

Глава 2. Вес'-Ка Ган

1

Причина оказалась банально простой: Роланда подвело больное бедро. Он упал на колени с криком ярости, боли и ужаса. А потом что-то на мгновение загородило солнечный свет: Джейк выпрыгнул следом, не упал, не споткнулся, побежал дальше. В кабине отчаянно лаял Ёш: «Эйк-Эйк! Эйк-Эйк!»

— Джейк, нет! — закричал Роланд. Он все увидел с ужасающей ясностью. Мальчик обхватил писателя за талию в тот самый момент, когда синий автомобиль, не легковушка и не пикап, что-то среднее между ними, скатился на них в реве несвязной музыки. Джейк развернул Кинга влево, прикрыв собственным телом, и именно на Джейка пришелся удар автомобиля. За спиной Стрелка, который уже стоял на коленях, упираясь окровавленными руками в землю, закричала женщина из магазина.

— ДЖЕЙК, НЕТ! — взревел Роланд, но было поздно. Мальчик, которого он считал своим сыном, исчез под синим автомобилем. Стрелок увидел маленькую поднятую ручку, чтобы больше никогда ее не забыть, а потом пропала и она. Кинга, в которого врезался сначала Джейк, а потом синий автомобиль, отбросило футов на десять, к самому краю обочины, за которой уже росли деревья. Он приземлился на правый бок, ударился головой о камень, достаточно сильно, чтобы бейсболка слетела с головы. Потом перекатился на живот, возможно, пытаясь встать. Или ничего не пытаясь, с округлившимися от шока глазами.

Водитель навалился на руль, и автомобиль проскользнул слева от Роланда, разминувшись с ним на какие-то дюймы, лишь забросав пылью, но не раздавив. К этому времени скорость его заметно упала, должно быть, теперь, с запозданием, водитель жал на педаль тормоза. Бортом автомобиль зацепил пикап, его продвижение еще больше замедлилось, но причиненные им беды на том не закончились. Прежде чем окончательно остановиться, автомобиль вновь наехал на лежащего на земле Кинга. Роланд услышал хруст ломающейся кости, потом крик боли писателя. И теперь Роланд точно знал, откуда боль в его бедре, не так ли? Сухой скрут не имел к ней никакого отношения.

Он поднялся, лишь смутно отдавая себе отчет в том, что боль

полностью исчезла. Посмотрел на неестественно согнутое тело Кинга под левым передним колесом синего автомобиля, подумал: «Хорошо! — его вдруг переполнила дикая радость. — Хорошо! Если кто и должен был здесь умереть, так это ты! К черту пуп Гана, к черту истории, которые должны выйти из него, к черту Башню, я хочу, чтобы умер ты, а не мой мальчик!»

Ушастик-путаник промчался мимо Роланда к тому месту, где лежал Джейк. Позади синего автомобиля, выхлоп которого бил мальчику в лицо. Ыш не колебался ни секунды. Ухватился зубами за сумку с рисунками, которая все еще висела на плече Джейка и потащил мальчика подальше от минивэна, дюйм за дюймом, поднимая фонтанчики пыли короткими, сильными лапами. Кровь лилась из ушей Джейка и из уголков рта. Каблуки коротких сапог прочерчивали двойную полосу на пыли, усыпанной сосновыми иголками.

Роланд, пошатываясь, подошел к Джейку, упал рядом с ним на колени. Поначалу подумал, что с ним все будет в порядке. Руки-ноги целы, хвала всем богам, пятно на переносице и на безбородой щеке — масло с пылью, а не кровь, как он поначалу подумал. Да, кровь текла из ушей и изо рта, но причиной мог служить порез или...

— Пойди и посмотри, как писатель, — голос Джейка звучал спокойно, боль не изменила его. Словно они сидели кружком у маленького костра, вечером, отшагав целый день, ожидая, пока Эдди расскажет им какую-нибудь веселенькую историю.

— Писатель может подождать, — резко ответил Роланд, думая: «Мне даровали чудо. Оно свершилось, благодаря податливости молодого, еще не сформировавшегося тела мальчика и земли, которая промялась под ним, когда по нему проехал грузомобиль этого мерзавца».

— Нет, — возразил Джейк, — не может, — когда он шевельнулся, попытавшись сесть, рубашка сильнее обтянула верхнюю часть тела, и Роланд увидел жуткую яму на груди мальчика. Больше крови хлынуло изо рта мальчика, он хотел еще что-то сказать, но лишь закашлялся. Сердце Роланда, казалось, перевернулось в груди, и оставалось только удивлялось, как оно продолжило биться.

Ыш жалобно то ли залаял, то ли завыл, и от имени Джейка, отчетливо слышавшемся в этом полулае, полувое, по коже Роланда побежали мурашки.

— Не пытайся говорить, — сказал Роланд. — Возможно, у тебя внутри что-то сломалось. Ребро... или два.

Джейк повернул голову набок. Выплюнул кровь, часть потекла по щеке, словно он жевал табак, схватил Роланда на запястье. Хватка у него

оставалась крепкой; как и голос.

— Сломалось все. Это смерть... я знаю, такое со мной уже случалось, — а потом произнес слова, которые вспомнились Роланду перед тем, как они уехали из «Сары-Хохотушки». — Если ка чего-то хочет, пусть так и будет. Посмотри, как там человек, которого мы хотели спасти!

И не было никакой возможности не подчиниться приказу, который стоял в глазах мальчика и звучал в его голосе. Все кончено, Ка Девятнадцати отыграла свою партию. Кончено, но, возможно, не для Кинга. Человека, ради спасения которого они сюда и пришли. Какая часть их судьбы зависла на кончиках его летающих, пожелтевших от табака пальцев? Вся судьба целиком? Или все-таки только часть?

Каким бы ни был ответ, Роланд мог бы убить Кинга голыми руками, пока тот лежал, придавленный колесом автомобиля, который его и сшиб. Хотя и не Кинг сидел за рулем, убил Джейка именно он. Если б делал то, что хотела от него ка, никогда бы не оказался здесь, на этой дороге, в тот момент, когда по ней ехал этот дурак, и Джейк не лежал бы сейчас с раздавленной грудью и посеревшим лицом. Это уже перебор, снова смерть, так скоро, они ведь только что потеряли Эдди. И однако...

— Не шевелись, — он поднялся. — Ыш, не позволяй ему шевелиться.

— Не буду шевелиться, — каждое слово звучало ясно, четко. Но теперь Роланд видел, что от крови потемнела нижняя часть рубашки, промежность джинсов. Алые пятна расцветали там, как розы. Однажды он уже умер и вернулся. Но не из этого мира. В этом мире смерть забирала навсегда.

Роланд повернулся к лежащему на земле писателю.

Когда Брайан Смит попытался вылезти из-за руля, Ирен Тассенбаум грубым толчком вернула его на прежнее место. Собаки, возможно, учуяв или Ыша, или кровь, или то и другое, громко лаяли и метались у него за спиной. Радио гремело, какие-то «металлисты» выбивали очередную дьявольскую мелодию. Она думала, что голова у нее разлетится вдребезги, не от шока, вызванного случившемся, а от этого грохота. Ирен увидела лежащий на земле револьвер, подняла его. Какая-то часть ее разума могла связно мыслить и удивилась: до чего же тяжелая штукавина. Тем не менее, она направила револьвер на водителя, потом перегнулась через него, выключила радиоприемник. Как только смолк гитарный грохот, услышала

пение птиц, лай двух собак и вой третьей... собака это была или нет, но она выла.

— Подай минивэн назад, — приказала она. — У тебя под колесом человек, которого ты сшиб. Медленно. А если вновь наедешь на мальчика, которого ты уже переехал, клянусь, я вышибу твои ослиные мозги.

Брайан Смит уставился на нее налитыми кровью, недоумевающими глазами.

— Какого мальчика? — спросил он.

3

Когда переднее колесо медленно скатилось с писателя, Роланд увидел, что нижняя половина тела Кинга повернута вправо под неестественным углом, а в штанине что-то выпирает. Скорее всего, сломанная берцовая кость. Кроме того, лоб раскололо камнем, о который он ударился, падая, так что правую часть лица залила кровь. Выглядел он хуже, чем Джейк, гораздо хуже, но стрелкухватило одного взгляда, чтобы понять, что он, скорее всего, все это переживет, если выдержит сердце и его не убьет шок. Вновь он увидел, как Джейк хватается этого человека за талию, закрывает, принимает удар на свое маленькое тельце.

— Снова вы, — прошептал Кинг.

— Ты вспомнил меня.

— Да. Теперь, — Кинг облизал губы. — Хочется пить. Воды у Роланда не было, а если бы и была, не дал бы он ее Кингу, разве что смочил губы. Жидкость могла вызвать у раненого рвоту, а в рвоте можно и захлебнуться.

— Сожалею.

— Нет. Ты не сожалеешь, — он вновь облизал губы. — Джейк?

— Вон там. На земле. Ты его знаешь?

Кинг попытался улыбнуться.

— Писал о нем. А где тот, что приходил с тобой? Где Эдди?

— Убит, — ответил Роланд. — В Девар-тои. Кинг нахмурился.

— Девар...? Я этого не знаю.

— Не знаешь. Вот почему мы здесь. Вот почему нам пришлось прийти сюда. Один из моих друзей мертв, второй, скорее всего, умирает, и тет распался. А все потому, что один ленивый, трусливый человек перестал делать работу, определенную ему ка.

Шоссе оставалось пустынным. Мир затих, если не считать лая собак, воя ушастика-путаника да пения птиц. Они словно застыли во времени.

«Может, мы и застыли», — подумал Роланд. Он повидал достаточно, чтобы поверить, что такое возможно. Возможно все, что угодно.

— Я потерял Луч, — ответил Кинг, лежа на ковре из сосновых иголок у самых деревьев. Летний свет струился сквозь ветви, окружая его зелено-золотым маревом.

Роланд подsunул руку под спину Кинга, помог ему сесть. Писатель вскрикнул от боли в сломанной ноге, но протестовать не стал. Роланд указал на небо. Толстые белые барашки-облака, предвестники хорошей погоды (los angeles^[92] — так называли их на ранчо Меджиса) висели в синеве, за исключением тех, что находились непосредственно над ними. Эти облака двигались быстро, словно подгоняемые ветром, который дул в узком коридоре.

— Вот! — яростно прошептал Роланд в поцарапанное, заляпанное грязью ухо. — Прямо над тобой! Вокруг тебя! Или ты его не чувствуешь? Или ты его не видишь?

— Да, — выдохнул Кинг. — Теперь вижу.

— И он всегда здесь был. Ты его не терял, ты просто отвернул от него свои трусливые глаза. Моему другу пришлось спасти тебя, чтобы ты увидел его вновь.

Левая рука Роланда похлопала по ремню-патронташу и вернулась с патроном. Поначалу его пальцы, отказывались крутить патрон, так сильно тряслась рука. И Роланду удалось унять дрожь, лишь напомнив себе: чем больше уйдет у него времени, чтобы ввести писателя в транс, тем выше вероятность того, что им помешают. Или Джейк умрет, пока он будет возиться с этим жалким, трусливым подобием мужчины.

Он поднял голову и увидел, что женщина все еще держит водителя на мушке. И правильно. Хорошая женщина. Почему Ган не дал написать историю Башни человеку с таким же, как у нее, характером? В любом случае, интуитивное решение оставить ее за рулем оказалось правильным. Смолкли и лай, вой. Ёш слизывал грязь и масло с лица Джейка. В минивэне Пуля и Пистоль жрали гамбургер. На этот раз хозяин им не мешал.

Роланд повернулся к Кингу, патрон начал привычный, уверенный танец, перепархивая от пальца к пальцу. Кинг практически сразу впал в транс, как случается с большинством людей, которых уже гипнотизировали. Его глаза оставались открытыми, но теперь они смотрели сквозь стрелка, куда-то далеко-далеко.

Сердце Роланда требовало, чтобы он как можно быстрее закончил с этим, но разум лучше знал, что надо делать. «Ты не должен все испортить.

Если только не хочешь, чтобы самопожертвование Джейка оказалось напрасным». Женщина смотрела на него, как и водитель, которого он видел в проеме открытой дверцы. Сэй Тассенбаум борется, Роланд это видел, но Брайан Смит тут же последовал за Кингом в страну снов. Стрелка это не удивило. Если этот человек хоть в малейшей степени понимал, что натворил, то схватился бы за любую возможность исчезнуть отсюда, пусть и на время.

Стрелок вновь сосредоточился на другом мужчине, который, получается, был его биографом. Начал так же, как и в первый раз. В его жизни прошло лишь несколько дней. Для писателя — больше двадцати лет.

— Стивен Кинг, ты меня видишь?

— Стрелок, я вижу тебя очень хорошо.

— Когда ты видел меня в последний раз?

— Когда мы жили в Бриджтоне. Когда мой тет был молодым. Когда я только учился писать, — пауза, и вот тут, по мнению Роланда, Кинг назвал главный ориентир, позволяющий определить какой-либо временной период, индивидуальный для каждого. — Когда я еще пил.

— Ты сейчас крепко спишь?

— Крепко.

— Тебе больно?

— Больно, да. Спасибо тебе.

Ушастик-путаник вновь завыл. Роланд огляделся, боясь того, что мог означать этот вой. Женщина опустила рядом с Джейком на колени. Роланд с облегчением увидел, как мальчик обнял ее за шею и притянул к себе, чтобы что-то прошептать на ухо. Если ему хватило на это сил...

«Прекрати! Ты видел, во что превратилась его грудная клетка под рубашкой. Нельзя терять времени на надежду».

Да, в жестокий он попал переплет: именно потому, что он любил Джейка, приходилось оставить ему умирать в компании Ёша и женщины, которую они встретили часом раньше.

Неважно. Его забота — Кинг. А если Джейк ступит на пустошь, когда его не будет рядом... «если ка так говорит, пусть так и будет».

Роланд собрал волю в кулак, максимально сосредоточился и вновь повернулся к писателю.

— Ты — Ган? — резко спросил он, не зная, откуда выскочил этот вопрос... но понимая — вопрос правильный.

— Нет, — без запинки ответил Кинг. Кровь из рваной раны на лбу сбегала по лицу, попадала в рот, он ее выплевывал, смотрел на Роланда, не моргая. — Когда-то так думал, но причина, пожалуй, в спиртном. И,

наверное, в гордыне. Ни один писатель не может быть Ганом... ни художник, ни скульптор, ни сочинитель музыки. Мы — кас-ка Гана. Не ка-Ган, а кас-ка Гана. Ты меня понимаешь? Ты... понимаешь меня?

— Да, — кивнул Роланд. Пророки Гана или певцы Гана: если можно отделить первых от вторых. И теперь он знал, почему задал вопрос.

— И песня, которую ты поешь — Вес'-Ка Ган. Не так ли?

— О, да, — ответил Кинг, улыбнулся. — Песнь Черепахи. Она слишком хороша для таких, как я, кто едва может держать мелодию!

— Мне это без разницы. — Он старался мыслить ясно и четко, насколько позволяло его состояние. — А теперь ты ранен.

— И парализован?

— Не знаю, — «да и плевать мне на это». — Мне известно одно — жить ты будешь, а когда снова сможешь писать, будешь слушать Песнь Черепахи, Вес'-Ка Ган, как слушал ее раньше. Парализованный или нет. И на этот раз будешь петь, пока песня не закончится.

— Хорошо.

— Ты...

— И Урс-Ка Ган, Песнь Медведя, — прервал его Кинг. Потряс головой, словно прочищая мозги, хотя эти движения, несмотря на гипноз, причиняли ему боль. — Урс-А-Ка Ган.

Крик Медведя? Рев Медведя? Роланд не знал. Ему оставалось лишь надеяться, что это неважно, просто писатель бормочет что-то свое.

Автомобиль с прицепом-дачей пронесся мимо, не притормозив. Потом в том же направлении промчались два больших мотоцикла. И вот тут Роланд, пожалуй, понял, что происходит: время не остановилось, но они, на какой-то период времени, стали невидимыми. От посторонних взглядов их укрыл Луч, который избежал разрушения и теперь мог помочь, хотя бы в этом.

«Скажи ему снова. Не должно быть недопонимания. И он не должен отступить, как отступался ранее».

Стрелок наклонился к самому лицу Кинга, их носы едва не соприкасались.

— На этот раз ты будешь петь, пока песня не закончится, будешь писать, пока не напишешь всю историю. Ты меня понимаешь?

— «И они жили дружно и счастливо до конца своих дней», —

мечтательно ответил Кинг. — Как бы мне хотелось, чтобы я мог так написать.

— И мне тоже, — ему этого действительно хотелось. Больше, чем чего-либо еще. Несмотря на постигшее его горе, слезы еще не пришли; глаза больше напоминали горячие камни. Возможно, слезы могли прийти позже, вместе с осознанием, что произошло на этой пустынной дороге.

— Я все сделаю, как ты говоришь, стрелок. Какой бы ни получилась история, когда будет подходить к концу, — голос Кинга ослабел. Роланд подумал, что скоро писатель лишится чувств. — Мне жаль твоих друзей, искренне жаль.

— Спасибо тебе, — ответил Роланд, все еще подавляя желание сжать руками шею писателя и задушить. Он начал вставать, но тут Кинг произнес несколько слов, которые остановили его.

— Ты слушал ее песню, как я тебе и говорил. Песнь Сюзанны?

— Я... да.

Теперь Кинг заставил себя приподняться на одном локте, хотя силы его иссякали, и голос зазвучал ясно и четко.

— Ты ей нужен. И она нужна тебе. А теперь оставь меня одного. Сохрани свою ненависть для тех, кто больше ее заслуживает. Я не создавал твою ка, как не создавал Гана или мир, и мы оба это знаем. Переступи через глупость... и горе... и делай то самое, о чем говоришь мне, голос Кинга поднялся до крика, рука оторвалась от земли, с неожиданной силой сжала запястье Роланда. — Закончи работу! »

И первая попытка ответить Роланду не удалась. Ему пришлось откашляться и начать снова.

— Спи, сэй... спи и забудь всех, за исключением человека, который наехал на тебя. Глаза Кинга закрылись.

— Забыть всех, кроме человека, который наехал на меня.

— Ты шел по обочине и этот человек тебя сбил.

— Шел... и этот человек меня сбил.

— Никого больше здесь не было. Ни меня, ни Джейка, ни этой женщины.

— Никого, — согласился Кинг. — Только он и я. Он скажет то же самое?

— Да. Очень скоро ты будешь крепко спать. Потом ты, возможно, почувствуешь боль, но сейчас ее нет.

— Сейчас боли нет. Крепкий сон, — изувеченное тело Кинга расслабилось на сосновых иголках.

— Но перед тем, как заснуть, еще раз послушай меня, — добавил

Роланд.

— Я слушаю.

— Женщина, возможно, придет к те... подожди. Тебе не снится любовь с мужчинами?

— Ты спрашиваешь, не гей ли я? Не скрытый ли гомосексуалист? — в слабом голосе Кинга слышались смешливые нотки.

— Не знаю, — Роланд помолчал. — Думаю, что да.

— Ответ — нет. Иногда мне снилась любовь с женщинами. По мере того, как становился старше, это случалось реже, а теперь таких снов не будет вовсе. Этот гребаный парень сильно изувечил меня.

«Но далеко не так сильно, как моего мальчика», подумал Роланд, но ничего не сказал.

— Если тебе снилась любовь с женщинами, то к тебе, возможно, придет женщина.

— Ты так говоришь? — в голосе Кинга проскальзывал слабый интерес.

— Да. Если она придет, то будет блондинкой. Заговорит с тобой о прелестях и удовольствиях пустоши. Она может назваться Морфиной, дочерью Сна, или Селеной, дочерью луны. Она может предложить взять тебя за руку и отвести туда. Ты должен отказаться.

— Я должен отказаться.

— Даже если тебя искусят ее глаза и груди.

— Даже тогда, — согласился Кинг.

— Почему ты откажешься, сэй?

— Потому что Песнь еще не допета.

Вот тут Роланд решил, что точка поставлена. Миссис Тассенбаум по-прежнему стояла на коленях рядом с Джейком. Не обращая внимания ни на нее, ни на мальчика, стрелок прошел к мужчине, который сидел за рулем мотоповозки, наделавшей столько бед. С широко раскрытыми, пустыми глазами, отвалившейся нижней челюстью. Струйка слюны текла по заросшему щетиной подбородку.

— Ты меня слышишь, сэй?

Мужчина не без страха кивнул. За его спиной обе собаки затихли. Четыре блестящих глаза смотрели на стрелка через зазор между сидениями.

— Как тебя зовут?

— Брайан, если вас это порадует... Брайан Смит.

Нет, его это совершенно не радовало. Перед ним сидел еще один человек, которого он бы с радостью задушил. Еще один автомобиль

проехал по шоссе, и на этот раз водитель, он или она, нажал на клаксон. Какой бы не была защита, она начала утончаться.

— Сэй Смит, ты сбил человека своим автомобилем, или грузомобилем, или как там ты его называешь.

Брайана Смита начала бить дрожь.

— Меня наказывали разве что штрафом за неправильную парковку, — заверещал он, — а вот теперь я сбил самого знаменитого писателя в нашем штате! Мои собаки подрались...

— Твоя ложь меня не злит, в отличие от страха, который заставляет тебя лгать. Заткнись.

Брайан Смит заткнулся. Лицо его бледнело все сильнее.

— Ты был один, когда сбил его, — продолжил Роланд. — Здесь никого не было, кроме тебя и писателя. Ты понимаешь?

— Я был один. Мистер, вы — проходящий?

— Кто я, неважно. Ты подошел к нему и увидел, что он все еще жив.

— Все еще жив, — повторил Смит. — Честное слово, я не хотел причинить ему вреда.

— Он заговорил с тобой. Поэтому ты и понял, что он жив.

— Да! — Смит улыбнулся. Потом нахмурился. — Что он сказал?

— Ты не запомнил. От волнения и испуга.

— От волнения и испуга. Волнение и испуг. Да, я переволновался и испугался.

— Теперь поезжай. По пути проснешься, мало-помалу. И когда доберешься до жилого дома или магазина, остановишься и скажешь, что на дороге лежит сбитый тобой человек. Который нуждается в помощи. Повтори, и не ошибись.

— Уехать отсюда, — его руки гладили руль, словно ему хотелось без промедления тронуться в путь. Роланд предположил, что так оно и есть. — Проснуться, мало-помалу. Добравшись до жилого дома или магазина, сказать им, что Стивен Кинг, сбитый автомобилем, лежит на обочине дороги и нуждается в помощи. Я знаю, что он еще жив, потому что он говорил со мной. Это был несчастный случай, — он помолчал. — Моей вины тут нет. Он шел по дороге, — пауза. — Вероятно.

«Важно ли мне, на кого ляжет вина за случившееся?» — спросил себя Роланд. И решил, что нет. В любом случае, Кинг вернулся бы к истории Темной Башни. И Роланд очень надеялся, что вину возложат именно на Кинга, потому что винить, прежде всего, следовало его. Нечего ему тут было делать.

— Теперь поезжай, — сказал он Брайану Смигу. — Не хочу тебя

больше видеть.

Смит завел двигатель с видом безмерного облегчения. Роланд даже не стал смотреть ему вслед. Он подошел к миссис Тассенбаум и упал на колени рядом с ней. Ёш сидел у головы Джейка, молчал, теперь понимая, что его вой более не услышит тот, по кому он скорбел. Произошло то, чего стрелок больше всего боялся. Пока он говорил с двумя мужчинами, которых терпеть не мог, мальчик, которого он любил больше других, больше, чем кого бы то ни было в своей жизни, даже Сюзан Дельгадо, покинул его во второй раз. Джейк умер.

5

— Он говорил с тобой, — Роланд взял Джейка на руки и начал нежно покачивать из стороны в сторону. «Рисы» позвякивали в сумке, что висела на плече у мальчика. Роланд уже чувствовал, как холодеет тело.

— Да, — кивнула Ирен.

— Что он сказал?

— Сказал, что я должна вернуться сюда за тобой, «после того, как здесь все закончится». Это его слова. И еще сказал: «Передай моему отцу, что я его люблю».

Из горла Роланда вырвался сдавленный, горестный звук. Ему вспомнился Федик, тот самый момент, когда они переступили порог нью-йоркской двери. «Хайл, отец», приветствовал его Джейк. И тогда Роланд прижимал мальчика к груди. Только мог слышать гулкое биение его сердца. И отдал бы все, чтобы вновь услышать эти удары.

— Он сказал и кое-что еще, но есть у нас сейчас время на разговоры, учитывая, что я смогу все рассказать позже?

Роланд сразу понял, о чем она. Брайан Смит и Стивен Кинг могли рассказать полиции очень простую историю. В ней не было места ни долговязому, закаленному в путешествиях мужчине с большим револьвером, ни женщине с седеющими волосами, ни, тем более, мертвому мальчику с сумкой на плече, в которой лежали тарелки с заостренной кромкой, и заткнутым за пояс пистолетом-пулеметом.

Один вопрос, впрочем, оставался: вернется женщина или нет. Она была не первым человеком, который, под его влиянием, делал нечто, ранее ему несвойственное, но стрелок знал, что отношение ее может разительно перемениться, как только она окажется наедине со своими мыслями. И не имело никакого смысла брать с нее клятву верности: «Ты обещаешь

вернуться сюда, сэй? Клянешься на остановившемся сердце этого мальчика?» Принося клятву, она могла подписаться под каждым своим словом, но передумать за первым же поворотом.

И однако, он не попросил магазинщика отвезти их на Тэтлбек-лейн, хотя была такая возможность. И не поменял женщину на старика, который косил траву около дома писателя.

— Позже, так позже, — согласился он. — А теперь, поторопись. Если по какой-то причине ты сочтешь, что не сможешь сюда вернуться, я не буду держать на тебя зла.

— А куда вы пойдете один? — спросила она. — У кого спросите, куда идти? Это же не ваш мир. Так?

Роланд вопрос проигнорировал.

— Если здесь еще будут люди, когда ты вернешься первый раз... стражи порядка, охранники, синерубашечники... не знаю, как вы их называете, проедешь мимо, не останавливаясь. Вернешься через полчаса. Увидев их, опять проедешь мимо. Так и катайся, пока они не уедут.

— Могут они заметить, что я езжу взад-вперед?

— Не знаю, — стрелок пожал плечами. — Могут?

Она задумалась, едва не улыбнулась.

— Здешние копы? Скорее нет, чем да.

Он кивнул, принимая ее суждение.

— Когда ты увидишь, что посторонних нет, остановись. Ты меня не увидишь, но я увижу тебя. Я буду ждать до темноты. Если ты не появишься, уйду.

— Я приеду за тобой, но не на этой жалкой пародии на пикап. Я приеду на «мерседес-бенц S600», — последнюю фразу она произнесла без гордости.

Роланд понятия не имел, что такое «мерседес-бендс», но кивнул, будто знал.

— Поезжай. Поговорим позже, после твоего возвращения.

«Если ты вернешься», — подумал он.

— Думаю, вам это понадобится, — она сунула револьвер в кобуру.

— Спасибо, сэй.

— Не за что.

Он наблюдал, как она идет к старому пикапу (который, по разумения Роланда, очень даже ей понравился, несмотря на доставшиеся ему пренебрежительные эпитеты), села за руль. И в этот самый момент он вдруг понял, что ему кое-что нужно, и это кое-что могло быть в кузове пикапа.

— Подожди! — крикнул он.

Миссис Тассенбаум уже взялась за ключ зажигания. Теперь убрала руку и вопросительно посмотрела на стрелка. Роланд осторожно положил Джейка на землю, под которой ему вскорости предстояло лежать (собственно, эта мысль и заставила его остановить женщину), и поднялся. Поморщился, положив руку на бедро, но только по привычке. Боли не было.

— Что? — спросила она, когда он подошел. — Если я сейчас не уеду... Для него на тот момент не имело значения, уедает она вообще или нет. — Да. Знаю.

Он заглянул в кузов. Там валялись какие-то инструменты, и стояло что-то прямоугольное, накрытое синим брезентом. Края брезента подоткнули под прямоугольный предмет, чтобы его не сдуло ветром. Освободив брезент, Роланд увидел восемь или десять ящичков, сделанных из жесткой бумаги, которую Эдди называл «кард-тоном». Ящички сдвинули вместе, вот и получился прямоугольник. Картинки на картоне подсказали стрелку, в ящичках — пиво. Но содержимое ящичков его совершенно не интересовало. С тем же успехом в них могла лежать взрывчатка.

Пришел он за брезентом.

Отступил от пикапа, держа его в руках.

— Теперь можешь ехать.

Она вновь взялась за ключ, который запускал двигатель, но не сразу повернула его.

— Сэр, я сожалею о вашей утрате. Хотела сказать вам об этом. Я вижу, как много значил для вас мальчик.

Роланд Дискейн склонил голову и ничего не сказал.

Ирен Тассенбаум еще несколько мгновений смотрела на него, напоминая себе, что иной раз лучше молчать, чем говорить, потом завела двигатель и захлопнула дверцу. Он наблюдал, как она выехала на асфальт (педалью сцепления уже пользовалась легко и уверенно) и резко развернулась, чтобы поехать на север к Ист-Стоунэму.

«Сожалею о вашей утрате».

И теперь он остался один со своей утратой. Один с Джейком. Роланд постоял, окинул взглядом небольшую рощу рядом с шоссе, посмотрел на двоих из тех трех, пути которых сошлись в этом месте: на мужчину, лежащего без сознания, и на мальчика, мертвого. Глаза Роланда, сухие и горячие, пульсировали в глазницах, и в этот момент он вдруг решил, что опять потерял способность плакать. Мысль эта ужаснула его. Если он не мог пролить слезу, после того, что приобрел и опять потерял, какой смысл в этих

приобретениях, этих потерях? Вот он и испытал огромное облегчение, когда слезы все-таки пришли. Поились из его глаз, смягчив их чуть ли не безумный синий блеск. Они бежали по грязным щекам. Он плакал практически беззвучно, лишь одно рыдание вырвалось из груди, но Ыш его услышал. Поднял морду к коридору быстро движущихся облаков и коротко взвыл. А потом вновь замолчал.

6

Роланд уносил Джейка все глубже и глубже в лес, а Ыш семенил рядом. То, что ушастик-путаник тоже плакал, Роланда больше не удивляло; он и раньше видел, как плакал зверек. И дни, когда он думал, что демонстрация Ышем разумности (и сочувствия) не более чем подражание, остались в далеком прошлом. На этой короткой прогулке Роланд думал, главным образом, о молитве за мертвых, которую услышал от Катберта во время их последней кампании, той самой, что закончилась на Иерихонском холме. Стрелок сомневался, что Джейк нуждается в молитве, чтобы отправить его в Потусторонье, но Роланду требовалось хоть чем-то занять свой разум, потому что он не чувствовал себя сильным. Боялся, что сойдет с ума, если мысли уйдут слишком далеко не в том направлении. Возможно, позже он мог побаловать себя истерикой, или даже гневом, излечивающим безумие, но не теперь. Он не мог позволить себе сломаться. Не мог допустить, чтобы мальчик зазря отдал свою жизнь.

Зелено-золотое марево, которое можно встретить только в лесах (и старых лесах, вроде того, где буйствовал медведь Шардик), сгущалось. Оно спускалось между деревьев тусклыми лучами, и место, где наконец-то остановился Роланд, больше напоминало церковь, чем поляну. От дороги, в западном направлении, он прошел примерно двести шагов. Положил Джейка на землю и огляделся. Увидел две ржавые банки из-под пива, несколько гильз, возможно, оставленных охотниками. Отбросил подальше в лес, чтобы очистить поляну. Посмотрел на Джейка, утерев слезы, чтобы увидеть его, как можно яснее. Лицо мальчика было чистым, как поляна, Ыш об этом позаботился, но один глаз оставался открытым, словно мальчик кому-то злобно подмигивал, и вот с этим надо было что-то сделать. Роланд опустил веко пальцем, а когда оно вновь подпрыгнуло вверх (как жалюзи с норовом), послунывил палец и вновь опустил веко. На этот раз оно не дернулось.

Рубашку Джейка перепачкали пыль и кровь. Роланд снял ее, потом

свою, надел на Джейка, перекатывая его, как куклу. Рубашка доходила Джейку почти до колен, но Роланд не стал заправлять ее: она скрыла и пятна крови на джинсах Джейка.

Ыш наблюдал за всем этим, его глаза с золотыми ободками блестели от слез.

Роланд ожидал, что земля под толстым слоем иголок будет мягкой, так оно и вышло. И он уже выкопал немалую часть могилы Джейка, когда услышал шум двигателя, доносящийся со стороны дороги. Другие мотоповозки проезжали мимо, с той поры, как он унес Джейка в лес, но этот неотрегулированный двигатель он узнал: вернулся мужчина на синем автомобиле. В том, что он вернется, полной уверенности у Роланда не было.

— Оставайся здесь, — прошептал он ушастику-путанику. — Охраняй своего хозяина, — нет, неправильно. — Оставайся и охраняй своего друга.

Он бы нисколько не удивился, если бы Ыш повторил команду (мог бы, к примеру, сказать: «Есь!»), тем же шепотом, но на этот раз зверек промолчал. Роланд наблюдал, как он улегся рядом с головой мальчика и перехватил в воздухе муху, уже собравшуюся сесть ему на нос. Уверенный, что команда услышана и будет выполняться, Роланд направился к дороге.

Брайан Смит уже вылез из мотоповозки и уселся на каменную стену, когда Роланд вновь увидел его. На коленях лежала трость (Роланд не знал, то ли трость эта чем-то дорога Брайану, то ли действительно необходима для передвижения, да его это и не волновало). Кинг вроде бы пришел в сознание, но соображал плохо. Мужчины разговаривали.

— Пожалуйста, скажите мне, что это всего лишь растяжение, — говорил писатель слабым, полным тревоги голосом.

— Нет! Я бы сказал, нога сломана в шести, может, в семи местах, — теперь, после того, как ему дали время, чтобы прийти в себя и, может, придумать свою версию, голос Смита звучал совершенно спокойно, где-то даже радостно.

— Подбодрите меня, почему бы вам этого не сделать, — лицо Кинга, та его часть, которую видел Роланд, цветом не сильно отличалась от мела, но кровь из рваной раны течь перестала. — У вас есть сигарета?

— Нет, — ответил Смит все тем же странно-веселым голосом. — Бросил курить.

Пусть Роланд и не был силен в прикосновениях, он, тем не менее, понял, что это не так. Просто у Смита остались только три сигареты, и он не хотел делиться ими с человеком, который мог купить достаточно сигарет, чтобы набить ими целый минивэн. «А кроме того», подумал Смит...

— А кроме того, попавшим в аварию лучше не курить, — Смит вдруг озаботился здоровьем других.

Кинг кивнул.

— Все равно трудно дышать.

— Должно быть, сломано и ребро, может, два. Меня зовут Брайан Смит. Я — тот, кто вас сбил. Извините, он протянул руку и... невероятно, но Кинг ее пожал.

— Ничего такого раньше со мной не случилось, продолжил Смит. — Меня не штрафовали даже за неправильную парковку.

Кинг, возможно, понял, что это ложь, может, и нет, но комментировать не стал. Думал о другом.

— Мистер Смит... Брайан... Был ли здесь кто-нибудь еще? Роланд, укрывшись среди деревьев, напрягся.

Вопрос этот заставил Смита задуматься. Он сунул руку в карман, достал батончик «Марс», начал снимать обертку. Потом покачал головой.

— Только вы и я. Но я уже позвонил по 911 и в «скорую помощь», из магазина. Они сказали, что какая-то из их машин совсем рядом. Сказали, что приедут очень быстро. Не волнуйтесь.

— Вы знаете, кто я.

— Господи, конечно! — воскликнул Брайан Смит и рассмеялся. Откусил кусочек батончика и принялся жевать, продолжая говорить. — Узнал вас сразу. Видел все ваши фильмы. Мой любимый — насчет сенбернара. Как там звали собаку?

— Куджо, — ответил Кинг. Это слово Роланд знал, его иногда произносила Сюзан Дельгадо, когда они оставались вдвоем. В Меджисе куджо означало «сладкий мой».

— Да! Отличный фильм! Настоящий ужастик! Я рад, что маленький мальчик выжил!

— В книге он умер, — тут Кинг закрыл глаза и застыл, дожидаясь приезда полиции и «скорой помощи».

Смит вновь куснул батончик.

— Мне понравилось и шоу, которое они сделали насчет клоуна! Очень клево!

Кинг не ответил. Глаза оставались закрытыми, но Роланд подумал, что

грудь писателя регулярно поднимается и опускается. Добрый знак.

А потом подкатила новая мотоповозка и резко свернула на обочину перед вэном Смита. Размерами с похоронный возок, но выкрашенная в оранжевый цвет вместо черного и с мигающими фонарями. Роланд не без удовольствия отметил, что она прокатилась по следам пикапа магазинщика, прежде чем остановиться.

Роланд ожидал, что из кабины вылезет робот, но вылез человек. Сунулся внутрь за черным саквояжем. Убедившись, что все идет, как должно, Роланд вернулся к тому месту, где оставил Джейка, передвигаясь, как всегда бесшумно и неприметно. Ни один сучок не треснул у него под ногами, ни одна птичка не сорвалась с ветки, испуганно замахав крыльями.

Вас удивит, после всего увиденного, после всех секретов, которые мы узнали, что в тот же день, в четверть шестого, миссис Тассенбаум, по-прежнему сидя за рулем старого пикапа Чипа Макэвоя, свернула на подъездную дорожку дома, в котором мы уже бывали? Вероятно, нет, потому что ка — колесо, и знает только одно — как катиться. Когда мы побывали здесь в 1977 году, и дом, и элинг на берегу озера Кейвадин-Понд были выкрашены в белый цвет, с зеленой отделкой. Тассенбаумы, которые купили дом в 1994 году, перекрасили его в приятный глазу бежевый цвет (безо всякой отделки; по мнению Ирен Тассенбаум, второй цвет — для тех людей, которые не могут сделать выбор). У съезда на подъездную дорожку они также установили щит-указатель с надписью «САНСЕТ КОТТЕДЖ». Если говорить о дяде Сэме, то надпись на щите стала частью их почтового адреса. Что же касается местных жителей, этот дом у южной оконечности Кейвадин-Понд, всегда будет называться домом старого Джона Каллема.

Она припарковала пикап рядом со своим темно-красным «бенцем» и вошла в дом, мысленно репетируя слова, которыми собиралась объяснять Дэвиду, как и почему она приехала на пикапе хозяина магазина, но «Сансет коттедж» встретил ее особенной тишиной, свойственной местам, где нет ни одной живой души; Ирен Тассенбаум сразу это поняла. Ей приходилось возвращаться во множество пустых мест, сначала в квартиры, потом — в дома, которые по прошествию лет становились все больше и больше. И не потому, что Дэвид, не дай Бог, пьянствовал где-то на стороне или бегал за юбками. Нет, он и его друзья обычно собирались в одном или другом гараже, в одной или другой подвальной мастерской, пили дешевое вино,

пиво, купленное в магазинах, торгующих со скидками, создавали Интернет плюс все программное обеспечение, необходимое для работы Всемирной паутины и упрощающее жизнь ее пользователям. А прибыли, хотя многие в это и не поверят, являлись побочным эффектом. Таким же, как и тишина, которая так часто встречала возвращающихся домой жен. А через какое-то время эта тишина, добиралась до тебя, сводила с ума, да-да, но не в этот день. В этот день Ирен только порадовалась тому, что дома никого нет.

«Ты переспшишь с Маршалом Дилланом, если он захочет тебя?»

Думать над этим вопросом необходимости не было. Она отвечала на него без запинки, да, она переспала бы с ним, если бы он ее захотел: на боку, на животе, как собачки, в позе миссионера, как он скажет. Но он же не захочет, даже если бы не скорбел по своему ушедшему юному

(сэю? сыну)

другу, он не захочет спать с ней, с ее морщинами, волосами, поседевшими у корней, отвислым животом, который не могла скрыть даже сшитая по фигуре одежда. Сама идея была нелепой.

Но да. Если бы он захотел, она бы с ним переспала.

Она посмотрела на холодильник и там, под одним из магнитов, с надписью: «МЫ — ЦЕНТР ПОЗИТРОНИКИ, СТРОИМ БУДУЩЕЕ, МИКРОСХЕМА ЗА МИКРОСХЕМОЙ», нашла короткую записку:

«Ри!

Ты хотела, чтобы я расслабился, вот я и расслабляюсь (черт побери!) Т. е. поехал ловить рыбу с Сонни Эмерсоном, на другой конец озера. Вернусь к семи, если не заедят комары. Если я привезу окуня, ты его почишишь и пригостишь?»

Д.

PS: У магазина что-то происходит, достаточно серьезное, чтобы привлечь 3 патрульные машины. Может, ПРИХОДЯЩИЕ???. Если что-то узнаешь, потом расскажи мне!»

Она сказала ему, что собирается во второй половине дня в магазин: за яйцами, молоком, которых она так и не купила, и он кивнул. «Да, дорогая, да, дорогая», — но в его записке нотки тревоги отсутствовали, просто удивительно, что он запомнил ее слова. А что, собственно еще она могла ожидать? Когда дело касалось Дэвида, информация входила в ухо А, информация выходила из уха Б. Добро пожаловать в мир гениев.

Она перевернула записку, взяла ручку из чашки, в которой их стояло штук пятнадцать, задумалась, потом написала:

«Дэвид!

Кое-что произошло, и мне нужно на некоторое время уехать. Как

минимум, на два дня, скорее, на три или четыре. Пожалуйста, не волнуйся обо мне и никому не звони, ОСОБЕННО В ПОЛИЦИЮ. Дело в дворовом коте».

Он это поймет? Она решила, что да, если вспомнит их первую встречу. В Санта-Монике, на заседании тамошнего отделения АОЗЖ^[93], среди рядов поставленных друг на друга клеток: любовь расцвела под лай щенков. «Клянусь Богом, Джеймс Джойс в чистом виде», — подумала Ирен. Он принес песика, которого нашел на улице в пригороде, недалеко от квартиры, в которой жил с полудюжиной своих яйцеголовых друзей. Она искала котенка, чтобы скрасить свою жизнь, в которой не было ни друзей, ни подруг. Тогда он щеголял пышной шевелюрой. А она... она находила забавными женщин, которым приходилось красить волосы. Время воровато, и едва ли не первым оно крадет чувство юмора.

После короткой паузы, Ирен добавила:

«Люблю. Ри».

Правда ли это? Ну, в любом случае, что написано, то написано. Не нравилось ей сначала писать, а потом зачеркивать. Зачеркнутые слова или строчки выглядели отвратительно. Она прикрепила записку к холодильнику тем же магнитом.

Взяла ключи от «мерседеса» из корзинки у двери, потом вспомнила про лодку, привязанную к крошечному причалу за магазином. Решила, что ничего с ней там не случится. И тут же вспомнила кое-что еще, фразу, сказанную ей мальчиком. «Он ничего не знает насчет денег».

Она прошла в кладовую, где они всегда держали тонкую пачку пятидесятидолларовых купюр (в этом захолустье были места, где, она могла в этом поклясться, не слышали о кредитных карточках), и взяла три полтинника. Уже направилась к двери, пожала плечами, вернулась и взяла три оставшиеся. Почему нет? Кто знает, что ждало ее впереди.

Пересекая кухню, вновь остановилась, чтобы взглянуть на записку. А потом, по совершенно непонятной ей причине, убрала с записки магнит с «Центром позитроники» и заменила апельсином.

Какое там будущее. На текущий момент ей с лихвой хватало настоящего.

Повозка «скорой помощи» отбыла, увозя писателя, как предположил Роланд, в ближайшую больницу или лазарет. Стражи порядка прибыли,

когда повозка уже отъезжала, и следующие полчаса говорили с Брайаном Смитом. Стрелок мог слышать их разговор с того места, где находился, за первым холмом. Вопросы синерубашечников звучали ясно и спокойно, ответы Смита мало чем отличались от бормотания. Роланд не счел нужным прервать работу. Если бы синие пришли сюда и нашли его, он бы с ними разобрался. Только обездвигил бы их, если бы они не стали сильно упираться; видят боги, убийств и так было слишком много. Но он собирался похоронить своего мертвого, так или иначе.

Он собирался похоронить своего мертвого.

Прекрасный зелено-золотой свет, заливавший поляну, начал темнеть. Комары нашли его, но он не прерывал свое занятие для того, чтобы убивать их, позволял им напиваться крови и отваливаться с полными животами. Он услышал, как вновь заработали двигатели, когда закончил руками копать могилу. Два двигателя заурчали ровно, третий, вэнмобиля Смита, затарахтел. Он слышал голоса только двух стражей порядка, из чего следовало, что они, если только на дороге не было третьего синерубашечника, который не произнес ни слова, собираются позволить Смигу самому вести свою машину. Роланд находил это странным, но, как и вопрос о том, парализовало Кинга или нет, его это совершенно не касалось. Касалось его только одно: достойно похоронить своего мертвого.

Он трижды прошелся по лесу в поисках камней, потому что могила, вырытая руками, всегда неглубокая, а звери, даже в таком одомашненном мире, всегда голодны. Камни он сложил в изголовье вырытой ямы, шрама, очерченного землей, такой плодородной, что цветом она напоминала черный атлас. Ыш лежал около головы Джейка, наблюдал, как стрелок уходит и приходит, ничего не говорил. Он всегда отличался от себе подобных, какими они стали после того, как мир сдвинулся. По предположению Роланда, именно чрезмерная болтливость Ыша стала причиной того, что его изгнали из тета, к которому он принадлежал, возможно, изгнали под угрозой смерти. Когда они набрели на этого зверька, неподалеку от города Речной Перекресток, он был тощим, оголодавшим, а на боку еще не зажила рана от укуса. Ушастик-путаник полюбил Джейка с первого взгляда: «Это же ясно, как божий день», — мог бы сказать Корт да и, если на то пошло, и отец Роланда). Именно с Джейком ушастик-путаник говорил больше всего. Роланд склонялся к мысли, что теперь, когда мальчик умер, Ыш будет по большей части молчать, и мысль эта служила еще одним подтверждением того, что потеря велика.

Роланд вспомнил, как мальчик стоял перед жителями Кальи Брин Стерджис, в свете факелов, такой юный и красивый, и казалось, что он

будет жить вечно. «Я — Джейк Чеймберз, сын Элмера, из рода Эльда, из ка-тета Девяносто девяти», — так он тогда сказал, и вот он здесь, в девяносто девятом году, лежит на земле, рядом с вырытой для него могилой.

Роланд вновь заплакал. Закрыв лицо руками, закачался взад-вперед, стоя на коленях, вдыхая аромат сосновых иголок и кляня себя, что не отказался от своих планов до того, как ка, этот старый и терпеливый демон, не показала ему истинную цену, которую придется заплатить ради достижения поставленной цели. Он бы отдал, что угодно, лишь бы изменить случившееся, засыпать эту яму, в которой пока еще ничего не лежало, но происходило все в мире, где время текло только в одну сторону.

10

Снова взяв себя в руки, он осторожно завернул Джейка в синий брезент, соорудил некое подобие капюшона вокруг застывшего, бледного лица. Лицо он собирался закрыть навсегда перед тем, как засыпать могилу, но не раньше.

— Ыш? — спросил он. — Ты будешь прощаться?

Ыш посмотрел на стрелка, и поначалу Роланд засомневался, а понял ли его ушастик-путаник. Но потом вытянул шею и в последний раз лизнул щеку мальчика языком.

— Ай, Эйк, — сказал он, то есть «Прощай, Джейк». Стрелок поднял тело мальчика (каким же он был легким, этот мальчик, который прыгал с сарая в сено с Бенни Слайтманом и плечом к плечу с отцом Каллагэном противостоял вампирам, каким удивительно легким; видать, вес его ушел вместе с жизнью) и опустил в могилу. Крошка земли упала на щеку, и Роланд убрал ее. Покончив с этим, снова закрыл глаза и задумался. Потом, наконец-то, запинаясь, начал. Он знал, что любой перевод на язык здешних мест будет корявым, но сделал все, что мог. И если душа Джейка находилась рядом, она бы поняла все слова.

— Время летит, погребальные колокола звенят, жизнь уходит, поэтому услышь мою молитву.

— Рождение — ничто иное, как начало смерти, поэтому услышь мою молитву.

— Смерть безмолвна, поэтому услышь мою речь.

Слова уплывали в зелено-золотое марево. Роланд их отпустил, потом продолжил. Уже более уверенно.

— Это Джейк, который служил ка и своему тету. Скажи, правильно.

— Пусть прощающий взгляд С'маны исцелит его сердце. Скажи, спасибо.

— Пусть руки Гана поднимут его из черноты этой земли. Скажи, спасибо.

— Окружи его, Ган, светом.

— Наполни его, Хлоя, силой.

— Если его мучает жажда, дай ему воды на пустоши.

— Если он голоден, дай ему еды на пустоши.

— Пусть его жизнь на этой земле и боль, через которую он прошел, станут, как сон, для его просыпающейся души, пусть его глаза увидят только то, что им приятно; пусть он найдет друзей, которых считал потерянными, и пусть каждый, кого он позовет, отзовется.

— Это Джейк, который жил достойно, любил тех, кто любил его, и умер, когда того захотела ка.

— Каждый человек должен умереть. Это Джейк. Дай ему покой».

Какое время он еще постоял на коленях, сцепив руки, думая о том, что до этого момента не понимал ни истинной силы печали, ни боли переживаний.

«Я не смогу дать ему уйти».

Но вновь в действие вступил жестокий парадокс: если не даст, жертва будет принесена зазря.

Роланд открыл глаза.

— Прощай, Джейк. Я люблю тебя, дорогой.

Потом укутал лицо мальчика синим капюшоном, чтобы защитить от дождя земли, которому предстояло пролиться на тело.

Засыпав могилу и обложив ее камнями, Роланд вернулся к дороге и изучил историю, которую рассказали ему следы на обочине, просто потому, что других дел у него не было. Покончив с этим бессмысленным занятием, сел на свалившееся дерево. Ёш остался у могилы, и у стрелка создалось впечатление, что он оттуда и не уйдет. Роланд собирался позвать Ёша после приезда миссис Тассенбаум, но понимал, что Ёш может и не прийти. Из этого следовало, что он решил присоединиться к своему другу на пустоши. Ушастик-путаник сторожил бы могилу Джейка, пока не умер бы от голода или его не сожрал бы какой-нибудь хищник. Мысль эта только

усилила печаль Роланда, но он уважал решение Ыша.

Десять минут спустя Ыш сам вышел из леса и сел у левого сапога стрелка.

— Хороший мальчик, — с этими словами Роланд погладил ушастика-путаника по голове. Ыш выбрал жизнь. Мелочь, конечно, но хорошая мелочь.

Еще через десять минут темно-красный автомобиль практически бесшумно подкатил к тому месту, где Кинга сшибла машина и погиб Джейк. Свернула на обочину. Роланд открыл дверцу со стороны пассажирского сидения, сел, по привычке поморщился от боли, которой уже не чувствовал. Ыш без приглашения запрыгнул в кабину, улегся у него между ног, свернулся, уткнувшись носом в бок, и вроде бы заснул.

— Вы позаботились о своем мальчике? — спросила миссис Тассенбаум, трогая «мерседес» с места.

— Да. Спасибо, сэй.

— Сейчас я не могу хоть как-то отметить это место, но потом обязательно что-нибудь здесь посажу. Вы знаете, что бы могло ему понравиться?

Роланд поднял голову и впервые после смерти Джейка улыбнулся.

— Знаю, — ответил он. — Роза.

Почти двадцать минут они ехали молча. Она остановилась у маленького магазинчика на окраине Бриджтона и залила полный бак бензина. Слово «МОБИЛ» Роланд узнал, оно встречалось ему в его странствиях. Когда она зашла в магазин, чтобы расплатиться, он вскинул голову и посмотрел на облака, los angeles, которые ровно и уверенно бежали по небу. Тропа Луча, и теперь она выделялась четче, если, конечно, он не принимал желаемое за действительное. Роланд предположил, что значения это не имеет, даже если и принимал. Если Луч еще не стал сильнее, то скоро таковым станет. Они сумели его спасти, но радости от этого достижения Роланд не испытывал.

Из магазина миссис Тассенбаум вышла с футболкой в руках, которую украшало изображение повозки-фургона, настоящей повозки-фургона, которую взяли в круг слова. Роланд смог понять только одно из них, «ГОРОД», и спросил ее, что написано на футболке.

— «ДНИ ГОРОДА БРИДЖТОНА, С 27 ИЮЛЯ ПО 30 ИЮЛЯ

1999», — ответила она. — Что здесь написано, неважно, главное — прикрыть вам грудь. Рано или поздно мы захотим остановиться, а в этих местах есть поговорка: «Нет рубашки, нет обуви, нет обслуживания». Сапоги у вас сбитые и ободранные, но, полагаю, во многих местах вас пустят на порог. А вот с голой грудью? Ах-ах, ничего не выйдет, Хосе. Позже я куплю вам рубашку с воротничком и приличные брюки. Эти джинсы такие грязные, что, думаю, могут стоять сами по себе, — последовал короткий (но яростный) внутренний диспут, после чего она решилась озвучить свои мысли. — На вас, я бы сказала, два миллиона шрамов. И это только на той части тела, которую я вижу.

Роланд на ее слова не отреагировал.

— У тебя есть деньги? — спросил он.

— Я взяла триста долларов дома, куда заезжала за автомобилем, и при мне было тридцать или сорок. Есть еще кредитные карточки, но ваш ушедший от нас друг сказал, что я, пока смогу, должна расплачиваться наличными. Если удастся, до того момента, как мы с вами расстанемся. Он сказал, что вас могут искать. Назвал их «низшими людьми».

Роланд кивнул. Да, в этом мире могли оставаться «низшие люди», а после того, как он и его ка-тет основательно порушили планы их хозяина, они будут охотиться на него с удвоенным рвением. С превеликим удовольствием отрежут ему голову, чтобы преподнести ее Алому Королю. Да и голову сэй Тассенбаум, если выяснят, что она помогала ему.

— Что еще сказал тебе Джейк? — спросил Роланд.

— Что я должна отвезти вас в Нью-Йорк, если вы захотите поехать туда. Что там есть дверь, через которую вы сможете попасть в город Фейдаг.

— Что-нибудь еще?

— Да. Он сказал, что есть еще одно место, где вы захотите побывать перед тем, как пройти через дверь, она искоса, можно сказать, застенчиво, глянула на него. — Есть?

Роланд задумался, кивнул.

— Он также говорил с собакой. Похоже... приказывал ей? Давал инструкции? — она с сомнением посмотрела на Роланда. — Могло такое быть?

Роланд решил, что да. Женщину Джейк мог только просить. Что же касается Ыша... что ж, поэтому, наверное, Ыш и не остался у могилы, пусть ему и хотелось.

Какое-то время они ехали молча. Дорога вывела их на более широкую, забитую автомобилями и грузовиками, которые мчались с огромной

скоростью по многим полосам движения. Ей пришлось остановиться у шлагбаума и заплатить, чтобы выехать на другую дорогу. Деньги собирал робот с ведерком в руке. Роланд подумал, что сможет уснуть, но, стоило ему закрыть глаза, увидел лицо Джейка. Потом Эдди, с бесполезной повязкой на лбу. «Если это я вижу, закрывая глаза, — подумал он, — что будет ждать меня во снах?»

Он снова открыл глаза и наблюдал, как «мерседес» съезжает на дорогу по гладкому пандусу, вливается в сплошной транспортный поток. Наклонился к дверце, через окно посмотрел на небо. Облака, los angeles, двигались над ними, в том же направлении. Они оставались на Тропе Луча.

— Мистер? Роланд?

Она подумала, что он задремал с открытыми глазами. Теперь же повернулся к ней, сидя на пассажирском, ковшеобразном сидении, с лежащими на коленях руками, здоровая прикрывала изувеченную, прятала ее. Она подумала, что не видела другого такого человека, так не вязавшегося с «мерседесом». Или с любым другим автомобилем. И еще подумала, что не видела человека, который выглядел таким уставшим.

«Но он не выдохся. Думаю, далеко не выдохся, хотя он может придерживаться другого мнения».

— Зверек... Ыш?

— Да, Ыш, — услышав свое имя, ушастик-путаник поднял голову, но не повторил имени, как сделал бы днем раньше.

— Это собака? Или не совсем собака.

— Он не совсем зверек. И уж точно не собака.

Ирен Тассенбаум открыла рот, потом закрыла. Ей это давалось с трудом, поскольку не привыкла она молчать, если находилась в кампании. И рядом с ней сидел мужчина, которого она находила привлекательным, несмотря на все его горе и усталость (а может, в какой-то степени, именно из-за горя и усталости). Умиравший мальчик попросил ее отвезти этого мужчину в Нью-Йорк и сопроводить в те места, где он хотел побывать. Сказал, что о Нью-Йорке его друг знает еще меньше, чем о деньгах, и она верила, что так оно и есть. Но она также верила, что мужчина этот опасен. Она хотела задать ему много вопросов, но вдруг он бы на них ответил? Она понимала, чем меньше будет знать, тем выше у нее шансы, после его ухода, влиться в прежнюю жизнь, из которой ее выдернули во второй половине

этого самого дня, без четверти четыре. Влиться, как она влилась в платную автостраду, выехав на нее с боковой дороги.

Она включила радиоприемник и нашла станцию, по которой крутили «Удивительную благодать»^[94]. Когда она вновь посмотрела на своего необычного спутника, он смотрел на темнеющее небо и плакал. Тут она посмотрела вниз и увидела что-то еще более необычное, пробравшее ее до глубины души, чего не случалось уже пятнадцать лет, с того момента, как ее первая и единственная попытка родить ребенка закончилась выкидышем.

Незверек, несобака, Ыш... тоже плакал.

14

Она свернула с автострады 95 сразу же за границей штата Массачусетс и сняла им два соседних номера в дешевом отеле, который назывался «Морской бриз». Не подумала о том, что нужно взять с собой очки для вождения, те самые, которые она называла мухожопкиными очками («Если я их надеваю, то могу разглядеть мухину жопку»), да и все равно не любила ездить ночью. В мухожопкиных очках или нет, ночная езда ее нервировала, а вот это могло привести к мигрени. С мигренью она бы просто не смогла сесть за руль, а пузырек с «Имитрексом» остался в аптечке в их доме в Ист-Стоунэме.

— Кроме того, — объяснила она Роланду, — если эта «Тет корпорейшн», которая тебе нужна, — где-то в дороге она сочла возможным перейти на ты, — находится в административном здании, ты все равно не сможешь попасть туда до понедельника.

Возможно, она знала, что это не так. Рядом с ней сидел мужчина, который обычно попадал в те места, куда хотел попасть. Никто не мог его удержать. Ирен решила, что это — одна из причин, по которым к нему влечет женщин.

Так или иначе, он не возражал против того, чтобы они провели ночь в мотеле, но идти с ней обедать отказался, поэтому она сбегала в ближайший ресторан быстрого обслуживания и купила еду за стойкой КЖК^[95]. Поели они в номере Роланда. Ирен, не задавая лишних вопросов, поставила тарелку и перед Ышем. Тот съел кусок курицы, аккуратно держа его в передних лапах, а потом отправился в ванную и улегся спать на коврик.

Почему они назвали это место «Морской бриз»? — спросил Роланд. В отличие от Ыша, он попробовал все блюда, но удовольствия не выказал. Ел,

как человек, делающий свою работу. — Запаха океана я не чувствую.

— Ну, наверное, почувствовал бы, если б ветер дул в правильном направлении и со скоростью урагана. Мы это называем поэтическим воображением, Роланд.

Он кивнул, неожиданно (во всяком случае, для нее) показав, что понимает, о чем речь.

— Красивая ложь.

— Да, пожалуй.

Она включила телевизор, надеясь, что Роланда это отвлечет, его реакция ее потрясла (хотя она убеждала себя, что всего лишь развеселила). Когда он сказал ей, что не может этого видеть, она не поняла, как воспринимать его слова; поначалу подумала, что он говорит об интеллектуальной убогости того, что показывали на экране. Потом решила, что он говорит (пусть и не прямо) о постигшем его горе, трауре, в котором он пребывает. И только когда он уточнил, что слышит голоса, да, но видит только полосы, от которых слезятся глаза, до нее дошло, что он говорил о том, что было на самом деле: он не видел экранной «картинки». Ни серии «Розанны», которую показывали далеко не в первый раз, ни рекламного ролика кукурузных хлопьев, ни говорящих голов в местном выпуске новостей. Она дождалась, пока не прошел сюжет со Стивеном Кингом (на вертолете его доставили в Центральную больницу штата Мэн в городе Льюистон, где тем же вечером сделали операцию, которая позволила спасти ему правую ногу; состояние писателя оценивалось, как удовлетворительное, впереди его ждали новые операции, дорога к полному выздоровлению представлялась долгой и неопределенной), потом выключила телевизор.

Она выкинула объедки и одноразовую посуду (после обеда, купленного в КЖК, их всегда набиралось много), смущенно пожелала Роланду спокойной ночи (он ей ответил, рассеянно, словно мыслями был совсем в другом месте, отчего она занервничала и опечалилась) и прошла в свой номер. С час посмотрела какой-то старый фильм с Юлом Бриннером, который играл сошедшего с ума робота-ковбоя, потом выключила телевизор, пошла в ванную, чтобы почистить зубы. Только тут поняла, что забыла захватить с собой зубную щетку. Почистила зубы, как могла, пальцем, потом легла на кровать в трусиках и лифчике (о ночной рубашке тоже вовремя не подумала). Пролежала час, прежде чем поняла, что прислушивается к звукам за тонкой, как бумага, стеной, и, особенно, одному звуку: грохоту выстрела из револьвера, который Роланд снял вместе с ремнем перед тем, как вылезти из кабины и пройти в мотель. Одного-

единственного выстрела, который бы означал, что Роланд нашел наиболее простой способ положить конец своей печали.

Когда больше не могла выносить тишины в соседнем номере, поднялась, оделась и вышла из мотеля, чтобы посмотреть на звезды. Там и нашла Роланда, сидевшего на бордюрном камне. Несобака лежала рядом с ним. Хотела спросить, как ему удалось так тихо выйти из номера, что она этого не услышала (стены-то такие тонкие, а она так сильно напрягала слух), но передумала. Вместо этого спросила, что он тут делает, и обнаружила, что совершенно не готова ни к правдивости ответа, ни к абсолютной беззащитности повернувшегося к ней лица. Думала, что Роланд, как принято в современном цивилизованном обществе, уйдет от прямого ответа, а он ответил с ужасающей честностью.

— Я боюсь идти спать. Я боюсь, что мои мертвые друзья придут ко мне, а если я их увижу, меня это убьет.

Она пристально посмотрела на Роланда, освещенного с двух сторон, как из окна его номера, так и ужасным, холодным, хэллоуиновским светом натриевого уличного фонаря.

И хотя ее сердце билось так сильно, что сотрясало всю грудь, голос звучал достаточно спокойно, когда она спросила: «Тебе станет легче, если я лягу с тобой?»

Он обдумал ее вопрос, кивнул.

— Думаю, да.

Она взяла его за руку, и они прошли в номер, который она сняла для него. Он разделся без малейших признаков смущения, она оглядела, в благоговейном трепете и страхе, множество шрамов, которые покрывали верхнюю часть его тела: красную полосу от удара ножом на одном бицепсе, бледный след ожога на другом, белые перекрестные шрамы от плетей на лопатках и между ними, три углубления, которые могли остаться только после пулевых ранений. И разумеется, изуродованная правая рука. Ей мучило любопытство, но она знала, что никогда не решится спросить, откуда что взялось.

Она разделась сама, после короткого колебания сняла бюстгальтер. Грудь повисли, на одной тоже был шрам, после операции — не ранения. И что с того? Она никогда не тянула на модель, даже в свои лучшие годы. И даже в свои лучшие годы не полагала себя буферами и задом, приложенными к системе жизнеобеспечения. Никому, даже мужу, не позволяла допустить такую же ошибку.

Трусики она, однако, оставила. Если бы подстригла волосы на лобке, возможно, сняла бы и их. Обязательно бы подстригла, если б, поднявшись

утром, знала, что вечером будет лежать в кровати с незнакомым мужчиной, в номере дешевого отеля, а рядом, в ванной, на коврик будет спать невиданный зверь. И, конечно, захватила бы с собой зубную щетку и тюбик «Крэста»^[96].

Когда он обнял ее, она ахнула и напряглась, потом расслабилась. Но очень медленно. Его бедра прижимались к ее заду, и она чувствовала, мужчина он, хоть куда, но, вероятно, думал он только о душевном покое: пенис оставался вялым.

Он сжал ее левую грудь, прошелся большим пальцем по шраму, оставшемся после удаления опухоли.

— Что это? — спросил он.

— Ну, — спокойствия в голосе не осталось, — доктор сказал мне, что через пять лет у меня будет рак. Вот они и вырезали опухоль до того, как она могла... ну не знаю, как это называется... метастазы появляются позже, если появляются.

— До того, как она успела созреть?

— Да. Точно. Хорошо, — ее сосок затвердел, как камень, и он, несомненно, это чувствовал. Ой, как странно все получилось.

— Почему твое сердце бьется так сильно? — спросил он. — Я тебя пугаю?

— Я... да.

— Не бойся меня, — сказал он. — С убийствами покончено, — долгая пауза. Они слышали легкий гул, доносящийся с автострады: движение не замирало ни на секунду. — Пока, — добавил он.

— Понятно, — выдохнула она. — Хорошо.

Его рука обхватывала ее левую грудь. На шее чувствовалось его дыхание. Прошла целая вечность, может — час, а может — пять минут, дыхание стало реже и глубже, и она поняла, что он уснул. Ее это порадовало и разочаровало одновременно. Несколько минут спустя она тоже заснула, и уже давно не спала так крепко. Если он и видел во снах своих ушедших друзей, то ее не тревожил. Когда она проснулась в восемь утра, он, обнаженный, стоял у окна, смотрел в узкую щелку, чуть отодвинув занавеску одним пальцем.

— Ты спал? — спросила она.

— Немного. Можем ехать?

Они могли бы добраться до Манхэттена в три часа дня, а въехать в город в воскресенье гораздо проще, чем в понедельник утром, в «час пик», но отели в Нью-Йорке стоили дорого, так что ей наверняка пришлось бы воспользоваться кредитной карточкой. Вот почему они остановились в «Мотеле 6» в городе Харвич, штат Коннектикут. Она сняла один номер, и в ту ночь он занялся с ней любовью. Не потому, что хотел, она это чувствовала, просто понял, что этого хочет она. Может, нуждается в этом.

Это было потрясающе, хотя она и не могла точно объяснить, почему; несмотря на все эти шрамы под ее руками, какие-то гладкие, какие-то шершавые, создавалось ощущение, что она занималась любовью во сне. И в ту ночь ей приснился сон: она видела поле роз, на дальнем краю которого стояла огромная Башня, построенная из черного камня. В стене, на приличной высоте, светились красные фонари... только у нее возникло ощущение, что не фонари это, а глаза.

Ужасные глаза.

Она слышала поющие голоса, много голосов, тысячи, и поняла, что некоторые из них — голоса его ушедших друзей. Проснулась со слезами на щеках и осознанием потери, хотя он лежал рядом с ней. Она знала, что после этого дня она его больше не увидит. Понимала, что оно и к лучшему. И, однако, согласилась бы на что угодно, лишь бы он вновь занялся с ней любовью, пусть даже отдавала себе отчет в том, что любовью он занимался не с ней: даже когда входил в нее, мысли его были далеко-далеко, с теми голосами.

С теми ушедшими голосами.

Глава 3. Снова Нью-Йорк (Роланд показывает удостоверение личности)

1

В понедельник, 21 июня 1999 года, солнце светило на Нью-Йорк, как будто Джейк Чеймберз не лежал мертвым в одном мире, а Эдди Дин — в другом; как будто Стивен Кинг не лежал в палате интенсивной терапии в больницы Льюистона, только на короткие периоды времени приходя в сознание; как будто Сюзанна Дин не сидела наедине со своим горем в поезде, который мчался по древним, разболтанным рельсам по темным просторам Тандерклепа в город-призрак Федик. Другие хотели сопроводить ее в этой поездке, хотя бы до Федика, но она попросила отправить ее одну, и они уважили ее желание. Она знала, что ей полегчает, если она сможет поплакать, но пока ей это не удавалось: несколько слезинок, как короткие, бесполезные дожди в пустыне, вот и все, на что она сумела сподобиться, хотя у нее и было жуткое предчувствие, что ей многое не известно и на самом деле все гораздо хуже.

«Хрен тебе, никакое это не предчувствие», пренебрежительно прокаркала Детта из глубин подсознания, когда Сюзанна, сидя у окна, смотрела на темные и скалистые бесплодные земли и изредка встречающиеся руины деревень и городов, покинутых после того, как мир сдвинулся. — Нет у тебя интуиции, девочка! Только вопрос, на который ты не можешь ответить: кто из них, старый, длинный, уродливый или юный мастер Сладенький сейчас гостят у твоего мужчины в пустоши на краю тропы».

— Пожалуйста, нет, — пробормотала она. — Пожалуйста, никому не надо у него гостить. Господи, я не переживу еще одной смерти.

Но Бог оставался глухим к ее молитве, Джейк оставался мертвым, Темная Башня по-прежнему возвышалась на краю Кан'-Ка Ноу Рей, отбрасывая тень на миллион кричащих роз, а в Нью-Йорке жаркое летнее солнце светило как на хороших людей, так и на плохих.

Можешь сказать мне аллилуйя?

Спасибо, сэй.

А теперь пусть кто-нибудь прокричит мне большой, достойный бога-бомбы аминь.

Миссис Тассенбаум оставила автомобиль в гараже «Быстрая парковка» на Шестьдесят третьей улице (знак-указатель, стоявший на тротуаре, изображал рыцаря в доспехах за рулем «кадиллака», с копьем, торчащим из окна водителя), где она и Дэвид круглогодично арендовали две ячейки. Их квартира находилась неподалеку, и она спросила Роланда, не хочет ли он пойти туда, принять душ, немного отдохнуть... хотя и не могла не признать, что он и так выглядит неплохо. Она купила ему новые джинсы и белую рубашку, рукава которой он закатал до локтей. Она купила также расческу и баллончик мусса для волос, который больше напоминал суперклей. С его помощью ей удалось убрать со лба непокорные, тронутые сединой волосы и открыть интересное, пусть и угловатое лицо. По его чертам она бы сделала вывод, что среди предков Роланда были и квакеры, и индейцы чероки. Сумка с орисами снова висела у него на плече. В ней теперь лежал и револьвер с ремнем-патронташем. Сверху он прикрыл содержимое сумки футболкой с надписью на груди «ДНИ ГОРОДА БРИДЖТОНА...»

Роланд покачал головой.

— Я благодарен тебе за предложение, но хотел бы как можно скорее сделать то, что должен здесь сделать, а потом вернуться туда, где мое место, — он оглядел толпы спешащих по тротуарам людей. — Если такое есть.

— Ты мог бы остаться в квартире на пару дней и отдохнуть. Я бы побыла с тобой, — «и затрахала бы тебя до упада, если тебе угодно», — подумала она и не могла не улыбнуться. — Я понимаю, ты не останешься, но хочу, чтобы ты знал, есть такая возможность. Он кивнул.

— Спасибо тебе, но есть женщина, которая ждет моего возвращения, хочет, чтобы я вернулся, как можно быстрее, — он чувствовал, что это ложь, и большая ложь. С учетом того, что уже произошло, какая-то его часть полагала, что Сюзанна Дин хочет, чтобы Роланд вернулся в ее жизнь, ничуть не больше младенца, мечтающего, чтобы в его бутылочку с молоком добавили крысиного яда. Айрин Тассенбаум, однако, приняла его слова за правду. И какая-то ее часть стремилась вернуться к мужу. Она позвонила ему прошлым вечером (из телефона-автомата, расположенного в миле от мотеля, из соображений безопасности), и у нее создалось впечатление, что Дэвид Тассенбаум наконец-то соблаговолил обратить на нее внимание. После знакомства с Роландом внимание Дэвида уже не тянуло на первый

приз, максимум, на второй, но что-то, как известно, лучше, чем ничего. Она же понимала, что Роланд Дискейн очень скоро исчезнет из ее жизни, а ей придется одной возвращаться в северную часть Новой Англии и объяснять, что с ней приключилось. Какая-то ее часть скорбела о неизбежном расставании с Роландом, но приключений последних сорока, или около того, часов, могло хватить ей до конца жизни, не так ли? Не только приключений, но и пищи для размышлений, это тоже. Прежде всего, мир оказался гораздо сложнее, чем она себе его представляла. А реальность — шире.

— Хорошо, — кивнула она. — Прежде всего ты хочешь попасть на угол Второй авеню и Сорок шестой улицы, правильно?

— Да, — Сюзанна не успела рассказать им многого из происшедшего после того, как Миа умыкнула их общее тело, но стрелок знал, что высокое здание (Эдди, Джейк и Сюзанна называли такие небоскребами) стоит теперь на месте пустыря, и штаб-квартира «Тет корпорейшн» наверняка находится в этом здании. — Нам понадобится так-си?

— Сможешь ты и твой мохнатый друг пройти семнадцать коротких кварталов и два или три длинных? Решение за тобой, но я бы не отказалась размять ноги.

Роланд не знал, насколько длинен длинный квартал и насколько короток короткий, но ему хотелось выяснить, полностью ли ушла боль из правого бедра или при повышенной нагрузке появится вновь. Теперь эта боль перешла к Стивену Кингу, вместе с болью от сломанных ребер и удара по голове. Роланд не завидовал ему в этом, но, по крайней мере, боль вернулась к тому, кто ее заслуживал.

— Пошли, — согласился он.

Пятнадцать минут спустя он стоял по другую сторону улицы от огромного, черного сооружения, уходящего в летнее небо, стараясь не дать отвалиться нижней челюсти, которая, возможно, все равно упала на грудь. Он видел перед собой не Темную Башню, во всяком случае, не свою Темную Башню (хотя он бы не удивился, узнав, среди людей, работавших в этой небо-башне, а некоторые из них читали о приключениях Роланда, были и такие, кто именно так, а не «Хаммаршельд-Плаза-2», называли место своей работы), но не сомневался, что перед ним двойник Башни в Ключевом мире, точно так же, как роза в этом мире являла собой поле роз;

поле, которое он видел в столь многих снах.

Он мог слышать поющие голоса, перекрывающие шум и лязг транспортного потока. Женщине пришлось трижды позвать его и, в конце концов, дернуть за рукав, чтобы он вспомнил о ее существовании. Когда же он повернулся к ней, с неохотой, то увидел, что смотрит она не на башню на другой стороне улицы (в конце концов, выросла она в той части Америки, что располагалась в часе езды от Манхэттена, и высокие здания давно ее не удивляли), а на скверик, разбитый на их стороне улицы. И на лице читается восторг.

— Какой прекрасный маленький сквер. Я, должно быть, сотню раз бывала на этом углу, а заметила его впервые. Ты видишь фонтан? И скульптуру черепахи?

Он видел. И хотя Сюзанна не рассказала им эту часть истории, Роланд знал, что она здесь побывала, вместе с Миа, ничьей дочерью, и сидела на скамье, расположенной ближе всех к влажному панцирю черепахи. Он буквально видел ее на этой скамье.

— Я бы хотела пойти туда, — застенчиво сказала она. — Мы можем? Есть время?

— Да, — ответил он и последовал за ней через железную калитку.

4

Маленький сквер умиротворял, но тишины они там не нашли.

— Ты слышишь поющих людей? — спросила миссис Тассенбаум, понизив голос практически до шепота. — Где-то неподалеку поет хор?

— Можешь поставить свой последний доллар, — ответил Роланд, и тут же об этом пожалел. Фраза эта досталась ему в наследство от Эдди, а каждое воспоминание о его смерти причиняло боль. Он подошел к черепахе и упал на колени, чтобы рассмотреть ее более внимательно. Маленький скол на клюве напоминал выбитый зуб. На панцире виднелась царапина в форме вопросительного знака и выцветшие розовые буквы.

— Что тут написано? — спросила она. — Что-то насчет черепахи, но это все, что я могу разобрать.

— Смотри — ЧЕРЕПАХА, панцирь горой, — ему читать надобности не было, он знал и так.

— И что это означает? Роланд поднялся.

— Слишком длинная история, чтобы влезать в нее. Ты бы хотела подождать меня здесь, пока я схожу туда? — он мотнул головой в сторону

башни, темные стекла окон которой поблескивали на солнце.

— Да, — кивнула она. — Хотела бы. Сяду на лавочке, буду греться на солнце и ждать тебя. Здесь я словно набираюсь сил. Я говорю глупости?

— Нет, — он покачал головой. — Если с тобой попытается заговорить человек, который тебе не понравится, Айрин... я думаю, этого не случится, но такая возможность есть, соберись, насколько сможешь, и позови меня.

Ее глаза широко раскрылись.

— Так ты — эспер^[97]?

Роланд не знал такого слова, но догадался, что она имеет в виду, и кивнул.

— Ты это услышишь? Услышишь меня?

Он не мог гарантировать, что услышит наверняка. В здании могли быть устройства, затрудняющие прием мыслей, вроде думалок, которые носили кан-тои, и тогда ни о какой телепатической связи не могло быть и речи.

— Возможно. Как я и говорю, маловероятно, чтобы у тебя возникли проблемы. Это безопасное место.

Она посмотрела на черепашу, панцирь которой блестел от брызг воды.

— Действительно, безопасное, — губы начали растягиваться в улыбке, но Айрин вновь стала серьезной. — Ты вернешься, не так ли? Не бросишь меня здесь, не... — она дернула плечиком. И разом помолодела. — По меньшей мере, не попрощавшись?

— Никогда в жизни. И мои дела в этой башне не должны занять много времени, — собственно и дел-то у него не было, если только... если только тот, кто руководил сейчас «Тет корпорейшн» не захотел бы встретиться с ним. — Нам нужно будет пойти еще в одно место, и именно там Ыш и я попрощаемся с тобой.

— Хорошо, — кивнула она и села на скамью. Ушастик-путаник улегся у ее ног. Край скамьи намочила вода, на Айрин были новые слаксы (она купила их в том же магазине, где брала джинсы и рубашку для Роланда) но ее это не волновало. В такой теплый, солнечный день слаксы быстро бы высохли, а ей хотелось быть поближе к черепаше. Изучать ее крошечные, неподвластные времени глаза, продолжая вслушиваться в эти благозвучные голоса. Она думала, что здесь так спокойно. Слово это совершенно не ассоциировалось с Нью-Йорком, но скверик, в котором она сидела, похоже, кардинально отличался от остального Нью-Йорка. В скверике царствовали покой и умиротворенность. Она подумала, что ей стоит привести сюда Дэвида и, если сидя на этой скамье, она расскажет ему историю трех последних дней своей жизни, он, пожалуй, не сочтет ее безумной. Или

совсем уж безумной.

Роланд двинулся к выходу из скверика, легкой походкой, как человек, который может идти дни и недели, не снижая скорости. «Я бы не хотела, чтобы он шел по моему следу», — подумала Айрин, и при этой мысли по ее телу пробежала дрожь. Он уже подошел к железной калитке, за которой начинался тротуар, остановился, повернулся к ней. Напевно продекламировал:

«Смотри — ЧЕРЕПАХА, панцирь горой,
Тащит на нем весь шар земной
Думает медленно, тихо ползет
Всех нас знает наперечет.^[98]
На панцире правды несет тяжкий груз,
Там долг и любовь заключили союз,
Она любит горы, леса и моря
И даже такого мальчонку, как я».^[99]

И ушел, все той же легкой походкой, ни разу не оглянувшись. Она сидела и наблюдала, как он постоял на углу с другими пешеходами, дожидаясь, пока загорится табличка «ИДИТЕ», пересек улицу, с сумкой на плече. Наблюдала, как он поднялся по ступеням к дверям «Хаммаршельд-Плаза-2» и скрылся внутри. Потом откинулась на спинку скамьи, закрыла глаза и вслушалась в поющие голоса. В какой-то момент поняла, что как минимум два слова из тех, что они пели — ее имя и фамилия.

Роланду показалось, что великое множество людей входили в здание, но это было восприятие человека, который провел последние годы по большей части в пустынных местах. Если бы он пришел сюда без четверти девять, когда люди действительно шли на работу, а не двумя часами позже, его бы поразил людской поток. А теперь большинство тех, кто работал в знании, сидели в своих кабинетах и кабинках, плодя бумаги и байты информации.

Окна вестибюля, из прозрачного стекла, поднимались как минимум на два, а то и на три этажа. Поэтому вестибюль заливал свет и, стоило Роланду войти, как горе, не отпускавшее его с того самого момента, как он опустился на колени рядом с Эдди на улице Плизантвилля, растаяло, будто дым. Здесь поющие голоса звучали сильнее, пел не просто хор, а огромный хор. И он видел, что голоса эти слышали и другие. На улице люди спешили по своим делам, опустив головы, занятые своими заботами, не замечая красоты дарованного им дня; здесь они не могли не чувствовать хотя бы части той благодати, которую в полной мере ощущал стрелок и пил, как

воду в пустыне.

5

Словно во сне, он неспешно шагал по плитам из розового мрамора, слыша, как стучат его каблуки, слыша, как переговариваются орисы в плетеной сумке. И думал: «Люди, которые здесь работают, хотели бы здесь жить. Они, возможно, этого не знают, но хотели бы. Люди, которые здесь работают, находят предлоги задержаться на работе подольше. И всех их ждет долгая и плодотворная жизнь».

В центре огромного, с высоким потолком помещения, где каждый шаг отдавался гулким эхом, дорогой мраморный пол уступал место квадратному участку простой черной земли. Этот квадрат обтягивали веревки из бархата цвета красного вина, но Роланд знал, что даже в веревках никакой необходимости нет. Никто не решился бы ступить в этот маленький садик, даже кан-тои-самоубийца, отчаянно стремящийся прославиться. Это была святая земля. Там росли три карликовые пальмы и растения, которых он не видел с тех пор, как покинул Гилеад: спатифиллум^[100], так, вроде бы оно называлось, хотя в этом мире у него могло быть другое название. Росли в садике и другие растения, но разбили сад ради одного.

Розы, которая росла в центре квадрата.

Ее не пересаживали, Роланд понял это сразу. Нет. Она росла там же, где и в 1977 году, когда место, где он сейчас стоял, было пустырем, заваленным мусором и разбитыми кирпичами, а над забором возвышался щит с сообщением, что товарищество Строительной компании Миллза и риэлтерской конторы «Сомбра» намеревается построить здесь роскошный кондоминиум «Бухта Черепахи». Но вместо кондоминиума здесь построили это здание, высотой более чем в сто этажей, и построили его вокруг розы. И кто бы и над чем здесь не работал, все это было вторично.

Здание «Хаммаршельд-Плаза-2» было храмом.

6

По плечу Роланда постучали, и он развернулся так резко, что привлек несколько тревожных взглядов. Встревожился и сам. Давно уже, возможно, с тех пор, как был подростком, никто не мог незаметно для него

приблизиться на расстояние вытянутой руки. И уж на этом мраморном полу он бы, конечно...

Молодую (и ослепительно красивую) женщину, подошедшую к нему, конечно же, удивила резкость его реакции, но руки, которые он вытянул, чтобы схватить ее за плечи, ухватили сначала воздух, а потом стукнулись друг от друга, и этот глухой звук эхом отразился от потолка вестибюля, высокого, как в Колыбели Луда. Он смотрел в зеленые, широко раскрытые и настороженные глаза женщины, и мог бы поклясться, что угрозы для него в них нет, но, однако, она смогла сначала захватить его врасплох, потом ускользнуть от...

Он посмотрел на ноги женщины и получал хотя бы часть ответа. Таких туфель он никогда раньше не видел. На толстой, словно из пены, подошве, с парусиновым верхом. Действительно, в таких туфлях она могла передвигаться бесшумно по твердой поверхности. Что же касается самой женщины...

Глядя на нее, он отметил для себя следующее: во-первых, «видел лодку, на которой она приплыла», так иногда говорили в Калье Брин Стерджис о фамильном сходстве; во-вторых, если в этом мире, особом Ключевом мире, возникало сообщество стрелков, то он столкнулся с представительницей этого сообщества.

— И разве можно было найти лучшее место для такой встречи, чем у садика, в котором росла роза?

— Я вижу твоего отца в твоём лице, но не могу назвать его имени, — Роланд понизил голос. — Скажи мне, кто он, если тебя это не затруднит.

Женщина улыбнулась, и Роланд почти что ухватил имя, в поисках которого рылся в памяти, но в последний момент оно все-таки ускользнуло. Такое случается часто, память — большая скромница.

— Вы никогда с ним не встречались... но я понимаю, почему вы думаете, что видели его. Я назову его вам позже, если не возражаете, но сначала я хочу сопроводить вас наверх, мистер Дискейн. Там ждет человек, который хочет... — на мгновение она смутилась, словно подумала, что кто-то наказал ей произнести определенное слово, с тем, чтобы над ней посмеялись. Потом ямочки появились в уголках рта, а зеленые глаза весело блеснули, будто в голове у нее мелькнула другая мысль: «Если они хотели выставить меня на посмешище, пойду им навстречу», — ...человек, который хочет посоветоваться с вами, — закончила она.

— Хорошо, — кивнул он.

Она легонько коснулась его плеча, чтобы еще на несколько мгновений задержать на том месте, где он стоял.

— Меня попросили проследить, чтобы вы прочитали знак в Саду Луча. Вы прочитаете?

Роланд ответил сухо, с извиняющимися нотками.

— Прочитаю, если смогу, но я плохо разбираю ваш письменный язык, хотя, когда я говорю, на этой стороне меня достаточно хорошо понимают.

— Я думаю, это вы прочитать сможете. Во всяком случае, попытайтесь, — она вновь легонько коснулась его плеча, разворачивая стрелку к квадрату земли в мраморном полу вестибюля, не той земли, что привезли в тачках высокооплачиваемые садовники, но настоящей земли, которая всегда была на этом месте. Земли, которую могли обрабатывать, рыхлить, удобрять, но которая оставалась неизменной.

Поначалу попытка прочитать надпись на маленькой бронзовой табличке не удалась. Он практически не понимал ни слова, как не понимал большинство надписей в витринах магазинов или слов на обложках журналов. И уже собрался сказать об этом, попросить женщину со знакомым лицом прочитать ему надпись, когда буквы изменились, превратившись в буквы Высокого слога Гилеада. Так что он смог прочитать написанное, и легко. Как только прочитал, буквы стали прежними.

— Ловко, — отметил он. — Табличка откликается на мои мысли?

Она улыбнулась, ее губы покрывала какая-то розовая сладкая субстанция, и кивнула.

— Да. Если бы вы были евреем, английский сменился бы ивритом, русским — кириллицей.

— Ты говоришь правильно?

— Да.

Вестибюль зажил в привычном ритме... только, Роланд это уже понял, ритм этого места отличался от ритма других административных зданий. Живущим в Тандерклепе предстояло всю жизнь страдать от легких заболеваний, вроде фурункулов и экземы, головной боли и звона в ушах; а вот умирали они (зачастую в молодом возрасте) от тяжелой и мучительной болезни, вроде скоротечного рака, который буквально сжирал человека и сжигал нервы, как костры, на которых тамошние жители готовили пищу. В «Хаммаршельд-Плаза-2» все было наоборот: тут царили здоровье и гармония, доброжелательность и великодушие. Эти люди не слышали пение розы, но и нужды в этом не было. Они были счастливыми, и на каком-то уровне сознания каждый из них это понимал... и в этом было самое большое счастье. Он наблюдал, как они входят в вестибюль и идут к лифтам, бодрым шагом, размахивая своими мешками и сумками, своим снаряжением и амуницией, и ни один не шел по прямой, соединяющей

двери и лифты. Некоторые подходили к квадрату земли, который зеленоглазая женщина назвала Садам Луча, но даже у тех, кто не подходил, траектория движения превращалась в дугу, выгнутую к квадрату земли, словно он являл собой мощный магнит. А если бы кто-нибудь попытался причинить вред розе? У лифтов за маленьким столиком сидел охранник, Роланд это видел, толстый и старый. Но это не имело ровно никакого значения. Если бы возникла какая-то угроза, у всех, кто находился в вестибюле, в голове раздался бы тревожный вскрик, пронзительный и повелительный, как свисток, который могут услышать только собаки. И они бы тут же набросились на потенциального обидчика розы. Сделали бы это быстро, не заботясь о собственной безопасности. Роза могла защитить себя, когда росла на пустыре среди мусора и сорняков (во всяком случае, притягивала тех, кто мог ее защитить), и в этом ничего не изменилось.

— Мистер Дискейн? Вы готовы подняться наверх?

— Да, — кивнул он. — Веди меня, куда должна отвести.

7

Он смог соотнести лицо женщины с фамилией в тот самый момент, когда они подошли к лифту. Возможно, потому, что увидел ее в профиль, и форма скулы стала последней подсказкой. Он вспомнил, как Эдди пересказывал ему разговор с Келвином Тауэром, который состоялся после того, как Джек Андолини и Джордж Бьонди покинули «Манхэттенский ресторан для ума». Тауэр говорил о семье своего самого лучшего друга. «Они хвалятся, что на их фирменных бланках уникальная шапка, единственная в Нью-Йорке, а то и в Соединенных Штатах. Она состоит из одного слова: „ДИПНО“.

— Ты — дочь сэя Эрона Дипно? — спросил он. — Конечно же, нет, ты слишком молода. Его внучка?

Ее улыбка поблекла.

— У Эрона не было детей, мистер Дискейн. Я — внучка его старшего брата, но мои родители и дедушка умерли молодыми. Так что воспитывал меня, главным образом, Эйри.

— Так ты его называла? Эйри?

— Называла, когда была маленькой, да и когда выросла, тоже, — она протянула руку, улыбка вернулась. — Нэнси Дипно. И я очень рада, что встретилась с вами. Немного испугана, но рада.

Роланд пожал руку, но чисто формально, практически лишь

прикоснувшись к ней. Потом, вложив куда больше души (все-таки с этим ритуалом он вырос, понимал его), приложил кулак ко лбу и согнул ногу.

— Долгих дней и приятных ночей, Нэнси Дипно! Улыбка расплылась до ушей.

— И пусть у вас их будет в два раза больше, Роланд из Гилеада! Пусть у вас их будет в два раза больше.

Двери открылись, они вошли в кабину лифта и поднялись на девяносто девятый этаж.

Из лифта вышли в большое круглое фойе. Пол устилал темно-розовый ковер, цвет которого в точности соответствовал цвету лепестков розы. Напротив лифта Роланд увидел стеклянные двери с надписью «ТЕТ КОРПОРЕЙШН». За ними находилось еще одно фойе, размером поменьше, где за столом сидела женщина и, похоже, говорила сама с собой. В наружном фойе, справа от лифта, стояли двое мужчин в деловых костюмах. Они разговаривали друг с другом, сунув руки в карманы, вроде бы совершенно расслабленные, но Роланд сразу заметил, что расслабленностью тут и не пахнет. И они были вооружены. Пиджаки им сшили отлично, но, если человек знает, где искать оружие, то обычно замечает его, если оно есть. Эти двое парней могли стоять в фойе час, может, два (даже профессионалам трудно оставаться в полной боевой готовности дольше), всякий раз, когда открывались двери лифта, изображая непринужденный разговор, но оба среагировали бы мгновенно, заподозрив неладное. Роланд такие меры предосторожности одобрял.

Долго, однако, разглядывать охранников он не стал. Как только понял, с кем имеет дело, сразу перевел взгляд на другую половину фойе, куда ему хотелось посмотреть с того самого момента, как открылись двери кабины лифта. По левую руку на стене висела черно-белая картина, вернее, фотография (поначалу он думал, что слово это — фоттеграфия) длиной в пять футов и высотой в три, без рамки. Ее приклеили к стене, поверхность которой так хитро изогнули, что фотография казалась дырой в другую, навсегда застывшую реальность. Трое мужчин в джинсах и рубашках с расстегнутыми воротничками сидели на верхней жерди изгороди, зацепившись мысками сапог за нижнюю жердь. Как часто, задался вопросом Роланд, он видел ковбоев или *pastorillas*^[101], которые сидели точно также, наблюдая за клеймением, кастрированием или объездкой

диких лошадей. Сколько раз он сам сидел точно также, или один, или с одним или несколькими членами своего давнего тета, Катбертом, Аланом, Джейми Декарри, которые сидели по обе стороны от него, точно так же, как Джон Каллем и Эрон Дипно сидели по сторонам чернокожего мужчины в очках с золотой оправой и крохотными седыми усами? Воспоминания это вызвали боль, и не только боль в голове; сжало желудок, сердце ускорило бег. Фотограф запечатлел мужчин, когда они все трое над чем-то смеялись, и ему удалось создать совершенство, неподвластное времени, выхватить момент, когда люди радуются и тому, какие они есть, и тому, где находятся.

— Отцы-основатели, — прокомментировала Нэнси. В голосе звучали как веселые, так и грустные нотки. — Фотография сделана на курорте для сотрудников в 1986 году. Таос^[102], штат Нью-Мексико. Три городских парня в стране ковбоев. Что-то в этом роде. И такое ощущение, что это едва ли не лучшее мгновение в их жизни.

— Ты говоришь правильно, — согласился Роланд.

— Вы знаете всех троих?

Роланд кивнул. Он знал всех, все так, пусть и ни разу не встречался с Мозесом Карвером, мужчиной в центре. Компаньоном Дэна Холмса, крестным отцом Одетты Холмс. На фотографии Карвер выглядел крепким и пышущим здоровьем старичком лет семидесяти, хотя в 1986 году возраст его уже приближался к восьмидесяти. Может, к восьмидесяти пяти. Разумеется, напомнил себе Роланд, следовало учитывать один непредсказуемый фактор: чудо, что росло в вестибюле этого здания. Роза, конечно, не могла быть фонтаном юности, точно так же, как черепаха в скверике на другой стороне улицы не могла быть настоящей Матурин, но он же думал, что она могла обладать некими благотворными качествами, не так ли? Да, думал. Некими целительными качествами? Да, думал. Верил он, что Эрон прожил девять лет, разделявшие 1977 и 1986 годы, благодаря заменившим Прим таблеткам и методам лечения стариков? Нет, не верил. Эти трое мужчин, Карвер, Каллем и Дипно, встретились, почти что чудом, в весьма преклонном возрасте, чтобы бороться за розу. Их история, стрелок в этом не сомневался, могла бы стать отдельной книгой, отличной, захватывающей книгой. Так что верил он в другое: роза продемонстрировала свою благодарность.

— Когда они умерли? — спросила он Нэнси Дипно.

— Джон Каллем ушел первым, в 1989 году, — ответила она. — Умер от пулевого ранения. Протянул в больнице двенадцать часов, достаточно долго, чтобы попрощаться со всеми. Он приехал в Нью-Йорк на ежегодное заседание совета директоров. Согласно полиции Нью-Йорка, стал жертвой

ограбления, которое закончилось стрельбой. Мы уверены, что его убил агент «Сомбры» или «Северного центра позитроники». Возможно, один из кан-тои. Были и другие покушения, но они не удались.

— «Сомбра» и «Центр позитроники» заодно. Служат в этом мире Алому Королю.

— Мы знаем, — она указала на мужчину, который сидел слева от Карвера, на которого была так похожа. — Дядя Эрон прожил до 1992 года. Когда вы с ним познакомились... в 1977?

— Да.

— В 1977 никто бы не поверил, что он сможет прожить так долго.

— Его тоже убили зверолюди?

— Нет, вернулся рак, ничего больше. Он умер в своей постели. Я была с ним до самого конца. Его последние слова: «Передай Роланду, мы сделали все, что могли». Вот я и передаю.

— Спасибо, сэй, — он услышал хрипоту в своем голосе, и ему оставалось лишь надеяться, что Нэнси примет ее за резкость. Многие делали для него все, что могли, не так ли? Очень многие, начиная с Сюзан Дельгадо, так много лет тому назад.

— Вы в порядке? — в ее голосе слышалось искреннее сочувствие.

— Да, все хорошо. А Мозес Карвер? Когда ушел он? Она вскинула брови, потом рассмеялась.

— Что?...

— Посмотрите сами, — не дала ему договорить Нэнси.

И указала на стеклянные двери. Изнутри к ним направлялся, уже миновав сидевшую за столом женщину, которая вроде бы разговаривала сама с собой, иссохший мужчина с курчавыми, торчащими во все стороны волосами и такими же седыми, кустистыми бровями. Его темная кожа казалась светлой в сравнении с кожей женщины, на руку которой он опирался. Высокий, если бы возраст не согнул ему спину, в шесть футов и три дюйма, он, однако, уступал в росте женщине с ее шестью футами и шестью дюймами. Едва ли кто назвал бы ее красоткой, но не стоило не замечать дикарской красоты ее лица. Лица воительницы.

Лица стрелка.

Если бы не согнувшаяся спина, Мозес Карвер и Роланд смотрели бы друг другу в глаза. А так Карверу приходилось чуть поднимать голову, что

он и делал, по-птичьи наклоняя ее вбок. Просто поднять голову он, похоже, не мог: артрит свел подвижность шейных позвонков к нулю. Глаза у него были карие, но белки стали такими темными, что не представлялось возможным определить, где заканчивались радужки, и в них, за очками с золотой оправой, прыгали веселые чертики. Никуда не делись и крохотные усики, совсем как на фотографии.

— Роланд из Гилеада! — воскликнул он. — Как давно я мечтал о встрече с тобой, сэр! Я уверен, только эта мечта так долго и поддерживала во мне жизнь после ухода Джона и Эрона. Отпусти меня на минуту, Мариан, отпусти! Я должен кое-что сделать!

Мариан Карвер отпустила его и посмотрела на Роланда. Он не услышал ее голос в голове, да и необходимости в этом не было. Все, что она от него хотела, читалось по глазам: «Подхватите его, если он упадет, сэй».

Но мужчина, которого Сюзанна называла папа Моуз, не упал. Он поднес неплотно сжатый, со скрюченными артритом пальцами кулак ко лбу, потом согнул правое колено, перенеся вес своего трясущегося тела на правую ногу.

— Хайл, последний стрелок, Роланд Дискейн из Гилеада, сын Стивена и прямой потомок Артура Эльдского. Я, последний из тех, кто называл себя ка-тетом Розы, приветствую тебя.

Роланд поднес сжатый кулак ко лбу и не просто согнул колено, опустил на него.

— Хайл, папа Моуз, крестный отец Сюзанны, дин ка-тета Розы, я всем сердцем приветствую тебя.

— Благодарю, — ответил старик и рассмеялся, как мальчишка. — Мы хорошо встретились в Доме Розы. На том самом месте, которое кое-кто хотел превратить в Могилу Розы. Ха! Скажи мне, что это не так? Можешь?

— Нет, потому что это была бы ложь.

— Правильно говоришь! — воскликнул старик и вновь заливисто рассмеялся. — Но в своем возрасте я забываю про хорошие манеры, стрелок. Эта красивая высокая женщина, что стоит рядом со мной, для тебя было бы естественным назвать ее моей внучкой, потому что мне стукнуло семьдесят, когда она родилась, в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Но правда в том, что иногда самое лучшее приходит в жизни поздно, в том числе и дети. В общем, я произнес столько слов, чтобы сказать тебе, что это моя дочь, Мариан Одетта Карвер, президент «Тет корпорейшн» с тех пор, как я оставил этот пост в девяносто седьмом, в возрасте девяносто восьми лет. И ты думаешь, у некоторых испортится настроение, Роланд, если они

узнают, что эта корпорация, которая теперь стоит добрых десять миллиардов долларов, управляется негритянкой? — акцент его усилился, последнюю фразу он произнес, как необразованный негр из южной глубинки.

— Перестань, папа, — голос высокой женщины звучал мягко, но чувствовалось, что возражений она не потерпит.

— Сердечный монитор, который ты носишь, поднимет тревогу, если не перестанешь, а времени у этого человека в обрез.

— Она командует мною, как железной дорогой! — возмущенно воскликнул старик. При этом повернул голову и озорно и добродушно подмигнул Роланду, зная, что его дочь этого не видит.

«Как будто она не в курсе твоих штучек, старик, подумал Роланд, улыбнувшись, несмотря на печаль. — Как будто за многие и многие годы, скажи делах, она не выучила их назубок».

— Мы скоро посовещаемся с вами, Роланд, но сначала я бы хотела кое-что увидеть.

— В этом нет никакой необходимости, — голос старика переполняло возмущение. — В этом нет необходимости, и ты это знаешь! Или я воспитал ослицу?

— Он наверняка прав, — кивнула Мариан, — но осторожность...

— ...еще никому не вредила, — закончил за нее стрелок. — Это хорошее правило. Так что ты хочешь увидеть? Чем можно убедить тебя в том, что я — это я, и ты мне поверишь?

— Вашим револьвером, — ответила она.

Роланд вытащил из сумки футболку с «ДНЯМИ ГОРОДА», потом достал завернутую в ремень-патронташ кобуру. Размотал его, вынул из кобуры револьвер с рукояткой из сандалового дерева. Услышал, как Мариан Карвер благоговейно вдохнула, но сделал вид, будто не заметил. Двое охранников в сшитых по фигуре костюмах приблизились, с широко раскрытыми глазами.

— Вы это видите! — вскричал Мозес Карвер. — Ага, все видите! Потом сможете рассказывать внукам, что видели Экскалибур, меч Артура, потому что это одно и то же!

Роланд протянул отцовский револьвер Мариан. Он знал, что ей нет необходимости брать его в руки для подтверждения того, что перед ней стоит Роланд из Гилеада, она проверила это до того, как разрешила привести его в самое сердце «Тет корпорейшн» (где плохой человек мог причинить огромный вред), и поначалу она действительно не решалась взять револьвер. Потом, однако, совладала с нервами, взяла, и глаза ее

удивленно раскрылись, когда она почувствовала его вес. Следя за тем, чтобы не прикоснуться к спусковому крючку, поднесла ствол к глазам, провела пальцем по выгравированному завитку около мушки:

— Вы скажете мне, что он означает, мистер Дискейн? — спросила она.

— Да, если ты будешь называть меня Роландом.

— Если вы просите, я постараюсь.

— Это знак Артура, — он сам провел пальцем по завитку. — Он выбит и на двери его склепа. Знак его старшинства и означает он — БЕЛИЗНА.

Старик протянул трясущиеся руки, молча, но требовательно.

— Он заряжен? — спросила Мариан Роланда, потом добавила, прежде чем стрелок успел ответить. — Разумеется, заряжен.

— Дай ему револьвер, — сказал Роланд.

На лице Мариан читалось сомнение, на лицах охранников его было еще больше, но папа Моуз по-прежнему тянул руки к вдоводелу, и Роланд кивнул. Женщина с неохотой протянула револьвер отцу. Старик взял его, подержал в руках, а потом сделал нечто такое, от чего стрелка бросило и в жар, и в холод. Поцеловал ствол, обхватив его старыми губами.

— И каков он на вкус? — в голосе Роланда слышалось искреннее любопытство.

— У него вкус древности, стрелок, — ответил Мозес Карвер. — Как и у меня, — и он протянул револьвер женщине, рукояткой вперед.

Она вернула оружие Роланду, похоже, радуясь тому, что избавилась от его убийственного веса, и он вновь завернул револьвер в ремень-патронташ.

— Пойдемте, — она приглашающе указала на дверь. — И пусть наше время коротко, мы постараемся, чтобы вы провели его с радостью, насколько позволит твое горе.

— Аминь! — воскликнул старик и хлопнул Роланда по плечу. — Она по-прежнему жива, моя Одетта, которую ты зовешь Сюзанной. Вот так-то. Подумал, что ты порадуешься, узнав об этом, сэр.

Роланд порадовался и благодарно кивнул.

— Пойдемте, Роланд, — повторила Мариан Карвер, Пойдемте. Добро пожаловать в наш дом, который точно так же и ваш дом, и мы знаем, велика вероятность того, что вам никогда больше не удастся здесь побывать.

Кабинет Мариан Карвер занимал северо-западный угол девяносто девятого этажа. Стены в нем были из стекла без единой металлической стойки или средника, так что от открывшегося вида у Роланда перехватило дыхание. Он словно висел высоко над землей, а лежащий под ним город поражал воображение. И однако, он уже видел этот город, потому что узнал висячий мост, а также некоторые высотные здания по эту сторону от него. Должен был узнать мост, потому что они чуть не погибли на нем в другом мире. На этом мосту Джейка похитил Гашер и отвел к Тик-Таку. Перед Роландом лежал город Луд, каким он был в пору своего расцвета.

— Вы называете этот город Нью-Йорк? — спросил он. — Называете, да?

— Да, — ответила Нэнси Дипно.

— А этот мост, как вы его называете?

— Мост Джорджа Вашингтона, — ответила Мариан Карвер. — Или просто Эм-дэ-ве, если ты — местный.

Мало того, что он видел перед собой мост, по которому они попали в Луд, так и отец Каллагэн отправился в свои странствия по пешеходному мостику, который перекинули через реку рядом с МДВ. Роланд помнил эту часть истории отца Каллагэна, помнил очень хорошо.

— Не хотите ли чего-нибудь выпить? — спросила Нэнси. Он уже собрался ответить отказом, но отметил, как кружится у него голова, и передумал. Что-нибудь он бы и выпил, но лишь для того, чтобы очистить мозги от тумана, раз уж требовалась ясность мыслей.

— Чая, если он у вас есть. Горячего, крепкого чая, с сахаром или медом. Найдется такой у вас?

— Найдется, — Мариан нажала кнопку на столе. Заговорила с кем-то, кого Роланд не видел, и тут же женщина в приемной, та самая, что вроде бы говорила сама с собой, поднялась из-за стола.

Заказав горячие напитки и сэндвичи, Мариан наклонилась вперед и поймала взгляд Роланда.

— Мы хорошо встретились в Нью-Йорке, Роланд, я этому рада, но наше время здесь... не жизненно важное. И, подозреваю, вы знаете, почему.

Стрелок обдумал ее слова, потом кивнул. С некоторой осторожностью, но за долгие годы осторожность в какой-то степени стала частью его природы. Среди его друзей были такие, скажем, Алан Джонс или Джейми Декарри, кто обладал врожденной осторожностью, но к Роланду это не относилось. Роланд предпочитал сначала стрелять, а уж потом задавать вопросы.

— Нэнси попросила вас прочитать надпись на табличке в Саду

Луча, — продолжила Мариан. — Вы...

— Сад Луча, скажите, Бог! — вмешался Карвер. В коридоре, по пути в кабинет дочери, он прихватил трость с подставки, стилизованной под слоновью ногу, и теперь ударил набалдашником по ковру, подчеркивая важность своих слов. Мариан все терпеливо снесла. — Скажите, Бог-бомба!

— Недавняя дружба моего отца с преподобным Харриганом, который читает проповеди на углу под нами, не самое знаменательное событие в моей жизни, ну да ладно. Так вы прочитали надпись на табличке, Роланд?

Он кивнул. Нэнси Дипно использовала какое-то другое слово, знак или сигул, но, как он понимал, речь шла об одном.

— Английские буквы переменились в буквы Высокого Слога. Я смог прочитать ее очень хорошо.

— И что там написано?

— «ОТ „ТЕТ КОРПОРЕЙШН“ В ЧЕСТЬ ЭДУАРДА КАНТОРА ДИНА И ДЖОНА „ДЖЕЙКА“ ЧЕЙМБЕРЗА», — он помолчал. — Там еще написано: «Кам-а-кам-мал, Приа-тои, Ган делах», что означает «БЕЛИЗНА ВЫШЕ КРАСНОТЫ, ПО ВЕЛЕНИЮ ГАНА ТАК БУДЕТ ВСЕГДА».

— Для нас это: «ДОБРО ВЫШЕ ЗЛА, ТАКОВА ВОЛЯ БОЖЬЯ».

— Восславим Господа! — воскликнул Мозес Карвер, стукнул тростью. — Пусть поднимется Прим.

В дверь тихонько постучали, в кабинет вошла женщина, которая сидела в приемной, с серебряным подносом в руках. Роланд с интересом смотрел на маленький черный клубенек, который висел перед ее губами на тонкой черной проволоке, которая уходила в волосы женщины. Конечно же, какое-то устройство для разговоров на расстоянии. Нэнси Дипно и Мариан Карвер помогли женщине переставить на стол чашки с дымящимся чаем и кофе, вазочки с сахаром и медом, глиняный кувшинчик со сливками. Появилась на столе и тарелка с сэндвичами. Желудок Роланда заурчал. Он подумал о своих друзьях, лежащих в земле, им больше сэндвичи не есть, об Айрин Тассенбаум, сидящей в маленьком скверике на другой стороне улицы, терпеливо дожидаящейся его. Любая из этих мыслей могла полностью отбить у него аппетит, но желудок вновь дал о себе знать неприличным звуком. Некоторые органы человека напрочь лишены совести, эту истину он знал с детства. Взял сэндвич, положил в чай ложку сахара, добавил меда. Дал себе слово как можно быстрее закончить эту встречу и вернуться к Айрин, но пока...

— Пусть он пойдет тебе на пользу, сэр, — Мозес Карвер подул на кофе. — Чтобы не только по усам текло, но и в рот попало! Поехали!

— У нас с отцом дом в Монтоук-Пойнт, — Мариан добавила сливок в свою чашку кофе, — и этот уик-энд мы провели там. В субботу, примерно в четверть шестого, мне позвонил один из здешних охранников. У них контракт с «Хаммаршельд-Плаза эссошиейшн», но «Тет корпорейшн» выплачивает им бонусы, чтобы мы могли узнавать... скажем так, об интересующих нас событиях... как только они происходят. Мы с особым интересом наблюдали за табличкой в вестибюле по мере приближения 19 июня, Роланд. Вас удивит, что приблизительно до без четверти пять пополудни того самого дня, на ней была надпись: «ОТ „ТЕТ КОРПОРЕЙШН“ В ЧЕСТЬ СЕМЬИ ЛУЧА И В ПАМЯТЬ О ГИЛЕАДЕ»?

Роланд маленькими глотками пил чай (горячий, крепкий, хороший), обдумывая ее вопрос, потом покачал головой.

— Нет.

Она наклонилась вперед, глаза сверкнули.

— И почему вы так говорите?

— Потому что все решилось в субботу, между четырьмя и пятью часами дня, а до этого никакой ясности не было. Пусть даже Разрушителей удалось остановить, до спасения Стивена Кинга никакой ясности не было, — он оглядел всех троих. — Вы знаете о Разрушителях?

Мариан кивнула.

— В общих чертах, и нам известно, что Луч, который они пытались уничтожить, теперь в безопасности, и он не настолько сильно поврежден, чтобы не восстановиться, она замялась. — И нам известно о вашей утрате. О двух ваших утратах. Мы очень сожалеем, Роланд.

— Оба мальчика в полной безопасности в руках Иисуса, — вставил старик. — А если и нет, то они на пустоши в конце тропы.

Роланд, которому хотелось в это верить, кивнул и сказал: «Спасибо тебе». Потом повернулся к Мариан.

— Писатель был на волосок от смерти. Он получил травмы, и тяжелые. Джейк погиб, спасая его. Встал между Кингом и вэнмобилем, который бы забрал его жизнь.

— Кинг выживет, — сказала Нэнси. — И вновь начнет писать. Мы знаем об этом из очень надежного источника.

— От кого?

Мариан наклонилась вперед.

— Об этом чуть позже. Главное в том, Роланд, что мы верим, мы просто уверены в том, что Кинг проживет еще не один год, а это означает, что ваша работа по спасению Лучей закончена: Вес'-Ка Ган.

Роланд кивнул. Песнь Черепахи не оборвется.

— Но впереди у нас еще много работы, — продолжила Мариан. — Как минимум на тридцать лет, по нашим расчетам, но...

— Но это наша работа, не ваша, — вставила Нэнси.

— Это вы тоже узнали от «надежного источника»? — спросил Роланд, продолжая пить чай маленькими глотками. Очень горячий, но, тем не менее, он уже выпил половину кружки.

— Да. Ваша цель, победить силы Алого Короля, будет достигнута. Сам Алый Король...

— Это никогда не было его целью, и ты это знаешь! — воскликнул столетний старикан, который сидел рядом с красивой черной женщиной, и вновь стукнул тростью по ковру. — Его цель...

— Папа, достаточно, — твердость, прозвучавшая в голосе, заставила старика замолчать и моргнуть.

— Нет, пусть говорит, — Роланд оторвался от чашки, и все посмотрели на него, удивленные (и немного испуганные) сухостью его голоса. — Пусть говорит, ибо он говорит правильно. Если уж мы должны с этим разобраться, давайте разберемся. Для меня Лучи всегда были лишь средством достижения цели. Если б они разрушились, Башня упала бы. Если бы Башня упала, я бы никогда не смог дойти до нее, не говоря уж о том, чтобы подняться на вершину.

— Вы говорите так, будто Темная Башня заботит вас больше существования вселенной, — в голосе Нэнси Дипно не слышалось вопросительных интонация, а во взгляде читалось удивление и презрение. — Существования всех вселенных.

— Темная Башня и есть существование, — ответил Роланд. — Я за долгие годы я пожертвовал многими друзьями, чтобы достичь ее, включая мальчика, который называл меня отцом. Ради этого я пожертвовал своей душой, леди-сэй, так что обрати свой негодующий взгляд на кого-нибудь еще. Сделай это побыстрее, и для твоей же пользы, прошу тебя.

Говорил он вежливо, но предельно холодно. Нэнси Дипно побледнела, как мел, а чашка в ее руке так затряслась, что Роланду пришлось наклониться к женщине и взять чашку, а не то она пролила бы на себя горячий чай и обожглась.

— Примите меня таким, какой я есть, — продолжил он. — Поймите меня, поскольку говорим мы в последний раз. Сделанного не вернешь, в обоих мирах, хорошего и плохого, на пользу ка и во вред ка. И при этом, за пределами всех миров есть гораздо больше того, о чем вы знаете, гораздо больше того, что вы можете себе представить. Времени у меня в обрез, так что давайте двигаться дальше.

— Хорошо сказано, сэр! — прорычал Мозес Карвер и опять стукнул тростью.

— Если я вас обидела, искренне сожалею об этом, — сказала Нэнси.

На это Роланд не ответил, потому что знал, ни о чем она не сожалеет, просто боится его. Неловкую паузу оборвала Мариан Карвер.

— У нас нет своих Разрушителей, Роланд, но на ранчо в Таосе мы собрали дюжину телепатов и ясновидящих. То, что они делают вместе, иногда непонятно, но всегда больше того, что они могут сделать по отдельности. Вы знакомы с термином «светлый разум»?

Стрелок кивнул.

— Они тоже могут создавать «светлый разум», хотя, я уверена, по мощи и интенсивности он не идет ни в какое сравнение с тем, что создавали Разрушители в Тандерклепе.

— Потому что их там сотни, — пробурчал старик. — И их лучше кормили.

— А также потому, что слуги Короля пытались похитить самых сильных, — добавила Нэнси. — Они всегда, как мы говорим, «снимали сливки». Однако и наши телепаты хорошо послужили нам.

— У кого возникла идея воспользоваться их услугами? — спросил Роланд.

— Тебе это покажется странным, партнер, — ответил Мозес, — но у Кела Тауэра. Пользы от него практически не было... ничего не делал, кроме как коллекционировал свои книги и путался под ногами, жадный, паршивый белый сукин сын, вот кем он был...

Его дочь бросила на отца предостерегающий глаз. Роланду с большим трудом удалось подавить улыбку. Пусть Мозес Карвер и был столетним стариком, но для характеристики Келвина Тауэра ему вполне хватило одной фразы.

— В общем, он прочитал о пользе совместной работы телепатов в научно-фантастических книгах. Ты что-нибудь знаешь о научной фантастике?

Роланд покачал головой.

— Не важно. В основном это чушь собачья, но время от времени хорошие идеи встречаются. Послушай меня, и я расскажу тебе об одной. Ты поймешь, если знаешь, о чем Тауэр и твой друг мистер Дин говорили двадцать два года тому назад, когда мистер Дин пришел и спас Тауэра от этих двух белых громил.

— Папа, прекращай эти негритянские разговорчики, рассердилась Мариан. — Ты стар, но не глуп.

Он посмотрел на нее. Затуманенные старые глаза озорно блеснули. А повернувшись к Роланду, он вновь подмигнул.

— От этих двух белых громил-итальяшек!

— Эдди говорил об этом, да, — кивнул Роланд.

Манера речи Карвера изменился, слова более не налезали друг на друга, просто звенели.

— Тогда тебе известно, что они говорили о книге, которая называлась «Хоган», написанной Бенджамином Слайтоном. Название книги напечатали неправильно, фамилию автора тоже, и из-за таких вот огрехов книга тут же становилась лакомым кусочком для толстого старика.

— Да, — кивнул Роланд. Вместо «Хоган» на книге напечатали «Доган», и слово это оказалось для Роланда и его ка-тета не пустым звуком.

Так вот, после визита твоего друга Кел Тауэр заинтересовался этим писателем и выяснил, что он написал еще четыре книги под псевдонимом Даниэль Холмс. Он был белым, как капюшон ку-клукс-клановца, этот Слайтман, но решил выпустить остальные свои книги под именем отца Детты. И готов спорить, тебя это совершенно не удивляет, не так ли?

— Нет, — ответил Роланд. Типичная комбинация ка, ничего больше.

— И все книги, которые он написал под именем Холмса, были научной фантастикой, о правительственных структурах, которые нанимали телепатов, чтобы те что-то для них выясняли. Вот откуда мы позаимствовали идею, — он посмотрел на Роланда и торжествующе бухнул тростью об пол. — Тут есть еще о чем рассказать, много чего, но не думаю, что у тебя есть время. В это все упирается, не так ли? Время. И в этом мире оно течет только в одну сторону, — на его лице отразилась печаль. — Я бы многое отдал, стрелок, чтобы вновь увидеть мою крестную дочь, но полагаю, в картах, предсказывающих будущее, этого нет, так? Если только мы не встретимся на пустоши.

— Думаю, ты говоришь правильно, — ответил ему Роланд, но я расскажу ей о тебе, о том, что пороха в пороховницах у тебя еще много...

— Скажите, Бог, скажите, Бог-бомба! — прервал его старик, и стукнул тростью. — Скажи ей, брат. Именно так и скажи!

— Скажу, — Роланд допил чай, поставил пустую чашку на стол Мариан Карвер и поднялся, приложив руку к правому бедру. Он понимал, что потребуется много времени, чтобы привыкнуть к отсутствию там боли, возможно, больше, чем ему отпущено. — А теперь я должен вас покинуть. Неподалеку есть одно место, куда мне нужно попасть.

— Мы знаем это место, — ответила Мариан. — По прибытии туда вас встретят. Там все под охраной, и если дверь, которую вы ищете, по-

прежнему работает, вы через нее пройдете.

Роланд чуть поклонился.

— Спасибо, сэй.

— Но присядьте еще на пару минут, если вас это не затруднит. У нас есть подарки для вас Роланд. Их не хватит, чтобы воздать вам за все, что сделали, независимо от того, ставили вы это своей целью или нет, но вам это, возможно, пригодиться. Во-первых, новости от «светлого разума» наших телепатов из Таоса, Во-вторых... — она задумалась, — ...от обычных исследователей, которые работают в этом здании. Они называют себя келвинистами, но речь идет не о религиозном направлении. Возможно, это дань уважения мистеру Тауэру, который умер от сердечного приступа в своем новом магазине девять лет тому назад. А может, это шутка.

— Если так, то плохая, — пробурчал Мозес Карвер.

— И еще два подарка... от нас. От Нэнси и меня и от моего отца и одного из тех, кто ушел от нас. Вы присядете?

Несмотря на то, что Роланду не терпелось уйти, спорить он не стал. Впервые после смерти Джейка в нем проснулось чувство, отличное от печали.

Любопытство.

11

— Прежде всего, новости от наших друзей в Нью-Мексико, — заговорила Мариан, как только Роланд сел. — Они наблюдали за вами, как могли, и хотя все, что происходило на стороне Тандерклепа, было, как минимум, подернуто туманом, они уверены, что Эдди незадолго до смерти что-то сказал Джейку Чеймберзу, возможно, что-то важное. Вроде бы он лежал на земле и перед тем, как он... ну, не знаю...

— Перед тем, как соскользнул в забытье? — предположил Роланд.

— Да, — согласилась Нэнси Дипно. — Мы думаем, да. Вернее, они так думают. Наша команда Разрушителей.

Мариан чуть нахмурилась, показывая тем самым, что она из тех женщин, которые не любят, чтобы их прерывали. Потом вновь сосредоточила все свое внимание на Роланде.

— Видеть происходящее на этой стороне для наших людей легче, и некоторые из них уверены, не могут гарантировать, но уверены, что Джейк передал это послание, прежде чем умер сам, — она помолчала. — Эта женщина, с которой вы путешествуете, миссис Танненбаум...

— Тассенбаум, — поправил ее Роланд. Не думая, потому что мысли его были заняты другим. Заняты полностью.

— Тассенбаум, — согласилась Мариан. — Она, несомненно, передала вам часть того, что сказал ей Джейк, прежде чем уйти, но что-то могла и не передать. Не потому, что решила что-то от вас утаить, просто не поняла важности. Вы сможете перед расставанием еще раз попросить ее повторить все, что сказал Джейк?

— Да, — ответил Роланд и, конечно же, мог попросить, но он не верил, что Джейк передал послание Эдди миссис Тассенбаум. Нет, только не ей. Он вдруг осознал, что практически не думал об Ёше с тех пор, как они оставили в гараже машину Айрин, но Ёш, разумеется, был с ними. И сейчас, должно быть, лежал у ног Айрин, которая сидела на скамье в скверике на другой стороне улицы, лежал на солнце и ждал его.

— Что ж, это хорошо, — кивнула Мариан. — Поехали дальше.

Мариан выдвинула средний ящик стола. Достала конверт с мягкой подложкой и маленькую деревянную шкатулку. Конверт передала Нэнси Дипно. Шкатулку поставила на стол перед собой.

— Теперь я передаю слово Нэнси, — она посмотрела на вторую женщину. — И, прошу тебя, без лишних слов, Нэнси, поскольку на лице этого человека написано, что ему не терпится уйти.

— Скажи ему, — Мозес в какой уж раз стукнул тростью. Нэнси посмотрела на него. Потом на Роланда... или в его сторону. Кровь, должно быть, ударила в голову, лицо покраснело.

— Стивен Кинг, — начала она, откашлялась, повторила вновь знакомые Роланду имя и фамилию. А потом запнулась окончательно, не зная как продолжить. Краски в лице заметно прибавилось.

— Глубоко вдохни и задержи дыхание, — посоветовал Роланд.

Нэнси так и сделала.

— Теперь выдохни. Нэнси выдохнула.

— А теперь говори, что должна, Нэнси, племянница Эрона.

— Стивен Кинг написал около сорока книг, — заговорила она, по-прежнему с пунцовыми щеками (Роланд предположил, что скоро узнает, в чем причина), но более спокойным голосом. — И в удивительно большом их количестве, даже в самых ранних, так или иначе затронута Темная Башня. Словно он всегда думал о ней, с самого начала.

— Сказанное тобой — правда, и я это знаю, — Роланд сложил руки на груди. — Я говорю, спасибо тебе.

Эти слова еще больше успокоили Нэнси.

— Теперь о келвинистах. Это трое мужчин и две женщины, которые с

педантичностью, свойственной ученым, с восьми утра и до четырех пополудни занимаются только одним: читают книги Стивена Кинга.

— Не просто читают, — вставила Мариан. — Делают перекрестные ссылки по местам действия, персонажам, сюжетам, не говоря уже о названиях популярных продуктов.

— Часть их работы — поиск упоминаний людей, которые жили и умерли здесь, в Ключевом мире, — продолжила Нэнси. — Настоящих людей в других мирах. И, разумеется, упоминаний Темной Башни, — она протянула Роланду конверт с мягкой подложкой, Роланд взял его, и по выпирающим углам почувствовал, что внутри может быть только книга. — Если Кинг и написал ключевую книгу, Роланд, вне цикла «Темная Башня», мы думаем, это она.

Клапан конверта удерживался кнопкой. Роланд вопросительно посмотрел на Мариан и Нэнси. Обе кивнули. Он отщелкнул кнопку, откинул клапан, достал на удивление толстый том в красно-белой суперобложке. Без всякой картинки, только имя и фамилия, Стивен Кинг, и еще одно слово.

«Красное — Король, Белое — Артур Эльдский, — подумал он. — Белизна выше Красноты, по велению Гана так будет всегда».

А может, совпадение, ничего больше.

— Что это за слово? — Роланд постучал пальцем по названию.

— «Бессонница», — ответила Нэнси. — Оно означает...

— Я знаю, что оно означает, — прервал ее Роланд. — Почему вы даете мне эту книгу?

— Потому что эта история завязана на Темной Башне, ответила Нэнси, — и потому что в ней есть персонаж, которого зовут Эд Дипно. Он, кстати, в этой книге выведен злодеем.

«Выведен злодеем, — подумал Роланд. — Не удивительно, что она так покраснела».

— Среди ваших родственников есть человек с таким именем? — спросил он ее.

— Был. В Бангоре, в своих книгах Кинг называет этот город Дерри, как и в «Бессоннице». Настоящий Эд Дипно умер в 1947 году, том самом, когда родился Кинг. Он был бухгалтером, безобидным, как молоко и пирожные. В «Бессоннице» Дипно — сумасшедший, который попадает под власть Алого Короля. Он пытается превратить самолет в бомбу и врезаться на нем в здание, убив тысячи людей.

— Помолимся, чтобы такого никогда не случилось, — старик мрачно оглядел небоскребы Нью-Йорка. — Видит Бог, может случиться.

— В этой истории план проваливается, — продолжила Нэнси. — Хотя некоторые люди гибнут, главному герою книги, старику, которого зовут Ральф Робертс, удастся предотвратить самое худшее.

Роланд пристально смотрел на внучатую племянницу Эрона Дипно.

— Алый Король упомянут в книге? Под настоящим именем?

— Да, — кивнула Нэнси. — Эд Дипно из Бангора, настоящий Эд Дипно, был дальним родственником моего отца. Келвинисты могут показать вам наше семейное древо, если вы захотите, но, действительно, это очень дальняя родня, что моя, что дяди Эрона. Мы думаем, Кинг, возможно, использовал нашу фамилию, чтобы привлечь к книге ваше внимание... или наше... даже не отдавая себе отчет, что делает.

— Послание из глубокого разума, — задумчиво сказал стрелок.

Нэнси просияла.

— Послание его подсознания, да! Да, именно так мы и думаем!

Но Роланд думал о другом. Стрелок вспомнил, как он загипнотизировал Кинга в 1977 году; как велел ему слушать Вес'-Ка Ган, Песнь Черепахи. Мог глубокий разум, часть сознания Кинга, которая не переставала пытаться выполнить полученный под гипнозом приказ, вставить часть Песни Черепахи в эту книгу? Которую слуги Короля могли пропустить, потому что она не входила в цикл «Темная Башня»? Роланд полагал, что такое возможно, а потому фамилия Дипно могла быть знаковой. Но...

— Я не могу прочитать книгу. Слово здесь, слово там, но не больше.

— Ты — нет, зато может моя девочка, — ответил ему Мозес Карвер. — Моя девочка Одетта, которую ты зовешь Сюзанной.

Роланд медленно кивнул. И хотя уже начал сомневаться, что книга эта может принести ему пользу, перед его мысленным взором возникла яркая «картинка»: они оба сидят у костра (большого костра, потому что ночь выдалась холодная), а Ёш лежит между ними. В скалах, что высятся у них за спиной, завывает холодный зимний ветер, но им на это глубоко наплевать: желудок набит, телу тепло, потому что на них одежда, сшитая из шкур животных, которых они сами и убили, а еще у них есть книга, которая позволит скоротать долгий вечер. История Стивена Кинга о бессоннице.

— Она сможет почитать тебе ее на привалах. Когда вы будете идти по своей последней тропе, скажи, Господи!

«Да, — подумал Роланд. — Одна последняя история, которую надо услышать, одна последняя тропа, по которой надо пройти. Тропа, что ведет к Кан'-Ка Ноу Рей и к Темной Башне. Или просто приятно думать, что ведет».

— В этой истории Альый Король использует Эда Дипно, чтобы убить одного особенного мальчика, Патрика Дэнвилла. Перед нападением, когда Патрик и его мать ждут выступления одной женщины, мальчик рисует картину, изображающую вас, Роланд, и Алого Короля, вероятно, запертого в камере на вершине Темной Башни.

Роланд вздрогнул.

— На вершине? Запертого на вершине?

— Не волнуйтесь, — подала голос Мариан. — Не волнуйтесь, Роланд. Келвинисты анализируют произведения Кинга многие годы, каждое слово и каждую ссылку, и все, что им удастся найти, прямым ходом отправляется в группу «светлого разума» в Нью-Мексико. Хотя члены двух этих команд никогда не видели другу друга, можно утверждать, что они работают вместе.

— Но это не значит, что они во всем соглашаются друг с другом, — вставила Нэнси.

— Конечно, не соглашаются! — по тону Мариан чувствовалось, что ей неоднократно приходилось выступать в этих стычках в роли арбитра. — Но в одном они полностью согласны: ссылки Кинга на Темную Башню замаскированы, а, случается, ничего не значат.

Роланд кивнул.

— Эти ссылки появляются, потому что его глубокий разум всегда думает о Темной Башне, но иногда он начинает нести галиматью.

— Да, — согласилась Нэнси.

— Но, очевидно, вы не думаете, что вся книга — ложный след, иначе не давали бы ее мне.

— Мы действительно так не думаем, — кивнула Нэнси. — Но написанное в книге не гарантирует, что Альый Король действительно заперт в камере на вершине Темной Башни. Хотя, полагаю, такое возможно.

Роланд подумал о собственной версии: Альый Король заперт, только не в самой Башне, а вне ее, на каком-то подобии балкона. Интуитивная догадка или ему просто хотелось в это верить?

— В любом случае, мы думаем, что вам следует поискать этого Патрика Дэнвилла, — сказала Мариан. Обе группы согласны в том, что это реальная личность, но в нашем мире его следов мы найти не можем. Возможно, вы встретите его в Тандерклепе.

— Или еще дальше, — вставил Мозес. Мариан кивнула.

— Согласно истории, которую Кинг рассказывает в «Бессоннице», вы все узнаете сами, Патрик Дэнвилл умирает молодым. Но, возможно, это не так. Вы понимаете?

— Не уверен.

— Когда вы найдете Патрика Дэнвилла... или когда он найдет вас... возможно, он еще будет ребенком, как в книге, — пояснила Нэнси, — или стариком, как дядя Моуз.

— Ему не повезет, если будет так! — и старик рассмеялся.

Роланд поднял книгу, посмотрел на красно-белую суперобложку, провел пальцам по буквам, складывающимся в слово, которое он не мог прочитать.

— Вы уверены, что это всего лишь история?

— С весны 1970 года, когда он напечатал фразу: «Человек в черном уходил в пустыню и стрелок преследовал его», — сказала Мариан, — редко что из написанного Кингом можно назвать «всего лишь историей». Он сам, возможно, в это не верит. Мы — верим.

«Но долгие годы борьбы с Алым Королем могли привести к тому, что теперь вы, если угодно, шарахаетесь от тени», — подумал Роланд.

— Если не истории, то что?

Ответил ему Мозес Карвер.

— Мы думаем, возможно, послания в бутылках, — в его голосе Роланду послышались интонации Сюзанны, и ему вдруг захотелось увидеть ее, узнать, что с ней все в порядке. И желание это было таким сильным, что оно оставило горький привкус на языке.

— ...великое море.

— Прости, пожалуйста, — извинился перед стариком Роланд. — Я отвлекся.

— Я сказал, мы верим, что Стивен Кинг бросает эти бутылки в великое море. То самое, которые мы называем Примом. В надежде, что они достигнут тебя, вместе с посланиями, которые помогут тебе и моей Одетте добраться до вашей цели.

— А теперь мы можем перейти к нашим последним подаркам, — заговорила Мариан. — Нашим настоящим подаркам. Прежде всего... — она протянула Роланду шкатулку.

Крышка откидывалась на петле. Роланд уже взялся за крышку левой рукой, чтобы откинуть ее, но замер и вскинул глаза на своих собеседников. Они смотрели на него с надеждой и скрытым любопытством, и от выражения их лиц ему стало как-то не по себе. Невероятная (и на удивление убеждающая) мысль сверкнула в голове: перед ним сидят истинные агенты Алого Короля, и когда он откинет крышку, последним, что увидят его глаза, станет снитч, временной механизм которого отсчитывает последнее мгновение до взрыва. А последними звуками,

которые услышат его уши, будет истерический смех этой троицы и крики «Хайл Альый Король!» Все, конечно, могло быть, но, с другой стороны, он должен был хоть кому-то доверять, потому что альтернативой было безумие.

«Если ка чего-то хочет, пусть так и будет», — подумал Роланд и открыл шкатулку.

12

Внутри, на темно-синем бархате (они могли знать, а могли и не знать, что это цвет королевского двора Гилеада) лежали часы на цепочке. С выгравированными на золотой крышке розой, ключом, а между ними и чуть повыше — башней с крошечными окошками, которые располагались по поднимающейся спирали.

К своему изумлению Роланд обнаружил, что его глаза опять наполнились слезами. Посмотрев на своих собеседников, двух молодых женщин и одного старика, мозговой центр и силовой привод «Тет корпорейшн», он сначала увидел шестерых. Моргнул, чтобы убрать двойников.

— Открой крышку и загляни под нее, — предложил Мозес Карвер. — И тебе нет нужды прятать слезы в этой компании, ты, сын Стивена. Мы — не машины, которыми другие заменят нас, если все сложится, как они того хотят.

Роланд видел, что старик говорит правильно, потому что слезы катились и по его черным, морщинистым щекам. Плакала и Нэнси Дипно. Мариан Карвер, несомненно, гордилась тем, что держала себя в руках, но и ее глаза подозрительно заблестели.

Он нажал на торчащий из корпуса стерженек, и крышка отскочила. Под ним фигурные стрелки показывали час и минуту, с идеальной точностью, Роланд в этом не сомневался. Ниже, в своем маленьком круге, бежала еще одна стрелка, отсчитывая секунды. На обороте крышки выгравировали:

«В руки РОЛАНДА ДИСКЕЙНА
из рук
МОЗЕСА АЙЗЕКА КАРВЕРА МАРИАН ОДЕТТЫ КАРВЕР НЭНСИ
РЕБЕККИ ДИПНО

с благодарностью Белизна выше Красноты, такова воля Божья»

— Спасибо, сэи, — осипший голос Роланда еще и дрожал.

— Я благодарю вас, и так же поблагодарили бы вас мои друзья, если бы были здесь. Чтобы говорить от себя.

Мозес Карвер улыбался.

— В нашем мире, Роланд, такой подарок, как золотые часы, несет в себе особый смысл.

— Какой же? — спросил Роланд. Он поднес часы, само собой, таких красивых он никогда не видел, не то, чтобы держал в руках, к уху, прислушался к негромкому и точному тиканью.

— Золотые часы, преподнесенные в подарок, означают, что человек закончил работу и теперь может отправляться на рыбалку или играть с внуками, — ответила Нэнси Дипно.

— Но мы подарили вам эти часы по другой причине. Чтобы они отсчитывали время, приближающее вас к вашей цели, и подсказали вам, что она близка.

— И как они смогут это сделать?

— В нашей команде «светлого разума» в Нью-Мексико есть один особенный парень, — пояснила Мариан. — Его зовут Фред Таун. Он многое видит и редко ошибается, если вообще ошибается. Эти часы — «Патек Филип», Роланд. Они стоят девятнадцать тысяч долларов, и фирма-производитель гарантирует полное возмещение заплаченной суммы, если они будут спешить или отставать. Заводить часы не нужно, они — электронные, с питанием от батарейки, которая будет работать сто лет. Батарейка эта, будьте уверены, изготовлена не «Северным центром позитроники» и не одной из дочерних компаний. Но Фред убежден, когда вы окажетесь в непосредственной близости от Темной Башни, часы, тем не менее, остановятся.

— Или пойдут в обратную сторону, — добавила Нэнси. — Следите за ними.

— Я уверен, ты будешь следить, не так ли? — спросил Мозес Карвер.

— Да, — Роланд положил часы в один карман (после еще одного долгого взгляда на золотую крышку с выгравированными на ней розой, ключом и башней), а шкатулку в другой. — Я буду следить за ними очень хорошо.

— Вы должны следить за кое-чем еще, — предупредила Мариан. — За Мордредом.

Роланд ждал продолжения.

— У нас есть основания верить, что он убил человека, которого вы зовете Уолтером, — она помолчала. — И я вижу, вас это не удивляет. Могу я спросить почему?

— Уолтер наконец-то исчез из моих снов, как исчезла боль из правого бедра и головы, — ответил Роланд. — Последний раз он появился в них в Калье Брин Стерджис, в ночь лучетрясения, — он не стал рассказывать, какими ужасными были эти сны, в которых он брел, потерянный и одинокий, по сырому коридору замка, где паутина постоянно липла на лицо; торопливый перестук чего-то приближающегося доносился из темноты сзади (а может, сверху), и перед тем, как проснуться, он увидел блеск красных глаз, услышал шепот нечеловеческого голоса: «Отец».

Они мрачно смотрели на него. Наконец, Мариан нарушила затянувшуюся паузу.

— Остерегайтесь его, Роланд. Фред Таун, которого я упоминала, говорит: «Мордред голоден». В прямом смысле. Фред — парень смелый, но он боится вашего... вашего врага.

«Моего сына, почему ты не можешь так и сказать?» — подумал Роланд, но решил, что знает и так. Она щадила его чувства.

Мозес Карвер встал, прислонил трость к столу дочери.

— У меня есть для тебя кое-что еще, да только это твое. Ты должен это носить, и положить там, куда лежит твой путь.

Роланд не понимал, о чем речь, пришел в еще большее замешательство, когда старик начал медленно расстегивать пуговицы рубашки. Мариан потянулась к нему, чтобы помочь, но он отстранил ее взмахом руки. Под рубашкой оказалась майка с воротом под горло, на родине стрелка такие называли слинкам. Очертания предмета, который выпирал из-под майки, стрелок узнал сразу, и сердце, похоже, на мгновение замерло. Он словно перенесся в дом у озера, дом Бекхардта, где рядом с ним за столом сидел Эдди, и услышал собственные слова: «Надень крест тетушки на шею, и когда вы встретитесь с Карвером, покажи ему крест. Возможно, тебе потребуется пройти долгий путь, чтобы убедить его в своей правоте. Но первым...»

Крест висел теперь на золотой цепочке. За нее Мозес Карвер вытащил его из-под слинкама, посмотрел на него, потом на Роланда, чуть улыбаясь, снова перевел взгляд на крест. Дунул на него. И тут же раздался едва слышный (но волосы на руках Роланда все равно встали дыбом) голос Сюзанны: «Мы похоронили Пимси под яблоней...»

Голос смолк. На какие-то мгновения воцарилась тишина, и Карвер, теперь уже хмурясь, набрал полную грудь воздуха, чтобы снова дунуть на крест. Но нужда в этом отпала, потому что голос Джона Каллема зазвучал и так, не из креста, вроде бы, из воздуха над ним.

— Мы сделали все, что могли, партнер, — па-а-артнер, — и я надеюсь,

работа наша принесла плоды. Я всегда знал, что крест мне дали только на время, поносить, и вот он, возвращается к тому, у кого ему положено быть. Ты знаешь, где он закончит свой путь, я... — голос начал стихать на словах «вот он», а тут стал неслышным даже для острого слуха Роланда. И однако, он услышал достаточно. Взял крест тетушки Талиты, который обещал положить к подножию Темной Башни, и надел себе на шею. Крест вернулся к нему, так чего не надеть? Разве ка не колесо?

— Я благодарю тебя, сэй Карвер. От себя, от моего катета, каким от был, от женщины, которая дала его мне.

— Не нужно благодарить меня, — покачал головой Мозес Карвер. — Благодарю Джонни Каллема. Он дал его мне на смертном одре. Этот парень был крепче кремня.

— Я... — начал Роланд, но продолжить не смог. Эмоции переполняли сердце. — Я благодарю вас всех, — наконец, сказал он. Наклонил голову, приложил ладонь правой руки ко лбу, закрыл глаза.

Когда открыл, Мозес Карвер протягивал к нему высохшие старческие руки.

— Теперь нам пора идти нашим путем, а тебе — своим. Обними меня, Роланд, поцелуй меня в щеку на прощание, если хочешь, и подумай при этом о моей девочке, ибо и ей я говорю, прощай.

Роланд сделал все, как его просили, и в другом мире Сюзанна, которая дремала в поезде, направляющемся в Федик, поднесла руку к щеке: ей показалось, что папа Моуз пришел к ней, обнял, попрощался, пожелал удачи и доброго пути.

Выйдя из кабины лифта в вестибюле, Роланд не удивился, увидев женщину в серо-зеленом пуловере и слаксах цвета мха, стоящую перед садиком. Зверек, не совсем собака, сидел у ее левой ноги. Рядом еще несколько человек наслаждались общением с розой. Роланд пересек вестибюль, коснулся локтя женщины. Айрин Тассенбаум повернулась к нему, с широко раскрытыми от удивления глазами.

— Ты слышишь? — спросила она. — Такое же пение мы слышали и в Лоувелле, только здесь оно в сто раз более сладкоголосое.

— Слышу, — Роланд наклонился и поднял Ыша. Посмотрел в блестящие, с золотыми ободками, глаза ушастика-путаника, под непрекращающееся пение голосов. — Друг Джейка, какое послание он

оставил тебе?

Ыш старался, как мог, и послание, оставленное ему, прозвучало, как: «Данди-о».

Роланд прижался лбом ко лбу Ыша и закрыл глаза. Почувствовал теплое дыхание ушастика-путаника. Ощутил идущий от подшерстка запах сена, в которое не так уж и давно по очереди прыгали Джейк и Бенни Слайтман. А в его голове, смешавшись с поющими голосами, в последний раз зазвучал голос Джейка Чеймберза:

«Передай ему, Эдди говорит: „Остерегайся Дандело“. Не забудь!»
И Ыш не забыл.

14

Когда они вышли из здания «Хаммаршельд-Плаза-2» и уже спускались по ступеням, их почтительно окликнули: «Сэр? Мадам?»

К ним обращался мужчина в черном костюме и мягкой черной фуражке. Он стоял рядом с самым длинным, самым черным автомобилем, который только доводилось видеть Роланду. От одного взгляда на этот автомобиль стрелку стало не по себе.

— Кто прислал нам похоронную повозку? — спросил он.

Айрин Тассенбаум улыбнулась. Роза освежила ее, прибавила сил, вдохновила, но она все-таки ощущала усталость. И ей не терпелось связаться с Дэвидом, который наверняка переволновался из-за нее.

— Это не катафалк, — ответила она. — Лимузин. Автомобиль для особенных людей... или для людей, которые думают, что они особенные, — она посмотрела на водителя. — Пока мы будем ехать, вы сможете попросить кого-нибудь в вашем офисе получить для меня кое-какую информацию о самолетных рейсах?

— Разумеется, мадам. Позвольте узнать, самолетом какой авиакомпании вы хотите лететь и в какой город?

— Мне нужно попасть в Портленд, штат Мэн. А авиакомпания, которая меня интересует, «Раббербенд эйрлайнс», если у них есть рейс во второй половине дня.

Окна лимузина тонировали, в салоне стоял полумрак, подсвеченный цветными фонариками. Ыш запрыгнул на одно из сидений и с интересом смотрел на проплывающий мимо город. Роланд несколько удивился, увидев у одной из стен пассажирского салона внушительных размеров бар, уставленный бутылками. Подумал, а не выпить ли пива, но решил, что

даже такого легкого напитка хватит, чтобы притупить остроту чувств. Айрин по этому поводу несколько не тревожилась. Из маленькой бутылочки налила себе вроде бы виски, повернулась к нему, подняла стакан.

— Пусть твоя дорога всегда идет вверх, а ветер дует в спину, мой отважный друг.

Роланд кивнул.

— Хороший тост. Спасибо, сэй.

— Эти три дня были самыми удивительными в моей жизни. Я хочу сказать тебе, спасибо, сэй. За то, что выбрал меня, — «А также за то, что трахнул», — подумала она, но вслух не сказала. Она и Дэйв иногда еще наслаждались гимнастикой под одеялом, но эти забавы не шли ни в какое сравнение с прошлой ночью. А если бы Роланда еще и не отвлекали всякие и разные мысли? Скорее всего, она бы просто взорвалась от наслаждения, как петарда «Черный кот».

Роланд кивнул, глядя, как улицы города, того же Луда, только еще молодого и полного жизненных сил, проплывают мимо.

— А как же твой автомобиль? — спросил он.

— Если он нам понадобится до того, как мы вернемся в Нью-Йорк, кто-нибудь перегонит его в Мэн. А может, мы обойдемся «Бимером» Дэвида. Это одно из преимуществ богатства... почему ты на меня так странно смотришь?

— У тебя есть картомобиль, который называется «Бимер»^[103]?

— Это сленг, — ответила она. — На самом деле, у него «БМВ». Сокращение от названия компании «Бавариан мотор воркс».

— Ага, — стрелок попытался сделать вид, что все понял.

— Роланд, можно тебя спросить?

Он вертанул рукой, предлагая ей продолжить.

— Когда мы спасли писателя, мы при этом спасли и мир? Мы спасли, уж не знаю как, спасли?

— Да.

— Как же так вышло, что от писателя, и не такого уж хорошего, я могу так говорить, потому что прочитала четыре или пять его книг, зависела судьба всего мира? Или всей вселенной?

— Если он нехорош, почему ты не остановилась на первой?

Миссис Тассенбаум улыбнулась.

— Он слышит правильные голоса и поет правильные песни. Другими словами — ка.

Теперь уж Айрин Тассенбаум пришлось делать вид, что она поняла.

Лимузин остановился перед зданием с зеленым навесом вдоль фасада. У двери стоял еще один мужчина в хорошо сшитом костюме. Ступени, ведущие к двери, ограждала от тротуара широкая желтая лента. Напечатанные на ней слова Роланд прочитывать не смог.

— Тут написано: «МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», — прочитала их миссис Тассенбаум. — Похоже, лента висит довольно-таки давно. Я думала, ее убирают, как только они прекращают щелкать фотоаппаратами и махать своими маленькими кисточками. У тебя влиятельные друзья.

Роланд знал, что лента висит давно, порядка трех недель. Она появилась в тот день, когда Джейк и отец Каллагэн вошли в «Дикси-Пиг», в полной уверенности, что там их ждет верная смерть. Стрелок заметил, что на доньшке стакана Айрин осталась желтовато-коричневая жидкость, взял у нее стакан выпил, поморщившись от вкуса, но довольный теплом, которое разлилось по желудку.

— Лучше? — спросила она.

— Да, благодарю, — он поправил сумку с орисами на плече и вылез из лимузина. Ёш последовал за ним. Айрин задержалась, чтобы переговорить с водителем, который, похоже, успел решить все вопросы, связанные с ее возвращением в штат Мэн. Роланд поднырнул под ленту, потом остановился, вслушиваясь в шум города в этот прекрасный июньский день. Город этот радовался жизни с юношеской веселостью. Роланд несколько не сомневался, что больше не увидит ни одного большого города. И полагал, что оно, возможно, и к лучшему. У него мелькнула мысль, что все другие покажутся ему бледными копиями Нью-Йорка.

Охранник (он определенно работал в «Тет корпорейшн», а не служил в городской полиции) спустился по ступенькам на тротуар.

— Если вы хотите войти сюда, сэр, то должны кое-что мне показать.

Роланд вновь достал из сумки ремень-патронташ, вновь развернул револьвер отца. На этот раз не собирался отдавать его в чужие руки, да и охранник об этом не попросил. Лишь внимательно присмотрелся к гравировке на стволе, особенно к завитку около мушки. Потом уважительно кивнул и отступил на шаг.

— Сейчас я отопру дверь. Переступив порог, вы будете предоставлены самому себе. Вы это понимаете, не так ли?

Роланд, который и так большую часть жизни мог надеяться только на

себя, кивнул.

Айрин взяла его за локоть, когда он уже собрался подниматься по ступеням, развернула к себе, обняла за шею. Вместе с одеждой для Роланда и себя, она купила и туфли на низком каблуке, так что потребовалось только чуть приподнять голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Береги себя, ковбой, — она коротко поцеловала его в губы, подружески, потом присела, чтобы погладить Ыша. — И береги этого маленького ковбоя.

— Сделаю все, что смогу, — ответил Роланд. — Не забудешь, что ты обещала?

— Посадить розу на могиле Джейка, — кивнула она. — Не забуду.

— Спасибо тебе, — он задержался на ней взглядом, советуясь с внутренним голосом, интуитивным мышлением, и принял решение. Из сумки с орисами достал конверт, в котором лежала толстая книга... которую Сюзанна так и не сможет почитать ему на тропе. Отдал Айрин. Она, хмурясь, уставилась на конверт.

— Что в нем? Похоже, книга.

— Да. Стивена Кинга. Называется «Бессонница». Ты ее читала?

Айрин чуть усмехнулась.

— Нет, не читала. А ты?

— Нет. И не буду. Она для меня слишком хитрая.

— Я тебя не понимаю.

— Она кажется... тонкой, — он думал о каньоне Молнии, в Меджисе, где утончалась перегородка между реальностями.

Айрин покачала конверт в руке.

— А по мне, она очень даже толстая. Точно книга Стивена Кинга. Он продает дюймами, а Америка покупает фунтами.

Роланд только покачал головой.

— Неважно. Я пытаюсь съязвить, потому что не умею прощаться, никогда не умела. Ты хочешь, чтобы книга осталась у меня, так?

— Да.

— Хорошо. Может, когда Большой Стив выпишется из больницы, я попрошу поставить на ней автограф. Судя по тому, как все вышло, я имею право на автограф.

— Или на поцелуй, — и сам поцеловал Айрин. Ему сразу полегчало, едва он отдал книгу. Он почувствовал себя более свободным. В большей безопасности. Обнял Айрин и крепко прижал к груди. Айрин Тассенбаум ответила ему тем же.

А потом Роланд отпустил ее, коснулся кулаком лба, повернулся к двери

«Дикси-Пиг». Поднялся по ступенькам, открыл ее и вошел, не оглянувшись. Он давно уже понял, что легче всего уходить, не оглядываясь.

Хромированный стенд, который находился снаружи в тот вечер, когда сюда пришли Джейк и отец Каллагэн, занесли в вестибюль. Роланд натолкнулся на него, но отреагировал, как всегда, быстро, подхватил до того, как он грохнулся об пол. Из всех слов, написанных на закрепленном на стенде листе бумаги, стрелок смог прочитать только одно: «ЗАКРЫТО». Оранжевые электрические фонари, которые освещали обеденный зал, выключили, так что горели только питаемые от аккумуляторов лампочки аварийной сети, наполняя тусклым светом помещение, расположенное за холлом, и бар. По левую руку стрелок увидел арку, за которой находился еще один обеденный зал. Там аварийного освещения не было. Эта часть «Дикси-Пиг» темнотой соперничала с глубокой пещерой. Свет из основного обеденного зала заползал в маленький где-то на четыре фута, выхватывая из темноты только край длинного стола, и ничего больше. Гобелен, о котором рассказывал Джейк, исчез. Возможно, его, как вещественную улику, отвезли в ближайший полицейский участок, а может, он уже пополнил коллекцию какого-нибудь собирателя всяких странностей. Роланд уловил запах стorerевшего мяса, слабый и неприятный.

В большом обеденном зале несколько столов лежали на боку или вверх ножками. Роланд увидел пятна на красном ковре, несколько темных, наверняка от крови, а одно — желтоватое... от чего-то другого.

«Отб'ось его! Это же жалкая поб'якушка овечьего Бога, отб'ось ее, если посмеешь!»

И голос отца Каллагэна, зазвучавший в ушах Роланда, без малейших признаков страха: «Мне нет нужды испытывать свою веру, встречаясь с такой тварью, как ты, сэй».

Отец Каллагэн. Еще один из тех, кого он оставил позади.

Роланд подумал о резной черепашке, спрятанной в материи мешка, который они нашли на пустыре, но не стал тратить время на ее поиски. Если бы она была здесь, решил стрелок, он бы услышал ее голос, она бы позвала его из тишины. Нет, тот, кто прибрал к рукам гобелен с вампирами-рыцарями, скорее всего, взял и «Scoldpadda», не зная, что это такое, понимая лишь, что вещица эта странная, восхитительная и из другого мира. Плохо. Черепашка могла пригодиться.

Стрелок двинулся дальше, лавируя между столов. Ыш не отставал ни на шаг.

17

Роланд пробыл на кухне достаточно долго, чтобы поразмыслить над тем, какое впечатление произвела она на полицейских Нью-Йорка. Он мог поспорить, что второй такой они не видели, во всяком случае, в этом городе чистых машин и ярких электрических огней. А это была кухня, на которой Хакс, повар, которого он запомнил с юности (и под мертвыми ногами которого он и его лучший друг кормили крошками хлеба голубей), чувствовал бы себя, как дома. Кухня бездействовала уже несколько недель, но запах мяса, которое здесь жарили, сильный и мерзкий, никуда не делся. И здесь Роланд видел свидетельства борьбы: котел в потеках чего-то засохшего, лежащий на зеленых плитках пола, кровь выгоревшая на одной из плит. Он без труда представил себе Джека прокладывающего путь через кухню. Но без паники. Нет, никакой паники мальчик не испытывал. Он даже задержался, чтобы узнать у посудомойщика, в каком направлении ему идти.

«Как тебя зовут?»

«Джохабим, это я, сын Хоссы».

Джейк рассказал им эту часть истории, но сейчас в Роландом говорила не память. Он слышал голоса мертвых. Он слышал их и раньше, а потому узнал.

18

Ыш взял инициативу на себя, как и в прошлый раз, когда побывал здесь. Он чуял запах Эйка, слабый и наводящий печаль. Эйк ушел вперед, но не очень далеко; он был хорошим, Эйк был хорошим, Эйк подождет, и когда придет время, когда работа, которую поручил ему Эйк, будет сделана... Ыш догонит его и, как и прежде пойдет рядом. Обаяние у него острое, и он найдет более свежий запах, чем этот, когда придет время. Эйк спас его от смерти, но это значения не имело. Эйк спас его от одиночества и стыда, после того, как Ыша изгнали из тета ему подобных, а вот это дорогого стоило.

Пока же у него была работа, которую следовало закончить. Он повел

мужчину Олана в кладовую. Потайную дверь, замаскированную под полки с продуктами, успели закрыть, но мужчина Олан терпеливо ощупывал полки с банками и ящичками, пока не нашел способа ее открыть. А за дверью вниз уходила все та же лестница, освещенная тусклыми лампочками под потолком, пахло сыростью и плесенью. Он чувствовал крыс, шебуршащихся в стенах, крыс и прочих тварей, в том числе и жуков, которых он убивал в прошлый раз, когда приходил сюда с Эйком. Убивать жуков ему понравилось, он убил бы еще, если б они вылезли из своих нор. Ышу хотелось, чтобы жуки вылезли и напали на него, но, конечно же, не увидел ни одного. Жуки боялись, и имели право бояться, потому что ушастики-путаники враждовали с ними испокон века.

Он начал спускаться по лестнице и мужчина Олан последовал за ним.

Они миновали заброшенный киоск с пожелтевшими надписями: «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЛЯ ПОКУПКИ НЬЮ-ЙОРКСКИХ СУВЕНИРОВ» и «ПОСЕТИТЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА!», а пятнадцатью минутами позже, Роланд сверялся со своими новыми часами, подошли к тому месту, где пыльный пол коридора усеивали осколки стекла. Роланд поднял Ыша, чтобы тот не порезал подушечки лап. Большие отверстия в стенах по обеим сторонам коридора раньше закрывали стеклянные люки, от которых теперь практически ничего не осталось. Заглянув внутрь, Роланд увидел какие-то сложные машины. Здесь они чуть не настигли Джейка, остановив его продвижение какой-то ловушкой разума, но опять Джейк показал себя достаточно умным и храбрым, чтобы преодолеть и это препятствие. «Он пережил все, кроме человека, слишком глупого и слишком безответственного, не способного справиться даже с таким простым делом, как удержать свою повозку на проезжей части, — с горечью подумал Роланд. — И человека, который привел его туда... этого человека тоже». Потом Ыш гавкнул на него, и Роланд понял, что, злясь на Брайана Смита (и на себя), слишком сильно сжал бедного маленького зверька.

— Извини, Ыш, — и он опустил ушастика-путаника на пол.

Ыш засеменил дальше, ничего не ответив, и скоро Роланд подошел к телам бандитов, которые преследовали его мальчика после того, как тому удалось ускользнуть из «Дикси-Пиг». Здесь же, на пыли, которая покрывала пол этого древнего коридора, виднелись следы, которые по

прибытии оставили он и Эдди. Вновь он услышал голос-призрак, на этот раз человека, который возглавлял преследователей Джейка.

«Я знаю твоё имя по твоему лицу, а твоё лицо — по твоему рту. Он такой же, как и рот твоей матери, которая отсасывала у Джона Фарсона...»

Роланд перевернул тело мыском сапога (чела, по фамилии Флагерти, в голову которого его отец вселил страх перед драконами, если стрелка это интересовало... но, ему, конечно, было наплевать) и посмотрел на мертвое лицо, которое уже начало разлагаться. Рядом с ним лежал тахин с головой горноста в летнем меху, последними словами которого стали: «Так будь ты проклят тогда, чари-ка». А за грудой тел находилась дверь, через которую он собирался навсегда покинуть Ключевой мир.

При условии, что она работала.

Ыш добрался до двери первым, сел рядом, посмотрел на Роланда. Ушастик-путаник тяжело дышал, привычная зубастая улыбка исчезла. Роланд подошел к двери, прижался ладонями к «дереву призраков». Почувствовал идущие изнутри вибрации. Дверь пока что работала, но в любой момент могла выйти из строя.

Стрелок закрыл глаза и подумал о матери, наклонившейся над ним, лежащим в маленькой кровати (как скоро после того, как его вытащили из колыбели, он не знал, но полагал, что прошло не так уж много времени). Свет, попадавший в детскую через цветные стекла, окрашивал разноцветьем лицо Габриэль Дискейн, которой предстояло умереть от тех самых рук, которые сейчас легонько и с любовью поглаживали ее руки. Дочь Кандора Высокого, жена Стивена, мать Роланда пела ему колыбельную, чтобы мальчик заснул и увидел те земли, куда нет доступа никому, кроме детей.

Попрыгунчик, милый крошка,
Ягоды клади в лукошко.
Чаззет, чиззет, чеззет,
Все в лукошко влезет.

«Я прошел такой долгий путь, — думал он, упираясь ладонями в дверь из „дерева призраков“. — Я прошел такой долгий путь, и столь многим причинил боль, причинил боль или убил, а то, что я мог спасти, спаслось лишь благодаря случаю, и мне никогда не спасти своей души, если она у меня есть. И, тем не менее, я подошел к началу моей последней тропы, и мне не придется идти по ней одному, если Сюзанна пойдет со мной. Может,

мне еще удастся наполнить лукошко».

— Чеззет, — сказал Роланд и открыл глаза в тот самый момент, когда открылась дверь. Увидел, как Ыш перепрыгнул через порог. Услышал крик пустоты между мирами, а потом сам ступил в дверной проем и закрыл дверь за собой, как обычно, не оглянувшись.

Глава 4. Федик (Два взгляда)

1

Посмотрите, как же здесь светло!

Когда мы появлялись здесь раньше, в Федике было пасмурно и никто и ничто не отбрасывало тень: то был не настоящий Федик, а его тодэшный суррогат; место, которое Миа знала хорошо и помнила хорошо (как помнила галерею замка, где часто бывала до того, как волей обстоятельств, точнее, Уолтера о'Дима, обрела физическое тело), а потому смогла воссоздать. Сегодня, однако, заброшенный городок так сверкает, что на него больно смотреть (хотя, конечно, нам станет легче, как только наши глаза приспособятся к яркому свету после сумрака Тандерклепа и тоннеля под «Дикси-Пиг». Каждая тень четко очерчена; их словно вырезали из черного фетра и положили на землю. Небо ясное и безоблачно-синее. Воздух холодный. Осенний, словно разговаривающий сам с собой ветер завывает под карнизами пустующих зданий и среди бастионов замка Дискордия. На станции «Федик» застыл атомный локомотив, древние люди называли такие хот-эндж, со словами «ДУХ ТОПИКИ» по обеим сторонам пулевидной носовой части. Маленькие окошки кабины машиниста стали матовыми под воздействием песчаной пыли, которая бомбардировала стекло не одну сотню лет, но значения это не имеет: «Дух Топики» завершил последний рейс. Да и когда поезд ходил регулярно, в кабине не было машиниста-чела. За локомотивом только три вагона. При выезде со станции «Тандерклеп» вагонов было двенадцать, столько же оставалось и когда впереди показался город-призрак, но...

Ах, да, это уже история Сюзанны, и мы послушаем, как она будет ее рассказывать мужчине, которого называла своим дином, когда был ка-тет, действовавший под его руководством. А вот и сама Сюзанна, сидит, где мы однажды ее видели, перед салуном «Джин-Пуппи». У коновязи припаркован ее хромированный жеребец, которого Эдди окрестил Прогулочный трайк Сюзанны. Ей холодно, из теплых вещей у нее только свитер, но сердце подсказывает, что ждать осталось недолго. И она очень надеется, что сердце не обманывает. Очень уж много здесь призраков. Для Сюзанны вой ветра похож на испуганные крики детей, которых привозили сюда, чтобы убить мозг, а телом превратить в рунтов.

Рядом с ржавым куонсетским ангаром (Экспериментальная станция 16-го сектора Дуги, как вы помните) все те же серые лошади-киборги. Несколько свалились после нашего последнего визита в эти места; другие без усталости вертят головой из стороны в сторону, словно стараясь увидеть своих всадников, которые придут и отвяжут их. Но этого никогда не случится, потому что Разрушители теперь на свободе, могут идти на все четыре стороны, и потребность в детях отпала: некому да и незачем подпитывать талантливые мозги Разрушителей.

А теперь, смотрите! Наконец-то появляется тот, кого женщина ждала этот долгий день, и прошлый, и позапрошлый, после того, как Тед Бротигэн, Динки Эрншоу и еще несколько Разрушителей (но не Шими, он ступил на пустошь на конце тропы, скажите, жаль) распрощались с ней. Дверь «Догана» открывается, и из нее выходит мужчина. Прежде всего, она замечает, что его хромота исчезла бесследно. Потом видит, что на нем новые синие джинсы и рубашка. Красивая одежда, но к столь холодной погоде он подготовился не лучше, чем она. На руках мужчина несет пушистого зверька, уши которого стоят торчком. Все это хорошо, но нет мальчика, который должен нести зверька. Нет мальчика, и сердце ее наполняется печалью. Не удивлением, однако, потому что она знала, как должно быть, знал бы и вон тот мужчина (вон тот мужчина-смерть), если бы она шагнула с тропы на пустошь.

Она соскальзывает с сидения на руки и на культы, слезает с дощатого тротуара на проезжую часть. Поднимает руку и машет ей над головой.

— Роланд! — кричит она. — Эй, стрелок! Я здесь!

Он видит ее и машет рукой в ответ. Потом наклоняется и опускает на землю зверька. Ыш несется к ней со всех лап, наклонив голову, прижав уши к голове, несется со скоростью и грациозностью горносталя, бегущего по снежному насту. А в семи футах он нее (как минимум, в семи футах) прыгает, и его тень летит над утоптанной землей улицы. Она хватает его, как мяч, брошенный куотербеком^[104]. Он ударяется о грудь Сюзанны с такой силой, что у нее перехватывает дыхание, и она валится на спину, поднимая облако пыли, но первый выдох срывается с губ смехом. Она все еще смеется, когда он встает короткими передними лапами ей на грудь, короткими задними лапами — на живот, уши стоят торчком, пушистый хвост мотается из стороны в сторону, и облизывает ее щеки, нос, глаза.

— Прекрати, сладенький! — кричит она. — Прекрати, сладенький, а не то ты меня убьешь!

Она слышит эти слова, сказанные в шутку, и смех застревает в горле. Ыш соскакивает с нее, садиться, поднимает морду к бездонному синему

небу и издает короткий вой, который говорит ей обо всем, что нужно знать, если бы она и сама этого не знала. Потому что Ыш очень красноречив, когда молчит.

Она садится, отряхивает с рубашки пыль, и на нее падает тень. Она поднимает голову, но поначалу не может разглядеть лица Роланда. Его голова на прямой линии между ней и солнцем, отчего лицо — середина яркого золотого ореола. Черное пятно.

Но он протягивает ей руки.

Какая-то ее часть не хочет браться за них, и вы понимаете, почему. Какая-то ее часть хочет поставить точку на этом самом месте и отправить его в Плохие Земли одного. Независимо от того, что хотел Эдди. Независимо от того, что хотел, и двух мнений тут быть не может, Джейк. Этот темный силуэт с солнцем, сверкающим вокруг головы, выдернул ее из очень комфортной жизни (да, у нее были свои призраки, по крайней мере, один демон со злобным сердцем, но у кого из нас их нет?). Его стараниями она свела знакомство сначала с любовью, потом с болью, наконец, с ужасом и утратой. Другими словами, все пошло от хорошего к плохому и худшему. Это его не знающая пощады, талантливая рука стала причиной ее скорби, этого, запыленного рыцаря-странника, который вышел из древнего мира в старых стоптанных сапогах с машиной смерти на каждом бедре. Это мелодраматические мысли, это мрачные образы, и прежняя Одетта, покровительница голодных и, уверенная в себе, хладнокровная кошечка, несомненно, посмеялась бы над ними. Но она изменилась, он ее изменил, и она полагает, если кто имеет право на мелодраматические мысли и мрачные образы, так это Сюзанна, дочь Дэна.

Какая-то ее часть хочет отвернуться от него, не для того, чтобы положить конец его поискам или сломить его волю (такое по силам только смерти), но, чтобы потушить свет, что остался в его глазах, и наказать его безжалостную, беспредельную жестокость. Но ка — колесо, к которому мы все привязаны, и когда колесо вращается, мы вынуждены вращаться вместе с ним, и если поначалу наши головы обращены к небесам, то потом попадают в ад, где мозги начинают гореть изнутри. А потому, вместо того, чтобы отвернуться...

Вместо того, чтобы отвернуться, чего желает какая-то ее часть, Сюзанна берет руки Роланда в свои. Он поднимает ее, не на ноги (их у нее

нет, хотя на какое-то время ее ими ссужали), но в свои объятия. И когда он пытается поцеловать ее в щеку, она поворачивает лицо так, чтобы его губы прижались к ее. «Пусть поймет, что половинчатости быть не может, — думает она, выдыхая свой воздух в рот Роланда и вдыхая его воздух. — Пусть поймет, если я в игре, то до конца. Да поможет мне Бог, я буду с ним до конца».

В федицком магазине «Дамские шляпы и одежда» одежды хватало, но при прикосновении она рассыпалась в прах: моль и годы уничтожили все. А в отеле Федики (ТИХИЕ КОМНАТЫ, ХАРОШИЕ КРОВАТИ) Роланд нашел шкаф с одеялами, которые могли уберечь их от послеполуденного холода. Они закутались в одеяла (послеполуденный ветерок был достаточно сильным, что вытерпеть идущий от одеял затхлый запах), и Сюзанна спросила о Джейке, чтобы сразу покончить с тем, что причиняло наибольшую боль.

— Снова писатель, — горечь переполняла ее голос, когда Роланд закончил рассказ, слезы она вытирала обеими руками. — Бог бы побрал этого человека.

— Меня подвело бедро, и м... и Джейк не промедлил ни секунды.

Роланд чуть не назвал Джейка мальчиком, как привык звать сына Элмера, когда они гнались за Уолтером. Получив второй шанс, он дал себе слово, что больше никогда так его не назовет.

— Нет, разумеется, не промедлил, — Сюзанна улыбалась. — Такого просто быть не могло. Храбрости у него было, хоть отбавляй, у нашего Джейка. Ты позаботился о нем? Сделал все, что положено? Я хочу услышать об этом.

Он ей рассказал, не забыв упомянуть про обещание Айрин Тассенбаум посадить на могиле розу.

Она кивнула.

— Жаль, что мы не можем сделать то же самое для нашего друга Шими. Он умер в поезде. Мне очень жаль, Роланд.

Стрелок кивнул. Ему хотелось покурить, но табака, понятное дело, не было. Теперь у него на ремне висели оба револьвера, а в сумке оставались семь орис. Ничего другого у них практически не было.

— Ему вновь пришлось воспользоваться своим талантом по пути сюда? Полагаю, пришлось. Я знал, что еще одна попытка может его убить.

Сэй Бротигэн тоже это знал. И Динки.

— Ему не пришлось никого никуда переносить, Роланд. Причиной смерти стала нога.

Стрелок в недоумении посмотрел на нее.

— Он порезал ногу об осколок стекла во время штурма «Синих небес», а там, и воздух, и земля отравлены, — последнее слово выкрикнула Детта, с таким акцентом, что Роланд едва его понял. — Чертова ступня раздулась... пальцы стали, как сосиски... щеки и шея посинели, словно превратились в сплошной синяк... у него поднялась температура... — Сюзанна глубоко вздохнула, плотнее завернулась в два одеяла. — Он потерял сознание, но перед смертью пришел в себя. Говорил о тебе и о Сюзан Дельгадо. Говорил с такой любовью и сожалением... — она помолчала, потом ее прорвало. — Мы пойдем туда, Роланд, пойдем, и если она того не достойна, твоя Башня, как-нибудь заставим ее стать достойной!

— Мы пойдем, — кивнул Роланд. — Найдем Темную Башню, и ничто и никто нас не остановит. А прежде чем войти в нее, назовем их имена. Всех, кого потеряли по пути.

— Твой список будет длиннее, — признала Сюзанна, — но и у меня он не маленький.

На это Роланд ничего не ответил, в отличие от робота-зазывалы, возможно, разбуженного от долгого сна их голосами.

— Девочки, девочки, девочки! — орал он из-за дверей-распашонок гриль-бара «Увеселения». — Есть и живые, есть и киборги, но что с того, разницы вы не заметите, что с того, они дают, вы говорите, девочки говорят, вы говорите... — пауза, а потом робот-зазывала прокричал одно, последнее слово, — УДОВЛЕТВОРЕНИЕ! — и замолчал.

— Клянусь богами, это грустное место, — вздохнул Роланд. — Мы останемся здесь на ночь, и больше его не увидим.

— По крайней мере, здесь светит солнце, а это большой плюс в сравнении с Гандерклепом, но почему-то здесь очень холодно!

Он кивнул, потом спросил об остальных.

— Они ушли, — ответила она, — но был момент, когда я подумала, что мы все окажемся в одном месте — на дне вон той пропасти.

И она указала на дальний от крепостной стены конец Главной улицы Федика.

В некоторых вагонах поезда еще работали телеэкраны, и на подъезде к городу мы увидели прекрасную картинку разрушавшегося моста. Концы его по-прежнему торчали над пропастью, но средняя часть, шириной в сотню ярдов, отсутствовала. Может, и шире. Мы видели также рельсовую

эстакаду. Она осталась целой. Поезд к тому моменту замедлил ход, но не настолько, чтобы мы могли спрыгнуть с него. Да и времени на прыжок не было. Впрочем, я думаю, прыгнувшие погибли бы наверняка. Наша скорость превышала пятьдесят миль в час. Когда мы въехали на эстакаду, вся гребаная конструкция начала трещать и скрипеть. Или трепыхаться и постанывать, если б ты читал Джеймса Тарбера^[105], которого, полагаю, ты не читал. В поезде играла музыка. Как в Блейне, помнишь?

— Да.

Но мы слышали, что эстакада готовится рухнуть. Потом все заходило из стороны в сторону. Раздался голос, очень ровный, успокаивающий: «У нас возникли незначительные трудности, пожалуйста, займите свои места. Динки обнимал маленькую русскую девочку, Дани. Тед взял меня за руки и сказал: „Я хочу, чтобы вы знали мадам, я очень рад, что имел честь познакомиться с вами“. Последовал толчок, такой сильный. Что меня едва не выбросило из кресла, выбросило бы, если бы Тед не удержал меня, и я подумала: „Вот и все, приехали, Господи, позволь мне умереть до того, как одна из тварей, что живут в пропасти, вонзит в меня свои зубы“. Потом секунду-другую мы катились назад. Назад, Роланд. Я видела, что весь вагон, а мы сидели в прицепленном непосредственно к локомотиву, наклоняется. Раздался скрежет рвущегося металла. А потом старый добрый „Дух Топики“ рванул вперед. Говори, что хочешь о Древних людях, я знаю, они много чего сделали не так, но строили машины, которым не занимать храбрости.

И тут же она широко улыбнулась.

— Одно только хорошо. При скорости триста миль в час, с которой мчался «Дух Топики», о чем нам радостно сообщил все тот же голос, мы оставили господина Мальчика-Паука далеко позади.

— Я бы на это не рассчитывал, — покачал головой Роланд.

Она устало закатила глаза.

— Не говори мне этого.

— Я тебе говорю. Но мы займемся Мордредом, когда придет время, и я не думаю, что это случится сегодня.

— Хорошо.

— Ты вновь побывала под «Доганом»? Как я понимаю, побывала.

У Сюзанны округлились глаза.

— Это что-то, не так ли? В сравнении с тамошними тоннелями Грэнд-Сентрал выглядит, как железнодорожная станция какого-нибудь захолустного Стиксвилла. Сколько тебе потребовалось времени, чтобы подняться на поверхность?

— Если бы я был один, то плутал бы там до сих пор, — признал Роланд. — Дорогу нашел Ыш. Я полагаю, он шел по твоему запаху.

Сюзанна задумалась.

— Может, и так. Но, скорее всего, по запаху Джейка. Ты проходил мимо широкого коридора с надписью на стене: «ПРИГОТОВЬТЕ ОРАНЖЕВЫЙ ПРОПУСК, СИНИЙ ПРОПУСК НЕ ДЕЙСТВИТЕЛЕН»?

Роланд кивнул, но выцветшая надпись на стене мало что ему сказала. Он, понял, что именно этим коридором уходили Волки, начиная свои рейды, по двум серым лошадям, которые лежали довольно-таки далеко от подземного перекрестка, и оскаленной маске. Увидел он там и мокасин, сделанный из резины, такие носили в Алгул-Сьенто. Теперь решил, что мокасин то ли Теда, то ли Динки. Потому что Шими Руиса наверняка похоронили обутым.

— Итак, вы сошли с поезда. Сколько вас было?

— Пятеро, — ответила Сюзанна, — не считая умершего Шими. Я, Тед, Динки, Дани Ростова и Фред Уортингтон... Ты помнишь Фреда?

Роланд кивнул. Мужчина в деловом, как у банкира, костюме.

— Я устроила им экскурсию по «Догану», — продолжила Сюзанна. — Показала то, что видела сама. Кровати, на которых крали мозги у детей, и ту кровать, где Миа наконец-то родила своего монстра. Одностороннюю дверь между Федиком и «Дикси-Пиг» в Нью-Йорке, которая до сих пор работает. Апартаменты Найджела. На Теда и его друзей произвела впечатление ротонда, со всеми дверьми, включая ту, что вела в Даллас 1963 года, где убили президента Кеннеди. Мы нашли еще одну дверь, двумя уровнями ниже, там находится большинство коридоров, которая вела в театр Форда, где в 1865 году убили президента Линкольна. На двери даже висела афиша спектакля, который он смотрел, когда его застрелил Бут. Спектакль назывался «Наш американский кузен». Интересно, что это за люди, которые хотели смотреть на такое?

Роланд подумал, что таких людей очень даже много, но понимал, что об этом лучше промолчать.

— Там все очень старое, — рассказывала Сюзанна. — Такое горячее. И чертовски пугающее, если хочешь знать правду. Большая часть техники не работает, везде лужи воды, масла и Бог знает чего. Некоторые лужи светятся, и Динки сказал, что, возможно, от радиации. Я даже не хочу думать о том, что может расти в моих костях или когда у меня начнут выпадать волосы. Там были двери, рядом с которыми мы могли слышать эти ужасные колокольцы... те самые, от звука которых начинают ныть зубы.

— Тодэшные колокольцы.

— Да. И твари за некоторыми из этих дверей. Склизкие твари. Кто говорил мне о чудовищах, которые живут в тодэшной тьме, ты или Миа?

— Я мог, — ответил он. Боги знали, чудовища там жили.

— Твари живут и в пропасти за городом. Это мне говорила Миа. «Они копошатся там, размножаются и строят планы вырваться наружу». Ее слова. А потом Тед, Динки, Дани и Фред взялись за руки. Образовали, как сказал Тед, «маленький светлый разум». Я его почувствовала, хотя они не взяли меня в свой круг, порадовалась, что чувствую, потому что от тех тоннелей по коже бежали мурашки, — она плотнее завернулась в одеяла. — Мне совершенно не хочется идти туда вновь.

— Но ты знаешь, что мы должны.

— Один тоннель проложен глубоко под замком и выходит на поверхность на другой его стороне, в Дискордии. Тед и его друзья обнаружили его, уловив мысли давно ушедших людей, Тед назвал их мысли — призраки. Фред нашел в кармане кусок мела и пометил коридор для меня, но найти его все равно будет не просто. Тоннели более всего напоминают лабиринт из древней греческой истории, по которому вроде бы бегал бык-монстр. Я полагаю, мы сможем снова его найти...

Роланд наклонился и погладил Ыша по грубой шерсти.

— Мы его найдем. Этот парень пойдет по твоему следу. Не так ли, Ыш?

Ыш вскинул на него глаза с золотыми ободками, но ничего не сказал.

— Так или иначе, — вновь заговорила Сюзанна, — Тед и другие коснулись разума тварей, которые живут в пропасти за городом. Они не собирались этого делать, но так уж вышло. Эти твари не на стороне Алого Короля, не против него, сами за себя, но они разумные. И у них есть телепатические способности. Они знали, что мы в тоннеле и, как только был установлен контакт, с радостью воспользовались возможностью посоветаться. Тед и его друзья сказали, что твари давно уже роют тоннель к катакомбам под Экспериментальной станцией, и очень скоро доберутся до них. А как только доберутся, вырвутся наружу и станут хозяевами Федика.

Роланд обдумал ее слова, покачиваясь взад-вперед на стертых каблуках сапог. Он надеялся, что они уже будут уже далеко, когда твари доберутся до катакомб... но, возможно, это произойдет до того, как Мордред попадет сюда, и тогда Мальчику-Пауку придется встретиться с ними лицом к лицу, если он захочет следовать за ними. Крошка Мордред против древних чудищ из-под земли... такая мысль грела.

Наконец, Роланд кивнул, предлагая Сюзанне продолжить.

— Мы слышали тодэшные колокольца, доносящиеся из нескольких тоннелей. Не из-за дверей, а из тоннелей, которые не перекрывались дверьми! Ты понимаешь, что это значит?

Роланд понимал. Если они ошибутся с тоннелем... или если Тед и его друзья пометили для них не тот тоннель, он, Сюзанна и Ыш, скорее всего, исчезнут навсегда, вместо того, чтобы выйти на поверхность на другой стороне замка Дискордия.

— Они не оставили меня в тоннелях. Вывели обратно, в лазарет, прежде чем отправиться дальше, за что я им очень признательна. Мне не хотелось ехать обратно одной, хотя, думаю, я бы справилась.

Роланд обнял ее одной рукой, прижал к себе.

— Они решили воспользоваться дверью, через которую выходили Волки?

— Да, той, что находилась в конце коридора, для прохода по которому требовался ОРАНЖЕВЫЙ ПРОПУСК. Они намеревались выйти там, где выходили Волки, добраться до реки Уайе, пересечь ее, попасть в Калью Брин Стерджис. Тамошние жители примут их, не так ли?

— Да.

— И когда услышат всю историю, они не... не линчуют их?

— Я уверен, что нет. Хенчек поймет, что они говорят правду, и поручится за них, даже если никто другой не встанет на их сторону.

— Они надеются воспользоваться пещерой Двери, чтобы вернуться на американскую сторону, — Сюзанна вздохнула. — Я надеюсь, что дверь откроется, но сомнения у меня есть.

Сомнения были и у Роланда. Но эти четверо представляли собой немалую силу, а Теда, он это знал, отличала не только решимость, но и экстраординарный потенциал. Многие могли и Мэнни, великие путешественники между мирами. Поэтому Роланд склонялся к тому, что рано или поздно Тед и его друзья вернутся в Америку. Он уже собрался сказать Сюзанне, что такое произойдет, если будет на то воля ка, но передумал. Ка более не значилось среди любимых слов Сюзанны, и едва ли он мог ее за это винить.

— А теперь слушай меня очень внимательно, Сюзанна, и крепко подумай. Говорит ли тебе что-нибудь слово Дандело?

Ыш поднял голову, глаза его блеснули. Сюзанна задумалась.

— Вроде бы мне это слово знакомо, но больше ничего сказать не могу. А что?

Роланд поделился с ней своей версией: когда Эдди лежал на смертном

одре, ему было видение... то ли чудовища... то ли места... то ли человека. И это что-то или кто-то звалось Дандело. Эдди сказал об этом Джейку, Джейк — Ёшу, Ёш — Роланду.

Сюзанна хмурилась, на ее лице отражалось сомнение.

— Слишком много переходов. Знаешь, в детстве у нас была такая игра... Называлась она «Шепни слово». Кто-то придумывал слово или фразу и шептал на ухо второму. Шепнуть разрешалось только раз, без повторов. Второй передавал то, что, по его разумению, услышал, третьему, тоже шепотом. Третий — четвертому и так далее. Когда слово добиралась до последнего участника игры, оно уже не имело ничего общего с тем, что первый шептал второму, и все радостно смеялись. Но, если в нашем случае в слово вкралась ошибка, не думаю, что мы будем смеяться.

— Ясно, — кивнул Роланд. — Будем настороже, надеюсь, что слово я услышал правильно. Может, оно ничего не значит, — впрочем, в это он не верил.

— А что нам делать с одеждой, если станет еще холоднее? — спросила она.

— Одежда у нас будет. Я знаю, что делать. Об этом сегодня мы можем не волноваться. А вот о чем нужно волноваться, так это о еде. Впрочем, если придется, мы сможем найти кладовую Найджела...

— Я не хочу возвращаться в подземелье под «Доганом» без крайней на то необходимости. Я думаю, около лазарета есть кухня. Они должны были чем-то кормить этих бедных детей.

Роланд обдумал ее слова, кивнул. Дельная мысль.

— Тогда пошли, — добавила Сюзанна. — С наступлением темноты я не хочу находиться даже в наземном этаже этого заведения.

На Тэтлбек-Лейн, в августе 2002 года Стивен Кинг возвращается в реальность из грезы о Федике. Печатает: «С наступлением темноты я не хочу находиться даже в наземном этаже этого заведения». Слова появляются на экране. Ими завершается то, что он называет подглавкой, но это не всегда означает, что на сегодня работа закончена. Что он слушает, так это Вес'-Ка Ган, Песнь Черепахи. На этот раз музыка, которая едва слышна в некоторые дни и буквально оглушает в другие, похоже, смолкла. Она вернется завтра. Во всяком случае, всегда возвращалась.

Кинг нажимает пару клавиш на клавиатуре и компьютер издает

мелодичный звон, показывая, что напечатанное сегодня сохранено в памяти. Писатель встает, морщась от боли в бедре, и подходит к окну кабинета. Смотрит на подъездную дорожку, круто взбирающуюся к Тэтлбек-лейн, дороге, по которой он теперь изредка прогуливается (а по главной дороге, шоссе 7, — никогда). Бедро этим утром сильно болело, мышцы словно жгло огнем. Он рассеянно потирает бедро, выглядывая из окна.

«Роланд, мерзавец, ты вернул мне эту боль», — думает Кинг. Она протянулась по ноге, как раскаленная докрасна проволока, можете вы не говорить, Бог, можете вы не говорить, Бог-бомба, и никак он не может с ней расстаться. Прошло почти три года после того инцидента на дороге, когда он едва не лишился жизни, а боль по-прежнему с ним. Она, конечно, утихает, у человеческого тела удивительно способность к самоизлечению («Хот-эндж», — думает он и улыбается), но иногда вдруг резко усиливается. Он не думает о боли, когда пишет, писательство в определенном смысле мягкий Прыжок, тодэш, как ни назови, но боль всегда дает о себе знать после пары часов, проведенных за столом.

Он думает о Джейке. Чертовски сожалеет о том, что Джейк умер, и догадывается, что после публикации последней книги читатели просто озвереют. И почему нет?

Некоторые знали Джейка Чеймберза двадцать лет, чуть ли не в два раза дольше, чем прожил мальчик. Да, они озвереют, все так, а когда он ответит на их письма и скажет, что сожалеет о смерти мальчика, как и они, удивленного смертью, поверят ли ему? Ни за какие коврижки, как говорил его дед. Он думает о «Мизери». Энни Уилкс называет Пола Шелдона паршивым отродьем за то, что тот пытается избавиться от жалкой, тупой Мизери Честайн. Энни кричит, что Пол — писатель, а писатель — Бог для своих персонажей, ему нет нужды убивать любого из них, если он этого не хочет.

Но он — не Бог. По крайней мере, в этой истории. Он чертовски хорошо знает, что Джейка Чеймберза не было там в день, когда его сшибла машина, не было и Роланда Дискейна, сама мысль об этом достойна осмеяния, они же, видит Бог, выдумки, но он также знает и другое: в какой-то момент песня, которую он слышит, когда сидит за «макинтошем» последней модели, стала песней смерти Джейка, и не заметить этого означало одно — полностью потерять связь с Вес'-Ка Ган, на что он пойти не может. Не может, если хочет закончить историю. Эта песня — единственная ниточка, которая его ведет, хлебные крошки на тропе, которым он должен следовать, если хочет выйти из этого дремучего леса

сюжета, который он посадил, и...

«Ты уверен, что посадил его?»

Ну... нет. По правде говоря, не уверен. Так что самое время вызвать людей в белых халатах.

«И ты абсолютно уверен, что Джейка в тот день там не было? В конце концов, много ли ты помнишь о том чертовом инциденте?»

Не так, чтобы очень. Он помнит, как увидел крышу минивэна Брайна Смита, появившуюся над вершиной холма, понял, что едет тот не по проезжей части, как положено, а по обочине. А потом помнит Смита, сидящего на каменной стене. Смит смотрит на него сверху вниз и говорит, что его нога сломана в шести, может, в семи местах. А между двумя этими воспоминаниями, перед столкновением и после него, пленка памяти полностью засвечена.

Или почти полностью.

Потому что иногда, ночью, когда он просыпается от сна, который не может вспомнить...

Иногда он слышит... ну...

— Иногда слышатся голоса, — говорит Кинг. — Почему ты просто не скажешь это?

А потом, смеясь, добавляет: «Пожалуй, только что и сказал».

Он слышит приближающееся по коридору цоканье когтей, и Марлоу сует нос в его кабинет. Марлоу — уэльский корги, с короткими лапами и большими ушами, уже старенький, со своими болями и ломотой в костях, не говоря уже о глазе, который ему удалили, вместе со злокачественной опухолью, в прошлом году. Ветеринар говорил, что операцию Марлоу, скорее всего, не переживет, но он пережил. Хороший малыш. И крепкий. А когда он поднимает голову, чтобы посмотреть на писателя, на его морде играет привычная собачья улыбка. «Как жизнь, старина? — словно спрашивает она. — Написал сегодня хорошие слова? Все путем?»

— Все у меня хорошо, Марлоу, — отвечает он. — Держусь. А как ты?

Марлоу (иногда известный, как «Ваша мордатость») в ответ покачивает скованной артритом «кормой».

«Снова вы», — вот что я ему сказал. А он спросил: «Ты меня вспомнил?» А может, просто сказал: «Ты вспомнил меня». Я сказал ему, что хочу пить. Он ответил, что воды у него нет, что он сожалеет, а я обозвал его лжецом. И правильно обозвал, потому что нисколько он не сожалел. Плевать он хотел на то, что мне хотелось пить, потому что Джейк умер, и он пытался возложить вину на меня, этот сукин сын пытался обвинить в смерти мальчика меня...»

— Но в действительности ничего этого не произошло, говорит Кинг, наблюдая, как Марлоу возвращается на кухню, где может вновь проверить, если ли в его миске вода, прежде чем улечься вздремнуть. А днем он спит на удивление долго. Кроме них двоих дома никого нет, а в таких случаях писатель часто разговаривает сам с собой вслух. — Я хочу сказать, ты это знаешь, не так ли? Знаешь, что в действительности ничего этого не было.

Он полагает, что знает, но такая вот смерть Джейка на удивление странная. Джейк присутствует во всех его черновых набросках, и в этом нет ничего удивительного. Потому что Джейк должен был оставаться на страницах книги почти что до самого конца. Все они должны были оставаться. Разумеется, автор не может полностью контролировать ни одну историю, за исключением плохой, которая заканчивается ПВБ, но чтобы история вышла из-под контроля до такой степени... это нелепо. И больше напоминает наблюдение за происходящим со стороны (или слушание песни), чем написание выдуманной истории.

Он решает, что приготовит себе на ленч сэндвич с ореховым маслом и желе и забудет обо всем этом до завтрашнего дня. Вечером он собирается посмотреть новый фильм Клинта Иствуда «Кровавая работа», и рад тому, что может куда-то поехать, заняться чем-то еще. Завтра он вернется за стол, и какие-то моменты из фильма, возможно, попадут в книгу... сомнений тут быть не может, сам Роланд частично списан с Клинта Иствуда, каким тот предстал в трилогии Серджио Леоне «Человек без имени».

И... раз уж разговор пошел о книгах.

На кофейном столике лежит книга, которую этим утром привез из его офиса в Бангоре курьер «ФедЭкс»: «Полное собрание поэтических сочинений» Роберта Браунинга. В книге, конечно же, есть и «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел», эпическая поэма, которая лежит в основе длинной (и утомительной для глаз) истории Кинга. Марлоу словно читает чувства писателя, как открытую книгу (и, возможно, это ему под силу, Кинг всегда подозревал, что собаки — сравнительно недавние эмигранты из страны Эмпатика, где каждый знает, что чувствуют другие), потому что улыбка на его морде становится шире.

— Одно место для этой поэмы, старина, — говорит Кинг и бросает книгу обратно на кофейный столик. Это большой том, так что приземляется он с грохотом. — Одно место и только одно, — потом писатель откидывается на спинку кресла и закрывает глаза. «Посижу здесь минутку — другую», — думает он, зная, что морочит себе голову, зная, что наверняка задремлет. Так и происходит.

**Часть 4. БЕЛЫЕ ЗЕМЛИ ЭМПАТИКИ.
ДАНДЕЛО**

Глава 1. Тварь под замком

1

Они действительно нашли довольно-таки большую кухню и примыкающую к ней кладовую на наземном уровне Экспериментальной станции 16-го сектора Дуги, и недалеко от лазарета. Они нашли и кое-что еще: кабинет сэя Ричарда П. Сейра, когда-то возглавлявшего оперативную службу Алого Короля, но теперь перебравшегося на пустошь в конце тропы, спасибо быстрой правой руке Сюзанны Дин. На столе Сейра лежали на удивление полные досье всех четырех членов ка-тета. На фотографии Джейка и Эдди в этих досье они не могли смотреть без боли. Воспоминания были куда как лучше.

На стене кабинета Сейра висели в рамках две картины маслом. Одна изображала сильного и симпатичного мальчика. Без рубашки, босиком, с взъерошенными волосами, улыбающегося, одетого только в джинсы и с докерским захватом на плече. Возрастом он не отличался от Джейка. В картине было что-то, пожалуй, неприятно-чувственное. Сюзанна подумала, что художник, сэй Сейр, а может, они оба, принадлежали к банде Лавандового холма. Так в Виллидж иногда называли гомосексуалистов. У мальчика были черные волосы, синие глаза, алые губы. Незажившая рана на боку и родимое пятно на левой пятке цветом не отличались от губ. Перед ним лежала мертвая белоснежная лошадь. Кровь виднелась на ее оскаленных зубах. Левая нога мальчика, с отметиной на пятке, стояла на боку лошади, губы изгибались в торжествующей улыбке.

— Это Лламри, лошадь Артура Эльдского, — пояснил Роланд. — Ее изображали на всех знаменах, с которыми воины Гилеада шли в бой. Образ этот считался сигулом всего Внутреннего мира.

— Значит, согласно картине, Алый Король победит? — спросила она. — Или, если не он, то Мордред, его сын?

Роланд вскинул брови.

— Благодаря Джону Фарсону люди Алого Короля давным-давно покорили земли Внутреннего мира, — и тут же он улыбнулся. И эта ослепительная улыбка настолько отличалась от обычного выражения его лица, что у Сюзанны голова едва не пошла кругом. — Но мы победили в единственной битве, которая действительно имеет значение. Так что на

этой картине изображена всего лишь чья-то желанная мечта, — а потом, со свирепостью, которая удивила ее, Роланд кулаком разбил стекло и схватившись за холст, дернул его, разорвав до середины.

Сюзанна остановила его, прежде чем Роланд успел разорвать картину на мелкие клочки, что он, несомненно, собирался сделать. Указала на нижнюю часть холста. Точнее, на написанные маленькими, но каллиграфическими буквами имя и фамилию художника:

Патрик Дэнвилл.

Вторая картина изображала Темную Башню, черный цилиндр, уходящий ввысь. Возвышалась Башня на дальнем конце Кан'-Ка Ноу Рей, поля роз. В их снах Темная Башня казалась выше самого высокого небоскреба Нью-Йорка (для Сюзанны это был Эмпайр-Стейт-Билдинг). На картине она выглядела не выше шестисот футов, но это нисколько не умаляло ее увиденной во снах величественности. Узкие окна по спиральям поднимались все выше и выше, точно так же, как и в их снах. На вершине виднелся консольный эркер с цветными стеклами, и каждый цвет, Роланд это точно знал, соответствовал одному из цветов Колдовской радуги. В самом центре эркера было кольцо, такое же розовое, как и шар, оставленный в свое время на хранение некой ведьме по имени Риа. А уж его эбонитовая середина полностью соотносилась с цветом Черного Тринадцатого.

— Комната за окном — та самая, куда я хочу подняться, — Роланд постучал по стеклу, прикрывающему холст от пыли. — Именно там закончится мой поход, — голос осип, в нем слышалось благоговение. — Эту картину нарисовали не по воспоминаниям от сна, Сюзанна. Кажется, что ты можешь проверить на ощупь шероховатость каждого кирпичика. Ты согласна?

— Да, — сказать что-либо еще она не могла. От одного только взгляда на картину, которая висела на стене кабинета покинувшего этот мир Сейра, у Сюзанны перехватило дыхание. Внезапно все стало возможным. Вот она, конечная цель их долгого похода, у нее перед глазами.

— Человек, который нарисовал эту картину, наверняка побывал там, — Роланд задумчиво смотрел на картину. — Возможно, его мольберт стоял среди этих роз.

— Патрик Дэнвилл, — прочитала Сюзанна имя и фамилию художника. — Та же подпись, что и на картине с Мордредом и дохлой лошадьё, видишь?

— Я вижу это очень хорошо.

— И ты видишь тропу, которая ведет к ступеням в основании Башни.

— Да. Девятнадцать ступеней. Чеззет. И облака над головой...

Она тоже видела облака. Они образовывали воронку, прежде чем поплыть прочь от Башни, к Порталу Черепахи, в дальнем конце Луча, по которому они продвигались к Башне. На стене Башни, с интервалами в пятьдесят футов, располагались балконы с железным ограждением, высотой до пояса. На втором из этих балконов художник нарисовал одно красное пятно и три белых, поменьше: лицо, разглядеть которое не представлялось возможным, и две вскинутые руки.

— Это Алый Король? — Спросила Сюзанна, указав на эти пятна. Она не решилась поднести палец к стеклу, закрыть им маленькую фигурку. Словно боялась, что фигурка эта оживет и утащит ее в картину.

— Да, — кивнул Роланд. — Заперт вне того, что хотел заполучить больше всего на свете.

— Тогда, может, мы сможем подняться по ступеням и пройти мимо него. По пути угостить его малиной, — и когда Роланд в недоумении посмотрел на нее, она высунула язык, продемонстрировав, что хотела сказать.

На этот раз стрелок едва улыбнулся.

— Не думаю, что все будет так легко. Сюзанна вздохнула.

— Я тоже так не думаю.

Они увидели все, что могли, и даже больше, чем ожидали, но все-таки им не хотелось покидать кабинет Сейра. Сюзанна спросила Роланда, не хочет ли тот взять картину с собой. Не составляло труда вырезать ее из рамы ножом для открывания писем, что лежал на столе Сейра и свернуть в рулон. Роланд обдумал эту идею, покачал головой. Чувствовалась в этой картине какая-то злобная жизнь, которая могла привлечь ненужное внимание, как свет привлекает мотыльков. И, даже если бы не привлекала, у него сложилось впечатление, что они оба будут слишком много времени отдавать разглядыванию картины. Картина могла отвлечь их или, хуже того, загипнотизировать.

«В конце концов, — подумал он, — возможно, это всего лишь еще одна ловушка разума. Как „Бессонница“.

— Мы ее оставим, — решил он. — Достаточно скоро, через месяцы, может, даже недели, будем смотреть на настоящую Башню.

— Ты так говоришь? — прошептала Сюзанна. — Роланд, ты действительно так говоришь?

— Говорю.

— Все трое? Или мне и Ёшу тоже придется умереть, для того, чтобы открыть тебе путь к Башне? В конце концов, ты отправился в этот поход

один, не так ли? Может, и закончить его ты должен тоже в одиночестве. Разве не этого хочет писатель?

— Это не означает, что он сможет так сделать, — покачал головой Роланд. — Стивен Кинг — не вода, Сюзанна... он — лишь труба, по которой течет вода.

— Я понимаю, что ты говоришь, но не могу сказать, что полностью в это верю.

Не было полной уверенности и у Роланда. Он уже собрался напомнить Сюзанне, что Катберт и Алан были с ним в начале похода, в Меджисе, а когда они покинули Гилеад в следующий раз, к ним присоединился Джейми Декарри, так что из трио они превратились в квартет. Но по настоящему его поход начался после битвы на Иерихонском холме, и да, тогда он уже остался один.

— Я начал поход в одиночку, но это не означает, что в одиночку буду его и заканчивать, — Сюзанна путешествовала по кабинету на офисном стуле на колесиках. Теперь же он поднял ее и посадил на правое бедро, которое больше не болело. — Ты и Ыш будете со мной, когда я поднимусь по ступеням и войду в дверь. Вы будете со мной, когда я поднимусь по лестнице. Вы будете со мной, когда я разберусь с этим прыгающим злобным гоблином. Вы будете со мной, когда я войду в комнату на вершине Башни.

И хотя Сюзанна ничего не сказала, в словах этих она услышала ложь. Собственно, они прозвучали лживо для них обоих.

Они принесли консервы, сковороду с длинной ручкой, две кастрюли и два набора столовых приборов в отель. Роланд захватил и фонарик, который едва светился на практически севших батарейках, мясницкий нож и топорик с обтянутой резиной рукояткой. Сюзанна нашла пару сетчатых мешков, в которые они и сложили свое новое снаряжение.

Она также обнаружила три банки желеобразного вещества, которые стояли на верхней полке кладовой, примыкающей к кухне лазарета.

— Это «Стерно», — ответила она на вопрос стрелка. — Хорошая штука. Если его поджечь, оно горит медленно, а синее пламя достаточно горячее, чтобы готовить на нем еду.

— Я думал, мы сможем разжечь небольшой костер за отелем, — заметил Роланд. — Не нужно мне это вонючее вещество для разведения

костра, — в голосе слышалось презрение.

— Нет, полагаю, что нет. Но все равно может пригодиться.

— Как?

— Я не знаю, но... — Сюзанна пожала плечами. Уже подходя в двери на улицу, они поравнялись с чуланом, в котором, уборщики, похоже, хранили свой инвентарь. Роланд проигнорировал ведра, швабры и тряпки, зато его заинтересовала груда шнуров и ремней, сваленных в углу. По доскам, лежащим на груде, Сюзанна поняла, что из них строились временные леса. Она также догадалась, зачем Роланду понадобились шнуры и ремни, и сердце ее упало. Похоже, они возвращались к самому началу.

— Я думала, что уже покончила с поездками на бедре, — зло сказала она, в голосе даже мелькнули интонации Детты.

— Скорее всего, ничего другого не остается, — ответил Роланд. — И я рад, что теперь вновь смогу нести тебя.

— Подземный тоннель — единственный путь на другую сторону? Ты в этом уверен?

— Возможно, мы сможем пройти и через замок... — начал он, но Сюзанна уже качала головой.

— Я побывала на его крепостной стене, не забывай. С Миа. Обрыв со стороны Дискордии никак не меньше пятисот футов. Возможно, когда-то там были ступеньки, но от них наверняка уже ничего не осталось.

— Тогда пойдем по тоннелю, благо, что он есть. Может. Мы найдем для тебя какое-нибудь средство передвижения, как только выйдем на другой стороне. В другом городе или деревне.

Сюзанна вновь покачала головой.

— Я думаю, цивилизация заканчивается здесь, Роланд. И я думаю, что нам лучше закутаться, как только сумеем, потому что на другой стороне будет еще холоднее.

С одеждой ситуация складывалась куда как хуже, чем с едой. Никто не догадался заложить несколько лишних свитеров или утепленных курток в запечатанные под вакуумом банки. Одежда была, но очень уж вытертая и буквально расползающиеся под руками, то есть практически бесполезные.

— Мне на это наплевать, — устало сказала Сюзанна. — Только бы нам удалось выбраться из этого места.

— Мы выберемся, — ответил Роланд.

Сюзанна в Центральном Парке, день достаточно холодный, чтобы дыхание паром вырывалось изо рта. Небо белое от горизонта к горизонту, снежное небо. Она смотрит на полярного медведя, который кружит по своему каменному островку, несомненно, наслаждаясь холодной погодой, когда чья-то рука обнимает ее за талию. Теплые губы чмокают в холодную щеку. Она поворачивается, и рядом стоят Эдди и Джейк. На лицах обоих одинаковые улыбки, на головах — практически одинаковые вязаные шапочки. На шапочке Эдди вышито «СЧАСТЛИВОГО», на шапочке Джейка — «РОЖДЕСТВА». Она уже открывает рот, чтобы сказать: «Мальчики, вы не можете здесь быть, вы, мальчики, умерли», — но тут же понимает, к своему безмерному облегчению, что все, что было — всего лишь сон, который она видела. И действительно, как можно в этом сомневаться? Нет говорящих зверьков, которые называются ушастиками-путаниками, конечно же, нет существ-тахинов с человеческим телом и головой животного, нет таких мест, как Федик или замок Дискордия.

А самое главное, нет стрелков, Джон Кеннеди был последним, ее шофер Эндрю говорил правильно.

— Принес тебе горячий шоколад, — говорит Эдди и протягивает к ней руку. Рука держит чашку горячего шоколада, поверх которого сливки, посыпанные мускатным орехом; она чувствует запах, а когда берет кружку, чувствует его пальцы под перчатками, и в этот момент в неба начинают планировать первые снежинки. Она думает, как же это хорошо, жить в привычном тебе Нью-Йорке, как здорово, что эта реальность реальна, что они вместе в году...

— В каком году от Рождества Христова?

Она хмурится, потому что это серьезный вопрос, не так ли? В конце концов, Эдди — человек восьмидесятых, а ее пребывание в Нью-Йорке оборвалось в 1964-ом (или в 65— ом?) Что же касается Джейка, Джейка Чеймберза со словом «РОЖДЕСТВА», вышитого на шапочке, он же из семидесятых? И если они трое представляют собой разные десятилетия второй половины двадцатого века, какое время может быть для них общим? Какой нынче год?

«ДЕВЯТНАДЦАТЬ, — говорит голос из воздуха (возможно, это голос Банго Сканка, Великого потерянного персонажа), — это ДЕВЯТНАДЦАТЬ, это ЧЕЗЗЕТ. Все твои друзья мертвы».

С каждым словом мир становится все более эфемерным. Она может видеть сквозь Эдди и Джейка. Смотрит на полярного медведя, а тот лежит мертвым на каменном острове, вскинув лапы к небу. Такой приятный запах горячего шоколада уходит, сменяется запахом затхлости: старой

штукатурки, древнего дерева. Запахом номера отеля, в котором никто не спал многие годы.

«Нет, — стонет ее разум. — Нет, я хочу Центральный Парк, я хочу мистера СЧАСТЛИВОГО и мистера РОЖДЕСТВА, я хочу вдыхать запах горячего шоколада и видеть первые робкие декабрьские снежинки, я сыта по горло, Внутренним миром, Срединным миром, Крайним миром. Я хочу Мой мир. Мне даже все равно, увижу я Темную Башню или нет».

Губы Джейка и Эдди двигаются синхронно, словно они поют песню, которую она не может услышать, но это не песня. Слова, которые она читает по их губам, прежде чем сон рассыпается —

4

«Остерегайся Дандело».

Она проснулась с этими словами на устах, дрожа в сумраке раннего, предрассветного утра. Насчет дыхания сон оказался правдой: оно превращалось в пар, срываясь с губ. В остальном — нет. Сюзанна коснулась щек и стерла с них влагу. Температура воздуха не упала до такой степени, чтобы замораживать слезы. Не хватило разве что пары-тройки градусов.

Она оглядела обшарпанный номер отеля «Федик», всем сердцем желая, чтобы ее сон о Центральном Парке обернулся явью. Во-первых, ей пришлось спать на полу: кровать превратилась в скульптуру из ржавчины, которая могла превратиться в пыль при первом прикосновении, так что у нее болела спина. Во-вторых, одеяла, из которых она соорудила матрас, и те, в которые завернулась, превратились в лохмотьям из-за того, что она ворочалась и металась во сне. От пыли, густо висевшей в воздухе, щекотало в носу и першило в горле. Першило до такой степени, словно она подхватила сильнейшую простуду. К тому же, она дрожала от холода. И ей хотелось облегчиться, а это означало, что придется ползти по коридору наполовину онемевших от холода руках и культиях.

Но в это утро тревожило Сюзанну Одетту Холмс Дин другое, не так ли? Проблема заключалась в том, что она вернулась из прекрасной мечты в мир

(это ДЕВЯТНАДЦАТЬ все твои друзья мертвы)

где теперь буквально сходила с ума от одиночества. Проблема заключалась в том, что в краю, где она очутилась, солнце не обязательно всходило на востоке. Проблема заключалась в том, что на нее навалились

усталость и грусть, тоска по дому и душевная боль, скорбь и уныние. Проблема заключалась в том, что за час до зари, в этом, достойном музея, номере отеля типичного городка Фронтيرا^[106], где в воздухе висела пыль веков, она чувствовала себя так, будто из нее только что выжали две последние унции силы воли. Она хотела, чтобы сон вернулся.

Она хотела Эдди.

— Вижу, ты тоже проснулась, — Сюзанна поднялась, так резко повернулась, опершись на руки, что в одну из них впилась заноза.

Стрелок стоял, привалившись к двери между комнатой и коридором. Из шнуров и ремней он сплел упряжь, которая показалась ей очень знакомой и теперь свисала с его левого плеча. На правом висел кожаный мешок с их новыми приобретениями и оставшимися орисами. Ёш сидел у ног Роланда и очень серьезно смотрел на нее.

— Ты меня до смерти напугал, сэй Дискейн, — сказала она.

— Ты плакала.

— Разве тебя волнует, плакала я или нет?

— У нас поднимется настроение, как только мы уйдем отсюда. Федик наводит ужас.

Она знала, о чем он говорит. Ночью ветер набрал силу и когда завывал в карнизах отеля и расположенного по соседству салуна, Сюзанне в его вое слышались крики детей... несчастных, затерявшихся во времени и пространстве безо всякой надежды найти путь домой.

— Хорошо. Но, Роланд... прежде чем мы пересечем улицу и войдем в «Доган», я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещал.

— Какое ты хочешь получить от меня обещание?

— Если возникнет ситуация, что мы попадаем в пасть какому-нибудь монстру, из Расщелины Дьявола или из тодэшной черноты между мирами, тыпустишь пулю мне в голову до того, как это произойдет. Ты можешь поступать, как знаешь, но... Зачем ты мне это отдаешь? — говорила она о револьвере, который протягивал ей Роланд.

— Потому что я нынче могу стрелять только из одного. И потому что не буду тем, кто возьмет твою жизнь. Если ты решишь сделать это сама, твое право...

— Роланд, твоя гребаная совесть никогда не перестанет удивлять меня, — Сюзанна взяла револьвер одной рукой, а второй указала на упряжь.

— Что же касается этой штуковины, если ты думаешь, что я полезу в нее без крайней необходимости, значит, ты рехнулся.

Легкая улыбка растянула его губы.

— Если нас таких двое, оно и к лучшему, не правда ли? Она вздохнула, потом кивнула.

— Чуть лучше, да, но далеко от совершенства. Пошли, большой парень, давай сваливать отсюда. Зад у меня — ледяная глыба, да и от пыли тут нечем дышать.

5

Он посадил ее на стул на колесиках, едва они вошли в «Доган», и покатил к первому лестничному пролету. Сюзанна держала на коленях их снаряжение и сумку с орисами. Роланд спустил стул по ступеням, а потом постоял, посадив Сюзанну на бедро, оба морщились от ударов, которые издавал стул, ударяясь о ступени.

— Ему конец, — сказала Сюзанна, когда грохот стих. — Ты с тем же успехом мог оставить его здесь. Внизу толку от него не будет никакого.

— Посмотрим, — Роланд посмотрел вниз. — Возможно, тебя ждет сюрприз.

— От этой хреновины не осталось ничего путного, и мы оба это знаем, — ответила Детта.

Ыш коротко гавкнул, как бы говоря: «Именно так».

6

Стул, однако, спуск пережил. И следующий тоже. Но, когда Роланд присел на корточки, чтобы осмотреть стул после падения с третьего, и самого длинного лестничного пролета, он увидел, один из литых кронштейнов так сильно погнулся, что дальнейшее использование стула стало невозможным. Он чем-то напомнил Роланду брошенное Сюзанной кресло-каталку, на которое они наткнулись после битвы с Волками на Восточной дороге.

— Ну, что я тебе говорила? — спросила она голосом Детты, и с ее губ сорвался злобный смешок. — Полагаю, пришла пора впрягаться в упряжь, Роланд.

Он посмотрел на нее.

— Ты можешь заставить Детту уйти?

Она удивленно вскинула на него глаза. Потом попыталась вспомнить свои последние фразы. Покраснела.

— Да, — голос стал, как у маленькой девочки. — Извини, Роланд.

Он поднял ее, усадил в упряжь. Потом они двинулись в путь. И хотя тоннели и коридоры под «Доганом» очень не нравились Сюзанне, в них у нее по коже бежали мурашки, ее радовало, что они покинули Федик. Потому что уход из Федика означал, что они подводят черту и под всем остальным: Лудом, Кальями, Тандерклепом, Алгул Съенто, а заодно и под Нью-Йорком и Западным Мэном. Впереди лежал замок Алого Короля, но она не думала, что там они могут столкнуться с трудностями, потому что его знаменитый хозяин обезумел и теперь сидел под замком в Темной Башне.

Минувшее уходило. Они приближались к концу их долгого путешествия, и ни о чем другом волноваться более не приходилось. Вот и славненько. А если ей предстояло пасть на пути к Башне, которая стала для Роланда навязчивой идеей? Что ж, если на другой стороне существования только темнота (а она верила в это большую часть взрослой жизни), тогда она ничего не потеряет, если, конечно, это не будет тодэшная чернота, населенная страшными чудовищами. И кстати! Возможно, есть жизнь после жизни, небеса, реинкарнация, пустошь на конце тропы. Ей нравилась последняя версия, и она навидалась чудес, чтобы поверить, что так может быть. Возможно, Эдди и Джейк будут ждать ее там, тепло одетые, под первыми зимними снежинками, которые неспешно падали им на брови: мистер СЧАСТЛИВОГО и мистер РОЖДЕСТВА, предлагая ей горячий шоколад. Со сливками.

Горячий шоколад в Центральном Парке. Какая Темная Башня могла с этим сравниться?

Они прошли через ротонду, двери которой вели в разные где и когда; добрались до широкого коридора с надписью на стене: «ПРИГОТОВЬТЕ ОРАНЖЕВЫЙ ПРОПУСК, СИНИЙ ПРОПУСК НЕДЕЙСТВИТЕЛЕН». Чуть дальше по коридору, неподалеку от мокалина, освещенного одной из немногих еще работающих флуоресцентных ламп, увидели еще какую-то надпись на выложенной кафелем стене, и завернули в коридор, чтобы прочитать ее.

Роланд Сюзанна! Мы отправляемся в путь
Пожелайте нам удачи
Мы желаем удачи вам

Да благословит вас Бог
Мы никогда вас не забудем

Под общим посланием они подписались: Фред Уортингтон, Дани Ростова, Тед Бротигэн и Динки Эрншоу. Под именами были еще две строчки, написанные другой рукой. Сюзанна предположила, что писал Тед, и после прочтения глаза ее наполнились слезами:

Мы идем искать лучший мир
Возможно такой же найдете и вы

— Бог любит их, — у Сюзанны сел голос. — Пусть Бог любит и хранит их всех.

— Хранит-их, — послышался тихий, даже застенчивый голос, источник которого находился у левого сапога Роланда. Они посмотрели вниз.

— Решил снова заговорить, сладенький? — спросила Сюзанна, но на это Ыш не ответил. Прошла не одна неделя, прежде чем он произнес хоть слово.

8

Дважды они сбивались с пути. Один раз Ыш вывел их из лабиринта тоннелей, из одних тянуло ветерком, из других раздавались куда более угрожающие звуки. Второй раз Сюзанна указала точное направление, заметив обертку от шоколадного батончика, брошенную Дани. В Алгул Съенто сладостей хватало, и девочка взяла их с собой в большом количестве («А вот о смене одежды не подумала», — Сюзанна засмеялась и покачала головой). В какой-то момент, оказавшись перед древней дверью из железного дерева, которая выглядела точно так же, как двери, найденные Роландом на берегу, они услышали неприятные звуки: кто-то что-то жевал. Сюзанна попыталась представить себе, кто их может издавать, и перед ее мысленным взором возникла огромная, лишенная тела пасть, полная желтых, чем-то запачканных клыков. На двери вырезали какой-то непонятный знак. От одного его вида Сюзанне стало не по себе.

— Ты знаешь, что он означает? — просила она Роланда. Стрелок говорил как минимум на шести языках и многие понимал, но тут покачал головой. Сюзанне полегчало. Она исходила из того, что, зная, как звучит тот или иной символ, его хочется произнести вслух. Более того, возникает непреодолимое желание его произнести. А потом дверь могла и открыться. Побежал бы ты, увидев существо, которое что-то жевало по другую

сторону двери? Вероятно. Смог бы побежать?

Может, и нет.

Они миновали загадочную дверь и вскоре спустились по короткому лестничному маршу.

— Кажется, я забыла упомянуть про эту лестницу, когда мы говорили вчера, но теперь я ее вспоминаю, — Сюзанна указала на потревоженную пыль. — Смотри, вот наши следы. Фред нес меня вниз, Динки, когда мы возвращались — вверх. Мы почти у цели, Роланд, обещаю тебе.

Но они еще раз сбились с пути, запутавшись в лабиринте коридоров, что начинались у подножия лестницы, и вот тут дорогу нашел уже Ёш, уверенно направившись в низкий тоннель, где стрелку пришлось идти согнувшись, с Сюзанной, уцепившейся за его шею.

— Не знаю... — начала Сюзанна, и тут Ёш вывел их в более светлый коридор (относительно более светлый: половина флуоресцентных ламп не горело, а многие плитки отвалились от стен, отрыв темную, сочающуюся водой землю). Ушастик-путаник сел на пол, где на пыли отпечаталось множество следов, и посмотрел на стрелку и Сюзанну, как бы спрашивая: «Вас интересовало именно это?»

— Да, — в голосе Сюзанны явственно слышалось облегчение. — Отлично. Посмотри, как я тебе и говорила, — она указала на дверь с надписью «ТЕАТР ФОРДА, 1865. ПОПРИСУТСТВУЙТЕ ПРИ УБИЙСТВЕ ЛИНКОЛЬНА». Ниже, под стеклом, висела афиша «Нашего американского кузена», выглядела она новенькой, словно вчера отпечатанной. — Теперь нам осталось пройти совсем ничего. Два поворота налево, потом направо... думаю. В любом случае, нужный тоннель я узнаю, когда увижу.

Все это время Роланд вел себя сдержанно. У него появилась крайне неприятная идея, которой он не стал делиться с Сюзанной: лабиринт коридоров и тоннелей может находиться в движении, словно стороны света в «мире наверху», как стрелок уже думал о нем. Если так, они попали в беду.

Внизу было жарко, вскоре они уже обливались потом. Ёш быстро и тяжело дышал, как маленький двигатель, но не отлипал от левой ноги Роланда. Пыли на полу больше не было, так что следы, которые они видели раньше, исчезли. Шум за дверями усиливался, и когда они проходили мимо одной, что-то стукнуло по ней так сильно, что она завибрировала. Ёш гавкнул на дверь, прижав уши к голове, Сюзанна коротко вскрикнула.

— Спокойно, — сказал ей Роланд. — Через дверь этой твари не прорваться. Никто из них не сможет прорваться.

— Ты в этом уверен?

— Да, — твердо ответил Роланд. Уверенности у него не было. Вспомнилась фраза Эдди: «Все ставки отменяются».

Они обходили лужи, особенно те, что то ли светились от радиации, то ли фосфорилировались. Они миновали сломанную трубу, из которой выходил зеленый пар. Сюзанна предложила задержать дыхание, когда они будут проходить мимо. Роланд подумал, что это весьма дельная мысль.

Еще через тридцать или сорок ярдов она попросила стрелка остановиться.

— Не знаю, Роланд, — и он услышал, как она отчаянно стремится изгнать из голоса панические нотки. — Увидев дверь Линкольна, я подумала, что мы тут же доберемся до нужного тоннеля, а теперь это... здесь... — у нее дрогнул голос, она глубоко вдохнула, стремясь совладать с нервами. — Здесь все выглядит по-другому. И эти звуки... как они лезут в голову...

Он понимал, о чем она говорит. Слева от них находилась дверь, на которой ничего не написали, ничего не вырезали, она чуть перекосилась на петлях, сверху между ней и дверной коробкой образовалась щель, через которую и слышалось атональное звяканье тодэшних колокольцев. Вместе со звуком из щели вырывался зловонный воздух. У Роланда возникло подозрение, что сейчас Сюзанна предложит повернуть назад, пока есть такая возможность, может, пересмотреть саму идею попасть на другую сторону под замком, поэтому сказал: «Давай поглядим, что впереди. Там все равно чуть светлее».

И когда они подходили к очередному перекрестку, от которого во все стороны веером расходились коридоры с выложенными кафелем стенами и тоннели, Роланд почувствовал, как она приподнялась, прижалась к нему.

— Вон она! — закричала Сюзанна. — Эта груда мусора! Мы обходили ее. Мы обходили ее, Роланд, я помню!

Над перекрестком осыпалась часть потолка, так что на полу образовалась куча из разбитого кафеля, осколков стекла, кусков провода и земли. Огибали кучу многочисленные следы.

— Вон там! — воскликнула она. — Впереди! Тед сказал: «Я думаю, это тот самый тоннель, который они называют Главной улицей, и Динки добавил, что согласен с Тедом. А Дани Ростова сказала, что давным-давно, когда Алый Король сделал что-то такое, из-за чего в Тандерклепе установился вечный сумрак, большая группа людей воспользовалась этим тоннелем, чтобы выбраться отсюда. Но оставили здесь свои мысли. Я спросила ее, на что это похоже, читать оставленные мысли, и она ответила, все равно, что смотреть на мыльную грязь, осевшую на стенках ванны».

после того, как спустили воду. „Удовольствие маленькое“, — подвела итог Дани. Потом Фред пометил тоннель, и мы двинулись в обратный путь, к лазарету. Я не хочу хвалиться и сглазить, но, думаю, теперь все будет в порядке.

Она не ошиблась, по крайней мере, на какое-то время. Через восемьдесят шагов после кучи мусора они подошли к арке, за которой начинался тоннель, полого уходящий вниз, освещенный мерцающими белыми шарами под потолком. На стене они увидели четыре меловые полоски, которые уже потекли под воздействием влаги на стенах, последнее послание, оставленное им обретшими свободу Разрушителями:

Они немного передохнули, поели изюма из банки, упакованной под вакуумом. Даже Ыш съел несколько изюминок, хотя было ясно, что удовольствия от такой еды он не испытывает. Когда они подкрепились, Роланд убрал банку в кожаный мешок, который нашел в Федике, и спросил Сюзанну: «Пошли?»

— Да. Немедленно, пока я не лишилась последних остатков... Господи, Роланд, что это?

Сзади, возможно, из одного из коридоров, отходящих от перекрестка с кучей мусора, донесся низкий глухой звук. Что-то в нем было хлюпающее, словно наполненные водой резиновые сапоги только что сделали один шаг.

— Не знаю, — ответил Роланд.

Сюзанна в тревоге оглянулась, но увидела только тени. Некоторые двигались, но, возможно, потому, что мигали лампы.

Возможно, потому.

— Знаешь, — сказала она, — мне кажется, будет неплохо, если мы поскорее отсюда смотаемся.

— Думаю, ты права, — Роланд опустил на одно колено, оперся о землю подушечками пальцев, словно легкоатлет, готовящийся взять старт с колодок. Когда Сюзанна устроилась в упряжи, он поднялся и двинулся по направлению, указанному стрелкой, если еще не бегом, то быстрым шагом.

С такой вот скоростью он шел минут пятнадцать, пока они не набрали на скелет, одетый в клочья сгнившей военной формы. На черепе уцелел

клок кожи с черными волосами. Челюсть улыбалась, словно приветствуя их в подземном мире. Рядом с тазовыми костями лежал перстень, соскользнувший с пальца правой руки мертвеца. Сюзанна сказала Роланду, что хочет взглянуть на него. Стрелок наклонился, поднял перстень, протянул ей. Она осмотрела перстень, убедилась, что ее догадка правильная, отбросила. Он звякнул, ударившись об пол, а потом остались только звуки капающей воды да слабое, но настойчивое звяканье тодэшных колокольцев.

— Так я и думала, — сказала Сюзанна.

— И что это было? — спросил он, уже на ходу.

— Господи, Роланд, — выдохнула Сюзанна. — Святой Боже, кем они были?

Роланд промолчал, хотя знал ответ: людьми, которые сошли с ума.

10

С интервалом в сто ярдов им встречались короткие лестничные марши, максимум из десяти ступеней, которые уводили их все глубже в чрево земли. Пройдя, по подсчетам Сюзанны, с четверть мили, они наткнулись на ворота, сорванные в петель, похоже, каким-то транспортным средством и разнесенные в щепки. Около ворот валялось много скелетов, они просто устилали пол, так что Роланду приходилось наступать на некоторые, чтобы пройти. Под сапогами кости не крошились с хрустом, а, напитанные влагой, издавали какие-то чавкающие звуки, которые еще сильнее действовали на нервы. От костей поднимался сырой, неприятный запах. В том месте, где лежали тела, большинство кафельных плиток сорвало со стен, а в тех, что остались, чернели дыры от пуль. То есть воевали не луками и копьями, а стрелковым оружием, скорее, автоматическим. Сюзанна уже открыла рот, чтобы озвучить свои мысли, но прежде чем успела произнести хоть слово, до ее ушей вновь долетел низкий, глухой звук. Она подумала, что звук этот чуть прибавил в громкости, то есть чуть приблизился. Она опять обернулась и ничего не увидела. Лампы по-прежнему гасли в пятидесяти ярдах от них.

— Только не подумай, что у меня паранойя, Роланд, но я думаю, что нас преследуют.

— Знаю, что преследуют.

— Ты хочешь, чтобы я выстрелила в преследователя? Или бросила в него тарелку? Этот свист может напугать кого угодно.

— Нет.

— Почему нет?

— Эта тварь, возможно, не знает, кто мы. Если ты выстрелишь... узнает.

До нее не сразу дошел истинный смысл его слов: у Роланда не было уверенности, что пули, или ориса, смогут остановить преследователя. Или, что того хуже, он знал, что не смогут.

Когда Сюзанна заговорила снова, ей пришлось приложить немало усилий, чтобы заставить голос звучать спокойно. Она решила, что ей это удалось, но максимум на троечку.

— Ты думаешь, это одна из тварей, что живут в той пропасти?

— Возможно, — ответил Роланд. — А может, она выбралась из тодэшного пространства. А теперь помолчи.

Стрелок прибавил шагу, перешел на бег трусцой, потом просто побежал. Ее поражала его скоростная выносливость, теперь, когда из бедра ушла боль, он творил чудеса, но она слышала, что дыхание стрелка становится все тяжелее, чувствовала, с какой частотой расширяется и опадает грудная клетка. Воздух вырывался изо рта с хрипами, напоминавшими крики раздражения. Она бы отдала, что угодно, за возможность бежать сейчас рядом с ним, на собственных ногах, сильных ногах, которых лишил ее Джек Морт.

Круглые лампы над головами пульсировали все быстрее. Разглядеть эти пульсации становилось проще, потому что количество работающих ламп заметно уменьшилось. В промежутках между горячими лампами Роланд уже бежал, преследуя их длинные тени, которые мало-помалу ужимались при приближении к следующей лампе. Воздух становился прохладнее. Керамический материал, которым выстланы пол, крошился все сильнее, выбоин прибавлялось. Кое-где плиты дыбились, еще больше затрудняя продвижение вперед. Ёш старался обегать и выбоины, и торчащие под углом плиты. Пока это удавалось и Роланду.

Сюзанна уже собралась сказать стрелку, что какое-то время уже не слышит преследователя, когда что-то за их спинами шумно вдохнуло. И Сюзанна почувствовала, как воздух с силой потянуло назад, ее кудряшки и те на какое-то время распрямились. За их спинами что-то громко чмокнуло. От этого звука Сюзанна едва не закричала. Их преследовало что-то большое.

Нет.

Огромное.

Они спустились еще по одному короткому лестничному маршу. На последующих пятидесяти ярдах пульсировали три ярких шара, но за ними царил кромешная тьма. Стены с оббитым кафелем и неровный пол уходили в черноту, столь непроницаемую, что она словно обрела осязательную составляющую, превратилась в неплотно прилегающие друг к другу полотна черного фетра. Они могли врезаться в них, думала Сюзанна, и поначалу запасенная энергия движения позволит им продвинуться вперед, но потом фетр, сжавшийся, как пружина, отбросит их назад, прямо в пасть той твари, что преследовала их. Она увидит эту тварь, такую ужасную и чужеродную, что разум просто не сможет ее себе представить. Возможно, и хорошо, что не сможет. А потом тварь прыгнет на них и...

Роланд вбежал в темноту, не снижая скорости, и, разумеется, их не отбросило назад. На какое-то время малая толика света оставалась, от ярких ламп позади и тех, что висели над головой (у некоторых еще светилась сердцевина), и его хватило, чтобы увидеть очередной лестничный марш. На верхней ступени у стен сидели скелеты в лохмотьях. Роланд, не останавливаясь, сбегал вниз по ступеням, на этот раз их оказалось девять. Ыш не отставал от стрелка ни на шаг, с прижатыми к голове ушами, когда он спускался по ступенькам по его густой шерсти словно прокатывались волны. А потом они исчезли в темноте.

— Лай, Ыш, чтобы мы не наступили друг на друга! — бросил Роланд. — Лай.

Ыш залаял. Тридцать секунд спустя Роланд повторил приказ, и Ыш залаял вновь.

— Роланд, а если впереди будет еще один лестничный марш?

— Обязательно будет, — ответил он, и на счет девяносто они до него добрались. Она почувствовала, как дернулись плечевые мышцы, когда он вскинул руки, но они не упали. Сюзанна могла только поражаться быстроте его реакции. Сапоги без малейшей задержки отсчитывали уходящие вниз ступени. На этот раз двенадцать? Четырнадцать? Они вновь оказались на ровном участке до того, как она успела их подсчитать. Теперь она знала, что он может сбегать по лестнице даже в темноте, не замедляя шага. А если его нога попадет в выбоину или дыру? Видит Бог, такое возможно, пол уж больно неровный. А если они наткнутся на заграждение из скелетов? На ровном участке, на бегу, это приведет, как минимум к падению. А если они

наткнутся на кости, наваленные на верхней ступеньке очередного лестничного марша? Она попыталась изгнать из головы образ Роланда, валящегося в темноту, но получилось не очень. Сколько их костей будет сломано, когда они доберутся до последней ступени лестничного марша? «Сладенькая, назови любое число, и не ошибешься», — сказал бы Эдди. Да, от этого бега в темноте пахло безумием.

Но ведь и выбора не было. Она уже явственно слышала преследовавшую их тварь, не только дыхание, но и шорох чего-то, трущегося о стену, может о две. Изредка что-то звякало, словно разбивалась кафельная плитка, отлетевшая от стены. В попытке визуализировать эти звуки Сюзанна представила себе огромного черного червя, гофрированное тело которого заполняло весь тоннель, от стены до стены. И вот это тело изредка сшибало плитки, которые соскальзывали на пол, а потом крошились под тяжестью твари, и тварь эта, голодная, неслась по тоннелю, сокращая и сокращая разделяющее их расстояние.

Причем расстояние между ними сокращалось все быстрее. И Сюзанна догадывалась, почему. Раньше они бежали в движущемся островке света. А твари этой, какой бы она ни была, свет не нравился. Сюзанна подумала о ручном фонаре, который Роланд добавил к их снаряжению, но, без новых батареек польза от него была минимальной. Через двадцать секунд после того как она, Сюзанна, передвинула бы рычажок выключателя на длинном корпусе фонаря, эта чертова штуковина погасла бы навсегда.

Да только... минуточку.

Корпус фонаря.

Его длинный корпус!

Сюзанна полезла в кожаный мешок, который болтался на плече Роланда, нащупала консервы, но ей требовались другие банки. Наконец, нашла нужную, опознала ее по круглой канавке на крышке. Не стоило гадать, почему банка эта показалась ей такой знакомой; у Детты были свои секреты, возможно, один, имел непосредственное отношение к «Стерно». Сюзанна поднесла банку к лицу, чтобы по запаху убедиться, что ошибки нет, в результате врезала себе банкой по переносице, потому что в этот самый момент Роланд обо что-то споткнулся, то ли о торчащую керамическую плитку, то ли о скелет, и ему пришлось прилагать все силы для того, чтобы не упасть. На этот раз ему удалось устоять на ногах, но, как знать, чем закончилась бы следующая попытка. Возможно, он бы упал, а тварь могла настигнуть их до того, как успел бы подняться. Сюзанна почувствовала, как теплая кровь потекла по лицу, тварь, что гналась за ними, должно быть, тоже ее унюхала, потому что издала громкий,

клокочущий крик. Сюзанна представила себе гигантского аллигатора во Флориде, поднимающего чешуйчатую голову, разевающего пасть, словно собравшегося проглотить луну. И пасть эта так близко.

«О, дорогой Боже, дай мне время, — подумала Сюзанна. — Я не хочу так умирать. Одно дело, гибнуть от пули, но быть сожранной заживо в темноте...»

Совсем другое.

— Быстрее! — рывкнула она на Роланда, и ударила по бокам бедрами, словно всадник, понуждающий уставшую лошадь прибавить шаг.

И, каким-то образом Роланд прибавил. Дыхание с ревом вырывалось из груди. Так тяжело он не дышал даже после того, как станцевал каммалу. Сердце грозило разорваться в груди. Но...

— Быстрее! У меня, возможно, есть туз в рукаве, но пока ты должен выдать все, на что способен!

И в крошечной тьме под замком Дискордия Роланд выдал.

12

Сюзанна запустила свободную руку в мешок, и ее пальцы сомкнулись на длинном корпусе ручного фонарика. Она вытащила фонарь и зажала под рукой (зная, если уронит, они точно погибнут), потом за кольцо сдернула крышку с банки со «Стерно», с облегчением услышала шипение, каким сопровождается нарушение вакуумной упаковки. С облегчением, но не удивившись: если бы герметичность была нарушена, воспламеняемое желе в банке давно бы испарилось и банка стала бы значительно легче.

— Роланд! — крикнула она. — Роланд, мне нужны спички.

— В кармане... рубашки! — прохрипел он. — Возьми сама!

Но поначалу она выронила фонарь в зазор между своей промежностью и спиной Роланда, успела схватить, прежде чем он проскользнул в него. Крепко ухватившись за головку фонаря, сунула длинный корпус в банку со «Стерно». Для того, чтобы достать спички, держа вымазанный «Стерно» фонарь в одной руке, а банку — в другой, требовалась третья рука, поэтому Сюзанна отбросила банку, благо в мешке лежали еще две.

Впрочем, если бы ее задумка не удалась, ей бы уже не представилась возможность достать их.

Тварь опять взревела, и по звуку чувствовалось, что она буквально у них за спиной. Теперь до ноздрей Сюзанны долетел и запах твари: также пахла бы груда рыбы, гниющей на солнце.

Сюзанна потянулась через плечо Роланда, вытаскивала из нагрудного кармана спичку. Возможно, у нее было время, чтобы зажечь одну, но никак не две. Роланд и Эдди зажигали спички, чиркая их о ноготь большого пальца, но у Детты Уокер был более эффектный трюк, который она неоднократно использовала, что поразить белых мальчиков в придорожных забегаловках, свою дичь в дни охоты. В темноте Сюзанна скорчила гримаску, подальше оттянула губы от зубов, сунула серную головку за зазор между двумя передними верхними зубами. «Эдди, если ты здесь, помоги мне, сладенький... помоги мне все сделать правильно».

Она дернула спичку. Что-то горячее опалила небо, на языке появился привкус серы. Огонек едва не ослепил ее привыкшие к темноте глаза, но она сумела поднести его к вымазанному в желе длинному корпусу фонаря. «Стерно» занялось сразу же, корпус фонаря превратился в факел. Не очень-то и яркий, но факел.

— Повернись! — крикнула Сюзанна.

Роланд тут же остановился, без вопросов, не протестуя, и развернулся на каблуках. Она вытянула перед собой горящий факел, и на мгновение они увидели влажно блестящую голову, усыпанную розовыми глазами альбиноса. Ниже располагалась пасть, размером с дверь, перед которой извивалось множество щупальцев. «Стерно» горело не ярко, в этой чернильной тьме света вполне хватило на то, чтобы чудовище отпрянуло. Прежде чем оно исчезло в темноте, они увидели, как все глаза разом захлопнулись, и поняли, насколько они чувствительны, если даже такой слабый свет...

У стен тоннеля лежали груды костей. Головка фонаря, которую Сюзанна держала в руке, уже начала нагреваться. Ыш неистово лаял, глядя в темноту, низко опустив голову, широко расставив короткие передние лапы, шерсть у него стояла дыбом.

— Присядь, Роланд, присядь!

Он опустился на корточки, и Сюзанна передала ему факел, который уже начал затухать. Желтые язычки пламени, бегающие по стальному корпусу, кое-где превращались в синие. Тварь в темноте оглушающе заревела, и Сюзанна смогла разглядеть ее очертания. Голова моталась из стороны в сторону. Она вновь приблизилась к ним, чувствуя, что огонь вот-вот погаснет.

«Если пол здесь влажный, все кончено», — подумала она, но, шаря по полу в поисках берцовой кости, поняла, что он сухой. Возможно, органы чувств обманывали ее, лелея ложные надежды, она отчетливо слышала, как где-то капала вода, но думать об этом времени не было.

Сюзанна вытащила из мешка еще одну банку «Стерно», но поначалу никак не могла ухватиться за кольцо, отщелкивающее крышку. Тварь приближалась, и теперь Сюзанна могла разглядеть множество коротких ножек под поднятой бесформенной головой. Не червь, значит, а какая-то гигантская многоножка. Ыш встал перед ними и по-прежнему лаял, оскалив все зубы. Так что первым съели бы Ыша, если б она не смогла...

Наконец, палец подлез под кольцо. Сюзанна дернула изо всей силы, послышалась знакомый хлопок с шипением. Роланд водил фонарем из стороны в сторону, чтобы вдохнуть жизнь в умирающие огоньки пламени (возможно, не напрасно, горючая составляющая в «Стерно» использовалась на все сто процентов), и Сюзанна видела, как мечутся их тени по стенам, с которых осыпалась добрая половина кафельных плиток.

Кость в банке не лезла. Сюзанна, неуклюже распростершись на земле, наполовину вывалившись из упряжи, сунула руку в банку, зачерпнула пригоршню желе, размазала по кости. Будь кость мокрая, все ее усилия принесли бы им лишь несколько секунд ужаса. А вот если кость сухая, тогда, возможно... только возможно...

Тварь подобралась еще ближе. Среди щупальцев Сюзанна уже могла разглядеть острые клыки. Через мгновение тварь уже смогла бы броситься на Ыша, схватить его с той же быстротой, с какой геккон ловит пролетающую муху. Вонь гниющей рыбы вызывала тошноту. А какие еще твари могли следовать за первой?

Думать об этом времени не было.

Она поднесла берцовую кость к умирающим огонькам пламени на корпусе фонаря. Огненная вспышка оказалась сильнее, чем она ожидала, гораздо сильнее, и в вопле чудовища слышалась скорее боль, чем изумление. Последовал отвратительный скрип, словно кто-то комкал в руке целлофан: тварь подалась назад.

— Дай мне еще костей, — сказала она Роланду, который отбросил фонарик. — Только убедись, что они сухие, — она рассмеялась, довольная собственным остроумием (больше-то никто не рассмеялся), но не своим, а скрипучим смехом Детты.

Все еще тяжело дыша, Роланд начал собирать кости.

Они двинулись дальше. Теперь Сюзанна сидела в упряжи спиной к Роланду. Такая поза доставляла больше неудобств, но выхода не было. Если

б они выбрались из тоннеля, спина потом пару дней чертовски бы болела. «И я буду с наслаждением встречать каждый укол боли», — сказала она себе. Роланд сохранил футболку, которую купила ему Айрин Тассенбаум, напоминающую о праздновании «ДНЕЙ ГОРОДА БРИДЖТОНА». Ее он отдал Сюзанне, которая обернула футболкой чистый, не измазанный «Стерно» конец кости. Руку с костью она вытягивала, как только могла, сама до предела наклонялась вперед. Роланд бежать уже не мог (на бегу Сюзанна точно вывалилась бы из упряжи), но шел достаточно быстро, время от времени останавливаясь, чтобы подобрать с пола подходящую кость руки или ноги. Ыш скоро сообразил, что к чему, и начал приносить кости стрелку, зажав их в зубах. Тварь продолжала преследование. Время от времени глаза Сюзанны выхватывали из темноты блестящую кожу, но, даже если свет факела и не доставал до твари, они слышали хлюпающие звуки, словно какой-то великан шел в наполненных жидкой глиной сапогах. Сюзанна подумала, что звуки эти издает хвост твари. Непонятно почему, но от этой мысли ее захлестнул безотчетный ужас, от которого едва не помутился рассудок.

«У этой твари должен быть хвост! — визжал внутренний голос. — Хвост, который, судя по звукам, заполнен водой, или желе, или наполовину свернувшейся кровью! Господи! Боже! Господи Иисусе! »

Сюзанна предположила, что не столько сам свет, как страх перед огнем не позволяет твари броситься на них. Тварь, должно быть, держалась чуть сзади на тех участках тоннеля, где горели лампы, думая (если она могла думать), что может подождать и наброситься на них, как только они окажутся в темноте. У Сюзанны возникло подозрение, что тварь, если б знала, что у них есть доступ к огню, могла просто закрыть несколько или все свои глаза и атаковать их там, где тоннель еще освещался редкими лампами. Но так уж вышло, что тварь упустила свой шанс, поскольку из костей получались отличные факела (мысль, что в этом им помогает спасенный Луч, не пришла Сюзанне в голову). Вопрос состоял лишь в том, хватит им «Стерно» или нет. Теперь она могла экономить желе, потому что кости, раз занявшись, горели сами по себе (за исключением двух влажных, которые ей пришлось отложить про запас, после того, как она подошла следующие от их тлеющих головок), но зажигать кости приходилось с помощью «Стерно», и она давно уже начала третью банку. Она горько сожалела о том, что отбросила первую банку, когда тварь настигала их, но, с другой стороны, что еще могла она сделать в тот момент? Ей бы хотелось, чтобы Роланд шел быстрее, хотя она понимала, что сильно прибавить шагу он не сможет, даже если она повернется к нему лицом и ухватится за плечи.

Может, на короткий рывок его и хватило бы, но не более того. Она чувствовала, как дрожали мышцы под рубашкой. Он шел из последних сил.

Пятью минутами позже, доставая очередную пригоршню желе, она коснулась пальцами дна. Из темноты донесся очередной громкий хлюпающий звук. Хвост нашей подруги, настаивал внутренний голос. Тварь не отставала. Надеялась, что горючее у них закончится, и мир снова погрузится в темноту. Тогда она бы бросилась на них.

Тогда смогла бы поесть.

Им требовались изыскать новые защитные меры. Сюзанна это поняла, как только ее пальцы достали дна. Через десять минут, после того, как сгорели бы еще три факела, Сюзанна намеревалась попросить Роланда опустить ее за пол, как только им попадетсЯ (если попадетсЯ) большая куча костей. Они могли бы разжечь большой костер, а потом, как только он бы ярко разгорелся, побежали бы со всех ног. Услышав, что тварь преодолела огненный барьер, Роланд мог бы освободиться от тяжелой ноши и налегке бежать дальше. Ею руководило не желание принести себя в жертву — простая логика. Не имело смысла позволять чудовищной многоножке пожрать их обоих, если имелась возможность этого избежать. И она не собиралась становиться кормом для твари. Во всяком случае, живой бы ей не досталась. Она бы оставила себе револьвер и воспользовалась им. Пять пуль для сЯя Многоножки, а если бы они тварь не остановили, шестая — для себя.

Но, прежде чем она успела озвучить свои мысли, Роланд прохрипел два слова, после которых она уже могла ничего не говорить: «Свет. Впереди».

Сюзанна повернула голову, но поначалу ничего не увидела, возможно, из-за факела, который держала перед собой. Потом увидела: слабое белое сияние.

— Опять эти круглые лампы? — спросила Сюзанна. — Которые работают?

— Возможно. Но я так не думаю.

Пять минут спустя она поняла, что может видеть стены и пол в свете их последнего факела. Пол покрывала пыль и камешки, которые могло принести ветром снаружи. Сюзанна вскинула руки над головой, одна держала обернутую футболкой кость, свободный конец которой ярко горел,

и издала торжествующий вопль. Преследовавшая их тварь ответила ревом ярости и досады, от которого на сердце Сюзанны пролился бальзам, пусть по коже и побежали мурашки.

— Прощай, сладенькая! — крикнула она. — Прощай, сучья тварь, боящаяся смотреть на свет.

Чудовище вновь взревело и бросилось вперед. На мгновение Сюзанна увидела его ясно и отчетливо. Огромный кругляк, который язык не поворачивался назвать мордой, несмотря на раззявленную пасть; гофрированное тело, поцарапанное и сочащееся слизью от соприкосновений со стенами, четыре коротких, похожих на руки обрубка, по два с каждой стороны. С клешней на конце. Сюзанна в ужасе закричала и швырнула в тварь горящий факел. Та с оглушительным ревом подалась назад.

— Твоя мать не говорила тебе, что нельзя дразнить животных? — спросил Роланд, таким сухим голосом, что она не смогла понять, шутит он или нет.

Пять минут спустя они вышли на поверхность.

Глава 2. На Бэдлендс-Авеню

1

Тоннель вывел их на пологий каменистый склон холма, рядом с куонсетовским ангаром, похожим по форме, но гораздо меньше того, в котором располагалась Экспериментальная станция 16-го сектора Дуги. Крышу маленького здания покрывала ржавчина. Перед входом в ангар полукругом лежали кучки костей. Окружающие скалы словно зачернили, местами и разбили. Один огромный валун, размером никак не меньше дома, построенного в стиле королевы Анны, в котором работали Разрушители, раскололо пополам, и теперь разлом поблескивал минералами.

— Здесь шел бой, не так ли? — спросила Сюзанна.

— Да, я бы так сказал. Большой бой, давным-давно, — по голосу чувствовалось, что Роланд вымотался донельзя.

На земле, перед полуоткрытыми воротами в куонсетский ангар, лежал щит-указатель, надписью вниз. Сюзанна настояла на том, чтобы Роланд опустил ее на землю. Хотела перевернуть щит и прочесть, что на нем написано. Роланд подчинился, а потом сел, привалившись спиной к скале, глядя на замок Дискордия, который они оставили позади. Две башни поднимались к синему небу. Одна — целая, вторая — с полностью разрушенной верхней частью. Роланд сосредоточился на том, чтобы побыстрее восстановить дыхание. От земли шел холод, и он уже знал, что путешествие по Плохим Землям будет трудным.

Сюзанна тем временем приподняла указатель. Одной рукой держала его, второй — счищала грязь. От слов, которые ей открылись, написанных на английском, похолодело сердце:

**ЭТОТ КОНТРОЛЬНО-ПРОПУСКНОЙ ПУНКТ ЗАКРЫТ
НАВСЕГДА**

А ниже краснел Глаз Короля, который, как показалось Сюзанне, злобно смотрел на нее.

2

В основном зале курнсетского модуля они не нашли ничего, кроме разбитого вдребезги оборудования и новых скелетов, среди которых не было ни одного целого. В примыкающей к залу кладовой, их, наоборот, ждали приятные сюрпризы: полки и полки с консервами, гораздо больше, чем они могли бы унести, а также банки «Стерно» (она не думала, что Роланд и теперь с пренебрежением отнесется к ее предложению взять с собой горячее желе). Сюзанна сунула нос в помещение, которое находилось за дверью в задней стене кладовой, для проформы, не ожидая найти там что-либо, кроме скелетов, но нашла. Наградой за любопытство стало транспортное средство, на котором лежала грудa костей: собачья тележка, вроде той, на которой она сидела в галерее на крепостной стене замка, когда совещалась с Миа. Эта была поменьше и получше. С колесами не из дерева, а из металла, по периметру залитыми каким-то прочным синтетическим материалом. С двух сторон к тележке крепились длинные стержни, заканчивающиеся рукоятками, которые позволяли человеку тянуть ее за собой. И Сюзанна поняла, что это не собачья тележка, а повозка рикши.

«Готовься тащить ее на себе, сладенький».

Это была типичная для Детты Уокер мысль, но от неожиданности Сюзанна все равно рассмеялась.

— Что ты нашла там смешного? — крикнул Роланд.

— Ты увидишь, — ответила она, изо всех сил пытаясь изгнать из голоса интонации Детты, но полностью ей это сделать не удалось. — Сейчас все увидишь сам.

К задней части повозки крепился маленький моторчик, но оба сразу поняли, что прошли века с той поры, когда он работал. В кладовой Роланд нашел несколько самых простых инструментов, в том числе и разводной ключ. Регулировочный винт поначалу не крутился, но машинное масло (из знакомой Сюзанне красно-черной банки «3-in-1») привело его в движение. С помощью ключа Роланд отвернул гайки, а потом снял мотор со шпилек. Пока он работал, а Сюзанна, как говорил папа Моуз, вела глубокую разведку, Ыш сидел в сорока шагах от входа в тоннель, определенно охраняя их от твари, которая гналась за ними в темноте.

— Не больше пятнадцати фунтов, — Роланд вытирал руки о джинсы, глядя на лежащий на полу мотор, — но я уверен, что буду радоваться

избавлению от него к тому времени, когда эта телега сослужит свою службу.

— Когда выступаем? — спросила Сюзанна.

— Как только загрузим ее консервами по максимуму. Положим, сколько я смогу увезти, — тут Роланд тяжело вздохнул. Его бледное лицо заросло щетиной. Под глазами темнели мешки. Новые морщины прорезали щеки и спускались к челюсти из уголков рта. И он буквально высох, стал тощим, как жердь.

— Роланд, ты не можешь! Не так скоро. Ты же совершенно вымотался!

Он указал на Ыша, который, не сдвигаясь с места, сидел в сорока шагах от черного зева тоннеля.

— Ты хочешь оставаться рядом с этой дырой после наступления темноты?

— Мы сможем разжечь костер...

— У этой твари могут быть друзья, для которых огонь — не помеха. Пока мы были в тоннеле, тварь не хотела делиться нами с кем бы то ни было, потому что не думала, что ей нужно поделиться. Теперь тварь может и забыть про эгоизм, особенно, если она мстительная.

— Такая тварь не способна мыслить. Конечно же, не способна, — теперь, когда они выбрались из тоннеля, Сюзанна с легкостью могла в это поверить. Но знала, что настроение ее может перемениться, как только тени начнут удлиняться и расширяться.

— Не думаю, что это тот риск, на который нам стоит идти, — добавил Роланд.

Она признала, пусть и с неохотой, что правота на его стороне.

К счастью для них, первый отрезок извилистой тропы, уходящей в Плохие Земли, выдался ровным, а когда начался подъем, Роланд не стал возражать против того, чтобы Сюзанна слезла с Роскошного такси Толстяка Хо, как она окрестила повозку, и на руках и культях добралась до вершины холма. Мало-помалу расстояние до замка Дискордия все увеличивалось и увеличивалось. Роланд продолжал идти, когда за скалами скрылась разрушенная башня, а вот когда исчезла и целая, указал на каменный навес у тропы.

— Если не возражаешь, лагерь сегодня разобьем здесь. Сюзанна не возражала. Они привезли с собой достаточно тряпок и костей, чтобы

разжечь костер, но она знала, что этого топлива надолго не хватит. Тряпки сгорали так же быстро, как и газеты, да и кости прогорели бы до того, как стрелки новеньких часов Роланда (которые он показывал ей с благоговением) слились одна с другой в полночь. А в следующий вечер их, скорее всего, ждал привал без костра и холодная еда прямо из банки. Она понимала, что все могло быть гораздо хуже (по ее прикидкам дневная температура составляла порядка сорока пяти градусов, с небольшим плюсом или минусом, и еды им хватало), но многое отдала бы за свитер, и еще больше за теплые подштанники.

— Возможно, по пути мы найдем топливо для костра, — с надеждой предположила она, когда вспыхнул огонь (от горящих костей шел зловонный дым, так что они сидели так, чтобы ветер дул в спину). — Траву... кусты... кости... может, даже засохшие деревья.

— Я так не думаю, — покачал головой Роланд. — С этой стороны замка Алого Короля едва ли. Не найдем даже бес травы, которая в Срединном мире растет практически везде.

— Ты же этого не знаешь. Во всяком случае, наверняка, — мысль о днях и ночах в холоде казалась невыносимой, с учетом того, что оба были одеты так, словно решили погулять в Центральном парке в погожий весенний день.

— Я думаю, он убил эту землю, когда покрыл мраком Тандерклеп, — пояснил Роланд. — Тут и раньше, скорее всего, мало что росло, а теперь земля стала стерильной. Но кое в чем тебе повезло, — он протянул руку и коснулся прыщика, который выскочил у нее на лице под полной нижней губой. — Сто лет назад он бы почернел, расползся и сожрал бы твою кожу и мышцы до кости. Проник бы в твой мозг и свел с ума до того, как ты успела бы умереть.

— Рак? Радиация?

Роланд пожал плечами, как бы говоря: какая разница.

— А вот за замком Алого Короля мы, скорее всего вновь увидим степь, а может, даже и лес, но только траву, вероятно, укроет снег, потому что мы пришли сюда в неудачный сезон. Я чувствую это по воздуху, об этом говорит и то, что день очень уж рано переходит в ночь.

Она притворно застонала, пытаясь вызвать у него улыбку, да только в стоне явственно прозвучали страх и слабость. Такая перспектива пугала ее. Уши Ыша тут же встали торчком, он посмотрел на них.

— Лучше бы ты подбодрил меня, Роланд?

— Ты должна знать правду, Сюзанна, — ответил он. — Мы сможем достаточно долго продолжать путь в таких условиях, но удовольствие это

маленькое. Еды на повозке хватит на месяц или больше, если мы будем расходовать ее экономно... а мы будем. Снова выйдя на живую землю, мы найдем животных, даже если все будет в снегу. Они нам понадобятся. Не потому, что к тому времени нам захочется свежего мяса, хотя и от него мы не откажемся. Что нам потребуется, так это шкуры. Я надеюсь, что шкуры не станут для нас предметом первой необходимости, хотелось бы, чтобы до этого не дошло, но...

— Ты боишься, что именно так и будет.

— Да, — согласился Роланд. — Боюсь, что так и будет. Если брать долгий период времени, постоянный холод — одно из верных средств сломить человека. Даже не такой сильный, чтобы убить, постоянный холод отнимает энергию, силу воли и жир, каплю за каплей. Я боюсь, что нас ждет тяжелое испытание. Ты увидишь.

Так оно и вышло.

«Постоянный холод — одно из верных средств сломить человека».

Дни давались легче. По меньшей мере, они двигались, а потому хоть как-то могли согреть кровь. Однако, иной раз и дни становились сущим кошмаром, когда они попадали на открытую равнину, где завывал ветер, пронось над милями разбитых камней, на которых ничего не росло, да иной раз наталкиваясь на редкие холмы с крутыми склонами или столовые горы. Холмы поднимались навстречу неизменно синему небу, словно красные пальцы похороненных в земле каменных великанов. Ветер, похоже, становился еще резче, когда им приходилось идти молочными завитушками облаков, плывущих вдоль Тропы Луча. Сюзанна закрывала лицо руками, и злилась, что пальцы никогда не немели, только начинали ныть изнутри. И глаза тут же наполнялись водой, а потом слезы стекали по щекам. Полоски слез никогда не замерзали, температура воздуха так сильно не падала. Но холод забирался в них глубже и глубже, все более превращая жизнь в сплошной кошмар. И за какой пустяк она продавала бы свою бессмертную душу, пока эти малоприятные дни сменялись ужасными ночами? Иногда думала, что для покупки дьяволу хватило бы паршивого свитера. Случалось, что в голову приходила и другая мысль: «Нет, сладенькая, ты ценишь себя гораздо выше, даже сейчас. Неужто ты согласишься провести вечность в аду, а может, в тодэшной тьме, за какой-то свитер? Конечно же, нет».

Может, и нет. Но, если бы дьявол-искуситель добавил бы еще пару меховых наушников...

А ведь требовалась самая малость, чтобы они не испытывали никаких неудобств. Она думала об этом постоянно. Еды им хватало, в воде тоже не было недостатка, потому что через каждые пятнадцать миль им встречался насос, который работал, выкачивая холодную минеральную воду из глубин Плохих Земель.

Плохие Земли. Часы, дни, потом и недели, она раздумывала над этими двумя словами. Почему эти земли стали плохими? Благодаря отравленной воде? Вода не вкусная, все так, но ведь не отравленная. Нехватка еды? Еда у них была, пусть со временем с ней и возникли бы проблемы, если б не удалось пополнить запасы. А пока Сюзанне, конечно, надоела бесконечная тушенка, не говоря уже про изюм на завтрак и, если возникало такое желание, на десерт. Однако, это была еда. Горючее для организма. Так когда эти земли оправдывали свое название, превращаясь в Плохие, если у них были пища и питье? С приближением ночи, когда небо на западе становилось сначала золотым, а потом багряным, а на востоке из лилового — черным, с точечками звезд. Завершения каждого последующего дня она ждала с все нарастающим ужасом: пугала сама мысль о еще одной бесконечной ночи, когда они втроем будут лежать, прижавшись друг к другу, ветер — свистеть и завывать к скалах, а звезды — бесстрастно смотреть с неба. С наступлением ночи она попадала в холодное чистилище, где стопы и кисти ныли изнутри, а в голове сидела одна мысль: «Если бы у меня были свитер и перчатки, я была бы всем довольна. Это все, что мне требуется, всего лишь свитер и перчатки. Потому что на самом деле не так уж и холодно».

И действительно, до какой температуры охлаждался воздух после заката. Никогда эта температура не падала ниже тридцати двух градусов по Фаренгейту, она это знала, потому что вода, которая оставлялась для Ыша не замерзала. Она полагала, что от полуночи до рассвета температура падала до сорока градусов, но пару-тройку раз опускалась к тридцати, потому что на кромке кастрюли, которая служила миской Ышу, появлялась тонкая корочка льда.

Сюзанна начала поглядывать на меховую шкуру Ыша. Поначалу говорила себе, что это всего лишь упражнения для ума, способ скоротать время, мысли о том, сколько энергии выделяет организм Ыш, перерабатывая пищу, и насколько тепло чувствует он себя в этой меховой шкуре (с густым мехом, удивительно густым, потрясающе густым мехом)? Постепенно она начала осознавать, каким же чувством вызываются эти

мысли: ревностью, которая звучала в голосе Детты: «Этот малыш не печалится, когда заходит солнце, не так ли? Нет, только не он! Ты полагаешь, что его шкуры хватит на две пары рукавиц?»

Она гнала эти мысли прочь, отвратительные и ужасные, задаваясь вопросом, а есть ли предел низости человеческой души, когда она начинает думать только о себе, готовая пожертвовать кем и чем угодно, и решила, что не хочет этого знать.

Все глубже и глубже проникал в них холод, день за днем, ночь за ночью. Сидел в них, как заноза. Они ложились спать лицом другу к другу, с Ышем между ними, потом поворачивались спинами к Ышу. Долго спать не могли, как бы ни уставали за ночь. Когда луна начала расти, разгоняя темноту, они две недели шли по ночам и спали днем. Так было легче.

Из живности они видели только больших черных птиц, то ли летающих на юго-восточном горизонте, то ли собирающихся по каким-то лишь им ведомым причинам на столовых горах. Если ветер дул с той стороны, Роланд и Сюзанна слышала их пронзительное карканье.

— Как ты думаешь, эти птицы годятся в пищу? — однажды спросила Сюзанна стрелка. Луна почти ушла, и они вновь шли днем и спали ночью, чтобы вовремя увидеть подстерегающие на дороге опасности (несколько раз тропу пересекали глубокие расщелины, а однажды они натолкнулись на карстовую воронку, дна которой даже не смогли разглядеть).

— А как ты думаешь? — спросил Роланд.

— Скорее всего, нет, но я бы не возражала против того, чтобы поймать одну и попробовать, — Сюзанна помолчала. — Чем они тут питаются?

Роланд только покачал головой. Тропа в тот момент проходила по какому-то фантастическому каменному саду из торчащих из земли заостренных скал. Чуть дальше, более сотни черных, похожих на ворон птиц то ли кружили над столовой горой, то ли сидели на краю ровной вершины, глядя в сторону Роланда и Сюзанны, словно присяжные в зале суда.

— Может, там стоит сойти с тропы? Посмотреть, не удастся ли нам подобраться к птицам достаточно близко, чтобы подстрелить одну?

— Если мы сойдем с тропы, возможно, нам более не удастся ее найти.

— Это чушь собачья! Ыш без труда...

— Сюзанна, я не хочу больше об этом слышать! — такого резкого, злого тона она никогда не слышала. Насчет злого, да, Роланда а раньше частенько говорил зло. Но теперь в голосе слышалась какая-то нетерпимость, даже жестокость, которая ее тревожила. И немного пугала, не без этого.

Следующие полчаса они молчали. Роланд тянул роскошное такси Толстяка Хо, Сюзанна ехала на нем. Потом узкая тропа (Бэдлендс-авеню, так Сюзанна ее прозвала) пошла вверх, Сюзанна спрыгнула с повозки, на руках и культах добралась до Роланда и дальше двинулась с ним рядом. Для таких случаев она разорвала футболку с «ДНЯМИ ГОРОДА» пополам и обматывала тряпками руки. Тряпки не только защищали от острых камушков, но и согревали пальцы.

Он искоса посмотрел на нее, потом вновь перевел взгляд на тропу, прямо перед собой. Его нижняя губа чуть выступала вперед, и Сюзанна подумала, что он наверняка не знает, какое же обиженное у него лицо: прямо-таки трехлетнего ребенка, которого не пустили на пляж. Он не мог этого знать, а она не собиралась ему говорить. Потом, возможно, и сказала бы, когда этот кошмар останется в прошлом, а они смогут смеяться. Когда они более не смогут в точности вспомнить, а чем, собственно, так ужасна ночь, когда температура воздуха сорок один градус, а ты лежишь без сна, дрожишь на холодной земле, наблюдаешь, как по небу изредка огненной полосой проносится метеорит, думаешь: «Мне нужен всего лишь свитер. Один только свитер, и я буду счастлива, как попугай, которому принесли еду». И гадаешь, хватит ли шкуры Ыша на подштанники, да и вообще, не окажешь ли ты бедной животине большую услугу, убив его; он стал таким грустным после того, как Джейк шагнул с тропы в пустошь.

— Сюзанна, я очень резко ответил тебе, так что прошу меня извинить.

— В этом нет нужды.

— Я думаю, есть. У нас достаточно проблем и без того, чтобы создавать их в наших отношениях. Незачем нам сердиться друг на друга.

Она промолчала, глянула на него. Он же смотрел на юго-восток, на кружащих в воздухе птиц.

— Это вороны.

Она молчала, ожидая продолжения.

— В моем детстве мы иногда называли их черными птицами Гана. Я рассказывал тебе и Эдди о том, как мой друг Катберт и я кормили хлебом птиц после того, как повесили повара, не так ли?

— Да.

— Птицы были точно такие же, некоторые называли их дворцовыми воронами. Королевскими воронами не называли никогда, потому что они — стервятники, пожиратели падали. Ты спросила, чем питаются эти вороны. Возможно, они что-то находят во дворах и на улицах его замка, после того, как он оттуда ушел.

— «Ле кас руа рюс» или «Руа рюс», или как ты там его называл.

— Да. Не буду утверждать, что так оно и есть, но... — Роланд не закончил фразу, но необходимости в этом не было. После того, как Сюзанна какое-то время понаблюдала за птицами, ей показалось, что да, они улетают на юго-восток и прилетают с юго-востока. То есть эти птицы могли указывать, что они все-таки приближаются к цели. Пустяк, конечно, но и этого хватило, чтобы поднять ей настроение на остаток дня и помочь продержаться большую часть следующей холодной ночи.

6

На следующее утро, когда они ели очередной холодный завтрак в лагере без костра (Роланд пообещал, что вечером они сожгут немного «Стерно», чтобы подогреть еду), Сюзанна спросила, может ли она взглянуть на часы, которые он получил от «Тет корпорейшн». Роланд передал ей часы, ничем не показав, что нет у него желания выпускать их из своих рук. Она долго смотрела на сигулы, выгравированные на крышке, особенно на Башню с поднимающимися по спиралям окнами. Потом открыла крышку, взгляделась в циферблат. Не поднимая головы, попросила Роланда: «Повтори мне еще раз, что они тебе сказали».

— Они передали мне то, что сказал один из членов их группы «светлого разума». Особо талантливый, по их словам, хотя имени его я не запомнил. По его мнению, часы могут остановиться, когда мы приблизимся к Темной Башни, могут даже пойти в обратную сторону.

— Трудно представить себе, чтобы «Патек Филип» пошли в обратную сторону. Если верить часам, сейчас восемь шестнадцать утра или пополудни, но я не думаю, что это имеет какое-то значение. А как мы узнаем, что часы спешат или отстают?

Роланд перестал укладывать банки на повозку, задумался над ее вопросом.

— Видишь эту маленькую стрелку внизу? Ту, что бежит сама по себе?

— Секундная стрелка, да.

— Скажи мне, когда она будет на самом верху.

Сюзанна смотрела, как секундная стрелка бежит по своему циферблату, и сказала: «Сейчас», — когда стрелка указала на двенадцать часов.

Роланд сидел на корточках, теперь, когда боль из бедра ушла, для него это не составляло труда. Он закрыл глаза, обхватил руками колени. При каждом выдохе у губ возникало облачко легкого тумана. Сюзанна старалась

не смотреть на туман. Не хотелось думать, что ненавистный холод становился таким сильным, что обретал видимость, пусть и на какие-то мгновения.

— Роланд, что ты д...

Он поднял руку, ладонью вверх, не открывая глаз, и она замолчала.

Секундная стрелка спешила по кругу, сначала спустилась вниз, к шести часам, потом вновь начала подъем, пока не достигла верхней точки, двенадцати часов. И когда она прибыла туда...

Роланд открыл глаза.

— Прошла минуту. Настоящая минута, клянусь Лучом, на котором я сейчас нахожусь.

У Сюзанны отвисла челюсть.

— Во имя неба, скажи, как ты это сделал?

Роланд покачал головой. Понятия не имел. Знал только одно: Корт говорил им, что они должны всегда держать время в голове, поскольку нет возможности полагаться на часы, а в облачный день солнце не поможет. Или, если уж на то пошло, в полночь. Одним летом он ночь за ночью отправлял их в Детский лес, расположенный к западу от замка (и там было страшно, особенно когда ты один, хотя никто из них в этом не признался, даже друг другу), пока они не могли вернуться во двор на задах Большого Зала, в минуту, назначенную Кортом. И часы-в-голове, как это ни странно, заработали. Нет, сначала ничего не получалось. И потом. И потом. Поэтому за дело принимался узловатый кулак Корта, учил жизни под хрипловатый голос наставника: «Ну, червяк, эту ночь тоже проведешь в лесу! Тебе там, должно быть, нравится». Но, как только часы начинали тикать, время они показывали без ошибки. В какой-то момент Роланд утратил эту способность, точно так же, мир, где он жил, утратил привязку к сторонам света, но теперь она к нему вернулась, чему он очень обрадовался.

— Ты отсчитывал минуту? — спросила Сюзанна. — Миссисипи-один, Миссисипи-два, что-то такое?

Он покачал головой.

— Я просто знаю. Когда проходит минута... или час.

— Все ясно! — фыркнула Сюзанна. — Ты угадал!

— Если бы я угадывал, заговорил бы я в тот самый момент, когда стрелка описала полный круг?

— Тебе могло повезти, — ответила Детта, и посмотрела на него, прищуривав один глаз, такую гримаску Роланд терпеть не мог (но никогда об этом не говорил; знал, что Детта будет корчить такую вот рожу всякий раз, когда у нее появлялась возможность показать себя).

— Хочешь повторить? — спросил он.

— Нет, — Сюзанна вздохнула. — Я верю тебе на слово, что твои часы показывают идеально точное время. А это означает, что мы не приблизились к Темной Башне. Пока не приблизились.

— Возможно, мы не так близко, чтобы она воздействовала на часы, но ближе, чем теперь, я к ней еще не подходил, — голос Роланда звучал ровно и спокойно. — Образно говоря, мы почти что в ее тени. Поверь мне, Сюзанна... я знаю.

— Но...

Над их головами раздалось карканье, грубое и одновременно приглушенное: «Кру, кру!» вместо «Кау, кау».

Сюзанна вскинула голову и увидела одну из огромных черных птиц, Роланд назвал их дворцовыми воронами, пролетающую над ними достаточно низко, чтобы она услышала шум мерно поднимающихся и опускающихся крыльев. Из ее длинного клюва свисало что-то желто-зеленое. Сюзанна подумала, что это высохшая водоросль. Пожалуй, не совсем высохшая.

Она повернулась к Роланду, вопросительно посмотрела на него.

Он кивнул.

— Бес-трава. Возможно, нужна ворону, чтобы вить гнездо. Определенно не для того, чтобы кормить птенцов. Этим не кормят. Но бес-трава всегда остается последней, когдаходишь в Затерянные Земли, где ничего не растет, и всегда встречается первой, когда выходишь из них, как выходим мы. Как наконец-то выходим мы. А теперь слушай меня, Сюзанна. Я хочу, чтобы слушала ты, и я хочу, чтобы ты загнала эту надоедливую суку Детту как можно глубже. И я хочу, чтобы ты не теряла времени, убеждая меня, что ее нет и в помине, потому что я вижу, как она танцует каммалу в твоих глазах.

На лице Сюзанны отразилось сначала удивление, потом обида, казалось, она начнет протестовать. Но она отвернулась, не сказав ни слова. Когда же вновь посмотрела на Роланда, более не чувствовала присутствия той, кого стрелок назвал «этой надоедливой сукой». И Роланд, похоже, не обнаружил присутствия Детты, потому что продолжил.

— Я думаю, скоро все будет выглядеть так, будто мы выходим из Плохих Земель, но ты должна постараться не доверять тому, что увидят твои глаза. Несколько домов, может, мощные участки дороги не означают возвращения к цивилизации. И достаточно скоро мы подойдем к его замку, «Ле кас руа рюс». Алый король практически наверняка покинул его, но, возможно, оставил нам ловушку. Я хочу, чтобы ты смотрела и слушала. А

если придется говорить, я хочу, чтобы ты предоставила это право мне.

— Что ты такого знаешь, чего не известно мне? — спросила она. — Что ты от меня скрываешь?

— Ничего, — ответил он, с редкой для него горячностью. — Это всего лишь предчувствие, Сюзанна. Теперь мы близки к нашей цели, чтобы ни говорили нам эти часы. Но мой учитель, Ванни, бывало, говорил, что есть только одно правило без исключений: перед победой идет искушение. И чем величественнее победа, которую предстоит одержать, тем сильнее искушение, перед которым надо устоять.

Сюзанна задрожала всем телом, обхватила себя руками.

— Я хочу лишь одного — согреться. Если никто не предложит мне большую связку дров и теплый шерстяной комбинезон, попросив взамен забыть про Башню, полагаю, еще какое-то время нам тревожиться не о чем.

Роланд вспомнил один из главных принципов Корта: «Никогда не говори о худшем вслух!» — но промолчал, во всяком случае, не стал высказываться на сей предмет. Осторожно убрал часы, поднялся, готовый продолжить путь.

Но Сюзанна задержала его еще на несколько мгновений.

— Мне снился другой, — о ком речь, она могла не пояснять. — Три ночи подряд, идущий по нашему следу. Ты думаешь, он действительно здесь?

— О, да, — кивнул Роланд. — И я думаю, что у него пустой живот.

— Голоден, Мордред голоден, — эти слова она тоже слышала во сне.

И по телу Сюзанны вновь пробежала дрожь.

Тропа, по которой они шли, расширилась, и во второй половине дня на ней стали появляться мощные участки. Она становилась все шире. А перед наступлением темноты они вышли к месту, где их тропа сливалась с другой, которая в стародавние времена определенно была дорогой. Тут же стоял ржавый столб, на котором, по всей видимости, когда-то крепился щит-указатель. На следующий день они увидели первый дом на этой стороне Федика. Разрушенный, конечно, с другим щитом-указателем, который лежал на остатках крыльца. За домом виднелись и развалины сарая. С помощью Роланда Сюзанна перевернула щит, и на лицевой стороне они прочитали: «ПЛАТНАЯ КОНЮШНЯ». Под надписью краснел знакомый глаз.

— Я думаю, тропа, по которой мы шли, служила дорогой для дилижансов между замком Дискордия и «Ле кас руа рюс», — заметил Роланд. — Это логично.

Они проходили все новые дома, все новые пересечения с другими дорогами. Шли по окраине городка или деревни, может, даже большого города, который когда-то построили вокруг замка Алого Короля. Но, в отличие от Луда, от этого города мало что осталось. Островки бес-травы росли вокруг развалин домов, но никакая другая растительность им не встретилась. И, похоже, стало еще холоднее. На четвертую ночь после того, как они увидели воронов, путники решили разбить лагерь в доме, стены которого еще не рухнули, но оба услышали голоса, шепчущиеся в тенях. Роланд идентифицировал их (и, к удивлению Сюзанны, не нашел в них ничего странного), как голоса призраков, которых он назвал «домовыми», а потом предложил вернуться на улицу.

— Я не думаю, что они способны нагадить нам, но могут причинить вред нашему маленькому другу, — и Роланд погладил Ёша, который забрался к нему на колени со столь несвойственной ему робостью.

Сюзанна встретила предложение Роланда с облегчением. В доме, где они решили провести ночь, холод пробирал до костей, и причиной его была не только температура окружающего воздуха. Призраки, чей шепот они слышали, возможно, были не только очень старыми, но, по ее мнению, еще и голодными. Поэтому они втроем вновь легли, прижавшись друг к дружке, посреди Бэдлендс-авеню, за роскошным такси Толстяка Хо, и ждали, пока наступивший день поднимет температуру на несколько градусов. Они попытались разжечь костер из досок одного из рухнувших домов, но только зря потратили две пригоршни «Стерно». Желе выгорело на щепках стула, которые они использовали, как растопку, но дерево отказывалось гореть.

— Почему? — спросила Сюзанна, наблюдая, как тают последние струйки дыма. — Почему?

— Ты удивлена, Сюзанна из Нью-Йорка?

— Нет, но я хочу знать, почему. Оно слишком старое? Окаменело или что-то в этом роде?

— Оно не загорелось, потому что ненавидит нас, — по тону чувствовалось, что объяснение Роланд полагает очевидным. — Это его территория, по-прежнему его, пусть он отсюда и ушел. Здесь все ненавидит нас. Но... послушай, Сюзанна. Теперь, раз уж мы на настоящей дороге, да еще по большей части вымощенной, как насчет того, чтобы идти ночью? Согласна попробовать?

— Конечно, — ответила она. — Все лучше, чем лежать на земле и

дрожать, как котенок, которого только что окунули в бочку с водой.

Так они и поступили: провели в пути остаток этой ночи, всю следующую, потом еще две. Сюзанну не отпускала мысль: «Я заболею, не могу я так долго жить в таком холоде, не свалившись от какой-нибудь болезни». Но не заболела. Никто из них не заболел. Оставался лишь прыщик слева от нижней губы, с которого иногда сдиралась головка и тогда по подбородку начинала течь узкая струйка крови. Текла, пока ранка не закупоривалась свернувшейся кровью и не образовывалась новая корочка. Так что единственной их болезнью было постоянное ощущение холода, который забирался все глубже и глубже. Луна вновь начала увеличиваться в размерах, и одной ночью она поняла, что они идут на юго-восток из Федика уже чуть ли не целый месяц.

Постепенно покинутый городок уступил место фантастическому саду из остроконечных скал, но Сюзанна приняла очень близко к сердцу слова Роланда о том, что они по-прежнему в Плохих Землях, чтобы любоваться местными красотами. Хотя им и попадались редкие щиты-указатели, утверждавшие, что они идут по Королевскому тракту (каждый щит, само собой, украшал глаз, всегда красный глаз), она понимала, что на самом деле они на той же Бэдлендс-авеню.

Это был странный городок, и она пока не могла представить себе, что за странные люди могли в нем жить. Боковые улочки вымостили. Дома стояли узкие с высокими, крутыми крышами. Дверные проемы были узкие и очень высокие, словно предназначались они для тех узких людей, которых можно увидеть в некоторых зеркалах в комнате смеха. То были дома Лавкрафта, дома Кларка Эштона Смита, дома Пограничья Уильяма Хоупа Ходжсона, собранные вместе под лунным серпом Ли Брауна Койе, дома, наклонившиеся вперед и вбок на склонах холмов, которые возвышались вдоль дороги, по которой они шли. Тут и там дома успели развалиться, и руины эти имели неприятный, органический вид, словно являли собой разодранную и гниющую плоть, а не груды древних досок и осколков стекла. Вновь и вновь ей казалось, что она видит лица мертвецов, плящущихся на нее из нагромождения досок и теней, лица, которые поворачивались и следили за их продвижением вперед жуткими глазами зомби. Лица эти вызвали у нее мысли о страже-привратнике на Голландском холме, и по телу ее пробегала дрожь.

В их четвертую ночь на Королевском тракте они подошли к большому перекрестку, после которого главная дорога уходила больше на юг, чем на восток и, таким образом, отклонялась от Тропы Луча. Впереди, менее чем в ночи ходьбы (или езды, если кто-то ехал в роскошном такси Толстяка Хо)

виднелся высокий холм, на вершине которого стоял огромный черный замок. В неопределенном свете луны Сюзанне показалось, что в архитектуре замка сильны восточные мотивы. У вершины башни раздувались, словно хотели превратиться в минареты. Их соединяли какие-то фантастические пешеходные мостики, подвешенные над замковым двором. Некоторые из мостиков разрушились, но по большей части сохранились в целости. Она также слышала мощный, низкий гул. Определенно не машинного происхождения. Она спросила у Роланда, что это.

— Вода, — ответил он.

— Какая вода? Ты знаешь? Он покачал головой.

— Но я не стал бы пить воду, которая течет так близко от этого замка, даже если бы умирал от жажды.

— Это плохое место, — пробормотала Сюзанна, говоря не только о замке, но и о безымянном городке из стоящих под наклоном

(злбно смотрящих)

домов, которых хватало на склонах холма. — И Роланд... они не пустые.

— Сюзанна, если ты почувствуешь, что призраки стучатся, прося разрешения войти в твою голову... стучатся или вгрызаются... гони их прочь.

— Это сработает?

— Я не уверен, что сработает, — признал он, — но слышал, что они должны получить разрешение на вход, а хитрости им хватает, так что они будут всячески пытаться добиться своего.

Сюзанна читала «Дракулу» и слышала историю отца Каллагэна о случившемся в Салемс-Лот, поэтому понимала, о чем толкует Роланд.

Он нежно взял ее за плечи и развернул лицом от замка. Возможно, изначально он не был черным, решила она, а стал таким со временем. Истинный цвет они могли увидеть только при дневном свете. А пока замок освещался лишь частично скрытым облаками месяцем.

Несколько других дорог отходили от перекрестка, на котором они остановились, в большинстве своем кривых, как сломанные пальцы. И лишь одна, Роланд хотел, чтобы именно на нее Сюзанна и посмотрела, была прямой, как стрела. Сюзанна поняла, что это единственная прямая улица, которую она увидела с тех пор, как на их пути вновь начали попадаться дома и городки. Дорога была гладкой, не вымощенной брусчаткой, и уходила точно на юго-восток, вдоль Тропы Луча. Над ней плыли направляемые луной облака, словно корабли, идущие в кильватере

друг друга.

— Ты видишь темное пятно на горизонте, дорогая? — пробормотал он.

— Да. Темное пятно и белую полосу перед ним. Что это? Ты знаешь?

— Мне кажется, да, но полной уверенности у меня нет, — ответил Роланд. — Давай отдохнем здесь. До зари осталось не так уж и много времени, тогда мы все и увидим. А кроме того, мне не хочется приближаться к этому замку ночью.

— Если Алого Короля там нет, а Тропа Луча уходит туда, — она указала на прямую дорогу, — то чего нам вообще идти в этот чертов замок?

— Во-первых, чтобы убедиться, что Короля там нет, — ответил Роланд. — И мы, возможно, сумеем заманить в ловушку того, что идет за нами. Я в этом сомневаюсь, он хитер и коварен... но шанс есть. Он также молод, а молодые иногда теряют бдительность.

— Ты бы его убил?

В лунном свете от улыбки Роланда тянуло арктическим холодом. Безжалостной улыбкой.

— Без малейшего колебания.

Утром Сюзанна проснулась от тяжелой дремы среди припасов на повозке рикши и увидела, что Роланд стоит на перекрестке и смотрит вдоль Тропы Луча. Она слезла с повозки, очень осторожно, потому что тело затекло, а она не хотела упасть. Чувствовала, что замерзшие кости в ее теле стали хрупкими, и при малейшем ударе могли разлететься вдребезги, как стекло.

— Что ты видишь? — спросил он ее. — Теперь, при свете, что ты видишь в той стороне?

Белая полоса оказалась снегом, что ее не удивило, поскольку к этому все шло. А вот что удивило, более того, безмерно обрадовало, так это деревья, которые возвышались за белой полосой. Зеленые хвойные деревья. Живые деревья.

— Ой, Роланд, какие они красивые! — воскликнула она. — Пусть даже стоят в снегу, все равно красивые! Не так ли?

— Да, — он высоко поднял ее и повернул лицом в ту сторону, откуда они пришли. За кладбищем мертвых домов она увидела малую часть Плохих Земель, через которые они прошли, нагромождение скал, местами

выпирающие из него холм с крутыми склонами или столовая гора.

— Подумай об этом. За теми землями, что ты видишь, находится Федик. За Федиком — Тандерклеп. За Тандерклепом — Кальи и лес, которым заканчивается Пограничье между Срединным и Крайним мирами. Луд еще дальше, а за ним Речной Перекресток. Потом Западное море и великая пустыня. А уж за ними, затерянные в лигах и во времени, остатки Внутреннего мира. Баронств. Гилеада. Места, где даже сейчас живут люди, которые помнят любовь и свет.

— Да, — ответила она, не понимая, к чему он клонит.

— Туда повернулся Алый Король, чтобы излить свою злобу. Сам он намеревался пойти в другую сторону, ты должна понимать, к Темной Башне, и даже в своем безумии отдавал себе отчет в том, что нельзя уничтожать землю, по которой собирался пройти, он и те, кого он решил взять с собой, — стрелок прижал ее к груди и поцеловал в лоб, с такой нежностью, что она едва не заплакала. — Мы втроем войдем в замок и поймем Мордред в западню, если удача повернется к нам лицом, а к нему — спиной. Потом пойдем дальше, в живые земли. Там будет дерево для костра и дичь, которая даст нам свежее мясо для еды и шкуры для одежды. Ты сможешь пройти еще немного, милая? Ты сможешь?

— Да, — кивнула она. — Спасибо, Роланд.

Она обняла его и тот самый момент посмотрела на красный замок. В прибывающем свете могла видеть, что камень, из которого построили замок, пусть и потемнел с годами, поначалу был цвета свежей крови. Она вызвала из памяти разговор с Миа, в галерее на крепостной стене замка Дискордия, вспомнила красный свет, пульсирующий на горизонте. Практически там, где они находились в данный момент.

«Сейчас же иди ко мне, а не то вообще не сможешь прийти. Ибо Король может завораживать даже на расстоянии».

Миа говорила о том самом пульсирующем темно-алом зареве, но...

— Его нет! — сказала она Роланду. — Красного света, идущего от замка... Кузницы Короля, так Миа называла его источник! Его нет! Мы ни разу не увидели его, пока шли сюда!

— Нет, — кивнул Роланд, и его улыбка потеплела. — Я уверен, что он потух в тот самый момент, когда мы прекратили работу Разрушителей. Кузницы Короля больше нет, Сюзанна. И уже не будет никогда, если боги выкажут свою доброту. Так много мы сумели сделать, хотя нам и пришлось заплатить дорожную цену.

Во второй половине дня они подошли к «Ле кас руа рюс», который, как выяснилось, покинули не все его обитатели.

Глава 3. Замок Алого Короля

1

Они находились в миле от замка, и рев невидимой воды становился все громче, когда начали появляться красочные гирлянды и плакаты. Гирлянды сшили из материи трех цветов, красного, белого и синего, у Сюзанны они ассоциировались с парадами в День поминовения и Главными улицами маленьких городков в День независимости, четвертого июля. На фасадах узких, хранящих свои тайны домов, и в витринах магазинов, давно уже закрытых и выпотрошенных от подвала до потолка, эти гирлянды напоминали румяна на щеках разлагающегося трупа.

Лица на плакатах она узнала с первого взгляда. Ричард Никсон и Генри Кэбот Лодж вскидывали руки с победно, буквой V, выставленными двумя пальцами, сияя улыбкой продавцов автомобилей («НИКСОН/ЛОДЖ, ПОТОМУ ЧТО РАБОТА ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕНА», — прочитала она на плакате). На другом плакате Джон Кеннеди и Линдон Джонсон, обнявшись, приветствовали всех свободными руками. Под их ногами тянулось смелое заявление: «МЫ СТОИМ НА ПОРОГЕ НОВОГО ФРОНТИРА».

— Ты знаешь, кто победил? — оглянувшись, спросил Роланд. Сюзанна в этот момент ехала на роскошном такси Толстяка Хо, глазела по сторонам (и мечтала о свитере: видит Бог, не отказалась бы даже от легкого кардигана).

— О, да, — она не сомневалась, что плакаты развесили ради нее. — Победил Кеннеди.

— Он стал твоим дином?

— Дином всех Соединенных Штатов. И Джонсон занял его место после того, как Кеннеди застрелили.

— Застрелили? Ты так говоришь? — заинтересовался Роланд.

— Да. Застрелил из засады трус по фамилии Освальд.

— И твои Соединенные Штаты были самой могущественной страной мира?

— Ну, Россия соперничала с нами, когда ты схватил меня за шкуру и выдернул в Срединный мир, но, в принципе, да.

— И люди вашей страны выбирали себе дина сами. Звание дина не передавалось по наследству?

— Совершенно верно, — в голосе Сюзанны слышалась настороженность. Она ожидала, что Роланд сейчас разругает демократическую систему выборов. Или высмеет.

Вместо этого он ее удивил.

— Цитируя Блейна Моно, звучит неплохо.

— Окажи мне услугу и никогда не цитируй его, Роланд. Ни сейчас, ни потом. Договорились?

— Как скажешь, — согласился он, а потом добавил, без паузы, но сильно понизив голос. — Держи мой револьвер наготове, если тебя это устроит.

— Устроит вполне, — тут же ответила она, также тихо. Получилось «устроивполне», потому что ей не хотелось шевелить губами. Она чувствовала, что за ними наблюдают из домов, которые сгрудились в этой части Королевского тракта, как магазины и харчевни в средневековом городе (или на съемочной площадке фильма, события которого разворачивались в средневековом городе) Только не знала, люди это, роботы или все еще работающие телевизионные камеры, но поверила этому чувству еще до того, как Роланд подтвердил, что ее подозрения не лишены оснований. И ей хватило одного взгляда на голову Ыша, которая поворачивалась из стороны в сторону, как маятник в дедушкиных напольных часах, чтобы понять: он тоже чувствует чье-то внимание к их особам.

— Он был хорошим дином, этот Кеннеди? — Роланд вновь заговорил обычным голосом. И в тишине разносился он очень далеко. Сюзанна внезапно осознала, что с ней произошло на редкость приятное изменение: она совершенно не чувствовала холода, хотя воздух, не прибавивший в температуре, стал еще и сырым, в силу близости ревуций реки. Ее слишком уж интересовал окружающий мир, так что обращать внимание на холод она просто не успевала. По крайней мере, на текущий момент.

— Ну, не все так думали, определенно не думал тот псих, что застрелил его, но я считала, что да. Во время предвыборной компании он говорил людям, что собирается многое изменить. Вероятно, менее половины избирателей верило, что слова у него не разойдутся с делом, поскольку большинство политиков лжет по той же причине, по какой обезьяна машет хвостом: потому что может. Но после того, как его выбрали, он начал претворять в жизнь свои обещания. Тогда же едва не началась война из-за одной страны, которая называлась Куба, и он показал себя таким же храбрым, как... ну, скажем так, ты бы с радостью встал с ним плечом к плечу. Когда некоторые люди поняли, что он настроен

серьезно, эти сучьи дети наняли психа, чтобы тот его застрелил.

— Оз-вальта.

Сюзанна кивнула, не став его поправлять, подумав, что поправлять нечего. Оз-вальт. Оз. Опять колесо описало круг, не так ли?

— И Джонсон встал у власти после ухода Кеннеди?

— Да.

— Как он себя проявил?

— К тому моменту, как ты меня «извлек», прошло слишком мало времени, чтобы делать какие-то выводы, но он, конечно, относился к тем, кто умел играть в эту игру. «Живи сам и давай жить другим», — так у нас говорили. Ты понимаешь?

— Да, конечно, — кивнул Роланд. — Сюзанна, думаю, мы прибыли, — и остановил роскошное такси Толстяка Хо. По-прежнему сжимая пальцами рукоятки стержней, оглядел «Ле кас руа рюс».

2

Здесь Королевский тракт заканчивался, переходя в широкий, мощный брусчаткой передний двор, который когда-то, и сомнений тут быть не могло, охранялся людьми Алого Короля столь же тщательно, как Букингемский дворец охраняется «мясоедами» королевы Елизаветы. На брусчатке они увидели нарисованный алый глаз, который с годами лишь чуть-чуть выцвел. Стоя на земле, человек мог лишь догадаться, что нарисован глаз, но с верхотуры, предположила Сюзанны, глаз этот обязательно привлек бы внимание, стоило посмотреть на северо-запад.

«Наверняка этот мерзкий глаз нарисовали со всех сторон света», — подумала она.

Над передним двором, на растяжках, закрепленных на двух сторожевых башнях, висел только что нарисованный транспарант, также выдержанный в трех цветах: красном, белом и синем. На нем Сюзанна прочитала:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, РОЛАНД И СЮЗАННА

(ЫШ ТОЖЕ!)

ПРОДОЛЖАЙТЕ ДУМАТЬ, ЧТО ВЫ В СВОБОДНОМ МИРЕ

Замок за внутренним двором (и рекой, загнанной в крепостной ров, действительно построили из блоков темно-красного камня, которые с годами стали чуть ли не черными. Башни и башенки замка в верхней своей части сильно увеличивались в размерах, словно отрицая закон всемирного

тяготения. А основная часть замка, которая находилась под этими бросающимися в глаза архитектурными излишествами, выглядела строгой и безыскусной, если не считать еще одного глаза, вырезанного в арке над главным входом. Два из парящих на высоте пешеходных мостиков разрушились, замусорив двор кусками камня, но еще шесть остались на месте, пересекая воздух на различных уровнях, чем напомнили Сюзанне транспортную развилку в местах пересечения основных автострад. Как и в домах, двери и окна в замке были на удивление узкими. Толстые черные вороны сидели на подоконниках окон, расположенных вдоль пешеходных мостиков, и смотрели на них.

Сюзанна спустилась с повозки рикши. Револьвер она заткнула за пояс, где он всегда был под рукой. Присоединилась к стрелку, глядя на главные ворота на этой стороне крепостного рва. Широко распахнутые. За ними горбатый каменный мост вел на другой берег. Под мостом черная вода бурлила в каменном «горле» шириной в сорок футов. От воды шел резкий, неприятный запах, и а на нескольких торчащих их нее черных скалах оседала не белая, а желтая пена.

— Что будем делать? — спросила она.

— Для начала послушаем вон тех парней, — и Роланд мотнул головой в сторону парадных дверей на дальней стороне мощеного переднего двора. Двери были приоткрыты и из них вышли двое мужчин, совершенно обычных мужчин, а не «жердей» какими становятся их отражения в некоторых зеркалах комнаты смеха. Когда они оставили за собой половину двора, из дверей выскользнул третий и последовал за ними. Вроде бы оружия у них не было, а когда первые двое подходили к мосту, Сюзанна особо и не удивилась, увидев, что они близнецы. Да и тот, что догонял двух первых, ничем от них не отличался: белый, довольно-таки высокий, с длинными черными волосами. То бишь, тройня, два брата впереди, один — чуть сзади. Все трое были в джинсах и толстых куртках, которые тут же вызвали у Сюзанны жгучую зависть. Двое впереди несли большие плетеные корзины, держа их за кожаные ручки.

— Надень на них очки, добавь бороды, и они будут выглядеть как Стивен Кинг, когда мы с Эдди впервые встретились с ним, — прошептал Роланд.

— Правда? Ты так говоришь?

— Да. Ты помнишь, что я тебе сказал?

— Право говорить остается за тобой.

— И насчет искушения, которое идет перед победой. Помни и об этом.

— Буду. Роланд, ты их боишься?

— Я думаю, что эти трое страха вызвать не могут. Но будь готова к стрельбе.

— Они вроде бы безоружные, — разумеется, не следовало забывать про плетеные корзины. В них могло лежать, что угодно.

— Все равно, будь готова.

— Можешь не волноваться.

3

Даже сквозь рев воды, несущейся под мостом, они слышали размеренный стук каблуков незнакомцев по брусчатке. Двое с корзинами вступили на мост, миновали половину, остановились на самой высокой его части.

Поставили корзины рядом друг с другом. Третий мужчина остался на той части моста, что спускалась к замку, демонстративно сложил руки на груди, показывая, что в них ничего нет. Теперь до Сюзанны долетел запах приготовленного мяса, поднимающийся из одной из корзин. Не тушенки. Скорее, ростбифа и курятины, вот какой божественный запах шел из корзины. Рот у нее наполнился слюной.

— Хайл, Роланд из Гилеада! — воскликнул черноволосый мужчина, что стоял справа. — Хайл, Сюзанна из Нью-Йорка! Хайл, Ыш из Срединного мира! Долгих дней и приятных ночей!

— Один — урод, а остальные еще хуже, — заметил его спутник.

— Не обращайтесь на него внимания, — тут же вставил стоящий справа «близнец» Стивена Кинга.

— Не обращайтесь на него внимания, — передразнил его левый «близнец, скорчив гримасу, такую намеренно мерзкую, что она получилась забавной.

— И тебе их в два раза больше, — ответил Роланд, реагируя на более вежливого «близнеца». Выставил ногу вперед и чуть поклонился. Сюзанна сделала реверанс, по обычаю Кальи, расправляя воображаемые юбки. Ыш сидел у левой ноги Роланда, глядя на двух одинаковых мужчин, которые стояли на мосту.

— Мы — уффи, — пояснил мужчина справа. — Ты знаешь, кто такие уффи, Роланд?

— Да, — ответил Роланд, потом повернулся к Сюзанне. — Это старое слово... точнее, древнее. Он заявляет, что они — оборотни, — и добавил, гораздо тише, чтобы за ревом воды его не услышали на мосту. — Я

сомневаюсь, что это правда.

— И, однако, правда, — тут же сказал правый «близнец», вежливым тоном.

— Лжецы везде видят себе подобных, — заметил левый «близнец» и закатил один циничный синий глаз. Только один. Сюзанна не могла вспомнить, чтобы ей доводилось видеть человека, способного закатить только один глаз.

Третий «близнец», который остался позади, голоса не подавал, стоял и наблюдал со сложенными на груди руками.

— Мы можем принять любую форму, какую только пожелаем, — продолжил правый, — но мы получили приказ предстать перед вами в образе человека, которого вы узнаете и которому доверяете.

— Если измерять недоверие длиной, так я не доверяю сэю Кингу на расстояние, куда большее того, на которое смог бы бросить его самого тяжелого дедушку — ответил Роланд. — Хлопот от него, как от козла, жующего брюки.

— Мы сделали все, что в наших силах, — пожал плечами правый Стивен Кинг. — Могли бы предстать перед вами в образе Эдди Дина, но решили, не вызывать у леди слишком болезненных воспоминаний.

— «Леди» выглядит так, что с радостью трахнулась бы веревкой, если бы смогла поставить ее торчком между бедер, — бросил левый Стивен Кинг и похотливо ухмыльнулся.

— Вот это уже лишнее, — заявил третий Стивен Кинг, который стоял позади со сложенными на груди руками. Тонем рефери. Сюзанна подумала, что сейчас он накажет не стесняющегося в выражениях левого Кинга пятиминутным штрафом. Она бы не возражала, отнюдь, потому что у нее сжималось сердце, когда она слушала этого Кинга, отпускающего грязные шуточки; он напоминал ей Эдди.

Роланд на эту пикировку не отреагировал.

— Можете вы трое принять три разные формы? — поинтересовался он у Кинга-Чисторота. Сюзанна услышала, как стрелок проглотил слюну, прежде чем задать вопрос, и поняла, что ему тоже не дают покоя запахи, идущие из корзины. — Может один из вас, к примеру, стать сэем Кингом, один — сэем Кеннеди и один — сэем Никсоном?

— Хороший вопрос, — ответил Кинг-Чисторот, стоящий справа.

— Глупый вопрос, — не согласился Кинг-Грязнорот слева. — Совершенно бессмысленный. Выстрел в молоко. Да ладно, разве есть хоть один интеллеktуал среди героев с быстрыми руками?

— Принц Гамлет из Дании, — ответил Кинг-Рефери, который

спокойно стоял позади двух других Кингов. — Но, поскольку на ум сразу пришел только он, возможно, принц Датский — исключение, которое доказывает правило.

Чисторот и Грязнорот повернулись к нему. Когда стало ясно, что он уже высказался, вновь посмотрели на Роланда и Сюзанну.

— Поскольку в действительности мы — одно существо, — пояснил Чисторот, — и наши способности по этой части ограничены, ответ — нет. Мы все может стать Кеннеди, или мы все можем стать Никсонами, но...

— Джем вчера, джем завтра, но никакого джема сегодня, — подала голос Сюзанна. Она понятия не имела, откуда взялась у нее в голове эта фраза (и еще меньше понимала, почему произнесла ее вслух), но Кинг-Рефери воскликнул:

«Именно!» — и кивнул, как учитель, решивший похвалить ученика, которому удался ответ.

— Идем дальше, ради твоего отца, — фыркнул Кинг-Грязнорот слева. — Меня просто тошнит, когда я смотрю на этих предателей Повелителя красного.

— Очень хорошо, — кивнул тот Кинг, что стоял рядом. — Хотя называть их предателями несправедливо, если, конечно, добавить в уравнение ка. Поскольку имена, которые мы дали себе, для вас непроизносимы...

— Как у противника Супермена, мистера Мксизптлка, — вставил Грязнорот.

— ...вы можете воспользоваться теми, что пускал в ход Ушедший. То самое существо, которое вы называете Алым Королем. Я — эго, грубо говоря, и прохожу под именем Фимало. Этот тип, что стоит рядом со мной, Фумало. Он — наш ид.

— А тот, что сзади, должно быть, Файмало, — вмешалась Сюзанна. — Он кто, ваше супер-эго?

— Блестяще! — воскликнул Фумало. — Готов спорить, ты даже сможешь произнести слово Фрейд. Может, произнесешь его и по буквам, ты, нью-йоркская галка, которой укоротили ноги?

— Не обращай на него внимание, — сказал Фимало, — он всегда полагал женщин угрозой.

— Вы — ид, эго и супер-эго Стивена Кинга? — спросила Сюзанна.

— До чего хороший вопрос! — одобрительно воскликнул Фимало.

— До чего тупой вопрос! — неодобрительно воскликнул Фумало. — У твоих родителей остались другие дети, которые выжили, Галка?

— Давай обойдемся без этих игр, — предложила Сюзанна, — а не то я

вызову Детту Уокер, и она быстренько заткнет тебе пасть.

— У меня нет ничего общего с сэем Кингом за исключением некоторых физических характеристик, да и то на короткий период времени, — заговорил Кинг-Рефери. — И, как я понимаю, короткий период времени — все время, которое имеется в нашем распоряжении. Я не испытываю особой любви к делу, которому вы служите, и не собираюсь лезть из кожи вон, чтобы помочь вам, то есть точно не вылезу из кожи, но, однако, понимаю, именно благодаря вам двоим Ушедший покинул этот замок. Поскольку он держал меня в пленниках и обращался со мной, как с придворным шутком, я совершенно не огорчен его уходом. Я помогу вам, если сумею, по крайней мере, чуть-чуть помогу, но ради вас не буду лезть из кожи вон. «Пусть с этим будет полная ясность», — как мог бы сказать ваш недавно погибший друг Эдди Дин.

Сюзанна сделала все, чтобы ее лицо осталось бесстрастным, но слова Кинга-Рефери ужалили ее. Больно ужалили.

Как и прежде, Фимало и Фумало повернулись к Файмало, когда он говорил. Теперь они вновь посмотрели на Роланда и Сюзанну.

— Честность — лучшая политика, — с благочестивым видом процитировал Фимало. — Сервантес.

— Лжецы процветают, — Фумало цинично улыбнулся. — Аноним.

— Случалось, когда Ушедший заставлял нас делиться на шестерых, даже на семерых, и только по одной причине: потому что такое деление вызывало боль, — вновь заговорил Фимало. — Однако, мы не могли покинуть замок, как и все остальные, потому что он установил вокруг стен барьер смерти.

— Мы думали, что он убьет нас, прежде чем уйти, — добавил Фумало, цинизм напрочь исчез из его голоса, а выражением лица он напоминал человека, вспоминающего случившееся с ним несчастье, когда он разминулся со смертью на какие-то три дюйма.

Фимало: «Он убил очень многих. Обезглавил своего премьер-министра».

Фумало: «У которого был третичный сифилис и который понимал, что с ним происходит, не больше свиньи в загоне скота на бойне, о чем можно только пожалеть».

Фимало: «Он выстроил всех, кто работал на кухне, и всех горничных...»

Фумало: «Всех, кто был верен ему, действительно, верен до гроба...»

Фимало: «И заставил их принять яд, когда они стояли перед ним. Он мог бы убить их во сне, если бы захотел...»

Фумало: «Для этого ему требовалось лишь пожелать им смерти».

Фимало: «Но вместо этого он заставил их принять яд. Крысиный яд. Они проглатывали его большими коричневыми кусками и умирали в конвульсиях прямо перед ним, сидящем на троне... »

Фумало: «Который сделан из черепов, вы понимаете...»

Фимало: «Он сидел, опираясь локтем о колено, подперев подбородок кулаком, как человек, думающий большую думу, скажем о квадратуре круга или об Абсолютно первичном числе, наблюдая, как они корчатся и блюют на полу Зала аудиенций».

Фумало (с толикой пыла, который Сюзанна нашла похотливым, а потому крайне неприятным): Некоторые, умирая, просили дать им воды. Этот яд вызывал жажду, ага! И мы думали, что следующей будет наша очередь!»

Вот тут в голос Фимало прорвались эмоции, если не злость, то, как минимум, раздражение: «Ты позволишь мне все рассказать и покончить с этим, чтобы они могли идти дальше и заниматься своими делами, как им того хочется?»

— Опять командуешь, — бросил Фумало и обиженно замолчал. Над ними дворцовые вороны толкались, стараясь занять более удобное место, и смотрели на них круглыми, блестящими глазами. «Несомненно, рассчитывают закусить теми, кто не сможет уйти отсюда», — подумала Сюзанна.

— У него оставались шесть кристаллов Колдовской радуги, — продолжил Фимало. — И когда вы еще были в Калье Брин Стерджис, что-то увиденное в них добило его, окончательно свело с ума. Мы не знаем наверняка, что это было, сами не видели, но подозреваем, что увидел он вашу победу, не в Калье, а более позднюю, в Алгул Съенто. Потому что она ставила крест на его планах разрушить Лучи и, таким образом, свалить Темную Башню.

— Разумеется, именно это он и увидел, — тихонько молвил Файмало, и тут же оба Стивена Кинга, что стояли на мосту, повернулись к нему. — Ничего другого быть не могло. А что привело его на грань безумия, так это две конфликтующих навязчивых идеи: свалить Темную Башню или добраться до нее раньше тебя, Роланд, и подняться на вершину. Уничтожить ее... или править ею. Я не уверен, что он пытался все это осознать... Просто хотел опередить тебя в чем-то, а потом лишит тебя того, что ты стремился заполучить. Вот это он очень даже понимал.

— Тебе, несомненно, будет приятно узнать, как он гневался на тебя, как долгие недели проклинал твое имя, прежде чем разбить свои

игрушки, — вставил Фумало. — Как начал бояться тебя, поскольку он мог бояться.

— Только не он, — возразил Фимало, мрачно, как показалось Сюзанне. — Ему это совершенно не понравилось. В его победах, как и в поражениях, нет благородства.

— Когда Альый Король увидел, что Алгул Сьенто падет перед тобой, — вновь заговорил Файмало, — он понял, что работающие Лучи восстановятся. Более того! Со временем эти два сохранившихся Луча воссоздадут остальные Лучи, постепенно, милю за милей, колесо за колесом. А если такое произойдет, тогда, в конце концов...

Роланд кивал. В его глазах Сюзанна увидела новое выражение: радостное изумление. «Может, он знает, как победить», — подумала она.

— Тогда, в конце концов, то, что сдвинулось, сможет вернуться на прежнее место, — продолжил он фразу Файмало. — Возможно, Срединный мир и Внутренний мир, — он помолчал. — Возможно, даже Гилеад. Свет. Белизна.

— Никаких возможно, — покачал головой Файмало. — Ибо ка — колесо, а если колесо не сломано, оно всегда будет катиться. Если Альый Король не сможет стать Владыкой Башни или Ее палачом, в конце концов, все это обязательно вернется.

— Безумие, — воскликнул Фумало. — И к тому же, разрушающее безумие. Но, разумеется, Большой Альый всегда являл собой безумную сторону Гана, — тут он мерзко подмигнул Сюзанне. — Вот так-то, леди Галка.

Фимало подвел итог.

— А потом он разбил Кристаллы и убил своих верных...

— Мы хотим, чтобы вы это поняли, — прервал его Фумало. — Если, конечно, вы не настолько твердолобы, чтобы до вас не доходил смысл наших слов.

— Завершив два эти дела, он покончил с собой, — сказал Файмало, и парочка Кингов, что стояла на мосту, в который уж раз повернулась к нему. Словно не могли не повернуться.

— Он это сделал ложкой? — любопытствовал Роланд. Я и мои друзья выросли с таким пророчеством. Глупо, конечно, но факт.

— Да, именно, — кивнул Файмало. — Я думал, он перерезал себя горло, ибо кромка ложки была заострена

(как кромка некоторых тарелок, вы понимаете... ка — колесо, и всегда поворачивается, если уж пришло в движение),

но он ее проглотил. Проглотил ложку, можете вы себе такое

представить? Кровь хлынула у него изо рта. Потоки крови! Потом он вскочил на самую большую из своих серых лошадей, он назвал ее Нис, в честь страны снов и грез, и поскакал на юго-восток, в белые земли Эмпатики, взяв с собой кое-какие вещи, которые положил перед собой на седло, — он улыбнулся. — Здесь много еды, но ему она не нужна, как вы понимаете. Ушедший больше не ест.

— Подождите минутку, беру таймаут, — Сюзанна сложила руки буквой «Г» (этому она научилась у Эдди, хотя в тот момент и не помнила об этом). — Если он проглотил ложку с заостренной кромкой и порезал себе горло...

— Леди Галка начинает видеть свет в конце тоннеля! — вскричал Фумало и вскинул руки в воздух.

— ...как он вообще мог что-то сделать?

— Ушедший не может умереть, — ответил Фимало, словно объяснял очевидное трехлетнему ребенку. — И вы...

— Вы бедные глупыши... — с притворным добродушием вставил его партнер.

— Вы не сможете убить того, кто уже мертв, — закончил Файмало. — Что же касается Алого Короля, твои револьверы, Роланд, могли бы прикончить его...

Роланд кивал.

— Передаваемые от отца — сыну, со стволами, изготовленными из великого меча Артура Эльдского, Эскалибура. Да, это тоже часть пророчества. Которую он, разумеется, знал.

— Но теперь он обезопасил себя от них. Оказался вне их досягаемости. Он — Не-мертвый.

— У нас есть основания верить, что он заперт на балконе Темной Башни, — сказал Роланд. — Не-мертвый или нет, он никогда не смог бы подняться на вершину без одного сигула из Эльда. Конечно, же, если он знал так много о пророчестве, то знал и об этом.

Файмало мрачно улыбнулся.

— Ага, но, как Горацио удерживал мост в истории, рассказанной в мире Сюзанны, так и Ушедший, Алый Король, удерживает Темную Башню. Он нашел способ проникнуть в нее, но не смог подняться на вершину, все так. И пока он удерживает ее, ты тоже не сможешь туда подняться.

— Такое ощущение, что старина Король Алый рехнулся не до конца, — вставил Фимало.

— Спятивший, как лиса! — добавил Фумало, постучал себя по виску... а потом вдруг расхохотался.

— Но, если вы пойдете дальше, — продолжил Файмало, — то принесете ему сигулы Эльда, которые ему нужны, чтобы стать хозяином Башни, которая пока взяла его в плен.

— Сначала ему придется взять их у меня, — ответил Роланд. — У нас, — говорил он без драматических интонаций, словно речь шла о погоде.

— Твоя правда, — согласился Файмало, — но подумай вот о чем, Роланд. Ты не сможешь убить его ими, но есть вероятность, что он сумеет отобрать их у тебя, потому что ум у него дьявольский и возможности огромные. Если ему это удастся... что ж! Представь себе мертвого короля, и безумного, на вершине Темной Башни, с парой великих древних револьверов! Он мог бы править оттуда, но я думаю, учитывая его безумие, он предпочтет обрушить Башню. И это он сможет сделать, независимо от того, уцелели Лучи или нет.

Файмало пристально смотрел на них, стоя на прежнем месте, на дальнем конце моста.

— А потом все погрузится во тьму.

4

В последующей паузе собравшиеся у моста обдумывали услышанное. Первым заговорил Фимало, и в его голосе слушались чуть ли не извиняющиеся нотки.

— Цена, может, и не была бы столь высока, если бы речь шла только об одном этом мире, который мы можем назвать Ключевым Башенным, раз уж Темная Башня не существует здесь в виде розы, как во многих других мирах, или в виде бессмертного тигра, как в некоторых, или в виде э... собаки Роувер, как по меньшей мере в одном...

— Собаки по кличке Роувер? — ошеломленно переспросила Сюзанна. — Ты так говоришь?

— Леди, у тебя воображение, как у наполовину сгоревшей палки, — голос Фумало переполняло глубочайшее презрение.

Фимало пропустил его слова мимо ушей.

— В этом мире Башня и есть Башня. В том мире, где ты недавно побывал, Роланд, большинство биологических видов нормально размножаются, и многие живут хорошо. Там есть энергия и надежда. Пойдешь ты на риск уничтожения того мира, точно так же, как и этого, и всех других миров, которых сэй Король коснулся своим воображением и

которые притянул к себе? Ибо не он создал их, ты понимаешь. Заглянув в пупок Гана Ганом не становятся, хотя многие творческие люди, похоже, придерживаются такого мнения. Ты пойдешь на такой риск?

— Мы только спрашиваем, не стараемся в чем-то тебя убедить, — подхватил Файмало. — Но правда такова: теперь этот только твой поход, стрелок. Вот в чем дело. Никто не посылает тебя дальше. Как только ты оставишь позади этот замок и ступишь в Белые Земли, ты и твои друзья окажетесь вне досягаемости ка. И тебе нет нужды идти туда. Все, через что ты прошел прежде, служило одному: помочь тебе спасти Лучи, спасение которых гарантировало вечное существование Башни, оси, на которой вращаются все миры и все живое. Это сделано. Если ты повернешь назад, мертвый король навсегда останется в темнице, в которой сейчас и заточен.

— Хрен тебе, — фыркнула Сюзанна, грубостью не уступая Фумало.

— Правда твои слова или ложь, — ответил Роланд, — я все равно пойду дальше. Потому что обещал.

— И кому же ты дал это обещание? — взорвался Файмало. Впервые с того момента, как он ступил на замковую часть моста, Файмало расцепил руки, поднял их и откинул волосы со лба. Жест этот красноречиво показывал его раздражение. — Нет в пророчестве такого обещания, я тебе точно говорю!

— И быть не может. Это обещание я дал самому себе и собираюсь сдержать слово.

— Этот человек такой же безумец, как Ушедший Альый, — в голосе Фумало слышалось уважение.

— Хорошо, — Файмало вздохнул и вновь сложил руки на груди. — Я сделал все, что мог, — он кивнул двум другим третям тройни, которые опять повернулись к нему.

Фимало и Фумало опустили на одно колено: Фимало — на правое, Фумало — на левое, сняли крышки с плетеных корзин, которые принесли, и наклонили их вперед. Сюзанне тут же вспомнилось, как модели показывали призы в телевикторинах «Правильная цена» и «Сосредоточенность».

В одной лежала еда: жареная свинина и курятина, коровья лопатка, кругляки розовой ветчины. Сюзанна почувствовала, как ее желудок расширяется, готовый проглотить все, и ей с трудом удалось подавить стон, поднимающийся из груди. Рот переполнился слюной, и она подняла руку, чтобы стереть избыток с губ. Они знали, что она стирает слюну, с этим она ничего не могла поделать, но, по крайней мере, она отказала им в удовольствии увидеть, как наглядное свидетельство ее голода блестит на

губах и подбородке. Ыш твякнул, но остался на месте, у левого сапога стрелка.

Во второй корзине лежали два больших толстых крупной вязки свитера, один зеленый и один красный, рождественских цветов.

— Там также теплое нижнее белье, куртки, короткие сапоги с подкладкой из овчины и перчатки, — пояснил Фимало. — Потому что в Эмпатике в это время года чертовски холодно, а идти вам долгие месяцы.

— На окраине города мы оставили вам легкие алюминиевые санки, — добавил Файмало. — Вы сможете положить их на вашу повозку, а потом использовать, чтобы везти леди и снаряжение, как только вы доберетесь до снега.

— Вы, конечно, задаетесь вопросом, почему мы это делаем, если не одобряем вашего решения продолжить путь, — вновь заговорил Фимало. — Дело в том, что благодаря вам мы остались живы...

— Мы действительно думали, что нам крышка, — вставил Фумало. — «Куотербек спекся», — мог сказать бы Эдди.

И эти слова тоже причинили ей боль... но не такую сильную, какую причинял взгляд, брошенный на всю эту еду. Или воображаемые ощущения, которые она испытывала, надевая этот толстый свитер, чувствуя, как он опускается до середины бедер.

— Я решил попытаться отговорить вас от продолжения похода, приложить к этому все силы, — сказал Файмало. Сюзанна заметила, что он — единственный кто употреблял местоимение «я». — А если мне это не удастся — снабдить вас всем необходимым, что может понадобиться вам в пути.

— Ты не сможешь его убить! — взревел Фумало. — Неужели ты этого не видишь, ты, машина-убийца с деревянной башкой, неужели не видишь? Все, что ты сможешь, так это проявить излишнюю прыть и сыграть на его мертвую руку! Как ты можешь быть таким глу...

— Замолчи, — ровным голосом оборвал его Файмало, и Фумало замолчал. — Он принял решение.

— И что вы сделаете? — спросил Роланд. — После того, как мы пойдем дальше?

Все трое в унисон пожали плечами, но ответил Файмало, так называемое супер-эго уффи: «Останемся здесь. Посмотрим, сохранится ли матрица творения или разрушится. А тем временем постараемся восстановить „Ле кас“, вернуть ему хотя бы часть прежнего величия. Когда-то это был прекрасный дворец. И его снова можно сделать таким же. А теперь, думаю, наш разговор закончен. Возьмите наши дары вместе с

нашей благодарностью и самыми добрыми пожеланиями.

— Скупыми добрыми пожеланиями, — добавил Фумало, и улыбнулся. Неожиданно для Сюзанны и ослепительно.

Сюзанна едва не двинулась к корзинам. Свежая еда, конечно влекла ее (особенно свежее мясо), но куда более притягательными были свитера и теплое нижнее белье. Хотя припасов у них заметно поубавилось (и они наверняка закончились бы раньше, чем они пересекли территорию, которые уффи называли Эмпатикой), на роскошном такси Толстяка Хо еще лежали банки с бобами, тунцом и тушенкой, и в этот день они уже поели, так что желудки не урчали от голода. Что ее убивало, так это холод. Холод она считала своим главным врагом, холод подбирался к ее сердцу, дюйм за дюймом.

На месте она осталась по двум причинам. Во-первых, осознав, что одного-единственного шага будет достаточно для того, чтобы уничтожить остатки ее воли: она со всех ног побежит к середине моста, упадет на колени перед с теплой одеждой и начнет рыться в ней, словно сорвавшаяся с цепи домохозяйка на ежегодной полной распродаже в «Файленс». После первого шага никто и ничто не смогло бы ее остановить. И потеря силы воли стала бы не самым худшим последствие этого шага; она потеряла бы и самоуважение, за которое Одетта Холмс боролась всю жизнь, несмотря на усилия маленькой саботажницы, которая затаилась в глубинах ее разума.

Однако, одной лишь первой причины не хватило бы для того, чтобы удержать ее на месте. Второй стало воспоминание о том дне, когда они увидели ворона, который нес в клюве что-то зеленое, и вместо «Кру, кру!» с неба доносилось «Кау, кау». Ворон нес всего лишь бес-траву, все так, но, однако, зеленую. То есть живую. Именно в тот день Роланд попросил ее молчать, если придется с кем-то совещаться, сказал... как он сказал? «Перед победой идет искушение». Она и представить себе не могла, что самым большим искушением ее жизни станет рыбацкий, крупной вязки свитер, но...

Она внезапно поняла то, что стрелок, похоже, знал, если не с самого начала, так с момента появления тройни Стивенон Кингов: все это сплошной обман. Она не могла знать, что именно находится в корзинах, но уже не сомневалась, что нет в них ни настоящей еды, ни одежды.

Так что с места Сюзанна не сдвинулась.

— Так что? — спросил Файмало. — Вы подойдете и возьмете подарки, которые я вам приготовил? Вы должны подойти, если хотите их взять, потому что по середине моста проходит линия, переступить которую я не могу. Фимало и Фумало стоят у барьера смерти Короля. Вы оба можете

пересекать его в любую сторону. Мы — нет.

— Мы благодарим тебя за твою доброту, сэй, — ответил Роланд, — но отказываемся от подарков. Еды нам хватает, одежда ждет нас впереди, пусть еще и бегают на копытах. А кроме того, не так уж здесь и холодно.

— Да, — улыбнулась Сюзанна трем одинаковым и одинаково недоумевающим лицам. — Не так уж.

— Мы идем дальше, — и Роланд вновь чуть поклонился над выставленной вперед и согнутой ногой.

— Мы говорим, спасибо вам, мы говорим, всего вам хорошего, — вставила Сюзанна и вновь расправила в реверансе невидимые юбки.

Она и Роланд начали поворачиваться. И именно в этот момент Фимало и Фумало, каждый все стоял на одном колене, сунули руки в стоящие перед ними корзины.

Сюзанне не требовалась команда Роланда, она и так все знала. Выхватила револьвер из-за ремня и застрелила левого Стивена Кинга, Фумало, когда тот только выхватил из корзины какое-то оружие с длинным серебристым стволом. С него свисало что-то вроде шарфа. И револьвер Роланда в мгновение ока переключался из кобуры в руку. И он выстрелил только раз. Над ними вороны дружно снялись с насиженных мест. Фимало, тоже держащий в руках оружие с серебристым стволом, медленно рухнул на корзину, с удивлением, написанным на лице, и дырой от пули точно по центру лба.

Файмало застыл на прежнем месте, на дальней стороне моста. Руки по-прежнему скрещивались на груди, но он более не выглядел двойником Стивена Кинга. Теперь на них смотрело длинное, с пожелтевшей кожей, лицо старика, который умирал медленно и мучительно. И волосы у него из густо-черных превратились в грязно-серые. На черепе краснели пятна экземы. Лоб, щеки, подбородок усыпали прыщи и открытые язвы, с раздутыми белыми головками, сочащиеся кровью или гноем.

— Кто ты, на самом деле? — спросил его Роланд.

— Чел, такой же, как и вы, — смиренно ответил Файмало. — Рэндо Вдумчивый, так меня звали в те долгие годы, когда я служил премьер-министром Алого Короля. Однако, когда-то давно я был простым Остином Корнуэллом, из штата Нью-Йорк. Не в Ключевом мире, к сожалению, в другом. Одно время я управлял торговым центром «Ниагара», а до этого

сделал успешную карьеру в рекламном бизнесе. Вам, возможно, это интересно. Я проводил рекламные кампании «Нозз-А-Ла» и «Такуро спирит».

Сюзанна проигнорировала это странное и неожиданное резюме.

— Так, значит, он не обезглавил свою правую руку. А что ты можешь сказать насчет трех Стивенов Кингов?

— Одна видимость, — ответил старик. — Вы собираетесь меня убить? Валяйте. Прошу только об одном, сделайте это быстро. Как вы сами видите, я неважно себя чувствую.

— В том, что ты нам наговорил, есть хоть толика правды? — спросила Сюзанна.

Слезящиеся глаза старика широко раскрылись от изумления.

— Все правда, — он двинулся вперед, на мост, где лежали два других старика, его помощники с давних времен, Сюзанна в этом не сомневалась. — Все правда, за исключением одной лжи... и этого, — двумя пинками он перевернул корзины, и их содержимое вывалилось на мост.

Сюзанна не смогла сдержать крик ужаса. Ыш мгновенно метнулся вперед, занял позицию перед ней, широко расставив короткие передние лапы, наклонил голову.

— Все нормально, — успокоила его Сюзанна, но дрожь еще не ушла из голоса. — Я просто... такого не ожидала.

Из корзины, вроде бы наполненной свежеприготовленными мясными деликатесами, вывалились полуразложившиеся человеческие конечности, синие-черные и кишасшие червяками.

Во второй корзине не было никакой одежды. Так что теперь на мосту копошился поблескивающий в лучах солнца клубок умирающих змей. Их маленькие круглые глаза потускнели, раздвоенные языки лениво показывались из пасти и исчезали. Некоторые змеи уже и не шевелились.

— Вы могли бы чудесным образом их оживить, если б поднесли к своей коже, — в голосе Файмало слышалось сожаление.

— Ты же не рассчитывал, что так и будет? — спросил Роланд.

— Нет, — признал старик. С тяжелым вздохом сел. Одна из змей попыталась заползти ему на колени, но он оттолкнул ее, рассеянно и раздраженно. — Но я получил приказ, вот и выполнял его.

Сюзанна в ужасе смотрела на трупы двух других псевдо-Кингов. Фумало и Фимало, теперь два мертвых старика, разлагались с неестественной скоростью. Их пергаментная кожа рвалась и сжималась, все сильнее облекая кости, из разрывов текла черная жижа. Она видела, как глаза Фимало выперло из черепа, как два перископа, отчего на его лице на

мгновение отразился ужас. Некоторые из змей ползали по разлагающимся трупам. Одна заползла в корзину с кишасщими червями человеческими конечностями, надеясь найти там теплое местечко. При разложении действительно выделялось тепло, так что выбор змеи Сюзанна одобрила. Окажись на ее месте, поступила бы точно также.

— Ты собираешься меня убить? — спросил Файмало.

— Нет, — ответил Роланд, — ты сделал еще не все, что должен. На тебе еще одна работа.

Файмало поднял голову, в стариковских глазах сверкнула искорка интереса.

— Твой сын?

— Мой, и твоего хозяина тоже. Сможешь передать ему пару слов от меня во время вашего разговора?

— Если буду к тому времени жив, конечно.

— Скажи ему, что я стар и опытен, тогда как он всего лишь молокосос. Скажи ему, если он отступится, то сможет какое-то время пожить с мечтами о мести... хотя я не знаю, какими поступками мог заслужить его мечь. И скажи ему, если он и дальше будет идти за мной, я убью его, как собираюсь убить его Алого отца.

— Или ты слушаешь и не слышишь, или слышишь и не веришь, — покачал головой Файмало. Теперь, обретя истинное обличье (никакой загадочности, свойственной уффи, подумала Сюзанна, всего лишь ушедший на пенсию администратор среднего звена из глубинки), он казался невероятно уставшим. — Ты не сможешь убить существо, которое уже убило себя. И ты не сможешь войти в Темную Башню, потому что вход туда только один, и балкон, на котором заперт Ушедший, расположен над этим входом. А оружия у него предостаточно. Одних только снитчей хватит, чтобы остановить тебя на подходе к Башне, они убьют тебя, прежде чем ты минуешь половину поля роз.

— Об этом тревожиться нам — не тебе, — ответил Роланд, и Сюзанна подумала, что стрелок попал в десятку: она уже тревожилась. — Что же касается тебя, ты передашь мое послание Мордреду, когда увидишь его?

Файмало махнул рукой показывая, что передаст. Роланд покачал головой.

— Не маши передо мной рукой, приятель... отвечай на вопрос вслух.

— Я передам ему твое послание, — ответил Файмало, потом добавил. — Если я его увижу и мы поговорим.

— Увидишь. Счастливо оставаться, сэр, — Роланд начал поворачиваться, но Сюзанна схватила его за руку и остановила.

— Поклянись мне, что все, сказанное тобой, правда, — потребовала она от уродливого старикана, который сидел на брусчатке моста под холодными взглядами воронов, которые начали возвращаться на прежние места. Что она хотела узнать или пыталась доказать, Сюзанна понятия не имела. Она же знала, что старик солжет, даже в такой ситуации, не так ли? Может, и нет. Во всяком случае, продолжала напирать. — Поклянись в этом именем своего отца, и его лицом тоже.

Старик поднял правую руку, ладонью к Сюзанне, и она увидела открытые язвы и на ладони.

— Я клянусь в этом именем Эндрю Джона Корнуэлла, из Тога-Спрингс, штат Нью-Йорк. И его лицом тоже. Король этого замка действительно обезумел и действительно разбил все магические кристаллы Колдовской радуги, которые попали ему в руки. Он действительно заставил своих слуг принять яд и действительно наблюдал, как они умирали, — он опустил руку, указав на корзину с отрубленными человеческими конечностями. — Где я это взял, по-твоему, Леди Галка? В магазине Боди партс-ар-ас»?

Сюзанна не поняла, о чем речь, и промолчала.

— Он действительно ушел к Темной Башне. Он — та же собака из какой-то старой басни, хочет проследить, чтобы никто не смог воспользоваться сеном, от которого ему не будет никакого проку. Если на то пошло, я даже не солгал про содержимое этих корзин. Просто показал, что в них, и позволил вам самим делать выводы, — улыбка старика светилась таким циничным самодовольствием, что Сюзанна подумала, а не напомнить ли ему, что Роланд сразу разгадал его трюк. И решила, что не стоит.

— Напрямую я солгал только в одном, — закончил Старик. — Сказал, что он обезглавил меня.

— Ты услышала все, что хотела, Сюзанна? — спросил Роланд.

— Да, — ответила она, хотя всех ответов не получила, отнюдь. — Пошли отсюда.

— Тогда забирайся в роскошное такси Толстяка Хо, и не вздумай при этом повернуться к нему спиной. Он коварен.

— Мог бы не говорить мне об этом, — ответила Сюзанна, и в точности выполнила инструкции Роланда.

— Долгих дней и приятных ночей, — крикнул вдогонку бывший сэй Корнуэлл, сидя на мосту среди извивающихся, умирающих змей. — Пусть Человек-Иисус приглядывает за тобой и твоими ближними. И путь он научит тебя здравому смыслу до того, как учить будет поздно, и убедит

держаться подальше от Темной Башни!

Тем же путем они вернулись к перекрестку, где сошли с Тропы Луча и направились в замок Алого Короля, и вот там Роланд остановился на несколько минут, чтобы передохнуть. Чуть раньше поднялся легкий ветерок, начавший трепать флаги и гирлянды. Теперь Сюзанна видела, какие они старые и вылинявшие. А плакаты с Никсоном, Лоджем, Кеннеди и Джонсоном изрисовали граффити, и то же давным-давно. Все колдовство, то колдовство, на которое оказались способны последние слуги Алого Короля, ушло.

«Снять маски, снять маски, — устало подумала она. — Вечеринка была прекрасной, но она закончилась... и теперь Красная Смерть господствует над всеми».

Сюзанна коснулась прыща под нижней губой, потом посмотрела на подушечку пальца. Ожидала увидеть кровь, гной, и то, и другое. Почувствовала облегчение, не увидев ничего.

— Сколькому ты веришь? — спросила Сюзанна стрелка.

— Практически всему, — ответил Роланд.

— Значит, он там. В Башне.

— Не в Башне. Заперт снаружи, — стрелок улыбнулся. — Это большая разница.

— Ой ли? И что ты собираешься с ним сделать?

— Не знаю.

— Ты думаешь, если он доберется до твоих револьверов, то сможет вернуться в Башню и подняться на вершину?

— Да, — ответил Роланд без запинки.

— И что ты намерен предпринять?

— Не позволю ему завладеть ни одним из них, — ответил он, словно решил, что этого объяснения достаточно, и Сюзанна поняла, что так оно и есть. Она все время забывала, как он скуп на слова, чего бы это ни касалось.

— Ты собирался устроить Мордреду ловушку в замке?

— Да, — кивнул Роланд. — Но, учитывая, что мы там нашли... и что нам сказали... лучше двинуться дальше. Проще. Смотри.

Он достал часы, откинул крышку. Она наблюдала, как секундная стрелка кружит по своему циферблату. Но с той же скоростью? Точно

Сюзанна знать не могла, но она так не думала. Посмотрела на Роланда, вскинув брови.

— По большей части время правильное, — сказал Роланд, — но уже не все время. Я думаю, оно теряет как минимум по секунде каждый шестой или седьмой оборот. Всего, возможно, от трех до шести минут на день.

— Не так уж много.

— Не так, — согласился Роланд, убирая часы, — но это только начало. Пусть Мордред делает, что хочет. Темная Башня уже близко, за белыми землями, и я намерен дойти до нее.

Сюзанна могла понять его нетерпение. И лишь надеялась, что нетерпение не заставит его забыть об осторожности. Если заставит, юность Мордреда Дискейна более не имела бы значения. Допусти Роланд серьезную ошибку в неподходящий момент, и она, он и Ыш, возможно, уже никогда не увидят Темную Башню.

Ее мысли прервало громкое хлопанье множества крыльев, раздавшееся позади. Сквозь хлопанье прорвался человеческий крик, который быстро поднялся до пронзительного вопля. И хотя кричали на приличном расстоянии, ужас и боль слышались совершенно отчетливо. Но, наконец, вопль оборвался.

— Премьер-министр Алого Короля шагнул в пустошь, — пояснил Роланд.

Сюзанна оглянулась на замок. Видела его темно-красные стены и башни, но ничего больше. Порадовалась, что ничего больше не видит.

«Мордред голоден», — подумала она. Сердце ее забилось быстро-быстро, и она пришла к выводу, что никогда раньше так не боялась, ни когда лежала на кровати рядом с рожавшей Миа, ни даже в темноте под замком Дискордия.

«Мордред голоден... но теперь он поест».

Старик, который начал жизнь Остином Корнуэллом и которому предстояло закончить ее Рэндо Вдумчивым, сидел на той части моста, что спускалась к замку. Вороны ждали у него над головой, возможно, догадываясь, что этот день еще будет богат на события. Вдумчивый не чувствовал холода, спасибо толстой куртке, а перед тем, как идти на встречу с Роландом и его подругой-галкой, предусмотрительно глотнул бренди. Ну... возможно, в этом он грешил против истины. Скорее, Брасс и

Компсон (известные так же, как Фимало и Фумало) выпили по глотку лучшего бренди Короля, тогда как он, бывший премьер-министр Ушедшего, уговорил оставшуюся треть бутылки.

Какой бы ни была причина, но старик заснул, и даже появление Мордред Красная Пятка его не разбудило. Он сидел, уткнувшись подбородком в грудь, и, со струйкой слюны, которая стекала между надутых губ, напоминал младенца, который заснул в высоком стульчике. Птиц на парапетах и пешеходных мостиках заметно прибавилось. Конечно, они бы улетели при приближении молодого принца, но он посмотрел на них, махнул правой рукой с растопыренными пальцами перед лицом, потом сжал пальцы в кулак и резко опустил вниз. «Ждите», — говорил этот жест.

Мордред остановился на городской части моста, принялся к разлагающемуся мясу. Одного этого дразнящего запаха хватило, чтобы привести его сюда, хотя он знал, что Роланд и Сюзанна продолжили свой путь по Тропе Луча. Пусть они и их зверек, ушастик-путаник, идут дальше, думал мальчик. Сейчас не время сокращать разделяющее их расстояние. Оно придет позже. Позже, когда Белый папуля ослабит бдительность, пусть даже на мгновение, и вот тогда Мордред его возьмет.

Съест на ужин, надеялся он, но, с другой стороны, Мордред мог бы им и позавтракать, и пообедать.

Когда мы в последний раз видели это существо, оно было еще (попрыгунчик, милый крошка, ягоды клади в лукошко) младенцем. Теперь этот младенец подрос, так что перед воротами, которые вели в замок Алого Короля, стоял мальчик лет девяти. Некрасивый мальчик, из таких, кого разве что сумасшедшая мать сможет назвать милашкой. И причину тому следовало искать не в сложной генетической наследственности, а исключительно в крайнем истощении. Лицо под шапкой черных волос осунулось, кожа прилипла к костям. Под синими глазами появились лиловые круги. Лоб, щеки, подбородок испещрили угри и язвы. Их, как и прыщ под нижней губой Сюзанны можно было бы списать на путешествие по отравленным землям, но, скорее виной тому была диета Мордред. Он мог бы заpastись консервами на контрольно-пропускном пункте, который располагался на выходе из тоннеля, Роланд и Сюзанна взяли с собой лишь малую часть тамошних запасов, но не подумал об этом. Потому что, и Роланд это знал, только учился искусству выживания. Что он взял с собой из куонсетского ангара, так это полусгнивший бушлат и пару достаточно крепких сапог. Сапоги оказались удачной находкой, пусть и развалились по пути.

Будь Мордред челом, или даже обычным оборотнем, он умер бы в

Плохих Землях, с бушлатом или без, в сапогах или без них. Но, будучи тем, кем он был, Мордред призывал к себе воронов, когда хотел есть, и воронам не оставалось ничего другого, как прилетать. Вкус у птиц был отвратительный, а у жуков, которых он извлекал из-под потрескавшихся и с остаточной радиацией камней, еще хуже, но он заталкивал их в рот. Однажды он коснулся разума горностаея и заставил его прийти. Истощенный зверек сам едва не умирал от голода, но после воронов и жуков вкусом не уступал лучшему стейку. Мордред трансформировался в паука, ухватил горностаея всеми семью лапками и высасывал кровь и жрал, пока от него не осталось ничего, кроме клоков шерсти. Он с радостью съел бы еще дюжину горностаев, но ему достался лишь один.

А вот теперь он видел перед собой целую корзину еды. Да, не свежак, но что с того? Даже червяки могли насыщать. Этого вполне хватит, чтобы он сумел добраться до заснеженных лесов к юго-востоку от замка, которые кишели дичью.

Но сначала следовало разобраться со стариком.

— Рэндо, — позвал он. — Рэндо Вдумчивый.

Старик дернулся, что-то пробормотал и открыл глаза. Какое-то мгновение смотрел на худенького мальчика, что стоял перед ним, не понимая, кого видит перед собой. Потом слезящиеся глаза наполнились страхом.

— Мордред, сын Ушедшего, — он попытался улыбнуться. — Хайл тебе, будущий Король! — хотел выставить вперед одну ногу и только тут понял, что сидит. Попытался подняться, но ноги его не держали, поэтому он вновь плюхнулся на зад, чем позабавил мальчика (в Плохих Землях повода для улыбки не находилось, так что он ухватился за возможность позабавиться), предпринял вторую попытку. На этот раз встал.

— Я не вижу никаких тел, за исключением этих двух, а они, похоже, умерли более глубокими стариками, чем ты, — Мордред огляделся, изображая пристальное внимание. — Я определенно не вижу мертвых стрелков, как с целыми ногами, так и с ампутированными.

— Ты говоришь правильно... и я говорю, спасибо тебе, разумеется, говорю... но я могу это объяснить, сэй, и довольно легко...

— Но подожди! Оставь при себе свое объяснение, прекрасное, я в этом не сомневаюсь. Позволь высказать догадку! Это те самые змеи, которые укусили стрелка и его женщину, длинные, толстые змеи, а тела ты перенес вон в тот замок?

— Мой господин...

— Если так, — продолжил Мордред, — змей в корзине, должно быть,

было великое множество, потому что я и сейчас вижу многих. И некоторые, похоже, едят то, что должно стать моим ужином, — и хотя отрубленные, разлагающиеся человеческие конечности все равно стали бы его ужином, частью ужина, Мордред с упреком посмотрел на старика. — Так тела стрелков унесли?

Страх из глаз старика ушел, его заменило смирение. Мордред это крайне разозлило. Он-то хотел увидеть в глазах старого сэя Вдумчивого не страх, и уж точно не смирение, а надежду. Которую с легкостью бы у него отнял. Он вдруг начал трансформироваться. На мгновение старик увидел под человеческим образом бесформенную черноту, с многими лапками. Потом чернота ушла, и вновь перед ним стоял мальчик. Худенький такой мальчик.

«Позвольте мне умереть, не крича от ужаса, — подумал бывший Остин Корнуэлл. — Боги, какими бы вы ни были, даруйте мне хоть эту малость. Позвольте мне умереть, не крича от ужаса, в руках этого чудовища».

— Ты знаешь, что здесь произошло, юный сэй. Это зафиксировано в моей голове, а следовательно, есть и в твоей. Почему бы тебе не взять эти руки и ноги, плюс змей, если они тебе нравятся, а старика оставить в покое, благо жить ему осталось совсем ничего. Ради твоего отца, если не себя. Я служил ему хорошо, даже в самом конце. Я мог бы просто спрятаться в замке и не мешать им идти своим путем. Но я не спрятался. Попытался остановить их.

— У тебя не было выбора, — ответил Мордред со своего конца моста. Не зная, правда это или нет. Да его это и не волновало. Мертвая плоть — всего лишь пища. Живая плоть и кровь, с растворенным в ней последним вдохом человека... ах, нечто большее. Отменный обед! Он оставил мне послание?

— Да, ты знаешь, что оставил.

— Скажи мне.

— Почему бы тебе не прочитать его в моей голове? Вновь началась трансформация. С мгновение на дальнем конце моста стоял и не мальчик, и не паук, размером с девятилетнего мальчика, а они оба одновременно. Во рту сэя Вдумчивого пересохло, пусть слюна, которая вытекла изо рта, когда он спал, еще блестела на подбородке. Но паук исчез, и Вдумчивый вновь видел перед собой лишь мальчика Мордред в порванном и наполовину сгнившем бушлате.

— Потому что мне хочется услышать, как ты произносишь это послание своим старым слюнявым хлебалом, — ответил он Вдумчивому.

Старик облизал губы.

— Хорошо, если тебе так больше нравится. Он сказал, что он — многоопытен, тогда как ты юн и напрочь лишен хитрости и коварства. Он сказал, если ты не останешься там, где тебе место, он отделит тебе голову от плеч. Он сказал, что с удовольствием покажет ее твоему Алому отцу, который заперт на балконе.

Старик сказал чуть больше, чем просил передать Роланд (мы-то знаем, потому что присутствовали при этом), и гораздо больше того, что мог бы снести Мордред.

Однако недостаточно для того, чтобы Рэндо Вдумчивый сумел реализовать задуманное. Возможно, лишь десятью днями раньше старик добился бы поставленной цели, а хотел он одного: чтобы мальчик убил его быстро. Но Мордред, который стремительно вырос, подавил желание молнией перемахнуть через мост, трансформируясь на ходу, и ударом когтистой лапки оторвать голову Рэндо Вдумчивого от тела.

Вместо этого он обвел взглядом воронов, теперь уже сотни воронов, которые пристально, как ученики в классе, смотрели на него. Потом взмахнул руками, как крыльями, и указал на старика. И мгновенно воздух наполнился хлопанием настоящих крыльев. Королевский премьер-министр повернулся, чтобы убежать, но вороны накрыли его, как чернильно-черное облако. Он поднял руки, закрывая лицо, когда они расселись на его голове и плечах, превращая старика в пугало. Инстинктивный защитный жест не помог. Все новые и новые вороны садились на его руки, пока под тяжестью птиц они не опустились. Клювы принялись клевать лицо старика, выбивая фонтанчики крови.

— Нет! — вскричал Мордред. — Кожу оставьте мне... но можете взять его глаза.

И именно в тот момент, когда послушные вороны принялись выклевывать глаза Рэндо Задумчивого из живых глазниц, бывший премьер-министр издал крик, который быстро перерос в пронзительный вопль. Его-то и услышали Роланд и Сюзанна, направляющиеся к окраине городка у замка. Птицы, которые не могли найти места для посадки, кружили над стариком, как живое грозное облако. Они развернули его и направили к трансформеру, который уже поднялся на середину моста и расположился там. Сапоги и наполовину сгнивший бушлат остались внизу, на городской стороне моста. А ждал сзя Вдумчивого, встав на задние лапки, барабаня передними по воздуху, с красной отметиной на животе, Дан-тете, Маленький Альый Король.

Старик дрейфовал навстречу своей судьбе, вопящий и безглазый. Он

махал перед собой руками, отбиваясь от невидимых врагов, и передние лапки паука, ухватили одну из рук и направили ее в пасть. Паук с хрустом откусил кисть старика.

Вкуснотища!

В ту ночь, когда позади остался последний из этих узких, вызывающих неприятные ощущения городских домов, Роланд остановился перед развалинами небольшой фермы. Постоял, глядя на остатки дома, принюхиваясь.

— Что, Роланд? Что?

— Тебе не кажется, что здесь пахнет деревом, Сюзанна?

Принюхалась и она.

— Пахнет, все так, и что из этого?

Он повернулся к ней, с улыбкой.

— Если мы ощущаем запах дерева, значит, сможем его сжечь.

Как выяснилось, вывод он сделал правильный. Разжечь огонь им удалось с трудом, потребовались все мастерство Роланда, бывалого походника, и полбанки «Стерно», но в конце концов они своего добились. Сюзанна уселась максимально близко от костра, поворачиваясь к нему то одним, то другим боком, наслаждаясь потом, который выступил у нее сначала на лице, потом на груди, наконец, на спине. Она уже забыла, каково это ощущать растекающееся по телу тепло, и продолжала подкладывать и подкладывать дерево, пока походный костер не превратился в праздничный. Для животных на равнинных землях, которые тянулись вдоль Тропы выздоравливающего Луча, костер этот, возможно, выглядел, как комета, упавшая на Землю, но еще полыхающая. Ёш сидел рядом с ней, наострив уши, глядя в огонь, как зачарованный. Сюзанна все ждала, когда же Роланд начнет протестовать, скажет, что пора прекратить подкладывать дрова и дать прогореть тем, что уже лежали в костре, но он не останавливал ее. Сидел, разложив перед собой детали разобранных револьверов, и смазывал их. Когда костер стал слишком уж жарким, отодвинулся на несколько футов. Его тень выплясывала каммалу в мерцающем свете языков пламени.

— Сможешь ты выдержать еще одну или две ночи холода? — наконец, спросил он Сюзанну.

Она кивнула.

— Если должна.

— Как только мы начнем подниматься к снежным землям, станет действительно холодно, — пояснил он. — И пока я не могу обещать тебе, что без костра мы проведем только одну ночь. Хотя и не верю, что их будет больше двух.

— Ты думаешь, охотиться будет проще, если мы обойдемся без костров, не так ли?

Роланд кивнул и начал собирать револьверы.

— Дичь будет через два дня?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

Он обдумал, покачал головой.

— Сказать не могу... но знаю.

— Можешь почувствовать запах?

— Нет.

— Прикоснуться к их рассудку?

— Нет.

Она сменила тему.

— Роланд, а если Мордред этой ночью натравит на нас птиц?

Он улыбнулся и указал на языки пламени, под которыми переливались всеми оттенками красного раскаленные угли.

— Они не посмеют приблизиться к твоему костру.

— А завтра?

— Завтра мы будем так далеко от «Ле кас руа рюс», что даже Мордред не убедит их лететь за нами.

— Откуда ты это знаешь?

Он опять покачал головой, хотя подумал, что ему известен ответ на ее вопрос. То, что он знал, шло от Башни. Чувствовал, что ее пульсации оживают в голове.

Словно из сухого зерна проклюнулся зеленый росток. Но полагал, что говорить об этом еще рано.

— Ложись, Сюзанна. Отдохни. Я подежурю до полуночи, потом разбужу тебя.

— Значит, мы начинаем нести вахту.

— Да.

— Он наблюдает за нами?

Наверняка Роланд этого не знал, но полагал, что наблюдает. Воображение рисовало ему худенького мальчика (но теперь у него выпирал туго набитый живот, потому что поел мальчик хорошо, голого под грязным,

рваным пальто. Он находится в одном из этих странных, узких домов, возможно, на третьем этаже, откуда можно многое увидеть. Сидит на подоконнике, подтянув колени к груди, чтобы хоть немного согреться, шрам на боку наверняка ноет, и смотрит на яркую точку их костра, смотрит и завидует. Завидует их дружбе. Половинная мать и Белый отец, оба повернувшиеся к нему спиной.

— Очень может быть.

Она уже начала укладываться, вновь села. Прикоснулась к болячке под нижней губой.

— Это не прыщик, Роланд.

— Нет? — он не отрывал от нее глаз.

— В колледже у меня была подруга, у которой выскочил вот такой же «прыщик». Он кровоточил, потом подсыхал, вроде бы заживал, снова темнел и кровоточил вновь. В конце концов, она пошла к врачу, специалисту, которых мы называем дерматологами, и он сказал, что это ангиома. Сосудистая опухоль. Сделал ей укол новокаина и вырезал ее скальпелем. Похвалил мою подругу за то, что она вовремя пришла к нему, потому с каждым днем эта опухоль прорастала бы все глубже. И в итоге могла добраться и до неба, и до носовых пазух.

Роланд молчал, ожидая продолжения. Термин, который она использовала, сосудистая опухоль, отдавался в голове. Он подумал о том, что такая опухоль не помешала бы Алому Королю. Да и Мордреду тоже.

— У нас нет новокаина, — заговорила Детта Уокер, — и я это знаю. Но, если придет время, и я скажу тебе, что надо, ты возьмешь нож и вырежешь этот гребаный, отвратительный прыщ с моего лица. И тебе придется сделать это быстро. Ты меня понимаешь? Тебе ясно, о чем я?

— Да. А теперь ложись. Отдохни.

Она легла. А пятью минутами позже, когда вроде бы заснула, Детта Уокер открыла глаза и сердито

(«Я слежу за тобой, белый мальчик»)

глянула на него. Роланд ей кивнул, и она вновь закрыла глаза. Через минуту или две они опять открылись. На этот раз на него смотрела Сюзанна, и глаза, закрывшись еще раз, более уже не открывались.

Он пообещал разбудить Сюзанну в полночь, но дал поспать на два часа больше, зная, что в тепле костра ее тело действительно отдыхает, по крайней мере, в эту ночь. А когда его прекрасные новые часы показали час ночи, он почувствовал, что наблюдение с них снято. Мордред проиграл схватку со сном в самое темное время ночи, как и бесчисленное количество детей до него. И где бы ни находилась его комната, этот нежеланный,

одиноким ребенок уснул, подоткнув жалкое, грязное пальто и положив голову на руки.

«И подрагивают ли его губы, все еще в запекшейся крови сэя Вдумчивого, когда ему снится сосок, за который он ухватывался лишь однажды, молоко, которого он так и не попробовал!»

Роланд этого не знал. Да и не хотел знать. Его радовало, что он бодрствует в тишине ночи, изредка подкладывая доски в костер, который пылал уже не так ярко. «Он скоро потухнет», — думал Роланд. Дерево, конечно, было не столь древнее, как то, из которого построили городские дома, но все равно очень старое, твердостью практически не уступавшее камню.

Завтра им предстояло увидеть деревья. Впервые после Кальи Брин Стерджис, если не считать тех, что росли под искусственным солнцем Алгул Съенто или в мире Стивена Кинга. Роланда это радовало. А пока темнота окружила их со всех сторон. Вне круга света, отбрасываемого умирающим костром, стонал ветер, поднимал волосы Роланда с висков и приносил с собой слабый, сладкий запах снега. Роланд закинул голову и долго смотрел, как стрелки звездных часов движутся в небесах.

Глава 4. Шкуры

1

Без костра им пришлось провести три ночи, а не две или одну. Последняя стала самыми долгими, самыми ужасными двенадцатью часами жизни Сюзанны. «Эта ночь хуже той, когда умер Эдди? — в какой-то момент спросила она себя. — Ты действительно говоришь, что она хуже той ночи, что ты провела, лежа без сна, в одной из комнат общежития, зная, что теперь все твои ночи будут такими? Хуже той ночи, когда ты омывала его лицо, руки и ноги? Омывая их, прежде чем предать земле?»

Да. Эта была хуже. Она ненавидела себя за такую вот градацию, никогда бы никому в этом не призналась, но постоянный холод привел к тому, что эта ночь стала самой худшей в ее жизни. Она возненавидела любой, даже самый легкий порыв ветра, долетающего с заснеженных земель с юга и востока. Было ужасно и унижительно осознавать, как легко физический дискомфорт мог стать определяющей доминантой, мог распространяться, как отравляющий газ, до тех пор, пока не заполнял собой все пространство, пока не вытеснил все остальное. Горе? Боль утраты? Все это исчезало бесследно, если ты чувствовала, что холод на марше, продвигается от пальцев рук и ног, ползет от гребаного носа, и куда? К мозгу, если тебе так уж хочется это знать. И к сердцу. И когда ты во власти такого вот холода, горе и боль утраты становятся всего лишь словами. Нет, даже не словами. Звуками. И совершенно бессмысленными, если ты сидишь, дрожа всем телом под звездами, дожидаясь утра, которое, похоже, не наступит никогда.

И еще больше удручало осознание того, что потенциальные костры — вот они, рядом, вокруг, потому что они уже добрались до живых земель, которые Роланд назвал заснеженными. То была чередá пологих, заросших травой склонов (большая часть травы уже побелела и засохла) и неглубоких долин, в которых росли рощицы деревьев, где речушки затянуло льдом. Раньше, при дневном свете, Роланд показал ей несколько дыр во льду, пояснил, что их оставил олень. Указал Роланд и на несколько кучек помета. При дневном свете все это вызывало интерес, даже надежду. Но в нескончаемой ночной тьме, под устойчивый перестук собственных зубов, относительная близость дичи ничего не значила. Эдди ничего не

значил. Как и Джейк. Темная Башня ничего не значила, как и воспоминания о костре, который они разожгли на окраине города у замка. Она могла вспомнить, как выглядел этот костер, но ощущение тепла, от которого на теле выступала пленочка пота, забылось напрочь. Как человек, который умер на секунду-другую и на эти мгновения увидел ослепительную жизнь после жизни, она могла только сказать, что это было божественно.

Роланд сидел, обнимая ее, иногда с его губ срывался сухой, жесткий кашель. Сюзанна подумала, что он, возможно, заболевает, но и эта мысль не вызвала никаких эмоций. Холод забил собой все.

Однажды, незадолго до того, как заря наконец-то осветила небо на востоке, она увидела впереди странные танцующие огни, за той чертой, где начинался устойчивый снежный покров. Спросила Роланда, знает ли он, что это за огни. Нет, они нисколько ее не интересовали, но, слушая собственный голос, она получала подтверждение того, что не умерла. Пока, во всяком случае, не умерла.

— Я думаю, это гобы.

— К-к-кто о-они? — от холода она начала и заикаться.

— Не знаю, как тебе это объяснить, — ответил он. — Да и нужды в этом нет. Со временем ты их увидишь. А вот если ты сейчас прислушаешься, то услышишь кое-что более близкое и интересное.

Поначалу она слышала только посвист ветра, но, когда он стих, ее уши уловили сухое потрескивание травы. Кто-то по ней шел. Затем что-то захрустело: копыто продавило корочку льда, чтобы олень мог добраться до воды. Она также поняла, что через три-четыре дня будет ходить в куртке, сшитой из шкуры животного, которое сейчас пило воду, но никак на это отреагировала. Время теряет смысл, когда ты сидишь без сна в темноте, и холод не отпускает тебя ни на секунду.

Неужто и раньше она когда-либо считала, что замерзла? Смех, да и только.

— А что ты скажешь насчет Мордредра? — спросила она. — Как думаешь, он тоже где-то здесь?

— Да.

— И он чувствует холод так же, как мы?

— Не знаю.

— Я этого больше не выдержу, Роланд... просто не могу.

— И не надо. Скоро займется заря, и я думаю, что еще до темноты мы разведем костер, — он откашлялся в кулак, потом обнял ее. — Ты почувствуешь себя лучше, как только мы пойдем дальше. А пока, мы, по крайней мере, вместе.

Мордред замерзал точно так же, как и они, и никто не составлял ему компанию.

Он находился достаточно близко, чтобы слышать их: не сами слова, но голоса. Его неудержимо трясло, и в какой-то момент он сунул в рот пучок сухой травы: боялся, что Роланд, с его острым слухом, уловит стук его зубов. Бушлат железнодорожника не мог помочь: Мордред выбросил его после того, как бушлат рассыпался на клочья, которые он не мог собрать воедино. Из города у замка он вышел, кутая руки в рукава, но и они продержались недолго, начав рассыпаться с локтей. Так что из одежды у него остались только сапоги, да и лишь потому, что он сумел сплести из длинных травинок какое-то подобие веревки и привязал их к своим ногам.

Он подумал о том, чтобы трансформироваться в паука, зная, в этом обличье холод будет донимать его меньше, но всю его короткую жизнь над ним висел дамоклов меч голода, и он полагал, что какая-то его часть будет всегда бояться этого самого голода, сколько бы еды ни было под рукой. А Боги знали, что в этот самый момент еды было не так уж и много: три отрубленные руки, четыре ноги, две частично съеденные и часть торса, вот и все. Если бы он трансформировался, паук сожрал бы все это до рассвета. И хотя здесь была дичь, он слышал оленя так же ясно, как и его Белый папуля, Мордред не знал, сумеет ли он подманить оленя к себе или догнать его.

Поэтому он сидел, дрожа всем телом и прислушиваясь к звукам их голосов, пока голоса не смолкли. Возможно, они заснули. Возможно, он сам чуть задремал. И только одно удерживало его, не позволяло развернуться на сто восемьдесят градусов и уйти: ненависть к ним. А ненавидел он их за то, что они были вместе, а он — один. И никого у него не было.

«Мордред голоден, — с тоской подумал он. — Мордреду холодно. И у Мордредра никого нет. Мордред один-одинешенек».

Он засунул кулак в рот, засунул глубоко, всасывая идущее от него тепло. В крови чувствовался вкус жизни Рэндо Вдумчивого... но как ее было мало! Как быстро она ушла! А потом не осталось ничего, кроме собственного, бесполезного вкуса.

В темноте Мордред заплакал.

Через четыре часа после рассвета, под белым небом, обещавшим то ли дождь, то ли снег (может, и то, и другое) Сюзанна, дрожа, лежала за свалившимся деревом, глядя вниз, в одну из неглубоких долин. «Ты услышишь Ыша, — сказал ей стрелок. — И ты услышишь меня. Я сделаю все, что смогу, но я буду гнать их перед собой, так что стрелять удобнее будет тебе. Постарайся, чтобы каждый выстрел попадал в цель».

Что еще мешало жить, так это непреходящее ощущение, что Мордред где-то совсем рядом, и может попытаться застать ее врасплох, наброситься сзади. Она то и дело оглядывалась, но они выбрали относительно открытый участок, так что она видела за спиной только траву, за исключением одного раза, когда мимо пробежал большой кролик, с волочащимися по земле ушами.

Наконец, она услышала пронзительный лай Ыша из-за рощи деревьев, что росли слева от нее. А чуть позже раздались крики Роланда: «Эй, вы! Эй, вы! А ну, шевелитесь! Шевелитесь, говорю я вам! Не останавливайтесь! Никому не останавлива...» — слово оборвалось кашлем. Не нравился ей этот кашель. Нет, совершенно не нравился.

Теперь она видела движение среди деревьев, и призвала Детту Уокер, что случалось считанные разы после того, как Роланд заставил ее признать, что в ее разуме прячется еще одна личность.

«Ты мне нужна. Если хочешь снова согреться, убери дрожь из моих рук, чтобы я смогла попасть в цель».

И ее перестало трясти. Так что, когда стадо оленей выбежало из деревьев, немаленькое стадо, как минимум восемнадцать оленей и молодых оленей, ведомых самцом с великолепными рогами, ее руки уже не дрожали. В правой она сжимала револьвер Роланда с рукояткой из сандалового дерева.

Наконец, появился Ыш, преследуя отстающую олениху-мутанта, бегущую, и достаточно грациозно, на четырех ногах разной длины, тогда как пятая, бескостная, болталась под животом, словно вымя. Последним из рощи появился Роланд, который уже и не бежал, теперь не бежал, скорее, шел быстрым шагом, его шатало из стороны в сторону. Но Сюзанну занимал не Роланд, а олень, которого она и взяла на мушку, когда тот пересекал контролируемый ею сектор обстрела.

— Сюда, — прошептала Сюзанна. — Поверни направо, сладенький, давай посмотрим, как ты это сделаешь. Каммала-кам-кам.

И хотя причин на то не было, олень чуть изменил направление движения и повел стадо прямо на Сюзанну. Холодная расчетливость охватила ее, чему она только обрадовалась. Зрение обострилось до предела,

она видела, как ходят мышцы под шкурой оленя, заметила белый полукруг белка, когда он закатил глаза, старый шрам на передней ноге ближайшей к оленю самки, который так и не зарос шерстью. Ей так хотелось, чтобы сейчас рядом с ней лежали Эдди и Джейк, испытывая те же ощущения, что испытывала она, видя то, что видела она, но эти мысли ушли так же быстро, как и появились.

«Я убиваю не оружием; та, кто убивает оружием, забыла лицо своего отца».

— Я убиваю сердцем, — пробормотала Сюзанна и начала стрелять.

Первая пуля попала самцу в голову, и он рухнул на левый бок. Другие продолжали бежать. Олениха прыгнула через самца и вторая пуля Сюзанны настигла ее в полете, так что приземлялась она уже мертвой, сломав при падении ногу, потеряв всю грациозность.

Она услышала три выстрела Роланда, но даже не посмотрела, куда попали его пули; у нее была своя работа, и она хотела сделать ее хорошо. Каждый из четырех оставшихся в цилиндре патронов уложил по оленю, и только один еще подрыгал ногами, лежа на земле. Ей даже не пришла в голову мысль о том, что она продемонстрировала потрясающую точность, учитывая, что стреляла из револьвера. В конце, концов, она была стрелком, а что должен уметь делать стрелок, как ни стрелять?

Кроме того, утро выдалось безветренным.

Половина стада лежало на траве долины, оставшиеся в живых олени, за исключением одного, взяли левее, помчались к речушке. И вскоре исчезли в ивах. Последний, олень-одногодок, бежал прямо на нее. Сюзанна и не попыталась перезарядить револьвер, хотя под рукой, на лоскуте шкуры, лежала горка патронов. Вместо этого потянулась к одной из орис, пальцы автоматически сомкнулись на секторе с тупой кромкой.

— Риса! — крикнула Сюзанна и бросила тарелку. Она полетела над сухой травой, чуть поднимаясь, издавая такой странный посвистывающий стон. Попала оленю в шею. Капли крови веером разлетелись в разные стороны, черные на фоне белого неба. Мясницкий тесак не смог бы так аккуратно снести оленю голову. С мгновение он бежал вперед, кровь фонтаном била из шеи, куда ее гнали последние удары еще бьющегося сердца. А потом свалился на подогнувшиеся передние ноги, в десяти ярдах от дерева, за которым она лежала, окрасив сухую желтую траву в ярко-алый цвет.

Мучения прошлой ночи забылись. Онемение ушло из кистей и стоп. Сюзанна более не горевала, не испытывала чувства утраты, страха. Стала той женщиной, какой сделала ее ка. Смесь запахов сгоревшего пороха и

оленьей крови отдавала горечью; и при этом не было в мире более сладкого запаха.

Выпрямившись на култышках, Сюзанна вскинула руки к небу, держа в правой револьвер Роланда, прекратившись в букву V. Потом закричала. Слов в ее крике не было, не могло быть. Момент величайшего триумфа словами не выразить.

4

Роланд настоял на том, чтобы они сытно позавтракали, и ее протесты, что холодная тушенка не лезет в горло, не произвели на него ни малейшего впечатления. Но к двум часам пополудни, согласно его изысканным карманным часам, когда падавшие с неба редкие капли дождя превратились в устойчивый ледяной душ, она только порадовалась его предусмотрительности. Никогда в жизни ей не приходилось выполнять такой объем физической работы, а ведь день еще не закончился. Роланд трудился рядом, ни в чем ей не уступая, несмотря на усиливающийся кашель. У нее нашлась возможность (во время короткого перерыва на ленч, когда они подкрепились безумно вкусными, поджаренными на костре стейками из оленины) подумать, какой же он необычный, какой удивительный. Столько времени они провели вместе, столько пережили, и все равно она не могла понять, что он за человек. Слишком многое оставалось ей неизвестно. Она видела, как он смеялся и плакал, убивал и танцевал, спал и сидел на корточках со спущенными штанами, с задом, зависшим над, как он говорил, бревном облегчения. Она никогда не спала с ним, как женщина спит с мужчиной, но думала, что за исключением этого видела его во всех ситуациях, и однако... слишком много оставалось в нем неизвестного.

— Твой кашель все больше и больше напоминает мне воспаление легких, — сказала Сюзанна вскоре после того, как начался дождь. Они как раз занимались тем, что Роланд называл авен-кар: перетаскивали убитых и готовились превратить их во что-то еще.

— Пусть это тебя не тревожит, — успокоил ее Роланд. — У меня есть все необходимое для лечения.

— Ты говоришь правильно? — в голосе Сюзанны слышалось сомнение.

— Ага. Вот они, я их никогда не теряю, — он сунул руку в карман и показал ей пузырек с таблетками аспирина. Она подумала, на лице его

отразилось благоговение, и почему нет? Возможно, эти таблетки, которые он называл астин, спасли ему жизнь. Астин и чифлет^[107].

Они погрузили свою добычу на роскошное такси Толстяка Хо и повезли к речушке. Чтобы перевезти все туши, потребовались три ездки. После того, как они свалили их в большую кучу, Роланд осторожно положил сверху голову оленя-одногодка, откуда она и уставилась на них своими затуманенными глазами.

— Зачем она тебе понадобилась? — спросила Сюзанна, с намеком на интонации Детты в голосе.

— Нам потребуются все мозги, которые у нас есть, — Роланд сухо кашлянул в кулак. — Это грязный способ сделать то, что нам нужно, но быстрый и дает результат.

5

После того, как они складировали туши убитых животных на берегу затянутой льдом речушки («По крайней мере, нам не нужно волноваться из-за мух», — сказал Роланд), стрелок начал собирать сушняк. Сюзанне, конечно, хотелось погреться у костра, но то ужасное состояние, которое охватило ее прошлой ночью, исчезло, и, пусть на время, она не испытывала такого уж жуткого холода. Попыталась вспомнить глубину своего отчаяния, когда холод, казалось, проникал ей в кости, превращая их в стекло, и не могла. Потому что тело умеет забывать самое худшее, предположила она, а без содействия тела в мозгу остаются только воспоминания, напоминающие выцветшие фотографии.

Но, прежде чем начать сбор сушняка, Роланд обследовал берег реки и вытащил камень. Протянул его Сюзанне, и она провела пальцем по его молочной, сглаженной водой поверхности.

— Кварц? — спросила она, но уже поняла, что это не кварц. Не совсем кварц.

— Я не знаю этого слова, Сюзанна. Мы называем его керт. Из него изготавливают инструменты, примитивные, но полезные: топоры, ножи, кинжалы, скребки. Нам нужны именно скребки. И, как минимум, один молоток.

— Я понимаю, что мы будем скрести, но зачем нам понадобится молоток?

— Я тебе покажу, но сначала составь мне компанию, — Роланд опустил на колени, взял одну из холодных рук Сюзанны в свою. Вместе

они смотрели на голову оленя-одногодка.

— Мы благодарим тебя за то, что мы теперь сможем получить, — обратился Роланд к голове, и по телу Сюзанны пробежала дрожь. Именно с этих слов ее отец начинал молитву перед едой, когда за столом собиралась вся семья.

«Наша семья распалась», — подумала она, но ничего не сказала; прошлого не вернуть. Произнесла слова, которым ее научили еще маленькой девочкой: «Отец, мы благодарим тебя».

— Направляй наши руки и направляй наши сердца, когда мы отделяем жизнь от смерти, — сказал Роланд. Потом выразительно посмотрел на Сюзанну, вскинув брови, молча попросил продолжить, если у нее было, что сказать.

И Сюзанна продолжила.

— Отче наш сущий на небесах! Да святится имя твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; И не введи нас в искушение, но избавь нас от дурного; Твое есть Царство и сила и слава во веки.

— Это прекрасная молитва, — вырвалось у Роланда.

— Да, — согласилась она. — Я не уверена, что произнесла ее правильно... прошло много времени... но все равно, лучшей молитвы нет. А теперь давай займемся нашими делами, пока я еще чувствую свои руки.

— Аминь, — сказал Роланд.

Роланд взял отрубленную голову оленя-одногодка (маленькие олени рога послужили ручками и облегчили задачу) и поставил перед собой. Потом взмахнул зажатым в кулак куском кварца и ударил по черепу. Раздался приглушенный хруст, и у Сюзанны дернулся желудок. Роланд ухватился за рога и потянул в разные стороны, левый — влево, правый — вправо. Когда Сюзанна увидела, как разбитый череп «ездит» под шкурой, желудок не просто дернулся, а сделал попытку подняться к горлу.

Роланд нанес еще два удара, с хирургической точностью. Потом воспользовался ножом, чтобы по кругу отрезать шкуру на верхней части головы, которая снялась, как шапочка, обнажив разбитый череп. Роланд сунул лезвие ножа в самую широкую трещину и, надавив на рукоятку, превратил нож в рычаг. Когда череп развалился, обнажив мозг оленя,

Роланд осторожно достал его, отложил в сторону, посмотрел на Сюзанну.

— Нам потребуются мозги всех убитых нами оленей, вот почему нам нужен молоток.

— Ой, — у нее перехватило дыхание. — Мозги.

— Из них мы сделаем дубильную жижу. Но керт можно использовать и для другого. Смотри, — он показал ей, как бить два камня друг о друга, пока один или оба не разрушатся на большие, ровные, а не бесформенные куски. Сюзана знала, что так разрушается метаморфическая порода, но сланцы и подобные ему минералы из-за низкой прочности не годились для изготовления хороших инструментов. А вот этот минерал был очень прочным.

— Когда у тебя будут откалываться куски достаточно широкие с одной стороны, чтобы можно было ухватить их рукой, и с острой кромкой — с другой, откладывай их в сторону, — наставлял Сюзанну Роланд. — Это и будут наши скребки. Будь у нас время, мы бы снабдили их рукоятками, но времени нет. Так что к ночи руки у нас будут болеть.

— Как ты думаешь, сколько времени уйдет на изготовление скребков?

— Немного, — ответил Роланд. — Керт раскалывается, как нужно, так я, во всяком случае, слышал.

И пока Роланд притаскивал сушняк в рощу, где вперемешку росли ива и ольха, Сюзанна внимательно осматривала берег, отыскивая керт. К тому времени, когда она собрала с десятков больших камней, ей на глаза попался и торчащий из земли гранитный валун, выглаженный дождем, солнцем и ветром поверхность которого могла послужить идеальной наковальней.

Керт действительно раскалывался, как надо, и она успела заготовить уже тридцать потенциальных скребков, когда Роланд в третий раз привез целую повозку сушняка. Приготовил растопку, которую Сюзанна прикрывала руками от начавшегося мелкого дождя. И хотя расположились они под достаточно густой листвой, Сюзанна подумала, что очень скоро они промокнут до нитки.

Когда огонь разгорелся, Роланд отошел на несколько шагов, вновь опустился на колени и сложил руки перед грудью.

— Опять молишься? — с улыбкой спросила Сюзанна.

— То, чему научился в детстве, остается на всю жизнь, — ответил он. На несколько мгновений закрыл глаза, поднес сложенные руки ко рту, поцеловал их. Что-то сказал, но она разобрала только одно слово: Ган. Открыл глаза, поднял руки, развел их, взмахнул, словно птица — крыльями. Заговорил уже сухо, деловито, мол, лирика закончилась. — «Что ж, все очень хорошо. Принимаемся за работу».

Они сплели веревки из травы, точно так же, как и Мордред, и подвесили первого оленя, уже безголового, за верхние ноги к нижней ветви ивы. Ножом Роланд вспорол шкуру на животе, полез внутрь, пощуровал там, вытащил два красных органа, с которых капала кровь. Сюзанна подумала, что это почки.

— Средство от температуры и кашля, — пояснил Роланд и впился зубами в одну из почек, словно в яблоко. В горле Сюзанны что-то булькнуло, она отвернулась и смотрела на реку, пока он не закончил трапезу. Потом вновь посмотрела на него. Роланд надрезал шкуру на подвешенных к дереву ногах, рядом с тем местом, где они соединялись с туловищем.

— Тебе лучше? — неуверенно спросила она.

— Будет, — ответил Роланд. — А теперь помоги мне снять шкуру с этого молодца. Первая нам потребуется с мехом. Мы сделаем из нее котел для нашей жижи. Теперь смотри.

Он подсунул пальцы под шкуру, там, где она крепилась к телу тонким слоем жира и мышц, и потянул. Шкура легко оторвалась на половине туловища.

— Теперь ты, Сюзанна, со своей стороны.

Оказалось, что самое трудное — подсунуть пальцы под шкуру. На этот раз они потянули вместе, и когда спустили шкуру до передних ног, она отдаленно напомнила рубашку. Ножом Роланд срезал шкуру, а потом начал рыть яму в земле, в некотором отдалении от ревущего костра, но под защитой деревьев. Она помогала ему, наслаждаясь потом, который выступал на лице и теле. Когда они вырыли некое подобие котла, диаметром в два фута и глубиной в восемнадцать дюймов, Роланд застелил яму шкурой.

Всю вторую половину дня они по очереди свеживали восемь остальных убитых ими оленей. Сделать это следовало как можно быстрее, потому что, если бы подкожный жир и мышцы засохли, снимать шкуры стало бы куда тяжелее, да и времени на это ушло бы больше. Стрелок не забывал поддерживать костер и время от времени, вытаскивал из него угли. Когда они остывали и уже не могли прожечь шкуру, скидывал их в «котел». К пяти часам у Сюзанны отчаянно ныли и руки, и спина, но она продолжала работать. Роланд же перемазал в саже лицо, руки, шею.

— Ты выглядишь как какой-нибудь парень в менестрельском шоу, — в

какой-то момент сказала она. — Растус Кун.

— Это еще кто?

— Никто, шут у белых, — ответила она. — Ты думаешь, Мордред где-то рядом, наблюдает, как мы работаем? — весь день она тревожно оглядывалась по сторонам.

— Нет, — Роланд оторвался от работы, чтобы передохнуть. Отбросил волосы со лба, добавив еще одно черное пятно, заставив ее вспомнить кающихся на Пепельную среду. — Думаю, он ушел на свою охоту.

— Мордред голоден, — кивнула она. Потом добавила. — Ты можешь прикоснуться к его разуму, не так ли? Во всяком случае, знать, здесь он или ушел.

Роланд на мгновение задумался, потом ответил: «Я же его отец».

8

К наступлению темноты рядом с ними лежала груда оленьих шкур и куча освеженных, безголовых туш, которые в более теплую погоду привлекли бы полчища мух. Они вновь до отвала наелись поджаренными на костре стейками из оленины, бесподобными на вкус, и Сюзанна опять подумала о Мордред, который затаился где-то в темноте, ужиная сырым мясом. У него могли быть спички, но и ума ему хватало: если бы они увидели в темноте другой костер, то обязательно помчались бы туда. К Мордреду. А потом — бах-бах-бах, и прощай, Мальчик-Паук. К собственному удивлению, она вдруг поняла, что сочувствует ему, и строго наказала себе остерегаться этого чувства. Конечно же, он не испытывал ни малейшего сочувствия ни к ней, ни к Роланду, убил бы безо всякой жалости, появись у него такая возможность.

Когда они поели, Роланд вытер о рубашку жирные пальцы.

— Вкусно, однако.

— Ты говоришь правильно.

— Теперь давай вытащим мозги. А потом ляжем спать.

— По одному? — спросила Сюзанна.

— Да... насколько мне известно, мозг выдается по одному в одни руки.

Она так удивилась, услышав фразу Эдди

(по одному в одни руки)

из уст Роланда, что не сразу поняла, что стрелок пошутил. Отпустил не слишком удачную, но bona fide шутку. Потом ей удалось выдать из

себя символический смешок.

— Очень забавно, Роланд. Ты знаешь, о чем я. — Роланд кивнул.

— Мы будем спать по одному и нести вахту. Я думаю, так будет лучше.

Время и практика сделали свое дело: она видела слишком много вываливающихся внутренностей, чтобы ее вытошнило от нескольких мозгов. Они разбивали головы, использовали лезвие, уже затупившееся, чтобы разваливать черепа и вынимали мозги. Осторожно откладывали в сторону, как большие серые яйца. К тому времени, когда последний мозг покинул оленью голову, пальцы Сюзанны так болели и раздулись, что она едва могла их согнуть.

— Ложись, — сказал Роланд. — Спи. Первым подежурю я. Сюзанна спорить не стала. Знала, что на полный желудок да в тепле костра сон придет быстро. Она также знала, что, проснувшись утром, почувствует, что болят и ноют все мышцы, и даже сесть ей удастся с трудом. Но в тот момент такая перспектива ее несколько не волновала. Ощущение удовлетворенности наполняло ее. По большей части, от съеденной горячей пищи, но немалую лепту внесла и уверенность в том, что она неплохо поработала в этот день. Она чувствовала, что теперь они не плывут по течению, но сами определяют свою дорогу.

«Господи, — подумала Сюзанна, — судя по всему, в моем солидном возрасте я становлюсь республиканкой».

Пришла в голову и другая мысль: как же тихо вокруг. Никаких звуков, кроме посвиста ветра, шороха ледяного дождя (он начал ослабевать) да потрескивания благословенного костра.

— Роланд?

Сидевший у костра стрелок посмотрел на нее, вопросительно вскинув брови.

— Ты перестал кашлять.

Он улыбнулся и кивнул. Улыбку эту она унесла с собой в сон, но приснился ей Эдди.

В лагере у реки они провели три дня, и за это время об изготовлении одежды из шкур Сюзанна узнала больше, чем могла себе представить (и намного больше, чем хотела бы знать).

Поиски по берегу реки, а пройти пришлось с добрую милю в каждом

направлении, позволили найти пару бревен, по одному на каждого. Пока они искали бревна, шкуры отмокали в кожаном котле, наполненном темным супом из золы и воды. Бревна они поставили под углом к стволам двух ив (близко, чтобы они могли работать бок о бок), и с помощью скребков из керта начали обдирать мех. На это ушел день. Закончив этот этап выделки, они вылили содержимое «котла», перевернули шкуру и наполнили «котел» новым супом, уже из воды и мозгов. С таким способом обработки шкур в холодную погоду она столкнулась впервые. В дубильной жиже шкуры они оставили на ночь, и пока Сюзанна готовила нити из хрящей и сухожилий, Роланд вновь заточил нож, а потом с его помощью наготовил с полдюжины иголок из костей. Когда он с этим покончил, руки кровоточили от десятков мелких порезов. Он намазал руки «грязью из древесной воды с золой, и так и улегся спать, казалось, надев на руки в большие и неровно связанные серо-черные перчатки. Когда утром он помыл руки в ручье, Сюзанна, к своему удивлению, увидела, что все порезы практически зажили. Она попыталась намазать этой „зольной грязью“ свою незаживающую язву под нижней губой, но кожа начало так сильно щипать, что она поспешно смыла „грязь“.

— Я хочу, чтобы ты вырезал эту чертову хреновину, — сказала она.

Роланд покачал головой.

— Мы дадим ей еще немного времени, чтобы она зажила сама по себе.

— Почему?

— Резать язвы — плохая идея. Прибегать к этому можно только в случае крайней необходимости. Особенно здесь, как говорил Джейк, «в диких местах».

Она с ним согласилась, но неприятные образы лезли ей в голову, когда она легла у костра: прыщ, который уже стал язвой, все увеличивался в размерах, дюйм за дюймом захватывая ее лицо, превращая всю голову в черную, с потрескавшейся корочкой, кровоточащую опухоль. В темноте образы эти обретали дополнительную убедительность, но, к счастью, она слишком устала, чтобы долго бороться со сном.

На их второй день в, как окрестила его Сюзанна, Шкурном лагере, Роланд построил обрешетку над новым костром, низким и едва теплящимся. Шкуры они высушивали дымом по две, а потом откладывали в сторону. Запах готового продукта был на удивление приятным. «Пахнет, как кожа», — подумала она, поднеся одну из шкур к лицу, и тут же рассмеялась. Именно кожу она и держала в руках.

Третий день они провели за «шитьем», и вот тут Сюзанна наконец-то превзошла стрелка. Роланд шил широкими стежками, толку от которых

было немного. Сюзанна полагала, что жилетки и штаны, сшитые им, продержались бы месяц, максимум, два, а потом начали бы расползаться. У нее получалось гораздо лучше. Шить ее обучили мать и бабушки. Поначалу она нашла костяные иголки Роланда крайне неудобными, а потом оторвалась от шитья на какое-то время, чтобы сделать для большого и указательного пальцев правой руки «наперстки» из кожи, закрепив их нитками. После этого дело у нее пошло гораздо быстрее, и во второй половине «дня шитья», ближе к вечеру, она уже брала сшитую Роландом одежду и перекрывала его стежки своими, более мелкими и ровными. Она думала, что он будет возражать, мужчины — они гордые, но он не сказал ни слова и, похоже, поступил правильно. Потому что ответила бы ему, скорее всего, Детта, и отнюдь не вежливо.

К тому времени, когда пришла их третья ночь в Шкурном лагере, каждый уже обзавелся жилеткой, леггенсами и пальто. Плюс парой рукавиц. Больших, вызывающих смех, но согревающих руки. Если уж говорить о руках, то Сюзанна вновь едва могла согнуть пальцы. Она с сомнением посмотрела на оставшиеся шкуры и спросила Роланда, проведут ли они здесь еще один день.

Роланд обдумал ее вопрос, потом покачал головой.

— Мы погрузим те, что остались на роскошное такси Толстяка Хо, вместе с мясом и кусками льда из реки, которые обеспечат его сохранность.

— От такси пользы не будет, так только нам придется идти по снегу, не так ли?

— Не будет, — признал он, — но к тому времени оставшиеся шкуры превратятся в одежду, а мясо мы съедим.

— Ты просто не можешь задерживаться здесь дольше, в этом причина, не так ли? Ты слышишь зов. Зов Башни.

Роланд смотрел в огонь и молчал. Все и так было ясно.

— А что мы будем делать с нашим снаряжением, когда придем в белые земли?

— Соорудим волокушу. А дичи будет много.

Она кивнула и начала укладываться спать. Но он взял ее за плечи и развернул лицом к костру. Наклонился к ней, и на мгновение Сюзанна подумала, что он собрался поцеловать ее, пожелав тем самым спокойной ночи. Но вместо этого Роланд всмотрелся в покрытую корочкой болячку под нижней губой.

— Ну? — наконец, спросила она. Могла бы сказать больше, но не хотела, чтобы он услышал дрожь в ее голосе.

— Я думаю, она чуть уменьшилась. Как только мы окончательно

покинем Плохие Земли, она, возможно, заживет сама по себе.

— Ты действительно так говоришь? — Стрелок тут же покачал головой.

— Я говорю, возможно. А теперь ложись, Сюзанна. Отдохни.

— Хорошо, но на этот раз не давай мне спать так долго. Я тоже хочу нести вахту.

— Хорошо. А теперь ложись.

Она легла и заснула еще до того, как у нее закрылись глаза.

10

Она в Центральном парке и день такой холодный, что она видит свое дыхание. Небо над головой белое, от горизонта до горизонта, снежное небо, но ей не холодно. Нет, не холодно в новом пальто из оленьих шкур, леггенсах, жилетке и смешных таких рукавицах. Что-то надето и на голову, натянуто на уши, отчего им так же тепло, как и всему телу. Из любопытства она снимает шапку и видит, что та не из оленьей шкуры, как остальная одежда, а вязаная, красно-зеленая. И на ней надпись «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА».

Она смотрит на шапку, как громом пораженная. Можно испытать *deja vu* во сне? Вероятно, да. Она оглядывается и видит Эдди и Джейка, которые ей улыбаются. Они стоят с непокрытыми головами, и она понимает, что у нее в руках соединившиеся в одну шапочки, которые они носили в другом сне. Ее переполняет невероятное ощущение радости, словно она только что решила вроде бы неразрешимую задачу: определила квадратуру круга или нашла Абсолютное первичное число (вот тебе, Блейн, пусть оно взорвет тебе мозги, ты, свихнувшийся поезд).

На Эдди надета фуфайка с надписью «Я ПЬЮ НОЗЗ-А-ЛА».

На Джейке — другая, с надписью «Я ЕЗЖУ НА „ТАКУРО СПИРИТ“».

Оба держат в руках по кружке с горячим шоколадом, со сливками поверху, присыпанными мускатным орехом.

— Что это за мир? — спрашивает она их и вдруг слышит, как рядом кто-то поет «Что это за дитя?»

— Ты должна позволить ему идти дальше одному, — говорит Эдди.

— Да, и ты должна остерегаться Дандело, — добавляет Джейк.

— Я не понимаю, — Сюзанна указывает на вязаную шапочку. — Разве это не ваша шапочка? Разве вы не носите ее одну на двоих?

— Она может стать твоей, если ты этого хочешь, — отвечает Эдди и

протягивает ей кружку с горячим шоколадом. — Вот, я принес тебе горячего шоколада.

— Больше никаких близнецов, — говорит Джейк. — Шапка одна, или ты этого не видишь?

Прежде чем она успевает ответить, прямо из воздуха звучит чей-то голос и сон начинает исчезать.

— ДЕВЯТНАДЦАТЬ, — говорит ГОЛОС. — Это ДЕВЯТНАДЦАТЬ, это ЧЕЗЗЕТ.

С каждым словом мир становится все более нереальным. Она видит сквозь Эдди и Джейка. Такой приятный запах горячего шоколада слабеет, ему на смену приходит запах пепла

(среда)

и кожи. Она видит, как шевелятся губы Эдди, думает, что он произносит чье-то имя, а потом

11

— Пора вставать, Сюзанна, — услышала она голос Роланда. — Твоя вахта.

Она села, огляделась. Костер горел не так ярко.

— Я слышал, как он двигался где-то там, но это было достаточно давно, — добавил Роланд. — Сюзанна, ты в порядке? Тебе что-то приснилось?

— Да, — кивнула она. — В этом сне была только одна шапка, и ее носила я.

— Я тебя не понимаю.

Она и сама себя не понимала. Сон уже растаял, как все сны. Одно она знала наверняка: имя, которое слетело с губ Эдди, до того, как он сам исчез. Патрик Дэнвилл, вот что он успел сказать.

Глава 5. Джо Коллинз с Одд'с-лейн

1

Через три недели после сна о шапке три фигуры (две большие, одна маленькая) появились из леса, что рос на возвышенности, и начали медленно спускаться по широкому полю к лесам на равнине. Одна из больших фигур тянула за собой вторую на какой-то штуковине, которая больше напоминала сани, чем волокушу.

Ыш бегал взад-вперед между Роландом и Сюзанной, словно нес постоянную вахту. Его шерсть стала еще гуще и лоснилась от холодной погоды и оленятины. Территория, по которой они сейчас шли, в более теплые сезоны превращалась в луг, но сейчас землю укрывали пять футов снега. Тянуть за собой сани-волокушу определенно стало легче, поскольку теперь они наконец-то спускались. Роланд уже решился надеяться, что худшее позади. И вообще, поход по Белым Землям особых сложностей им не создал, во всяком случае, пока. Дичи хватало, дров тоже, так что каждую ночь они жгли костер, и те четыре раза, когда поднималась пурга, они просто оставались на месте и ждали, когда же она утихнет, измотав себя в борьбе с заросшими лесом хребтами на юго-востоке. Так всякий раз и случалось, хотя самая сильная пурга бушевала два полных дня, и когда они вновь двинулись по Тропе Луча, выяснилось, что толщина снежного покрова увеличилась на три фута. На открытых местах, где воющий ветер с северо-востока расходился в полную силу, появились сугробы, напоминавшие океанские волны. И некоторые из них накрывали высокие сосны чуть ли не до вершины.

После их первого дня в Белых Землях, когда Роланд изо всех сил старался тянуть Сюзанну за собой (а высота снежного покрова не превышала там одного фута), она поняла, что у них уйдут многие месяцы на переход через эти заросшие лесом хребты, если Роланд не обзаведется парой снегоступов. Поэтому в первый же вечер принялась за их изготовление. Действовать пришлось методом проб и ошибок («Методом тыка», — как сказала Сюзанна), но стрелок объявил, что третий вариант оказался удачным. Каркас они сделали из ветвей березы, среднюю часть — из сплетенных полосок оленьей кожи. Роланду они напоминали слезинки.

— Откуда ты узнала, как их сделать? — спросил он после первого дня

использования снегоступов. Увеличение скорости продвижения оказалось разительным, особенно после того, как она научилась чуть скользить при ходьбе, благодаря чему снег не налипал на наружной поверхности.

— Телевидение, — объяснила Сюзанна. — Их показывали в сериале «Сержант Престон с Юкона», который я смотрела в детстве. Компанию сержанту составлял не ушастик-путаник, а его верный пес, Кинг. В общем, я закрыла глаза и попыталась вспомнить, как выглядели снегоступы того парня, — тут она указала на снегоступы Роланда. — Вроде бы такими, как эти. Я сделала все, что могла.

— У тебя получилось здорово, — и от искренности, которая прозвучала в этом простом комплименте, по коже Сюзанны побежали мурашки. Ей особо и не хотелось, чтобы Роланд (или какой-либо другой мужчина) вызывал у нее такие чувства, но так уж вышло. Она задалась вопросом, природа это или воспитание, и не смогла понять, хочется ли ей знать ответ.

— Они тебе послужат, если, конечно, не развалятся, — именно такая участь постигла первые варианты снегоступов.

— Я не чувствую, что полоски кожи разбалтываются. Немного растягиваются, но не более того.

И теперь, когда они пересекали широкое поле или луг, на ногах Роланда была та самая третья пара снегоступов, вот почему Сюзанна позволяла Роланду тянуть ее на санях, не испытывая чувства вины, поскольку внесла свою лепту, оказала посильную помощь. Время от времени она думала о Мордредде, а однажды ночью, дней через десять после того, как они пересекли границу сплошного снежного покрова, спросила у Роланда, что ему известно. Побудили ее к этому слова стрелка, что в эту ночь им нет нужды нести вахту и оба могут поспать десять часов, и сон, понятное дело, пойдет им только на пользу. А при необходимости их разбудит Ыш.

После вопроса Сюзанны Роланд вздохнул и не меньше минуты смотрел в костер, обхватив колени ладонями и сцепив пальцы. Сюзанна уже решила, что ответа не будет, когда стрелок сказал: «Он по-прежнему следует за нами, только отстает все больше и больше. Пытается найти еду, пытается догнать нас, но больше всего пытается согреться.

— Согреться? — Сюзанна не верила своим ушам. Деревьев-то вокруг хватало.

— У него нет спичек и нет «Стерно». Я уверен, что в одну ночь, давно уже, он вышел к нашему костру, нашел под золой горящие угли и несколько дней смог нести их с собой, чтобы по вечерам разжигать костер. Точно

также несли с собой огонь древние жители пещер. Так мне, во всяком случае, говорили.

Сюзанна кивнула. Примерно то же самое ей рассказывали в школе о жизни людей Каменного века, хотя учитель и признал, что эта информация — не точные факты, а научная догадка. Она задалась вопросом, а сколь многое из рассказанного Роландом тоже догадка, и спросила его об этом.

— Это не догадка, но я не могу объяснить, откуда я это знаю. Если это прикосновения, Сюзанна, то не такие, как у Джейка. Я этого не вижу, не слышу, мне это не снится. Хотя... ты веришь, что иногда мы видим сны, которые не можем вспомнить, когда просыпаемся?

— Да, — она подумала, а не рассказать ли ему о быстром движении глаз, об экспериментах с БДГ, о которых читала в журнале «Лук», но решила, что это сложно. Ограничилась словами о том, что, по ее убеждению, люди каждую ночь видят сны, которые не могут вспомнить.

— Может, я вижу и слышу его в этих снах, — пожал плечами Роланд. — Но я знаю, что он пытается следовать за нами. Ему так мало известно об этом мире, и то, что он до сих пор жив, просто чудо.

— Ты его жалеешь?

— Нет. Не могу позволить себе жалость, как не можешь и ты.

Но при этом он отвел глаза, и она подумала, что он лжет. Может, он не хотел жалеть Мордред, но, Сюзанна в этом не сомневалась, жалел, пусть и немного. Может, ему хотелось надеяться, что Мордред на тропе, а вероятность того была очень велика, и прежде всего, от переохлаждения, но Сюзанна не думала, что Роланд способен на такое. Они могли уйти от ка, но она полагала, что кровь по-прежнему — не вода, и свой своему поневоле брат.

Однако, было и что-то еще, более мощное, чем кровные узы. Она это знала, потому что теперь тоже чувствовала Зов, и когда бодрствовала, и когда спала. Зов Темной Башни. Она думала, что они уже совсем близко. Понятия не имела, что они будут делать с ее безумных хранителем, когда, и если, доберутся туда, но вдруг осознала, что ее это и не волнует. В настоящий момент Сюзанна хотела одного — увидеть Темную Башню. Войти в нее... нет, такого она и представить себе не могла, но увидеть? Да, вот это она себе представляла прекрасно. И думала, что большего ей и не нужно.

Они медленно спускались по широкому белому склону. Ёш спешил к Роланду, чтобы тут же метнуться назад, проверить, все ли в порядке с Сюзанной, а потом вновь догонял Роланда. Ярко-синие дыры иногда возникали над ними. Роланд знал, что дыры эти — работа Луча, который постоянно тянул облачный покров на юго-восток. А в остальном небо от горизонта до горизонта затянуло белым, оно прижималось к земле, и оба знали, что все это значит. Их ждала очередная пурга, и стрелок подозревал, что она будет самой сильной из тех, что им уже довелось пережить. Ветер набирал силу и влаги, висящей в воздухе, хватало для того, что онемели открытые участки кожи. Впрочем, после трех недель пути, а на вечерних привалах они часто брали в руки иголки, открытыми оставались только лоб да кончик носа. Порывы ветра поднимали длинные шлейфы снега. Шлейфы эти мчались мимо них вниз по склону, словно фантастические, трансформирующиеся на ходу балетные танцоры.

— Они прекрасны, не так ли? — спросила Сюзанна, с волокуши, в голосе слышались мечтательные интонации.

Роланд из Гилеада, не ценитель красоты (за исключением одного случая, в Меджисе), что-то пробурчал. Он знал, что он сочтет прекрасным для себя: надежное укрытие к тому моменту, как их настигнет снежная буря, что-нибудь существеннее, чем роцца деревьев. Вот он и не поверил своим глазам, когда ветер вдруг стих и поднятый снег осел. Опустил кожаную буксирную ленту, переступил через нее, вернулся к Сюзанне (их снаряжение лежало у нее за спиной), опустился рядом с ней на колени. Укрытый с макушки до стоп в шкуры, он очень уж напоминал снежного человека.

— Как, по-твоему, что это? — спросил он ее.

Ветер поднялся вновь, еще больше усилился, поначалу скрыл то, что он успел увидеть. Когда же стих, над ними открылось синее окно, на какое-то время выглянуло солнце, расцветив склон миллионами бриллиантовых искорок. Сюзанна прикрыла глаза рукой, посмотрела вдаль. Увидела вырезанную в снегу, обращенную к ней перекладной, букву Т. Перекладную, относительно короткую, возможно, по двести футов в каждую сторону, отделяли от них как минимум две мили. А вот подпорка, длинная часть буквы Т, тянулась до горизонта и исчезала за ним.

— Это дороги! — воскликнула она. — Кто-то проложил в снегу пару дорог, Роланд.

Он кивнул.

— Я тоже так подумал, но хотел услышать твое мнение. И я вижу кое-что еще.

— Что? У тебя глаза острее моих, и намного.

— Когда подойдем поближе, ты все увидишь сама.

Он попытался встать, но Сюзанна нетерпеливо дернула его за рукав.

— Не надо играть со мной в эти игры. Что еще ты там увидел?

— Крыши, — сдался Роланд. — Я думаю, там внизу дома. Может, даже городок.

— Люди? Ты говоришь про людей?

— Ну, дымок поднимается только над одним домом. Хотя с уверенностью говорить трудно, небо очень уж белое.

Она не знала, хотелось ей встретиться с людьми или нет. Такие встречи обычно только все усложняли.

— Роланд, нам надо быть осторожными.

— Да, — согласился он и направился к буксирной ленте. Прежде чем поднять ее со снега, поправил пояс-патронташ, чтобы кобура оказалась поближе к левой руке.

Час спустя они подошли к пересечению улицы и дороги. Его формировал сугроб, высотой в добрые одиннадцать футов, в создании которого не обошлось без использования техники. Сюзанна увидела на спрессованном снегу следы, очень уж похожие на гусеницы бульдозера. Из сугроба торчал металлический столб. А указатель на его вершине ничем не отличался от уличных указателей, которые она видела во многих городах, в том числе и на перекрестках Нью-Йорка. Этот указатель сообщал о том, что улица, перекладина буквы Т, называется

А вот когда Сюзанна прочитала название уходящей за горизонт дороги, сердце у нее учащенно забилося:

ТАУЭР-РОУД

Только в одном из домов, что сгрудились у Т-образного перекрестка, теплилась жизнь. Остальные стояли пустыми, у многих крыши рухнули под тяжестью снега. И этот дом, по левую руку от дороги, его отделяли от перекрестка примерно три четверти расчищенного участка Одд'с-лейн, явно выделялся среди соседних. С крыши регулярно счищали снег, так что оставшийся не грозил ее обрушением, от крыльца к расчищенной части улицы вела утоптанная дорожка. И из трубы этого скособоченного, обсаженного деверьями дома поднимался дымок, прозрачно-белый дымок. Одно окно светилось масляно-желтым цветом, но именно дымок приковал к себе взгляд Сюзанны. По ее разумению, последний штрих. И вопрос в голове вертелся только один: кто откроет дверь, когда они постучатся? Ганс или его сестра Гретель? (они были близнецами? Кто-нибудь когда-нибудь пытался с этим определиться?) А может, Красная Шапочка или

Златовласка, со следами съеденной овсяной каши на подбородке?

— Может, нам лучше пройти мимо? — спросила она, осознавая, что перешла на шепот, хотя они находились на вершине сугроба, созданного бульдозером или грейдером. — Помашем ручкой и все дела, — она махнула рукой в сторону указателя с надписью «Тауэр-роуд». — Дорога перед нами, Роланд... может, сразу и пойдём?

— А если мы и пойдём, как думаешь, Мордред сразу последует за нами? — спросил Роланд. — Ты думаешь, он пройдет мимо этого дома и оставит в покое тех, кто там живет?

Мысль эта просто не приходила ей в голову, но ответ на вопрос Роланда она могла дать только отрицательный. Если Мордред решит, что может убить тех или того, кто жил в доме, он это сделает. Ради еды, если обитатели дома окажутся съедобными, но еда не будет основной причиной. В лесах, которые они миновали, дичи хватало, и даже если Мордред не мог сам поймать свой ужин (а Сюзанна полагала, что в обличье паука ему это вполне по силам), в своих лагерях они оставляли немало еды. Нет, из лесов он выйдет сытым... но злым. Очень злым. И горе тому, кто попадется ему на пути.

«С другой стороны», — подумала она... да только не было другой стороны, и думать об этом более не имело смысла. Открылась входная дверь дома, на крыльцо вышел старик. В сапогах, джинсах и толстой куртке с отделанным мехом капюшоном. Сюзанне показалось, что именно такие куртки продавались, среди прочего, в магазине военного обмундирования в Гринвич-Виллидж.

Щеки у старика были розовые, на морозе такие и должны быть у здорового человека, но он сильно хромал, опираясь на крепкую палку в левой руке. Из-за покосившегося домика с вьющимся над трубой дымком донеслось громкое лошадиное ржание.

— Конечно, Липпи, я их вижу! — закричал старик, повернувшись на ржание. — Один-то хороший глаз у меня остался, не так ли? — после чего вновь посмотрел туда, где на сугробе стоял Роланд, с Сюзанной по одну руку и Ёшем по другую. Вскинул палку, приветствуя их, весело и без страха. Роланд в ответ поднял руку.

— Похоже, нам придется посоветоваться, хотим мы этого или нет.

— Я знаю, — кивнула Сюзанна, потом обратилась к ушастику-путанику. — Ёш, веди себя прилично, ты меня слышишь?

Ёш посмотрел на нее, потом на старика, не произнеся ни звука. Похоже, он сам решил определяться с тем, что прилично, а что — нет.

Нога у старика была очень плоха («Совсем никакая», — сказал бы

папа Моуз Карвер), но он на удивление хорошо управлялся с палкой, бочком-бочком продвигаясь к тому месту, где стояли стрелки. Эта подпрыгивающая походка вызвала у Сюзанны и улыбку, и восхищение. «Шустрый, как сверчок», — еще одна из присказок папы Моуза, в полной мере характеризовала старика. И уж конечно, Сюзанна не чувствовала, что от этого седовласого старика (его длинные, мягкие, как у младенца, волосы падали на плечи куртки), который хромал к ним на одной ноге, исходит хоть какая-то опасность. Когда он приблизился, она увидела, что один глаз побелел от катаракты. И зрачок, который едва просматривался, смотрел куда-то влево. Зато второй глаз с живым интересом разглядывал пришельцев, и интерес этот только нарастал по мере того, как сокращалось расстояние, отделявшее их от обитателя Одд'с-лейн.

Лошадь вновь заржала, и старик взмахнул палкой, вскинул ее к белому, низкому небу.

— Заткнись, ты, мешок с сеном, ты, фабрика дерьма, ты, старая карга, или ты никогда не видела людей? Ты что, родилась в хлеву, хе-хе? А если не родилась, то я — синеглазый бабуин, каких не бывает!

Роланд искренне рассмеялся, и остатки настороженности Сюзанны испарились. Лошадь вновь заржала, из лачуги, которая находилась за домом, назвать ее хлевом или сараем просто не поворачивался язык, и старик снова взмахнул палкой, на этот раз едва не упав. Его неуклюжие, но быстрые прыжки уже позволили ему покрыть половину расстояния, отделявшего дом от того места, где на сугробе стояли стрелки. Однако, он удержался на здоровой ноге, с силой воткнув палку в снег, а потом радостно помахал им свободной рукой.

— Хайл, стрелки! — прокричал старик. Легкие и голосовые связки, похоже, функционировали отлично. — Стрелки, идущие к Темной Башне, вот кто вы, вот кем вы должны быть, ибо разве я не вижу большие железные «пушки» с желтыми рукоятками? И Луч поправляется, снова станет красивым и сильным, ибо я это чувствую, и Липпи тоже! С самого Рождества стала шустрой, как жеребчик, или с того дня, которое я зову Рождеством, потому что здесь нет ни календарей, ни Санта-Клауса. Его я и не жду, потому что разве я был хорошим мальчиком? Никогда! Никогда! Хорошие мальчики отправляются на небеса, а все мои друзья совсем в другом месте, едят маршмэллоу и пьют «Ноззи», сдобренную виски, в гостинной дьявола! Вы уж извините, язык у меня крепится посередине, а оба конца болтаются без усталости! Хайл одному, и хайл другой, и хайл маленькому, в меховой шубке, малышу, что между вами. Ушастик-путаник, чтоб мне жить и дышать! Вы, как приятно мне вас видеть! Коллинз меня

зовут, Джо Коллинз, с Одд'с-лейн, я и сам довольно-таки странный, одноглазый я и хромой, но во всем остальном я к вашим услугам!

Он уже дошел до того места, где заканчивалась Тауэр-роуд... или начиналась, в зависимости от того, как посмотреть и в какую сторону идти, предположила Сюзанна. И смотрел на них снизу вверх, один глаз блеснул, как птичий, а второй незряче уставился в белизну сугроба.

— Долгих дней и приятных ночей, да, так говорю я, и любой, кто скажет иначе, так их здесь все равно нет, поэтому кому какое дело, что они там скажут? — из кармана он достал то, что могло выглядеть только карамелькой, и бросил вверх. Ёш без труда поймал ее на лету: «Ам!» — и карамельки, как ни бывало.

Роланд и Сюзанна рассмеялись. Они уже отвыкли смеяться, но смех определенно доставил им удовольствие, словно они нашли некую ценную вещицу, пребывая в полной уверенности, что потеряли ее навсегда. Даже Ёш и тот улыбнулся, а если лошадь и тревожила его (она вновь заржала, когда они посмотрели на сэя Коллинза, стоящего под их сугробом), он не подавал виду.

— У меня к вам миллион вопросов, — продолжил Коллинз, — но я начну с одного: каким образом вы собираетесь спуститься с этого сугроба?

4

Пример показала Сюзанна, которая съехала вниз, используя волокушу, как санки. Она выбрала место, где северо-западный конец Одд'с-лейн исчезал под снегом, а потом склон был не таким крутым. Спуск оказался коротким, но не гладким. Миновав три четверти пути, она наткнулась на валун, прикрытый корочкой снега, вывалилась из волокуши, и добралась до расчищенной дороги после пары неуклюжих кувырков, захлебываясь от смеха. Волокуша перевернулась, перевернулась вверх дном, вы понимаете, и все их снаряжение разлетелось во все стороны, от забора до обеда.

Роланд и Ёш спустились следом. Роланд сразу же наклонился над ней, определенно тревожась, Ёш озабоченно обнюхал ее лицо, а Сюзанна все продолжала смеяться. Как и старикан. Папа Моуз сказал бы, что смех у него «такой же веселый, как лента на шляпе моего папаши».

— Я в порядке, Роланд, в детстве, катаясь с горок, так падала, что мало не покажется, будь уверен.

— Хорошо то, что хорошо кончается, — согласился Джо Коллинз. Посмотрел на Сюзанну здоровым глазом, чтобы убедиться, что она

действительно в порядке, потом начал собирать их рассыпавшиеся вещи, наклоняясь через палку, седые волосы падали на розовое лицо.

— Нет, нет, — Роланд протянул руку, чтобы остановить его. — Я все сделаю сам, а не то ты шлепнешься на свои тиддли.

Старик захохотал, и Роланд присоединился к нему. Из-за дома опять донеслось громкое ржание, словно лошадь возмущало все это веселье.

— «Шлепнешься на свои тиддли!» Да, это хорошая шутка. Я понятия не имею, что такое тиддли, и однако, шутка хороша! Это точно! — он принялся стряхивать снег с пальто Сюзанны, сшитого из оленьих шкур, тогда как Роланд быстро собрал рассыпавшиеся вещи и сложил на волокушу. Ёш помогал, принесся несколько завернутых в шкуру кусков мяса и укладывая их в задней части волокуши.

— До чего умен этот маленький зверек! — восхищенно воскликнул Джо Коллинз.

— Он у нас настоящий путешественник и надежный друг, — согласилась Сюзанна. Теперь она радовалась тому, что они сделали остановку на Одд'с-лейн. Ни на что бы не променяла знакомство с этим добродушным стариком. Протянула правую руку в неказистой рукавице — Я — Сюзанна Дин из Нью-Йорка. Дочь Дэна.

Он взял ее руку, пожал. Сам он был без перчаток, и хотя пальцы скрючило артритом, хватка осталась крепкой.

— Из Нью-Йорка, говоришь! Что ж, когда-то я там жил. А так же в Акроне, Омахе, Сан-Франциско. Сын Генри и Флоры, если тебе это важно.

— Так вы с американской стороны, — спросила Сюзанна.

— Да, Господи, да, только как давно это было, — ответил он. — Вы, наверное, скажете, делах, — его здоровый глаз блеснул, а незрячий продолжал безо всякого интереса разглядывать снежные просторы. — А кем можете быть вы, друг мой? Я называю вас своим другом, как назвал бы любого, пока тот не доказал бы, что он мне не друг, а в этом случае я познакомил бы его с Бесси, такое имя я дал своей палке.

Роланд улыбался во весь рот. Ничего не мог с собой поделаться, подумала Сюзанна.

— Роланд Дискейн из Гилеада. Сын Стивена.

— Гилеад! Гилеад! — от изумления здоровый глаз Коллинза округлился. — Это же название из прошлого, не так ли? Из тех, что встречаются в книгах. Святой Петр, да вы, должно быть, старше самого Бога.

— Некоторые могут сказать, что да, — согласился Роланд, продолжая улыбаться, может, не столь широко... но тепло.

— А этот маленький дружок? — старик наклонился. Из кармана достал еще две карамельки, одну красную, вторую — зеленую. Рождественские цвета, подумала Сюзанна, вновь испытал *deja vu*. Чувство это промелькнуло и исчезло. — Как тебя зовут. Маленький дружок? Что они кричат, если хотят, чтобы ты вернулся домой?

— Он больше...

«...не говорит, хотя раньше и говорил», — вот что хотела сказать Сюзанна, но, прежде чем успела закончить фразу, ушастик-путаник ответил старику: «Ыш». Ответил ясно и отчетливо, как и в те времена, когда с ними был Джейк.

— Хороший малыш! — похвалил его Коллинз и бросил карамельки в пасть Ыша. А потом вновь протянул узловатую руку. Ыш поднял ей навстречу лапу. Они обменялись рукопожатием, хорошо встретившись неподалеку от пересечения Одд'с-лейн и Тауэр-роуд.

— Будь я проклят, — выдохнул Роланд.

— Так в конце концов мы все будем, я полагаю, с Лучом или без Луча, — прокомментировал Джо Коллинз, отпуская лапу Ыша. — Но не сегодня. А сейчас я скажу, что мы все должны пойти туда, где тепло, и мы сможем посоветоваться за чашечкой кофе, он у меня есть, все так, или за котелком эля. Я могу даже угостить вас яичным коктейлем, если кто хочет. Он очень даже ничего, особенно с капелькой рома, но кто знает? Я уже лет пять, а то и больше не чувствую ни вкуса, ни запаха. Воздух Дискордии что-то сделал с моими вкусовыми сосочками и носом. Так что скажете? — вновь его здоровый глаз блеснул.

— Я скажу, что звучит очень даже неплохо, — ответила Сюзанна. И редко ее голос звучал так искренне.

Старик по-дружески хлопнул ее по плечу.

— Хорошая женщина — что бесценная жемчужина! Не знаю, Шекспир это, или Библия, или комбинация... Слушай, Липпи, ну что случилось с твоими глазами? Куда, по-твоему, мы направлялись? Или тебе не терпелось познакомиться с нашими гостями, да?

Он уже не говорил, а ворковал, как обычно случается с людьми, которые долгое время живут в одиночестве, не считая одного или двух домашних животных. Его лошадь неуверенно подошла к ним, и Коллинз обнял ее за шею, похлопал с любовью, но Сюзанна подумала, что за всю жизнь никогда не видела более уродливого четвероногого. При виде этого существа часть хорошего настроения сразу же улетучилась. Липпи была слепа, не на один глаз, а на оба, и худа, худа, как жердь. При ходьбе кости болтались взад-вперед под покрытой коростой шкурой, и Сюзанна даже

подумала, что какая-нибудь из них вылезет наружу. На мгновение ей вспомнился черный коридор под замком Дискордия, хлюпающие звуки, которые издавала преследующая их тварь и кости. Все эти кости.

Эти мысли, должно быть, отразились на ее лице и не укрылись от Коллинза. Так что заговорил он, чуть ли не оправдываясь: «Она, конечно, старая и уродливая, я знаю, но, когда вы доживете до ее лет, я сомневаюсь, что будете блистать на многих конкурсах красоты! — Он вновь похлопал лошадь по худой и шелудивой шее, затем схватил за редкую гриву, словно хотел вырвать остатки волос (хотя Липпи не показала, что ей больно) и развернул ее, чтобы она оказалась головой к дому. Как только он это сделал, с неба упали первые снежинки надвигающейся пурги.

— Пошли, Липпи, ты, старая говнапалата, пожирательница сена, чучело ходящее, четвероногая прокаженная. Разве ты не чуешь снег в воздухе? Потому что я чую, а мой нос уже давным-давно отправился на юга!

Он повернулся к Роланду и Сюзанне.

— Я надеюсь, вы хотя бы частично одобрите мое кулинарное мастерство, очень надеюсь, потому что, думаю, пуржить будет дня три. Ага, пройдет минимум три дня, прежде чем вновь покажется Демоническая луна! Но мы хорошо встретились, и я готов под этим подписаться, по праву и по крови! Вам просто не нужно судить о моем гостеприимстве по истощенности моей лошади! Вот так!

«Надеюсь, что так», — подумала Сюзанна, и по ее телу пробежала дрожь. Старик уже отвернулся, но Роланд в недоумении посмотрел на нее. Она улыбнулась и покачала головой, как бы говоря: «Это ерунда», — и, разумеется, так оно и было. Она не собиралась признаваться стрелку, что от одного вида несчастной животины с катарактами на глазах и торчащими сквозь кожу ребрами, у нее бежал мороз по коже. Роланд никогда не называл ее глупой гусыней, и, видит Бог, она не собиралась давать ему повод, а потому...

Словно подслушав ее мысли, животина обернулась и продемонстрировала Сюзанне несколько оставшихся зубов. Глаза Липпи напоминали две обрамленные гноем затычки, торчащие из головы над ее печальной улыбкой. Она заржала, будто говорила Сюзанне: «Думай, что хочешь, галка; я еще долго буду здесь и после того, как ты уйдешь своей дорогой и умрешь своей смертью». В этот самый момент порыв ветра бросил им в лицо снег, загудел в кронах хвойных деревьев, ветви которыхгнулись под тяжестью уже лежащего на них снега, завыл под карнизами маленького дома Коллинза. Затем начал стихать, на мгновение вновь

набрал силу, издав короткий, тоскливый крик, почти что человеческий.

Половину лачуги за домом занимал курятник, вторую — стояло Липпи, а чердак служил сеновалом.

— Мне под силу залезть наверх самому и сбросить сено вниз, — сказал Коллинз, — но каждый раз на это у меня уходит полжизни, спасибо сломанному бедру. Конечно, я не могу заставить вас помочь старику, мистер Дискейн, но, если бы вы?...

Роланд по приставной лестнице забрался на чердак и сбрасывал вниз сено, пока Коллинз не сказал, что достаточно, сена хватит Липпи даже на четыре дня пурги («Потому что ест она не так уж и много, что хорошо по ней видно»). Когда Роланд спустился вниз, Коллинз короткой дорожкой повел их к двери кухни. С обеих сторон дорожки сугробы высотой достигали головы Роланда.

— Будь во всем скромн, и тому подобное, — с этими словами Джо пригласил их на кухню. Приглядевшись, Сюзанна увидела, что деревянные панели стен на самом деле пластик. Но главным достоинством кухни было тепло. Электрическая плита называлась «Росско», такого бренда Сюзанна не слышала. Посмотрев на холодильник марки «Амана», Сюзанна обратила внимание на маленькую нишу на передней панели, над ручкой. Приглядевшись, заметила надпись «ВОЛШЕБНЫЙ ЛЕД».

— Эта штукавина делает ледяные кубики? — обрадовавшись, спросила она.

— Не, не совсем. Ледяные кубики делает морозильник, красавица. А вот это устройство на передней панели бросает их в стакан.

Почему-то объяснение Джо показалось ей забавным, и она рассмеялась. Посмотрела вниз, увидела, что Ыш смотрит на нее с привычной улыбкой, отчего смех ее только усилился. Отбросив все прочее, запахи кухни, сахара, специй и так далее, без исключения приятные, вызывали самые теплые воспоминания.

Роланд посмотрел на флуоресцентные лампы, и Коллинз кивнул.

— Да, да, у меня все электрическое. И камин с горячим воздухом, разве не здорово? Опять же, никто не присылает мне счет! Гении в сарае с другой стороны дома. Это «хонда», и он такой же тихий, как воскресное утро. Даже когда стоишь на крыше сарая, не слышно ничего, кроме «м-м-м-м-м-м». Запинающийся Билл меняет баллоны с пропаном и проводит

техническое обслуживание, когда это необходимо, и за то время, что я здесь, такое случилось два раза. Нет, Джо лгун, он скоро умрет. Три раза, вот сколько. Три раза за то время, что я здесь.

— Кто такой Запинающийся Билл? — спросила Сюзанна, и ее вопрос прозвучал одновременно с вопросом Роланда: «Как давно ты здесь?»

Джо Коллинз рассмеялся.

— Давайте по одному, мои добрые новые друзья, давайте по одному, — он отставил палку, попытался снять куртку, перенес вес на больную ногу, зарычал, едва не упал. Упал бы, если б Роланд его не поддержал.

— Спасибо, спасибо, спасибо, — поблагодарил Джо. Хотя скажу вам, что это была бы не первая встреча моего носа с этим лернолиумом! Но, раз уж вы спасли меня от падения, на ваш вопрос я отвечу первым. Я попал сюда, Странный Джо с Одд'с-лейн, примерно семнадцать лет тому назад. И причина, по которой я не могу дать более точный ответ, в том, что здесь время ведет себя чертовски странно, если вы знаете, о чем я говорю.

— Мы знаем, — кивнула Сюзанна. — Можете мне поверить, знаем.

Коллинз уже освобождался от свитера, под которым находился еще один. Поначалу-то Сюзанне показалось, что старик толстый, а теперь он вдруг лишился большей части своего жира. Она поняла, что за жир принимала одежду. Коллинз, конечно, не был таким же тощим, как его лошадь, но и уж толстым его никто бы не назвал.

— Теперь Запинающийся Билл, — продолжил старик, снимая второй свитер. — Он — робот. Прибирается по дому, так же, как и обеспечивает работу генератора... и, разумеется, именно он расчищает дорогу. Когда я впервые появился здесь, он запинался на каждом втором или третьем слове. Что я буду делать, когда он окончательно сломается, ума не приложу, — впрочем, Сюзанне показалось, что такая перспектива нисколько его не пугает.

— Может, он выправится, раз уж Лучу теперь ничего не угрожает.

— Возможно, он протянет чуть дольше, но я чертовски сомневаюсь, что он выправится, — покачал головой Джо. — Машины не излечиваются, как живые существа, — он оставался уже в одной теплой нижней рубашке, и на том стриптиз закончился. Сюзанну это только порадовало. Ей хватило вида тощих боков лошади с выпирающими ребрами. И она не хотела смотреть еще и на ребра хозяина.

— Снимайте ваши пальто и леггинсы, — предложил Джо. — Через минуту-другую я приготовлю вам яичный коктейль или что-нибудь еще, по вашему выбору, но сначала хочу показать гостиную. Это моя гордость, да-

да.

На полу гостиной лежал ковер, сплетенный из лоскутов, который бы неплохо смотрелся в доме бабушки Холмс, а рядом со столом стояло раскладное кресло, изготовленное компанией «Лей-зи-бой чэр». На столе лежали журналы, книги в обложке, очки, стояла коричневая бутылочка с Бог знает каким лекарством. Был и телевизор, хотя Сюзанна и представить себе не могла, какие же программы смотрит старина Джо (Эдди и Джейк, конечно же, сразу узнали бы видеомэгафон, который стоял на полке под телевизором). Но что сразу привлекло внимание Сюзанны, да и Роланда тоже, так это фотография на одной из стен.

Она висела, чуть скособочась, и столь небрежное отношение к ней Сюзанна восприняла, как святотатство.

Потому что на фотографии запечатлели Темную Башню.

У Сюзанны перехватило дыхание. Она добралась до нее, не чувствуя узлов и утолщений ковра под ладонями, потом вскинула руки.

— Роланд, подними меня!

Он поднял, и Сюзанна увидела, что лицо у него смертельно бледное, за исключением двух ярко-красных кругов, которые горели на запавших щеках. Глаза Роланда сверкали. Башня стояла на фоне темнеющего неба, заходящее солнце окрашивало лежащие за ней холмы в оранжевый свет, окна-щели поднимались по бесконечной спирали. Из некоторых окон вырывался тусклый, загадочный свет. Она видела балконы, выступающие из темных стен через каждые два или три этажа, квадратные двери, которые вели на них, все закрытые. И запертые, она в этом не сомневалась. Перед Башней расстилалось поле роз, Кан'-Ка Ноу Рей, лежащее в тени, но все равно прекрасное. Большинство роз уже закрылись, приготовившись к встрече с ночью, но некоторые еще поглядывали на окружающий мир, словно сонные глаза.

— Джо! — голос Сюзанны громкостью чуть превосходил шепот. Она боялась, что вот-вот лишится чувств, ей казалось, что она слышит поющие голоса, тихие, едва доносящиеся до ее ушей. — Ох, Джо! Эта фотография...

— Да, мэм, — его определенно радовала ее реакция. — Хороший снимок, не так ли? Вот почему я и повесил его на стену. У меня есть и другие, но этот лучший. Сделан на закате, и тени словно тянутся вдоль

Тропы Луча. В определенном смысле так оно и есть, о чем вы, я уверен, знаете.

У ее правого уха слышалось быстрое, натужное дыхание Роланда, словно он только что пробежал немалую дистанцию, но Сюзанна этого и не замечала. Потому что не только запечатленная на фотографии Башня наполнила ее благоговейным трепетом.

— Это же «Полароид»^[108]!

— Ну... да, — Джо явно не понимал, чем вызвано ее волнение. — Полагаю, Запинающийся Билли принес бы мне и «Кодак», если бы я его попросил, но как бы мне удалось проявить пленку? А когда я подумал о видеокамере, вон то устройство под телевизором позволяет показывать отснятые пленки, я был слишком стар, чтобы сходить туда вновь, а моя кобыла стала слишком стара, чтобы везти меня. И все-таки я бы пошел, если бы смог, потому что это чудесное место, где живут призраки с добрыми сердцами. Я слышал поющие голоса давно ушедших друзей, отца и матери. Я...

Роланд застыл. Сюзанна почувствовала, как окаменели его мышцы. А потом отвернулся от фотографии так быстро, что у Сюзанны закружилась голова.

— Ты там был? — спросил он. — Ты побывал у Темной Башни?

— Действительно, побывал, — кивнул старик. — А кто еще мог сделать эту фотографию? Ансель гребаный Адаме?

— И когда ты ее сделал?

— В мою последнюю поездку туда. Два года тому назад, летом... хотя это низкие земли, вы, должно быть, знаете, и если снег когда-нибудь там выпадает, я его не видел.

— Как далеко отсюда?

Джо закрыл незрячий глаз, занялся подсчетами. Много времени на это у него не ушло, но Роланду и Сюзанне показалось, что он считает долго, очень долго. Снаружи завывал ветер. Старая лошадь заржала, словно возмущаясь этим воем. За стеклом в морозных узорах начал танцевать и кружиться падающий снег.

— Ну, идти вам теперь вниз по склону, а Запинающийся Билл чистит дорогу до самого конца; что еще делать этой старой железяке со своим временем? Конечно, вам придется подождать здесь, пока уляжется этот северо-восточный ветер...

— Сколько времени займет у нас сам путь? — спросил Роланд.

— Не терпится попасть туда, не так ли? Ага, просто не терпится, и почему нет, Внутренний мир вы, должно быть, покинули много лет тому

назад, чтобы забраться так далеко. Даже не хочется думать, как много, вот я и не думаю. Я могу сказать, что у вас уйдет шесть дней, чтобы дойти до края Белых Земель, может семь...

— Вы называете эти земли Эмпатикой? — спросила Сюзанна.

Он моргнул, в недоумении посмотрел на нее.

— Да нет же, мэ... никогда не слышал, чтобы эту часть сотворенного мира называли иначе, чем Белыми землями.

Недоумение было фальшивым. Сюзанна в этом практически не сомневалась. Старый Джо Коллинз, веселый, как Санта-Клаус на детском утреннике, только что ей солгал. Она не понимала почему, но, прежде чем успела развить тему, Роланд поставил на ее планах крест.

— Может, не будем сейчас об этом? Утомись, ради твоего отца.

— Да, Роланд, — кратко ответила она. — Разумеется. Роланд вновь повернулся к Джо, по-прежнему с Сюзанной на руках.

— Полагаю, у вас может уйти и девять дней, — Джо почесал подбородок, — потому что дорога бывает скользкой, особенно после того, как Билл прикатает снег, но вы не сможете заставить его остановиться. Он выполняет приказ. Свою программу, как он говорит, — старик увидел, что Роланд хочет что-то сказать, и предупреждающе поднял руку. — Нет, нет, я не ухажу в сторону, чтобы досадить вам, чер, сэр, сэй или что там вы предпочитаете, просто не привык к компании.

Как только снег останется позади, вам придется идти еще десять или двенадцать дней, но идти на своих двоих вовсе не обязательно, если, конечно, вы не будете на этом настаивать. Там есть еще один из ангаров «Позитроникс», в котором стоят колесные транспортные средства. Они похожи на тележки для гольфа, да, похожи. Аккумуляторы, конечно, сели, это естественно, разряжены полностью, но в ангаре есть гений, изготовленный «Хондой», как и мой, и он работал, когда я побывал там в последний раз, потому что Билл старается поддерживать всю вверенную ему технику в рабочем состоянии. Если вы сможете зарядить аккумуляторы одной из тележек, пожалуй, вам удастся добраться до Башни за какие-то четыре дня. Вот что я думаю: если вам придется идти всю дорогу, вы доберетесь до Башни за девятнадцать дней. Если сможете последний участок пути проехать на жужжалке, так я их называю, жужжалками, за звук, который они издают на ходу, то, я бы сказал, уложите в десять. Может, в одиннадцать.

В комнате повисла тишина. Взвыл ветер, бросая снег в стену дома, и вновь Сюзанна отметила, что вой этот очень напомнил человеческий крик. Несомненно, из-за формы карнизов.

— Меньше трех недель, даже если нам придется идти, — Роланд наклонился к полароидной фотографии темной каменной башни, на фоне закатного неба, но не прикоснулся к ней. Словно, подумала Сюзанна, боялся прикоснуться. — После стольких лет и стольких миль.

«Не говоря уже о галлонах пролитой крови», — добавила про себя Сюзанна, но не произнесла бы эти слова, даже если бы они были вдвоем. А чего произносить, он не хуже ее знал, сколь много пролилось крови. Но что-то здесь не складывалось. Что-то не складывалось или было не так. А стрелок, похоже, совершенно этого не чувствовал.

Сочувствие — уважение чувств другого. Эмпатия — умение разделить эти чувства. Так почему люди могут назвать какую-либо страну Эмпатикой?

И почему этот милый старикан солгал насчет названия?

— Ответь на мой вопрос, Джо Коллинз, — обратился к старику Роланд.

— Да, стрелок, отвечу, если смогу.

— Ты подходил к самой Башне? Прикоснулся рукой к ее каменной стене?

Старик сначала посмотрел на Роланда, чтобы убедиться, не подкальывает ли тот его. Когда понял, что об этом нет и речи, даже отпрянул.

— Нет, — впервые, пожалуй, Сюзанна услышала в его голосе чисто американские интонации. — Я сделал эту фотографию с самого близкого расстояния, на которое решился подойти. С границы поля роз. Где-то с двухсот, двухсот пятидесяти ярдов. Как сказал бы робот, с пятисот оборотов колеса.

Роланд кивнул.

— И почему не подошел?

— Потому что подумал, что она сможет меня убить, если я подойду ближе, а мне не удастся остановиться. Голоса притянут меня к ней. Так я подумал тогда, так думаю и теперь, даже сегодня.

После обеда, для Сюзанны точно самого лучшего с того дня, как ее «выдернули» в другой мир, а возможно, самого лучшего в ее жизни, язва под губой вскрылась. Вина, в определенном смысле, лежала на Джо Коллинзе, но даже потом, когда у них возникли и другие претензии к

единственному обитателю Одд'с-лейн, за это она на него не обиделась. Кто-то, а уж он точно этого не хотел.

Он накормил их жареной курицей, особенно вкусной после всей этой оленины. Вместе с курицей на столе появилось картофельное пюре с подливой, клюквенное желе, порезанное на толстые красные кругляши, зеленый горошек («Консервированный, другого нет», — сказал он им). Приготовил он и яичный коктейль. Роланд и Сюзанна выпили его с детской жадностью, хотя оба не прокомментировали «капельку рома». Ыш получил свой обед... Джо положил на тарелку курицы и пюре и поставил ее на пол у плиты. Ыш быстренько очистил тарелку, а потом улегся в дверях между кухней и гостиной/столовой, сладко облизываясь, чтобы не оставить на усиках даже капельку подливы, и, с ушами торчком, наблюдал за челами.

— Десерт я съесть не смогу, даже не просите, — заявила Сюзанна после того, как ее тарелка опустела второй раз. Остатки подливы она подобрала корочкой хлеба. — Я не уверена, что мне удастся сползти с этого стула.

— Ну, хорошо, — на лице Джо отразилось разочарование. — Может, позже. У меня шоколадный пудинг и ириски.

Роланд поднес салфетку ко рту, чтобы заглушить отрыжку.

— Думаю, я съел бы по чуть-чуть и того, и другого.

— Ну, если на то пошло, я бы тоже не отказалась, — признала Сюзанна. Сколько веков прошло с тех пор, как она в последний раз пробовала ириски?

Когда они покончили с пудингом, Сюзанна предложила помочь помыть посуду, Джо замахал руками, сказав, что просто поставит кастрюли и тарелки в посудомоечную машину, чтобы сполоснуть их, а настоящим мытьем займется позже. Когда он и Роланд относили грязную посуду на кухню, ей показалось, что их хозяин стал заметно шустрее и все реже опирался на палку. Сюзанна предположила, что причина тому «маленькая капелька» рома, может, и несколько капелек, в яичном коктейле, плюс большая капелька, которой они угостились в конце обеда.

Он налил кофе и все трое (четверо, считая Ыша), уселись в гостиной. Снаружи темнело, ветер завывал все громче. «Мордред где-то там, сидит в вырытой в снегу яме или в роце деревьев» — подумала Сюзанна и вновь подавила поднимающуюся жалость к нему. Ей было бы проще, если б она не знала, что он, убийца или нет, всего лишь ребенок.

— Расскажи нам, как ты попал сюда, Джо, — предложил Роланд.

Джо широко улыбнулся.

— Это одна из тех историй, от которых волосы встают дыбом, но, если

вы действительно хотите услышать ее, я готов рассказать, — улыбка чуть ужалась. — Это так приятно, когда в доме у тебя люди, с которыми можно поговорить. Липпи слушать умеет, да только ничего не скажет в ответ.

Поначалу он пытался учительствовать, начал Джо, но быстро понял, что такая жизнь не для него. Ему нравились дети, чего там, он их просто любил, но терпеть не мог административное дерьмо и систему, которая стригла всех под одну гребенку. В школе он выдержал только три года, а потом подался в шоу-бизнес.

— Ты пел или танцевал? — полюбопытствовал Роланд.

— Не то и не другое, — ответил Джо. — Я с ними говорил.

— Говорил?

— Он хочет сказать, что был комиком, — пояснила Сюзанна. — Рассказывал зрителям шутки.

— Совершенно верно! — просиял Джо. — Некоторые, кстати, находили их забавными. Конечно же, они оставались в меньшинстве.

Он нашел себе агента, чья предыдущая антреприза, дискаунтный магазин мужской одежды, разорился. Одно вело к другому, рассказывал Джо, одно выступление — к следующему. Со временем он уже работал во второ- и третьеразрядных ночных клубах мотаясь на своем стареньком, но надежном «форде-пикапе» по всей стране, ехал, куда указывал Шанц, его агент. По уик-эндам практически не работал. На уик-энды даже третьеразрядные клубы приглашали рок-н-рольные группы.

Происходило это в конце шестидесятых и начале семидесятых, и недостатка, как говорил Джо, в «материале текущих событий», он не испытывал: хиппи и яппи, сжигательницы бюстгальтеров и Черные пантеры, кинозвезды и, как всегда, политики... но он сказал, что больше ориентировался на традиционные шутки. Пусть Морт Сал и Джордж Карлин обыгрывают политику, если им того хочется, он же отдавал предпочтение тем шуткам, что начинались с фраз «Раз уж речь зашла о моей теще...» или «Говорят, наши польские друзья — тупицы, но позвольте рассказать о той ирландской девушке, с которой я недавно познакомился...»

Во время его рассказа произошла странная (и, для Сюзанны, по крайней мере, довольно пикантная) трансформация. Диалект Срединного мира Джо Коллинза, с ага и по праву и по крови, уступил место языку и выражениям, свойственным, по ее разумению, остряку-американцу. Она даже ожидала, что он заговорит интонациями Эдди, но только потому, что провела с последним много времени. Она подумала, что Джо Коллинз — один из прирожденных имитаторов, звуковой эквивалент «Силли Путти», который мгновенно подхватывает местный выговор. Так что, в

бруклинском клубе он бы говорил, как уроженец Бруклина, в питтсбургском — Питтсбурга.

Чуть раньше Роланд остановил его, чтобы уточнить: комик — это придворный шут, и старик радостно рассмеялся.

— Вы все поняли правильно. Только представьте себе, что вместо короля и придворных в прокуренной комнате сидят обычные люди со стаканами в руках.

Роланд, улыбаясь, кивнул.

— У комика, разъезжающего по Среднему Западу и выступающего в любом городе не более одного раза, есть определенные преимущества. Если ты проваливаешься в каком-нибудь Дубьюке, это грозит тебе лишь тем, что твое выступление займет лишь двадцать минут вместо сорока пяти, а потом ты уже едешь в другой город. На Среднем Западе, скорее всего, до сих пор есть места, где тебе оторвут твою чертову голову, если ты пукнешь.

Тут Роланд расхохотался, а его смех до сих пор поражал Сюзанну (хотя она смеялась и сама).

— Ты говоришь правильно, Джо.

Летом 1972 года Джо выступал в клубе «У Джанго» в Кливленде, расположенном неподалеку от гетто. Тут Роланд опять прервал его, чтобы спросить, что такое гетто.

— Если говорить о Хоке, — ответила Сюзанна, — то это часть города, где жители, в основном, черные и бедные, а копы сначала машут дубинками, а потом задают вопросы.

— Точно! — воскликнул Джо и постучал костяшками пальцев по голове. — Не смог бы сказать лучше.

И вновь со стороны фасада послышался этот странный, детский крик, хотя на этот раз при стихнувшем ветре.

Сюзанна взглянула на Роланда, но стрелок, если и слышал крик, виду не подал.

«Это ветер, — сказала себе Сюзанна. — Что еще это может быть?»

«Мордред, — ответил внутренний голос. — Мордред, который под снегом, замерзает. Мордред, возможно, умирает, пока мы сидим здесь и пьем кофе».

Но она ничего не сказала.

Пару недель в Хоке продолжались волнения, вновь заговорил Джо, но он в тот день крепко выпил («Нализался, как надо», — так он сказал), и не заметил, что на его втором выступлении народу в пять раз меньше, чем на первом. «Меня шатало. Не знаю, как остальные, но я едва держался на

ногах, так меня шатало».

А потом кто-то бросил бутылку с коктейлем Молотова в витрину клуба (что такое «Коктейль Молотова» Роланд знал), и прежде чем кто-нибудь успел сказать «Раз уж речь зашла о моей теще...», вспыхнул пожар. Джо ретировался через кулисы, в дверь черного хода. И уже выскочил на улицу, когда его схватили трое мужчин («все черные и ростом с центровых НБА»). Двое его держали, третий бил кулаками. А потом замахнулся бутылкой. Бум-бум, и свет перед его глазами погас. Очнулся он на заросшем травой склоне холма около городка Стоунс-Варп, судя по табличкам на пустующих зданиях Главной улицы. Для Джо Коллинза городок этот выглядел как декорация на съемочной площадке фильма-вестерна после завершения рабочего дня.

К этому времени Сюзанна решила, что, по большей части, не верит истории, рассказанной сэем Коллинзом. Да, конечно, история получилась увлекательной и даже достаточно правдоподобной, если вспомнить, как Джейк первый раз попал в Срединный мир, после того, как по пути в школу погиб под колесами автомобиля. Но она все равно не верила истории Коллинза. И вопрос заключался в одном: имеет ли это значение?

— Склон этот, конечно, не тянул на небеса, потому что не было ни облаков, ни хора ангелов, — продолжил Джо, — но я все равно решил, что это какая-то жизнь после жизни.

Он побродил по городу. Нашел еду, нашел лошадь (Липпи) и двинулся дальше. Повстречался со многими странствующими группами людей. Некоторые были дружелюбны, другие — нет, какие-то состояли из обычных людей, в каких-то преобладали мутанты. Потихоньку он выучил местные диалекты и узнал кое-что об истории Срединного мира. Конечно же, узнал о Лучах и Башне. В какой-то момент попытался пересечь Плохие земли, но испугался и повернул назад, потому что кожа начала покрываться язвами и какими-то странными пятнами.

— У меня вскочил фурункул на заду, и это стало последней каплей. Это случилось шесть или восемь лет тому назад. Я и Липпи сказали, хватит мотаться по свету. Именно тогда я нашел это место, оно называлось Уэстринг, а потом Запинающийся Билл нашел меня. Он был еще и врачом, поэтому вскрыл фурункул на моем заду.

Роланду захотелось узнать, видел ли Джо Алого Короля, когда это безумное существо совершало последнее паломничество к Темной Башне. Джо ответил, что нет, рассказал, что шестью месяцами раньше в этих местах разразилась ужасная буря («настоящий ураган»), которая заставила его спрятаться в подпол. Пока он сидел там, электрические лампы погасли,

и, сидя в темноте, он почувствовал близость какого-то жуткого существа, которое могло прикоснуться к его разуму и последовать за мыслями туда, где он прятался.

— И знаете, кем я в тот момент себя ощутил? — спросил он их.

Роланд и Сюзанна покачали головой. Ёш сделал то же самое, копируя стрелков.

— Закуской. Потенциальной закуской.

«Эта часть истории — правда, — подумала Сюзанна. — Он, возможно, что-то и поменял, но в главном все правда». А поверила она Джо Коллинзу по одной причине: очень уж это логично, Алый Король, путешествующий в личной, локальной буре.

— И что ты сделал? — спросил Роланд.

— Заснул, — ответил старик. — Такой уж у меня талант, с детства, как и умение перевоплощаться, хотя я никогда не копировал голоса знаменитостей, они не вяжутся с бытовыми шутками. Если, конечно, ты не Рич Литтл. Странно, но это так. Я могу засыпать, если дам себе такую команду, вот я и заснул в подвале. Когда проснулся, свет снова горел, а... кто бы это ни был, ушел. Я, разумеется, знаю об Алом Короле, время от времени вижусь с людьми, в основном, такими же странниками, как вы трое, и они говорят о нем. Обычно выставляют два пальца, указательный и средний, растопыривают их, это знак от сглаза, и плюют между ними. Вы думаете, это был он, да? Вы думаете, Алый Король пронесся над Одд'с-лейн по пути к Башне, — и добавил, прежде чем кто-то из них успел ответить. — А почему нет? Тауэр-роуд начинается отсюда, в конце концов. И приводит к Башне.

«Ты знаешь, что это был он, — подумала Сюзанна. — Что за игру ты затеял, Джо?»

Снова раздался слабый крик, который определенно не имел никакого отношения к ветру. И она более не думала, что это Мордред. Склонялась к тому, что, возможно, доносится он из подвала, в котором Джо прятался от Алого Короля... или говорил, что прятался. И кто же там сейчас сидит? Прячется, как прятался Джо... или сидит взаперти, как пленник?

— Это была неплохая жизнь, — говорил Джо. — Не та, естественно, какую я ожидал, нет, конечно, но у меня есть теория: людей, у которых жизнь складывается, как они того ожидают, гораздо больше, чем тех, кто обрывает свою жизнь пригоршней таблеток снотворного, или сунув в рот ствол пистолета и нажав на спусковой крючок.

Роланд, похоже, отстал от рассказа Джо, потому что спросил: «Ты был придворным шутком, а посетители в этих тавернах были твоим двором?»

Джо улыбнулся, продемонстрировав множество белых зубов. Сюзанна нахмурилась. Видела она его зубы раньше? Они много смеялись, и она должна была их видеть, но не могла вспомнить, что действительно видела. Разумеется, он не шамкал, как те, кто лишился практически всех зубов (такие люди частенько консультировались с ее отцом, в основном говорили об установке протезов). Если бы она задумалась об этом раньше, то сказала бы, что у него были зубы, но они практически стерлись, от них остались одни корешки и...

«Что с тобой, девочка? Он мог в чем-то соврать, но едва ли ему удалось бы отрастить новые зубы после того, как вы сели обедать. Ты позволила разыгаться своему воображению».

Она позволила? Пожалуй, нельзя с ходу отвергать такой вариант. И, возможно, слабый крик, в конце концов, всего лишь вой ветра под карнизами дома.

— Я бы хотел услышать какие-нибудь из твоих шуток и историй, — сказал Роланд. — Как ты рассказывал их в тавернах.

Сюзанна пристально посмотрела на него, стараясь понять, нет ли у стрелка какого-то скрытого мотива, но ему, похоже, действительно хотелось послушать Джо Коллинза. Даже до того, как они увидели висящую на стене полароидную фотографию Темной Башни (пока Джо рассказывал о своей жизни, глаза стрелка то и дело возвращались к ней), в Роланда вселилось столь не свойственное ему веселье. Он был сам не свой, создавалось впечатление, будто сознание то ускользает, то вновь возвращается к нему.

Джо Коллинза, несомненно, удивила просьба стрелка, но определенно не огорчила.

— Господи, да я не выступал на сцене, должно быть, тысячу лет... с учетом того, как тянется здесь время, точно тысячу. Не уверен, что знаю, как начать.

И тут Сюзанна удивила себя, сказав: «А вы попробуйте».

Джо обдумал ее предложение, потом встал, стряхнул с рубашки несколько крошек. Прохромал на середину гостиной, оставив палку у стула. Ыш смотрел на него снизу вверх, с привычной улыбкой, словно предчувствуя, что их ждет возможность поразвлечься. Какие-то мгновения на лице Джо отражалась неуверенность. Потом он глубоко вдохнул и улыбнулся.

— Обещайте не бросать в меня помидорами, если вам что-то не понравится. Помните, последний раз я выступал очень давно.

— В любом случае, у нас нет помидоров, — ответил Роланд, как всегда, принимающий все за чистую монету.

— Верно, верно. Хотя в кладовой консервированные есть... забудьте, что я сказал!

Сюзанна улыбнулась. Как и Роланд.

Приободренный, Джо продолжил: «Ладно, давайте вернемся в то сказочное место, которое называлось „У Джанго“, в тот сказочный город, который некоторые люди называют ошибкой-на-озере. Другими словами, в Кливленд, штат Огайо. Второе представление. ТО самое, которое я не успел закончить, а мне хотелось, будьте уверены. Одну секундочку...

Он закрыл глаза. Похоже, внутренне собирался. Когда открыл их, словно помолодел лет на десять. Это было потрясюще. Теперь, как только он заговорил, в его голосе не только слышались американские интонации, он и выглядел, как американец. Сюзанна не могла объяснить это словами, но знала наверняка: перед ними Джо Коллинз.

— Привет, дамы и господа, добро пожаловать в «Джанго». Я — Джо Коллинз, а вы — нет.

Роланд хохотнул, Сюзанна улыбнулась, больше из вежливости: очень уж длинная борода у этой шутки.

— Управляющий просил напомнить вам, что в этот вечер два пива идут за один бакс. Поняли меня? Хорошо. Им движет прибыль, а мною — личный интерес. Потому что, чем больше вы пьете, тем более забавными становятся мои шутки.

Улыбка Сюзанны стала шире. Любой комедии необходим внутренний ритм, даже она это знала, хотя не смогла вы веселить шумную толпу, собравшуюся в клубе, больше пяти минут, пусть от этого зависела бы ее жизнь. И вот тут она почувствовала ритм, Джо очень быстро, пусть и не с первой фразы нащупал его. Он стоял, полузакрыв глаза, и она догадалась, что он видит световое многоцветье над сценой, весь спектр Колдовской радуги, так она характеризовала теперь это многоцветье, и вдыхает запах пятидесяти дымящихся сигарет. В одной руке — хромированный микрофон, вторая свободна, нужна для того, чтобы подчеркивать слова жестами. Джо Коллинз выступает в клубе «У Джанго» в пятницу вечером...

«Нет, не в пятницу. Он говорил, что по уик-эндам ночные клубы отдают предпочтение рок-н-рольным группам».

— Все эти разговоры об ошибке-на-озере — ерунда. Кливленд — прекрасный город, — Джо набирал скорость. Начиная заводиться, как

сказал бы Эдди. — Мои родители из Кливленда, но теперь им больше семидесяти и они переехали во Флориду. Они не хотели, но, сами знаете, таков закон. Флорида, и точка! — Джо постучал костяшками пальцев по голове и свел глаза к носу. Роланд засмеялся, хотя не имел ни малейшего понятия, где расположена Флорида да и что означает само это слово. Рот Сюзанны все растягивался и растягивался.

— Флорида — потрясающее место. Потрясающее. Родной дом для молодоженов и почти умерших. Мой дедушка после ухода на пенсию поселился во Флориде, упокой его душу, Господи. Я хочу уйти из этого мира так же тихо и спокойно, как мой дедушка Фред, во сне. Не кричать, как кричали пассажиры его автомобиля.

Роланд загоготал от этой шутки, Сюзанна последовала его примеру. Ыш, и тот широко улыбался.

— Моя бабушка, о ней тоже есть, что рассказать. Говорила, что научилась плавать, когда кто-то выбросил ее из лодки в реку Кайахогу. Я сказал бабушке: «Послушай, бабуля, они же не пытались научить тебя плавать».

Роланд хрюкнул, вытер нос, снова хрюкнул. Щеки у него покраснели. Смех резко ускорял обмен веществ, в организме все сгорало мгновенно, Сюзанна об этом где-то читала. Отсюда следовало, что и у нее кровь приливает к лицу, поскольку она тоже смеялась. И по всему выходило, что весь ужас и все печали выплескивались из нее, словно из открытой раны, выплескивались как...

Ну, как кровь.

Она услышала, как начал звенеть слабенький колокольчик тревоги, в глубинах сознания, но проигнорировала его. О чем, собственно, тревожиться? Они же смеялись, Боже ты мой! Отлично проводили время!

— Могу я быть серьезным хоть на минуту? Нет? Ладно, хрен с тобой и с клячей, на которой ты приехал сюда — завтра, проснувшись, я буду трезвым, а ты все равно останешься уродливым.

И лысым. (Роланд покатывался от хохота).

— Я собираюсь быть серьезным, понимаешь? Если тебе это не нравится, засунь свое неудовольствие туда, где держишь кошелек с мелочью. Моя бабушка была великой женщиной. Женщины в большинстве своем великие, вы это знаете? Но у них есть свои недостатки, как и у мужчин. Если женщина поставлена перед выбором, ловить ей брошенный мяч или спасти ребенка, она спасет ребенка, независимо от того, сколько мужчин стоит на базе. Вот так! — он постучал костяшками пальцев по голове и выкатил глаза, отчего они засмеялись еще громче. Роланд

попытался поставить на стол чашку с кофе и расплескал его. Он держался за живот. Слышать его столь громкий смех (он полностью, с потрохами, отдался смеху), само по себе было забавным, вот и Сюзанна захохотала.

— Мужчины — это одно, женщины — другое. Совмести, и получишь совершенно новый вкус. Как «Орео». Как чай с арахисовым маслом. Как пирог с изюмом под соусом из соплей. Покажите мне мужчину и женщину, и я покажу вам Удивительное социальное образование... нет, не рабство, называется оно семья. Но я повторяюсь. Ай-ай-ай! — Джо постучал себя по голове. Выкатил глаза. Да так, что они наполовину вылезли из орбит

(как он это делает)

и Сюзанне пришлось схватиться за живот, который уже начал болеть, так она смеялась. И в висках начало стучать. Стучала боль, но хорошая боль.

— В семье необходимы муж и жена. Да! Сверьтесь со словарем Уэбстера! А вот если на одного мужа или жену больше, то это уже бигамия. Разумеется, есть еще и моногамия. Вот так!

Если бы Роланд смеялся еще сильнее, подумала Сюзанна, он бы сполз с дивана в лужицу разлитого кофе.

— Есть еще и развод, латинский термин, означающий «вырвать половые органы мужчины через его бумажник».

Но я говорил о Кливленде, помните? Вы знаете, с чего начался Кливленд. Горстка людей в Нью-Йорке сошлась на следующем: «Слушайте, преступность и бедность это хорошо, но здесь определенно не хватает холода. Пойдемте на запад».

Смех, как потом отметила Сюзанна, что ураган: достигнув определенного уровня, он выходит в режим самоподпитывания и самоподдерживания. Ты смеешься не потому, что шутки забавные, но потому, что забавным становится твое состояние. И Джо Коллинз перевел их в это состояние своей следующей репризой.

— Эй, помните начальную школу, где вам говорили, что в случае пожара вы должны выстроиться рядком, самые маленькие — впереди, самые высокие — сзади? И какая в этом логика? Неужто высокие люди горят медленнее?

Сюзанна завизжала от смеха и ладонью хлопнула себя по лицу. Удар этот вызвал такую резкую, сильную и неожиданную боль, что она мгновенно вышибла из Сюзанны весь смех. Болячка под нижней губой в последнее время только росла, надуваясь изнутри, но последние два или три дня не кровоточила. А тут ее рука, непроизвольно ударив по лицу, содрала черно-красную корочку, которая покрывала язву. И кровь из нее не

просто потекла — хлынула потоком.

Поначалу Сюзанна даже не поняла, что произошло. Знала только одно: не столь уж сильную она ответила себе затрещину, чтобы вызвать такую боль. И Джо тоже, похоже, не заметил никаких изменений (глаза его практически закрылись), точно не заметил, потому что продолжал строчить, как пулемет: «Слушайте, а как насчет рыбного ресторана в „Морском мире“? Я уже съел половину фишбургера, когда задался вопросом, а не ем ли я плохого ученика? Вот так! Кстати о рыбе...»

Ыш тревожно гавкнул.

Сюзанна почувствовала влажное тепло, текущее по шее и на плечо.

— Остановись, Джо, — Роланд едва дышал. Ослабел донельзя. От смеха, предположила Сюзанна. Но как же болела половина лица и...

Джо открыл глаза, недовольный тем, что его прервали.

— Что? Господи Иисусе, вы этого хотели, и я лишь делал то, чего вам хотелось.

— Сюзанна поранилась, — стрелок поднялся и пристально смотрел на нее, смех уступил место тревоге.

— Я не поранилась, Роланд. Просто от избытка чувств ударила себя по голове чуть сильнее, чем... — тут она посмотрела на руку и ужаснулась, увидев, что на ней красная перчатка.

Ыш снова гавкнул. Роланд схватил салфетку, которая лежала рядом с перевернувшейся чашкой. Один конец стал коричневым и мокрым от кофе, второй остался белым и сухим. Роланд приложил салфетку к открывшейся язве, из которой по-прежнему хлестала кровь, и Сюзанну передернуло от боли, глаза наполнились слезами.

— Нет, позволь мне сначала остановить кровотечение, — пробормотал Роланд, осторожно запустив вторую руку в кудряшки на затылке. — Не дергайся, — и ради него она застыла.

Сквозь застывшие глаза слезы Сюзанна видела, что Джо по-прежнему зол из-за того, что его выступление столь резко (не говоря уже о том, что кровь наверняка что-то запачкала) прервали. И, пожалуй, не винила его за это. Он действительно выкладывался по полной, а она потеряла контроль над собой и все испортила. Боль стихала, и теперь Сюзанна не находила себе места от стыда. Такое с ней уже однажды случилось, в школе, когда на уроке физкультуры у нее начались месячные,

и тоненькая струйка крови побежала по бедру, на глазах у всего мира. Во всяком случае, той его части, что училась с ней в одном классе. Некоторые девчонки начали скандировать: «Заткни ее!» — словно некстати начавшиеся месячные — самая удачная шутка.

С воспоминаниями смешался страх, связанный с язвой. А вдруг это все-таки рак? Прежде ей всегда удавалось вышибить эту мысль из головы до того, как она успевала полностью оформиться. На этот раз не смогла. Что, если она подцепила рак во время их похода по Плохим землям?

Желудок скрутило узлом, потом он двинулся к горлу. Ей удалось удержать отменный обед на месте, но, возможно, это был лишь временный успех.

Внезапно ей захотелось побыть одной, она поняла, что должна побыть одна. Если уж она собиралась проблеветаться, не было у нее желания расставаться с содержимым желудка на глазах Роланда и этого незнакомца. А если бы и удалось сдержать рвотный рефлекс, ей требовалось время, что взять себя в руки. Порыв ветра, достаточно сильный, чтобы сотрясти весь дом, промчался мимо, словно хот-эндж на полном ходу. Лампы мигнули, желудок вновь скрутило при виде качнувшихся на стенах теней.

— Мне надо пойти... в ванную... — выдавила она из себя. На мгновение мир пошел кругом, но тут же остановился. В камине рвануло какое-то полено, выбросив в трубу столб алых искр.

— Вы уверены? — спросил Джо. Он более не злился (если злился раньше), но с сомнением смотрел на нее.

— Пусть идет, — сказал Роланд. — Думаю, ей нужно немного успокоиться.

Сюзанна уже собралась благодарно ему улыбнуться, но движение губ отозвалось болью в язве, из которой вновь пошла кровь. Она не могла сказать, что еще изменится для нее в ближайшем будущем благодаря этой чертовой, не желающей заживать болячке, но точно знала, что шуток она наслушалась. Потому что, если бы продолжила смеяться, ей потребовалось бы переливание крови.

— Я скоро вернусь, — пообещала она. — А вы, мальчишки, пока присядьте за стол и поешьте пудинг за мое здоровье, — сама мысль о еде вызывала тошноту, но что еще она могла сказать.

— Перед пудингом я могу и не устоять, — ответил ей Роланд. — Если у тебя вдруг закружится голова, позови меня.

— Обязательно, — пообещала Сюзанна. — Спасибо, Роланд.

Хотя Джо Коллинз жил один, в ванной чувствовалась женская рука. Сюзанна отметила это, когда воспользовалась ею в первый раз. Розовые обои с зелеными листочками и... естественно, дикими розами. Вполне современный унитаз, за исключением сидения, деревянного, не пластикового. Джо вырезал его сам? Сюзанна не думала, что такое невозможно, но, с тем же успехом, его мог принести робот, отрыв в каких-то загашниках. Запинающийся Карл? Так Джо называл робота? Нет, Билл. Запинающийся Билл.

С одной стороны унитаза стояла табуретка, с другой находилась ванная на металлических ножках с душем, которая навела его на мысли о хичкоковском «Психозе»^[109] (впрочем, любой душ заставлял ее вспоминать этот чертов фильм, который она однажды видела в кинотеатре на Таймс-Сквер). Раковину встроили в столик из доброго старого дуба, а не железного дерева. Над ним висело зеркало, которое одновременно служило дверцей аптечного шкафчика. Сюзанна предположила, что за дверцей стояли пузырьки с таблетками и тюбики с мазями. Средства от всех болезней.

Она убрала салфетку, поморщившись и зашипев сквозь зубы. Она успела прилипнуть к язве и отрывать ее пришлось с болью. Сюзанна ужаснулась количеству крови на щеках, губах, подбородке, не говоря уже о шее и плече. Сказала себе, что нечего из-за этого сходить с ума. Если отдираешь болячку, она обязательно должна кровить, вот и все. Особенно, если болячка оказалась на твоём глупом лице.

В гостиной Джо что-то сказал, она не разобрала, что именно. Роланд ответил несколькими словами, завершив их смешком. «Странно такое слышать, — подумала Сюзанна. — Словно Роланд пьян». Видела ли она Роланда пьяным? И поняла, что нет. Никогда не видела валящимся с ног, таким открытым и беззащитным, так захваченным смехом... до этого вечера.

«Это его дело, женщина», — фыркнула Детта.

— Хорошо, — пробормотала она. — Хорошо, хорошо.

Пьяный... беззащитный... захваченный смехом... может, это как-то связано.

Может, все это одно и то же.

Она залезла на табуретку, включила воду. Вырвавшаяся из крана струя заглушила все звуки, доносящиеся из гостиной.

Она ограничилась холодной водой, сначала брызнула на лицо, потом стала осторожно протирать тряпочкой кожу вокруг язвы. Покончив с этим, еще более осторожно промокнула язву. Сильной боли, как опасалась, не почувствовала. Это ее немного приободрило. Потом быстренько простирнула тряпочку, чтобы на ней не осталось пятен крови, и наклонилась поближе к зеркалу. Увиденное вызвало у нее выдох облегчения. Непроизвольно ударив себя по лицу, она полностью сорвала болячку, но все могло обернуться к лучшему. В одном она была уверена: если в аптечке Джо есть перекись водорода или мазь с антибиотиком, она обязательно обработает язву, пока та открыта. И неважно, что ранка будет щипать. Ее давно следовало продезинфицировать. А потом она собиралась прикрыть язву полоской бактерицидного пластырем и надеяться, что все образуется.

Она оставила расправленную тряпочку на кромке раковины на просушку, взяла полотенце (розовое, как обои) из стопки, что лежала на ближайшей полке, но до лица не донесла. Руки застыли на полпути, потому что Сюзанна увидела листок из блокнота, лежащий на следующем в стопке полотенце. Прежде всего, ей бросился в глаза рисунок в верхней части листка: два мультяшных ангела опускали на землю увитую цветами скамью. Ниже, между улыбающихся рожц, тянулась надпись:

РАССЛАБЬСЯ! ВОТ ИДЕТ БОГ ИЗ МАШИНЫ!

А под ней кто-то написал перьевой ручкой, и написал давно, потому что чернила выцвели, следующее:

Odd's Lane

Odd Lane

Переверни листок после того, как над этим подумаешь.

Нахмурившись, Сюзанна взяла листок со стопки полотенец. Кто его здесь оставил? Джо? Очень она в этом сомневалась. Перевернула листок. Увидела несколько строк, написанных той же перьевой ручкой и тем же почерком:

Ты над этим не подумала!

*Какая плохая девочка! Я кое-что вам оставил в аптечном шкафчике,
но сначала*

ПОДУМАЙ НАД ЭТИМ!

(намеки: комедия + трагедия = притворство)

В другой комнате Джо вновь заговорил, и на этот раз Роланд не просто засмеялся — расхохотался во весь голос. У Сюзанны создало ощущение, что Джо продолжил свой монолог. В каком-то смысле она могла его понять: он делал то, что любил, чего был лишен в течение долгого времени, но

какой-то ее части такое развитие событий решительно не нравилось. Не нравилось, что Джо решил возобновить представление, пока она находилась в ванной, а Роланд ему это позволил. Собирался слушать и смеяться, пока она останавливала кровь. Какая-то глупая, мальчишеская выходка. Она полагала, что Эдди на такое бы не пошел.

«Почему бы тебе на какое-то время не забыть про мальчиков и сосредоточиться на том, что перед тобой? Что все это значит?»

Одно, правда, Сюзанна знала наверняка: кто-то ожидал, что она зайдет в ванную и найдет записку. Не Роланд. Не Джо. Она. «Какая плохая девочка, — говорилось в записке. — Девочка».

Но кто это мог знать? Кто мог знать наверняка? Не было у нее привычки бить себя по лицу или по груди, когда она смеялась; она не могла припомнить ни одного другого случая, когда...

Нет, могла. Однажды. На фильме Дина Мартина и Джерри Льюиса, «Придурки на море» или что-то в этом роде. Тогда с ней произошло тоже самое. Она смеялась только потому, что вышла на уровень, когда смех достиг критической массы и стал самоподдерживающимся. Другие зрители кинотеатра «Кларк» на Таймс-Сквер пребывали в таком же состоянии, покачивались из стороны в сторону, складывались вдвое, выплевывали попкорн изо ртов, которые им больше не принадлежали. Рты эти принадлежали, пусть и на несколько минут, Мартину и Льюису, придуркам на море. Но такого больше не повторялось.

«Комедия плюс трагедия равняется притворству. Но нет здесь никакой трагедии, не так ли?»

Она не ожидала получить ответ на этот вопрос, но получила. И ответил ей холодный голос интуиции.

«Пока нет, пока еще нет».

И вот тут, вроде бы безо всякой на то причины, она подумала о Липпи. Улыбающейся, ужасной Липпи. Люди в аду смеялись? Почему-то Сюзанна думала, что да. Они улыбались, как Липпи Чудо-кляча, когда Сатана начинал свое

(возьми мою лошадь... пожалуйста)

выступление, а потом они смеялись. Ничего не могли с собой поделать. Ничего. Смеялись целую вечность, пусть вас это совсем и не устраивает.

«Что с тобой не так, женщина?»

В гостиной Роланд снова рассмеялся. Ыш тьякнул, и тьяканье это тоже напоминало смех.

«Odd's lane, odd lane... подумай об этом».

А о чем тут думать? Первое — название улицы, второе — тоже самое, только без...

— Стоп-стоп, минуточку, — проговорила она тихим голосом, точнее, шепотом, а кто, собственно, мог услышать ее? Джо говорил сам... и практически без умолку... Роланд смеялся. Тогда кто, по ее разумению, мог ее услышать? Обитатель подвала, если там действительно кто-то сидел?

— Минуточку, пожалуйста, просто подожди.

Сюзанна закрыла глаза и вновь увидела два указателя на столбе, которые находились буквально над головой странников, поскольку не стояли на высоченном сугробе. «ТАУЭР-РОУД» — такая надпись была на одном из указателей, с названием дороги, которая уходила за горизонт. На другом, том, что смотрел на короткую улицу с домами, значилось «ОДД' С-ЛЕЙН», только...

— Только не это там было написано, — пробормотала она, сжимая в кулак пальцы той руки, что не держали записку. — Не это.

Перед ее мысленным взором отчетливо и ясно возникла надпись: «ОДД'С-ЛЕЙН», с добавленными апострофом и буквой «С», и почему кто-то это сделал? Может, тот, кто изменил знак, был аккуратистом, которому не понравилось...

— Что? Что ему могло не понравиться?

За закрытой дверью ванной Роланд расхохотался даже громче, чем прежде. Что-то упало и разбилось. «Он не привык так смеяться, — подумала Сюзанна. — Тебе бы лучше поостеречься, Роланд, а не то причинишь себе вред. Досмеешься до грыжи, а то и хуже».

«Подумай об этом», — советовал ей неизвестный автор письма. Может, что-то было в словах odd и lane, и кто-то не хотел, чтобы они это увидели? Если так, этот кто-то мог не волноваться, потому что она точно ничего не видела. Лишь сожалела о том, что рядом нет Эдди. Именно Эдди прекрасно разбирался в таких вот штучках: шутках, загадках и... ан...

У Сюзанны перехватило дыхание. На лице, как и на лице ее двойника в зеркале, с округлившимися глазами, отразилось предчувствие дурного. Карандаша у нее не было, а сопоставлять что-либо в уме в такой момент просто не могла.

Балансируя на табуретке, Сюзанна наклонилась над раковиной и дунула на зеркало, затуманила его своим дыханием. Написала ODD LANE. Посмотрела на творение своих рук с нарастающим пониманием и ужасом. В гостиной Роланд смеялся все сильнее и громче, и теперь она осознала то, что ей следовало понять тридцатью секундами раньше: смех не был веселым. Он уже вышел из-под контроля, то был смех человека, который

борется за глоток воздуха. Роланд смеялся так, как смеялись люди, когда комедия переходила в трагедию. Как смеялись люди в аду.

Под ODD LANE кончиком пальца она написала DANDELO, анаграмму, которую Эдди наверняка увидел бы сразу, и тут же поняла, что апостроф и букву Эс добавили с тем, чтобы отвлечь их внимание.

В гостиной смех притих и изменился, трансформировался в звук, который пугал — не забавлял. Ёш отчаянно залаял, а Роланд...

Роланд, задыхаясь, хрипел.

Глава 6. Патрик Дэнвилл

1

Она не взяла с собой револьвер. Джо настоял на том, чтобы она села в раскладное кресло «Лей-зи-бой», когда они вернулись в гостиную после обеда, и она положила револьвер на заваленный журналами столик, стоявший рядом, предварительно откинув цилиндр и достав патроны, которые теперь лежали в ее кармане.

Сюзанна распахнула дверь ванной и на ладонях и култых выползла в гостиную. Роланд лежал на полу между диваном и телевизором, с жутким, посиневшим лицом. Раздирал руками распухшую шею и все равно смеялся. Их хозяин стоял над ним, и прежде всего она увидела, что его волосы (мягкие, как у младенца, белоснежные, до плеч) стали практически черными. Теперь Джо Коллинз выглядел моложе не на десять, а на двадцать или тридцать лет.

Сукин сын.

Вампиристый сукин сын.

Бш прыгнул на него, вцепился зубами в левую ногу, повыше колена.

— Двадцать пять, семью восемь, девятнадцать, — радостно кричал Джо и дернул ногой, став проворным, как Фред Астер^[110]. Бш отлетел в сторону, ударился о стену с такой силой, что табличка с выгравированными на ней словами: «ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ НАШ ДОМ», свалилась на пол. А Джо вновь повернулся к Роланду.

— И вот что я думаю. Женщине, чтобы заняться сексом, нужна причина, — он поставил ногу на грудь Роланда. «Словно охотник на крупную дичь — на свою добычу», — подумала Сюзанна. — Мужчине, с другой стороны, нужно только место! Вот так-то! — он выкатил глаза. — Для секса Бог дал мужчине мозг и член, но крови ровно столько, чтобы хватило на функционирование только одного из...

Он не услышал, как Сюзанна забралась на «лей-зи-бой», чтобы добавить себе роста: полностью сосредоточился на том, что делал. Сюзанна сцепила пальцы рук, превратив их в единый кулак, подняла на высоту правого плеча, а потом ударила со всей силы, вниз и вбок. Кулак врезался в боковую часть головы Джо и отбросил его в сторону. Но удар пришелся в кость, так что кисти Сюзанны пронзила дикая боль.

Джо взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, нашел ее взглядом. Его верхняя губа поднялась, обнажив зубы, совершенно нормальные зубы, и почему нет? Он был не из тех вампиров, что живут кровью. Они, в конце концов, находились в Эмпатике. Но вот лицо вокруг зубов изменялось: темнело, стягивалось, превращалось во что-то нечеловеческое. Лицо безумного шута.

— Ты, — выдохнул он, но, прежде чем успел сказать что-то еще, Ыш вновь бросился на него. На этот раз ушастику-путанику не пришлось пускать в ход зубы, потому что их хозяин все еще покачивался. Ыш подкатился под левую лодыжку Дандело, и тот упал, споткнувшись о зверька, его проклятья оборвались в тот самый момент, когда он ударился головой об пол. Этот удар точно вышиб бы из него дух, если б не лоскутный ковер, покрывавший твердое дерево. Так что Дандело практически сразу сел, огляделся, пытаясь сообразить, что к чему.

Сюзанна уже оказалась рядом с Роландом, который тоже пытался сесть, да только получалось у него не очень. Она схватилась за револьвер в кобуре, но пальцы стрелка сомкнулись вокруг ее запястья и не позволили вытащить оружие. Он действовал инстинктивно, и этого следовало ожидать, но Сюзанна едва не запаниковала, когда на них легла тень Дандело.

— Ах ты, сука, я научу тебя, что нельзя прерывать мужчину, когда он...

— Роланд, отпусти руку! — взревела она, и он отпустил.

Дандело прыгнул вперед, в надежде упасть на нее и зажать револьвер между ними, но Сюзанна оказалась более проворной. Откатилась в сторону, так что Дандело приземлился на Роланда. Сюзанна услышала: «Оуфф!» С этим звуком последние остатки воздуха покинули легкие стрелка. Она же приподнялась на одной руке, тяжело дыша, и наставила револьвер на того из мужчин, что лежал сверху, на того, что стремительно видоизменялся под одеждой. Дандело поднял руки, показывая, что они пусты. Естественно, пусты, по-другому и быть не могло, потому что он не привык убивать руками. А изменения, происходящие с ним, становились все более видимыми. Человеческая кожа уступала место то ли звериной шкуре, то ли панцирю насекомого.

— Нет! — закричал Дандело, но голос его сорвался на визг и чем-то напомнил стрекотание цикады. — Я хочу рассказать тебе историю о священнике и хористке.

— Уже слышала, — ответила она, и выстрелила дважды: одна пуля вслед за другой вошла в мозг аккурат над тем местом, что было его правым

глазом.

Роланд с трудом поднялся на ноги, спутанные волосы обрамляли распухшее лицо. Когда она попыталась взять его за руку, он отмахнулся и, покачиваясь, побрел к двери маленького домика, который теперь, отметила Сюзанна, вдруг стал грязным и тускло освещенным. Она видела пятна от еды на ковре, огромное пятно от протечки на одной из стен. Все это было раньше? И, святой Боже, что именно они ели на обед? Она решила, что не хочет этого знать, пока съеденное не вызывало тошноты. Если Дандело не подсыпал в еду яда.

Роланд из Гилеада открыл дверь. Ветер тут же вырвал ее из его руки и распахнул во всю ширь, так, что она ударилась о стену. Роланд спустился с двух ступенек в ревущую пургу, наклонился вперед, упираясь руками в бедра у колен, и его вырвало. Сюзанна увидела струю блевотины, которую ветер тут же унес в темноту. Когда Роланд вернулся в дом, рубашку и поллица покрывал снег. В комнатах было ужасно жарко. Как выяснилось, колдовство Дандело скрывало от них и истинную температуру воздуха. Сюзанна увидела висящий на стене термостат, простой, обычный «Ханиуэлл», который не так уж и отличался от термостата в ее нью-йоркской квартире. Добралась до него, осмотрела. Поставили его на максимум, стрелка зашкалила за восемьдесят пять градусов. Сюзанна вернула стрелку к семидесяти^[111], потом повернулась, чтобы оглядеть комнату. Увидела, что камин в два раза больше, чем им поначалу казалось, а дров в нем хватит, чтобы плавить сталь. С этим она, конечно, ничего не могла поделать, но понимала, что со временем дрова выгорят, и температура в комнате упадет.

Мертвая тварь на ковре так увеличилась в размерах, что одежда на ней лопнула. Сюзанне она напоминала какого-то жука с бесформенными отростками, наподобие рук и ног, торчащими из рукавов рубашки и штанин джинсов. Рубашка на спине разлезлась и из нее вылез панцирь с отпечатанными на нет рудиментарными чертами человеческого лица. Она бы не поверила, что может быть что-либо страшнее Мордредра в его паучьем обличье, но это чудовище могло дать фору Мальчику-пауку. Слава Богу, оно сдохло.

Уютный, ярко освещенный коттедж (прямо-таки сказочный, и разве она не видела этого с самого начала?) превратился в мрачную, закопченную

крестьянскую лачугу. Да, лампы горели электрические, но старые, используемые много лет, какие можно найти разве что в ночлежках. Лоскутный ковер давно изменил цвет, как от грязи, так и падавшей на него пищи, порвался во многих местах.

— Роланд, ты в порядке?

Роланд посмотрел на нее, а потом, медленно, опустился перед ней на колени. На мгновение она подумала, что он теряет сознание, и встревожилась. А когда поняла, буквально через секунду, что происходит, встревожилась еще больше.

— Стрелок, меня одурачили, — осипший, дрожащий голос. — Провели, как ребенка, и я прошу простить меня.

— Роланд, нет! Встань, — заговорила Детта, которая всегда появлялась в момент сильнейшего волнения. «Как это я еще не сказала: „Встань, хонки“^[112], — подумала она и с трудом подавила взрыв истерического смеха. Роланд бы ее не понял.

— Сначала прости меня, — Роланд не поднимал на нее глаз.

Она порылась в памяти, ища соответствующую фразу и нашла ее, к безмерному своему облегчению. Не могла она видеть его стоящим вот так на коленях.

— Встань, стрелок, я прощаю тебя с легким сердцем, — помолчав, добавила. — Если я спасу твою жизнь еще девять раз, мы хоть как-то сравняемся.

— Доброта твоего сердца заставляет меня стыдиться за свое, — Роланд встал. Лиловый цвет медленно, но верно уходил с его лица. Он посмотрел на лежащую на ковре тварь, в свете камина отбрасывающую бесформенную тень на стену. Оглядел крохотную хижину с древними светильниками и мигающими электрическими лампочками.

— Он накормил нас нормальной едой, — Роланд словно прочел ее мысли и понял, чего она боялась больше всего. — Он никогда бы не стал травить то, что собирался... съесть.

Сюзанна протянула ему револьвер, рукояткой вперед. Роланд взял его, вставил два патрона в пустые гнезда барабана, сунул револьвер в кобуру. Дверь хижины осталась открытой, за порогом, в маленькой прихожей, где висели их самодельные пальто, уже намело небольшой сугроб. В комнате стало прохладнее, она уже не напоминала сауну.

— Как ты узнала? — спросил Роланд.

Она подумала об отеле, где Миа оставила Черный Тринадцатый. Позже, после того, как они ушли, Джейк и Каллагэн смогли попасть в номер 1919, потому что кто-то оставил им записку и

(дад-а-чуч)

ключ. «Джейку Чеймберзу! Это правда» — вот что написали на конверте, где-то каллиграфическим почерком, где-то печатными буквами. И Сюзанна не сомневалась: сравни она тот конверт с запиской, найденной в ванной, стало бы ясно, что почерк в обоих случаях один и тот же.

По словам Джейка, женщина за регистрационной стойкой в нью-йоркском отеле «Плаза-Парк» сказала ему, что конверт оставлен Стивеном Кингом.

— Пойдем со мной, — Сюзанна развернулась. — В ванную.

3

Как и весь дом, ванная уменьшилась в размерах, теперь более всего напоминая чулан. На дне старой, ржавой ванны чернел слой грязи. Выглядела она так словно в последний раз ей пользовались...

По правде говоря, Сюзанна подумала, что ей никогда не пользовались. Отверстия головки душа забила ржавчина. Розовые обои выцвели и потемнели от грязи, местами отклеились. Роз не было вовсе. Зеркало над раковиной осталось, с бегущей по нему трещиной, и Сюзанна удивилась, как это ей удалось не порезать подушечку пальца, когда она писала на нем. Пар от дыхания, естественно, исчез, но слова остались, четко выделяясь на ввевшейся в поверхность грязи: «ODD LANE», и ниже: «DANDELO».

— Это анаграмма, — пояснила Сюзанна. — Ты видишь?

Он внимательно посмотрел на обе надписи, потом покачал головой, на лице отразился стыд.

— Твоей вины здесь нет, Роланд. Это наши буквы, которых ты не знаешь. Поверь мне на слово, это анаграмма. Готова поспорить, Эдди сразу бы все понял. Я не знаю, может, Дандело воспринимал это, как шутку, может, существуют какие-то правила колдовства, которым он должен был следовать, но мы вовремя успели во всем разобраться, с небольшой помощью Стивена Кинга.

— Разбиралась ты, — ответила Роланд. — Я-то смеялся бы до самой смерти.

— Мы оба могли это сделать, — гнула свое Сюзанна. — Только ты оказался более уязвимым, потому что твое чувство юмора... извини Роланд, но, по большей части, оно сильно хромает.

— Я знаю, — внезапно он повернулся и вышел из ванной. Ужасная мысль прокралась в голову Сюзанны, и прошло, казалось бы, очень много

времени, прежде чем Роланд вернулся.

— Роланд, он все еще...

Стрелок кивнул, чуть улыбнувшись.

— Мертво, как и прежде. Ты стреляешь правильно, Сюзанна, но на этот раз мне требовалось в этом убедиться.

— Я рада, — ответила она.

— Ыш стоит на страже. Если что-то вдруг случится, я уверен, он даст нам знать, — стрелок поднял записку с пола и попытался прочитать, что написано на обороте. Ей пришлось помогать ему только с «аптечным шкафчиком». — «Я кое-что вам оставил». Ты знаешь, что именно?

Она покачала головой.

— Смотреть времени не было.

— А где аптечный шкафчик?

Она указала на зеркало, и Роланд распахнул дверцу. Петли заскрипели. Внутри действительно оказались полки, но, вместо аккуратных рядов пузырьков с таблетками и тюбиков, которые Сюзанна себе представляла, они увидели две бутылки из коричневого стекла, вроде той, что стояла у раскладного кресла, древнюю коробку с «Леденцами от кашля братьев Смит со вкусом черешни» и конверт, который Роланд тут же протянул ей. Надписанный тем же полукаллиграфическим, полупечатным почерком. Сюзанна прочитала:

«Чайлду Роланду, из Гилеада

Сюзанне Дин, из Нью-Йорка

Вы спасли мою жизнь.

Я спас ваши.

Мы в расчете.

С. К.»

— Чайлд? Это слово для тебя что-нибудь значит? Он кивнул.

— Оно описывает рыцаря... или стрелка... который отправился на поиски чего-то важного. Официальный титул, и древний. Мы никогда не называли так друг друга, ты понимаешь, потому что он означает святой, избранный ка. Нам никогда не нравилось так думать о себе, и я уже много лет не воспринимал себя таким.

— И однако, ты — Чайлд Роланд?

— Возможно, когда-то был. Но теперь это всего лишь слово. Здесь и ка уже нет.

— Но мы по-прежнему на Тропе Луча.

— Да, — он провел пальцем по последней строке послания: «Мы в расчете». — Вскрой конверт, Сюзанна. Хочу увидеть, что внутри.

Она вскрыла.

В конверте лежала фотокопия поэмы Роберта Браунинга. Поверху Кинг написал имя и фамилию автора своим полукаллиграфическим, полупечатным почерком. В колледже Сюзанна читала драматические монологи Браунинга, но не эту поэму. Однако, похоже, очень хорошо знала, о чем в ней пойдет речь, потому что называлась поэма «Чайлд Роланд к Темной Башне пришел». Состояла она из тридцати четырех строф, повествовательная по структуре, по ритмике относилась к балладам. Каждая строфа начиналась римской цифрой. Кто-то, вероятно Кинг, обвел строфы I, II, XIII, XIV, XVI.

— Прочитай отмеченные строфы, — охрипшим голосом попросил Роланд, — потому что я могу понять только слово-другое, но хочу знать, что в них говорится, хочу знать очень хорошо.

— Строфа первая, — начала Сюзанна, а потом ей пришлось откашляться. Потому что в горле пересохло. Снаружи завывал ветер, над головой чуть помигивала лампочка в обсиженном мухами плафоне.

«Калека древний и седой — он лгал,
И глаз его наполнен злобой был,
Когда он, объясняя путь, следил,
Как я покорно лжи его внимал —
Беззубый рот, кривившись, выдавал,
Что в мыслях он меня похоронил».

— Коллинз, — сказал Роланд. — Тот, кто писал поэму, говорил о Коллинзе точно так же, как Кинг в своих историях говорил о нашем катете! «Калека древний и седой — он лгал!» Ага, точно лгал!

— Не Коллинз, — напомнила Сюзанна. — Дандело. Роланд кивнул.

— Дандело, ты говоришь правильно. Продолжай.

— Хорошо. Строфа вторая.

«Зачем его оставить здесь могли,
Чтоб посохом не сбивать с дороги тех,
Дошедших до него? Быть может, смех

Он сдерживал — и трещины земли
Им были эпитафией в пыли,
Когда он посылал на смерть их всех».

— Ты помнишь его палку? Как он ей размахивал? — спросил Роланд.
Конечно, она помнила. Да, вместо пыли был снег, но в остальном все сходилось. «В остальном строфа описывала то, что едва с ними не случилось». От этой мысли Сюзанна содрогнулась.

— Это поэт твоего времени? — спросил Роланд. — Твоего когда?
Она покачала головой.

— Даже не моей страны. Он умер как минимум за шестьдесят лет до моего когда.

— И однако, он видел, что только-только произошло здесь. Один из вариантов, во всяком случае.

— Да. А Стивен Кинг знал эту поэму, — и внезапно ее осенило. Мысль эта сверкнула так ярко, что могла быть лишь истинной. Она посмотрела на Роланда округлившимися глазами. — Именно эта поэма стала для Кинга отправной точкой. Именно она вдохновила его!

— Ты так говоришь, Сюзанна?

— Да.

— Тогда этот Браунинг, должно быть, видел нас.

Она этого не знала. Слишком уж все запуталось. С тем же успехом можно было пытаться ответить на вопрос, что первично, курица или яйцо. Или искать человека в зеркальном зале. Голова у нее пошла кругом.

— Прочитай следующую помеченную строфу, Сюзанна. Прочитай экс-ай-ай-ай.

— Строфа тринадцатая, — начала она.

«Как вылезшие волосы редки,
Травинки тонкие пронзают грязь —
Запекшуюся кровь; не шевелясь,
Стоит слепая лошадь. Чьи клыки
На шкуре след прожгли? Кто васильки
Гниющие вплел в гриву, веселясь?»

— А теперь я прочитаю тебе строфу четырнадцатую.

«Живая ли? Она давно мертва,
Застыла плоть, и прахом стал скелет.
Она не может жить — и все же нет!
Вросла в копыта сорная трава,
Глаза истлели — но она жива!
На ней проклятье — миллиарды лет».

— Липпи, — стрелок оттопырил большой палец правой руки, махнул ею над левым плечом. — Она самая. Ходячий скелет, редкая грива и все такое.

Она промолчала, о чем, собственно, говорить? Конечно, Липпи: слепая, костлявая, с шелудивой, растертой в кровь шеей. «Она, конечно, старая и уродливая, я знаю, — говорил старик... точнее, монстр, который выглядел, как старик. — Ты, старая говнапалата, пожирательница сена, чучело ходящее, четвероногая прокаженная». И все это здесь, в поэме, написанной задолго до появления сэя Кинга на свет, за восемьдесят, может, за сто лет... «как вылезшие волосы редки...»

— Глаза истлели — но она жива, — Роланд мрачно усмехнулся. — Мы это исправим. Отправим ее к дьяволу, где ей самое место.

— Нет, — покачала головой Сюзанна. — Не отправим, — в горле у нее пересохло донельзя. Очень хотелось пить. Но она боялась открыть кран и напиться. Кто знал, что текло по здешним трубам. Оставалось только одно: растопить снега и тогда уж напиться вволю.

— Почему ты так сказала?

— Потому что ее нет. Убежала в бурю, пока нас развлекал ее хозяин.

— Откуда ты знаешь? — Сюзанна покачала головой.

— Просто знаю, — она перешла к следующей страничке поэмы, состоявшей из более чем двухсот строк. — Строфа шестнадцатая.

«О, нет, из топких памяти глубин мне тихо...» И замолчала.

— Сюзанна. Почему ты не... — и тут его взгляд остановился на следующем слове, которое он мог прочесть даже написанное английскими буквами. — Продолжай, — голос его упал до шепота.

— Ты уверен?

— Читай, я хочу это услышать. Она откашлялась.

— Строфа шестнадцатая.

«О, нет! Из топких памяти глубин

Мне тихо Катберт улыбнулся вдруг.

Мой самый верный, мой надежный друг!

Твой смех всегда со мной. Но ряд картин
Позорных лик затмил... Я вновь один -
И снова замирает сердца стук».

— Он пишет о Меджисе, — кулаки Роланда сжались, хотя она сомневалась, что он знал об этом. — Он пишет о том, как мы поругались из-за Сюзан Дельгадо, ибо потом наши отношения так и не стали прежними. Мы, как могли, старались восстановить нашу дружбу, но нет, прежней она не стала.

— После того, как в жизни мужчины появляется женщина или в жизни женщины — мужчина, прежних отношений и быть не может, — Сюзанна протянула ему фотокопии. — Возьми. Я прочитала все отмеченные строфы. Есть в поэме что-то о походе к Темной Башне, или нет, ищи сам. Ты сможешь все прочитать, если постараться. Что же касается меня, я этого знать не хочу.

А вот Роланд, похоже, хотел. Прочитал странички в поисках последней. Они не были пронумерованы, но он без труда нашел нужную по белому пространству после строфы XXXIV. Но, прежде чем начал читать, вновь раздался слабый крик. В тот самый момент, когда ветер полностью стих, так что не могло быть сомнений в местоположении источника.

— Под нами кто-то есть, в подвале, — сказал Роланд.

— Знаю. И, думаю, я знаю, кто именно. Роланд кивнул.

Сюзанна пристально посмотрела на него.

— Все сходится, не так ли? Похоже на картинку-головоломку, и нам осталось добавить в нее лишь несколько элементов.

Крик повторился, слабый, тщетный. Крик человека, стоящего в шаге от смерти. Они вышли из ванной, доставая револьверы. Но Сюзанна не думала, что на этот раз они им потребуются.

Жук, который принял облик старого шутника Джо Коллинза, лежал там, где и упал, но Ыш отодвинулся от него на пару шагов. Сюзанна его понимала. Дандело начал пованивать, из-под разлагающегося панциря потекли струйки белой жидкости. Тем не менее, Роланд попросил ушастика-путаника оставаться на месте, нести вахту.

Крик повторился, когда они вышли на кухню, стал громче, но поначалу они не нашли входа в подвал. Сюзанна покружила по старому, потрескавшемуся, грязному линолеуму, но люка не обнаружила. И уже

хотела предложить Роланду поискать в другом месте, когда он сказал: «Здесь. За холодильником».

Последняя модель «Аманы» с устройством для приготовления льда на передней дверце исчезла. Ее месте занимал приземистый и грязный бочонок с холодильным агрегатом на верхнем днище. Когда Сюзанна была маленькой и откликалась на имя Одетта, такой же стоял на кухне ее матери. Только мать скорее бы умерла, чем допустила бы, что на нем скопилась десятая часть грязи, покрывавшей холодильник Дандело. Сотая часть.

Роланд легко отодвинул холодильник в сторону, потому что Дандело, этот хитрый монстр, установил его на платформе с колесиками. Она сомневалась, что у Дандело часто бывали гости, такого в Крайнем мире быть не могло, но он предпочитал не выставлять напоказ свои секреты, если уж кто-то к нему заглядывал. А в том, что время от времени кто-то заглядывал, Сюзанна знала наверняка. И она предполагала, что редко кто из гостей покидал маленькую хижину на Одд-лейн, скорее, никто.

Вниз вела крутая и узкая лестница. Роланд поводил рукой по стене за дверцей и нашел выключатель. Зажглись два лампочки, одна на полпути, другая — в самом низу. Тут же из подвала донесся крик, полный боли и страха, но без слов. От этого крика по коже Сюзанны побежали мурашки.

— Подойди к лестнице, кто бы ты ни был! — крикнул Роланд.

Снизу не ответили. Снаружи завывал ветер, бросая снег в стену дома с такой силой, что он скрипел, словно песок.

— Подойди к лестнице, чтобы мы смогли увидеть тебя, а не то останешься там, где сейчас, — крикнул Роланд.

Обитатель подвала не вышел к свету, но опять крикнул, и в крике этом звучали скорбь, ужас и (Сюзанна этого боялась) безумие.

Роланд посмотрел на нее. Она кивнула и прошептала: «Иди первым. Я тебя прикрою, если потребуется».

— Будь осторожнее на ступеньках, чтобы не упасть, — также тихо ответил ей Роланд.

Она вновь кивнула и повторила его жест нетерпения: вертанула рукой. «Давай, давай».

На губах стрелка появилась тень улыбки. Он двинулся вниз, уткнув ствол револьвера в ложбинку на правом плече, и в этот момент так напоминал Джейка Чеймберза, что Сюзанна едва не заплакала.

Подвал представлял собой лабиринт из бочек, коробок, ящичков и каких-то узлов, подвешенных к потолку. Сюзанне не хотелось знать, что находится в этих узлах. Опять до них донесся все тот же крик, наполовину вопль, наполовину рыдание. А над ними, пусть уже и приглушенно, выл и ревел ветер.

Роланд повернул налево и двинулся по зигзагообразному проходу, образованному поставленными друг на друга коробками. Высота «стен» достигала головы. Сюзанна последовала за ним, сохраняя дистанцию, то и дело оглядываясь. Также прислушиваясь к Ёшу, готовая отреагировать на тревожный лай. Увидела, что несколько коробок с маркировкой «Тексас инструментс», еще на нескольких прочитала «Китайское печенье с сюрпризом^[113] Толстяка Хо». Не удивилась вдруг попавшемуся на глаза шуточному названию давно брошенной повозки. Потому что уже выбрала весь лимит удивления.

Идущий впереди Роланд остановился.

— Слезы моей матери, — выдохнул он. Фразу эту она слышала от него лишь однажды, когда они набрели на оленя, упавшего с обрыва, который лежал со сломанными двумя задними и одной передней ногой и незряче смотрел на них снизу вверх, потому что мухи выели глаза у несчастного, еще живого животного.

Она застыла на месте, пока знаком он не предложил ей присоединиться к нему, а потом быстренько, на ладонях и культиях, добралась до него и оползла справа.

Выложенный камнем дальний угол подвала в доме Дандело, юго-восточный, если она не ошиблась со сторонами света, занимала тюремная камера. Стены и дверь изготовили из сваренных металлических стержней. Тут же стоял сварочный аппарат, который использовал Дандело... но очень давно, если судить по толстому слою пыли на баллоне с ацетиленом. На s-образном крюке, вбитом в каменную стену, на расстоянии, чуть превышающем длину вытянутой руки (Сюзанна не сомневалась, для того, чтобы дразнить пленника), висел большой, под старину,

(дад-а-чам, дад-а-чуч)

серебряный ключ. Пленник стоял у решетчатой двери, протягивая к ним грязные руки. Такой худой, что напомнил Сюзанне ужасные фотографии узников концентрационных лагерей, которые она когда-то видела, тех, кто выжил в Освенциме, Берген-Бельзене, Бухенвальде, живых (пусть и едва) обвинений человечеству в целом, в болтающихся, как на вешалке, полосатых робах, этих жутких шапках с плоским доньшком и ужасно яркими глазами, которые так хорошо все чувствовали и понимали.

«Нам так хочется не знать, кем мы стали, — говорили эти глаза, — но, к сожалению, мы знаем».

Что-то похожее читалось в глазах Патрика Дэнвилла, когда он протягивал руки сквозь прутья и издавал нечленораздельные молящие звуки. С близкого расстояния они напоминали Сюзанне насмешливые крики какой-то птицы, живущей в джунглях, на саундтреке фильма: «Ай-ииии, ай-ииии, ай-йоук, ай-йоук!»

Роланд снял ключ с крюка и шагнул к двери. Одна из рук Дэнвилла ухватилась за его рубашку, и стрелок ее оттолкнул. В движение этом не было злобы, подумала Сюзанна, но исхудавший донельзя пленник подался назад, выпучив глаза. Волосы у него отросли до плеч, но борода едва пробивалась на щеках. Чуть гуще она росла на подбородке и над верхней губой. Сюзанна подумала, что Патрику лет семнадцать, может, чуть больше.

— Я не хотел тебя обидеть, Патрик, — будничным голосом сказал Роланд. Вставил ключ в замок. — Ты — Патрик? Патрик Дэнвилл?

Худющий юноша в грязных джинсах и широченной рубашке, подол болтался на уровне колен, молча пятился в угол прямоугольной камеры. Когда уперся спиной в стену, соскользнул на пол, сел рядом с, как решила Сюзанна, парашей, под рубашкой подтянул колени к исхудалому, перекошенному ужасу лица. Когда Роланд открыл замок и вытащил дверь на себя (петель не было), Патрик Дэнвилл вновь начал издавать птичьи звуки, только на этот раз чуть громче: «АЙ-ИИИИИ, АЙ-ЙОУК, АЙ-ИИИИИ!» Сюзанна скрипнула зубами. Когда Роланд вошел в камеру, юноша издал еще более громкий крик и принялся биться затылком о камни. Роланд тут же подался назад. Дэнвилл прекратил самоистязание и смотрел на незнакомца со страхом и недоверием. Потом вытянул вперед руки с грязными, длинными пальцами, как бы прося помощи.

Роланд посмотрел на Сюзанну.

Она подобралась к двери камеры. Истощенный юноша поднял руки, перекрестил их в запястьях, словно защищаясь от удара.

— Нет, сладенький, — таких интонаций у Детты Уокер Сюзанна не слышала, не подозревала, что она может так говорить. — Нет, сладенький, я не собираюсь причинить тебе вреда, а если бы собиралась, то пустила бы тебе две пули в голову, как сделала с этим сукиным сыном наверху.

Она что-то увидела в его глазах, в то мгновение, когда они широко раскрылись, и показалось что-то большее, чем налитые кровью белки. — Да, да! Миста Коллинз, он мертв! Больше никогда не сможет спуститься вниз и делать... что? Что он делал с тобой, Патрик?

Над их головами, приглушенный камнем стен, взвыл ветер. Лампы мигнули. Дом протестующе застонал.

— Что он с тобой делал, мальчик?

Похоже, задавать такие вопросы не имело смысла. Он не понимал. И как только она пришла к такому выводу, Патрик Дэнвилл приложил руки к животу. А лицо его перекопилось гримасой, которая, Сюзанне это сразу стало ясно, изображала смех.

— Он заставлял тебя смеяться?

Забившийся в угол Патрик кивнул. Пальцы сжались в кулаки, которые он поднял к лицу. Потер щеки, поднес к глазам, посмотрел на нее. Сюзанна заметила шрам на его переносице.

— Он заставлял тебя и плакать.

Патрик опять кивнул. Еще раз изобразил гримасу смеха, прижав руки к животу и трижды выдохнув: хо-хо-хо, стер слезы с заросших пушком щек, добавил еще один элемент пантомимы; поднес ко рту сложенные лодочкой ладони и почмокал.

На этот раз заговорил Роланд, стоявший позади Сюзанны.

— Он заставлял тебя смеяться, заставлял тебя плакать и заставлял есть.

Патрик так яростно затряс головой, что вновь ударился ей о камень стен.

— Он сам ел, — догадалась Детта. — Это ты хотел нам сказать? Дандело ел.

Патрик кивнул, из его глаз брызнули слезы. Вновь раздались полные скорби звуки. Сюзанна, на ладонях и культиях медленно двинулась к юноше, готовая тут же дать задний ход, если бы он вновь начал биться головой о стену. Он не начал. И когда она добралась до него, уткнулся лицом ей в грудь, продолжая плакать.

Когда же Патрик поднял голову и посмотрел на нее, в глазах стояла тупая, собачья преданность.

— Не волнуйся, — сказала ему Сюзанна, Детта ушла, должно быть, потрясенная всем этим кошмаром. — Он больше ничего тебе не сделает, потому что мертв, как пень, мертв, как камень на дне реки. Я хочу, чтобы ты открыл рот.

Патрик замотал головой. В глазах снова появился страх, и кое-что еще, чего Сюзанне совершенно не хотелось видеть. Стыд.

— Да, Патрик, да. Открой рот.

Он еще сильнее замотал головой, сальные волосы летали из стороны в сторону.

— Что... — начал Роланд.

— Ш-ш-ш, — остановила она стрелка. — Открой рот Патрик, чтобы мы могли заглянуть в него. А потом мы отведем тебя наверх, и тебе никогда не придется спускаться сюда. Никогда больше ты не будешь обедом Дандело.

В глазах Патрика стояла мольба, но Сюзанна молча смотрела на него. Наконец, он закрыл глаза и медленно открыл рот. Зубы были на месте, язык — нет. В какой-то момент Дандело, должно быть, надоел голос пленника, или слова, которые тот произносил, и монстр вырвал у него язык.

7

Двадцатью минутами позже они оба стояли в дверях кухни, наблюдая, как Патрик Дэнвилл ест суп. По меньшей мере, половина вместо рта попала на серую рубашку, но Сюзанна не видела в этом никакой проблемы: банок с супом хватало, а в единственной спальне лежали чистые рубашки. Не говоря уже о толстой куртке с капюшоном Джо Коллинза, которая висела на крючке у входной двери. Они полагали, что теперь ее будет носить Патрик. Что же касалось трупа Джо Коллинза, то есть Дандело, то они завернули его в три одеяла и выбросили в снег.

— Дандело был вампиром, который питался не кровью, а эмоциями, — сказала Сюзанна. — А Патрик... Патрик стал его коровой. От коровы можно получить как еду, так и питье, мясо или молоко. С мясом есть одна проблема: сначала ты ешь вырезку, потом то, что похуже, наконец, из костей варишь бульон, но в конце концов оно заканчивается. А вот молоко можно доить вечно... при условии, что ты время от времени будешь кормить корову.

— И как долго он сидел в подвале? — спросил Роланд.

— Не знаю, — но Сюзанна помнила пыль на баллоне с ацетиленом, помнила очень хорошо. — Достаточно долго. По его меркам — целую вечность.

— И ему это причиняло боль.

— Еще какую. Ничуть не меньше той, которую он испытал, когда Дандело вырвал у бедного мальчика язык. Готова спорить, от эмоционального доения боль сильнее. Сам видишь, какой он.

Роланд видел, все так, но видел и кое-что еще.

— Мы не можем взять его с собой в такую бурю. Даже если мы закутаем его в три слоя одежды, я уверен, буря его доконает.

Сюзанна кивнула. И у нее в этом сомнений не было. Как в прочем, и в другом: она не могла остаться в доме Дандело. Это доконало бы ее.

Роланд, когда она ему сказала, с ней согласился.

— До окончания бури мы станем лагерем в сарае. Там холодно, но есть два плюса: может прийти Мордред и может вернуться Липпи.

— Ты убьешь их обоих?

— Да, если смогу. У тебя есть возражения?

Она обдумала вопрос, потом покачала головой.

— Хорошо. Тогда давай сложим то, что нам нужно с собой взять, потому что два следующих дня нам придется обойтись без костра. Может, даже четыре.

8

Как выяснилось, прошло три ночи и два дня, прежде чем буря задохнулась в собственной ярости и утихла. В сумерках второго дня Липпи появилась из снежной пелены, и Роланд всадил пулю в ее слепую голову. Мордред не показался, хотя во вторую ночь Сюзанна почувствовала его присутствие. Скорее всего, почувствовал и Ыш, потому что встал у входа в сарай, отчаянно лая в валящий снег.

За это время Сюзанна узнала о Патрике Дэнвилле гораздо больше, чем ожидала. Его разум сильно повредился во время периода заточения в подвале, и ее это не удивило. Что удивило, так это скорость, с какой он пошел на поправку, хотя, конечно, до полного восстановления было далеко. Она спрашивала себя, а сколько ей потребовалось бы времени, чтобы прийти в себя. Возможно, все дело было в его таланте. А в том, что Патрик талантлив, она убедилась в кабинете Сейра.

Дандело кормил своего пленника по минимуму, а эмоционально доил регулярно: два раза в неделю, иногда три, какое-то время даже четыре. Всякий раз, когда Патрик думал, что, вновь спустившись в подвал, Дандело его убьет, кто-то заглядывал в хижину монстра. В последнее время Дандело подпитывался от своего пленника реже, потому что «гостей» заметно прибавилось.

Той же ночью, когда они устроились на сеновале, Роланд сказал Сюзанне, что, по его мнению, то были беженцы из «Ле кас руа рюс» или прилегающего к замку городка. Сюзанна могла понять ход мыслей этих беженцев: «Король ушел, так давайте смоемся отсюда, раз уж есть такая возможность. В конце концов, Большой Альп может и вернуться, а ведь у

него уже съехала крыша, он скатился с катушек, так что дальше будет только хуже».

В некоторых случаях Джо на глазах юноши принимал истинный облик Дандело, и тогда кормился ужасом Патрика. Но монстру хотелось получать от него не только ужас. Сюзанна догадалась, что разные эмоции отличались вкусом: вот и Дандело предпочитал сегодня есть свинину, завтра телятину, а послезавтра — рыбу.

Патрик не мог говорить, но мог жестикулировать. И смог еще больше, после того, как Роланд показал ему свою странную находку, сделанную в кладовой. На одной из самых широких полок лежали большие альбомы для рисования с надписью на обложке: «МИКЕЛАНДЖЕЛО. ДЛЯ РИСОВАНИЯ УГЛЕМ». Угля у них не было, зато рядом с альбомами обнаружили новенькие карандаши «Эберхард-Фабер» № 2, перехваченные резинкой. В категорию странных находка Роланда попала потому, что кто-то, предположительно Дандело, аккуратно срезал ластики с каждого из карандашей. Они хранились в баночке, что стояла рядом с карандашами, вместе с несколькими скрепками и точилкой для карандашей, напоминающей свистки, которые крепились с обратной стороны доньшка нескольких орис из Кальи Брин Стерджис. Когда Патрик увидел блокноты, его ранее тусклые глаза загорелись, и он протянул к ним руки, радостно вскрикивая.

Роланд посмотрел на Сюзанну, та пожалала плечами.

— Давай посмотрим, что он сможет сделать. Я уже догадываюсь, ты, полагаю, тоже.

Как выяснилось, смог Патрик Дэнвилл многое. Рисовал он потрясающе. И его картинки стали голосом, которого он лишился. Рисовал он их быстро, с видимым удовольствием; и его совершенно не волновали шокирующие подробности. На одной Джо Коллинз вгонял топор в затылок ничего не подозревающего гостя, и при этом его губы растягивались в довольной, злобной ухмылке. Рядом с местом вхождения топора в затылок Патрик печатными буквами, шрифтом комиксов, написал: ЧВАК и ХРЯСТЬ! Над головой Джо Коллинза повесил «пузырь» со словами «Получи, болван!» На другой картинке изобразил себя, лежащего на полу, беспомощно корчащегося от смеха, изобразил с ужасающей точностью (не было никакой необходимости подвешивать над головой «пузырь» со словами: «Ха-ха-ха!»), и Коллинза, который стоял, уперев руки в боки, и наблюдал за ним. Потом Патрик перекинул лист с рисунками и быстро нарисовал новую картинку: Коллинз на коленях, одной рукой ухватился за волосы Патрика, тогда как его губы совсем рядом с раззявленным,

смеющимся ртом юноши, быстро, одним движением, не отрывая карандаша от бумаги, Патрик нарисовал еще один «пузырь» над головой старика, а потом заполнил его восемью печатными буквами и двумя восклицательными знаками.

— Что тут написано? — спросил Роланд, зачарованный быстротой, с которой бегал по бумаге карандаш.

— «АМ! ХОРОШО!» — ответила Сюзанна, тихо, едва сдерживая тошноту.

Что бы он ни рисовал, она могла наблюдать за ним часами; собственно, и наблюдала. Скорость, с которой на чистом листе появлялись рисунки, потрясала, и никто из них не подумал о том, чтобы дать Патрику ампутированные ластик: в них не было необходимости. Пока юноша не сделал ни единого лишнего штриха, а если и делал, то включал в общую канву. И рисунки эти (чего искать новые слова, если старые — правильные) были гениальными. Никакими не набросками, нет-нет, законченными произведениями искусства. Сюзанна знала, что Патрик (этот или другой Патрик, из другого мира вдоль Тропы Луча) со временем перейдет на масляные краски, и от этого знания ее бросало то в жар, то в холод. Кого они здесь встретили? Лишенного языка Рембрандта? Ей пришло в голову, что это второй идиот-гений, с которым столкнула их ка. Третий, если считать не только Шими, но и Ыша.

Только однажды Сюзанна подумала о том, что ластик его не интересуют, и отнесла это на самонадеянность гения. Ей и в голову не пришло (Роланду тоже), что этот юный Патрик Дэнвилл, возможно, понятия не имеет о существовании ластиков.

Когда третья ночь подходила к концу, Сюзанна проснулась на сеновале, посмотрела на Патрика, крепко спящего рядом с ней, и спустилась по лестнице. Роланд стоял у ворот сарая, курил сигарету, всматривался вдаль. Буран прекратился. По небу плыла луна, превращая свежавыпавший снег на Тауэр-руд в сверкающее полотно. Воздух был очень холодным и ей казалось, что влага в дыхании превращается в льдинки прямо в носу. Из далекого далека доносился шум двигателя. Сюзанна прислушалась, и у нее создалось ощущение, что шум приближается. Спросила Роланда, что или кто шумит, и чем это им может грозить.

— Думаю, скорее всего, это робот, которого он называл Заикающимся Биллом. Чистит дорогу после снегопада, — ответил Роланд. — Возможно, у него на голове такая же антенна, как и у Волков. Помнишь?

Она помнила очень хорошо, так и сказала.

— Возможно, он хранит верность Дандело, — продолжил Роланд. — Не думаю, что так оно и будет, но меня это не удивит. Я сталкивался и не с такими странностями. Держи наготове одну из тарелок, если он вдруг взбрыкнет. А я буду держать наготове револьвер.

— Но ты так не думаешь, — ей хотелось стопроцентной ясности.

— Нет. Он может нас подвезти, возможно, до самой Башни. Если и нет, наверняка подвезет до границы Белых Земель. И это будет хорошо, потому что юноша еще очень слаб.

Его слова вызвали очередной вопрос.

— Ты зовешь его мальчиком. Потому что он выглядит таковым. А сколько, по-твоему, ему лет?

Роланд покачал головой.

— Он точно не моложе шестнадцати или семнадцати, но ему может быть и тридцать. Время вело себя странно, когда Лучи подвергались атаке Разрушителей, делало прыжки и скачки. Я готов за это поручиться.

— Он оказался на нашем пути благодаря Кингу?

— Этого я сказать не могу, но он знал о мальчике, это точно, — Роланд помолчал. — Башня так близко. Ты ее чувствуешь?

Она чувствовала, все время. Иногда что-то пульсировало в ее голове, иногда что-то пело, случалось, и первое, и второе совпадали. И полароидная фотография по-прежнему висела на стене гостиной Дандело. Она не имела отношения к колдовству. Каждую ночь, во снах, она хоть раз видела Темную Башню с той фотографии, на дальнем краю поля роз, построенную из покрытого копотью столетий серовато-черного камня, на фоне тревожного неба, по которому облака неслись в четырех направлениях, вдоль двух оставшихся Лучей. Она знала, что поют голоса: «Каммала-кам-кам! Каммала-кам-кам!» — но не думала, что они поют ей, или для нее. Нет, скажи нет, скажи, никогда в жизни; то была песня Роланда, и только Роланда. Но Сюзанна начала надеяться, песня эта — не доказательство ее неминуемой смерти между хижинной Дандело и конечной целью их поисков.

Потому что видела и другие сны.

Менее чем через час после восхода солнца (точно на востоке, и мы все говорим, спасибо) оранжевое транспортное средство, нечто среднее между грузовиком и бульдозером, появилось из-за горизонта и медленно двинулось к ним, сдвигая слой выпавшего снега вправо от себя, поднимая высоту и без того высокого сугроба. Сюзанна догадалась, что, достигнув пересечения с Одд-лейн, Заикающийся Билл, который, несомненно, сидел за рулем, развернется и поедет обратно, тем же манером очищая вторую половину дороги. Может, он останавливался здесь, не на чашечку кофе, но с тем, чтобы взять кварту машинного масла. От этой мысли она улыбнулась. Впрочем, для улыбки нашелся и еще один повод. На крыше кабины стоял громкоговоритель и из него далеко разносилась рок-н-рольная песня, которую она знала. И Сюзанна радостно рассмеялась.

— «Калифорнийское солнце». «Ривайры»^[114]. Классная песня, не так ли?

— Раз ты так говоришь, — согласился Роланд. — Только держи наготове тарелку.

— Можешь на это рассчитывать, — пообещала она.

К ним присоединился Патрик. Как всегда, с тех пор, как Роланд нашел их в кладовой, с блокнотом и карандашом. Теперь он написал одно слово большими буквами и показал Сюзанне, зная, что Роланд мало что может прочитать из написанного им, даже если буквы будут большие-пребольшие. В нижней части чистого листа появилось слово «БИЛЛ». А под словом был забавный рисунок Ёша, с комиксовым «пузырем» над головой: «ГАВ! ГАВ!» Все это Патрик небрежно перечеркнул, показывая, что Сюзанне на рисунок смотреть не надо. И вот этот небрежный X разбил ее сердце, потому что ставил крест на жизни Ёша.

Нож грейдера остановился у самой хижины Дандело, и хотя двигатель продолжал работать, музыка смолкла. С водительского сидения на землю важно спустился высокий (ростом как минимум в восемь футов), со сверкающей головой робот, очень похожий как на Найджела с Экспериментальной станции 16-ого сектора Дуги, так и на Энди из Кальи Брин Стерджис. Он согнул металлические руки и уперся металлическими кистями в бедра, чем напомнил бы Эдди СЗРО из «Звездных войн» Джорджа Лукаса, если бы Эдди был здесь. Усиленный динамиками голос робота далеко разнесся по белым полям.

— ПРИВЕТ, Д-ДЖО! КАК П-П-ПОЖИВАЕШЬ? КАК У Т-ТЕБЯ С Т-ТУЗАМИ В Р-РУКАВЕ?

Роланд вышел из апартаментов Липпи, закончившей свой путь на этом свете.

— Хайл, Билл, — поздоровался он. — Долгих дней и приятных ночей.

Робот повернулся. Его глаза ярко сверкнули. Сюзанна решила, что он удивился. Вроде робот не выказывал тревоги, и никакого оружия она не видела, но она отметила антенну, торчащую из головы и непрерывно вращающуюся под ярким утренним солнцем. У нее не вызывало сомнений, что легко срежет ее орисой. В два счета, как сказал бы Эдди.

— Ах! — прогремел робот. — Стр-ре...стр-р-р... с-с-с, — он поднял руку, не с одним локтевым суставом, а с двумя, и стукнул себе по голове. Изнутри донесся какой-то свист... Уииип!.. и робот таки выговорил слово. — Стрелок!

Сюзанна рассмеялась. Ничего не могла с собой поделаться. Они прошли столь длинный путь, чтобы встретить огромного, внешне сильно изменившегося Поросенка Порки^[115]. «В-в-в-от и все, ребята!»

— Я слышал такие слухи в этой с-с-стране, — смех робот проигнорировал. — Ты — Р-р-роланд из Г-гилеада?

— Это я, — кивнул стрелок. — А кто ты?

— Вильям, Д-746541-М, робот-ремонтник, со многими другими функциями. Джо Коллинз зовет меня Зап-пинающийся Б-билл. У меня сгорела к-какая-то цепь. Я могу ее починить, но он зап-претил. А поскольку... а поскольку он здесь единственный ч-человек... или бы... — робот замолчал. Сюзанна ясно услышала потрескивание реле внутри и подумала не о СЗРО, а о роботе Робби из «Запретной планеты»^[116].

А потом Заикающийся Билл тронул ее сердце, поднеся кулак ко лбу и поклонившись... но не ей и не Роланду.

— Хайл, Патрик Д-дэнвилл, сын Сони. Приятно видеть, что ты более не в подвале и с-свободен, да, приятно!

Сюзанна уловила эмоции в голосе Заикающегося Билла, искреннюю радость, и поняла, что имеет полное право опустить тарелку.

Они посоветовались во дворе. Билл не возражал против того, чтобы войти в хижину, его обонятельные датчики мало что улавливали. У челов

органы обоняния были куда сложнее, и никому не хотелось дышать той вонью, что стояла в хижине, тем более температура внутри и снаружи практически не отличалась, поскольку дрова в камине давно прогорели, а нагреватель они отключили. Впрочем, разговор много времени не занял.

Вильям, робот-ремонтник, (со многими другими функциями), считал существо, которое иногда называло себя Джо Коллинзом своим господином только потому, что не было никого другого, кто мог бы претендовать на это место. А кроме того, Коллинз/Дандело знал необходимые командные коды.

— Я н-не имел п-права сообщить ему к-командные коды, когда он попросил об этом, — объяснил Заикающийся Билл, — но моя п-программа не зап-прецала принести ему т-технические руковод-дства, в к-которых содержалась необ-бходимая ин-нформация.

— Бюрократия — это просто чудо, — пробормотала Сюзанна.

Билл сказал, что старался держаться подальше от «Дж-дж-джо» как можно чаще (и дольше), но ему приходилось приезжать, когда следовало расчистить Тауэр-роуд (этого требовала программа), а раз в месяц он привозил продукты (в основном, консервы) из какого-то места, которое он называл «Федерал». Ему также нравилось видеться с Патриком, который однажды подарил Биллу его прекрасный портрет. Робот часто смотрел на него (и сделал много копий). Однако, всякий раз, приезжая сюда, он не сомневался, что Патрика больше не найдет: убитого и более не нужного, его бросили бы в лесах, что росли на пути к «П-п-плохим Землям», как мусор. Но теперь Патрик стоял перед ним, живой и свободный, и Билл радовался.

— Потому что у меня есть р-рудиментарные эм-моции, — Сюзанне показалось, что он словно признается в дурной привычке.

— Тебе нужны командные коды для того, чтобы исполнять наши приказы? — спросил Роланд.

— Да, сэй, — ответил Заикающийся Билл.

— Дерьмо, — пробормотала Сюзанна. С той же проблемой они столкнулись и в Калье Брин Стерджис, с Энди.

— 0-о-однако, — продолжил Заикающийся Билл, — если с-сформулируете ваши приказы, как п-пред-дложен-ния, я буду только р-р-р-р-р — он поднял руку и вновь стукнул себя по голове. Звук «Уииип» донесся не изо рта, а откуда-то из груди, после чего робот смог закончить фразу, — рад услужить вам.

— Мое первое предложение — избавься от этого гребаного заикания, — сказал Роланд и в изумлении повернулся. Патрик сидел на снегу, обхватив руками живот и громко хохотал. Ыш, лая, бегал вокруг. Но

от Ыша никакой угрозы не исходило, так что никто не собирался украсть радость Патрика. Смех принадлежал только ему. И тем, кому выпало счастье слышать его.

В лесах за расчищенным Т-образным перекрестком, которые тянулись к Плохим Землям, дрожащий от холода юноша, одетый в вонючие, наполовину выскобленные шкуры, наблюдал за квартетом, который собрался перед хижиной Дандело. «Умрите, — думал он, глядя на них. — Умрите, почему бы вам всем не сделать мне такое одолжение, почему бы вам не умереть!» Но они не умирали, и звуки их звенящего смеха резали его, как ножом.

Позже, после того, как они все забрались в кабину грейдера Билла и уехали, Мордред прокрался к хижине. Здесь он останется на два дня, будет есть консервы, найденные в кладовой Дандело, съест кое-что еще, о чем будет сожалеть до конца жизни. Он провел эти дни, набираясь сил, потому что мощнейшая снежная буря едва не убила его. Он твердо верил, что только ненависть помогла ему выжить, ничего больше.

А может, Башня.

Ибо он тоже чувствовал ее... эти пульсации, это пение. Но, если Роланд и Сюзанна слышали полный регистр, то Мордред — малую его часть. Там, где для них звучало множество голосов, он слышал только один. Голос его Алого Отца, который говорил, что он должен прийти к Башне. Который говорил, что он должен убить немого юношу, и эту черную сучку, а главное, стрелка из Гилеада, бросившего его Белого Отца, который плевать хотел, жив он или умер. (Разумеется, Красный Отец тоже бросил его, но такая мысль не приходила Мордреду в голову).

А после того, как все будут убиты, обещал шепчущий голос, они уничтожат Темную Башню и будут вместе вечно править тодэшем.

Вот Мордред и ел, потому что Мордред был голоден. И Мордред спал, потому что вымотался. А когда Мордред надел теплую одежду Дандело и двинулся по расчищенной Тауэр-роуд, таща за собой на санках большой запас еды, главным образом, консервов, он выглядел, как молодой человек лет двадцати, высокий, стройный и красивый, как восход солнца. В его человеческом облике было только два изъяна — шрам на боку, оставленный пулей Сюзанны, и родимое пятно на пятке. Это пятка, уже пообещал он себе, будет стоять на горле Роланда, и скоро.

Часть 5. АЛОЕ ПОЛЕ КАН'-КА НОУ РЕЙ

Глава 1. Болячка и дверь (Прощай, моя милая)

1

В последние дни своего долгого путешествия, после того, как Билл, просто Билл, больше не Запинающийся Билл, высадил их у «Федерал» на границе Белых Земель, Сюзанне Дин то и дело хотелось плакать. Она чувствовала, что слезы где-то рядом, извинялась перед остальными, говорила, что ей нужно в кусты, справить нужду. Там садилась на сваленное дерево, а то и просто на холодную землю, закрывала руками лицо, и не мешала потоку слез. Если Роланд и знал, что происходит, а он не мог не замечать покрасневших глаз, когда она возвращалась на дорогу, то никак не комментировал ее поведение. Она полагала, что он знал.

Ее время в Срединном и Крайнем мирах практически истекло.

2

На своем оранжевом грейдере Билл привез их к одинокому куонсетскому ангару с выцветшей надписью на фронтоне:

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ АВАНПОСТ 19

СЛУЖБА ОХРАНЫ БАШНИ

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПРОДВИЖЕНИЕ КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩЕНО

Сюзанна предположила, что Федеральный аванпост 19 фактически располагался на территории Белых Земель Эмпатики, но воздух по мере того, как Тауэр-роуд шла под уклон, все более прогрелся и снег на земле лежал уже тоненьким покрывалом. Вдали группами росли деревья, но Сюзанна полагала, что чуть дальше деревья пропадут, и они увидят перед собой что-то похожее на прерии американского Среднего Запада. Вокруг росли кусты, которые в теплый сезон могли давать ягоды, но сейчас оголенные ветви мотались под ветром. По обеим сторонам Тауэр-роуд, когда-то с твердым покрытием, от которого остались редкие бетонные плиты, росла трава, верхняя часть торчала над снегом. Травинки шептались под ветром, и Сюзанна знала их песню: «Каммала-кам-кец, путешествию конец».

— Я не могу ехать дальше, — Билл заглушил двигатель, оборвал на

полуслове Литтл Ричарда. — Говорю вам, извините, как принято на Дуге Пограничных Земель.

Путешествие заняло один полный день и половину следующего. Все это время Билл развлекал их «золотым фондом ретро». Некоторые песни не казались Сюзанне старыми, скажем «Домик из сахара» или «Тепловая волна». Их крутили по радио, когда она вернулась из короткой поездки в штат Миссисипи. Другие она никогда не слышала. Записаны песни были не на виниловых пластинках и не на пленке, а на прекрасных серебристых дисках, которые Билл называл «сиди». Он вставлял их в щель на приборном щитке, и музыка звучала как минимум из восьми динамиков.

Ей нравилось все, но особое впечатление произвели на нее песни, которые она никогда не слышала раньше. Одна, звенящая счастьем, называлась «Она тебя любит». Вторая, грустная и задумчивая, «Эй, Джуд». Роланд, кстати, вторую знал. Пел на пару с солистом, пусть слова и отличались от тех, что слышались из динамиков кабины грейдера. На вопрос Сюзанны Билл ответил, что эту песню исполняет группа «Битлс».

— Забавное название для рок-н-рольной группы, — прокомментировала Сюзанна.

Патрик, он с Ёшем расположился на крошечном заднем сидении, похлопал ее по плечу. Она повернулась, и юноша протянул ей блокнот. Под рисунком, над которым работал, Роланд в профиль, написал: BEATTLES — не beetles.

— Это забавное слово для названия рок-н-рольной группы, как его ни напиши, — и тут Сюзанну осенило. — Патрик, ты владеешь прикосновениями? — когда он нахмурился и поднял руки, как бы говоря: «Я не понимаю?» — Сюзанна перефразировала вопрос. — Ты можешь читать мои мысли?

Он пожал плечами и улыбнулся. Это означало: «Я не знаю», — но она полагала, что Патрик знал. Знал очень хорошо.

Они подъехали к «Федерал» около полудня, а потом Билл накормил их обедом. Патрик в миг смел все с тарелки, а потом сидел чуть в стороне, с Ёшем, свернувшимся клубком у его ног, и рисовал остальных. Расположились они в зале, который раньше служил общей комнатой. Стены покрывали телевизионные экраны, по прикидкам Сюзанны их было не меньше трехсот. Конструкторы, похоже, позаботились о надежности,

потому что часть экранов еще работала. Некоторые показывали пологие холмы, окружавшие куонсетский ангар, другие только помехи, по одному бежали волнистые линии, от которых, если она смотрела на них слишком долго, начинал бултыхаться желудок. Билл объяснил, что экраны, которые показывали помехи, подсоединены к камерам, установленным на спутниках Земли, но и камеры, и сами спутники давно уже отключились. С экраном, по которому бежали волнистые линии, случилась более интересная история. Билл рассказал им, что еще несколько месяцев тому назад этот экран показывал Темную Башню. А потом, внезапно, «картинка» исчезла, и по экрану побежали волнистые линии.

— Думаю, Алому Королю не нравилось, что его снимают, — пояснил Билл. — С учетом того, что он знал о вашем приходе. Как насчет еще одного сэндвича? Уверяю вас, их еще много. Нет? Тогда тарелку супа? Что скажешь, Патрик? Ты еще очень худой, знаешь ли... слишком, слишком худой.

Патрик развернул блокнот и показал им рисунок: Билл склонялся перед Сюзанной с подносом аккуратно нарезанных сэндвичей в одной металлической руке и кувшином ледяного чая в другой. Как и все картины Патрика, эта по мастерству значительно превосходила карикатуры, и однако нарисовал он ее на удивление быстро. Сюзанна зааплодировала. Роланд улыбнулся и кивнул. Губы Патрика тоже растянулись в улыбке, но зубов он не разжал, чтобы другие не смогли заглянуть в чернеющую за ними пустоту. Потом перевернул страницу и принялся за новый рисунок.

— В гараже в задней части ангара много транспортных средств, — сообщил Билл. — И хотя большинство давно сломалось, некоторые еще на ходу. Я могу предложить вам грузовик с приводом на все четыре колеса, и, пусть я не уверен, что работает он, как часы, вы можете рассчитывать, что до Темной Башни он вас довезет. До нее, кстати, не больше ста двадцати колес.

Сюзанна вновь почувствовала, как бултыхнулся желудок. Сто двадцать колес — сто миль, может, чуть меньше. Они совсем близко. Пугающе близко.

— Наверное, у вас нет желания приближаться к Башне после наступления темноты, — продолжил Билл. — По крайней мере, я думаю, что нет, учитывая тамошнего нового жильца. Но еще одна ночь в дороге — сущий пустяк для таких бывалых путешественников, как вы, не так ли? Конечно, пустяк. И даже с ночью в дороге (если обойдется без поломок, которые, знают боги, всегда возможны), вы увидите Башню завтра утром.

Роланд долго обдумывал слова робота. Сюзанна, пока он думал,

напомнила себе, что нужно дышать, потому что какая-то ее часть этого не хотела.

«Я не готова», — думала эта часть. А другая, более глубинная часть, которая помнила каждый нюанс повторяющегося (и развивающегося сна) думала совсем другое: «Мне не положено дойти до Башни. Не положено пройти весь путь».

Наконец, Роланд заговорил.

— Я благодарю тебя, Билл, мы все говорим, спасибо тебе, я уверен, но, думаю, мы отклоним твоё доброе предложение. Если ты спросишь меня почему, ответить я не смогу. Да только какая-то моя часть думает, что завтра — слишком рано. Это часть думает, что остаток пути нам нужно пройти на ногах, как мы и прошли практически весь путь, — он глубоко вдохнул, потом выдохнул. — Я ещё не готов очутиться там. Не совсем готов.

«И ты тоже, — изумилась Сюзанна. — И ты тоже».

— Мне нужно чуть больше времени, чтобы подготовить разум и сердце. Может, и душу, — он сунул руку в задний карман и достал фотокопию поэмы Роберта Браунинга, которую им оставили в аптечном шкафчике Дандело. — Здесь что-то написано о том, что нужно вспомнить прежние времена, прежде чем идти на последнюю битву... или к последнему рубежу. Хорошо сказано. И, возможно, мне нужно вспомнить, как и отмечено в поэме, более ранние, более счастливые моменты жизни. Не знаю. Но, если Сюзанна не возражает, я считаю, что дальше нам лучше идти пешком.

— Сюзанна не возражает, — ровным голосом ответила она. — Сюзанна думает, это то, что доктор прописал. Сюзанне не нравится только один момент. Не хочет она, чтобы её тащили, как надломившуюся выхлопную трубу.

Роланд благодарно (но и рассеянно) улыбнулся ей, в последние несколько дней он как-то отдалился от неё, и повернулся к Биллу.

— Послушай, не найдется ли у тебя повозки, которую я смог бы тянуть за собой? Нам надо взять кое-какое снаряжение... и ещё Патрик. Какое-то время ему придется ехать.

На лице Патрика отразилось негодование. Он выставил перед собой руку, согнул в локте, сжал пальцы в кулак, напряг бицепс. Результат получился жалким: на исхудавшей руке бицепс напоминал перепелиное яйцо. Ему, похоже, стало стыдно, и руку он тут же опустил.

Сюзанна улыбнулась, наклонилась к нему, похлопала по колену.

— Нечего тебе стыдиться, сладенький. Не твоя вина, что ты провел

Бог знает сколько времени в клетке, как Ганс и Гретель в доме колдуньи.

— Я уверен, что такая повозка у меня есть, — ответил Билл. — И Сюзанне я подберу что-нибудь с электрическим двигателем, на аккумуляторах. Если не подберу, так сделаю. На это уйдет час или два.

Роланд что-то прикинул в уме.

— Если мы выйдем за пять часов до наступления темноты, то сможем еще сегодня пройти двенадцать колес. Или девять или десять миль, как сказала бы Сюзанна. Если мы и дальше будем продвигаться столь же неспешно, то через пять дней выйдем к Башне, которую я искал всю жизнь. Мне бы хотелось, если, конечно, получится, подойти к ней на закате, как во всех моих снах. Сюзанна?

И тут внутренний голос, этот глубинный голос прошептал: «Четыре ночи. Четыре ночи до мечты. Этого будет достаточно. Более чем достаточно». Конечно же, ка вмешается. Если они вышли за пределы ее влияния, тогда этого не случится... не может случиться. Но теперь Сюзанна думала, что ка может дотянуться до любого места, даже до самой Башни. Может, Темная Башня и была видимой ипостасью ка.

— Прекрасно, — прошептала она.

— Патрик? — спросил Роланд. — Что скажешь?

Патрик пожал плечами и махнул рукой в их сторону, не отрываясь от альбома. Делайте, что хотите, говорил его жест. Сюзанна догадывалась, что Патрик мало что знал о Темной Башне, а интересовала она его еще меньше. А чего ему ей интересоваться? Его освободили от монстра, он сытно поел. Это его вполне устраивало. Да, он лишился языка, но мог рисовать, сколько душе угодно. Она не сомневалась, что для Патрика рисование — нечто большее, чем профессия. И однако... и однако...

«Он ведь тоже не должен туда прийти. Ни он, ни Ыш, ни я. Но что тогда, с нами станет?»

Она не знала, но почему-то и не волновалась. Ка все ей скажет. Ка и ее сны.

Часом позже трое челов, ушастик-путаник и робот Билл стояли у повозки, которая чем-то напоминала увеличенную версию Роскошного такси Толстяка Хо. Колеса были высокими и тонкими, вращались плавно, безо всякого скрипа. Сюзанна подумала, что везти ее за собой будет несложно, даже груженую. Во всяком случае, пока Роланд полон сил.

Конечно, если дорога пойдет в гору, ему придется поднапрячься, но ведь они каждый день будут есть, то есть груза на Хо-2 будет становиться все меньше... и она сомневалась, что по пути им встретится много холмов. Они вплотную подошли к равнине, к прериям, хребты, покрытые снегом или заросшие деревьями, остались позади. Для нее Билл приготовил электрокар, больше похожий на скутер, чем на тележку для гольфа. Так что дни, когда ее тащили сзади, как надломленную выхлопную трубу, остались в прошлом.

— Если ты дашь мне еще полчаса, я все зашлифую, Билл пробежался трехпалой стальной рукой по зазубринам переднего края повозки, которая теперь стала Хо-2. Раньше она была половиной четырехколесного прицепа, который Билл распилит пополам.

— Мы говорим, спасибо тебе, но необходимости в этом нет, — ответил Роланд. — Прикроем зазубрины парой шкур, и все дела.

«Ему не терпится тронуться в путь, — подумала Сюзанна. — И почему нет, он так долго шел к Башне. Мне тоже не терпится».

— Ну, как ты скажешь, так и будет, — по голосу Билла чувствовалось, что он опечален. — Мне так не хочется, чтобы вы уходили. Когда еще я увижу челов?

На этот вопрос ему никто не ответил. Они не знали.

— На крыше установлен очень мощный гудок, — Билл указал на ангар. — Я не знаю, по какому поводу должен подаваться сигнал, может при утечке радиации или при нападении, но мне известно, что слышен он за добрую сотню колес. Даже дальше, если ветер дует в нужном направлении. Если я увижу того типа, который, как вы считаете, преследует вас, или если его засекут еще работающие датчики движения, я включу гудок. Может, вы его услышите.

— Спасибо тебе, — поблагодарил робота Роланд.

— Если бы вы ехали, то легко обогнали бы его, — добавил Билл. — Добрались бы до Башни и никогда его не увидели.

— Ты говоришь правильно, — согласился Роланд, но чувствовалось, что он не склонен менять принятого решения, что Сюзанну только порадовало.

— А что ты сделаешь с тем, кого зовешь его Алым Отцом, если он действительно контролирует Кан'-Ка Ноу Рей?

Роланд покачал головой, хотя он и обсуждал с Сюзанной такой расклад. Он думал, что им следует обогнуть Башню по широкой дуге и подойти к основанию с той стороны, что оставалась невидимой с балкона, на котором заточили Алого Короля. И тогда они могли подобраться к двери

под балконом. Но они не могли знать, возможно ли такое, не увидев Башни и окружающей ее территории.

— Ну, даст Бог — будет и вода, — изрек робот, которого раньше звали Запинающийся Билл, — или как там говорили древние люди. И, возможно, я еще увижу вас, хотя бы на пустоши в конце тропы, если нигде больше. Если роботам разрешают ступить туда. Я на это надеюсь, потому что хотел бы вновь повидать многих из тех, кого знал.

И голос его звучал так печально, что Сюзанна подползла к нему и вскинула руки, чтобы он поднял ее, не думая о том, что обнять робота — абсурд. Но он ее поднял, а она его обняла, и обняла крепко. Билл искупил вину злобного Энди из Кальи Брин Стерджис, и уже за это, если ни за что другое, заслужил ее объятий. Когда его титаново-стальные руки сомкнулись на теле Сюзанны, она подумала, что Билл вполне мог переломить ее надвое, если б захотел. Но такого желания у Билла не возникло. Он держал ее очень нежно.

— Долгих дней и приятных ночей, Билл, — сказала она ему. — Пусть у тебя все будет хорошо, мы все так говорим.

— Спасибо, мадам, — он опустил ее на землю. — Я говорю спа... я говорю спа... спа... — Уииип! Он сильно стукнул себя по голове. — Я говорю, спасибо вам, — пауза. — Заикание я поправил, все правильно, но, как я, возможно, говорил вам, я не начисто лишен эмоций.

Патрик удивил их, отшагав почти четыре часа рядом со скутером Сюзанны, прежде чем устал и забрался на Хо-2. Они прислушивались, не раздастся ли гудок, извещающий о том, что Билл увидел Мордредра (или его засекли приборы Федерального аванпоста), но не услышали его, хотя ветер дул им в спину. К закату они миновали зону сплошного снежного покрова. Теперь шли практически по равнине, отбрасывая длинные-предлинные тени.

Когда они, наконец, остановились на ночлег, Ролан собрал достаточно дров для костра, а Патрик, который заснул в повозке, проснулся с тем, чтобы съесть огромную порцию венских сосисок с тушеной фасолью. (Сюзанна, наблюдая, как бобы исчезают в лишенном языка рте Патрика, напомнила себе, что нужно потеплее укутать его, когда сама ляжет спать). Она и Ыш ели с аппетитом, а вот Роланд едва притронулся к еде.

После обеда Патрик взял альбом, собрался рисовать, хмурясь,

посмотрел на карандаш, протянул руку к Сюзанне. Она знала, что ему нужно, и достала стеклянную банку из маленького мешка для всяких мелочей, который висел у нее на плече. В банке лежала единственная точилка для карандашей, которую она держала у себя, потому что боялась, что Патрик ее потеряет. Конечно, Роланд мог бы заточивать ему карандаш ножом, но это сказалось бы на качестве острия. Сюзанна отвернула крышку, высыпала на ладонь ластик, скрепки и требуемый предмет. Передала его Патрику, который буквально в два оборота заточил карандаш, вернул Сюзанне точилку и тут же принялся за работу. Какие-то мгновения она смотрела на розовые ластик, вновь задумавшись, а почему Дандело решил их отрезать. Чтобы подразнить юношу? Если так, то его замысел не удался. По прошествию лет, когда импульсы от мозга к кончикам пальцев будут передаваться не столь быстро и точно (каналы связи зашлакуются), когда его несомненный талант будет реализоваться не только в рисунках, ему, возможно, и понадобятся ластик. Но пока даже ошибки становились шедевром.

Рисовал он недолго. Когда Сюзанна увидела, как он клюет носом над альбомом в оранжевом отсвете скатившегося за горизонт солнца, она вытащила альбом из несопротивляющихся пальцев, уложила юношу на повозку (стоявшую ровно, поскольку ее передняя часть опиралась на торчащий из земли валун), укрыла шкурами, поцеловала в щеку.

Сонный, Патрик протянул руку и коснулся болячки под нижней губой Сюзанны. Она скривилась, но не отдернула голову. Язву снова накрыла плотная корка, но любое прикосновение причиняло боль. Чего там, в эти дни даже попытка улыбнуться отдавалась болью. Рука упала, Патрик уснул.

Небо усыпали звезды. Роланд с жадностью разглядывал их.

— Что ты видишь? — спросила она его.

— А что видишь ты? — ответил он вопросом. Сюзанна оглядела сверкающий звездами небосвод.

— Ну, вот Старая Звезда и Древняя Мать, но они, похоже, сдвинулись к западу. А это... Боже ты мой! — она положила руки на заросшие щетиной щеки (настоящей бороды у Роланда не было, только трехдневная щетина) и повернула его голову. — Его там не было, когда мы уходили от Западного моря, я знаю, что не было. Это созвездие из нашего мира Роланд, мы называем его Большая Медведица.

Он кивнул.

— Когда-то, согласно древнейшим книгам из библиотеки моего отца, оно сияло на небе и в нашем мире. Ковш Лидии, так оно называлось. И теперь оно появилось вновь, — улыбаясь, он повернулся к Сюзанне. —

Еще один признак жизни и возрождения. Как, должно быть, противно Алому Королю смотреть на небо со своего балкона и видеть, что оно появилось вновь.

6

Вскоре Сюзанна заснула. И увидела сон.

7

Она в Центральном парке, под ярко-серым небом, с которого вновь планируют первые редкие снежинки. Неподалеку поют не «Молчаливую ночь» и не «Что это за дитя», но песню Риса:

«Тянишь, рис зелен,
Расти рис ядрен.
Тянишь рис зелен,
Кам-кам-каммала».

Сюзанна снимает шапочку, опасаясь, что та каким-то образом изменится, но нет, на шапочке по-прежнему вышито «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!» и

(тут никаких близнецов)
она успокаивается.

Оглядывается, и вот они, Эдди и Джейк, улыбаются ей. Оба с непокрытыми головами; она забрала их шапочки. Соединила их шапочки в одну.

На Эдди фуфайка с надписью: «Я ПЬЮ НОЗЗ-А-ЛА».

На Джейке фуфайка с надписью «Я ЕЗЖУ НА „ТАКУРО СПИРИТ“».

В этом для нее нет ничего нового. А вот то, что она видит у них за спиной, неподалеку от въезда для карет со стороны Пятой авеню, для нее новинка. Речь идет о двери, высотой примерно в шесть с половиной футов, из прочного железного дерева, как представляется на первый взгляд. Ручка у двери из литого золота, на ней гравировка, которую леди-стрелок узнает: две скрещенных карандаша. «Эберхард-Фабер» № 2, в этом она не сомневается. Со срезанными ластиками.

Эдди протягивает ей чашку горячего шоколада. Со сливками поверху, присыпанными мускатным орехом. «Эй, — говорит он, — я принес тебе горячий шоколад».

Она не обращает внимания на протянутую ей чашку. Во все глаза смотрит на дверь.

— Такие же стояли на берегу, не правда ли? — спрашивает она.

— Да, — отвечает Эдди.

— Да, — вторит ему Джейк.

— Ты сообразишь, что к чему, — говорят они хором, улыбаются друг другу, очень довольные.

Она проходит мимо них. На тех дверях, через которые «извлекал» их Роланд, были надписи: «ПЛЕННИК», «ГОСПОЖА ТЕНЕЙ» и «ТОЛКАЧ». На этой — символы

, а ниже надпись:

ХУДОЖНИК

Она поворачивается к Эдди и Джейку, но их уже нет. Центрального парка тоже нет.

Она смотрит на развалины Луда, на бесплодные земли. Холодный, горький ветерок доносит слова: «Время почти истекло... Поторопись...»

Проснулась она в панике, думая: «Я должна его покинуть... и будет лучше, если я сделаю это до того, как Темная Башня покажется на горизонте. Но куда я пойду? И как смогу оставить его, если ему предстоит схватиться с Мордредом и Алым Королем, а рядом с ним останется только Патрик?»

Последняя мысль перекинула мостик к печальному выводу: если дело дойдет до драки, от Ёша пользы Роланду будет куда больше, чем от Патрика. Ушастик-путаник не раз и не два доказывал свою храбрость и мог бы по праву носить титул стрелка, будь у него револьвер и рука, которая могла бы его держать. Патрик же... Патрик был... ну, стрелял карандашом. Стрелял быстрее молнии, да только «Эберхард-Фабер» едва ли кого мог убить, разве что очень уж остро заточенный.

Она села. Роланд, который нес вахту, привалившись к скутеру с дальней стороны, не заметил, что она проснулась. Она и не хотела, чтобы

он заметил. Потому что начал бы задавать вопросы. Снова легла, укрылась шкурами, подумала об их первой охоте. Вспомнила, как олень-одногодок развернулся и побежал на нее, как она обезглавила его орисой. Вспомнила посвист, разносящийся по морозному воздуху, который издавал в полете выступ на обратной стороне тарелки, очень похожий на точилку для карандашей Патрика. Подумала, что ее разум пытается найти какую-то связь, но слишком устала, чтобы понять, что и как тут можно связать. А может, она слишком уж старалась найти эту связь. Если так, что же ей с этим делать?

Одно она знала точно, с того времени, как побывала в Калье Брин Стерджис. Символы на двери, которая вдруг возникла в Центральном парке, означали: «НЕНАЙДЕННАЯ».

«Время почти истекло. Поторопись».

На следующий день пришли слезы.

Вдоль дороги хватало кустов, за которые она могла зайти, чтобы справить нужду (и выплакать слезы, если больше не могла их сдерживать), но равнина становилась все более плоской и открытой. Примерно в полдень второго полного дня, проведенного в пути после того, как они расстались с Биллом, Сюзанна увидела, как ей показалось, тень от облака,двигающуюся далеко впереди, да только небо было синим от горизонта к горизонту. Потом большое черное пятно начало трансформироваться, и стало ясно, что к облаку оно не имеет никакого отношения. У Сюзанны перехватило дыхание, она остановила электрический скутер.

— Роланд! — воскликнула она. — Это же стадо буйволов, а может, это бизоны! Другого просто быть не может.

— Да, ты так говоришь? — особого интереса в голосе Роланда не слышалось. — Мы звали их банноками, давным-давно. Большое стадо.

Патрик уже стоял на задней части Хо-2, его карандаш так и летал по странице альбома. Потом перехватил карандаш, зажал желтый корпус в ладони и начал ретушировать рисунок. Она буквально могла ощутить пыль, поднимаемую стадом, которую он сейчас изображал на бумаге. Впрочем, ей показалось, что он взял на себя смелость пододвинуть стадо на пять или десять миль ближе. Впрочем, зрение у него могло быть более острым. Такое, решила, Сюзанна, вполне возможно. Но в любом случае, теперь и ее глаза приспособились и она могла получше разглядеть бизонов. Их

большущие мохнатые головы. Даже черные глаза.

— Такое стадо не встречалось в Америке уже больше ста лет.

— Да? — по-прежнему лишь легкий интерес. — Но здесь их полным полно, должен сказать. Если маленький тет окажется на расстоянии выстрела, давай убьем парочку. Я не прочь отведать свежего мяса, которое отличается от оленины. А ты?

Она ответила улыбкой. Улыбнулся и Роланд. И вновь ей пришла в голову мысль, что скоро она навсегда расстанется с ним, этим человеком, которого она принимала за мираж или демона, прежде чем узнала его антет и дан-дин. Эдди умер. Джейк умер, и скоро она расстанется с Роландом из Гилеада. Он тоже умрет? Или умрет она?

Она посмотрела на яркое солнце, чтобы он не понял истинной причины ее слез, если б заметил их. Они продвигались на юго-восток, по этой великой и пустой равнине, навстречу усиливающемуся биению, источником которого была Башня, стоявшая на оси всех времен и самого времени.

Бит-бит-бит.

Каммала-кам-кец, путешествию конец.

В ту ночь первой дежурила она, разбудила Роланда около полуночи.

— Я думаю, он где-то там, — она указала на северо-запад. Уточнять не имело смысла. Речь могла идти только о Мордредде. Все остальные ушли. — Будь настороже.

— Буду, — ответил он. — А если услышишь выстрел, тут же просыпайся. И быстро.

— Можешь на это рассчитывать, — и она легла на сухую зимнюю траву за Хо-2. Поначалу у нее не было уверенности, что она сможет заснуть: ее нервировало достаточно близкое присутствие их врага. Но заснула.

И увидела сон.

Сон во вторую ночь был схож и при этом отличался от сна в первую. Главные элементы остались: Центральный парк, серое небо, редкие снежинки, поющие голоса (на этот раз исполнялась песня «Пойдем со мной», давний хит группы «Дел-Викингс»), Джейк («Я ЕЗЖУ НА „ТАКУРО СПИРИТ“»), Эдди (на этот раз в фуфайке с надписью „КЛИК! ЭТО ФОТОКАМЕРА ШИННАРО“). Эдди держит в руке кружку с горячим

шоколадом, но не предлагает ей. Она видит озабоченность не только в их глазах, но и в напряженности, которая сковывает тела. А вот и главное отличие этого сна: она должна что-то видеть или что-то делать, а может, и то, и другое. Что бы эти ни было, они ожидали, что она это уже увидела, или сделала, а она не оправдывает их ожиданий.

И тут в голове возникает ужасный вопрос: а может, она сознательно не оправдывает их ожиданий? Может, есть что-то такое, с чем она не хочет встретиться лицом к лицу? А может, все дело в Темной Башне, которая нарушает связь? Конечно же, это глупая идея — эти люди, которых она сейчас видит — всего лишь творения ее жаждущего увидеть их воображения, не более того; они все мертвы! Эдди убила пуля, Джейка погиб под колесами автомобиля... один пал в этом мире, другой — в Ключевом мире, где развлечение — это развлечение, а сделанного не вернешь (потому что время течет там в одну сторону), а Стивен Кинг — их выдающийся поэт.

И однако, она не может отрицать, что выражение их лиц, паника на их лицах вроде бы говорит ей: «Все у тебя в руках, Сюзи... у тебя то, что мы хотим тебе показать, у тебя то, что ты должна знать. Ты собираешься упустить свой шанс? Пошла четвертая четверть. Пошла четвертая четверть, и часы тикают, и будут тикать, должны тикать, потому что ты использовала все свои тайм-ауты. Ты должна поторопиться... поторопись...»

11

Она резко проснулась, со вздохом. До зари оставалось совсем ничего. Провела рукой по лбу. Ладонь повлажнела от пота.

«Что, по-твоему, я должна знать, Эдди? Ты хочешь, чтобы я знала что?»

На этот вопрос ответа у нее не было. И откуда он мог взяться? «Миста Дин, он мертв», — подумала Сюзанна и вновь легла. Пролежала еще час, но заснуть уже не смогла.

12

Как Хо-1, Хо-2 снабдили рукоятками. Но, в отличие от Хо-1, эти были регулируемыми. Если Патрик хотел идти, рукоятки раздвигались, и тогда он брался за одну, а Роланд — за другую. Если Патрик уставал и садился на

повозку, Роланд сдвигал рукоятки и вез повозку один.

В полдень они остановились перекусить. После еды Патрик забрался на Хо-2, чтобы вздремнуть. Роланд подождал, пока не услышал, что мальчик (они продолжали так называть его между собой, каким бы ни был его возраст) похрапывает, и повернулся к Сюзанне.

— Что тебя гнетет, Сюзанна? Я бы предпочел, чтобы ты мне сказала. Я бы поговорил с тобой дан-дин, путь ка-тета больше нет, а я уже не твой дин, — он улыбнулся. И переполнявшая улыбку грусть разбила ей сердце, так что она больше не могла сдерживать слезы. И правду.

— Если я буду с тобой, когда мы увидим Башню, Роланд, все будет плохо.

— Как плохо? — спросил он.

Она покачала головой, слезы полились еще сильнее.

— Где-то должна быть дверь. Ненайденная Дверь. Но я не знаю, как ее найти. Эдди и Джейк приходят ко мне во сне и говорят, что я знаю, они говорят мне это своими взглядами, но я не знаю! Клянусь, что не знаю!

Он обнял ее, прижал к груди, поцеловал в ложбинку виска. Под нижней губой пульсировала болью язва. Она еще не кровила, но раздувалась все сильнее.

— Пусть будет, как будет, — повторил Роланд слова, однажды услышанные от матери. — Пусть будет, как будет, не нужно суетиться, позволим ка делать свою работу.

— Ты говорил, что мы вне досягаемости ка.

Он качал ее на руках, качал, и ей это нравилось. Ее это успокаивало.

— Я ошибся. Как ты знаешь.

На третью ночь она несла вахту первой, и смотрела в ту сторону, откуда они пришли, на северо-запад, вдоль Тауэр-роуд, когда рука схватила ее за плечо. Ужас выпрыгнул в ее разум, как черт из табакерки, она развернулась

(он позади меня, Святой Боже, Мордред подкрался ко мне сзади, и он в обличье паука)

рука ее уже сжала рукоятку револьвера и выхватила его из-за пояса.

Патрик отпрянул от нее, его лицо вытянулось от ужаса, он вскинул руки, загоразживаясь. Если б вскрикнул, они бы точно разбудили Роланда, и все пошло бы по-другому. Но он слишком испугался, чтобы кричать. В

горле у него что-то булькнуло, и все.

Сюзанна убрала револьвер, показала ему, что руки пусты, потом подтянула к себе, обняла. Поначалу тело его оставалось напряженным, он все еще боялся, но мало-помалу расслабилось.

— В чем дело, дорогой? — мягко спросила она. Потом воспользовалась фразой Роланда, не отдавая себе в этом отчета. — Что тебя гнетет?

Он подался назад и показал на север. На мгновение она не поняла, в чем дело, потом увидела пляшущие оранжевые огни. Прикинула, что до них несколько миль, вспомнила, что уже видела их раньше.

Заговорила шепотом, чтобы не разбудить Роланда: «Это всего лишь светящиеся пятнышки, сладенький, они не причинят тебе вреда. Роланд называет их гобами. Это что-то вроде огня святого Эльма».

Но он понятия не имел, что такое огни святого Эльма; она видела это по неуверенности, читающейся в глазах. Она вновь повторила ему, что огоньки не причинят ему вреда, и действительно, гобы к ним не приблизились. Наоборот, у нее на глазах начали удаляться и вскоре практически все исчезли. Возможно, она отогнала их своими мыслями. Раньше бы она в такое не поверила, но теперь знала, что возможно все.

Патрик начал успокаиваться.

— Почему бы тебе не лечь спать, сладенький? Ты должен отдохнуть, — ей тоже требовался отдых, но она боялась закрыть глаза. Скоро ей предстояло разбудить Роланда, а во сне к ней наверняка явились бы призраки Джейка и Эдди, более испуганные, чем прежде. Снова стали бы убеждать, что она знает что-то важное, тогда как она не знала, не могла знать.

Патрик покачал головой.

— Не спится? — Он кивнул.

— Тогда почему бы тебе не порисовать? — Рисование всегда его успокаивало.

Патрик улыбнулся, кивнул, тут же направился к Хо-2 за альбомом, осторожными, бесшумными, большими шагами, чтобы не разбудить Роланда. Рисовать Патрику хотелось всегда. Сюзанна догадалась, что и выжил он в подвале Дандело прежде всего потому, что знал: рано или поздно эта мерзкая тварь даст ему альбом и карандаш. «Он — такой же наркоман, как и Эдди, в те давние дни, когда тот прочно сидел на игле, — размышляла она, — только наркотик у него другой — узенькая графитовая линия».

Патрик сел и начал рисовать. Сюзанна продолжала нести вахту, но

чувствовала странное покалывание во всем теле, словно от того, что за ней пристально наблюдали. Снова подумала о Мордредде, улыбнулась (улыбка принесла с собой боль: язва все раздувалась и раздувалась). Не Мордред — Патрик. За ней наблюдал Патрик.

Патрик ее рисовал.

Она просидела, не шевелясь двадцать минут, потом ее разобрало любопытство. Для Патрика двадцати минут вполне хватило бы, чтобы нарисовать «Мону Лизу», может, и на фоне базилики святого Павла. И покалывание было каким-то странным, будто причина была не психологическая, а физическая.

Она подошла к Патрику, но тот, с несвойственной ему стеснительностью, прижал альбом к груди. Но при этом хотел, чтобы она посмотрела на рисунок: желание это читалось в его глазах. Собственно, взгляд его переполняла любовь, хотя она подумала, что влюбился он в нарисованную Сюзанну.

— Дай я посмотрю, сладенький, — она взялась рукой за альбом. Но дергать не собиралась, даже если ему того и хотелось. Художник — он, вот и право решать, показывать свое творение или нет, принадлежало только ему. — Пожалуйста?

Еще с мгновение он прижимал альбом к груди. Потом, застенчиво, отведя глаза, отпустил. Она повернула альбом рисунком к себе, посмотрела. У нее перехватило дыхание, до того хорош был рисунок. Большие глаза. Высокие скулы, про которые ее отец говорил: «Эти сокровища Эфиопии». Полные губы, которые так любил целовать Эдди. Эта была она, такая же, как в жизни... но было и что-то, помимо нее. Сюзанна бы никогда не поверила, что любовь могла так ярко сиять в совершенной наготы в линиях карандаша, но она сияла, ты говоришь правильно, ты говоришь так правильно; любовь мальчика к женщине, которая спасла его, которая вытащила из черной дыры, где он наверняка бы и умер. Любовь к ней, как к матери, любовь к ней, как к женщине.

— Патрик, это божественно! — воскликнула она.

Он озабоченно посмотрел на нее. С сомнением. «Действительно?» — спрашивали его глаза, и она осознала, что только он, бедный Патрик, который жил со своим талантом всю жизнь и воспринимал его, как должное, мог сомневаться в удивительной красоте своих творений. Рисование доставляло ему радость; это он знал всегда. А вот то, что его рисунки могли радовать других... к этому еще предстояло привыкнуть. Она вновь задалась вопросом, а сколько времени Патрик провел у Дандело, как вообще эта злобная тварь наткнулась на Патрика? Решила, что этого ей

никогда не узнать. А пока следовало убедить его в собственном таланте.

— Да, да, это божественно, — повторила она. — Ты прекрасный художник, Патрик. Когда я смотрю на этот рисунок, мне сразу становится хорошо.

Вот тут он забыл о том, что должен сцеплять зубы. И улыбка его, с языком или без оного, была такой чудесной, что Сюзанна могла бы наслаждаться ей вечно. От этой улыбки все ее страхи и тревоги стали маленькими и глупыми.

— Могу я оставить его у себя?

Патрик с жаром кивнул. Сделал движение рукой, словно вырывая лист, потом указал на нее. «Да! Вырви его! Возьми! Оставь себе!»

И она уже собралась вырвать лист, потом передумала. Его любовь (и его карандаш) превратили ее в красавицу. Единственно, что портило красоту — черная болячка под нижней губой. Она повернула рисунок к Патрику, постучала пальцем по нарисованной болячке, потом коснулась настоящей. Поморщилась. Даже легкое прикосновение причиняло боль.

— Это единственное, что огорчает.

Он пожал плечами, развел руками, и она не могла не рассмеяться. Смеялась тихо, чтобы не разбудить Роланда, но да, смеялась. На ум пришла фраза из какого-то старого фильма: «Я рисую то, что вижу».

Но ведь это рисовать не обязательно, и внезапно ей пришла в голову мысль, что он может разобраться с этой отвратительной, доставляющей боль язвой. Во всяком случае, с той, что существовала на бумаге.

«И тогда она будет моим близнецом, — мечтательно подумала Сюзанна. — Моей лучшей половиной; моей красивой сестрой-бли...»

Внезапно она поняла.

Все? Поняла все?

Да, много позже, подумав об этом, решила, что да. Конечно, речь не могла идти о связанных умозаключениях, которые можно записать на бумаге: если $a + b = c$, тогда $c - b = a$, и $c - a = b$, но да, она поняла все. Не удивительно, что Эдди-из-сна и Джейк-из-сна так тревожились и, пожалуй, даже злились. Это же было столь очевидно.

Патрик ее не рисовал — «извлекал».

И «извлекали» ее не в первый раз.

Роланд «извлек» ее в свой мир... с помощью магии.

Эдди «извлек» ее для себя с помощью любви.

Как и Джейк.

Святой Боже, она провела в этом мире так много времени, столько пережила, не зная, что такое ка-тет, что означает это слово? Ка-тет —

семья.

Ка-тет — любовь.

Нарисовать — создать рисунок карандашом, может углем.

«Извлечь» — пленить, принудить, подтянуть к себе. Заставить выйти из собственного я.

Патрик действительно не просто нарисовал ее. Создал двойника, только на бумаге. И теперь... что теперь?

«А теперь он — мой маг», — подумала Сюзанна/Одетта/Детта, и полезла за стеклянной банкой, точно зная, что она собирается делать и почему.

Когда она протянула Патрику альбом, не вырвав лист со своим изображением, на его лице отразилось горькое разочарование.

— Нет, нет, — успокоила она его голосом всех трех. — Я только хочу, чтобы ты кое-что сделал до того, как возьму этот рисунок, на котором я такая красивая, такая очаровательная, такая желанная. А потом вечно буду хранить его и знать, какой я была в этом где, в этом когда.

Она протянула Патрику один из розовых резиновых цилиндров, теперь понимая, почему Дандело отрезал их. У него были на то веские причины.

Патрик взял ластик, повертел его в пальцах, хмурясь, словно никогда не видел раньше. Но Сюзанна точно знала, что видел, да только сколь давно, сколько лет тому назад? Как близко он подошел к тому, чтобы уничтожить своего мучителя, раз и навсегда? И почему тогда Дандело просто его не убил?

Патрик в недоумении смотрел на нее. На глазах навернулись слезы.

Сюзанна присела рядом с ним, указала на черную болячку на рисунке. Затем аккуратно сжала пальцами запястье Патрика и повела его руку к бумаге. Поначалу он сопротивлялся, потом позволил Сюзанне управлять его рукой.

Она подумала о тени на земле, которая оказалась совсем не тенью, а стадом крупных, мохнатых животных, которых Роланд назвал банноками. Подумала о том, как смогла унюхать пыль, когда Патрик начал рисовать пыль. И подумала, как Патрик рисовал стадо: когда он нарисовал его ближе, чем оно было на самом деле (право художника, и мы все говорим спасибо), оно действительно стало выглядеть так, будто находится ближе. Она вспомнила свои мысли о том, что ее глаза просто лучше приспособились, и теперь могла только поражаться собственной глупости.

Нет, Патрик переместил их ближе, переместил ближе, нарисовав ближе.

И когда ластик, который держали пальцы Патрика, практически

коснулся бумаги, Сюзанна убрала свою руку: Патрику предстояло все сделать самому, каким-то образом она это знала. Она двинула пальцами взад-вперед в воздухе, показывая, что надо сделать. Он не понял. Она повторила, потом указала на черную болячку под полной нижней губой.

— Убери ее, Патрик, — удивилась твердости собственного голоса. — Она уродливая, убери ее, — и вновь ее сомкнутые пальцы качнулись, как маятник, из стороны в сторону. — Сотри.

Вот тут до него дошло. Она увидела, как загорелись его глаза. Он поднял розовый цилиндр. Чистейше-розовый, без единого темного пятнышка. Посмотрел на Сюзанну, вскинув брови, как бы спрашивая: «Ты уверена?»

Она кивнула.

Патрик опустил ластик к болячке и начал стирать ее с бумаги, поначалу очень осторожно. Затем, увидел, что происходит, и его рука задвигалась более энергично.

Она почувствовала то самое странное покалывание, которое испытывала, когда Патрик рисовал ее портрет. Только теперь оно ощущалось в одном месте, с правой стороны рта. Когда Патрик коснулся ластиком бумаги, покалывание перешло в сильный зуд. Ей пришлось врыться пальцами в землю по обе стороны от себя, чтобы удержаться от нестерпимого желания поднести руку к болячке и яростно чесать и чесать ее, не задумываясь о том, что из-под содранной корки кровь потоком хлынет на ее юбку из оленьей шкуры.

«Все закончится через несколько секунд, должно закончиться, должно, о, дорогой Боже, пожалуйста, СДЕЛАЙ ТАК, ЧТОБЫ ВСЕ...»

Патрик, вроде бы, полностью о ней забыл. Смотрел на свой рисунок, волосы, падавшие с обеих сторон лица, едва ли не полностью скрывали его. Все внимание юноши сосредоточилось на чудесной новой игрушке. Сначала он стирал осторожно... потом надавил сильнее (зуд усилился)... вновь ослабил давление. Сюзанна едва сдерживала крик. Теперь зудело везде. Зуд этот жег мозг, впивался в яблоки глаз, теребил кончики сосков, заставляя их твердеть.

«Я закричу, ничего не смогу с собой поделаться, должна закричать ...»

Она набрала полную грудь воздуха, чтобы он вышел криком, но внезапно зуд ушел. Вместе с болью. Она подняла руку, чтобы коснуться

того места под нижней губой, где была язва, но до лица не донесла.

«Я не решусь».

«Не тяни резину! — негодуяюще отреагировала Детта. — После того, что ты пережила... мы все пережили... у тебя должно остаться достаточно силы духа, чтобы коснуться собственного гребаного лица, трусливая ты сука!»

Ее пальцы осилили оставшееся до лица расстояние. Ощупали кожу. Гладкую кожу. Язва, которая беспокоила ее чуть ли не от самого Тандерклепа, исчезла. И она знала, если посмотрит в зеркало или в стоящую воду, шрама не увидит.

Патрик еще немного поработал, сначала ластиком, потом карандашом, но Сюзанна более не чувствовала ни зуда, ни даже легкого покалывания. Создавалось ощущение, что связь между лицом и рисунком оборвалась, как только Патрик миновал некую критическую точку. Сюзанна задумалась, а сколько лет было Патрику, когда Дандело срезал с карандашей ластики? Четыре? Шесть? Он точно был маленьким. Она не сомневалась, что недоумение, отразившееся на лице Патрика при виде ластика, не было фальшивым, но, начав работать, он уже использовал ластик, как профессионал.

«Может, та же история, что и с ездой на велосипеде, — подумала она. — Научившись раз, уже не забудешь».

Она ждала, едва сдерживая нетерпение, но после пяти долгих минут ее усилия были вознаграждены. Улыбаясь, Патрик развернул альбом и показал ей рисунок. Он полностью убрал болячку и заретушировал это место так, что оно ничем не отличалось ни от щеки, ни от подбородка. И он убрал все мельчайшие крошки резины.

— Очень хорошо, — сказала она, но гениям, конечно, не говорят таких жалких комплиментов, не так ли?

Поэтому она наклонилась вперед, обняла его, крепко поцеловала в губы.

— Патрик, это восхитительно.

Кровь с такой силой и скоростью прилила к его лицу, что поначалу она даже испугалась, а не хватит ли его удар, несмотря на молодость. Но он улыбался, держа альбом одной рукой, а второй показывая, что лист нужно вырвать. Он хотел, чтобы она взяла рисунок. Хотел, чтобы рисунок остался

у нее.

Сюзанна вырвала лист очень аккуратно, гадая в темных глубинах сознания, а что произойдет, если она разорвет рисунок, разорвет себя, пополам. Заметила, что на его лице, когда она вырывала лист, не отразилось ни изумления, ни удивления, ни страха. Он не мог не видеть болячку на ее лице, потому что она сразу бросалась в глаза и была там с той самой поры, когда они встретились, вот он и нарисовал болячку чуть ли не с фотографической точностью. Теперь она исчезла, пальцы ясно говорили об этом, но Патрик никак не реагировал на этот феномен. Вывод напрашивался сам собой. Стирая язву с рисунка, он одновременно стирал ее из памяти.

— Патрик?

Он посмотрел на нее, улыбаясь. Счастливый тем, что она очень счастлива. А тот факт, что она, к тому же, и перепугалась до смерти, ничего не менял.

— Ты нарисуешь для меня кое-что еще?

Он кивнул. Что-то черкнул на чистом листе, повернул альбом, чтобы она увидела:

Она посмотрела на знак вопроса, потом на Патрика. Увидела, что он сжимает в пальцах ластик, удивительный новый инструмент, очень крепко.

— Я хочу, чтобы ты нарисовал мне то, чего здесь нет, — ответила Сюзанна.

Он вопросительно склонил голову набок. Ей пришлось улыбнуться, несмотря на тревожно бьющееся сердце: иногда Ёш выглядел точно также, если не на все сто процентов понимал, о чем она толкует.

— Не волнуйся, я тебе объясню.

И она объяснила, очень подробно. В какой-то момент Роланд услышал ее голос и проснулся. Подошел, глянул на нее в сумрачном красном свете догоревшего до углей костра, начал отворачиваться, затем посмотрел вновь, его глаза широко раскрылись. До этого момента у нее не было уверенности, что Роланд заметит произошедшие с ее лицом изменения. Она не исключала, что магия Патрика достаточно сильна, чтобы стереть язву и из памяти стрелка.

— Сюзанна, твое лицо! Что случилось с твоим...

— Помолчи, Роланд, если любишь меня.

Стрелок замолчал. Сюзанна повернулась к Патрику и начала говорить вновь, спокойно, но настойчиво. Патрик слушал и наконец, она увидела, как в его глазах начал разгораться свет понимания.

Роланд подбросил дров в костер, пусть никто не просил его об этом, и

скоро их маленький лагерь засиял под звездами.

Патрик написал вопрос, расположив слова левее уже нарисованного вопросительного знака:

Какой высоты?

Сюзанна взяла Роланда за руку, поставила перед Патриком. Стрелок возвышался над землей на шесть футов и три дюйма. Она попросила Роланда поднять ее, потом отмерила рукой еще три дюйма над головой стрелка. Патрик, улыбнувшись, кивнул.

— И посмотри, что еще должно быть на двери, — Сюзанна, после того, как Роланд опустил ее на землю, выбрала ветку из маленькой кучки сухого хвороста, который они везли с собой для растопки. Сломала о колено, создав свой острый «карандаш». Она могла вспомнить символы, но решила, что будет лучше, если не станет очень уж сосредотачиваться на них. Чувствовала, что символы должны полностью совпадать с увиденными во сне, а не то дверь, которую создал бы Патрик, перенесет ее совсем не в то место, куда она хотела попасть, или не откроется вовсе. А потому, с того самого момента, как она начала рисовать на слое земли и золы, рука ее по скорости не уступала руке Патрика. И она ни разу не позволила себе взглянуть хотя бы на один из уже нарисованных символов. Потому что, взглянув на один, она наверняка взглянула бы и на остальные, ей бы показалось, где-то что-то не так, и возникающая нерешительность не позволила бы довести дело до конца. Детта, грубая, сыплющую ругательствами Детта, которая не раз и не два становилась ее спасительницей, и теперь могла прийти на помощь, но особо Сюзанна на это не рассчитывала. В глубине сердца она по-прежнему далеко не полностью доверяла Детте, опасалась, что в критический момент та все испортит, исключительно из вредности. Не полностью она доверяла и Роланду. Стрелок, возможно, хотел, чтобы она оставалась с ним, по причинам, которые не до конца понимал и сам.

Она рисовала на пыли и золе, рисовала быстро, не возвращаясь к уже нарисованному, и вот какие символы появились из-под летающего острия ее самодельного инструмента.

— Ненайденная, — выдохнул Роланд. — Сюзанна... что... как...

— Помолчи, — повторила она.

Патрик склонился над альбомом и начал рисовать.

Она продолжала оглядываться в поисках двери, но круг света, отбрасываемый костром, оставался слишком маленьким и после того, как Роланд подбросил дров. Маленьким в сравнении с необъятной темнотой прерий. Двери она не находила. Когда повернулась к Роланду, увидела невысказанный вопрос в его глазах и поэтому, пока Патрик продолжал работать, показала ему свой портрет, нарисованный юношей. Ткнула пальцем в то место, где была язва. Поднеся лист к глазам, Роланд разглядел следы ластика. Патрик заретушировал их очень хорошо, но, при пристальном рассмотрении, Роланд все-таки смог их обнаружить, как хороший следопыт обнаруживает старый след после многодневных дождей.

— Не удивительно, что старик срезал с карандашей ластики, — прокомментировал он, возвращая рисунок.

— Я пришла к такому же выводу.

А уж от этого вывода оставался только один шаг к ее единственно верной интуитивной догадке: если Патрик мог (во всяком случае, в этом мире) что-то убрать с помощью ластика, он мог и что-то создать с помощью карандаша. Когда она упомянула о стаде банноков, которое загадочным образом приблизилось, Роланд потер лоб, как человек, у которого дико разболелась голова.

— Мне следовало это увидеть. Следовало понять, что это значит, Сюзанна. Я старею.

Сюзанна проигнорировала его слова, не раз слышала их раньше, и рассказала ему о снах, в которых видела Эдди и Джейка, упомянув о надписях на фуфайках, о поющих голосах, предложении горячего шоколада, нарастающей панике в их глазах, когда ночь уходила на ночь, а она все не понимала, что нужно вынести из этих снов.

— Почему ты не рассказала мне об этих снах раньше? — спросил Роланд. — Почему не попросила помочь истолковать их?

Она пристально посмотрела на него, думая, что поступила правильно, не обратившись к нему за помощью. Да, правильно... пусть ее решение и могло причинить ему боль.

— Ты потерял двоих. Может, тебе хотелось потерять и меня?

Он покраснел. Она увидела это даже при свете костра.

— Ты говоришь обо мне плохо, Сюзанна, а думаешь и того хуже.

— Может, и думаю. Если так, я говорю, извини. Я не уверена, чего

хотела сама. Какая-то моя часть мечтает увидеть Темную Башню, ты знаешь. Какая-то моя часть ни о чем другом не хочет и слышать. И если даже Патрик сможет «извлечь» Ненайденную дверь, а я смогу ее открыть, то откроется она не в реальный мир. Об этом говорят надписи на фуфайках, я уверена.

— Ты не должна так думать, — покачал головой Роланд. — Реальность — это не всегда белое и черное, то, что есть, и чего нет, что должно быть, а что — не должно.

Патрик победно вскрикнул, и они оба посмотрели на него. Он поднял блокнот, повернул к ним так, чтобы они увидели, что он нарисовал. Сюзанна подумала, что это полная имитация Ненайденной двери. Конечно, без слова «ХУДОЖНИК» и без скрещенных карандашей на ручке из блестящего металла, но Сюзанну это не смущало. О таких мелочах она просто не стала ему рассказывать. Точно знала, они предназначались лишь для того, чтобы помочь ей сообразить, что к чему.

«Джейк и Эдди сделали все, разве что не нарисовали карту», — подумала она. И задалась вопросом, почему все должно быть таким сложным, таким чертовски

(головоломки, сплошь головоломки)

загадочным, и она знала, что на этот вопрос ей никогда не удастся найти удобоваримый ответ... разве что, такова человеческая природа, не так ли? Ответы на важные вопросы никогда не находились легко.

Патрик вновь вскрикнул. На этот раз в крике слышались вопросительные интонации. И она внезапно осознала, что бедный мальчик сам не свой от тревоги, и почему нет? Он только что выполнил свой первый заказ, и хочет знать, что думает как оценивает достигнутые успехи его *patrono d'arte*.

— Отлично, Патрик... великолепно.

— Да, — согласился Роланд, беря альбом в руки. Дверь выглядела точно такой, как те двери, на которые он, в полузабытьи, умирающий от яда омароподобных чудовищ, набрел на берегу Западного моря. Словно это несчастное, лишившееся языка существо заглянуло к нему в глубины памяти и увидело настоящее изображение этой двери: фоттеграффия.

Сюзанна, тем временем, в отчаянии оглядывалась. И когда на ладонях и культиях поползла к границе круга света, Роланду пришлось резко ее остановить, напомнить, что Мордред может быть, где угодно, а темнота — союзник Мордреда.

И при всем ее нетерпении, Сюзанна подалась от границы света и тьмы, потому что слишком хорошо помнила, что случилось с матерью,

выносившей Мордред, и как быстро это случилось. Однако, возвращение к костру причиняло боль, чуть ли не физическую боль. Ранее Роланд сказал ей, что к концу грядущего дня надеется увидеть Темную Башню. Если бы она оставалась с ним, если бы увидела Башню вместе с ним, ее притяжение, по мнению Сюзанны, могло оказаться слишком сильным. Ее волшебство. А пока, имея возможность выбрать между Башней и дверью, Сюзанна знала, что пока еще может выбрать дверь. Но с приближением к Башне сила ее росла, пульсации все громче звучали в мозгу, поющие голоса становились все слаще, и сделать выбор в пользу двери становилось труднее.

— Я ее не вижу, — голос Сюзанны переполняло отчаяние. — Может, я ошибаюсь. Может, и нет никакой чертовой двери. О, Роланд...

— Я не думаю, что ты ошибалась, — говорил Роланд с явной неохотой, как человек, которому приходится говорить, потому что он должен сделать работу, отдать долг. А он у этой женщины в долгу, полагал Роланд. Разве не он схватил ее за шкуру и перетащил в этот мир, где она научилась искусству убивать, влюбилась и осталась вдовой? Разве не он стал причиной ее теперешней печали? И если он мог все это исправить, ничего другого ему просто не оставалось. А желание держать Сюзанну при себе, рискуя при этом ее жизнью, — чистый эгоизм, недостойный стрелка.

И, что еще более важно, недостойный любви и уважения, которыми он к ней проникнулся. То, что осталось от его сердца, разбивалось при мысли, что придется прощаться с ней, последней из этого странного и удивительного ка-тета, но, если она этого хотела, если считала, что ей это необходимо, тогда он должен помочь. И он думал, что это ему по силам: увидел в рисунке Патрика то, что упустила Сюзанна. Не то, что было нарисовано: то, чего не было.

— Посмотри сюда, — мягко сказал он, показывая ей рисунок. — Видишь, как он старался, пытаюсь порадовать тебя, Сюзанна?

— Да! — воскликнула она. — Да, разумеется, вижу, но...

— Насколько я могу судить, у него ушло десять минут, чтобы нарисовать эту дверь, тогда как большинство рисунков, таких же хороших, он заканчивает за три или четыре минуты, не так ли?

— Я не понимаю, о чем ты! — Сюзанна чуть ли не кричала.

Патрик подтянул к себе Ыша, обнял ушастика-путаника, уставившись на Сюзанну и Роланда широко раскрытыми, несчастными глазами.

— Он работал изо всех сил, старался, как мог, чтобы изобразить то, что ты просила. А именно, Дверь. Она стоит сама по себе, на бумаге она одна. У нее нет... нет...

Он искал нужное слово. И дух Ванни шепнул это слово ему в ухо.
— У нее нет привязки.

Еще несколько мгновений на лице Сюзанны отражалось недоумение, а потом по нарастающему блеску глаз стало ясно, что до нее начинает доходить смысл слов стрелка. Но Роланд не стал ждать, пока она окончательно его поймет, опустил здоровую левую руку на плечо Патрика и попросил нарисовать перед дверью маленький электрический скутер Сюзанны, который она называла Хо-3.

Патрик с удовольствием выполнил просьбу. Помимо прочего, чтобы нарисовать Хо-3 перед дверью, у него появился повод еще раз пустить в дело ластик. Работал он гораздо быстрее (чуть ли не небрежно, как могло показаться стороннему наблюдателю), но стрелок сидел рядом с ним и видел, что Патрик не упускает ни единой мелочи. Закончил он передним колесом скутера и отсветом костра на колпаке ступицы. Потом опустил карандаш и, едва он это сделал, воздух колыхнулся. Роланд почувствовал, как его поток обтекает лицо. Языки пламени, ранее поднимавшиеся вертикально, на какие-то мгновения склонились набок. Но воздух вновь застыл, а языки выпрямились. Менее чем в десяти футах от костра, за маленьким скутером Сюзанны, стояла дверь, которую Роланд в последний раз видел в Калье Брин Стерджис, в пещере Голосов.

Сюзанна ждала до рассвета, сначала коротала время сбором своих вещей, потом вынимала их из мешка: какую пользу эти вещи (не говоря уже о мешке, в который она их складывала) могли принести ей в Нью-Йорке? Люди бы только смеялись. Они, наверное, все равно будут смеяться... или закричат и разбегутся, как только увидят ее. В Сюзанне Дин, которая внезапно появится в Центральном парке, большинство его посетителей не признают ни выпускницу колледжа, ни наследницу крупного состояния; не признают даже Зену, королеву джунглей, ничего не поделаешь. Для цивилизованных горожан она, вероятно, будет выглядеть, как беглянка из шоу уродов. А сможет ли она вернуться назад, пройдя через эту дверь? Нет. Никогда в жизни.

Поэтому она отложила вещи в сторону и просто ждала. А когда первый бледный свет зари разогнал темноту на горизонте, подозвала Патрика и спросила, не хочет ли он пойти с ней. В тот мир, из которого пришел, или в очень похожий, сказала она ему, хотя знала: не помнит Патрик того мира

вовсе. Или «выдернули» его оттуда совсем маленьким, или травма, вызванная переходом между мирами, стерла память.

Патрик посмотрел на нее, потом на Роланда, который сидел на корточках, не сводя с него глаз.

— Выбор за тобой, сынок, — сказал стрелок. — Ты сможешь рисовать в любом из этих миров, скажу тебе правду. Хотя там, куда идет она, ценителей будет больше.

«Он хочет, чтобы Патрик остался», — подумала Сюзанна и разозлилась. Потом Роланд глянул на нее и чуть качнул головой. С уверенностью она сказать не могла, но у нее создалось впечатление...

Нет, не вышло. Она поняла, что означает это покачивание. Роланд хотел, чтобы она знала: он прячет от Патрика свои мысли. Свои желания. И хотя для нее не составлял тайны тот факт, что стрелок может лгать (особенно ярко это проявилось на собрании жителей Кальи Брин Стерджис перед приходом Волков), она не предполагала, что он будет лгать ей. Детте, возможно, но не ей. Или Эдди. Или Джейку. Бывало, он говорил им не все, что знал, но лгать напрямую?... Нет, они были катетом, и Роланд играл с ними в открытую. Отдайте дьяволу должное.

Патрик внезапно взял альбом и быстро что-то написал на чистом листе. Потом показал им:

Я ОСТАНУСЬ. БОЮСЬ ИДТИ В НОВОЕ МЕСТО.

И, чтобы подчеркнуть свою мысль, открыл рот, чтобы продемонстрировать отсутствие языка.

Она увидела облегчение на лице Роланда? Если так, то возненавидела за это стрелка.

— Хорошо, Патрик, — Сюзанна попыталась изгнать чувства из голоса. Потянулась к юноше, хлопнула по руке. — Я тебя понимаю. И хотя все так, люди могут быть жестокими... жестокими и злыми... добрых тоже достаточно. Послушай меня, до рассвета я никуда не уйду. Если передумаешь, предложение остается в силе.

Он быстро кивнул. «Довольный тем, что я не стала убеждать его передумать, — сердито подумала Детта. — И этот белый старикан тоже, похоже, доволен!»

«Заткнись», — предложила ей Сюзанна и, вот уж чудо, Детта заткнулась.

Но, когда ночь сменилась днем (при свете они увидели, что неподалеку, примерно в двух милях, пасется приличных размеров стадо банноков), она позволила Детте вернуться. Более того, передала Детте бразды правления. Так было проще, менее болезненно. Именно Детта снова оползла лагерь, последний раз вдыхая воздух этого мира, вбирая его в память. Именно Детта оползла дверь, сначала по часовой стрелке, потом против, и ничего не увидела с другой стороны. Патрик подошел к ней, потом Роланд. Юноша издал крик удивления, увидев, что двери нет. Стрелок промолчал. Ёш подошел к тому месту, где стояла дверь, принюхался... а потом прошел сквозь нее, через то самое место, где стояла дверь, если смотреть на нее с другой стороны. «Если бы мы были там, — подумала Детта, — то увидели бы, как он проходит сквозь дверь, прямо-таки фокус в цирке».

Она вернулась к Хо-3, потому что еще раньше решила въехать в дверь на скутере. При условии, что та откроется. Все происходящее обернулось бы жестокой шуткой, если бы дверь не открылась. Роланд хотел помочь ей забраться на сидение. Она оттолкнула его руки и забралась сама. Нажала красную кнопку у руля, электрический мотор скутера тихонько загудел. Игла, показывающая зарядку аккумулятора, все еще покачивалась в зеленой зоне. Она повернула дроссель на правой ручке и медленно покатила к закрытой двери с марширующими по ее поверхности символами, совокупность которых означала: «НЕНАЙДЕННАЯ». Остановилась, едва не коснувшись двери крылом переднего колеса.

Повернулась к Роланду с искусственной улыбкой на лице.

— Вот и все, Роланд. Я говорю тебе, прощай. Долгих дней и приятных ночей. Желаю тебе дойти до Башни и...

— Нет, — оборвал он ее.

Она посмотрела на него. Детта посмотрела на него, ее глаза сверкали и смеялись. Предлагая выгнать ее теперь, когда она была у руля. «Давай, хонки, посмотрим, что ты сможешь сделать».

— Что? — спросила она. — Что у тебя на уме, большой мальчик?

— Я не прощаюсь с тобой, какая ты сейчас, после всего того, через что мы прошли, — ответил он.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила Сюзанна, только с интонациями Детты.

— Ты знаешь.

Она вызывающе покачала головой. «Не знаю».

— Во-первых, — он взял ее левую, всю в мозолях руку в свою правую, изуродованную, — есть еще один, кто тоже должен выбрать, уйти ему или

остаться, и я говорю не о Патрике.

На мгновение она не поняла. Потом посмотрела вниз, увидела пару глаз с золотым ободком, пару стоящих торчком ушей, и до нее дошло. Она забыла про Ыша.

— Если его попросит Детта, он точно останется, потому что никогда ее не любил. Если попросит Сюзанна... ну, тогда не знаю.

Этого хватило, чтобы Детта ушла. Она, конечно, еще вернется, Сюзанна теперь понимала, что ей никогда не удастся полностью избавиться от Детты Уокер, и ее это вполне устраивало, больше она не хотела от нее избавляться, но тут она ушла.

— Ыш? — мягко спросила она. — Ты пойдешь со мной, сладенький? Возможно, мы снова найдем Джейка. Может, не совсем такого же, но все-таки...

Ыш, которые во время их похода по Плохим Землям, Белым Землям Эмпатики и равнине практически не произнес ни слова, теперь заговорил.

— Эйк? — в голосе его слышались вопросительные нотки, словно он не очень-то помнил, о ком речь, и у Сюзанны защемило сердце. Она обещала себе не плакать, и Детта гарантировала, что она не будет плакать, но Детта ушла, и глаза вновь наполнились слезами.

— Джейк, — повторила она. Ты помнишь Джейка. Сладенький, я знаю, что помнишь. Джейка и Эдди.

— Эйк? Эд? — в голосе прибавилось уверенности. Ыш помнил.

— Пойдем со мной, — позвала она его, и Ыш двинулся к ней, словно хотел запрыгнуть на сидение. А потом, понятия не имея, для чего она это говорит, Сюзанна добавила. — Есть и другие миры, помимо этих.

Ыш остановился, как только эти слова слетели с ее губ. Сел. Когда поднялся снова, в ней колыхнулась надежда: может, у них будет маленький ка-тет, дан-тете-тет, в том Нью-Йорке, где люди ездят на «такуро спирит» и фотографируют друг друга, пьющих «Нозз-А-Ла», камерами «Шиннаро».

Но вместо того, чтобы подойти к ней, Ыш вернулся к стрелку и сел около его потрепанного сапога. Они отшагали много, эти сапоги, очень много. Мили и колеса, колеса и мили. Но теперь им осталось пройти совсем ничего.

— Олан, — сказал Ыш, и окончательность принятого решения, которая прозвучала в голосе, тяжелым камнем привалилась к ее сердцу. Она с горечью повернулась к человеку из глубокой древности, с большим револьвером на бедре.

— Вот. Ты тоже владеешь колдовством, не так ли? Всегда владел. Сподобил Эдди на одну смерть, а Джейка — так на две. Теперь очередь

Патрика и даже ушастика-путаника. Ты счастлив?

— Нет, — ответил Роланд, и она поняла, что так оно и есть. Верила, что никогда не видела такой грусти и такого одиночества, написанных на человеческом лице. — Никогда я не был так далек от счастья, Сюзанна из Нью-Йорка. Ты передумаешь и останешься? Пройдешь со мной последний кусочек пути? Тогда я буду счастлив.

На какое-то ужасное мгновение она подумала, что пройдет. Отвернет переднее колесо скутера от двери, которая обеспечивала только одностороннее перемещение и ничего не обещала, и поедет с ним к Темной Башне. Пройдет еще день. Они встанут лагерем ближе к вечеру, а завтра придут к конечной точке своего долгого похода на закате, как он и хотел.

Потом она вспомнила сон. Поющие голоса. Молодого человека, который держал в руке чашку горячего шоколада, хорошего шоколада, с толикой сливок поверху.

— Нет, — ответила она. — Я готова рискнуть и пройти сквозь дверь.

На мгновение решила, что он не будет создавать ей трудностей, разом согласится и отпустит ее. Однако, его злость... нет, отчаяние, прорвалось наружу.

— Но ты не можешь быть уверена! Сюзанна, вдруг сон этот — чей-то трюк и колдовство? Вдруг то, что ты увидишь, когда дверь откроется, не более чем мираж? Вдруг ты шагнешь в дверь и попадешь в тодэшную тьму?

— Тогда я освещу ее мыслями о тех, кого люблю.

— Да, это может сработать, — горечь переполняла голос. — В первые десять лет... или двадцать... или даже сто. А что потом? Как насчет остальной части вечности? Посмотри на Ыша! Ты думаешь, он забыл Джейка? Никогда! Никогда! Никогда в твоей жизни! Никогда в его! Он чувствует, что-то не так! Сюзанна, не надо. Умоляю тебя, не ходи. Я встану на колени, если это поможет, — и, к ее ужасу, он начал опускаться на колени.

— Не поможет, — ответила она. — А поскольку я вижу тебя в последний раз, мое сердце говорит об этом, то мне не хочется запомнить тебя стоящим на коленях. Ты не из тех, кто встает на колени, Роланд, сын Стивена, никогда таким не был, и я не хочу помнить тебя таким. Я хочу видеть тебя, стоящим на ногах, как ты стоял в Калье Брин Стерджис. Как стоял со своими друзьями на Иерихонском холме.

Он выпрямился и направился к ней. На мгновение Сюзанна подумала, что он хочет удержать ее силой, и испугалась. Но он лишь коснулся ее плеча и убрал руку.

— Позволь еще раз спросить тебя, Сюзанна. Ты уверена? Она заглянула в свое сердце, и увидела, что да. Она осознавала все риски, но да... уверенности у нее не убавилось. А почему? Потому что путь Роланда был путем револьвера. Потому что путь Роланда приводил к смерти всех, кто шел или ехал верхом на лошади рядом с ним. Роланд доказывал это раз за разом, с самых первых дней своего похода... нет, даже раньше, с тех пор, как подслушал повара Хакса, замышляющего предательство, и того вздернули на веревке. Он все делал ради добра (которое называл Белизной), Сюзанна в этом не сомневалась, но Эдди все равно лежал в могиле в одном мире, а Джейк — в другом. Не сомневалась она и в том, какая судьба ожидает Ыша и бедного Патрика. Да и смерти им осталось ждать недолго.

— Я уверена.

— Хорошо. Ты поцелуешь меня?

Она взяла его за руку, нагнула к себе, приложила свои губы к его. Когда целовала, вдохнула тысячу лет и десять тысяч миль. И, да, попробовала вкус смерти.

«Но не твоей, стрелок, — подумала она. — Смерти других, но только не твоей. И пусть я смогу уйти от твоих чар, и пусть мне будет хорошо».

Именно она и разорвала поцелуй.

— Сможешь открыть мне дверь? — спросила Сюзанна. Роланд подошел к двери, взялся за ручку, и она легко повернулась под его пальцами.

Из двери потянуло холодным воздухом, достаточно сильно, чтобы отбросить с лица длинные волосы Патрика. С воздухом прилетело и несколько снежинок. Она увидела траву, которая еще зеленела, лишь прихваченная первым морозцем, тропинку, железную изгородь. Голоса пели: «Что это за дитя?» Совсем, как в ее сне.

Это мог быть Центральный парк, да, мог. Центральный парк в одном из миров, которые вращались вокруг оси, не того мира, из которого она пришла, но, возможно, достаточно близкого, чтобы она в скором времени уже не чувствовала разницы.

Или, как говорил он, все увиденное могло быть колдовством.

И, возможно, на самом-то деле за дверью ее ждала лишь тодэшная тьма.

— Это может быть одна видимость, — он, безусловно, читал ее мысли.

— Жизнь — видимость, любовь — колдовство, — ответила она. — Возможно, мы встретимся вновь, на пустоши в конце тропы.

— Если ты так говоришь, пусть так и будет, — ответил он, выставил вперед одну ногу, твердо уперевшись в землю стоптанным каблуком, и

поклонился ей. Ыш начал плакать, но остался сидеть у левой ноги стрелка. — Прощай, моя милая.

— Прощай, Роланд, — Сюзанна повернула голову, теперь смотрела прямо перед собой, глубоко вдохнула и повернула дроссель на руле. Скутер плавно покатился вперед.

— Подожди! — крикнул Роланд, но она не повернулась, не посмотрела на него. Въехала в дверь, которая захлопнулась за ней с глухим, издевательским стуком, который он знал очень хорошо, который снился ему с тех самых пор, когда в полузабытье он брел по берегу Западного моря. Поющие голоса исчезли, остался только заунывный вой ветра прерий.

Роланд из Гилеада сидел перед дверью, которая уже выглядела использованной и никому более не нужной. Открыться второй раз она уже не могла. Он закрыл лицо руками. Подумал о том, что никогда не чувствовал бы себя таким одиноким, если бы не любил их. И однако, не сожалел, что благодаря им его сердце вновь открылось для любви.

Позже (потому что всегда приходило позже, не так ли) он приготовил завтрак и заставил себя съесть свою долю. Патрик, тот поел с аппетитом, а потом отошел, чтобы справить нужду, пока Роланд паковался.

Третья тарелка осталась нетронутой.

— Ыш? — спросил Роланд и пододвинул тарелку к ушастику-путанику. — Не поешь хоть чуть-чуть?

Ыш посмотрел на тарелку, потом попятился на пару шагов. Роланд кивнул и выбросил еду на траву. Может, Мордред выйдет на их лагерь и найдет что-нибудь себе по вкусу.

Солнце уже поднялось достаточно высоко, когда они тронулись в путь. Роланд тащил за собой Хо-2, Патрик шагал рядом, низко опустив голову. Но скоро биение Башни вновь наполнило разум стрелка. Близкое, очень близкое биение. Эти ритмичные удары изгнали все мысли о Сюзанне, чему он только порадовался. Он полностью отдался этому биению и позволил ему заменить собой все мысли и все печали.

«Каммала-кам-кам, — пела Темная Башня, которой предстояло вот-вот появиться из-за горизонта. — Каммала-кам-ти, стрелок должен прийти».

Каммала-кам-Роланд, твой поход почти завершен».

Глава 2. Мордред

1

Дан-тете наблюдал, как длинноволосый парень, который теперь шел с ними, схватил Сюзанну за плечо и указал на танцующих вдалеке оранжевых гобов. Мордред наблюдал, как она резко повернулась, выхватив один из больших револьверов Белого Папули. На мгновение дальновидящие глаза, которые он нашел в доме на Одд'с-лейн, аж задрожали в руке Мордред, очень ему хотелось, чтобы Черная Мамуля застрелила Артиста. Чувство вины так бы и вонзилось в нее! Совсем, как топор с тупым лезвием. Сокрушенная ужасом содеянного, она могла бы даже приставить ствол к собственному виску и второй раз нажать на спусковой крючок. И как бы повел себя старый Белый Папуля, проснувшись рядом с двумя трупами?

Ах, дети такие мечтатели.

Этого, разумеется, не произошло, но он все равно увидел много интересного. Смотреть, правда, удавалось с трудом. Потому что бинокль дрожал не только от того, что Мордред волновался. Он тепло оделся, натянул на себя, и не в один слой, человеческие одежды Дандело, но все равно мерз. За исключением тех моментов, когда его бросало в жар. Но независимо от того, жарко ему было или холодно, он дрожал, как дряхлый, беззубый старик, пристроившийся у печки. И состояние его значительно ухудшилось после того, как он оставил позади дом Джо. Лихорадка ревела в его костях, как ветер в бурю. Мордред более не был голоден (потому что аппетит у Мордред отшибло напрочь), но Мордред был болен, болен, болен.

По правде говоря, Мордред боялся, что умирает.

Тем не менее, он с большим интересом наблюдал за командой Роланда, благо видимость заметно улучшилась, когда разгорелся костер. Он увидел, как появилась дверь, хотя и не мог разобрать написанные на ней символы. Он понял, что Артист каким-то образом «извлек» ее в реальность этого мира. Видать, обладал божественным талантом создателя. Мордреду захотелось его съесть, в надежде, что талант этот тогда перейдет к нему! Он сознавал, что духовный аспект каннибализма сильно преувеличивался, но не видел ничего плохого в том, чтобы проверить эту гипотезу на

практике.

Он наблюдал, как они совещались. Видел, как она обратилась с просьбой (и, конечно же, понял, что это за просьба) к Артисту и Щенку, как уговаривала их, (составь мне компанию, чтобы мне не пришлось идти одной, пойдём, будь другом, точнее, оба будьте друзьями, бла-бла-бла) а потом порадовался ее печали и ярости, когда и юноша, и зверек ей отказали; Мордред порадовался, хотя и понимал, что его задача от этого усложнится. (Впрочем, усложнится на чуть-чуть, что могли противопоставить ему немой юноша и ушастик-путаник, как только он трансформируется в паука и ринется на них?) На мгновение ему показалось, что по злобе она застрелит старого Белого Папулю из его же револьвера, а вот этого Мордред не хотел. Старый Белый Папуля принадлежал ему, Мордреду. Так сказал голос из Темной Башни. Он, конечно, болел, он, возможно, умирал, но все равно старый Белый Папуля должен был стать его трапезой, а не Черной Мамули. И то, она оставила бы мясо гнить, не съев ни кусочка! Но она не застрелила его. Наоборот, поцеловала. Мордред не хотел этого видеть, от того поцелуя ему стало еще горше, поэтому он отложил бинокль в сторону. Сам он лежал на траве, в маленькой ольховой роще, дрожал всем телом, его бросало то в жар, то в холод, пытаясь сдерживать тошноту (весь предыдущий день его беспрерывно рвало и поносило, мышцы живота разболелись от напряжения, и через горло уже не выходило ничего, кроме густой желчи, а через прямую кишку текла коричневая жижа вперемежку с длинными очередями). Вновь поднес бинокль к глазам, он успел увидеть, как задние колеса скутера, на котором сидела Черная Мамуля, въезжают в дверь. Что-то там кружилось в воздухе. Возможно, пыль, но он думал, что снег. Слышалось пение. От пения этого ему стало почти так же тошно, как и от ее поцелуя со старым Белым Стрелком-папулей. Потом дверь за ней захлопнулась, пение оборвалось, и стрелок уселся у двери, закрыв лицо руками. Горевал, может, и плакал. Ушастик-путаник подошел к нему, положил длинную морду на сапог, вроде бы пытаясь утешить, как мило, как тошнительно мило. К тому времени уже совсем рассвело, и Мордред на какое-то время задремал. Проснулся он от голоса старого Белого Папули. Ветер дул в сторону рощи, в которой укрылся Мордред, так слова до него донеслись отчетливо: «Ыш? Не поешь хоть чуть-чуть?» Ушастик-путаник не поел, и стрелок выбросил еду, которая так мало значила для мохнатого зверька. Позже, когда они уехали (старый Белый Стрелок-папуля тянул повозку, которую смастерил для них робот, медленно шагая по выбоинам Тауэр-роуд, наклонив голову, поникнув плечами), Мордред подкрался к

лагерю. Действительно съел часть разбросанной еды (конечно же, она не была отравлена, раз Роланд рассчитывал, что она попадет в желудок ушастика-путаника), но остановился после третьего или четвертого куска мяса: знал, если продолжит, его внутренности выбросят все назад, в двух направлениях, как на север, так и на юг. Он не мог этого допустить. Если бы не смог удержать в желудке хоть малую толику еды, слишком бы ослабел, чтобы следовать за ними. А он должен идти следом, должен еще какое-то время держаться поблизости. Все должно было закончиться этой ночью. Обязательно закончиться, потому что завтра старый Белый Папуля доберется до Темной Башни, и тогда точно станет поздно что-либо предпринимать. Сердце говорило об этом. Мордред поплелся следом за уходящей троицей, только еще медленнее, чем Роланд. Время от времени ему приходилось сгибаться пополам от схваток в животе, и тогда его человеческое обличье начинало расплываться, из-под кожи выпирала чернота, а толстое пальто раздувалось, потому что новые ноги стремились вылезти наружу, а потом опадало вновь, когда усилием воли Мордред загонял их обратно, скрипя зубами и постанывая от напряжения. Однажды он высрал в штаны пинту, или около того, вонючей коричневой жидкости, но, как только ему удалось их снять, происшедшее более его не волновало. Никто не приглашал его на званый обед, ха-ха! Приглашение затерялось в недрах почтового ведомства! Позже, когда придет время атаковать, он выпустит на свободу маленького Алого Короля. Но, если бы это произошло сейчас, Мордред практически не сомневался, что более ему не удалось бы вернуть человеческий облик. Просто не хватило бы сил. Более активный механизм обмена веществ паука разжег бы болезнь, как сильный ветер раздувает стелющийся по земле огонь в стену пламени. И то, что убивало его медленно, убило бы быстро. Вот он и боролся с болезнью, и к полудню почувствовал себя лучше. Пульсации, идущие от Башни нарастали, прибавляли как в силе, так и в частоте. ТО был голос его Алого Папули, который звал его, убеждал держаться на расстоянии удара. Старый Белый Папуля в течение последних недель спал по ночам не более четырех часов, и лишь потому, что его могла подменить на дежурстве Черная Мамуля, которая уже отбыла. Но Черной Мамуле не приходилось тащить за собой повозку, не так ли? Нет, она ехала, как Сраная королева Говняного холма, вот как она ехала, да! А отсюда следовало, что старый Белый Стрелок-папуля сильно устанет, пусть даже пульсации Темной Башни будут подбадривать его и тянуть вперед. Сегодня старому Белому Папуле придется или положиться на Артиста и Щенка, доверив им первое дежурство, или самому не спать всю ночь. Мордред полагал, что сам он без

труда выдержит еще одну бессонную ночь, потому что знал: больше необходимости бодрствовать по ночам у него не будет. Он намеревался подобраться поближе к лагерю, как сделал и прошлой ночью. Намеревался наблюдать за лагерем с помощью дальновидящих стеклянных глаз старика-монстра. И, когда они заснут, намеревался последний раз трансформироваться и броситься на них. А вот и я, со всеми моими семью лапками. Старый Белый Папуля, возможно, и успел бы проснуться. Мордред надеялся, что проснется. В самом конце. На несколько мгновений, чтобы осознать, что к чему. Осознать, что собственный сын утаскивает его в страну мертвых за несколько часов до столь желанной встречи с Темной Башней. Мордред сжал кулаки и наблюдал, как пальцы становятся черными. Чувствовал ужасный, но приятный зуд в боках, из которых старались вырваться паучьи лапки, семь — не восемь, спасибо этой мерзкой, отвратительной Черной Мамуле, которая одновременно и была, и не была беременна, и пусть она истошно кричит, сгинув в тодэшной тьме, до скончания веков (или пока ее не найдет одно из чудовищ, что шныряют там). Он боролся с трансформацией и жаждал ее с одинаковой страстностью. Наконец, стал только бороться, желание трансформироваться утихло. Он победно пернул, газ выходил долго, вонюче, но тихо. Его очко превратилось в сломанную музыкальную шкатулку, которая более не играла музыку, только скрипела. Пальцы вновь приняли обычный бледно-розовый цвет, зуд в боках прекратился. Голова кружилась от температуры, перед глазами плыло, тонкие руки (чуть толще веточек) мерзли. Голос Алого Папули то звучал громко, то снижался до едва различимого шепота, но не утихал ни на мгновение: «Иди ко мне. Беги ко мне. Прячь свое двойное я. Кам-каммала, мой хороший сын. Мы свалим Башню, мы уничтожим свет, где бы он ни был, а потом будем вместе править темнотой.

Приходи ко мне.

Приходи».

Конечно же, те трое, кто остался (четверо, считая его, Мордред), выскользнули из-под зонтика ка. С тех пор, как отступил Прим, не было такого существа, как Мордред Дискейн, частично чел, частично — этот густой, крепкий бульон. И, конечно же, ка не могла уготовить такому существу столь обыденную смерть, какая угрожала ему: от пищевого

отравления.

Роланд мог бы сказать, что это идея не из лучших — съесть то, что валялось неподалеку от хижины Дандело. То же самое мог бы сказать ему и Роберт Браунинг. Злобная или нет, настоящая лошадь или нет, Липпи (возможно, названная в честь другой и более известной поэмы Браунинга, «Фра Липпо Липпи») сильно болела, когда Роланд оборвал ее жизнь, пустив пулю в голову. Но Мордред был пауком, когда наткнулся на дохлую Липпи, которая, внешне выглядела, как настоящая лошадь, и никто и ничто не могло помешать ему наброситься на мясо. Лишь вернув себе человеческое обличье, он задался вопросом, каким образом на старой костлявой кляче Дандело могло оказаться так много мяса, и почему оно было таким мягким и теплым, налитым свежей, несвернувшейся кровью. Все-таки на дворе стояла зима, шел снег, и труп пролежал на улице несколько дней. Так что останки кобылы должны были замерзнуть.

Потом началась рвота. Следом пришла лихорадка, а с ней борьба с желанием трансформироваться в паука до того, как он подберется к старому Белому Папуле достаточно близко, чтобы оторвать ему руки-ноги. Существо, чье пришествие предсказывалось тысячи лет (в основном, Мэнни, и, обычно, испуганным шепотом), существо, которому предстояло вырасти в получеловека-полубога, существо, которому предстояло наблюдать за уходом человечества и возвращением Прима... это существо, наконец-то появилось в облике наивного, со злым сердцем ребенка, который теперь умирал, потому что набил живот отравленной кониной.

Ка не могла приложить к этому руку.

В день ухода Сюзанны Роланд и его два спутника не сумели много пройти. Пусть Роланд и запланировал на этот день довольно-таки небольшой переход, чтобы выйти к Башне на закате следующего дня, ему бы и не удалось далеко уйти от их последнего лагеря. У стрелка щемило сердце, он чувствовал себя одиноким, уставшим чуть ли не до смерти. Патрик тоже устал, но он, по крайней мере, при желании мог ехать на повозке, и изъявил такое желание, большую часть дня действительно ехал, спал, рисовал, часть пути шел, чтобы потом опять забраться на Хо-2 и вздремнуть.

Пульс Башни с силой бился в голове и сердце Роланда, мощная, прекрасная песня звучала в ушах, ее исполнял тысячеголосый хор, но все

это не могло вытопить свинец из его костей. А потом, когда он искал тенистое место, чтобы остановиться и перекусить, как они всегда делали в полдень (хотя уже давно пошла вторая половина дня), его глазам открылось нечто такое, что разом заставило забыть и про усталость, и про печаль.

На обочине дороги росла дикая роза, судя по всему, точная копия той, что они видели на пустыре. Она цвела, невзирая на совершенно не подходящее для цветения время года, которое Роланд определил, как очень раннюю весну. Светло-розовые наружные лепестки плавно переходили в яростно-красную середину, цвет, по разумению Роланда, желаний сердца. Он упал на колени перед розой, наклонился ухом к коралловой чашечке, прислушался.

Роза пела.

Усталость осталась, как ей и положено (во всяком случае, по эту сторону могилы), но одиночество и грусть исчезли, хотя бы на какое-то время. Он всматривался в сердцевину розы и видел в самом ее центре что-то желтое, столь яркое, что не мог смотреть туда в упор.

«Ворота Гана, — подумал он, не зная точно, что это означает, но уверенный в своей правоте. — Ага, ворота Гана, вот что это такое».

Эта роза отличалась от розы на пустыре лишь в одном, но, должно быть, очень важном: ушли ощущение болезни и некоторая нестройность голосов. Эта роза сияла здоровьем, ее переполняли свет и любовь. Ее и все остальные... они... они, должно быть...

«Они питают Лучи, не так ли? Песнями и ароматом. Как Лучи питают их. Это живое силовое поле, дающее и берущее, и источник этого силового поля — Башня. Эта роза — первая, выдвинувшийся вперед авангард. А на Кан'— Ка Ноу Рей их десятки тысяч, таких же, как эта».

Мысль эта едва не повергла его в обморок. Но тут же пришла вторая, наполнившая его злостью и страхом: тот единственный, что смотрит на это огромное красное одеяло, безумен. И может уничтожить все розы в мгновение ока, если получит такую возможность.

Его осторожно похлопали по плечу. Позади стоял Патрик, рядом с ним — Ыш. Патрик указал на заросшую травой поляну за розой, потом несколько раз поднес воображаемую ложку ко рту. Указал на розу и знаками дал понять, что хочет ее нарисовать. Есть Роланду особо не хотелось, но второе предложение Патрика очень даже понравилось.

— Да, — кивнул он. — Мы здесь перекусим, а потом я, возможно, немного вздремну, пока ты будешь рисовать розу. Сможешь сделать два рисунка, Патрик? — и он оттопырил два пальца на правой руке, чтобы Патрик точно понял, чего от него хотят.

Юноша нахмурился, склонил голову набок, все еще не понимая, зачем Роланду понадобились два рисунка. Его волосы, упавшие на плечо, ярко блестели на солнце. Роланд подумал о том, как Сюзанна вымыла Патрику голову в ручье, несмотря на громкие протестующие вопли. Самому Роланду такое никогда не пришло бы в голову, но с чистыми волосами Патрик стал выглядеть куда как лучше. Вот почему, взглянув на блестящие волосы, Роланд вновь загрустил по Сюзанне, несмотря на пение розы. Она украсила его жизнь. И понял он это лишь теперь, после ее ухода.

А теперь остался с Патриком, невероятно талантливым, но так медленно соображающим.

Роланд указал на альбом, потом — на розу. Патрик кивнул, эту часть он понял. Потом Роланд поднял два пальца здоровой левой руки и вновь указал на альбом. На этот раз Патрик просиял: ему все стало ясно. Указал на розу, на альбом, на Роланда и, наконец, на себя.

— Совершенно верно, большой мальчик, — кивнул Роланд. — Рисунок розы для тебя и для меня. Она красивая, не так ли?

Патрик энергично кивнул, принялся за работу, тогда как Роланд занялся едой. Опять наполнил три тарелки, и Ыш, как и в прошлый раз, отказался от своей порции. Посмотрев в окаймленные золотистыми кругами глаза ушастика-путаника, Роланд увидел в них пустоту, ощущение потери, и в глубине души даже обиделся. Ышу не следовало слишком уж часто отказываться от еды: он и так сильно похудел. Его иссушила тропа, как сказал бы Катберт, возможно, с улыбкой. Того и гляди ему понадобятся нюхательные соли, чтобы приводить его в чувство. Но Роланд имел дело не с неженкой.

— Почему у тебя такие грустные глаза? — строго спросил он ушастика-путаника. — Если ты хотел пойти с ней, мог бы это сделать, когда у тебя был шанс. Так чего теперь смотреть на меня с такой грустью в глазах?

Ыш еще с мгновение не отводил взгляда, и Роланд понял, что обидел зверька; нелепо, конечно, но так. Ыш отошел, хвост волочился по земле. У Роланда возникло желание позвать его, но это выглядело бы еще более нелепым, не правда ли? Что он собирался делать? Извиняться перед ушастиком-путаником?

Он злился, ему было не по себе, этих чувств он никогда не испытывал до того, как «извлек» Эдди, Сюзанну и Джейка с американской стороны, втащил в свою жизнь. До их появления он практически ничего не чувствовал, и пусть это обедняло жизнь, свои плюсы тут тоже были; по крайней мере, тогда он не тратил время на размышления, а стоит ли

извиняться перед животными за то, что резко поговорил с ними, клянусь богами.

Роланд присел на корточки у розы, наклонился к ней, чтобы раствориться в успокаивающей мощи ее пения и сверкающем свете, исцеляющем свете, идущем из центра. Но Патрик недовольно вскрикнул, махнул Роланду рукой, требуя, чтобы тот отодвинулся. Иначе он не видел розу и не мог ее рисовать. От этого вскрика и взмаха руки, раздражения у Роланда только прибавилось, но он молча, без единого слова протеста, отодвинулся. Сам же попросил Патрика нарисовать розу, не так ли? Подумал, будь здесь Сюзанна, их взгляды обязательно бы встретились, в них читалось бы понимание, как в глазах родителей, не придающих значения выходкам маленького ребенка. Но ее, разумеется, здесь не было; последняя из троих, она тоже уже ушла.

— Ладно, так, полагаю, роза видна тебе лучше? — спросил он с выговором Детты, проглатывая какие-то звуки, соединяя по два слова в одно.

Патрик, однако, не отреагировал на резкость тона стрелка. «Возможно, даже пропустил мимо ушей все, что я сказал», — подумал Роланд. Лишенный языка юноша сидел, скрестив ноги в лодыжках, положив альбом на бедра. Тарелка с недоеденным ленчем стояла сбоку.

— Рисуя, не забывай про еду, — добавил Роланд. — Прислушайся к тому, что я говорю, — наградой за его заботу стал еще один рассеянный кивок, и Роланд сдался. — Я собираюсь поспать, Патрик. День будет долгим, — «А ночь еще более долгой», — добавил он про себя... но утешало его то самое, что и Мордред: эта ночь, скорее всего, будет последней. Роланд не знал, что ждет его в Темной Башне, высившейся на дальнем конце поля роз, но, даже если бы ему удалось разобраться с Алым Королем, он почему-то не сомневался, что это будет его последний переход. Он не верил, что сможет покинуть Кан'-Ка Ноу Рей, и его это вполне устраивало. Он очень устал. И, несмотря на мощь розы, на него навалилась грусть.

Роланд из Гилеада прикрыл глаза рукой и тут же заснул.

Долго поспать ему не удалось, потому что Патрик, переполненный детским энтузиазмом, разбудил его, чтобы показать первую нарисованную им розу: солнце предполагало, что прошло десять минут, максимум,

пятнадцать.

Как и все рисунки Патрика, этот обладал странной силой. Юноша нарисовал розу, какой она была в жизни, пусть работал он в карандаше. Однако, Роланд предпочел бы лишний час сна, которого лишил его Патрик, вынося на суд стрелка свое творение. Впрочем, он одобрительно кивнул, обещал себе, что не будет более ворчать и брюзжать рядом с такой красотой, и Патрик улыбнулся, ему для счастья хватило и такой малости. Перевернул лист и принялся вновь рисовать розу. По одному рисунку на каждого, как и просил Роланд.

Стрелок снова мог поспать, но имело ли смысл. Через несколько минут немой юноша закончил бы работу и вновь разбудил бы его. Поэтому он подошел к Ёшу и погладил по густой шерсти, что делал крайне редко.

— Извини, что говорил с тобой грубо, дружок. Скажешь мне хоть словечко?

Но Ёш не сказал.

Пятнадцатую минутой позже Роланд собрал те немногие вещи, что брал с повозки, поплевал на ладони и взялся за рукоятки. Повозка стала легче, по-другому и быть не могло, но казалось, что она заметно потяжелела.

«Конечно, она тяжелая, — подумал Роланд. — На ней мое горе. Я тащу его с собой, куда бы ни пошел, да, тащу».

Скоро на Хо-2 забрался и Патрик Дэнвилл. Устроился поудобнее, накрылся шкурами и мгновенно заснул. Роланд продолжал идти, наклонив голову, тень, начинающаяся от его сапог, все удлинялась. Ёш шагал рядом.

«Еще одна ночь, — думал стрелок. — Еще одна ночь, потом еще один день в пути, и все закончится. Так или иначе».

Он позволил биению Башни и многочисленным голосам наполнить голову и влить силы в ноги... хотя бы чуть-чуть. Роз встречалось все больше, они десятками росли как по обочинам, так и на невзрачной равнине, по которой тянулась дорога. Некоторые росли прямо на дороге, и стрелок обогнул их по широкой дуге, чтобы не задеть. При всей своей усталости он не мог допустить, чтобы колеса или его ноги раздавили хоть одну розу, примяли хоть один опавший лепесток.

На ночлег он остановился, когда солнце еще висело высоко над горизонтом, слишком ослабев, чтобы идти дальше, хотя до наступления

темноты оставались добрых два часа. Он набрел на пересохшую речку, и теперь на ее дне пышно цвели прекрасные дикие розы. Их песни не уменьшили его усталости, но хоть немного подняли настроение. Он подумал, что настроение улучшилось и у Патрика с Ёшем, в чем тоже не было ничего плохого. Проснувшись, Патрик тут же начал оглядываться по сторонам. Потом лицо его помрачнело: юноша вспомнил, как понял Роланд, что Сюзанны больше с ними нет. Тогда, у захлопнувшейся за Сюзанной двери, он даже всплакнул, но сейчас обошлось без слез.

На берегу стояла роща тополей, во всяком случае, стрелок подумал, что это тополя, но они засохли, когда иссяк поток, из которого пили их корни. Так что теперь к небу торчали голые, без листвы и коры ветки. В их переплетениях Роланд вновь и вновь видел число девятнадцать, написанное цифрами как мира Сюзанны, так и его собственного. В одном месте ветви сложились в слово «ЧЕЗЗЕТ» на фоне темнеющего неба.

Прежде чем разжечь костер и приготовить всем ранний ужин, благо консервов из кладовой Дандело еще хватало, Роланд спустился в русло реки и вдыхал аромат роз, слушая их песню и медленно шагая мимо засохших деревьев. И аромат, и звуки бодрили.

Почувствовав себя лучше, он собрал хворост под деревьями и сломал несколько нижних веток. Из стволов остались торчать их толстые концы, заостренные, напоминающие карандаши Патрика. Разжигая костер, произнес древнее заклинание, механически, не слыша слов: «Искорка светлая, кто мой родитель? Со мной ничего не случится? Я останусь самими собой? Благослови этот лагерь огнем».

Ожидая, пока огонь вспыхнет, а потом уляжется на постель из розовых углей, Роланд достал часы, которые подарили ему в Нью-Йорке. Днем раньше они остановились, хотя его заверяли, что батарейка будет работать как минимум пятьдесят лет.

Теперь же, по мере того, как вторая половина дня перетекала в вечер, стрелки очень медленно начали двигаться в обратном направлении.

Какое-то время он, словно зачарованный, не отрывал глаз от циферблата, потом захлопнул крышку и посмотрел на выгравированные на ней сгусты: ключ, розу и Башню. Слабый, сверхъестественный свет начал пробиваться из поднимающихся по спирали окон.

«Они не знали, что может быть и такое», — подумал он и аккуратно убрал часы в левый нагрудный карман, предварительно проверив (как делал всегда) нет ли в нем дыры, через которую они могли выпасть. Потом приготовил ужин. Он и Патрик поели с аппетитом.

Ёш к еде не прикоснулся.

Если не считать ночь, которую он провел в разговорах с человеком в черном (ночь, когда Уолтер предсказывал судьбу на, безусловно, подтасованной колоде карт), эти двенадцать часов темноты на берегу пересохшей речки стали самыми длинными в жизни Роланда. Усталость проникала все глубже и глубже, пока не создалось ощущение, что на него навалили груды камней. Давние лица и давние места маршруировали перед глазами, веки которых становились все тяжелее и тяжелее: Сюзанна, скачущая по Спуску с развевающимися за спиной золотистыми волосами; Катберт, бегущий вниз по склону Иерихонского холма, и его волосы тоже развевались за спиной, крича и смеясь; Алан Джонс, поднимающий стакан, чтобы произнести тост; Эдди и Джейк, с веселыми криками борющиеся в траве, лающий Ыш, бегающий вокруг.

Мордред был где-то рядом, и близко, но вновь и вновь Роланд чувствовал, как погружается в сон. Всякий раз ему удавалось рывком выдергивать себя из объятий Морфея, и тогда он начинал торопливо оглядываться, понимая, что все ближе подходит к черте, за которой глубокий сон неизбежен. Всякий раз он ожидал увидеть черного паука с красной отметиной на животе, бросающегося на него, но видел только пляшущих вдалеке оранжевых гобов. И не слышал ничего, кроме завывания ветра.

«Но он ждет. Наблюдает. И, если я засну, когда я засну, бросится на нас».

Примерно в три часа ночи только огромным усилием воли ему удалось вырваться из дремы, которая через мгновение-другое точно утянула бы его в глубокий сон. Он в отчаянии начал озираться. Ладонями так сильно потер глаза, что перед ними засверкали звездочки, искорки, огоньки. Костер едва тлел. Патрик лежал в двадцати футах от него, у искривленного ствола тополя. С того места, где сидел стрелок, юноша казался укрытым шкурой мешком. Ыша нигде не было видно. Роланд позвал ушастика-путаника, но ответа не получил. Стрелок уже решил подняться, но тут увидел маленького дружка Джейка, лежащего чуть дальше границы светового круга, отбрасываемого догорающим костром. Во всяком случае, увидел поблескивание глаз с золотыми ободками. Глаза эти с мгновение смотрели на Роланда, а потом исчезли, вероятно, Ыш вновь положил морду на лапы.

«Он тоже устал, — подумал Роланд. — И почему нет?»

Вопрос о том, что станет с Ышем после завтрашнего дня, попытался

всплыть на поверхность тревожного, усталого сознания стрелка, но Роланд загнал его в глубину. Он поднялся (рука скользнула по бедру, которое раньше доставляло ему столько хлопот, позабыв о том, что боли там давно уже нет), подошел к Патрику и разбудил, тряхнув за плечо. Трясти пришлось сильно, но в конце концов глаза юноши открылись. Роланда это не устроило. Он схватил Патрика за плечи, приподнял и усадил на землю. Можно сказать, бросил. Тот испуганно ставился на Роланда, словно ожидая беды.

— Помоги мне разжечь костер, Патрик.

Занятие это должно было хоть немного разбудить юношу. И как только огонь разгорелся, Стрелок решил, что Патрик может какое-то время подежурить. Идея эта Роланду не нравилась, он понимал, что оставлять на вахте Патрика опасно, но знал и другое: еще опаснее продолжать нести вахту самому. Ему требовалось поспать. Часа или двух вполне хватило бы, и, конечно же, Патрик смог бы прободрствовать этот короткий промежуток времени.

Патрик с готовностью собирал ветки и клал в костер, хотя движениями напоминал зомби — оживший труп. И как только костер разгорелся, плюхнулся на прежнее место, сунув руки между костлявых колен, уже скорее спящий, чем бодрствующий. Роланд подумал, что парню надо бы дать хорошую оплеуху, чтобы тот окончательно проснулся, и потом с горечью корил себя за то, что не стал прибегать к этому действенному приему.

— Патрик, послушай меня, — он вновь тряхнул юношу за плечи, достаточно сильно, чтобы заставить летать длинные волосы, но часть их снова упала на глаза. Роланд отвел их в сторону. — Я хочу, чтобы ты бодрствовал и нес вахту. Только один час... до того момента... Посмотри на небо, Патрик! Посмотри! Боги, не смей засыпать, когда я с тобой говорю! Видишь это? Самую яркую звезду из тех, что ближе к нам?

Роланд указывал на Древнюю Матерь, и Патрик тут же кивнул. В его глазах блеснула искорка интереса, и Роланд подумал, что он на правильном пути. На лице Патрика читалось желание нарисовать Древнюю Матерь. И, скорее всего, он бы бодрствовал, рисуя ее, сверкающую между двух толстых расходящихся ветвей тополя. Может, бодрствовал бы и до зари, если бы сильно увлекся.

— Вот, Патрик, — он усадил юношу к стволу другого тополя, в надежде, что твердая, бугристая кора поможет удержаться от сна. Каждое движение давалось Роланду с трудом. Словно происходило все под водой. Он устал. Очень устал. — Ты по-прежнему видишь звезду?

Патрик энергично кивнул. Его сонливость сняло, как рукой, и стрелок возблагодарил богов за дарованную милость.

— Когда она зайдет за толстую ветвь, и ты не сможешь видеть ее и рисовать, не поднявшись... позови меня. Разбуди, как бы громко тебе ни пришлось кричать. Ты меня понял?

Патрик тут же кивнул, но Роланд достаточно долго пробыл с ним в одной компании, чтобы знать, кивок означает слишком мало, а то и ничего. Он всегда стремился доставить собеседнику удовольствие. Спроси его, равняются ли девять плюс девять девятнадцати, он бы кивнул с тем же энтузиазмом.

— Когда ты не сможешь увидеть звезду с того места, где сидишь... — собственные слова доносились откуда-то издалека. Ему оставалось лишь надеяться, что Патрик слышит его и понимает. Тем более, что лишенный языка юноша уже взял альбом с отточенный карандашом.

«И это моя лучшая защита, — пробормотал внутренний голос Роланда, когда тот шел к горке шкур, что лежали между Хо-2 и костром. — Он не заснет. Пока будет рисовать, не так ли?»

Стрелок надеялся, что так и будет, но знать наверняка не мог. Да его это и не волновало, потому что он, Роланд из Гилеада, в любом случае собирался улечься спать. Он сделал все, что мог, а теперь хотел только одного: закрыть глаза.

— Один час, — он сам едва слышал свой голос. — Разбуди меня через час... когда звезда... когда Древняя Матерь скроется за...

Договорить Роланд не смог. Даже не узнал, что перестал говорить. Усталость схватила его и мягко забросила в глубокий, без сновидений сон.

Мордред наблюдал за всем этим через дальновидящие стеклянные глаза. Он горел в лихорадке, и ее яркое пламя, пусть временно, но отогнало усталость. С живым интересом он следил за тем, как стрелок разбудил немного юношу, Артиста, и заставил того собирать хворост для костра. Как Артист, закончив порученное дело, вновь собрался заснуть, до того, как Роланд сумел бы остановить его. Этого, к сожалению, не произошло. Они разбили лагерь в роще засохших тополей, и Роланд подвел Артиста к самому высокому дереву. Указал на небо. Звезд на нем хватало, но Мордред догадался, что старый Белый Стрелок-папуля указывал на Древнюю Матерь, самую яркую из них. Наконец, Артист, у которого, похоже, было

далеко не все в порядке с головой, начал понимать, чего от него хотят. Он взял альбом и уже принялся рисовать, когда старый Белый Папуля, волоча ноги, отошел на пару шагов, бормоча инструкции, на которые Артист не обращал ни малейшего внимания. Старый Белый Папуля рухнул так неожиданно, что на мгновение Мордред испугался, что последний участок пути доконал его, и сердце этого сукиного сына перестало биться. Потом Роланд шевельнулся, устроился поудобнее, и Мордред, лежащий на небольшом холме примерно в девяноста ярдах к западу от пересохшей реки, почувствовал, как замедлились удары собственного сердца. И хотя старый Белый Стрелок-папуля выдохся донельзя, его выучки и родословной (а род свой он вел от самого Эльда) вполне хватило бы для того, чтобы он проснулся, и уже с револьвером в руке, в ту самую секунду, когда Артист издал один из своих бессловесных, но дьявольски громких криков. В животе Мордреда начался очередной приступ схваток, сильных, как никогда. Его сложило пополам, он изо всех сил старался остаться в человеческом обличье, борясь с криком, борясь за жизнь. Прямая кишка издала какие-то звуки, мерзкая коричневая жижа поползла по ногам. И в этой жиже его обоняние, сверхъестественно острое, обнаружило запах не только экскрементов, но крови. Он думал, что боль никогда не прекратится, будет только усиливаться, пока не разорвет его надвое, но, в конце концов, она начала отступать. Он посмотрел на левую руку, и не удивился, увидев, что пальцы почернели и слились. Они более не могли стать человеческими пальцами; он верил, что теперь его хватит только на одну трансформацию. Мордред смахнул со лба пот правой рукой и поднес бинокляры к глазам, молясь Алому Папуле, чтобы сон сморил глупого немого юношу. Но тот сидел, привалившись спиной к сухому стволу тополя, и рисовал Древнюю Матерь. В этот самый момент Мордред Дискейн ближе всего подошел к отчаянию. Как и Роланд, он думал, рисование — единственное, что может удержать этого идиота от сна. А потому, чего не пойти на трансформацию в этот самый момент, когда жар лихорадки питает его своей разрушительной энергией? Почему не рискнуть? В конце концов, добраться он хотел до Роланда, не до юноши. И, конечно же, мог, в паучьем обличье подобраться к стрелку достаточно быстро, чтобы успеть схватить и поднести к пасти. Старый Бедный Папуля сможет выстрелить раз, даже два, но и он, Мордред, сможет пережить пару пуль, если летящие кусочки свинца не попадут в белый нарост на спине паука: мозг его второго тела. «А подтащив к пасти, я уже не выпущу его, пока не высосу досуха, не превращу в пыль-мумию, как другую, Миа». Он расслабился, готовый позволить трансформации прокатиться по его телу, и тут другой голос

заговорил у него в мозгу. Голос Алого Папули, который сидел в заточении на балконе Темной Башни и нуждался в живом Мордредде, хотя бы еще на один день, чтобы тот смог освободить его.

«Подожди еще немного, — посоветовал голос. — Подожди еще чуть-чуть. У меня, возможно, есть в рукаве еще один туз. Подожди... еще немного подожди...»

Мордред ждал. И через пару мгновений почувствовал, как меняется биение, идущее от Темной Башни.

8

Патрик тоже почувствовал это изменение. Биение стало успокаивающим. И в нем послышались слова, которые притупили его стремление рисовать. Он провел еще одну линию, оторвал карандаш от бумаги, потом отложил его и теперь только смотрел на Древнюю Мать, которая, похоже, пульсировала в такт словам, который слышал в голове, словам, которые без труда узнал бы Роланд. Только на этот раз их пел старческий голос, дребезжащий, но нежный:

«Непоседа, мальчик мой,
День закончен, дорогой.
Милый, снов тебе счастливых,
Ягодных полей красивых.
Попрыгунчик, милый крошка,
Ягоды клади в лукошко.
Чаззет, чиззет, чеззет,
Все в лукошко влезет».

Патрик начал клевать носом. Его глаза закрылись... открылись... снова закрылись.

«Все в лукошко влезет», — подумал он и заснул в свете костра.

9

«Пора, мой добрый сын, — прошептал холодный голос в горячем, плавящемся мозгу Мордредда. — Пора. Пойди к нему и позаботься о том,

чтобы он никогда не проснулся. Убей его среди роз, и мы будем править вечно».

Мордред вышел из укрытия. Бинобль выпал из руки, которая перестала быть рукой. И когда он трансформировался, его захватило ощущение абсолютной уверенности в себе. Через минуту все будет кончено. Они оба спали, и он не мог потерпеть неудачу.

Он поспешил к лагерю и спящим людям, ночное чудовище о семи лапах, пасть его открывалась и закрывалась.

10

Где-то далеко, в тысяче миль от него, Роланд услышал лай, громкий и настойчивый, яростный и злобный. Его усталый мозг пытался отвернуться от этого лая, отсечь его и продолжать спать. Затем раздался ужасный, агонизирующий крик, который мгновенно разбудил его. Он узнал голос, пусть и искаженный болью.

— Ыш! — крикнул он, вскакивая. — Ыш, где ты? Ко мне! Ко м...

И тут увидел Ыша, извивающегося в лапах паука. Обоих освещал костер. А позади них, привалившись спиной к сухому стволу тополя, Патрик тупо смотрел прямо перед собой сквозь занавес волос, которым теперь, после ухода Сюзанны, вновь предстояло стать грязными. Ушастик-путаник яростно извивался, из его раскрывающейся и закрывающейся пасти летела пена, а Мордред старался сломать ему хребет, выгибая спину так, как гнуться ей не полагалось.

«Если бы он не выскочил из высокой травы, — подумал Роланд, — сейчас бы Мордред вот так держал меня».

Ыш сумел вонзить зубы в одну из паучьих лап. В свете костра Роланд видел, как напрягаются челюстные мышцы ушастика-путаника, загоняя зубы все глубже и глубже. Тварь заверещала, его хватка ослабла. Ыш мог бы вырваться на свободу, прими он такое решение. Не принял. Вместо того, чтобы прыгнуть вниз и удрать, прежде чем Мордред успел бы вновь схватить его, Ыш воспользовался мгновениями свободы, чтобы вытянуть шею и вонзить зубы в то место, где одна из лап соединялась с раздувшимся телом. Зубы его вонзились глубоко, с обеих сторон пасти потекли потоки красновато-черной жидкости. В свете костра она поблескивала оранжевыми искорками. Мордред заверещал еще громче. В своих расчетах он забыл учесть Ыша, и теперь за это расплачивался. В мерцающем свете костра и он, и ушастик-путаник казались выходцами из кошмарного сна.

И где-то неподалеку в ужасе завопил Патрик.

«Никчемный шлюхин сын все-таки заснул», — с горечью подумал Роланд. Но кто доверил ему дежурство?

— Отпусти его, Мордред! — закричал он. — Отпусти, и я позволю тебе прожить еще один день! Клянусь именем моего отца!

Красные глаза, полные безумия и злобы, глянули на него над изогнувшимся телом Ыша. А поверх них, со спины паука, смотрела еще одна пара глаз, крохотных, синих, с булавочную головку. Смотрела на стрелка с чисто человеческой ненавистью.

«Мои собственные глаза, — в испуге подумал Роланд, и тут же раздался сухой треск. Мордред сломал Ышу позвоночник, но зверек, несмотря на смертельную травму, не разжал челюстей, вцепившихся в сочленение лапы и тела Мордред-паука, где жесткие щетинки содрали часть кожи с морды Ыша, обнажив острые зубы, которые могли так нежно ухватывать за запястье Джейка, когда ушастик-путаник хотел повести мальчика за собой и что-то ему показать. „Эйк! — кричал он в таких случаях. — Эйк-Эйк!“

Правая рука Роланда цапнула кобуру и нашла ее пустой. И только тут, через многие часы после ее ухода, он осознал, что Сюзанна взяла с собой в другой мир один из его револьверов. «Хорошо, — подумал он. — Хорошо. Если по ту сторону двери она найдет темноту, пятью пулями она встретит тварей, которые живут там, а шестую прибережет для себя. Хорошо».

Но мысль эта вертелась где-то на периферии сознания. Он вытащил второй револьвер, когда Мордред, чуть согнул задние лапы, а оставшейся средней обхватил туловище Ыша и оторвал зверька, все еще рычащего, от искусанной, кровоточащей лапы. Паук бросил мохнатое тельце от себя и вверх. Поднимаясь, оно на мгновение заслонило яркий маяк Древней Матери. Когда Мордред отбросил Ыша, Роланд испытал *deja vu*, потому что уже видел этот полет давным-давно, в магическом кристалле Колдовской радуги. Ыш по дуге пролетел над костром и закончил свой полет, насадившись на обломанный конец ветви. А обломал ее сам стрелок, заготавливая дрова для костра. Он издал ужасный крик, крик смерти, и потом, обмякнув, повис над головой Патрика.

Мордред без задержки двинулся на Роланда, но его атаке недоставало стремительности: одну лапку ему отстрелили при рождении, а теперь и вторая висела плетью, половинки клешни спазматически сжимались и разжимались, волочась по земле. Глаз Роланд никогда не был более зорким, хладнокровие, охватывающее его в такие моменты — более сильным. Он видел белый нарост и синие глаза стрелка, которые были его глазами. Он

видел лицо своего единственного сына, смотрящее со спины этого чудовища, а потом оно исчезло в выплеске крови, после того, как первая пуля вспорола его. Паук подался назад, его лапы попытались ухватиться за черное, звездное небо. Следующие две пули Роланда вошли в открывшееся брюшко паука и вышли через спину. Следом хлынули потоки жидкости. Паук завалился на один бок, возможно, пытался убежать, но оставшиеся лапы не удержали его. Мордред Дискейн упал в костер, подняв столб красных и оранжевых искр. Заерзал на углях, щетинки на животе загорелись, и Роланд, мрачно улыбаясь, выстрелил в него снова. Умиравший паук выкатился из костра, улегся на спину, шесть лап дернулись, а потом развалились в сторону. Одна упала в костер и начала гореть. Ужасно воняя.

«Мой сын! Мой единственный сын! Ты убил его!»

— Он был и моим сыном, — ответил Роланд, глядя на дымящееся чудовище. Он мог в этом признаться. Да, мог на это пойти.

«Так приходи! Приходи, сыноубийца, и взгляни на свою Башню, но знай: ты умрешь от старости на краю Кан'-Ка, прежде чем ты сможешь прикоснуться к двери Башни. Тодэшное пространство исчезнет, прежде чем я позволю тебе подойти к Башне! Убийца! Убийца собственной матери! Убийца своих друзей... ага, всех и каждого, ибо Сюзанна лежит мертвой, с перерезанным горлом, по другую сторону двери, через которую ты позволил ей уйти, а теперь еще и убийца собственного сына!»

— Кто послал его ко мне? — спросил Роланд голос в голове. — Кто послал своего ребенка, ибо это был он, под черной кожей, на верную смерть, ты, алый призрак?

Ответа на этот вопрос Роланд не получил, убрал револьвер в кобуру, погасил маленькие островки огня в траве, прежде чем они успели распространиться. Подумал о том, что сказал голос о Сюзанне, решил, что верить ему нельзя. Она могла умереть, да, могла, но Роланд полагал, что Алый Отец Мордред знает об этом не больше, чем он сам.

Стрелок выбросил из головы эту мысль и направился к дереву, где висел последний из его ка-тета, насаженный на сломанную ветку... но еще живой. Глаза в золотых ободках смотрели на Роланда даже с удивлением.

— Ыш, — Роланд протянул руку, зная, что его могут укусить, но не тревожась об этом. Он полагал, что какая-то его часть, и немала, хотела быть укушенной. — Ыш, мы все благодарим тебя. Я говорю, спасибо тебе, Ыш.

Ушастик-путаник не укусил его, но вымолвил одно слово: «Олан». Потом вздохнул, один раз лизнул руку стрелка, голова его упала, и он умер.

Заря медленно перешла в яркий утренний свет. Патрик нерешительно подошел к тому месту в пересохшем русле реки, где, среди роз, сидел стрелок. Тело Ыша лежало у него на коленях, как меховая накидка. Юноша тихонько вопросительно вскрикнул.

— Не сейчас, Патрик, — рассеянно ответил Роланд, поглаживая мех Ыша. Густой, но мягкий на ощупь. Ему с трудом верилось, что существа под мехом уже нет, несмотря на окоченение мышц и запекшуюся кое-где кровь. Эти места он, как мог, расчесывал пальцами. — Не сейчас. На то, чтобы добраться туда, у нас есть целый день, и мы отлично успеем.

Нет, торопиться нужды не было; не было причин, по которым он не мог бы спокойно скорбеть над последним из его мертвых. В голосе старого Короля не слышалось и тени сомнения, когда он говорил, что Роланд умрет от старости, прежде чем прикоснется к двери, ведущей в Башню. Они, конечно, подойдут к Башне, и Роланд изучит окружающую территорию, но он и теперь знал, что дурацкая это идея: подойти к Башне вплотную с той стороны, что не видна старому монстру, а потом прокрасться к двери. В голосе старого злодея не было сомнений; чувствовалось, он верил в то, что говорил.

Но на тот момент все это не имело ровно никакого значения. У него на коленях лежал еще один, которого он убил, и если он и мог найти утешение, то лишь в одном: Ыш наверняка был последним. Теперь он остался один, не считая Патрика, но Роланд чувствовал: юноша невосприимчив к ужасной болезни, которую нес в себе стрелок, потому что никогда не был членом ка-тета.

«Я убиваю только мою семью», — думал Роланд, поглаживая мертвого ушастика-путаника.

Что доставляло наибольшую боль, так это слова, сурово брошенные Ышу днем раньше: «Если ты хотел пойти с ней, мог бы это сделать, когда у тебя был шанс».

Он остался, зная, что потребуется Роланду? Что Патрик подведет, когда запахнет жареным (разумеется, фраза Эдди)?

«Почему у тебя такие грустные глаза?»

Потому что он знал, что этот день будет для него последним, а смерть — нелегкой?

— Думаю, ты знал и то, и другое, — Роланд закрыл глаза, чтобы лучше ощущать мех под руками. — Мне очень жаль, что я говорил с тобой

так... я бы отдал пальцы на моей здоровой руке, чтобы те мои слова остались невысказанными. Отдал бы, все до единого, я говорю правильно.

Но здесь, как и в Ключевом мире, время текло в одну сторону. Что сделано, то сделано. И повернуть что-то вспять не было никакой возможности.

Роланд мог бы сказать, что злости в нем не осталось, что выгорели последние ее крохи, но, когда ощутил, как кожу закололо, словно иголками, и понял, откуда это взялось, то почувствовал, как новая ярость опять наполняет сердце. Почувствовал и другое: его натруженные, но талантливые руки вновь обрели привычную уверенность.

Патрик рисовал его! Сидя под тополем, как будто маленький зверек, мужеством превосходящий его в десять, чего там, в сто раз, не умер на этом самом дереве, ради спасения их обоих.

«Так уж он создан, — спокойно и мягко заговорила Сюзанна в голове у Роланда. — Это все, что у него есть, все остальное отняли: родной мир, мать, язык и разум, который когда-то у него был. Он тоже скорбит, Роланд. Он тоже испуган. И только так может себя успокоить».

Безусловно, она все говорила правильно. Но правота эта лишь разожгла ярость Роланда, вместо того, чтобы умиротворить. Стрелок отложил оставшийся револьвер в сторону (теперь он поблескивал между двух роз), потому что не хотел, чтобы его рукоятка находилась в непосредственной близости от руки. Был не в том настроении. Потом поднялся, чтобы как следует отчитать Патрика. Почему-то ему казалось, что настроение его от этого хоть немного, но улучшится. Он уже слышал свои первые слова: «Тебе нравится рисовать тех, кто спасал твою совершенно никчемную жизнь, глупец? Это веселит твое сердце?»

И уже открыл рот, чтобы начать, когда увидел, что Патрик отложил карандаш и схватил свою новую игрушку. От ластика уже осталась половина, а других не было: Сюзанна забрала розовые цилиндрики с собой, как и револьвер Роланда, возможно, только по той причине, что, занятая более важными мыслями, забыла о стеклянной баночке, лежащей в кармане. Патрик поднес ластик к рисунку, потом поднял голову, похоже, с тем, чтобы уточнить, что именно он собрался стереть, и увидел стрелка, который стоял на дне пересохшей речки и хмурился, глядя на него. Патрик сразу сообразил, что Роланд зол, хотя едва ли понял, с чего злится стрелок, и лицо его исказилось от страха и предчувствия беды. Роланд увидел юношу, каким, должно быть, время от времени видел его Дандело, и вот тут злость его рассеялась, как дым. Он не хотел, чтобы Патрик боялся его, ради Сюзанны, не себя лично, не хотел, чтобы Патрик боялся его.

И вот тут выяснилось, что и ему будет лучше, если Патрик не будет его бояться.

«Почему не убить его? — спросил коварный голос в голове. — Убить и избавиться от всех жизненных несчастий, раз уж ты проникся к нему такой нежностью? Он и ушастик-путаник могут вместе ступить на пустошь. Смогут приготовить там место и для тебя, стрелок».

Роланд покачал головой и попытался улыбнуться.

— Нет, Патрик, сын Сони, — (именно так робот Билл называл юношу). — Нет, я ошибся... опять... и не стану тебя ругать. Но...

Он подошел к сидящему Патрику. Тот отпрянул, с собачьей улыбкой на лице, которая вновь вызвала злость, но на этот раз Роланд легко подавил это чувство. По-своему Патрик тоже любил Ыша, и другого способа справиться с горем он просто не знал.

Впрочем, для Роланда все это не имело ровным счетом никакого значения.

Он наклонился и осторожно вытащил ластик из пальцев Патрика. Юноша вопросительно посмотрел на него, протянул руку, глазами спрашивая вернуть ему эту чудесную (и полезную) игрушку.

— Нет, — как мог, мягко, ответил ему Роланд. — Ты прожил только боги знают сколько лет, не зная о существовании таких штучек; думаю, проживешь и до конца этого дня. Может, ты найдешь, что еще нарисовать, Патрик... или стереть... но позже. Ты меня понимаешь?

Патрик не понимал, но, как только ластик оказался в нагрудном кармане, рядом с часами, похоже, забыл о его существовании и вновь принялся рисовать.

— Отложи на какое-то время и рисунок, — добавил Роланд.

Патрик подчинился без возражений. Указал на повозку, на Тауэр-роуд, издал очередной вопросительный крик.

— Да, — кивнул Роланд, — но сначала мы должны посмотреть, нет ли среди снаряжения Мордредра чего полезного, и похоронить нашего маленького друга. Ты сможешь мне предать Ыша земле, Патрик?

Патрик горел желанием помочь, и похороны не заняли много времени; тельце было куда меньше бьющегося в нем сердца. И еще поздним утром они начали отсчет последних миль той длинной дороги, что вела к Темной Башне.

Глава 3. Алый Король и Темная Башня

1

Дорога и повествование получились длинными, вы не станете с этим спорить? Путешествие было долгим, цену пришлось заплатить высокую... но ничто великое не дается с легкостью. Длинная история, как и высокая башня, должны строиться из камня. Теперь, однако, когда завершение близится, вы должны заметить двух путешественников, шагающих к нам с большой осторожностью. Мужчина постарше, загорелый, с изрезанным морщинами лицом, с револьвером на бедре, тянет за собой повозку, которую они называют Хо-2. Мужчина помоложе, с большущим альбомом под мышкой, благодаря которому он похож на студента давно ушедших дней, идет рядом с ним. Они поднимаются по длинному, пологому склону холма, который ничем не отличается от сотен других холмов, что остались позади. Заросшая травой дорога, которой они следуют, с обеих сторон обрамлена остатками каменных стен. Дикие розы растут в большом количестве среди превратившихся в щебень плит. На равнине, за разрушившимися стенами, странные нагромождения камней. Некоторые напоминают развалины замков, другие похожи на египетские обелиски. Есть и говорящие круги, где вызывают демонов. В одном месте каменные колонны и цоколи в точности копируют Стоунхедж. Глаз уже ищет друидов, собравшихся в центре огромного круга, возможно, для того, чтобы предсказать будущее на рунах, но хранителей этих сооружений, предтечей великого монумента нет. Там, где когда-то они поклонялись своим богам, пасутся маленькие стада банноков.

Неважно. Мы пришли сюда не за тем, чтобы на завершающем этапе нашего долгого путешествия осматривать древние руины, но старый стрелок тянет мимо них свою повозку. Мы стоим на вершине холма и ждем, что он подойдет к нам. Он идет. И идет. Упорный, как и прежде, человек, привыкший учиться говорить на языке страны, по которой идет (во всяком случае, в некоторых учился), и старающийся узнать местные законы и обычаи; человек, который всегда выравнивает перекосившиеся картины на стенах незнакомых номеров отелей. Он поднимается на холм, так близко от нас, что нам в ноздри ударяет кислый запах его пота. Вскидывает голову, быстро, автоматически смотрит перед собой, сначала

вперед, потом вправо-влево, как и всегда, поднимаясь на вершину. «Прежде всего определись с позицией», — так учил Корт, и последний из его учеников правила этого не забыл. Он смотрит вверх без особого интереса, смотрит вниз... и останавливается. Еще несколько мгновений не отрывает глаз от дороги, когда-то мощеной, а теперь все более зарастающей травой, и опять поднимает голову, на этот раз более медленно. Гораздо более медленно. Словно боится того, что, как ему кажется, увидел.

И вот тут мы должны присоединиться к нему, влиться в него, хотя рассказать о том, что чувствует сердце Роланда в этот самый момент, когда цель его жизни наконец-то показалась вдалеке, не под силу ни одному рассказчику. Представить себе такое просто невозможно.

2

Роланд быстро огляделся, поднявшись на холм. Не потому, что ждал каких-то неприятных неожиданностей, нет, в силу привычки. «Прежде всего определись с позицией», — говорил Корт, вбивал им эту мысль, когда они были еще совсем детьми. Он посмотрел на дорогу, лавировать среди роз, не задевая их, становилось все труднее, но пока это ему удавалось, и тут до него вдруг дошло, что он увидел мгновением раньше.

«Что, как тебе показалось, ты увидел, — сказал себе Роланд, не отрывая глаз от дороги. — Возможно, это очередные руины, не отличающиеся от тех, мимо которых мы прошли сегодня не раз и не два».

Но даже тогда Роланд знал, что никакие это не руины. Потому что увиденное им находилось не в стороне от Тауэр-роуд, а прямо перед ним.

Он вновь посмотрел прямо вперед, услышав, как шейные позвонки закричали, словно несмазанная дверь, и там, все еще далеко впереди, но уже видимая на горизонте, реальная, как розы, чернела на фоне неба вершина Темной Башни. Во сне он видел ее тысячи раз, но собственными глазами — впервые. В шестидесяти или восьмидесяти ярдах впереди дорога поднималась на еще более высокий холм. На вершине с одной стороны дороги располагался говорящий круг, заросший ивами и жимолостью, с другой — роща железных деревьев. А по центру поднималось что-то черное, заслоняя крохотную часть синего неба.

Патрик остановился рядом с Роландом, издал нечленораздельный крик.

— Ты тоже видишь ее? — голос осип, потрескивал от изумления. А потом, прежде чем Патрик успел ответить, стрелок указал на то, что висело

у юноши на шее, бинокль, единственную вещь, которую они взяли из снаряжения Мордред.

— Дай мне его, Патрик.

Патрик дал, тут же. Роланд поднес бинокль к глазам, отрегулировал резкость, а затем у него перехватило дыхание, стоило ему поймать в окуляры вершину Башни, вдруг приблизившуюся на расстояние вытянутой руки. Какая часть Башни поднималась над горизонтом? Какую по высоте часть он видел? Двадцать футов? Или пятьдесят? Этого он не знал, но видел, как минимум три узких окна-амбразуры, поднимающихся по спирали, и видел консольный эркер на вершине, сверкающий всеми цветами радуги в весеннем, солнечном свете, с черной серединой, которая, казалось, смотрела на него, как Глаз Тодэша.

Патрик закричал, протянул руку за биноклем. Он тоже хотел взглянуть на Башню, и Роланд, не возражая, отдал юноше бинокль. Он был немножко не в себе, взгляд стал отсутствующим. Что-то похожее, подумал Роланд, он испытывал и за несколько недель до поединка с Кортм, когда жил словно во сне или на луне. Чувствовал тогда: что-то грядет, какое-то значительное изменение в его жизни. То же самое чувствовал и теперь.

«А вот и ты, — думал он. — Моя судьба, конечная точка моего жизненного пути. И, однако, сердце у меня по-прежнему бьется (чуть быстрее, чем прежде, это правда), кровь бежит по венам, и, безусловно, когда я нагнусь, чтобы взяться за рукоятки этой чертовой повозки, спина протестующе застонет и я, возможно, пушу „голубка“. Ничего не изменилось».

Он ждал, что на него накатит волна разочарования, поднятая этой мыслью. Вроде бы по-другому и быть не могло. Не накатила. Вместо этого по телу начало растекаться всепроникающее счастье, первым делом залившее мозг, потом мышцы. Впервые с того момента, как они с Патриком в этот день тронулись в путь, мысли об Ёше и Сюзанне покинули его. Он обрел свободу.

Патрик опустил бинокль. Когда повернулся к Роланду, на лице отражалось волнение. Он указал на черный палец, торчащий на горизонте, и закричал.

— Да, — кивнул Роланд. — Когда-нибудь, в каком-то мире, ты нарисуешь ее тамошнюю версию, вместе с Лламри, лошадью Артура Эльдского. Я это знаю, видел тому доказательство. А пока, именно туда мы должны идти.

Патрик закричал снова, потом лицо его вытянулось, он прижал руки к вискам, замотал головой из стороны в сторону, словно егл мучила

сильнейшая головная боль.

— Да, — кивнул Роланд. — Я тоже боюсь. Но делать нечего. Я должен туда идти. Хочешь остаться здесь, Патрик? Останешься и подождешь меня? Если ты этого хочешь, я тебе разрешаю остаться.

Патрик без колебаний покачал головой. И, на случай, что Роланд не понял, немой юноша крепко схватил стрелка за руку. Правой рукой, которой рисовал, с железной хваткой.

Роланд кивнул. Даже изобразил улыбку.

— Да, очень хорошо. Оставайся со мной, раз есть у тебя такое желание. При условии, что ты понимаешь: самый последний отрезок пути я должен пройти один.

3

И теперь, когда они ныряли в очередную долину и поднимались на очередной холм, Темная Башня приближалась и росла на глазах. В их поле зрения попадало все больше расположенных по спирали окон, все большая часть массивных стен. В какой-то момент Роланд разглядел на вершине два стальных флагштока. Облака, которые следовали двум Тропам Луча, казалось, убегали прочь от свободных торцов флагштоков, образуя в небе огромную букву Х. Голоса становились громче, и Роланд понял, что они поют имена этого мира. Имена всех миров. Он не знал, откуда ему это известно, но был в этом уверен. Ощущение, что он отрывается от земли, только усилилось. Наконец, когда они поднялись на холм, где по левую руку большие каменные истуканы маршировали на север (лица истуканов, выкрашенные чем-то кроваво-красным, злобно смотрели на них), Роланд предложил Патрику залезть на повозку. На лице Патрика отразилось изумление. Он издал несколько криков, которые, по разумению Роланда, означали: «Разве ты не устал?»

— Да, но мне нужен якорь, вот в чем дело. Без него я могу со всех ног броситься к Башне, хотя знаю, что нельзя этого делать. И если усталость не разорвет мое сердце, тогда Алый Король вышибет мне мозги какой-нибудь из своих игрушек. Полезай на повозку, Патрик.

Патрик не заставил просить себя дважды. Ехал сидя, наклонившись вперед, не отрывая от глаз бинокля.

4

Тремя часами позже они подошли к подножию куда более крутого холма. Сердце подсказывало Роланду, что этот холм — последний. И за ним лежит Кан'-Ка Ноу Рей. На вершине, справа от дороги, он видел груды камней, когда-то сложенных в небольшую пирамиду. Теперь ее высота не превышала тридцати футов. Розы окружали основание темно-алым кольцом. Роланд, не сводя глаз с этих камней, начал медленно подниматься на холм, таща за собой повозку. По мере подъема над вершиной холма возникла Темная Башня, увеличиваясь в размерах с каждым шагом стрелка. Он уже видел и балконы, и их металлическое, на уровне талии ограждение. Бинокль ему больше не требовался: воздух был неестественно прозрачен. Роланд решил, что до Башни осталось никак не больше пяти миль. Может, даже три. Уровень за уровнем поднимался перед стрелком, который буквально отказывался верить своим глазам.

У самой вершины холма, когда до пирамиды по правую руку оставалось футов двадцать, Роланд остановился, наклонился, опустил рукояти повозки на землю. Каждый нерв его тела шептал об опасности.

— Патрик? Слезай.

Патрик слез, с тревогой всмотрелся в лицо Роланда, крикнул.

Стрелок покачал головой.

— Не могу сказать, почему мы остановились. Знаю только, что продвигаться вперед опасно, — голоса слились в огромный хор, но воздух вокруг Роланда и Патрика застыл. Ни одна птичка не пролетала над ними, ни одна не чирикала поблизости. Пасущиеся стада банноков остались далеко позади. Правда, ветер шелестел травой, а розы кивали бутонами.

Вдвоем они двинулись к вершине, и в этот момент Роланд почувствовал прикосновение к правой изуродованной руке. Повернулся к Патрику. Немой юноша озабоченно смотревший на него, попытался улыбнуться. Роланд взял его за руку, и вот так они поднялись на холм.

Под ними во всех направлениях до самого горизонта расстилалось огромное алое одеяло. Дорога прорезала его, пыльная, белая, прямая линия шириной, возможно, в двенадцать футов. В центре поля роз стояла закопченная, темно-серая Башня, точно так же стояла она и в его снах; ее окна блестели на солнце. Там дорога разделялась на две и идеальным кругом огибала Башню, чтобы на ее противоположной стороне вновь сойтись в одну, уходящую, как полагал Роланд, точно на восток, а не на юго-восток. Еще одна дорога уходила от Темной Башни под прямым углом к первой: на север и на юг, если его догадка о том, что стороны света вновь стабилизировались, соответствовала действительности. Так что сверху Темная Башня выглядела перекрестьем залитого кровью прицела.

— Это... — начал стрелок, и тут же ветер донес до них громогласный безумный вопль, совершенно не приглушенный расстоянием. «Он распространяется по Лучу, — подумал Роланд. — Его несут розы».

— СТРЕЛОК! — вопил Алый Король. — ТЕПЕРЬ ТЫ УМРЕШЬ!

Послышался свист, сначала тихий, потом нарастающий, режущий общую песню Темной Башни и роз, как острейшее лезвие, заточенное на точильном круге с алмазной крошкой. Патрик стоял, как зачарованный, тупо уставившись на Башню; от него остались бы одни сапоги, если бы не реакция Роланда, быстрая, как и всегда. С силой дернув Патрика за руку, стрелок утащил его за каменную пирамиду. В высокой траве, скрытые от глаз, лежали другие камни. Оба упали, споткнувшись о них. Роланд почувствовал, как один из камней ткнулся ему в ребра, отозвавшись болью.

Свист нарастал, превратился в рвущий барабанные перепонки вой. Роланд увидел, как что-то золотое пролетело мимо: снитч. Он ударил в повозку и взорвался, разметав их пожитки во все стороны. Банки, подскакивая, покатались по дороге, некоторые вскрылись, выплеснув содержимое.

А потом раздался пронзительный, дребезжащий смех, заставивший Роланда стиснуть зубы, а Патрика закрыть руками уши. Безумство этого смеха едва не сводило с ума.

— ВЫХОДИ! — требовал далекий, безумный, смеющийся голос. — ВЫХОДИ, И МЫ ПОИГРАЕМ, РОЛАНД! ИДИ КО МНЕ! ИДИ К СВОЕЙ БАШНЕ, ПОСЛЕ СТОЛЬКИХ ЛЕТ ТЫ НЕ МОЖЕШЬ НЕ ПОДОЙТИ К НЕЙ, НЕ ТАК ЛИ?

Патрик посмотрел на него, в глазах стояли отчаяние и испуг. Он прижимал альбом для рисования к груди, как щит.

Роланд осторожно выглянул из-за пирамиды и там, на балконе в двух уровнях от основания Башни, видел то самое, что уже видел на картине в кабинете сэя Сейра: одно красное пятно и три белых — лицо и поднятые руки. Но теперь перед его глазами открывалась явь, а не картина, одна из рук быстро двинулась, что-то бросив, и вновь раздался дьявольский, нарастающий свист. Роланд откатился под защиту пирамиды. Пауза длилась целую вечность, но потом снитч ударил в пирамиду с другой стороны и взорвался. Земля содрогнулась, они упали лицом в траву. Патрик закричал от ужаса. Камни полетели во все стороны, как шрапнель, некоторые упали на дорогу, но Роланд увидел, что они не сломали и не задели ни одну розу.

Юноша поднялся на колени и побежал бы, скорее всего, обратно на дорогу, если бы Роланд не схватил его за воротник сшитого из шкур пальто

и рывком не уложил на землю.

— Здесь мы в относительной безопасности, — прошептал он Патрику. — Смотри, — сунул руку в дыру, которая образовалась после того, как из облицовки пирамиды отвалилось несколько камней, и постучал по глухому торцу костяшками пальцев. Натянуто усмехнулся, когда послышался глухой звук. — Сталь! Да. Он может запустить в эту пирамиду с дюжину летающих огненных шаров, но не развалит ее. Добьется только того, что с нее будет облетать облицовка, камни и блоки, обнажая то, что находится внутри. Понимаешь меня? И я не думаю, что он будет тратить свой боезапас. Не думаю, что он у него большой.

Прежде чем Патрик успел ответить, Роланд вновь выглянул из-за края пирамиды, сложил руки рупором у рта и закричал: «ПОПРОБУЙ ЕЩЕ РАЗ, СЭЙ! МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, НО, ВОЗМОЖНО, ТВОЙ СЛЕДУЮЩИЙ БРОСОК БУДЕТ СЧАСТЛИВЫМ!»

Короткая пауза оборвалась безумным криком: «И-И-И-И-И-И-И-И! НЕ СМЕЙ НАСМЕХАТЬСЯ НАДО МНОЙ! НЕ СМЕЙ! И-И-И-И-И-И-И-И!»

Вновь раздался нарастающий свист, Роланд схватил Патрика и упал на него, но не к пирамиде, а на траву за ней. Боялся, что взрыв снитча может вызвать у них сотрясение мозга, а то и превратить внутренности в желе.

Только на этот раз снитч не ударил в пирамиду. Он пролетел мимо нее, над дорогой. Роланд перекатился на спину. Его глаза выхватили из воздуха золотой снаряд, отметили место, где он остановился, чтобы лечь на обратную траекторию, к целям. И всадил в него пулю, как в глиняную тарелочку. В ослепительной вспышке снитч закончил свое существование.

— ЭЙ, ДОРОГОЙ! МЫ ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ! — крикнул Роланд, пытаясь придать голосу насмешливые интонации. Задача не из легких, если кричишь во все горло.

Ответом стал очередной безумный крик: «И-И-И-И-И-И-И-И!» Роланда удивляло, что от этих криков голова Алого Короля не развалилась надвое. Он вставил патрон в пустое гнездо барабана (намеревался, насколько возможно, всегда держать револьвер полностью заряженным), и тут же раздался двойной свист. Патрик застонал, перекатился на живот, уткнулся лицом в траву между камней, накрыл голову руками. Роланд сидел, привалившись спиной к пирамиде из стали и камней, длинный ствол шестизарядного револьвера лежал на бедре. Расслабившись, ждал. И при этом сосредоточил всю силу воли на одном из летящих к нему снитчей. Нарастающий приближающийся свист интенсифицировал работу слезных желез, но он не мог допустить появления влаги в глазах. Если хотел повторить трюк, которым прославился в далеком прошлом, ему

требовалось сверхъестественно острое зрение.

И эти синие глаза были совершенно чистыми, когда снитчи пролетели мимо, высоко над дорогой. На этот раз один заложил левый вираж, а другой — правый. Оба совершали обманные маневры, выписывая немыслимые зигзаги. Роланд не реагировал. Привалившись спиной к пирамиде, ждал, расслабленно, буквой V, вытянув перед собой ноги в старых, потрепанных сапогах. Его сердце билось медленно ровно, глаза видели окружающей мир предельно четко во всей его цветовой гамме (если бы в тот последний день он и мог видеть лучше, то, несомненно, разглядел бы ветер). Затем вскинул револьвер, расстрелял оба снитча и вновь перезарядил револьвер еще до того, как взрывы-вспышки перестали пульсировать у него перед глазами.

Нагнулся к краю пирамиды, поднес бинокль к глазам, положил его на выступ, подвернувшийся как нельзя кстати, и посмотрел на своего врага. Алый Король буквально прыгнул на него, и Роланд увидел именно то, что и ожидал: старика с огромным носом, крючковатым и бесформенным, словно слепленным из воска; красные губы цвели среди белоснежной бороды; белоснежные же волосы спускались по спине Алого Короля чуть ли не до костлявого зада. Его пылающее от ярости лицо смотрело на странников. На ярко-красном одеянии Алого Короля Роланд разглядел серебристые зигзаги молний и каббалистические знаки. Сюзанна, Эдди и Джейк приняли бы его за Рождественского деда. Роланд видел его, каким он был: исчадием ада, сущим дьяволом.

— КАКОЙ ЖЕ ТЫ НЕРАСТОРОПНЫЙ! — так же насмешливо крикнул стрелок. — ПОПРОБУЙ ТРИ, МОЖЕТ, ТРИ СРАЗУ ПОМОГУТ ТЕБЕ ДОБИТЬСЯ СВОЕГО!

Бинокль чем-то напоминал Роланду песочные часы, положенные на бок. Стрелок наблюдал, как Большой Алый Король подпрыгивает на месте, комично трясет руками перед лицом. Роланду показалось, что видит ящик у ног одетой в красное фигуры, но точно сказать не мог. Витые железные опоры между поручнем и полом балкона закрывали ящик, если он там и был.

«Наверное, его боезапас, — думал он. — Должен быть. И сколько снитчей уместится в таком ящике? Двадцать? Пятьдесят?» Значения это не имело. Если Алый Король не мог бросить одновременно больше двенадцати снитчей, то Роланд мог гарантировать, сшибет все, что швырнет в его сторону старый демон. В конце концов, этому его научили, такая уж у него была профессия.

К сожалению, Алый Король знал об этом не хуже Роланда.

Тварь на балконе издала еще один ужасный, рвущий барабанные

перепонки крик (Патрик заткнул грязные уши грязными же пальцами) и, вроде бы, сунулся в ящик за очередной порцией снитчей. Потом, однако, остановился. Роланд наблюдал, как он подошел к самому ограждению... а потом всмотрелся в глаза стрелка. Красным, сжигающим взглядом. Роланд тут же опустил бинокль, чтобы взгляд этот его не зачаровал.

А вслед за взглядом к нему полетел голос Короля: «ТОГДА ПОДОЖДИ, НЕМНОГО... И ПОДУМАЙ О ТОМ, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ ПРИОБРЕСТИ, РОЛАНД! ПОДУМАЙ, КАК ОНА БЛИЗКО! И... ПОСЛУШАЙ! УСЛЫШЬ ПЕСНЮ, КОТОРУЮ ПОЕТ ТВОЯ ЛЮБИМАЯ!»

На том Алый Король замолчал. Не слышалось и воя очередных, брошенных им снитчей. Так что до ушей Роланда долетал только посвист ветра... и то, что предлагал ему послушать Алый Король.

Зов Башни.

«Приходи, Роланд», — пели голоса. Источником этих голосов были розы, набирающие силу Лучи, но, прежде всего, сама Башня, которую он искал всю жизнь, которую он уже видел перед собой... но к которой его не подпускали, теперь, когда он, наконец-то пришел к ней. Если бы он перевалил через вершину последнего холма, на открытой местности его ждала бы неминуемая смерть. Но голос Башни напоминал рыбный крючок, крепко зацепившийся в мозгу. И крючок этот тянул, тянул его к Башне. Алый Король знал, крючок все сделает сам, ему нужно только ждать. И по мере того, как шло время, Роланд понял, что удержаться за пирамидой ему не удастся. Потому что сила зовущих голосов нарастала. Пока он мог противостоять им. Пока противостоял. Но день катился к вечеру, а они становились все громче, все настойчивее. И, с нарастающим ужасом, Роланд осознал, почему в своих снах и видениях всегда видел себя идущим к Темной Башне на закате, когда небо на западе становилось продолжением поля роз, превращая весь мир в ведро крови, удерживаемое на одной-единственной опоре, черной, как полночь, четко выделяющейся на фоне горящего горизонта. Он видел себя подходящим к Башне на закате, потому что именно в этот момент усиливающийся зов Башни сокрушил бы его силу воли. И он бы пошел к ней. Ни одна сила на Земле не смогла бы его остановить.

«Приходи... приходи...» превратилось в «ПРИХОДИ... ПРИХОДИ...», а потом в «ПРИХОДИ! ПРИХОДИ!» Его голова раскалывалась от этого зова. Ему хотелось откликнуться на него. Вновь и вновь он поднимался на колени, а потом заставлял себя лечь, спиной к пирамиде.

Патрик смотрел на него с нарастающим страхом. Может, он совсем не чувствовал зова Башни, может, зов этот на него не действовал (Роланд понимал, что такое возможно), но он знал, что происходит.

Они пролежали за пирамидой, по прикидкам Роланда, примерно с час, прежде чем Король запустил еще пару снитчей. На этот раз они облетели пирамиду с двух сторон, развернулись чуть ли не сразу, и начали стремительно сближаться. Первым Роланд разобрался с правым снитчем, в мгновение ока переместил револьвер влево и сшиб второй снитч. Взорвался он достаточно близко, чтобы волна теплого воздуха окатила стрелку лицо, но, по крайней мере, обошлось без осколков. Похоже, при взрыве снитчи уничтожались целиком.

— ПОПРОБУЙ ЕЩЕ! — крикнул Роланд. В горле у него пересохло, но он знал, что слова долетят до адресата: воздух в этом месте способствовал разговорам на большом расстоянии. И он знал, что каждое его слово — кинжал, вонзающийся в тело сумасшедшего старика. Однако, ему хватало своих проблем. Зов Башни все усиливался.

— ПРИХОДИ, СТРЕЛОК! — донесся до него голос Алого Короля. — МОЖЕТ, В КОНЦЕ КОНЦОВ, Я ПОЗВОЛЮ ТЕБЕ ВОЙТИ В БАШНЮ! МЫ МОЖЕМ ПОСОВЕЩАТЬСЯ НА СЕЙ ПРЕДМЕТ, ПОЧЕМУ НЕТ?

К своему ужасу Роланд подумал, что почувствовал в голосе искренние нотки.

«Да, — мрачно подумал он. — И мы выпьем кофе. Устроим себе небольшой пикник».

Он вытащил из кармана часы, открыл крышку. Стрелки шустро бежали назад. Роланд привалился спиной к пирамиде и закрыл глаза. Стало только хуже. Зов Башни

(приходи, Роланд, приходи, стрелок, каммала-кам-кец, теперь путешествию конец)

стал громче, настойчивее. Он открыл глаза, посмотрел на не знающее прощенья синее небо, облака, бегущие к Темной Башне на конце поля роз.

И пытка продолжилась.

Он выдержал еще час, в течение которого тени кустов и растущих неподалеку роз только удлинялись, надеясь, но, похоже, напрасно, что в голову придет какая-нибудь мысль, какая-нибудь блестящая идея, которая позволит не вверять собственную жизнь и судьбу в руки талантливого, но слабоумного юноши, находящегося рядом с ним. Но, когда солнце заскользило к западному горизонту, а синее небо над головой начало темнеть, он понял, что других вариантов у него не осталось. Стрелки на карманных часах все быстрее отсчитывали минуты и часы в обратную сторону. Роланд понимал, что скоро они начнут вращаться. И как только это произойдет, он пойдет к Башне. Пойдет, наплевав на снитчи (и на все прочее, что могло лежать в ящике у ног Алого Короля). Он мог бежать прямо, бежать зигзагом, падать на землю, ползти, но, понимал, при самом лучшем раскладе сумеет преодолеть половину расстояния до Темной Башни, прежде чем его разнесет на куски.

И он умрет среди роз.

— Патрик, — позвал он, севшим от волнения голосом. Патрик вскинул на него полные отчаяния глаза. Роланд же посмотрел на руки юноши, грязные, исцарапанные, но по-своему такие же талантливые, как и у него, и сдался. В голову пришла мысль, что так долго он тянул исключительно из гордости; хотел убить Алого Короля, а не просто отправить его неведомо куда. И, разумеется, не было гарантии, что Патрик сможет разобраться с Алым Королем точно так же, как разобрался с язвой на лице Сюзанны. Однако, стрелок точно знал, что скоро не сможет противостоять зову Башни, и Патрик стал его единственной надеждой.

— Поменяйся со мной местами, Патрик.

Патрик осторожно перелез через Роланда. Оказался у края пирамиды, который находился рядом с дорогой.

— Посмотри в этот дальновидящий инструмент. Положи на выступ... да, вот так... и посмотри.

Патрик смотрел, как показалось Роланду, очень долго. А голос Башни пел, звенел, звал. Наконец, Патрик повернулся к нему.

— А теперь возьми альбом, Патрик. И нарисуй того человека, — Алый Король, конечно, не был человеком, но выглядел-то, как человек.

Поначалу Патрик молча смотрел на Роланда, кусая губу. Потом взял голову стрелка в руки, наклонял к себе, пока их лбы не соприкоснулись.

«Очень трудно, — прошептал голос в глубине разума Роланда, голос не юноши, но взрослого мужчины. Сильного мужчины. — Он там не полностью. Он ускользает. Он размывается».

Где Роланд уже слышал эти слова?

Нет времени думать об этом.

— Ты говоришь, что не можешь? — спросил Роланд, добавив в голос (с усилием) разочарования и удивления. — Что ты не можешь? Что Патрик не может? Что Художник не может?

Глаза Патрика изменились. На мгновение Роланд увидел в них то выражение, что появится там, когда он вырастет в мужчину... а картины в кабинете Сейра однозначно указывали, что вырастет, по крайней мере, в каком-то времени, в каком-то мире. Проживет достаточно долго, чтобы написать маслом увиденное в этот день. Роланд понял, что с годами в этих глазах будет читаться надменность, если Патрик таки превратится в старика, приумножив талант, но так и не обретя мудрость; пока же Роланд увидел самонадеянность. То были глаза ребенка, знающего, что он быстрее молнии, самый быстрый, самый лучший, и не желающий знать ничего другого. Роланд прекрасно знал эти глаза, разве не они смотрели на него с сотен зеркал и с поверхностей стоячей воды, когда он был таким же молодым, как Патрик Дэнвилл?

«Я могу, — ответил голос в голове Роланда. — Я только говорю, что это будет не просто. И мне понадобится ластик».

Роланд тут же покачал головой. В кармане пальцы сомкнулись на том, что осталось от розового цилиндрика, и крепко сжали его.

— Нет. Ты должен нарисовать его сразу, Патрик. И ничего не поправлять. Ластик потребуется позже.

На мгновение выражение самонадеянности поблекло, но только на мгновение. Потому что вернулось, да еще в сочетании с такой уверенностью, что у стрелка отлегло от сердца. Теперь во взгляде читалось и нарастающее возбуждение, какое появлялось в глазах у талантливых, если много лет от них ничего особенного не требовали, а тут вдруг предложили сделать что-либо на пределе возможностей, а может, и за этими пределами.

Патрик вновь взялся за бинокль, который оставил на выступе. Долго смотрел в него, а голоса все настойчивее пели в голове Роланда.

Наконец, юноша отложил бинокль, потянулся к альбому и принялся за самую важную картину в своей жизни.

Работал Патрик медленно, в сравнении с его обычной манерой, когда быстрые движения карандаша создавали законченный рисунок буквально

за несколько минут. Роланду вновь и вновь приходилось сдерживаться, чтобы не закричать: «Поторопись! Ради всех богов, поторопись! Неужели ты не видишь моих мук?»

Но Патрик не видел, да они ни в малой степени его не заботили. Он с головой ушел в работу, она полностью захватила его, и отрывался он от альбома лишь для того, чтобы еще разок бросить долгий взгляд на существо в красном одеянии. Иногда он наклонял карандаш, чтобы заретушировать кусочек листа, потом растирал ретушь большим пальцем, чтобы добиться нужного эффекта. Случалось, закатывал глаза, являя миру лишь восковой блеск белков. словно хотел вызвать из памяти хранящийся там образ Алого Короля. И действительно, разве Роланд мог утверждать, что такого не могло быть?

«Мне без разницы, зачем и почему он закатывает глаза. Пусть только закончит рисовать до того, как я рехнусь и сломя голову побегу к тому, что Старый Алый Король совершенно справедливо называет „моей милой“.

Вот так и прошли полчаса, которые растянулись как минимум на три дня. Однажды Алый Король даже громче, чем прежде, позвал Роланда, вновь спросил, не хочет ли тот, в конце концов, подойти к Темной Башне и посоветоваться. Может, сказал он, если Роланд освободит его из балкона-темницы, они смогут зарыть стрелу войны, а потом вместе, заключив союз, подняться на вершину Темной Башни. В этом, как ни крути, нет ничего невозможного. В сильный дождь под крышей одной таверны могут оказаться очень разные люди. Неужто Роланд никогда не слышал такой поговорки.

Роланд знал эту поговорку очень хорошо. Он также знал, предложение Алого Короля столь же лживо, что и прежде, пусть и преподнесено в новой обертке. И на этот раз Роланд уловил тревогу в голосе монстра. Так что не стал растрачивать силы на ответ.

Осознав, что хитростью ничего не добьешься, Алый Король швырнул еще один снитч. Этот взлетел высоко над пирамидой, а потом спикировал вниз с воем падающей бомбы. Роланд разобрался с ним одним выстрелом и тут же вставил патрон в опустевшее гнездо. По правде говоря, ему хотелось, чтобы Алый Король забросал его снитчами, потому что они отвлекли бы от несущего смерть зова Башни.

«Она ведь давно меня ждет, — в тревоге думал он. — Вот почему так трудно сопротивляться... она же зовет именно меня. Не конкретно Роланда, но весь род Эльда... а из всего рода остался только я».

(клыка)

зуба, и подумал, что губы на рисунке могут ожить и разойтись прямо у него на глазах, открыв полный рот клыков; одно белое пятнышко (в конце концов, крошечный участок бумаги, которого не коснулся карандаш) заставило воображение дорисовать все остальное, даже запах гнилого мяса, выходящего из рта с каждым выдохом. Патрик идеально ухватил клок седых волос, торчащих из одной из ноздрей Короля, и тоненький шрам на правой брови, который то появлялся из-под волос, то исчезал под ними, как стежки. Портрет Сюзанны, ранее нарисованный Патриком, не мог идти ни в какое сравнение с этой последней работой. И уж конечно, раз Патрик смог стереть язву с того портрета, то, само собой, мог убрать Алого Короля с этого, оставив только балконное ограждение перед ним да запертую дверь в стене Башни позади него. Роланд каждое мгновение ждал, что нарисованный Алый Король задышит и зашевелиться... да, Патрик точно мог его стереть! Конечно же...

Но нет. Не мог, и желание Роланда тут помочь не могло. Даже насущная необходимость.

«Это его глаза, — подумал Роланд. Широко раскрытые и ужасные, глаза дракона в человеческом облике. Они потрясающе хороши, но что-то в них не так. Последние сомнения в этом покинули Роланда, и он содрогнулся с головы до пят, так сильно, что клацнули зубы. — Они не совсем...»

Патрик коснулся локтя стрелка. А Роланд так сосредоточился на рисунке, что от неожиданности едва не вскрикнул. Поднял голову. Патрик кивнул ему, потом коснулся пальцами уголков своих глаз.

«Да. Его глаза. Я это знаю! Но что с ними не так?»

Пальцы Патрика по-прежнему касались уголков глаз. Над головой, издавая пронзительные крики, пролетела стая раи, по небу, которому в самом скором времени предстояло сменить синий цвет на лиловый. Они направлялись к Темной Башне; Роланд приподнялся, собравшись последовать за ними, не хотел, чтобы они получили недоступное ему.

Патрик схватил его за рукав пальто из шкур и потянул назад. Юноша яростно качал головой, на этот раз свободной рукой указывая на дорогу.

— Я ЭТО ВИДЕЛ, РОЛАНД, — донесся крик. — ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО ХОРОШО ДЛЯ ПТИЦ, ХОРОШО И ДЛЯ ТЕБЯ, НЕ ТАК ЛИ? И-И-И-И-И-И! И ЭТО ПРАВДА, БУДЬ УВЕРЕН. ПРАВДА, КАК ТО, ЧТО САХАР — СЛАДКИЙ, СОЛЬ — СОЛЕНАЯ, А В СОКРОВИЩНИЦЕ КОРОЛЯ ДАНДО ХРАНЯТСЯ РУБИНЫ... И-И-И-И-И-И, ХА! Я МОГ БЫ СРЕЗАТЬ ТЕБЯ ПРЯМО СЕЙЧАС, НО СТОИЛО ЛИ? ДУМАЮ, ЛУЧШЕ

ПОСМОТРЕТЬ, КАК ТЫ ПРИДЕШЬ, ЗЛОЙ, ШАТАЮЩИЙСЯ ИЗ СТОРОНЫ В СТОРОНУ, НЕ В СИЛАХ ОСТАНОВИТЬ СЕБЯ!

«И я приду, — подумал Роланд. — Ничего не смогу с собой поделывать. Я, возможно, сумею продержаться еще десять минут, может, даже двадцать, но в конце...»

Патрик прервал его мысли, вновь указав на дорогу. Указав в ту сторону, откуда они пришли.

Роланд устало покачал головой.

— Даже если бы я мог бороться с зовом Башни, а я не могу, все, что в моей власти — оставаться на месте, отступление не принесет нам пользы. Как только мы покинем укрытие, он использует какое-то другое оружие. Что-то у него есть, я в этом уверен. Что-то такое, против чего пули моего револьвера будут бессильны.

Патрик опять покачал головой, так сильно, что волосы заметались в разные стороны. Пальцы все сильнее сжимали руку Роланда, пока ногти не вонзились в кожу даже сквозь три слоя одежды. Его глаза, всегда нежные и обычно недоумевающие, теперь смотрели на Роланда чуть ли не с яростью. Он снова указал свободной рукой на дорогу, трижды ткнул на что-то выставленным вперед грязным указательным пальцем. Определенно не на разбитое покрытие.

Патрик указывал на розы.

— Зачем они тебе? — спросил Роланд. — Зачем они тебе, Патрик?

Вот тут юноша указал сначала на розы, потом на глаза на своем рисунке.

И Роланд все понял.

Патрик не хотел их срывать. Когда Роланд жестом предложил Патрику выйти на дорогу, юноша закачал головой, волосы снова заметались, глаза широко раскрылись. Он изобразил свист, на удивлении похожий на звуки, которые издавал подлетающий снитч.

— Я сшибу все, что он бросит, — заверил юношу Роланд. — Ты видел, как это делается. Если снитч полетит в твою сторону, я его сшибу. Вот почему ты должен сорвать розу, а я — тебя прикрывать.

Но Патрик только вжался спиной в каменную облицовку пирамиды. Патрик не собирался срывать розу. Его страх, возможно, был не столь велик, как талант, но уступал ненамного. Роланд прикинул расстояние до

ближайшей розы. Она росла за пределами их укрытия, пусть и рядом с границей. Стрелок посмотрел на свою правую, изуродованную руку, которой предстояло выдергивать розу, и спросил себя, насколько тяжелым будет этот труд. Разумеется, ответа на этот вопрос он не знал. Розы-то были необычными. Вполне возможно, что шипы покрывал яд, попадание которого в кровь вызывало паралич. И он упал бы в высокую траву, превратившись в легкую добычу для очередного снитча.

Но Патрик рвать розу не собирался. Патрик знал, что когда-то у Роланда были друзья, но теперь все они умерли, а вот Патрик — нет. Если бы у Роланда было два часа, чтобы вразумить юношу, может, даже один, ему, возможно, и удалось бы пробиться сквозь стену ужаса, которой отгородился Патрик. Но не было у него ни двух часов, ни даже одного. Солнце уже подкатилось к самому горизонту. До заката оставались считанные минуты.

«А кроме того, роза близко. Я смогу это сделать, если придется... если не останется ничего другого».

Воздух достаточно прогрелся, чтобы обходиться при ходьбе без рукавиц из оленьей шкуры, которые сшила ему Сюзанна, но еще утром Роланд надевал рукавицы, так что теперь они торчали из-за пояса. Он достал одну, срезал верх, чтобы два оставшихся пальца вылезли наружу. Оставшаяся часть рукавицы могла, хотя бы частично, защитить ладонь от шипов. Стрелок надел обрезанную рукавицу, встал на одно колено, держа револьвер в другой руке, посмотрел на ближайшую розу. Одной хватит? Должно хватить, решил он. Следующая находилась как минимум в шести футах от первой.

Патрик сжал ему плечо, отчаянно мотая головой.

— Я должен, — пояснил ему Роланд, и, разумеется, не грешил против истины. Это была его работа — не Патрика, и поначалу он поступал неправильно, пытаясь переложить ее на юношу. Если ему удастся довести дело до конца — прекрасно, если нет, если он падет на краю Кан'-Ка Ноу Рей, что ж, по крайней мере, оборвется этот ужасный зов.

Стрелок глубоко вдохнул и выпрыгнул из-за укрытия к розе. В этот самый момент Патрик вновь потянулся к нему, пытаясь остановить. Руки его ухватились за полу пальто, и Роланд, конечно же, потерял равновесие. Повалился набок, револьвер выскользнул из левой руки и упал в высокую траву. В этот самый момент Алый Король закричал (стрелок расслышал в его голосе ярость и торжество), а за криком последовал нарастающий вой брошенного снитча. Правая, в рукавице, рука Роланда обхватила стебель розы. Шипы пробили рукавицу, словно сшили ее из паутины, а не из

толстой оленьей кожи. Затем вонзились в руки. Боль была чудовищной, но пение розы оставалось невероятно сладкозвучным. Он видел желтое свечение по центру бутона, яркостью не уступающее солнцу. Или миллиону солнц. Он почувствовал тепло крови, наполняющей ладонь, бегущей между оставшихся пальцев. Кровь смачивала оленью кожу, на коричневой поверхности расцветала еще одна роза. И к нему летел снитч, чтобы убить его, отсесть песню розы, которая заполняла голову и грозила расколоть череп.

Стебель никак не желал ломаться. В конце концов Роланд вырвал розу из земли, вместе с корнями, перекатился налево, схватил револьвер и выстрелил, не глядя. Сердце подсказывало, что на взгляд времени уже не было. Раздался оглушающий взрыв, на этот раз теплый воздух ударил в лицо с силой урагана.

«Близко. На этот раз очень близко».

Послышался раздраженный вопль Алого Короля: «И-И-И-И-И-И-И!» «— а за воплем — посвист нескольких снитчей. Патрик уткнулся лицом в каменную облицовку пирамиды. Роланд, держа розу в кровоточащей правой руке, перекатился на спину, поднял револьвер и ждал подлета снитчей. Когда они прилетели, сшиб один за другим, первый, второй и третий.

— Я ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ! — крикнул он старому Алому Королю. — Я ВСЕ ЕЩЕ ЗДЕСЬ, ТЫ, СТАРЫЙ ЧЛЕНОСОС, ДАЖЕ ЕСЛИ ТЕБЕ ЭТО И НЕ НРАВИТСЯ!

Алый Король издал очередной вопль, но снитчи больше бросать не стал.

— ЗНАЧИТ, ТЕПЕРЬ У ТЕБЯ ЕСТЬ РОЗА! — прокричал он. — СЛУШАЙ ЕЕ, РОЛАНД! СЛУШАЙ ХОРОШО, ПОТОМУ ЧТО ПОЕТ ОНА ТУ ЖЕ ПЕСНЮ! СЛУШАЙ И ПРИХОДИ, КАММАЛА-КАМ-КАМ!

И эта песня действительно заполняла голову Роланда, яростно жгла нервы. Он схватил Патрика, развернул его лицом к себе.

— Давай, — прохрипел он. — Ради моей жизни, Патрик. Ради жизнью всех мужчин и женщин, которые умерли ради меня, чтобы я смог идти дальше.

«И ребенка», — подумал он, выискивая Джейку глазом памяти. Джейка, сначала зависшего над темнотой, потом падающего в нее.

Он заглянул в наполненные ужасом глаза немого юноши. — Закончи начатое! Покажи мне, на что ты способен!

А потом Роланд стал свидетелем чуда: когда Патрик взял розу, шипы не пробили его кожу. Даже не поцарапали. Роланд зубами стащил с руки перчатку и увидел, что не только ладонь продырявлена, как решето, но и один из оставшихся пальцев висит на залитом кровью сухожилии. Просто болтается, едва связанный с остальной рукой. Патрик же не поранился. Шипы вдруг потеряли остроту и жесткость. И ужас ушел из его глаз. Он переводил взгляд с розы на рисунок и обратно, что-то рассчитывая, прикидывая.

— РОЛАНД? ЧТО ТЫ ТАМ ДЕЛАЕШЬ? ПРИХОДИ, СТРЕЛОК, ПОТОМУ ЧТО ВОТ ОН, ЗАКАТ!

И да, он понимал, что придет. Так или иначе. Осознание этого чуть облегчало пытку, позволяло оставаться на месте, без очень уж сильной дрожи во всем теле. Правая рука онемела до запястья, и Роланда подозревало, что ее чувствительность уже не восстановится. Его это особо не волновало. После укусов омароподобных чудовищ она годилась только на рукопожатия.

А роза пела: «Да, Роланд, да... она снова станет прежней. Ты сам станешь прежним. Тебе ждет обновление. Только приходи».

Патрик выдернул из розы лепесток, осмотрел его, добавил второй. Оба сунул в рот. На мгновение на его лице отразилось взвешенное блаженство, и Роланд задался вопросом, а каковы лепестки на вкус. Над головой небо продолжало темнеть. Тень пирамиды, лежащая на камнях, чуть не дотягивалась до дороги. И Роланд полагал, что в тот самый момент, когда тень эта ляжет на дорогу, он встанет и пойдет к Башне, независимо от того, будет к этому моменту Алый Король контролировать подход к ней или нет.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? И-И-И-И-И-И-И-И! КАКОЙ ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЗАМЫСЕЛ ЗРЕЕТ В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ И В ТВОЕМ СЕРДЦЕ?

«Только тебе и говорить о дьявольских замыслах», — подумал Роланд. Достал часы, отщелкнул крышку. Под стеклом стрелки бешено вертелись в обратную сторону, от пяти часам — к четырем, от четырех — к трем, от трех — к двум, от двух — к одному, от одного — к полуночи.

— Патрик, поторопись, — шепнул Роланд. — Как только сможешь, прошу тебя, потому что время мое почти истекло.

Патрик сложил ладонь лодочкой, подставил под рот, сплюнул красную пасту цвета свежей крови. Цвета одеяния Алого Короля. Точного цвета глаз безумца.

Патрик, впервые в жизни собравшийся использовать цвет в своих работах, уже собрался макнуть указательный палец правой руки в пасту, но замялся. И тут вдруг Роланд понял: шипы этих роз рвали человеческую плоть, когда корни были связаны с Мим, Матерью-Землей. И если бы он настоял на своем и заставил Патрика вырвать розу, шипы изорвали бы эти талантливые руки в клочья, и они уже ничего не смогли бы нарисовать.

«Все-таки это ка, — подумал стрелок. — Даже здесь, в Крайнем м...»

Прежде чем он закончил мысль, Патрик взял его за правую руку, пристально, словно предсказатель судьбы, всмотрелся в нее. Собрал с ладони немного крови и смешал с пастой из розовых лепестков. Потом, осторожно, подхватил малую толику смеси указательным пальцем правой руки. Поднес палец к рисунку... засомневался... посмотрел на Роланда. Роланд кивнул, Патрик ответил тем же и с предельной точностью, как хирург, делающий первый разрез в сложной операции, двинул палец к бумаге. Его подушечка коснулась листа так же аккуратно, как клюв колибри ныряет в цветок. Раскрасила левый глаз короля и тут же поднялась. Патрик склонил голову, зачарованно глядя на то, что сделал. Такого удивления на человеческом лице Роланд не видел за все долгие годы своих странствий. Словно юноша был одним из пророков Мэнни, которому, после двадцати лет ожидания в пустыне, Ган явил таки свой лик.

А потом Патрик широко, ослепительно улыбнулся.

И тут же последовала ответная реакция от Темной Башни. Реакция, безмерно обрадовавшая Роланда. Старое существо, заточенное на балконе, заголосило от боли.

— ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ? И-И-И-И-И-И-И-И! И-И-И-И-И-И-И-И!
ПРЕКРАТИ! ЭТО ЖЖЕТ! ЖЖЕТ-Т-Т-Т-Т! И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И-И!

— А теперь — второй глаз! — воскликнул Роланд. — Быстро! Ради твоей жизни и моей!

Патрик с той же аккуратностью закрасил второй глаз. Теперь с черно-белого рисунка Патрика на них смотрели два ярко-красных глаза, цвета лепестков розы и крови Эльда, горящие собственным адским огнем.

Патрик закончил работу над портретом Алого Короля.

Роланд тут же достал ластик, протянул его Патрику.

— Убери его! Убери этого мерзкого хоба из нашего мира и из других миров. Убери раз и навсегда.

Вопрос в том, сработает ли замысел Роланда, более не стоял. С того момента, как Патрик коснулся бумаги ластиком, а начал он, так уж вышло, с клока волос, торчащих из ноздри, Алый Король начал кричать от боли и ужаса, мечась по балкону-тюрьме. И понимая, что происходит.

Патрик замялся, посмотрел на Роланда, ожидая подтверждения, стрелок кивнул.

— Да, Патрик. Час Алого Короля пришел, и ты — его палач. Продолжай.

Старый Король метнул еще четыре снитча, и Роланд с легкостью их расстрелял. Больше не метнул ни одного, поскольку лишился рук, которые отправляли снитчи в полет. Наконец, Патрик стер все, за исключением глаз, а вот с ним оставшийся кусочек ластика ничего не мог поделаться. Они продолжали светиться красным и когда розовый цилиндрок (первоначально крепящийся к одному из карандашей, пачка которых была приобретена в Норвиче, штат Коннектикут, в универмаге «Вулвортс» на распродаже «Снова в школу» в августе 1958 года) превратился в тоненькую полоску, которую Патрик уже не мог удерживать в длинных, грязных ногтях. Он отбросил ее и показал стрелку результат своего труда: два злобных кроваво-красных глаза, плавающих над балконом в верхней половине листа.

Больше от Алого Короля ничего не осталось.

Тень вершины пирамиды коснулась таки дороги. А небо на западе сменило оранжевый цвет на кроваво-красный, какой Роланд с детства видел в своих снах. И как только это произошло, сила зова Темной Башни удвоилась, утроилась. Роланд почувствовал, как она дотянулась до него и схватила невидимыми руками. Его время пришло.

Но оставался юноша. Лишенный друзей и близких юноша. Роланд не хотел оставить его здесь, на краю Крайнего мира, если мог этого избежать. Искупление грехов нисколько его не интересовало, и однако, спасение Патрика могло стать добрым делом после всех предательств и убийств, на которые ему пришлось пойти ради того, чтобы добраться до Темной Башни. Семья Роланда умерла. Последним ушел его рожденный вне брака сын. А теперь Эльду и Башне предстояло соединиться.

Но сначала... или в конце... предстояло решить этот вопрос.

— Патрик, послушай меня, — он положил руки на плечи юноши,

левую, здоровую, и правую, изувеченную. — Если ты хочешь жить и нарисовать все картины, которые ты должен нарисовать по воле ка, не задавай мне ни одного вопроса и не заставляй повторять ни единого слова.

Юноша смотрел на него огромными, округлившимися глазами и молчал. Оба купались в красном, умирающем свете. И Песня Башни поднялась до крика, в котором слышалось только одно слово: каммала.

— Возвращайся на дорогу. Собери все банки, которые остались целыми. Еды тебе хватит. Возвращайся назад той же дорогой, по которой мы пришли сюда. Никуда с нее не сворачивай. Все у тебя получится.

Патрик кивнул, понимая, о чем толкует стрелок. Роланд видел, что юноша ему поверил, и это был добрый знак. Вера могла защитить его куда лучше, чем револьвер, даже с рукояткой из сандалового дерева.

— Возвращайся к «Федерал». Возвращайся к роботу, Заике Биллу. Попроси его отвести тебя к двери, которая открывается на американскую сторону. Если она не откроется под твоей рукой, нарисуй ее открывающейся своим карандашом. Ты меня понимаешь?

Патрик вновь кивнул. Естественно, он понимал.

— Если ка решит привести тебя к Сюзанне в любом где и когда, скажи ей, что Роланд по-прежнему ее любит, всем сердцем, — он притянул Патрика к себе, поцеловал в губы. — Передай ей вот этот мой поцелуй. Ты меня понимаешь?

Патрик кивнул.

— Хорошо. Я ухожу. Долгих дней и приятных ночей. И пусть мы встретимся на пустоши в конце тропы, когда уйдут все миры.

Но даже тогда Роланд знал, что этого не случится, потому что все миры не уйдут никогда, да и не будет для него никакой пустоши. Для Роланда Дискейна, последнего из рода Эльда, тропа заканчивалась Темной Башней. И его это вполне устраивало.

Стрелок поднялся. Юноша смотрел на него снизу вверх, широко раскрытыми, изумленными глазами, приживая к груди альбом. Роланд повернулся. Набрал полную грудь воздуха и издал громкий крик.

— А ТЕПЕРЬ РОЛАНД ИДЕТ К ТЕМНОЙ БАШНЕ! Я НЕ УРОНИЛ СВОЕЙ ЧЕСТИ, И ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕСУ РЕВОЛЬВЕР МОЕГО ОТЦА, И ТЫ ОТКРОЕШЬСЯ ПОД МОЕЙ РУКОЙ!

Патрик наблюдал, как он шагает туда, где заканчивалась дорога, к черному силуэту на фоне горящего кровавым огнем неба. Он наблюдал, как Роланд шел среди роз, и сидел, дрожа в сумерках, когда Роланд начал выкликать имена своих друзей, близких, членов ка-тетов. Эти имена далеко разносились в кристально-чистом воздухе, словно хотели навечно остаться

в нем эхом.

— Я иду во имя Стивена Дискейна, он из Гилеада! Я иду во имя Габриэль Дискейн, она из Гилеада! Я иду во имя Кортленда Эндруса, он из Гилеада! Я иду во имя Катберта Олгуда, он из Гилеада!

Я иду во имя Алена Джонса, он из Гилеада!

Я иду во имя Джейми де Карри, он из Гилеада!

Я иду во имя Ванни Мудрого, он из Гилеада!

Я иду во имя Хакса-повара, он из Гилеада!

Я иду во имя Давида-сокола, он из Гилеада и неба!

Я иду во имя Сюзан Дельгадо, она из Меджиса!

Я иду во имя Шими Руиса, он из Меджиса!

Я иду во имя отца Каллагэна, он из Салемс-Лота и с дорог!

Я иду во имя Теда Бротигэна, он из Америки!

Я иду во имя матушки Талиты, она из Речного Перекрестка, и положу здесь ее крест, как и обещал!

Я иду во имя Стивена Кинга, он из Мэна!

Я иду во имя Ыша, храбреца, он из Срединного мира!

Я иду во имя Эдди Дина, он из Нью-Йорка.

Я иду во имя Сюзанны Дин, она из Нью-Йорка!

Я иду во имя Джейка Чеймберза, он из Нью-Йорке, и его я называю своим истинным сыном!

Я — Роланд из Гилеада, и я иду сам по себе; ты мне откроешься.

И вот тут протрубили в рог. От этого звука у Патрика похолодела кровь, и при этом он испытал благоговейный трепет. Эхо затихло, а минуту спустя раздался громкий, раздирающий барабанные перепонки скрежет: открывалась дверь, простоявшая запертой целую вечность.

И наступила тишина.

Патрик просидел, где и оставил его Роланд, у подножия пирамиды, дрожа всем телом, пока в небе не появились Старая Звезда и Древняя Матерь. Песня роз и Башни не прекратилась, но заметно поутихла, смолкла буквально до шепота.

Наконец, он вернулся на дорогу, собрал все полные банки, которые смог отыскать (их оказалось на удивление много, учитывая силу взрыва, который уничтожил повозку), нашел мешок из оленьей шкуры, в который их и положил. Вспомнил, что забыл карандаш и вернулся за ним.

Рядом с карандашом, поблескивая в свете луны, лежали часы Роланда.

Юноша взял их, издав короткий (и нервный) радостный крик. Положил часы в карман. Затем вышел на дорогу и закинул на плечо мешок с банками.

Я могу сказать вам, что он шагал чуть ли не до полуночи, прежде чем остановился, чтобы отдохнуть. Я могу сказать вам, что часы полностью остановились. Я могу сказать вам, что на следующий день, около полудня, когда он вновь посмотрел на них, они шли в положенном направлении, но еще очень медленно. А вот о Патрике я больше ничего рассказать не могу. Ни о том, добрался ли он до «Федерал», ни о том, нашел ли Заику Билла, ни о том, вернулся ли на американскую сторону. Ничего такого я вам рассказать не могу, скажите, увы. Здесь темнота скрывает его от глаза рассказчика, и он должен идти в ней один.

Сюзанна в Нью-Йорке (Эпилог)

Никто не поднимает крика, не шарахается в сторону, когда маленький, на электрическом ходу, скутер выкатывается из ниоткуда в Центральный парк. Большинство тех, кто находится рядом, смотрят в белое небо, на первые планирующие снежинки, предвещающие сильный предрождественский снегопад. «Буря 87-го», так его назовут в газетах. А те посетители парка, кто не задрал голову, смотрят на хор, приехавший из Верхнего Манхэттена. На мальчиках темно-красные блейзеры, на девочках — темно-красные свитера. Это хор Гарлемской школы, его еще называют «Розы Гарлема» в «Пост» и соперничающим с ней таблоиде «Нью-Йорк сан». Они поют старые рождественские гимны, голоса их звучат в унисон, они щелкают пальцами, от строфы к строфе, и звуки эти похожи на те, что звучали в ранних песнях таких групп, как «Спэрс», «Коустерс» и «Дак дайэмендс»^[117]. Школьники стоят неподалеку от участка Центрального парка, на котором белые медведи коротают свою городскую жизнь, и поют «Что это за дитя?»

Один из тех, кто смотрит на первые снежинки — мужчина, которого Сюзанна хорошо знает, и ее сердце при виде этого мужчины подпрыгивает до самого неба. В левой руке он держит большую чашку из воценой бумаги, и она уверена, что в чашке — горячий шоколад, со сливками поверху.

На мгновение она не может прикоснуться к рычагам управления скутером, на котором выехала из другого мира. Мысли о Роланде и Патрике разом вылетели из головы. Думать она может только об Эдди... Эдди, который стоит перед ней, здесь и сейчас, снова живой Эдди. И если это не Ключевой мир, не совсем Ключевой, что с того? Если Кооп-Сити в Бруклине (или даже в Куинз), а Эдди ездит на «Такура спирит» вместо «Бьюик электры», что с того? Никакого значения это не имеет. А имеет значение только одно, и вот это одно мешает Сюзанне повернуть дроссель и направить скутер к Эдди.

А вдруг он не узнает ее?

Вдруг, повернувшись к ней, увидит лишь бездомную черную женщину, сидящую на трехколесном скутере с электромотором, аккумулятор которого скоро сдохнет, черную женщину без денег, без одежды, без адреса (не в этом где и когда, скажите, спасибо, сэй) и без ног? Бездомную черную женщину, не имеющую к нему никакого отношения? А если он все-таки

узнает ее, где-то в глубинах сознания, но откажется от нее так же решительно, как Петр отказался от Иисуса, потому что воспоминания эти слишком болезненны?

А может, все будет гораздо хуже, и, когда он повернется к ней, она увидит пустые, выжженные глаза давно сидящего на игле наркомана? Если, если, если, сплошные если, и тут начинается снегопад, которому предстоит в самом ближайшем времени выбелить весь мир.

«Прекрати хныкать и езжай к нему, — говорит Роланд. — Не для того ты противостояла Блейну, тахинам в „Синих небесах“ и твари под замком Дискордия, чтобы сейчас поджать хвост и убежать, не так ли? Конечно, тебе достанет духа подъехать к нему».

Но у нее нет уверенности, что достанет, пока она не видит свою руку, поднимающуюся к рукоятке-дросселю. Но, прежде чем она успевает повернуть ее, в голове вновь раздается голос стрелка, только теперь в нем звучит смешок.

«Может, сначала тебе захочется кой от чего избавиться, Сюзанна?»

Она смотрит вниз и видит заткнутый за пояс револьвер Роланда, совсем как мексиканский *bandito's pistola* или пиратская абордажная сабля. Она вытаскивает револьвер, отмечает, как удобно лежит он на руке... словно ему там самое место. Расставаться с ним — все равно, что расставаться с возлюбленным, думает она. И ей ведь нет необходимости расставаться, не так ли? Вопрос лишь в том, кого она любит больше? Человека или револьвер? Все остальные выводы последуют из этого.

Импульсивно она отбрасывает барабан и видит, что патроны в гнездах совсем старые, их гильзы потускнели.

«Этими не постреляешь, — думает она... и не зная, откуда ей это известно, точно называет причину. — Они намокли».

Она смотрит в ствол, и ей почему-то становится грустно: через ствол неба не видно. Он забит. И, судя по всему, забит со стародавних времен. Этот револьвер больше никогда не выстрелит. Так что и выбор ей делать незачем. Для этого револьвера все кончено.

Сюзанна, одной рукой все еще держа револьвер с рукояткой из сандалового дерева, другой поворачивает дроссель. Маленький скуттер (она называла его Хо-3, хотя название это уже тает в памяти), бесшумно катится вперед. Проезжает мимо зеленого бочонка-урны с надписью «ХРАНИТЕ МУСОР В ПОЛОЖЕННОМ МЕСТЕ» на боку. Швыряет револьвер Роланда в бочонок. От содеянного у нее щемит сердце, но сомнений, что так надо, нет. Револьвер тяжелый, и он ныряет в грудку оберток, пакетиков из-под еды и газет, как камень — в воду. Она достаточно

долго пробыла стрелком, чтобы сожалеть при расставании с таким надежным оружием (пусть путешествие между мирами и вывело его из строя), но она уже стала и женщиной, которую заботит ее будущее, и ей не хочется сбавлять ход или оглядываться назад, тем более, с прошлым покончено: она сделала все, что от нее требовалось.

Прежде чем она успевает добраться до мужчины с чашкой из вощенной бумаги, он поворачивается. На нем действительно фуфайка с надписью «Я ПЬЮ НОЗЗ-А-ЛА», но это она едва замечает. Перед ней он, и вот это она замечает очень хорошо. Эдуард Кантор Дин. Но и это становится второстепенным, потому что в его глазах она видит именно то, чего так боялась. Абсолютное недоумение. Он ее не знает.

Потом, нерешительно, он улыбается, и улыбку эту она помнит, всегда любила ее. Опять же, никакой он не наркоман, она понимает это сразу. Видит по лицу. А прежде всего, по глазам. Хор из Гарлема поет, а он протягивает ей чашку горячего шоколада.

— Слава Богу, — говорит он. — Я уже подумал, что шоколад мне придется пить самому. Что голоса — плод моего воображения, и я просто сходил с ума. Это... ну... — он замолкает, недоумения в глазах еще прибавляется, хотя вроде бы больше некуда. — Послушай, ты приехала сюда ради меня, не так ли? Пожалуйста, скажи мне, что я не выгляжу в твоих глазах посмешищем. Потому что я сейчас нервничаю совсем как длиннохвостый кот в комнате, заставленной креслами-качалками.

— Нет, конечно, — отвечает она. — Никакое ты не посмешище, — она вспоминает историю Джейка о голосах, которые спорили в его голове, один кричал, что Эдди мертв, другой — что жив. И оба свято верили в то, что говорили. Она, пусть и не в полной мере, представляла себе, как это ужасно, слышать в голове другие голоса, потому что кое-что знает о других голосах. Станных голосах.

— Слава Богу, — восклицает он. — Тебя зовут Сюзанна?

— Да, — кивает она. — Мое имя — Сюзанна.

Горло у нее совершенно пересохло, но ей удается выговорить эти слова. Она берет у него чашку, и маленькими глоточками, через слой сливок, пьет горячий шоколад. Он сладкий и хороший, вкус этого мира. С улицы доносятся автомобильные гудки, таксисты торопятся хоть что-то заработать до того, как снегопад прекроет движение. И звуки эти тоже ей нравятся. Улыбаясь, он протягивает руку и стирает капельку сливок с кончика ее носа. От его прикосновения ее пробивает разряд электрического тока, и она знает, что он тоже это почувствовал. И вот тут ей приходит мысль о том, что он вновь поцелует ее в первый раз, вновь переспит в ней

первый раз, вновь влюбится в нее в первый раз. Возможно, он все это знает, голоса сказали ему, но она знает об этом из куда более надежного источника: с ней все это уже случилось. Ка — колесо, говорил Роланд, и теперь у нее нет сомнений в том, что это — истина. Ее воспоминания о
(Срединном мире)

где и когда стрелка становятся все более смутными, но она думает, что помнит достаточно много, чтобы знать: все это с ней уже происходило, и воспоминания эти связаны с чем-то невыразимо грустным.

Но, одновременно, это хорошие воспоминания.

Эти воспоминания — чудо, вот что это такое.

— Тебе холодно? — спрашивает он.

— Нет, я в порядке. А что?

— Ты дрожишь.

— Это от сладости сливок, — а потом, глядя на него, она высовывает язык и слизывает толику присыпанной мускатным орехом белой пены.

— Если тебе сейчас не холодно, то будет, — продолжает он. — По радио сказали, что вечером будет мороз. Поэтому я тебе кое-что купил, — из заднего кармана он достает вязаную шапочку, из тех, что натягивают на уши. Она смотрит на шапочку и видит, что на ней вывязаны слова: «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА».

— Купил в «Брентос», на Пятой авеню, — говорит он. Сюзанна никогда не слышала об универмаге «Брентос».

«Брентанос» — да, книжный магазин, но не «Брентос». Но, разумеется, в Америке, где она родилась и выросла, она не слышала ни о напитке «Нозз-А-Ла», ни об автомобиле «Такуро спирит».

— Голоса присоветовали тебе купить эту шапочку? — теперь она его немного подкалывает.

Он краснеет.

— Если уж на то пошло, фактически, да. Примерь. Шапочка подходит идеально.

— Ответь мне на один вопрос, — говорит она. — Кто сейчас президент? Ты же не собираешься сказать, что это Рональд Рейган^[118], не так ли?

Он бросает на нее изумленный взгляд, потом улыбается.

— Что? Этот старик-актер, которые вел на ти-ви передачу «Дни в Долине смерти»? Ты, конечно, шутишь, да?

— Нет. Я всегда думала, что именно ты шутил насчет Ронни Рейгана, Эдди.

— Я не понимаю, о чем ты.

— Ладно, просто скажи, кто сейчас президент.

— Гэри Харт^[119], — отвечает он, словно говорит с ребенком. — Из Колорадо. Он едва не вышел из президентской гонки в 1980 году, я уверен, вы помните, в связи «Обезьяньим делом». А потом сказал: «Да пошли они все, если не понимают шуток», и продолжил кампанию. Все кончилось его безоговорочной победой.

Он пристально всматривается в нее, и его улыбка блекнет.

— Так ты не разыгрываешь меня?

— А ты разыгрываешь меня насчет голосов? Которые звучат в твоей голове? Тех самых, что будят тебя в два часа ночи?

Эдди чуть ли не в ужасе таращится на нее.

— Как ты можешь это знать?

— Долгая история. Может, когда-нибудь и расскажу тебе, — отвечает она, думая при этом: «Если еще буду ее помнить».

— Это не только голоса.

— Правда?

— Да. Ты мне снишься. Уже несколько месяцев. Я ждал тебя. Послушай, мы незнакомы... это безумие... но тебе есть, где остановиться? Нет, я прав?

Она кивает. Копируя Джона Уэйна^[120] (а может, Блейна) отвечает: «В Додже я — незнакомец, странник».

Сердце ее бьется медленно и гулко, но она чувствует поднимающуюся волну радости. Все будет хорошо. Она не знает, что именно и как, но да, все будет хорошо. На этот раз ка на ее стороне, а сила ка огромна. Она знает это по собственному опыту.

— Если я спрошу, откуда я знаю тебя... или откуда ты пришла... — он замолкает, пристально смотрит на нее, потом продолжает, — ...или как вышло, что я уже тебя люблю?..

Она улыбается. Это так приятно, улыбаться, и при этом половина лица больше не болит, поскольку того, что там было (кажется, какой-то шрам, она уже не помнит), уже нет.

— Сладенький, — отвечает она, — могу только повторить, это долгая история. Со временем ты ее узнаешь... ту часть, которую я еще помню. И, вполне возможно, нам предстоит кое-какая работенка. Для компании, которая называется «Тет корпорейшн». — Она оглядывается, потом спрашивает. — Какой нынче год?

— 1987-й, — отвечает он.

— А ты живешь в Бруклине? Или, может, в Бронксе. Молодой человек,

которого привели сюда сны и звучащие в голове голоса (с чашкой горячего шоколада в руке и вязаной шапочкой с надписью «СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА» в заднем кармане), начинает хохотать.

— Господи, да нет же! Я из Уайт-Плейнс! Приехал на поезде с братом. Он тоже здесь. Решил поближе посмотреть на белых медведей.

Его брат. Великий маг и знаменитый наркоман. У нее падает сердце.

— Давай я тебя с ним познакомлю.

— Нет, правда, я...

— Слушай, если мы будем друзьями, тогда тебе придется подружиться и с моим младшим братом. Мы очень близки. Джейк! Эй, Джейк!

Она не замечала мальчика, который стоял у ограждения, отделяющего среду обитания белых медведей от остального парка, но теперь он поворачивается, и ее сердце чуть не выскакивает из груди. Джейк машет рукой и направляется к ним.

— Ты снилась и Джейку, — говорит ей Эдди. — Только по этой причине я знаю, что не рехнулся. Во всяком случае, не рехнулся больше, чем другие.

Она берет Эдди за руку, эту знакомую, любимую руку. И когда его пальцы сжимают ее, думает, что сейчас умрет от счастья. У нее будет много вопросов, конечно, вопросы будут, но на этот момент главный для нее только один. И когда снегопад усиливается, и снежинки все в большем количестве начинают падать на его волосы, ресницы, плечи, она его задает.

— У тебя и Джейка... какая у вас фамилия?

— Торен, — отвечает он. — Это немецкая фамилия.

Прежде чем кто-то из них успевает сказать что-то еще, к ним присоединяется Джейк. Мне говорить вам, что с того самого момента все трое жили счастливо? Я этого не скажу, потому что так не бывает. Но счастье у них было.

И ОНИ ЖИЛИ.

Жили под сенью луча, который связывает Медведя Шардика и Черепаху Матурин, проходя через Темную Башню, и иногда даже становились свидетелями его волшебства.

Вот и все.

Этого достаточно.

Скажите, спасибо.

НАЙДЕННАЯ (КОДА)

1

Я рассказал всю историю до конца и доволен. Она — из тех историй (и я готов поставить на это последний доллар), которые добрый Бог припасает напоследок, полная чудовищ, чудес и путешествий. Теперь я могу остановиться, отложить перо, дать отдохнуть натруженной руке (только, возможно, не навсегда; рука, которая пишет истории, живет сама по себе, и иной раз становится беспокойной, ей вновь хочется ухватить перо). Я могу закрыть глаза на Срединный мир и те миры, что лежат за ним. Однако, кое-кому из вас, а именно вам принадлежат уши, без которых ни одна история не проживет и дня, скорее всего, меня не одобряют. Вы суровы, ориентированы на конечную цель, не верите, что вся прелесть в самом путешествии, а не в его завершении, сколько бы раз вам не доказывали обратное. Вы — из тех несчастных, кто все еще путает занятия любовью и жалкую струйку, которая выпрыскивается в последний момент этих занятий (оргазм, в конце концов, есть способ, к которому прибегает Бог, чтобы сказать нам, что все закончилось и пора спать). Вы — те жестокие, кто отрицает Серые небеса, куда уходят усталые персонажи, чтобы отдохнуть. Вы говорите, что вам хочется знать, как все сложилось. Вы говорите, что хотите последовать за Роландом в Башню; вы говорите, что именно за это заплатили свои деньги, это то шоу, которое вы пришли посмотреть.

Я надеюсь, что многие из вас знают, не это главное. Не в развязке дело. Я надеюсь, вы пришли, чтобы послушать историю, а не для того, чтобы торопливо пролистывать страницы, спеша добраться до концовки. Чтобы узнать концовку, достаточно сразу открыть последнюю страницу и прочитать, что там написано. Но концовки бессердечны. Концовка — закрытая дверь, которую ни один человек (или Мэнни) не может открыть. Я написал много концовок, но лишь по той же причине, по какой надеваю штаны перед тем, как утром выйти из спальни: таков уж обычай этой страны.

Поэтому, мой дорогой Постоянный Читатель, вот что я вам скажу: вы можете остановиться здесь. Вы можете сделать так, что вашим последним воспоминанием об этой истории станут Эдди, Сюзанна и Джейк в

Центральном парке, первый раз вновь собравшиеся вместе, слушающие, как школьный хор поет «Что это за дитя». Вы можете даже представить себе, что рано или поздно Ыш (скорее всего, в собачьем облике, с длинной шеей, странными, с золотыми ободками глазами и лаем, который иногда очень уж напоминает человеческую речь) присоединиться к ним. Это будет прекрасно, не правда ли? Я вот так думаю. И очень уж близко к счастью. Так же близко, как государственная служба, вот что сказал бы по этому поводу Эдди.

Если вы пойдете дальше, то, уверяю вас, будете разочарованы. Более того, у кого-то может разбиться сердце. У меня на поясе остался только один ключ, и он может открыть только одну, последнюю дверь, на которой написано:

☹️👁️

То, что находится за дверью, не упрочит вашу любовь к жизни, не вырастит волосы на вашей лысине, не добавит пять лет от отпущенному вам сроку в этом мире (не добавит и пяти минут). Нет такого понятия, как хэппи-энд^[121]. Не встречал ни одной, сравнимой с «жил-был когда-то».

Концовки бессердечны.

Концовка — еще один синоним для слова прощай.

2

Вы все еще здесь?

Очень хорошо, тогда пошли. (Вы слышите мой вздох?) Вот Темная Башня, на краю Крайнего мира. Смотрите на нее, прошу вас.

Смотрите на нее очень хорошо.

Вот Темная Башня на закате.

3

Он подошел к ней, ощущая самое странное из чувств: будто уже бывал здесь; Сюзанна и Эдди называли его *deja vu*.

Розы Кан'-Ка Ноу Рей раскрывались перед ним вдоль тропы к Темной Башне, желтые солнца, сияющие в глубине их бутонов, казалось, разглядывали его, как глаза. И шагая к этой серо-черной колонне, Роланд ощущал, что соскальзывает из того мира, какой знал всю свою жизнь. Он

выкликал имена своих друзей и близких, как, собственно, и обещал самому себе, выкликал их в сумерки, во весь голос, потому что не было больше необходимости сберегать энергию для борьбы с зовом Темной Башни. Сдавшись ему на милость (наконец-то), он испытал величайшее облегчение в своей жизни.

Он выкликал имена своих сотрайгез и атогаз^[122], и хотя каждое имя выходило из глубины его сердца, все они, похоже, не имели отношения ни к чему другому. Раскаты его голоса укатывались к красному горизонту, унося с собой имя за именем. Он назвал Эдди и Сюзанну, он назвал Джейка, и, наконец, назвал свое имя. И когда звуки его затихли вдали, протрубил рог. Не в Башне — на поле роз, которые ковром росли вокруг нее. То был голос роз, которые приветствовали его приход, встречали, как короля.

«В моих снах рог всегда был моим, — думал он. — Мне следовало знать, что такого быть не может, потому что мой остался с Катбертом, на Иерихонском холме».

И тут с вышины прошептал голос: «Тебе хватило бы трех секунд, чтобы наклониться и поднять его. Даже в дыму и смерти. Трех секунд. Время, Роланд... все всегда опирается во время».

Роланд подумал, что это голос Луча, того, что они спасли. Если он говорил из благодарности, то мог бы не сотрясать воздух. Какую пользу могли теперь принести ему эти слова? Он вспомнил строку из поэмы Браунинга: «Былых времен глоток придаст мне сил».

Его собственный опыт говорил о другом. Воспоминания несли с собой только грусть. Они служили пищей поэтам и дуракам, сладостями, которые оставляли горький привкус во рту и в горле.

Роланд на пару мгновений остановился за десять шагов до двери из «дерева призраков» в основании Башни, дожидаясь пока окончательно стихнет эхо голоса роз, трубного гласа рога. Чувство *deja vu* оставалось таким же сильным, практически не оставляющим сомнений в том, что он здесь уже побывал. И, разумеется, побывал, в десяти тысячах своих снов. Он посмотрел на балкон, где ранее стоял Алый Король, пытавшийся отвергнуть ка и все сделать по-своему. Там, на высоте шести футов над ящиками, в которых лежали несколько оставшихся снитчей (похоже, никакого другого оружия у старого безумца не было), Роланд увидел два красных глаза, плавающих в темнеющем воздухе, которые таращились на него с безмерной ненавистью. А позади глаз болтались серебристые (в свете уходящего за горизонт красно-оранжевые) оптические нервы, которые ни к чему не подсоединялись. Стрелок предположил, что глаза Алого Короля останутся здесь навсегда, обозревая Кан'-Ка Ноу Рей, тогда

как их хозяин будет бродить по миру, в который отправили его ластик и третий глаз Художника. Или, скорее всего, между мирами.

Роланд подошел к тому месту, где тропа упиралась в окантованный сталью прямоугольник из черного «дерева призраков». На прямоугольнике, в верхней половине, красовался сигул, который он теперь знал очень хорошо:

У прямоугольника он положил два последних предмета, оставшиеся из его снаряжения: крест матушки Талиты и револьвер. Когда выпрямился, увидел, что первого иероглифа не стало:

Слово «НЕНАЙДЕННАЯ» превратилась в «НАЙДЕННАЯ».

Он поднял руку, чтобы постучать, но дверь распахнулась сама по себе, прежде чем он успел прикоснуться к ней, открыв нижние ступени поднимающейся по спирали лестницы. Послышался напевный голос: «Добро пожаловать, Роланд, из рода Эльда». То был голос Башни. Это величественное сооружение сложили не из камня, хотя выглядело оно каменным. Но это было живое существо, скорее всего, сам Ган, и биение, которое он ощущал в голове даже за тысячи миль отсюда, всегда было биением жизненной силы Гана.

«Каммала, стрелок, каммала-кам-кам».

Из дверного проема в нос ударил щелочной запах, горький, как слезы. Запах... чего? Чего именно? Прежде чем он сумел ответить на этот вопрос, запах исчез, и Роланду не осталось ничего другого, как задуматься, а не причудился ли ему этот запах?

Он переступил порог, и Песня Башни, которую он слышал всегда, даже в Гилеаде, где она пряталась в материнском голосе, поющем ему детские песенки, наконец-то смолкла. Послышался еще один вздох. Дверь с грохотом закрылась за его спиной, но он не остался в темноте. Свет шел от самих спиральных окон, смешиваясь с отблеском заката.

Каменные ступени, достаточно узкие, аккурат для одного человека, уходили вверх.

— Вот идет Роланд, — крикнул он, и слова унеслись по спирали. — Ты, на вершине, услышь меня и прими с миром, если сможешь. Если ты мой враг, знай, что я пришел без оружия и желания причинить зло.

И он начал подъем.

Девятнадцать ступеней привели его на первую лестничную площадку

(и к каждой последующей вели ровно столько же ступеней). Он увидел открытую дверь, за ней — круглую комнату. На камнях стены вырезали множество накладывающихся друг на друга лиц. Многих он узнал (скажем, Келвина Тауэра, склонившегося над раскрытой книгой). Лица смотрели на него, и он слышал их бормотание.

«Добро пожаловать, Роланд, прошедший много миль и много миров, добро пожаловать, выходец из Гилеада, из рода Эльда».

В дальнем конце комнаты находилась еще одна дверь, с темно-красными портьерами по бокам. На высоте шести футов от пола, точно на уровне глаз, в двери было маленькое круглое окошечко, чуть больше глазка в двери тюремной камеры. Комнату наполнял сладкий аромат, который он узнал без труда: такой запах шел от мешочка с сосновым саше, который мать сначала привязывала к его колыбельке, а потом — к первой кровати. Аромат этот сразу извлек из памяти те давние дни, как всегда удается ароматам: если какое-то чувство и служит нам машиной времени, так это обоняние.

Потом, как и горьковатый запах щелока, он исчез.

Мебели в комнате не было, на полу лежал лишь один посторонний предмет. Роланд подошел к нему, наклонился, поднял. Маленькая скоба-защелка из кедра, с привязанной к ней синей шелковой ленточкой. Он видел такие вещицы, давным-давно, в Гилеаде. Одно время сам носил такую. Когда костяная пила разрежала пуповину только что родившегося младенца, отделяя мать от дитя, такую скобу устанавливали чуть повыше пупка младенца, где она и оставалась, пока отросток пуповины не отваливался вместе с ней (сам пупок назывался тет-ка кан Ган). Этот кусочек шелка на скобе говорил о том, что она принадлежала мальчику. Скобы девочек повязывали розовой ленточкой.

«Так это моя скоба», — подумал Роланд. Еще несколько мгновений он, как зачарованный, разглядывал ее, потом положил туда, где она лежала прежде. Где ей было самое место. Когда поднялся, увидел личико младенца (Так это и есть мой маленькой дорогой бей-бо? Если ты так говоришь, пусть так будет!»)

среди множества других лиц. Перекошенное личико, словно первый глоток воздуха вне материнского чрева ему совершенно не понравился, потому что уже пахнул смертью. Скоро ему предстояло дать оценку вновь сложившейся ситуации громким криком, который разнесется по апартаментам Стивена и Габриэль, вызвав улыбку облегчения на лицах слуг и друзей, которые его услышат (только Мартен будет хмуриться). Роды завершились, и ребенок родился живым, скажите спасибо Гану и всем

богам. У рода Эльда появился продолжатель, а, следовательно, шанс, что достойное сожаления соскальзывание мира к гибели еще можно обратить вспять.

Когда Роланд выходил из этой комнаты, ощущение дежа-вю еще более усилилось. Как и ощущение того, что он вошел в тело самого Гана.

Он повернулся к лестнице и продолжил подъем.

Следующие девятнадцать ступенек привели его на вторую лестничную площадку и ко второй комнате. Здесь на круглом полу валялось множество клочков ткани. Роланд не сомневался, что все они — от детской пеленки, изорванной злобным незванным гостем, который потом прошел на балкон, чтобы взглянуть на поле роз, и обнаружил, что вернуться в комнату возможности у него нет. Он был невообразимо хитер, злобен и мудр... но, в конце концов, допустил ошибку, и теперь ему суждено расплачиваться за нее до скончания веков.

«Если он хотел только взглянуть на поле роз, чего потащил с собой весь боезапас, когда выходил на балкон?»

«Потому что это было его снаряжение, которое он всегда носил на спине», — прошептало одно из лиц, высеченных на изогнутой стене. Лицо Мордредра. Теперь Роланд не видел в нем ненависти, только печаль и тоску брошенного ребенка. И одиночеством лицо это соперничало с паровозным гудком в безлунной ночи. Никто не прикреплял скобу к пупку Мордредра, когда тот вошел в этот мир, а свою мать он сожрал в первую же трапезу. Никакой скобы, никогда в жизни, ибо Мордред никогда не был членом тета Гана. Нет, только не он.

«Мой Алый Отец никуда не ходил безоружным, — прошептало каменное лицо. — Особенно если находился вдали от своего замка. Он был безумен, но не до такой степени».

В этой комнате пахло тальком, который сыпала его мать, когда он лежал голенький на полотенце, после ванны, и играл только что открытыми для себя пальцами ног. Она присыпала тальком раздражение на коже, напевая при этом: «Непоседа, мальчик мой, День закончен, дорогой».

Этот запах исчез так же быстро, как и появился.

Роланд подошел к маленькому окошку, переступая через обрывки пеленки, и заглянул в него. Лишенные тела глаза почувствовали присутствие стрелка и тяжело перевернулись к нему. Во взгляде читалась ярость и чувство утраты.

«Выходи, Роланд! Выходи, чтобы мы могли встретиться лицом к лицу! Как мужчина с мужчиной! Глаз в глаз, если тебя это устроит!»

— Думаю, нет, — ответил Роланд, — потому что я не закончил свои

дела. Осталось немного, но я их еще не закончил.

То было последнее слово, сказанное им Алому Королю. Хотя безумец осыпал его мыслями-криками, старался он напрасно, потому что Роланд более ни разу не оглянулся. Ему нужно было подниматься по лестнице, заглядывать в другие комнаты, прежде чем достичь той, что ждала его на вершине.

5

На третьей лестничной площадке он заглянул в дверь и увидел вельветовое одеяние, которое он, несомненно, носил в один годик. Среди лиц на этой стене он увидел своего отца, только гораздо более молодого. Позже в его лице прибавилось жестокости, причиной тому стали события и ответственность. Но не здесь. Здесь по лицу Стивена Дискейна читалось: нет в мире ничего другого, способного доставить ему большее удовольствие в сравнении с тем, что сейчас у него перед глазами. В комнате стоял сладковатый, приятный запах, который он узнал: запах отцовского мыла для бритья. Голос-призрак прошептал: «Посмотри, Габби, посмотри сама! Он улыбается! Улыбается мне! И у него новый зуб!»

На полу четвертой комнаты лежал ошейник его первой собаки, Ринг-А-Левио. Сокращенно, Ринго. Он умер, когда Роланду не исполнилось и четырех, и этим сделал ему подарок. Потому что трехлетнему ребенку разрешалось плакать над ушедшим домашним любимцем, даже мальчику, в венах которого текла кровь Эльда. В этой комнате до ноздрей Роланда долетел чудесный запах, у которого, правда, не было названия, но он знал: это запах солнца на Полную Землю в шерсти Ринго.

Возможно, двумя десятками этажей выше комнаты Ринго, в такой же комнате на полу лежали хлебные крошки и покрытое перьями изуродованное тельце, которое когда-то принадлежало соколу Давиду, не домашнему любимцу, а, конечно же, другу. Первому из тех многих, кем пожертвовал Роланд на пути к Темной Башне. Здесь, на стене Роланд увидел Давида, запечатленного в полете, расправив короткие крылья, он кружил над придворными Гилеада (Мартена-волшебника среди них не было). Еще раз Давида высекли в камне слева от двери ведущей на балкон. Тут он сложил крылья и падал на Корта, как слепая пуля, не обращая внимания на поднятую палку Корта.

Стародавние времена.

Стародавние времена и стародавние преступления.

Недалеко от Корта он увидел смеющееся лицо проститутки, с которой Роланд-мальчик провел ту ночь. В комнате Давида стоял запах ее духов, дешевых, цветочных духов. И когда стрелок вдохнул этот запах, ему вспомнились прикосновения к ее лобковым волосам. Его шокировало то, что он вспомнил сейчас: когда его пальцы скользили к ее сладко-влажной щели, он думал о себе, маленьком, только что из ванны, чувствующим руки матери.

Тут его член начал набухать от прилива крови, и Роланд в страхе покинул эту комнату.

6

Закат более не освещал ему путь, теперь светились только окна: стеклянные глаза были живыми, стеклянные глаза смотрели на безоружного пришельца. За стенами Темной Башни розы Кан'-Ка Ноу Рей закрылись до следующего рассвета. Часть разума Роланда еще удивлялась тому, что он все-таки здесь; что одно за другим ему удалось преодолеть все препятствия, которые встретились на тропе, ни на йоту не отступив от первоначального замысла. «Я похож на роботов Древних людей, — подумал он. — Они или выполняют задачу, ради выполнения которой их создали, или разбиваются в лепешку, стараясь ее выполнить».

Другая часть разума не удивлялась, нисколько. Этой части приходили те грезы, что и, должно быть, приходили Лучам, эта более темная часть вновь подумала о роге, выпавшем из пальцев Катберта... Катберта, который встретил смерть, смеясь. Рог мог и до сего времени лежать там, где и упал, на каменистом склоне Иерихонского холма.

«И, разумеется, я видел эти комнаты прежде! Они, в конце концов, рассказывают мне мою жизнь».

Действительно, рассказывали. Этаж за этажом, история за историей (не упоминая смерть за смертью) поднимающиеся комнаты Темной Башни пересказывали события жизни Роланда Дискейна и его поисков Темной Башни. В каждой лежало напоминание о прошлом, в каждой стоял особый запах. Некоторым годам посвящалась не одна комната, а несколько, но на каждый год приходилась хотя бы одна. И после тридцать восьмой комнаты (тридцать восемь — дважды по девятнадцать, если вы сразу не обратили на это внимание) у него возникло желание больше никуда не заглядывать. Потому что в этой комнате стоял обгоревший столб, к которому ранее привязали Сюзан Дельгадо. Он не вошел в эту комнату, но посмотрел на

стену. В этом не мог ей отказать. «Роланд, я люблю тебя!» — кричала Сюзан Дельгадо, и он знал, это правда, потому что узнать Сюзан он мог только по ее любви. Ибо, несмотря на любовь, ее все же сожгли.

«Это место смерти, — думал он, — и не только здесь. Все эти комнаты. Все этажи».

«Да, стрелок, — прошептал голос Башни. — Но только потому, что такими их сделала твоя жизнь».

7

Стоя снаружи, Роланд решил, что высота Башни порядка шестисот футов. Но, заглянув в сотую комнату, а потом в двухсотую, подумал, что по шестьсот футов подъема отмерял уже раз восемь, и дистанция, оставленная позади, приближалась к расстоянию, которое его друзья с американской стороны называли милей. Такого количества этажей просто не могло быть, не существовало Башен высотой с милю, но он все поднимался и поднимался, чуть ли не бегом, и совершенно не уставал. Однажды в голову пришла мысль, что до вершины ему не добраться, что высота Башни столь же бесконечна, сколь бесконечно время. Но, после короткого размышления отбросил эту мысль: Башня рассказывала его жизнь, она, конечно, выдалась долгой, но ни в коем случае не вечной. И, если было начало, отмеченное скобой-защелкой из кедра с привязанной к ней синей ленточкой, то должен быть и конец.

И, скорее всего, очень скоро.

Свет, который он чувствовал внутри глаз, разгорался все сильнее и более не казался таким синим. Он прошел комнату с Золтаном, птицей из хижины травоеда. Миновал комнату с насосом с атомным приводом, какой стоял на Дорожной станции. Поднимаясь по ступеням, прошел мимо комнаты сдохлым омароподобным чудовищем, и теперь свет, который он чувствовал, все набирал яркость, а от синевы не осталось ничего.

Это был...

Он уже не сомневался, что это был...

Это был солнечный свет. За стенами Темной Башни царили густые сумерки, если не ночь, над ней сияли Старая Звезда и Древняя Мать, но Роланд не сомневался, что видит (или чувствует) солнечный свет.

Он поднимался, более не заглядывая в комнаты, не приюхиваясь к запахам прошлого. Лестница сужалась, его плечи уже цепляли изгибающиеся стены. Песни закончились, если только не считать песней

ветер, вот его Роланд слышал.

Он миновал последнюю открытую дверь. На полу в крошечной комнатке, что находилась за ней, лежал альбом со стертým лицом. На бумаге остались только два красных, яростно горящих глаза.

«Я достиг настоящего. Я до него добрался».

Да, и был солнечный свет, каммала солнечный свет, внутри глаз и ждущий его. Горячий, он обжигал кожу. И ветер тоже усилился, ревел в ушах. словно не мог чего-то простить. Роланд посмотрел на спиралью уходящие вверх ступени; теперь его плечи терлись о стены, потому что шириной проход не превышал гроба. Еще девятнадцать ступеней, и комната на вершине Темной Башни будет его.

— Я иду! — крикнул он. — Если ты меня слышишь, слушай хорошо. Я иду!

Одну за другой преодолевал он ступени, выпрямив спину, гордо вскинув голову. Другие комнаты встречали его открытой дверью. Путь в эту перегородила дверь из «дерева призраков» с единственным вырезанным на ней словом. И слово это было:

РОЛАНД

Он ухватился за ручку. С выгравированной на ней дикой розой, которая оплела револьвер, один из тех больших древних револьверов, которые принадлежали его отцу и которые он потерял навеки.

«Однако они снова станут твоими, — прошептал голос Башни и голос роз: эти два голоса слились в один.

«Что ты такое говоришь?»

Ответа он не услышал, но ручка повернулась под его пальцами и, возможно, это был ответ. Роланд открыл дверь на вершине Темной Башни.

Увидел и все понял сразу, знание это обрушилось на него, как удар кувалды, горячее, как солнце пустыни, которая была апофеозом всех пустынь. Сколь много раз он поднимался по этим вот ступеням, после чего его спускали вниз, разворачивали, отправляли назад? Не в самое начало (там еще можно было что-то изменить и снять временное проклятье), но в тот самый момент в пустыне Мохайн, когда он наконец-то осознавал, что бездумный, не подлежащий сомнениям поход может завершиться успешно?

Сколько раз он путешествовал по петле, похожей на скобу-защелку, которая когда-то отвалилась от его пупка, его собственного тет-ка кан Ган? И сколько раз ему еще придется пройти эту петлю?

— О, нет! — закричал он. — Пожалуйста, только не это! Пожалейте

меня! Проявите милосердие!

Руки все равно толкали его вперед. Руки Башни не знали, что есть милосердие.

Они были руками Гана, руками ка, и они не знали, что есть милосердие.

Он почувствовал запах щелока, солонца, горький, как слезы. За дверью начиналась пустыня: белая, ослепляющая, безводная, ровная, как стол, разве что на горизонте виднелись подернутые дымкой горы. А из-под запаха солонца пробивался запах бес-травы, которая приносила сладкие сны, кошмары, смерть.

«Но не для тебя, стрелок. Для тебя — никогда. Ты ускользаешь. Ты размываешься. Могу я быть предельно откровенна? Ты продолжаешь свой путь.

И всегда ты забываешь про предыдущий раз. Для тебя всякий раз становится первым».

Он предпринял еще одну попытку попятиться. Бесплезно. Ка была сильнее.

Роланд из Гилеада прошел через последнюю дверь, ту самую, которую всегда искал, ту самую, которую всегда находил. И она мягко закрылась за ним.

8

Стрелок постоял, покачиваясь из стороны в сторону. Подумал, что едва не отключился. Конечно, виновата жара; это проклятая жара. Дул ветерок, но такой сухой, что не приносил облегчения. Он достал бурдюк с водой, прикинул по весу. Сколько ее осталось? Понимал, что не стоит пить, не пришло время пить, но все равно сделал глоток.

На мгновение почувствовал, что он совсем в другом месте. Возможно, в самой Башне. Но пустыня коварна и полна миражей. А Темная Башня стоит в тысячах колес. Воспоминание о том, что он только что поднялся по тысячам ступеней, заглянул во многие комнаты, со стен которых на него смотрели многие лица, уже пропадало, таяло.

«Я дойду до нее, — подумал он, щурясь на безжалостное солнце. — Клянусь именем моего отца, дойду».

«И возможно, на этот раз, если ты попадешь туда, все будет иначе», — прошептал голос, разумеется, голос обморочного состояния, до которого так легко может довести пустыня, потому что о каком другом разе могла

идти речь? Он здесь и нигде больше, ни дать, ни взять. У него нет чувство юмора, и он не может похвастаться богатым воображением, но он непоколебим. Он — стрелок. И в сердце, пусть и в самой глубине, еще чувствовал горькую романтику своего похода.

«Ты из тех, кто никогда не меняется, — как-то сказал ему Корт, и в его голосе, Роланд мог в этом поклясться, звучал страх... хотя с чего Корт мог бояться его, мальчишки, Роланд сказать не мог. — Это станет твоим проклятьем, парень. Ты износишь сотню пар сапог на пути в ад».

И Ванни: «Те, кто не извлекают уроков из прошлого, обречены повторять его».

И его мать: «Роланд, почему ты всегда такой серьезный? Никогда не можешь расслабиться?»

Однако, голос прошептал это снова
(иначе, на этот раз, может, будет иначе)

и Роланд вроде бы уловил запах, отличный от солонцового и бес-травы. Подумал, что это аромат цветов.

Подумал, что это аромат роз.

Он перебрал мешок со снаряжением с одного плеча на другой, коснулся рога, который висел на правом бедре. Древнего рога, в который когда-то трубил Артур Эльдский, так, во всяком случае, говорила история. Роланд отдал его Катберту на Иерихонском холме, а когда Катберт пал, Роланд задержался ровно на столько, чтобы поднять рог и выдуть из него пыль смерти.

«Это твой сигул», — прошептал умолкающий голос, который принес с собой нежно-сладкий аромат роз, запах дома в летний вечер (О, потерянного!); камень, роза, ненайденная дверь; камень, роза, дверь.

«Это твоя надежда, что на этот раз все может пойти иначе, Роланд... что тебя может ждать покой. Возможно, даже спасение».

Пауза, а потом:

«Если ты устоишь. Если не уронишь чести».

Он покачал головой, чтобы прочистить мозги, подумал о том, чтобы еще глотнуть воды, отказался от этой мысли. Вечером. Когда он разожжет костер на кострище Уолтера. Тогда и попьет. А пока...

А пока следовало продолжить путь. Где-то впереди высилась Темная Башня. Но ближе, гораздо ближе был человек (Человек ли? Кто это знал?), который, возможно, мог рассказать ему, как добраться туда. Роланд не сомневался, что поймает его, а когда поймает, человек этот заговорит, да, да, да, говорю это на горе, чтобы ты услышал в долине: Уолтер будет пойман, и Уолтер заговорит.

Роланд вновь прикоснулся к рогу, и прикосновение это странным образом успокаивало, словно он никогда раньше не касался его.

«Пора идти».

Человек в черном уходил в пустыню, и стрелок последовал за ним.

19 июня 1970 г. — 7 апреля 2004 г.

Я говорю Богу, спасибо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Роберт Браунинг
Чайлд Роланд к Темной башне пришел

I.
Калека древний и седой — он лгал,
И взгляд его наполнен злобой был,
Когда он, объясняя путь, следил,
Как я покорно лжи его внимал —
Беззубый рот, скривившись, выдавал,
Что в мыслях он меня похоронил.

II.
Зачем его оставить здесь могли,
Как если не сбивать с дороги тех,
Дошедших до него? Быть может, смех
Он сдерживал — и трещины земли
Им были эпитафией в пыли,
Когда он посылал на смерть их всех.

III.
Его слова — мне дальше не пройти,
Мне надо повернуть на этот тракт,
Что уведет от Темной Башни в мрак...
Я понял: предо мной — конец пути,
И рядом цель, что я мечтал найти...
Но смысл за годы обратился в прах,

IV.
Как будто мое странствие во мгле,
Мой поиск, длившийся так много лет,
Сознания тихо загасили свет —
Так тает след дыханья на стекле.
Лишь сердце бьется яростно во мне —
И резонанс в ушах звенит в ответ —

V.

Моей души потухшей слабый стон...
Я — словно умирающий больной,
Почти что труп, но все еще живой,
Когда уже ушли друзья, и он
Один, и ум туманом окружен —
И слушает беседу за стеной.

VI.

«А есть ли рядом кладбище?» «А где
Мы проведем обряд?» «А сможем мы —
Как хорошо, что снег сошел с зимы!
— Все приготовить, например, к среде?»
— Так говорят о всякой ерунде —
И в ярости он рвется к ним из тьмы.

VII.

Я долго странствовал. Я видел кровь,
Пророчества, мечты, что не сбылись.
Друзья мои в Отряде, что клялись
Дойти до Башни — вновь, и вновь, и вновь
Я видел их тела, и вся любовь
Друг к другу не могла спасти... И ввысь

VIII.

Глаза бездумно смотрят. Это мой
Удел? И я свернул, не слыша слов,
От в воздухе звенящих голосов,
От зла калеки на дороге той —
В кошмар, его указанный рукой —
К закату из моих ужасных снов.

IX.

Я обернулся шага через два —
В последний раз увидеть путь назад —
Но ни дороги, ни калеки — в ряд
Стоит за мной засохшая трава,
Что шелестит в безветрие едва,
И не на чем остановить свой взгляд.

X.

Итак, опять вперед! Я никогда
Природы безнадежней не встречал —
Всю пустошь молочай заплонял,
Корявый, грязный куколь без стыда,
Крадучись, тихо пробрался сюда
И почву плодородную украл.

XI.

Нужда, гримасы, ужаса печать —
Удел этой страны. «Ну что ж, смотри —
Или закрой глаза!» — слова земли,
Что под ноги ложится умирать.
Здесь некому и нечего терять —
Лишь Страшный Суд проказу исцелит.

XII.

Обугленный чертополох ко мне
Тянул свои останки; рядом с ним,
Без листьев, с стеблем жалобным одним,
Дрожала полевица. По весне,
Пожарища мрачней, в предсмертном сне
Встречала пустошь солнца едкий дым.

XIII.

Как вылезшие волосы редки,
Травинки тонкие пронзают грязь —
Запекшуюся кровь; не шевелясь,
Стоит слепая лошадь. Чьи клыки
На шкуре след прожгли? Кто васильки
Гниющие вплел в гриву, веселясь?

XIV.

Живая ли? Она давно мертва,
Застыла плоть, и прахом стал скелет.
Она не может жить — и все же нет!
Вросла в копыта сорная трава,
Глаза истлели — но она жива!

На ней проклятье — миллиарды лет.

XV.

И взор тогда я к сердцу обратил.
Как перед битвой ищущий вина,
Сознание я освобождал от сна —
Былых времен глоток придаст мне сил,
Один глоток, вот все, что я просил —
Чтоб разошлась видений пелена.

XVI.

О, нет! Из топких памяти глубин
Мне тихо Катберт улыбнулся вдруг.
Мой самый верный, мой надежный друг!
Твой смех всегда со мной. Но ряд картин
Позорных лик затмил... Я вновь один —
И снова замирает сердца стук.

XVII.

И Джайлс пришел ко мне. Он, как свеча,
Горел прозрачным пламенем. Он честь
Всего превыше ставил. Но не счесть
Предателей — и руки палача
Нашли пергамент, а друзья, крича,
Свершили сами горестную месть.

XVIII.

Уж лучше настоящее мое,
Ад, испускающий зеленый гной,
Чем то, что стынет в мраке за спиной...
Ни звука. Может, извернет свое
Нутро старуха-ночь — и все зверье,
Визжа и воя, бросится за мной?

XIX.

Внезапно незаметная река
Подкралась, заарканила мой путь.
Движенья нет. Коричневая муть
И пена покрывают берега.

Наверно, дьявол моет здесь рога,
На миг остановившись отдохнуть.

XX.

Малютка ядовитая! Ольхи
Стволы скривились, серы и мертвы.
Самоубийцы-ивы, без листвы,
Отчаялись замаливать грехи,
Их корни безнадежны и сухи —
Распороты здесь мирозданья швы.

XXI.

О, все святые, как боялся я,
Переходя речушку смерти вброд,
На мертвеца наткнуться в пепле вод,
Иль, опираясь на древко копья,
С ним в омут провалиться! Да, моя
Душа дрожала, исторгая пот!

XXII.

Я рад был переправу завершить —
В надежде, что увижу лучший край.
Увы! На этом месте чей-то рай
Пал под косой войны. Остались жить
Лишь жабы в ядовитых лужах, сныть
И в клетках — тени злых кошачьих стай.

XXIII.

Да, то была арена битвы битв.
Но что свело их здесь на страшный бой?
И нет следов — ни мертвый, ни живой
Не вышел из него. Ни плач молитв,
Ни шелест времени незримых бритв
Не нарушали здешний злой покой.

XXIV.

И кто все механизмы обратил,
Что в пыль затоптаны, на боль и ад?
Кто направлял их, чей безумный взгляд

Тела и души резать дал им сил?
Кто их почистил, смазал, наточил —
И бросил испускать кровавый смрад?

XXV.

Я медленно, но верно шел вперед.
Болота, камни, голая земля
Безмолвная. Забытые, стоят
Иссохшие деревья. Мой приход
Не потревожит их. Лишь небосвод
Мне бросит вслед холодный, блеклый взгляд.

XXVI.

Здесь — краски скрыты пятнами, и мох,
Заплесневелый, ржавый, вековой,
Разбитый, издыхающий, гнилой
Клочками расстилается у ног.
Там — дуб боролся за прощальный вздох,
Но смерти проиграл неравный бой.

XXVII.

И нет конца пути! Тускнеет свет,
Ложится в грязный сумрак тишина.
В сознании восстала ото сна
Тень прошлого. Найду ль я в ней ответ?
Она, быть может, лучший даст совет —
И сдастся мне проклятая страна.

XXVIII.

И, посмотрев вокруг, я осознал,
Что как-то вырос. Горный жуткий кряж
Схватил меня в кольцо. Опять мираж?
Закат померк на склонах серых скал,
Исчезла пустошь. Это ль я искал?
В тупик завел калека, темный страж.

XXIX.

Не до конца я понял, что меня
Бесчестно провели. Кошмарный путь

Закончился. Ты можешь отдохнуть,
Шептали мне с небес осколки дня.
И я, себя и Господа кляня,
Не знал, о чем просить, куда свернуть.

XXX.

Но вдруг, как луч над морем, как маяк,
Сверкнула память. Я сошел с ума!
Я знаю, где я! Эти два холма,
Высокая гора... Дурак! Дурак!
Ведь прямо пред тобой — последний знак!
Слепец! Твои глаза застила тьма!

XXXI.

А в центре — Башня... Темный силуэт,
Слепые окна, грязный камень, прах... —
И мир весь держит на своих плечах,
В ней все, что было, будет — сонмы лет,
День завтрашний, погасший ночью свет.
И тут я понял, что такое страх.

XXXII.

Не видел? Темнота вокруг? Нет, день
Вчерашний снова здесь! Пылает твердь,
Холмы взирают сверху — круговерть
Багряных туч не дарит больше сень —
С их лиц суровых уползает тень.
Они мою хотят запомнить смерть.

XXXIII.

Не слышал? Но заполнил воздух звук!
Зовет в ушах, как колокольный звон.
И тысячи забытых мной имен
Бросаются ко мне. Движенья рук
И глаз, и шепот: «Мы с тобою, друг!»
Нахлынули огнем со всех сторон.

XXXIV.

Они пришли сюда, на склон холмов,

Меня направить на последний шаг.
Я вижу их. Они — моя душа.
Ждет верный рог. Я к вызову готов.
И здесь, на перекрестье всех миров,
Я протрубил...

АВТОРСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Иногда я думаю, что написал о книгах цикла «Темная Башня» больше чем о самой Темной Башне. Эти писания включают в себя растущий раз от разу синопсис (или «Краткое содержание») в начале пяти первых томов и послесловия (по большей части совершенно не нужные и, если смотреть на них по прошествии времени, раздражающие) в конце каждого. Майкл Уилен, великолепный художник, который иллюстрировал как первый том, так и этот, последний, показал себя и первоклассным литературным критиком, когда, после прочтения гранок «ТБ-7» высказался в том смысле, и с такой непривычной для слуха прямоотой, что довольно таки легкомысленное послесловие, которым я снабдил эту книгу, вносит диссонанс и неуместно. Я прочитал послесловие еще раз и понял, что он прав.

Первая половина этого написанного с добрыми намерениями, но действительно не вяжущегося с предыдущим текстом эссе можно найти в виде вступления в любом из четырех первых томов; она называется «О сути девятнадцати». Я уже подумал о том, чтобы оставить седьмой том безо всякого послесловия: пусть открытие Роланда на вершине Башне станет моим последним словом в этой истории. Но потом понял, что целесообразно затронуть еще один момент, более того, необходимо затронуть. Я говорю о моем присутствии в моей же книге.

У этого литературного приема есть умный научный термин «метареализм». Я его ненавижу. Я ненавижу его претенциозность. Я в этой истории только по одной причине: с какого-то времени знал (сознательно — после написания «Бессонницы» в 1995 г., подсознательно — временно потеряв след отца Доналда Каллагэна ближе к концовке «Жребия»), что многие из моих произведений так или иначе соотносятся с миром Роланда и его историей. Поскольку написал их именно я, предположение о том, что я — часть ка Роланда показалось мне логичным. Моя идея состояла в том, чтобы использовать цикл историй о Темной Башне как некое подведение итогов, объединение максимального количества из написанных ранее произведений под крылом одной и той же истории. Опять же, речь тут идет не о претенциозности (и надеюсь, цикл этот таковым не кажется), а только о способе показать, как жизнь влияет на искусство (и наоборот). Думаю, если вы прочитали последние три тома, то поймете, что в этом контексте они подводят основу под мои разговоры об уходе на отдых. В каком-то

смысле, мне теперь нечего сказать. После того, как Роланд достиг своей цели... и я надеюсь, читатель увидит, что, найдя Рог Эльда, стрелок, возможно, найдет путь к разрешению своих проблем. Может, даже к искуплению грехов. Все ведь подчинялось одной цели — дойти до Башни, вы понимаете (моей, точно так же, как и Роланда), и она, наконец, достигнута. Вам, возможно, не понравится то, что нашел Роланд на вершине, но это уже совершенно другой вопрос. И не пишите мне на сей предмет сердитые письма, потому что не стану я на них отвечать. Сказать мне об этом больше нечего. Меня самого такая концовка не сильно радует, если вы хотите знать правду, но это правильная концовка. Собственно, единственная концовка. Вы должны помнить: я все это не выдумываю; всего лишь записываю то, что вижу.

Читатели будут рассуждать о том, насколько «реален» Стивен Кинг, появившийся на этих страницах. Ответ: не так, чтобы очень, хотя тот Стивен Кинг, которого встретили Роланд и Эдди в Бриджтоне («Песнь Сюзанны») очень похож на Стивена Кинга, каким он, помнится, был в то время. Что же касается Стивена Кинга, который появляется в этом завершающем томе... давайте скажем так: моя жена попросила меня не давать фэнам этого цикла очень уж точной информации о том, где мы живем и какие мы на самом деле. Я с этим согласился. Не потому, что хотел (я думаю, один из приводных ремней — прорыв выдуманного мира в мир реальный). Дело в том, что мое писательство — часть не только моей жизни, но и ее, и она не должна нести какие-либо неудобства из-за того, что любит меня и живет со мной. Поэтому я сильно подправил географию западного Мэна, доверяя читателям в том, что они поймут, почему я это сделал. Так что, если у вас возникнет желание заглянуть к нам и поздороваться, пожалуйста, еще раз подумайте, прежде чем выезжать из дома. У меня и моих близких гораздо меньше возможностей на уединение, чем нам бы хотелось, и у меня нет желания еще больше сужать эти рамки, уж не обессудьте. Я знакомлюсь с вами через мои книги. Позвольте им стать и вашим средством знакомства со мной. Этого достаточно. А от лица Роланда и его ка-тета (теперь распавшегося, увы) я благодарю вас за то, что пришли и разделили со мной их приключения. Ни на один проект в моей жизни я не положил столько сил, и я знаю (никто не знает этого лучше меня), что полностью успешным назвать его нельзя. Да и разве может быть таковым хоть одно произведение, созданное воображением? Тем не менее, я не отдам назад ни одной минуты, из того времени, что прожил в где и когда Роланда. Эти дни в Срединном и Крайнем мирах были удивительные. В эти дни мое воображение работало так четко, что я мог унюхать запах

пыли и услышать треск кожи.

Стивен Кинг
21 августа 2003 г.

notes

Примечания

1

Scoldpadda — черепаха (шв.)

Ка-маи — друзья

Птичка Твити — кенарь Твити, герой мультфильмов, придуманные Бобом Клампеттом и появившийся на экране в 1942 г. Вместе с котом Сильвестром составил одну из самых знаменитых пар мультипликационного мира. В 1947 г. мультфильм «Пирог Твити» получил премию «Оскар».

«Лоси» — члены благотворительного покровительствующего ордена лосей.

Gesundheit — Ваше здоровье! (нем.)

Magna Carta — Великая хартия вольностей в Англии, принятая в 1215 г.

Перевод Ксении Егоровой.

8

Речь идет о сборах при въезде на платные дороги.

9

Ноogie — сэндвич (англ., сленг).

10

Poor boy — бедный мальчик (англ.)

Каллем проглотил последнюю букву в слове саг (машина), вот и получилась ка (ка).

Делах — много.

На английском, слова отец и чуть дальше, соответственно, father и farther, звучат одинаково.

Гуле, Роберт (р. 1933) — настоящее имя Стенли Эпплбаум, певец и актер.

Кувез — устройство для выхаживания недоношенных детей.

Чамли — от американского Chumley, дружок, дружище (сленг).

Макалифф, Криста — первая учительница, полетевшая в космос. Погибла при крушении «Чэлленджера».

Фрид, Алан (1926–1965) — певец, автор песен, один из создателей рок-н-ролла.

All hail the Crimson King — Да здравствует Алый король (анг.)

«Токенс» — группа, созданная в 1955 г. (тогда она называлась «Линк-Тоунс» и переименовалась в «Токенс» в 1959 г.). В 1961 г. их песня «Лев сегодня спит» поднялась на 1-е место в чартах США (на 11-ое — в Великобритании). Эта песня стала переработкой песни «Уимови (Wimoweh)» группы «Уиверс (Weavers)», которые, в свою очередь взяли за основу южно-африканскую песню «Мбубе (Mbube)».

Ромеро, Сезар (1907–1994) — известный голливудский актер 1930–1950 гг. Фильм «Потерянный континент» вышел на экраны в 1951 г.

«Лорд Бакстон» — фирма про производству изделий из кожи.

«Тексас инструментс» — одна из крупнейших компаний по производству электрооборудования и электронных приборов.

В данном контексте на английском у Кинга контактер — telecaster, отсюда и мысли Джейка о отце и телевидении.

Если вервольф (werewolf) — человек-волк, то, соответственно, человек-паук — верспайдер (werespider). Только не имеющий отношения к одноименному фильму.

Ле кас рya рюс (Le Casse Roi Russe) — Руины русского царя (фр.).

Один, два, три, соответственно по-французски и по-немецки.

un-deux-rois! minnie mouse est la mouse pour moi! — Один-два-три!
Минни — мышь моей мечты! (фр.).

Вроде бы Мордред родился с полным зубами ртом, но в оригинале toothless pink-gummed mouth.

Корабельный холм (Watership down) — самый известный роман английского писателя Ричарда Адамса (р. 1920), опубликованный на языке оригинала в 1972 г.

Более подробную информацию об этом доме и городке Френч-Лэндинг можно получить в романе С.Кинга и П.Страуба «Черный дом».

Подробнее о взаимоотношениях Боба Гарфилда и седовласого мужчины — в сборнике взаимосвязанных рассказов Стивена Кинга «Сердца в Атлантиде».

Inmediatamente — немедленно, сейчас же (исп.).

Динки — главный герой рассказа С.Кинга «Все предельно» из одноименного сборника, 2005.

Для справки — герои сказочной повести А. Милна «Винни-Пух» жили в Стоакровом лесу.

«Кулэйд» — фруктовый напиток, приготавливаемый из порошка.

Фи-бетта-креппер (Phi Beta Crapper) — производная от фи-бетта-каппера, члена старейшего(основаного в 1776 г.) и самого почетного студенческого общества. Crap — хлам, мусор, говно.

Коттедж Кейп-Код — одноэтажный деревянный дом под двухскатной крышей с массивной каминной трубой посередине и полуподвалом. Их массовое строительство началось на полуострове Кейп-Код в восемнадцатом — начале девятнадцатого вв.

Речь идет об откровении Иоанна Богослова.

Гейбл, Кларк (1901–1960) — знаменитый голливудский киноактер стал известен еще в 1920-е годы. «Оскара» Гейбл получил в 1934 г. Да и самый знаменитый его фильм «Унесенные ветром» вышел на экраны в 1939 г.

Вазэктомия — иссечение семявыносящего протока.

Возможно, Эдди иронизирует, может, что-то и путает, но вышеуказанный фильм назывался «Перестрелка в „ОК Коррал“ и в нем играл только Ли ван Клифф.

hpjkr — «harry potter» by Joanne Kathleen Rowling.

Оукли, Энни (1860-1926) — знаменитая женщина-стрелок по прозвищу Малютка Меткий Глаз (рост 1,5 м). 17 лет выступала с цирковыми номерами. Могла изрешетить подброшенную игральную карту. Прокомпостированные билеты в Америке до сих пор называют «Энни Оукли».

АА — «Анонимные алкоголики», международная общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкогольной зависимости.

Fou — безумный, бешеный (фр.)

Маршмэллоу — суфле, которое ранее изготавливалось из алтея, а теперь из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала, декстрозы, желатина, красителей и других компонентов.

Банди, Теодор Роберт (1946–1989) — маньяк-убийца, на счету которого от 35 до 50 убийств молодых женщин, совершенных на территории доброго десятка штатов. Казнен 24.01.89.

Бун, Дэниел (1734–1820) — один из самых деятельных превопроходцев начального периода передвижения колонистов на Запад.

Casa Gingerbread — Пряничный домик (исп. — англ.).

Американский экспедиционный корпус — часть вооруженных сил США, переброшенных в Европу на заключительном этапе Первой мировой войны для боевых действий против германских войск. 2 апреля 1917 г. США объявили войну Германии, а 26 июня началась высадка войск во Франции.

Эндрю Джонсон (1808–1875) — 17-ый президент США (1865–1868),
Эндрю Джексон (1767–1845) — 7-ой президент США (1829–1837).

Де-Мойн — административный центр штата Айова.

«Сакраменто би» — крупная региональная газета (Сакраменто — административный центр штата Калифорния). Основана в 1857 г.

Vaya con Dios — подтрунивание над Богом (исп.).

«Криденс клиауотер ревайвел (Creedence Clearwater Revival)» — рок-группа, созданная в 1959 г. под названием «Блу велветс (Blue Velvets)». Пика популярности достигла в начале 1970-х годов.

Беовульф — мифоэпический герой, главный персонаж одноименного англосаксонского эпического произведения.

Бликер-стрит — улица в Гринвич-Вилидж, Нью-Йорк, в 1960-х годах расположенные на ней клубы были центром фолк-рока, музыкального стиля, сочетающего элементы народной музыки, баллад и рок-н-ролла.

«Виржинец» — роман американского писателя Оуэна Уистера (1860–1938), опубликованный в 1902 г.

«Орео» — печенье черного цвета с белой прослойкой посередине. Выпускается компанией «Набиско».

То есть Бротигэн мог бы ограничиться минимумом информации: имя, должность, личный номер — те сведения, которые обязан сообщить о себе попавший в плен военнослужащий.

«Тайм тревеллерс уикли» — дословно: «Еженедельная газета путешественника во времени».

Кьюпи — большеглазая, белокурая кукла-голыш.

Dog, god — соответственно, собака, бог (анг.).

Thunderclap — удар грома (анг.).

«Мост над бурной водой» — песня, давшая название альбому американского дуэта Пола Саймона и Арта Гарфункеля.

Здесь Джейк называет Мордреда не he (он), а it (оно), но в русском языке его — родительский падеж как мужского, так и среднего рода, в отличие от английского: his mother — its mother.

Пекос — река, протекающая по восточной части штата Нью-Мексико. В период освоения западных территорий районы в западу от Пекоса считались диким и опасным местом.

«Детская игра» — фильм 1988 г. Режиссер Том Холланд.

ПТС — прогулочный трайк Сюзанны.

Мартин, Дин (1917–1993), настоящее имя Дино Пол Крочетти — популярный певец, особенно в конце 1940-ых — 1950-х годах, и актер.

Браво — условное обозначение буквы «В (би)» английского алфавита.

ОВП — особо важная персона.

Ирвинг, Джон (р. 1942) — известный американский писатель.

Эбернезер Скрудж — главный герой повести Ч.Диккенса «Рождественская песнь в прозе».

Национальная ассоциация содействия прогрессу цветному населению — крупнейшая негритянская организация, основанная в 1909 году с целью добиваться равноправия негритянского населения через суды и влияние на общественное мнение.

Фогхорн Легхорн — персонаж более 30 мультфильмов (первый вышел на экраны в 1946 г.) киностудии «Уорнер бразерс».

Проктор — комендант общежития в Оксфордском и Кембриджском университетах.

Килт — юбка шотландского горца.

«Рожденный бежать» — песня известного американского певца Брюса Спрингстина (р. 1949).

Хьюз, Говард Робард (1905-1976) — промышленник, авиатор, кинопродюсер. В последние годы, помутившись умом, жил полным затворником. Легендарная личность, о которой пишут книги (к примеру, роман Гарольда Роббинса «Искатели приключений») и снимают фильмы («Авиатор» Мартина Скорсезе).

«Интернэшнл харверстер» — компания по производству сельскохозяйственной техники. Основана в 1902 г. Одно время выпускала грузовики и пикапы. На пикапах «Интернэшнл харверстер» ездят герои многих романов С.Кинга.

«КалТек» — Калифорнийский технологический институт, частный университет. Основан в 1891 г. Находится в г. Пасадина. Один из наиболее известных в мире технических и научно-исследовательских институтов.

Fuck — слово, не требующее перевода.

День труда — национальный праздник, отмечаемый в первый понедельник сентября. На следующий день в школах начинается учебный год.

«Стили Дэн» — американская группа, получившая известность в конце 1960-х годов.

В средней полосе России, где живет переводчик, земляника созревает раньше ежевики (или малины, второго значения английского слова raspberry), но в штате Мэн, где живет писатель, возможно, все наоборот.

Колледж Вассара — престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк. Основан в 1861 г., как женский колледж. С 1970 г. в него принимаются и мужчины.

«Пурина» — сухие корма для собак компании «Ролстон-Пурина».

Оззи Осборн (р. 1948) — известный английский музыкант.

НАСКАР — американская гоночная серия. Клетчатый флаг — сигнал к остановке гонки.

Los angeles — ангелы (исп.).

АОЗЖ — Американское общество защиты животных. Общественная организация, основанная в 1866 г. Объединяет более 300 тысяч членов.

«Удивительная благодать» — церковный псалом, который исполнялся многими известными певцами, в том числе и Элвисом Пресли. Так же назывался и альбом всех псалмов, которые исполнял король рок-н-ролла.

КЖК, «Кентуккийские жареные куры» — название сети ресторанов быстрого обслуживания. Фирменные блюда — курица, зажаренная в сухариках, картофель-фри, пресные лепешки, капустный салат.

«Крест» — товарный знак фторированной зубной пасты компании «Проктер энд Гэмбл».

Эспер — экстрасенс, по аббревиатуре ESP (extra sensory possibilities)

Перевод Н. Рейн.

Перевод Д. Тимановича.

Спатифиллум (спатириллюм) — достаточно широко встречающееся садово-декоративное растение.

Pasrorilla — пастух (иск. исп.).

Пожалуй, стоит отметить, что Таос, помимо названия города, еще и название китайского философского учения, известного в России, как дао. Многие его положения можно найти в произведениях цикла «Темная Башня».

В английское слово beamer составляющей входит слово beam (луч), отсюда и интерес Роланда.

Куотербек — разыгрывающий в американском футболе.

Тербер, Джеймс Гровер (1894–1961) — американский эссеист, карикатурист, автор коротких рассказов и басен.

Фронтир — в американской истории западная граница территории, осваиваемая компактно проживающими группами жителей.

Чифлет — так Роланд называл антибиотик кефлекс.

«Полароид» — модель фотоаппарата и специальный пакет фотоматериалов. При съемке отсутствует стадия негатива и происходит автоматическое проявление с получением карточки через несколько минут после съемки. В России век «Полароида» оказался крайне недолгим. Начавшись в конце 1980-х годов, он закончился в конце 90-х. «Полароид» не выдержал конкуренции с фотосалонами, обеспечившими быстрое проявление и распечатку пленок, в силу присущих этому методу фотографирования недостатков: карточка маленькая, в одном экземпляре и недостаточная четкость при съемке объекта, находящегося на большом расстоянии. Поэтому Сюзанна и Роланд могли разглядеть и окна, и балконы с дверьми на стенах далекой Башни только в воображении автора.

Фильм «Психоз» сэра Альфреда Хичкока вышел на экраны в 1960 г.

Астер, Фред (1899–1987) — настоящее имя Фред Аустерлиц, знаменитый танцовщик и актер.

111

Соответственно 29,5 и 21 градус по Цельсию.

Хонки — прозвище белых, не обязательно пренебрежительное.

Печенье с сюрпризом — сухое печенье из двух половинок, внутри которого спрятано послание: полоска бумаги с забавным изречением, поговоркой или предсказанием судьбы. Непременный атрибут китайских ресторанов в США: подается в самом конце трапезы.

«Ривайры» — американская рок-группа конца 1950-х годов.

Поросенок Порки — персонаж мультфильмов сериала «Песенка с приветом», 1930-60-х годов студии «Уорнерс бразерс». Заика Порки, озвученный Мелом Бланком, всегда заканчивал фильм вышеприведенными словами.

«Запретная планета» — научно-фантастический фильм (1956) по мотивам пьесы В.Шекспира «Буря».

Группа «Коустерс» (The Coasters) существовала и в нашей реальности (впервые выступила в 1955 г.), остальные — в том мире, куда попала Сюзанна.

Покидая Америку в 1964 г. Сюзанна могла знать Рональда Рейгана лишь как голливудского актера. Губернатором Калифорнии он стал только в 1967 г.

Харт, Гэри — в нашей реальности сенатор-демократ от штата Колорадо (р. 1937 г.), в 1986-87 гг. предпринимал попытки стать кандидатом на пост президента от Демократической партии на выборах 1988 г., но пресса раскопала лишнее в его грязном белье, так что Харту пришлось выйти из президентской гонки.

Уэйн, Джон (1907–1979) — известный американский киноактер, в 1950-60-е годы считался эталоном американского патриотизма.

Хэппи-энд — калька с английского happy end, т. е. счастливая концовка.

Сотрайгез, атогаз — друзей, любимых (исп.)